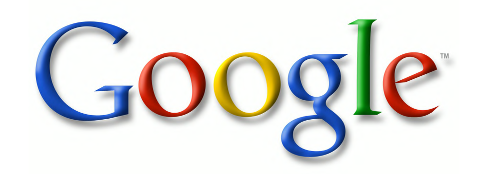
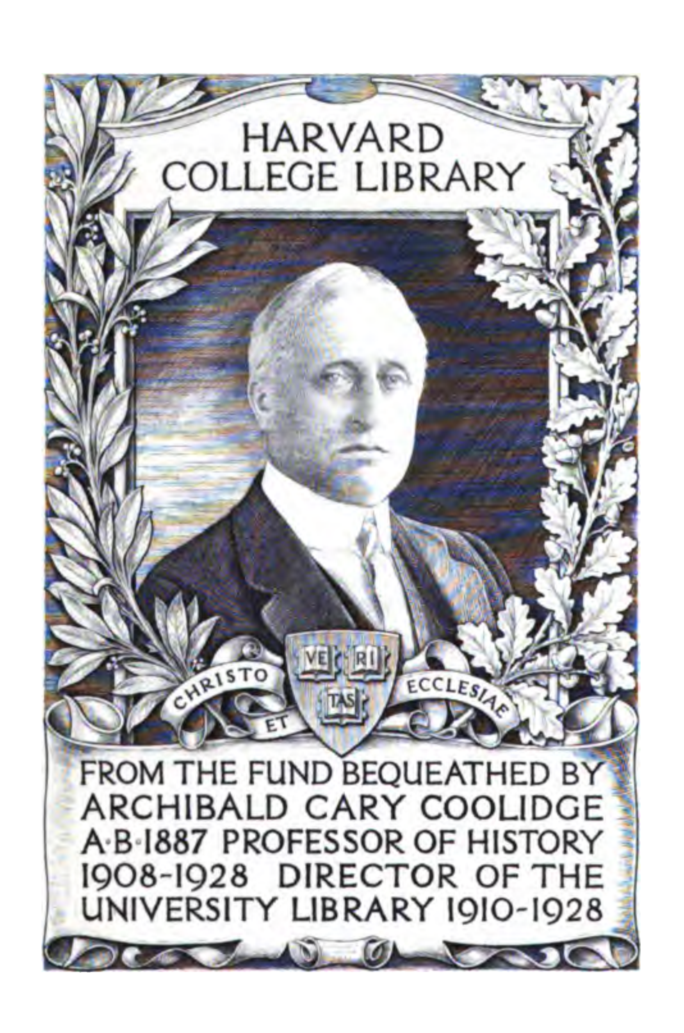

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАТЕЛЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ,
ПОДЪ №№ 21 и 22.
1861.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
У ИЗДАТЕЛЯ Н. Н. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ,
подъ №№ 21 и 22.
1861.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА

И

ӨЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАТЕЛЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ,
ПОДЪ №№ 21 и 22.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитет узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 18 февраля 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

ГЛАВА I.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНА ІОАННА IV.

тулъ Іоанна. Обычаи двора. Знатнѣйшіе чины. Знатнѣйшіе роды. Мѣстни-ство. Содержаніе служилыхъ людей. Высылка ихъ на службу. Стрѣльцы и пушкари. Даточные и посошные люди. Продовольствіе войска во время вой-. Сторожевая служба. Шляхта въ Западной Россіи. Козаки. Финансы въ сковскомъ государствѣ; въ Западной Россіи. Городское и сельское наро-населеніе. Холопи. Наймиты. Инородцы. Промышленность. Торговля. Го-, села, промышленность и торговля въ Западной Россіи. Церковь: ея спространеніе; остатки язычества; отношенія церкви къ свѣтской власти; боръ 1551 года; посланіе Іоанна въ Кирилловъ монастырь; церковныя иму-щества; сборы съ духовенства; монастырское хозяйство; образованіе рас-льничьихъ мнѣній; Висковатый и Башкинъ; сношенія съ Восточною церко-ю. Состояніе церкви въ Западной Россіи; братчины или братства. Судеб-къ Іоанна IV. Законодательство въ Западной Россіи. Народное право въ сквѣ. Плѣнные. Нравы и обычаи въ Московскомъ государствѣ. Нравы и бычаи въ Западной Россіи; похожденія князя Курбскаго здѣсь. Литература: аннъ Грозный какъ писатель; Курбскій какъ писатель; его литературная ятельность въ Литвѣ. Ученики Максима Грека: Сильванъ, Зиновій Отенскій. мострой. Макарьевскія Минеи. Степенная книга. Лѣтописи. Общій взглядъ на состояніе просвѣщенія. Книгопечатаніе.

Если, по словамъ Герберштейна, еще великій князь Васи-й Іоанновичъ кончилъ то, что начато было отцомъ его, и астію своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ цѣломъ свѣтѣ: то сынъ Василіевъ, вслѣдствіе изложенныхъ ше обстоятельствъ, созналъ вполнѣ свое значеніе, созналъ ое отличіе отъ тѣхъ государей, которые выбраны многомя-

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитет узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 18 февраля 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

анна; во время третьей свадьбы отцовой он былъ самъ женихомъ, въ послѣднюю свадьбу уже не былъ мужемъ первой жены, а мы видѣли, что при обрученіи великой княжны Елены старшій посолъ Литовскій не могъ занимать мѣсто жениха, потому что былъ женатъ на другой женѣ [2]. Въ 1573 году была въ Новгородѣ свадьба нареченнаго Лифляндскаго короля Магнуса, который женился на племянницѣ царской, дочери князя Владиміра Андреевича, Маріи; женихъ былъ протестантъ, и потому при описаніи этой свадьбы читаемъ: «Вѣнчаться королю на Пробойной улицѣ, на Славновѣ, у Дмитрія Святаго, а съ королемъ ѣхать *Римскому* попу; а княжну обручать и вѣнчать Дмитровскому попу; пріѣхавъ къ вѣнчанью, княжнѣ идти въ церковь, а королю стать на паперти, и вѣнчать короля по его закону, а княжну по христіанскому закону».

Совершеннолѣтіе сына и наслѣдника Іоанна, въ случаѣ своей смерти, царь назначилъ въ двадцать лѣтъ [3]. Воспріемниками при крещеніи младенцевъ царскаго дома по прежнему были духовныя лица: такъ воспріемникомъ царевича Іоанна былъ митрополитъ Макарій; крещеніе происходило въ Чудовѣ монастырѣ, у мощей Св. Алексія; крещеніе царевны Анны происходило въ Новодѣвичьемъ монастырѣ: «и какъ родилась царевна, Іоаннъ пріѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь и обложилъ храмъ Св. Іоакима и Анны, тутъ слушалъ всенощную и заутреню, утромъ церковь освѣщалъ и дочь свою крестилъ; воспріемниками были два старца: Адріанъ изъ Андросовой пустыни и Геннадій изъ Сарайской»; о крестныхъ матеряхъ не говорится. Когда у князя Владиміра Андреевича родилась дочь, то на его радости на другой день были у него царь, царевичъ Иванъ, царь Александръ Казанскій и многіе бояре и кушали овощи. По случаю рожденія царевича Іоанна прощены были судныя пошлины; царь писалъ дьякамъ: «Какъ сынъ нашъ царевичъ Иванъ народился, и которыя дѣла засужены и кончены до его нарожденья, а пошлины еще не взяты, съ тѣхъ дѣлъ пошлинъ не брать». Въ описаніи пріема Поль-

скихъ пословъ во время малолѣтства Іоанна IV читаемъ: стояли у великаго князя, для береженія, на правой сторонѣ бояринъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, а на лѣвой бояринъ и конюшій князь Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Овчина, да у князя Василья стояли Иванъ Ивановичъ Андреевича Челяднинъ, ходилъ у великаго князя *въ дяди мѣсто* [4]. — Для сироты, лишившагося отца, мѣсто послѣдняго естественно занималъ дядя, наблюдавшій за его воспитаніемъ и поведеніемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мать, какъ женщина, не могла присутствовать. Отсюда и теперь употребительное у насъ слово *дядька* въ смыслѣ человѣка, приставленнаго смотрѣть за ребенкомъ. Поѣздки царскія имѣли троякую цѣль: осмотръ мѣстъ (объѣздъ): такъ въ 1566 году ѣздилъ Іоаннъ *въ объѣздъ* въ Козельскъ, Бѣлевъ, Болховъ и другія украинскія мѣста; боярамъ же, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ приказалъ съ собою ѣхать со всѣмъ служебнымъ нарядомъ [5]. Вторая цѣль поѣздокъ было *богомолье;* третья *забава* или, какъ тогда выражались, *прохлада*. Послѣ стола царскаго бывали *пиры;* въ чемъ они состояли, видно изъ того, что они бывали послѣ стола [6]. Трауръ по особамъ царскаго дома, кромѣ печальной одежды, состоялъ еще въ отращиваніи волосъ, что̀ называлось *быть въ волосахъ*.

Въ описи домашнему имуществу царя Іаонна находимъ перечисленіе образо̀въ разныхъ *нарядо̀въ:* число этихъ нарядовъ простирается до 55, потомъ перечисляются государевы комнатные образа; кресты и иконы, которыя государь носитъ на себѣ. Изъ платья перечисляются: кушаки, ферези, терлики, армяки, кафтаны, кафтанцы, шапки, чуги, опояски, наурузы, опашни, однорядки, тегиляи, епанчи, тафьи, шубы, колпаки, зипуны; упоминаются чулки сафьянные, шитые золотомъ, серебромъ, шелками, башмаки, чеботы; цѣпи; ожерелья; перечисляются сосуды золотые и серебряные разныхъ названій: кувшины, бочки, ендовы, достаканы, мушермы, рукомойники, братины, чарки, ковши, мисы, ложки, кубки, корцы, корчики, лахани, рога буйволовые, стопы; ножи бу-

латные, клепики муромскіе; упоминаются часы мѣдные золоченые книжкою — и только! [7]

Мы видѣли, какъ Іоаннъ, при учрежденіи опричнины, опредѣлилъ свои отношенія къ думѣ боярской; видѣли, какимъ образомъ созванъ былъ соборъ по поводу войны Литовской. Названіе князей по прежнему встрѣчаемъ еще выше названія бояръ [8]. Въ духовной Іоанна говорится еще о князьяхъ служилыхъ въ Московской и Тверской землѣ. Но на соборъ 1566 года явились: бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ, чиновникъ присутствующій у бояръ въ судѣ, думные дьяки, дворяне первой статьи, дворяне и дѣти боярскіе другой статьи. Здѣсь какъ не видимъ князей въ отдѣльности и выше бояръ, окольничихъ и дворянъ, такъ не видимъ и дѣтей боярскихъ въ отдѣльности и выше дворянъ: ясный знакъ, что вслѣдствіе возвышенія значенія великаго князя, теперь царя, возвышается значеніе службы къ нему близкой, службы при дворѣ его, и передъ этимъ значеніемъ никнетъ значеніе происхожденія, значеніе князя и сына боярскаго; послѣднее названіе мѣняется своимъ мѣстомъ съ названіемъ дворянина и означаетъ уже низшій разрядъ служилыхъ людей [9]. Но любопытно, что если сверху старались возвысить значеніе дворовой службы надъ значеніемъ происхожденія, то внизу удерживались еще прежнія понятія, вслѣдствіе чего видимъ въ актахъ сопоставленіе старыхъ и новыхъ понятій, что, при тогдашней неопредѣленности, легко допускалось. Такъ въ началѣ приведеннаго соборнаго акта 1566 года встрѣчаемъ только названія бояръ, окольничихъ, казначеевъ, печатника, чиновника при боярскомъ судѣ, думныхъ дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи; но въ концѣ акта, предъ прикладываніемъ рукъ, читаемъ: «Мы, государя своего царя и великаго князя бояре, и окольничіе, и приказные люди, и дьяки, на сей грамотѣ государю своему крестъ цѣловали и руки свои приложили. А мы, *княжата и дѣти боярскіе, и дворяне* на сей грамотѣ, на своихъ рѣчахъ, государю своему крестъ цѣловали». Если, по означеннымъ причинамъ, вызвысилось значеніе дворянина, то еще болѣе,

по тѣмъ же причинамъ, возвысилось значеніе *слуги*, ибо это названіе съ описываемаго времени является самымъ почетнымъ: въ 1554 году его носилъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій [10].

Значеніе окольничаго все болѣе и болѣе уясняется. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія говорится: «За великимъ княземъ идутъ его братья и дѣти, за ними боляре и прочіе вельможи и княжата, и дѣти боярскіе и всѣ благородные юноши; и никто же тогда дерзаетъ преходить царскаго пути, но всѣ со страхомъ предстоятъ каждый на своемъ мѣстѣ: потому что по обѣимъ странамъ великаго князя идутъ тогда окольничіе и прочіе чиновники, со всякимъ вниманіемъ и украшеніемъ, каждый по своему чину... Поютъ молебенъ. Тогда же великаго князя окольничіе и прочіе чиновники ходятъ по всей церкви и устанавливаютъ народъ, чтобъ стоялъ со всякимъ молчаніемъ и кротостію и цѣломудрымъ вниманіемъ» [11]. Мы видѣли [12], что еще въ правленіе Елены, кромѣ бояръ, окольничихъ и дворецкихъ, жили (присутствовали) въ думѣ и нѣкоторые дѣти боярскіе. Въ самостоятельное правленіе Іоанна видимъ дворянъ, которые называются *большими* и, вмѣстѣ съ боярами, присутствуютъ при важныхъ дѣлахъ, когда другіе дворяне быть не могутъ; такъ, при описаніи пріема Литовскаго посланника Быковскаго, читаемъ: «Царь велѣлъ дворянамъ изъ шатра повыступить, а оставилъ у себя бояръ и дьяковъ *избныхъ* и дворянъ большихъ, которымъ быть пригоже, и велѣлъ Литовскому посланнику рѣчь говорить» [13]. Потомъ встрѣчаются дворяне, которые «живутъ у государя съ боярами» [14]; далѣе встрѣчаемъ названія: «бояре ближней думы», и «дворяне ближней думы» [15]; наконецъ является и названіе *думныхъ дворянъ*; при описаніи пріема Литовскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ отъ Баторія для подтвержденія Запольскаго перемирія, читаемъ: «Отъ государя сидѣли бояре въ большой лавкѣ, и окольничіе, и дворяне думные, и казначеи, и дворяне сверстные; а на окольничемъ мѣстѣ сидѣлъ окольничій Степанъ Васильевичъ Годуновъ, и дворяне большіе и князья Черкасскіе и Тюменскіе» [16]. Мы видѣли так-

и дворянъ первой и второй статьи при описаніи собора 1566 года. Встрѣчаемъ названія: бояринъ и дворецкій, бояринъ и оружейничій, кравчій, путный ключникъ, печатникъ, дьякъ дворцовый, дьякъ избный, дьякъ введенный. Какъ возвысилось значеніе дьяка, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ нихъ, извѣстный Ржевскій, называется намѣстникомъ Черниговскимъ [17]. Встрѣчаемъ названіе *именитыхъ людей*: такъ при описаніи Новгородскаго разгрома лѣтописецъ говоритъ: «Иныя дѣти боярскіе въ городѣ гостей и приказныхъ людей государевыхъ, *именитыхъ* и торговыхъ людей перехватали». Встрѣчаемъ названіе *имянной* человѣкъ вмѣсто знатный [18].

Что касается до порядка мѣстъ, занимаемыхъ боярами въ Думѣ, то о немъ прежде всего можно получить свѣдѣнія изъ сношеній Литовскихъ пановъ радныхъ съ боярами; но этими свѣдѣніями нужно пользоваться однако съ большою осторожностію, ибо паны, при отправленіи своихъ пословъ и грамотъ, сообразовались иногда не съ порядкомъ мѣстъ, но съ особеннымъ значеніемъ, особенною приближенностію бояръ къ государю. Въ 1552 году Литовскіе паны присылали посла къ князю Ивану Михайловичу Шуйскому и боярину и дворецкому Данилѣ Романовичу Юрьеву; въ 1555 къ князю Ивану Михайловичу Шуйскому. Въ перепискѣ о мирѣ гетмана Ходкѣвича съ Московскимъ воеводою въ Ливоніи, Иваномъ Петровичемъ Ѳедоровичемъ (Челядninымъ), наивысшею радою Московскою называются: бояринъ и воевода наивысшій, намѣстникъ Владимірскій, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій; бояринъ и намѣстникъ Великаго Новгорода, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій; бояринъ и намѣстникъ Казанскій, князь Василій Михайловичъ Глинскій; бояринъ и намѣстникъ Тверской, Данило Романовичъ Юрьевича Захарьина [19]. Между боярами, участвовавшими въ соборномъ совѣщаніи 1566 года, не встрѣчаемъ уже именъ князя Василія Глинскаго и Данилы Романовича: здѣсь за Бѣльскимъ и Мстиславскимъ слѣдуетъ Иванъ Петровичъ Яковля (Челяднинъ), потомъ князь Иванъ Ивановичъ Пронскій, Иванъ Большой и Иванъ Меньшой Васильевичи

Шереметевы, князь Василій Семеновичъ Серебрянаго, Никита Романовичъ Юрьевъ, князь Михайла Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Михайловичъ Воронцовъ, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, Василій Михайловичъ Юрьевъ, Иванъ Яковлевичъ Чоботовъ, Василій Дмитріевичъ Даниловъ, Василій Юрьевичъ Малый, Семенъ Васильевичъ Яковля. Здѣсь видимъ представителей старинныхъ Московскихъ боярскихъ родовъ: двоихъ членовъ рода Акинѳова — Ивана Петровича Челяднина и Ивана Яковлевича Чоботова; четырехъ членовъ рода Кошкиныхъ — Никиту Романовича и Василья Михайловича Юрьевыхъ, Ивана Большаго и Ивана Меньшаго Шереметевыхъ (происходившихъ отъ Ѳедора Кошки чрезъ Константина Александровича Беззубцева); одного Воронцова, одного Морозова; Даниловы вели свой родъ отъ князей Смоленскихъ, служившихъ у Нѣмцевъ и потомъ выѣхавшихъ къ Ивану Калитѣ; что́ же касается до боярина Малаго, то это потомокъ извѣстныхъ Траханіотовыхъ, выѣзжихъ Грековъ. Шуйскихъ не встрѣчаемъ въ это время между боярами: князь Иванъ Михайловичъ умеръ, князь Петръ Ивановичъ погибъ въ битвѣ съ Литовцами въ 1564 году; а другіе члены этой фамиліи были еще молоды, и потому встрѣчаемъ ихъ между дворянами первой статьи, именно князей Ивана Андреевича, знаменитаго впослѣдствіи Ивана Петровича и Василія Ѳедоровича. Между этими дворянами первой статьи 61 членъ некняжескихъ фамилій и 33 княжескихъ; изъ дворянъ второй статьи 89 членовъ некняжескихъ фамилій и только 11 княжескихъ. Предка знаменитыхъ впослѣдствіи князей Стародубскихъ-Пожарскихъ, князя Ивана Васильевича, встрѣчаемъ въ описываемое время, именно въ 1547 году, намѣстникомъ Переяславскимъ.

Изъ знатныхъ фамилій особеннымъ расположеніемъ царя пользовались три: князья Мстиславскіе, князья Глинскіе и Романовы-Захарьины-Юрьевы — всѣ три находившіяся въ родствѣ съ царскимъ домомъ; въ духовной Іоанна на счетъ ихъ читаемъ: «Чѣмъ отецъ нашъ князь великій Василій пожаловалъ князя Ѳедора Мстиславскаго, и что я придалъ сыну его,

князю Ивану, и сынъ мой Иванъ въ ту его вотчину и у его дѣтей не вступается. А что я пожаловалъ князя Михаила князя Васильева сына Львовича Глинскаго вотчиною, и сынъ мой Иванъ у него и у его дѣтей не вступается ничѣмъ. А что я пожаловалъ Романову жену Юрьевича и ея сына Никиту волостями и селами, и сынъ мой Иванъ въ ту вотчину у нихъ и у дѣтей ихъ не вступается». Князья Мстиславскіе и Глинскіе были пріѣзжіе изъ Литвы недавно, и въ средствахъ содержанія зависѣли отъ милостей государя; инаго рода распоряженія видимъ относительно Русскихъ князей Рюриковичей, которые, и поступивши въ служилые князья, сохраняли еще богатыя отчины. У князя Воротынскаго взята была его старая вотчина, городъ Одоевъ съ двумя другими городами, и въ замѣнъ дана вотчина на сѣверѣ, городъ Стародубъ Ряполовскій, Муромская волость Мошокъ, Нижегородское село Княгинино и на Волгѣ Фокино селище. Въ духовной же Іоанна находимъ указанія на отнятіе отчинъ у потомковъ Стародубскихъ князей — князей Гундоровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривоезерскихъ, Нагаевыхъ, Стародубскихъ (собственно), Палецкихъ; далѣе въ духовной читаемъ: «Которыя вотчины я взялъ у князей Ярославскихъ, тѣ вотчины сыну моему Ѳедору». Для скорѣйшаго перехода княжескихъ вотчинъ въ казну, въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику сдѣланы слѣдующія распоряженія: «Которыя вотчины за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими, Тверскими, Оболенскими, Бѣлозерскими, Воротынскими, Мосальскими, Трубецкими, Одоевскими, и за другими служилыми князьями вотчины старинныя: тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавать, не мѣнять, за дочерьми и сестрами въ приданое не давать; а котораго князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины брать на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной сестрѣ, и душу свою напишетъ съ той вотчины строить (поминать): тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое не давать, давать приданое и душу поминать изъ животовъ (дви-

жимаго именія); а у котораго князя не будетъ столько животовъ, чтобъ можно было за дочерью или сестрою въ приданое дать и душу поминать, то государь, разсудя по вотчинѣ, велитъ дать изъ своей казны, а вотчины велитъ государь взять на себя. А который князь вотчину свою напишетъ брату родному, или двоюродному, или племяннику, роднаго брата сыну, или какому-нибудь ближнему *роду* (родственнику), кромѣ тѣхъ степеней, въ которыхъ можно между собою жениться: и государь, того посмотря, по вотчинѣ, и по духовной, и по службѣ, кому какую вотчину напишетъ, велитъ указъ учнить. А котораго князя не стало бездѣтна, и останется у него жена, и откажетъ ей мужъ въ духовной что-нибудь изъ вотчины, то жить ей на этой вотчинѣ до смерти; а какъ ея не станетъ, то вотчина на царя, а душу ея велитъ государь изъ своей казны устроить. А который князь напишетъ женѣ въ духовной свою отчину, а отчина будетъ велика, то государь о той вотчинѣ указъ учинитъ. Вслѣдствіе этого распоряженія, встрѣчаемъ грамоты съ любопытными выраженіями, наприм.: «Я, царь и великій князь, пожаловалъ князя Бориса Дмитріевича Палецкаго отца его и братьевъ вотчиною, по брата его, князя Андрея, духовной грамотѣ. Жить князю Борису въ тѣхъ селахъ и владѣть ему ими до смерти, а умретъ или пострижется, то по немъ дать, за тѣ села, въ монастыри по нашему уложенью, денги, а тѣ села взять на меня, царя и великаго князя». До насъ дошла любопытная докладная грамота государю о покупкѣ бояриномъ Шереметевымъ вотчины: въ грамотѣ покупатель говоритъ, что онъ покупаетъ «по жалованной царской грамотѣ» [20].

Мы видѣли, какъ измѣненіе отношеній членовъ дружины къ великому князю Московскому отразилось на именахъ служилыхъ людей въ отпискахъ ихъ къ государю: при Іоаннѣ III-мъ знатные люди подписываются обыкновенными именами: Иванъ, Василій; менѣе знатные употребляютъ уменьшительныя—Иванецъ, Васюкъ; при Василіи встрѣчаемъ форму уменьшительную, уничижительную для людей незначительныхъ, наприм. Илейка; при

ванiѣ IV и люди знатные начинаютъ употреблять эту послѣд-ною форму; наприм. князь Александръ Стригинъ подписы-вается: «холопъ твой Олешка Стригинъ»; потомъ встрѣчаемъ: едко Умный-Колычевъ» и т. п., а самые знатные, какъ наприм. бояринъ Челяднинъ, употребляютъ форму на ецъ или юкъ [21].

Но преклоняясь все болѣе и болѣе предъ значенiемъ еди-ного властителя и самодержца, члены дружины, теперь при-нявшiе названiе людей служилыхъ, ревниво берегли родовую есть при служебныхъ столкновенiяхъ другъ съ другомъ: число мѣстническихъ случаевъ увеличивается все болѣе и болѣе. Это умноженiе мѣстническихъ случаевъ мы не можемъ приписать только тому, что отъ описываемаго времени дошло до насъ большее количество болѣе полныхъ извѣстiй о нихъ; мы имѣемъ полное право принять, что были причины, дѣйствительно уве-личивавшiя мѣстническiе случаи въ описываемое время. Во время усиленiя Московскаго княжества на счетъ другихъ кня-жествъ сѣверо-восточной Россiи дружина князей Московскихъ наполнялась пришлецами, которые получали мѣста по назна-ченiю великаго князя, ихъ принимавшаго; если это мѣсто не казалось имъ достаточно почетнымъ, то они отъѣзжали въ дру-гiя княжества; если оставались, то начинали новую службу, независимую отъ прежнихъ преданiй; притомъ число ихъ было не велико; число походовъ, въ которыхъ бы сталкивались мно-гiе изъ нихъ, было также не велико; служебныя отношенiя предковъ были такъ недавни, такъ на памяти всѣхъ, что труд-но было имъ при самомъ назначенiи подавать поводъ къ столк-новенiямъ, а если и случались они, то рѣшались легко. На-чали прiѣзжать князья, заняли первыя мѣста, но какiя могли быть мѣстническiя столкновенiя между ними? ихъ служба была слишкомъ нова. Но чѣмъ старѣе становилась служба княжескихъ и служилыхъ родовъ, чѣмъ большее число поколѣнiй прошло въ этой службѣ, чѣмъ многочисленнѣе становился дворъ госуда-рей Московскихъ и чѣмъ обширнѣе дѣлались военныя пред-прiятiя и блистательнѣе придворныя торжества — тѣмъ чаще должны были встрѣчаться мѣстническiе случаи, тѣмъ запутан-

нѣе должны были они становиться. Понятно, что по мѣрѣ ув личенія мѣстническихъ случаевъ, столь вреднаго для служб правительство должно было предпринимать мѣры для ихъ огр ниченія, должно было стараться уменьшать въ службѣ чис столкновеній, объявляя, что такія-то мѣста не находятся въ какомъ отношеніи другъ къ другу, ни въ равномъ, ни подчиненномъ; съ другой стороны должно было стараться опр дѣлить и нѣкоторыя родовыя отношенія: вотъ почему съ бол шою осторожностію надобно объяснять древнія княжескія род выя отношенія позднѣйшими опредѣленіями старшинства род выхъ ступеней, встрѣчаемыми въ мѣстническихъ случаяхъ составившимся явно уже по волѣ правительства, по его ул женію.

Въ 1550 году царь Іоаннъ приговорилъ съ митрополитомъ съ роднымъ братомъ, княземъ Юріемъ Васильевичемъ, двою роднымъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ боярами и въ на рядъ служебный велѣлъ написать, гдѣ быть на его служб боярамъ и воеводамъ по полкамъ. Въ большомъ полку бы большому воеводѣ; этотъ первый воевода большаго полка счи тается выше первыхъ воеводъ передоваго полка, правой и лѣ вой руки и сторожеваго полка; а кто будетъ второй воевод въ большомъ полку, до него правой руки большому воевод дѣла и счету нѣтъ, быть имъ безъ мѣстъ. Первые воевод передоваго и сторожеваго полка не меньше воеводъ право руки; лѣвой руки воеводы не меньше воеводъ передоваго полка лѣвой руки воеводы меньше перваго воеводы правой руки, второй воевода лѣвой руки меньше втораго же воеводы право руки. Князьямъ и дворянамъ большимъ и дѣтямъ боярским на царской службѣ съ боярами и воеводами, или съ легким воеводами, для царскаго дѣла быть безъ мѣстъ; и въ наряд служебный царь велѣлъ записать, что если боярскимъ дѣтям и дворянамъ большимъ случится на царской службѣ быть с воеводами не по ихъ отечеству, то отечеству ихъ тутъ поруха никакой нѣтъ. А которое дворяне большіе нынѣ будутъ с меньшими воеводами гдѣ-нибудь на царской службѣ не п

своему отечеству, а впередъ изъ нихъ кому-нибудь случится самимъ быть въ воеводахъ съ тѣми жъ воеводами вмѣстѣ, или случится гдѣ быть на посылкѣ: то съ тѣми воеводами, съ которыми они бывали, тогда счетъ имъ дать и быть имъ тогда въ воеводахъ по своему отечеству; а прежде того хотя и бывали съ которыми воеводами меньшими на службѣ: и тѣмъ дворянамъ съ тѣми воеводами въ счетѣ въ своемъ отечествѣ порухи нѣтъ, по государеву приговору» [21]. Такимъ образомъ, вопервыхъ, ограничено число случаевъ, въ которыхъ воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться; вовторыхъ, уничтожено право молодыхъ служилыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатнаго происхожденія; права мѣстничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами, и тутъ прежняя ихъ подчиненная служба не имѣла никакого вліянія.

Опричнина не исключала мѣстничества, хотя иногда нарушала извѣстныя отношенія, ибо послѣ встрѣчаемъ выраженія: «то дѣлалось въ опричнинѣ; хотя такой разрядъ и былъ, но то была государева воля въ опричнинѣ». Воеводы мѣстничались не только при назначеніи въ полки, но и въ города, ибо одинъ городъ былъ честнѣе другихъ; такъ въ разрядѣ 1570 года читаемъ: «А которымъ воеводамъ въ которомъ городѣ быть не вмѣстно, и тѣмъ воеводамъ быть, для государева дѣла, безъ мѣстъ», то-есть настоящій случай не будетъ имѣть вліянія на послѣдующія столкновенія. Изъ мѣстническихъ случаевъ Іоаннова времени уже открывается ясно, какъ родовыя отношенія, счеты по родовой лѣствицѣ опредѣляли равенство или неравенство лицъ по службѣ; такъ въ грамотѣ князю Ѳеодору Троекурову 1573 года читаемъ: «дядя твой князь Иванъ равенъ князю Константину Курлятеву, а ты по тому равенъ третьему сыну князя Константина Курлятева». Но мы уже замѣтили, что, для избѣжанія различныхъ взглядовъ, различныхъ толкованій при родовыхъ счетахъ, взглядовъ и толкованій, вынесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, разныхъ княжествъ древней Руси, Московское правительство должно было приводить ихъ

къ единству своимъ приговоромъ, своимъ уложеніемъ; такъ в грамотѣ по дѣлу Шереметева съ князьями Курлятевымъ и Жи ванскимъ царь пишетъ: «По нашему счету, князь Алек сандръ Кашинъ князю Константину Курлятеву седьмой дяд *а по нашему уложенью*, перваго брата сынъ четвертому дя въ версту». Доказывать, основываясь на родовомъ единств что старшій или равный въ родѣ одного соперника былъ извѣстномъ служебномъ случаѣ ниже равныхъ или младши въ родѣ другаго соперника, называлось утягиваніемъ. Лег понять, какъ страшно было это утягиваніе, легко понять, ка смотрѣли въ родѣ на человѣка, которымъ можно было утяги вать, какъ, слѣдовательно, важно было для каждаго служила человѣка не признать своего меньшинства предъ членомъ дру гаго рода, ибо это признаніе, принятіе низшаго мѣста повл четъ за собою пониженіе всѣхъ равныхъ и младшихъ въ е собственномъ родѣ передъ членами извѣстнаго другаго род Если было сыскиваемо, что двое служилыхъ людей, назначе ные на одну службу, одинъ въ большихъ, а другой въ мен шихъ были ровны другъ другу по родовымъ отношеніямъ, лѣствицѣ и по службѣ, по разряду, то ихъ *разводили или от ставляли*, и эта отставка или разводъ служили и на будущ время доказательствомъ ихъ ровенства, невозможности бы вмѣстѣ. Примѣръ вредныхъ слѣдствій мѣстничества и мѣр какія правительство должно было принимать при непослушан воеводъ, представляютъ извѣстія Разрядныхъ книгъ подъ 157 годомъ во время Ливонскаго похода: воеводы писали, что им быть невмѣстно; изъ Москвы имъ данъ былъ отвѣтъ, что были по росписи; но воеводы опять *замшились* и къ Кеси пошли; тогда царь, кручинясь, прислалъ къ нимъ изъ Моск посольскаго дьяка Андрея Щелкалова, а изъ слободы (Але сандровской) дворянина Данила Салтыкова, и велѣлъ имъ ид къ Кеси и промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ, а вое водамъ съ ними.

Мѣстничались воеводы по полкамъ, по городамъ, мѣстнич лись головы у наряда (пушекъ), мѣстничались царедворцы в

придворныхъ церемоніяхъ: въ 1577 году государь велѣлъ стоять у своего стола съ кравчимъ Борисомъ Годуновымъ князю Ивану Сицкому, и князь Иванъ сказалъ, что ему это невмѣстно, и билъ челомъ на большаго брата Борисова, а Борисъ Годуновъ билъ челомъ на отца Иванова. Такіе случаи бывали нерѣдко: челобитчикъ, считая того, съ кѣмъ мѣстничался, безспорно ниже себя многими мѣстами, билъ челомъ прямо на высшаго родича своего противника, котораго полагалъ послѣднимъ къ себѣ, т.-е. только однимъ мѣстомъ ниже себя. Иногда, наоборотъ, отвѣтчикъ, считая унизительнымъ для себя бить челомъ самому и увѣренный въ своей высотѣ предъ противникомъ, посылалъ вмѣсто себя бить челомъ или отвѣчать младшаго родича. Средствомъ къ прекращенію мѣстническихъ споровъ, кромѣ развода или отставки, было объявленіе службы безъ мѣстъ или невмѣстною, т.-е. неимѣющею вліянія на будущіе случаи. Наказаніями за несправедливыя челобитья были: выдача головою (выговоръ, присланный съ царскимъ гонцомъ, при чемъ послѣдній бралъ прогоны съ виноватаго), битье батогами передъ Разрядною избою, заключеніе въ тюрьму на извѣстный срокъ, доправленіе безчестья деньгами. [23].

Въ лѣтописи находимъ слѣдующее извѣстіе о распоряженіяхъ *Іоанна* относительно службы воинской: приговорилъ царь и великій князь съ братьями и боярами о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ впередъ служить. По сіе время бояре, князья и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ по городамъ и по волостямъ для расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ, себѣ же для покоя и прокормленія; на которыхъ городахъ и волостяхъ были намѣстники и волостели, тѣмъ городамъ и волостямъ они расправу и устрой дѣлали и отъ всякаго лиха обращали ихъ на благое, а сами были довольны своими оброками и пошлинами указными, что имъ государь уложилъ. И вошло въ слухъ благочестивому государю царю, что многіе города и волости пусты учинили намѣстники и волостели, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, и много злокозненныхъ дѣлъ учинили, не были пастыри и учи-

тели, но сдѣлались гонителями и разорителями. Также этихъ городовъ и волостей мужики много коварства содѣлали и убійства ихъ людямъ; и какъ съѣдутъ намѣстники и волостели съ кормленій, и мужики многими исками отыскиваютъ и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ сдѣлалось, и многіе намѣстники и волостели и стараго своего имѣнія лишились. И повелѣлъ государь въ городахъ и волостяхъ опредѣлить старостъ, соцкихъ, пятидесяцкихъ и десяцкихъ, и страшнымъ, грознымъ запрещеніемъ заповѣдь положить, чтобъ имъ судить разбой, воровство и всякія дѣла, отнюдь бы никакая вражда не именовалась, также ни мзда, ни лживое послушество, а кого между собою найдутъ лихаго, такихъ велѣлъ казнямъ предавать; на города и волости велѣлъ положить оброки, по ихъ промысламъ и землямъ, и тѣ оброки сбирать къ царскимъ казнамъ своимъ дьякамъ; бояръ же, вельможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ и праведными уроками, кто чего стоитъ, а городовыхъ въ четвертый годъ, иныхъ же въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ. Потомъ государь разсмотрѣлъ, что нѣкоторые вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли, не противъ государева жалованья и вотчинъ служба ихъ: и государь сдѣлалъ имъ уравненіе землемѣріемъ; дано каждому чего достоинъ, а лишнее раздѣлено неимущимъ. Съ вотчинъ и помѣстій установлено служить службу: со ста четвертей доброй угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальній походъ при двухъ коняхъ. Кто послужитъ по землѣ, тѣхъ государь жалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленіемъ, и на уложенныхъ людей даетъ денежное жалованье; а кто землю держитъ, но службы съ нея не служитъ, на тѣхъ на самихъ брать деньги за людей; а кто даетъ на службу людей лишнихъ передъ землею, тѣмъ отъ государя большое жалованье самимъ, а людямъ передъ уложенными въ полтретья давать деньгами. Все государь устроивалъ, какъ бы служба государская была безо лжи и безъ грѣха, и подлинные тому разряды у государскихъ чиноначальниковъ, у приказныхъ людей [24].

Въ 1550 году государь приговорилъ съ боярами: раздать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, въ Рузѣ, Звенигородѣ, въ Числякахъ, Ордынцахъ, въ переяславскихъ деревняхъ и Тетеревичахъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1000 человѣкъ; а которымъ боярамъ и окольничимъ быть готовыми на посылки, а помѣстій и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ нѣтъ, такимъ боярамъ и окольничимъ дать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей; дѣтямъ боярскимъ въ первой статьѣ дать помѣстья по 200 же четвертей, другой статьи дѣтямъ боярскимъ дать по 150 четвертей, третьей статьи по 100 четвертей; сѣна давать имъ по стольку жь копенъ, на сколько кому дано четвертной пашни, кромѣ крестьянскаго сѣна, а крестьянамъ давать сѣна на выть по 30 копенъ. Который изъ той тысячи вымретъ, а сынъ его въ службѣ не пригодится, то на его мѣсто прибрать другаго. А за которыми боярами и дѣтьми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ другомъ городѣ близко отъ Москвы, верстъ за 50 или за 60, тѣмъ помѣстья не давать. Между лицами, назначенными къ надѣленію, упоминаются: Псковскіе помѣщики городовые, Торопецкіе помѣщики дворовые, Лучане дворяне, Луцкіе помѣщики городовые.

Служилые люди отставлялись отъ службы за старостью и болѣзнями; на ихъ мѣсто назначились въ службу ихъ сыновья, внуки; если эти сыновья или внуки были еще малолѣтны, то давалась имъ отсрочка на извѣстное число лѣтъ (какъ поспѣетъ). Раненые освобождались отъ службы до излѣченія. Освобожденнымъ отъ службы давалась *отставленная* грамота. Когда у служилаго человѣка *поспѣвали* сыновья на службу, т. е. когда достигали пятнадцати лѣтъ, то они или *припускались* къ отцу въ помѣстье, или жаловались помѣстьемъ въ *отводъ* отъ отца. Когда служилый человѣкъ вслѣдствіе умноженія семейства билъ челомъ, что ему съ прежняго помѣстья служить нельзя, то показанія челобитной, по царскому указу, повѣрялись явчимъ спискомъ, *писцовыми отдѣльными* и *приправочными*

книгами, и всякими посыльными грамотами; названіе отдѣльныхъ книгъ объясняется словами царскаго указа о прибавкѣ помѣщику Сабурову двухъ обжъ къ прежнему помѣстью: «какъ Никиткѣ къ старому его помѣстью къ десяти обжамъ двѣ обжы *отдѣлять*, и вы бы тѣ двѣ обжы и старое его помѣстье велѣли за нимъ написать въ *отдѣльныя* книги». Указы о прибавкѣ или раздѣлѣ помѣстья обыкновенно оканчивались словами, что расцоряженіе это должно имѣть силу *до помѣстнаго верстанья*. По смерти служилаго человѣка помѣстье его или раздѣлялось всѣмъ сыновьямъ поровну, или нѣкоторымъ изъ нихъ давалось новое помѣстье, вдовѣ и дочерямъ выдѣлялась также часть помѣстья на прожитокъ; какъ скоро дочери или выходили замужъ, или достигали пятнадцатилѣтняго возраста, или умирали, то ихъ участки отписывались на государя, и, по распоряженію послѣдняго, могли отдаваться братьямъ; вдовы пользовались своимъ участкомъ до смерти, постриженія или выхода замужъ. Помѣщики могли полюбовно мѣняться своими участками, подъ условіемъ, чтобъ эта мѣна была ровна, чтобъ обжи пашня пашнѣ землею и всякими угодьями и доходомъ были ровны и непусты, а государевой службѣ и податямъ при этой мѣнѣ убытка не было бы. Въ Новгородской области сохранялось еще различіе между *земцами* и выводными изъ низовыхъ областей служилыми людьми: такъ двое служилыхъ людей били челомъ, что дьяки государевы сначала отдѣлили было имъ въ придачу изъ *земецкихъ* помѣстій девять обжъ, но потомъ эти земецкія помѣстья у нихъ были взяты и отданы назадъ *земцамъ*. Если помѣщикъ билъ челомъ, что его помѣстье запустѣло и служить ему не съ чего, то обыскивалось окольными жителями, на всѣ стороны версты по три, четыре, пяти, шести и больше, игумнами, попами и діаконами по священству, а дѣтьми боярскими и крестьянами по крестному цѣлованію, отъ чего помѣстье запустѣло? отъ голоду, лихаго повѣтрія, тягла, или отъ самого помѣщика, или отъ иныхъ отъ кого? и если въ обыску скажутъ, что помѣстье запустѣло отъ помѣщика, отъ его небреженья, то челобитчикъ оставался при старомъ помѣстьѣ;

если скажутъ, что помѣстье запустѣло не отъ помѣщика, то оно отбиралось на царя, отдавалось въ оброкъ или на льготу, на извѣстное число лѣтъ, а челобитчику давалось другое помѣстье; иногда же помѣщикъ просилъ не о перемѣнѣ помѣстья, но о льготѣ отъ податей, вслѣдствіе того, что крестьяне вымерли отъ мора, а остальные разошлись отъ *меженины* (голода). Въ 1548 году путный ключникъ Дуровъ просилъ льготы не только для помѣстья, но и для вотчинъ своихъ, потому что одно сельцо сгорѣло, а другія деревни запустѣли отъ царскихъ податей, отъ проѣзжихъ и ратныхъ людей. Царь далъ льготы на 4 года, въ которые люди и крестьяне вотчинъ и помѣстья Дурова не платили дани, ямскихъ и туковыхъ денегъ, не давали посошныхъ, не строили города, не давали намѣстнику, волостелю и тіуну корма, праветчикова и доводчикова побора, ни подымнаго, коня царскаго не кормили, сѣна не косили, прудовъ не прудили, къ городу камня, извести и *колья* не возили, на яму съ подводами не стояли, ямскаго двора не дѣлали. При дачѣ помѣстій наблюдалось, чтобъ обжи выдѣлялись съ ряду, а не въ розни, и не черезъ землю. Помѣстья отписывались за неявку на службу; неявившіеся назывались *нѣтями*, *нѣтчиками;* списки, куда записывались ихъ имена, назывались *нѣтными* списками. Опала съ нѣтчиковъ складывалась, имъ опять давались помѣстья, старыя или новыя, по случаю разныхъ торжествъ, церковныхъ и царскихъ, напримѣръ, по случаю принесенія чудотворнаго образа, по случаю рожденія царевича. Сборъ дѣтей боярскихъ на службу производился такимъ образомъ: назначенные изъ Москвы чиновники ѣхали въ извѣстную область, здѣсь у дьяковъ брали губныхъ старостъ, городовыхъ прикащиковъ и разсыльщиковъ, сколько пригоже, и отправлялись за своимъ дѣломъ, имѣя въ рукахъ списокъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; которыхъ изъ нихъ встрѣчали на дорогѣ, тѣхъ отдавали на крѣпкія поруки съ записями; собравши дѣтей боярскихъ по списку, всѣхъ сполна, за поруками, ѣхали съ ними на государеву службу; остальныхъ дѣтей боярскихъ, укрывающихся, сыскивая били кнутомъ и высылали

на службу. А которые продолжали скрываться, у тѣхъ забирали дѣтей и людей, да гдѣ про нихъ скажутъ, туда посылали, и сыскавъ, били кнутомъ, давали на поруку, а за поруками высылали на государеву службу. А идучи дорогою, берегли накрѣпко, чтобъ дѣти боярскіе на дорогѣ не отставали, и насильства, грабежу дорогою никому не дѣлали, кормовъ людскихъ и конскихъ силою не отнимали. Кромѣ помѣстій служилымъ людямъ давались осадные дворы бѣлые въ городахъ, на которые семейства ихъ перебирались въ случаѣ опасности отъ непріятеля.

Кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ описываемое время видимъ стрѣльцовъ; они находятся подъ вѣдѣніемъ головъ своихъ и называются: *прибору такого-то головы.* Подъ головами находились пятидесятники и десятники; точно также и городовые козаки различались по прибору или сбору головъ своихъ и вмѣстѣ съ стрѣльцами находились въ вѣдѣніи Стрѣлецкаго приказа. Изъ служителей при нарядѣ, артиллеріи упоминаются пушкари, находившіеся также въ вѣдѣніи головъ своихъ; въ 1555 году царь писалъ къ Новгородскимъ дьякамъ: «Какъ къ вамъ пушкари пріѣдутъ, то вы немедленно велите Новгородскимъ кузнецамъ сдѣлать 600 ядеръ желѣзныхъ по кружаламъ, какія посланы съ пушкарями, и велите кузнецамъ ядра дѣлать круглыя и гладкія и какъ имъ укажутъ пушкари. Дайте пушкарямъ десять холстовъ, триста листовъ бумаги доброй, большой, толстой, двадцать два пятка льну мягкаго малаго, восемь ужищъ льняныхъ, по двадцати сажень ужище, восемь коробокъ на ядра и на мѣшки, осьмеро возжей лычныхъ, двадцать гривенокъ свинцу, восемь овчинъ. За пушкарями смотрѣть накрѣпко, чтобъ они у кузнецовъ посуловъ и поминковъ не брали». Когда нарядъ отправлялся въ походъ, при немъ были плотники и кузнецы съ плотничьею и съ кузнечною снастью. Въ городахъ у наряду, пушекъ и пищалей находились пищальники неотступно, день и ночь, городовые воротники, сторожа, кузнецы, плотники: со всѣхъ съ нихъ бралась присяга и давались они на поруки, что имъ изъ города

никуда не отъѣзжать. Знаемъ, что пушкарей и пищальниковъ *прибирали* въ случаѣ надобности въ городахъ, иногда даже изъ старыхъ и отставныхъ.

Ратные люди собирались съ городовъ и селъ такимъ образомъ: въ 1545 году, напримѣръ, государь велѣлъ нарядить съ Новгорода и пригородовъ, съ бѣлыхъ не тяглыхъ дворовъ съ трехъ дворовъ по человѣку, да съ тяглыхъ съ пяти дворовъ по человѣку, всего нарядить 1973 человѣка на коняхъ. Да съ Новгородскихъ же посадовъ, и съ пригородовъ съ посадовъ, съ рядовъ, погостовъ нарядить 2000 человѣкъ пищальниковъ, половина на коняхъ, а другая половина пѣшихъ. Пѣшіе пищальники были бы въ судахъ, а суда имъ готовить на свой счетъ; у конныхъ людей также должны быть суда, въ чемъ имъ кормъ и запасъ свой въ Нижній Новгородъ провезти; у всѣхъ этихъ пищальниковъ, у конныхъ и пѣшихъ должны быть по ручной пищали, а на пищаль по 12 гривенокъ безменныхъ зелья, да по стольку же свинцу на ядра; на всѣхъ людяхъ должны быть однорядки или сермяги крашеныя. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ прислана была въ Новгородъ грамота, по которой уже требовалось собрать съ бѣлыхъ дворовъ и съ гостиныхъ по человѣку съ двора, съ суконничьихъ по человѣку съ двухъ дворовъ, съ черныхъ, по прежнему, съ пяти дворовъ по человѣку, да съ 20 дворовъ по пуду зелья, со всѣхъ безъ исключенія; но черезъ мѣсяцъ велѣно было съ достаточныхъ людей, живущихъ и на черныхъ дворахъ, взять съ двора по человѣку, кромѣ прежняго побора по человѣку съ пяти дворовъ; освобождены были отъ побора дворы архіепископскихъ дѣтей боярскихъ, Софійскихъ священниковъ, всѣхъ служилыхъ людей архіепископскихъ; съ ружныхъ священниковъ велѣно было взять съ 6 священниковъ по человѣку, да по двѣ гривенки зелья, а не съ ружныхъ съ 10 священниковъ человѣка, да по двѣ гривенки зелья; дьяконы же, дьяки, пономари и просвирни помогаютъ своимъ священникамъ по церковному доходу. Которые люди при этомъ объявляли, что имъ зелья добыть нельзя, къ тѣмъ посылались мастера ямчужные

(селитряные) и пищальники указывать имъ, какъ варить зелье. Подъ 1535 годомъ Псковской лѣтописецъ говоритъ, что горожане его нарядили 500 пищальниковъ, 3000 лошадей въ тѣлѣгахъ и человѣка на конѣ, 3000 четвертей овсяной заспы на толокно, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху, столько же сѣмени конопляннаго; на Москву послали 400 пищальниковъ, а Новгородцы много посохи послали для построенія новаго города Себежа. Иногда посошные люди разбѣгались во время похода, и тогда области, ихъ поставившія, должны были нанимать новыхъ; подъ 1561 годомъ лѣтописецъ говоритъ: царскіе воеводы людей потеряли много, посохи, а другіе разбѣжались, потому что нечего ѣсть: отъ этого Пскову, пригородамъ и сельскимъ людямъ проторей стало много въ посохѣ: вмѣсто разбѣжавшейся посохи нанимали другихъ, съ сохи по 22 человѣка, а на мѣсяцъ давали человѣку по три рубля, а иные и по три съ полтиной, съ лошадьми и съ телѣгами подъ нарядъ. Во время похода подъ Полоцкъ въ войскѣ Іоанновомъ было посохи пѣшей и коневой 80,900 человѣкъ, давали посошанамъ во Псковѣ — коневникамъ по 5 рублей, а пѣшимъ по 2 рубля. Подъ 1570 годомъ Псковской лѣтописецъ говоритъ: пришелъ царь въ Великій Новгородъ и много людей было побито; къ тому же велѣлъ править посоху подъ нарядъ, мосты мостить въ Ливонскую землю, зелейную руду сбирать: отъ этого налога и правежа всѣ люди, Новгородцы и Псковичи обнищали, давать стало нечего и пошли сами въ посоху, и злою смертію тамъ померли отъ голода и мороза, отъ мостовъ и наряду; во Псковѣ байдаки и лодки большія посохой тянули подъ Ливонскіе города, и немного потянувъ, покинули по лѣсамъ, тутъ лодки сгнили, а людей погубили. Наконецъ въ составъ Русскаго войска входили иноземные отряды Литовскіе [25].

Относительно продовольствія войска видимъ, что посылались хлѣбные запасы въ занятые Ливонскіе города; доставлять эти запасы было обязанностію посошныхъ людей. Иногда хлѣбные запасы доставлялись въ города по подряду; такъ въ 1582 году

иной-то Тереха Ситниковъ нанялся доставить изъ Нижняго въ Астрахань хлѣбный запасъ 2500 четвертей муки и толокна. Подрядчику (запасчику) дана была грамота, по которой его пропускали вездѣ безпошлинно и безъ задержекъ; если кто-нибудь на запасчика или на его людей попроситъ пристава, или козаки его, не желая идти у него на судахъ, станутъ на немъ или на его людяхъ чего искать или чѣмъ его клепать, то бояре, воеводы и дьяки не должны давать на него и на его людей пристава и суда; а кому будетъ до него или до его людей какое дѣло, то ихъ судятъ въ Москвѣ бояре; также бояре, воеводы и дьяки не могли брать козаковъ Терехиныхъ въ стрѣльцы и козаки. Видимъ, что служилымъ Татарамъ и козакамъ давалось на конскій кормъ по двѣ деньги на лошадь въ день. При выступленіи въ походъ Татарскаго царевича Кайбулы къ Шведскимъ границамъ, велѣно было готовить по всей дорогѣ людскіе и конскіе кормы: на всякомъ стану давали на 80 человѣкъ яловицу, полъ-осмины крупъ, полбезмена соли, или на 10 человѣкъ по барану, крупъ и соли на деньгу; кожи съ яловицъ и овчины съ барановъ отдавались назадъ тѣмъ людямъ, у которыхъ они взяты; конскаго корма на 10 лошадей давали по четверкѣ овса да по острамку сѣна: «Должно это припасти» сказано въ указѣ: «чтобъ ратнымъ людямъ безъ корму не быть, а крестьянству по дорогѣ насилій и грабежа корноваго не было». Царь не прощалъ воеводамъ, которые позволяли своимъ ратнымъ людямъ буйствовать въ Русской землѣ; такъ при описаніи похода царя Шигалея и князя Михайлы Глинскаго на Литовцевъ читаемъ: «Тотъ князь Михайла съ людьми своими, ѣдучи дорогою, сильно грабилъ своихъ, и на рубежѣ люди его деревни Псковской земли грабили, скотъ сѣкли, дворы жгли христіанскія; царь на него за это прогнѣвался и велѣлъ обыскать, кого грабили дорогою, и на немъ иными доправили тѣ грабежи». Городовые козаки и стрѣльцы получали жалованья въ годъ по полтинѣ денегъ, кромѣ хлѣбнаго; пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники получали по рублю въ годъ денегъ, по два пуда соли, по двѣ-

надцати коробей ржи и по стольку же овса. Городовые козаки получали и земли: такъ въ 1571 году бояре приговорили относительно Путивльскихъ и Рыльскихъ козаковъ, что если они захотятъ, то набрать 1000 человѣкъ козаковъ конныхъ, или сколько пригоже, посмотря по землямъ, сколько гдѣ будетъ земель. Служить имъ посылки польскія (степныя) и сторожи съ земли безъ денегъ, и если который послужитъ, тогда государь велитъ его пожаловать.

Московское государство XVI вѣка, относительно юго-восточной границы своей, находилось въ такомъ же положеніи, какъ и древняя приднѣпровская Русь временъ св. Владиміра: граничило съ степью, изъ которой стремились кочевые хищники на его опустошеніе. Уже давно Московскія сторожи, сторожевые отряды или станицы разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, наблюдая за Татарами [26]; при Іоаннѣ IV Московскія сторожи начали сталкиваться съ Литовскими на Днѣпрѣ: мы видѣли, что царь старался показать Сигизмунду-Августу, какъ выгодно для послѣдняго помогать Московскимъ сторожамъ, а не затѣвать споровъ о томъ, что они становятся на Литовской землѣ. Во второй половинѣ царствованія, обративши все вниманіе на западъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ хлопотать, чтобъ южная граница была защищена, чтобъ Крымцы не могли явиться у Оки безвѣстно. Съ этою цѣлію въ Генварѣ 1571 года, государь приказалъ боярину своему, князю Михайлѣ Ивановичу Воротынскому, вѣдать станицы, сторожи и всякія свои государевы польскія службы. Воротынскій говорилъ государевымъ словомъ въ Разрядѣ дьякамъ, что ему велѣлъ государь вѣдать и поустроить станицы и сторожи, и велѣлъ доискаться станичныхъ прежнихъ списковъ; въ города Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, въ другіе украинные города и въ Сѣверу велѣлъ послать грамоты по дѣтей боярскихъ, по письменныхъ по станичныхъ головъ, и по ихъ товарищей станичниковъ, и по станичныхъ вожей и по сторожей, которые ѣздятъ изъ Путивля, изъ Тулы, Рязани, Мещеры, изъ Сѣверской страны въ ста-

ницахъ на поле къ разнымъ урочищамъ, и которые прежде ѣзжали лѣтъ за десять и пятнадцать, велѣлъ имъ всѣмъ быть въ Москву. Когда они прiѣхали, то государь приказалъ князю Воротынскому *сидѣть* (заняться) о станицахъ, сторожахъ и всякихъ польскихъ службахъ, станичныхъ головъ, станичниковъ и вожей разспрашивать, и разспрося, расписать подлинно порознь: изъ котораго города, по которымъ мѣстамъ и до какихъ мѣстъ пригоже станицамъ ѣздить, и въ какихъ мѣстахъ сторожамъ на сторóжахъ стоять, и до какихъ мѣстъ на которую сторону отъ которой сторóжи разъѣздамъ быть; и въ которыхъ мѣстахъ на полѣ головамъ стоять для береженiя отъ приходу воинскихъ людей; и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ, съ которымъ головою и какимъ людямъ на государевой службѣ быть? — Чтобъ государю про приходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну, и воинскiе люди на государевы украйны безвѣстно не приходили.

Послѣ разспросовъ князь Воротынскiй приговорилъ съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и станичниками о Путивльскихъ, Тульскихъ, Рязанскихъ и Мещерскихъ станицахъ, и о всѣхъ украйныхъ дальнихъ и ближнихъ мѣсячныхъ сторóжахъ и сторожàхъ, изъ котораго города къ которому урочищу станичникамъ податнѣе и прибыльнѣе ѣздить, и на которыхъ сторожахъ и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ сторожей на которой сторожѣ ставить. А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить и сторожамъ на сторожахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожамъ на сторóжахъ, съ коней не ссаживаясь, попеременно, и ѣздить по урочищамъ попеременно же, направо и налѣво, по два человѣка, по наказамъ, какiе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы усторожливо. Если станич-

ники или сторожа подстерегуть воинскихъ людей, то посылають своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города, а сами позади непріятели ѣдуть на сакмы (дороги), по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать, и поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылають товарищей въ тѣ же города; новые посланные ѣдуть направо или налѣво, которыми дорогами поближе, чтобъ въ украинскіе города вѣсть была раньше, не передъ самымъ приходомъ непріятеля; а самимъ имъ ѣхать за непріятелемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою, какъ пригоже, покинувъ сакму направо или налѣво, ѣздить бережно и устороживо, и того беречь накрѣпко: на которыя украйны воинскіе люди пойдуть, и имъ про то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріятель пойдеть. Если станичники завидятъ воинскихъ людей на дальнихъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три или по четыре, или сколько будетъ пригоже, посмотря по людямъ и по дѣлу, отъ которыхъ мѣстъ пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ провѣдавъ подлинно про непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить на скоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣнивъ людей и не довѣдавшись до пряма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станичникамъ и сторожамъ съ важными вѣстями не ѣздить, и сторожамъ, не дождавшись на сторожахъ себѣ перемѣны, съ сторожъ не съѣзжать. А которые сторожа, не дождавшиесь смѣны, съ сторожи сойдуть, и въ то время государевымъ украйнамъ отъ воинскихъ людей учинится война: тѣмъ сторожамъ отъ государя быть казненнымъ смертью. Которые сторожа на сторожахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ, то брать первымъ на послѣднихъ по полуполтинѣ на человѣка на день. Если воеводы или головы пошлютъ кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищахъ и на сторожахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ небережно и неустороживо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу

воинскихъ людей и не ждали, тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя, и ѣздили бы на сторожи о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидавши непріятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣть доправить лошадей на ихъ головахъ; а если надобно вскорѣ и доправить некогда, то воеводамъ велѣть брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ, а не будетъ уголовъ столько лошадей, то воеводамъ брать по оцѣнкѣ лошадей добрыхъ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади.

Ѣздить станицамъ изъ Путивля или изъ Рыльска: первой станицѣ ѣхать на поле съ весны 1-го Апрѣля, второй 15-го, третьей 1-го Мая, четвертой 15-го и т. д., осьмой станицѣ 15-го Іюля; потомъ въ другой разъ первой станицѣ ѣхать 1-го Августа и т. д.; послѣдній выѣздъ 15-го Ноября. Если же надобно будетъ еще ѣздить станицамъ, снѣга не нападутъ (снѣги не укинутъ), то станичниковъ посылать и позднѣе 15 Ноября по разсчету; посылать по двѣ станицы на мѣсяцъ, межь станицы пропуская по двѣ недѣли со днемъ.

Для разъѣздовъ употреблялись дѣти боярскіе, посадскіе люди, козаки и наемные жители Сѣверской украйны или Севрюки; но потомъ приговорили послѣднихъ отставить, потому: стоятъ на сторожахъ неусторожливо, воинскіе люди на украйны приходятъ безвѣстно, а они того не видятъ, вѣсти отъ нихъ прямой никогда не бываетъ, а пріѣзжаютъ съ вѣстями ложными. Изъ Путивля и Рыльска на Донецкихъ сторожахъ стерегли дѣти боярскіе, Путивльцы и Рыляне, съ помѣстій и изъ денежнаго жалованья. Кромѣ Донецкихъ сторожъ, на ближнихъ Путивльскихъ и Рыльскихъ, смѣсныхъ и несмѣсныхъ сторожахъ стерегли съ посадовъ посадскіе люди, равно какъ изъ Новгорода Сѣверскаго на смѣсной Путивльской сторожѣ. Изъ Мценска и Корачева, на смѣсныхъ и несмѣсныхъ сторожахъ стерегли дѣти боярскіе Мценяне и Корачевцы съ помѣстій и изъ денежнаго жа-

лованья. На Орельскихъ, Новосильскихъ, Дѣдиловскихъ, Донковскихъ, Епифанскихъ, Шацкихъ, Рязскихъ сторожахъ стерегли козаки съ земель и изъ денежнаго жалованья. На Кадомскихъ и Темниковскихъ сторожахъ стерегли Татары и Мордва съ земель Кадомскихъ и Темниковскихъ. На Алаторскихъ сторожахъ стерегли козаки. Послѣ приговорили также ставить на сторожу по шести человѣкъ сторожей вмѣсто прежнихъ четырехъ, для того, чтобъ имъ разъѣзжать направо и налѣво, перемѣняясь безпрестанно по два человѣка. Для надзора за исправностію сторожей назначены были четыре стоялые головы, которые разъѣзжали по всему пространству степи отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца.

Въ Октябрѣ 1571 года, по государеву указу, князь Воротынскій съ товарищами приговорили жечь степь; опредѣлили, изъ которыхъ украинскихъ городовъ, и въ какую пору, по какимъ мѣстамъ, къ которымъ урочищамъ, до какихъ мѣстъ, сколькимъ станицамъ и по скольку человѣкъ въ станицѣ ѣздить на поле и жечь его. Жечь поле опредѣлено осенью, въ Октябрѣ или Ноябрѣ, по заморозамъ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, снѣговъ не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону; не зажигать вблизи украинскихъ городовъ, вблизи лѣсовъ и лѣсныхъ засѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыя надѣланы отъ проходу воинскихъ людей. Станицы для зажженія степи должны были выѣзжать изъ городовъ: Мещеры, Донкова, Дѣдилова, Кропивны, Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожаръ долженъ былъ обхватить пространство степи отъ верховьевъ Вороны до Днѣпра и Десны.

Въ 1574 году назначенъ былъ новый начальникъ надъ сторожевою и станичною службою, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ. При новомъ начальникѣ видимъ перемѣну относительно перваго срока выѣзда станицъ: вмѣсто 1-го Апрѣля положено сообразоваться со временемъ открытія весны; потомъ выбирать дѣтей боярскихъ на степную службу велѣно раз-

рядным дьякамъ, а не воеводамъ по городамъ. По челобитью польскихъ (степныхъ) мѣсячныхъ сторожей, бояре приговорили: въ Шацкѣ, Рязскомъ, Донковѣ, Епифани, Дѣдиловѣ, Крошнѣ, Новосилѣ и Орлѣ козаковъ, которые стерегутъ мѣсячную сторожу, помѣстьемъ и денежнымъ жалованьемъ поверстать: придать къ старому ихъ помѣстью, къ 20 четвертямъ еще по 30 четвертей человѣку; а денежнаго жалованья приговорили имъ дать въ третій годъ по три рубля человѣку для сторожевой службы, чтобъ имъ безконнымъ не быть, а быть у нихъ по два коня добрыхъ, или къ коню меринъ добрый. Велѣли послать въ тѣ города писцовъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ добрыхъ — пересмотрѣть всѣхъ козаковъ на лицо съ конями и со всею ихъ службою: которые козаки собою худы или безконны и съ сторожевую службу ихъ не будетъ, тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ козачью рядовую службу и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ козаковъ добрыхъ и конныхъ. Во Мценскѣ и Корачевѣ на сторожахъ стеречь дѣтямъ боярскимъ изъ тѣхъ городовъ съ малыхъ статей, съ 50,70 и 100 четвертей, потому что въ этихъ городахъ козаковъ въ росписи не написано; въ Шацкѣ, Новосилѣ и Орлѣ въ прибавку къ козакамъ посылать дѣтей боярскихъ. Что касается до границъ станичныхъ разъѣздовъ, то во время управленія боярина Никиты Романовича Путивльскія станицы ѣздили къ верховьямъ Тора, по Міюсу, Самарѣ, Арели къ Днѣпру до Песьихъ Костей; Тульскія ко Мжу и Коломаку на Муравскій шлякъ (дорогу); Рязанскія къ Сѣверскому Донцу и къ Святымъ Горамъ, а Мещерскія внизъ по Дону, до Волжской переволоки [27].

Таково было военное устройство въ сѣверовосточной Россіи, въ государствѣ Московскомъ. Здѣсь мы видимъ, что значеніе дружины все болѣе и болѣе никнетъ предъ значеніемъ государя. Въ Россіи западной, наоборотъ, шляхта ревниво блюдетъ за поддержаніемъ старыхъ правъ своихъ. На Виленскомъ сеймѣ 1547 года шляхта потребовала у короля защиты отъ двухъ сословій — духовнаго и мѣщанскаго (городоваго), просила,

чтобъ люди духовные на судахъ земскихъ и свѣтскихъ не засѣдали и не звали бы къ духовному суду по свѣтскимъ дѣламъ; относительно мѣщанъ шляхта жаловалась, что ремесленники Виленскіе берутъ непомѣрныя цѣны за свои работы и надбавляютъ цѣны по произволу, отъ чего шляхта бѣднѣетъ. Король обѣщалъ исполнить просьбу. На сеймѣ 1551 года шляхта просила, чтобъ простыхъ холопей надъ шляхтою не повышать, чтобъ простой холопъ и шляхтичь подозрительнаго происхожденія урядовъ не держали. Король отвѣчалъ на это: пусть укажутъ, какой холопъ или подозрительный шляхтичь посаженъ мною на урядъ? Потомъ шляхта просила, чтобъ паны обходились съ нею почтительно на судахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1576 году Браславская шляхта подала королю Стефану челобитную, чтобъ королевскіе указы писались къ нимъ на Русскомъ, а не на Польскомъ языкѣ [28].

Мы видѣли характеръ козаковъ Московскихъ, т. е. жившихъ по степямъ, прилегавшимъ къ Московскому государству, и признававшихъ по имени власть послѣдняго; такой же точно былъ характеръ и козаковъ Литовскихъ или Малороссійскихъ, извѣстныхъ тогда въ Москвѣ подъ именемъ Черкасъ; притомъ безнаказанность послѣднихъ еще болѣе была обезпечена слабостію Польско-Литовскаго правительства. Мы видѣли поведеніе козацкихъ вождей, Дашковича, князя Дмитрія Вишневецкаго, который окончилъ свои похожденія жестокою смертію въ Турціи. Въ то самое время, какъ Польское правительство употребляло всѣ усилія, чтобъ жить въ мирѣ съ Крымомъ и Турціею, козаки изъ Черкасъ, Канева, Браславля, Винницы, собравшись въ степи за Черкасами, въ числѣ 800 и больше, подъ начальствомъ старшихъ козаковъ: Карпа, Андруша, Лесуна, Яцка Бѣлоуса громили по нѣскольку разъ караваны купцовъ Турецкихъ и Крымскихъ, шедшіе въ Москву и возвращавшіеся назадъ; мало того: Крымскій гонецъ, ѣздившій отъ хана къ королю, былъ убитъ козаками въ степи. Солеваники, ѣздившіе за солью въ Кочубеевъ (Одессу), терпѣли постоянно отъ ихъ нападеній. Напрасно король писалъ хану, что это разбойничаютъ

нили ихъ общаго непріятеля Московскаго, выходящіе изъ Путивля, Чернигова, Новгорода Сѣверскаго: Крымскіе и Турецкіе купцы умѣли очень хорошо различать козаковъ Московскихъ отъ Черкасъ. Атаманъ Андрей Ляхъ, съ козаками князя Дмитрія Вишневецкаго, напалъ въ степяхъ за Самарою на Московскаго гонца Змѣева, шедшаго въ Крымъ; съ Змѣевымъ шелъ вмѣстѣ Крымскій гонецъ и, по обычаю, Турецкіе купцы и Армяне; козаки убили 13 человѣкъ Турокъ и Армянъ, а прочимъ руки отсѣкли за то, что они покупаютъ въ Москвѣ Литовскихъ плѣнниковъ. — Московскіе послы, жившіе въ Крыму, извѣщали государя о частыхъ нападеніяхъ Черкасъ на Крымъ; очень любопытно извѣстіе, присланное изъ Крыма въ Москву посломъ Ржевскимъ: «пріѣхалъ къ царю Крымскому съ Днѣпра козакъ съ вѣстями: на Днѣпръ прислалъ Московскій государь къ *головѣ*, къ князю Богдану Рожинскому и ко всѣмъ козакамъ Днѣпровскимъ съ великимъ своимъ жалованьемъ и приказалъ къ нимъ: если вамъ надобно въ прибавку козаковъ, то я къ вамъ пришлю ихъ сколько вамъ надобно, и селитру пришлю и запасъ всякій, а вы должны идти весною непремѣнно на Крымскіе улусы и къ Козлову. Голова и козаки взялись государю крѣпко служить и очень обрадовались государской милости. Ханъ, услыхавъ эти вѣсти, созвалъ на совѣтъ князей и мурзъ, и сталъ говорить: «Если приходить козакамъ, то они прежде возмутъ Бѣлгородъ да Очаковъ, а мы у нихъ за хребтомъ». Князья и мурзы отвѣчали на это: «Если придетъ много людей на судахъ, то города ихъ не остановятъ; вѣдь козакъ — собака: когда и на корабляхъ на нихъ приходятъ Турецкіе стрѣльцы, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ!» Какъ въ старину Русскіе князья, нуждавшіеся въ войскѣ для своихъ усобицъ, находили готовыя дружины въ степяхъ, гдѣ толпились разноименные народцы: такъ теперь, въ XVI вѣкѣ, владѣльцы Дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, борясь другъ съ другомъ, искали и находили помощь у козаковъ. Такъ одинъ изъ нихъ, Ивонъ, угрожаемый соперникомъ своимъ, Петриллою, котораго поддерживали Турки,

обратился съ просьбою о помощи къ Польскому королю Генриху; тотъ отказалъ въ помощи на томъ основаніи, что Польша въ мирѣ съ Турками; Ивонъ обратился къ козакамъ: этимъ не было никакой нужды, что король ихъ въ мирѣ съ Турками; они пошли помогать Ивонѣ подъ начальствомъ Свирговскаго, сначала имѣли успѣхъ, но наконецъ были подавлены многочисленными полками Турецкими. Подкова (какъ говорятъ, братъ погибшаго Ивона), прозванный такъ потому, что могъ ломать подкову, нашелъ также убѣжище между козаками, вмѣстѣ съ ними пошелъ противъ Петриллы и одолѣлъ его; но Стефанъ Баторій, не желая разрывать съ Турками, велѣлъ брату своему, князю Седмиградскому, выступить противъ Подковы; последній доженъ былъ отступить, и, понадѣявшись на ручательство въ безопасности, данное ему отъ имени королевскаго, отдался въ руки Полякамъ. Обѣщаніе было нарушено: Подкову заключили въ оковы, и когда передъ Московскою войною посолъ Турецкій настаивалъ, чтобъ его казнили, угрожая въ противномъ случаѣ войною, то Баторій исполнилъ его требованіе, и Подкова былъ казненъ во Львовѣ. Несмотря на то, братъ Подковы, Александръ, съ козаками снова выгналъ Петриллу, но попался въ руки Туркамъ, которые посадили его на колъ. Потомъ козаки уже одни отправились противъ Турокъ, сожгли крѣпости Ягорликъ, Бендеры: Баторій велѣлъ войскамъ, стоявшимъ на границѣ, хватать и ковать козаковъ, возвращавшихся изъ этого похода [29].

Постоянное увеличеніе государственныхъ потребностей въ Московскомъ государствѣ требовало увеличенія финансовыхъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Какъ же поступало Московское правительство въ этомъ случаѣ? Очень просто и естественно по понятіямъ времени: явится новая потребность, новый расходъ — оно налагаетъ новую подать: отсюда это накопленіе разнаго рода податей, которыя наконецъ начали такъ затруднять финансовыя отправленія древней Россіи. Такъ явились *пищальныя деньги*, которыхъ съ Новгородскаго посада, пригородковъ, рядковъ и погостовъ сходило 5236 рублей. Мы

...дили, что ближайшія къ мѣсту военныхъ дѣйствій области должны были выставлять на войну посошныхъ людей; но отдаленныя области платили *посошныя деньги*, по два рубля за человѣка. *Для* продовольствія войска съ земель, находящихся въ частномъ владѣніи, *бѣлыхъ*, сбирался такъ-называемый *бѣлый* кормъ, съ Московской сохи по 43 алтына безъ двухъ денегъ. Относительно податей и соединенныхъ съ платежемъ ихъ издержекъ любопытны платежныя отписи, напримѣръ: «Я, Юшка Митрофановъ сынъ, десятскій, взялъ у Спасскаго игумена Евфимія со братьею дань и *горностальныя* деньги, и ямскія, кромѣ дани въ поминокъ подъячему и въ Московскій *поѣзд*ъ, и кормъ Вилокодневный и Петровскій, все сполна, и отпись ему далъ». Или: «Взято: ямскихъ денегъ и примету столько то; дьячихъ писчихъ пошлинъ столько-то; за городовыя и засѣчныя дѣла, за подъячихъ, за земскаго дьячка, за плотниковъ, кузнецовъ, за подмогу ямскимъ охотникамъ, за емчужное дѣло и проч.

Кромѣ дани, источникомъ дохода для правительства служили оброки: въ 1543 году Вологодскіе писцы, по слову великаго князя, отдали на оброкъ Кирилловскому игумену двѣ великокняжескія пустоши черныя, потому что эти пустоши находятся между монастырскихъ деревень, а отъ великокняжескихъ деревень отошли; съ этихъ пустошей, сказано въ грамотѣ, великому князю не надобны ни дань, ни посошная служба, ни намѣстничьи кормы, ни тіунскія, ни праветчиковскія, ни доводчиковскія пошлины, и съ черными людьми не тянутъ они ни вочто; а даетъ монастырь съ этихъ пустошей великому князю оброкъ ежегодно по десяти алтынъ. Отдавались на оброкъ пашни, сѣнокосы, лѣса, рѣки, мельницы, огороды; отдавались эти статьи на оброкъ изъ *наддачи* тому, кто наддавалъ противъ оброчной цѣны, платимой прежнимъ содержателемъ. Правительство спѣшило пользоваться намѣстничьими доходами въ то время, когда старый намѣстникъ выѣзжалъ изъ города, а новый еще не былъ назначенъ; такъ, въ 1555 году, когда намѣстникъ князь Палецкій выѣхалъ изъ Новгорода, царь пи-

салъ дьякамъ: «Сейчасъ же выберите изъ городничихъ или изъ рѣшеточныхъ приказчиковъ сына боярскаго добраго, кому пригоже и можно вѣрить, и велите ему ту половину Новгорода, намѣстничьи и его пошлинныхъ людей всякіе доходы вѣдать на меня и приведите его къ присягѣ, и надзирайте надъ нимъ, чтобъ нашимъ доходамъ истери не было». Какъ сбирались подати, видно изъ царской грамоты къ Новгородскимъ дьякамъ 1556 года: «Вы писали къ намъ, что велѣно во всѣ пятины разослать грамоты, чтобъ князья, дѣти боярскіе и всѣ служивые люди, игумены, попы, дьяконы, старосты, сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе и всѣ крестьяне выбрали изъ пятинъ по сыну боярскому доброму, да изъ пятинъ же выбрали человѣка по три и по четыри лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку, а изъ малыхъ погостовъ изъ двухъ или изъ трехъ по человѣку: а велѣно тѣмъ старостамъ выборнымъ сбирать наши ямскія и приметныя деньги, и за посошныхъ людей, и за емчужное дѣло и всякія подати, по писцовымъ книгамъ и привозить къ вамъ въ Новгородъ» [30].

Мы разсмотрѣли въ своемъ мѣстѣ [31] уставъ откупщикамъ тамги и пятна на Бѣлѣозерѣ, данный Іоанномъ III; при Іоаннѣ IV, въ 1551 году, дана была туда же на Бѣлоозеро таможенная грамота, которая относительно сбора тамги ничѣмъ не рознится отъ грамоты Іоанна III; но въ ней прибавленъ уставъ о сборѣ помѣрной и дворовой пошлины: помѣрное брать — со пшеницы, ржи, ячменя, солоду, конопель, гречи, гороху, заспы, толокна, рѣпы, и со всякаго жита, съ хмѣлю, также съ рыбы сухой, и съ вандышевъ и съ хохолковъ — брать съ продавца съ четырехъ четвертей деньга, а тамги съ жита и сухой рыбы не брать. А кто продастъ всякаго жита воза или три безъ мѣры, или кто купитъ не въ ихъ пятенную мѣру, то съ него заповѣди два рубля: рубль намѣстнику и рубль помѣрщикамъ, а кто продастъ всякаго жита четыре четверти Московскихъ, или кто станетъ покупать и продавать не въ ихъ пятенную мѣру, то съ него заповѣди рубль — полтина намѣстнику и полтина помѣрщикамъ. Дворовая пошлина на гости-

ныхъ дворахъ: кто пріѣдетъ товару купить на гостиномъ дворѣ, дворники берутъ поворотной съ тысячи бѣлки Шувайской или Устюжской по 4 деньги съ тысячи, а съ Кляземской бѣлки по 2 деньги съ тысячи; съ сорока соболей берутъ по тому жъ расчету, какъ и съ бѣлки Шувайской; съ куницы съ сорока по деньгѣ; съ десяти бобровъ берутъ по тому жъ расчету, какъ съ 1000 бѣлки Шувайской; съ постава сукна Ипскаго или Лунскаго по три деньги; а съ Новогонскаго и Трекунскаго по деньгѣ; съ меду съ кади отъ 7 до 10 пудовъ по деньгѣ, будетъ кадь меньше семи пудъ и они берутъ по расчету; кто купитъ перцу больше рубля или меньше, берутъ по тому жъ расчету; съ бочки сельдей по деньгѣ, съ лукна икры по деньгѣ, съ бочки сливъ по полуденьгѣ, съ круга воску по 4 деньги; съ стопы бумаги по полуденьгѣ. Кто пріѣдетъ на Бѣлоозеро съ мясомъ или съ какимъ-нибудь товаромъ, а на гостиномъ дворѣ не станетъ, станетъ у кого-нибудь, и дворники уличатъ его передъ намѣстникомъ, что сталъ не на гостиномъ дворѣ, у нихъ не просясь, то намѣстникъ, обыскавъ, беретъ на себя заповѣди полполтины на томъ, у кого во дворѣ тотъ купецъ сталъ, а съ купца взять дворникамъ полполтины же, на немъ же намѣстничью приставу взять хоженаго четыре деньги. Кто привезетъ товару цѣною меньше двухъ рублей, станетъ прямо на торгу и ночуетъ тутъ, съ того дворникамъ не брать ничего; кто привезетъ товару больше (кажется, должно читать *меньше*), чѣмъ на два рубля, и станетъ на чьемъ нибудь дворѣ, а не на гостиномъ, то дворникамъ брать у него поворотное смотря по товару, съ анбарнаго брать на недѣлю по четыре деньги. Кто не поѣдетъ съ возами на гостиный дворъ стоять, а товару будетъ у него больше двухъ рублей, то дворники ставятъ его на гостиномъ дворѣ; если же не послушаетъ дворниковъ, не поѣдетъ къ нимъ, то дворники ставятъ его у себя за намѣстничьимъ приставомъ, который беретъ хоженаго по четыре деньги.

Въ таможенной грамотѣ, данной въ 1563 году въ принадлежавшее Симонову монастырю село Весьегонское, въ Городец-

комъ стану Бѣжецкаго Верха, съ иногородныхъ купцовъ, Московскихъ, Тверскихъ, Новгородскихъ и Псковскихъ велѣно брать тамги съ рубля по четыре деньги; съ людей своего уѣзда—съ рубля по полторы деньги; если торговые люди пріѣдутъ рѣкою Мологою въ судахъ, то съ товару тамга берется съ нихъ по таможенной грамотѣ, а съ судна брать съ полубленнаго и неполубленнаго, съ набои, прикольнаго и поводцоваго—по алтыну, а съ струга по три деньги. Если же пріѣдетъ въ село Весь Рязанецъ или Казанецъ, или какой-нибудь другой иноземецъ, то у нихъ брать съ рубля, по семи денегъ. Тамга и всѣ таможенныя пошлины (то-есть пятно, помѣрное и проч.) въ селѣ Веси отдавались на откупъ Бѣжичанамъ, Городецкимъ посадскимъ людямъ и сельскимъ крестьянамъ; но въ 1563 году Симоновъ монастырь, жалуясь, что отъ этого его людямъ и крестьянамъ чинятся обиды и продажи великія, выпросилъ откупъ себѣ, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей, въ прокъ, безъ наддачи.

Въ 1571 году дана была таможенная Новгородская грамота о сборѣ пошлинъ на торговой сторонѣ, въ государевой опричнинѣ. И здѣсь, какъ въ предъидущихъ грамотахъ, начиная съ грамоты Новгородскаго князя Всеволода церкви Св. Іоанна на Опокахъ, Новгородцу дается преимущество предъ пригородскими людьми Новгородской земли и сельскими людьми, также предъ жителями другихъ областей: Новгородецъ платилъ тамги съ рубля Московскаго по полторы московки, остальные всѣ по четыре московки; но если пріѣдутъ Новгородцы съ Софійской стороны съ товаромъ въ государеву опричнину, на торговую сторону, то платятъ пошлины наравнѣ съ пригородскими и волостными людьми Новгородской земли. Новгородскіе мясники не смѣли покупать коровъ на дорогахъ у *нутниковъ* (погонщиковъ), нутники должны были гнать коровъ на продажу въ Новгородъ, или же къ Ивану Святому на Опокѣ; кто же за городомъ, или на дорогѣ купитъ коровъ, на томъ заповѣди—половина на купцѣ и половина на продавцѣ При вывозѣ товаровъ изъ Новгорода Новгородскими городскими людьми, по взя-

нія тамги, таможенники давали *узолки* за своею печатью. Мы видѣли, что Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ далъ церкви Св. Іоанна на Опокахъ вѣсъ вощаной. Въ описываемое время по прежнему вѣсили товаръ у Ивана Св.; но пошлины, какъ видно, шли прямо въ казну царскую; въ грамотѣ Іоанна IV-го читаемъ: воскъ, медъ, олово, свинецъ, квасцы, ладонъ, темьянъ вѣсить по старинѣ, на крюкъ, у Ивана Св. подъ церковью, на Петрятинѣ дворищѣ, а таможникамъ въ это не вступаться. Далѣе грамота говоритъ: безъ вѣсу меду, икры и соли не продавать; а кто продастъ или купитъ какой-нибудь вѣсный товаръ безъ вѣсу на рубль или больше рубля, то на нихъ заповѣди рубль Новгородскій, половина на купцѣ, а другая на продавцѣ; если покупка меньше рубля, то заповѣди брать столько же, на сколько продано товару; если же меньше пяти алтынъ, то пудовщики вѣсчаго и заповѣди не берутъ. Пуда у себя никто не смѣетъ держать, а кого въ томъ уличатъ, тотъ платитъ заповѣди два рубля. Брать тамгу, пудъ и всѣ пошлины съ товаромъ царскихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, намѣстничьихъ, боярскихъ, съ сельчанъ царскихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, монастырскихъ, боярскихъ, съ грамотчиковъ и со всѣхъ безъ исключенія. Если купцы иноземные привезутъ бархаты, камки, всякое узорочье, лошадей, то эти товары не прежде пускать въ продажу, какъ послѣ выбора изъ нихъ пригодныхъ государю. Таможники должны беречь накрѣпко, чтобъ всякіе торговые люди и иноземцы не вывозили изъ Новгорода въ Литву и къ Нѣмцамъ денегъ, серебра и золота, сосудовъ, пуговицъ серебряныхъ и золотыхъ, въ сундукахъ, коробьяхъ и ящикахъ. Таможники же должны были брать *поплашную* пошлину по берегамъ рѣки Волхова, съ судовъ и плотовъ, съ плавнаго вѣсу. Тамга и всѣ таможенныя пошлины собирались гостями и купцами Московскими и Новгородскими на вѣру, въ которомъ году кого въ головы поставятъ и цѣловальниковъ выберутъ намѣстники Новгородскіе и дьякъ. Въ 1577 году дана была грамота цѣловальникамъ на торговой сторонѣ, какъ имъ брать пошлину съ дворовъ гостиныхъ и лавокъ: брать у го-

стей за одинъ анбаръ на недѣлю, если гостей много, по три деньги, если мало, то по двѣ, а иногда и по одной; за избу особый наемъ. Поворотная пошлина въ Новгородѣ дворникамъ не бралась; цѣловальники должны были жить на гостиныхъ дворахъ, но женъ не могли на нихъ держать. Тамга и вѣсчая пошлина у Ивана Св. на Опокахъ отдавались на откупъ; въ 1556 году откупщики вѣсчей пошлины отказались, потому что воскъ и сало перестали идти къ Нѣмцамъ и они не могли набрать откупной суммы, за что стояли на правежѣ; тогда царь велѣлъ дьякамъ выбрать людей (не опредѣлено какихъ?) и поручить имъ сборъ вѣсчей пошлины съ тѣмъ, чтобъ они собрали въ годъ ту же самую сумму, какую прежде платили откупщики, именно 233 рубля, 13 алтынъ, а если соберутъ больше, то царь ихъ пожалуетъ; что же будетъ съ ними, если соберутъ меньше — не сказано.

Въ таможенной Орѣшковской грамотѣ перечисляются пошлины: тамга, пудъ, полавочное, поземь, носовое съ судовъ (съ носа на суднѣ), явка, помѣръ, оброкъ съ домницъ и съ горновъ, въ которыхъ дмутъ желѣзо, и съ кузницъ. Мы видѣли въ таможенной Новгородской грамотѣ приказъ брать пошлины со всѣхъ товаровъ, чьи бы они ни были; то же стремленіе къ уничтоженію льготъ относительно взиманія торговыхъ пошлинъ видимъ въ царской грамотѣ Дмитровскимъ таможнымъ откупщикамъ 1549 года. Эти откупщики били челомъ, что пріѣзжаютъ въ Дмитровъ и на Кимру и въ село Рогачево изъ царскихъ подклѣтныхъ селъ, изъ Переяславля, изъ царицыной Мироносицкой слободы, митрополичьи, владычни, княжіе, боярскіе, монастырскіе и другіе крестьяне, Смоленскіе *сведенцы*, *паны* Московскіе, бараши, огородники, торгуютъ всякимъ товаромъ, а пошлины не платятъ, говорятъ, что у нихъ царскія грамоты жалованныя тарханныя, освобождающія ихъ отъ платежа таможенныхъ пошлинъ. Царь отвѣчалъ: я нынѣ всѣ свои жалованныя грамоты тарханныя въ таможенныхъ и помѣрныхъ пошлинахъ уничтожилъ, кромѣ монастырскихъ: Троицкаго Сергіева монастыря, Соловецкаго, Новодѣвичьяго и Ки-

иілова, да Воробьевской слободы. — Наконецъ мы должны помянуть о новой мѣрѣ (осминѣ), введенной въ 1550 году; акъ она вводилась, видно изъ царской грамоты на Двину, тароотамъ, соцкимъ, цѣловальникамъ, лучшимъ, среднимъ и иадшимъ сельскихъ людямъ: «Послалъ я къ вамъ на Двину ѣру мѣдную, новую: и когда къ вамъ эту новую мѣдную мѣру ривезутъ, то вы всѣ земскіе люди сдѣлайте съ нея передъ обою спуски новые деревянные, и велите, передъ собою, на сѣхъ этихъ деревянныхъ спускахъ положить по пятну, и отайте ихъ помѣрщикамъ, чтобъ они давали мѣрить ими всѣмъ одамъ всякое жито; а мѣрили бы купцы и продавцы и вся- іе люди въ тѣ новыя мѣры ровно, безъ верху. Того берегиѣ накрѣпко и въ торгу велите не по одно утро кликать, чтобъ сѣ люди жито мѣрили новыми мѣрами; а кого уличатъ, что онъ мѣрилъ въ старую мѣру, съ того возмите заповѣди два рубля; уличатъ его въ другой разъ, возмите четыре рубля; уличатъ въ третій разъ, возмите съ него втрое, да киньте его въ тюрьму до нашего указа; а заповѣдныя деньги пришлите въ Москву».

Въ Литвѣ мѣста королевскія платили: съ волоки земли перваго разряда цыншу 50 грошей, средняго — 40, низшаго — 30, и со всякой толоки по 12 грошей; съ домовъ — на рынкѣ съ прута по 7 пѣнязей, а въ улицахъ отъ прута по 5 пѣнязей, съ огорода по 2, съ гуменныхъ мѣстъ на предмѣстьѣ отъ прута 1 пѣнязь, а отъ морга 3 гроша; капщизна: отъ меду копа грошей, отъ пива копа грошей, отъ горѣлки 30 грошей. Съ мясниковъ ежегодно бралось въ казну за камень (32 фунта) сала по 15 грошей, а уряду въ торговый день платилось особо деньгами отъ каждой скотины за лопатку. Пришлые въ городѣ люди (коморники) платятъ ежегодно по 2 гроша въ казну. Съ волоки сельской доброй земли крестьяне платили въ королевскихъ имѣніяхъ цыншу — 21 грошъ, средней 12, дурной 8, самой дурной (песчаной или болотистой) 6, овса съ хорошей и посредственной волоки по двѣ бочки, съ худой одна бочка, или 5 грошей за бочку, да за отвозъ

каждой бочки пять грошей; потомъ съ каждой волоки по воз[у] сѣна или по три гроша, за отвозъ по 2 гроша; съ волок[и] очень дурной земли сѣна и овса не давалось; кромѣ того был[ъ] поборъ гусями, курами, яицами. Волока равнялась 19 Рус[-] скимъ десятинамъ; грошъ Литовскій равнялся пяти копѣйкам[ъ] серебромъ.

Еще въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правле[-] нія, мы видѣли новое важное явленіе въ жизни городскаго [и] сельскаго народонаселенія: подлѣ намѣстниковъ, волостелей [и] тіуновъ ихъ является новая власть, инаго происхожденія: жи[-] тели городскіе и сельскіе получаютъ отъ правительства позво[-] леніе сами, независимо отъ намѣстниковъ и волостелей, ло[-] вить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ, для чего дол[-] жны ставить себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, человѣка три[-] или четыре въ волости, присоединяя къ нимъ старостъ, де[-] сятскихъ и лучшихъ людей; эти выборные старшины называ[-] ются иногда прикащиками, иногда выборными головами, губ[-] ными старостами, иногда жители города должны были постав[-] лять между собою десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ для наблюденія за лихими людьми; замѣтивши подозрительнаго че[-] ловѣка, должно было привозить его къ городовому прикащику и съ нимъ вмѣстѣ обыскивать; при пыткѣ должны были при[-] сутствовать также дворскій, цѣловальники и лучшіе люди. От[-] ношенія намѣстниковъ волостелей и тіуновъ ихъ къ губнымъ старостамъ опредѣляется такъ: «Поймаютъ татя въ первой татьбѣ, то доправить на немъ исцевы иски, а въ продажѣ онъ намѣстнику, и волостелямъ, и ихъ тіунамъ; какъ скоро на[-] мѣстники, волостели и ихъ тіуны продажу свою на татѣ воз[-] мутъ, то вы, старосты губные, велите его бить кнутомъ и потомъ выбить изъ земли вонъ».

Псковской лѣтописецъ смотритъ на губныя грамоты, какъ на направленныя противъ намѣстниковъ, вызванныя злоупо[-] требленіями послѣднихъ: въ губныхъ грамотахъ, дошедшихъ до насъ отъ времени малолѣтства Іоанна IV-го, еще нѣтъ жа[-] лобъ на намѣстниковъ: «Мы къ вамъ посылали обыщиковъ сво-

ць; но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ большіе вамъ убытки, и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей разбойниковъ не ловите, потому что вамъ волокита большая». Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ жалоба на намѣстниковъ и тіуновъ ихъ встрѣчается впервые въ 1552 году, въ просьбѣ Важанъ: «Важане, Шенкурцы и Вельскаго стана посадскіе люди и всего Важскаго уѣзда становые и волостные крестьяне били челомъ и сказывали, что у нихъ на посадахъ многіе дворы, а въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ Важскихъ намѣстниковъ, отъ ихъ тіуновъ, доводчиковъ, обыскныхъ грамотъ, отъ лихихъ людей, татей, разбойниковъ, костарей; что Важскаго намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить имъ нельзя, и отъ того у нихъ въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли; крестьяне у нихъ отъ того насильства, продажъ, татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу, а иные разбрелись безвѣстно кой-куда; на оставшихся посадскихъ людяхъ и крестьянахъ намѣстники и тіуны ихъ берутъ свой кормъ, а праветчики и доводчики свой поборъ сполна, и посадскимъ людямъ и крестьянамъ впередъ отъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей, отъ продажъ, всякихъ податей тянуть сполна нельзя. И государь бы пожаловалъ, намѣстника и тіуновъ отставилъ, и велѣлъ бы управу чинить во всякихъ земскихъ дѣлахъ по судебнику выборнымъ лучшимъ людямъ, кого они, всѣ Важане и Шенкурцы, посадскіе люди и крестьяне, излюбили. Пошлинъ излюбленнымъ головамъ со всякихъ управныхъ дѣлъ и разбойныхъ не брать; а за всѣ намѣстничьи и тіунскія пошлины, за всѣ поборы и доходы, кромѣ государевыхъ оброковъ, велѣть на нихъ положить оброкъ деньгами, 1500 рублей ежегодно. — Царь исполнилъ просьбу, велѣлъ быть у нихъ *излюбленнымъ головамъ*; оброкъ, 1500 рублей разводить посадскимъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и молодымъ, самимъ между собою, по животамъ и промысламъ, а крестьянамъ, лучшимъ, среднимъ и молодымъ,

разводить по пашнямъ, животамъ и сохамъ. Оброкъ привозятъ въ Москву излюбленные головы, перемѣняясь по половинамъ, а съ ними лучшіе люди, не дожидаясь пристава; пріѣхавъ въ Москву съ оброкомъ, посуловъ и поминковъ не даютъ они никому ничего; если же не привезутъ оброка въ срокъ, то царь посылаетъ за ними приставовъ, и доправливаетъ оброки вдвое съ ѣздомъ. Они должны прибрать также земскихъ дьяковъ, кто бъ имъ въ земскіе дьяки любъ былъ; дьяки эти должны писать всякія дѣла излюбленныхъ головъ.— Эта жалованная грамота называется откупною, ибо 1500 рублей, взносимые ежегодно, называются намѣстничьимъ откупомъ.

Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Устюжскихъ волостей 1555 года говорится уже о безпрестанныхъ жалобахъ городскаго и сельскаго народонаселенія на намѣстниковъ и волостелей, равно какъ о жалобахъ намѣстниковъ и волостелей на горожанъ и сельчанъ, и о замѣненіи намѣстниковъ и волостелей излюбленными старостами говорится какъ объ общей мѣрѣ, вслѣдствіе этихъ жалобъ предпринятой: Прежде, говоритъ царь, мы жаловали бояръ своихъ, князей и дѣтей боярскихъ, давали города и волости имъ въ кормленья; и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели, праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего указнаго жалованья, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ и ихъ пошлинныхъ людей намъ докуки и челобитья многія, что посадскіе и волостные люди имъ подъ судъ и на поруки не даются, кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ: отъ того между ними поклепы и тяжбы великіе; отъ того на посадахъ многіе крестьянскіе дворы, въ уѣздахъ деревни и дворы позапустѣли, и наши дани и оброки сходятся несполна. И мы, жалуя крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили; а за доходы ихъ, пошлины и присудъ велѣли посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчить деньгами; и велѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ постановить

старостъ излюбленныхъ, которымъ между крестьянами управу чинить, намѣстничьи, волостелины и праветчиковы доходы сбирать и къ намъ на срокъ привозить, которыхъ себѣ крестьяне между собою излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, которые умѣли бы ихъ разсудить въ правду безпосульно и безволокитно, и за намѣстничій доходъ оброкъ собрать умѣли бы и къ нашей казнѣ на срокъ привозили бы безъ недобору. — Въ слѣдующемъ 1556 году дано было право Двинянамъ вмѣсто намѣстниковъ выбрать излюбленныхъ головъ, которые тутъ же называются выборными судьями. Эти выборные судьи на Колмогорахъ на посадѣ, въ станахъ и волостяхъ должны были выбрать соцкихъ, пятидесяцкихъ и десятскихъ, которые были бы добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любы, и велѣть имъ беречь накрѣпко, чтобъ лихихъ людей не было.

Не смотря на то, что замѣненіе намѣстниковъ и волостелей выборными отъ горожанъ и сельчанъ властями представлено въ одной изъ приведенныхъ грамотъ какъ общая мѣра, мы видимъ, что не во всѣхъ волостяхъ произошло это измѣненіе. Чтобъ объяснить себѣ явленіе, мы должны припомнить, что грамоты, которыми волостямъ давалось право управляться своими выборными властями, назывались *откупными*; волость извѣстною суммою, вносимою въ казну, откупалась отъ намѣстниковъ и волостелей; правительство давало ей право откупаться вслѣдствіе ея просьбы; если же она не била челомъ, считала для себя невыгоднымъ новый порядокъ вещей, то оставалась при старомъ. Почему волость не рѣшалась на перемѣну? — на это могли быть разныя причины. Мы знаемъ, какъ вездѣ, при неразвитости гражданскихъ понятій, кажется тяжкимъ исполненіе общественныхъ обязанностей, какъ стараются избѣгать общественныхъ должностей, общественныхъ порученій, какъ трудно найдти людей, которые бы взялись исполнять ихъ и надлежащимъ образомъ исполняли. Волость избирала людей, которые не только должны были посвятить свое время управленію и суду, но также обязаны были отвозить откупную сум-

му въ Москву, спѣшить изъ далекихъ мѣстъ къ сроку, а въ противномъ случаѣ подвергались взысканію. Нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторыя волости не могли удовлетворить новымъ требованіямъ и предпочли оставаться при старомъ. Въ 1577 году мы встрѣчаемъ пожалованіе намѣстничества въ кормленіе, дана была грамота князю Морткину на городъ Корачевъ въ кормленіе, со всѣмъ потому, какъ было за прежними намѣстниками: «И вы, всѣ люди того города, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ и ходитъ у васъ во всемъ по доходному списку, какъ было при прежнихъ намѣстникахъ». Мы видѣли въ Перми намѣстника въ 1581 году, видѣли однако подозрительность, какую обнаружилъ царь относительно его: «людей сбирали бы Пермскіе и Усольскіе люди сами между собою, чтобъ имъ при сборѣ *отъ тебя* убытка не было». Кромѣ кормленія для содержанія намѣстника назначались еще деревни. Въ пограничныхъ, важныхъ по своему военному положенію городахъ видимъ воеводъ. Въ 1555 году князь Дмитрій Палецкій въ Новгородѣ называется и воеводою и намѣстникомъ; потомъ, какъ видно, въ Новгородѣ былъ воевода при намѣстникѣ и считался выше послѣдняго; но въ наказѣ архіепископу Казанскому Гурію видимъ, что намѣстникъ считался честнѣе воеводъ. Въ 1581 году, Свіяжскій воевода Сабуровъ былъ переведенъ воеводою же въ Казань, при чемъ послана была къ нему такая грамота: «Мы велѣли быть на нашей службѣ въ Свіяжскѣ на твое мѣсто воеводѣ князю Петру Буйносову-Ростовскому, а тебѣ велѣли быть въ воеводахъ въ Казани съ княземъ Григоріемъ Булгаковымъ съ товарищи да съ дьякомъ Михайлою Битяговскимъ, вмѣстѣ за одно. И ты бы сдалъ городъ князю Ростовскому, сдай, переписавши нарядъ, пушки и пищали, въ казнѣ зелье и свинецъ и всякій пушечный запасъ, наши прежніе наказы и присыльныя грамоты и всякія наши дѣла. Пріѣхавши въ Казань, былъ бы ты на нашей службѣ въ острогѣ, по прежнему, и списки дѣтей боярскихъ, своихъ полчанъ, которые были прежде у тебя въ полку, взялъ бы у воеводы князя Булгакова, и былъ бы на на-

шей службѣ въ Казани въ городѣ и въ острогѣ, и дѣтей боярскихъ своихъ полчанъ вѣдалъ, и всякими нашими дѣлами промышлялъ; а съ воеводою княземъ Булгаковымъ съ товарищи и съ дьякомъ Битяговскимъ былъ бы безъ мѣстъ, а розни у васъ не было бы ни въ чемъ».

Въ этомъ наказѣ замѣчательны слова, что воевода Сабуровъ долженъ быть вмѣстѣ за одно съ воеводою княземъ Булгаковымъ и съ дьякомъ Битяговскимъ, чтобъ былъ безъ мѣстъ съ воеводою княземъ Булгаковымъ и дьякомъ Битяговскимъ. Мы видѣли, что значеніе дьяковъ при дворѣ и въ областномъ управленіи очень усилилось еще при отцѣ Грознаго, и мы видѣли причины, по которымъ оно не могло ослабѣть при самомъ Грозномъ. Курбскій говоритъ, что Іоаннъ вполнѣ довѣрялъ дьякамъ своимъ, которыхъ избиралъ изъ поповичей или изъ простаго всенародства, и поступалъ такъ, ненавидя вельможъ своихъ; другой отъѣзжикъ, Тетеринъ, писалъ къ Морозову: «Есть у великаго князя новые довѣренные люди (вѣрники) — дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ». Псковской лѣтописецъ не перестаетъ указывать на важное значеніе дьяка въ городовомъ управленіи; такъ, подъ 1534 годомъ онъ говоритъ: дьяка Колтырю Ракова свелъ князь великій на Москву, и была Псковичамъ радость, потому что онъ многія пошлины во Псковѣ уставилъ. Объ отношеніи дьяковъ къ воеводамъ говорится въ царской грамотѣ 1555 года къ Новгородскимъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому: «Велѣли мы боярамъ своимъ и воеводамъ, князю Петру Михайловичу Щенятеву и князю Дмитрію Ѳедоровичу Палецкому, быть для нашего дѣла въ Великомъ Новгородѣ. И которыя наши дѣла у бояръ нашихъ будутъ, и вы бы тѣ дѣла дѣлали и въ нашихъ дѣлахъ ихъ слушали». Но тутъ же видимъ, что при всѣхъ внутреннихъ распоряженіяхъ царь обращается прямо къ дьякамъ; а при внѣшнихъ сношеніяхъ, напримѣръ при допущеніи Дерптскихъ Нѣмцевъ торговать въ Новгородѣ

и Псковѣ, царь обращается къ намѣстнику князю Палецкому и дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому; къ намѣстнику обращается также въ дѣлахъ судныхъ и при распоряженіяхъ относительно войска. Въ концѣ 1555 года, когда намѣстникъ Новгородскій, князь Дмитрій Палецкій, отправился въ походъ противъ Шведовъ, царское жэлованье, Новгородъ, отказалъ и людей своихъ свелъ, царь велѣлъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому выбрать тіуна и приказать ему судить всякія намѣстничьи дѣла, также выбрать недѣльщиковъ; потомъ царь писалъ къ нимъ «теперь мы послали въ Великій Новгородъ Ивана Ивановича Жулебина, велѣли ему, да вамъ, дьякамъ нашимъ, дѣла наши земскія дѣлать, которыя дѣлали прежніе намѣстники. Которыхъ дѣлъ тіунамъ нельзя будетъ рѣшить, тѣ рѣшайте вы съ Иваномъ; а которыхъ и вамъ нельзя будетъ рѣшить, тѣ пересылайте къ намъ». Жулебинъ не носилъ никакого особеннаго названія; во всѣхъ грамотахъ царь продолжаетъ по прежнему обращаться къ однимъ дьякамъ; къ Жулебину обращается онъ только разъ, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ, именно о пересылкѣ грамоты къ Шведскому королю; эта грамота пересылалась отъ имени Новгородскаго намѣстника, князя Глинскаго; но изъ словъ грамоты можно заключить, что Глинскій въ это время еще не пріѣзжалъ въ Новгородъ.

Встрѣчаются названія городничихъ, городовыхъ прикащиковъ и городчиковъ. Въ губной грамотѣ Галичанамъ говорится, чтобъ выборные соцкіе, пятидесяцкіе и десяцкіе привозили лихихъ людей къ городовымъ прикащикамъ и вмѣстѣ съ ними обыскивали ихъ. Изъ другихъ грамотъ видно также, что они вѣдали дѣла земскія, полицейскія и финансовыя. Въ городовые прикащики, или, какъ выражались, на городовой приказъ выбирали всею землею изъ дѣтей боярскихъ; на содержаніе ихъ выдавалось по пяти вытей въ помѣстье. Подлѣ городовыхъ прикащиковъ упоминаются также рѣшеточные прикащики, выбиравшіеся также изъ дѣтей боярскихъ и получавшіе по пяти обжей въ помѣстье; мы видѣли, что еще при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ дьяки въ Новгородѣ велѣли поставить рѣ-

...щики по всему городу и сторожей у рѣшетокъ для прекращенія грабежей и убійствъ; это извѣстіе объясняетъ намъ должность рѣшеточныхъ прикащиковъ; въ одной изъ грамотъ царя Іоанна къ Новгородскимъ дьякамъ читаемъ: «вы бъ еще прислали изъ городчиковъ или изъ рѣшеточныхъ прикащиковъ, которые получше, да подъячихъ добрыхъ, и велѣли имъ по станамъ припасать кормъ конскій и людской для ратныхъ людей». Въ Новгородѣ видимъ по прежнему старостъ по концамъ и улицамъ; когда въ 1548-мъ году царь пожаловалъ, отставилъ въ Новгородѣ корчмы и питье кабацкое, то давали по концамъ и по улицамъ старостамъ, на 30 человѣкъ, двѣ бочки пива, да шесть ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра. Въ 1555 году царь писалъ Новгородскимъ дьякамъ: «Учиненъ былъ въ Великомъ Новгородѣ въ старостахъ Иванъ Борзуновъ; жалованья нашего онъ получалъ по 50 рублей на годъ, да ему же дано помѣстье для старощенья. Теперь я этого Ивана Борзунова отъ старощенья велѣлъ отставить: и вы бъ ему въ судѣ у нашихъ намѣстниковъ и дворецкаго быть не велѣли, нашего жалованья ему не давали, и помѣстье отписали на меня до тѣхъ поръ, какъ выберемъ на его мѣсто другаго старосту». Этотъ Борзуновъ былъ староста большой, обязанностію котораго, между прочимъ, было ѣздить на посады, вынимать корчемное питье и питуховъ брать; съ нимъ вмѣстѣ ѣздили: подъячій, уличный староста и посадскіе люди; безчестья большому старостѣ платилось 50 рублей.

Относительно городскаго народонаселенія встрѣчаемъ различіе между людьми, имѣющими свои дворы, и людьми, которые не имѣютъ своихъ дворовъ, живутъ при своедворцахъ и носятъ названіе *сосѣдей*; такъ напримѣръ въ поручной записи, данной нѣкоторыми Новгородцами по недѣльщикѣ въ 1568 году, говорится: я, Потапъ Ѳоминъ сынъ скотникъ съ Варецкой улицы, живу своимъ дворомъ, да я, Матвѣй Григорьевъ сынъ шелковникъ, живу своимъ дворомъ, да я, Иванъ Ивановъ сынъ Воронковъ Деменскій купчина съ Павловой улицы, живу у Мити, у Деменскаго же купчины, *въ сусѣдѣхъ* и т. д. Въ

Новгородѣ встрѣчаемъ названіе гостей *веденыхъ*; изъ Новгорода, равно какъ изъ Пскова, продолжали выводить горожанъ въ Москву и другіе низовые города: такъ въ 1555 году свели въ Казань опальныхъ Псковичей десять семействъ. Въ 15.. году взялъ царь въ Москву изъ Новгорода 150 семей, да изъ Пскова 500 семей. Въ 1572 году поѣхало изъ Новгорода въ Москву изъ земщины гостей веденыхъ сорокъ семействъ, а изъ опричнины шестьдесятъ семействъ. Отъ 1574 года дошло до насъ описаніе Мурома, которое представляетъ намъ этотъ городъ, то-есть посадъ его, въ незавидномъ положеніи. На посадѣ Муромскомъ находился въ это время царскій дворъ, въ которомъ хоромы, горницы, повалуши и сѣни сгнили и развалились, жилъ на немъ одинъ дворникъ; былъ еще другой дворъ царскій *поледенный*, ставились на немъ подключники и повара царскіе во время государевыхъ рыбныхъ ловель. На посадѣ же находился дворъ зелейный; купеческія лавки: рядъ мясной, рядъ рыбный, соляной, колачный; лавки раздѣлялись на лавки, полки, лубеники, мѣста лавочныя. Въ царскомъ гостиномъ дворѣ находилось 17 лавокъ—всѣ пустыя; кромѣ казеннаго гостинаго двора было два частныхъ; тяглыхъ черныхъ дворовъ 111, жителей въ нихъ 149 человѣкъ, да 107 дворовъ пустыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520, тогда какъ восемь лѣтъ тому назадъ было 587 дворовъ населенныхъ (въ живущемъ), и убыло черныхъ тяглыхъ дворовъ «изъ жива въ пусто» 476 дворовъ; лавокъ занятыхъ было 202, который платили оброку 32 рубля 15 алтынъ, а пустыхъ лавокъ 117.

Если правительство, для своихъ цѣлей, ставило новые города на западной и южной границахъ, то на востокѣ, куда по прежнему продолжало двигаться народонаселеніе, новые городки являлись сами собою. Мы видѣли, что богатые Строгановы собственными средствами построили нѣсколько городковъ; жители Вятской области, Верхнеслободскаго городка выводили сначала починки и деревни, которыя садились на лѣсу, потомъ этими деревнями и починками поставили себѣ городокъ на Шестаковѣ, на заемныя деньги, при чемъ выпросили себѣ у

царя льготную грамоту, по которой они могли платить свои долги впродолженіе пяти лѣтъ въ истую уплату, безъ росту; Слободской намѣстникъ не сталъ было обращать вниманія на эту грамоту, заимодавцы начали править свои деньги на Шестаковцахъ, и послѣдніе обратились къ царю съ жалобою, въ которой между прочимъ писали: «которые людишки должные въ Шестаковскій городъ пришли на пусто, и теперь они отъ своихъ должниковъ (заимодавцевъ) разбѣжались и пашни свои пометали». Изъ этого видимъ, вопервыхъ, какого рода люди населяли новые отдаленные городки, и, вовторыхъ, чѣмъ они занимались; должники бросились бѣжать отъ своихъ заимодавцевъ и пометали свои пашни. Какъ заводились слободы, видно изъ слѣдующаго извѣстія лѣтописи подъ 1572 годомъ: «Въ Новгородѣ кликали: которые люди кабальные, монастырскіе и всякіе, чей кто нибудь, пусть идутъ въ государскую слободу на Холыню; государь даетъ по 5 рублей, по человѣку посмотря, а льготы на 5-ть лѣтъ».

Города не измѣняли своего прежняго вида; по прежнему встрѣчаемъ извѣстія о мощеніи улицъ деревомъ; кучи деревянныхъ зданій, изъ которыхъ составлялись посады, по прежнему становились легкою добычею пламени. Мы упоминали о большомъ Московскомъ пожарѣ; въ Новгородѣ, въ 1541 году, выгорѣлъ весь Славенскій конецъ, 908 дворовъ, погибло 22 человѣка. Въ 1554 году сгорѣло 1500 дворовъ: зажгли зажигальщики; но ко времени Іоанна IV-го относится начало строгихъ мѣръ, предписываемыхъ правительствомъ для избѣжанія частыхъ пожаровъ въ городахъ. Въ 1560 году царскіе дьяки велѣли Новгородцамъ ставить по дворамъ своимъ у дымницъ бочки и чаны съ водою, и чтобъ на каждой избѣ были вѣники на шестахъ. Въ 1571 году по всему Новгороду запрещено было лѣтомъ избы топить, Новгородцы дѣлали печи въ огородахъ и по дворамъ и тамъ пекли хлѣбы и колачи. — Въ лѣтописяхъ находимъ извѣстія о печатяхъ для городовъ, именно для Дерпта и Новгорода Великаго; велѣлъ царь сдѣлать печать въ вотчину Лифляндскую, въ городъ Юрьевъ, а на печати клеймо — орелъ

двоеглавый, у орла у правой ноги гербъ, печать Юрьевска[go]
бискупа, около же печати подпись: царскаго величества б[o]
рина и намѣстника Вифлянскіе земли печать; и тою печа[ть]
велѣлъ грамоты перемирныя съ Шведскимъ королемъ печат[ать]
и грамоты въ иныя государства. Государь велѣлъ сдѣлать [пе]
чать новую въ Великій Новгородъ, намѣстникамъ печат[ать]
перемирныя грамоты съ Шведскимъ королемъ, а на ней кле[йма]
мѣсто, а на мѣстѣ посохъ; а у мѣста на одной сторонѣ м[ед]
вѣдь, а на другой рысь, а подъ мѣстомъ рыба, а око[ло]
печати подпись: царскаго величества боярина и намѣстн[ика]
печать. Изъ этихъ извѣстій ясно видно, что печати эти у[по]
треблялись для внѣшнихъ сношеній и, по всѣмъ вѣроятност[и,]
были только въ Новгородѣ и Дерптѣ. Новгородскій лѣтописе[цъ]
говоритъ намъ о слѣдующихъ событіяхъ въ своемъ городѣ: [въ]
1543 году присланъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ Ив[анъ]
Дмитріевичъ Кривой, который устроилъ въ Новгородѣ 8 ко[р]
чемныхъ дворовъ; но черезъ три года корчмы были отставле[ны].
Въ 1549 году царь порушилъ въ Новгородѣ ряды и грам[оты]
рядовыя собралъ въ казну [33].

Мы видѣли, что и сельскіе жители вмѣстѣ съ городск[ими]
при Іоаннѣ IV-мъ начали получать откупныя грамоты, дававш[ія]
имъ право избирать изъ своей среды правителей и судей. [Въ]
1555 году крестьяне Устюжскаго уѣзда получили право в[ы]
брать излюбленныхъ старостъ или судей; послѣдніе долж[ны]
были людей судить и управу чинить по судебнику и устав[ной]
грамотѣ; но въ разбойныхъ дѣлахъ волостныхъ людей судятъ [и]
управу чинятъ губные старосты. Излюбленные старосты вмѣс[тѣ]
со всѣми крестьянами, лучшими, средними и младшими лю[дь]
ми, выбираютъ цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сид[ѣть]
и на разсылкѣ быть, дьяковъ земскихъ, кому судныя дѣла п[и]
сать, выбираютъ также людей, которые должны заступать м[ѣ]
сто доводчиковъ, кому у нихъ на поруки давать и на су[дъ]
ставить; выбираются во всѣ эти должности волостные же лю[]
ди. Въ уставной Двинской грамотѣ 1556 года излюбленным[ъ]
головамъ поручены также и разбойныя дѣла: «а на судахъ и

обыскахъ и во всякихъ дѣлахъ у выборныхъ судей быть [...]нимъ людямъ посадскимъ и волостнымъ, чтобъ у нихъ силъ [...]бидъ и продажъ безлѣпичныхъ не было бы». Въ 1554 году [...] была уставная грамота двумъ дворцовымъ селамъ, Аѳа[...]сьевскому и Васильевскому, по которой царскіе намѣстники, [...]тчики и тіуны крестьянъ этихъ селъ не судили ни въ чемъ, [...]мѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, судилъ ихъ посель[...]й, у котораго тѣ села и деревни въ приказѣ; а въ 1556 го[...] царь пожаловалъ крестьянъ своихъ Переяславскихъ подклѣт[...]хъ селъ, отъ ключникова и посельничьяго суда ихъ отставилъ, [...]велѣлъ быть у нихъ въ судьяхъ тѣхъ же селъ крестьянамъ, [...]торыхъ они всѣ выбрали. Удѣльный князь Владиміръ Андре[...]вичъ слѣдовалъ примѣру царя, давалъ крестьянамъ своихъ [...]лостей право избирать изъ среды себя излюбленныхъ судей. [...]сительно содержанія этихъ выборныхъ лицъ знаемъ изъ цар[...]ской грамоты въ Вышковскій станъ 1565 года, что выборный [...]губной цѣловальникъ получалъ отъ выбравшихъ его крестьянъ [...]подмоги по полтинѣ съ сохи.

Въ царскихъ грамотахъ встрѣчается обыкновенное раздѣленіе крестьянъ на лучшихъ, среднихъ и младшихъ; въ грамотахъ, писанныхъ самими крестьянами, встрѣчаемъ раздѣленіе на крестьянъ пахатныхъ, непахатныхъ и деревенскихъ; именемъ сельчанъ непашенныхъ въ одной грамотѣ называются мельникъ, портной мастеръ, сапожный мастеръ. Такимъ образомъ, если въ городахъ посадскіе люди занимались хлѣбопашествомъ, то, съ другой стороны, въ селахъ видимъ сапожныхъ и портныхъ мастеровъ. Относительно крестьянскаго выхода въ новомъ Судебникѣ Іоанна IV-го повторено положеніе Судебника Іоанна III, что крестьяне отказываются изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ разъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня; плата за пожилое увеличилась: по Судебнику Іоанна III крестьянинъ платилъ въ поляхъ за дворъ рубль, а въ лѣсахъ полтину; по Судебнику Іоанна IV-го въ поляхъ платилъ рубль и два алтына, а въ лѣсахъ, гдѣ десять верстъ до хоромнаго (строеваго) лѣсу, полтину и два алтына.

Кромѣ этого опредѣленія, что̀ разумѣть подъ выраженіемъ: *лѣсахъ*, въ Судебникѣ Іоанна IV–го находимъ еще слѣдую прибавки: Пожилое брать съ воротъ, а за повозъ брать двора по два алтына, кромѣ же того на крестьянинѣ пошл нѣтъ. Если останется у крестьянина хлѣбъ въ землѣ (то-е если выйдетъ, посѣявъ хлѣбъ), то когда онъ этотъ хлѣбъ п нетъ, платитъ съ него, или съ стоячаго два алтына; плат онъ царскую подать со ржи до тѣхъ поръ, пока была р его въ землѣ, а боярскаго ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не лать. Если крестьянинъ съ пашни продается кому–нибудь полные холопы, то выходитъ безсрочно и пожилаго съ н нѣтъ; а который его хлѣбъ останется въ землѣ, и онъ съ н платитъ царскую подать, а не захочетъ платить подати, лишается своего землянаго хлѣба. Если поймаютъ крестьян на полѣ въ разбоѣ или въ другомъ какомъ-нибудь лихомъ д и отдадутъ его за господина его, за кѣмъ живетъ, или ручитъ его господинъ, и если этотъ крестьянинъ пойдетъ за него вонъ, то господинъ долженъ его выпустить, но на казчикѣ взять поруку съ записью: если станутъ искать это крестьянина въ какомъ–нибудь другомъ дѣлѣ, то онъ былъ на лице. Встрѣчаются впрочемъ случаи, гдѣ позволялось в водить крестьянъ безсрочно: такъ напримѣръ Важане жало лись, что у нихъ въ станахъ и волостяхъ многія деревни за пустѣли, крестьяне отъ насильства, продажъ и татебъ роз шлись въ монастыри *безсрочно и безъ отказу*. Государь жалуя имъ право выбрать излюбленныхъ головъ, между пр чимъ говоритъ въ своей грамотѣ: въ пустыя имъ деревни на пустоши и на старыя селища крестьянъ называвать и ст рыхъ имъ своихъ тятлецовъ крестьянъ изъ за монастырей вы водить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ п старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде. — Здѣсь безсрочный и безотказный выходъ условливаетъ без срочный и безпошлинный поворотъ крестьянъ на прежнія жи лища.

Понятно, что въ эти времена, когда государство было еще

жъ юно, когда оно дѣлало еще только первыя попытки для раниченія насилія сильныхъ, перезывъ крестьянъ, при комъ сталкивались такіе важные интересы, не могъ обхоься безъ насилій. Помѣщики, пользуясь безпомощнымъ соніемъ своихъ сосѣдей, вывозили у нихъ крестьянъ не въ окъ, безъ отказа и безпошлинно. Крестьяне черныхъ стаъ Пусторжевскихъ били челомъ, что дѣти боярскіе Ржевскіе, ковскіе и Луцкіе выводятъ за себя въ крестьяне изъ Пусржевскихъ черныхъ деревень не по сроку, во всѣ дни и зпошлинно; а когда изъ черныхъ деревень пріѣдутъ къ нимъ казчики съ отказомъ въ срокъ отказывать изъ за нихъ крестьнъ въ черныя деревни, то дѣти боярскіе этихъ отказчиковъ ьютъ и въ желѣза куютъ, а крестьянъ изъ за себя не выускаютъ, но, поймавъ ихъ, мучатъ, грабятъ и въ желѣ куютъ, пожилое берутъ съ нихъ не по Судебнику, а рублей по пяти и по десяти, а потому вывести крестьянина отъына боярскаго въ черныя деревни никакъ нельзя. Эта жалоба на задержку крестьянъ и на взятіе съ нихъ лишняго за пожилое противъ Судебника не была единственною въ описываемое время. Иногда землевладѣлецъ, взявши съ отказывающагося крестьянина всѣ пошлины, грабилъ его, и когда тотъ шелъ жаловаться, землевладѣлецъ объявлялъ его своимъ бѣглымъ холопомъ и обвинялъ въ воровствѣ. Дѣти боярскіе пользовались своею силою противъ черныхъ деревень, не отпускали къ нимъ крестьянъ; приказчики и крестьяне царскихъ селъ позволяли себѣ насилія, явные разбои надъ монастырскими крестьянами: такъ приказчики и всѣ крестьяне села Хрепелева, принадлежавшаго Покровскому дѣвичью монастырю, били челомъ, что государевъ Дуниловскій приказчикъ прислалъ своихъ людей и крестьянъ, которые оступили село Хрепелево, бросились грабить монастырскіе дворы конюшенный и большой, старосту и крестьянъ начали бить на смерть, стрѣлять изъ луковъ и ручницъ, колоть рогатинами, сѣчь саблями и топорками, пограбили всего добра монастырскаго и крестьянскаго на 160 рублей. Иногда крестьянинъ, отживъ льготные годы, про-

должалъ не платить никакихъ пошлинъ, не давался подъ с
землевладѣльцу, и когда тотъ высылалъ его, не ѣхалъ; зе
владѣлецъ обращался къ суду, который, найдя жалобу
справедливою, рѣшалъ, чтобъ крестьянинъ выѣхалъ непре
но въ мѣсячный срокъ, въ противномъ случаѣ приказы
выметать его вонъ немедленно.

До насъ дошли отъ описываемаго времени порядныя
етьянскія грамоты съ землевладѣльцами, съ монастырями.
нихъ прежде всего говорится, сколько земли занимаетъ кре
янинъ, потомъ перечисляется, сколько крестьянинъ обя
давать оброку землевладѣльцу, при чемъ оброкъ хлѣбомъ
дѣляется отъ денежной дани; кромѣ того крестьянинъ об
вался платить тіунскія, ключничьи и посельничьи пошл
давать всякіе *разрубы* и ходить на монастырское дѣло, по
но всѣмъ другимъ крестьянамъ; иногда, если крестьянинъ
ходилъ на новое или запустѣлое мѣсто, долженъ былъ рас
хивать деревню, какъ тогда выражались, огораживать п
чинить старые хоромы, строить новые, то получалъ отъ з
левладѣльца подмогу деньгами и льготу на нѣсколько лѣтъ не
вать дани и не ходить на работу. Это выраженіе: *распахи
деревню* указываетъ намъ на первоначальное значеніе дере
и на отношеніе ея къ селу: слово *деревня* происходитъ
дерево и потому означаетъ мѣсто только недавно освобож
ное отъ лѣса, расчищенное для пашни: этому представле
соотвѣтствуетъ уже извѣстное намъ западно-русское выра
ніе: *сырой корень, сѣсть на сыромъ корню.* Если крест
нинъ не отживалъ льготныхъ лѣтъ и уходилъ, не исполни
своихъ обязанностей, то долженъ былъ возвращать подмогу зе
левладѣльцу. Въ случаѣ неисправнаго платежа оброка пра
тельство грозило крестьянамъ, жившимъ на черныхъ земл
«ослушниковъ изъ волости высылать, и впередъ имъ въ той во
лости не живать, а на ихъ мѣсто называть иныхъ жильцев»
Устроить хозяйство на новомъ или запустѣломъ мѣстѣ назыв
лось *наставить соху.* Иногда на одинъ участокъ земли садил
двое крестьянъ, между которыми не видно родственной связ

Относительно холопей въ новомъ Судебникѣ Іоанна IV-го встрѣчаемъ перемѣны противъ Судебника Іоанна III-го; перемѣны эти клонятся къ ограниченію числа случаевъ, въ которыхъ свободный человѣкъ становился холопомъ. Въ старомъ Судебникѣ говорится: «по тіунству и по ключу сельскому холопъ, съ докладомъ и безъ докладу»; въ новомъ: «по тіунству безъ полной и безъ докладной не холопъ; а по сельскому ключу безъ докладной не холопъ». Далѣе, у полныхъ и докладныхъ холопей отнято право продавать своихъ свободныхъ сыновей, которые у нихъ родились до холопства; эти свободные сыновья могутъ продаваться сами кому хотятъ, тому ли же господину, у котораго отцы ихъ служатъ, или кому-нибудь другому. Монахи и монахини также лишены права продавать своихъ сыновей и дочерей. Отпускныя можно было давать только въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Если вольный человѣкъ занималъ деньги и за ростъ давалъ на себя кабалу служить заимодавцу, то занимаемая имъ сумма не могла превышать пятнадцати рублей. Если на одного холопа объявятъ притязанія два хозяина, положатъ на одного холопа двѣ полныя или двѣ докладныя: то холопъ присуждается тому, чья полная или докладная будетъ старше, при чемъ деньги, заплаченныя новымъ господиномъ, пропали; кромѣ того послѣдній долженъ заплатить старому господину за убытки, если холопъ ушелъ отъ него покравши; второй господинъ вѣдается съ своимъ знахоремъ (человѣкомъ представившимъ ему холопа за вольнаго) самъ, и если станетъ бить челомъ на знахоря, то дать ему на него судъ. Если холопа рать полонитъ и онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то свободенъ, старому господину больше не холопъ, развѣ самъ захочетъ идти къ нему опять въ холопы. Если холопъ убѣжитъ съ господиномъ своимъ, или одинъ побѣжитъ въ чужую землю, а потомъ опять выйдетъ къ Москвѣ: то онъ старому господину холопъ, развѣ государь пожалуетъ ему вольную грамоту. Дѣтей боярскихъ служивыхъ и дѣтей ихъ, которые еще не служили, въ холопи не принимать никому, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ

Бывали примѣры, что задавались въ холопи и съ дерев
такъ какой-то Неклюдъ Семеновъ, благословляя деревен
племянника своего Глѣбова, выговаривалъ, чтобъ онъ эту
ревеньку мимо митрополита не продалъ, не промѣнивалъ и
холопи съ нею не давался. Кто займетъ деньги въ ростъ,
не можетъ служить заимодавцу, живетъ самъ по себѣ и
титъ ростъ; если же заимодавецъ будетъ держать должни
себя и послѣдній сбѣжитъ у него покравши, то заимодав
не имѣетъ права искать своей пропажи и по кабалѣ де
лишенъ. Если какіе-нибудь люди станутъ у кого-нибудь с
жить добровольно, безъ крѣпостей, и пойдутъ отъ нихъ пр
съ отказомъ или безъ отказу, и тѣ люди, у которыхъ они сл
жили, станутъ на нихъ искать сносовъ (покражъ), то тѣ
людямъ, у которыхъ они служили, суда на нихъ не дава
потому что служилъ онъ у него добровольно, и господинъ,
желая его отъ себя отпустить, ищетъ на немъ сносу; а ч
у него пропало, то онъ самъ у себя потерялъ, потому ч
добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ кр
пости. Если кто станетъ искать людей своихъ въ холопи,
полнымъ и по докладнымъ, или по холопѣ рабы, или по раб
холопа и сносу, а холопи передъ судьею станутъ отъ холопст
оттягиваться, и если кто-нибудь этихъ холопей съ суда выру
читъ, и за порукою холопъ сбѣжитъ: тогда весь искъ и пошлин
брать на поручникахъ, съ которыхъ за холопью голову за вся-
кую взять по четыре рубли; и хотя еще господинъ не дока-
залъ холопства, холопа присудить въ бѣглые: онъ тѣмъ вино-
ватъ, что сбѣжалъ; гдѣ господинъ его найдетъ, тутъ и беретъ
себѣ безъ пристава, а деньги, чтó взялъ на поручникахъ, на-
задъ не отдаетъ. О наймитѣ опредѣлено: если наймитъ, не до-
служивъ у господина своего, пойдетъ прочь, то найму лишен
А который господинъ наймиту не захочетъ дать найму, и ули-
читъ его въ этомъ наймитъ, то съ господина доправить наемъ
вдвое. Кромѣ названія *наймитъ* для означенія вольнонанимаю-
щагося работника, въ томъ же смыслѣ продолжаемъ встрѣчать
названіе *козакъ*, преимущественно когда дѣло идетъ о про-

мышленности не земледѣльческой, напримѣръ въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю 1543 года говорится: «Кто у нихъ станетъ жить у Соли, у варницы и въ дворахъ, повара и водоливы и всякіе козаки: намѣстники наши и волостели и тіуны ихъ тѣхъ людей не судятъ; а которые козаки приходцы порядятся жить за монастыремъ, въ варницы, въ повара, водоливы, дрова рубить и возить, и всякое дѣло дѣлать: такимъ являться къ нашимъ намѣстникамъ» и проч. Докладныя грамоты на холопство имѣютъ такую форму: господинъ, поставя предъ намѣстникомъ человѣка, отдающагося ему въ холопство, говоритъ: вотъ, господинъ! это человѣкъ вольный царя и великаго князя, беретъ у меня столько-то денегъ и въ этихъ деньгахъ отдается мнѣ на ключъ въ мое село, а по ключу отдается мнѣ въ холопи. Намѣстникъ спрашиваетъ у отдающагося въ холопи, дѣйствительно это такъ ли? тотъ утверждаетъ показаніе господина. Потомъ прописываются имена тѣхъ, кто былъ на докладѣ (знахори), прописывается, есть ли у отдающагося въ холопи отецъ и мать, или нѣтъ, и что онъ другому никому не холопилъ.

Если при переходѣ крестьянъ были случаи, когда землевладѣльцы позволяли себѣ нарушеніе закона, перезывали не въ срокъ крестьянъ, задерживали ихъ у себя, брали лишнее за пожилое, то и въ отношеніи къ холопямъ видимъ подобное же нарушеніе закона, переманку къ себѣ чужихъ холопей; случалось, что бѣглый холопъ, отыскиваемый господиномъ, объявлялъ передъ судьею, что онъ бѣжалъ и съ покражею совершенно отъ другаго господина, по обѣщанію послѣдняго отстоять его отъ законнаго иска. До насъ не дошло случаевъ закабаленія вольныхъ людей безъ ихъ согласія: Судебникъ Іоанна IV-го опредѣляетъ за это смертную казнь.

Изъ инородцевъ одни платили ясакъ правительству, другіе прежнимъ своимъ природнымъ владѣльцамъ: такъ, въ 1580 году, дана была жалованная грамота Кадомскому Ишею Мурзѣ на отцовскій ясакъ съ Тялдемской Мордвы, что по рѣкѣ Мокшѣ; ясакъ состоялъ въ семи рубляхъ съ полтиною въ

годъ; съ этого ясака Ишей Мурза обязанъ былъ служить государеву службу, кормить сестру и выдать ее замужъ [84].

Мы видѣли, что если жители городовъ, т. е. посадовъ, занимались хлѣбопашествомъ, то жители сельскіе занимались разными ремеслами. Первоначальная промышленность въ царствованіе Іоанна IV-го распространилась вслѣдствіе пріобрѣтенія новыхъ странъ на востокѣ и населенія незанятыхъ еще тамъ дикихъ пространствъ; особенно распространилось рыболовство вслѣдствіе пріобрѣтенія низовьевъ Волги, гдѣ оно производилось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Новоустроенный въ Астрахани Троицкій монастырь вмѣсто денежной и хлѣбной руги просилъ нѣсколько мѣстъ въ устьяхъ Волги, удобныхъ для рыболовства. Изъ старыхъ мѣстъ встрѣчаемъ извѣстіе о состояніи рыболовной волости въ Переяславскомъ посадѣ: здѣсь въ 1562 году было рыболовскихъ дворовъ 99 и въ нихъ столько же людей, одинъ средній и 98 младшихъ, пустыхъ дворовъ 21, пустыхъ мѣстъ 40. Ямскія деньги, за посошныхъ людей и за всякое городовое и засѣчное дѣло рыболовы Переяславскіе вносили въ Большой Дворецъ; оброку давали они царю за щуки *закорныя* и за сельди четыре рубля двадцать алтынъ съ деньгою; кромѣ того давали на дворецъ неводъ сто саженъ да двѣ матицы; ловили на царя сельди безурочно; на царя же ловили на *полёдной* ловлѣ двѣ ночи, на царицу ночь, на поледчика ночь, на стольника ночь, на двухъ намѣстниковъ по ночи. Ловили они во всемъ озерѣ Переяславскомъ и въ рѣкѣ Вексѣ запорнымъ неводомъ, сѣтями, бредниками, котцами съ весны, какъ вода пойдетъ; имъ дано было кругомъ озера Переяславскаго берегу суши отъ воды по десяти саженъ для пристанища, гдѣ имъ неводы и сѣти вѣшать. — Отъ описываемаго времени дошло до насъ любопытное извѣстіе, что дворцовые сокольники, занимаясь своимъ промысломъ на отдаленномъ сѣверѣ, были также населителями пустынныхъ пространствъ: такъ трое Вологодскихъ оброчниковъ соколья пути, Блазновы, просили у царя въ 1548 году себѣ во владѣніе дикія мѣста, покрытыя лѣсомъ, мхами

болотами, гдѣ находятся кречатьи и сокольи сѣдьбища, отъ обитаемыхъ мѣстъ версты за три и за четыре; царь далъ имъ просимыя земли, велѣлъ тамъ дворы ставить, лѣсъ на пашни расчищать, на ихахъ и болотахъ помыкать кречетовъ и соколовъ для царской охоты, кого перезовутъ къ себѣ не письменныхъ и не тяглыхъ людей, тѣ освобождаются отъ всякихъ пошлинъ на десять лѣтъ; по прошествіи урочныхъ лѣтъ сокольники даютъ на царскую сокольню по три сокола, а не будетъ соколовъ перомъ, даютъ оброку полтора рубля.

Соляная промышленность распространилась вслѣдствіе занятія Строгановыми дикихъ Прикамскихъ земель и вслѣдствіе пріобрѣтенія Астрахани, въ 30 миляхъ отъ которой находилась ископаемая соль; промышленники сами ломали ее, платя въ казну по копѣйкѣ съ пуда. Въ старыхъ областяхъ упоминаются въ 1543 году соляныя варницы въ уѣздѣ Стародуба сѣвернаго или Ряполовскаго, принадлежащія Троицкому Сергіеву монастырю; названіе *Новая* Соль на Холую показываетъ, что варницы эти были заведены недавно. Для селитрянаго производства (ямчужнаго дѣла) посылался ямчужный мастеръ, который въ назначенномъ мѣстѣ строилъ анбаръ; окольные сельчане обязаны были высылать къ этому анбару землю, дрова, золу. Въ описываемое время селитра выдѣлывалась на Бѣлѣозерѣ; выдѣлка производилась отъ казны; но въ 1582 году Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь получилъ право поставить анбаръ и варить силитру всею Кирилловскою вотчиною на соху по два пуда, всего 38 пудовъ; это количество селитры доброй перепущенной, которая бы къ ручному зелью годилась, монастырь обязанъ былъ присылать въ Москву, въ Пушечный Приказъ. Мы видѣли также, что Григорью Строганову позволено было въ Сольвычегодскѣ сварить 30 пудовъ селитры для построеннаго имъ городка, но не на продажу. Въ Двинской области, около Емецкаго яма, жители выдѣлывали много смолы и золы. Псковскіе каменьщики не утратили своей славы: когда въ 1555 году царь задумалъ укрѣпить Казань каменными стѣнами, то Псковской дьякъ Билибинъ, двое старостъ,

церковный и городовой мастеръ Посникъ Яковлевъ и каменщики Псковскіе Ивашка Ширяй съ товарищами получили приказъ прибрать 200 человѣкъ Псковскихъ каменьщиковъ, стѣнщиковъ и ломцевъ для отсылки въ Казань. Вообще, какъ видно, и въ описываемое время между Русскими людьми мастерства процвѣтали болѣе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Такъ рѣщики на камнѣ выписывались изъ Новгорода: въ 1556 году царь писалъ къ Новгородскимъ дьякамъ: «Мы послали въ Новгородъ мастера *печатныхъ книгъ* Марушу Нефедьева, велѣли ему посмотрѣть камень, который приготовленъ на помостъ въ церковь къ Пречистой къ Срѣтенію. Когда Маруша этотъ камень осмотритъ, скажетъ вамъ, что онъ годится на помостъ церковный, и лице будетъ на него наложить можно: то вы бы этотъ камень осмотрѣли сами, и мастеровъ добыли, ктобъ на немъ лице наложилъ, какъ у Софіи Премудрости Божіей; а если самъ Маруша захочетъ поискуситься, лице наложить, то вы бы, для образца, прислали къ намъ камня два или три; да велѣли бы испытать всѣхъ трехъ камней, желѣзницы, голубицы и красный. Маруша же намъ сказывалъ, что есть въ Новгородѣ Васюкомъ зовутъ Никифоровъ, умѣетъ рѣзать рѣзь всякую: и вы бы этого Васюка прислали къ намъ на Москву». Послѣ большаго Московскаго пожара, когда приступили къ возобновленію церквей, то послали за иконописцами въ Новгородъ и Псковъ; изъ Псковскихъ иконописцевъ были извѣстны въ это время: Останъ, Яковъ, Михайла, Якушка, Семенъ Высокій Глаголь; въ Новгородѣ дьяконъ Никифоръ Грабленый. Упоминается колокольный мастеръ Иванъ Аѳанасьевъ, который слилъ колоколъ для Новгорода въ Александровской слободѣ. Подъ 1558 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ Саввиной пустыни покрывали церковь новою кровлею мастера домашніе Захаръ и Семенъ. Но въ 1535 году каменную церковь Св. Георгія на Хутыни, «чудесную, какой нѣтъ въ Новгородской землѣ», строили мастера Тверской земли, старшему изъ нихъ имя Ермолай. Въ 1536 году была построена первая *теплая* церковь въ Новгородѣ, Срѣтенія

на Дворищѣ. Изъ Новгорода же выписывались серебряные мастера для дѣланія иконныхъ окладовъ: этимъ мастерствомъ были извѣстны Артемій и Родіонъ Петровы съ братьями и дѣтьми. Въ Новгородѣ можно было достать оконничныя разноцвѣтныя стекла, которыя выписывались отсюда царемъ. Въ Москвѣ упоминается особое мастерство ожерелейное, въ Новгородѣ упоминаются сермяжники, молодожники, красильники. По свидѣтельству Михалона Литвина, города Московскіе изобиловали мастерами, которые отправляли въ Литву деревянныя чаши, палки для опоры слабымъ, старымъ и пьянымъ, сѣдла, копья, украшенія и различныя оружія. Несмотря на то, Русскихъ мастеровъ было очень недостаточно: мы видѣли, какъ Іоаннъ домогался гаваней на Балтійскомъ морѣ для того, чтобъ иностранные мастера могли безпрепятственно пріѣзжать въ его государство; какъ сильна была нужда въ знающихъ какое-нибудь мастерство иностранцахъ, видно изъ слѣдующей грамоты царя къ Новгородскимъ дьякамъ въ 1556 году: «Велѣли бы вы въ Новгородѣ, пригородахъ, волостяхъ и рядахъ кликать по торгамъ не одно утро, чтобъ боярскіе дѣти и всякіе люди Нѣмецкихъ плѣнниковъ Нѣмцамъ и въ Литву не продавали, а продавали бъ ихъ въ Московскіе города; а на кого доведутъ дѣти боярскіе, что Нѣмецкихъ плѣнниковъ продавалъ Нѣмцамъ, тѣхъ дѣтей боярскихъ пожалую своимъ жалованьемъ, а доведетъ черный человѣкъ, и ему на томъ, на кого доведетъ, доправить 50 рублей, а продавцовъ сажать въ тюрьму до нашего указу. Если случится у кого-нибудь изъ дѣтей боярскихъ и всякихъ людей Нѣмецъ плѣнный, умѣющій дѣлать руду серебряную и серебряное, золотое, мѣдное, оловянное и всякое дѣло: то вы бы велѣли такихъ плѣнныхъ дѣтямъ боярскимъ везти къ намъ въ Москву, и мы этихъ дѣтей боярскихъ пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ»[35]. Въ 1567 году выѣхали въ Москву изъ Англіи: докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, пробиреръ и другіе мастера.

Пріобрѣтеніе Казани и Астрахани должно было усилить торговлю съ востокомъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ преж-

нимъ. Объ Астраханской торговлѣ до насъ дошли отъ описываемаго времени два противорѣчивыя извѣстія съ востока и запада: мы видѣли, какъ огроменъ былъ доходъ Московскаго царя отъ таможенныхъ Астраханскихъ пошлинъ по показаніямъ магометанскихъ владѣльцевъ, хотѣвшихъ побудить султана къ овладѣнію Астраханью. Но на этихъ показаніяхъ мы конечно не можемъ успокоиться, зная страсть восточныхъ народовъ къ преувеличеніямъ, особенно когда дѣло идетъ объ исполненіи какого-нибудь желанія. Иначе отзываются объ Астраханской торговлѣ Англійскіе путешественники: по ихъ словамъ, Русскіе привозятъ въ Астрахань кожи, деревянную посуду, узды, сѣдла, ножи и разныя другія бездѣлицы, также хлѣбъ и другіе съѣстные припасы; Татары привозятъ разнаго рода шерстяные и шелковые товары и другія вещи, но въ такомъ маломъ количествѣ и купцы такъ бѣдны, что не стóитъ говорить объ этомъ. Купцы Армянскіе и Турецкіе по прежнему пріѣзжали въ Москву; по Англійскимъ извѣстіямъ, они платили десятую деньгу со всѣхъ товаровъ, кромѣ того за вѣсъ двѣ деньги съ рубля; при продажѣ лошадей по 4 деньги съ лошади. Бухарцы также пріѣзжали въ Москву, привозили пряные коренья, мѣха, которые скупали въ Сибири; Ногаи продолжали пригонять на продажу огромные табуны лошадей: въ 1555 году, напримѣръ, они пригнали въ Казань 20,000 лошадей и болѣе 20,000 овецъ.

Въ договорахъ съ Швеціею, Даніею и Англіею видимъ со стороны Московскаго правительства попытки завести дѣятельную торговлю съ западными Европейскими государствами. О значительности торговли съ Швеціею можно судить изъ того, что Густавъ Ваза, предъ началомъ войны съ Москвою, велѣлъ захватить въ своихъ владѣніяхъ 300 Русскихъ купцовъ изъ Новгорода, Корелы и Орѣшка; здѣсь, разумѣется, могутъ возникнуть два вопроса: не преувеличено ли это показаніе, данное въ Москвѣ въ отвѣтъ Польскому королю, который ходатайствовалъ о мирѣ съ Швеціею? потомъ любопытно было бы знать, гдѣ торговали эти Русскіе купцы — въ пограничныхъ ли го-

родахъ, напримѣръ въ Выборгѣ, или въ собственной Швеціи? Но мы видѣли, что при заключеніи мира съ Швеціею царь далъ право Шведскимъ купцамъ ѣздить не только въ Москву, Казань и Астрахань, но чрезъ Россію въ Индію и Китай съ условіемъ, чтобъ и Русскимъ купцамъ позволено было изъ Швеціи отправляться въ Любекъ, Антверпенъ и Испанію. Въ договорѣ съ королемъ Датскимъ выговорена была Русскимъ купцамъ свободная торговля во всѣхъ городахъ Датской земли: «а меклеремъ и веркоперомъ на обѣ стороны отнюдь у нихъ не быть, пошлины и мыты платить какъ гдѣ обычай въ которой землѣ, Которые наши купцы и гости, Русь и Нѣмцы поѣдутъ изъ Копенгагена въ заморскія государства съ товаромъ, или заморскихъ государствъ купцы пойдутъ мимо Датскаго королевства морскими воротами, проливомъ Зундомъ: то король долженъ ихъ пропускать». Князю Ромодановскому, ѣхавшему посломъ въ Данію, было наказано: Говорить, чтобъ купецкія мѣста царевымъ гостямъ велѣлъ король очистить такія же, какіе дворы даны въ Великомъ Новгородѣ и въ Иванъ-городѣ, гдѣ бы близко пристани, и по обѣимъ сторонамъ Русской церкви Нѣмецкимъ церквамъ не быть. А если король дворовъ не дастъ въ Копенгагенѣ и въ Готландѣ, то сказать, что царь не дастъ Датскимъ купцамъ дворовъ въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ. Подъ 1567 годомъ въ лѣтописяхъ встрѣчается слѣдующее извѣстіе: «отпустилъ государь съ своею *бологодѣтію* отъ своей казны своихъ гостей и купцовъ въ поморскія государства: въ Антропъ (Антверпенъ) къ бурмистрамъ и ратманамъ послалъ гостя Ивана Аѳанасьева да купца Тимоѳея Смывалова; въ Гурмызъ купцовъ Дмитрія Ивашева да Ѳедора Першина; въ Англійскую землю къ Елисаветѣ королевнѣ купцовъ Степана Твердикова да Ѳедота Погорѣлова». Были ли это просто послы, отправленные на царскомъ иждивеніи, или ѣздили они съ товарами изъ казны царской съ цѣлію продать ихъ въ чужихъ земляхъ и купить тамъ другихъ товаровъ, нужныхъ для государя? Какъ видно, и то, и другое. По Англійскимъ извѣстіямъ, въ 1568 году дѣйствительно были въ Англіи Русскіе послы Твердиковъ и Погорѣловъ.

Голландцы имѣли свой дворъ въ Новгородѣ и торговали безпошлинно; потомъ за какіе-то противозаконные поступки потеряли свои льготы, и снова возвратили ихъ, заплативши 30,000 рублей. Изъ переговоровъ царя съ Англійскимъ посломъ Боусомъ мы узнаемъ, что къ извѣстнымъ сѣвернымъ гаванямъ приходили Французскіе купцы и купецъ изъ Антверпена Иванъ Бѣлобородъ (John de Wale). Но всего болѣе извѣстій имѣемъ мы объ Англійской торговлѣ во времена Іоанна IV-го; мы видѣли, какъ началась она и какіе были послѣдніе о ней переговоры у царя съ посломъ Елисаветы, Боусомъ; здѣсь считаемъ нужнымъ привести нѣкоторыя подробности для показанія, въ какомъ духѣ, съ какими цѣлями дѣйствовала Русская компанія, утвержденная королемъ Филиппомъ и королевою Маріею въ 1555 году. Агенты, отправленные компаніею въ Россію, обязаны были изучить характеръ Русскаго народонаселенія во всѣхъ сословіяхъ; остерегаться, чтобъ никакой законъ Русскій, ни религіозный, ни гражданскій, не былъ нарушенъ ни ими, агентами, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ Англичанъ; смотрѣть, чтобъ всѣ пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискаціи товаровъ, чтобы все происходило покойно, безъ нарушенія порядка въ тѣхъ мѣстахъ, куда Англичане пріѣдутъ и будутъ торговать; агенты должны въ Москвѣ или другомъ какомъ-нибудь городѣ или въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ будетъ выгоднѣе торговать, построить одинъ или нѣсколько домовъ для себя и всѣхъ своихъ людей съ магазинами, погребами и другими службами, и смотрѣть, чтобъ никто изъ нижнихъ служителей не смѣлъ ночевать внѣ агентскаго дома безъ позволенія; всѣ нижніе чины должны повиноваться агентамъ, и въ случаѣ неповиновенія наказываются по произволу послѣднихъ. Агенты и факторы будутъ ежедневно собираться и совѣтоваться вмѣстѣ о томъ, что̀ было бы всего приличнѣе и выгоднѣе для компаніи. Ни одинъ низшій служитель не можетъ самъ отъ себя произвести никакой торговой сдѣлки, а только по порученію и наказу агентовъ. Агенты должны подробно замѣтить всѣ роды товаровъ, которые могутъ быть

съ выгодою проданы въ Россіи, должны имѣть постоянно въ умѣ, какъ бы всѣми возможными средствами узнать дорогу въ Китай, моремъ или сухимъ путемъ; должны заботиться объ изученіи Русскаго народа, его характера, нравовъ, обычаевъ, податей, монеты, вѣса, мѣръ, счета, товаровъ, какіе ему нужны и какіе нѣтъ, дабы вслѣдствіе незнанія всего этого компанія не потерпѣла какого-нибудь вреда или убытку, при чемъ она объявляетъ, что незнаніе подобнаго рода не будетъ принято въ оправданіе вины. — Послѣ компанія обозначила своимъ агентамъ, какіе изъ Русскихъ товаровъ имѣютъ наибольшій сбытъ въ Англіи, это—воскъ, сало, масло, пенька и ленъ; мѣха требуются только дешевые, дорогихъ мѣховъ ненадобно присылать много; не присылать и пеньки необработанной, потому что это будетъ дорого стоить; но компанія посылаетъ въ Россію семь канатныхъ мастеровъ, которыхъ агенты должны засадить тотчасъ за работу, снабдивши ихъ работниками: это дѣло первой надобности; компанія полагаетъ, что это будетъ дешевле стоить, чѣмъ выписывать канаты изъ Данцига. Компанія предписала агентамъ выслать образцы желѣза и мѣди, ибо она слышала, что въ Россіи и Татаріи добывается большое количество этихъ металловъ; дать знать, какого рода шерстяныя ткани привозятся въ Россію изъ Риги, Ревеля, Польши и Литвы, съ подробнымъ описаніемъ ихъ ширины и длины, цвѣта и цѣны, и какое количество ихъ можетъ быть сбыто въ годъ, чтобъ такое же приготовить въ Англіи; выслать всякаго рода кожи, ибо слышно, что Нѣмцы и Голландцы закупаютъ ихъ въ Россіи большое количество. Прислать на пробу извѣстное количество земель или травъ, или чего бы то ни было, чѣмъ Русскіе красятъ шерстяныя и льняныя ткани, кожи и т. п., равно выслать и тѣ красильныя вещества, которыя Турки и Татары привозятъ въ Россію, съ описаніемъ, какъ употреблять ихъ при крашеніи. Русскій посолъ согласился на просьбы компаніи, чтобъ агенты ея могли покупать у Русскихъ товары въ долгъ: вслѣдствіе этого она требуетъ отъ агентовъ, чтобъ они этимъ или какимъ-нибудь другимъ способомъ накупили

какъ можно болѣе воску, чтобъ захватить его весь въ свои руки и снабжать имъ не только свою страну, но и чужія. Какія выгоды получила компанія отъ торговли съ Россіею, видно изъ донесеній агента ея Гудсона (Hoddesdon): въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ продавалъ сукно, стоившее на мѣстѣ 6 фунтовъ стерлинговъ, по 17 рублей за кусокъ, чтó, по его словамъ, составляло почти тройную цѣну; въ Москвѣ товары, стоившіе 6608 фунтовъ, проданы были за 13644. — Мы видѣли, какія причины выставляло Московское правительство Англійскому послу Боусу, почему ограничены были льготы Англійскихъ купцовъ; но Боусъ приводитъ другія причины: по его словамъ, Голландцы пріобрѣли расположеніе трехъ главныхъ совѣтниковъ царскихъ — Никиты Романовича, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова, ибо кромѣ безпрестанныхъ подарковъ, они заняли у нихъ столько денегъ по 25 процентовъ, что платили каждому изъ нихъ ежегодно по 5000 марокъ, тогда какъ Англійскіе купцы не имѣли въ это время ни одного доброжелателя при дворѣ.

Самымъ значительнымъ по торговлѣ городомъ и въ описываемое время продолжалъ быть Новгородъ Великій: хотя государь утвердилъ свой столъ въ Москвѣ, пишутъ Англичане, однако удобство водяныхъ сообщеній и близость моря заставляютъ купцовъ посѣщать Новгородъ предпочтительно предъ Москвою. Главные товары, которыми Новгородъ производилъ торговлю, были: превосходный ленъ и пенька, кожи, медъ и воскъ; двумя послѣдними товарами производилъ торговлю также Псковъ. Послѣ Новгорода и Пскова важными торговыми городами были Ярославль и Вологда. Страна между Ярославлемъ и Москвою была самая населенная и считалась очень плодоносною; зимою по Ярославской дорогѣ въ Москву попадались иногда обозы въ 700 или 800 саней, нагруженныхъ хлѣбомъ или рыбою; сѣверные жители за 1000 верстъ пріѣзжали въ Москву покупать хлѣбъ и привозили соленую рыбу, мѣха, кожи. Вологда производила торговлю преимущественно льномъ; кромѣ того Вологодскимъ купцамъ принадлежала бóльшая часть

судовъ, плававшихъ по Сѣверной Двинѣ, насадовъ и дощаниковъ, на которыхъ перевозилась соль отъ морскаго берега въ Вологду. Англичане устроили въ Вологдѣ контору на основаніи донесенія агента Гасса, который писалъ въ 1554 году о Вологдѣ, что это городъ большой, въ сердцѣ Россіи, окруженъ многими большими и хорошими городами; здѣсь большое изобиліе въ хлѣбѣ, вообще въ жизненныхъ припасахъ и во всѣхъ Русскихъ товарахъ; нѣтъ города въ Россіи, который бы не торговалъ съ Вологдою; всѣ вещи здѣсь вдвое дешевле, чѣмъ въ Москвѣ или въ Новгородѣ. Для торговли мѣхами главнымъ мѣстомъ были Холмогоры, куда мѣха привозились на оленяхъ изъ Печоры, Пинеги, Лампаса (Лампожни, въ 18 верстахъ отъ Мезени) и Пустозерска; жители этихъ мѣстъ скупали ихъ у Самоѣдовъ и промѣнивали купцамъ Холмогорскимъ на сукно, олово, мѣдь; для этой мѣны въ зимній Николинъ день была въ Холмогорахъ большая ярмарка, на которую, кромѣ мѣховъ, привозили также тюленій жиръ; жиръ этотъ Холмогорскіе купцы отвозили въ Новгородъ, гдѣ продавали Нѣмцамъ, мѣха отвозили въ Новгородъ, Вологду или Москву. Кромѣ того Холмогоры снабжали сосѣднія страны солью и соленою рыбою. Мы видѣли, что соль эта шла по Сѣверной Двинѣ въ Вологду; другимъ путемъ шла она на юго-западъ чрезъ посредство Каргопольцевъ, Онѣжанъ, Турчасовцевъ, Порожанъ, Устьмошанъ и Мехренжанъ, которые ѣздили къ морю, покупали соль у Поморцевъ и въ Каргополѣ продавали Бѣлозерцамъ, Вологжанамъ и жителямъ другихъ городовъ; но эти купцы вели свое дѣло нечисто, подмѣшивали въ соль негодную примѣсь, и убытчили купцовъ Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ; жалуясь на нихъ правительству, Бѣлозерцы выставляютъ на видъ, что въ той соли, которую привозятъ съ Двины сами Двиняне, подмѣси никакой не бываетъ.

Сказавши о распространеніи Русской торговли въ царствованіе Грознаго, мы должны упомянуть и о препятствіяхъ, которыя она встрѣчала въ это время. По прежнему препятствовала торговлѣ громадность разстояній и неудобства, въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ невозможность лѣтняго пути. Несмотря на всѣ усилія, гаваней на Балтійскомъ морѣ не получили; открытъ былъ далекій путь чрезъ Бѣлое море и Сѣверный океанъ, но для проѣзда отъ гавани Св. Николая, гдѣ приставали Англичане, до Вологды водою должно было употребить 14 сутокъ; въ лѣтнюю пору сухимъ путемъ здѣсь нельзя было ѣздить по причинѣ болотъ; зимою на саняхъ отъ Бѣлаго моря до Вологды можно было проѣхать въ 8 дней; отъ Вологды до Ярославля сухимъ путемъ ѣздили въ два дня; изъ Ярославля до Астрахани плыли 30 сутокъ, слѣд. отъ гавани Св. Николая до Каспійскаго моря на этотъ путь, посредствовавшій между Европою и Азіею, надобно было употреблять 46 дней. На Балтійскомъ морѣ Москва, впродолженіе нѣкотораго времени, имѣла Нарвскій портъ; но мы видѣли, какъ сосѣднія государства, особенно Польша, хлопотали объ уничтоженіи Нарвской торговли. Въ 1567 году агентъ Англійской компаніи Гудсонъ приплылъ въ Нарву съ товарами на 11,000 фунтовъ стерлинговъ; товары эти состояли изъ сукна, коразеи и соли; при продажѣ ихъ компанія получила 40 процентовъ прибыли. Въ 1569 году тотъ же Гудсонъ приплылъ изъ Лондона въ Нарву на трехъ корабляхъ, и писалъ компаніи, чтобъ на слѣдующую весну она прислала 13 кораблей, которые всѣ онъ надѣется нагрузить товарами; но при томъ онъ писалъ, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрѣльнымъ оружіемъ на случай встрѣчи съ корсарами. Дѣйствительно, Англійскіе корабли встрѣтили шесть кораблей Польскихъ корсаровъ; бой былъ неравный: одинъ корсарскій корабль ушелъ, другой былъ сожженъ, остальные четыре приведены были въ Нарву и 82 человѣка плѣнныхъ выданы были Московскому воеводѣ.

Вторымъ препятствіемъ служило то, что пустынныя дороги не были безопасны. По Волгѣ каждое лѣто проходило 500 судовъ большихъ и малыхъ, съ верхнихъ частей рѣки до Астрахани, за солью и рыбою, но суда эти отъ самой Казани до Астрахани должны были плыть чрезъ страну пустынную; мѣсто на Переволокѣ, тамъ, гдѣ Волга находится въ ближайшемъ

разстоянiи отъ Дона, славилось разбойниками; Англичане пишутъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Астрахань и Казань подпали подъ власть Русскаго царя, разбойниковъ здѣсь стало меньше; но потомъ мы встрѣчаемъ Русскiя извѣстiя о козацкихъ разбояхъ по Волгѣ, о вредѣ, который они причиняли торговлѣ. На юго-западѣ Малороссiйскiе козаки или Черкасы грабили купцовъ Турецкихъ и Крымскихъ, шедшихъ въ Москву или изъ Москвы. По прежнему встрѣчаемъ постоянныя жалобы Литовскихъ купцовъ на притѣсненiя и разбои въ Московскихъ областяхъ, и жалобы Московскихъ купцовъ на притѣсненiя въ Литвѣ. Литовскiе купцы жаловались, что подъ Можайскомъ напали на нихъ разбойники. Могилевскихъ мѣщанъ, ѣхавшихъ съ большимъ обозомъ торговать въ Стародубъ, побили до смерти подъ самымъ городомъ и товару пограбили на 600 рублей. Литовскiе купцы остановились въ слободѣ Селижаровскаго монастыря; монастырскiй человѣкъ Окуловъ позвалъ ихъ къ себѣ, угостилъ и, отпуская на подворье, далъ въ провожатые четыре человѣка; но эти провожатые напали на дорогѣ на купцовъ, прибили ихъ и отняли 23 рубля денегъ; купцы били челомъ игумену, но игуменъ управы имъ не далъ. Въ обоихъ государствахъ, Московскомъ и Литовскомъ, задерживали купцовъ за то, что они покупали, или старались провезти запрещенные товары: такъ одинъ Литовскiй купецъ привезъ въ Москву сукна, и купилъ здѣсь воскъ, а у серебряныхъ мастеровъ купилъ ковши серебряные, чарку и слитки, всего серебра 15 гривенокъ, весь этотъ товаръ у него взяли и, по жалобѣ пословъ, бояре приговорили: весь товаръ отдать купцу, кромѣ купленнаго серебра. Псковской купецъ шелъ изъ Царяграда и везъ нефть вмѣстѣ съ другими товарами: въ Кiевѣ его схватили, товаръ отняли и самого купца держали три года; на жалобы Московскаго правительства король отвѣчалъ, что нефть запрещено возить съ обѣихъ сторонъ. Въ 1555 году въ Москвѣ запретили вывозъ воска и сала въ Ливонiю; также ограничена была торговля съ Швецiею: царь велѣлъ порубежнымъ людямъ ѣздить въ Выборгъ только съ мелкими товара-

ни, а съ воскомъ, саломъ, льномъ и посконью ѣздить не д
дѣлъ.

Число внутреннихъ таможенъ не только не уменьшилось, еще увеличилось вслѣдствіе учрежденія опричнины: такъ Новгородской таможенной грамотѣ 1571 года читаемъ: кото гости и торговые люди Новгородцы, Софійской стороны, с нутъ пріѣзжать въ государеву опричнину, на торговую сто ну съ товарами, то они должны являться таможенникамъ, таможенники должны брать съ нихъ явку, и съ товаровъ тамгу и всякія пошлины точно такъ же, какъ берутъ явку тамгу съ пригородскихъ и волостныхъ людей Новгородской зем Къ числу вредныхъ для торговли распоряженій должно отне продолжавшійся обычай жаловать монастырямъ право на без пошлинную торговлю; такъ, напримѣръ, Астраханскій Троиц монастырь выпросилъ себѣ право поставить въ Астрахани ла ку, покупать въ ней и продавать безпошлинно на монасты скій обиходъ, и право держать судно бѣловерку, или дощеник въ длину отъ кормы до носа тридцати саженъ, и привозить этомъ суднѣ соль или рыбу изъ Астрахани вверхъ Волгою Ярославля и Окою до Калуги, продавать эти товары и покупа другіе безпошлинно. Въ 1582 году подтверждена была жал ванная грамота Троицкому Сергіеву монастырю, по котор монастырь имѣлъ право посылать съ Вологды на Двину въ Хо могоры и за море четыре насада съ подвозками, возить на них хлѣбъ всякій, медъ, хмѣль и всякій товаръ, продавать и по купать соль въ Холмогорахъ, по Двинѣ, въ Каргополѣ, Угли чѣ, Тотьмѣ и за моремъ безпошлинно; кромѣ того, монастырь могъ купить сто возовъ рыбы, и везти соль и рыбу до мона стыря и до Москвы безпошлинно; привезши въ Москву, про давать и покупать безпошлинно же.

Для избѣжанія внутреннихъ таможенъ купцы выбирали для ярмарокъ новыя мѣста, гдѣ еще не было таможенниковъ; но послѣдніе провѣдывали объ этомъ и доносили въ Москву, откуда приходила строгая заповѣдь не торговать нигдѣ, кромѣ назначенныхъ мѣстъ, подъ страхомъ отобранія товаровъ. Иногда

тчинники извѣстнаго ярмарочнаго мѣста били челомъ, чтобъ омѣ ихъ вотчины по окрестностямъ не было нигдѣ ярмарокъ, о они откупали таможенныя и замытныя пошлины; иногда , наоборотъ, вотчинникъ просилъ о сведеніи ярмарки съ его ли, потому что, при тогдашнемъ состояніи нравовъ и поціи, крестьянамъ его было больше убытку отъ нея, чѣмъ были; такъ игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря съ тіею били челомъ, что подъ ихъ монастыремъ у Пречистой Киржачи три раза въ годъ съѣзжаются торговать многіе ди со всякимъ товаромъ и отъ этого ихъ монастырскимъ стьянамъ обиды великія, бьютъ ихъ и грабятъ, хлѣбъ и ю травятъ, отъ волостеля и его пошлинниковъ крестьянамъ одажи великія, съ торговыми людьми ихъ продаютъ: царь полнилъ просьбу игумена, велѣлъ свести торгъ со Киржачи. Вообще, хотя мы не имѣемъ достаточнаго числа данныхъ я опредѣленія степени матеріальнаго благосостоянія жителей осковскаго государства въ правленіе Іоанна IV-го, сравнильно со временами предшествовавшими и послѣдовавшими, нако изъ тѣхъ извѣстій, которыя дошли до насъ, мы никакъ е можемъ заключить, чтобъ эта степень благосостоянія была лика. Восточныя области государства были успокоены покоеніемъ Казани, но южныя страдали по прежнему отъ Крымевъ: опустошительное вторженіе Девлетъ-Гирея надолго осталю слѣды въ Москвѣ и въ южныхъ областяхъ, лишившихся вѣта своего народонаселенія. На западѣ шла продолжительная, тяжелая война Ливонская, къ которой присоединились войны Литовская и Шведская, на востокѣ бунтовали дикіе народы: все это требовало сильныхъ напряженій отъ государства юнаго, съ народонаселеніемъ малочисленнымъ; Іоаннъ принужденъ былъ занимать деньги у своихъ подданныхъ, и долги эти были выплачены только Лжедимитріемъ. Право имѣть выборныя власти, отстранять насилія и своевольства намѣстниковъ и волостелей могло во многихъ мѣстахъ содѣйствовать спокойствію и матеріальному благосостоянію жителей: но вспомнимъ жалобы и своихъ и чужихъ на опричнину, на жестокости Іоанна.

Иностранцы даютъ Новгороду первое мѣсто въ торговомъ отношеніи: но вспомнимъ, что̀ Іоаннъ сдѣлалъ съ Новго́родомъ, и не съ однимъ Новгородомъ, ибо онъ началъ опустошительный походъ свой съ Твери.

Сюда присоединялись еще бѣдствія физическія. Осенью 1552 года свирѣпствовалъ моръ въ Новгородѣ и по волостямъ его: умерло 279,594 человѣка. Въ 1553 году былъ большой моръ въ Псковѣ: въ годъ положили въ скудельницахъ 25,000 человѣкъ, а по оврагамъ неизвѣстно сколько. Осенью 1565 года свирѣпствовалъ моръ въ Полоцкѣ, продолжался до 6-го Декабря; весною слѣдующаго года онъ открылся на Лукахъ, въ Торопцѣ, Смоленскѣ, осенью свирѣпствовалъ въ Великомъ Новгородѣ, Старой Русѣ, Псковѣ, дошелъ до Можайска и Москвы. Въ 1567 году пришла на Казанскія, Свіяжскія и Чебоксэрскія мѣста мышь малая изъ лѣсовъ тучами великими и не оставила ни одного колоса, поѣла хлѣбъ въ житницахъ и закромахъ; въ 1570 году свирѣпствовалъ страшный голодъ и моръ по всему государству. Изъ мѣръ противъ распространенія заразы упоминаются заставы, сторожа. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1551 годомъ читаемъ: былъ кличь въ Новгородѣ о Псковичахъ и гостяхъ, чтобъ всѣ они ѣхали вонъ тотчасъ изъ Новгорода съ товарами своими: а поймаютъ гостя Псковича на другой день въ Новгородѣ съ товаромъ, то, выведши за городъ, сжечь его и съ товаромъ; найдутъ Псковича во дворѣ, то дворника бить кнутомъ, а Псковича сжечь. И была застава на Псковской дорогѣ, чтобъ гости съ товарами не ѣздили ни изъ Пскова въ Новгородъ, ни изъ Новгорода во Псковъ. Подъ 1571 годомъ читаемъ: на которыхъ людяхъ было знамя смертоносное, тѣхъ у церквей погребать не велѣли, а велѣли хоронить ихъ за шесть верстъ отъ Новгорода; поставили заставу по улицамъ и сторожей: въ которой улицѣ человѣкъ умретъ знаменемъ, тѣ дворы запирали и съ людьми, и кормили тѣхъ людей улицею; отцамъ духовнымъ исповѣдывать тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, а станетъ священникъ такихъ людей исповѣдывать, не доложа бояръ, то его сжечь вмѣстѣ

съ больными. Въ 1566 году, когда въ Можайскѣ явилось лихое повѣтріе, царь велѣлъ учредить заставу крѣпкую. Во время язвы 1571 года, по Англійскимъ извѣстіямъ, дороги были загорожены, и кто пытался проѣхать непозволенными путями, тѣхъ жгли. Въ Псковской лѣтописи подъ 1568 годомъ читаемъ: видѣли сторожа у Черескаго моста ночью свѣтъ и людей многое множество, вооруженныхъ воинскимъ обычаемъ и ѣдущихъ ко Пскову, а сторожа тѣ поставлены были стеречь отъ мору [36].

Чтó касается до быта городовъ западной Россіи, то здѣсь продолжается прежнее явленіе, распри горожанъ съ бурмистрами, радцами, воеводами, князьями, панами и боярами, потому что, быть можетъ, нигдѣ въ то время презрѣніе власти и закона сильными людьми не доходило до такой степени, какъ въ Польшѣ и Литвѣ. Мы видѣли, что жители Вильны, въ распрѣ съ своими бурмистрами и радцами, требовали измѣненія въ старомъ городовомъ уставѣ; но король Сигизмундъ I не согласился на это, оставилъ все по старинѣ. Но недовольные нашли средство привлечь на свою сторону королеву Бону, и, по ея настоянію, какъ говоритъ самъ король, онъ въ 1536 году приказалъ радѣ и поспольству выбрать изъ среды себя вѣрныхъ, смышленыхъ, изучившихъ Нѣмецкое Магдебургское право людей, которые бы рѣшили споры, а въ какихъ статьяхъ не могли согласиться, тѣ передали бы на рѣшеніе королевское. Вслѣдствіе этого составленъ былъ и подтвержденъ новый городовой уставъ слѣдующаго содержанія: по прежнему должно быть въ городѣ 24 радцы и 12 бурмистровъ, половина Римскаго и половина Греческаго закона. Изъ нихъ ежегодно два бурмистра — одинъ Римскаго и одинъ Греческаго закона, и четыре радцы — два Римскаго и два Греческаго закона — должны быть на степени, присутствующими (сѣдячими), и получаютъ жалованье бурмистръ по двадцати, а радца по десяти копъ грошей. Городовое имущество, доходы и расходы вѣдаютъ четыре шафера; двоихъ изъ нихъ выбираетъ рада изъ среды себя, а двоихъ выбираетъ рада жь изъ поспольства такимъ образомъ: поспольство выбираетъ 8 человѣкъ и ставитъ

предъ радою, которая изъ нихъ выбираетъ двоихъ. Шафер обязаны ежегодно составлять отчеты, при чемъ должны нео ходимо присутствовать два члена рады, остальные же ка хотятъ; должны присутствовать также изъ цеховъ по одн мастеру, которыхъ выбираетъ рада, а поспольство выбира изъ купцовъ и другихъ Виленскихъ горожанъ, постоянно зд живущихъ, 18 человѣкъ, а рада выбираетъ изъ нихъ шес человѣкъ; эти выборные изъ поспольства и цеховъ, по выслуш ніи отчета, присягаютъ, что не будутъ разглашать объ имущ ствѣ и *таемницахъ* городскихъ. Отъ казны и привилегій гор скихъ должны быть четыре замка и четверо ключей, двое ключ у бурмистра степеннаго вѣры Римской и двое—Греческой. Ка на эта можетъ употребляться только на общія городскія потре ности. Рада разсуждаетъ о своихъ дѣлахъ съ бурмистрами в одной избѣ, а лавники (цѣловальники) сидятъ и судятъ со во томъ въ другой, развѣ только когда рада пришлетъ за лавни ками для какихъ-нибудь общихъ дѣлъ, тогда лавники приходятъ къ радѣ; лавники имѣютъ свою печать, которую корол даетъ имъ навсегда; такимъ образомъ, сидя въ разныхъ избахъ, рада и лавники не будутъ мѣшать другъ другу. Въ бурмистры, радцы и лавники не могутъ избираться вмѣстѣ отецъ съ сыномъ и родные братья; также не можетъ отецъ сидѣть въ радѣ, и сынъ его въ лавѣ, или одинъ братъ въ радѣ, а другой въ лавѣ. Каждый четвергъ, въ положенный часъ рада должна собираться въ ратушу, и если кто не явится, тотъ платитъ штрафъ, а если по чьему-либо отсутствію не дойдетъ правды простому человѣку, тогда виновный долженъ быть наказанъ по закону. Послы, пришедшіе отъ города и на городскомъ иждивеніи къ государю, не должны въ то время заниматься своими или чьими-нибудь другими дѣлами, кромѣ общихъ городскихъ; когда послы возвратятся отъ государя назадъ въ городъ, тогда рада созываетъ поспольство, и послы передъ радою и поспольствомъ должны объявить, съ чѣмь пріѣхали отъ государя. Рада и поспольство должны стараться, чтобъ по возможности все было готово къ оборонѣ противъ непріятеля — пушки, ружья

и т. п.; чтобъ каждый мѣщанинъ (горожанинъ) имѣлъ свое ружье, рогатины, ведра, топоры. Если случится пожаръ, то каждый мѣщанинъ обязанъ бѣжать гасить огонь, а бурмистры степенные обязаны принуждать къ этому народъ. Во время повѣтрія добрые люди должны наблюдать, чтобъ люди не умирали безъ завѣщаній. Рада должна заботиться о снабженіи города водою, о томъ, чтобъ мясники не били нездоровый скотъ и не продавали, должна скупать на городскія деньги хлѣбъ на случай голода или осады, должна наблюдать за вѣсами и мѣрами купеческими; всѣ ворота городскіе рада должна имѣть подъ своимъ ключемъ и надзоромъ. Кто захочетъ выйти изъ-подъ Магдебургскаго права и поддаться подъ другое право, тотъ долженъ прежде продать свое недвижимое имущество мѣщанину, ратушѣ послушному. Рада безъ поспольства не можетъ налагать никакихъ новыхъ податей.—Человѣкъ, пришедшій откуда бы-то ни было и прожившій въ Вильнѣ шесть лѣтъ, не могъ быть оттуда выведенъ, ни потревоженъ никакимъ правительственнымъ лицомъ подъ страхомъ платежа 500 копъ грошей штрафа.

Одинакія финансовыя побужденія заставляли правительство какъ восточной, такъ и западной Россіи блюсти за тѣмъ, чтобъ *посадскіе люди* или *мѣщане* не выходили съ своимъ недвижимымъ имуществомъ изъ сословія тяглыхъ людей, ибо казна лишалась чрезъ это доходовъ, остальные же горожене чувствовали большую тягость при исполненіи разныхъ общихъ городскихъ обязанностей. До свѣдѣнія короля Сигизмунда дошло, что многіе домы въ Вильнѣ выходятъ изъ послушанія городовому правленію — одни чрезъ тайныя соглашенія и записи, правительству необъявленныя, другіе чрезъ супружество со вдовами и дѣвицами дворянскими или служебниковъ панскихъ, чрезъ подданство ремесленниковъ въ оборону панамъ раднымъ и другимъ правительственнымъ лицамъ, отъ чего доходы королевскіе и городскіе очень уменьшаются. Король въ 1553 году приказалъ войту и радцамъ внимательно наблюдать, чтобъ никто ни подъ какимъ видомъ не высвобождался изъ-подъ городскаго пра-

ва и подъ присягою доносить объ этомъ ему, королю, а онъ домы и фольфарки такихъ ослушниковъ будетъ отбирать и отдавать на городскія потребности. Но въ томъ же году войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане жаловались королю, что многіе дворяне, бояре и панскіе слуги, взявши въ приданое за женами мѣщанскіе дома, не хотятъ вмѣстѣ съ мѣщанами нести никакихъ городскихъ повинностей: король написалъ воеводѣ Виленскому, чтобъ всѣ домовладѣльцы, какого бы званія ни были, исполняли всѣ городскія обязанности. Но черезъ десять лѣтъ приказъ королевскій былъ забытъ, и Сигизмундъ Августъ долженъ былъ повторить панамъ раднымъ, чтобъ они не принимали къ себѣ мѣщанъ Виленскихъ съ ихъ домами.

Въ 1568 году Сигизмундъ Августъ въ награду за вѣрность, оказанную особенно въ военное время, далъ шляхетскія права всѣмъ мѣщанамъ Виленскимъ, занимавшимъ правительственныя должности въ городѣ; права эти передавались и дѣтямъ ихъ, если послѣдніе не запятнали себя низкими ремеслами.

Изъ новой грамоты на Магдебургское право, данной Полоцку Баторіемъ въ 1580 году, узнаемъ, что войтомъ обыкновенно былъ здѣсь воевода.

Нѣсколько разъ войтъ, бурмистры, радцы и все поспольство Виленское жаловались королю на притѣсненія, которыя имъ дѣлаются при раздачѣ квартиръ постояльцамъ, дворянамъ и слугамъ королевскимъ, панамъ раднымъ и чиновникамъ, посламъ своимъ и чужеземнымъ (когда всѣ эти лица пріѣзжали въ Вильну во время пребыванія тамъ короля): забираютъ лучшія комнаты, хозяина съ женою и дѣтьми выгоняютъ, пожитки ихъ и скотъ забираютъ; помѣстится хозяинъ съ женою и дѣтьми въ одной свѣтлицѣ — и туда часто становятъ постояльца; и все это дѣлается не для того, что постояльцу нужна квартира, а для того, чтобъ взять съ хозяина деньги: не захочетъ откупиться, такъ и терпи. Въ 1568 году король приказалъ, чтобъ квартиры расписывались непремѣнно въ присутствіи двухъ городскихъ радцевъ, и чтобъ не отводить квартиръ никому, у кого есть свои домы въ городѣ. Въ 1539 году,

вслѣдствіе жалобъ жителей Черкасъ на своего старосту, было опредѣлено, что они обязаны давать на городовую сторо́жу по два гроша съ каждаго человѣка, который ѣстъ свой хлѣбъ; ежегодно должны давать старостѣ по возу сѣна съ каждаго двора; медъ возить въ Кіевъ на продажу не могутъ, но должны продавать его на мѣстѣ старостѣ по 85 грошей кадь, будетъ ли онъ дешевъ или дорогъ; могутъ сытить ежегодно восемь кануновъ, по двѣ кади каждый разъ: къ Рождеству Христову, къ Велику дню, къ Св. Иліи, къ Спасу, къ Успенію Пречистой, къ Рождеству Пречистой, къ Св. Михаилу Архангелу, къ Св. Николѣ; съ пасекъ старостѣ ничего не даютъ; что́ касается до уходовъ по Днѣпру бобровыхъ и рыбныхъ, то староста отпускаетъ ихъ на эти уходы изъ доли, на какой съ ними условится; осенью, когда колодки на бобровъ будутъ ставить, даютъ по бобру на городъ; рыбу вольно имъ ловить и продавать, только часть должны давать на городъ; который козакъ умретъ или Татары возьмутъ, а жены и дѣтей у него не останется, то половину имѣнія его староста беретъ на городъ, а другую отдаетъ по душѣ; Днѣпровскій порогъ Звонецъ мѣщане держатъ за собою и староста въ него не вступается; коледы на Рождество Христово мѣщане и козаки даютъ старостѣ по лисицѣ или по куницѣ, а не будетъ лисицы или куницы, то по шести грошей; съ двухъ человѣкъ староста беретъ по подводѣ на поѣздъ въ Каневъ; случится посолъ или гонецъ Татарскій, то мѣщане даютъ ему квартиру, а староста медъ; что́ касается до сторожи степной и водяной и переѣзжанья Татарскихъ шляховъ, то мѣщане обязаны стеречь, а шляхи переѣзжать вмѣстѣ съ старостовыми слугами.

Въ 1538 году король позволилъ жителямъ Вильны построить мостъ на городскія деньги съ правомъ собирать пошлину съ проѣзжихъ, по пенязю съ воза. Въ томъ же году съ Виленцевъ потребовали было 500 копъ грошей ордынщины; но они объявили, что по привилегіямъ своимъ платятъ только 80 копъ, и король оставилъ эти привилегіи въ силѣ; но когда потомъ Виленцы, основываясь на своихъ привилегіяхъ, хотѣли отбыть

отъ новаго мыта, наложеннаго на всѣ вывозные товары на три года по случаю войны Московской, то король не исполнилъ ихъ просьбы и велѣлъ платить мыто вмѣстѣ съ другими. Въ 1540 году дана была уставная грамота Свислочьскимъ горожанамъ и волостнымъ людямъ, замѣчательная для насъ по сохранившимся въ ней названіямъ самыхъ древнихъ на Руси поборовъ, такъ говорится: «А полюдья по полтора гроша съ дыма, осенью». Въ уставной Могилевской грамотѣ 1561 года исчисляются подати, какія горожане должны были платить съ каждаго участка земли, приносящей извѣстный доходъ, съ домовъ, лавокъ, при чемъ отличаются дома, находящіеся на рынкѣ, отъ домовъ, построенныхъ на улицахъ: съ первыхъ подать больше, чѣмъ со вторыхъ; луга надъ Днѣпромъ отличаются отъ луговъ на болотахъ: съ первыхъ также подать больше, чѣмъ со вторыхъ. Грамота эта особенно замѣчательна опредѣленіемъ, когда горожане могли приготовлять у себя хмѣльное питье, ибо въ этихъ опредѣленіяхъ сходились, какъ увидимъ, уставныя грамоты городамъ восточной и западной Россіи: «сытить медъ вольно попамъ семь разъ на годъ, т. е. къ Спасову дню, къ Вознесенью, къ Троицыну дню, къ Успеньеву дню, Николину, Петрову и Ильину дню, но каждый разъ могутъ покупать меду не больше, какъ на два рубля грошей широкихъ. Мѣщанамъ Могилевскимъ вольно имѣть 12 *складовъ* въ годъ на праздники, при чемъ также не могутъ сытить меду больше чѣмъ на два рубля грошей широкихъ. Кромѣ того вольно всѣмъ мѣщанамъ для собственнаго употребленія, а не на продажу, держать медъ, пиво и, съ вѣдома мытниковъ, палить горѣлку къ свадбѣ сына или дочери и на *коляцыю* (collatio); кромѣ того мѣщане могутъ палить горѣлку пять разъ въ годъ: къ Рождеству Христову, къ Масляницѣ, къ Велику дню и къ Николину дню осеннему; однако они не могутъ каждый разъ употреблять на горѣлку больше четверти солоду». Въ этой же грамотѣ говорится, что въ силу новаго постановленья поручено войтовство мѣщанину Могилевскому Іосифовичу, а для лучшаго порядка и управленія установлено четыре

сотника, изъ которыхъ каждому поручена въ управу извѣстная часть людей: войты никакихъ городскихъ дѣлъ не могутъ рѣшать безъ совѣта съ сотниками и другими главнѣйшими мѣщанами.

Чтò касается до цеховъ, то Сигизмундъ Августъ въ 1552 году далъ Виленскому войту, бурмистрамъ и радцамъ право старыя ремесленныя товарищества (collegia opificum) исправлять и учреждать новыя, давая привилегіи, предписывая законы и обычаи; никто въ городѣ не смѣлъ заниматься никакимъ ремесломъ (collegium sev universitas), въ противномъ случаѣ онъ подвѐргался тюремному заключенію, отнятію инструментовъ ремесленныхъ, конфискаціи движимой собственности.

По челобитью Жидовъ, Стефанъ Баторій въ 1578 году предписалъ войтамъ, бурмистрамъ и радцамъ всѣхъ городовъ, чтобъ Жиды судились правомъ земскимъ, а не Магдебургскимъ.

Мы видѣли, что еще при великомъ князѣ Александрѣ въ Бельзской волости было постановлено, что землевладѣлецъ, который захочетъ установить у себя легчайшія работы и дани съ цѣлію переманить больше крестьянъ, подвергался пени во 100 копъ грошей. Въ 1551 году землевладѣльцы Витебскаго повѣта согласились между собою и постановили, на какихъ условіяхъ жить у нихъ вольнымъ крестьянамъ: каждый обязался водворять ихъ не иначе, какъ по принятому въ землѣ Полоцкой обычаю, т. е. крестьянинъ долженъ былъ давать пану четвертый снопъ, который молотился при панскомъ посланцѣ. Притомъ крестьяне должны были кормить посланцевъ панскихъ и доставлять панскую долю въ назначенное мѣсто; отъ пчелъ должны были давать панамъ половину меду. Каждое лѣто должны на панскомъ хлѣбѣ работать на пана восемь толокъ, два дня пахать паровое поле, два дня рубить ледъ, два дня косить сѣно, два дня жать рожь и всякіе хлѣба; весною, въ теченіе недѣли, строить на панскомъ дворѣ новые хоромы или починивать старые, а зимою ходить на охоту и на рыбную

ловлю. Если вольный крестьянинъ (похожій человѣкъ) не захочетъ жить на четвертой долѣ, то долженъ круглый годъ работать два дня въ недѣлю, съ косою, сохою, серпомъ, топоромъ, съ чѣмъ только будетъ приказано, да кромѣ того лѣтомъ отработать 8 толокъ. А если вольный крестьянинъ захочетъ перейдти къ другому землевладѣльцу, то обязанъ заблаговременно, лѣтомъ, уступить пану своему паровое поле и, явившись на мірской сходкѣ, на первой недѣлѣ великаго поста, ударивши челомъ и заплативши выходную куницу — 12 широкихъ грошей, пойдти прочь. Еслибъ вольный крестьянинъ, живя въ селѣ, допустилъ до разстройства свой домъ или гумно, то, уходя прочь, долженъ поправить и обстроить, чтобъ было такъ, какъ онъ самъ засталъ. А еслибъ кто поселилъ вольнаго человѣка на сыромъ корнѣ, гдѣ прежде не было селитьбы, ни готоваго распаханнаго поля, то поселенцу должно быть дано 10 лѣтъ льготы, по минованіи которыхъ онъ долженъ также давать четвертый снопъ и нести всѣ упомянутыя выше службы. — Постановивши эти условія, землевладѣльцы объявили, что если кто-нибудь изъ нихъ будетъ водворять вольныхъ людей, довольствуясь болѣе легкими повинностями, изъ желанія заселить свое имѣніе, или въ чемъ-нибудь нарушитъ уставъ и будетъ уличенъ, то платитъ королю пени 50 копъ грошей. Въ 1553 году король Сигизмундъ Августъ, подтвердивъ это постановленіе, принялъ его и для своихъ крестьянъ.

Въ уставѣ о волокахъ, данномъ въ 1557 году для королевскихъ волостей княжества Литовскаго, бояре путные стародавные, и не купленные, были водворяемы на двухъ волокахъ, съ которыхъ они платили за всѣ повинности деньгами, смотря по оцѣнкѣ земли, а въ тотъ годъ, когда ѣздили въ дорогу, ничего не платили; безъ королевскаго приказанія урядъ не могъ ихъ посылать никуда. Изъ числа этихъ бояръ ревизоры выбирали служекъ, которые должны были находиться при каждомъ замкѣ или дворѣ королевскомъ въ потребномъ числѣ: они ѣздили съ листами королевскими къ дворамъ, уряду подлежащимъ,

отвозили въ Вильну денежныя подати, ѣздили на слѣдствія по жалобамъ крестьянъ, и за то держали на одного коня по двѣ волоки, свободныхъ отъ всякихъ податей. Бортники платятъ деньгами отъ волоки, смотря по оцѣнкѣ земли, какъ платятъ новопоселенцы; когда король прикажетъ идти имъ на войну, то въ томъ году они свободны отъ всякихъ податей; они обязаны также чинить мосты. Кучера сѣдельные или дворовые имѣютъ по двѣ свободныхъ волоки. Стрѣльцы владѣютъ также двумя свободными волоками; служба ихъ состоитъ въ томъ, что они, по приказанію королевскому, отправляются на охоту и на войну. Другіе дворовые слуги также имѣютъ по двѣ волоки свободныхъ; сюда причисляются и осочники (загонщики на охотѣ), которыхъ выбираетъ ревизоръ съ лѣсничимъ. Войты по селамъ имѣютъ по одной волокѣ; служба ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: по приказанію уряда, они выгоняютъ крестьянъ на работу, для платежа оброка и податей, присутствуютъ при уплатѣ податей, представляютъ крестьянъ въ урядъ на расправу, надзираютъ за работами, сдаютъ въ Вильнѣ овесъ и сѣно, привозимые туда людьми ихъ войтовства, поправляютъ ежегодно межевые знаки, доносятъ уряду о ихъ порчѣ. Урядъ судитъ крестьянъ въ торговый день во всякихъ дѣлахъ, кромѣ кровопролитія и насильства; въ случаѣ послѣднихъ войтъ представляетъ крестьянина на судъ, куда урядъ прикажетъ. Войтъ присутствуетъ на судѣ для помощи крестьянину, ведетъ вѣдомость пенямъ, поступающимъ въ казну, и доноситъ ревизорамъ; наблюдаетъ, чтобъ урядъ не бралъ пеней болѣе установленнаго. Войта судитъ урядъ за всякій проступокъ, но лишить его войтовства можетъ только вмѣстѣ съ ревизоромъ. Отставивши одного войта, должны опредѣлить другаго изъ людей той же волости неподозрительнаго поведенія, на избраніе котораго согласятся крестьяне. Въ каждомъ войтовствѣ должно быть около 100 волокъ, хотя бы для этого можно было соединить два, три и болѣе селъ. Для измѣренія волокъ войтъ долженъ имѣть межевой шнуръ постоянной мѣры, вѣрный. Лавники (цѣловальники) должны быть опредѣляемы въ селахъ по

два, по три и больше, смотря по величинѣ села. Обязанность ихъ состоитъ въ изслѣдованіи вреда, причиняемаго на пашняхъ пасущимся скотомъ, и другихъ случаевъ; за трудъ они получаютъ при каждомъ случаѣ грошъ оглядваго; за ложное показаніе они казнятся смертію.

Мы видѣли, сколько поземельнаго или цыншу платили королевскіе крестьяне или тяглые люди; работали они съ каждой волоки по два дня въ недѣлю; свободны были отъ работъ — недѣлю о Рождествѣ Христовѣ, недѣлю на Масляницѣ, недѣлю о Свѣтломъ Воскресеніи. Работа крестьянамъ должна быть заказана войтомъ въ воскресный день. Если крестьянинъ не выйдетъ на работу, то за первый день платитъ грошъ, за другой — барана, за третій наказывается бичомъ на скамьѣ и отработываетъ пропущенные дни. Если же по какому-нибудь случаю крестьянинъ не можетъ выйдти на работу, то долженъ извѣстить о томъ урядъ чрезъ сосѣда или лавника: если причина признана будетъ законною, то наказанію крестьянинъ не подвергается, но долженъ въ другой день отработать все, чтó пропустилъ. Отъ работы никто не можетъ откупиться. Начинаютъ крестьяне работу съ восходомъ солнца, оканчиваютъ съ захожденіемъ; отдыхъ тѣмъ, которые скотомъ работаютъ — предъ обѣдомъ часъ, въ полдень часъ, подъ вечеръ часъ; а кто работаетъ пѣшкомъ, тому давать только по получасу отдыха. Крестьяне во всѣхъ замкахъ и волостяхъ королевскихъ должны начать отдачу поземельнаго оброка и другихъ податей въ день Св. Михаила и могутъ продолжать платежъ до дня Св. Мартина. Кто не уплатитъ къ этому сроку, и урядъ найдетъ, что не уплачено по нерадѣнію, то виновный отводится въ тюрьму и содержится тамъ, пока не заплатитъ, а воловъ и коней не отбирать никогда за поземельный оброкъ и ни за чтó другое. А который человѣкъ не можетъ заплатить подати по причинѣ пожара, смерти или болѣзни всего семейства, голода, градобитія и бѣдности, такого войтъ представляетъ въ урядъ; урядъ, разспросивъ войта, лавниковъ и сосѣдей, и освидѣтельствовавши домъ крестьянина, вноситъ его имя въ реестръ, а под-

скорбій, принимая отчетъ, долженъ опять изслѣдовать дѣло чрезъ ревизора. Ревизоры должны быть присяжные, люди добрые, набожные, осѣдлые, знающіе хорошо размѣреніе волокъ и хозяйство. Ревизоры должны наблюдать, чтобъ никто не рубилъ лѣсовъ королевскихъ, доносить о неисправномъ урядникѣ, смотрѣть, чтобъ мѣста для поселеній назначаемы были землемѣрами въ третьемъ среднемъ полѣ, а урядъ долженъ принуждать крестьянъ селиться въ назначенныхъ мѣстахъ. Ревизоръ избираетъ землемѣровъ. Во всѣхъ замкахъ и дворахъ королевскихъ, тамъ, гдѣ земли раздѣлены на волоки, урядъ получаетъ всѣ сборы съ десятой волоки, исключая овесъ и сѣно, изъ гуменъ третій снопъ всякаго хлѣба, торговую и помѣрную пошлину всю, съ мясниковъ въ торговые дни, при спускѣ прудовъ десятую рыбу, пени съ крестьянъ, которые на работу не выйдутъ и проч. Крестьяне имѣютъ право въѣзжать хотя не глубоко въ лѣса королевскіе по дрова, хворостъ, строевой лѣсъ, по лыки, впрочемъ для своей только надобности, а не на продажу. Дѣтямъ и женщинамъ не запрещается собирать, во всѣхъ лѣсахъ королевскихъ, грибы, лѣсные овощи, ягоды и хмѣль. На своихъ волокахъ крестьянинъ можетъ убить волка, лисицу, рысь, россомаху, зайца, бѣлку и всякаго другаго малаго звѣря, также птицу всякую, и можетъ продавать эту добычу всякому, не объявляя уряду; но сернъ и другихъ большихъ звѣрей не можетъ убивать и на своихъ волокахъ; а особливо въ пущахъ и подъ пущами королевскими крестьяне не должны держать ружей и не должны ловить никакихъ звѣрей подъ страхомъ смерти. Крестьяне могутъ ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ королевскихъ малыми сѣтями, но езовъ устроять не могутъ; въ Апрѣлѣ, Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ въ озерахъ не могутъ ловить рыбы ничѣмъ, должны оставлять ее для расплоду, а въ рѣкахъ могутъ ловить всегда. Бѣдный крестьянинъ можетъ, въ голодное время, засѣявъ поля, на зиму уходить для прокормленія, объявивъ о своей бѣдности уряду при войтѣ; у него не отбираются ни хозяйство, ни посѣвъ до дня *Св. Іоанна*; а если не воротится къ этому времени, то теря-

етъ посѣвъ, и все его хозяйство отдается другому. Если крестьянинъ уйдетъ, не объявивши урядншку при войтѣ, то вся земля его со всѣмъ хозяйствомъ отдается другому, а бѣглеца урядъ отыскиваетъ. Если крестьянинъ, ушедшій съ вѣдома уряда, воротится послѣ Св. Іоанна, также если бѣглецъ будетъ вытребованъ или самъ воротится, то водворять ихъ на пустыхъ волокахъ. Если крестьянинъ уйдетъ вслѣдствіе обиды, нанесенной ему урядникомъ или войтомъ, и потомъ возвратится, то ревизоръ долженъ изслѣдовать дѣло и рѣшить — допустить ли его къ посѣвамъ и усадьбѣ, или нѣтъ. Крестьянинъ можетъ продать свое строеніе и хозяйство предъ урядомъ, въ присутствіи войта и лавниковъ и, водворивъ покупщика (который долженъ быть въ силахъ исполнять повинности), можетъ поселиться въ городѣ или на пустой волокѣ, но только въ королевскомъ же имѣніи. Пустыя волоки заселяются добрыми людьми, которые въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ не должны давать больше 42 грошей за всѣ повинности. Для поставки подводъ въ дальній путь или для постройки замковъ и дворовъ крестьяне складываются съ трехъ или четырехъ волокъ на одинъ возъ или на одного работника, за что̀ крестьяне освобождаются отъ податей. Крестьяне должны строить также мосты, ходить на стражу въ замки и дворы королевскіе. Ремесленники всякаго рода должны быть водворяемы ревизоромъ на одной свободной волокѣ при всѣхъ замкахъ и дворахъ королевскихъ.

Сохранилось извѣстіе о мірскихъ сельскихъ сходкахъ въ западной Россіи, которыя въ половинѣ XVI вѣка еще носятъ старинное названіе *вѣча*, потомъ это названіе смѣняется названіями: *купа*, *копа* и *громада*. Право участоовать въ сходкѣ предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись на сходку только по особому требованію копы и притомъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній. Копа иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣдѣнія сходкѣ. До-

хозяева, составлявшіе сходку, назывались: *сходатаи, сходайи сугpaничные, сосѣди околичные, сосѣди сугpaничники, судьи копные, мужеве, обчіе*. Между ними отличались старцы, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ, особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній. Сверхъ сходатаевъ, на сходку приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдняго околотка, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія; они назывались *людьми сторонними*. Обиженный помѣщикъ имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ она изслѣдовала дѣло и присудила ему удовлетвореніе. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики, вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились на сходку и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала за ними, и потомъ опредѣляла взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и крестьянъ ихъ всѣ убытки, причиненные истцу. Впрочемъ помѣщикъ, замѣтивъ, что дѣло на сходкѣ грозитъ принять для него неблагопріятный оборотъ, имѣлъ право порвать слѣдствіе и перенести дѣло на судъ уряда городскаго. О силѣ копы или сельскаго вѣча въ описываемое время можно получить понятіе изъ слѣдующаго акта, относящагося къ 1564 году: Васька Степановичъ Велицкій жаловался на двухъ крестьянъ — Турецковича и Федцевича: «выдраны были изъ бортей въ дубравѣ пчелы, принадлежавшія этимъ крестьянамъ; по этому случаю они собрали копу, чтобъ доискаться виновнаго, и, сердясь на отца моего Степана, схватили его на вѣчѣ, не слушая копнаго приговора, и стали его бить прутьями, говоря: «если мы отъ него ничего не домучимся, то за муку дадимъ хорошую плату». *Копа запрещала имъ это и пошла прочь* (!!). А они, безвинно, били его прутьями, мучили, жгли огнемъ и тамъ же его на смерть замучили. Вижъ, отправленный на мѣсто преступленія, осмотрѣлъ трупъ и потомъ спросилъ людей, бывшихъ на вѣчѣ, какъ было дѣло? Тѣ единогласно показали, что копа не присуждала Степана ни на какую муку, но Турецковичъ и Федцевичъ своевольно, безъ поличнаго и въ про-

тивность праву, поймали Степана, начали бить и мучить, несмотря на то, что копа имъ запрещала и ихъ къ тому не допускала.

Касательно промышленности любопытна грамота, данная Сигизмундомъ Августомъ Виленскому стеклянному заводчику, дворянину Мартину Палецкому: заводчикъ обязанъ былъ давать въ казну королевскую ежегодно по 200 стклянницъ большихъ и по 200 малыхъ, и за это получалъ привилегію, что все привозимое въ Вильну стекло, кромѣ Венеціанскаго, могло быть продаваемо только одному ему, и въ Вильнѣ не будетъ позволено никому другому устроивать стеклянные заводы.

Относительно торговли замѣчательна грамота Сигизмунда Августа, по которой, для избѣжанія дороговизны съѣстныхъ припасовъ въ Вильнѣ, запрещено перекупать ихъ: смотрѣть за исполненіемъ королевскаго приказа поручено бурмистрамъ и радцамъ. Въ договорѣ, заключенномъ съ Крымскимъ ханомъ въ 1540 году, между прочимъ выговорено, что купцы Польскіе и Литовскіе могутъ свободно брать соль въ Качибіевѣ (Одессѣ) и, заплативши мыто по старинѣ, возить соль въ Кіевъ, Луцкъ и другіе города подъ охраною ханскихъ людей, и если бы королевскіе подданные потерпѣли въ Качибіевѣ какой—нибудь убытокъ отъ людей ханскихъ, то ханъ за него платитъ; также всѣмъ купцамъ Польскимъ и Литовскимъ вольно ходить съ товарами въ Перекопъ и Кафу и торговать тамъ, платя стародавныя мыта, и наоборотъ, купцамъ Татарскимъ вольно торговать во владѣніяхъ королевскихъ. Въ 1540 году установлены были двѣ торговыя дороги изъ Литвы въ Пруссію: одна шла къ Мемелю на Горжды, гдѣ собирался мытъ; другая на Юрбургъ, гдѣ по пятницамъ происходили торги; изъ товаровъ, складываемыхъ здѣсь, упоминается преимущественно соль. Въ 1547 году на Виленскомъ сеймѣ король съ панами и шляхтою разсуждалъ о томъ, что подданные его закона Римскаго и Греческаго добываютъ въ пущахъ, лѣсахъ и борахъ великаго княжества Литовскаго всякаго рода лѣсные товары и запродаютъ ихъ купцамъ Прусскимъ, Лифляндскимъ, а также и своимъ Литовскимъ Жидамъ, и купцы эти и Жиды при запрода-

жѣ товаровъ, при спускѣ ихъ, бракованьи и продажѣ обманываютъ ихъ, такъ что они получаютъ очень малую прибыль; пущи, лѣса и боры, вѣчная собственность земская, пустошатся, и только чужеземные купцы да Жиды богатѣютъ. Для избѣжанія этого сеймъ постановилъ: учредить на границахъ складочныя мѣста, куда бы каждый изъ Литовскихъ подданныхъ обязанъ былъ привозить лѣсные товары: здѣсь королевскіе чиновники покупали ихъ по назначеннымъ цѣнамъ, и потомъ уже старались сбывать за границу какъ можно выгоднѣе для казны. Такія складочныя мѣста были устроены въ Ковнѣ, Брестѣ, въ Дрисѣ подъ Полоцкомъ и въ Салатѣ, въ землѣ Жмудской.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ извѣстіе о торговомъ значеніи Кіева и его области: «Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо для всего, что̀ привозится изъ Малой Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи, Сиріи на сѣверъ, въ Московское государство, Швецію, Данію (драгоцѣнные камни, шелковыя и золотошвейныя ткани, ладонъ, ѳиміамъ, шафранъ, перецъ и другіе ароматы), нѣтъ другой болѣе вѣрной, прямой и извѣстной дороги, какъ отъ Кафы, чрезъ Перекопъ, Таванскій перевозъ на Днѣпрѣ и Кіевъ. Этою дорогою часто отправляются чужестранные купцы караванами, въ которыхъ бываетъ ихъ до тысячи, со многими повозками и осѣдланными верблюдами. Но когда купцы, чтобъ избѣжать двойной переправы черезъ Днѣпръ и уплаты пошлины, оставя старую дорогу, отправляются отъ Перекопа прямо въ Московское государство на Путивль, то часто подвергаются грабежамъ. Кіевскіе воеводы, откупщики, купцы, мѣнялы, лодочники, вощики, корчмари получаютъ большую выгоду отъ этихъ каравановъ. Выгоды бываютъ отъ каравановъ и тогда, когда проходятъ они въ зимнее время по полямъ и засыпаются грудами снѣга. Такимъ образомъ случается, что Кіевскія хижины, обильныя впрочемъ плодами, молокомъ и медомъ, мясомъ и рыбою, но грязныя, наполняются драгоцѣнными шелковыми тканями, дорогими камнями, соболями и другими мѣхами, ароматами и

проч., такъ что шелкъ иногда тамъ дешевле, чѣмъ ленъ въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли» [37].

Чтó касается до состоянія Русской церкви при Іоаннѣ, то предѣлы ея распространились вмѣстѣ съ предѣлами государства на востокѣ, чрезъ покореніе Казани и Астрахани, которыя, сдѣлавшись городами Русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были сдѣлаться городами христіанскими. По важности мѣста, какимъ была Казань, по важности слѣдствій для церкви и государства, какія могло имѣть обращеніе окружнаго народонаселенія въ христіанство, положено было учредить здѣсь особую епархію. Первый архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, Гурій, отправился въ свою епархію изъ Москвы весною 1555 года. Это отправленіе было необычное, первое въ Русской исторіи: архіепископъ ѣхалъ въ завоеванное, невѣрное царство распространять тамъ христіанство, утверждать нравственный нарядъ, везъ съ собою духовенство, нужныя для церкви вещи, иконы и проч.; этотъ духовный походъ Гурія въ Казань соотвѣтствовалъ отправленію Греческаго духовенства изъ Византіи и Корсуня для просвѣщенія Руси христіанствомъ при Владимірѣ, онъ былъ завершеніемъ покоренія Казани, великаго подвига, совершеннаго для торжества христіанства надъ мусульманствомъ: понятно, что онъ совершился съ большимъ торжествомъ. Въ седьмое воскресенье послѣ Свѣтлаго Воскресенья въ Успенскомъ соборѣ былъ молебенъ: служилъ митрополитъ Макарій, новый архіепископъ Гурій, Крутицкій владыка Нифонтъ съ архимандритами и игуменами, святили воду надъ мощами; послѣ молебна духовенство съ крестомъ, евангеліемъ и иконами пошло на Фроловскій мостъ (къ Фроловскимъ или Спаскимъ воротамъ), за нимъ шелъ царь съ братьями, князьями, боярами и множествомъ народа; передъ Кремлемъ другой молебенъ, послѣ котораго царь и митрополитъ простились съ Гуріемъ. Въ это время за Фроловскими воротами уже было положено основаніе знаменитому Покровскому собору въ память взятія Казани: на этомъ основаніи Гурій говорилъ ектенію, осѣнялъ крестомъ и кропилъ святою водою; вышедши на Живой мостъ изъ Новаго

города, онъ читалъ Евангеліе, ектенію, осѣнялъ крестомъ и говорилъ молитву, сочиненіе митрополита Илларіона Русскаго, за царя и за все православіе; здѣсь былъ отпускъ: Гурій осѣнилъ крестомъ и благословилъ слѣдовавшій за нимъ народъ, окропилъ его и городъ святою водою, и вошелъ въ судно, гдѣ продолжалось пѣніе и чтеніе Евангелія. Подъ Симоновымъ Казанское духовенство вышло изъ судна и было встрѣчено Симоновскимъ архимандритомъ съ крестами. Здѣсь Гурій служилъ литургію, обѣдалъ и ночевалъ, и на другой день рано отправился въ дальнѣйшій путь, по Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ; на дорогѣ, по прибрежнымъ погостамъ и большимъ селамъ, посылалъ кропить святою водою храмы, мѣста и народъ. Коломенскій владыка долженъ былъ въ своемъ городѣ велѣть кликать на торгу, чтобъ весь народъ шелъ къ молебнамъ и на встрѣчу Казанскому архіепископу; встрѣченный владыкою съ крестнымъ ходомъ и всѣмъ народомъ, Гурій служилъ въ Коломнѣ литургію и обѣдалъ у владыки. Во всѣхъ другихъ городахъ былъ ему такой же пріемъ. По пріѣздѣ въ Казань, новый архіепископъ обязанъ былъ поучать народъ каждое воскресенье, новокрещенныхъ всегда поучать страху Божію, къ себѣ пріучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всемъ, дабы и прочіе невѣрные, видя такое бережение и жалованіе, поревновали христіанскому праведному закону и просвѣтились святымъ крещеніемъ. Въ наказѣ, данномъ Гурію, говорится: которые Татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи, тѣхъ велѣть крестить, и лучшихъ держать у себя въ епископіи, поучать христіанскому закону и покоить какъ можно, а другихъ раздавать крестить по монастырямъ; когда новокрещенные изъ-подъ наученія выйдутъ, архіепискому звать ихъ къ себѣ обѣдать почаще, поить ихъ у себя за столомъ квасомъ, а послѣ стола посылать ихъ поить медомъ на загородный дворъ. Которые Татары станутъ приходить къ нему съ челобитьемъ, тѣхъ кормить и поить у себя на дворѣ квасомъ же, а медомъ поить на загородномъ дворѣ, приводить ихъ къ христіанскому закону, при чемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а жестко

съ ними не говорить. Если Татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ архіепископу отъ опалы и захочетъ креститься, то назадъ его воеводамъ никакъ не отдавать, а крестить, покоить у себя, и посовѣтоваться съ намѣстниками и воеводами: если приговорятъ держать его въ Казани, на старой его пашнѣ и на ясаку, то держать его на старой пашнѣ и на ясаку, а нельзя его будетъ держать въ Казани, изъ опасенія новой измѣны, то, крестивъ, отослать къ государю. Котораго Татарина за какую-нибудь вину воеводы велятъ казнить, а другіе Татары придутъ къ архіепископу бить челомъ о печалованіи, то архіепископу посылать отпрашивать виновнаго и, по совѣту намѣстника и всѣхъ воеводъ, взять его у намѣстника и воеводъ за себя и, если можно, держать его въ Казани, а если нельзя, отослать къ государю. Держать архіепископу совѣтъ съ намѣстникомъ и воеводами: на которыхъ Татаръ будетъ у нихъ опала невеликая, и захотятъ ихъ острастить казнію, а до казни не дойдутъ, о такихъ пусть они сказываютъ архіепископу, и архіепископу отъ казни ихъ отпрашивать, хотя ему отъ нихъ и челобитья не будетъ. Всѣми способами, какъ только можно, архіепископу Татаръ къ себѣ пріучать и приводить ихъ любовію на крещеніе, а страхомъ ко крещенію никакъ не приводить. Услышитъ архіепископъ безчиніе въ Казанскихъ и Свіяжскихъ воеводахъ, въ дѣтяхъ боярскихъ и во всякихъ людяхъ, или и въ самихъ намѣстникахъ, относительно закона христіанскаго, то поучать ихъ съ умиленіемъ: не станутъ слушаться—говорить съ запрещеніемъ, не подѣйствуетъ и запрещеніе—писать о ихъ безчиньяхъ къ царю. Архіепископу держать намѣстниковъ Казанскихъ и Свіяжскихъ честно. Если случится намѣстнику Казанскому и воеводамъ обѣдать у архіепископа, то намѣстника сажать по конецъ стола, воеводъ сажать у себя по другую сторону въ большомъ столѣ, пропустя отъ себя мѣста съ два; архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ сажать въ кривомъ столѣ; послѣ стола подать чашу царскую архіепископу, архіепископскую чашу намѣстнику, намѣстничью архимандриту или игумену большому, а не случится

такого, то архіепископскому боярину. О какихъ царскихъ думныхъ дѣлахъ намѣстникъ и воевода станутъ совѣтоваться съ архіепископомъ, то ему съ ними совѣтоваться и мысль свою о всякихъ дѣлахъ имъ давать, кромѣ однихъ убійственныхъ дѣлъ; а мыслей намѣстника и воеводъ никакъ не разсказывать никому. Держать архіепископу у себя во дворѣ береженье великое отъ огня, поварни и хлѣбни подѣлать въ землѣ; меду и пива въ городѣ у себя на погребѣ не держать, держать на погребѣ у себя квасъ, а вино, медъ и пиво держать за городомъ на погребѣ. Намѣстнику и воеводамъ говорить почаще, чтобъ береженье держали отъ огня и отъ корчемъ великое, чтобъ дѣти боярскіе и всякіе люди ночью съ огнемъ не сидѣли и съѣздовъ у нихъ, ночнаго питья не было; да и днемъ бы не бражничали, по городу и въ воротахъ держали сторожей и береженье великое. Если архіепископъ узнаетъ, что у намѣстника и воеводъ въ городѣ небережно, или людямъ насиліе, то говорить объ этомъ намѣстнику и воеводамъ дважды и трижды, чтобъ такъ недѣлали; если же не послушаютъ, то писать къ государю.—Новому архіепископу назначено было, по тому времени, большое жалованье: деньгами 865 рублей, да изъ Казанской, Свіяжской и Чебоксарской таможенной пошлины десятой деньги 155 рублей 11 алтынъ; кромѣ того столовые припасы шли натурою, отъ ржи до пряныхъ кореньевъ.—Наказъ относительно обращенія Татаръ въ христіанство былъ выполненъ какъ нельзя лучше Гуріемъ и двумя помощниками его—архимандритами Германомъ и Варсонофіемъ, изъ которыхъ первый былъ преемникомъ Гурія на архіепископіи Казанской: нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обращены были въ христіанство. Въ Астрахани были также обращенія; мы видѣли, что Черкесскіе князья пріѣзжали въ Москву, крестились сами или крестили сыновей своихъ; къ нимъ въ горы посылались изъ Москвы священники для возстановленія падшаго тамъ христіанства.

На далекомъ сѣверѣ продолжалось обращеніе Лопарей: при Іоаннѣ IV кончилъ свои подвиги относительно обращенія Коль-

скихъ Лопарей Феодоритъ, Печенскихъ Трифонъ. Урожде[нецъ] Новгородской области, Трифонъ съ молодыхъ лѣтъ при[ле]стился къ пустынной жизни; странствуя по лѣсамъ своей [ро]дины, онъ услыхалъ голосъ, говорившій ему, что не въ [...] онъ долженъ искать Христа, что его ждетъ земля необъ[ят]ная, непроходимая, необитаемая и жаждущая. Трифонъ о[тпра]вился къ берегамъ моря-океана, поселился въ пустынной [сто]нѣ на рѣкѣ Печенгѣ, жилъ бездомно и безкровно, и на[чалъ] поучать окрестныхъ Лопарей новой вѣрѣ; дѣло было труд[ное]: колдуны-кебуны Лопскіе, не умѣя оспорить Трифона слово[мъ], били, терзали его, собирались убить; но въ толпѣ дика[рей] являлись защитники, слышались голоса: чѣмъ же онъ винов[атъ], говоритъ онъ намъ о добромъ дѣлѣ, о царствіи Божіемъ, см[ерть] нашу называетъ сномъ, говоритъ, что воскреснемъ; остав[имъ] его теперь, а если найдемъ въ немъ вину, тогда убьемъ». Тр[и]фона выгоняли, но онъ возвращался и успѣлъ огласить много[хъ] Лопарей; приведенный имъ изъ Колы священникъ крести[лъ] оглашенныхъ и освятилъ имъ церковь.

Но въ то время, какъ ревностные проповѣдники распрост[ра]няли христіанство на пустынныхъ берегахъ Сѣвернаго океа[на], Новгородскіе владыки должны были бороться съ язычество[мъ], упорно державшимся въ Воцкой пятинѣ: въ 1534 году Нов[го]родскій архіепископъ Макарій долженъ былъ писать въ Воцку[ю] пятину, въ Чудь и во всѣ Копорскіе, Ямскіе, Ивангородскі[е], Корельскіе и Орѣховскіе уѣзды, къ тамошнему духовенств[у]: «Здѣсь мнѣ сказывали, что въ вашихъ мѣстахъ многіе хри[]стіане заблудили отъ истинной вѣры, въ церкви не ходятъ[,] къ отцамъ своимъ духовнымъ не приходятъ, молятся по скве[р]нымъ своимъ мольбищамъ деревьямъ и камнямъ, въ Петров[ъ] постъ многіе ѣдятъ скоромное, и жертву и питья жрутъ [и] пьютъ мерзкимъ бѣсамъ, и призываютъ на свои скверныя моль[]бища отступниковъ арбуевъ Чудскихъ; мертвыхъ своихъ кла[]дутъ въ селахъ по курганамъ и коломищамъ съ тѣми же ар[]буями, а къ церквамъ на погосты не возятъ хоронить; когда родится дитя, то они къ родильницамъ прежде призываютъ

арбуевъ, которые младенцамъ имена нарекаютъ по своему, а васъ, игуменовъ и священниковъ, они призываютъ послѣ; на родины свои призываютъ тѣхъ же арбуевъ, которые и арбуютъ скверным бѣсамъ; а вы отъ такихъ злочиній не унимаете ниже наказываете ученіемъ. Да въ вашихъ же мѣстахъ многіе люди отъ женъ своихъ живутъ законопреступно съ жонками и дѣвками, а жены ихъ живутъ отъ нихъ съ другими людьми законопреступно, безъ вѣнчанія и безъ молитвы». Архіепископъ для искорененія этихъ безпорядковъ послалъ въ Вожкую пятину священника и двоихъ своихъ дѣтей боярскихъ съ приказаніемъ скверныя мольбища разорять и истреблять, огнемъ жежь, а христіанъ поучать истинной вѣрѣ, покаявшихся арбуевъ исправлять по правиламъ церковнымъ, а непослушныхъ хватать и отсылать къ нему въ Новгородъ. Но распоряженія Макарія остались недѣйствительными, потому что черезъ 13 лѣтъ преемникъ его, архіепископъ Θеодосій, долженъ былъ повторить тѣ же самыя увѣщанія и распоряженія, указывая на тѣ же самые безпорядки, съ прибавкою одного новаго: «въ вашихъ же мѣстахъ» пишетъ Θеодосій: «въ Чудской землѣ замужнія жены и вдовы головы брѣютъ, и покрывало на головахъ и одежду на плечахъ носятъ подобно мертвечьимъ одеждамъ, и въ томъ ихъ безчиніи великое поруганіе женскому полу».

Монастыри по прежнему продолжаютъ содѣйствовать заселенію пустынныхъ пространствъ. Игуменъ Θеодоръ построилъ пустынку на лѣсу черномъ дикомъ между Вологодскимъ, Каргопольскимъ и Важскимъ уѣздами; по его челобитью, государь въ 1546 году пожаловалъ, велѣлъ тотъ лѣсъ расчищать на всѣ стороны отъ монастыря по двѣнадцати верстъ, займище распахивать и людей призывать; призванное народонаселеніе, по обычаю, получило извѣстныя льготы. Иногда монастырь основывался вслѣдствіе челобитья народонаселенія цѣлой страны; такъ въ 1580 году съ Вятки изъ города Хлынова выборные судьи и всѣ земскіе люди прислали къ царю отъ всей земли челобитную, что Вятскіе города отъ Московскихъ городовъ далеко, а монастыря во всей Вятской землѣ нѣтъ, престарѣлымъ и увѣч-

нымъ людямъ постригаться негдѣ, а иные при смерти постричься желаютъ: и потому они хотятъ устроить у себя монастырь, въ строители излюбили Пыскорскаго монастыря постриженника старца Трифона, а земля у нихъ есть: намѣстничьи деревни стоятъ пустыя, не пашетъ ихъ никто.

Сѣверные пустынные монастыри продолжали воспитывать въ своихъ инокахъ твердость духа въ борьбѣ противъ явленій не христіанскихъ. Въ страшную эпоху кровавой борьбы и насилій торжествующаго начала самый отдаленный на сѣверѣ монастырь Соловецкій выслалъ въ Москву въ митрополиты своего игумена, который не усумнился поднять голосъ за милосердіе: рядъ знаменитыхъ Московскихъ іерарховъ, столько содѣйствовавшихъ усиленію Москвы, установленію единодержавія и признанныхъ церковію святыми, заключился великимъ мученикомъ за священное право печалованія о падшихъ, слабыхъ. Іоаннъ въ посланіи изъ Александровской слободы къ Московскому народу жалуется, что духовенство печалуется за людей, по его мнѣнію, недостойныхъ; но любопытно, что здѣсь царь не упоминаетъ о митрополитѣ; съ Филиппа Іоаннъ взялъ обѣщаніе не вступаться въ опричнину и въ домовый царскій обиходъ, но о печалованіи не было упомянуто ни слова; Казанскому архіепископу Гурію печалованіе было предписано, какъ средство привлекать Татаръ къ принятію хрістіанства. Ходатайство митрополита Макарія принималось въ уваженіе царемъ и прямо выставлялось какъ побужденіе къ оказанію какой-нибудь милости, исполненію какой-нибудь просьбы; такъ царь писалъ Новгородскимъ дьякамъ: «о женѣ князя Богдана Корецкаго поминалъ намъ отецъ нашъ Макарій, митрополитъ всея Руси, чтобъ намъ ее пожаловать, изъ мужняго помѣстья велѣть дать земли на прожитокъ: и я, для отца своего Макарія митрополита, ее пожаловалъ, велѣлъ ей изъ мужняго помѣстья отдѣлить 15 обежъ». Для митрополита же пожалованъ былъ Новгородскій помѣщикъ Курцовъ, не велѣно было отнимать у него стараго помѣстья; по просьбѣ Новгородскаго архіепископа Пимена и митрополита Макарія уменьшенъ былъ денежный

взыскъ съ князя Ивана Буйносова-Ростовскаго. Хотя митрополитъ на просьбы Литовскихъ пановъ о посредничествѣ для заключенія мира обыкновенно отвѣчалъ, что онъ въ эти дѣла не входитъ, знаетъ только свои церковныя дѣла, однако мы встрѣчаемъ извѣстія, что государь совѣщался съ митрополитомъ о дѣлахъ вовсе не церковныхъ; такъ въ 1550 году государь приговорилъ съ митрополитомъ, братьями и боярами гдѣ быть на службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ.

Сверженіе Филиппа съ митрополіи вслѣдствіе столкновеній съ опричниною не было первымъ примѣромъ въ XVI вѣкѣ: великій князь Василій свергнулъ митрополита; въ малолѣтство Іоанна свергнуты были два митрополита. До насъ дошелъ чинъ поставленія митрополита Іоасафа; здѣсь сначала сказано: «Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи съ своими богомольцами, архіепископомъ Макаріемъ Великаго Новгорода и Пскова, съ епископами, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ старцами духовными и всѣми боярами, избралъ на митрополію духовнаго старца, Троицкаго Сергіева монастыря игумена Іоасафа, и нарекъ его митрополитомъ всея Россіи». Послѣ этого нареченія государь пошелъ къ соборной церкви Успенія, съ нареченнымъ митрополитомъ, со всѣмъ духовенствомъ и боярами, нареченнаго передъ государемъ вели два епископа подъ руки; приложившись къ образамъ и мощамъ, государь пошелъ на митрополичій дворъ, гдѣ архіепископъ и епископы посадили нареченнаго на уготованномъ мѣстѣ.—Потомъ въ приведенномъ актѣ говорится, что въ тотъ же самый день (февраля 6-го 1539 года) въ соборной церкви Успенія, въ придѣлѣ Похвалы Богородицы, по совѣту архіепископа Макарія, сѣли епископы—Рязанскій, Тверской, Сарскій и Пермскій и выбрали на митрополію по писанію книжному. Но ошибка въ числѣ поправляется другимъ актомъ, гдѣ говорится о формѣ избранія: Февраля 5-го означенные епископы, имѣя съ собою волю и хотѣніе остальныхъ епископовъ Русскихъ, избрали на митрополіи Кіевскую, Владимірскую и всея Россіи троихъ — Чудовскаго архимандрита Іону, Троицкаго игумена

Іоасафа, Новгородскаго Хутынскаго игумена Θеодосія; запечатавши имена ихъ, отдали архіепископу Макарію, который, помолившись, распечаталъ и нарекъ митрополитомъ Іоасафа.

9-го Февраля происходило поставленіе избраннаго: предъ литургіею онъ долженъ былъ громогласно прочесть исповѣданіе православной вѣры. Во время литургіи, на третье «Святый Боже», нареченнаго привели въ алтарь въ царскія двери, и архіепископъ съ епископами поставили его митрополитомъ, и онъ самъ служилъ литургію, при чемъ однако посоха митрополичьяго поддьяконы не держали; послѣ литургіи, когда новый митрополитъ сѣлъ на свое святительское мѣсто каменное, подошелъ къ нему государь и, послѣ рѣчи, подалъ посохъ. По выходѣ изъ церкви митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ сѣлъ на осля и поѣхалъ на великокняжескій дворъ благословлять государя, осля велъ великокняжескій конюшій да бояринъ митрополичій. Побывъ у государя, митрополитъ ѣздилъ на свой дворъ завтракать съ архіепископомъ и епископами; послѣ завтрака отправился опять на ослѣ около города каменнаго благословлять народъ и весь городъ, послѣ чего обѣдалъ у себя съ архіепископомъ и епископами. Въ письменномъ исповѣданіи своемъ митрополитъ клялся между прочимъ соблюдать православную вѣру согласно со Вселенскими патріархами, а не такъ какъ Исидоръ принесъ отъ новозлочестивнѣ процвѣтшаго несвященнаго Латинскаго собора; исповѣдовалъ, что при поставленіи ничего никому не далъ, не обѣщалъ дать и не дастъ; обѣщалъ соблюдать все по старинѣ и не дѣлать ничего по нуждѣ ни отъ царя или великаго князя, ни отъ князей многихъ, если и смертію будутъ грозить, приказывая что-нибудь сдѣлать вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ; обѣщалъ не позволять, чтобъ чтобъ кто-нибудь изъ православныхъ соединился съ Армянами, Латинами и прочими иновѣрными бракомъ, кумовствомъ и братствомъ.—9-го Февраля былъ поставленъ Іоасафъ, и только 26-го Марта предшественникъ его Даніилъ далъ, то-есть принужденъ былъ дать отреченную грамоту. По смерти митрополита Макарія въ 1564 году царь съ сошедшимися

для избранія новаго митрополита архіереями приговорилъ: митрополитъ архіепископамъ и епископамъ всѣмъ глава, а въ томъ его высокопрестольной степени почести нѣтъ, что онъ носитъ черный клобукъ, и владыки всѣ носятъ черные же клобуки, а Новгородскій архіепископъ носитъ бѣлый клобукъ: отъ сего времени носить митрополиту клобукъ бѣлый съ рясами и херувимомъ, печатать грамоты краснымъ воскомъ; архіепископу Новгородскому носить бѣлый клобукъ и печатать грамоты краснымъ воскомъ; архіепископу Казанскому печатать краснымъ же воскомъ.—Тогда же написанъ былъ новый чинъ митрополичьяго поставленія съ нѣкоторыми незначительными перемѣнами противъ прежняго.

Относительно избранія епископовъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ выраженія: «Повелѣніемъ царя, избраніемъ митрополита и собора», или: «Повелѣніемъ царя, по благословенію и рукоположенію митрополита и по совѣту освященнаго собора».—Въ лѣтописномъ извѣстіи о поставленіи архіепископа Александра въ Новгородъ въ 1576 году встрѣчаемъ слова: «а избралъ его на владычество самъ государь». О Новгородскомъ владыкѣ Ѳеодосіи говорится, что онъ былъ поставленъ въ 1541 году митрополитомъ Макаріемъ и возведенъ на архіепископію Московскимъ бояриномъ Григоріемъ Мануиловымъ. Новопоставленный владыка, пріѣхавши въ главный городъ своей епархіи, приказывалъ читать всенародно настольную грамоту, данную ему митрополитомъ; подъ 1572 годомъ Новгородскій лѣтописецъ разсказываетъ: владыка Леонидъ пѣлъ молебны со всѣми соборами у Св. Софіи, а послѣ молебновъ велѣлъ свою настольную грамоту читать, на амвонѣ, Якову ризничему своему, предъ всѣмъ соборомъ, вслухъ людямъ всѣмъ. И въ то же время владыка началъ говорить архимандриту Юрьева монастыря Ѳеоктисту: «Зачѣмъ ты архимандритъ мнѣ своей настольной грамоты не кажешь? по какому праву ты архимандритишь?» Архимандритъ отвѣчалъ: «Государь! я не успѣлъ, была поѣздка въ Москву, и потому я тебѣ своей грамоты не приносилъ». Владыка сказалъ на это: «Когда у меня настоль-

ной грамоты не было, такъ я три дня не служилъ». Н
архимандритъ отвѣчалъ: «Тебѣ съ меня хочется денегъ со
но мнѣ тебѣ нечего дать; тебѣ и архимандритство, и на
ная грамота; хочешь сдери съ меня и ризы, я и объ
тужить не буду». Тогда владыка сказалъ: «Игумены
священники! слушайте на соборѣ и послѣ не отопритесь:
химандритъ прекословитъ на соборѣ передъ вами». Тут
сказалъ онъ всѣмъ священникамъ: «вы до сихъ поръ мн
приносили своихъ поповскихъ грамотъ подписывать, и
перь подписывать ихъ не стану; а которые священники
ніе, тѣхъ Богъ проститъ». Мы видѣли судьбу Новгород
владыки Пимена; преемника его Леонида царь велѣлъ за
въ медвѣжью шкуру и затравить собаками, а по другимъ
вѣстіямъ удавить.

Мы видѣли, что жители Хлынова, прося прямо царя
учрежденіи у нихъ монастыря, извѣщаютъ, что они уже
любили строителя. Иногда игуменъ какого-нибудь монас
билъ челомъ царю, что онъ уже старъ, и чтобъ царь по
валъ, устроилъ на его мѣсто такого-то старца; иногда вся
тія просила царя о назначеніи имъ въ игумены такого-то ст
ца. Относительно избранія священниковъ состоялся въ 1551
ду соборный приговоръ вслѣдствіе жалобъ Новгородскихъ с
щенниковъ: «По всѣмъ церквамъ и улицамъ старостамъ и у
чанамъ избирать поповъ и дьяконовъ искусныхъ, грамот
раздыхъ и житіемъ непорочныхъ, а денегъ у нихъ на цер
и себѣ мзды не брать ничего: выбравши, приходятъ съ н
къ архіепископу, и архіепископъ, поучивъ и наказавъ, бл
словляетъ, и не беретъ съ нихъ ничего, кромѣ благословен
гривны; отъ дьяконовъ, просвирень и пономарей попамъ
уличанамъ прихожанамъ посуловъ не брать, но Бога ради из
рать священниковъ всѣмъ вмѣстѣ, чтобъ были искусны и
порочны. А который попъ или дьяконъ овдовѣетъ, и остан
у него сынъ, или братъ, или зять, или племянникъ, на
мѣсто пригожій, грамотѣ гораздый и искусный, то его въ
пы на мѣсто поставить, а денегъ на немъ не брать же».

Мы видѣли, что еще при дѣдѣ Іоанна Грознаго церковь обратила вниманіе на улучшеніе нравственности духовенства, слѣдствіемъ чего было извѣстное постановленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ; въ царствованіе Іоанна IV еще сильнѣе обнаружилось стремленіе уврачевать нравственныя язвы, которыми страдало Русское общество. Это стремленіе, это сознаніе своихъ недостатковъ и нежеланіе мириться съ ними обнаруживало силу общества, способность его къ дальнѣйшему преуспѣянію: но какъ въ описываемое время, такъ и долго послѣ при этомъ стремленіи во многомъ должны были ограничиваться указаніемъ на нравственныя язвы, выраженіемъ желанія уврачевать ихъ, увѣщаніями къ этому врачеванію; зло не истреблялось, ибо главное средство къ его истребленію, по обстоятельствамъ, не могло придти еще въ силу, хотя необходимость его и сознавалась лучшими людьми: это средство — просвѣщеніе. По недостатку яснаго свѣта должны были идти ощупью, браться за средства внѣшнія, не ведущія къ цѣли и оскорбительныя для нравственнаго достоинства человѣка, какъ напримѣръ постановленіе о вдовыхъ священнослужителяхъ; по недостатку яснаго свѣта не могли различать хорошо предметовъ и смѣшивали дѣйствительные нравственные недостатки съ обычаями, не имѣющими никакого отношенія къ нравственности.

Въ 1545 году десятинники жаловались Новгородскому архіепископу Θеодосію, что игумены и священники Устюжны Желѣзопольской пренебрегаютъ церковнымъ строеніемъ и службою, вѣнчаютъ первобрачныя свадьбы и двоеженцевъ и троеженцамъ молитвы говорятъ безъ десятильничья знамени и докладу, пошлинъ десятильникамъ не платятъ; а иные, крадучи законное уложеніе, многимъ людямъ молитвы говорятъ четвертымъ и пятымъ бракомъ, выставляя ихъ другоженцами и троеженцами; а иныхъ вѣнчаютъ въ роду и племени, въ кумовствѣ, сватовствѣ и законныхъ роспускахъ: мужья неповинно женъ своихъ законныхъ отпускаютъ и берутъ другихъ, а пущеницы ихъ выходятъ за другихъ мужей, игумены же и священники такія свадьбы вѣнчаніемъ и молитвою случаютъ законопреступно, отъ

безстрашія Божія. Многіе игумены и попы приходятъ изъ митрополіи и отъ иныхъ владыкъ, и служатъ въ Новгородской архіепископіи, въ Устюжской десятинѣ, безъ вѣдома и благословенія владыки Новгородскаго; а иные вновѣ ставятся въ попы и въ дьяконы у митрополита и другихъ владыкъ въ Устюжскую десятину, безъ совѣта, повелѣнія и безъ протропи владыки Новгородскаго, ставятся въ попы и дьяконы хитростію, грамоты отпускныя себѣ вылыгаютъ у митрополита и владыкъ, и этихъ ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ архіепископу Новгородскому и его десятильникамъ не являютъ; а иные и безъ ставленныхъ и безъ отпускныхъ грамотъ служатъ. Случится попу или дьякону овдовѣть, и они, постригшись въ чернецы, служатъ у церквей литургію самовольно, безъ свидѣтельства, безъ обыску, безъ вѣдома и благословенія владыки. Если за подобныя дѣла десятильникъ станетъ игуменовъ, поповъ и дьяконовъ на поруки давать и назначать срокъ когда имъ явиться на судъ архіепископскій (срочить), то они на судъ не являются, на поруки не даются, десятильниковъ бьютъ и злословятъ неподобною бранью.

Въ 1551 году на церковномъ соборѣ царь подалъ святителямъ слѣдующій списокъ безпорядкамъ, для прекращенія которыхъ требовалъ ихъ содѣйствія: чтобъ по церквамъ звонили и пѣли по уставу, чтобъ поставлены были старосты поповскіе надъ всѣми священниками; при отдачѣ антиминсовъ продажа дѣлается большая; иконы пишутся неприлично; чтобъ при дачѣ вѣнечныхъ знаменъ не было великой продажи христіанству; божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, и написавъ не исправляютъ же; ученики учатся грамотѣ небрежно; у владыкъ бояре, дьяки, тіуны, десятинники и недѣльщики судятъ и управу чинятъ непрямо, волочатъ и продаютъ съ ябедниками вмѣстѣ, а десятинники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости, дѣла сочиняютъ съ ябедниками, а жонки и дѣвки, съ судьею по зговору, чернецовъ, поповъ и мірянъ обвиняютъ ложно въ насиліяхъ и позорѣ; въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются для покоя тѣлеснаго,

чтобъ всегда бражничать; архимандриты и игумены нѣкоторые службы Божія, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ келліи съ гостями, племянниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастыри и довольствуютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, также и по селамъ, въ келліи жонки и дѣвки приходятъ, ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ, а братія бѣдная алчутъ и жаждутъ и ничѣмъ не упокоены, все богатство монастырское держатъ власти съ своими родственниками, боярами, гостями, пріятелями и друзьями: монахи и монахини по міру бродятъ, монахини живутъ въ мірскихъ просвирняхъ, монахи у мірскихъ церквей въ попахъ живутъ; просвирни надъ просвирами приговариваютъ. Милостыню и кормъ готовый, хлѣбъ, соль, деньги и одежду по богадѣльнымъ избамъ во всѣхъ городахъ даютъ изъ царской казны, христолюбцы также милостыню подаютъ; но въ богадѣльныя избы вкупаются у приказчиковъ мужики съ женами, а прямые нищіе, больные и увѣчные безъ призору по міру ходятъ; монахи и монахини, попы и міряне, мущины и женщины съ образами ходятъ и собираютъ на церковное строеніе: иноземцы этому дивятся. Надобно подумать, должны ли быть несудимыя грамоты? Въ монастыри отдаются имѣнія, а строенія въ монастыряхъ никакого не прибыло и старое опустѣло: кто этимъ корыстуется? Надобно рѣшить — прилично ли монастырямъ отдавать деньги въ ростъ? Монахи и попы пьянствуютъ; вдовые попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ, остаются при церквахъ и исправляютъ всѣ требы, только обѣденъ не служатъ; старецъ на лѣсу келью поставитъ или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, у царя земли и руги проситъ, а что̀ соберетъ, то пропьетъ; должно избирать игуменовъ и священниковъ достойныхъ. Въ церквахъ стоятъ въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя слова; попы и дьяконы поютъ безчинно, церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся; попы въ церквахъ дерутся между собою, и въ монастыряхъ тоже; попы и дьяконы безъ ризъ служатъ; пономари и дьяки,

двоеженцы и троеженцы въ алтари входятъ и святыни касаются. Головы и бороды брѣютъ и платье иновѣрныхъ земель носятъ; крестное знаменіе кладутъ не по существу; бранятся скаредными словами: и у иновѣрцевъ такое безчиніе не творится; клянутся именемъ Божіимъ во лжу; ружные попы не исполняютъ своихъ обязанностей. Продаютъ давленину. Христіане приносятъ въ церковь кутью, канунъ, на Великъ день пасху, сыры, яица, рыбы печеныя, въ иные дни колачи, пироги, блины, короваи и всякіе овощи: въ Новгородѣ и Псковѣ для этого устроенъ кутейникъ во всякой церкви, въ Москвѣ же все это вносится въ жертвенникъ и въ алтарь; въ монастыряхъ монахи и монахини и міряне живутъ вмѣстѣ. Надобно заняться выкупомъ плѣнныхъ изъ бусурманскихъ рукъ.

Соборъ, удовлетворяя царскимъ требованіямъ, постановилъ о поповскихъ старостахъ въ Москвѣ: сто священниковъ, или какъ число вмѣститъ, избираютъ себѣ священника, исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію, всякими добродѣтелями украшеннаго; тотъ избираетъ себѣ десяцкихъ, и быть у одного старосты храмамъ сряду, чтобъ священники могли удобнѣе собираться для совѣщаній о церковныхъ чинахъ, духовныхъ дѣлахъ и о всякомъ благочестіи. Должно устроить въ Москвѣ семь соборовъ и семь старостъ. Этихъ избранныхъ старостъ приводятъ къ митрополиту, который ихъ испытываетъ и поучаетъ; старосты и священники въ соборномъ храмѣ держатъ полное собраніе божественныхъ правилъ, съ которыми старосты должны постоянно справляться; а священники и дьяконы, которые въ ихъ соборѣ, сходясь, держатъ передъ ними совѣщанія о всякихъ духовныхъ дѣлахъ; всѣ дѣла рѣшаютъ по правиламъ св. отецъ, въ чемъ же будетъ сомнѣніе, извѣщаютъ общему пастырю и учителю, митрополиту. Относительно церковнаго благочинія и нравственности духовенства соборъ постановилъ, чтобъ церковное и алтарное устроеніе было благообразно, чисто и непорочно; въ жертвенникъ и алтарь отнюдь бы ничего не вносили, ни съѣстна-

го, никакихъ другихъ вещей, кромѣ иконъ, крестовъ, священныхъ сосудовъ, ризъ, покрововъ, свѣчей, ладону, просвиръ, масла и вина служебнаго, чтобъ на священныхъ сосудахъ непремѣнно былъ третій покровъ или воздухъ, также чтобъ престолъ не былъ безъ покрова и царскія двери безъ занавѣса. У простой чади въ міру дѣти родятся въ сорочкахъ, и былъ обычай эти сорочки приносить къ священникамъ, которые клали ихъ на престолѣ до шести недѣль: соборъ опредѣлилъ — впредь такой нечистоты и мерзости въ св. церкви не приносить. Соборъ постановилъ, чтобъ просвирни были вдовы послѣ одного мужа, не моложе 50 лѣтъ, въ добрыхъ дѣлахъ свидѣтельствованныя; отнюдь не должны онѣ говорить надъ просвирами никакихъ рѣчей; чтобъ монахини при мірскихъ церквахъ не жили въ просвирняхъ. Чтобъ звонъ церковный былъ по уставу. Чтобъ священники уговаривали своихъ духовныхъ дѣтей чаще ходить въ церкви, особенно по воскресеньямъ и Господскимъ праздникамъ; священники въ церквахъ должны показывать собою примѣръ всякой добродѣтели, благочестія, трезвости; также на пирахъ, во всенародномъ собраніи и во всякихъ мірскихъ бесѣдахъ священникамъ должно духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели; а праздныхъ словъ, кощунства, сквернословія и смѣхотворенія отнюдь бы сами не дѣлали и дѣтямъ своимъ духовнымъ дѣлать запрещали; гдѣ же будутъ гусли, прегудники и потѣхи хульныя — отъ этихъ игръ священники должны удаляться, уходить домой, а сами на нихъ отнюдь не дерзать; чтобъ службы церковныя священники отправляли чинно и въ ризахъ. Каждому новому десятиннику всѣ городскіе попы и дьяконы обязаны показывать свои жалованныя, ставленныя, благословенныя и отпускныя грамоты, передъ поповскими и земскими старостами и цѣловальниками, которые у десятинниковъ въ судѣ сидятъ, при чемъ пошлинъ съ этихъ грамотъ не даютъ; у которыхъ поповъ и дьяконовъ такихъ грамотъ не будетъ, тѣхъ отсылаютъ къ святителямъ за порукою. У сельскихъ поповъ и дьяконовъ смотрятъ грамоты десяцкіе священники и старосты земскіе.

Для большаго утвержденія всѣ святители посылаютъ къ ду- венству и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, по все- городамъ и селамъ соборныхъ священниковъ, добрыхъ, ис- ныхъ, чтобы церковные чины и божественное пѣніе совер- лись по уставу. Святители также должны посылать гра- къ архимандритамъ, игуменамъ и протопопамъ, чтобъ они - блюдали за поведеніемъ поповскихъ старостъ и десяцких- всего духовенства. Относительно наблюденія за исполнені- соборныхъ предписаній мы имѣемъ выпись, данную въ 1- году Берсеневу и Тютину, въ которой говорится: «Не вел- священническому и иноческому чину, по священнымъ пра- ламъ и соборному уложенію, въ корчмы входить, упивать- празднословить, браниться: и которые священники, дьяконы монахи станутъ по корчмамъ ходить, упиваться, по дворам- улицамъ скитаться пьяные, сквернословить, непристойны- словами браниться; драться: такихъ безчинниковъ хватать- заповѣдь на нихъ царскую брать, по земскому обычаю, как- съ простыхъ людей бражниковъ берется, и отсылать чернецо- въ монастыри къ архимандритамъ и игуменамъ, и тѣ ихъ сми- ряютъ по монастырскому чину; а поповъ и дьяконовъ отсы- лать къ поповскимъ старостамъ, которые объявляютъ о них- святителямъ, и святители исправляютъ ихъ по священны- правиламъ; на которомъ чернецѣ нельзя заповѣди доправить, то взять заповѣдь на томъ, кто его напоилъ. Велѣть по тор- гамъ кликать: чтобъ православные христіане отъ мала и до велика именемъ Божіимъ во лжу не клялись, на кривь креста не цѣловали, непристойными словами не бранились, отцомъ и матерью скверными рѣчами другъ друга не упрекали, бородъ не брили и не стригли, усовъ не подстригали. къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля (судебнаго поединка) чародѣи не были бы». Какія мѣры употреблялись для исправленія церковныхъ служителей, забывавшихъ свои обязанности, видно также изъ слѣдующаго разсказа Новгород- скаго лѣтописца подъ 1572 годомъ: Архіепископъ Леонидъ ве- лѣлъ дьяковъ своихъ пѣвчихъ поставить на правежъ и велѣлъ

на нихъ взять по полтинѣ Московской за то, что не ходятъ въ церковь къ началу службы. — Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ Греческіе живописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловутые живописцы, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять. Архіепископы и епископы по всѣмъ городамъ и весямъ и по монастырямъ испытываютъ мастеровъ иконныхъ и ихъ письма сами смотрятъ; каждый въ своемъ предѣлѣ избираетъ нѣсколько живописцевъ нарочитыхъ мастеровъ и приказываетъ имъ смотрѣть надъ всѣми иконописцами, чтобъ въ нихъ худыхъ и безчинныхъ не было, а сами архіепископы и епископы смотрятъ надъ тѣми избранными живописцами и берегутъ этого дѣла на крѣпко, а живописцевъ берегутъ и почитаютъ больше простыхъ людей; вельможи и простые люди должны также живописцевъ во всемъ почитать. — Относительно изображеній святыхъ во Псковѣ въ 1540 году было любопытное происшествіе: къ Успеньеву дню старцы, переходцы съ иной земли, привезли образъ св. Николая и св. Пятницы на рѣзи въ храмцахъ (кіотахъ); во Псковѣ такихъ иконъ на рѣзи прежде не бывало, и многіе невѣжественные люди поставили это за болванное поклоненіе; была въ людяхъ молва большая и смятеніе; простые люди начали священникамъ говорить, а священники пошли къ намѣстникамъ и дьякамъ съ собора, что въ людяхъ большое смятеніе; старцевъ схватили, а иконы послали къ архіепископу въ Великій Новгородъ. Владыка Макарій самъ молился предъ этими святыми иконами, молебенъ имъ соборно пѣлъ, честь имъ воздалъ, самъ проводилъ до судна, и велѣлъ Псковичамъ эти иконы у старцевъ вымѣнить и встрѣчать ихъ соборно.

На жалобу царя, что ученики учатся грамотѣ небрежно соборъ отвѣчалъ: ставленниковъ святители строго допрашиваютъ: почему мало умѣютъ грамотѣ? и они отвѣчаютъ: «мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ»; но отцы ихъ и мастера и сами мало умѣютъ, тогда какъ прежде въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ

и по инымъ городамъ многія училища бывали, грамотѣ, п
сать, пѣть и читать учили; и мы, по царскому совѣту, со
ромъ уложили: выбирать добрыхъ священниковъ, дьяконов
дьяковъ женатыхъ, благочестивыхъ, грамотѣ, читать и пис
горавдыхъ, и у нихъ устроить въ домахъ училища: учили
они дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, болѣе же в
учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и б
ли ихъ отъ всякаго растлѣнія, особенно отъ сквернаго со
скаго грѣха и рукоблудія. Въ Новгородѣ Великомъ попы, д
коны, дьяки, пономари, просвирни и уличане къ церкви пр
нимаютъ за большія деньги, на пономарѣ берутъ рублей 1
а иногда 20 и 30, и кто дастъ деньги, съ тѣмъ идутъ къ в
дыкѣ всею улицею; а если владыка пришлетъ къ церкви по
хорошаго поведенія и грамотѣ гораздаго, но если этотъ по
большихъ денегъ уличанамъ не дастъ, то они его не примут
Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій и постановлено было извѣс
ное уже намъ правило объ избраніи священнослужителей.

О церковномъ судѣ соборъ постановилъ: Весь священничес
и иноческій чинъ судятъ сами святители съ великимъ истяз
ніемъ и обыскомъ, соборно, по священнымъ правиламъ,
всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и въ прочихъ, кромѣ душегубства
разбоя съ поличнымъ, или судятъ тѣ, кому святители велят
судить, а не отъ мірскихъ. А что по монастырямъ, у архи
мандритовъ, игуменовъ и строителей есть царскія жалованны
грамоты, гдѣ написано, что не судить владыкамъ архимандри
товъ, игуменовъ, поповъ, чернецовъ и всякій причтъ церков
ный: то грамоты эти давались вопреки священнымъ прави
ламъ, и впередъ такимъ грамотамъ не быть. Если кому-ни
будь изъ священническаго или иноческаго чина случится ис
кать своихъ обидъ на мірскихъ людяхъ, то они ищутъ предъ
мірскими судьями, съ которыми вмѣстѣ должны быть святитель
скіе судьи, десяцкіе священники и земскіе старосты. При су
дѣ крестное цѣлованіе и поле не допускаются, употребляется
только обыскъ; если же свидѣтелей нѣтъ и обыскъ невозмо
женъ, то употребляется жребій: чей напередъ вынется, тотъ

и правъ. Крестнаго цѣлованія и поля священническому и иноческому чину не присужать ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ: въ такихъ винахъ мірскіе судьи судятъ по мірскимъ закономъ. Монастыри и казны монастырскія вѣдаютъ и отписываютъ по всѣмъ монастырямъ царскіе дворецкіе и дьяки, и приказываютъ архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ съ соборными старцами, и считаютъ архимандритовъ, игуменовъ и строителей во всемъ приходѣ и расходѣ, да непороченъ будетъ судъ святительскій. Если митрополитъ нездоровъ, то вмѣсто себя приказываетъ судить владыкѣ Сарскому и Подонскому со всѣми архимандритами и игуменами соборно; а бояре митрополичьи въ этомъ судѣ у святителей не сидятъ, кромѣ писарей, кому дѣло записывать; владыка, судивши соборно и обыскавши достовѣрными свидѣтелями, судный списокъ кладетъ предъ митрополитомъ и ставитъ передъ нимъ обоихъ истцовъ, и митрополитъ, выслушавши списокъ и спросивши истцовъ, былъ ли имъ такой судъ, рѣшаетъ дѣло соборно по священнымъ правиламъ. Если на которыхъ-нибудь духовныхъ пастырей, на архимандритовъ и игуменовъ великихъ честныхъ монастырей станутъ бить челомъ жалобщики объ управахъ: то святители за ними недѣльщиковъ своихъ не посылаютъ и на поруку ихъ не даютъ, а посылаютъ къ нимъ свои грамоты имянныя, за своими печатями, съ тѣми жалобщиками, чтобъ съ ними управились; а по жалобщикахъ брать поруки, чтобъ имъ явиться на срокъ, если не управятся; сроки въ посыльныхъ грамотахъ архимандритамъ и игуменамъ назначать по жалованнымъ и уставнымъ царскимъ грамотамъ, исключая духовныхъ дѣлъ; жалобщики должны отдавать посыльныя грамоты архимандритамъ и игуменамъ передъ братіею на соборѣ; если архимандриты и игумены не управятся съ жалобщиками, то пусть присылаютъ къ отвѣту слугъ своихъ вмѣсто себя, а захотятъ сами ѣхать къ отвѣту — въ томъ ихъ воля. Въ духовныхъ же дѣлахъ архимандриты и игумены ѣздятъ къ отвѣту, какъ имъ святители велятъ; въ случаѣ ослушанія отправляется за ними приставъ съ записями и ставитъ

ихъ передъ святителемъ. Царскимъ боярамъ и дворецки митрополичьимъ и владычнимъ боярамъ игуменовъ, игуме и строителей ни въ которыхъ дѣлахъ не судить, судятъ святители сами по священнымъ правиламъ. А по рядн грамотамъ, по духовнымъ, по кабаламъ, въ поклажахъ, бо грабежахъ и въ прочихъ всякихъ дѣлахъ, кромѣ духовны поповъ, дьяконовъ и всѣхъ причетниковъ и мірскихъ лю приказываютъ святители судить своимъ боярамъ, а у бо въ судѣ сидѣть старостамъ поповскимъ, пятидесяцкимъ и сяцкимъ по недѣлямъ, по двѣ или по три, да градскимъ с ростамъ и цѣловальникамъ, да земскому дьяку, которымъ сударь прикажетъ. Судные списки бояре полагаютъ пер святителей и ставятъ обоихъ истцовъ; святители, выслуша списокъ, спросятъ обоихъ истцовъ: «такой судъ имъ бы ли?» и когда тѣ скажутъ, что былъ, то святители, обговор списокъ съ искусными людьми, велятъ учинить управу и вз пошлины на виноватомъ. Гдѣ прежде при великихъ чудотв цахъ, Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ жили десятильники, вѣдали и дили весь священническій и иноческій чинъ, всѣ причты ц ковные и прочихъ людей во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовны и теперь тамъ быть десятильникамъ и судить, а на судѣ нихъ быть поповскимъ старостамъ и десяцкимъ, также зе скимъ старостамъ, цѣловальникамъ и земскимъ дьякамъ; ч нятъ они управу по суду и по обыску безпосульно и без локотно; священникамъ и дьяконамъ къ полю и крестному ц лованію срока не назначаютъ безъ святительскаго вѣдома: ес котораго дѣла не смогутъ рѣшить, то обоимъ истцамъ назн чаютъ срокъ стать передъ святителемъ. Корчемъ десятильни камъ не держать, держать имъ питье про себя. Земскіе старосты, цѣловальники, поповскіе старосты и десяцкіе священники должны были наблюдать за поведеніемъ десятинниковъ, и, въ случаѣ злоупотребленій, писать къ владыкѣ, а если владыка не управитъ, писать къ царю; тогда десятиннику быть отъ царя въ великой опалѣ, и взятое напрасно доправляется съ него втрое. Десятинники могутъ давать обвиненнаго на по-

руку только передъ поповскими старостами и десяцкими священниками или передъ земскими старостами и цѣловальниками, при чемъ отъ поруки и поклоннаго не берутъ ничего; обыски пишутъ дьячки церковные или земскіе передъ десяцкими, старостами и цѣловальниками. Святительскую дань, десятильничьи пошлины, кормъ, заѣздъ и вѣнечную пошлину должны собирать и доставлять владыкѣ старосты земскіе и поповскіе и десяцкіе священники, по книгамъ, которыя пришлетъ къ нимъ владыка; вѣнечной пошлины сбирать съ перваго брака алтынъ, со втораго два, съ третьяго три (четыре).

Относительно безпорядковъ въ богадѣльныхъ избахъ соборъ отвѣчалъ: да повелитъ благочестивый царь всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ описать по всѣмъ городамъ, отдѣльно отъ здоровыхъ строевъ, и въ каждомъ городѣ устроить богадѣльни мужскія и женскія, гдѣ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ куда голову преклонить довольствовать пищею и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное имъ приносятъ, да приставить къ нимъ здоровыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ, сколько будетъ пригоже; священникамъ добрымъ, цѣловальникамъ или городскимъ людямъ добрымъ смотрѣть, чтобъ имъ насильства и обиды отъ стряпчихъ не было; священники должны приходить къ нимъ въ богадѣльни, поучать ихъ страху Божію, чтобъ жили въ чистотѣ и покаяніи, и совершать всѣ требы. Чтобъ здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили, а питались бы отъ боголюбцевъ, ходя по дворамъ, которые же могутъ работать, работали бы.

О выкупѣ плѣнныхъ соборъ отвѣчалъ: которыхъ окупятъ царскіе послы въ Ордахъ, въ Царѣградѣ, въ Крыму, въ Казани или Астрахани, или въ Кафѣ, или сами откупятся, тѣхъ всѣхъ плѣнныхъ окупать изъ царской казны. А которыхъ плѣнныхъ православныхъ христіанъ окупятъ Греки, Турки, Армяне или другіе гости, и приведутъ въ Москву, а изъ Москвы захотятъ ихъ опять съ собою повести, то этого имъ не позволять, за то стоять крѣпко и плѣнныхъ окупать изъ царской же казны, и сколько этого окупа изъ царской казны разойдет-

ся, и то раскинуть на сохи по всей землѣ, чей кто ни бу
всѣмъ равно, потому что такое искупленіе общею милост
называется. Но когда статьи соборнаго постановленія был
сланы въ Троицкій Сергіевъ монастырь къ бывшему митр
литу Іоасафу, бывшему Ростовскому архіепископу Але
бывшему Чудовскому архимандриту Вассіану, бывшему
ицкому игумену Іонѣ и всѣмъ соборнымъ старцамъ, то
утвердивъ всѣ статьи, о выкупѣ плѣнныхъ написали: «о
брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей. Крес
намъ, царь государь, и такъ много тягости; въ своихъ п
тяхъ, государь, покажи имъ милость».

Запретивъ остальные безпорядки, указанные царемъ, б
особенныхъ подробностей, соборъ обратилъ вниманіе еще
нѣкоторыя безчинства и суевѣрія: на свадьбахъ играютъ
морохи, и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ
крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ скоморохи съ играми бѣ
скими рыщутъ. Нѣкоторые тяжутся непрямо, и, поклепа
крестъ цѣлуютъ или образа святыхъ, на полѣ бьются и кр
проливаютъ: и въ то время волхвы и чародѣи помощь
оказываютъ, кудесы бьютъ, въ Аристотелевы врата и въ р
ли смотрятъ, по звѣздамъ и планитамъ глядятъ, смотрятъ дн
и часовъ, и на такія чародѣйства надѣясь, поклепца и яб
никъ не мирятся, крестъ цѣлуютъ и на полѣ бьются и уб
ваютъ. Запрещено мущинамъ и женщинамъ, монахамъ и
нахинямъ мыться въ банѣ въ одномъ мѣстѣ: этотъ обыч
указанъ во Псковѣ. По дальнимъ сторонамъ ходятъ скоморох
собравшись большими ватагами до 60, 70 и до 100 человѣк
по деревнямъ у крестьянъ силою ѣдятъ и пьютъ, изъ клѣт
имѣніе грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ. Дѣти бояр
скіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью играютъ
пропиваются, ни службы не служатъ, ни промышляютъ,
отъ нихъ всякое зло дѣлается: крадутъ и разбиваютъ и душ
губятъ. По погостамъ и селамъ ходядъ лживые пророки, му
жики, женщины и дѣвицы и старыя бабы, нагія и босыя, во
лосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, и гово

рятъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія и велятъ имъ заповѣдать христіанамъ кануны завечивать; они же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, платья не мыть, камней не разжигать. Соборъ запрещаетъ заниматься злыми ересями, которыя перечисляются: рафли, шестокрылъ, вороноград, остропомія, задей, алманахъ, звѣздочетьи, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія; вооружается противъ извѣстныхъ уже намъ суевѣрій, которымъ предавался народъ въ Троицкую субботу, Ивановъ день, Великій четвертокъ и проч.

Мы видѣли, какого рода насилія позволяли себѣ сильные надъ слабыми въ быту помѣщичьемъ и крестьянскомъ; челобитная царю игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и братіи на старца Александра показываетъ, чтó могъ позволять себѣ тогда дерзкій человѣкъ даже въ монастырѣ: «Живетъ, государь, тотъ Александръ не по чину монастырскому: въ церковь не ходитъ, а строитъ пустыню, гдѣ и живетъ больше, чѣмъ въ монастырѣ; монастырь опустошаетъ, изъ казны, погребовъ, съ сушила всякіе запасы, изъ мельницъ муку и солодъ, изъ селъ всякій хлѣбъ беретъ и отсылаетъ къ себѣ въ пустыню; пріѣхавши въ монастырь, игумена и старцевъ соборныхъ бранитъ б........ дѣтьми, а другихъ старцевъ изъ собору выметалъ и къ морю разослалъ; прочую братію, служебниковъ и клирошанъ, колетъ остномъ и бьетъ плетми, безъ игуменскаго и старческаго совѣта, и на цѣпь и въ желѣза сажаетъ. Строителемъ онъ былъ на Москвѣ безъ малаго семь лѣтъ, а отчета въ монастырской казнѣ не далъ. Послѣ ефимона на погребѣ пьетъ силою съ тѣми людьми, которыхъ беретъ съ собою въ пустыню; братіи грозитъ, хочетъ на цѣпь и въ желѣза сажать на смерть, и тебѣ же, государю, хочетъ оговаривать ложью старцевъ и всю братію, и отъ тѣхъ его побой и грозъ братія бѣгутъ розно. Православный царь государь! укажи намъ, какъ съ Александромъ прожить; а про пустыню, про его строенье вели сыскать. Общежительство Ки-

рилловское онъ разоряетъ, слугъ и лошадей держитъ особенныхъ, саадаки, сабли и ружницы возитъ съ собою, солью торгуетъ на себя, лодки у него ходятъ отдѣльно отъ монастырскихъ». Царь Іоаннъ, съ своей стороны, упрекалъ монаховъ, что они обращаютъ слишкомъ много вниманія на знатныхъ постриженниковъ, въ угоду имъ нарушаютъ древніе строгіе уставы монастырскіе; въ знаменитомъ посланіи своемъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь онъ пишетъ: «Подобаетъ вамъ усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу, преданіе его крѣпко держать, о истинѣ крѣпко подвизаться, а не быть бѣгунами, не бросать щита: возьмите вся оружія Божія и не предавайте чудотворцева преданія ради сластолюбія, какъ Іуда предалъ Христа ради серебра. Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилатъ, Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ — чудотворцево преданіе презрѣнное. Отцы святые! въ маломъ допустите ослабу — большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабленія Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено. Если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря уже у васъ не будетъ, а вмѣсто него будетъ царскій дворъ! Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы, зачѣмъ говорить: «отрицаюсь отъ міра и отъ всего, чтó въ мірѣ!» Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумéну, слушаться всей братіи и любить ее: но Шереметеву какъ назвать монаховъ братіею? у него и десятый холопъ, чтó въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. Великіе свѣтильники — Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ Русской землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надобно спасаться; а бояре, пришедши къ вамъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его, а Кирилловъ уставъ плохъ — оставьте его! Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, завтра другой иную слабость, итакъ мало-по-малу весь обиходъ монастырскій испразднится

и будутъ обычаи мірскіе. И по всѣмъ монастырямъ сперва основатели установили крѣпкое житіе, а послѣ нихъ раззорили его любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и законъ каковъ былъ — прочтите въ житіи чудотворцевѣ; но потомъ одинъ малую слабость ввелъ, другіе ввели новыя слабости, и теперь что̀ видимъ на Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается. Вы надъ Воротынскимъ церковь поставили: хорошо! надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковію. И на страшномъ Спасовомъ судилищѣ Воротынскій да Шереметевъ выше станутъ потому: Воротынскій церковію, а Шереметевъ закономъ, потому что его законъ крѣпче Кириллова. Вотъ въ нашихъ глазахъ у Діонисія Преподобнаго на Глушицахъ, и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами. Вотъ у васъ сперва Іоасафу Умному дали оловянники въ келью, дали Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву уже дали и поставецъ, и поварню. Вѣдь дать волю царю — дать ее и псарю, оказать послабленіе вельможѣ, оказать его и простому человѣку. Вассіанъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ постническое житіе ниспровергнулъ: такъ теперь и сынъ его Іона старается погубить послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, хочетъ и въ Кирилловѣ монастырѣ, въ самой пустырѣ, постническое житіе искоренить. Да и въ міру тотъ же Шереметевъ съ Висковатымъ первые не стали за крестами ходить, и, смотря на нихъ, и другіе всѣ перестали ходить, а прежде всѣ православные христіане, съ женами и младенцами, за крестами ходили и не торговали, кромѣ съѣстнаго ничѣмъ, а кто станетъ торговать, на томъ брали заповѣди. Прежде, какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ манастырѣ, и поопоздали ужинать, то завѣдывающій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкеларникъ отвѣчалъ: «объ этомъ мнѣ приказу не было, а о

чемъ былъ приказъ, то я и приготовилъ, теперь ночь, взять негдѣ; государя боюсь, а Бога надобно больше бояться». Такая у васъ была тогда крѣпость, по пророческому слову: «правдою и предъ цари не стыдяхся». А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ что̀ въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе, а вы молча смотрите на такое безчиніе! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: но по монастырямъ и Фряжскія вина держать зазорно, не только что горячее! Такъ это ли путь спасенія, это ли иноческое пребываніе? или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы! Милые мои! Прежде Кирилловъ монастырь многія страны пропитывалъ въ голодныя времена, а теперь и самихъ васъ, въ хлѣбное время, еслибъ не Шереметевъ прокормилъ, то всѣ съ голоду бы померли? Пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быть, какъ Іоасафъ митрополитъ у Троицы съ клирошанами пировалъ, или какъ Мисаилъ Сукинъ въ Никитскомъ монастырѣ и по инымъ мѣстамъ какъ вельможа какой-нибудь жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и другіе многіе живутъ? То ли путь спасенія, что въ чернецахъ бояринъ боярства не сстрижетъ, а холопъ холопства не избудетъ. У Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ: а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство своимъ любострастіемъ. Скажу еще страшнее: какъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ двѣнадцать убогихъ станутъ судить всѣмъ сильнымъ царямъ, обладавшимъ вселенною: то Кирилла вамъ своего какъ съ Шереметевымъ поставитъ? котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ! Видите ли, куда васъ слабость завела? Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и другіе святые многіе

не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространились: потому что благочестіемъ монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ благочестіе изсякло, и монастырь оскудѣлъ: не пострижется никто и не дастъ ничего. А на Сторожахъ до чего дошли? уже и затворить монастыря некому, по трапезѣ трава растетъ, а прежде и мы видѣли, братій до осьмидесяти бывало, клирошанъ по одиннадцати на клиросѣ стаивало. — Если же кто скажетъ, что Шереметевъ безъ хитрости боленъ и ему нужно дать послабленіе: то пусть онъ ѣстъ въ кельѣ, одинъ съ келейникомъ. А сходиться къ нему на что̀, да пировать, да овощи въ кельѣ на что̀? До сихъ поръ въ Кирилловѣ иголки и нитки лишней не держали, не только что какихъ-нибудь другихъ вещей. А дворъ за монастыремъ и запасы на что? все это беззаконіе, а не нужда; а если нужда, то онъ ѣшь въ кельѣ какъ нищій, кромѣ хлѣба звѣно рыбы да чаша квасу; а что̀ сверхъ того, если вы послабляете, то вы и давайте, сколько хотите, только бы ѣлъ одинъ, а сходовъ и пировъ не было бы, чтобъ было все какъ прежде у васъ водилось. А кому къ нему придти для бесѣды духовной, и онъ приди не въ трапезное время, ѣды и питья чтобъ въ это время не было, такъ это будетъ и бесѣда духовная. Пришлютъ поминки братіи, и онъ бы это отсылалъ въ монастырскія службы, а у себя бы въ кельѣ никакихъ вещей не держалъ; а что̀ къ нему пришлютъ, то бы раздѣлялъ на всю братію, а не двумъ или тремъ, по дружбѣ и пристрастію, и вы его въ кельѣ монастырскимъ всѣмъ покойте, только чтобъ было безстрастно. А люди бы его за монастыремъ не жили: пріѣдутъ отъ братьевъ съ грамотами, съ запасомъ, съ поминками — и они, поживъ дня два, три, и взявши отвѣтную грамоту, поѣзжай прочь: такъ и ему будетъ покойно, и монастырю безмятежно. Теперь вы прислали грамоты, отъ васъ намъ отдыху нѣтъ о Шереметевѣ; я писалъ вамъ, чтобъ Шереметевъ и Хабаровъ ѣли въ трапезѣ съ братіею; я это приказывалъ для монастырскаго чина, а Шереметевъ поставилъ себѣ какъ бы въ опалу. Мо-

жетъ-быть, вамъ потому очень жаль Шереметева, потому такъ сильно за него стоите, что братья его и до сихъ поръ не перестаютъ посылать въ Крымъ и наводить бусурманство на христіанство? А Хабаровъ велитъ мнѣ перевести себя въ другой монастырь: я не ходатай ему и его скверному житію; онъ мнѣ сильно наскучилъ. Иноческое житіе не игрушка: три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ! Когда былъ въ міру, то только и зналъ, что образа окладывать, книги въ бархатъ переплетать съ застежками и жуками серебряными, налой убирать, жить въ затворничествѣ, келью ставилъ, четки въ рукахъ; а теперь съ братіею вмѣстѣ ѣсть не хочетъ. Надобны четки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердецъ плотяныхъ; я самъ видѣлъ, какъ по четкамъ скверными словами бранятся; что въ тѣхъ четкахъ? О Хабаровѣ мнѣ нечего писать: какъ себѣ хочетъ, такъ и дурачится. А что Шереметевъ говоритъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома: то для всѣхъ леженокъ не раззорять стать законы святые! Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго по любви къ вамъ и для иноческаго житія. Больше писать нечего; а впредь бы вы о Шереметевѣ и другихъ такихъ же безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ отвѣту не давать. Сами знаете: если благочестіе не потребно, а нечестіе любо, то вы Шереметеву хотя золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте — то вы вѣдаете; установите съ Шереметевымъ свои преданія, а чудотворцево отложите, и хорошо будетъ; какъ лучше, такъ и дѣлайте, сами вѣдайтесь какъ себѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ; впередъ о томъ не докучайте; говорю вамъ, что ничего отвѣчать не буду. Богъ же мира и Пречистыя Богородицы милость и Чудотворца Кирилла молитва да будутъ со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго». Въ Новгородскихъ монастыряхъ и въ описываемое нами время продолжало вводиться общее житіе, по настоянію владыкъ; устроить общее житіе означалось на тогдашнемъ языкѣ выраженіемъ: *заcѣдать общину*.

Мы видѣли, что у митрополита и владыкъ были свои бояре, которымъ они поручали церковный судъ. Объ этихъ боярахъ соборъ 1551 года постановилъ: митрополиту и владыкамъ, безъ царскаго вѣдома, не отсылать отъ себя бояръ и дворецкихъ и на ихъ мѣста не ставить другихъ, исключая тотъ случай, когда эти бояре и дворецкіе неоднократно уличены будутъ во взяткахъ, ибо тогда они лишаются своихъ должностей и помѣстій. Если у котораго святителя изведутся бояре и дворецкіе, то ему выбирать новыхъ изъ тѣхъ же родовъ, а некого будетъ выбрать изъ тѣхъ же родовъ, и онъ выбираетъ изъ другихъ родовъ, обославшись съ царемъ; если же владыка не найдетъ нигдѣ способнаго человѣка, то бьетъ челомъ царю, чтобъ государь пожаловалъ, выбралъ у себя; также и дьяковъ владыки держатъ съ царскаго вѣдома. Что касается до содержанія владычнихъ бояръ, то, какъ видно, они получали помѣстья и отъ царя, ибо Новгородскій архіепископъ Леонидъ, давши въ 1574 году помѣстье боярину своему Ѳомину, пишетъ въ грамотѣ: «дано то помѣстье на время, до тѣхъ поръ, какъ его государь пожалуетъ, здѣсь въ великомъ Новгородѣ велитъ дать помѣстье».

На соборѣ 1551 года былъ поднятъ опять важный вопросъ о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ: въ первый разъ рѣшились постановить нѣкоторые предѣлы увеличенію этихъ имуществъ: соборъ опредѣлилъ: впередъ архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ вотчинъ, безъ царскаго вѣдома и доклада, не покупать ни у кого, а князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ докладу не продавать; а кто купитъ или продастъ — у купца деньги пропали, а у продавца вотчина: взять вотчину на государя безденежно. Вотчины, данныя или которыя впередъ будутъ даваться монастырямъ по душамъ въ поминокъ, не выкупаются никѣмъ и никакимъ образомъ. Если при отдачѣ вотчинъ въ монастырь датель напишетъ въ духовной, данной или какой-нибудь крѣпостной грамотѣ, что родичи могутъ выкупить ее за извѣстную сумму денегъ: то пусть родичи выкупаютъ по старинѣ, какъ водилось

при отцѣ и дѣдѣ государевомъ. Которыя царскія помѣстныя и черныя земли задолжали у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, и насильствомъ поотнимали ихъ владыки и монастыри, или которыя земли писцы отдали владыкамъ и монастырямъ, норовя имъ; если владыки и монастыри починки поставили на государевыхъ земляхъ: сыскать, чьи земли были изстари, за тѣмъ и утвердить ихъ. Возвратить назадъ села, волости, рыбныя ловли, всякія угодья и оброчныя деревни, отданныя послѣ великаго князя Василія боярами владыкамъ и монастырямъ; сдѣлать то же съ ругами и милостынями, приданными монастырямъ и церквамъ послѣ великаго князя Василія; также милостыни, обращенныя изъ временныхъ въ постоянныя, сдѣлать опять временными. Въ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, на Бѣлѣозерѣ и въ Рязани, также князьямъ Суздальскимъ, Ярославскимъ и Стародубскимъ безъ государева доклада вотчинъ въ монастыри по душѣ не давать; если отдадутъ, то брать вотчину у монастыря безденежно на государя; вотчины, отданныя безъ государева доклада до настоящаго приговора, брать на государя, но платить за нихъ деньги по мѣрѣ, и отдавать ихъ въ помѣстья. — Въ 1573 году, по государеву приказу, митрополитъ Антоній и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать; если вотчина будетъ уже и написана, то ее въ помѣстной избѣ не записывать, а отдавать роду и племени служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было, и земля изъ службы не выходила бы; а монастырскихъ вотчинъ вотчичамъ впредь не выкупать. Но кто дастъ вотчину монастырямъ малымъ, у которыхъ земель мало, то эти вотчины, доложа государю, записывать. Въ 1580 году сдѣланъ былъ шагъ болѣе рѣшительный: въ соборномъ приговорѣ, состоявшемся 15 Января, говорится: «ради належащаго варварскаго прещенія, отъ Турскаго, Крымскаго, Ногай, отъ Литовскаго короля, съ которымъ совокупились ярымъ образомъ Польша, Венгры, Нѣмцы Лифляндскіе и Шведскіе, соединились какъ дикіе звѣри, надмились гордостно и хотятъ истре-

бить православіе; ради того, чтобъ церкви Божіи и священныя мѣста были безъ мятежа, а воинскій чинъ ополчался крѣпко на брань противъ враговъ креста Христова, мы, Антоній митрополитъ всея Руси, съ благочестивымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, и сыномъ его княземъ Иваномъ Ивановичемъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ и царскимъ синклитомъ, уложили такъ: сколько ни есть земель и земляныхъ угодій, до сихъ поръ данныхъ въ митрополіи, епископіи и по монастырямъ, изъ нихъ да не исходитъ, ни по какому суду, ни по какой тяжбѣ не берутъ ихъ и не выкупаютъ; что̀ и не утверждено крѣпостями, и того не выкупать, и впередъ съ монастырями о вотчинахъ не тягаться. А отъ сего дня, 15 Января, на послѣдующее время вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавать, а давать за нихъ въ монастыри деньги, и села брать наслѣдникамъ, хотя бы кто и далеко былъ въ роду. А если у кого не будетъ роду и дальняго, то вотчину брать на государя, а деньги за нее платить изъ казны; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладѣ не держать, а кто послѣ этого уложенія купитъ землю или закладную станетъ за собою держать, то землю брать на государя; а которыя теперь закладни за митрополитомъ, владыками и монастырями, тѣ земли брать на государя жь, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Которыя вотчины княженецкія даны прежде, и въ тѣхъ воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Впередъ княженецкихъ вотчинъ не брать; а кто возьметъ безъ государскаго вѣдома, тѣ вотчины взять на государя безденежно; кто купилъ княженецкія вотчины, и тѣ вотчины взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. У котораго монастыря убогаго земли будетъ мало, или вовсе не будетъ, то онъ бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ и боярами, соборно приговоря, устроятъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже».

Касательно сборовъ съ духовенства въ пользу архіереевъ

соборъ 1551 года, по жалобѣ Новгородскихъ священниковъ, отмѣнилъ *праздничный* сборъ съ священника по алтыну, съ дьякона по три деньги; относительно подводъ Новгородскому владыкѣ съ монастырей и городскихъ священниковъ положено не брать больше прежняго. Какъ видно, также духовенство помогало епископамъ при построеніи и поправкѣ ихъ домовъ; такъ Псковской лѣтописецъ подъ 1535 годомъ говоритъ: начали дѣлать дворъ владычній во Псковѣ, а священники не пособили ни въ чемъ, монастыри же всѣ мшили горницы и повалушу склали. Псковское духовенство давало Новгородскому владыкѣ кормъ, когда онъ пріѣзжалъ во Псковъ; по этому случаю подъ 1544 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее: владыка Ѳеодосій пріѣхалъ во Псковъ, и отдѣлились отъ городскихъ поповъ отъ всѣхъ семи соборовъ сельскіе попы и пригородскіе, потому что городскіе попы взяли съ нихъ корму больше, чѣмъ съ себя, и было у нихъ смятеніе большое; владыка далъ имъ особаго старосту. Въ стоглавѣ читаемъ: въ Москвѣ на митрополичьемъ дворѣ вѣчная тіунская пошлина ведется, называемая *крестецъ:* изъ всѣхъ городовъ архимандриты, игумены, протопопы, монахи, священники, дьяконы пріѣзжаютъ по своимъ дѣламъ, и, живучи въ Москвѣ, сходятся на крестецъ въ торгу на Ильинской улицѣ и нанимаются у Московскихъ священниковъ по многимъ церквамъ обѣдни служить, къ митрополичью тіуну являются и знамя у него берутъ, на мѣсяцъ, на два и больше и пошлину ему даютъ, на мѣсяцъ по 10 денегъ, другіе по два алтына; а которые не доложа тіуна станутъ служить, на тѣхъ онъ беретъ промыты по 2 рубля, а того не обыскиваетъ, есть ли у нихъ ставленныя и отпускныя грамоты? Соборъ опредѣлилъ досматривать напередъ этихъ грамотъ. Какъ при заселеніи дикой земли правительство давало льготы насельникамъ, освобождало ихъ отъ податей, такъ при построеніи новой церкви архіерей освобождалъ ея причтъ отъ своихъ податей: въ 1547 году Пермскій и Вологодскій епископъ Кипріанъ далъ слѣдующую грамоту Кирилловскому игумену и братіи: «поставили они церковь но-

р, въ моей епископіи Вологодской: и кто у нихъ у этой ...и станетъ служить, игуменъ, попъ или дьяконъ, не на... имъ платить мою дань Рождественскую, ни данскія по...ы, ни десятинничьи пошлины, ни недѣльщичьи, ни коню...е, ни поварское, ни людское, ни явленныхъ куницъ съ ...отою,; къ старостѣ поповскому съ тяглыми попами они не...утъ ни во что, и не судятъ ихъ мои десятинники ни въ ...ъ, приставовъ своихъ за ними не посылаютъ, и не въ...аютъ къ нимъ наши недѣльщики ни за чѣмъ; а кто бу...ъ чего-нибудь искать на нихъ, то сужу я ихъ самъ; а ...аютъ меня владыку Кипріана игуменъ Аѳанасій съ братіею ... собою». Изъ послѣднихъ словъ видно, что Кирилловъ ...астырь обязался давать владыкѣ извѣстное вознагражденіе ... потерю доходовъ съ новоустроенной церкви. Такую же гра...у далъ Ростовскій владыка Алексѣй Троицкому Сергіеву мо...тырю относительно церкви въ селѣ Берлюковѣ, при чемъ, ...ъ видно, церковь не была вновь построена. Вообще мона...рямъ было выгодно освобождать духовенство въ принадле...шихъ имъ селахъ отъ архіерейскихъ пошлинниковъ обяза...льствомъ самимъ доставлять владыкѣ слѣдующее ему дохо...; такъ въ 1542 году Ростовскій владыка Досиѳей далъ гра...у тому же Кирилловскому игумену Аѳанасію: попы въ мо...стырскихъ Кирилловскихъ селахъ вѣнчаютъ въ своихъ при...дахъ крестьянъ безъ знаменъ нашего знаменщика, а знаме... берутъ въ Кирилловѣ монастырѣ у казначея, и подать ...атятъ казначею, а казначей, собравши эти знаменныя день..., платитъ нашему знаменщику Бѣлозерскому. Пѣсношскій ...настырь въ 1542 году освободилъ также духовенство своихъ ...лъ Дмитровской десятины отъ суда митрополичьихъ десятин...ковъ и вѣдомства поповскихъ старостъ; митрополитъ, въ ...оей грамотѣ, обѣщалъ судить священниковъ этихъ селъ ...мъ, съ условіемъ, чтобъ они платили извѣстный годовой ...брокъ ему, его десятиннику и заѣзжику; этотъ оброкъ свя...щенники привозили сами въ Москву, въ митрополичью казну, ... десятинники и заѣзжики къ нимъ не ѣздили и не посылали

ни за чѣмъ, подводъ и проводниковъ не брали. Встрѣчаем грамоты владыкъ относительно поборовъ съ самихъ монастырей; такую грамоту далъ Новгородскій архіепископъ Леонид Старорусскому Козмодемьянскому монастырю въ 1574 году «Давать имъ въ домъ св. Софіи и мнѣ, за мой подъѣздъ, за благословенную куницу, и за всѣ десятинничьи пошлины по новому окладу, всякій годъ, по рублю Московскому; но если случится мнѣ, по государеву приказу, ѣхать въ Москву въ тотъ годъ монастырь даетъ мнѣ подъѣздъ и десятину спол на по книгамъ». Подъ 1571 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о ссорѣ Новгородскаго владыки Леонида съ священниками за милостынныя деньги: «Владыка Леонидъ послѣ выхода всѣмъ священникамъ, старостамъ, десяцкимъ и пятидесяцкимъ Новгородскимъ велѣлъ ризы съ себя снимать и говорилъ имъ: «собаки, воры, измѣнники, да и всѣ Новгородцы съ вами! вы меня оболгали великому князю, подаете челобитныя въ милостынныхъ деньгахъ; а вамъ достанется по шести московокъ, да дьяконамъ по четыре московки; не буде на васъ моего благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!»

Относительно содержанія монастырей по прежнему встрѣчаемъ царскія ружныя грамоты, вкладныя грамоты частныхъ людей и царскія, которыми, до послѣдняго соборнаго приговора, давались въ монастыри земельные участки на поминъ души. Самъ царь въ 1575 году далъ въ любимый свой монастырь Кирилло-Бѣлозерскій по душѣ боярина князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго двѣ вотчины послѣдняго въ Ростовскомъ и Московскомъ уѣздахъ. Еще отецъ Іоанновъ далъ въ этотъ же монастырь 1000 рублей на покупку села, самъ Іоаннъ далъ 300 рублей на поминъ своимъ дочерямъ, Аннѣ и Марьѣ, умершимъ въ младенчествѣ; такъ какъ на соборѣ 1551 года было положено, что монастыри не могутъ безъ доклада покупать вотчинъ, то Кирилловскій игуменъ съ братіею въ 1556 году били челомъ о позволеніи купить вотчину на означенные денежные вклады; царь позволилъ имъ купить землю, но не дороже какъ на 2000 рублей и внѣ предѣловъ Новго-

родскихъ, Псковскихъ, Рязанскихъ, Тверскихъ и Смоленскихъ, также не у князей вотчинныхъ, которымъ запрещено было продавать свои земли безъ царскаго вѣдома; если окажется, что монастырь заплатилъ за вотчину дороже 2000 рублей, то земли отбираются на царя, и монастырь лишается своихъ денегъ; если монастырь купитъ пустыя земли или пустоши, и пустое распашетъ, *разсѣчетъ* (очиститъ отъ лѣса) и людьми наполнитъ, а старые вотчичи захотятъ выкупить эти земли, то могутъ выкупить, заплативши монастырю за хоромы и за пашню. Изъ этой же грамоты узнаемъ, что Кирилловъ монастырь при отцѣ Іоанна и въ началѣ царствованія Іоаннова имѣлъ право торговать 10,000 пудовъ соли, что приносило ему 600 рублей годоваго дохода; но потомъ Іоаннъ отнялъ у него это право.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько уставныхъ грамотъ, которыя давали монастыри своимъ крестьянамъ; такъ отъ 1548 года дошла до насъ уставная грамота Соловецкаго игумена, св. Филиппа, крестьянамъ Виремской волостки и другимъ монастырскимъ крестьянамъ; грамота начинается такъ: «Божіею милостію Господа нашего Іисуса Христа и Боголѣпнаго Его Преображенія, и Пречистыя Его матери честнаго и славнаго Ея Успенія, и св. чудотворца Николы и св. чудотворцевъ Зосимы и Савватія, я игуменъ Филиппъ Колычевъ, посовѣтовавшись съ священниками, келаремъ, казначеемъ, старцами соборными и со всею братіею, благословилъ и пожаловалъ крестьянъ своихъ: дали мы имъ свою грамоту уставную, какъ у нихъ быть старцу прикащику, старцу келарю и слугѣ нашему доводчику, и свои поминки съ году на годъ брать». Относительно взиманія этихъ поминковъ крестьяне раздѣляются на три разряда: живущіе на тяглыхъ дворахъ, бобыли, живущіе особыми дворцами и козаки; первые платили съ земли, съ луга, сколько за кѣмъ было угодья по разсчету. Пріѣдетъ какой козакъ незнаемый или и прежде живалъ, и захочетъ въ монастырскихъ волостяхъ жить и промышлять: то, у котораго человѣка станетъ жить, и тому человѣку идти

съ нимъ къ прикащику и доводчику, объявить его, и запл
тить за явку обоимъ; захочетъ козакъ вонъ выйдти изъ мо
стырскихъ волостей, то прежній хозяинъ опять идетъ съ н
къ прикащику и доводчику, объявляетъ его, при чемъ
платится ничего; а который козакъ сойдетъ не отъявясь,
тотъ человѣкъ, у кого онъ жилъ, объ его уходѣ не объяв
же, то прикащику взять на немъ пошлину монастырскую
свою; если же козакъ пойдетъ прочь, а прикащика и до
чика въ это время въ волости не будетъ, то хозяинъ долж
явить козака сосѣдямъ своимъ; если же козакъ сбѣжитъ без
стно, то прикащикъ опрашиваетъ хозяина по крестному цѣ
ванію, ему вѣритъ и не беретъ съ него ничего. Прикащ
отправлялъ должность судьи и бралъ судныя пошлины; дов
чикъ получалъ ѣздъ, если долженъ былъ ѣхать на пра
(слѣдствіе); при тяжбахъ монастырскихъ крестьянъ съ чуж
крестьянами, доводчикъ отправлялся къ суду, гдѣ долже
былъ накрѣпко беречь монастырскихъ крестьянъ, поминк
и ѣзду съ нихъ не брать, но тотъ крестьянинъ, у кого дѣ
долженъ везти его и кормить. При выдачѣ замужъ монаст
ской крестьянки въ чужую волость, тотъ, кто выдаетъ, п
титъ прикащику за куницу два алтына; если же бракъ закл
ченъ между крестьянами монастырскихъ волостей, то при
щикъ беретъ алтынъ съ князя и княгини (съ молодыхъ),
приведутъ невѣсту изъ чужой волости въ монастырскую,
взять съ молодыхъ четыре деньги Московскихъ. Поѣдутъ
волостямъ торговые люди съ виномъ, то прикащикъ долже
запретить принимать ихъ на подворье, ни самъ онъ, ни кр
стьяне, ни козаки не должны покупать у нихъ вина,
должны и своего курить; если же крестьянинъ или козакъ ку
питъ вина, то платить пеню на монастырь, прикащику и до
водчику. Если крестьяне или козаки станутъ между собою ил
съ прихожими козаками играть зернью, то прикащикъ беретъ
на нихъ пеню на монастырь, себѣ и доводчику, и выбиваетъ
ихъ вонъ изъ волости; а станетъ какой-нибудь козакъ игратѣ
зернью, то прикащикъ выбиваетъ его вонъ, а у кого онъ

жилъ на подворьѣ, на томъ доправляетъ пеню. Если прикащикъ или доводчикъ обидитъ крестьянина или козака, то быть ему отъ игумена *въ пользѣ и смиреніи*, и доправить на немъ вдвое въ польѳу обиженнаго. Въ 1561 году крестьяне монастырскаго Соловецкаго села Пузырева въ Бѣжецкомъ Верху били челомъ тому же игумену, что прикащики монастырскіе берутъ оброкъ и пошлины и дѣла дѣлать велятъ не по жалованнымъ грамотамъ и не по окладу; что прикащикъ, когда даетъ хлѣба въ займы, беретъ *насопъ* на двѣ третью и поминки, и если хлѣбъ дорогъ, то даетъ хлѣбъ въ деньги по торговой цѣнѣ, а не въ заемъ. Вслѣдствіе этой жалобы св. Филиппъ далъ имъ уставную грамоту, въ которой опредѣленъ оброкъ: съ выти по 4 четверти ржи и столько же овса, на Госпожинъ день по сыру сухому, на Покровъ по 50 яицъ, по хлѣбу и по калачу; на прикащика, на слугу и на доводчика крестьяне должны молоть рожь на хлѣбы и солодъ на квасъ, привозить на монастырскій дворъ по три воза дровъ съ выти, возить повозъ въ разные города по лошади съ выти; доводчику съ выти по гривнѣ Московской, да въѣзжаго по три деньги съ дома. Судитъ прикащикъ, а съ нимъ на судѣ быть священнику да крестьянамъ пяти или шести добрымъ и среднимъ, и на виноватомъ брать пошлину. Опредѣлено, что платить прикащику и доводчику съ браковъ, съ продажи лошади, коровы, хоромины. Крестьяне обязаны были также чинить монастырскій дворъ и гумно, перестраивать хоромы; прикащика должны были слушаться во всемъ и на монастырское дѣло ходить на солнечномъ всходѣ, какъ десяцкій вѣсть подастъ, а кто не придетъ, платитъ заповѣдь прикащику двѣ деньги, и доводчику съ десяцкимъ двѣ деньги; если прикащикъ позоветъ крестьянъ на монастырское дѣло въ честь, сверхъ урока, то пришедшихъ кормитъ монастырскимъ хлѣбомъ. У которыхъ крестьянъ на поляхъ рощицы, то имъ ихъ беречь, на дрова и на жерди не сѣчь, а кому понадобится столпъ, подпоръ или перекладъ, то сѣчь деревья, доложа прикащика, а кто будетъ сѣчь безъ доклада, тотъ платитъ заповѣдь на монастырь. Хлѣбъ

давать въ займы крестьянамъ, рожь и овесъ, безъ наспу и не въ цѣну, а брать у нихъ пыловаго и на умѣръ въ годъ съ четверти — со ржи по четыре деньги Московской, съ овса по двѣ деньги, также поступать и въ неурожайные годы. Крестьянамъ вольно дворами и землями мѣняться и продавать ихъ доложа прикащика; а кто свой жребій продастъ или промѣняетъ, прикащику брать явки съ обѣихъ половинъ полполтины на монастырь; кто продастъ свой жребій, а самъ пойдетъ за волость, на томъ брать похоромное сполна, а съ купца брать порядное, смотря по землѣ и по угодью; кому не поживется и захочетъ пойдти изъ волости вонъ, а купца на его жребій не будетъ, на томъ брать похоромное сполна, а его выпускати по сроку».

Въ 1564 году старосты и цѣловальники и всѣ волощане монастырской Соловецкой волости Сумы и крестьяне деревенскіе, и всѣ козаки волостные и деревенскіе били челомъ св. Филиппу, что у нихъ въ Сумѣ между собою смущеніе живетъ великое относительно *разрубовъ* (раскладки податей) и всякихъ тяголъ. Игуменъ, посовѣтовавшись съ братіею, написалъ имъ такой указъ: «Какъ случится у васъ разрубъ въ волости, то вы бы выбрали изъ большихъ изъ лучшихъ людей два человѣка, изъ среднихъ два, изъ меньшихъ два, изъ козаковъ два, и тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали земскихъ людей и козаковъ въ Божію правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ, другу бъ не дружили, недругу не мстили, и посуловъ бы эти выборные люди окладчики не брали; а кто изъ нихъ возьметъ посулъ или не захочетъ быть окладчикомъ, того давать на крѣпкія поруки и назначать имъ срокъ становиться на судъ передъ ними въ монастырѣ. Кого земскихъ людей и козаковъ окладчики обложатъ, и тѣ бы люди платили безо всякаго перевода, а кто заупрямится, не станетъ платить, и вы бы у тіуна просили доводчика и велѣли на тѣхъ ослушникахъ доправлять безсрочно. Придется по царской грамотѣ платить приметъ, обежныя деньги, и вы бы, земскіе люди, платили по обжамъ, а не по животамъ и не по голо-

вамъ, а козаки бы этого не платили; а придетъ служба ратчина, и вы бы платили по обжамъ и животамъ, по промысламъ и головамъ, земскіе люди и козаки всѣ безъ отмѣны, по разсужденью, кто чего стоитъ. Въ приметныхъ же отписяхъ пишутся разныя деньги: намѣстничьи, дьячевскія, старостъ городовыхъ, цѣловальническія, плѣнныхъ на окупъ, пищальныя, посошныя, въ городовое дѣло, въ мостовщину, хлѣбныя: то вы бы земскіе люди и козаки всѣ эти разныя деньги платили по разсужденію, по животамъ, промысламъ и головамъ въ тотъ годъ, когда службы ратчины нѣтъ; если же случится служба ратчина, то всѣ эти разныя деньги платятъ земскіе люди по обжамъ, животамъ, промысламъ и головамъ, а козаки въ этотъ годъ этихъ денегъ не платятъ, платятъ одну ратчину. Если таможныя деньги возьмутъ на землю, то земскіе люди и козаки платятъ ихъ по торгамъ и головамъ, а не по животамъ: кто больше торгуетъ, тотъ больше и даетъ. Выгоозерскаго волостеля кормъ платится съ обежъ; а прогонныя деньги, подводы разрубали бы земскіе люди по обжамъ и црѣнамъ (по соле варенію). У которыхъ козаковъ дворы свои, лошадей и коровъ держатъ, на тѣхъ бы вы клали выть не цѣлую, по разсужденью кто чего стóитъ. У которыхъ земскихъ людей есть дѣти или племянники взрослые, которые могутъ звѣря бить, птицу и рыбу ловить, ягоды и губы брать, то вы бы на нихъ клали противъ козаковъ по разсужденью, кто чего достоинъ. По грѣхамъ случится головщина, то вы бы разрубали по головамъ, земскіе люди и козаки, по разсужденью. О црѣнахъ мы уложили: во всѣхъ нашихъ деревняхъ црѣномъ варить зимою и лѣтомъ 160 ночей, дровъ на црѣну сѣчь на годъ 600 саженъ, и запасать дровъ только на одинъ годъ, не больше, а кто станетъ прибылыя ночи варить или лишнія дрова сѣчь, или запасать болѣе чѣмъ на годъ, съ такихъ брать пеню на монастырь». Далѣе въ грамотѣ слѣдуютъ опредѣленія, чтó крестьяне должны платить тіуну, доводчику, старостѣ, биричу. Старостѣ и биричу всѣ, и земскіе люди и козаки должны платить поголовно по московкѣ, исключая тѣхъ, кому меньше 15 лѣтъ.

Въ селѣ Соболевѣ, принадлежавшемъ Троицкому Сергіев монастырю, крестьяне платили монастырю съ выти по тр рубля въ годъ, да прикащику давали со всей волости по 2 четвертей ржи, столько же овса, четыре раза въ годъ — в Великъ день, на Петровъ день, осенью и на Рождество Хри стово по алтыну съ выти, потомъ съ цѣлой волости по рубл денегъ ежегодно и обязаны были накашивать ему 60 копен сѣна. Стоглавъ опредѣлилъ: архимандритамъ, игуменамъ строителямъ въ объѣздъ не ѣздить и чернецовъ въ посельск не посылать, посылать въ посельскіе слугъ добрыхъ; а дл дѣлъ монастырскихъ земскихъ, для дозиранія хлѣбнаго или дл управы крестьянской посылать старцевъ добрыхъ на время; не смогутъ старцы управить, то архимандритамъ, игуменам и строителямъ не возбраняется одинъ или два раза въ год ѣздить самимъ для надзора, но въ объѣздъ по селамъ никг не ѣздить, на пиры не ходить и даровъ не принимать. Сто главъ запретилъ также святителямъ и монастырямъ деньги да вать въ росты и хлѣбъ въ наспы своимъ крестьянамъ и чу жимъ людямъ.

Для обереганія монастырей и крестьянъ отъ насилій давалис имъ отъ государя приставы: такъ въ 1540 году игуменъ Успен ской Зосиминой пустыни жаловался, что прежній приставъ ем съ братіею нелюбъ, дѣлъ монастырскихъ не бережетъ, старцевъ слугъ и крестьянъ монастырскихъ продаетъ. Государь игумена с братіею пожаловалъ, далъ имъ пристава даннаго, который им любъ. Должность пристава состояла въ слѣдующемъ: если игу менъ, братія, люди и крестьяне монастырскіе будутъ искат чего-нибудь на комъ-нибудь, или если кто-нибудь будетъ искат на игуменѣ, братіи, людяхъ и крестьянахъ монастырскихъ, т приставъ данный этихъ людей, исцовъ и отвѣтчиковъ, дает на поруки и назначаетъ срокъ становиться на судъ, а недѣл щики за игуменомъ, братіею, ихъ людьми и крестьянами н ѣздятъ. Данный приставъ долженъ былъ также наблюдат чтобъ никто не смѣлъ рубить лѣсъ монастырскій, виновных должны брать, давать на поруку и ставить на судъ. Изъ др

...ъ грамотъ видно, что эти данные приставы назначались изъ ...ьячихъ и изъ царскихъ пѣвчихъ дьяковъ.

Мы уже видѣли прежде жалобы митрополита Кипріана на ...аженіе книгъ священныхъ и богослужебныхъ переписчиками ...ствіе отсутствія просвѣщенія; жалоба эта была произ...ена вновь царемъ Іоанномъ на соборѣ 1551 года; но какъ ...о помочь злу безъ отстраненія главной его причины—от...ствія просвѣщенія, когда и отъ священниковъ требовалась ...ко одна грамотность? Кромѣ искаженій ненамѣренныхъ, ...исходившихъ отъ неразобранія словъ подлинника, отъ опи...къ, были еще искаженія намѣренныя, происходившія отъ ...ныхъ толкованій словъ и цѣлыхъ рѣченій. Интересъ рели...ный былъ силенъ; человѣкъ грамотный и чувствовавшій по...ебность въ умственной пищѣ долженъ былъ обращаться ис...очительно къ предметамъ религіознымъ, къ книгамъ церков...ымъ, останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, начиналъ объ...нять себѣ ихъ; но какъ онъ могъ ихъ объяснять при отсут...віи просвѣщенія, у кого могъ найдти руководство, исправ...ніе въ случаѣ ошибочности своихъ мнѣній? отъ священника ...ъ родѣ тѣхъ, о которыхъ писалъ Новгородскій владыка Генна...? Легко было появляться учителямъ, толковникамъ—самоз...нцамъ, ибо кто могъ повѣрить законность ихъ званія? Стоило ...лько быть грамотѣемъ, начетчикомъ, говоруномъ, чтобъ прі...рѣсти авторитетъ непререкаемый среди толпы людей безгра...тныхъ и мало читавшихъ. Часто говоритъ онъ нелѣпо, тем...о: но говоритъ онъ о вещахъ высокихъ, внушающихъ всеоб...щее благоговѣніе, безпрестанно приводитъ слова Св. Писанія, ...тцевъ церкви; чѣмъ непонятнѣе, темнѣе говорилъ онъ, тѣмъ больше возбуждалось къ нему уваженіе: это называлось говорить высоко. Иногда такой мудрецъ не ограничивался однѣми устными бесѣдами, писалъ книжку, и книжка удостоивалась такого же почетнаго пріема, особенно если самъ авторъ или переписчикъ надписывалъ на ней имя знаменитаго отца церкви.

Естественно, что при отсутствіи просвѣщенія младенчествующая мысль старинныхъ нашихъ грамотѣевъ обращалась не къ

духу, а къ плоти, ко внѣшнему, болѣе доступному, входи шему въ ежедневный обиходъ человѣческой жизни. Просвѣще ный Греко-Римскій міръ, при появленіи и утвержденіи хр стіанства, обращалъ вниманіе на главные существенные пре меты новаго ученія, слѣдствіемъ чего было постепенное рѣш ніе вопросовъ, постепенное утвержденіе догмата на Вселен скихъ соборахъ; но какіе вопросы занимали древнихъ Русских людей и сильно иногда возмущали покой церкви? Вопросъ томъ, какую пищу употреблять въ извѣстные праздники, есл они случатся въ постные дни, вопросъ, какъ мы видѣли, возо новлявшійся съ одинакою силою и на югѣ и на сѣверѣ; потом мы видѣли, какъ при Іоаннѣ III сильно занималъ правительств церковное и гражданское вопросъ о томъ, какъ ходить во врем освященія церквей — по солнцу или противъ солнца? Неправильному рѣшенію этого вопроса приписывались общественны бѣдствія. Еще въ первой четверти XV вѣка въ Псковской об ласти возникъ вопросъ о томъ, двоить или троить *аллилуіа* в припѣвѣ: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже!» Въ концѣ вѣка извѣстный намъ Новгородскій владыка, Геннадій, спрашивалъ знаменитаго въ то время грамотѣя, толмача Димитрія Грека, какъ правильнѣе рѣшить этотъ вопросъ? Димитрій отвѣчалъ ему изъ Рима, что онъ смотрѣлъ въ книгахъ и ничего въ нихъ не нашелъ объ этомъ дѣлѣ: «но помнится мнѣ» продолжалъ Димитрій: «что и у насъ споръ бывалъ объ этомъ между великими людьми, и они рѣшили, что и то и другое можно допустить: троякое аллилуіа съ четвертымъ: слава Тебѣ, Боже! означаетъ единосущіе Тріипостаснаго Божества; а сугубое аллилуіа означаетъ въ двухъ естествахъ единое лицо Христа Бога». Великіе люди судили такъ, успокоился на этомъ и Геннадій; но не хотѣли успокоиться другіе, и въ 1547 году явилось житіе преподобнаго Евфросина, Псковскаго чудотворца, составленное клирикомъ Василіемъ (Варлаамомъ), спустя около семидесяти лѣтъ по смерти святаго: въ этомъ житіи провозглашено, что только сугубая аллилуіа есть правильная. Кто-то придумалъ, что надобно класть крестное знаменіе двумя пер-

...ми, подобно тому, какъ благословляютъ священники, и мнѣ... это изложено въ сочиненіи, приписанномъ блаженному Θео...риту, писателю V вѣка; какъ мало было у пастырей Русской ...ви возможности повѣрять подобныя мнѣнія и сочиненія, ...но изъ того, что ложно-Θеодоритовское мнѣніе о двуперст...мъ сложеніи попадается въ проповѣдяхъ митрополита Да...ла; въ Кормчей митрополита Макарія находимъ выписки изъ ...ги Еноха Праведнаго! Игумены монастырей въ своихъ гра...тахъ писали такъ: «Божіею милостію Господа нашего Іисуса ...иста и Боголѣпнаго Его Преображенія, и Пречистыя Его ...тере честнаго и славнаго Ея Успенія». Мнѣнія о двуперст...мъ сложеніи и о сугубой аллилуіа, вмѣстѣ съ запрещеніемъ ...ть бороды и стричь усы, замѣшались между постановле...ями собора 1551 года и распространились вмѣстѣ съ ними ...дъ именемъ правилъ Стоглаваго собора.

Такимъ образомъ въ описываемое время накоплялись и освя...лись мнѣнія, которыя впослѣдствіи явились основными мнѣ...ми раскольниковъ. Но подлѣ этихъ мнѣній встрѣчаемъ мнѣ... о предметахъ религіозныхъ болѣе важныхъ, мнѣнія, имѣю...я связь съ старымъ ученіемъ Жидовствующихъ, подновлен...мъ приверженцами ученія новыхъ западныхъ реформаторовъ. ...Послѣ большаго Московскаго пожара, когда погорѣли крем...скія церкви, государь послалъ за иконами въ Великій Нов...родъ, Смоленскъ, Дмитровъ, Звенигородъ. Изъ этихъ городовъ ...изъ другихъ свозили въ Москву иконы и ставили ихъ въ ...Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ иконописцы, пріѣхавшіе изъ Нов...города, Пскова и другихъ городовъ, списывали съ нихъ новые ...за. Знаменитый Сильвестръ, доложивъ государю, велѣлъ ...писать слѣдующія иконы: Троицу Живоначальную въ дѣяніяхъ, ...вѣрую во единаго Бога отца, Хвалите Господа съ небесъ, Со...фію Премудрость Божію, Достойно есть, Почи Богъ въ день ...седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, Единородный Сынъ Слово ...Божіе, Пріидите людіе трисоставному Божеству поклонимся, ...во гробѣ плотски, и другія. Извѣстный дьякъ, Иванъ Виско...ватый, увидавши эти новыя иконы, соблазнился, и началъ гром-

ко говорить при народѣ, что такъ писать иконы не годит
не слѣдуетъ изображать невидимое Божество и безплотны
Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу
земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ надобно писать с
вами; а потомъ изображать по плотскому смотрѣнію: «и
Господа нашего Іисуса Христа» до конца. Висковатый нап
салъ и къ митрополиту, что Сильвестръ изъ Благовѣщенска
собора образа старинные вынесъ, а новые своего мудрован
поставилъ. Сильвестръ оправдывался предъ митрополитомъ, ч
если на святомъ Вселенскомъ соборѣ «Достойно есть» и «Вѣру
во единаго Бога» проповѣдано, то и на иконахъ пишутъ икон
писцы, что иконники писали все со старыхъ образцевъ своих
отъ древняго преданія, идущаго отъ временъ св. Владиміра,
онъ, Сильвестръ, ни одной черты тутъ не приложилъ изъ свое
разума. Сильвестръ требовалъ, чтобъ дѣло было обсуждено в
соборѣ; въ началѣ 1554 года соборъ былъ созванъ, и дѣло рѣшен
въ пользу Сильвестра: на Висковатаго наложена епитимья, за то
что о святыхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ, возмущал
народъ, православныхъ христіанъ; за то, что нарушилъ пра
вило шестаго Вселенскаго собора, запрещающее простымъ лю
дямъ принимать на себя учительскій санъ. Митрополитъ, между
прочимъ, говорилъ Висковатому: «Ты сталъ на еретиковъ,
теперь говоришь и мудрствуешь негораздо о святыхъ иконахъ
не попадись и самъ въ еретики; зналъ бы ты свои дѣла, ко
торыя на тебѣ положены—не разроняй списковъ».

Но соборъ былъ созванъ не по одному этому дѣлу. Писа
къ митрополиту жалобу на Сильвестра относительно иконъ,
Висковатый писалъ: «Башкинъ съ Артеміемъ и Семеномъ въ
совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла их
хвалитъ». Хотя здѣсь не было упомянуто имени Сильвестра,
однако послѣдній счелъ за нужное отклонить отъ себя всякое
подозрѣніе и писалъ къ митрополиту: «Священникъ Семен
(Благовѣщенскаго собора) сказывалъ мнѣ про Матюшу (Баш-
кина) въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ ко мнѣ сын
духовный необыкновенный, и великими клятвами умолялъ мен

принять его къ себѣ на духъ въ Великій постъ, многіе вопросы предлагаетъ мнѣ недоумѣнные, отъ меня поученія требуетъ, а иногда самъ меня поучаетъ. — Я, продолжаетъ Сильвестръ, пришелъ отъ этого въ большее недоумѣніе и отвѣчалъ: Семенъ! каковъ-то этотъ сынъ духовный у тебя будетъ, а слава про него носится не добрая? и какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, я съ Семеномъ все это разсказалъ ему про Башкина, при Андреѣ протопопѣ (духовникѣ царскомъ) и Алексѣѣ Адашевѣ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша проситъ истолковать ему многія вещи въ Апостолѣ, и самъ ихъ толкуетъ, только не по сущности, развратно. Семенъ сказалъ ему: я и самъ того не вѣдалъ, чего ты спрашиваешь, а онъ отвѣчалъ ему: спроси у Сильвестра, онъ тебѣ скажетъ. Мы и объ этомъ сказали государю, который велѣлъ Семену сказать Матюшѣ, чтобъ тотъ отмѣтилъ въ Апостолѣ всѣ свои рѣчи; Матюша весь Апостолъ воскомъ измѣтилъ, и Семенъ принесъ книгу въ церковь, гдѣ государь его видѣлъ и всѣ рѣчь и мудрованіе Матюшино слышали. Но тогда государь поѣхалъ въ Коломну и дѣло позалеглось. Захочешь объ этомъ дѣлѣ спросить у Семена, и онъ что вспомнитъ, все тебѣ скажетъ; а я съ Матюшею никогда не ссылался, и совѣта мнѣ съ нимъ никакого не бывало».

Священникъ Семенъ писалъ митрополиту: «Матвѣй Башкинъ въ Великій постъ у меня на исповѣди былъ и говорилъ на исповѣди: я христіанинъ, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы, и великимъ чудотворцамъ и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ. Говорилъ: великое ваше дѣло! написано: «ничтожъ сія любви болши, еже положити душу свою за други своя», и вы за насъ души свои полагаете и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ въ день судный. Послѣ того пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: Бога ради пользуй меня душевно: надобно что написано въ Бесѣдахъ Евангельскихъ читать, да на слово не надѣяться, а дѣло дѣлать; все начало отъ васъ: прежде вы, священники, должны начало показать да и насъ научить. Потомъ прислалъ за мною

человѣка, и когда я къ нему пріѣхалъ, сталъ мнѣ говорить: въ Апостолѣ написано: «весь законъ въ словеси скончавается: возлюбиши искренняго своего яко самъ себе; аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будете» А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею называетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣглыя, на иныхъ нарядныя, на иныхъ полныя грамоты; я благодарю Бога: у меня, что было кабалъ полныхъ, всѣ изодралъ, и держу людей своихъ добровольно: хорошо ему — и онъ живетъ, а не хорошо — идетъ куда хочетъ; вамъ, отцамъ, пригоже посѣщать насъ часто, научать, какъ намъ самимъ жить и людей держать, не томить; я видѣлъ это въ правилахъ и мнѣ показалось это хорошо».

Соборъ, изслѣдовавши дѣло, нашелъ, что Матвѣй Башкинъ и его единомышленники виновны въ слѣдующемъ: 1) не признаютъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, а нѣкоторые и другихъ поучаютъ на это нечестіе; 2) тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ; 3) святую, соборную, Апостольскую церковь отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церковь, а эти созданныя ничто; 4) изображенія Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ называютъ идолами; 5) покаяніе ни во что полагаютъ, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается: 6) отеческія преданія и житія святыхъ баснословіемъ называютъ; на семь Вселенскихъ соборовъ гордость возлагаютъ, говоря: все это они для себя писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ, однимъ словомъ, все Священное Писаніе баснословіемъ называютъ, Апостолъ же и Евангеліе неправильно излагаютъ. Башкинъ оговорилъ въ единомысліи съ собою Артемія, бывшаго Троицкаго игумена; поставленный съ Башкинымъ съ очей на очи, Артемій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ, что тотъ взводилъ на него. Но кромѣ Башкина, Артемія обвинялъ также бывшій Ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій: однажды Артемій сказалъ ему: «въ книгѣ Іосифа Волоцкаго написано негораздо, что послалъ Богъ въ Содомъ двухъ

Ангеловъ, то-есть Сына и Св. Духа»; по словамъ Нектарія, Артемій еретиковъ Новгородскихъ не проклиналъ, Латынь хвалилъ, поста не хранилъ, во всю Четыредесятницу рыбу ѣлъ, и на Воздвиженьевъ день у царя за столомъ рыбу же ѣлъ. Артемій признался, что когда случалось ему изъ пустыни приходить къ христолюбцамъ, то онъ рыбу ѣдалъ и у царя на Воздвиженьевъ день рыбу ѣлъ. Нектарій на очной ставкѣ обвинялъ также Артемія, что тотъ изъ Псковскаго Печерскаго монастыря ѣздилъ въ Новый Городокъ Нѣмецкій (Нейгаузъ) и тамъ вѣру Нѣмецкую восхвалилъ. На это Артемій отвѣчалъ, что точно ѣздилъ въ Новый Городокъ и говорилъ съ Нѣмецкимъ княземъ: есть ли у нихъ такой человѣкъ, съ которымъ бы можно было ему поговорить книгами? и такого ему человѣка книжнаго не указали. Явился еще обвинитель: Троицкій келарь Адріанъ Ангеловъ объявилъ, что Артемій въ Корниліевѣ монастырѣ, въ кельѣ у игумена, выразился такъ о поминовеніи умершихъ: «панихидами и обѣднями имъ не поможешь, отъ этого они муки не избудутъ». Артемій признался, что говорилъ это о людяхъ растлѣнныхъ житіемъ и грабителяхъ. Троицкій старецъ Курачовъ писалъ, что слышалъ отъ Артемія неприличныя рѣчи объ Іисусовѣ канонѣ и акаѳистѣ Богородичномъ. Объ этомъ самъ Артемій сказалъ на соборѣ: «говорятъ въ канонѣ: Іисусе сладкій! а какъ услышатъ слово Іисусово о заповѣдяхъ Его, какъ велѣлъ быть—и горько становится, что надобно ихъ исполнять. Въ акаѳистѣ повторяютъ: радуйся да радуйся, чистая! а сами о чистотѣ не радятъ и въ празднословіи пребываютъ: такъ это говорятъ только по привычкѣ, а не въ правду. Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ царю: когда онъ объявилъ Артемію, что Башкинъ уличенъ въ ереси, то Артемій отвѣчалъ: «не знаю, что за ересь такая! сожгли Курицына, да Рукаваго, и теперь не знаютъ, за что̀ ихъ сожгли». Артемій сказалъ на это на соборѣ: «Не упомню, такъ ли я про Новгородскихъ еретиковъ говорилъ; я Новгородскихъ еретиковъ не помню и самъ не знаю, за что̀ ихъ сожгли; если я говорилъ, что не знаю, за что̀ ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, то я говорилъ это про

себя, не сказалъ я: они того не знаютъ. Митрополитъ, обратившись на соборѣ къ Артемію, говорилъ ему: «Матвѣй Башкинъ ереси проповѣдывалъ, Сына единороднаго отъ Отца раздѣлилъ, называлъ Сына неравнымъ Отцу, говорилъ: сдѣлай грубость Сыну, и въ страшное пришествіе Отецъ можетъ избавить меня отъ муки, а сдѣлаю грубость Отцу, то Сынъ не избавитъ; молился Матвѣй одному Богу Отцу, а Сына и Св. Духа отставилъ; теперь Матвѣй во всемъ этомъ кается, дѣла всѣ свои на соборѣ обнажилъ». Артемій отвѣчалъ митрополиту: «Это Матвѣй по ребячески поступалъ, и самъ не знаетъ, что дѣлалъ своимъ самосмышленіемъ: въ писаніи этого не обрѣтается, и въ ересяхъ не написано». Митрополитъ говорилъ: «Прежніе еретики не каялись и святители ихъ проклинали, а цари ихъ осуждали и заточали и казнямъ предавали»; Артемій отвѣчалъ: «За мною посылали еретиковъ судить, и мнѣ такъ еретиковъ не судить, что казни ихъ предать, да теперь еретиковъ нѣтъ и никто не споритъ». Митрополитъ говоритъ ему: «Написалъ Матвѣй молитву къ единому началу, Бога Отца одного написалъ, а Сына и Св. Духа отставилъ». Артемій отвѣчалъ: «Что ему досталось еще врать, вѣдь есть молитва готовая Манасіина къ Вседержителю». Митрополитъ сказалъ на это: «То было до Христова пришествія, а кто теперь такъ напишетъ къ единому началу, тотъ еретикъ». Артемій отвѣчалъ: «Манасіина молитва въ большомъ ефимонѣ написана и говорятъ ее». Когда митрополитъ сказалъ Артемію: «Если ты въ чемъ виноватъ, кайся», то онъ отвѣчалъ: «Я такъ не мудрствую, какъ на меня сказывали; то на меня все лгали: я вѣрую въ Отца, Сына и Св. Духа, въ Троицу единосущную».—Бывшій Ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій обвинялъ Артемія во многихъ богохульныхъ рѣчахъ на христіанскій законъ и Божественное писаніе, при чемъ слался на свидѣтелей: на троихъ пустынниковъ Ниловы пустыни и на одного Соловецкаго старца; но на соборѣ эти свидѣтели объявили, что отъ Артемія хулы на христіанскій законъ и Божественное писаніе не слыхали. Вслѣдствіе этого, что свидѣтели не подтвердили Нектаріева об-

мнѣнія, царь освободилъ Артемія отъ казни; но такъ какъ соборъ нашелъ, что Артемій не оправдался въ другихъ обвиненіяхъ, то его присудили на заточеніе въ Соловецкій монастырь: тамъ онъ заключенъ былъ въ *молчательной* кельѣ, чтобъ душевредный и богохульный недугъ не могъ распространиться отъ него ни на кого; онъ не могъ ни говорить ни съ кѣмъ, ни писать ни къ кому, ни получать ни отъ кого писемъ или другихъ какихъ-нибудь вещей; онъ долженъ былъ сидѣть въ молчаніи и каяться; приставленъ былъ къ нему отецъ духовный, который долженъ былъ извѣщать игумена, истинно ли покаяніе его; самъ игуменъ долженъ былъ поучать его, и, въ случаѣ исправленія, позволить ему причаститься въ смертельной болѣзни; книги ему имѣть только такія, какія позволитъ соборъ.—По нѣкоторымъ извѣстіямъ, одинъ изъ отцовъ собора, епископъ Рязанскій Кассіанъ, позволилъ себѣ отзываться дурно о книгѣ Іосифа Волоцкаго; онъ былъ пораженъ параличемъ, лишился употребленія руки и ноги, оставилъ епископію, удалился въ монастырь, но и тутъ не покаялся, не хотѣлъ называть Христа Вседержителемъ.

Изъ отзывовъ Артемія о книгѣ Іосифа Волоцкаго и о Новгородскихъ еретикахъ видно, что онъ вмѣстѣ съ другими современными ему грамотными людьми, какъ, напримѣръ, съ знаменитымъ княземъ Андреемъ Курбскимъ, не раздѣлялъ убѣжденій Іосифа относительно еретиковъ и справедливости мѣръ, противъ нихъ принятыхъ. Мы видѣли, какъ Заволжскіе старцы ратовали противъ мѣръ Іосифа Волоцкаго; Башкинъ, по свидѣтельству лѣтописи, также говорилъ, что Заволжскіе старцы злобы его не хулили, а утверждали его въ ней. Въ связи съ самымъ извѣстнымъ изъ Заволжскихъ старцевъ, Вассіаномъ Косымъ, былъ Максимъ Грекъ, который находился еще въ живыхъ, когда поднялось дѣло объ ереси Башкина; вмѣстѣ съ другими онъ былъ приглашенъ на соборъ; но царю донесли, что Максимъ оскорбился этимъ приглашеніемъ, думаетъ, что его зовутъ на соборъ изъ подозрѣнія въ единомысліи съ Башкинымъ, хотятъ изъ его мнѣній и приговоровъ о ереси вывести

заключеніе—врагъ онъ или скрытый доброжелатель еретико
Чтобъ успокоить Максима, царь писалъ ему: «Послалъ я тобою, да будешь и ты поборникъ православію, наравнѣ древними богоносными отцами, да явишься и ты благочест ревнитель, да примутъ и тебя тѣ же небесныя обители, ка приняли прежнихъ подвижниковъ за благочестіе. Слышали м что ты оскорбляешься, думаешь, что мы тебя соединяемъ Матвѣемъ (Башкинымъ) и потому за тобою послали: никог мы не сочетаемъ вѣрнаго съ невѣрными; отложи сомнѣніе, данный тебѣ отъ Бога талантъ умножи, пришли ко мнѣ пис ніе на нынѣшнее злодѣйство». Изъ этого письма видно, ч царь освобождалъ Максима отъ присутствія на соборѣ, про у него только обличительнаго на ересь посланія.

Участь Башкина неизвѣстна. Изъ послѣдователей его—Бѣл зерскій монахъ, Θеодосій Косой, и какой-то Игнатій были схв чены въ 1555 году и заключены въ монастырь въ Москвѣ, н бѣжали въ Литву, женились тамъ и продолжали проповѣдоват на свободѣ свое ученіе; это ученіе состояло въ томъ, что Бо жество не троично, что Христосъ простой человѣкъ, что вс внѣшнее устройство церковное не нужно.—Артемію, несмотр на строгій надзоръ, также удалось бѣжать изъ Соловокъ в Литву.—Есть еще извѣстіе о соборѣ по поводу ереси Давыда архіепископа Ростовскаго, въ 1582 году; этотъ Давыдъ выстав ленъ соумышленникомъ Антонія Поссевина, который самъ при водится на соборъ, излагаетъ странное ученіе, совершенно сход ное съ ученіемъ Давыда, и опровергается царемъ Іоанномъ. Н извѣстіе о Поссевинѣ явно выдумано: царь не могъ говорит съ нимъ такъ, какъ представленъ говорящимъ на соборѣ; при томъ, еслибъ было что-нибудь подобное, то извѣстіе о немъ сохранилось бы въ статейномъ спискѣ; это сочиненіе въ родѣ переписки царя Іоанна съ Турецкимъ султаномъ, попадающейся въ нѣкоторыхъ сборникахъ.

Съ православнымъ востокомъ по прежнему происходили постоянныя сношенія. Въ 1543 году дана была грамота старцамъ Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, по которой они вездѣ

областяхъ Московскаго государства пропускались свободно, платя никакихъ пошлинъ, получая кормъ и подводы. Въ 17 году митрополитъ Макарій писалъ окружное посланіе о вспомоществованіи старцамъ Пантелеймонова монастыря, при... нимъ въ Москву за милостынею. Также билъ челомъ царю ...сій, игуменъ Аѳонскаго Болгарскаго монастыря Хиландаря, ... имъ отъ даней султановыхъ истомы великія и отъ Грековъ ...ды большія: государь бы ихъ пожаловалъ, послалъ объ нихъ ...ю грамоту къ султану, чтобъ тотъ отъ даней ихъ пооблег... ...й и отъ Грековъ оборонилъ. Царь исполнилъ просьбу, по...лъ грамоту къ султану. Въ 1545 году Александрійскій па...ріархъ Іоакимъ писалъ Іоанну, ходатайствуя объ освобожденіи ...сима Грека, неправедно заточеннаго: «Такъ православные ...стіане» пишетъ Іоакимъ: «не поступаютъ съ бѣдными людьми, ...бенно съ иноками, и несправедливо держать человѣка силою ...оскорблять; не хорошо вѣрить всякому слову, всякому пи...ію безъ испытанія. Я никогда не писалъ къ тебѣ, ничего ...просилъ: такъ не оскорби меня теперь, не заставь писать ...ричпо, ибо я не перестану писать къ тебѣ, пока просьба ... не будетъ исполнена».

Въ 1556 году пріѣзжалъ въ Москву Іоасафъ, митрополитъ ...грипскій, съ грамотою патріарха Византійскаго; отпустивши ...о въ слѣдующемъ году, царь отправилъ съ нимъ грамоту къ ...тріарху Іоасафу, въ которой просилъ о соборномъ благосло...віи на свое царское вѣнчаніе. При этомъ послано было па...ріарху соболей на 2000 золотыхъ. Просимая грамота была ...слана въ 1562 году: въ ней соборъ восточныхъ святителей ...знаетъ Іоанна достойнымъ царскаго имени, потому что онъ ...детъ свое происхожденіе отъ царицы Анны, сестры само...ржца Василія Багрянороднаго.

По смерти царицы Анастасіи, брата царскаго, князя Юрія Васильевича, царевича Іоанна, посылались патріархамъ, на ...айскую, на Аѳонскую горы, нищимъ Цареградскимъ бога...нямъ милостыни. Къ Константинопольскому патріарху посыла...лись изъ Москвы молодые люди учиться Греческому языку: къ

патріарху Діонисію въ 1551 году отправленъ былъ паробокъ Обрюта Михайловъ Грековъ; царь писалъ патріарху: ты бъ велѣлъ его у себя учить грамотѣ Греческой и языку; а если тебѣ у себя его научить нельзя, то отошли его на святую гору Аѳонскую, въ нашъ монастырь св. Пантелеймона. Послѣ Обрюты посланы были учиться двое паробковъ — Ушаковъ и Внуковъ; патріархъ жаловался, что учить ихъ очень трудно потому что они уже велики, а пристрищаать ихъ нельзя — какъ бы къ Туркамъ не сбѣжали.

Въ то время, какъ Русская церковь на востокѣ, въ Московскомъ государствѣ, распространялась вмѣстѣ съ распространеніемъ предѣловъ этого государства, на западѣ въ Литовско-Русскихъ областяхъ происходило явленіе противное: здѣсь Русская церковь, вмѣсто пріобрѣтенія новыхъ членовъ, теряла старыхъ, сначала вслѣдствіе распространенія протестантскихъ ученій, потомъ вслѣдствіе католическаго противодѣйствія, главными двигателями котораго были Іезуиты. Кромѣ того, нахожденіе подъ властію иновѣрнаго правительства, если еще и не явно враждебнаго, то равнодушнаго къ выгодамъ Русской церкви, не могло обезпечивать для послѣдней спокойствія и наряда. Послѣ уничтоженія Галицкой митрополіи, названіе Галицкаго митрополита было присоединено къ титулу Кіевскаго митрополита, и Галицкая епархія находилась поэтому въ непосредственномъ завѣдываніи послѣдняго, который назначалъ въ Галичь своего справцу (прикащика, намѣстника). Но въ то же самое время право назначать намѣстника для управленія православною Галицкою церковію имѣлъ католическій Львовскій архіепископъ, въ силу грамоты короля Сигизмунда I-го, данной въ 1509 году. Такимъ образомъ, намѣстникъ Галицкій для отправленія своей должности долженъ былъ получить согласіе православнаго Кіевскаго митрополита, католическаго Львовскаго архіепископа и подтвержденіе королевское. Въ сороковыхъ годахъ описываемаго вѣка справцею митрополичьимъ въ Галичѣ былъ Сикора, возбудившій своимъ поведеніемъ негодованіе епархіи. Галичане послали къ митрополиту Макарію прось-

бу, чтобъ далъ ихъ въ *опеку* Лаврентію, епископу Перемышльскому; но митрополитъ назначилъ къ нимъ справцею священника Гошевскаго, написавши впрочемъ къ Галичанамъ, что могутъ не принимать его, если онъ имъ нелюбъ. Новый справца дѣйствительно не полюбился Галичанамъ, и они послали опять къ митрополиту челобитную: «Мы всѣ сообща жители Русской (Галицкой) и Подольской земли не посылали къ вашему святительству попа Гошевскаго и не выбирали его, и теперь никто изъ насъ, великій и малый, богатый и убогій, не хотѣли имѣть его справцею, точно такъ же какъ и Сикоры, потому что при Сикорѣ было большое безнарядье, тяжести и непослушанье къ вашему святительству; то же было бы и при попѣ Гошевскомъ, или еще хуже; и такъ какъ ваше святительство къ намъ писали, чтобъ мы выбрали добраго человѣка и къ вамъ послали, то мы всѣ духовные, шляхта, мѣщане и все поспольство, отъ большихъ и до меньшихъ, выбрали Макарія Тучапскаго, мѣщанина (горожанина) Львовскаго и покорно просимъ ваше святительство благословить его къ намъ въ намѣстники». Митрополитъ исполнилъ ихъ просьбу; новый намѣстникъ началъ дѣйствовать къ общему удовольствію; но старый справца Сикора, подбившись къ католическому архіепископу Львовскому, сталъ подучать его противъ Макарія, какъ избраннато не съ его архіепископскаго согласія; архіепископъ настоялъ у короля, чтобъ назначена была коммиссія для обсужденія поступковъ Макарія, и королевскими листами позвали послѣдняго къ суду коммиссара; Макарій долженъ былъ явиться на этотъ судъ, въ сопровожденіи большаго числа обывателей Галиціи и Подоліи, которые должны были свидѣтельствовать въ его пользу; какъ обыкновенно водилось, Макарій и его свидѣтели должны были потратить при этомъ много денегъ; но деньги не помогли, и Макарій перенесъ дѣло къ королю на сеймъ. Король рѣшилъ дѣло въ пользу архіепископа: на основаніи старыхъ Ягайловыхъ привилегій подчинилъ ему православное Галицкое духовенство, изъявши его изъ вѣдомства митрополита Кіевскаго и его намѣстника; Макарію гро-

вило вѣчное заключеніе; но Галичане, посредствомъ двухъ пановъ, нашли доступъ къ королевѣ Бонѣ, имѣвшей большое вліяніе надъ своимъ мужемъ. Король и королева не постыдились взять съ Галицкаго духовенства посулъ — 200 воловъ; привилегія, данная католическому архіепископу, была разодрана, и обѣщана была привилегія Макарію, какъ скоро обѣщанные 200 воловъ будутъ доставлены. Но этимъ дѣло не кончилось: когда король пріѣхалъ во Львовъ, Макарій далъ ему 50 воловъ, за что получилъ приказаніе пріѣзжать въ Краковъ за привилегіей; но передъ самымъ выѣздомъ короля изъ Львова, архіепископъ опять упросилъ его отдать въ его вѣдомство Русское Галицкое духовенство; Макарію опять, слѣдовательно, нужно было приниматься за воловъ: 110 воловъ роздалъ онъ королю, королевѣ и панамъ, и получилъ вторично приказаніе ѣхать въ Краковъ за привилегіей. Макарій поѣхалъ и долго жилъ въ Краковѣ, но привилегіи не получилъ: король отложилъ дѣло до сейма, на который Макарій долженъ былъ пріѣхать. Макарій отправился, безъ малаго годъ выжилъ въ Краковѣ и добылъ наконецъ привилегію «съ великою бѣдою, накладомъ и трудомъ»; Галицкое духовенство должно было заплатить еще 140 воловъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: когда Макарій возвратился изъ Кракова, архіепископъ прислалъ къ нему писаря своего, приказывая ему съ угрозами, чтобъ сталъ передъ нимъ и съ привилегіями. Макарій самъ не пошелъ и привилегій не отослалъ къ нему. Тогда архіепископъ сказалъ: «пока живъ, не отстану отъ этого дѣла; Русь должна быть въ моей власти, король не могъ безъ меня порѣшить иначе». Онъ послалъ къ королю жалобу на Макарія и хотѣлъ вытребовать его на сеймъ. Тогда Галичане немедленно отправили Макарія въ Кіевъ къ митрополиту съ просьбою посвятить его въ епископы, потому что ему, какъ владыкѣ, нечего уже будетъ больше бояться архіепископа и всѣхъ бискуповъ католическихъ; Макарій поѣхалъ въ Кіевъ въ сопровожденіи многочисленной толпы своихъ Русскихъ: боялись за его жизнь, ибо архіепископъ нѣсколько разъ приказывалъ убить его. Послѣ,

между 1569 и 1576 годомъ, видимъ въ Галичѣ явленіе подобнаго же рода: Галицкій владыка, Маркъ Балабанъ, передъ смертію, съ позволенія королевскаго, передалъ владычество сыну своему, Григорію Балабану; но католическій Львовскій архіепископъ, Шломовскій, объявилъ королю, что имѣетъ право назначать православныхъ владыкъ и назначилъ уже Ивана Лопатку Осталовскаго. Сигизмундъ Августъ, несмотря на позволеніе, данное имъ прежде Балабану, подтвердилъ назначеніе Лопатки. Но Балбанъ и его сторона, опираясь на прежнее позволеніе королевское, не соглашались признать правъ Лопатки, хотя король нѣсколько разъ потомъ потверждалъ ихъ, и когда Лопатка умеръ, то Балабанъ утвердился на владычествѣ.

Мы видѣли, какъ Сигизмундъ Августъ былъ равнодушенъ къ католицизму, и потому при немъ панамъ Греческой вѣры легко было испросить уравненіе правъ православнаго шляхетства съ католиками: это уравненіе послѣдовало на Виленскомъ сеймѣ 1563 года. При Баторіи Русская церковь въ Литвѣ сильно почувствовала, чего она должна ожидать впередъ отъ католическаго противодѣйствія и главныхъ проводниковъ его, Іезуитовъ: въ 1583 году, король велѣлъ отобрать землю у всѣхъ Полоцкихъ церквей и монастырей, кромѣ владычнихъ, и отдать ихъ Іезуитамъ. Въ 1584 году, во Львовѣ, наканунѣ Рождества Христова, католики, по приказанію архіепископа своего, съ оружіемъ въ рукахъ напали на православныя церкви и монастыри, выволокли священниковъ изъ олтарей, однихъ уже по освященіи даровъ, другихъ передъ самымъ причастіемъ, запечатали церкви и настрого запретили отправлять въ нихъ богослуженіе.

Еще при жизни владыкъ, короли уже назначали имъ преемниковъ, иногда людей свѣтскихъ, бояръ, «ласково взглянувши на ихъ вѣрную службу, по желанію воеводы и бояръ». Иногда престарѣлый владыка сдавалъ управленіе епархіальными дѣлами какому-нибудь свѣтскому лицу, оставивши за собою только званіе и старшинство; новый правитель обращался къ королю съ просьбою объ утвержденіи его на владычнемъ столѣ въ слу-

чаѣ смерти стараго архіерея. Назначивши митрополита Кіевъ, король давалъ знать объ этомъ патріарху Констанпольскому, чтобъ тотъ благословилъ новаго митрополита; мота королевская патріарху въ этомъ случаѣ имѣла тукую му: «Даемъ знать достоинству вашему, что въ панствахъ шихъ великаго княжества Литовскаго въ животѣ не стало трополита Кіевскаго и Галицкаго и всея Руси; на его представленъ намъ отъ жителей Греческаго закона годный то, смиренный владыка такой-то. Благословите его на ми полію по закону вашему, къ службѣ церкви святой хрис ской, къ наученію и управленію всѣмъ, принадлежащимъ этому достоинству, за что̀ будетъ получать и отъ насъ т же благодарность, какую отъ предковъ нашихъ прежніе трополиты получали. При этомъ желаемъ вамъ всякаго доб Мы видѣли, что распря Полоцкаго владыки съ митропол о титулѣ и распря того же владыки Полоцкаго съ влад Владимірскимъ рѣшены были королемъ съ панами рад ню въ 1548 году, когда Полоцкій архіепископъ Симеонъ, етѣ съ князьями, панами и боярами своей области, по жалобу королю на митрополита Макарія, что тотъ поста его опять ниже владыки Владимірскаго, то митрополитъ явилъ королю, что это судъ духовный, въ который корол можетъ вступаться въ силу привилегіи, данной митроп Іосифу, что дѣло должно быть рѣшено на соборѣ, по за Греческому; король согласился на созваніе собора, выговор что если которая нибудь изъ тяжущихся сторонъ найдетъ борный приговоръ несправедливымъ, то имѣетъ право пер сти дѣло на рѣшеніе королевское. Въ томъ же году бу стры, радцы и мѣщане Виленскіе Греческаго закона вы сили у митрополита грамоту, по которой Виленское дух ство отдавалось въ ихъ управу, и еслибъ что-нибудь изъ щенниковъ не захотѣлъ ихъ слушаться, того они могли о лять отъ церкви и замѣщать другимъ, съ позволенья ми поличьяго. Протопопъ и всѣ священники подали жалобу к лю на такой поступокъ митрополита. Король въ 1542 году

лъ къ митрополиту: «Очень удивило насъ то, что мѣщане ленскіе мимо насъ обратились съ такимъ дѣломъ къ тебѣ и хлопотали такія неприличныя грамоты, по которымъ присоили въ свою мѣщанскую управу наше господарское владѣніе, что̀ имъ никакъ не слѣдуетъ; не слѣдовало и тебѣ священниковъ, богомольцевъ нашихъ, записывать своими грамотами кому-нибудь во владѣніе; нельзя церквей Божіихъ нашего стольнаго города брать изъ-подъ нашей господарской управы и отдавать въ управленіе подданнымъ: этого никогда при предкахъ нашихъ не бывало. Мы велѣли эту твою грамоту взять въ нашу канцелярію, и приказываемъ: если у какой-нибудь церкви умретъ священникъ, то бурмистръ или кто-нибудь изъ добрыхъ людей, вмѣстѣ съ твоимъ намѣстникомъ, протопопомъ виленскимъ, идутъ въ эту церковь, переписываютъ въ ней все церковное имущество и запечатываютъ ее, а ключи церковные отдаются въ соборную церковь Богородицы. Потомъ, выбравши добраго и ученаго человѣка, они даютъ тебѣ знать, а ты, увидавши его годность, ставишь его въ священники и приказываешь отдать ему ту церковь со всѣмъ ея имуществомъ». Къ мѣщанамъ король писалъ, чтобъ они не смѣли управлять священниками подъ страхомъ пени въ 1000 копъ грошей, и впередъ подобныхъ грамотъ у митрополита не брали: грамоты эти не имѣютъ никакой силы, ибо митрополитъ имѣетъ власть надъ духовенствомъ только въ дѣлахъ духовныхъ, а въ другихъ дѣлахъ не можетъ ни къ чему его приневоливать. Но этимъ дѣло не кончилось: священники не переставали жаловаться королю на мѣщанъ, а мѣщане на священниковъ; тогда король въ 1544 году, признавши, что имѣетъ право чинить постановленіе Божіимъ церквамъ, далъ имъ уставную грамоту, въ которой опредѣлилъ способъ избранія священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ: когда священникъ тяжело занеможетъ, то протопопъ даетъ знать объ этомъ бурмистру Греческаго закона; бурмистръ идетъ самъ или посылаетъ двухъ радцевъ и писаря, которые и переписываютъ всѣ церковныя вещи, вмѣстѣ съ протопопомъ и священниками; когда же свя-

щенникъ умретъ, то бурмистръ запираетъ церковь и держи у себя ключи до тѣхъ поръ, пока будетъ поставленъ нов священникъ; выбираютъ священника, дьякона, уставника. пономоря, бурмистры и радцы съ протопопомъ и двумя св щенниками. Въ грамотѣ опредѣляется, сколько платить свящ никамъ за погребеніе, за соборованіе масломъ; относител исповѣди постановлено: мѣщане приходятъ къ отцамъ свои духовнымъ по доброй волѣ, а не по нуждѣ, и гдѣ хотят тамъ и исповѣдаются; священники неволею никого не долж къ себѣ призывать. Священники не имѣютъ права вмѣшиват ся въ духовныя лицъ свѣтскихъ.

Недовольные судомъ епископа жаловались королю, и тот приказывалъ митрополиту пересмотрѣть дѣло.

Что касается отношеній монастырей ко власти свѣтской, т распри между монахами и архимандритами судились воевод ми: такъ, въ 1534 году, Полоцкій воевода судилъ монахо Предтеченскаго монастыря съ ихъ архимандритомъ; мона жаловались, что архимандритъ беретъ себѣ слѣдующую и половину доходовъ; архимандритъ отвѣчалъ, что когда Пол кій воевода или его урядники пріѣзжаютъ въ монастырь, то архимандритъ и чернецы вмѣстѣ ихъ угощаютъ и дарятъ, теперь чернецы не помогли ему обдарить пана воеводу, пото му онъ и вычелъ изъ ихъ половины доходовъ; чернецы воз жали, что на потребы церковныя и на дары воеводамъ е деньги постригальныя: когда кто идетъ въ монахи, то да по рублю грошей въ казну монастырскую. Въ 1540 го въ слѣдствіе жалобы монаховъ Уневскаго монастыря на Льв скаго епископа Макарія, поданной королю и митрополиту, д разсматривалось передъ девятью шляхтичами, четырьмя мѣщ нами и вознымъ; Макарій оправдался, но писалъ потомъ, ч дѣло это стоило ему 20 воловъ, которыхъ онъ долженъ бы подарить пану Краковскому. Монахи признались, что они ж ловались на хищность епископа только для того, чтобъ вы бодиться изъ-подъ его управленія, вопреки королевской г мотѣ, по которой монастырь ихъ былъ отданъ въ управле

Макарію. Черезъ 15 лѣтъ, въ 1555 году, дѣло возобновилось: архимандритъ Уневскаго монастыря жаловался митрополиту Макарію на Львовскаго епископа Арсенія, что тотъ, пріѣзжая въ монастырь, грабитъ его, архимандрита зоветъ къ суду предъ короля и пановъ радныхъ, желая привести монастырь въ свою власть; король велѣлъ митрополиту разсмотрѣть дѣло; митрополитъ назначилъ срокъ епископу и архимандриту стать предъ нимъ на судъ и рѣшилъ дѣло въ пользу архимандрита, освободилъ монастырь изъ-подъ управленія епископа, не обращая вниманія на упомянутую выше грамоту короля Сигизмунда; тогда епископъ жаловался королю на несправедливость митрополичья суда, и митрополитъ былъ позванъ на судъ королевскій. —Иногда могущественные паны позволяли своимъ урядникамъ вмѣшиваться даже въ духовный судъ митрополита, и лица духовныя, въ надеждѣ на покровительство какого-нибудь могущественнаго вельможи, позволяли себѣ пренебрегать властію митрополита: въ 1554 году митрополитъ Макарій жаловался королю, что княгиня Слуцкая приказываетъ намѣстникамъ своимъ вступаться въ дѣла духовныя, судить священниковъ, сажать ихъ въ заключеніе, разводить мужей съ женами; когда митрополитъ за двукратную неявку къ суду запретилъ отправлять службу Слуцкому архимандриту Никандру, то послѣдній митропольчьей грамоты не захотѣлъ и читать, служку, присланнаго съ нею, прибилъ, а самъ прибѣгнулъ къ покровительству княгини Слуцкой, которая за него заступилась. Король запретилъ княгинѣ подобные поступки.

Короли, по праву подаванья, продолжали жаловать православные монастыри свѣтскимъ людямъ въ управленіе: такъ въ 1562 году Сигизмундъ Августъ отдалъ Полоцкій Предтеченскій монастырь дворянину Корсаку съ условіемъ, чтобъ онъ держалъ въ монастырѣ намѣстника, особу духовную, человѣка ученаго, который бы умѣлъ въ дѣлахъ духовныхъ управляться по закону Греческому. Въ 1568 году на Городенскомъ сеймѣ митрополитъ Іона, между прочими просительными статьями, представилъ королю, чтобы достоинства духовныя не раздавать

людямъ свѣтскимъ, и если королю случится отдать духовную должность свѣтскому человѣку и послѣдній въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ не вступитъ въ санъ духовный, то владыка въ правѣ отбирать у таковыхъ достоинства и хлѣбы духовные и раздавать людямъ духовнымъ. Король отвѣчалъ, что просьба справедлива; но что если кто-нибудь изъ пожалованныхъ не захочетъ вступить въ духовное званіе, то владыка не имѣетъ права отбирать у него пожалованія и отдавать другому, а доноситъ объ этомъ королю, который самъ отбираетъ пожалованія и отдаетъ другимъ, кого признаетъ достойнымъ. Такой отвѣтъ, какъ видно, былъ данъ съ тѣмъ, чтобъ уклоняться, когда нужно, отъ исполненія просьбы: въ 1571 году Сигизмундъ Августъ отдалъ Кіевскій Межигорскій монастырь безо всякаго условія дьяку Коронной канцеляріи, Высоцкому, за вѣрную службу, желая еще болѣе усилить въ немъ ревность къ службѣ; ясно, что дьякъ, который долженъ былъ продолжать канцелярскую службу, не могъ постричься въ монахи. Но въ другихъ случаяхъ припоминали отвѣтъ королевскій, данный на Городенскомъ сеймѣ. Король Стефанъ далъ Минскій Вознесенскій монастырь дворянину Невельскому, а тотъ, не желая вступать въ духовное званіе, передалъ монастырь, съ вѣдома королевскаго, земянину Достоевскому, который не былъ даже православный; Митрополитъ Илія и каштелянъ Минскій Янъ Глѣбовичъ жаловались королю, что Достоевскій пользуется только доходами, и вовсе не радитъ объ управленіи монастыремъ, и просили отдать послѣдній земянину же Минскому, Михаилу Рагозѣ, человѣку благочестивому и въ священномъ писаніи знающему, который немедленно пострижется въ монахи. Король исполнилъ ихъ просьбу, ссылаясь на отвѣтъ Сигизмунда Августа, данный на Городенскомъ сеймѣ митрополиту. Это было въ 1579 году; въ 1581 видимъ жалованную грамоту дворянину Левоновичу на Браславскій монастырь прямо съ условіемъ, чтобы онъ вступилъ въ духовное званіе. Иногда монастырь отдавался во владѣніе свѣтскому лицу и сыновьямъ его: такъ Сигизмундъ Августъ отдалъ монастырь Св. Спаса во Вла-

двірѣ Волынскомъ Оранскимъ — отцу и троимъ сыновьямъ, которые должны были владѣть одинъ за другимъ: и отецъ и сыновья при этомъ освобождены были отъ обязанности постригаться въ монахи, только должны были держать въ монастырѣ викарія — духовное лицо. Иногда такіе владѣльцы закладывали монастыри. Виленскій Троицкій монастырь принадлежалъ также къ числу тѣхъ монастырей, которыми распоряжались короли; онъ былъ отданъ королемъ митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ. Но еще при жизни послѣдняго, въ 1584 году, бурмистры, радцы и лавники Виленскіе Греческаго закона били челомъ королю, что, вслѣдствіе рѣдкихъ посѣщеній митрополичьихъ и дальности разстоянія отъ Кіева, монастырь Троицкій обнищалъ и пришелъ въ разстройство; дабы не пришелъ онъ въ окончательный упадокъ, они просили короля отдать имъ его въ управленіе по смерти митрополита Онисифора. Король исполнилъ просьбу, отдалъ имъ монастырь съ тѣмъ, чтобъ они собирали доходы и употребляли ихъ на монастырскія потребности, на поддержку строенія, на содержаніе архимандрита, священниковъ, чернецовъ, убогихъ монахинь, слугъ церковныхъ, на учрежденіе школъ, гдѣ должны воспитываться дѣти людей, живущихъ въ монастырѣ и при монастырѣ. Бурмистры, радцы и лавники получили право выбирать архимандритовъ въ монастырь, которые не имѣютъ права безъ ихъ вѣдома распоряжаться монастырскимъ имуществомъ; бурмистры, радцы и лавники должны выбрать одного или двухъ добрыхъ людей, сами собою, или сообща съ православными мѣщанами Виленскими; эти выбранные добрые люди должны смотрѣть за доходами монастырскими и ежегодно отдавать объ нихъ отчетъ бурмистрамъ, радцамъ и лавникамъ. Монастыри, съ вѣдома королевскаго, выбирали себѣ опекуновъ, которые имѣли обязанность охранять ихъ выгоды.

Мы видѣли, что въ 1522 году, вслѣдствіе челобитной, поданной королю Сигизмунду I монахами Кіевопечерскаго монастыря, возстановлена была у нихъ община, которая пала отъ обнищанія монастыря послѣ Татарскихъ нашествій. Но возста-

новленная община существовала только при одномъ архим
дритѣ Игнатіи, преемники котораго уничтожили ее для свои
выгодъ, отдавая доходы монастырскіе дѣтямъ своимъ и род
венникамъ. Монастырь началъ приходить въ упадокъ, и ст
цы въ половинѣ вѣка снова обратились къ королю Сигизм
Августу съ просьбою о возстановленіи общины; король по
чилъ это дѣло воеводѣ Кіевскому, князю Фридриху Глѣбов
Пронскому, и дворянину Оранскому, которые и написали у
тавъ для общины. Здѣсь опредѣлено, какіе доходы дол
идти въ казну монастырскую, какіе архимандриту и клирош
намъ; за погребеніе монахи должны брать то, чтб имъ дадут
а не торговаться; братію свою должны хоронить и помина
одинаково, оставитъ ли кто послѣ себя имѣніе, идущее на м
настырь, или не оставитъ ничего. Архимандритъ и стар
ѣдятъ и пьютъ въ одномъ мѣстѣ; во время стола происходит
чтеніе; монахи не смѣютъ выходить изъ монастыря безъ по
воленія архимандричьяго и экономова; ослушниковъ архиман
дритъ съ братіею имѣютъ право наказывать по ихъ духовно
праву, имѣютъ право высылать изъ монастыря. Кельи и са
находятся въ общемъ пользованіи: монахъ, желающій вый
изъ монастыря, келью свою не продаетъ, беретъ только дви
жимое имущество; платье и дрова монахамъ даются изъ казн
церковной; чернецы не могутъ держать у себя бѣльцовъ, маль
чиковъ и никакой живности, одинъ архимандритъ держитъ слу
гу и хлопца; печать церковная хранится въ казнѣ; архиман
дритъ вѣдаетъ одно церковное управленіе; доходы же и рас
ходы и управленіе имѣніями находятся въ завѣдываніи эконо
ма, палатника и братіи; въ доходахъ и расходахъ экономъ и
палатникъ дважды въ годъ отдаютъ отчетъ архимандриту и
братіи; архимандритъ и старцы не могутъ принимать къ себѣ
монаховъ изъ Москвы и Валахіи. Несмотря на то, въ Москвѣ
не забывали Кіевопечерскаго монастыря: по царевичѣ Иванѣ
послано туда милостыни 100 рублей.

Мы видѣли, что, въ 1509 году, митрополитъ Іосифъ созы
валъ въ Вильнѣ соборъ, гдѣ постановлены были мѣры для от

вращенія безпорядковъ, происходившихъ отъ столкновенія духовной власти со свѣтскою; въ 1546 году митрополитъ Макарій долженъ былъ созвать въ Вильнѣ соборъ по требованію короля Сигизмунда Августа, который писалъ ему: «Слышали мы отъ многихъ князей и пановъ о безпорядкахъ, которые дѣлаются между вашимъ духовенствомъ Греческаго закона, также между князьями, панами и простыми людьми, особенно между владыками, какъ напримѣръ на Волыни; а твоя милость, старшій ихъ пастырь, о томъ знать и удерживать ихъ не хочешь». Поученія священникамъ отъ архіерея послѣ поставленія въ юго-западной Руси были сходны съ извѣстными уже намъ поученіями, употреблявшимися въ Московской Руси.

Измѣненіе, сдѣланное въ календарѣ папою Григоріемъ XIII, произвело сильное волненіе какъ между протестантскимъ, такъ и между православнымъ народонаселеніемъ Польско-Литовскаго государства, не хотѣвшимъ принять новости, вышедшей изъ Рима. Въ 1583 году Константинопольскій патріархъ Іеремія II запретилъ православному духовенству сообразоваться съ новымъ Грегоріанскимъ календаремъ, вслѣдствіе чего въ 1584 году Стефанъ Баторій запретилъ правительственнымъ лицамъ принуждать православныхъ къ отправленію праздниковъ по новому календарю.

Нѣсколько разъ упоминали мы о братчинахъ, или складчинныхъ пирахъ, обычаѣ, съ незапамятныхъ временъ распространенномъ въ древней Россіи. О братчинахъ упоминаетъ старинная лѣтопись, о ней поетъ старая пѣсня, о ней безпрестанно говорятъ старые уставы, старыя грамоты. О древности и важномъ значеніи братчины въ жизни нашего народа свидѣтельствуетъ языкъ: въ извѣстной поговоркѣ братчина является представительницею всякаго общаго дѣла, союза; о человѣкѣ, неспособномъ, по своей сварливости, неуживчивости, къ общему дѣлу, говорится: «Съ нимъ пива не сваришь». Другая пословица говоритъ: «Къ пиву ѣдется, къ слову молвится», и свидѣтельствуетъ, какъ было много охотниковъ ѣздить на братчины, къ общему пиву. Нѣкоторыя почетныя лица, какъ мы ви-

дѣли, были приглашаемы на братчины. Должностныя лица, волостели, тіуны получали съ братчинъ извѣстные поборы. Но кромѣ званыхъ гостей или такихъ, которые по должности своей имѣли право пріѣзжать на братчины, туда являлось много незваныхъ гостей, и такихъ, съ которыми трудно было пиво сварить. Поэтому разныя волости и села выхлопатывали себѣ жалованныя грамоты, по которымъ запрещалось ѣздить къ нимъ на братчины незванымъ. Но понятно, что за пивомъ и между самими участниками въ братчинѣ и гостями зваными всего легче можно было начаться ссорамъ и даже дракамъ; легко было поссориться и подраться, легко было и помириться при посредничествѣ другихъ участниковъ; нельзя было на ссоры и драки, происшедшія за пивомъ, смотрѣть какъ на безпорядки, произведенные людьми, въ полномъ сознаніи находящимися, и нельзя было взыскивать обычныхъ штрафныхъ денегъ съ человѣка, который поссорился за пивомъ, а протрезвившись, спѣшитъ помириться, и потому въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ говорится: «Въ пиру или братчинѣ поссорятся или побьются, и, не вышедши изъ пиру помирятся, то не платятъ ничего; если даже и вышедши съ пиру, помирятся за приставомъ, то не платятъ ничего кромѣ хоженаго. Въ нѣкоторыхъ же областяхъ братчины постарались освободиться совершенно отъ вмѣшательства правительственныхъ лицъ и пріобрѣсть право суда надъ своими членами, произведшими безпорядокъ во время пира. Легко догадаться, что эту большую степень самостоятельности братчины могли пріобрѣсть преимущественно въ Новгородѣ и его владѣніяхъ, во Псковѣ, по извѣстнымъ формамъ тамошняго быта; такъ въ Псковской судной грамотѣ говорится: «братчины судятъ какъ судьи». То же самое право имѣютъ братчины или братства и въ западной или Литовской Россіи, гдѣ бытъ городовъ, какъ мы видѣли, представлялъ сходныя черты съ бытомъ Новгорода и Пскова и гдѣ видимъ сильнѣйшее развитіе цеховаго устройства. Къ этимъ-то братствамъ западной Россіи мы и должны теперь обратиться, потому что объ устройствѣ ихъ въ описываемое время дошли до нась подробныя извѣстія.

Изъ актовъ описываемаго времени и изъ позднѣйшихъ видно, что братства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Вильнѣ, получили свое устройство гораздо прежде, именно въ половинѣ XV вѣка. Въ 1579 году трое мѣщанъ Мстиславскихъ отъ лица всѣхъ своихъ собратій жаловались Стефану Баторію, что у нихъ издавна бываютъ складчины три раза въ годъ — на Троицынъ день и на Николинъ—осенній и вешній: на каждый изъ этихъ праздниковъ разсычаютъ они по 10 пудовъ меду и продаютъ его, воскъ отдаютъ на свѣчи въ церковь, деньги, чтó выручатъ за медъ, отдаютъ также на церковное строеніе. Но старосты Мстиславскіе не позволяютъ имъ продавать этихъ складчинныхъ медовъ долѣе трехъ дней, и чтó у нихъ останется меду, не проданнаго въ этотъ срокъ, забираютъ на зáмокъ: отъ этого они терпятъ убытокъ, а церкви Божіи пустѣютъ и приходятъ въ упадокъ. Король предписалъ старостамъ, чтобъ они не забирали медовыхъ складовъ, а позволяли мѣщанамъ распродавать ихъ всѣ и по прошествіи трехъ дней. Въ 1582 году Виленскіе мѣщане (горожане) братства купеческаго въ челобитной королю объявляли, что у нихъ въ Вильнѣ есть особый братскій домъ, на собственный счетъ ихъ построенный; въ этотъ братскій домъ собираются купцы Виленскіе Греческаго закона для разсужденія о потребностяхъ церковныхъ и госпитальныхъ и, по древнему обычаю, покупаютъ медъ восемь разъ въ годъ: на Великъ день, на Седьмую субботу, на Петровъ день, къ Успенію Богородицы, на Покровъ, на Николинъ день, на Рождество Христово и на Благовѣщенье, сытятъ этотъ медъ и пьютъ его, сходясь по три дня въ братскій домъ, воскъ отдаютъ на свѣчи въ церковь, а деньги, вырученныя за медъ, обращаютъ на церковное строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню убогимъ. Чтобъ дѣла братскія отправлялись съ большимъ порядкомъ, они просили короля утвердить слѣдующій уставъ: Братья старшіе и младшіе братства купеческаго выбираютъ ежегодно между собою старостъ, которымъ поручаютъ всѣ деньги братскія, все имущество и всѣ дѣла; по прошествіи года, старосты отдаютъ отчетъ братьямъ старшимъ

и младшимъ. Во время братскихъ бесѣдъ, эти годовые старосты сами и чрезъ ключниковъ своихъ прилежно смотрятъ, чтобы братья вписанные и гости приходящіе сидѣли въ дому братскомъ прилично, дурныхъ словъ между собою не говорили, на столъ не ложились, меду братскаго не разливали, пили бы въ мѣру и никакихъ убытковъ не дѣлали; если же кто, напившись пьянъ, причинитъ какой-нибудь убытокъ, станетъ говорить неприличныя слова, на столъ ляжетъ и питье разольетъ, такого старосты должны сперва удержать словами, и, въ случаѣ упорства съ его стороны, берутъ съ него пеню, чѣмъ братья обяжатъ. Еслибы кто въ братскомъ домѣ завелъ ссору, то обиженный сейчасъ же объявляетъ о своей обидѣ старостамъ; старосты, выслушавъ жалобу, отлагаютъ дѣло до завтрашняго дня, въ который братія, собравшись въ братскій домъ, судятъ и рѣшаютъ, кто правъ и кто виноватъ, и послѣдній платитъ пеню братству; никто, получивши обиду въ братскомъ домѣ, не жалуется никакому другому начальству, ни духовному, ни свѣтскому, ни земскому, ни городскому, ни Римской вѣры, ни Греческой, но долженъ судиться передъ старостами и братіею, въ томъ домѣ, гдѣ произошла ссора. Кто въ братскомъ домѣ выбранитъ старосту, выбранитъ или ударитъ ключника, тотъ наказывается братскою пенею; ключникъ, непослушный старостѣ, сперва удерживается словами, а потомъ наказывается братскою пенею; если староста провинится предъ братьею, то братья старшіе и младшіе сперва останавливаютъ его словами, а въ другой разъ наказываютъ братскою пенею. Если духовные люди вѣры Римской и Греческой, или вписанные въ братство, или приглашенные кѣмъ-нибудь изъ братій, или вписавшіеся на одинъ только день, завели съ кѣмъ-нибудь ссору, то не должны жаловаться—Римской вѣры князю епископу, а Греческой митрополиту, должны судиться въ братствѣ и довольствоваться братскимъ рѣшеніемъ. Шляхтичь, или дворянинъ, или какой-нибудь чужой человѣкъ, приглашенный на братскій пиръ или вписавшійся на одинъ день въ братство, не долженъ брезговать мѣстомъ, но обязанъ садиться, гдѣ придется; старосты, зная

званіе каждаго, указываютъ мѣста. Никто не смѣетъ входить въ свѣтлицу братскую съ оружіемъ или приводить съ собою слугу. Еслибы кто-нибудь изъ вписанныхъ братьевъ захотѣлъ перейдти въ другое братство, то обязанъ объявить объ этомъ старостамъ и братьѣ и взять выпись изъ ихъ реестра; если же имя его будетъ стоять въ братскомъ спискѣ, а онъ будетъ исполнять братскія обязанности въ другомъ мѣстѣ, то онъ не считается братомъ, и братство не обязано хоронить его. Если вписанный братъ умретъ, то братья обязаны дать аксамитъ и свѣчи на погребеніе и сами провожать тѣло. Бурмистры и радцы Виленскіе, Римской и Греческой стороны не должны брать людей, въ купеческое братство вписанныхъ, служить къ себѣ въ братства: потому что каждое братство особенныхъ слугъ себѣ выбираетъ и для себя бережетъ». Король утвердилъ уставъ [38].

Замѣчательное по выраженію новыхъ потребностей государственныхъ царствованіе Іоанна IV-го ознаменовалось и составленіемъ болѣе полнаго суднаго устава. Въ 1550 году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ своими братьями и боярами уложилъ Судебникъ: какъ судить боярамъ, окольничимъ, дворецкимъ, казначеямъ, дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, по волостямъ волостелямъ, ихъ тіунамъ и всякимъ судьямъ. Такъ какъ въ описываемое время, въ XVI вѣкѣ, явилась сильная потребность въ мѣрахъ противъ злоупотребленій лицъ правительственныхъ и судей, то эта потребность не могла не высказаться и въ Судебникѣ Іоанна IV, что̀ и составляетъ одно изъ отличій царскаго Судебника отъ прежняго великокняжескаго, отъ Судебника Іоанна III. Подобно Судебнику Іоанна III, новый Судебникъ запрещаетъ судьямъ дружить и мстить и брать посулы; но не ограничивается однимъ общимъ запрещеніемъ, а грозитъ опредѣленнымъ наказаніемъ въ случаѣ ослушанія. Мы видѣли, что Судебникъ Іоанна III-го о случаяхъ неправильнаго рѣшенія дѣла судьями выражается такъ: «Кого обвинитъ бояринъ не по суду, и грамоту правую на него съ дьякомъ дастъ, то эта грамота не въ грамоту, взятое отдать назадъ, а боярину и дьяку въ томъ

пени нѣтъ». Новый Судебникъ постановляетъ: Если судья пр судится, обвинитъ кого-нибудь не по суду *безъ хитрости*, обыщется то вправду: то судьѣ пени нѣтъ; но если судья и сулъ возметъ и обвинитъ кого не по суду, и обыщется вправду: то на судьѣ взять истцовъ искъ, царскія пошлин втрое, а въ пенѣ что государь укажетъ. Если дьякъ, взявш посулъ, списокъ нарядитъ или дѣло запишетъ не по суду, взять съ него передъ бояриномъ вполовину да кинуть въ тюрьму; если же подъячій запишетъ дѣло не по суду за посул то бить его кнутомъ. Если виноватый солжетъ на судью, бить его кнутомъ и посадить въ тюрьму. По Судебнику Іоанна III-го судья не долженъ былъ отсылать отъ себя жалобников, не удовлетворивши ихъ жалобамъ; новый Судебникъ говоритъ и объ этомъ подробнѣе: если судья жалобника отошлетъ жалобницы у него не возметъ и управы ему или отказа не учинитъ, и если жалобникъ будетъ бить челомъ государю, то государь отошлетъ его жалобницу къ тому, чей судъ, и велитъ ему управу учинить; если же судья и послѣ этого не учинитъ управы, то быть ему въ опалѣ; если жалобникъ бьетъ челомъ не по дѣлу, судьи ему откажутъ, а онъ станетъ бить челомъ, докучать государю, то кинуть его въ тюрьму. При опредѣленіи судныхъ пошлинъ (отъ рублеваго дѣла судьѣ одиннадцать денегъ, дьяку семь, а подъячему двѣ) противъ стараго Судебника также прибавлена статья о наказаніи за взятіе лишняго: взявшій платитъ втрое; если въ одномъ городѣ будутъ два намѣстника или въ одной волости два волостеля, а судъ у нихъ не въ раздѣлѣ, то имъ брать пошлины по списку обоимъ за одного намѣстника, а тіунамъ ихъ за одного тіуна, и дѣлятъ они себѣ по половинамъ; а которые города или волости подѣлены, а случится у нихъ судъ общій, то имъ обоимъ пошлины брать однѣ и дѣлить между собою по половинамъ же; если же два намѣстника, или два волостеля, или два тіуна возмутъ съ одного дѣла двѣ пошлины и уличатъ ихъ въ томъ, то заплатившій пошлины беретъ на нихъ втрое; если же кто станетъ бить челомъ, что съ него взяли въ судѣ лишнее, и окажется, что

жалобникъ солгалъ, то казнить его торговою казнію и вкинуть въ тюрьму. Постановлены предосторожности противъ злоупотребленій дьяковъ и подъячихъ и наказанія въ случаѣ ихъ обнаруженія: дѣла нерѣшенныя дьякъ держитъ у себя за своею печатью, пока дѣло кончится. Дьяки, отдавая подъячимъ дѣла переписывать съ черна на чисто, должны къ жалобницамъ и дѣламъ прикладывать руки по склейкамъ, и когда подъячій перепишетъ, то дьякъ свѣряетъ самъ переписанное съ подлинникомъ, прикладываетъ руку и держитъ дѣла у себя, за своею печатью. Подъячіе не должны держать у себя никакихъ дѣлъ; если же вынутъ у подъячаго дѣло или списокъ безъ печати и безъ прикладства дьяка, то искъ, пошлины и ѣздъ взять на дьякѣ, а подъячаго бить кнутомъ; если же вынутъ у подъячаго списокъ или дѣло за городомъ или на подворьѣ, то искъ взять на дьякѣ же, а подъячаго казнить торговою казнію и выкинуть изъ подъячихъ. Недѣльщикъ не долженъ просить посула на судей и самъ не брать; въ противномъ случаѣ казнить его торговою казнію, доправить посулы втрое и выкинуть изъ недѣль (отставить отъ должности). Кромѣ этого по недѣльщикѣ брались еще поручныя записи, въ которыхъ поручившіеся, человѣкъ 10, обязывались: «Ему, за нашею порукою, недѣли ходить въ правду; насильства и продажи никому не чинить, разбойниковъ и воровъ оговаривать людей по недружбѣ не научать, колодниковъ и воровъ не отпускать; безсудныя и правыя грамоты давать, а истцовъ и отвѣтчиковъ не волочить, съ записями людей своихъ и племянниковъ не посылать и съ приставными неписьменныхъ ѣздоковъ не посылать же; корчмы, корчмицковъ, подпищиковъ, б.....и всякихъ лихихъ людей у себя не держать и лихихъ дѣлъ никакихъ не дѣлать; съ конченныхъ дѣлъ истцовы иски и царскія пошлины править безволокитно, истцовы иски отдавать истцамъ, а съ судныхъ дѣлъ пошлинъ не красть; доправя пошлины, у себя не держать, отдавать въ царскую казну. А станетъ онъ дѣлать не такъ, какъ въ этой записи писано, то на насъ на поручникахъ царская пеня, что государь укажетъ, истцовы иски, царскія пошли-

мы, и наши головы въ его голову и наше имѣніе въ его имѣ-ніе».

Грозя наказаніемъ корыстолюбивымъ судьямъ, новый Судебникъ заключаетъ въ себѣ мѣры и противъ ябедничества: по городамъ намѣстникамъ посадскихъ людей судить, обыскивая по ихъ имуществамъ, промысламъ и по размету: кто сколько рублей даетъ царской подати, по тому ихъ судить и управу чинить. Старосты, соцкіе, десяцкіе и всѣ горожане должны ежегодно присылать разметныя книги въ Москву къ тѣмъ боярамъ, дворецкимъ, казначеямъ и дьякамъ, у кого будутъ тѣ города въ приказѣ, а другія разметныя книги должны отдавать старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ в судѣ сидятъ. И если посадскіе люди станутъ искать другъ на другѣ много, не по своему имуществу, то сыскивать про такихъ истцовъ разметными книгами, сколько рублей подати даетъ онъ съ своего имѣнія; и если окажется, что у него имѣнія на столько есть, на сколько ищетъ, то судъ ему дать; если же нѣтъ, то обвинить его, взять съ него пошлины, а самого прислать въ Москву, къ государю. Городскимъ посадскимъ людямъ искать на намѣстникахъ и на ихъ людяхъ также по своимъ имуществамъ, промысламъ и по размету; а который годъ староста и цѣловальники разметныхъ книгъ въ Москву не пришлютъ, въ томъ году имъ на намѣстника суда не давать. По волостямъ волостелямъ судить черныхъ людей по ихъ жалобницамъ и управу имъ чинить безволокитно; кто взыщетъ много, не по имуществу своему, а отвѣтчикъ станетъ бить челомъ, что истецъ ищетъ много, имѣнія у него столько нѣтъ, на сколько ищетъ: то волостели выбираютъ изъ тѣхъ же волостей лучшихъ людей, да цѣловальника одного или двоихъ, посмотря по дѣлу, и посылаютъ ихъ обыскивать накрѣпко, было ли у истца на столько имѣнія, на сколько ищетъ, и послѣ обыску поступать какъ въ предыдущемъ случаѣ. Если же истецъ скажетъ, что у него было чужое имѣніе, то обыскивать, правда ли это и много ли было у него чужаго имѣнія, и какимъ образомъ оно попалось къ нему?—Въ 1589

году государю было доложено, что многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ господъ и нанимаются въ судахъ у другихъ людей, ябедами и крамолами людей проторятъ, въ жалобницахъ пишутъ иски большіе, въ судѣ лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягивая судъ, или составляютъ крамолу, поминая другія прежнія дѣла и брань; а тѣ, которые нанимаются у истцев или отвѣтчика стоять за него въ судѣ, стакнувшись съ противникомъ, продаютъ своего наемщика, говорятъ въ судѣ лишнее или не договариваютъ чего надобно и тѣмъ его обвиняютъ; иные ходя составляютъ жалобницы и суды за деньги, вмѣщаютъ крамолы въ людей и тяжбы негодныя умножаютъ — и такимъ злымъ людямъ, дѣтямъ боярскимъ и холопамъ и иныхъ чиновъ людямъ казни нѣтъ,—Государь приговорилъ со всѣми боярами: ябедниковъ, крамольниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадить. Кто будетъ стоять въ судѣ за себя, или за своего господина, или за кого-нибудь другаго, и въ жалобницѣ напишетъ искъ большой и доведетъ отвѣтчикъ, что искъ подписанъ ложно, то жалобника обвинить, и что искалъ лишняго, то на немъ доправя, отдать отвѣтчику, да пошлина и продажа на немъ же. Если въ судѣ онъ будетъ говорить не по дѣлу, того не слушать и не писать, а его, бивъ кнутомъ, отъ суда отослать и впередъ къ суду не пускать. А если безчестилъ кого прежнимъ дѣломъ, того также не писать, и если не докажетъ того, чѣмъ безчестилъ, то, бивъ его кнутомъ, доправить безчестье безъ суда. Если кто назоветъ другаго воромъ, и убійства, крамолы и рокоша на царя государя не доведетъ: того самого казнить смертью за то: въ жалобницѣ и въ судѣ не безчесть; а кто въ жалобницѣ и судѣ лжетъ и составитъ ябеду, того казнить торговою казнью, да написать въ козаки, въ Украинскіе города Сѣвскъ и Курскъ. Если какой-нибудь лихой человѣкъ, взявши деньги, продастъ того, за кого стоялъ — тотъ судъ не въ судъ, наемнаго доводчика казнить смертью, а кто подкупилъ, съ того доправить все, что въ жалобницѣ написано, также пошлины и протори всѣ, да казнить его торговою казнію; если же доводчикъ

съ пытки не скажетъ, что подкупленъ, то судъ съ головы. Которые дѣти боярскіе, бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ, или бьютъ челомъ ябедою въ большихъ искахъ, а мирятся на маломъ, потому что въ жалобницахъ пишутъ искъ не по дѣлу: такихъ истцовъ винить во всемъ иску, и впередъ ихъ въ судъ не пускать и жалобницъ отъ нихъ не принимать ни въ какомъ приказѣ. А кто уличенъ будетъ въ составѣ и въ крамолѣ, то такого лихаго человѣка казнить торговою казнью да сослать въ козаки въ Украинскіе города, а помѣстье и отчины, взявши, раздать роду его, а не будетъ у него рода, то безпомѣстнымъ служилымъ людямъ, кого государь пожалуетъ. Если судья будетъ помогать какому-нибудь составнику или ябеднику, или таить крамольника, ябеду не станетъ обличать, или жалобницу приметъ не по дѣлу, или въ судѣ дастъ говорить что не къ дѣлу: на такомъ судьѣ взять истцовъ искъ, пошлины и протори, а въ пенѣ, что государь укажетъ.

Мы видѣли, что цѣловальники явились въ Новгородѣ въ правленіе великаго князя Василія; въ Судебникѣ сына его читаемъ: на судѣ у бояръ и дѣтей боярскихъ и у тіуновъ ихъ быть, гдѣ дворскій, дворскому, да старостѣ и лучшимъ людямъ *цѣловальникамъ*; а въ которыхъ волостяхъ прежде староста и цѣловальниковъ не было, въ этихъ мѣстахъ всюду теперь быть старостамъ и цѣловальникамъ. Случится кому изъ тѣхъ волостей передъ намѣстникомъ, или передъ волостелемъ, или передъ ихъ тіунами искать или отвѣчать: то въ судѣ быть старостамъ и цѣловальникамъ той волости, изъ которой кто ищетъ или отвѣчаетъ. Пришлетъ намѣстникъ, или волостель, или тіунъ ихъ списокъ судный къ докладу, а ищея или отвѣтчикъ у доклада списокъ оболживитъ: то послать на правду по дворскаго, старосту и цѣловальниковъ, которые у того дѣла въ судѣ сидѣли. Если эти судные мужи скажутъ, что судъ былъ именно такой, у списка руки ихъ и если противень, писанный намѣстничьимъ дьякомъ, сойдется слово въ слово съ суднымъ спискомъ, который писанъ земскимъ дьякомъ: то виноватъ тотъ, кто списокъ лживилъ; въ противномъ же слу-

чаѣ, если судные мужи скажутъ, что судъ былъ не таковъ, списокъ писанъ не земскаго дьяка рукою, руки у списка не ихъ, и противень не сходенъ съ спискомъ: то истцовъ искъ взять на судьѣ, да кромѣ того на немъ пеня, что государь укажетъ. Если скажетъ дворскій и тѣ судные мужи, старосты и цѣловальники, которые грамотѣ умѣютъ, что судъ былъ именно такой и руки у списка ихъ; а тѣ судные мужи, которые грамотѣ не умѣютъ, съ ними порознятся, скажутъ, что судъ былъ, да не таковъ, и противень съ суднымъ спискомъ будетъ не слово въ слово: то виноватъ судья и судные мужи, которые по списку такали, взять на нихъ истцовъ искъ, да пеню, что государь укажетъ. Если намѣстничьи или волостелины люди станутъ давать кого на поруку, до суда и послѣ суда, и по комъ поруки не будетъ: то должны объявить объ этихъ людяхъ въ городѣ прикащикамъ городовымъ, да дворскому, старостамъ и цѣловальникамъ; а въ волости объявлять старостамъ и цѣловальникамъ, которые въ судѣ сидятъ; если же намѣстничьи или волостелины люди, не явя прикащику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, сведутъ къ себѣ человѣка, по комъ поруки не будетъ, да его у себя скуютъ, и родъ его и племя придутъ къ прикащикамъ, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ бить челомъ: то прикащикъ, дворскій, староста и цѣловальники этого человѣка у намѣстничьихъ или волостелиныхъ людей должны вынуть и взять на нихъ его безчестье, и чего онъ на нихъ взыщетъ, взять искъ вдвое.

Относительно уголовныхъ преступленій въ новомъ Судебникѣ видимъ больше мѣръ предосторожности противъ ихъ возобновленія, еще большее, чѣмъ въ старомъ, обращеніе вниманія на интересы цѣлаго общества. Такъ въ старомъ Судебникѣ опредѣлено, что пойманнаго на воровствѣ впервые бить кнутомъ, потомъ доправить на немъ вознагражденіе истцу и судьѣ продажу, и отпустить; если же не будетъ у него имѣнія, то, бивши кнутомъ, выдать истцу головою на продажу. Въ новомъ Судебникѣ правительство не отпускаетъ уже такъ легко человѣка, уличеннаго въ преступленіи и могущаго возобновить его

немедленно послѣ суда и наказанія; новый Судебникъ пос
повляетъ: вора, пойманнаго впервые, бивши кнутомъ и
правивши на немъ истцовъ искъ, дать на крѣпкую поруку;
не будетъ по немъ крѣпкой поруки, то вкинуть въ тюрь
пока порука будетъ. Если у вора не будетъ имѣнія, чѣ
заплатить истцу, то, бивши кнутомъ, выдать его истцу, го
вою на правежъ до искупа, а истца дать на поруки, что е
доправя свое, отдать преступника боярамъ; если же исте
не захочетъ дать по себѣ поруки, что приведетъ преступни
къ судьѣ, то вора вкинуть въ тюрьму, пока будетъ по не
порука, и тогда, за этою порукою, доправлять на немъ истцо
искъ. О правежѣ государь приговорилъ съ боярами въ 15
году: стоять на правежѣ во сто рубляхъ мѣсяцъ, а буде
искъ больше или меньше, то стоять потому же разсчету;
на которыхъ людяхъ и въ мѣсяцъ истцова иску доправи
нельзя, тѣхъ выдавать истцамъ головою до искупа; котор
люди добьютъ челомъ о переводѣ, то дать срокъ деньги пер
вести и на другой мѣсяцъ, а больше того срока не дава
для людской волокиты.

Важное различіе новаго Судебника отъ стараго состоитъ
томъ, что въ немъ обращено вниманіе на собственное пр
знаніе преступника: приведутъ его съ поличнымъ впервые,
судить его и послать обыскивать. Назовутъ его въ обыс
лихимъ человѣкомъ, то пытать; скажетъ на себя самъ,
казнить его смертною казнію; а не скажетъ на себя самъ,
вкинуть въ тюрьму до смерти, а истцово заплатить изъ е
имущества; если же скажутъ въ обыску, что добрый че
вѣкъ, то дѣло вершить по суду. Также при вторичной пои
на воровствѣ велѣно вора пытать, и если скажетъ на се
самъ, то казнить смертною казнію, если же не признается,
обыскивать: скажутъ, что дурной человѣкъ, то посадить въ тюр
му на всю жизнь; назовутъ добрымъ человѣкомъ, то дать
крѣпкую поруку. Также, если воръ обговоритъ кого-нибудь и
обыску окажется, что обговоренный дурной человѣкъ, то е
пытать, иесли при знается, то казнить; если же не будетъ доказ

йства вины, и въ обыску на него лиха не скажутъ, то рѣчамъ вора не вѣрить и обговореннаго только дать на поруку. Въ разбойныхъ дѣлахъ собственному признанію не дано такой силы. Въ наказѣ губнымъ старостамъ 1571 года говорится: на кого въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, воры и разбойники, къ кому разбойники пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, кому эту рухлядь продаютъ за разбойное, укажутъ явно на ихъ дурныя дѣла — кого разбивали и кого крали: то старосты эти рѣчи велятъ губнымъ дьякамъ писать подлинно, архимандритамъ, игуменамъ, попамъ, дьяконамъ и обыскнымъ людямъ, которые грамотѣ умѣютъ, велятъ къ этимъ рѣчамъ руки прикладывать, а кто грамотѣ не умѣетъ, вмѣсто нихъ прикладываютъ руки отцы ихъ духовные. На кого въ обыску скажутъ, что лихіе люди, а истцовъ имъ нѣтъ: за ними старосты посылаютъ и велятъ ставить ихъ передъ собою, имѣніе ихъ описывается и печатается до окончанія дѣла, а ихъ пытаютъ: станутъ виниться въ разбояхъ и оговаривать другихъ, то старосты посылаютъ за оговоренными и ставятъ ихъ на очную ставку съ оговаривателями, а имѣніе ихъ опечатывается. Если на очной ставкѣ языкъ съ нихъ не сговоритъ, то старосты обыскиваютъ объ нихъ многими людьми: окажется по обыску, что люди добрые, то старостамъ отдавать ихъ на чистыя поруки за обыскныхъ людей, которые ихъ одобрили; а по разбойничьимъ рѣчамъ брать на нихъ долю (выти) въ истцовы иски, по сыску и по новому приговору, *въ половину* истцова иска. Кто самъ повинится въ разбоѣ, того казнить смертію, а объ имѣніи его отписать въ Москву, къ боярамъ, въ Разбойную избу. На кого языкъ взговоритъ въ разбоѣ на одной пыткѣ, а на очной ставкѣ съ него сговоритъ и въ обыску назовутъ его добрымъ: такого давать на чистыя поруки за обыскныхъ людей, безвытно. На кого языкъ говоритъ на двухъ пыткахъ, а на очной ставкѣ, или на третьей пыткѣ, или идя къ казни, станетъ съ него сговаривать и въ обыску назовутъ добрымъ: такого человѣка дать на чистую поруку, но взять на немъ выть и сговору не вѣрить. На кого языкъ

въ разбоѣ сговоритъ, но въ обыску назовутъ ихъ лихи людьми, такихъ пытать. Если признавшійся на пыткѣ ра бойникъ будетъ боярскій человѣкъ, то на господинѣ его бра выть въ половину истцова иска. На кого языкъ въ разбояхъ г ворилъ, и въ обыскахъ назовутъ ихъ лихими людьми, но са они на пыткахъ не признаются, такихъ казнить смертію і обыску. На комъ истцы ищутъ разбоевъ, но языки на нихъ і разбояхъ не говорятъ, и истцы кромѣ поля улики не привод никакой, то обыскивать: скажутъ въ обыску, что лихіе люд а лиха именно не скажутъ, то пытать: не признаются пыткѣ, то сажать ихъ въ тюрьму на смерть; если же са не признаются, но въ обыску именно укажутъ на ихъ разбо то казнить смертію. На кого языкъ говоритъ, а въ обыск половина назоветъ его добрымъ человѣкомъ, а другая пол вина лихимъ, то его пытать: не признается, отдать на пору за обыскныхъ людей, которые его одобрили, а по разбо ничьимъ рѣчамъ взять на немъ выть; если же въ той пол винѣ, которая назвала его лихимъ человѣкомъ, окажется бол шинство человѣкъ въ пятнадцать или двадцать, а самъ онъ н пыткѣ не признается, то посадить его въ тюрьму на смертъ, а послѣ прибудетъ на него другое обвиненіе въ разбоѣ, т казнить смертію, а на обыскныхъ людяхъ, которые его одоб рили, взять выть. На кого говорятъ въ разбоѣ языка два ил три, а въ обыску одна половина назоветъ его добрымъ, другая лихимъ, то пытать: не признается, посадить въ тюрь на смерть, а послѣ прибудетъ новое обвиненіе, то казни смертію, а на обыскныхъ людяхъ, которые его одобряли, взя выть, сверхъ того лучшихъ людей двоихъ или троихъ би кнутомъ. На кого языки скажутъ въ разбоѣ, а на очной ставк сговорятъ, но въ обыску назовутъ лихими людьми съ доводомъ, такихъ пытать и казнить смертію, хотя бы на пыткѣ и не признались. — Въ Судебникѣ опредѣлено: кто взыщетъ бою и грабежа, и отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ, то отвѣтчика въ бою обвинить и безчестье на немъ взять; а въ пенѣ, посмотря по человѣку, чтó государь укажетъ; въ

грабежѣ же судъ и правда, а во всемъ не обвинять; такъ же поступать, если отвѣтчикъ скажетъ, что грабилъ, а не билъ. И въ другихъ дѣлахъ судить такъ же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ и взять, а въ остальномъ судъ и правда и крестное цѣлованіе. По старому Судебнику, если скажутъ на кого человѣкъ пять или шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ по великаго князя крестному цѣлованію, или черныхъ человѣкъ пять шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ воръ, а доказательства не будетъ, что онъ прежде воровалъ, то взять на немъ вознагражденіе истцу безъ суда. Въ новомъ Судебникѣ число свидѣтелей въ этомъ случаѣ увеличено до десяти или пятнадцати.

О полѣ или судебномъ поединкѣ въ новомъ Судебникѣ встрѣчаемъ такія постановленія: Къ полю пріѣдутъ окольничій и дьякъ и спрашиваютъ истцовъ и отвѣтчиковъ: кто за ними стряпчіе и поручники? кого за собою стряпчихъ и поручниковъ скажутъ, тѣмъ велѣть у поля стоять; а доспѣху, дубинъ и ослоповъ стряпчимъ и поручникамъ у себя не держать. Бой *полщикамъ* давать ровный. А придутъ къ полю посторонніе люди, то окольничій и дьякъ ихъ отъ поля отсылаютъ; кто не послушается, не пойдетъ, тѣхъ отсылать въ тюрьму. Биться на полѣ бойцу съ бойцомъ, или небойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не биться; если же захочетъ небоецъ съ бойцомъ биться, то воля. Если кто пошлется на послуховъ, а послухи между собою порознятъ, одни скажутъ въ истцовы рѣчи, а другіе нѣтъ, и первые попросятъ съ послѣдними поля, то позволять имъ биться. Если послухи, которые показывали согласно съ истцомъ, *убьютъ* (то-есть поборютъ) тѣхъ послуховъ, которые ему противорѣчили, то истцово и пошлины брать на отвѣтчикахъ и на послухахъ, которые противорѣчили истцу, и наоборотъ. А не попросятъ поля послухи, показывавшіе согласно съ истцомъ, или послухи не договорятъ въ истцовы рѣчи, то истецъ обвиняется. Досудятся въ какомъ-нибудь дѣлѣ до поля, а станетъ бить челомъ отвѣтчикъ, что ему стоять у поля нельзя, чтобъ присудили крестное цѣлованіе:

то поле отставить, и дать на волю истцу — хочетъ самъ цѣлуетъ или дастъ отвѣтчику цѣловать, и наоборотъ, если станетъ бить челомъ истецъ. Подъ 1572 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что царь уставилъ въ Новгородѣ намѣстника по старинѣ и полямъ велѣлъ быть по старинѣ.

Относительно обыска постановлено въ 1556 году: Если истцы и отвѣтчики, тяжущіеся передъ боярами и во всѣхъ приказахъ, пошлются въ обыскъ на многихъ людей безыменно, то бояре посылаютъ обыскивать къ старостамъ и цѣловальникамъ. Старосты и цѣловальники велятъ ѣздить къ обыскамъ многимъ людямъ и всѣмъ лучшимъ, князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, ихъ прикащикамъ и крестьянамъ, архимандритамъ, игуменамъ, попамъ и дьяконамъ; а изъ городовъ съ посаду лучшими людьми обыскивать съ лица на лицо, а заочно обыскныхъ людей не писать; рѣчи свои обыскные люди пишутъ сами; а которые люди грамотѣ не умѣютъ, тѣ руки прикладываютъ, и отцы ихъ духовные къ тѣмъ рѣчамъ также руки прикладываютъ. Если обыскные люди скажутъ не однѣ рѣчи: иные люди говорятъ по истцѣ, а другіе по отвѣтчикѣ: то по комъ скажетъ больше людей, человѣками пятидесятью или шестидесятью, того по большому обыску оправить, а по меньшому обвинить, безъ поля и безъ крестнаго цѣлованія. Послѣ того государь прикажетъ владыкѣ, или архимандриту, или игумену развѣдать вправду, которая половина солгала, и лживыхъ казнить. Скажутъ въ обыску поровну, половина по истцѣ, а другая половина по отвѣтчикѣ, то по такимъ обыскамъ дѣла не вершить, а посылать на обыскъ въ другой разъ, велѣть обыскивать другими многими людьми про то, которая половина солгала? на которую половину доведутъ, что она солгала, то выбрать изъ нея, изо ста человѣкъ прикащиковъ и крестьянъ, лучшихъ людей человѣкъ пять или шесть, и бить ихъ кнутомъ, а игуменовъ, поповъ и дьяконовъ отсылать къ святителю; всѣ убытки, которые потерпитъ правый, кромѣ иска, взыскать на тѣхъ, на которыхъ ложь доведутъ, а которыхъ людей пытали по ложному обыску, тѣмъ людямъ взять на нихъ безчестье вдвое, для лжи, чтобъ

впередъ не лгали. Тому же самому подвергаются люди, которые на обыскѣ въ одномъ дѣлѣ двойныя рѣчи говорятъ. Пошлется въ судѣ ищея или отвѣтчикъ не на многихъ людей, человѣкъ на пять или на шесть, а вѣрить этимъ людямъ нельзя, то ими не обыскивать, а вершить дѣло по суду и по дѣлу, чтó положено на судѣ. Пошлется ищея или отвѣтчикъ на боярина, или на дьяка, или на приказнаго человѣка, кому вѣрить можно, посмотря по дѣлу: то это свидѣтельство принимать, и какъ скажутъ, по тому и вершить безъ поля и крестнаго цѣлованія. Пошлется ищея или отвѣтчикъ изъ виноватаго, хотя на одного человѣка: то и это свидѣтельство принимать, чтó скажетъ, по тому и винить; если бы даже немного не договорилъ противъ ищеи или отвѣтчика — обвинить. Бояре, дьяки, всѣ приказные люди и дворяне должны приказать въ своихъ селахъ накрѣпко, чтобъ въ обыскахъ люди ихъ и крестьяне не лгали, а говорили вправду; если же сыщется, что люди ихъ и крестьяне солгали въ обыскахъ, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть отъ государя въ великой опалѣ, и людей и крестьянъ ихъ казнить, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ. Свѣдаетъ бояринъ, дьякъ, приказный человѣкъ, дворянинъ и сынъ боярскій, что въ обыску люди ихъ и крестьяне лгали: то сказать имъ вправду государю, и въ такомъ случаѣ имъ отъ государя опалы не будетъ, а дѣло, сыскавши вправду, вершить. Старостамъ въ воровскихъ, разбойныхъ и всякихъ дѣлахъ обыскивать вправду, по крестному цѣлованію, другу не дружить, и недругу не мстить. Беречься имъ и сыскивать накрѣпко, чтобъ въ обыскахъ не говорили бездѣльно, стакавшись семьями и заговорами; старосты должны о такихъ людяхъ писать къ государю: въ случаѣ неисполненія этихъ обязанностей старостъ казнить безъ милости.

Новый Судебникъ отличается отъ стараго подробнымъ постановленіемъ о платѣ за безчестье: Безчестье дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывать противъ дохода, по книгамъ; а женамъ ихъ вдвое. Тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, которые получаютъ жалованье, плата за безчестье равняется этому жалованью, женѣ вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ безчестья чтó

государь укажетъ, женамъ ихъ вдвое. Гостямъ большимъ безчестья пятьдесятъ рублей, женамъ ихъ вдвое. Торговымъ людямъ и посадскимъ и всѣмъ среднимъ безчестья пять рублей, женамъ вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестья пять рублей, кромѣ тіуновъ и доводчиковъ, которые получаютъ плату за безчестье противъ дохода, женамъ вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному безчестья рубль, женѣ его два рубля. Боярскому человѣку младшему или черному городскому человѣку младшему безчестья также рубль, женамъ ихъ вдвое. За увѣчье налагать пеню, смотря по человѣку и по увѣчью. — Отъ описываемаго времени до насъ дошло дѣло знаменитаго дьяка Василья Щелкалова, на котораго подъячій Айгустовъ доводилъ многія лихія дѣла; на пыткѣ обвинитель признался, что составлялъ на Щелкалова многія дѣла по наученью князя Михайлы Черкаскаго; тогда государь велѣлъ взять на Айгустовѣ безчестье Щелкалова и жены его 600 рублей; такъ какъ у Айгустова недостало денегъ для уплаты, то взяли у него вотчину.

Относительно чужеземцевъ къ положенію стараго Судебника прибавлено: если человѣкъ здѣшняго государства взыщетъ на чужеземцѣ или чужеземецъ на здѣшнемъ человѣкѣ, то давать имъ жребій: чей жребій вынется, тотъ, поцѣловавши крестъ, свое возметъ, или отцѣлуется. Англичанинъ Лэнъ описываетъ намъ это выниманіе жребія: два восковыхъ шарика съ именами тяжущихся клались въ шапку, и чье имя прежде вынималось, тотъ выигрывалъ.

Относительно займовъ въ 1557 году царь почелъ за нужное сдѣлать слѣдующее постановленіе: на служилыхъ людяхъ править долги денежные и хлѣбные по кабаламъ и памятямъ и духовнымъ грамотамъ, впродолженіе пяти лѣтъ (до 1562 года), *истину*, деньги безъ росту, а хлѣбъ безъ наспу, разочтя на пять жребіевъ: по старымъ кабаламъ, по Рождество Христово 1557 года всѣ росты государь отставилъ. Но если служилые люди станутъ занимать деньги въ ростъ или хлѣбъ въ наспы въ эти правежныя пять лѣтъ, и въ урочные года въ новыхъ долгахъ не выплатятся, то впередъ съ Рождества Хри-

1562 года новые долги на служилыхъ людяхъ править истину сполна, да кромѣ того деньги съ половиннымъ ро (10 на 100) и хлѣбъ съ наспомъ. Который заемщикъ ють пятилѣтній срокъ не станетъ платиться по годамъ, на службѣ или въ отъѣздѣ годъ, два, то когда возвра, править на немъ вдругъ за всѣ тѣ годы, въ которые латилъ. Кто будетъ на службѣ или въ отъѣздѣ всѣ уроч пять лѣтъ, то по возвращеніи править на немъ весь долгъ ъ, но безъ росту. Сторублевый долгъ править на служи человѣкѣ два мѣсяца, а будетъ долгъ больше или мень то по разсчету, а неслужилымъ людямъ стоять на праве сторублевомъ долгѣ мѣсяцъ. По ряднымъ грамотамъ на ъ людяхъ править всегда сполна. На неслужилыхъ людяхъ урочныя пять лѣтъ долги по старымъ кабаламъ править всѣ на, но безъ росту; если же они станутъ занимать деньги въ ъ или хлѣбъ въ наспы въ тѣ же правежные годы: то на въ новыхъ долгахъ правежъ давать всегда, а ростъ и ъ на хлѣбъ велѣть править вполовину (10 на 100); а не атятъ новыхъ долговъ въ урочныя пять лѣтъ, то править на съ полнымъ ростомъ и наспомъ (20 на 100). Кто у кого етъ деньги взаймы безкабально и безъ памяти, или кто у возметъ въ ссуду что-нибудь, и на судѣ не отопрется, то ъ на немъ править сполна и правежъ давать всегда. Тотъ, занялъ деньги и заложилъ заимодавцу отчину за ростъ па, тотъ можетъ выплачивать свой долгъ въ урочныя пять такимъ образомъ: отдастъ на первый годъ пятую долю а по разсчету, а вотчину возметъ назадъ; но заимодавецъ олжаетъ пахать ее у него за ростъ, и должникъ не мо ни заложить ее, ни продать, ни промѣнять, ни въ при, ни по душѣ отдать, пока не выплатитъ всѣхъ денегъ, ли не выплатитъ, то вотчину отдавать назадъ заимодавцу. же должникъ, не заплативши всѣхъ денегъ по частямъ въ лѣтъ, вотчину свою продастъ, да и продавши, не запла долга, то править на немъ весь долгъ сполна; а не бу должника на лицо, то править на томъ, кто у него за-

кладную вотчину купилъ, и если на немъ доправить нельзя, то взять у него эту вотчину и отдать заимодавцу, у кого она была заложена, а ему дать правежъ на того, у кого онъ ее купилъ; если нельзя будетъ съ него взыскать денегъ, то выдать его головою до искупа; а не будетъ его на лицо, то у того, кто купилъ заложенную вотчину, деньги пропали, потому: покупай вотчину сыскивая, свободна ли она? а если продавецъ послѣ явится, то дать ему на него управу. Въ 1558 году государь приказалъ: кто займетъ деньги и кабалу на себя дастъ за ростъ служить, но когда дѣло дойдетъ до взысканія, кабалу оболживитъ и скажетъ, что онъ сына боярскаго служиваго сынъ — то сыскивать: если должнику больше пятнадцати лѣтъ, а государевой службы не служитъ и въ десяткѣ не написанъ и кабала написана когда уже ему минуло пятнацать лѣтъ, то судъ на него давать; если же ему будетъ менѣе пятнадцати лѣтъ, то на такихъ суда по кабаламъ не давать. Въ 1560 году, по случаю пожара, было постановлено: кто, потерявши дворы отъ пожара, станетъ искать по кабаламъ заемныхъ денегъ на тѣхъ людяхъ, у которыхъ дворы также погорѣли, то приставовъ не давать и править долговъ не велѣть пять лѣтъ [39].

Мы видѣли, что въ старомъ Судебникѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ вслѣдствіе вліянія законовъ Моисеевыхъ, помѣщавшихся въ Кормчихъ книгахъ, имущество умершаго, за неимѣніемъ сына, положено отдавать дочери, за неимѣніемъ дочери—ближайшему въ родѣ. Но Іоаннъ IV, какъ мы видѣли также, счелъ нужнымъ право наслѣдованія въ старинныхъ княжескихъ вотчинахъ ограничить мужескимъ потомствомъ умершаго. Относительно наслѣдства послѣ бездѣтныхъ бояръ и сыновей боярскихъ, Іоаннъ тогда же, въ 1562 году, постановилъ, что если ближняго рода и духовной у нихъ не будетъ, то вотчина отбирается на государя, а женѣ государь велитъ дать изъ этой вотчины, чѣмъ ей можно прожить, и душу умершаго государь велитъ также устроить изъ своей казны. Въ 1572 году относительно вотчинъ пожалованныхъ было опредѣлено, что

въ случаѣ смерти бездѣтнаго владѣльца надобно обращать вниманіе на смыслъ жалованной грамоты, будетъ ли въ ней прописано, что вотчина пожалована ему, женѣ, дѣтямъ, роду: какъ написано, такъ и поступать; если въ грамотѣ написано, что вотчина жалуется одному лицу, то по смерти его она отходитъ на государя; если же у него не будетъ государовой грамоты, то вотчины отбираются по его смерти на государя, хотя бы у него и дѣти были. Впрочемъ и право боковыхъ родственниковъ наслѣдовать въ выслуженной вотчинѣ ограничено только извѣстными степенями: бездѣтно умершему наслѣдуютъ братья его родные, сыновья и внуки родныхъ братьевъ; если умретъ бездѣтнымъ одинъ изъ этихъ братнихъ сыновей или внуковъ, то участки умершихъ отдаются братьямъ ихъ роднымъ, дядямъ, племянникамъ и двоюроднымъ внукамъ, но родственникамъ далѣе двоюродныхъ внуковъ вотчина не отдается.

Въ новомъ Судебникѣ находимъ постановленіе о правѣ выкупа вотчинъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, возникло изъ крѣпкой родовой связи, изъ общаго родоваго владѣнія поземельною собственностію. Законъ говоритъ: кто вотчину продастъ, то дѣтямъ его и внукамъ до нея дѣла нѣтъ, не выкупать имъ ее. Если братья или племянники продавца подпишутся свидѣтелями въ купчихъ, то имъ, ихъ дѣтямъ и внукамъ также нѣтъ дѣла до проданной отчины. А не будетъ братьи или племянниковъ въ свидѣтеляхъ, то братья, сестры и племянники вотчину выкупаютъ. Если самъ продавшій захочетъ выкупить свою отчину, то можетъ сдѣлать это полюбовно, съ согласія того, кому продалъ, но принудить его къ тому не можетъ. Пройдетъ сорокъ лѣтъ послѣ продажи вотчины, то вотчичамъ до нея уже дѣла нѣтъ; нѣтъ имъ дѣла и до купель: кто свою куплю продастъ, дѣти, братья и племянники ее не выкупаютъ. Кто оставитъ свою куплю въ наслѣдство дѣтямъ, то она становится уже имъ вотчиною и впередъ имъ ее выкупать. Кто вотчину свою выкупитъ въ урочныя сорокъ лѣтъ, тотъ долженъ держать ее за собою, другому въ чужой родъ ее ни продать, ни заложить, отдать ему ее въ свой родъ, именно тѣмъ

родственникамъ, которые не подписались въ прежнихъ купчихъ свидѣтелями. Кто выкупитъ вотчину чужими деньгами, или заложитъ, или продастъ, и прежде продавшій ее родственникъ докажетъ, что выкупившій выкупилъ ее чужими деньгами и держитъ ее не за собою: то вотчина слѣдуетъ прежнему продавцу безденежно. Кто захочетъ свою вотчину, мимо вотчичей, заложить у сторонняго человѣка: то эти сторонніе люди должны брать въ закладъ вотчины только въ такой суммѣ, чего вотчина на самомъ дѣлѣ стóитъ. Если сторонній человѣкъ возметъ вотчину въ закладъ въ большей цѣнѣ, и вотчичь станетъ бить челомъ, то послѣдній можетъ взять эту вотчину въ закладъ, въ мѣру, чего она стóитъ, а чтó сторонній человѣкъ далъ въ займы лишняго, то у него деньги пропали. Кто свою вотчину промѣняетъ на вотчину и возметъ въ придачу денегъ, и если кто-нибудь изъ вотчичей захочетъ ее выкупить, то можетъ это сдѣлать, при чемъ онъ долженъ тому, у кого выкупаетъ, оставить земли въ мѣру столько, сколько тотъ своей земли промѣнялъ. Въ одномъ спискѣ Судебника находится слѣдующее прибавочное постановленіе: Если бездѣтные князья, бояре и дѣти боярскіе и всякаго чина люди захотятъ свои земли продать или заложить, или въ монастырь по душѣ отдать: то имъ вольно это сдѣлать со всѣми своими куплями; чтó же касается до отчинъ, то могутъ отчуждать ихъ только половину, если же кто отчудитъ больше половины, и отчичъ будетъ бить челомъ объ этомъ: то лишнюю продажу отдать отчичу; а кто, не разузнавши, больше половины купилъ, или подъ закладъ взялъ, тотъ деньги потерялъ [40].

Въ 1556 году было постановлено относительно духовныхъ завѣщаній: если жена, умирая, напишетъ въ духовной мужа своего приказчикомъ, то ему въ приказчикахъ не быть, и духовная эта не въ духовную, потому что жена въ мужней волѣ: чтó ей велитъ написать, то она и напишетъ. Въ 1561 году велѣно было митрополичьимъ боярамъ выписать изъ митрополичьяго указа, какъ поступать въ слѣдующихъ случаяхъ: кладутъ въ судѣ духовныя, дѣти отцовъ своихъ, матерей, иные

братьевъ своихъ, сестеръ, племянницъ, женъ, душеприкащиками назначены братья или сторонніе люди, у жены мужья, отцы духовные; духовныя не подписаны и не запечатаны, завѣщателевой руки нѣтъ, потому что грамотѣ не зналъ или умеръ внезапно, есть только руки прикащиковъ и отцовъ духовныхъ, а у иныхъ только отцовъ духовныхъ: и отвѣтчики на судѣ эти духовныя лживятъ, называютъ ихъ *нарядными*, а не указываютъ, кто наряжалъ, только на нихъ и пороку, что не подписаны и не запечатаны: и тѣмъ духовнымъ вѣрить или не вѣрить? Митрополичьи бояре отписали: вѣрить духовнымъ, которыя хотя не подписаны и не запечатаны, но при нихъ есть отцы духовные, приказчики и сторонніе свидѣтели, противъ которыхъ нѣтъ никакого довода въ составленіи подложной духовной; если въ духовной жена назначила мужа приказчикомъ и вмѣстѣ съ нимъ берутся быть въ приказѣ женины родственники, то такимъ духовнымъ также вѣрить; но если въ духовной у жены мужъ написанъ одинъ, а стороннихъ людей съ нимъ не будетъ, то не вѣрить.

Выраженіе въ приведенномъ указѣ: «жена въ мужней волѣ, что̀ велитъ ей написать то и напишетъ», ясно указываетъ на положеніе жены въ описываемое время. По понятіямъ этого времени, жена должна была раздѣлять участь мужа въ случаѣ преступленія, совершеннаго послѣднимъ: князь Иванъ Пронскій, давая запись царю, говоритъ въ ней, что въ случаѣ отъѣзда его царь воленъ казнить его и его жену.

Изъ разныхъ юридическихъ грамотъ, отступныхъ, дѣльныхъ, отказныхъ, видимъ общее родовое владѣніе и раздѣлы родичей, какъ видно, двоюродныхъ или троюродныхъ братьевъ, видимъ раздѣлъ неполный. Замѣчательна форма отступныхъ грамотъ, подтверждающая сказанное нами въ своемъ мѣстѣ о происхожденіи земельнаго владѣнія въ Московскомъ государствѣ: «Мы такіе-то (родные братья) сступились *земли великаго князя, а своего владѣнья* такимъ-то (роднымъ же братьямъ): не измогли мы великокняжеской службы служить, дань давать и всякихъ *разрубовъ* земскихъ (или волостныхъ); взяли мы

себѣ *на посилье* столько-то. Видимъ, что цѣлыя общины пріобрѣтали земли: такъ въ 1583 году Никита Строгановъ отказалъ свою деревню въ волость, въ слободку Давыдову, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ. Видимъ, что при дѣлежѣ земель дѣлившіеся братья прибѣгали къ посредничеству посторонняго лица; это лицо должно было раздѣлить землю на участки, послѣ чего дѣлившіеся бросали передъ нимъ жребій (жеребьевали): чей жребій напередъ вынется, тому взять любое, другіе жребіи вынимать такимъ же образомъ, а остальному взять остальной жребій [41].

Чтó касается до законодательной дѣятельности въ западной Россіи, то здѣсь въ 1556 году изданъ былъ новый статутъ. Въ первомъ отдѣлѣ его (о персонѣ господарской) постановлено: кто составитъ заговоръ или бунтъ подниметъ противъ государя, то хотя бы намѣреніе и не приведено было въ исполненіе, виновный, при ясномъ доказательствѣ вины, теряетъ честь и жизнь; кто поднимаетъ бунтъ противъ государя ко вреду государства, станетъ бить монету безъ государской воли, станетъ собирать войско съ намѣреніемъ занять престолъ по смерти государя, кто станетъ сноситься съ непріятелемъ; окажетъ ему помощь, поддастъ ему зáмокъ, приведетъ въ Литву непріятельское войско: тотъ теряетъ честь и жизнь, сыновья его считаются безчестными, имѣніе его отбирается на государя; жены такихъ измѣнниковъ, если присягнуть, что не знали о замыслѣ мужей, не теряютъ имущества отцовскаго, материнскаго и вѣна, записаннаго имъ мужьями прежде измѣны. Кто нанесетъ безчестье государскому величеству, тотъ будетъ наказанъ, смотря по важности дѣла и словъ, только не лишеніемъ чести, жизни и имущества. Кто доноситъ о преступленіи противъ государя, долженъ подтвердить истину показанія — своею присягою и присягою шляхтичей, достойныхъ вѣры и незаподозрѣнныхъ. Фальшивыхъ монетчиковъ, также золотарей, которые портятъ золото и серебро, примѣшивая къ нему цынкъ или олово, сожигать безъ милосердія. Въ дѣлахъ по имуществамъ великіе князья судятся однимъ судомъ со всѣми поддан-

и Литовскими. Заповѣдные листы, отсрочивающіе время на судъ, даются государемъ только въ трехъ случаяхъ: еслибы вызываемый къ суду находился въ плѣну у не-пріятеля; 2) еслибы кто находился въ посольствѣ за границею былъ отправленъ съ какими-нибудь другими порученіями царскими; 3) если кто дѣйствительно боленъ, что̀ долженъ подтвердить присягою. Еслибы кто посланца государ-о съ листами государскими, также посланцевъ отъ пановъ ыхъ, старостъ судовыхъ и суда земскаго съ ихъ листами, билъ и листы подралъ, такой долженъ проси[illegible] 12 недѣль замкѣ, а дворянину заплатить безчестье; [illegible]инъ, при чѣ листовъ, долженъ всегда имѣть при себ[illegible]ихъ шлях-й для свидѣтельства, если что̀ съ нимъ случится. Листы зные не будутъ даваться отъ государя такимъ должникамъ, рые по собственной винѣ растратили имѣніе и не могутъ ить долговъ; листы будутъ даваться только такимъ, которые шли въ убожество по Божіему попущенію, отъ огня, воды, ествія непріятельскаго, также если кто разорится на жбѣ государству: и такимъ больше трехлѣтняго срока для ты не будетъ даваться; также не будутъ даваться желѣз-листы простымъ людямъ, купцамъ и жидамъ противъ хты. Никто не смѣетъ заводить новыхъ мытовъ: въ про-номъ случаѣ теряетъ имѣніе, въ которомъ заведенъ новый ъ. Шляхетскія подводы, нагруженныя хлѣбомъ съ ихъ соб-енныхъ гуменъ, а не купленнымъ, не платятъ мыта. Въ мъ отдѣлѣ о вольностяхъ шляхетскихъ находимъ поста-еніе о сеймикахъ повѣтовыхъ и послахъ земскихъ: за ре недѣли предъ сеймомъ великимъ собираются сеймики ѣтовые; на нихъ собираются воеводы, каштеляны, уряд-и земскіе, князья, паны, шляхта и совѣщаются о всѣхъ требахъ земскихъ; потомъ по единогласному приговору вы-ают пословъ, по двѣ особы отъ каждаго *суду* земскаго, лько ихъ будетъ въ воеводствѣ; этихъ пословъ отправляютъ великій сеймъ, поручивши имъ всѣ повѣтовыя дѣла и давши ъ полномочіе. Король обязывается все держать по старинѣ;

если же понадобится сдѣлать новое распоряженіе, то это можно не иначе, какъ на великомъ сеймѣ. Король обязуется не повышать простыхъ людей надъ шляхтою, не возводить ихъ въ достоинства и не давать имъ урядовъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ — о судьяхъ и судахъ постановлено: въ каждомъ повѣтѣ долженъ быть судья, подсудокъ и писарь, которые выбираются такимъ образомъ: къ назначенному отъ государя сроку съѣзжаются всѣ землевладѣльцы повѣта ко двору, который находится въ срединѣ повѣта, и выбираютъ изъ всей шляхты на судейство четверыхъ людей добрыхъ, на подсудство четверыхъ и на писарство четверыхъ, а государь изъ этихъ двѣнадцати выбираетъ троихъ — судью, подсудка и писаря. Писарь земскій обязанъ всѣ листы и позвы писать по-русски, а не на иномъ какомъ-либо языкѣ. Воеводы для каждаго повѣта выбираютъ возныхъ изъ шляхтичей добрыхъ, постоянно живущихъ въ повѣтѣ; должность living возного состоитъ въ слѣдующемъ: позвы носить и ими позывать къ суду, срокъ назначать, брать съ свидѣтелей присягу на судѣ, исполнять судейскіе приговоры, дѣлать слѣдствія, и все чтб найдетъ записывать въ книги; за злоупотребленія при своей должности возный казнится смертію. Судьи и подсудки должны судить сами, а не чрезъ намѣстниковъ своихъ. Въ судьи не могутъ быть вибираемы ни духовныя особы, ни урядники государскіе. Судьи судятъ дѣла гражданскія; уголовныя же подлежатъ суду воеводъ, старостъ и державцевъ; кромѣ того, воеводы, старосты и всѣ державцы замковые и дворовъ государскихъ повѣтовыхъ должны каждый на урядѣ своемъ выбрать добраго шляхтича, который вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ судитъ всѣ дѣла, относящіяся къ замку. Судъ земскій отправляется три раза въ году: съ Троицына дня, съ Михайлова дня и съ Трехъ Королей послѣ Рождества Христова; въ это время судья, подсудки и писарь пріѣзжаютъ на назначенное мѣсто и отправляютъ судъ двѣ недѣли, если много дѣлъ, если же мало, то какъ покончатъ. Послѣ, при Баторіи, срокъ продолженъ до трехъ недѣль. Кто, стоя предъ судомъ, будетъ противника своего бранить, того сажать въ

ближайшій замокъ на шесть недѣль; если пихнетъ или рукою ударитъ противника, то платитъ ему 12 рублей грошей, а за вину сидитъ шесть недѣль въ заключеніи; если обнажитъ оружіе, то теряетъ руку, если ранитъ, то лишается жизни; то же наказаніе, если подсудимый поступитъ такимъ же образомъ съ судьею, подсудкомъ, писаремъ или съ кѣмъ-нибудь изъ урядниковъ, и наоборотъ, то же наказаніе судьѣ, подсудку, писарю и урядникамъ, если они такимъ же образомъ поступятъ съ подсудимымъ. Урядниковъ государскихъ никто не можетъ судить кромѣ государя, но въ дѣлахъ по имуществу они обязаны становиться передъ судомъ земскимъ. Свидѣтелями въ судахъ должны быть христіане, люди добрые, вѣры достойные, ни въ чемъ незаподозрѣнные; слуги невольные не могутъ быть свидѣтелями ни за господъ своихъ, ни противъ нихъ; не могутъ быть свидѣтелями безумные, обвиненные вмѣстѣ въ одномъ дѣлѣ не могутъ свидѣтельствовать другъ за друга. Кому изъ судящихся приговоръ суда покажется несправедливымъ, тотъ можетъ перенесть дѣло на судъ государскій, при чемъ не долженъ говорить суду никакихъ грубыхъ словъ, а только одно: «Панъ судья! твой приговоръ кажется мнѣ не законнымъ: переношу дѣло къ государю его милости». Въ каждомъ повѣтѣ долженъ быть подкоморій, назначаемый государемъ на всю жизнь. При всякихъ спорахъ земельныхъ и граничныхъ судъ земскій даетъ знать подкоморію, который имѣетъ право посылать позвы по обѣ тяжущіяся стороны подъ собственнымъ именемъ и печатію, назначить срокъ выѣзда на спорную землю за четыре недѣли; выѣхавши и разсмотрѣвши грамоты, знаки пограничные, выслушавши свидѣтелей, допускаетъ къ доводу ту сторону, у которой лучшія грамоты и свидѣтельства и явнѣйшіе знаки межевые; выслушавши доводъ, подкоморій кладетъ рѣшеніе, устанавливаетъ границы и даетъ грамоты суда своего за своею подписью и печатью; въ каждомъ повѣтѣ подкоморій на помощь себѣ выбираетъ одного или двоихъ коморниковъ, шляхтичей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ повѣтѣ, людей годныхъ. — Въ пятомъ отдѣлѣ говорится о брачныхъ договорахъ:

отецъ, выдавая дочь замужъ и давая за нею приданое, долженъ взять съ зятя своего грамоту за его печатью и за печатями людей добрыхъ, что тотъ записалъ будущей женѣ своей третью часть своего недвижимаго имущества; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то дочь, по смерти мужа, приданое свое теряетъ, хотя бы и большую сумму денегъ принесла; но дѣти или ближніе умершаго обязаны за вѣнецъ дать ей 30 копъ грошей, если замужъ пойдетъ; если же не захочетъ идти замужъ, то получаетъ изъ имѣній мужа равную часть съ наслѣдниками и остается на ней до смерти; если же имѣнье умершаго 30 копъ грошей не стоитъ, то жена получаетъ четвертую часть имущества, которую держитъ до смерти своей, еслибъ даже и вышла замужъ. Потомъ слѣдуетъ статья о записываніи вѣна, сходная съ тою же статьею стараго статута. Еслибы кто-нибудь постоянный или временный обыватель великаго княжества женился въ Литвѣ и взялъ за женою недвижимое имущество, то во время войны обязанъ нести военную службу съ имѣнія жены своей и съ другихъ, если ихъ пріобрѣтетъ, не отговариваясь тѣмъ, что жена ему ничего не записала: въ противномъ случаѣ онъ и жена его теряютъ имѣніе въ пользу государства. Еслибы шляхтянка, дѣвица или вдова, вышла замужъ не за шляхтича, то лишается имѣнія своего, какъ отцовскаго, такъ и материнскаго, которое переходитъ къ другимъ наслѣдникамъ: но послѣдніе обязаны выдать ей сумму денегъ, опредѣленную статутомъ, за каждую службу людей пять копъ грошей и т. д.; вдовы шляхтянки, вышедшія замужъ за простыхъ людей, теряютъ записанное имъ вѣно. Вдова шляхтянка не можетъ выйдти вторично замужъ ранѣе шести мѣсяцевъ по смерти перваго мужа: въ противномъ случаѣ теряетъ записанное ей вѣно; если же вѣна не имѣетъ, то платитъ въ казну 12 рублей грошей. При разводѣ, если духовной судъ признаетъ мужа виновнымъ, то жена удерживаетъ вѣно; если же виновата жена, то теряетъ и вѣно, и приданое; если же будутъ разводиться по родству или по другимъ причинамъ, гдѣ ни мужъ, ни жена не виноваты, тогда вѣно

остается при мужѣ, а приданое при женѣ. — Въ шестомъ отдѣлѣ заключаются постановленія объ опекѣ: совершеннолѣтіе назначается — мужчинѣ 18, дѣвицѣ 15 лѣтъ. Отецъ можетъ быть опекуномъ малолѣтныхъ сыновей, которымъ досталось материнское имѣніе; если во время опеки отецъ отчудитъ это имѣніе вѣчно или временно, то сыновья, достигнувъ совершеннолѣтія, имѣютъ право искать имѣніе на томъ, кто его пріобрѣлъ, лишь бы только не пропустили давности. Если отецъ истратитъ на себя имущество сына и потомъ умретъ, оставя нѣсколько другихъ сыновей, то прежде ровнаго раздѣла они должны всѣ подѣлить между собою отцовскій долгъ, не исключая и того брата, кому отецъ остался долженъ, и когда каждый свою долю долга заплатитъ послѣднему, тогда и приступаютъ къ ровному раздѣлу наслѣдства. Опекунами бываютъ: вопервыхъ тотъ, кого отецъ назначитъ въ завѣщаніи; если не будетъ назначенъ опекунъ въ завѣщаніи, то старшій братъ совершеннолѣтній опекаетъ младшихъ братьевъ и сестеръ; если нѣтъ брата совершеннолѣтняго, то дядья по мужскому колѣну (по мечу); если нѣтъ родныхъ дядей, то ближайшіе родственники по мечу; если и такихъ нѣтъ, то родственники съ материнской стороны (по кудели); если же нѣтъ и такихъ, то назначается опекунъ отъ государя, или отъ воеводъ, или отъ суда земскаго, не чужеземецъ, и котораго имѣніе равнялось бы тому имѣнію, которое будетъ имѣть въ опекѣ; также и опекунъ изъ родственниковъ долженъ имѣть хорошее состояніе, кромѣ тѣхъ опекуновъ, которые назначены отцомъ въ завѣщаніи. — Въ седьмомъ отдѣлѣ говорится о записяхъ и продажахъ; здѣсь постановлено: всякому вольно имѣнія свои отцовскія, материнскія, выслуженныя, купленныя и какимъ бы то ни было образомъ пріобрѣтенныя, *не по старому статуту съ сохраненіемъ двухъ третей для родственниковъ*, но всѣ, въ цѣлости или по частямъ, отчуждать, дарить, продавать и т. п. мимо дѣтей и родственниковъ; но изъ родовыхъ имѣній только одна треть можетъ быть отчуждена на вѣки, двѣ же трети могутъ быть выкупаемы дѣтьми и родственниками,

почему за эти двѣ трети продающій не можетъ брать денегъ больше, чѣмъ во сколько онѣ оцѣнены, ибо послѣ выкупающій не будетъ платить больше. — Въ отдѣлѣ осьмомъ постановляется о духовныхъ завѣщаніяхъ: относительно имущества движимаго или недвижимаго пріобрѣтеннаго всякій можетъ дѣлать духовныя завѣщанія, здоровъ ли кто, или боленъ, только долженъ быть въ доброй памяти; можетъ завѣщать кому хочетъ, призвавши урядъ земскій, судью, подсудка, писаря, каплана, а гдѣ бы этихъ лицъ не было, то можно дѣлать завѣщанія передъ тремя свидѣтелями, достойными вѣры. Если завѣщавшій послѣ того умретъ, то хотя бы и печати не приложилъ, духовное завѣщаніе имѣетъ силу. Свидѣтелями при духовныхъ завѣщаніяхъ не могутъ быть тѣ, которые сами не могутъ дѣлать завѣщаній, женщины, душеприкащики, опекуны, назначенные въ завѣщаніи, наконецъ люди, которымъ что-нибудь по завѣщанію отказано. Никто не можетъ ничего отказать въ завѣщаніи своему рабу, не давши ему прежде свободы. Слуга путный, мѣщанинъ непривилегированныхъ городовъ и простой человѣкъ можетъ завѣщавать треть движимаго кому хочетъ, а двѣ трети долженъ оставить въ домѣ сыну, который обязанъ служить съ той земли, на которой сидитъ; если же не имѣетъ дѣтей, то эти двѣ части остаются въ домѣ на службу того пана, на чьей землѣ сидитъ. Если же дѣти умершаго, будучи вольными, захотятъ пойдти прочь, то, взявши двѣ части отцовскаго движимаго, могутъ идти, но земля остается пану, съ хлѣбомъ посѣяннымъ, съ хоромами и со всѣмъ, съ чѣмъ отецъ ихъ эту землю взялъ. Причины, по которымъ отецъ можетъ лишить сына или дочь наслѣдства, состоятъ въ непочтительномъ обращеніи, въ покинутіи въ бѣдѣ, въ упорной привязанности къ ереси, со стороны дочери въ безнравственномъ поведеніи. Слѣпой можетъ дѣлать завѣщаніе при осьми свидѣтеляхъ, не менѣе. — Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ говорится о насиліяхъ, причиненныхъ шляхтѣ: кто насильно обвѣнчается съ дѣвицею или вдовою, и окажется, что ни ея, ни родственниковъ ея на то позволенія не было, то похититель лишается

жизни, а третья часть имѣнія его идетъ къ похищенной; но еслибы дѣвица или вдова тайкомъ отъ родственниковъ дала согласіе на бракъ и на похищеніе, то лишается имѣнія отцовскаго и материнскаго. Если кто-нибудь изъ супруговъ лишитъ жизни другаго, и преступленіе будетъ подтверждено присягою семи шляхтичей, то преступникъ казнится смертію такимъ же образомъ, какъ убійца отца или матери. Кто кого лишитъ руки, ноги, глаза, губы, зубовъ, уха, долженъ за каждый такой членъ платить по 50 копъ грошей и двадцать четыре недѣли сидѣть въ крѣпости; если лишитъ обѣихъ рукъ или ногъ, обоихъ ушей и глазъ, то платитъ сто копъ грошей и сидитъ въ крѣпости годъ и шесть недѣль, и д. д. Если мѣщанинъ, находящійся въ должности бурмистра, ранитъ шляхтича, то платитъ ему какъ выше показано; если же ранитъ простой мѣщанинъ, то теряетъ руку. Если простой холопъ ранитъ шляхтича, то теряетъ руку, если же лишитъ шляхтича руки или ноги, или изувѣчитъ на какомъ-нибудь членѣ, то лишается жизни. Если сынъ или дочь умертвитъ отца или мать, то преступника возятъ по рынку, рвутъ тѣло его клещами, потомъ, завязавши въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, пѣтухомъ, ужами и кошкою, топятъ; той же казни подвергаются и помощники его; если же отецъ или мать умертвятъ сына или дочь, то должны годъ и шесть недѣль сидѣть въ крѣпости, а потомъ четыре раза въ годъ при главной церкви произносить публичное покаяніе. Кто умертвитъ сестру или брата, лишается жизни, а имѣніе, которое слѣдовало ему и дѣтямъ его, идетъ къ другимъ наслѣдникамъ; кто убьетъ шурина, лишается самъ жизни, а жена его, сестра убитаго, наслѣдуетъ послѣ брата, равно какъ и дѣти ея. Слуга, убившій господина, казнится жестокою смертною казнію; если только обнажитъ оружіе, то теряетъ руку. — Въ отдѣлѣ двѣнадцатомъ, о головщинахъ и вознагражденіяхъ за раны простымъ людямъ, между прочимъ, помѣщено постановленіе, запрещающее Жидамъ и женамъ ихъ ходить въ золотѣ и серебрѣ: желтый цвѣтъ на головномъ уборѣ долженъ былъ отличать Жида отъ

христіанина. Жидъ, Татаринъ и всякій бусурманинъ не могли получать никакой должности, не могли имѣть рабовъ христіанъ, но могли имѣть закупней, и если было бы доказано, что кто-нибудь изъ нихъ уговаривалъ закупня перейдти въ свою вѣру, такой безъ милосердія сожигается огнемъ. Христіанки не могутъ быть мамками у дѣтей жидовскихъ и бусурманскихъ, а если бы ихъ кто къ тому принуждалъ, такой лишается жизни. — Въ четырнадцатомъ отдѣлѣ о преступленіяхъ говорится: воръ, приведенный съ поличнымъ, которое стоитъ больше полтины грошей, казнится смертію; если поличное стоитъ не больше полтины грошей, то вора бить палками у столпа, поличное возвратить тому, у кого украдено, и вознагражденіе ему заплатить изъ имущества вора; если же у вора имѣнья нѣтъ, то отрѣзать ему ухо. Если поймаютъ вора въ другой разъ съ поличнымъ, пусть оно и десяти грошей не стоитъ, во всякомъ случаѣ предавать его смерти [42].

Что касается до народнаго права, то мы видѣли, что великій князь Василій высказалъ такое правило относительно пословъ отъ Европейскихъ христіанскихъ государей: «Въ обычаѣ межь великихъ государей, послы ѣздятъ и дѣла межь ихъ дѣлаютъ по сговору на обѣ стороны, а силы надъ ними никоторой не живетъ». Но сынъ его, Иванъ, по характеру своему, часто не могъ удерживаться отъ насильственныхъ поступковъ ни въ какихъ случаяхъ, и потому онъ позволялъ себѣ задерживать пословъ, если рѣчи ихъ ему не нравились: такъ задержаны были послы Шведскій и Литовскій. Съ Іоанна же IV-го пословъ въ Москвѣ начали содержать гораздо строже, чѣмъ прежде, и строгость эта удержалась впослѣдствіи: причиною этому было открытіе сношеній князя Семена Ростовскаго съ Литовскимъ посломъ Довойною во вредъ государству. Когда послѣ этого пріѣхалъ новый Литовскій посолъ, князь Збаражскій, то его велѣно было держать въ совершенномъ оцѣпленіи; приставы получили наказъ: беречь накрѣпко, чтобъ дѣти боярскіе и боярскіе люди и торговые люди мимо посольскаго двора не ходили и на дворъ не входили и не говорили бъ съ посольскими людьми. Лошадей

поить на посольскомъ же дворѣ, а на рѣку поить не отпускать; если же станутъ говорить, что прежде лошадей паивали на рѣкѣ, а въ колодцахъ вода дурна, лошади не пьютъ, то приставамъ отвѣчать: колодцы хорошіе, лучше рѣчной воды, прежде паивали на рѣкѣ, да у водопоя люди посольскіе съ здѣшними людьми всегда дерутся и лошадей теряютъ; если же посольскіе люди никакъ не захотятъ поить лошадей на дворѣ, то посылать ихъ къ рѣкѣ съ приставами, къ особому прорубю, и беречь, чтобъ никто съ ними не говорилъ.

Кромѣ задержки, послы испытывали и другіе знаки царской немилости, если переговоры съ ними не вели къ желанному концу: такъ, когда Литовскіе послы, Кишка съ товарищами, не соглашались на царскія требованія и просили отпуска, то царь приговорилъ съ боярами: если отъ пословъ дѣла не явится, то отпустить ихъ, и на отпускѣ приказать съ ними поклонъ къ королю, а руки имъ не давать, потому что въ отвѣтѣ слово положено на пословъ гнѣвное. Когда пріѣхалъ Шведскій посолъ отъ Густава Вазы, послѣ войны, то царь не звалъ его къ рукѣ и обѣдать, потому что пріѣхалъ впервые послѣ войны, и неизвѣстно еще было, какова рода грамоты привезъ онъ.

Въ пріемѣ Крымскихъ пословъ наблюдались особенные обычаи: посолъ, благодаря за государево жалованье, становился на колѣна и снималъ колпакъ; послѣ цѣлованія руки, послу и его свитѣ подавали медъ, потомъ раздавали имъ подарки. Въ малолѣтство Іоанна встрѣчаемъ извѣстіе о береженіи руки государевой во время представленія пословъ: «Да звалъ (великій князь) его (посла) къ рукѣ, а берегли его руки князь Василій Васильевичъ Шуйскій, да князь Иванъ Овчина». Касательно поминковъ, которые получали послы, любопытно извѣстіе о посольствѣ князя Ромодановскаго въ Данію: послы дали королю отъ себя поминки, король отдарилъ ихъ; но послы объявили королевской радѣ, что дары королевскіе и въ половину не стоятъ ихъ поминковъ, что царь не такъ жаловалъ Датскихъ пословъ. Вельможи отвѣчали, что доложатъ объ этомъ королю,

и при этомъ прибавили, что король пожаловалъ пословъ своимъ жалованьемъ не въ торговлю: чтб у него случилось, тѣмъ и пожаловалъ. Послы отвѣчали: мы привезли королю поминки великіе, дѣлаючи ему честь великую, чтобъ со сторонъ пригоже было видѣть, а не въ торговлю, мы въ королевскомъ жалованьѣ корысти не хотимъ. Король прислалъ часть ихъ поминковъ назадъ, при чемъ имъ сказано: «Вы говорили о своихъ поминкахъ какъ-будто торговать хотѣли; но государь нашъ торговать не хочетъ, чтб ему полюбилось, то взялъ, а чтб ему не любо, то вамъ отослалъ». Въ Москвѣ былъ обычай оказывать иностраннымъ посламъ вниманіе, посылая къ нимъ въ подарокъ часть добычи съ царской охоты; по этому поводу въ посольскихъ книгахъ записанъ любопытный случай: Пріѣзжалъ отъ государя къ Литовскимъ посламъ псовникъ съ государскимъ жалованьемъ отъ государской потѣхи, съ зайцами; послы потчивали псовника виномъ, но не подарили ничѣмъ; приставы сочли своею обязанностію послать спросить пословъ, зачѣмъ они за государское жалованье псовника не подарили? тогда послы отправили псовнику отъ себя 4 золотыхъ, да отъ дворянъ своихъ два золотыхъ, при чемъ посланный съ деньгами сказалъ псовнику: «Послы тебя жалуютъ, а дворяне челомъ бьютъ». Псовникъ взялъ два золотыхъ отъ дворянъ, но посольскихъ четырехъ не взялъ: онъ обидѣлся выраженіемъ: жалуютъ. Въ 1537 году великій князь велѣлъ отослать назадъ всѣ поминки, поднесенные ему Литовскимъ посломъ, Яномъ Глѣбовичемъ съ товарищами, и вмѣстѣ послалъ къ нимъ свое жалованье. Послы поминки и государево жалованье взяли, но сказали приставу: «Мы пріѣхали къ великому государю для добраго дѣла, и поминки привезли, какъ пригоже его господарству; мы думали, что этимъ честь оказали и ему и своему господарю, а государь насъ оскорбилъ, что нашихъ поминковъ у насъ не взялъ; а намъ на чтб его жалованье? такъ ты жалованье это возьми и отвези: мы пріѣхали не для корысти, а для дѣла». Приставъ сказалъ объ этомъ великому князю, который велѣлъ ему сказать посламъ какъ-будто бъ

отъ казначея: «Чего не бывало прежде, и намъ о томъ государю сказать нельзя; прежде бывали у государя ихъ дяди и братья, и чтó государю полюбится изъ ихъ поминковъ, то онъ возметъ, а чтó не полюбится, то велитъ отдать, и сверхъ того жалуетъ своимъ жалованьемъ; сдѣлается ли дѣло, не сдѣлается ли, все равно, государь жалуетъ: таковъ государскій чинъ. Теперь государь пожаловалъ ихъ, и, по нашему, они непригоже говорятъ, что взять жалованье назадъ». Въ 1555 году Московскій посолъ бояринъ Юрьевъ съ товарищами поднесли королю Сигизмунду Августу подарки, которые король велѣлъ отослать имъ всѣ назадъ: принесли они кубки, кречетовъ и бубны, но кречеты били хворые и краснаго между ними ни одного не было.

Любопытно также извѣстіе о поведеніи Литовскихъ пословъ, Яна Кротошевскаго съ товарищами, въ Москвѣ и по дорогѣ: задирка отъ ихъ людей была не въ одномъ мѣстѣ: въ Вязьмѣ дѣтей боярскихъ слуги ихъ били; въ Москвѣ, на ветрѣчѣ, то же самое: ѣдучи посадомъ въ трубы трубили, приставовъ безчестили, въ одного камнями бросали и носъ ему перешибли; дьяка ругали; сыну боярскому давали пить зелья, а тотъ и умеръ съ ихъ зелья; у лошади хвостъ отсѣкли; ѣхалъ отъ Благовѣщенія, послѣ обѣдни, царскій духовникъ, Евстаѳій протопопъ, и люди королевскіе его безчестили, ругали и били, а послы сыску и обороны ни въ чемъ не учинили. Царь, узнавши объ этомъ, велѣлъ сказать посламъ: «Съ посольствомъ они сюда пріѣхали, или по своей волѣ ходить, какъ имъ надобно?» Съ того человѣка, который обезчестилъ протопопа, царь велѣлъ снять шапку, съ лошади его весь нарядъ конскій оборвать; встрѣчать пословъ государь не велѣлъ, потому что имъ на государскихъ очахъ нельзя быть за ихъ безчинство. Послы оправдывались, что въ Вязьмѣ сами Москвичи били ихъ людей; въ трубы трубили по Польскому обычаю, и приставы объ этомъ ничего не говорили, чтобъ не трубить; на другія безчинства имъ не жаловались; кто лошади хвостъ отсѣкъ, сыскать нельзя; больному давали не лихое зелье, а лѣкарство,

а умеръ онъ судомъ Божіимъ; протопопа купецъ королевскій позади себя ненарочно ударилъ палкой. Но потомъ, когда самъ царь повторилъ посламъ тѣ же жалобы, и сказалъ, что протопопа, снявши съ лошади, били, то послы ничего не сказали въ оправданіе. Потомъ послы съ своей стороны подали листъ, гдѣ перечислялись ихъ убытки: все крали у нихъ по дорогѣ. Послы жаловались также, что въ Москвѣ взяли товары у Литовскихъ купцовъ и назадъ не отдали; бояре отвѣчали: мы обо всѣхъ этихъ статьяхъ справлялись, и казначей съ дьякомъ намъ сказали, что лошади и товары побраны въ пенѣ царской у Армянъ и Грековъ; а въ прежнихъ обычаяхъ того не бывало, чтобъ съ Литовскими послами Армяне и Греки приходили, да и то намъ извѣстно, что въ государствѣ государя вашего Армяне и Греки не живутъ, а теперь новость завелась, что съ Литовскими послами приходятъ разныхъ земель люди; съ вами были люди султана Турецкаго, а подъ именемъ вашего государя, и были они съ вами для лазутчества, искали надъ землею нашего государя лихаго дѣла: такъ еще царскаго величества милость, что ихъ самихъ не казнили. — Въ наказѣ Московскимъ посламъ, отправлявшимся для подтвержденія договора въ Литву, говорится: Если станутъ говорить, что королевскимъ посламъ было въ Москвѣ безчестье, то отвѣчать: это дѣлалось потому, что государь вашъ прислалъ къ государю нашему пословъ Польскихъ и Литовскихъ вмѣстѣ; а Ляхи на Москвѣ вѣдомы и прежде; они пріѣхали гордымъ обычаемъ на рубежъ.

Люди, отправлявшіеся съ Русскими послами, иногда не понимали главной своей обязанности — быть молчаливыми; такъ царь писалъ Наумову, бывшему посломъ въ Крыму: «Ты своихъ ребятъ отпустилъ въ Москву, а они, дорогою ѣдучи, всѣ вѣсти разсказали; знаешь самъ, что такія дѣла надобно держать въ тайнѣ; ты это сдѣлалъ не гораздо, что людей своихъ отпустилъ, а они всѣ вѣсти разгласили. Такъ ты бы впередъ къ намъ вѣсти писалъ, а людей своихъ въ то время не отпускалъ, чтобъ такія тайныя вѣсти до насъ доходили, а въ людяхъ бы молва не была безъ нашего вѣдома». Дьякъ, от-

…вшійся съ посломъ, долженъ былъ цѣловать крестъ, что … дѣлать дѣла по государскому наказу, безъ хитрости, …несетъ рѣчей никому до самой смерти и отъ государя …тъ ничего [43].

…описаніи осады Пскова, въ источникахъ встрѣчаемъ …іе о коварствѣ, которое употребилъ Замойскій, чтобъ … жизни князя Шуйскаго. Къ послѣднему явился изъ …аго стана Русскій плѣнникъ, съ большимъ ящикомъ и …мъ отъ Нѣмца Моллера, который прежде былъ въ цар…лужбѣ. Моллеръ писалъ, что хочетъ передаться къ Рус… и напередъ посылаетъ свою казну, просилъ Шуйскаго …ть ящикъ, взять оттуда золото и беречь его. Но Шуй… ящикъ показался подозрителенъ: онъ велѣлъ открыть …режно искусному мастеру, который нашелъ въ немъ …нныя пищали, осыпанныя порохомъ. Баторіевъ исто… Гейденштейнъ, говоритъ, что Замойскій позволилъ себѣ … поступокъ изъ мести Русскимъ, которые напали на зна…аго впослѣдствіи Жолкѣвскаго во время перемирія, за…ннаго для погребенія убитыхъ.

…о касается до плѣнныхъ, то мы видѣли, что въ сношеніяхъ …вскаго двора съ Литовскимъ каждое изъ двухъ государ… обыкновенно требовало возвращенія свободы плѣннымъ съ …ъ сторонъ, когда считало это для себя выгоднымъ, т. е. … имѣло плѣнныхъ меньше, чѣмъ другое государство, и …й разъ послѣднее не соглашалось на это освобожденіе, и … оканчивалось размѣномъ и выкупомъ, или, если не соглаша…ъ цѣнѣ выкупа, то плѣнные оставались умирать въ нѣ…; иногда плѣнные отпускались въ отечество съ тѣмъ, чтобъ …али окупъ за себя и за товарищей: Смоленскій намѣстникъ …лъ въ 1580 году Оршанскому старостѣ, что вышелъ изъ …ы на окупъ, *на вѣру государя великаго князя*, сынъ бояр… Сатинъ, а товарищъ его, Одоевцовъ, остался въ плѣну у …нскаго воеводы; теперь Сатинъ пріѣхалъ въ Смоленскъ съ …мъ, привезъ за себя и за Одоевцова 250 рублей денегъ, … куницъ, лисицу черную и два бобра черныхъ. Въ походахъ

на Литовскія области иногда отпускали плѣнныхъ на
вслѣдствіе религіозныхъ побужденій; такъ подъ 1535
лѣтописецъ говоритъ: посылалъ князь великій воеводъ
на Литовскую землю, они многихъ побрали въ плѣнъ,
гимъ по своей вѣрѣ православной милость показали
стили; также церкви Божіи велѣли честно держать всему
воинству и не вредитъ ничѣмъ, ничего не выносить изъ
Мы видѣли, что при заключеніи мира съ Швеціею Мос
правительство выговорило, чтобъ Шведы своихъ плѣнныхъ
пили, а Русскихъ отпустили безъ вознагражденія. Чтó ка
до участи Татарскихъ плѣнниковъ въ описываемое врем
въ малолѣтство Іоанна IV, такъ и при его совершеннолѣ
мы находимъ въ лѣтописяхъ страшныя извѣстія: подъ 15
домъ говорится: «Посадили Татаръ царя Шигъ-Алея, въ П
73 человѣка въ тюрьму на смерть, въ томъ числѣ семер
лыхъ дѣтей, а въ Новгородѣ 84 человѣка; впродо
сутокъ они перемерли, только восемь человѣкъ остались
въ тюрьмѣ не поены, не кормлены много дней; этихъ по
а женщинъ посадили въ другую тюрьму, полегче; въ сл
щемъ году архіепископъ Макарій выпросилъ этихъ жен
на свое бремя и роздалъ ихъ священникамъ съ приказа
крестить ихъ въ христіанскую вѣру; священники начали
вать ихъ замужъ, и онѣ были очень усердны къ вѣрѣ хри
ской. Подъ 1555 годомъ читаемъ: давали дьяки по монасты
Татаръ, которые сидѣли въ тюрьмахъ и захотѣли крести
а которые не захотѣли креститься, тѣхъ метали въ воду.
1581 году, во время войны съ Швеціею, царь велѣлъ ка
Шведовъ, которые будутъ приведены въ языкахъ.
волилъ Литовскимъ плѣннымъ, взятымъ въ Полоцкѣ,
съ Литовскими послами, но съ условіемъ, чтобъ они пр
свиданіи говорили по-русски, а не по-польски. Чтó же
сается до плѣнниковъ мало значительныхъ, то ихъ дари
продавали; мы видѣли, что въ 1556 году царь запретилъ
давать Шведскихъ плѣнниковъ въ Ливонію и Литву, позво
продавать ихъ только въ Московскіе города. Однажды царь п

[ла]ъ хану въ подарокъ краснаго кречета да двухъ плѣнныхъ [Лит]овцевъ, королевскихъ дворянъ. Изъ сношеній съ Крымомъ [ви]димъ, что ханскіе гонцы и купцы, пріѣзжая въ Москву, [по]купали Литовскихъ и Нѣмецкихъ плѣнниковъ, человѣкъ по [дв]надцати и двадцати; эти плѣнники, по ихъ неосторожности, [бѣ]гали отъ нихъ дорогою, а потомъ они докучали объ этомъ [гос]ударю и приказнымъ людямъ били челомъ, чтобъ бѣглецовъ [от]искивали. Однажды царь писалъ хану: « Твои гонцы покупали [в] Москвѣ полонъ Литовскій и Нѣмецкій; мы велѣли дать имъ [на]шу грамоту въ Путивль къ намѣстнику о пропускѣ этихъ [плѣ]нныхъ; но намѣстникъ задержалъ изъ нихъ 17 человѣкъ [плѣ]нныхъ Литовцевъ и Нѣмцевъ, да женщину, которая сказы[ва]ется Русскою, потому что въ пропускной грамотѣ эти 150 [чел]овѣкъ не написаны. Гонцы твои сдѣлали нехорошо, что [куп]или полонъ лишній, грамоты нашей пропускной не взявши». [Ног]аи также покупали плѣнныхъ въ Москвѣ; царь писалъ къ [кн]язю Измаилу: « Твоему человѣку дали мы 50 рублей покупать [что] тебѣ нужно, и полонъ Нѣмецкій покупать позволили ему, [ск]олько тебѣ надобно».

Но если Татары накупали много плѣнныхъ Литовцевъ или [Нѣм]цевъ въ Москвѣ, то, съ другой стороны, во время [н]ападеній своихъ на области Московскія, они выводили много [Р]усскихъ плѣнныхъ. О состояніи этихъ несчастныхъ въ Крыму [д]о насъ дошло современное извѣстіе Литовца Михалона: «Корабли, приходящіе къ Крымскимъ Татарамъ часто изъ-за [м]оря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а [у]ходятъ отъ нихъ нагруженные рабами. И всѣ ихъ рынки [н]аполнены только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ [р]уками и для продажи, и для залога, и для подарковъ, и всякій [из]ъ нихъ, по крайней мѣрѣ имѣющій коня, даже если на са[м]омъ дѣлѣ нѣтъ у него раба, но, предполагая, что можетъ [д]остать ихъ извѣстное количество, обѣщаетъ по контракту [к]редиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, [о]ружіе и живыхъ коней, живыми же, но не конями, а людьми, [и] притомъ нашей крови. И эти обѣщанія исполняются въ

точности, какъ-будто бы наши люди были у нихъ въ задворьяхъ. Поэтому одинъ Еврей, мѣняла, видя безпре безчисленное множество привозимыхъ въ Тавриду плѣ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди шихъ сторонахъ, или нѣтъ, и откуда такое ихъ мно Такъ всегда имѣютъ они въ запасѣ рабовъ не только для ви съ другими народами, но и для потѣхи своей дома удовлетворенія своимъ наклонностямъ къ жестокости. Тѣ, рые посильнѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто, если не д ся кастратами, то клеймятся на лбу и на щекахъ и, с ные или скованные, мучатся днемъ на роботѣ, ночью в ницахъ, и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количе пищи, состоящей въ мясѣ дохлыхъ животныхъ, покр червями, отвратительномъ даже для собакъ. Женщины, ко понѣжнѣе, держатся иначе; нѣкоторыя должны увеселя пирахъ, если умѣютъ пѣть или играть. Красивыя жен принадлежащія къ болѣе благородной крови нашего пле отводятся къ хану. Когда рабовъ выводятъ на прода ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, цѣлыми десятками, при ныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими дес съ аукціона, при чемъ аукціонеръ кричитъ громко, что рабы самые новые, простые, не хитрые, только что привез изъ народа королевскаго, а не Московскаго; Московское же п считается у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманч Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніе покупается дорого иностранными купцами для продажи по еще большей отдаленнымъ народамъ».

По извѣстію того же Михалона, христіанскіе плѣнники, у мые изъ Тавриды въ далекія страны, всего болѣе горев томъ, что будутъ удалены отъ храмовъ Божіихъ. Отсюда вык плѣнныхъ христіанъ изъ рукъ Татарскихъ сдѣлался необход священною, религіозною обязанностію, и изъ дѣла част милосердія обращался въ дѣло государственное, ибо правит ство имѣло средства удовлетворительнѣе распоряжаться выкуп Подъ 1535 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что великій кн

...нъ Васильевичъ и мать его Елена прислали къ Новгород...у владыкѣ такую грамоту: « Приходили въ прежніе годы ...ры на государеву украйну, и, по нашимъ грѣхамъ, взяли ...плѣнъ дѣтей боярскихъ, мужей, женъ и дѣвицъ; Господь ...ъ не презрѣлъ своего созданія, не допустилъ православныхъ ...ъ между иноплеменниками, и умягчилъ сердца послѣднихъ: ... возвратили плѣнныхъ, но просятъ у государя серебра. ...ъ великій велѣлъ своимъ боярамъ давать серебро, приказы...ъ и богомольцу своему, владыкѣ Макарію, собрать со всѣхъ ...астырей своей архіепископіи, по обежному счету, семьсотъ ...лей». Макарій велѣлъ собрать эти деньги какъ можно скорѣе, ...нувъ слово Господне: « аще злато предадимъ, въ того мѣ... обрящемъ другое, а за душу человѣческую нѣсть что ...ны дати». Мы видѣли, какое распоряженіе относительно ...упа плѣнныхъ было сдѣлано на соборѣ 1551 года. Выкупъ ...нныхъ сдѣлался очень выгоднымъ промысломъ для Крым...ихъ гонцовъ; Московскіе послы жаловались въ Крыму: ...нцы Крымскіе ѣздятъ не для государскаго дѣла, *гонечество* ...упаютъ у князей и у мурзъ и ѣздятъ для своихъ долговъ: ...упаютъ плѣнныхъ въ Крыму дешево, а берутъ на нихъ ...балы не по государеву уложенью, во многихъ деньгахъ, не ... ихнему отечеству». Въ наказѣ, данномъ отправлявшемуся ... Крымъ посломъ князю Мосальскому, говорится: « Если Крым...іе князья и гонцы, пріѣзжавшіе въ Москву, станутъ говорить, ...о приводили они съ собою выкупленныхъ плѣнниковъ, а на ...сквѣ деньги за нихъ давали не сполна, то отвѣчать, что они ...купали дѣтей боярскихъ молодыхъ не по ихъ отечеству, ...купали также козаковъ и боярскихъ людей; которые дѣти ...ярскіе взяты въ бояхъ, за тѣхъ государь давалъ окупъ, кто ...его стоитъ. Это дѣло торговое: въ чемъ есть прибытокъ, тѣмъ ... торгуютъ; а государю нашему не по цѣнѣ, чего кто не ...оитъ, впередъ не платить; казначей и дьяки государевы гонцамъ ...ншимъ не разъ говаривали, чтобы они покупали по цѣнѣ, кто ...чего стоитъ, а лишней безмѣрной цѣны не писали. Теперь, ...кія кабалы у гонцовъ были, государь нашъ много денегъ

дать велѣлъ, чего кто и не стòитъ, потому что ханъ и калга объ этомъ писали, а впередъ пусть плѣнныхъ выкупаютъ кто чего стòитъ». Самъ царь писалъ хану: «Впередъ если твои гонцы захотятъ выкупать плѣнныхъ, то пусть выкупаютъ, развѣдывая, кто чего стòитъ, и разспрашивая нашихъ пословъ; а если ваши послы и гонцы впередъ приведутъ выкупленныхъ плѣнниковъ, а нашего посла поруки и кабалы по нихъ не будетъ, то мы будемъ такихъ плѣнныхъ отдавать назадъ; а котораго плѣнника нашъ посолъ выкупитъ, давши на себя кабалу, за того платежъ будетъ безъ убавки»[44].

Чтò касается до состоянія нравовъ и обычаевъ въ Московскомъ государствѣ, то нельзя думать, чтобъ царствованіе Грознаго могло дѣйствовать на смягченіе нравовъ, на введеніе лучшихъ обычаевъ. Явленіе Грознаго, условливаясь, между прочимъ, состояніемъ современныхъ нравовъ, въ свою очередь вредно дѣйствовало на послѣдніе, пріучая къ жестокостямъ и насиліямъ, къ презрѣнію жизни и благосостоянія ближняго. Церковь вооружалась противъ скомороховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ за ихъ безнравственное поведеніе, монастыри предписывали выбивать ихъ изъ своихъ владѣній; но Іоаннъ показывалъ примѣръ пристрастія къ грубымъ забавамъ, доставляемымъ медвѣдями и скоморохами; Іоаннъ любилъ травить людей медвѣдями: слуги подражали господину. Вотъ чтò разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1572 годомъ: на Софійской сторонѣ, въ земщинѣ, Суббота Осетръ билъ до крови дьяка Данила Бартенева и медвѣдемъ его дралъ, и въ избѣ дьякъ былъ съ медвѣдемъ; подъячіе изъ избы сверху метались вонъ изъ оконъ; на дьякѣ медвѣдь платье изодралъ, и въ одномъ кафтанѣ понесли его на подворье. Въ это время въ Новгородѣ и по всѣмъ городамъ и волостямъ на государя брали веселыхъ людей и медвѣдей отсылали на государя; Суббота поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ съ скоморохами, и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ въ Москву. Для опричниковъ, какъ видно, не было ничего святаго: такъ во время государева разгрому въ Новгородской волости они разломали гробъ чудотворца Саввы

Каширскаго. Въ посланіяхъ пастырей церкви встрѣчаемъ указаніе на распространеніе гнуснаго противоестественнаго порока; не повторяемъ того, что говорятъ иностранцы. Кромѣ того, государство было еще слабо, не имѣло достаточныхъ средствъ блюсти за общественнымъ порядкомъ: отсюда противообщественнымъ стремленіямъ, стремленію жить на счетъ ближняго было по прежнему много простора. Юное общество обнаруживало свою жизненность, свою силу тѣмъ, что не смотрѣло на это равнодушно, не хотѣло терпѣть подобныхъ явленій и изыскивало всѣ возможныя средства для устроенія лучшаго порядка: историкъ не можетъ не признать этого; но вмѣстѣ онъ долженъ признать, что благія усилія общества для водворенія наряда встрѣчали могущественныя препятствія.

Общество было еще въ такомъ состояніи, что допускало возможность наѣздовъ, какъ напримѣръ въ 1579 году государевъ Дуниловскій прикащикъ съ своими людьми и государевыми крестьянами наѣзжалъ на монастырское село Хрепелево. Изъ губныхъ грамотъ можно ясно видѣть, до какой степени доходило разбойничество въ описываемое время: «Били вы намъ челомъ, что у васъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣнья ваша грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники разбойную рухлядь привозятъ». Любопытенъ въ этомъ отношеніи наказъ князя Ѳедора Оболенскаго, присланный изъ Литовскаго плѣна сыну его, князю Дмитрію: «Жилъ бы ты по отца своего наукѣ, смуты не затѣвалъ (не чмутилъ), людямъ отца своего и своимъ красть, разбивать и всякое лихо чинить не велѣлъ, отъ всякаго лиха унималъ бы ихъ, велѣлъ бы своимъ людямъ по деревнямъ хлѣбъ пахать и тѣмъ сытымъ быть. А если людей отцовскихъ и своихъ отъ лиха удержать не сможешь, то бей челомъ боярину князю Ивану Ѳедоровичу Оболенскому (Телепневу), чтобъ велѣлъ ихъ удержать, чтобъ отъ государя великаго князя въ отцовскихъ людяхъ и въ твоихъ тебѣ срамоты

не было». Дурно было то, что убійства совершались и [...] людьми, не принадлежащими къ разбойничьимъ шайкамъ. [...] 1568 году Вологжанинъ Коваль жаловался на Бутурли[...] человѣка, Мамина: «поколол у меня Маминъ сынишку [...] Тренку, на площади, у судебни; а вины сынишка мой [...] собою не знаетъ никакой, за что его полололь; а т[...] сынишка мой лежитъ въ концѣ живота». Доказательст[...] какъ слабо вкоренены были государственныя понятія, ка[...] этомъ отношеніи общество не далеко еще ушло отъ вр[...] Русской Правды, служатъ мировыя по уголовнымъ дѣламъ. [...] мировой записи 1569 года говорится: «Я, Михайла Леонт[...] слуга Новинскаго митрополичья монастыря, билъ челомъ [...] сударю, вмѣсто игумена и братьи, на крестьянъ Кир[...] монастыря, которые убили слугу Новинскаго монастыря. [...] не ходя на судъ передъ губныхъ старостъ, по госуд[...] грамотѣ, передъ княземъ Гнѣздиловскимъ съ товарищи, [...] мирились съ слугою Кириллова монастыря, Истомою В[...] евымъ, который помирился съ нами вмѣсто тѣхъ душегуб[...] я взялъ у Истомы долгъ убитаго и за монастырскіе у[...] что отъ грамотъ давалось, за проѣсть, за волокиту, с[...] рублей денегъ казенныхъ; и впередъ мнѣ и другимъ мона[...] скимъ слугамъ на душегубцахъ этого дѣла не отыскивать, [...] противномъ случаѣ на игуменѣ Новинскомъ и строителѣ [...] сто рублей въ Кирилловъ монастырь». Дошла до насъ и др[...] мировая съ убійцами, заключенная родственниками у[...] «Я Михайла Кондратьевъ, я Данила Лукьяновъ, я С[...] Скомороховъ, дали на себя запись Ульянѣ Скорняко[...] Василью Скорнякову въ томъ, что, по грѣхамъ, учи[...] убійство Ульянина мужа, а Васильева зятя, Григорья Ива[...] площаднаго писчика убили: и за убитую голову голов[...] платить намъ, а Ульянѣ да Василью въ той головщинѣ у[...] не довести никакова». Конечно мировыя съ вѣдомыми ра[...] никами, совершавшими убійства для грабежа, не допуска[...] но любопытно это послабленіе противообщественнымъ [...] вычкамъ, этой скорости на убійство въ гнѣвѣ, въ ссорѣ:

грѣхамъ учинилось убійство, убійца заплатитъ головщину родственникамъ убитаго и спокоенъ. Любопытны эти выраженія въ приведенныхъ грамотахъ: покололъ моего сынишку, а сынишка мой вины на себѣ не знаетъ никакой, какъ будто еслибы была вина, то убійца имѣлъ какое-нибудь оправданіе; а въ другой грамотѣ заключается мировая съ людьми, которые называются настоящимъ своимъ именемъ — душегубцами. Какъ эти мировыя объясняютъ намъ поведеніе Шуйскихъ и самого Іоанна, объясняютъ эту скорость на дѣла насилія въ гнѣвѣ, этотъ недостатокъ благоговѣнія предъ жизнію ближняго: Іоаннъ, по грѣхамъ, и сына покололъ: вѣдь онъ не хотѣлъ этого сдѣлать и послѣ сильно раскаявался. — По прежнему лѣтописцы жалуются на большіе грабежи во время пожаровъ.

Касательно нравовъ описываемаго времени замѣтимъ слѣдующій случай: Тягался Иванъ Васильевичъ Шереметевъ съ князьями Токмаковыми да съ княземъ Ноздроватымъ, и сказалъ передъ государемъ: заложилъ у меня князь Ноздроватый свою отчину; и теперь вѣдомость учинилась, что князья Токмаковы на подворьѣ у себя наряжаютъ съ подписчиками кабалы выкупныя и записи нарядныя, будто у меня ту отчину выкупили; дай мнѣ, государь, пристава, и я у князей Токмаковыхъ на подворьѣ подписчика и письмо подписное выну. Царь далъ пристава, который съ недѣльщиками, понятыми и съ истцомъ, человѣкомъ Шереметева Алексѣемъ, дѣлалъ обыскъ и донесъ слѣдующее: «Пріѣхали мы на дворъ князей Токмаковыхъ и спросили князя Юрія: гдѣ твой братъ, князь Василій? и нѣтъ ли у васъ посторонняго человѣка, подписчика, и нѣтъ ли подписной кабалы? Князь Юрій отвѣчалъ: братъ мой князь Василій въ селѣ, постороннихъ людей подписчиковъ и кабалъ подписныхъ у меня нѣтъ. И мы велѣли истцу, раздѣвшись до нага, искать подписчиковъ и кабалъ; князь Юрій истца самъ обыскивалъ и во рту щупалъ; истецъ пришелъ къ комнатѣ — комната заперта; мы велѣли ее отпереть; истецъ, отворивъ комнату, закричалъ: «Вотъ подписчикъ и письмо подписное!» Мы вошли съ понятыми въ комнату, и вотъ на постели князя Юрія ле-

житъ человѣкъ, говоритъ, что зовутъ его Ваской Ивановымъ, и въ головахъ лежитъ у него письмо, не знаемъ какое, въ ногахъ стоятъ чернила да фляга вина». Тогда царь спросилъ князя Токмакова: «Что у тебя за человѣкъ и что за письмо?» Токмаковъ отвѣчалъ: «Этого мужика и письмо приставъ и недѣльщики мнѣ подкинули, стакавшись съ истцомъ», и сталъ просить съ ними поля; тѣ всѣ согласились на поле. Царь спросилъ Васка Иванова: «Ты что за человѣкъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Я человѣкъ убогій, кормлюсь перомъ; двора у меня въ Москвѣ нѣтъ, хожу по людямъ добрымъ, гдѣ день, гдѣ ночь; на дворъ князя Токмакова пришелъ я обѣдать къ человѣку Андрея Дятлова, да обѣдая, по грѣхамъ, въ комнатѣ уснулъ, тутъ меня и схватили; а князя Юрія Токмакова я и не знаю». — Но оказалось, что Васка воръ, подписчикъ извѣстный, и что онъ дѣйствительно написалъ лживую кабалу для Ноздроватаго.

Правительство сочло своею обязанностію вступиться, умѣрить посягательства на собственность ближняго подъ законными формами. Мы видѣли, что съ 1557 г. впродолженіе пяти лѣтъ должникамъ дана была льгота выплачивать съ раскладкою и безъ роста; понятно, какъ это невыгодно было заимодавцамъ, и вотъ встрѣчаемъ челобитныя такого рода: Билъ челомъ Ляпунъ Некрасовъ сынъ Мякининъ и отъ имени братьевъ своихъ на Ѳедора и Василья Волынскихъ: занялъ онъ съ братьями у Волынскихъ по двумъ кабаламъ, по одной кабалѣ рубль, по другой два, а кабалы писаны на имя ихъ людей; онъ Волынскимъ деньги по кабаламъ платитъ, а они не берутъ, деньги ростятъ силою, хотятъ продержать государево уложенье, урочныя лѣта. Встрѣчаемъ также челобитную, что заимодавцы не берутъ отъ должника денегъ, желая удержать у себя закладъ. Когда закладывалось недвижимое имущество, то заимодавецъ за ростъ пользовался имъ: «за ростъ деревни пахать, всякими угодьями владѣть и крестьянъ вѣдать». Мы видѣли, что ростъ «какъ шло въ людяхъ» былъ 20 на 100.

По прежнему церковь блюла за тѣмъ, чтобъ противообщественныя явленія не усиливались; Новгородскій архіепископъ

осій писалъ царю: «Бога ради, государь, потщися и проли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что въ ней рь дѣлается: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ, покаянія и безъ причастія, въ домахъ, на дорогахъ, на нщахъ, въ городѣ и по погостамъ убійства и грабежи іе, проходу и проѣзду нѣтъ; кромѣ тебя, государя, этого внэго вреда и внѣшняго треволненія уставить некому. у къ тебѣ не потому, чтобъ хотѣлъ учить и наставлять остроуміе и благородную премудрость: ибо нелѣпо намъ вать свою мѣру и дерзать на это; но какъ ученикъ учи, какъ рабъ государю, напоминаю тебѣ и молю тебя безтанно: потому что тебѣ, по подобію небесной власти, Царь небесный скипетръ силы земнаго царствія, да нась людей правду хранить и отженешь бѣсовское на нихъ ніе. Солнце лучами своими освѣщаетъ всю тварь: дѣло кой добродѣтели миловать нищихъ и обиженныхъ; но царь е солнца, ибо солнце заходитъ, а царь свѣтомъ истиннымъ чаетъ тайная неправды. Сколько ты силою выше всѣхъ, ько подобаетъ тебѣ свѣтить дѣлами» и проч.

ъ 1555 году Троицкаго Сергіева монастыря игуменъ, поря съ келаремъ и соборными старцами, по соборному женію государя царя и митрополита, приказали своимъ стьянамъ Присѣцкимъ (поименованы два крестьянина) и всей сти, не велѣли имъ въ волости держать скомороховъ, вовъ, бабъ ворожей, воровъ и разбойниковъ; а станутъ жать, и у котораго соцкаго въ его сотной найдутъ скомо, или волхва, или бабу ворожею, то на этомъ соцкомъ и его сотной, на стѣ человѣкъ, взять пени десять рублей денегъ, омороха или волхва, или бабу ворожею, бивши и ограбив, выбить изъ волости вонъ, а прохожихъ скомороховъ въ воюсть не пускать».

Въ старину не любили воевать въ Великій постъ, не дѣлали приступовъ къ городамъ по воскресеньямъ; въ описываемое время, въ 1559 году, царь далъ память казначеямъ: въ который день служится панихида большая, митрополитъ у государя за

столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ, въ тотъ день смертною и торговою казнію не казнить никого. Предъ началомъ важныхъ предпріятій разсылалась милостыня по монастырямъ съ просьбою о молитвахъ: предъ Казанскимъ походомъ послано было въ Соловецкій монастырь семь рублей съ просьбою: «и вы бъ молили Господа Бога о здравіи и тишинѣ всего православнаго христіанства и о государевѣ согрѣшеніи и здравіи, обѣдни пѣли и молебны служили, чтобъ Господь Богъ государю нашему, его воеводамъ и воинству далъ побѣду, а государя бъ во всѣхъ его грѣхахъ прощали». Въ 1562 году царь писалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь: «Чтобы вы пожаловали, молили Господа Бога о нашемъ согрѣшеніи, что, какъ человѣкъ, согрѣшилъ я: ибо нѣтъ человѣка, который и одинъ часъ могъ бы прожить безъ грѣха. И потому молю преподобіе ваше, да подвигнитесь со тщаніемъ на молитву, да вашихъ ради святыхъ молитвъ презритъ Богъ наши великія беззаконія и подастъ намъ оставленіе грѣховъ, даруетъ намъ разумъ, разсужденіе и мудрость въ управленіи и строеніи Богомъ преданнаго мнѣ стада Христовыхъ словесныхъ овецъ. Враги христіанства и наши, Крымскій царь, древній отступникъ Божій, буій варваръ, всегда готовый пролить кровь христіанскую, и Литовскій король, который имя Божіе и Пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ много хулилъ, святыя иконы попралъ, честному кресту ругался, съ ними издавна прельщенный отъ дьявола Нѣмецкій родъ — распылались на все православіе, пожрать его желая и уповая только на свое бѣсовское волхвованіе», и проч. Въ 1567 году митрополитъ прислалъ въ Кирилловъ монастырь грамоту такого содержанія: «Грѣхъ ради нашихъ, безбожный Крымскій царь Девлетъ-Гирей, со всѣмъ своимъ бесерменствомъ и латынствомъ, и Литовскій король Сигизмундъ Августъ, и поганые Нѣмцы во многія различныя ереси впали, особенно въ Лютерову прелесть, и святыя церкви раззорили, честнымъ инокамъ поругались и впередъ злой совѣтъ совѣщаютъ на нашу благочестивую христіанскую вѣру Греческаго закона. Услыхавъ объ этомъ, боговѣнчанный царь государь очень оскорбился и опеча-

лился за святыя церкви и честныя иконы, и, вземши Бога на помощь, пошелъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на недруговъ» и проч. Въ 1571 году, по случаю войны съ Швеціею, митрополитъ писалъ въ Кирилловъ монастырь, чтобъ монахи не только упражнялись въ молитвахъ объ успѣхѣ царскаго оружія, но также соблюдали бы и постъ; въ Филипповъ постъ, Великій мясоѣдъ и Великій постъ въ пьянство не упивались бы. Богомольныя грамоты по монастырямъ посылались въ случаѣ болѣзни царя. Во время голода, по предписанію митрополита, пѣли молебны и святили воду, архіерей разсылалъ по епархіи увѣщательныя грамоты о нравственномъ исправленіи. По случаю побѣдъ звонили въ колокола цѣлый день до полуночи, пѣли молебны по церквамъ. Былъ обычай въ городахъ ходить около кремля и посада крестнымъ ходомъ, молебны пѣть и воду святить три раза въ годъ: во второе воскресенье послѣ Велика дни, въ первое воскресенье Петрова поста и въ Успенскій постъ; въ Крещенье и первое Августа святили воду на рѣкѣ; а 1-го Сентября, въ новый годъ, *Лѣтопровожанье провожали* передъ церковію. 21-го Іюня 1548 года, царь, по благословенію митрополита, установилъ до скончанія міра общую память благовѣрнымъ князьямъ, боярамъ и христолюбивому воинству, священническому и иноческому чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, отъ иноплеменныхъ въ браняхъ и на всѣхъ побоищахъ избіенныхъ и въ плѣнъ сведенныхъ, голодомъ, жаждою, наготою, морозомъ и всякими нуждами измершихъ, въ пожарахъ убитыхъ, и огнемъ скончавшихся, и въ водахъ истопшихъ.

Однимъ изъ характеристическихъ явленій древняго Русскаго общества были *юродивые*, которые, пользуясь глубокимъ уваженіемъ правительства и народа, пользовались этимъ уваженіемъ для того, чтобъ во имя религіи обличать нравственные безпорядки. Въ описываемое время знамениты были юродивые: въ Псковѣ—Николай, въ Москвѣ — Василій (Блаженный или Нагой), Іоаннъ (Большой Колпакъ).

Изъ обычаевъ нерелигіозныхъ замѣтимъ обычай писать

рядныя грамоты предъ женитьбою и выдачею замужъ. Въ 1542 году княгиня Согорская выдавала дочь свою за князя Хованскаго; эта дочь была вдова, но рядная написана отъ имени одной матери; въ грамотѣ перечисляется приданое, которое дается зятю, а не дочери: оно состоитъ изъ образовъ, земель, изъ головъ служнихъ и дѣловыхъ людей и денегъ, которыя, сказано, даются за платье и разныя женскія украшенія. Женихи давали записи, что они непремѣнно женятся въ назначенное время, въ противномъ случаѣ должны заплатить родственникамъ невѣсты означенную въ рядной сумму денегъ за свадебный подъемъ. Иногда женихъ прибавлялъ въ рядной, что по смерти его все имущество его переходитъ къ женѣ; а если кто изъ роду его станетъ отъ нея требовать этого имущества, то долженъ заплатить ей означенную въ рядной сумму денегъ. Одинъ крестьянинъ, вдовецъ, у котораго было трое сыновей, сосватался на вдовѣ же, у которой былъ сынъ и четыре дочери; въ рядной исчислено имѣніе, приносимое женихомъ и невѣстою, и положено: дочерей выдавать замужъ сообща по силамъ; если женнинъ сынъ (сынъ богоданный) захочетъ отдѣлиться, то опредѣлено, что онъ долженъ получить изъ материнскаго имѣнія; если мужъ умретъ, то трое сыновей его отъ перваго брака получаютъ половину имѣнія. Въ другой подобной рядной женихъ говоритъ, что если богоданный сынъ захочетъ уйдти, то беретъ деньги за проданный дворъ отца своего; если же останется жить съ отчимомъ и будетъ его слушаться, то получитъ также часть изъ имѣнія вотчима. Одинъ крестьянинъ женился на вдовѣ Тихвинскаго посадскаго, и далъ запись Тихвинскому монастырю, что богоданныхъ сыновей своихъ будетъ кормить и поить до возраста; а какъ они придутъ въ возрастъ, то имъ быть крестьянами Тихвинскаго монастыря, подобно дѣду и отцу своему, а въ то время, какъ будутъ жить у вотчима, послѣдній не долженъ отдавать ихъ никуда въ боярскій дворъ въ холопство и въ крестьяне не рядить никуда. По Стоглаву положено было вѣнчать мущинъ не ранѣе 15, а дѣвицъ не ранѣе 12 лѣтъ. Касательно одежды

украшеній встрѣчаемъ названія: кортелъ бѣлій, кортелъ цатый, одинцы жемчужные, серги бечата на серебрѣ съ жчугами, опашень, однорядка большая съ пугвицами хамьными, однорядка аспидная, ферези, тряски, терликъ, кафтаны онные однорядочные и сермяжные, новины, лѣтники, сарасуконные и крашенинные, тѣлогрѣи, торлопъ, вошвы, едцы, птуръ. — Встрѣчаемъ описанія домоваго строенія: ръ, во дворѣ хоромы: горница на подклѣтѣ, горница съ ия комнатами на подклѣтяхъ, двѣ повалуши, сушило на клѣтяхъ, на улицѣ противъ двора погребъ. Или: двѣ избы, ъ на подклѣти, мыльня, два сѣнника на двухъ хлѣвахъ, ай. Иногда встрѣчается: изба съ прирубомъ; горница на ухъ щербетахъ, противъ горницы анбаръ на двухъ подклѣхъ и съ передмостьемъ; или: горница большая на подклѣтѣ, связи у этой горницы сѣни съ подсѣньемъ; горенка на мшахъ. Или: горница столовая бѣлая на подклѣти съ сѣнями, рница съ комнатой на подклѣтѣ, сушило съ перерубомъ, греб, ледникъ. Или: три избы да два пристѣна, дверь рожена заметомъ. При городскихъ дворахъ упоминаются огоды съ деревьями яблоновыми и вышневыми [45].

Что касается до нравовъ и обычаевъ въ западной Россіи, о до насъ дошли объ нихъ любопытныя извѣстія въ не разъ приведенномъ уже сочиненіи Михалона Литвина, хотя авторъ, годуя на роскошь, изнѣженность нравовъ у современниковъ оихъ и противополагая нравамъ послѣднихъ нравы предковъ и сосѣднихъ народовъ, не чуждъ преувеличеній. «Всего чаще» говоритъ онъ: «въ городахъ Литовскихъ встрѣчаются заводы, на которыхъ выдѣлывается изъ жита водка и пиво. Эти напитки жители берутъ съ собою на войну и, сдѣлавъ къ нимъ привычку дома, если случится во время войны пить воду, гибнутъ отъ судорогъ и поноса. Крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку. Отсюда происходитъ то, что, потративъ свое имущество, они доходятъ до голода, обращаются къ воровству и разбою, такъ что въ

каждой Литовской провинціи въ одинъ мѣсяцъ казнятъ смертью за это преступленіе больше людей, чѣмъ во всѣхъ земляхъ Татарскихъ и Московскихъ впродолженіе ста или двухъ-сотъ лѣтъ. Нашихъ губитъ невоздержаніе или ссоры во время попоекъ, а не правительство. День начинается питьемъ водки; еще въ постели кричатъ: вина, вина! и пьютъ этотъ ядъ и мущины и женщины, и юноши на улицахъ, на площадяхъ, а напившись, ничего не могутъ дѣлать, какъ только спать, и кто разъ привыкъ къ этому злу, въ томъ постоянно возрастаетъ страсть къ пьянству». Михалонъ жалуется на судные поборы: «беретъ предсѣдатель суда, беретъ слуга судьи, беретъ нотаріусъ, беретъ протонотаріусъ, беретъ вижъ, который назначаетъ день суду, беретъ дѣтскій, который призываетъ подсудимаго, беретъ чиновникъ, который призываетъ свидѣтелей. Бѣднякъ, желая позвать къ суду вельможу, ни за какія деньги не найдетъ себѣ стряпчаго. Свидѣтелемъ можетъ быть всякій во всякомъ дѣлѣ, кромѣ межевыхъ, и всякому вѣрятъ безъ присяги; отъ этого многіе сдѣлали себѣ промыслъ изъ лжесвидѣтельствъ. Подсудимый, хотя бы онъ былъ явнымъ похитителемъ чужой собственности, не прежде обязанъ явиться въ судъ, какъ по истеченіи мѣсяца послѣ позыва. Если у меня отнимается лошадь, стоющая 50 или 100 грошей, въ самое нужное время полевыхъ работъ, то я не прежде могу позвать въ судъ похитителя, какъ заплативъ за позывъ цѣну похищенной лошади, хотя послѣ не только не получу вознагражденія за убытки, но и виновнаго не прежде, какъ мѣсяцъ спустя, могу притянуть къ суду. Такимъ образомъ, обиженный или все уступаетъ похитителю, или вноситъ столько же. Хотя изъ числа вельможъ обязанность судей исполняютъ во всей Литвѣ двое воеводъ, не слишкомъ отдаленные одинъ отъ другаго, но какъ могутъ они разсмотрѣть всѣ тяжбы такого многочисленнаго народа и такихъ провинцій, особенно когда они же должны заботиться и о государственныхъ дѣлахъ. Поэтому, будучи заняты множествомъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ, они разсматриваютъ тяжбы только по праздничнымъ днямъ, когда

бываютъ свободнѣе отъ дѣлъ. И то дурно, что нѣтъ опредѣленныхъ мѣстъ для ихъ засѣданій. Часто приходится обиженному искать правосудія болѣе чѣмъ за 50 миль. Есть у насъ 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы и проводимъ въ тяжбахъ. Упомянутые воеводы имѣютъ своихъ намѣстниковъ, которые, питая свое тѣло, сидятъ обыкновенно въ судѣ при шумѣ гостей, мало знакомые съ законами, но исправно взимающіе свой пересудъ.

«Въ страну нашу собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — Іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другаго искусства, кромѣ обмана и клеветы.

«Мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихъ въ сѣти чрезъ бракъ съ рабынями; мы во зло употребляемъ нашу власть надъ ними, мучимъ ихъ, уродуемъ, убиваемъ безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. Напротивъ того, у Татаръ и Москвитянъ ни одинъ чиновникъ не можетъ убить человѣка даже при очевидномъ преступленіи — это право предоставлено только судьямъ въ столицахъ. А у насъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей. Къ тому же на защиту государства беремъ мы подати съ однихъ только подвластныхъ намъ бѣдныхъ горожанъ и съ бѣднѣйшихъ пахарей, оставляя въ покоѣ владѣльцевъ имѣній, которые получаютъ гораздо болѣе съ своихъ владѣній.

«Ни Татары, ни Москвитяне не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря: кто дастъ свободу женѣ, тотъ у себя ее отнимаетъ. Онѣ у нихъ не имѣютъ власти; а у насъ нѣкоторыя владѣютъ многими мущинами, имѣя села, города, земли, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія по праву наслѣдованія, и по этой страсти къ владычеству живутъ

онѣ подъ видомъ дѣвства или вдовства необузданно, въ тягость подданнымъ, преслѣдуя однихъ ненавистію, губя другихъ слѣпою любовію.

«Враги наши, Татары, смѣются надъ нашей безпечностью, нападая на насъ, погруженныхъ послѣ пировъ въ сонъ: «Иванъ! ты спишь, говорятъ они, а я тружуся, вяжу тебя». Теперь нашихъ воиновъ погибаетъ среди праздности въ корчмахъ, гдѣ они убиваютъ другъ друга, больше, нежели самихъ непріятелей, которые часто опустошаютъ нашу страну, тогда какъ наши могли бы найдти лучше случай показать свое мужество въ бояхъ съ врагомъ трезвымъ и дѣятельнымъ на границахъ Подоліи и Кіева, могли бы тамъ изъ рекрутовъ сдѣлаться храбрыми воинами, и намъ не нужно было бы искать такихъ людей внѣ отечества.

«Смѣются Татары, что у насъ почетные люди мягко покоятся и спятъ на скамьяхъ, когда совершается божественная служба, а людей бѣднаго состоянія не пускаютъ садиться, сами приходятъ въ храмы со многими провожатыми, и ставятъ ихъ передъ собой, чтобъ похвастать ихъ количествомъ. Греческіе монахи воздерживаются отъ женъ; а что священники въ древнія времена женились, это видно изъ многихъ мѣстъ Св. Писанія. Еслибы и наши поступали теперь такъ же, то были бы непорочнѣе, чѣмъ въ этомъ поддѣльномъ монашествѣ, въ которомъ они живутъ какъ изнѣженные сибараты, горятъ всегда страстію и содержатъ наложницъ. Обязанности, возложенныя нами на нихъ, слагаютъ они на своихъ викаріевъ, а сами предаются праздности и удовольствіямъ, пируютъ, одѣваются великолѣпно.»

Жалобы Михалона на роскошь, изнѣженность мущинъ въ западной Россіи, на подчиненіе ихъ женскому вліянію раздѣляетъ, какъ мы видѣли, Московскій отъѣзжикъ, князь Курбскій. Подробности о жизни князя Курбскаго въ западной Россіи также содержатъ въ себѣ любопытныя черты тамошняго быта. Начнемъ съ его семейныхъ отношеній. Курбскій оставилъ въ Московскомъ государствѣ свою семью: мать, жену и

сына ребенка, которые, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ Новому Маргариту, были заключены царемъ въ темницу и тамъ *троскою поморены.* Въ 1571 году Курбскій вступилъ въ бракъ съ Марьею Юрьевною Козинскою, урожденною княжною Голшанскою, вдовою послѣ двоихъ мужей, матерью двоихъ взрослыхъ сыновей отъ перваго брака съ Монтолтомъ. Сначала Курбскій жилъ согласно съ женою, которая записала ему почти всѣ свои имѣнія, и эту запись подтвердила въ духовномъ завѣщаніи. Но скоро отношенія перемѣнились: въ Мартѣ 1576 года было написано завѣщаніе княгини, а въ Августѣ 1577 уже наряжены были возные съ шляхтою, добрыми людьми для слѣдствія по жалобѣ сына княгини Андрея Монтолта, будто бы князь Курбскій избилъ свою жену, измучилъ и посадилъ въ заключеніе, и будто бы отъ этихъ побоевъ и мукъ ея ужь нѣтъ на свѣтѣ. Возные нашли князя Курбскаго больнымъ, въ постели, а княгиню здоровою, сидящею подлѣ мужа. Курбскій сказалъ возному: «Панъ возный! гляди: жена моя сидитъ въ добромъ здоровьѣ, а дѣти ея на меня выдумываютъ»; и, обратясь къ княгинѣ, сказалъ: «говори, княгиня, сама». Та отвѣчала: «Что мнѣ говорить, милостивый князь, самъ возный видитъ, что я сижу». Курбскій прибавилъ: «Давно они мать свою морятъ, а она все жива и меня еще погребетъ». Княгиня замѣтила на это: «Какъ знать? либо ваша милость меня погребешь, потому что и я плохаго здоровья.»

Но въ тотъ же самый день, какъ возный внесъ въ градскія книги описанную сцену, князь Курбскій подалъ жалобу, что недавно жена его взяла изъ кладовой сундукъ, въ которомъ хранились привилегіи и другія важныя бумаги, и передала ихъ сыновьямъ своимъ Монтолтамъ; что одинъ изъ нихъ, Андрей, разъѣзжаетъ близь имѣній Курбскаго, съ слугами и многими помощниками своими, ловя и подстерегая Курбскаго по дорогамъ, дѣлая засады, умышляя на его жизнь. Вслѣдъ затѣмъ Курбскій жаловался, что Андрей Монтолтъ наѣхалъ разбоемъ на его землю Скулинскую, сжегъ сторожку, сторожей побилъ, измучилъ, потопилъ, нѣкоторыхъ связалъ и увелъ съ собою,

бочечныя доски всѣ сжегъ. Курбскій нашелъ въ сундукѣ жены своей мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и другими чарами; горничная княгини, Раинка, показала, что всѣ эти вещи дала княгинѣ какая-то старуха, но что это была не отрава, а только снадобье, приготовленное для возбужденія въ Курбскомъ любви къ женѣ; а теперь, продолжала Раинка, княгиня старается повидаться съ старухою, чтобъ получить такое зелье, которое могла бы она употребить не для любви, а для чего-нибудь другаго. Наконецъ, по приговору пріятелей, Курбскій и жена его положили развестись, при чемъ нѣкоторыя имѣнія княгини должны были остаться за Курбскимъ. 1-го Августа 1578 года подписана была мировая сдѣлка, а 2-го числа бывшая княгиня Курбская подала жалобу на мужа, что онъ обходился съ нею не какъ съ женою, посадилъ безо всякой вины въ заключеніе, билъ палкой, принудилъ къ тому, что она дала ему нѣсколько бланковыхъ листовъ съ своими печатями и собственноручными подписями, и совершалъ акты ко вреду ея; жаловалась, что Курбскій, разведясь съ нею, удержалъ движимое ея имущество, силою удержалъ служанку ея, Раинку, мучилъ ее, посадилъ въ тюрьму и велѣлъ тамъ ее изнасиловать. Курбскій, съ своей стороны, подалъ жалобу, что когда онъ отправилъ бывшую жену свою во Владиміръ со всею учтивостію, въ коляскѣ четвернею, то воевода Минскій, Сопѣга, бывшій при разводѣ посредникомъ со стороны Марьи Юрьевны, велѣлъ слугамъ своимъ перебить кучеру Курбскаго палкою руки и ноги и удержать коляску, бранилъ Курбскаго срамными словами. Въ Декабрѣ Марья Юрьевна помирилась съ Курбскимъ, объявила, что послѣдній далъ ей во всѣхъ ея искахъ законное удовлетвореніе, и что она не будетъ начинать новыхъ исковъ ни противъ него, ни противъ дѣтей его и потомковъ; при этомъ горничная ея, Раинка, объявила также, что всѣ ея прежнія показанія, какъ противъ Курбскаго, такъ и противъ бывшей жены его, ложны, что она дѣлала ихъ по наущенію другихъ въ гнѣвѣ, что никогда не была она ни бита, ни мучена, ни изнасилована. Но когда Курбскій женился на дѣвицѣ Алек-

сандрѣ Семашковнѣ, которою, какъ видно изъ его завѣщанія, былъ очень доволенъ, то старая жена подала опять королю жалобу на незаконное расторженіе брака; тогда Курбскій выставилъ законную для церковнаго суда причину: трое людей показали, что они собственными глазами видѣли, какъ бывшая княгиня Курбская нарушала супружескую вѣрность. Дѣло кончилось опять мировою сдѣлкою.

Кромѣ этихъ неудовольствій, Курбскій долженъ былъ испытать еще много другихъ. Въ 1575 году князь Андрей Вишневецкій, воевода Браславскій, собравшись со множествомъ вооруженныхъ слугъ, бояръ и крестьянъ своихъ, конныхъ и пѣшихъ, съ пищалями и ружьями, наѣхалъ на его земли, захватилъ два стада, побилъ четырехъ пастуховъ; когда Курбскій послалъ къ нему слугъ своихъ и посторонниxъ добрыхъ людей спросить о причинѣ наѣзда, то Вишневецкій вмѣсто отвѣта велѣлъ схватить и убить ихъ. Курбскій поспѣшилъ отомстить ему въ тотъ же самый день: нѣсколько сотъ слугъ его и подданныхъ напали на имѣніе Вишневецкаго, побили крестьянъ, пограбили хлѣбъ. Горожане также не удерживались отъ насильственныхъ поступковъ; любимый слуга Курбскаго, Москвичь Иванъ Келеметъ, подалъ въ 1571 году такую жалобу: «Былъ я во Владимірѣ, чтобъ отвѣчать передъ судомъ по дѣлу господина моего. Когда я выѣзжалъ уже изъ города, то ландвойтъ, ратманы и мѣщане Владимірскіе, приказавъ звонить въ колокола и запереть городскія ворота, собрались со множествомъ мѣщанъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, намѣреваясь лишить меня жизни, безъ всякаго съ моей стороны повода, такъ что я едва успѣлъ уѣхать изъ города. Послѣ того, мѣщане, ратманы и ландвойтъ гнались за мною и, догнавши на полѣ, за милю отъ города, изранили меня самого, бывшихъ со мною слугъ господина моего, моихъ собственныхъ слугъ и коней; рыдванъ мой растрясли, жену мою истерзали, перстни съ рукъ посрывали; а изъ рыдвана взяли сундукъ и шкатулку». Въ 1575 году самъ князь Курбскій подалъ жалобу: «Недавно, когда Татары вторгнулись въ землю

Волынскую, я, по своей шляхетской обязанности, поѣхалъ съ своимъ отрядомъ какъ можно скорѣе противъ непріятеля, а уряднику своему Калиновскому приказалъ съ деньгами ѣхать въ слѣдъ за мною какъ можно скорѣе. Когда онъ проѣзжалъ между Берестечкомъ и Николаевымъ, то мѣщане Берестецкіе Остаховичи со многими помощниками своими, захвативъ на большой дорогѣ Калиновскаго и ѣхавшаго съ нимъ вмѣстѣ боярина моего, Туровицкаго, разбойнически, жестоко избили ихъ и изранили и все, что съ ними было, побрали, послѣ чего бросили ихъ замертво и возвратились домой въ Берестечко. Урядники Берестецкіе, узнавши объ убійствѣ, поймали злодѣевъ и посадили ихъ въ тюрьму; но когда привезенъ былъ Калиновскій чуть живой въ Берестечко и объявилъ, что онъ мой слуга, то урядники, посовѣтовавшись между собою, забрали все имѣніе, отнятое злодѣями у слугъ моихъ, самихъ злодѣевъ изъ тюрьмы выпустили и неизвѣстно куда дѣвали, а Калиновскаго, продержавши не малое время въ Берестечкѣ, положивъ на возъ едва живаго, въ одной рубашкѣ, приказали вывезти вонъ изъ города и бросить въ дубравѣ на мѣстѣ разбоя».

Мы упоминали о вѣрномъ слугѣ Курбскаго, Иванѣ Келеметѣ, о нападеніи на него горожанъ Владимірскихъ въ 1571 году; въ слѣдующемъ 1572 его постигла насильственная смерть тамъ же во Владимірѣ. Когда онъ находился здѣсь опять по дѣламъ господина своего, то къ нему на квартиру, подъ вечеръ, пришли слуги князя Булыги и усѣлись незваные; хозяинъ дома, мѣщанинъ Капля, сталъ ихъ выпроваживатъ; но они отвѣчали: «Для чего намъ идти? развѣ для этого Москвитянина?» одинъ изъ нихъ, схвативши стклянку съ горѣлкою, бросилъ ею въ Келемета. Тутъ началась ссора, обнажено было оружіе: Келеметъ выгналъ было ихъ изъ свѣтлицы и заперся; но они начали выбивать двери и окна. Капля въ это время выбѣжалъ изъ дому, и когда возвратился туда опять, то увидалъ, что самъ князь Булыга стоитъ въ сѣняхъ, а Келеметъ, уже убитый, лежитъ въ свѣтлицѣ на землѣ. Деньги и вещи, принадлежавшія Келемету, были

пограблены убійцами. Булыга не явился къ суду, и мѣстный судъ приговорилъ его къ уплатѣ головщины и всѣхъ убытковъ, а самого преступника отослать на судъ королевскій; но убійца при посредничествѣ нѣсколькихъ пановъ, заключилъ мировую съ Курбскимъ, обязавшись заплатить ему за голову убитаго и за всѣ убытки и высидѣть во Владимірскомъ замкѣ годъ и шесть недѣль. Другой слуга Курбскаго, бѣжавшій съ нимъ изъ Московскаго государства, Петръ Вороновецкій, былъ также убитъ неизвѣстно кѣмъ; жена убитаго сначала обвинила было въ преступленіи самого князя Курбскаго, но потомъ отреклась отъ своего обвиненія.

Послѣ этихъ случаевъ Курбскій имѣлъ право жаловаться, что онъ, изгнанный безъ правды, пребываетъ въ странствіи, между людьми тяжелыми и очень негостепріимными. Изъ всего видно, что его и его Москвичей не любили въ новомъ ихъ отечествѣ. Но съ другой стороны посмотримъ, какъ поступалъ самъ Курбскій въ столкновеніяхъ съ сосѣдями и людьми ему подчиненными. Когда сосѣдніе съ данными ему королемъ волостями крестьяне Смединскіе обвиняли его въ завладѣніи ихъ землею, подраніи пчелъ, насиліяхъ, побояхъ и грабежахъ, и король прислалъ ему свой напоминальный листъ, то Курбскій отвѣчалъ: «Я не велю вступаться въ землю Смединскую, а приказываю защищать свою землю; если Смединцы будутъ присвоять себѣ мою землю, которую они считаютъ своею, то я прикажу ловить ихъ и вѣшать. А что̀ касается до удовлетворенія, которое Смединцы требуютъ отъ урядниковъ и крестьянъ моихъ за обиду и вредъ, то я имъ въ томъ суда и расправы давать не обязанъ, ибо, если что̀ урядники и крестьяне мои сдѣлали, то сдѣлали, защищая мою землю». Курбскій, по какому-то праву, завладѣлъ имѣніемъ пановъ Красенскихъ; король Сигизмундъ Августъ рѣшилъ, что Курбскій долженъ возвратить имѣніе. Курбскій получилъ королевское приказаніе, когда уже Сигизмунда Августа не было въ живыхъ. Посланецъ королевскій долго разъѣзжалъ по имѣніямъ Курбскаго съ листомъ королевскимъ. Слуги Курбскаго посылали его изъ одного имѣнія

въ другое, даже одинъ изъ нихъ грозилъ ему палкой. Наконецъ посланецъ нашелъ Курбскаго и хотѣлъ вручить ему листъ королевскій, но Курбскій, въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, сказалъ ему: «Ты ѣздишь ко мнѣ съ мертвыми листами, потому что когда король умеръ, то и всѣ листы его умерли. Да хотя бы ты и отъ живаго короля пріѣхалъ, то я тебѣ и никому другому имѣнія не уступлю». Въ 1572 году на Курбскаго подана была жалоба, что онъ перехватилъ въ своемъ имѣніи слугу враждебнаго ему пана, ограбилъ и мучилъ, пыталъ о намѣреніяхъ послѣдняго противъ него; а въ 1579 году возный, который ѣздилъ къ Курбскому звать его къ суду, подалъ жалобу, что слуги князя напали на него на дорогѣ, били въ шесть кіевъ, бросили едва живаго, и бьючи приговаривали: «позвовъ къ его милости, князю, пану нашему, не носи». Вѣрный слуга Курбскаго, извѣстный уже намъ Иванъ Келеметъ, подражалъ своему пану: въ 1569 году Владимірскіе Жиды подали жалобу, что Келеметъ, урядникъ Курбскаго въ Ковлѣ, который былъ отданъ королемъ во владѣніе послѣднему, схватилъ за долги двоихъ Жидовъ Ковельскихъ и Жидовку въ субботу, въ школѣ на молитвѣ, посадилъ въ яму, наполненную водою, запечаталъ въ домахъ ихъ и въ домахъ другихъ Жидовъ лавки и пивницы. Возный, отряженный по этой жалобѣ въ Ковель, доносилъ, что когда онъ съ понятою шляхтою пришелъ къ воротамъ замка, то привратникъ ихъ въ замокъ не пустилъ. Стоя у воротъ, они слышали вопль заключенныхъ въ водяной ямѣ Жидовъ, которыхъ сосали піявки. Наконецъ вышелъ Келеметъ и сказалъ: «Развѣ пану не вольно наказывать подданныхъ своихъ, не только тюрьмою или другимъ какимъ-нибудь наказаніемъ, но даже смертію? А я что ни дѣлаю, все дѣлаю по приказанію своего пана, его милости князя Курбскаго; потому что панъ мой, владѣя имѣніемъ Ковельскимъ и подданными, воленъ наказывать ихъ какъ хочетъ, а королю, его милости, и никому другому нѣтъ до того никакого дѣла». Жиды Владимірскіе, пришедшіе вмѣстѣ съ вознымъ, сказали на это: «Вольно пану карать своихъ подданныхъ, но

только согласно съ закономъ, а ты нарушаешь наши права, подтвержденныя королевскими привилегіями». Келеметъ отвѣчалъ: «Я вашихъ правъ и вольностей знать не хочу», и велѣлъ всѣмъ Жидамъ выбраться изъ города. По королевскому декрету, Курбскій долженъ былъ освободить Жидовъ, отпечатать школу ихъ, домы и лавки. Панцырный бояринъ Ковельскій, Порыдубскій, подалъ королю жалобу, что Курбскій наслалъ открытою силою слугъ, бояръ и крестьянъ своихъ на его имѣніе и на домъ, приказалъ схватить его самого и со всѣмъ семействомъ, и держалъ шесть лѣтъ въ жестокомъ заключеніи, имѣніе все пограбилъ. Что касается до сопротивленія суднымъ и королевскимъ приговорамъ, то поведеніе Курбскаго и слугъ его не составляло исключенія: въ 1582 году возный доносилъ, что когда онъ, по приказанію городскаго Владимірскаго уряда, ѣздилъ къ пану Красенскому, чтобъ взыскать съ него деньги въ пользу князя Курбскаго, то Красенскій, въ панцырѣ, съ нѣсколькими сотнями конныхъ вооруженныхъ людей, загородилъ ему дорогу къ своему селу, и сказалъ: «будемъ васъ бить и защищаться до смерти», при чемъ дѣйствительно прибилъ двоихъ слугъ Курбскаго. Король принужденъ былъ дать указъ, чтобъ старосты Кременецкій, Владимірскій и Луцкій, ополчивъ шляхту всего воеводства Волынскаго, вооруженною рукою произвели взысканіе съ Красенскаго; но многіе шляхтичи, вмѣсто того, чтобъ исполнить королевскій указъ, присоединились къ Красенскому, который, раздѣливши вооруженныхъ людей своихъ на три отряда, самъ съ однимъ отрядомъ загородилъ дорогу къ двумъ своимъ имѣніямъ, а жена его, Ганна, съ двумя другими отрядами, загородила дорогу къ имѣнію Красному [46].

Въ 1548 году католическій Виленскій епископъ Павелъ жаловался королю, что въ его епархіи многія жены мужей своихъ покидаютъ, живутъ съ Жидами, Турками, Татарами, забывъ свое христіанство. Но подлѣ этихъ извѣстій, которыя не могутъ дать намъ выгоднаго понятія о нравственномъ состояніи въ западной Россіи въ описываемое время, встрѣчаемъ

извѣстія, которыя показываютъ и дѣйствія животворнаго начала, которое будило человѣка и указывало ему высшія цѣли жизни: на дорогѣ, по которой проѣзжалъ съ пира пьяный панъ съ женою, тоже нетрезвою, оба, какъ въ пьяномъ, такъ и въ трезвомъ видѣ, не уважавшіе жизни, чести и собственности меньшихъ братій; на дорогѣ, по которой ѣхалъ панъ съ вооруженнымъ отрядомъ слугъ и крестьянъ, чтобъ напасть на имѣніе своего противника; на дорогѣ, по которой шли слуги и служанки, чтобъ сдѣлать предъ судомъ ложное показаніе или безстыдно объявить ложнымъ справедливое — на этой же самой дорогѣ можно было встрѣтить молодаго человѣка, который, испытавъ бѣду, призналъ ее Божіимъ наказаніемъ за извѣстный грѣхъ свой и, для очищенія себя отъ него, предпринялъ подвигъ — идетъ пѣшкомъ собирать на церковное строеніе.

Мы видѣли нравы, образъ жизни, взаимныя отношенія пановъ Западно-Русскихъ; теперь войдемъ въ ихъ жилища, въ эти домы, гдѣ они пировали, ссорились и мирились. Среди обширнаго двора находился большой домъ съ большими сѣнями; изъ сѣней входъ въ свѣтлицу, въ свѣтлицѣ двери на завѣсахъ, четыре окна, столъ дубовый на ножкахъ, вокругъ четыре скамьи, печь муравленая зеленая; изъ свѣтлицы ходъ въ кладовую. Изъ тѣхъ же сѣней, на противоположной сторонѣ, входъ въ другую свѣтлицу, въ которой такая же мебель, какъ и въ первой, и ходъ въ другую кладовую; изъ тѣхъ же сѣней лѣстница на верхъ. Кромѣ большаго дома, на дворѣ еще нѣсколько строеній, свѣтлицъ съ окнами, вправленными въ олово, столами разноцвѣтными, дубовыми, липовыми, печами муравлеными зелеными, скамьями при столахъ и вокругъ свѣтлицъ, кроватями дубовыми, камельками, надъ воротами галлерея съ окнами; при описаніи панскихъ дворовъ встрѣчаемъ и старое знакомое намъ слово — гридня: на дворѣ гридня большая, въ ней столъ, вокругъ четыре скамьи. Домъ со стороны пруда и дикаго лѣса огороженъ острогомъ [47].

Нравственное состояніе общества, со всѣми своими сторо-

нами, свѣтлыми и темными, должно было отразиться въ памятникахъ литературныхъ. Мы видѣли, что окончательная, доведенная до крайности борьба между новымъ порядкомъ вещей и остатками старины не прошла молча. Двое потомковъ Мономаха, потомокъ старшей линіи, линіи Мстиславовой, князь Андрей Курбскій-Смоленскій-Ярославскій, и потомокъ младшей линіи, линіи Юрія Долгорукаго, Иванъ Васильевичъ Московскій, царь всея Руси и самодержецъ, сразились въ послѣдней усобицѣ, въ послѣдней которѣ, сразились—словомъ. Но одна крайность борьбы, одинъ личный характеръ борцовъ не объяснятъ намъ вполнѣ явленія: надобно прибавить, что борцы эти воспитались въ словесной борьбѣ, въ преданіяхъ о ней, привыкли признавать за этою борьбою важное значеніе, привыкли уважать это новое оружіе—слово. Борьба, которая при Грозномъ оканчивалась, борьба государей Московскихъ съ основанными на старинѣ притязаніями княжеско-боярскими, началась при Іоаннѣ III и тогда же была уже соединена съ литературнымъ движеніемъ; борьба Софіи Палэологъ съ Патрикѣевыми и Ряполовскими тѣсно была соединена съ церковною борьбою по поводу ереси Жидовствующихъ; одною матеріальною борьбою, преслѣдованіями и казнями дѣло не могло ограничиться: Іосифъ Волоцкій, требуя отъ правительства строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ этимъ написать книгу для ихъ обличенія. Враги Іосифа не оставались безмолвными: Заволжскіе старцы опровергали письменно мнѣнія Волоцкаго, старецъ Вассіанъ Косой (князь Патрикѣевъ) былъ представителемъ этихъ старцевъ, считался въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ грамотныхъ и смышленыхъ людей. Является Максимъ Грекъ — свѣтило тогдашней науки; около него собираются Русскіе грамотные люди, онъ образуетъ учениковъ, въ числѣ которыхъ считаетъ себя и князь Курбскій; но около Святогорскаго старца собираются также люди, недовольные новымъ порядкомъ вещей, принесеннымъ Гречанкою Софьею, движеніе литературное опять тѣсно соединено съ политическимъ; Максимъ Грекъ подвергается опалѣ вмѣстѣ съ Вассіа-

номъ Косымъ, ихъ врагъ—митрополитъ Даніилъ также одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей времени; въ борьбѣ политической постоянно употребляется оружіемъ — слово. Такимъ образомъ, литература политико-церковно-полемическая, которою обозначается описываемое время, явно ведетъ свое начало оттуда же, откуда начинается борьба политическая — отъ борьбы Софьи и Волоцкаго съ Патрикѣевыми и Жидовствующими.

Мы уже знакомы съ произведеніями пера Іоаннова; но прежде мы преимущественно должны были обращать вниманіе на содержаніе этихъ произведеній; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о формѣ, ибо послѣдняя также послужитъ намъ объясненіемъ характера этого знаменитаго историческаго лица и средствъ, которыми владѣлъ Іоаннъ. По тогдашнимъ средствамъ къ умственному образованію, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка, и съ нимъ случилось то же самое, что̀ можно видѣть и теперь на подобныхъ начетчикахъ: формы языка, на которомъ читалъ онъ, формы, имѣвшія для него важное, священное значеніе, эти формы густо столпились въ его памяти, и когда онъ хотѣлъ употреблять ихъ, то, безъ изученія особенностей этихъ формъ, руководясь только одною памятью, онъ часто не могъ совладѣть съ ними, съ постройкою рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ связи, бросался отъ одного предмета къ другому, не кончивши одного, начиналъ другое. Сюда же должно присоединить еще страстность Іоанна, которая препятствовала ему спокойно обдумывать то, что̀ онъ писалъ.

Что̀ читалъ Іоаннъ, это ясно видно изъ его писемъ: Священное Писаніе, переведенныя сочиненія Отцовъ церкви, Русскія лѣтописи, хронографы, изъ которыхъ бралъ свѣдѣнія о Римской и Византійской исторіи; но преимущественно онъ находился подъ вліяніемъ двухъ первыхъ, такъ что посланія его наполнены мѣстами изъ Св. Писанія и сочиненій Св. Отцовъ. Талантъ Іоанна виденъ въ искусномъ употребленіи своихъ средствъ: въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ ловко обращается

къ религіозному чувству послѣдняго и выставляетъ ему на видъ ту сторону его поступка, противъ которой это чувство особенно должно было вопіять: «Князь! зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло; ты озлобился на меня и душу свою погубилъ, потому что поднялъ руки на церковное раззореніе. Не думаешь ли, что убережешься отъ этого? никакъ! Если ты пойдешь вмѣстѣ съ ними (Литовцами) воевать, то непремѣнно будешь церкви раззорять, иконы попирать, христіанъ губить. Представь себѣ, какъ нѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и терзаемы конскими ногами. Такимъ-образомъ, твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется Иродову неистовству, направленному противъ младенцевъ? Неужели ты назовешь это благочестіемъ? Итакъ, ты ради тѣла погубилъ душу, ради славы мимотекущія пріобрѣлъ безславіе, и не на человѣка озлобился, а на Бога возсталъ. Разумѣй, несчастный, съ какой высоты и въ какую пропасть ты низвергся душею и тѣломъ! Могутъ понять и тамъ кто поумнѣе, что ты отъѣхалъ, желая славы мимотекущія и богатства, а не отъ смерти бѣгалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, то зачѣмъ испугался неповинной смерти, которая не есть смерть, но пріобрѣтеніе». Потомъ Іоаннъ словами Писанія доказываетъ, что и самый отъѣздъ Курбскаго, даже и безъ войны, противъ православнаго отечества есть грѣхъ: «Зачѣмъ ты презрѣлъ Апостола Павла, который говоритъ: «противящійся власти Божію повелѣнію противится». Смотри и разумѣй: кто Богу противится, тотъ называется отступникомъ, и это величайшій грѣхъ». Курбскій указываетъ на происхожденіе свое отъ святаго князя Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго и отдаетъ свое дѣло на судъ этому предку своему. Но Іоаннъ низлагаетъ его и здѣсь: «Съ охотою принимаю въ судьи Святаго Ѳеодора Ростиславича, хотя онъ тебѣ и родственникъ: потому что кто былъ праведенъ здѣсь, въ земной жизни, тотъ тѣмъ болѣе творитъ праведное по смерти, и праведно разсудитъ онъ между нами и вами. Этотъ самый святый князь Ѳеодоръ исцѣлилъ царицу нашу Анастасію, которую вы уподобляли Евдо-

кіи: ясно, что онъ не вамъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ; такъ и теперь надѣемся, что онъ будетъ помогать болѣе намъ, чѣмъ вамъ. Еслибъ вы были чада Авраамля, то творили бы дѣла Авраамля: можетъ Богъ и отъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму; не всѣ происходящіе отъ Авраама къ сѣмени Авраамову причитаются, но живущіе въ вѣрѣ Авраамовой. Ты пишешь, что хочешь письмо свое въ гробъ съ собою положить: значитъ, ты отложилъ уже и последнее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу; а ты и конечное прощеніе отвергаешь: такъ не слѣдуетъ тебя и погребать по-христіански». Изъ Св. Писанія заимствуетъ Іоаннъ уподобленія свои: «Ради временной славы (пишетъ онъ къ Курбскому), и сребролюбія, и сладости міра сего, ты все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ; ты уподобился сѣмени, падающему на камень и выросшему при жарѣ солнечномъ, но вдругъ ради слова ложнаго ты соблазнился, отпалъ и плода не сотворилъ».

Понятно, что при томъ недостаточномъ состояніи просвѣщенія, въ какомъ находилось Русское общество въ описываемое время, грамотѣй, начетчикъ тѣмъ большимъ пользовался уваженіемъ, чѣмъ больше выказывалъ своей учености, начитанности въ рѣчахъ и посланіяхъ; понятно, что Іоаннъ любилъ выказывать свою ученость, помѣщая въ письмахъ своихъ обширныя историческія выписки: любятъ обыкновенно хвастаться тѣмъ, что рѣдко и ново; толпа увлекается количествомъ, обиліемъ; законность вопроса о приличіи, о мѣрѣ признается еще очень немногими, умственно возмужалыми; Іоаннъ же по природѣ своей не могъ принадлежать къ этимъ немногимъ, ибо менѣе другихъ былъ способенъ удовлетворять требованіямъ приличія и мѣры. Плодовитость рѣчи, неумѣнье сдержаться, умѣрить себя, проистекая вообще отъ страстности его природы, зависѣли также болѣе или менѣе и отъ особеннаго состоянія его духа: такъ первое посланіе къ Курбскому, написанное въ сильномъ волненіи и гнѣвѣ, отличается особеннымъ многорѣчіемъ; второе посланіе кратко: между другими причинами

этой краткости нельзя не признать и ту, что второе посланіе написано при большемъ спокойствіи духа, при большемъ довольствѣ своимъ положеніемъ, отъ военныхъ удачъ происшедшемъ.

Болѣзненное нравственное состояніе въ Іоаннѣ всего болѣе выражается въ этой насмѣшливости, въ этомъ желаніи поймать человѣка на словѣ, поставить его въ трудное положеніе и наслаждаться этимъ, въ отсутствіи уваженія, снисхожденія къ несчастному положенію человѣка, въ желаніи не утѣшить человѣка въ бѣдѣ, но возложить на него вину бѣды, показать ему, что онъ не имѣетъ права жаловаться. Неудивительно, что онъ не щадитъ въ своихъ насмѣшкахъ Курбскаго: «Писалъ ты себѣ въ досаду» отвѣчаетъ онъ ему: «что мы тебя въ дальніе города, какъ бы въ опалѣ держа, посылали: теперь мы, по волѣ Божіей, и дальше твоихъ далекихъ городовъ прошли, и кони наши переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши мы ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: такъ теперь уже нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были. И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Вольмарѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ ты думалъ, что ушелъ, а мы тутъ, по волѣ Божіей, догнали. И ты дальше поѣхалъ». Неудивительно, что Іоаннъ находилъ удовольствіе злить Крымскаго хана, напоминая ему о не кстати высказанномъ порывѣ безкорыстія: «Зачѣмъ ты просишь у меня подарковъ? вѣдь ты писалъ, что всѣ богатства міра для тебя съ прахомъ равны?» Но вотъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и усердныхъ новыхъ слугъ Ивана, возвышенный царемъ вслѣдствіе нерасположенія къ людямъ болѣе родовитымъ, Василій Грязной, попался въ плѣнъ къ Крымскимъ Татарамъ; къ этому Грязному царь писалъ: «Ты писалъ, что по грѣхамъ взяли тебя въ плѣнъ: такъ надобно было тебѣ, Васюшка, безъ пути средь Крымскихъ улусовъ не заѣзжать, а если заѣхалъ, такъ надобно было спать не по объѣздному. Ты думалъ, что въ объѣздъ пріѣхалъ съ собаками за зайцами: но Крымцы самого тебя въ

торокъ завязали. Или ты думалъ, что такъ же и въ Крыму, какъ у меня стоя за кушаньемъ шутить? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, и умѣютъ васъ, нѣжонокъ, ловить. Только бъ такіе Крымцы были, какъ вы, жонки, такъ имъ бы и за рѣку не бывать, не только что къ Москвѣ. Ты сказываешься великимъ человѣкомъ: правда, что̀ грѣха таить? отца нашего и наши бояре стали намъ измѣнять, и мы васъ, мужиковъ, къ себѣ приблизили, надѣясь отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы ты свое и отцовское величество въ Алексинѣ: такіе и въ станицахъ ѣзжали; ты самъ въ станицѣ у Пенинскаго былъ мало что не въ охотникахъ съ собаками, а предки твои у Ростовскихъ владыкъ служили; мы не запираемся, что ты у насъ въ приближеньи былъ, и мы для твоего приближенья тысячи двѣ рублей за тебя дадимъ, а до этихъ поръ такіе, какъ ты, по 50 рублей бывали [48]».

Мы видѣли, что Іоаннъ, словесной премудрости риторъ, любилъ устно, въ отвѣтахъ посламъ, выказывать обиліе и красоту своей рѣчи. Отъ спора съ Поссевиномъ онъ уклонялся и потому, что опасался оказаться несостоятельнымъ предъ ученымъ Іезуитомъ, и потому, что опасался, говоря противъ католицизма, оскорбить главу католическаго міра. Но дошло до насъ извѣстіе о спорѣ его съ протестантомъ Рогитою, гдѣ онъ уже не боялся никого оскорбить: «Говорилъ я тебѣ прежде и теперь повторяю (началъ Іоаннъ), что не хочу я съ тобой вести спора потому: тебѣ хочется только разузнать наши мнѣнія, а не согласиться съ нами. Итакъ должно поступить по заповѣди Господней: не давайте святыни псамъ, не бросайте бисера предъ свиньями. Прежде скажу объ учителѣ вашемъ Лютерѣ, который и по жизни, и по имени своему былъ *лютъ* [49]», и проч. Надобно замѣтить, что въ это время вездѣ, и въ западной Европѣ, и въ ближайшей Литвѣ, въ ожесточенныхъ спорахъ, или, лучше сказать, перебранкахъ политическихъ и религіозныхъ, не соблюдали никакихъ приличій и любили, особенно по сходству звуковъ, давать смѣшное и обидное значеніе имени противника; такъ въ Литвѣ доставалось

отъ католиковъ имени знаменитаго протестантскаго борца — Волана [50]; въ Германіи Мюнцеръ называлъ Лютера докторъ Люгнеръ, а нашъ Грозный нашелъ еще ближайшее созвучіе. Что словопроизводства были въ ходу, видно также изъ другихъ извѣстій: разсказываютъ, что Грозный одно время ласкалъ очень Нѣмцевъ; это понятно и потому, что онъ хотѣлъ привязать къ себѣ Ливонцевъ, и потому, что подозрѣвалъ своихъ Русскихъ, и потому, что хотѣлъ оправдать собственное поведеніе недостоинствомъ послѣднихъ. Онъ хвалился своимъ Нѣмецкимъ происхожденіемъ, именно отъ герцоговъ Баварскихъ, и въ доказательство этому приводилъ названіе: *бояре*, гдѣ слышалось ему слово Baiern [51]. Флетчеръ разсказываетъ, что однажды царь, отдавая золотыхъ дѣлъ мастеру, Англичанину, слитки золота для сдѣланія изъ нихъ посуды, велѣлъ ему хорошенько смотрѣть за вѣсомъ, прибавя: «Русскіе мои всѣ воры». Англичанинъ улыбнулся, и спрошенный о причинѣ улыбки, отвѣчалъ: «Ваше величество забыли, что вы сами Русскій». — «Я не Русскій» отвѣчалъ царь: «предки мои Германцы» [52].

Письма Курбскаго относительно изложенія носятъ иной характеръ, чѣмъ письма къ нему Іоанновы, по разнымъ причинамъ. Вопервыхъ, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка; Курбскій былъ ученикомъ Максима Грека, и поэтому долженъ былъ имѣть уже другія высшія понятія о риторствѣ въ словесной премудрости, долженъ былъ пріобрѣсти большее умѣнье разбираться въ словесномъ матеріалѣ и давать своей рѣчи бóльшую стройность. Въ отвѣтѣ Іоанну Курбскій укоряетъ его за неприличное многословіе, за нестройность рѣчи, за слишкомъ обширныя выписки изъ Св. Писанія и отеческихъ твореній: «Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе я получилъ, выразумѣлъ и понялъ, что оно отрыгнуто отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словами, что̀ не только царю, столь великому и во вселенной славимому, но и простому, убогому воину было бы неприлично; особенно въ немъ много изъ священныхъ писаній нахватано, и приведены эти слова со многою

яростію и лютостію, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры и перепутанно, цѣлыми книгами, и паремьями, и посланіями! Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ, и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ, и такъ все варварски, что не только ученымъ и искуснымъ мужамъ, но и простымъ, даже дѣтямъ въ удивленіе и смѣхъ, особенно въ чужой землѣ, гдѣ находятся люди, не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные». Дѣйствительно, если сравнимъ по формѣ письма Іоанна съ письмами Курбскаго, то не можемъ не отдать преимущества послѣднему; вотъ напримѣръ начало одного изъ писемъ его къ царю: «Если пророки плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, изъ камня прекраснѣйшаго созданной, и о гибели живущихъ въ немъ: то какъ намъ не восплакать о раззореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, которую создалъ Господь, а не человѣкъ, въ которой нѣкогда Духъ Святый пребывалъ, которая послѣ прехвальнаго покаянія была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ которой чистая молитва, какъ благоуханное миро, или ѳиміамъ, ко престолу Господню восходили, въ которой, на твердомъ основаніи правовѣрной вѣры, благочестивыя дѣла созидались, и въ этой церкви царская душа, какъ голубица съ посеребренными крылами, блисталась, честнѣе и свѣтлѣе волота, благодатію Духа Святаго преукрашенная дѣлами, укрѣпленная и освѣщенная тѣломъ и кровію Христовою. Такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!»

Относительно-большей стройности, большему изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способнѣе сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный. Наконецъ на форму рѣчи Курбскаго должно было имѣть сильное вліяніе то положеніе, въ которомъ онъ явился писателемъ, положеніе изгнанника. Чувство ненависти

къ гонителю, побуждавшее его къ рѣчи гнѣвной, умѣрялось другимъ чувствомъ, чувствомъ глубокой скорби о потери отечества, о безотрадности положенія своего. Это особенно ощутительно въ первомъ посланіи, которое состоитъ изъ одного болѣзненнаго вопля: «Зачѣмъ, о царь! ты побилъ сильныхъ во Израили, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычнихъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковные обагрилъ! на доброхотовъ твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму преложить и сладкое прозвать горькимъ? Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь! или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель! Не прегордыя ли царства храбростію своею раззорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое намъ воздаяніе за это: всеродно губишь насъ! Или думаешь, что ты безсмертенъ; или прельщенъ ересію и думаешь, что не будетъ суда Іисусова? Онъ, Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, судья между тобою и мною. Какого зла и гоненія отъ тебя я не претерпѣлъ? какихъ бѣдъ и напастей на меня ты не подвигнулъ? какихъ лжесплетеній презлыхъ на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь исчислить: потому что объятъ еще горестію души моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишенъ и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ!»

Мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ о значеніи «Исторіи князя великаго Московскаго», написанной Курбскимъ въ изгнаніи. О цѣли исторіи вообще авторъ разсуждаетъ здѣсь такъ: «Славныя дѣла великихъ мужей мудрыми людьми въ исторіяхъ для того описаны, да ревнуютъ имъ грядущія поколѣнія; а

презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла для того написаны, чтобъ остерегались ихъ люди какъ смертоноснаго яда или повѣтрія, не только тѣлеснаго, но и душевнаго». Какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ событія, Курбскій подробно описываетъ взятіе Казани; любопытно посмотрѣть, какъ онъ понимаетъ значеніе этого событія: «Съ помощію Божіею противъ супостатовъ возмогло воинство христіанское. И противъ какихъ супостатовъ? противъ великаго и грознаго Измаильтянскаго языка, котораго нѣкогда вся вселенная трепетала, и не только трепетала, но и опустошена была; и не противъ одного царя воинство христіанское ополчилось, но заразъ противъ трехъ великихъ и сильныхъ, то-есть противъ Перекопскаго царя, Казанскаго и противъ княжатъ Нагайскихъ. Съ помощію Христа Бога съ этого времени отражало оно нападенія всѣхъ троихъ и преславными побѣдами украшалось, и въ небольшое число лѣтъ предѣлы христіанскіе расширились: гдѣ прежде въ опустошенныхъ краяхъ Русскихъ были зимовища Татарскія, тамъ города соорудились; и не только кони Русскихъ сыновъ изъ текущихъ въ Азіи рѣкъ напились, но и города тамъ поставились». — Принадлежа къ самымъ грамотнымъ людямъ восточной и западной Россіи, Курбскій не упускаетъ случая хвалить грамотность и краснорѣчіе въ другихъ; такъ, говоря о князѣ Иванѣ Бѣльскомъ, прибавляетъ: «Онъ былъ не только мужественъ, но и разуменъ, и въ священныхъ писаніяхъ нѣсколько искусенъ». О плѣнномъ Ливонскомъ ландмаршалѣ, Филиппѣ Беллѣ, говоритъ: «Былъ онъ мужъ не только мужественный и храбрый, но и *словества* полонъ, острый разумъ и добрую память имущій».

Курбскій былъ ученикъ Максима Грека и вмѣстѣ ревностный хранитель Патрикѣевскихъ преданій. Поэтому неудивительно встрѣтить у него такой отзывъ о Вассіанѣ Косомъ: «Оставя мірскую славу, онъ въ пустыню вселился и препровождалъ строгое и святое житіе, подобно великому и славному древнему Антонію, и, чтобъ не обвинилъ меня кто въ дерзости, Іоанну Крестителю ревностію уподобился, потому что и тотъ законо-

преступный бракъ царю возбранялъ». О Максимѣ Грекѣ, по поводу посѣщенія его царемъ, Курбскій отзывается такъ: «Максимъ преподобный, мужъ очень мудрый, и не только въ риторскомъ искусствѣ сильный, но и философъ искусный, старостію умащенный, терпѣніемъ исповѣдническимъ украшенный». Курбскій находился въ тѣсной связи и съ извѣстнымъ Артеміемъ, игуменомъ Троицкимъ, который, по его словамъ, былъ совершенно невиненъ въ неправославныхъ мнѣніяхъ. Наши церковные историки того мнѣнія, что Артемій былъ не совсѣмъ правъ предъ соборомъ; былъ ли совершенно правъ Курбскій въ своихъ мнѣніяхъ, въ какой степени на правоту его мнѣній имѣло вліяніе сочувствіе ко врагамъ автора просвѣтителя и всѣхъ Осифлянъ—мы не знаемъ; но извѣстно то, что въ Литвѣ Курбскій явился самымъ ревностнымъ защитникомъ православія какъ противъ католицизма, такъ особенно противъ протестантизма. Понятно, что самое изгнаніе, самая тоска по землѣ Святорусской, какъ онъ выражается, могли усилить это усердіе къ вѣрѣ, которая больше всего связывала его съ потерянною родиною, которая одна въ Литвѣ заставляла его думать, что онъ не совершенно на чужбинѣ; понятно, что страдая тоскою по землѣ Святорусской, Курбскій сталъ такъ усерденъ къ поддержанію того исповѣданія, которое въ Литвѣ называлось Русскимъ. Курбскій испыталъ то, о чемъ говоритъ поэтъ: «родина — что здоровье: тогда только узнаешь имъ полную цѣну, когда потеряешь!» Въ пылу гнѣва Курбскій назоветъ иногда отечество неблагодарнымъ, но тутъ же невольно выразитъ тоску объ изгнаніи изъ земли *любимаго* отечества.

Въ исторіи князя великаго Московскаго Курбскій, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражаетъ свое сильное нерасположеніе къ протестантизму. Такъ принятію протестантизма приписываетъ онъ паденіе Ливоніи. Разсказавши о взятіи Нарвы Русскими, Курбскій прибавляетъ: «Вотъ мзда ругателямъ, которые уподобляютъ Христовъ образъ, по плоти написанный, и образъ матери Его болванамъ поганскихъ боговъ! Вотъ

икономахамъ воздаяніе! Воистину знаменіе суда прежде суда на нихъ было изъявлено, да прочіе убоятся не хулить святыни». Упадокъ воинственнаго духа у Поляковъ и Литовцевъ Курбскій приписываетъ также распространенію между ними Лютеранскихъ ересей: «Когда путь Господень оставили и вѣру церковную отринули, ринулись въ пространный и широкій путь, то-есть въ пропасть ереси Лютерскія и другихъ различныхъ сектъ, особенно самые богатые ихъ вельможи: тогда и приключилось имъ это».

Переведя съ Латинскаго языка на Славянскій бесѣду Іоанна Златоустаго: О вѣрѣ, надеждѣ и любви, Курбскій послалъ свой трудъ князю Константину Острожскому, а тотъ отдалъ его для перевода на Польскій языкъ человѣку неправославному. Курбскій разсердился и писалъ князю Острожскому: «Не знаю, какъ это случилось, что вы отдали мой переводъ на испытаніе человѣку, не только въ наукахъ неискусному, но и грамматическихъ чиновъ отнюдь невѣдущему, къ тому еще и скверныхъ словъ исполненному, стыда не имущему, глаголы священныхъ писаній нечисто отрыгающему: потому что я самъ изъ устъ его слышалъ искаженіе словъ Апостола Павла. Ты пишешь, что отдалъ перевести на Польскій языкъ: вѣрь мнѣ, что еслибы множество ученыхъ сошлось и стали ломать Славянскаго языка чины грамматическіе, перелагая въ Польскую *барбарію*, то въ точности изложить не смогли бы». При сильномъ движеніи и разгоряченіи страстей, какъ было тогда въ Литвѣ по случаю явленія новыхъ ученій, Курбскій не могъ избѣжать горячихъ споровъ съ ревнителями послѣднихъ. Такой споръ онъ имѣлъ у князя Корецкаго съ паномъ Чапліемъ, послѣдователемъ извѣстныхъ намъ Московскихъ еретиковъ — Ѳеодосія Косаго и товарища его Игнатія. Споръ, какъ видно изъ словъ Курбскаго, кончился сильнымъ возвышеніемъ голоса со стороны Чаплія, при чемъ Курбскій, видя, что дѣйствуетъ страсть, а не разсудокъ, не сталъ отвѣчать. Но Чаплій не оставилъ его въ покоѣ и прислалъ письменное изложеніе своего ученія. Курбскій отвѣчалъ, что его нечего учить, съ

молоду Священному Писанію наученнаго; какъ апостолы и ученики ихъ не требовали толкованій отъ древнихъ еретиковъ, такъ и онъ, Курбскій, не требуетъ толкованій Меланхтона, Лютера и учениковъ его, Цвинглія и Кальвина и прочихъ, которые еще и при жизни его съ нимъ не соглашались; имъ послѣдуютъ теперь и панъ Өеодосій и панъ Игнатій, не ради ученій, а ради паней своихъ. «Ты пишешь» продолжаетъ Курбскій: «чтобъ я написалъ тебѣ о Лютерѣ, почему я называлъ его лжепророкомъ; но я уже тебѣ пространно говорилъ, что онъ не только презрѣлъ святыхъ всѣхъ, но многихъ книгъ ветхаго завѣта и апостольскихъ писаній нѣкоторыхъ не принимаетъ. Ты забылъ? или хочешь выманить у меня сочиненіе какое-нибудь и дать пану Игнатію на поруганіе нашей церкви Божіей? Нѣтъ, это тебѣ не удастся: мы остережемся, по слову Господню, повергать святыню псамъ». Протестанты любили выставлять на видъ богатство епископовъ и монаховъ; Курбскій отвѣчаетъ Чаплію: «Что̀ касается до епископовъ богатыхъ и монаховъ любостяжательныхъ, которымъ предки наши дали имѣнія не для корысти, а для страннопріимства, на милостыни убогимъ и на благолѣпіе церковное — какъ они распоряжаются этими имѣніями, судитъ ихъ Богъ, а не я, потому что у меня самого бремя грѣховъ тяжкое. Мы не о такихъ говоримъ, а объ истинныхъ, апостолоподобныхъ епископахъ и монахахъ нестяжательныхъ, которыхъ Лютеръ вмѣстѣ смѣшалъ съ нынѣшними законопреступниками, похулилъ и уставы ихъ отвергнулъ, какъ ваша милость отвергла Дамаскина. Хулишь его, думаю, не читавши, по чужимъ словамъ, потому что книга не переведена на Славянскій языкъ, а хотя часть нѣкоторая и переведена, только такъ дурно, что понять нельзя; а у Грековъ и Латиновъ вся есть. Но ваша милость и учитель твой, панъ Игнатій, не только по-Гречески, но и по-Латыни, думаю, не умѣете, только хулить и браниться искусны». Сильно обрадовался Курбскій, когда одинъ изъ молодыхъ шляхтичей, Бокей Печихвостовскій, обратился изъ протестантизма снова въ православіе: два увѣщательныхъ письма пи-

салъ онъ ему, чтобъ пребывалъ твердо на новомъ истинномъ пути.

Но во времена Курбскаго не противъ одного протестантизма нужно было ратовать защитнику православія: уже послѣдовало и католическое, іезуитское противодѣйствіе, болѣе опасное, чѣмъ раздѣленный протестантизмъ. Курбскій писалъ Виленскому бурмистру, Кузьмѣ Мамоничу: «Слышалъ я отъ многихъ людей достойныхъ объ этомъ Іезуитѣ, который отрыгалъ много ядовитыхъ силлогизмовъ на святую вѣру нашу, называя насъ схизматиками, тогда какъ сами они совершенные схизматики, напившіеся отъ мутныхъ источниковъ, истекающихъ отъ новомудренныхъ ихъ папъ. Но объ этомъ, Богъ дастъ, будемъ пространнѣе бесѣдовать, не только съ своими, но, если случится, и съ ними; а теперь одно припомяну, чѣмъ они нашихъ несовершенныхъ въ писаніяхъ устрашаютъ, говоря: кто не повинуется папѣ, тотъ не спасется. Это ложное ихъ страшилище обличится; а теперь совѣтуйте нашимъ, чтобъ безъ православныхъ ученыхъ не сражались съ ними, не ходили бы къ нимъ на проповѣди. Не стыдятся они правовѣрныхъ, въ седмостолпныхъ догматахъ стоящихъ, ругать и срамить, съ еретиками смѣшивать, Лютеранами, Цвингліанами, Кальвинистами, и отводить отъ правовѣрія къ полувѣрію, къ новомысленной и хромой ѳеологіи отъ истиннаго богословія. Похвально словесности навыкать и дѣйствовать, чтобъ правду оборонять; а они, смѣшавши елокуцію съ діалектическими софизмами и придавъ къ тому пронунціацію, на правовѣрныхъ обращаютъ, истину стараются раззорить ораторскими штуками, похлѣбствуя папѣ своему, превознося грознаго вельможнаго епископа, оружіемъ препоясаннаго и полки воиновъ водящаго, и хуля нашихъ патріарховъ, убогихъ и нищихъ, смиренномудріемъ Христовымъ украшенныхъ, между безбожными Турками мученически терпящихъ и благочестія догматы невредимо соблюдающихъ». Въ другомъ письмѣ къ тому же Мамоничу Курбскій пишетъ: «О злохитростяхъ іезуитскихъ я уже тебѣ писалъ: не ужасайтесь софизмовъ ихъ, но стойте только въ православной вѣрѣ

ненко. Злохитростями своими супостаты не изгубять восточныхъ церквей! Что они выдали противъ нашей церкви? Книжки своими силлогизмами поганскими изукрашенныя? софистически превращая и растлѣвая апостольскую ѳеологію? Но вотъ, по Божіей благодати, подана намъ книга отъ Святой Горы, точно самою рукою Божіею принесена, ради простоты и глубокаго неискусства церковниковъ Русскихъ церквей, не говорю — по лѣности и обжорству нашихъ епископовъ. Объ этой книгѣ я уже тебѣ говорилъ, что князь Константинъ Острожскій далъ преписать пану Гарабурдѣ и мнѣ. Въ этой книгѣ не токмо перешнія дудки ихъ и пищульки, но всѣ силлогизмы, папою и всѣми кардиналами и наилучшимъ ихъ ѳеологомъ Ѳомою (Аквинскимъ) на апостольскую ѳеологію восточныхъ церквей отрыгнутые, опровергнуты боговидными мужами, Григоріемъ и Ниломъ, митрополитами Солунскими. Я совѣтую вамъ письмо мое это прочесть всему собору Виленскому, да возревнуютъ ревностію Божіею по праотеческомъ родномъ своемъ правовѣріи, да наймутъ писаря добраго, и переписавши книгу, да читаютъ ее трезво, отлучившись отъ пьянства: въ ней готовые отвѣты блаженныхъ тѣхъ мужей. А если будемъ растянувшись лежать въ давнообычномъ пьянствѣ, тогда не только паны Іезуиты и пресвитеры Римской церкви, сильные въ Священномъ Писаніи, силлогизмами и софизмами поганскими могутъ васъ растерзать лежащихъ, но и дрянные звѣрки, то-есть новоявленные еретики могутъ васъ растерзать и развести каждый въ свою нору. Итакъ, не унывайте, не отчаявайтесь, не ужасайтесь софизмовъ; но выберите одного изъ пресвитеровъ, или хотя изъ простыхъ людей, словеснаго и въ писаніяхъ искуснаго, и принявъ ту книгу въ руки, противьтесь этимъ непреоборимымъ оружіемъ».

Княгиня Черторыжская писала къ Курбскому, что сынъ ея въ страхѣ Божіемъ и правовѣріи праотеческомъ утвержденъ, имѣетъ охоту къ Священному Писанію, и что она хочетъ послать его въ Вильну учиться къ Іезуитамъ. Курбскій отвѣчалъ: «Намѣреніе твое похвально; но, какъ слуга и пріятель

твой, я не хочу отъ тебя утаить, что многіе родители отдали дѣтей своихъ Іезуитамъ учиться свободнымъ наукамъ: но они, не науча, прежде всего отлучили ихъ отъ правовѣрія, какъ сыновей князя Крошинскаго и другихъ. Впрочемъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый ѣздили учиться въ Аѳины къ поганскимъ философамъ, а правости душевной и праотеческаго правовѣрія не лишились. Я оставляю это дѣло на мудрое разсужденіе вашей милости и пріятелей твоихъ».

Другой знаменитый ревнитель по православіи, князь Константинъ Острожскій, считалъ позволительнымъ низлагать враговъ православія однихъ другими, пользоваться сочиненіями протестантовъ противъ Іезуитовъ. Курбскій не раздѣлялъ этого мнѣнія: когда однажды Острожскій прислалъ ему книгу Іезуита Скарги и письмо аріанина Мотовила, противъ нея направленное, то Курбскій отвѣчалъ: «Кто слыхалъ отъ вѣка, или въ какихъ хроникахъ писано, чтобъ волка-рэстерзателя къ стаду овецъ на пажить призывать? гдѣ слыхано, чтобъ христіанинъ правовѣрный отъ аріанина христаненавистнаго услаждался епистоліями, или принималъ отъ него писанія на помощь церкви Христа Бога?» Когда въ другой разъ Острожскій прислалъ Курбскому книгу Мотовила противъ Іезуитовъ, то онъ отвѣчалъ: «Ваша милость прислалъ мнѣ книгу, сыномъ дьявольскимъ написанную, антихристовымъ помощникомъ сочиненную! Мнѣ христіанину правовѣрному, брату своему присяжному, ваша милость эту книгу вмѣсто поминка шлетъ? О бѣда, плача достойная! О нужда окаяннѣйшая! Въ такую дерзость и стултицію (глупость) начальники христіанскіе впали, что не только ядовитыхъ драконовъ въ домахъ своихъ питать и держать не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ почитаютъ! И что̀ еще дивнѣе: церковь Божію оборонять имъ приказываютъ и книги противъ полувѣрныхъ Латинъ писать имъ повелѣваютъ!» Причину такого поведенія князя Острожскаго Курбскій полагаетъ въ лѣности и нерадѣніи, въ нежеланіи самому заняться изученіемъ Св. Писанія: «Отъ лѣности все это намъ приключается,

отъ нежеланія читать Св. Писаніе; я объ этомъ тебѣ много и на словахъ докучалъ, чтобъ ты читалъ его часто, хотя понемногу, и не перестану тебѣ докучать до самой смерти своей (потому что очень люблю тебя), пока не увижу, что ты приложишь объ этомъ большее стараніе».

Религіозная дѣятельность Курбскаго не ограничивалась сословнымъ кругомъ: мы видѣли, что онъ обращался съ своими увѣщаніями къ Мамоничу и всѣмъ Виленскимъ горожанамъ православнаго исповѣданія; находимъ между письмами его и письмо къ Семену Сѣдельнику, горожанину Львовскому, котораго называетъ превозлюбленнымъ братомъ, правовѣріемъ украшеннымъ. Въ отвѣтъ на вопросъ Семена о чистилищѣ, Курбскій послалъ ему переведенное имъ съ Латинскаго толкованіе Златоустаго на Апостола Павла: «Прими этотъ мой подарокъ духовный» пишетъ Курбскій Семену: «внимательно читай и услаждайся съ правовѣрными восточныхъ церквей, а схизматикамъ не показывай и не спорь съ ними. Навѣсти меня, и тогда побесѣдуемъ, какъ надобно съ ними поступать, чтобъ не могли противиться правдѣ: у нихъ вѣдь обычай очень искусными силлогизмами поганскихъ философовъ, смѣшавши ихъ съ упорностію своею, истинѣ Евангельской сопротивляться; особенно нападаютъ на такихъ, которые, хотя оружіе отъ Священнаго Писанія имѣютъ, но дѣйствовать имъ не умѣютъ, сопротивляться врагамъ не искусны».

Курбскій не разъ говоритъ объ этомъ неискусствѣ Русскихъ людей дѣйствовать духовнымъ оружіемъ и объ искусствѣ враговъ ихъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отклоняетъ своихъ собратій по вѣрѣ отъ опасныхъ споровъ съ ловкими Іезуитами. Ясно понимая недостаточность средствъ къ борьбѣ, разумѣется, онъ всѣми силами долженъ былъ стараться о ихъ пріобрѣтеніи, о пріобрѣтеніи книгъ, доступныхъ по языку своему большинству православныхъ. Для этого нужно было переводить книги Св. Отцовъ восточной церкви; какъ хлопоталъ Курбскій объ этомъ переводѣ, всего лучше видно изъ письма его къ Марку, ученику извѣстнаго намъ Артемія; по всѣмъ вѣроятностямъ,

это Маркъ Сарыгозинъ, извѣстный также намъ Московскій отъѣзжикъ. Курбскій говоритъ въ этомъ письмѣ, что Артемій, находясь уже въ Литвѣ, просилъ его купить всѣ сочиненія Василія Великаго и добыть такого человѣка, который бы могъ перевести ихъ съ Греческаго или Латинскаго языка. Курбскій сказалъ ему на это: «Если я и добуду человѣка, знающаго по-Гречески и по-Латыни, то по-Славянски не будетъ умѣть?» Артемій отвѣчалъ: «Хотя я и старъ, но пѣшкомъ приду изъ Луцка туда, гдѣ мнѣ укажешь, и буду помогать въ переводѣ». «Я» продолжаетъ Курбскій въ письмѣ: «услыхавши это изъ устъ преподобнаго, не только началъ отыскивать переводчиковъ, но самъ, будучи уже въ сѣдинахъ, не мало лѣтъ провелъ, учась языку Латинскому съ большимъ трудомъ; умолилъ и благороднаго юношу, брата моего, князя Михаила Оболенскаго (также отъѣзжика), чтобъ онъ изучилъ высшія науки на языкѣ Римскомъ; онъ послушался меня и три года провелъ въ Краковской школѣ, и потомъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Италію поѣхалъ, оставя домъ, жену, дѣтей, и пробылъ тамъ два года; теперь возвратился здоровъ и въ праотеческомъ благочестіи невредимъ, какъ корабль, преисполненный дорогихъ корыстей. Я же купилъ не только всѣ сочиненія Василія Великаго, но и другихъ нѣкоторыхъ учителей нашихъ: Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и хронику, съ Новогреческаго на Латинскій переведенную, очень потребную и премудрую: написана она Никифоромъ Каллистомъ. Союза ради любовнаго Христа нашего, также и раба его, старца твоего, а моего отца, святаго преподобнаго Артемія, яви любовь къ единоплеменной Россіи, ко всему Славянскому языку! Не полѣнись пріѣхать къ намъ на нѣсколько мѣсяцевъ на помощь нашей грубости и неискусству, потому что мы не умѣемъ въ совершенствѣ владѣть Славянскимъ языкомъ, какъ ты и князь Оболенскій, и потому боюсь пуститься одинъ безъ помощи на такое великое и достохвальное дѣло. Посылаю тебѣ предисловійце одной книги нашего перевода, не затѣмъ, чтобъ величаться или потщеславиться этимъ,

ю для показанія недостатка и невѣжества нашего; искалъ я себѣ помощи, обращался туда и сюда, и нигдѣ не нашелъ. Если Богъ тебя принесетъ къ намъ, то я бы сѣлъ съ однимъ баккалавромъ за книгу Павловыхъ посланій, протолкованныхъ Златоустомъ, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу съ княземъ Михаиломъ. Посылаю къ вашей милости въ подарокъ духовный одну рѣчь Григорія Богослова и слово Василія Великаго нашего перевода». Предисловіе къ переводу своему словъ Златоустовыхъ, который онъ называетъ Новымъ Маргаритомъ, Курбскій начинаетъ жалобами на свое несчастное положеніе, на изгнаніе безъ правды, пребываніе въ странствіи между людьми тяжелыми и негостепріимными, притомъ въ ересяхъ различныхъ развращенными, тогда какъ въ отечествѣ огонь мучительства прелютый горитъ: «Слыша это, объятъ я жалостію и стѣсняемъ отовсюду уныніемъ, съѣдаютъ нестерпимыя бѣды, какъ моль, сердце мое. Обращаюсь въ скорбяхъ къ Господу и утѣшаюсь въ книжныхъ дѣлахъ, изучая разумы древнихъ высочайшихъ мужей. Прочелъ Аристотеля. Часто обращался и читалъ родное мое Священное Писаніе, которымъ праотцы мои были по душѣ воспитаны. При этомъ случилось мнѣ вспомнить о преподобномъ Максимѣ, новомъ исповѣдникѣ, какъ однажды онъ мнѣ говорилъ, что книги великихъ учителей восточныхъ не переведены на Славянскій языкъ, но послѣ взятія Константинополя переведены были на Латинскій. Вспомнивъ объ этомъ, я началъ учиться по-Латыни, чтобъ перевести на свой языкъ то, что еще не переведено: нашими учителями чужіе наслаждаются, а мы голодомъ духовнымъ таемъ, на свое глядя. Для этого не мало лѣтъ потратилъ я, обучаясь наукамъ грамматическимъ, діалектическимъ и прочимъ. Научившись языку, купилъ книги и умолилъ участвовать въ переводѣ юношу, именемъ Амвросія, въ писаніи искуснаго и верха философіи внѣшней достигшаго. Прежде всего мы съ нимъ перевели съ Латинскаго на Славянскій языкъ оглавленіе книгамъ Злотоустовымъ, вопервыхъ для того, чтобъ всѣ знали, сколько переведено изъ нихъ на Славянскій языкъ и какое

множество еще не переведено; вовторыхъ, чтобъ благовѣрные мужи возревновали по Богѣ и перевели остальное; втретьихъ потому, что нѣкоторые поэты и многіе еретики приписали свои сочиненія Златоустому, чтобъ удобнѣе принимались ради его имени: такъ пусть реестръ нашъ покажетъ, чтó принадлежитъ Златоусту и чтó нѣтъ. По разсмотрѣніи этихъ главъ, я хотѣлъ начать переводъ посланій Апостола Павла, объясненныхъ Златоустымъ, и искалъ мужей, хорошо владѣющихъ Славянскимъ языкомъ, но не могъ найдти. Кого нашелъ изъ монаховъ и мірскихъ, тѣ не хотѣли помочь мнѣ: монахи отреклись, не похвально уничижая себя, не говорю—лицемѣрно или отъ лѣности; мірскіе не захотѣли, будучи объяты суетами міра сего и терніемъ подавляя сѣмя благовѣрія. Я боялся, что въ молодости не навыкъ Слявянскому языку, потому что безпрестанно обращался въ исполненіи повелѣній царевыхъ, въ чину стратилатскомъ, потомъ въ синклитскомъ, исправлялъ дѣла, иногда судебныя, иногда совѣтническія, часто и съ воинствомъ ополчался противъ враговъ креста Христова. И сюда пріѣхавши, принужденъ былъ королемъ къ службѣ военной, а когда освободился отъ службы, ненавистные и лукавые сосѣди мѣшали мнѣ заняться этимъ дѣломъ, желая отнять у меня имѣніе, королемъ данное мнѣ на пропитаніе, желая и крови моей насытиться. Не смотря на то, покусился я съ означеннымъ юношею Амвросіемъ перевести нѣкоторыя изъ словъ Златоустовыхъ, до сихъ поръ еще на Славянскій языкъ не переведенныя». Въ придисловіи къ переводу своему книги Іоанна Дамаскина—*Небеса* Курбскій указываетъ на значеніе просвѣщенія и вооружается противъ тѣхъ, которые въ Московскомъ государствѣ не понимали этого значенія: «Да пріемлемъ слова предобрѣйшія и, Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, или, лучше сказать, лукавымъ прелестникамъ, выдающимъ себя за учителей. Я самъ отъ нихъ слыхалъ, еще будучи въ Русской землѣ, подъ державою Московскаго царя: прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ и указываютъ: вотъ этотъ

отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ. О бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ еретики обличаются, а нѣкоторые исправляются, это оружіе они отнимаютъ, и это врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ!» Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «У насъ и десятой части книгъ учителей нашихъ старыхъ не переведено, по лѣности и нерадѣнію властителей нашихъ, потому что нынѣшняго вѣка мнимые учители больше въ Болгарскихъ басняхъ или въ бабьихъ бредняхъ упражняются, читаютъ ихъ и хвалятъ, нежели великихъ учителей разумомъ наслаждаются. Господи Христе Боже нашъ! отвори намъ мысленныя очи и избави насъ отъ такихъ»[53]. Наконецъ, чтобъ дать опору православнымъ въ борьбѣ съ католицизмомъ, Курбскій написалъ исторію Флорентійскаго собора.

Такъ дѣйствовалъ для поддержанія вѣры предковъ въ Россіи западной одинъ изъ первыхъ грамотѣевъ земли Московской, ученикъ Максима Грека. Это почетное имя, имя ученика Максимова, принадлежитъ не одному Курбскому: оно встрѣчается и при имени другихъ писателей второй половины XVI вѣка, и всего лучше показываетъ намъ значеніе знаменитаго Святогорскаго инока. Курбскій въ исторіи князя великаго Московскаго говоритъ, что митрополитъ Даніилъ злою смертію уморилъ въ своемъ домѣ преподобнаго Силвана, Максимова ученика, искуснаго въ любомудріи внѣшнемъ и духовномъ. Этотъ Силванъ, сотрудникъ Максима въ переводахъ, славился какъ грамматикъ; въ одномъ сборникѣ XVII вѣка находится слѣдующее мѣсто: «Никому нельзя правильно писать, кто не знаетъ грамматическаго устроенія, ниже родовъ, ниже чиселъ, ниже падежей, ниже временъ, ниже склоненій, ниже окончательныхъ буквъ по родамъ во всѣхъ падежахъ, болѣе же въ притяжательныхъ именахъ, какъ говоритъ старецъ Селиванъ, ученикъ Максима Грека, преподобнаго старца»[54].

Третій ученикъ Максима Грека, Зиновій Отенскій, знаменитъ былъ на Востокѣ тѣмъ же, чѣмъ Курбскій на Западѣ, борьбою съ новоявившимися ересями, именно съ ересью Θеодосія Косаго. Въ началѣ книги, написанной для обличенія этой

ереси, Зиновій разсказываетъ, что однажды пришли къ нему въ монастырь три человѣка, двое монаховъ и одинъ міряninъ; на вопросъ Зиновія, кто они и откуда? монахи отвѣчали, что они клирошане Старорусскаго Спасова монастыря, одного зовутъ Герасимомъ, а другаго Аѳанасіемъ, міряninъ же иконописецъ художествомъ, а зовутъ его Ѳедоромъ. «Бога ради» говорили они Зиновію: «не отринь насъ отъ себя, не скрой пользы, какъ спастись?» Зиновій отвѣчалъ: «Вы называете себя клирошанами, постоянно слѣдовательно читаете Св. Писаніе, научающее какъ спастись». Клирошане: «Книги писаны закрыто». Зиновій: «Открыто божественное Евангеліе и Отческія слова, всякому хотящему готовы къ разумѣнію». Клирошане: «Просвѣщеннымъ открыто писаніе, а непросвѣщеннымъ и очень закрыто». Зиновій: «Всякому и не книжнику понятно божественное Евангеліе и Отческія писанія». Клирошане: «Есть теперь ученіе, и это нынѣшнее ученіе хвалятъ многіе, потому что открыто, а Отческое ученіе закрыто, и потому Отческое ученіе читать не полезно; умоляемъ тебя: скажи намъ ты истину и не отринь насъ Бога ради». Зиновій: «Отческое ученіе знаю хорошо и божественнаго Василія книгу постническую знаю, а нынѣшняго ученія не вѣдаю, о которомъ вы говорите». Клирошане: «Бога ради, скажи намъ истину: нынѣшнее ученіе какъ по твоему? божественно оно, отъ Бога ли? вѣдь хорошо нынѣшнее ученіе, потому что возбраняетъ послѣдовать человѣческимъ преданіямъ и повелѣваетъ послѣдовать писанію, столповымъ книгамъ; Бога ради, скажи намъ истину; многими хвалится и принимается новое ученіе и многіе его любятъ». Зиновій отвѣчалъ, что оцѣнка *новому* ученію готова уже изъ самаго названія его: оно *новое*, слѣдовательно беззаконное, ибо Апостолъ Павелъ сказалъ: «аще и Ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ наче еже пріяти, анаѳема да будетъ». «Да скажите, кто это новый учитель?» Клирошане: «Новому ученію учитель Ѳеодосій, прозвищемъ Косой».—Зиновій: «Съ самаго начала, объявивши только имя учителя, уже вы показали развращенность уче-

и: косое может ли быть прямо? но скажите, кто и откуда ють учитель?»
Клирошане разсказали судьбу Косаго, потомъ изложили его ченіе. Тогда Зиновій приступилъ къ опроверженію этого учеи. Мы оставимъ богословскую сторону опроверженія, какъ мъ непринадлежащую, и обратимъ вниманіе на научныя едства, какими обладали самые грамотные люди времени. казывая необходимость первой причины, Зиновій говоритъ: Не было нигдѣ писано, чтобъ произошла когда птица не отъ ца, или яйцо не произошло отъ птицы, кромѣ такъ-назымаго уединеннаго финика (феникса); также и рыба: нѣтъ ыбы не отъ икры, нѣтъ икры не отъ рыбы. Гдѣ же всему иму родоначальникъ? Скажетъ ли послѣдователь самобытной еси, что отъ воздуха родоначальники явились, потому что ь воздушныхъ тучъ нѣкогда дождило жито, иногда пепелъ, огда серебряныя крохи, какъ въ лѣтописныхъ книгахъ пиется, да и на нашей памяти однажды на безводной землѣ, слѣ сильнаго дождя, были найдены рыбы мертвыя: но не здухъ родитель всему этому, а снизу облака почерпаютъ водою рыбу, и потомъ съ дождемъ испускаютъ ее опять землю; ни земля, ни воздухъ въ 7074[55] года не произвели ь себя вновь никакихъ родоначальниковъ, но воспитываютъ вшихъ уже». Въ книгѣ Зиновія особенно важны для насъ азанія на связь новой ереси съ старою, съ ересью Жидовствующихъ, на желаніе послѣдователей Косаго утвердиться на торитетѣ старца Вассіана (князя Патрикѣева) и Максима ека. Такъ клирошане, между прочимъ, сказали Зиновію: Монастыри, преступая заповѣдь нестяжанія, имѣютъ села. Ъ этомъ очень хорошо писалъ князь Вассіанъ, также и аксимъ Грекъ много говорилъ объ этомъ, написалъ и разговоръ между любостяжателемъ и нестяжателемъ». Зиновій отвѣчалъ: «Города и веси ничѣмъ не отличаются отъ монастыей относительно исполненія заповѣдей Господнихъ: почему е Вассіанъ и Максимъ осуждаютъ монастыри за преступлеіе евангельскихъ заповѣдей, а на города и села никакого за-

зора не положили? Каждая страна имѣетъ свой обычай
климату своему (по особому ея строенія чину солнечнаго р
обхожденія и воздушнаго пошествія): какъ же можно
страны ввести въ одинъ обычай единаго гражданства? Вас
Великій говоритъ, что одежда и пища постниковъ должна б
по обычаю каждой земли. Благоговѣйный Максимъ, кажет
забылъ объ этихъ словахъ Великаго Василія! Я человѣкъ г
бый, смысла премудраго Максима разумѣть не могу, но
маю, что онъ писалъ произвольно (хотѣньемъ своего помы
обносился). Русскіе монастыри осуждалъ онъ за любостяжа
а самъ не могъ, по примѣру пророка Даніила и трехъ от
ковъ, оставить великаго князя трапезу, какъ монахъ зако
положникъ нестяжанію въ монастыряхъ Русскихъ, но б
самъ изъ числа многостяжательныхъ. И Латинскіе, и Русс
монастыри одинаково милостынею питаются; различествую
только тѣмъ, что Латинскій монастырь каждую недѣлю
раза городъ проходитъ, собирая брашно и вино, а Русс
монастыри, одинъ разъ лѣтомъ пришедши въ деревню, д
ную имъ въ милостыню, соберутъ плодъ, а остальное вре
года безмолвствуютъ въ монастырѣ, прилежа посту и моли
вамъ. Хотя и высоко любомудрствовалъ о нестяжаніи добр
Максимъ, однако неприлично ему было Латинской области
ереси монастырь предъ Русскими монастырями возвышать.
показалъ онъ, что нестяжаніе въ которой-нибудь странѣ и ч
стяжаніе, потому что разныя страны не одинакое устроен
отъ Бога имѣютъ. Онъ писалъ только для укора, потому и
представилъ въ примѣръ Египетскихъ монастырей, котор
просіяли силами и знаменіями, какъ небеса звѣздами, но пре
ставилъ въ примѣръ Латинскій монастырь; еслибъ предложи
въ примѣръ Египетскій монастырь, то извѣстно, что Египе
ская страна не похожа на Русскую. Слезы навертываются
глазахъ, когда вспомнишь, какъ живутъ эти иноки, которы
осуждаютъ за то, что они владѣютъ селами: кожа на рук
у нихъ растрескалась отъ работы, лица осунулись, воло
въ безпорядкѣ, ноги посинѣли и опухли; сборщики пода

[ка]зуютъ ихъ немилосердно; денегъ у нихъ столько, что у [ни]щихъ, которые приходятъ къ нимъ за милостынею, больше: [р]ѣдкаго можно найдти пять или шесть серебрениковъ. Пища [и]хъ — хлѣбъ овсяный невѣянный, колосья ржаные толчоные; [пи]тье — вода; горячее кушанье изъ капустнаго листа, у бо[га]тыхъ свекла и рѣпа; сладкое кушанье — рябина и калина. [А] князь Вассіанъ какъ жилъ въ Симоновѣ? не угодно ему [бы]ло Симоновскихъ блюдъ кушать — хлѣба ржанаго, щей, [св]екольника, каши; молока промзглаго и пива монастырскаго, [по]лощающаго желудокъ, не пилъ потому, что это кушанье и [пит]ьо съ деревень шло, вмѣсто этого онъ питался кушаньями, [ко]торыя приносили ему со стола великокняжескаго; пилъ же [не]стяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино».

Ненависть къ обличителю первой ереси, Іосифу Волоцкому, [от]рыгнула у Ѳеодосія Косаго и его послѣдователей; клирошане [ск]азали Зиновію: «Косой говоритъ, что не подобаетъ теперь [по]слѣ седьмаго собора писать книгъ, а Іосифъ Волоцкій на[п]исалъ книги свои послѣ седьмаго собора законопреступно, и [п]отому читать ихъ не должно». Понятно, что Зиновію легко [б]ыло отвѣчать на это, и, между прочимъ, онъ замѣтилъ: «Косой укоряетъ книгу Іосифову потому, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, ересь его обличается». Находимъ и еще очень важное указаніе на ересь Жидовствующихъ и ея продолженіе. Клирошане говорили: «Нѣкоторые въ символѣ говорятъ: жду Воскресенія мертвыхъ, и Максимъ Грекъ такъ велѣлъ говорить, ибо *чаять* рѣчь не тверда: чаемъ того, что̀ будетъ или не будетъ, а чего ждемъ, то будетъ непремѣнно». Зиновій отвѣчалъ имъ: «Максимъ Грекъ былъ очень ученъ, искусенъ и въ переводѣ съ Греческаго языка на Латинскій; когда онъ пришелъ изъ Святой Горы, и великій князь Василій велѣлъ ему переводить псалтырь толковую съ Греческаго языка на Русскій, то онъ пріискалъ толмачей Латинскихъ и перевелъ псалтырь съ Греческаго языка на Латинскій, а толмачи Латинскіе переводили съ Латинскаго на Русскій, потому что Максимъ Русскій языкъ мало разумѣлъ. Но во времена вели-

каго князя Ивана и сына его Василія возникла ересь безб ная, и многіе тогда вельможи и люди чиновные въ эту ер поползнулись. Великіе князья судъ на нечестіе воздвигли, о бенно великій князь Василій, и огнемъ хульниковъ истреби тогда многіе вельможи, страха ради предъ самодержцемъ, верглись нечестія, только лицомъ, а не сердцемъ, они умыслили лукавство на святое исповѣданіе вѣры, потряс народную рѣчь и ввели новое, говоря, что слово *чаю* смыс неопредѣленнаго, а Максимъ принялъ это отъ вельможъ. думаю, что и это лукавое умышленіе христоборцевъ или л дей грубыхъ смысломъ — возводить въ книжныя рѣчи отъ о щихъ народныхъ рѣчей, тогда какъ по моему приличнѣе кни ными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжны народными обезчещивать».

Послѣ полемическихъ сочиненій религіознаго и политическаго содержанія, въ которыхъ сказался бурный вѣкъ Грознаго, вѣкъ движенія, разнаго рода попытокъ и протестовъ, наше вниманіе останавливаютъ два памятника, въ которыхъ общество старалось собрать свои нравственныя средства и представило — въ одномъ сводѣ правила житейской мудрости, въ другомъ сокровища церковныхъ ученій и образцы высшей духовной жизни: первый памятникъ — Домострой, второй Макарьевскія Минеи.

Неудивительно, что съ Домостроемъ, собраніемъ правилъ житейской мудрости, домашняго, семейнаго благочинія, соединено имя Сильвестра, знаменитаго руководителя нравственности молодаго царя, устроителя благочинія въ семействѣ царскомъ. Въ Домостроѣ [56] безспорно принадлежитъ Сильвестру послѣдняя глава, начинающаяся такъ: «Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анфиму». Это поученіе сыну, подкрѣпленное собственнымъ примѣромъ, очень напоминающее поученіе Мономаха, легко можетъ быть принято за совершенно отдѣльное сочиненіе, неимѣющее никакой связи съ собственно такъ-называемымъ Домостроемъ и приложенное къ послѣднему поз-

дѣйшимъ составителемъ или переписчикомъ по сходству содержанія. И потому сначала мы должны обратиться къ собственно Сильвестрову поученію, и потомъ къ пространному Домострою, имѣющему также для насъ большую важность по изложенію понятій и обычаевъ времени: «Сынъ мой!» говоритъ Сильвестръ: «ты имѣешь на себѣ и святительское благословеніе, и жалованіе государя царя, государыни царицы, братьевъ царскихъ и всѣхъ бояръ, и съ добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получилъ все доброе: такъ умѣй совершать о Богѣ, какъ начато при нашемъ попеченіи. Имѣй вѣру къ Богу, все упованіе возлагай на Господа, прибѣгай всегда съ вѣрою къ Божіимъ церквамъ: заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не пропивай; повечерницу, полунощницу и часы ты долженъ пѣть каждый день въ своемъ домѣ; если возможно, по времени, прибавишь правила: это отъ тебя зависитъ: большую милость отъ Бога получишь. Въ церкви и дома на молитвѣ самому, женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ стоять со страхомъ, не разговаривать, не озираться; читать единогласно, чисто, не вдвое. Священническій и иноческій чинъ почитай; повинуйся отцу духовному, въ домъ свой призывай священниковъ служить молебны. Въ церковь приходи съ милостынею и съ приношеніемъ. Церковниковъ, нищихъ, малолѣтныхъ, бѣдныхъ, скорбныхъ, странныхъ призывай въ домъ свой, по силѣ накорми, напой, согрѣй, милостыню давай въ дому, въ торгу, на пути. Помни, сынъ, какъ мы жили: никогда никто не вышелъ изъ дому нашего тощъ или скорбенъ. Имѣй любовь нелицемѣрную ко всѣмъ, не осуждай никого, не дѣлай другому, чего самъ не любишь, и больше всего храни чистоту тѣлесную, да возненавидь хмѣльное питье; Господа ради отвергни отъ себя пьянство: отъ него рождаются всѣ злые обычаи; если отъ этого сохранитъ тебя Господь, то все благое и полезное отъ Бога получишь, отъ людей честенъ будешь и душѣ своей просвѣтъ сотворишь на всякія добрыя дѣла. Жену люби и въ законѣ съ ней живи; что самъ дѣлаешь, тому же и

жену учи: всякому страху Божію, всякому знанію и промыслу, рукодѣлью и домашнему обиходу, всякому порядку (поряднѣ). Умѣла бы сама и печь и варить, всякую домашнюю *порядню* знала бъ и всякое женское рукодѣлье; хмѣльнаго питья отнюдь бы не любила, да и дѣти и слуги у ней также бы его не любили; безъ рукодѣлья жена ни на минуту бъ не была, также и слуги. Съ гостями у себя и въ гостяхъ отнюдь бы не была пьяна, съ гостями вела бы бесѣду о рукодѣльи, о домашнемъ порядкѣ, о законной христіанской жизни, а не пересмѣивала бы, не переговаривала бы ни о комъ; въ гостяхъ и дома пѣсней бѣсовскихъ и всякаго срамословія ни себѣ, ни слугамъ не позволяла бы; волхвовъ, кудесниковъ и никакого чарованія не знала бы. Если жена не слушается, всячески наказывай, страхомъ, а не гнѣвайся, наказывай наединѣ, да наказавъ примолви, и жалуй и люби ее. Также дѣтей и домочадцевъ учи страху Божію и всякимъ добрымъ дѣламъ. Домочадцевъ своихъ одѣвай и корми достаточно. Ты видѣлъ, какъ я жилъ въ благоговѣніи и страхѣ Божіи, въ простотѣ сердца, въ церковномъ прилежаніи со страхомъ, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; ты видѣлъ, какъ я былъ отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ; всякому старался я угодить, ни передъ кѣмъ не гордился, никому не прекословилъ, никого не осуждалъ, не просмѣивалъ, не укорялъ, ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида—терпѣлъ и на себя вину полагалъ; отъ того враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія; нищаго, страннаго, скорбнаго никогда не презрѣлъ; заключенныхъ въ темницы, плѣнныхъ, должныхъ выкупалъ, голодныхъ кормилъ; рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ. И всѣ эти рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, и молятъ за насъ Бога, и добра хотятъ намъ всегда. Теперь домочадцы наши всѣ свободные, живутъ у насъ по своей волѣ. Видѣлъ ты, сколько я сиротъ, и рабовъ, и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, въ Новгородѣ и въ Москвѣ вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста, научилъ, кто къ чему былъ способенъ:

многихъ грамотѣ, писать, пѣть; иныхъ иконному писанію, другихъ книжному рукодѣлію; однихъ серебряному мастерству, другихъ другому какому-нибудь рукодѣлію, нѣкоторыхъ выучилъ торговать. Также и мать твоя многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ воспитала, выучила и, надѣливъ, замужъ отдавала; а мущинъ мы поженили у добрыхъ людей. Многіе изъ нихъ въ священническомъ и дьяконскомъ чину, въ дьякахъ, подъячихъ и во всякихъ чинахъ, кто чего дородился и въ чемъ кому благоволилъ Богъ. Во всѣхъ этихъ нашихъ вскормленникахъ и послуживцахъ ни сраму, ни убытка, никакой продажи отъ людей, ни людямъ отъ насъ, ни тяжбы ни съ кѣмъ не бывало; а отъ кого изъ нихъ досада и убытки большіе бывали, то все на себѣ понесено, никто того не слыхалъ, а намъ то Богъ исполнилъ. И ты, сынъ, такъ же дѣлай: на себѣ всякую обиду понеси и претерпи: Богъ сугубо исполнитъ. Гостей пріѣзжихъ у себя корми; а на сосѣдствѣ и съ знакомыми любовно живи, о хлѣбѣ, о соли, о доброй сдѣлкѣ, о всякой ссудѣ. Поѣдешь куда въ гости, поминки недорогіе вези за любовь. А въ пути отъ стола подавай домохозяевамъ и приходящимъ, сажай ихъ съ собою за столъ и питейца́ также подавай; а маломочнымъ милостыню давай. Если такъ будешь дѣлать, то вездѣ тебя ждутъ и встрѣчаютъ, въ путь провожаютъ, отъ всякаго лиха берегутъ, на стану не подадутъ, на дорогѣ не разобьютъ. Кормятъ вотъ для чего: добраго за добро, а лихаго отъ лиха, чтобъ на добро обратился. Во всемъ этомъ убытка нѣтъ: въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ-соль заемное дѣло; и поминки тоже, а дружба вѣчная и слава добрая. На дорогѣ, въ пиру, въ торговлѣ отнюдь самъ брани не начинай, а кто выбранитъ, терпи, Бога ради. Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ-нибудь брань, то ты на своихъ бранись, а будетъ дѣло кручиновато, то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: тѣмъ брань утолишь, также убытка и вражды не будетъ. Недруга напоить и накормить: то вмѣсто вражды дружба. Вспомни великое Божіе милосердіе къ намъ и заступленіе: отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня никто

не давалъ, на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много, деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ, много было изъ нихъ смутьяновъ и бражниковъ: но со всѣми съ тѣми въ сорокъ лѣтъ разстался я безъ остуды, безъ пристава, безо всякой кручины. Все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, да своимъ терпѣніемъ. А самъ у кого что́ покупалъ, продавцу отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ и соль сверхъ. Отсюда дружба во вѣкъ: мимо меня не продастъ, худаго товара не дастъ. Кому что̀ продавывалъ, все въ любовь, не въ обманъ: не понравится кому мой товаръ, назадъ возму и деньги отдамъ; о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало: оттого добрые люди во всемъ вѣрили, иноземцы и здѣшніе. Никому ни въ чемъ ни солгано, ни манено, ни пересрочено; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давывалъ, ложь никому ни въ чемъ не бывала. Видѣлъ ты самъ, какія большія сплетки со многими людьми бывали, да все, далъ Богъ, безъ вражды кончалось. А вѣдаешь и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми: правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостію и безо всякой лжи».

Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполнѣ. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устраивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло—вотъ Сильвестръ! Таковъ именно долженствовалъ быть этотъ человѣкъ: иначе мы не поймемъ его нравственнаго вліянія на молодаго царя, не поймемъ того, какъ простой священникъ могъ собрать около себя остатки боярства. Но спросятъ: какъ же при этой кротости, уклончивости, Сильвестръ успѣлъ раздражить противъ себя царя и царицу? Это объясняется очень легко изъ того же образа мыслей и дѣйствій, какой высказывается въ Домостроѣ: Сильвестръ къ Іоанну на-

ходился въ отношеніи наставника, руководителя; здѣсь онъ считалъ своею обязанностію поступать строго, требовать буквальнаго исполненія предписаннаго; мы видѣли, что Сильвестръ предписываетъ сыну ударить домочадца хотя бы и праваго, лишь бы только предотвратить вражду и убытокъ; Іоаннъ былъ для Сильвестра свой, ученикъ, сынъ; какъ самъ Сильвестръ, при столкновеніи съ другими, считалъ своею обязанностію уклоняться, уступать, предотвращая вражду, такъ требовалъ того же самаго и отъ царя въ столкновеніяхъ послѣдняго съ боярами: отсюда объясняются намъ жалобы Іоанна на это принесеніе въ жертву его выгодъ выгодамъ бояръ; пользуясь своимъ нравственнымъ вліяніемъ, Сильвестръ позабывалъ въ Іоаннѣ царя и видѣлъ въ немъ только молодаго человѣка, обязаннаго быть кроткимъ, терпѣливымъ и послушнымъ; въ боярахъ видѣлъ онъ мужей совѣта и доблести, и вотъ когда молодой царь рѣшался прекословить имъ, настаивать на своемъ мнѣніи, какъ напримѣръ относительно войны Ливонской, то Сильвестръ смотрѣлъ на это какъ на грѣхъ и грозилъ молодому человѣку небесною карою за своевольство.

Не смотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну носитъ, повидимому, религіозный, христіанскій характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его — научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности, предписывается доброе дѣло, и сейчасъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него; предписывая уступчивость, уклоненіе отъ вражды, и основываясь при этомъ, повидимому, на христіанской заповѣди, Сильвестръ доходитъ до того, что предписываетъ человѣкоугодничество, столь противное христіанству: «ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: этимъ брань утолишь, убытка и вражды избудешь». Вотъ слѣдствіе того, что христіанство понято не въ духѣ, а въ плоти! Сильвестръ считаетъ добрымъ дѣломъ освободить рабовъ, хвалится, что у него всѣ домочадцы свободные, живутъ по своей волѣ, и въ то же время считаетъ

позволительнымъ бить домочадца, хотя бы онъ и справедливъ былъ: хочетъ исполнить форму, а духа не понимаетъ, не понимаетъ, что христіанство, ученіе божественное и вѣчное, не имѣетъ дѣла съ формами преходящими, дѣйствуетъ на духъ, на его очищеніе и посредствомъ этого очищенія дѣйствуетъ уже и на улучшеніе формъ.

Что смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приноситъ и житейской пользы человѣку — видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра; онъ говорилъ сыну: «подражай мнѣ! смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ уноровилъ». Но подъ конецъ вышло, что не всѣмъ уноровилъ, ибо всѣмъ уноровить дѣло невозможное; истинная мудрость велитъ работать одному господину. По всѣмъ вѣроятностямъ, и во время болѣзни царя Сильвестръ хотѣлъ всѣмъ уноровить, вслѣдствіе чего уклонился, голоса его въ началѣ не было слышно, а потомъ онъ хотѣлъ помирить князя Владиміра съ больнымъ Іоанномъ, говорилъ присягнувшимъ боярамъ: «Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? онъ государю добра хочетъ?»

Въ пространномъ Домостроѣ говорится объ обязанностяхъ къ Богу, духовнымъ пастырямъ, ближнему вообще, къ царю. Между предписаніями религіозными, общими всѣмъ временамъ, насъ останавливаютъ особенныя, напримѣръ: св. крестъ, образа, мощи цѣловать, перекрестясь, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая; зубами просвиры не кусать, какъ обыкновенный хлѣбъ, но ломать маленькими кусочками и класть въ ротъ, ѣсть губами, и ртомъ не чавкать. Если съ кѣмъ хочешь сотворить цѣлованіе о Христѣ, также долженъ духъ въ себѣ удержать и губами не плюскать. Поразсуди человѣческую немощь: нечувственнаго духа гнушаемся—чесночнаго, хмѣльнаго, больнаго и всякаго смрада: коль мерзки предъ Господомъ нашъ смрадъ и обоняніе!»

Объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ говорится такъ: «Имѣть попеченіе отцу и матери о дѣтяхъ: снабдить ихъ и

воспитать въ добромъ наказаніи; учить страху Божію, приличному поведенію (*вѣжеству*) и всякому благочинію; по времени, и по дѣтямъ, и по возрасту смотря, учить рукодѣлію, кто чего достоинъ, кому какую способность (*просугъ*) Богъ далъ. Любить ихъ и беречь и страхомъ спасать; уча, и наказуя, и разсуждая, раны возлагать. Казни сына своего отъ юности, и будетъ покоить тебя на старости; не ослабѣвай бія младенца; если жезломъ бьешь его, не умретъ, но здоровъ будетъ; бія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти, и проч. т. п. А у кого дочь родится, то разсудительные люди откладываютъ на нее отъ всякаго приплода, также полотна и прочее каждый годъ ей въ особый сундукъ кладутъ, всего прибавляютъ постоянно по немножку, а не вдругъ; дочери ростутъ, страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, то все готово».

Относительно обязанностей дѣтей къ родителямъ не встрѣчаемъ ничего особеннаго противъ общихъ нравственныхъ правилъ. Обязанности замужней женщины Домострой опредѣляетъ такъ: она ходитъ въ церковь по возможности, по совѣту съ мужемъ. Мужья должны учить женъ своихъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ. Если жена по мужнему наученію не живетъ, то мужу надобно ее наказывать наединѣ, и, наказавъ, пожаловать и примолвить, другъ на друга не должны сердиться. Слугъ и дѣтей также, посмотря по винѣ, наказывать и раны возлагать, да наказавъ, пожаловать, а хозяйкѣ за слугъ печаловаться: такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе неймется, то плетью постегать, а побить не передъ людьми, наединѣ; а по уху, по лицу не бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа. Жены мужей своихъ спрашиваютъ о всякомъ благочиніи и во всемъ имъ покоряются. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ дневную работу; всякое кушанье, мясное и рыбное, всякій приспѣхъ скоромный

и постный и всякое рукодѣлье она должна сама умѣть сдѣлать, чтобъ могла и служанку научить; если все знаетъ мужнимъ наказаніемъ и грозою и своимъ добрымъ разумомъ, то все будетъ споро и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь никогда не была бы безъ дѣла: тогда и служанкамъ, смотря на нее, повадно дѣлать; мужъ ли придетъ, гостья ли придетъ — всегда бъ за рукодѣльемъ сидѣла сама; то ей честь и слава и мужу похвала; никогда не должны слуги будить хозяйку, хозяйка должна будить слугъ. Съ слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей и пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя жонки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій бы день жена у мужа спрашивалась и съ нимъ совѣтовалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣми, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльѣ и домашнемъ устройствѣ, примѣчать, гдѣ увидитъ что̀ хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо, кто что̀ укажетъ — низко челомъ бить и, пришедши домой, все мужу сказать. Съ такими добрыми женщинами пригоже сходиться, ни для ѣды, ни для питья, а для доброй бесѣды и науки, внимать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать; спросятъ о чемъ про кого другіе — отвѣчать: не знаю, ничего не слыхала и сама о ненадобномъ не спрашиваю, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересужаю. Отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна пить безхмѣльную брагу и квасъ, и дома и въ людяхъ; тайкомъ отъ мужа ни ѣсть, ни пить; чужаго у себя не держать безъ мужня вѣдома; обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ, а не съ холопомъ и не съ рабою. Безлѣпицъ домашнихъ мужу не доносить; въ чемъ сама не можетъ управиться, о томъ должна сказать мужу въ правду.

Объ отношеніяхъ къ слугамъ Домострой говоритъ: «Господа должны людей своихъ жаловать, кормить, поить, одѣвать, въ теплѣ держать, во всякомъ покоѣ и благоденствіи; а если держать у себя людей не по силѣ, не по доходу, не довольствовать ихъ ѣдою, питьемъ и одеждою, или держать нерукодѣль-

ныхъ, которые сами ничего не умѣютъ промыслить: такимъ слугамъ по неволѣ, со слезами, и лгать, и красть, и развратничать, мущинамъ разбивать и красть и въ корчмѣ пить. Такимъ безумнымъ господамъ отъ Бога грѣхъ и отъ людей посмѣхъ, а съ сосѣдями дурное житье. Слугамъ приказывай: о людяхъ не переговаривать, гдѣ въ людяхъ были и что видѣли недобро — того дома не сказывали бы, а что дома дѣлается, того въ людяхъ не пересказывали бы; помнили бы о томъ, зачѣмъ посланы, а о другомъ о чемъ станутъ спрашивать — не отвѣчать, поскорѣе отдѣлавшись, домой идти; такъ между господами никакой ссоры не будетъ. Куда пошлютъ слугу въ добрые люди, то онъ долженъ у воротъ легонько поколотить; когда будетъ идти по двору и кто спроситъ: за какимъ дѣломъ идешь? отвѣчать: не къ тебѣ я посланъ; къ кому посланъ, съ тѣмъ и буду говорить; должно сказать только, отъ кого идешь, пусть скажутъ господину. У сѣней, избы или кельи должно ноги грязныя вытереть, носъ высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворить; если аминя не отдадутъ, то и въ другой, и въ третій разъ молитву сотворить, побольше перваго раза; если и тутъ отвѣта не дадутъ, то легонько потолкаться; когда впустятъ, святымъ иконамъ поклониться и отъ господина челобитье и посылку править, и въ это время носа не копать пальцемъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкать, ни плевать, если же нужно, то, отшедъ въ сторону, устроиться, вѣжливенько стоять и на сторону не смотрѣть, исправить, что наказано, ни о чемъ другомъ не бесѣдовать и скорѣе къ себѣ идти. Гдѣ случится быть, при господинѣ или безъ господина, никакой вещи ни ворошить, ни смотрѣть, ни съ мѣста не переложить, ѣды и питья не отвѣдывать; что куда послано, того также не подсматривать и не отвѣдывать.

Вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ Русскимъ обществомъ! Женщина поставлена здѣсь на видномъ мѣстѣ; ея дѣятельность обширна, она — хозяйка, то-есть раньше всѣхъ встаетъ она, будитъ слугъ и до ночи не

перестаетъ работать; указываетъ, распоряжается, минуты ... не можетъ быть праздна; мужъ долженъ каждый день хо... въ церковь ко всѣмъ службамъ, жена по возможности, ско... позволяли ей хозяйственныя заботы. Женщина — мать не... первомъ планѣ; кратко, въ общихъ выраженіяхъ говори... что она вмѣстѣ съ мужемъ должна воспитывать дѣтей ... страхѣ Божіемъ и благочиніи, должна учить дочерей руко... ямъ; гораздо подробнѣе говорится, какъ со дня рож... дочери она должна копить ей приданое; матеріальныя, хо... ственныя заботы должны поглощать все существо женщи... начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, когда она могла ... закону выходить замужъ. Но вотъ она переступаетъ пор... дома, ѣдетъ въ гости; чего же требуетъ отъ нея здѣсь До... строй? Съ гостями она должна бесѣдовать о рукодѣльѣ ... домашнемъ строеніи: какъ порядокъ вести и какое рукодѣл... сдѣлать. Необходимаго для возстановленія нравственныхъ ... развлеченія, перемѣны занятія, перемѣны предмета для ра... вора нѣтъ и быть не должно, по общественнымъ условія... Домострой совершенно правъ, предписывая женщинѣ занимат... только хозяйствомъ и говорить только о хозяйствѣ, ибо друг... приличнаго для нея занятія, другаго приличнаго для нея ра... говора нѣтъ: если она не будетъ говорить о хозяйствѣ, то ... будетъ пересмѣхать, переговаривать; дома она должна посто... но сидѣть за работою или распоряжаться работами други... развлеченія, какимъ она можетъ предаться — все это развле... нія постыдныя, вредныя: пустые, пересмѣшные разговоры ... слугами, разговоры съ торговками, жонками бездѣльны... волхвами. Повторяю, что мы не имѣемъ никакаго права упр... кать Домострой въ жестокости къ женщинѣ: у него нѣтъ при... личныхъ, невинныхъ удовольствій, которыя бы онъ могъ пре... ложить ей, и потому онъ принужденъ отказать ей во вся... удовольствіи, принужденъ требовать, чтобъ она не имѣ... минуты свободной, которая можетъ породить въ ней желані... удовольствія неприличнаго, *или*, что̀ всего хуже, желаніе ра... веселить себя хмѣлемъ. Сколько женщинъ по доброй вол...

могло приближаться къ идеалу, начертанному Домостроемъ; скольких надобно было заставлять приближаться къ нему силою, и сколькихъ нельзя было заставить приблизиться къ нему никакою силою; сколько женщинъ предавалось названнымъ неприличнымъ удовольствіямъ? — на этотъ вопросъ мы отвѣчать не рѣшимся.

Много главъ посвящено въ Домостроѣ подробностямъ хозяйственнымъ: какъ всякое платье кроить, остатки и обрѣзки беречь, всякую посуду и снасть ремесленную въ порядкѣ держать, чтобъ все было свое, не нужно было идти ни за чѣмъ на чужой дворъ; какъ всякое платье носить бережно; какъ запасъ годовой и всякій товаръ покупать: покупать все, чему привозъ, чтó дешево; какъ огородъ и садъ водить? и проч. т. п. Въ главѣ о томъ, какъ избу устроить хорошо и чисто, видимъ только перечисленіе посуды, которую должно держать въ чистотѣ и порядкѣ; предписывается мыть избу, стѣны, лавки, скамьи, полъ, окна, двери, у нижняго крыльца класть сѣно для обтиранія ногъ, передъ дверями рогожку или войлокъ. Объ иконахъ говорится, что ихъ должно ставить на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ, свѣтильниками и завѣсою.

Всякій день мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами поетъ на дому вечерню, павечерницу, полунощницу. Послѣ правила отнюдь ни пить, ни ѣсть, ни разговаривать; въ полночь должно тайно вставать и со сезами Богу молиться.

Когда предлагается трапеза, то въ началѣ священники прославляютъ Отца, и Сына, и Св. Духа, потомъ Богородицу, Пречистой хлѣбъ вынимаютъ, и, по окончаніи стола, Пречистой хлѣбъ воздвизаютъ, и, отпѣвъ *Достойно*, ѣдятъ и чашу Пречистой пьютъ; а потомъ о здравіи и за упокой. Когда передъ тобой поставятъ пищу, то не смѣй хулить, а съ благодарностію ѣшь. Очень любопытно наставленіе, какъ вести себя на свадьбѣ, показывающее нравы и обычаи времени: «Когда званъ будешь на бракъ, то не упивайся до пьянства и не засиживайся поздно, потому что въ пьянствѣ и долгомъ сидѣньи бываетъ брань, свара, бой, кровопролитіе. Не говорю

не пить вовсе, нѣтъ! но говорю не упиваться; я дара Божія не хулю, но хулю пьющихъ безъ воздержанія».

Что̀ касается до знаменитаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Макарьевскихъ Миней, то объ немъ всего лучше можно получить понятіе изъ предисловія (лѣтописца) самого составителя: «1553 года, мѣсяца Ноября, далъ я эту святую великую книгу Минею Четію мѣсяцъ Ноябрь и прочія 12 великихъ книгъ. Въ этихъ Четіихъ Минеяхъ всѣ книги чтомыя собраны: Св. Евангеліе — четыре Евангелиста толковыхъ, Св. Апостолъ и всѣ св. апостольскія посланія, и дѣянія съ толкованіями, и три великихъ псалтыри разныхъ толковниковъ и Златоустовы книги, Златоструй и Маргаритъ,, и Великій Златоустъ, и Великій Василій и Григорій Богословъ съ толкованіями и великая книга Никонская съ прочими посланіями его, и прочія всѣ святыя книги собраны и написаны въ нихъ пророческія и апостольскія и отеческія и праздничныя слова и похвальныя слова и всѣхъ святыхъ отецъ житія и мученія святыхъ мучениковъ и святыхъ мученицъ, житія и подвиги преподобныхъ и богоносныхъ отецъ и святыхъ женъ страданія и подвиги, и всѣ святые патерики написаны, азбучные, Іерусалимскіе, Египетскіе, Синайскіе, Скитскіе, Печерскіе и всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ Русской землѣ находятся, и съ новыми святыми чудотворцами. Написалъ я эти святыя книги въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей; особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ рѣчей, переводя ихъ на Русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить».

До насъ дошли и подробности, какъ трудился Макарій при составленіи своихъ Миней, дошли имена грамотѣевъ, которымъ онъ поручалъ написаніе житій святыхъ: такъ подъ 1537 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Новгородъ изъ Москвы сынъ боярскій, храбрый воинъ, Василій Ми-

хайловичъ Тучковъ, для сбора ратныхъ людей; узнавши, что этотъ Тучковъ издѣтства навыкъ Св. Писанію, Макарій началъ благословлять его на духовное дѣло, чтобъ написалъ житіе Михаила Клопскаго; оно и прежде было написано, но очень просто, потому что тогда люди въ Новгородѣ еще не были искусны въ писаніи. По благословенію же Макарія, уже митрополита, инокъ Варлаамъ (въ міру Василій) написалъ страданіе пресвитера Исидора Новаго и 72 Русскихъ людей, замученныхъ Нѣмцами въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ), въ княженіе Іоанна III, при митрополитѣ Филиппѣ и Новгородскомъ владыкѣ Іонѣ: Исидоръ былъ священникомъ при церкви св. Николая и св. Георгія Каппадокійскаго въ Юрьевѣ въ Русскомъ концѣ, возбудилъ противъ себя Нѣмцевъ обличеніями ихъ вѣры, былъ схваченъ съ своими прихожанами во время крестнаго хода на рѣку Омовжу въ день Богоявленія, заключенъ въ темницу, на увѣщанія принять латинство отвѣчалъ сильнѣйшими обличеніями и утопленъ въ той же рѣкѣ Омовжѣ вмѣстѣ съ 72 Русскими [87]. Тотъ же Василій (Варлаамъ) написалъ нѣсколько житій другихъ святыхъ, въ томъ числѣ и житіе Евфросина Псковскаго, о которомъ уже выше было сказано. Лѣтописецъ говоритъ, что въ 1536 году по приказанію владыки Макарія была переведена толковая псалтырь съ Латинскаго языка на Русскій: перевелъ Димитрій Толмачь въ глубокой старости.

Къ описываемому времени относится составленіе Степенной книги — изложенія церковныхъ и гражданскихъ событій Русской исторіи съ религіозной точки зрѣнія. Въ описываемое время, какъ мы видѣли, явилась потребность писать украшеннымъ языкомъ; Макарій не былъ доволенъ древнимъ житіемъ св. Михаила Клопскаго, ибо оно было очень просто написано; Степенная книга представляетъ образецъ того слога, который считался красивымъ, напримѣръ въ похвалѣ великому князю Василію: «Поистиннѣ убо царь нарицашеся, иже царствуяй надъ страстьми и сластемъ одолѣвати могій, иже цѣломудрія вѣнцомъ вѣнчанный и порфирою правды облеченный. Таковъ

убо бысть сей: истовый велеумный правитель, вседоблій наказатель, истинный кормчій, изящный предстатель, молитвенникъ крѣпокъ, чистотѣ рачитель, цѣломудрія образъ, терпѣнія столпъ, княземъ Русскимъ и боярамъ и прочимъ вельможамъ и всѣмъ людемъ о благочестіи твердый поборникъ, архіереямъ и всему освященному собору благоразумный соглагольникъ» и проч.

Составленіе лѣтописей продолжалось по прежнему: въ дошедшихъ до насъ спискахъ легко усмотрѣть два рода составленія — правительственное и частное; что въ описываемое время лѣтописи составлялись правительственными лицами, подъ высшимъ надзоромъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: въ описи царскаго архива читаемъ: «Списки черные, писалъ память, что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ, которые у Алексѣя (Адашева) взяты»; или: «Ящикъ 224, а въ немъ списки, что писати въ Лѣтописецъ, лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76»[58]. Но въ то же время частными людьми составлялись въ Москвѣ и другихъ городахъ другаго рода лѣтописи, въ которыхъ находимъ неодобреніе казнямъ и опричнинѣ. Въ своемъ мѣстѣ были приведены эти отзывы лѣтописей, какъ видно, въ Москвѣ составленныхъ. Псковской лѣтописецъ очень сильно вооружается противъ Московскихъ распоряженій; говоря о переводѣ Нѣмцевъ изъ Юрьева въ Московскіе города, онъ прибавляетъ: «свели ихъ не вѣдаемъ за что̀, Богъ вѣсть, измѣнивши прямое слово, которое воеводы дали имъ какъ Юрьевъ отворили, что не выводить ихъ изъ города». Псковской лѣтописецъ такъ объясняетъ причину гнѣва Іоаннова на бояръ: «Пришелъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ великою опалою въ великій Новгородъ и многихъ нарочитыхъ людей погубилъ, многое множество людей на правежѣ побито было, иноческаго и священническаго чина и монахинь; и была туга и скорбь въ людяхъ большая, святыя обители и церкви Божіи и села запустѣли. Кромѣ того царь велѣлъ править посоху подъ нарядъ и мосты мостить въ Ливонскую землю, зелейную руду сбирать, и отъ

этого налога и правежа всѣ Новгородцы и Псковичи обнищали и въ посоху пошли сами, а давать стало нечего, и тамъ въ чужой землѣ померли отъ голода и холода, отъ мостовъ и наряда; въ Псковѣ байдаки и лодки большія посохой тянули подъ Ливонскіе города, и, потянувши немного, покинули по лѣсамъ, тутъ они сгнили, а людей погубили. Взявъ 24 города у Нѣмцевъ, своихъ людей посадилъ съ нарядомъ и запасами, запасы возили изъ дальнихъ городовъ изъ Замосковныхъ, наполнилъ чужіе города Русскими людьми, а свои пусты положилъ. Когда царь возвратился въ Русь, то Нѣмцы собрались изъ-за морья, да Литва пришла изъ Польши и всѣ эти города себѣ побрали, Русскихъ людей въ нихъ побили, а къ царю прислали Нѣмца, лютаго волхва, именемъ Елисея (Бомелія), и былъ онъ у него въ приближеньи, любимцемъ. Навелъ Елисей на царя страхованье, сталъ тотъ бѣгать отъ нахожденія невѣрныхъ и совсѣмъ было отвелъ царя отъ вѣры: на Русскихъ людей царю свирѣпство внушилъ, а къ Нѣмцамъ на любовь преложилъ. Безбожные Нѣмцы узнали по своимъ гаданіямъ, что быть имъ до конца раззоренными: для этого они такого злаго еретика и подослали къ царю, потому что падки Русскіе люди на волхвованіе. И наустилъ Елисей царя на убійство многихъ родовъ княжескихъ и боярскихъ, напослѣдокъ и самому внушилъ бѣжать въ Англійскую землю и тамъ жениться, а своихъ остальныхъ бояръ побить. Но Елисея не допустили до этого, самого смерти предали, да не до конца раззорится Русское царство и вѣра христіанская. Такова была держава грознаго царя Ивана Васильевича». Бомелій былъ медикъ, родомъ Голландецъ: и по иностраннымъ свидѣтельствамъ это былъ негодяй, подучавшій Іоанна на убійства и составлявшій отравы, но потомъ обвиненный въ сношеніяхъ съ Баторіемъ и сожженный всенародно въ Москвѣ [59].

Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сборникахъ нашихъ попадается повѣсть о началѣ Царяграда и взятіи его Турками. Думаютъ, что повѣсть эта, неизвѣстнаго сочинителя, могла быть принесена скоро послѣ описываемаго въ ней событія Греками, кото-

рые начали приходить въ Москву за милостынею. Но въ естественной связи съ нею помѣщается разсказъ о распоряженіяхъ султана Магомета, разсказъ, помѣщаемый и отдѣльно, и приписываемый Ивану Пересвѣтову, о которомъ мы уже упоминали [60]. Разсказъ этотъ имѣетъ политическое значеніе и непосредственное отношеніе къ обстоятельствамъ Іоаннова времени. Распоряженія Магомета II-го, почерпнувшаго мудрость изъ христіанскихъ книгъ, представляются въ образецъ: «Царь Магометъ салтанъ велѣлъ со всего царства всѣ доходы къ себѣ въ казну собирать и ни въ одномъ городѣ вельможамъ своимъ намѣстничества не далъ, чтобъ они не прельщались судить неправедно, и давалъ имъ жалованье ежегодно изъ казны своей царской, кто чего достоинъ, и во все царство судъ далъ прямой». Слѣдуетъ описаніе жестокой казни судьямъ за неправду: съ нихъ живыхъ сдирали кожу. «Магометъ салтанъ такъ говорилъ: нельзя царю царство безъ грозы держать: царь Константинъ (Палэологъ) далъ волю вельможамъ: и Богъ разгнѣвался на него, на вельможъ его и на все царство за то, что они правдою гнушались. Магометъ велѣлъ принести книги полныя и докладныя и сжечь ихъ; постановилъ, что рабъ долженъ служить только семь лѣтъ, а если дорого купленъ, то девять; царь Магометъ выписалъ изъ христіанскихъ книгъ ту мудрость, что въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры.... Греки хвалятся государевымъ царствомъ благовѣрнаго царя Русскаго, другаго христіанскаго царства вольнаго и закона Греческаго нѣтъ; и въ спорахъ съ Латинами Греки на Русское царство указываютъ: еслибы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда Турецкая была, то съ Русскими людьми Ангелы бесѣдовали бы».

Выше приведенъ былъ разсказъ Псковскаго лѣтописца и свидѣтельства иностранцевъ-современниковъ о лѣкарѣ Бомеліи. По этому поводу явилась повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа, что былъ царь православный, боголюбимый и милостивый, ходившій по заповѣдямъ Божіимъ; но, по дѣйству дьявольскому, явился при немъ одинъ изъ синклитовъ, чаро-

злой, который вошелъ къ нему въ милость и началъ клеветать на людей неповинныхъ; оскорбилъ царь неповинныхъ различными печалями, и самъ отъ нихъ печаль имѣлъ и страхъ. И приспѣло время мести Божіей: встали окрестные города и поплѣнили его земли, города разорили, людей поразили и до царствующаго града дошли; царь, видя бѣду, покаялся и извергъ чародѣя съ товарищами его [61].

Событія царствованія Грознаго перешли и въ народныя преданія: въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ встрѣчаемъ пѣсню о взятіи Казанскаго царства: согласно съ настоящимъ событіемъ, и въ пѣсни говорится, что городъ взятъ былъ подкопомъ; говорится, что великій князь Московскій только по взятіи Казанскаго царства воцарился и насѣлъ на Московское царство, что тогда только Москва основалась, и съ тѣхъ поръ пошла великая слава: мы видѣли, что самъ Іоаннъ однимъ изъ титуловъ своихъ на царскій титулъ считалъ покореніе царства Казанскаго. — Въ пѣснѣ, какъ Ермакъ Сибирь взялъ, говорится, что три Донскихъ атамана собрались въ устьѣ Волги, и старшій изъ нихъ, Ермакъ, говорилъ товарищамъ: «Не корыстна у насъ шутка зашучена: гуляли мы по морю синему, убили мы посла Персидскаго, и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать! Въ Астрахани жить нельзя, на Волгѣ жить — ворами слыть, на Яикъ идти — переходъ великъ, въ Казань идти — грозенъ царь стоитъ, въ Москву идти — перехватаннымъ быть: пойдемте мы въ Усолья къ Строгановымъ!» Пѣсня разнится съ лѣтописью въ томъ, что посылаетъ самого Ермака въ Москву бить челомъ царю Сибирью. Въ пѣснѣ о Мастрюкѣ Темрюковичѣ описывается борьба Черкасскаго князя Мастрюка, шурина Грознаго, съ двумя Московскими богатырями: послѣдніе остаются побѣдителями. Какъ въ этой пѣснѣ, такъ и въ пѣснѣ объ Ермакѣ, самымъ приближеннымъ къ царю лицомъ является большой бояринъ Никита Романовичъ. Преданія о грозномъ царствованіи, богатомъ казнями, о любимомъ опричникѣ Малютѣ Скуратовѣ, скоромъ исполнителѣ кровавыхъ приказаній, о ненависти Годуновыхъ къ Романовымъ, о сыноубій-

ствѣ, за которымъ слѣдовало горькое раскаяніе убійцы — всѣ эти преданія, перемѣшавшись, исказившись въ памяти народной, отозвались въ пѣснѣ: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское». Іоаннъ является въ народной памяти грознымъ царемъ, покорителемъ Казани, Астрахани, Рязани, выводчикомъ измѣны изъ Кіева и Новгорода. Любопытно видѣть, какъ народныя сказанія и пѣсни, искажая главныя событія, вѣрно сохраняютъ нѣкоторыя мелкія черты. Извѣстно, что Іоаннъ въ припадкѣ гнѣва, увидавши человѣка ему неугоднаго, вонзалъ ему въ ногу острый жезлъ свой; такъ онъ поступилъ съ слугою Курбскаго, подавшимъ ему письмо отъ своего господина. Въ пѣснѣ Іоаннъ дѣлаетъ то же самое съ Никитою Романовичемъ, на котораго Годуновы донесли, что онъ веселился во время скорби царя о потерѣ сына. Мы упоминали о Донскомъ атаманѣ Мишкѣ Черкашенинѣ [62], который былъ грозою для Азова; въ пѣснѣ сохранилось преданіе объ этомъ польскомъ (степномъ) атаманѣ: «За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою, изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго, какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго, привезли убитаго атамана польскаго, атамана польскаго, а по имени Михайла Черкашенина [63]».

Что касается вообще до состоянія просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ въ царствованіе Грознаго, то мы не могли не замѣтить усиленнаго литературнаго движенія противъ прежняго. Движенія, и политическое и религіозное, возбуждали умственную дѣятельность, вызывали на борьбу словомъ, къ которой нельзя было приступить безъ приготовленія, безъ начитанности; примѣръ царя, въ словесной премудрости ритора, и людей къ нему близкихъ не могъ не имѣть вліянія; духовное оружіе собиралось, складывалось въ одно мѣсто, чтобъ удобнѣе можно было имъ пользоваться; митрополитъ Макарій собралъ всѣ извѣстныя на Руси духовныя книги въ двѣнадцать громадныхъ фоліантовъ; монастыри продолжали собирать книги, а какую важность придавали они своимъ библіотекамъ, видно изъ того, что при нихъ были особые книгохранители;

въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ было болѣе 1000 книгъ. Не смотря однако на усиленіе литературной дѣятельности, на распространеніе грамотности, общество, уважая грамотность, было еще далеко до убѣжденія въ необходимости ея даже для членовъ своихъ, занимавшихъ первыя мѣста въ государствѣ: если въ бояринѣ князѣ Курбскомъ видимъ замѣчательнаго по тогдашнимъ средствамъ писателя, то къ соборной грамотѣ 1566 года двое вельможъ, Иванъ Шереметевъ Меньшой и Иванъ Чеботовъ, рукъ не приложили, потому что грамотѣ не умѣли. Въ поручной записи по бояринѣ Иванѣ Петровичѣ Яковлевѣ находимъ припись: «которые князья и дѣти боярскіе въ сей записи написаны, а у записи рукъ ихъ нѣтъ: и тѣ князья и дѣти боярскіе, ставши передъ дьякомъ, сказали: что они Ивана Петрова ручали, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, потому что они грамотѣ не умѣютъ». Были и такіе, которые отвращали молодыхъ людей отъ ученія, стращая ихъ помѣшательствомъ ума и ересями. Въ Домостроѣ не видимъ увѣщанія отцамъ учить дѣтей грамотѣ, которая признается необходимостію только для духовнаго сословія и людей приказныхъ. Мы видѣли, какія средства для распространенія грамотности въ Московскомъ государствѣ употребилъ соборъ 1551 года. Въ житіи св. Гурія Казанскаго говорится, что господинъ посадилъ его въ темницу; другъ приносилъ ему сюда бумаги и чернилъ, и святый писалъ книжицы въ наученіе дѣтямъ, продавалъ ихъ и вырученныя деньги раздавалъ нищимъ. Въ западной Россіи были школы при церквахъ: въ 1572 году Димитрій Митуричь просилъ у князя Константина Острожскаго участка пустой земли, съ тѣмъ, чтобъ не нести съ нея никакихъ повинностей, а только служить при церкви, держать школу и быть уставникомъ. Поссевинъ пишетъ, что князья Острожскій и Слуцкій имѣютъ типографіи и школы, которыми схизма питается [64].

Къ царствованію Іоанна IV относится и введеніе того могущественнаго средства, которое окрылило мысль человѣческую, введеніе книгопечатанія. Еще въ XV вѣкѣ появилось книго-

печатаніе въ Славянскихъ странахъ, именно въ Краковѣ съ 1491 года; съ 1525 года видимъ книгопечатаніе и въ Вильнѣ. Царь Іоаннъ въ 1548 году, между другими мастерами, выписывалъ изъ Германіи и типографщиковъ; но ихъ не пропустили въ Россію. Въ 1552 году Датскій король Христіанъ III присылалъ въ Москву Ганса Миссенгейма, съ предложеніемъ царю принять протестантизмъ; Миссенгеймъ привозилъ съ собою Библію и двѣ другія книги, въ которыхъ содержалась сущность христіанской вѣры по новому ученію. Еслибы царь согласился на предложеніе королевское, то Миссенгеймъ, переведя привезенныя имъ книги на Русской языкъ, долженъ былъ напечатать ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Неизвѣстно, какъ принятъ былъ Миссенгеймъ Іоанномъ; невѣроятно, чтобъ царь поручилъ устроеніе типографіи человѣку, присланному явно съ цѣлію распространенія протестантизма. По Русскимъ извѣстіямъ, царь, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строющихся многихъ церквей, велѣлъ скупать ихъ на торгахъ, но оказалось очень мало исправныхъ; это привело Іоанна къ мысли о необходимости книгопечатанія; митрополитъ Макарій одобрилъ эту мысль, и съ 1553 года приступили къ дѣлу, построили домъ царскою казною, въ которомъ только съ 1563 года начали заниматься книгопечатаніемъ два мастера — дьяконъ отъ Николы Гостунскаго, Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ; кромѣ нихъ мы уже прежде встрѣчали имя мастера печатныхъ книгъ Марушу Нефедьева подъ 1556 годомъ. 1-го Марта 1564 года окончено было печатаніе первой книги — Дѣяній апостольскихъ и соборныхъ посланій съ посланіями Апостола Павла. Въ XVII вѣкѣ ходили слухи, что эти первые мастера печатнаго дѣла научились своему искусству у Нѣмцевъ; нѣкоторые же говорили, что сначала Русскіе мастера печатали книги малыми и неискусными начертаніями, а послѣ выучились печатать лучше у Нѣмцевъ (у Фряговъ).

Хотя книгопечатаніе было заведено съ цѣлію прекратить порчу книгъ, однако, при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія,

не было средствъ повѣрить Славянскаго текста Греческимъ и изъ Славянскихъ текстовъ выбрать лучшій. Правописаніе въ первой печатной нашей книгѣ очень плохое, но внѣшность, по времени, очень удовлетворительна. Первые мастера, напечатавши въ 1565 году Часовникъ, принуждены были бѣжать изъ Москвы за границу, обвиненные въ ереси; они сами потомъ объясняли это гоненіе завистію многихъ начальниковъ, священноначальниковъ и учителей, которые на нихъ многія ереси умышляли, желая благое претворить во зло, не потому, чтобы навыкли грамматической хитрости или были исполнены духовнаго разума, но такъ, понапрасну злое слово пронесли. Есть извѣстіе, что типографскій домъ былъ сожженъ неблагонамѣренными людьми. Въ 1568 году была напечатана Андроникомъ Невѣжею Псалтирь въ Москвѣ, въ 1578 она же напечатана въ Александровской слободѣ; но въ извѣстіи XVII вѣка о книгопечатномъ дѣлѣ говорится, что Андроникъ Невѣжа съ товарищами печаталъ часовники и псалтыри, Апостолы и Евангелія, тріоди, октои и прочія божественныя книги. Московскіе изгнанники, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, удалившись въ Литву, напечатали тамъ много книгъ: оба трудились въ Заблудовѣ, у гетмана Хоткѣвича; потомъ Иванъ Ѳедоровъ печаталъ во Львовѣ, Петръ Тимоѳеемъ въ Вильнѣ, наконецъ Иванъ Ѳедоровъ перешелъ въ Острогъ, къ князю Константину, и въ 1581 году напечаталъ тамъ цѣлую Славянскую Библію. Хотя къ этому важному изданію приступлено было, повидимому, съ достаточнымъ приготовленіемъ, однако Острожская Библія заключаетъ въ себѣ важныя ошибки; князь Константинъ жалуется, что у него было мало помощниковъ, а одинъ изъ этихъ немногихъ помощниковъ сознается, что никогда не видѣлъ училища.

Первая книга — Апостолъ, была напечатана на плотной Голландской бумагѣ. Лѣтописцы оставили намъ извѣстія о дороговизнѣ бумаги, что̀, разумѣется, должно было ихъ занимать: такъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1545 годомъ находимъ извѣстіе: въ этомъ году была бумага дорога, десть 2 алтына

книжная; подъ 1555: бумага дорога была, листъ полденьги писчей.

Считаемъ приличнымъ окончить обзоръ внутренняго состоянія Русскаго общества при Іоаннѣ IV словами одного наблюдательнаго иностранца: «Что будетъ изъ Русскихъ людей, если они къ своимъ способностямъ переносить суровую жизнь и довольствоваться малымъ присоединятъ еще искусство воинское? Еслибы они сознавали свою силу, то никто не могъ бы соперничать съ ними и сосѣди не имѣли бы отъ нихъ покою» [65]. Иностранцы смотрѣли односторонне: имъ все казалось, что наука увеличитъ только матеріальныя средства Русскихъ людей, которые употребятъ эти средства противъ сосѣдей. Наука даетъ сознаніе не однѣхъ матеріальныхъ, но и нравственныхъ силъ, даетъ народу средства умѣрять силы матеріальныя, направлять ихъ ко благу своему и ко благу другихъ народовъ.

ГЛАВА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

Неспособность Ѳеодора къ правленію. Мстиславскій и Шуйскій, Романовы и Годуновъ. Смуты при воцареніи Ѳеодора. Удаленіе царевича Димитрія въ Угличъ. Богданъ Бѣльскій и его удаленіе. Царское вѣнчаніе. Смерть боярина Никиты Романовича. Борьба Годунова противъ Мстиславскихъ и Шуйскихъ и торжество его. Изображеніе царя Ѳеодора. Изображеніе Годунова.

Іоаннъ Грозный, собственно говоря, былъ послѣдній Московскій государь изъ Рюриковой династіи. Собираніе земли, уничтоженіе прежнихъ родовыхъ отношеній между князьями и коренившагося на этихъ отношеніяхъ положенія дружины не обошлись безъ насильственныхъ, кровавыхъ явленій, которыя, усиливаясь все болѣе и болѣе, подъ конецъ достигли страшныхъ размѣровъ и принесли свои плоды: боковыя линіи въ потомствѣ Василія Темнаго пресѣклись: князья изъ этихъ линій перемерли безпотомственно въ темницахъ или погибли насильственною смертію; наконецъ, вслѣдствіе страшной привычки давать волю гнѣву и рукамъ, Грозный поразилъ смертельно старшаго сына, поразивши, какъ говорятъ, и внука въ утробѣ материнской. Отчаяніе сыноубійцы должно было увеличиваться сознаніемъ того положенія, въ какомъ онъ оставлялъ свое потомство: младшій сынъ Ѳеодоръ былъ неспособенъ къ правле-

нію; потомъ родился у Іоанна отъ пятой жены еще сынъ, Димитрій; но этотъ при смерти отца былъ еще въ пеленкахъ.

Такимъ образомъ, и по смерти Грознаго государство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и по смерти отца его: хотя сынъ Грознаго, Θеодоръ, вступилъ на престолъ и возрастнымъ, но былъ младенецъ по способностямъ, слѣдовательно нужна была опека, регенство, и открывалось поприще для борьбы за это регенство. Но такъ какъ младенчество Θеодора было постоянно, и онъ умеръ не оставя кровныхъ наслѣдниковъ, то борьба бояръ за регентство въ его царствованіе получаетъ уже новое значеніе: здѣсь должны были выставиться не могущественнѣйшіе только роды боярскіе, но будущія династіи: двѣ изъ нихъ погибли въ борьбѣ, въ буряхъ смутнаго времени; третья утвердилась на престолѣ Рюриковичей.

Изъ князей Гедиминовичей большимъ почетомъ пользовалась фамилія князей Мстиславскихъ; при смерти Іоанна князь Иванъ Θеодоровичъ Мстиславскій занималъ первое мѣсто между боярами: но члены этой фамиліи не отличались никогда значительными способностями, энергіею; гораздо виднѣе въ этомъ отношеніи была младшая линія знаменитаго Патрикѣевскаго рода, линія князей Голицыныхъ, и представитель ея, князь Василій Васильевичъ, является искателемъ престола въ смутное время.

Князей потомковъ Рюрика было много, и южныхъ и сѣверныхъ, и племени Святослава Черниговскаго, и племени Всеволода III Суздальскаго; но князья эти, въ борьбѣ съ младшею линіею Невскаго, съ князьями Московскими, потеряли свое значеніе: отношенія родственныя, происхожденіе отъ одного родоначальника были забыты, когда эти князья назвались холопями государей Московскихъ; сами князья хорошо помнили свое прежнее значеніе, но народъ забылъ объ немъ: мы видѣли, какъ слаба была связь этихъ князей съ областями, которыми прежде владѣли ихъ предки, и какъ Іоаннъ Грозный, отобраніемъ въ казну и перемѣною вотчинъ, старался окончательно порвать всякую связь; притомъ и названіе: *князь* не

напоминало болѣе народу о происхожденіи отъ древнихъ властителей Россіи, ибо подлѣ Рюриковичей съ этимъ же титуломъ явились и Гедиминовичи Литовскіе, и выходцы изъ Орды и съ Кавказа.

Между князьями Рюриковичами, по прежнему, первое мѣсто, по родовымъ преданіямъ, по энергіи и выдающимся достоинствамъ своихъ членовъ, занимала фамилія Шуйскихъ. Опала, постигшая эту фамилію при совершеннолѣтіи Іоанна, не могла сломить ее: князь Петръ Шуйскій, какъ полководецъ, является на самомъ видномъ мѣстѣ, и хотя погибъ безъ славы во второй Оршанской битвѣ, но защита Пскова, въ которой прославился сынъ его, князь Иванъ Петровичъ, возстановила съ лихвою славу фамиліи. Извѣстно, какъ дорогъ бываетъ для народа одинъ успѣхъ среди многихъ неудачъ, какъ дорогъ бываетъ для народа человѣкъ, совершившій славный подвигъ, поддержавшій честь народную въ то время, когда другіе теряли ее: неудивительно потому встрѣчать намъ извѣстіе, что князь Иванъ Петровичъ Шуйскій пользовался особеннымъ расположеніемъ горожанъ Московскихъ, купцовъ и черныхъ людей.

Но подлѣ княжескихъ фамилій, Рюриковскихъ и Гедиминовскихъ, являются двѣ боярскія Московскія фамиліи, приблизившіяся къ престолу посредствомъ родства съ царями, фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ и Годуновыхъ. Конечно, ни потомки удѣльныхъ, представители отжившей старины, ни Литовскіе выходцы не имѣли такого историческаго права наслѣдовать собирателямъ земли, государямъ Московскимъ, какъ представители древняго, истаго Московскаго боярства, которое такъ усердно послужило собирателямъ земли при ихъ дѣлѣ. Ни одна изъ этихъ старыхъ, истыхъ боярскихъ фамилій такъ устойчиво не удерживала за собою виднаго мѣста, такъ неуклонно не присутствовала при дѣлѣ государственнаго созиданія, совершаемаго Москвою, какъ фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ [66]. Менѣе значительна была фамилія Годуновыхъ: Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ приблизился къ царю Іоанну посредствомъ брака своего на дочери любимца царскаго, извѣстнаго опричника,

Малюты Скуратова-Бѣльскаго; потомъ Годуновъ еще болѣе приблизился къ царскому семейству черезъ бракъ сестры его Ирины съ царевичемъ Θеодоромъ; личныя достоинства давали Борису средства сохранить и усилить значеніе, пріобрѣтенное имъ посредствомъ этихъ связей. Источники говорятъ согласно, что умирающій Іоаннъ поручилъ сыновей своихъ, Θеодора и Димитрія, нѣкоторымъ изъ самыхъ приближенныхъ вельможъ; но источники сильно разногласятъ относительно именъ и числа этихъ вельможъ. Одни называютъ только двухъ старшихъ членовъ Думы: князя Ивана Θедоровича Мстиславскаго и Никиту Романовича Юрьева; другіе называютъ Никиту Романовича и князя Ивана Петровича Шуйскаго; по нѣкоторымъ Іоаннъ приказалъ Θеодора Шуйскому, Мстиславскому и Никитѣ Романовичу; иные упоминаютъ неопредѣленно о четырехъ главныхъ совѣтникахъ, а иные, наконецъ, о пяти, прибавляя къ тремъ означеннымъ лицамъ еще двухъ — Богдана Бѣльскаго и Бориса Годунова. Сначала изъ этихъ вельможъ самымъ сильнымъ вліяніемъ пользовался дядя царскій, Никита Романовичъ [67]; но уже отъ Августа 1584 года мы имѣемъ извѣстіе о тяжкой болѣзни этого боярина [68].

Θеодоръ утвердился на престолѣ не безъ смутъ: какъ по смерти великаго князя Василія началась немедленно смута по поводу удѣльнаго князя, такъ и теперь смута началась также по поводу удѣльнаго князя, брата Θеодорова, Димитрія, хотя этотъ удѣльный и былъ младенецъ. Какъ видно, смута началась еще при жизни Іоанна, потому что въ первую же ночь по его смерти, 18 Марта, приверженные къ Θеодору вельможи обвинили въ измѣнѣ Нагихъ, родственниковъ Димитрія по матери, велѣли ихъ схватить, держать подъ стражею, схватили и многихъ другихъ, которыхъ жаловалъ покойный царь, и разослали по городамъ, иныхъ по темницамъ, другихъ за приставами; домы ихъ разорили, помѣстья и отчины роздали въ раздачу [69]. Волновались вельможи и горожане; для охраненія порядка отряды войска ходили по улицамъ и пушки стояли на площадяхъ. Потомъ Димитрій съ матерью, отцомъ ея и

[р]одственниками, Нагими, отосланъ былъ въ свой удѣлъ—Уг-[ли]чъ [70]. Иностранцы пишутъ, что главнымъ заводчикомъ смуты [въ] пользу Димитрія былъ Богданъ Бѣльскій, человѣкъ славив-[шійся] умомъ, досужествомъ ко всякимъ дѣламъ, безпокойный, [власт]олюбивый, склонный къ крамоламъ. По отъѣздѣ Димитрія [въ] Угличъ, Бѣльскій остался въ Москвѣ и продолжалъ крамолы; [всл]ѣдствіе чего противные ему бояре съ народомъ осадили [его] въ кремлѣ и принудили къ сдачѣ. Русскіе лѣтописцы [та]кже говорятъ о возстаніи Московскаго народа противъ Бѣль-[ска]го. По ихъ словамъ, въ народѣ разнесся слухъ, что Бѣль-[скі]й съ своими совѣтниками извелъ царя Іоанна, а теперь хо-[че]тъ побить бояръ, хочетъ искать смерти царю Ѳеодору, по-[слѣ] котораго быть ему самому на царствѣ Московскомъ. Чернь [взвол]новалась, возмутила и ратныхъ людей, пришли съ вели-[кою] силою и оружіемъ къ городу, и едва успѣли затворить [отъ] нихъ кремль. Къ черни пристали Рязанцы — Ляпуновы, [Кик]ины и другіе городовые дѣти боярскіе, оборотили пушку [къ] Фроловскимъ (Спасскимъ) воротамъ и хотѣли выбить ихъ [вонъ]. Тогда царь Ѳеодоръ выслалъ къ народу бояръ, князя [И]вана Ѳедоровича Мстиславскаго, Никиту Романовича Юрьева, [и] двоихъ дьяковъ, братьевъ Щелкаловыхъ, велѣлъ уговаривать [на]родъ милостиво, что возмутилъ его кто-нибудь не по дѣлу, [хо]тя пролитія крови христіанской, и разспросить, что̀ ихъ [п]риходъ въ городъ и на кого? На этотъ вопросъ въ народѣ [разда]лся крикъ: «Выдай намъ Богдана Бѣльскаго: онъ хочетъ [вы]вести царскій корень и боярскіе роды!» Тогда царь велѣлъ [о]бъявить народу, что Богдана Бѣльскаго онъ велѣлъ сослать [въ] Нижній Новгородъ; и народъ, слыша слова государевы и [ви]дя всѣхъ бояръ, розошелся по домамъ [71]. По другимъ из-[в]ѣстіямъ [72], въ народѣ ходили слухи, что Бѣльскій прочилъ [ц]арство Московское совѣтнику своему Борису Годунову и что [за]водчиками смуты были Рязанцы Ляпуновы и Кикины, по [на]ущенію князей Шуйскихъ. Наконецъ, по одному извѣстію, [по]водомъ къ смутѣ было слѣдующее обстоятельство: между [бо]ярами были двѣ стороны: къ одной принадлежали князья

Мстиславскій, Шуйскій, Голицынъ, Романовъ, Шереметевъ, Головинъ; къ другой — Годуновы, Трубецкіе, Щелкаловъ (?); Богданъ Бѣльскій хотѣлъ быть больше казначея, Петра Головина, и за Петра сталъ князь Мстиславскій, а за Богдана—Годуновъ; Бѣльскаго хотѣли убить до смерти, и едва ушелъ онъ къ царицѣ; въ это время одинъ сынъ боярскій выѣхалъ изъ кремля на торгъ, началъ скакать и кричать, что бояръ Годуновыхъ побиваютъ до смерти; народъ взволновался и двинулся къ кремлю; увидавши, что кремль заперть, всколебался еще сильнѣе и сталъ придвигать пушки къ воротамъ; тогда бояре помирились, выѣхали и уговорили народъ разойтись. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ этомъ дѣлѣ было убито 20 человѣкъ и около 100 ранено [73].

Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что приверженцы Θеодора опасались непріязненныхъ движеній со стороны приверженцевъ Димитрія, что Богданъ Бѣльскій, своими честолюбивыми стремленіями, возбудилъ противъ себя сильную ненависть многочисленной и могущественной стороны въ Думѣ, и долженъ былъ ей уступить вслѣдствіе случайнаго или подготовленнаго его врагами мятежа народнаго. Лѣтописецъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ, мстя за приходъ на Богдана Бѣльскаго, дворянъ Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ дѣтей боярскихъ, также многихъ посадскихъ людей, велѣлъ схватить и разослать по городамъ и темницамъ; но мы знаемъ, какъ лѣтописцы любили приписывать Годунову всякій насильственный поступокъ: они приписываютъ ему же и отдачу подъ стражу Нагихъ тотчасъ по смерти царя Іоанна; но мы знаемъ, что въ это время онъ вовсе не имѣлъ того могущества, которымъ обладалъ послѣ.

По словамъ лѣтописца, пришли изо всѣхъ городовъ въ Москву именитые люди и молили со слезами царевича Θеодора, чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Это извѣстіе очень любопытно: зачѣмъ явились именитые люди изъ городовъ въ Москву? былъ ли обычай прежде, что именитые люди изъ городовъ являлись въ

[...]ому поздравлять новаго государя, и теперь они, устрашен[...] смутами, умоляютъ Θеодора поскорѣе [74] принять царскій [...]? или положеніе дѣлъ было такъ смутно и опасно, или [...]тельно рождался вопросъ, кому быть царемъ — воз[...]ому, но неспособному Θеодору, или младенцу Димитрію, [...]ло такъ много людей на сторонѣ послѣдняго, что Дума [...] за нужное вызвать именитыхъ людей изъ городовъ? [...]ичанинъ Горсей, бывшій въ это время въ Москвѣ, го[...]тъ о соборѣ, бывшемъ 4 Мая, на которомъ присутствовали [...]рополитъ, архіепископы, епископы, игумены и все дворян[...] [75].

31 Мая 1584 года Θеодоръ вѣнчался на царство по прежним[...] [...]аямъ [76]; митрополитъ Діонисій говорилъ поученіе, увѣще[...] царя имѣть вѣру ко святымъ церквамъ и честнымъ мона[...]мъ, ему, митрополиту, и всѣмъ своимъ богомольцамъ по[...]аться, ибо честь воздающаяся святителю къ самому [...]сту восходитъ; братью свою по плоти любить и почитать; [...]ръ и вельможъ жаловать и беречь, по ихъ отечеству, и [...] всѣмъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и ко [...]му воинству быть приступну, милостиву и привѣтну; всѣхъ [...]равославныхъ христіанъ блюсти, жаловать и попеченіе о нихъ [...]ть отъ всего сердца, за обидимыхъ стоять царски и му[...]ски, не давать обижать не по суду и не по правдѣ; языка [...]аго и слуха суетнаго не принимать, оболгателя не слу[...] и злымъ людямъ вѣры не давать; быть любомудру или [...]рымъ послѣдовать, потому что на нихъ, какъ на престолѣ, [...]ъ почиваетъ; раздавать саны безвозмездно, ибо купившій [...]асть мздоимцемъ бываетъ, и проч.

Въ Апрѣлѣ 1586-го года умеръ бояринъ Никита Романо[...]ъ [77], и на его мѣсто, по словамъ лѣтописей, сталъ пра[...]телемъ братъ царицы, Борисъ Годуновъ, хотя какъ видно и [...]жде, при жизни Никиты Романовича, особенно пользуясь [...]ѣзнію послѣдняго, Борисъ не упускалъ случаевъ все болѣе [...] болѣе усиливать свое вліяніе на царя посредствомъ сестры; [...]рина же, какъ говорятъ современныя свидѣтельства, была

способна сама имѣть вліяніе и проводить вліяніе брата [78]. Но понятно, что утвержденіе на мѣстѣ правителя не могло обойтись для Годунова безъ борьбы съ людьми, которые считали за собою большія права на занятіе этого мѣста. Была вражда между боярами, говорятъ лѣтописцы, раздѣлились они на двѣ стороны: на одной Борисъ Годуновъ съ дядьями и братьями, съ нѣкоторыми князьями, боярами, дьяками, духовными и многими служилыми людьми; на другой сторонѣ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, а съ нимъ Шуйскіе, Воротынскіе, Головины, Колычовы, и другіе служилые люди, и чернь Московская. Говорятъ, что сначала Годуновъ привлекъ на свою сторону князя Мстиславскаго, такъ что тотъ назвалъ его себѣ сыномъ; но потомъ Шуйскіе, Воротынскіе, Голицыны, другіе бояре, служилые люди и чернь Московская стали уговаривать Мстиславскаго, чтобъ онъ, соединясь съ ними, извелъ Бориса. Мстиславскій долго отказывался, но потомъ согласился: положили убить Годунова на пиру въ домѣ Мстиславскаго. Извѣстіе вѣроятное: мы знаемъ, какъ дѣйствовали Шуйскіе въ малолѣтство Іоанна, а потомъ, въ грозное царствованіе отъ насильственныхъ, кровавыхъ поступковъ некогда было отвыкнуть; родовой характеръ, т.-е. родовая безхарактерность Мстиславскихъ изображена также вѣрно: сперва князь Иванъ отказывается, а потомъ соглашается на убійство названнаго сына. Какъ бы то ни было, свидѣтельства согласны, что на этотъ разъ борьба съ Годуновымъ велась во имя первенствующаго боярина, князя Мстиславскаго, и Годуновъ, соединясь съ дьяками Щелкаловыми, назвавши ихъ себѣ отцами, осилилъ противниковъ [79]: князь Иванъ Мстиславскій былъ схваченъ и постриженъ въ Кирилловѣ монастырѣ; Воротынскихъ, Головиныхъ и многихъ другихъ схватили и разослали по городамъ, нѣкоторыхъ заключили въ темницы; одинъ изъ Головиныхъ, Михайла, услыхавъ объ опалѣ родичей, ушелъ изъ своей Медынской отчины въ Литву къ Баторію.

Но Шуйскіе, искусно дѣйствуя черезъ другихъ, остались нетронутыми. Годуновъ съ своими совѣтниками держалъ на

нихъ большой гнѣвъ; они, съ своей стороны, ему противились и ни въ чемъ не поддавались; гости всѣ и Московскіе торговые черные люди стояли за Шуйскихъ и, говорятъ, хотѣли побить Годунова камнями, что заставило его искать мира съ Шуйскими. Митрополитъ Діонисій хотѣлъ быть посредникомъ: онъ позвалъ и Годунова, и Шуйскихъ къ себѣ, умолялъ помириться, и они послушались его увѣщаній. Но въ то время, какъ бояре были у митрополита, у Грановитой палаты собралась толпа торговыхъ людей; князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, вышедши отъ митрополита, подошелъ къ купцамъ и объявилъ имъ, что они, Шуйскіе, съ Борисомъ Ѳеодоровичемъ помирились; тутъ изъ толпы выступили два купца и сказали ему: «Помирились вы нашими головами: и вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть». Въ ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы невѣдомо куда. Любопытно это сильное участіе торговыхъ людей Московскихъ въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ; мы не можемъ не видать здѣсь слѣдствія поступковъ Грознаго, который, враждуя къ боярамъ, поднялъ значеніе горожанъ Московскихъ, призывая ихъ на соборъ, обращаясь къ нимъ съ жалобою на бояръ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу. Понятно, что поступокъ Годунова съ купцами не могъ поддержать мира между нимъ и Шуйскими. Послѣдніе придумали самое удобное средство сломить въ корню могущество Годунова, убѣдивши Ѳеодора развестись, по примѣру дѣда, съ неплодною Ириною и вступить въ новый бракъ: князь Иванъ Петровичъ Шуйскій и другіе бояре, гости Московскіе и всѣ люди купеческіе согласились и утвердились рукописаніемъ бить челомъ государю о разводѣ. Митрополитъ, котораго голосъ больше всѣхъ имѣлъ значенія въ этомъ дѣлѣ, также былъ согласенъ дѣйствовать заодно съ ними. Но Годуновъ узналъ о замыслѣ враговъ и постарался уговорить Діонисія не начинать дѣла. Между прочимъ, говорятъ, Борисъ представлялъ митрополиту, что и лучше, если у Ѳеодора не будетъ дѣтей, ибо, въ противномъ случаѣ, произойдетъ междоусобіе между ними и дядею ихъ, Димитріемъ Углицкимъ.

Естественно, что, отклонивши эту бѣду, Годуновъ не могъ долго оставлять въ покоѣ Шуйскихъ, давать имъ время еще что-нибудь придумать противъ него; естественно, что и Шуйскіе также не могли долго оставаться въ покоѣ. Лѣтописцы говорятъ, что Борисъ не умягчилъ своего сердца на Шуйскихъ и научилъ людей ихъ, Өедора Стараго съ товарищами, обвинить господъ своихъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1587 году, Шуйскихъ перехватали; князя Ивана Петровича схватили на дорогѣ, когда онъ ѣхалъ въ свою Суздальскую вотчину; вмѣстѣ съ Шуйскими схватили друзей ихъ, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасывыхъ и другихъ; людей ихъ пытали разными пытками и много крови пролили; пытали крѣпкими пытками и гостей Московскихъ, Өедора Нагая съ товарищами, и на пыткахъ они ничего не сказали. По окончаніи слѣдствія, князя Ивана Петровича Шуйскаго сослали въ отчину его, село Лопатничи, съ приставомъ, изъ Лопатничь отправили на Бѣлоозеро и тамъ удавили; князя Андрея Ивановича Шуйскаго сослали въ село Воскресенское, оттуда въ Каргополь и тамъ удавили; князя Ивана Татева сослали въ Астрахань, Крюка-Колычева въ Нижній Новгородъ, въ тюрьму каменную, Быкасывыхъ и другихъ знатныхъ людей разослали по городамъ, а гостямъ Московскимъ, Өедору Нагаю съ шестью товарищами, въ Москвѣ, на пожарѣ отсѣкли головы, другихъ торговыхъ людей заключили въ тюрьмы, нѣкоторыхъ разослали по городамъ на житье. Не знаемъ, вѣрить ли безусловно показанію лѣтописца объ участи двоихъ князей Шуйскихъ, Ивана и Андрея? дѣйствительно ли они были удавлены и именно по приказанію Годунова, или это былъ только слухъ? дѣло Романовыхъ научаетъ насъ осторожности. Любопытно, какъ само правительство, т.-е. Годуновъ съ своею стороною старались представить это дѣло правительствамъ иностраннымъ. Въ наказахъ посламъ, отправлявшимся въ Литву, находимъ: Спросятъ: за что̀ на Шуйскихъ государь опалу положилъ? и за что̀ казнили земскихъ посадскихъ людей? — отвѣчать: государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловалъ своимъ великимъ

жалованьемъ, далъ въ кормленье Псковъ и съ пригородами, съ тамгою и кабалами, чего ни одному боярину не давалъ государь. Братья его, князь Андрей и другіе братья стали предъ государемъ измѣну дѣлать, неправду, на всякое лихо умышлять съ торговыми мужиками, а князь Иванъ Петровичъ имъ потакалъ, къ нимъ присталъ и неправды многія показалъ предъ государемъ. То не диво въ государствѣ добрыхъ жаловать, а лихихъ казнить. Государь нашъ милостивъ: какъ сѣлъ послѣ отца на своихъ государствахъ, ко всѣмъ людямъ свое милосердіе и жалованье великое показалъ; а мужики, надѣясь на государскую милость, заворовали было, не въ свое дѣло вступилися, къ бездѣльникамъ пристали; государь велѣлъ объ этомъ сыскать, и которые мужики воры такое бездѣлье учинили, тѣхъ пять или шесть человѣкъ государь велѣлъ казнить; а Шуйскаго князя Андрея сослалъ въ деревню, за то, что къ бездѣльникамъ приставалъ, а опалы на него никакой не положилъ; братья же князя Андрея, князь Василій, князь Дмитрій, князь Александръ и князь Иванъ, въ Москвѣ; а князь Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій, тотъ былъ на жалованьѣ на Каргополѣ, и теперь, думаемъ, на Москвѣ; бояринъ князь Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ себѣ въ отчину новую, въ государево данье, на Кинешму: городъ у него большой на Волгѣ, государь ему пожаловалъ за Псковскую осаду; а мужики, всѣ посадскіе люди теперь по старому живутъ. — Если спросятъ: зачѣмъ же въ кремлѣ городѣ въ осадѣ сидѣли и стражу крѣпкую поставили? — отвѣчать: этого не бывало, это сказалъ какой-нибудь бездѣльникъ: отъ кого отъ мужиковъ въ осадѣ сидѣть? а сторожа въ городѣ и по воротамъ не новость: такъ издавна ведется: сторожа по воротамъ, и дѣти боярскіе приказщики живутъ для всякаго береженья [80].

Лилась кровь на пыткахъ, на плахѣ; лилась кровь въ усобицѣ боярской — и вотъ митрополитъ Діонисій воспомнилъ свою обязанность печалованія: видя многое убійство и кровопролитіе неповинное, онъ, вмѣстѣ съ Крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, началъ говорить царю о многихъ не-

правдахъ Годунова. Но какое дѣйствіе могли произвести слова архіереевъ на ребенка, привязаннаго къ своей нянькѣ? Годуновъ оболгалъ царю архіереевъ, говоритъ лѣтописецъ: Діонисій и Варлаамъ были свергнуты и заточены въ Новгородскіе монастыри; въ митрополиты возведенъ былъ Іовъ, архіепископъ Ростовскій, человѣкъ вполнѣ преданный Годунову.

О митрополитѣ Діонисіи существуетъ мнѣніе, что онъ, будучи честолюбивъ, уменъ, сладкорѣчивъ, дѣйствовалъ противъ Годунова въ союзѣ съ Шуйскими вслѣдствіе оскорбленнаго честолюбія, вслѣдствіе того, что Годуновъ мѣшалъ его вліянію на набожнаго царя [81]. Діонисій могъ быть уменъ и сладкорѣчивъ: во многихъ хронографахъ онъ называется *мудрымъ грамматикомъ*; но чтобы онъ дѣйствовалъ противъ Годунова изъ честолюбія, на это нѣтъ никакихъ современныхъ свидѣтельствъ. Діонисій является въ началѣ миротворцемъ между Годуновымъ и Шуйскими; потомъ, когда тотчасъ же послѣ примиренія Годуновъ опять началъ вражду, сославши неизвѣстно куда двоихъ приверженцевъ Шуйскаго, митрополитъ соединяется съ послѣднимъ, но позволяетъ уговорить себя Борису не начинать дѣла о разводѣ, ибо это дѣло долженствовало быть очень тяжело для совѣсти святителя: Діонисій не могъ не помнить, какимъ нареканіямъ подвергался митрополитъ Даніилъ за разводъ великаго князя Василія. Наконецъ, когда, по прямому свидѣтельству лѣтописца, Годуновъ, преслѣдуя Шуйскихъ, пролилъ много крови неповинной, Діонисій является явнымъ обличителемъ неправдъ его предъ царемъ и страдаетъ за это. Душа человѣческая темна; Діонисій могъ дѣйствовать по разнымъ побужденіямъ; но мы считаемъ непозволительнымъ для историка приписывать историческому лицу побужденія именно безнравственныя, когда на это нѣтъ никакихъ доказательствъ.

Годуновъ освободился отъ всѣхъ соперниковъ; послѣ паденія Шуйскихъ и сверженія Діонисія съ Варлаамомъ, никто уже не осмѣливался возставать противъ всемогущаго правителя, который былъ признанъ таковымъ и внутри и внѣ го-

государства. Годуновъ величался конюшимъ и ближнимъ великимъ бояриномъ, намѣстникомъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго; правительствамъ иностраннымъ давалось знать, что если они хотятъ получить желаемое отъ Московскаго правительства, то должны обращаться къ шурину царскому, котораго просьбы у царя безъ исполненія не бываютъ; правительства иностранныя поняли это, и мы видимъ, что Годуновъ переписывается и передаривается съ императоромъ, королевою англійскою, съ ханомъ Крымскимъ, съ великимъ визиремъ турецкимъ, принимаетъ у себя пословъ. По извѣстіямъ иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, Борисъ былъ правителемъ государства по имени и царемъ по власти; ежегодный доходъ его вмѣстѣ съ жалованьемъ простирался до 93,700 рублей и больше; онъ получалъ доходы съ области Важской, съ Рязани и страны Сѣверской, съ Твери и Торжка, съ бань и купаленъ московскихъ, съ пчельниковъ и луговъ по обѣимъ берегамъ Москвы рѣки на 30 верстъ вверхъ и на 40 внизъ по теченію; говорятъ, что Годуновъ и его родственники могли выставлять съ своихъ имѣній въ 40 дней 100,000 вооруженныхъ людей.

Мы видѣли, какъ Борисъ достигъ значенія правителя и какими путями избавился отъ всѣхъ своихъ противниковъ. Теперь мы должны перейдти къ его правительственной дѣятельности; но прежде взглянемъ на образы и царя, и правителя, какъ они начертаны современниками.

Ѳеодоръ былъ небольшаго роста, приземистъ, опухлъ; носъ у него ястребиный, походка нетвердая; онъ тяжелъ и недѣятеленъ, но всегда улыбается. Онъ простъ, слабоуменъ, но очень ласковъ, тихъ, милостивъ и чрезвычайно набоженъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ

спросить, хорошо ли она почивала? и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь идетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужескаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ пѣсни: это самая любимая его забава; другая забава — бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избывая мірской суеты и докуки, отсылаетъ челобитчика къ большому боярину Годунову.

Объ этомъ большомъ бояринѣ современники говорятъ, что онъ цвѣлъ благолѣпіемъ, видомъ и умомъ всѣхъ людей превзошелъ; мужъ чудный и сладкорѣчивый, много устроилъ онъ въ Русскомъ государствѣ достохвальныхъ вещей, ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренять разбои, воровства, корчемства, но не могъ искоренить; былъ онъ свѣтлодушенъ и милостивъ и нищелюбивъ; но въ военномъ дѣлѣ былъ неискусенъ. Цвѣлъ онъ какъ финикъ листвіемъ добродѣтели, и еслибы тернъ завистной злобы не помрачалъ цвѣта его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ, и поэтому навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили [32].

ГЛАВА III.

Баторій. Дѣло Зборовскихъ. Замыселъ Баторія противъ Москвы. Его сношенія съ нею. Хлопоты со стороны Литвы о соединеніи обоихъ государствъ по смерти Θеодора. Смерть Баторія. Іезуиты; Скарга. Избирательный сеймъ. Царь Θеодоръ кандидатъ. Избраніе Сигизмунда Шведскаго. Характеръ его и значеніе этого характера въ судьбахъ Восточной Европы. Сношенія Москвы съ Швеціею и война съ нею. Тявзинскій миръ. Сношенія съ Сигизмундомъ Польскимъ. Сношенія съ Австріею. Денежная помощь отъ Московскаго двора Австрійскому противъ Турокъ. Сношенія съ папою; съ Англіею, Даніею, Крымомъ, Турціею, Кахетіею, Персіею. Успѣхи въ Сибири.

Въ то время, когда на престолѣ Московскомъ воцарился послѣдній изъ Рюриковичей, и въ глазахъ его боролись двѣ фамиліи, Годуновы и Шуйскіе, которымъ суждено было на короткое время занимать престолъ Московскій и погибнуть въ буряхъ смутнаго времени —въ то время Европа приготовлялась къ рѣшенію великаго религіознаго вопроса, поднятаго въ XVI вѣкѣ. Южные полуострова — Апеннинскій и Пиренейскій оставались вѣрны католицизму; на сѣверѣ, наоборотъ, въ Англіи, Шотландіи, Нидерландахъ, Даніи, сѣверной Германіи, торжествовалъ протестантизмъ; въ Швеціи, не смотря на колебанія короля Іоанна, торжество протестантизма также было несомнѣнно. Въ государствахъ средней Европы борьба продолжалась: во Франціи, среди кровавыхъ волненій, пресѣкалась царственная линія Валуа, но Генрихъ Бурбонъ, начавшій борьбу подъ знаменемъ протестантизма, скоро долженъ былъ убѣдиться въ

необходимости уступить католическому большинству; Германія готовилась къ тридцатилѣтней войнѣ, которою должно было запечатлѣться ея раздвоеніе. Въ Польшѣ бралъ верхъ католицизмъ; здѣсь оканчивалъ свое царствованіе Баторій.

Баторій принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ лицъ, которыя, опираясь на свои личныя силы, рѣшаются идти наперекоръ уже установившемуся порядку вещей, наперекоръ дѣлу вѣковъ и цѣлыхъ поколѣній, и успѣваютъ на время остановить ходъ неотразимыхъ событій; эти люди показываютъ, какое значеніе можетъ имѣть въ извѣстное время одна великая личность, и въ то же время показываютъ, какъ ничтожны силы одного человѣка, если онѣ становятся на дорогѣ тому, чему, рано или поздно, суждено быть. Явившись случайно на Польскомъ престолѣ, Баторій предположилъ себѣ цѣлію утвердить могущество Польши, уничтоживъ могущество Московскаго государства, и, повидимому, достигъ своей цѣли: побѣдилъ, унизилъ Іоанна IV-го, отнялъ у него Балтійскіе берега, обладаніе которыми было необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго преуспѣянія, для могущества Московскаго государства; но когда онъ вздумалъ нанести этому государству рѣшительный ударъ, то внутри собственной страны встрѣтилъ тому препятствія, приготовленныя вѣками и сокрушить которыя онъ былъ не въ состояніи: то было могущество вельможъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли и согласныхъ только въ одномъ стремленіи — не давать усилиться королевской власти. Баторій дѣйствовалъ не одинъ: онъ приблизилъ къ себѣ, въ санѣ гетмана и канцлера, самаго даровитаго и самаго образованнаго изъ вельможъ Польскихъ, Яна Замойскаго; но и соединенныя усилія этихъ двухъ знаменитыхъ людей не могли ничего сдѣлать.

Дѣло Зборовскихъ, напоминающее Римскихъ Катилинъ, Клодіевъ и Милоновъ, даетъ намъ ясное понятіе о состояніи Польши въ описываемое время. Въ 1574 году, при королѣ Генрихѣ, у самаго королевскаго замка произошла схватка между двумя врагами, Самуиломъ Зборовскимъ и Яномъ Тенчыньскимъ,

изъ которыхъ каждый былъ окруженъ своею дружиною; вмѣстѣ съ Тенчыньскимъ находился пріятель его, Андрей Ваповскій, который былъ смертельно раненъ въ схваткѣ. Зборовскій приговоренъ былъ за это къ вѣчному изгнанію изъ отечества; но онъ мало думалъ объ исполненіи приговора: набравши наемную дружину, онъ разъѣзжалъ съ нею по Польскимъ областямъ, правители которыхъ или не смѣли, или не хотѣли остановить его. Съ нимъ въ сношеніяхъ были братья его, Христофъ и Андрей, которые, видя нерасположеніе къ себѣ Баторія и Замойскаго и грозимые разореніемъ вслѣдствіе своей расточительности, обнаруживали явно враждебные умыслы противъ короля и гетмана: два раза давали знать Баторію о замыслахъ Зборовскихъ на его жизнь.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Замойскій, въ званіи старосты Краковскаго, отправился въ Краковъ для отправленія судныхъ дѣлъ; на дорогѣ получилъ онъ вѣсть, что Самуилъ Зборовскій другимъ путемъ приближается также къ Кракову и явно хвалится, что въѣдетъ въ городъ въ одно время съ Замойскимъ. Когда Замойскій остановился въ Прошовицахъ, мѣстѣ, принадлежавшемъ уже къ Краковскому староству, Зборовскій остановился въ Подоланахъ, въ милѣ отъ Прошовицъ, и при солнечномъ заходѣ отправился въ Печму, къ одной изъ своихъ родственницъ; а въ Краковѣ, между тѣмъ, толпа буйной молодежи сбиралась ударить на Замойскаго при его въѣздѣ въ городъ, въ то самое время, какъ Зборовскій ударитъ на него съ тылу. Узнавши, что Зборовскій одинъ въ Печмѣ, Замойскій отправилъ отрядъ пѣхоты, подъ начальствомъ вѣрныхъ людей, захватить его тамъ ночью, что̀ и было легко исполнено; опираясь на правѣ старостъ приводить въ исполненіе судные приговоры, Замойскій велѣлъ казнить смертію Зборовскаго, ибо, за нарушеніе приговора о вѣчномъ изгнаніи, нарушителю назначена была смертная казнь[83].

Этотъ поступокъ канцлера возбудилъ страшную бурю, потому что у Зборовскихъ была большая партія, да и кромѣ нихъ

было много недовольныхъ королемъ и Замойскимъ. Выставляли сомнѣніе относительно права Замойскаго казнить смертію Самуила; говорили, что хотя король Генрихъ и осудилъ послѣдняго на вѣчное изгнаніе, однако чести у него не отнялъ, слѣдовательно его нельзя было казнить смертію; на это возражали, что если осужденному на вѣчное изгнаніе не будетъ грозить смерть за нарушеніе приговора, то что̀ будетъ мѣшать ему возвращаться на родину? что на изгнаніе осуждаютъ именно тѣхъ, которые по винѣ своей дошли до смертной казни. Между прочимъ, Зборовскимъ удалось привлечь на свою сторону Станислава Гурку, воеводу Позванскаго, пользовавшагося самымъ сильнымъ вліяніемъ въ Великой Польшѣ. Гурка до сихъ поръ былъ въ непріязни съ Зборовскими и въ дружбѣ съ Замойскимъ: но въ это время умеръ братъ его, послѣ котораго онъ просилъ себѣ у короля староства Яворовскаго; того же староства просилъ Замойскій и получилъ: тогда раздосадованный Гурка перешелъ на сторону Зборовскихъ.

Приближался сеймъ. На предварительныхъ сеймикахъ уже обнаружились волненія. На сеймикъ въ Прошовицы пріѣхалъ Христофъ Зборовскій изъ Моравіи; когда Николай Зебржыдовскій, родственникъ Замойскаго, входилъ въ церковь, раздались выстрѣлы; когда начались совѣщанія, Зборовскій съ пріятелями подняли громкіе голоса противъ Баторія: нарекали на могущество Замойскаго, оплакивали смерть Самуила Зборовскаго, называли неслыханнымъ тиранствомъ судъ, которымъ правительство грозило двоимъ другимъ Зборовскимъ. Христофъ Зборовскій прямо взводилъ на Замойскаго обвиненіе, что тотъ хотѣлъ его отравить: но человѣкъ, на котораго Зборовскій указывалъ, какъ на подосланнаго Замойскимъ отравителя, высвободившись изъ-подъ власти Зборовскаго, объявилъ, что послѣдній обѣщаніями, угрозами и пытками заставилъ его признать себя виновнымъ въ умыслѣ и указать на Замойскаго, какъ на подстрекателя къ преступленію. Въ Великой Польшѣ на сеймикѣ, когда Янъ Зборовскій, каштелянъ Гнѣзенскій, въ рѣчи своей осыпалъ бранью Замойскаго, а Краковскій каноникъ, Петров-

скій, говорилъ за послѣдняго, то воевода Позианьскій, Гурка, прервалъ Пётровскаго, за нимъ подняла крикъ вся сторона Зборовскихъ, и раздались выстрѣлы. На другихъ сеймикахъ происходили подобныя же волненія. Вслѣдствіе этого, на большой сеймъ съѣхались толпы въ полномъ вооруженіи, какъ на войну. Король пріѣхалъ въ сопровожденіи дружины Замойскаго, большей части сенаторовъ Литовскихъ и князя Константина Острожскаго. Начался судъ надъ Христофомъ Зборовскимъ, который почелъ за лучшее не явиться на него лично: кромѣ означенныхъ обвиненій въ посягательствѣ на жизнь королевскую, его обвинили еще въ сношеніяхъ съ Московскимъ дворомъ, клонившихся ко вреду Польши, и въ подобнаго же рода сношеніяхъ съ козаками. Янъ Зборовскій и Янъ Нѣмоевскій, объявившіе себя защитниками обвиненнаго, такъ слабо его защищали, что судъ приговорилъ Христофа къ лишенію чести, правъ шляхетства и имущества. Но этотъ приговоръ, разумѣется, не утишилъ, а только еще болѣе раздражилъ сторону Зборовскихъ.

Не смотря на эти внутреннія волненія, Баторій не оставлялъ своего замысла—нанести рѣшительный ударъ Московскому государству, отнять у него, по крайней мѣрѣ, Смоленскъ и Сѣверскую землю. Вступленіе на престолъ слабаго Өеодора и смуты, раздоры боярскіе, немедленно обнаружившіеся, представляли, по его мнѣнію, самый удобный къ тому случай. Посолъ его, Левъ Сапѣга, съ цѣлію застращать новое Московское правительство, объявилъ, что султанъ приготовляется къ войнѣ съ Москвою; требовалъ, чтобъ царь далъ королю 120 тысячъ золотыхъ за Московскихъ плѣнниковъ, а Литовскихъ освободилъ безъ выкупа, на томъ основаніи, что у короля плѣнники все знатные люди, а у царя простые; чтобъ всѣ жалобы Литовскихъ людей были удовлетворены, и чтобъ Өеодоръ исключилъ изъ своего титула названіе Ливонскаго.— Новое Московское правительство наслѣдовало отъ стараго сильное нежеланіе воевать съ Баторіемъ, и потому рѣшено было употребить всѣ усилія, чтобъ продлить перемиріе. Государь

приговорилъ съ боярами, какъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ: Литовскихъ плѣнниковъ всѣхъ что ни есть отпустить въ Литву даромъ, а о своихъ плѣнникахъ положить на волю короля Стефана: если Стефанъ король государевыхъ плѣнниковъ и не отпуститъ, то государева правда будетъ на немъ и явна будетъ всѣмъ пограничнымъ государямъ; а захочетъ Стефанъ король плѣнныхъ продавать, то ихъ выкупить. Сапѣгѣ объявили объ этомъ рѣшеніи, объявили, что 900 плѣнныхъ уже освобождены, и что ждутъ такого же поступка и отъ Стефана; что новымъ жалобамъ Литовскихъ подданныхъ будетъ удовлетворено; но что̀ касается до жалобъ, относящихся еще ко временамъ царя Іоанна, то это дѣла старыя, о нихъ припоминать непригоже, были въ то время обиды и Русскимъ людямъ отъ Литвы, но объ нихъ государь не упоминаетъ; Сапѣгѣ объявили также, что названіе Ливонскаго Ѳеодоръ наслѣдовалъ отъ отца своего вмѣстѣ съ царствомъ. Посолъ уѣхалъ, заключивъ перемиріе только на 10 мѣсяцевъ, и новости, привезенныя имъ къ королю, конечно, не могли сдѣлать послѣдняго миролюбивѣе: Сапѣга въ письмѣ своемъ къ папскому легату Болоньетти изъ Москвы, отъ 10 Іюля 1584 года, такъ изображаетъ особу новаго царя и положеніе дѣлъ въ Москвѣ: «Великій князь малъ ростомъ; говоритъ онъ тихо и очень медленно; разсудка у него мало, или, какъ другіе говорятъ и какъ я самъ замѣтилъ, вовсе нѣтъ. Когда онъ, во время моего представленія, сидѣлъ на престолѣ во всѣхъ царскихъ украшеніяхъ, то, смотря на скипетръ и державу, все смѣялся. Между вельможами раздоры и схватки безпрестанные: такъ и нынче, сказывали мнѣ, чуть-чуть дѣло не дошло у нихъ до кровопролитія, а государь не таковъ, чтобъ могъ этому воспрепятствовать. Черемисы свергли иго, Татары грозятъ нападеніемъ, и ходитъ слухъ, что король Шведскій собираетъ войско. Но никого здѣсь такъ не боятся, какъ нашего короля. Въ самомъ городѣ частые пожары, виновниками которыхъ, безъ сомнѣнія, разбойники, которыми здѣсь все наполнено»[84]. Королю доносили также, что между четырьмя вельможами, которыхъ покойный царь назначилъ

...телями, господствуетъ несогласіе, и что они часто спо...о мѣстахъ въ присутствіи государя. Доносили, что пер...ю мѣсту бояринъ, князь Мстиславскій, очень расположенъ ...льскому королю, и если, изъ противной партіи, умретъ ...а Романовичъ, который не можетъ долго жить по причинѣ ...й болѣзни, то король будетъ имѣть много приверженцевъ ...у боярами [85].

...е до отъѣзда Сапѣги отправленъ былъ къ Баторію посолъ ...ѣй Измайловъ съ извѣстіемъ о воцареніи Θеодора; Измай...данъ былъ наказъ вести себя очень умѣренно, уступать ...тельно церемоній: къ панамъ не ходить, грамоту отдать ...у королю; но если будутъ упрямиться, станутъ непремѣн...ебовать, чтобъ ему быть у пановъ, то ему къ панамъ ...только рѣчей не говорить и грамоты вѣрющей не давать. ...е наказывалось настрого посламъ, чтобъ они сначала ...говорили и грамоту подали, а потомъ уже шли къ рукѣ ...евской; но теперь Измайлову позволено было согласиться ...напередъ къ рукѣ. Если король не спроситъ о здоровьѣ ...номъ и противъ поклона Θеодорова не встанетъ, то посолъ ...енъ сказать: царь Иванъ Васильевичъ при поклонѣ королев...ъ вставалъ, а Стефанъ король не встаетъ, и то вѣдаетъ ...анъ король, что такъ дѣлаетъ мимо прежняго обычая — ...ьше того ничего не говорить.

...роль дѣйствительно противъ государева имени и поклона ...сталъ; Измайловъ замѣтилъ, какъ ему было приказано, и ...а Стефанъ всталъ и шапку снялъ. Измайловъ представилъ ...ную грамоту на великихъ Литовскихъ пословъ, которые ...ны были ѣхать въ Москву для заключенія мира; но паны ...ые отвѣчали ему: «Король къ государю вашему пословъ ...ихъ слать не хочетъ, потому: государя нашего посолъ Левъ ...ѣга и теперь у государя вашего на Москвѣ, а тѣснота ...великая: гдѣ стоитъ, тотъ дворъ огороженъ высоко, и ...и щели позадѣланы, не только что человѣка нельзя ви..., и вѣтру провѣять некуда; съ двора Литовскаго человѣка ...кого не спустятъ, кормъ даютъ дурной; Литовскаго посла

держать хуже всѣхъ другихъ пословъ; въ такое государство никто не захочетъ идти въ послахъ, а государь нашъ силою никого не пошлетъ». Измайловъ отвѣчалъ: «Это слово пронесъ какой-нибудь недобрый человѣкъ; послы разныхъ государствъ, которые теперь на Москвѣ, стоятъ по разнымъ дворамъ, и береженье къ нимъ крѣпкое для того, чтобъ между ними ссоры не было; а еслибъ другихъ государствъ пословъ на Москвѣ не было, то вашему послу было бы всѣхъ вольнѣе; Крымскій посолъ и гонцы стоятъ за городомъ не близко, дворъ для нихъ особый сдѣланъ, и съ двора ихъ никуда не спускаютъ». Одинъ изъ пановъ, молодой Радзивилъ Сиротка, говорилъ съ запальчивостію: «Государя нашего посолъ теперь на Москвѣ, и государь бы вашъ отпустилъ его, да за нимъ бы своего посла къ королю прислалъ, и государь нашъ станетъ совѣтоваться со всею радою и землею, какъ ему съ государемъ вашимъ впередъ быть. Государь вашъ молодъ, а нашъ государь старъ, и государю вашему пригоже къ нашему государю писаться младшимъ братомъ, да и Смоленска и Сѣверскихъ городовъ государь вашъ поступился бы». Измайловъ отвѣчалъ, что такихъ безмѣрныхъ рѣчей говорить непригоже. Когда всѣ паны вышли, остался старикъ Гарабурда; онъ подошелъ къ Измайлову и сказалъ: «Видѣлъ, какъ молодые-то паны чуть-чуть дѣла не разодрали, а старыхъ слушать не хотятъ». Измайловъ отвѣчалъ, что старики должны наводить молодыхъ на доброе дѣло, на миръ; а если король, послушавшись молодыхъ, мира не захочетъ, то государь, надѣясь на Бога, воевать готовъ. Гарабурда, зная хорошо расположеніе умовъ въ сенатѣ и шляхтѣ, увѣрялъ посла, что будетъ миръ, хотя король не переставалъ обнаруживать непріязненное расположеніе къ Москвѣ: на отпускѣ Измайлову объявили, что Баторій опасной грамоты не принимаетъ, новыхъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ не отправитъ; обѣдать Измайлова король не позвалъ, отговариваясь множествомъ дѣлъ. Измайловъ доносилъ своему правительству, что король тотчасъ по смерти Іоанна IV хотѣлъ объявить войну Москвѣ, но рада отсовѣтовала; а

земля на военныя издержки давала только половину противъ того, чего требовалъ Баторій, потому что въ Польшѣ неурожай. Изъ плѣнниковъ Московскихъ король прислалъ царю только двадцать человѣкъ; ихъ привезъ посланецъ Лука Сапѣга, которому бояре велѣли объявить: «царь Θеодоръ освободилъ плѣнныхъ Литовцевъ до 900 человѣкъ, а король прислалъ ему за-это двадцать человѣкъ, самыхъ молодыхъ людей, только одинъ между ними Мещерскій князь получше, да и тотъ рядовой, а добраго сына боярскаго нѣтъ ни-одного». Посланецъ отвѣчалъ на это, что король послѣ отпустить и всѣхъ плѣнныхъ, только оставитъ на окупъ 30 человѣкъ. Царь написалъ по этому случаю Баторію: «И впередъ бы между нами этого не было съ обѣихъ сторонъ, что христіанъ продавать изъ плѣна на деньги и на золотые», и приводилъ въ примѣръ свой поступокъ по смерти отцовской.

Но Баторій не уступалъ ни въ чемъ; въ Москвѣ также не хотѣли уступать, но не хотѣли и раздражать короля, ускорять опасный разрывъ. Приставу, бывшему при Лукѣ Сапѣгѣ, данъ былъ такой наказъ: если Литовскій посланникъ начнетъ рѣчи о раздорѣ, станетъ говорить о войнѣ, то отвѣчать ему: «не хитро разодрать, надобно добро сдѣлать; а тѣмъ хвалиться нечѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ начнетъ литься кровь христіанская; Москва теперь не старая, и на Москвѣ молодыхъ такихъ много, что хотятъ биться и мирное постановленье разорвать, да что прибыли, что съ обѣихъ сторонъ кровь христіанская разливаться начнетъ?» Не надѣясь дождаться пословъ отъ Баторія, отправили къ нему въ началѣ 1585 года великихъ пословъ, боярина князя Троекурова и думнаго дворянина Безнина, которымъ дали наказъ: къ рукѣ королевской прежде поклона не ходить; но если принудятъ, то идти, сказавши: «Это дѣлается новою причиною, не по прежнему обычаю». Отъ всякихъ людей уклоняться, чтобъ ни съ кѣмъ не говорить ни про что, кромѣ приставовъ да тѣхъ, кого съ отвѣтомъ вышлютъ; но и съ приставами и съ отвѣтчиками рѣчей не плодить, а говорить гладко, чтобъ къ дѣлу было ближе. Если станутъ государя

укорять, то говорить: «того судитъ Богъ, кто государя укоряетъ», и пойдти прочь. Провѣдывать: Рижскіе Нѣмцы королю послушны ли, и королевы люди теперь въ Ригѣ есть ли, кто именно и много ли ихъ, и что̀ Рижскіе люди королю съ себя даютъ, и Лифляндская земля на какой мѣрѣ устроена у Стефана короля, и какъ ее впередъ строить хочетъ? Когда спросятъ о Шведскомъ королѣ, отвѣчать: государю нашему надъ Шведскимъ королемъ и впередъ промышлять, сколько Богъ помощи подастъ. Относительно главнаго дѣла, заключенія перемирія, посламъ было наказано: заключите перемиріе до того срока, до какого было заключено при царѣ Иванѣ; если паны станутъ говорить высоко, и вы отвѣчайте имъ высоко же; говорите, что теперь Москва не по старому, государю у нихъ мира не выкупать стать, государь противъ короля стоять готовъ; это *большая мѣра*: дѣлайте по ней, когда узнаете, что у короля съ панами рознь есть. Если же почаете, что у короля съ панами розни большой нѣтъ, и уговорить пановъ по первой мѣрѣ будетъ невозможно, то дѣлайте по другой мѣрѣ, чтобъ непремѣнно перемиріе съ королемъ взять; если же и по другой мѣрѣ уговорить будетъ нельзя, то настаивайте на обсылку, чтобъ вамъ съ государемъ о дѣлѣ обослаться; если же и на обсылку не приговорите и отпускъ вамъ скажутъ, то, по конечной неволѣ, объявите и послѣднія мѣры, чтобъ непремѣнно, хотя на малое время, заключить перемирье. Посламъ было наказано также, чтобъ они постарались уговорить Тимофея Тетерина и другихъ Московскихъ отъѣзжиковъ возвратиться въ отечество по опасной грамотѣ, за исключеніемъ одного Головина, отъѣхавшаго въ послѣднее время, вслѣдствіе торжества Годунова надъ Шуйскими.

Этотъ Головинъ сначала очень было затруднилъ посольское дѣло, наговоривши королю, и безъ того сильно желавшему войны, что Московское государство, вслѣдствіе слабости царя и раздора между боярами, находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, что войскамъ его сопротивленія ни откуда не будетъ: «никто противъ него руки не подниметъ для того: рознь

въ государевыхъ боярахъ великая, а людямъ строенья нѣтъ, и для розни и нестроенья служить и биться никто не хочетъ»; Головинъ увѣрялъ также короля, что Троекуровъ и Безнинъ присланы заключить миръ на всей королевской волѣ. Вслѣдствіе этихъ рѣчей король запросилъ у пословъ Новгорода, Пскова, Лукъ, Смоленска, Сѣверской земли, и прибавилъ: «Отецъ вашего государя не хотѣлъ меня знать, да узналъ, и онъ меня не знаетъ, а потомъ узнаетъ; когда ему буду знакомъ, тогда съ нимъ и помирюсь, а теперь онъ меня не знаетъ; и мнѣ зачѣмъ съ нимъ мириться?» Но по прежнему Баторій встрѣтилъ сопротивленіе въ сенатѣ и сеймѣ: «Король» доносили Троекуровъ и Безнинъ въ Москву: «просилъ у пановъ радныхъ и у пословъ повѣтныхъ наемныхъ людей и грошей, и говорилъ имъ: «Не потеряйте сами у себя, пустите меня съ Московскимъ воеваться, Богъ даетъ вамъ государство въ руки даромъ». Послы повѣтовые не согласились дать королю денегъ; притомъ же Троекуровъ и Безнинъ распустили слухъ, что Головину вѣрить нельзя, ибо это лазутчикъ, подосланный нарочно боярами къ Баторію. Паны и шляхта, и безъ того нежелавшіе войны, охотно повѣрили этому слуху. Послы повѣтовые, по донесеніямъ Троекурова и Безнина, говорили королю: «Какъ такой нелѣпости вѣрить, что король куда ни пойдетъ, все его будетъ? а люди-то на Москвѣ куда дѣвались? Еще бы Головинъ пріѣхалъ къ тебѣ отъ стараго государя, тогда можно было бы вѣрить: старый государь жестокъ былъ; а отъ нынѣшняго зачѣмъ ѣхать! теперь государь у нихъ милостивый; ты теперь помирись, да разсмотри: если объявится, что Головинъ сказалъ правду, то у тебя война съ Московскимъ государемъ и впередъ не уйдетъ». Баторій сердился на пословъ повѣтовыхъ, сердился на Московскихъ пословъ, подарковъ ихъ не взялъ, обѣдать не звалъ, со стола къ нимъ не посылалъ, стояли они далеко и тѣсно: но принужденъ былъ согласиться на двухлѣтнее перемиріе. Лука Новосильцевъ, отправленный къ императору черезъ Польшу, доносилъ, что на дорогѣ архіепископъ примасъ Карнковскій

мирѣ, начались обычные запросы, то Гарабурда сказалъ: «Еще о Новгородѣ да о Псковѣ можно рѣчь (говорю) оставить, но за Смоленскъ и Сѣверскую землю государю нашему стоять крѣпко». Бояре отвѣчали: «И прежде такія слова много разъ говорились, да потомъ эти рѣчи оставляли же: и драницы съ одного города государь нашъ не поступится». Послѣ этого Гарабурда приступилъ къ выполненію главнаго своего порученія, и сказалъ боярамъ: «Паны радные прислали со мною къ преосвященному отцу, Діонисію митрополиту, и къ вамъ, Думѣ государской, грамоту. Что идутъ рѣчи между нами о городахъ и волостяхъ, и тѣ рѣчи ни къ чему не поведутъ: какъ можно этому статься? Чего мы у вамъ просимъ, то можно ли вамъ отдать безъ кровопролитія? А чего вы будете у насъ просить, того намъ безъ кровопролитія ничего отдать нельзя. И потому намъ бы эти рѣчи съ обѣихъ сторонъ отставить, чтобъ былъ бы государь вашъ съ нашимъ государемъ въ докончаньѣ на томъ: кто чтò теперь за собою держитъ, тотъ то и держи, и никто бъ ни у кого ничего не просилъ, чего безъ кровопролитія взять нельзя, и чѣмъ быть кровопролитію, лучше братъ у брата ничего не проси. Дай Господи многолѣтія обоимъ государямъ; но если Богъ по душу пошлетъ Стефана короля, а потомковъ у него не останется, то корону Польскую и великое княжество Литовское соединить съ Московскимъ государствомъ подъ государскую руку: Краковъ противъ Москвы, а Вильну противъ Новгорода. А пошлетъ Богъ по душу вашего царя, то Московскому государству быть подъ рукою нашего государя, а другаго государя вамъ не искать. Это великое дѣло мнѣ поручено приговорить и записи написать». Бояре отвѣчали: «Намъ про государя своего такихъ словъ, чтó ты говорилъ, и помянуть непригоже; это дѣло къ доброму дѣлу не годится». Бояре доложили о своихъ переговорахъ государю: рѣшено было въ Думѣ, что государю пригоже помириться съ Стефаномъ на томъ, чтó теперь за кѣмъ есть; но что вести переговоры о смерти государевой непригоже. Гарабурда однако не отставалъ отъ своего предложенія, причемъ началъ у-

мѣнять условія, убѣдившись, вѣроятно, на мѣстѣ, что Ѳео- не грозитъ близкая смерть: «Пошлетъ Богъ по душу го- вашего, то государство Московское соединить съ коро- вомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ, и имъ вмѣстѣ подъ рукою государя нашего; государства и, а главу бы одну надъ собою имѣли. Если же Стефана не станетъ, то намъ, Полякамъ и Литовцамъ, вольно рать себѣ въ государи вашего государя, вольно намъ его выбрать». Бояре отвѣчали на это: «Мы съ тобою объ и не говорили: какъ намъ про государя своего гово- ? у насъ государи прирожденные изначала, и мы ихъ хо- прирожденные; а вы себѣ выбираете государей: кого рете, тотъ вамъ и государь. Ты теперь говоришь мимо ей рѣчи, что̀ третьяго дня съ нами говорилъ: ворочаешь инымъ образцомъ, и намъ съ тобою объ этомъ говорить о. Мы про твои рѣчи митрополиту и всему собору ска- и, и митрополитъ со всѣмъ соборомъ намъ запретилъ ню, чтобъ мы отнюдь объ этомъ не говорили. Какъ намъ государя своего и помыслить это, не только что говорить? и про вашего государя говорить этого не хотимъ; а вамъ говорить и мыслить про своего государя. Ты, посолъ ве- го государя, пришелъ къ великому государю нашему, и непригожія слова говоришь о ихъ государской смерти? насъ не осудитъ, когда мы при государѣ, видя его госу- ое здоровье, будемъ говорить такія слова?» Гарабурда алъ: «Вижу, что вы сердитесь; сказываете, что митро- ъ и попы запрещаютъ вамъ говорить о томъ дѣлѣ, что̀ ъ объявилъ; но я говорю то, что̀ со мною наказано. И это дѣло не сойдется, то мнѣ на докончанье безъ усту- съ вашей стороны дѣлать не наказано». Бояре повтори- что и драницы государь не дастъ, а проситъ государь у и искони вѣчной вотчины своей — Кіева съ уѣздомъ и родами, и прочихъ вотчинъ своихъ; бояре говорили Га- рдѣ съ сердцемъ: «Если съ тобою только и дѣла, что̀ говорилъ, то не зачѣмъ было тебѣ съ этимъ и ѣздить;

если посолъ не однословенъ, то чему вѣрить?» а приставу было наказано говорить послу: «Теперь Москва не старая: надобно отъ Москвы беречься уже не Полоцку, не Ливонской землѣ, а надобно беречься отъ нея Вильнѣ».

Гарабурда, видя неудачу и видя, что его заискиванія произвели перемѣну въ тонѣ у бояръ Московскихъ и у пристава, чтобъ сдѣлать что-нибудь, предложилъ съѣздъ великихъ людей на границахъ для постановленія вѣчнаго мира. Бояре, имѣя постоянно въ виду выиграть время, соглашались на съѣздъ, но съ условіемъ продолженія срока перемирія; они говорили Гарабурдѣ: «Михайла! это дѣло великое для всего христіанства; государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею землею; сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ». Гарабурда отвѣчалъ, что для продолженія перемирія ему наказа нѣтъ; тогда бояре сказали ему: «Такъ какое же съ тобою дѣло? пріѣхалъ съ бездѣльемъ, съ бездѣльемъ и отъѣдешь». Гарабурда дѣйствительно поѣхалъ ни съ чѣмъ; онъ сказалъ боярамъ о слухѣ, что они посылали къ эрцгерцогу Максимиліану съ предложеніемъ престола; въ отвѣтъ на это бояре написали къ панамъ: «Сильно раздосадовало насъ, что какой-то злодѣй измѣнникъ затѣялъ такія злодѣйскія слова».

Но продлить перемиріе считали по прежнему необходимымъ въ Москвѣ, и князь Троекуровъ вторично отправился къ Баторію, котораго нашелъ въ Гроднѣ. Паны теперь, въ свою очередь, осердились на бояръ за отказъ принять ихъ предложеніе о соединеніи государствъ; они обратились къ Троекурову съ бранчивою рѣчью: «Мы бояръ государя вашего, братью свою, кормили хлѣбомъ, а они намъ противъ нашего хлѣба мечутъ камень. Разсуди самъ, не камень ли это? мы усердно просили нашего государя, и по нашимъ просьбамъ онъ по сіе время съ государемъ вашимъ не воюетъ. Впередъ мы государю вашему, боярамъ и всей землѣ добра хотимъ точно такъ же,

..и своей землѣ; а бояре пишутъ: кто начнетъ недружбу, тѣхъ того государь вашъ стоять готовъ, да пишутъ, чтобъ царь нашъ поотдавалъ вашему государю свои искони вѣчныя вотчины и что вновѣ взялъ, и послѣ этихъ статей пишутъ, чтобъ мы государя своего наводили на вѣчную пріязнь! судите сами, какъ мы можемъ такую грамоту поднесть своему государю? мы и между собой такой грамотѣ дивуемся, что бояре не знаютъ, что надъ вашимъ государствомъ грѣхамъ сдѣлалось? потомковъ у государя вашего нѣтъ; а вашъ государь отъ природы, мы знаемъ: есть въ немъ милость, а противъ непріятелей биться его не станетъ. Москвѣ что дѣлается, то мы также знаемъ; людей нѣтъ, а и есть, и тѣ худы, строенья людямъ нѣтъ, и во всѣхъ розни. Бояре думаютъ, что они себѣ пособляютъ, а только дѣло портятъ: въ нашей землѣ давно вѣдомо, что ваши посылали къ цесареву брату отъ себя посла. Но съ вашимъ государствомъ что сошлось? Цесарь теперь себѣ пособить не умѣетъ, и смотря на эту пересылку цесаревымъ братомъ, многіе государи домогаются и промышляютъ о вашей землѣ; а Турскому у васъ же просить Астрахани и Казани, и Перекопскій васъ же всегда воюетъ и впредь воевать хочетъ; а Черемиса ваша вамъ же недруги. У бояръ гдѣ умъ? пишутъ, что государь вашъ противъ недруговъ стоять готовъ, и просить запросовъ не стыдно! Рѣчи ваши государю нашему ничего добраго не принесутъ; только лишь сердцу его надсада. Теперь мы не только государя своего не будемъ просить, чтобъ былъ съ государемъ вашимъ въ покоѣ, еще будемъ ему напоминать, чтобъ, по правдѣ своей, земель, при предкахъ его у государства отнятыхъ, отыскивалъ, и не только что дадимъ ему денегъ на наемъ людей, но и сами своими головами изъ обѣихъ земель съ нимъ готовы. А вы съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ вамъ ѣхать». Посолъ отвѣчалъ: «На боярскія рѣчи вамъ досадовать непригоже и въ дѣло того ставить нечего; и прежде бывало въ разговорахъ бываю: о стародавныхъ дѣлахъ съ

обѣихъ сторонъ говорятъ, да что къ дѣлу не пригодится, съ обѣихъ сторонъ оставляютъ, да говорятъ о дѣлахъ, чему статься пригоже. Дивимся мы вашему разуму, ч Бога не боитесь и людей не стыдитесь, говорите такое, было вамъ и мыслить непригоже. Разсказываете, что государствомъ государя нашего по грѣхамъ учинилось; надъ государствомъ нашимъ никакого грѣха не видимъ, а милость Божію и благоденствіе. Вы еще съ Богомъ не довали; а человѣку того не дано знать, что впередь бу По писанному, кто злославитъ царя, тотъ смертію да у государь нашъ дородный государь, разумный и счаст сидитъ онъ на своихъ государствахъ по благословенію своего и правитъ государствомъ самъ, и противъ всѣхъ друговъ стоять готовъ такъ же, какъ отецъ, дѣдъ и пр его; людей у него много, вдвое противъ прежняго, п что къ людямъ своимъ онъ милостивъ и жалованье даетъ не жалѣя своей государской казны, и люди ему всѣ съ кимъ радѣньемъ служатъ и впередъ служить хотятъ и про всѣхъ его недруговъ помереть хотятъ; въ людяхъ розн какой нѣтъ: это вамъ такія бездѣльныя рѣчи говорятъ с измѣнники: такимъ людямъ вамъ потакать нечего и гов измѣнничьихъ рѣчей непригоже; намъ про государя ваш про государство ваше и про васъ много что есть гово да, по государеву наказу, говорить не хотимъ, прислан на доброе дѣло, а не на раздоръ. Государю нашему у ва государя мира не покупать стать: захочетъ государь вашъ браго дѣла, и нашъ государь добраго дѣла хочетъ, а не хочетъ вашъ государь добраго дѣла, то нашъ государь про него стоять готовъ». Въ переговорахъ, когда дѣло пош взаимныхъ требованіяхъ извѣстныхъ земель, разумѣется, могли согласиться; паны по прежнему настаивали на н ничный съѣздъ вельможъ, послы, сообразно съ своими ц требовали для этого съѣзда продолженія перемирія хотя одинъ годъ; паны отвѣчали имъ: «И на полгода мы перем не заключимъ: вы говорите о съѣздѣ не для дѣла, а только чт

время проволочить; зачѣмъ вамъ для съѣзда еще цѣлый годъ перемирья?» Послы отвѣчали, что нужно много времени для совѣщанія со всею землею; паны на это возражали: «У васъ въ обычаѣ ведется: что сдумаетъ государь да бояре, на томъ и станетъ, а землѣ до того и дѣла нѣтъ». По конечной неволѣ послы должны были согласиться только на двухмѣсячную прибавку къ прежде заключенному перемирію, и въ это время положено быть съѣзду великимъ посламъ между Оршею и Смоленскомъ для переговоровъ о томъ, какъ быть обоимъ государствамъ подъ одною державою въ случаѣ кончины того или другаго государя, и какъ опредѣлить границы ихъ, если они не захотятъ соединиться.

Но Баторій не дождался съѣзда. 2 Декабря 1586 года онъ умеръ, не успѣвъ довершить ни одного изъ своихъ начинаній ни внутри, ни внѣ: онъ задержалъ только на время усиленіе Московскаго государства, отнявши у него Прибалтійскія области, но сокрушить могущество этого государства, раздвинуть Литву до границъ Витовтовыхъ онъ не успѣлъ: тому помѣшала ограниченность средствъ, ограниченіе власти королевской, подозрительность могущественныхъ вельможъ къ воинственному королю. Сломить могущество вельможъ, установить наслѣдственное правленіе, или, по крайней мѣрѣ, установить лучшій способъ избранія королевскаго, сдержать своеволіе — онъ также не успѣлъ. Найдя государства свои въ сильномъ религіозномъ разъединеніи, Баторій хотя не былъ по природѣ своей фанатикомъ, не воздвигалъ гоненія на диссидентовъ, однако благопріятствовалъ утвержденію Іезуитовъ, потому что это знаменитое братство могло обѣщать ему дѣятельную помощь въ замышляемыхъ имъ внутреннихъ перемѣнахъ. Какого рода была эта помощь, какого рода были внушенія, которыя должно было принимать отъ Іезуитовъ воспитывавшееся у нихъ юношество, видно изъ проповѣдей самаго талантливаго изъ нихъ, Петра Скарги Повенскаго. Скарга громко возставалъ противъ существующаго порядка вещей въ Польшѣ: проповѣдуя, съ одной стороны, подчиненіе свѣтской власти власти

духовной, королей папѣ, онъ, съ другой стороны, твердилъ о необходимости крѣпкой, неограниченной власти королевской: «Естественный порядокъ» говорилъ онъ: «состоитъ въ томъ, чтобъ одна голова управляла тѣломъ: и если въ государствѣ не одна, а много головъ, то это знакъ тяжкой, смертельной болѣзни». Скарга утверждалъ, что Римская имперія тогда только вошла въ исполинскіе размѣры свои, когда въ ней утвердилось монархическое правленіе; вооружался противъ пословъ сеймовыхъ за то, что они присвоиваютъ себѣ могущество, вредное для власти королевской и сенаторской, и спасительную монархію превращаютъ въ демократію, самый дурной изъ образовъ правленія, особенно въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Польша и Литва. Право, по которому шляхтичь, неуличенный въ преступленіи, не могъ быть схваченъ, Скарга называлъ источникомъ разбоевъ, измѣнъ и т. п. Но всѣ эти внушенія остались тщетными: Іезуиты не могли перемѣнить политическаго строя Польши и Литвы; они успѣли только въ одномъ, чего, конечно, не хотѣлъ Баторій: они успѣли воспламенить въ католическомъ народонаселеніи Польши и Литвы религіозную нетерпимость, которая повела къ гоненію на несходныя исповѣданія, къ гоненію на православное Русское народонаселеніе, а это гоненіе повело къ отложенію Малороссіи, нанесшему самый сильный ударъ могуществу Польши. Такимъ образомъ орудіе, приготовленное для утвержденія крѣпости, могущества Польши, стало орудіемъ ея паденія.

Событія, происходившія въ концѣ царствованія Баторія, обѣщали сильныя волненія послѣ его смерти: ненависть между стороною Зборовскихъ и стороною Замойскаго могла теперь разыграться на свободѣ. Волненія начались на сеймикахъ: даже во Львовѣ, гдѣ было такъ сильно вліяніе Замойскаго, нашлись приверженцы Зборовскихъ, въ числѣ которыхъ сталъ Николай Язловецкій, староста Снятыньскій. Язловецкій началъ провозглашать, что пора положить предѣлъ возвышенію одного человѣка надо всѣми, что всѣмъ вѣдомы замыслы Замойскаго, который во чтб бы то ни стало хочетъ посадить на престолѣ

одного изъ Баторіевъ; что для охраненія государства необходимо отнять у Замойскаго гетманство, ибо со смертію королевскою всѣ правительственныя лица должны сложить съ себя свои должности. Замойскій отвѣчалъ, что всѣ саны и почести получилъ онъ за прямыя отечеству заслуги, что слухъ о замыслахъ его относительно Баторіевъ — клевета, что утверждать, будто со смертію королевскою должны прекратиться всѣ правительственныя отправленія, противно здравому смыслу, ибо именно во время междоцарствія государство и не можетъ обойдтись безъ начальства военнаго, безъ гетмана. Во Львовѣ дѣло кончилось въ пользу Замойскаго; но не такъ было въ Варшавѣ на конвокаціонномъ сеймѣ: Карнковскій, архіепископъ Гнѣзненскій, примасъ, который занималъ первое мѣсто въ государствѣ во время междоцарствія, поддался совершенно вліянію Зборовскихъ и Гурки; по ихъ внушенію, онъ написалъ къ Замойскому, чтобъ тотъ для охраненія границъ королевства не покидалъ войска; отсутствіе Замойскаго дало въ сенатѣ верхъ Зборовскимъ. Андрей Зборовскій явился въ сенатъ съ требованіемъ управы на Замойскаго, и когда одинъ изъ сенаторовъ, Лесновольскій, хотѣлъ защищать послѣдняго, то голосъ его былъ заглушенъ криками и угрозами пріятелей Зборовскаго; одинъ изъ нихъ даже нацѣлилъ ружье на Лесновольскаго и спрашивалъ Зборовскихъ, прикажутъ ли стрѣлять? За стѣнами Варшавы также едва дѣло не дошло до усобицы между обѣими сторонами. Наконецъ назначили день избирательнаго сейма — 30 Іюня 1587 году.

Зборовскіе явились на избраніе съ 10,000 войска, въ числѣ котораго находилось не мало наемниковъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Италіянскихъ, Чешскихъ; толпы эти были наняты на Австрійскія деньги, ибо Зборовскіе, поддерживаемые папскимъ нунціемъ, Аннибаломъ ди-Капуа, хотѣли избрать эрцгерцога Максиміліана, брата императора Рудольфа II. Замойскій, опираясь преимущественно на шляхту и поддерживаемый деньгами вдовы Баторія, королевы Анны, держалъ сторону племянника ея, Шведскаго принца Сигизмунда, сына короля

Іоанна и Екатерины Ягеллонъ. Замойскій и Гурка съ Зборовскими расположились военными станами, каждый въ назначенномъ себѣ мѣстѣ подъ Варшавою (на равнинахъ Воли), готовясь, въ случаѣ нужды, съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать своего избранника; но на противоположномъ берегу Вислы, подъ Камёнкою, расположились особымъ станомъ Литовцы, у которыхъ былъ свой кандидатъ—царь Московскій.

20 Декабря 1586 года въ Москвѣ узнали о смерти Баторія. Недавній опытъ показалъ, какъ важно было для Московскаго государства избраніе короля въ Польшѣ: Іоаннъ IV не хотѣлъ употребить дѣятельныхъ мѣръ для полученія Польскаго престола, допустилъ сѣсть на немъ Баторію — и потерялъ Прибалтійскія области, принужденъ былъ заключить постыдный миръ съ Литвою; но Іоаннъ, во время избранія, не зналъ еще характера Баторія, и могъ презирать этого бѣднаго средствами князька Трансильванскаго: теперь же бояре Θеодора не могли не видать страшной опасности, которая грозила ихъ государству въ случаѣ, еслибъ избранъ былъ на престолъ королевичь Шведскій, и два сосѣднія и враждебныя Москвѣ государства соединились подъ однимъ главою. Вотъ почему въ Москвѣ рѣшили дѣятельно хлопотать о пріобрѣтеніи въ Польшѣ, и особенно въ Литвѣ, приверженцевъ царю Θеодору.

20 Генваря 1587 уже отправленъ былъ дворянинъ Ржевскій въ Литву съ царскою грамотою къ панамъ, въ которой говорилось: «Вы бы, паны рада, свѣтскіе и духовные, смолвившись между собою и со всею землею, о добрѣ христіанскомъ порадѣли, нашего жалованья къ себѣ и государемъ насъ на корону Польскую и великое княжество Литовское похотѣли, чтобъ этимъ обоимъ государствамъ быть подъ нашею царскою рукою въ общедательной любви, соединеніи и докончаніи; а мы вашихъ правъ и вольностей нарушать ни въ чемъ не хотимъ, еще и сверхъ прежняго во всякихъ чинахъ и вотчинахъ прибавлять и своимъ жалованьемъ наддавать хотимъ». Кромѣ этой общей грамоты посланы были отдѣльныя къ каждому вельможѣ: каждаго царь приглашалъ стараться объ его избраніи

съ братьею своею, племянниками и цѣлымъ родомъ. Потомъ каждый бояринъ писалъ къ соотвѣтствующему себѣ по мѣсту пану Литовскому съ тѣмъ же предложеніемъ. Ржевскому данъ былъ такой наказъ: «Если паны Литовскіе станутъ говорить, что они государя царя къ себѣ на государство хотятъ, но Польскіе паны не хотятъ, и если они отъ королевства Польскаго отложатся, то государь будетъ ли за нихъ стоять?—отвѣчать: «Сами знаете, что Поляки вѣрою съ христіанами розны, а вы; паны рада Литовскіе и вся земля Литовская, съ нашею землею одной вѣры и одного обычая: такъ вы бы пожелали себѣ государя нашего, христіанскаго государя, а если будетъ Литовское государство соединено съ Московскимъ, то государю нашему Литовской земли какъ не оберегать? Если будутъ оба государства на всѣхъ недруговъ заодно, то Польская земля поневолѣ будетъ присоединена къ Московскому и Литовскому государствамъ, а государю то и любѣе, что Литовское великое княжество будетъ вмѣстѣ съ его государствами. И какъ нашему государю за это не стоять? Начальное государство Кіевское отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ Литовскаго государства оторвано къ коронѣ Польской; и не однимъ Кіевомъ Польскіе люди завладѣли у васъ, пановъ Литовскихъ, да присоединили къ Польской землѣ насильствомъ: такъ государю нашему какъ всего этого у Поляковъ не отнять и къ вамъ и къ государству Московскому не присоединить?» Ржевскому наказано было также: «Увидится съ нимъ Тимоха Тетеринъ, Давидъ Бѣльскій, Мурза Купкѣевъ и другіе отъѣзжіе въ Литву, и станутъ спрашивать, есть ли къ нимъ государевъ приказъ, то отвѣчать, чтобъ они государева жалованья къ себѣ поискали, государю послужили и доброхотали; а что они предъ государемъ проступили, дерзость сдѣлали, въ Литву отъѣхали, и они бъ въ томъ себѣ никакого сомнѣнья не держали: государь эту вину отдастъ имъ, если на государствахъ Польскомъ и Литовскомъ будетъ, и во всемъ ихъ пожалуетъ по отечеству; которые изъ нихъ захотятъ быть въ Русскомъ государствѣ, тѣхъ государь пожалуетъ вотчинами и

помѣстьями, устроить велить въ Московскомъ государствѣ по ихъ достоинству; а они бъ теперь государю службу свою показали: чтб провѣдають у пановъ радъ о государскомъ дѣлѣ — которые паны захотять къ себѣ государя на государство, и которые не захотять—о томъ бы провѣдывая, посламъ сказывали и государю доброхотали. —Если паны станутъ говорить, чтобъ государь далъ имъ на государство брата своего, царевича Димитрія, то отвѣчать: это дѣло не сходное: царевичь еще молодъ, всего четырехъ лѣтъ; а вамъ чего лучше, какъ быть подъ царскою рукою въ оборонѣ и жить по своимъ обычаямъ, какъ у васъ ведется и какъ вамъ захочется».

Паны Литовскіе отвѣчали на посольство Ржевскаго, что дѣло избранія должно рѣшиться на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ, куда царь долженъ отправить своихъ пословъ. Богатый купецъ Литовскій, Лука Мамоничь, имѣвшій торговыя связи съ Москвою, говорилъ Ржевскому отъ имени трехъ пановъ — Николая Радзивила, Льва Сопѣги и Өедора Скумина: «паны эти государю радѣютъ и говорятъ, чтобъ государь вашъ непремѣнно отправилъ пословъ своихъ великихъ на *елекцію* (олекцею); къ панамъ радамъ и къ рыцарству обѣихъ земель прислалъ бы свои грамоты съ любовію и ласкою, не такъ бы высоко было выписано въ грамотахъ, какъ теперь, потому что паны Польскіе люди сердитые и упрямые, къ нимъ надобно писать ласково, а государю великому какой въ томъ убытокъ будетъ? Рыцарству бы написать, что государь ихъ пожалуетъ, заплатитъ имъ все жалованье изъ своей казны, чего король Стефанъ имъ не заплатилъ, а всего денегъ будетъ немного: тысячъ съ пять или шесть, да и этихъ денегъ рыцарство не возьметъ на государѣ, только было бъ въ грамотѣ написано, для того, чтобъ они за государя вашего стояли. Стефанъ король обѣщалъ рыцарству всѣ деньги заплатить и присягалъ, но ни одного пенязя на немъ не взяли. Да и къ панамъ бы государево жалованье было: теперь къ панамъ присылаютъ цезарь и другіе княжата съ поминками большими и съ ласкою, доискиваясь государства». Ржевскій отвѣчалъ на это, что государю по-

словъ своихъ на большой сеймъ къ панамъ посылать непригоже.

Но сношенія этимъ не кончились. Въ Литвѣ не боялись отъ Θеодора того, чего боялись отъ Іоанна, и тѣмъ сильнѣе желали избранія Московскаго царя; притомъ Литовскіе паны не хотѣли порвать съ послѣднимъ изъ боязни, чтобъ онъ не воспользовался междуцарствіемъ и не послалъ войска въ ихъ предѣлы. Вотъ почему еще въ Апрѣлѣ того же года двое знатныхъ пословъ Литовскихъ, Черниковскій и князь Огинскій, пріѣхали въ Москву съ просьбою о продолженіи перемирія до конца 1588 года. Просьба эта была принята очень охотно, при чемъ бояре говорили: «Мы всѣ бояре и думные люди со всею землею хотимъ и у Бога просимъ, чтобъ государство Московское, Польское и Литовское были подъ одною царскою рукою. Выѣхали недавно къ намъ выѣзжіе Литовскіе люди на Псковъ и сказывали, будто нѣкоторые паны, для денегъ, что раздаетъ королева, выбираютъ Шведскаго королевича, пишутъ и выставляютъ большіе прибытки, которые Польша и Литва отъ этого получатъ. Но кто выбираетъ Шведскаго королевича, тотъ христіанству убытокъ замышляетъ, а не прибытокъ, будетъ такое же кровопролитіе, что̀ и при Стефанѣ королѣ: какъ скоро Шведскаго выберете, то между нами и вами, да и между всѣми христіанами пойдетъ кровопролитіе и не перестанетъ». Послы захотѣли напомнить, что войны Стефановы не были невыгодны для его государствъ, и спросили: «Что̀ жь дурнаго при Стефанѣ королѣ дѣлалось?» На это имъ отвѣчали: «Мы вамъ про Стефанову правду и про его къ вашему государству доброхотство разскажемъ подробно, только вы не подосадуйте. Со стороны нашего государя прибытокъ и намъ, и вамъ, и всему христіанству будетъ: государь нашъ государь христіанскій, богобоязливый, милосердый, ласковый до всего христіанства, а другіе *рядовые* государи выбираются на государство, а любви къ нему не имѣютъ, какъ напримѣръ Стефанъ король, который присягалъ султану привести Поляковъ и Литовцевъ къ нему въ подданство; писалъ онъ къ Турскому султану въ

тайныхъ своихъ грамотахъ, чтобъ султанъ рать готовилъ на Литовскихъ и Польскихъ пановъ, таковы де есть въ Польшѣ и Литвѣ люди богатые, денегъ тысячъ до пятисотъ золотыхъ ефимковъ и всякой казны много безъ числа, ихъ надобно протрясти, чтобъ они гордости своей позбавили, а то они очень спѣсивы теперь. У нашего же государя у самого богатства безчисленныя, и, казны своей не жалѣя, хочетъ онъ защищать какъ Московское государство, такъ и Польское и Литовское, отъ Татаръ и Турокъ: отъ Крыма по Дону, Донцу и Днѣпру поставитъ своихъ людей, города подѣлаетъ, и на Крымъ наступитъ своею казною, чтобъ на Подолье, и на Волынскую землю и на Польскую и на Литовскую впередъ тѣ поганые никто не приходилъ; въ доходы и прибытки королевскіе государь вступаться не хочетъ, обѣщаетъ все это отдать панамъ раднымъ и всему рыцарству, да еще изъ своей казны Польскимъ и Литовскимъ панамъ раднымъ и всему рыцарству хочетъ наддавать, и въ своихъ государствахъ у новыхъ городовъ въ степи хочетъ Польскихъ и Литовскихъ людей землями жаловать. За грѣхи всего христіанства у васъ къ намъ ненависть, и эта ненависть всему христіанству вредитъ, покой и любовное соединенье во всемъ христіанствѣ раззоряется: и для того надобно вамъ, всѣмъ панамъ совѣтовать то, что̀ къ прибытку всему христіанству, да неповинны будете въ крови христіанской предъ Вседержителемъ Богомъ. И то пригоже знать всякому христіанину, что̀ за пріязнь христіанамъ съ погаными? Еслибы государства ваши съ царствомъ православнаго государя нашего соединились, то всѣ поганскіе государи руки бы свои опустили: пришлось бы имъ тогда уже себя беречь, а не христіанство плѣнить: Молдавія, Валахія, Боснія, Сербія и Венгрія, которыя за Турками, достались бы Польшѣ и Литвѣ, а что̀ поближе къ намъ, Крымъ, Азовъ, Кафа, Черкасы и другія орды достались бы Москвѣ, потому что и теперь трое Крымскихъ царевичей со многими людьми уже на сторонѣ нашего государя, готовы въ Астрахани. А только будетъ избранъ Шведскій королевичъ, то этихъ Татаръ, которымъ было

изъ Астрахани и изъ-за Волги идти на Крымъ, поворотятъ на Литовскую землю. Если же выберете нашего государя, то онъ будетъ стоять на бусурмановъ самъ своею царскою *персоною* (парсуною) и со всѣми своими людьми, станетъ помогать своею казною, а панскихъ обычаевъ и вольностей ни въ чемъ не нарушитъ, и ничего у нихъ не захочетъ; а что какіе доходы собираются съ Польской и Литовской земли, то все государь нашъ уступитъ панамъ раднымъ, и что̀ у нихъ старая казна прежнихъ королей и что̀ вновь къ ней прибавлено и что̀ изъ Венгріи привезено, изъ того ничего государю нашему не надобно, много у государя нашего и своей всякой казны, и столько пожитку всякаго, какъ въ его государствѣ, ни въ какомъ государствѣ нѣтъ, встрѣчь многихъ, что̀ Польшѣ и Литвѣ были въ убытокъ, государю нашему не надобно: онъ пріѣдетъ съ своимъ кормомъ и съ своими всякими государскими обиходами, а вашего ничего государю нашему не надобно, кромѣ ласки; государь нашъ съ своею казною къ вамъ пріѣдетъ, чтобъ изъ своей казны можно было всякимъ тамошнимъ людямъ давать».

Въ Москвѣ такъ опасались соединенія Польши и Литвы съ Швеціею подъ однимъ государемъ, что не находили болѣе непригожимъ отправить великихъ пословъ на сеймъ: эти послы были двое бояръ: Степанъ Васильевичъ Годуновъ и князь Ѳедоръ Михайловичъ Троеруковъ съ знаменитымъ дьякомъ Василіемъ Щелкаловымъ. Въ Литвѣ также сильно хотѣли избранія Ѳеодора: перехвачены были грамоты жителей Вильны къ царю; но въ Литвѣ Московскіе приверженцы хорошо понимали, какія важныя препятствія этому избранію встрѣтятся на Польскомъ сеймѣ. Литовскій подскарбій, Ѳеодоръ Скуминъ, говорилъ Московскому послу Ржевскому: «Я христіанинъ вашей Греческой вѣры, и отецъ съ матерью у меня были христіане: такъ я вамъ говорю по своему христіанству: мы всѣ хотимъ, чтобъ намъ съ вами быть въ соединеніи на вѣки, чтобъ вашъ государь пановалъ на нашихъ панствахъ, только бы далъ Богъ намъ три колоды пересѣчь, за что̀ всѣ паны радные стоятъ и

стоять будутъ: 1) чтобъ государю вашему короноваться у насъ въ Краковѣ; 2) писаться въ титулѣ прежде королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ; 3) чтобъ государю вѣру перемѣнить; вы говорите, что не только государю, и вамъ о томъ мыслить нельзя; это правда, я съ панами радными говорилъ: христіанину какъ вѣру свою оставить? Если мы эти три колоды, дастъ Богъ, перевалимъ, то будемъ съ вами въ вѣчномъ соединеніи».

Кромѣ обѣщаній, которыя бояре давали въ Москвѣ посламъ Литовскимъ, Годуновъ и князь Троекуровъ должны были предложить еще на сеймѣ, что государь платитъ, изъ собственной казны, до 100,000 золотыхъ Венгерскихъ ратнымъ людямъ, которымъ остался долженъ Стефанъ Баторій; что, по изгнаніи Шведовъ изъ Эстоніи, всѣ города ея будутъ уступлены Литвѣ и Польшѣ, кромѣ Нарвы; что купцамъ Польскимъ и Литовскимъ открытъ будетъ путь во всѣ Московскія области и дальше во всѣ восточныя страны; что между жителями соединенныхъ государствъ будетъ позволено свободное сообщеніе и сватовство. На счетъ пребыванія царя въ-Польшѣ (четвертой колоды, о которой забылъ Скуминъ) послы должны были сказать: побывъ немного въ Польшѣ и Литвѣ, государь опять поѣдетъ въ Москву, и будетъ жить на своемъ прежнемъ государствѣ; въ Польшѣ же и Литвѣ всѣмъ управляютъ паны радные по прежнему обычаю, по своимъ правамъ и вольностямъ. Пословъ, которые придутъ съ неважными дѣлами, отправлять панамъ раднымъ, обославшись съ государемъ, а которые придутъ съ великими земскими дѣлами, тѣмъ быть у государя въ Москвѣ, а у государя въ то время быть изъ Польши и Литвы по два пана радныхъ, да по писарю.

Въ случаѣ, если сеймъ не согласится на избраніе Ѳеодора, послы должны были говорить, чтобъ избрали цесарева брата Максимиліана: «государю царю то будетъ любо же, потому что Максимиліанъ великаго государя сынъ и на такихъ великихъ государствахъ быть ему пригоже; а выбирать Шведскаго и другихъ поморскихъ непригоже: это государи непристойные, о

христіанствѣ не радѣютъ и всегда кроворазлитія христіанскаго желаютъ».—Желаніе помѣшать выбору Сигизмунда Шведскаго и трудность соглашенія въ мѣрахъ относительно управленія двумя государствами, изъ которыхъ ни одно не хотѣло уступить другому ни въ чести, ни въ выгодахъ, привели Московское правительство къ мысли предоставить Польшу и Литву полному самоуправленію, лишь бы онѣ по имени только признавали своимъ государемъ царя Московскаго; въ этомъ смыслѣ Годунову и Троекурову было наказано: «Выберутъ ли насъ себѣ государемъ, или приговорятъ быть подъ нашею царскою рукою, а управляться самимъ—все равно, соглашайтесь, только пусть будутъ съ нами въ соединеніи и докончаніи на всякаго недруга заодно; только этимъ промышляйте, этимъ свою службу и радѣнье намъ покажите, чтобъ далъ Богъ вамъ, не сдѣлавши дѣла, не разъѣхаться».

Въ Литвѣ обрадовались, что Московскій государь согласился дѣйствовать рѣшительно для достиженія короны Польской и Литовской, согласился отправить великихъ пословъ на сеймъ, и послы эти оказывали большую учтивость, не спорили, какъ прежде, о мелкихъ церемоніяхъ. Выѣзжавшіе на встрѣчу Литовцы говорили посламъ: «Теперь мы встрѣчаемъ васъ, великихъ пословъ государя православнаго; и далъ бы намъ Богъ всею землею встрѣтить самого вашего государя къ себѣ. Въ Литовской землѣ во всѣхъ повѣтахъ все рыцарство и вся земля уложили на томъ: хотятъ выбирать себѣ государемъ вашего государя». Приставы говорили посламъ: «Вы показали уступчивость большую противъ прежнихъ обычаевъ: прежде, когда приставы пріѣзжали къ посламъ вашего государя и отъ короля, то послы о шапкахъ споръ поднимали, и противъ королевскаго имени шапокъ не снимали тотчасъ; а вы теперь, великіе послы, противъ рѣчи пановъ радныхъ, братьи своей, шапки сняли: и паны радные, братья ваши, принимаютъ это отъ васъ за великую учтивость».

Но въ Литвѣ скоро увидали, что Московскіе послы по прежнему разнятся отъ всѣхъ другихъ пословъ, пріѣхавшихъ на

сеймъ хлопотать объ избраніи своихъ государей: по прежнему Московскіе послы пріѣхали безъ денегъ. Паны радные Литовскіе послали писаря сказать имъ: «Надобно вамъ промыслить сейчасъ же, выдать тысячъ съ двѣсти рублей, для того, чтобъ всѣхъ людей отъ Зборовскихъ, и отъ воеводы Познанскаго, Гурки, и отъ канцлера, Яна Замойскаго, приворотить къ себѣ на выборъ вашего государя: какъ увидятъ рыцарскіе люди государя вашего гроши, то всѣ отъ Зборовскихъ и отъ канцлера къ намъ приступятъ; а только деньгами не промыслить, то доброму дѣлу никакъ не бывать, и будутъ говорить про васъ всѣ: что жь это за послы, когда деньгами не могутъ промыслить!» Послы отвѣчали, что обо всемъ будутъ говорить съ самими панами на посольствѣ. Потомъ ночью тайно пріѣхалъ къ нимъ воевода Троцкій, Янъ Глѣбовичъ, съ стольникомъ короннымъ, княземъ Василіемъ Пронскимъ, и говорилъ: «Я государю вашему службу свою хочу показать, воеводу Познанскаго и Зборовскихъ уговариваю, чтобъ были съ нами вмѣстѣ и выбирали вашего государя, и на то уже ихъ и навелъ: только у нихъ люди наемные, которымъ срокъ приходитъ, и надобно воеводѣ Познанскому и Зборовскимъ помочь деньгами, чтобъ имъ было что наемнымъ людямъ давать и противъ канцлера стоять». Послы отвѣчали, что объ этомъ имъ наказа нѣтъ, да и казны съ ними нѣтъ.

Не смотря однако на недостатокъ этого могущественнаго на избирательныхъ сеймахъ средства — денегъ, сторона Московская была очень сильна, не только между Литвою, но и между Поляками, ибо для большинства избраніе Ѳеодора казалось самымъ вѣрнымъ выходомъ изъ борьбы двухъ сторонъ, Зборовскихъ и Замойскаго. Когда выставлено было въ полѣ три знамени—Московское—шапка, Австрійское—Нѣмецкая шляпа, и Шведское — сельдь, то подъ шапкою оказалось огромное большинство. 4 Августа Годуновъ и Троекуровъ правили посольство въ *рыцарскомъ колѣ*: поставили посламъ скамью противъ большихъ пановъ, а кругомъ того мѣста сидѣли паны же радные и послы повѣтовые. Увидѣвши, что для нихъ

приготовлена скамья, что паны и послы повѣтовые всѣ сидятъ, Московскіе послы начали говорить панамъ раднымъ: «Въ обычаѣ не ведется ни въ какихъ государствахъ, что посламъ, пришедши отъ государя своего, рѣчь говорить сидя, и намъ какъ это сдѣлать, что посольство государя своего сидя править? мы станемъ отъ государя посольство править стоя, и вамъ пригоже государя нашего рѣчь отъ насъ слушать стоя же». Паны отвѣчали: «Мы вамъ сказываемъ, какъ у насъ въ обычаѣ ведется, не спорьте объ этомъ, правьте посольство сидя, а мы при имени государя вашего будемъ вставать». Послы продолжали спорить; наконецъ паны сказали: «Мы вамъ обычай здѣшній сказываемъ; вы не слушаете, такъ дѣлайте какъ хотите: мы сядемъ, а вы какъ хотите, такъ посольство и правьте, на вашей волѣ». Сказавши это, паны сѣли, и послы правили посольство сидя.

Для разсужденія о подробностяхъ условій выбора назначили 15 пановъ духовныхъ и свѣтскихъ, которые должны были съѣхаться съ Московскими послами въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы. Здѣсь тотчасъ же обнаружились тѣ колоды, пересѣчь которыя Скуминъ считалъ такимъ труднымъ дѣломъ. Паны спросили пословъ: соединитъ ли государь свое Московское государство съ королевствомъ такъ, какъ Литва соединена съ Польшею, на вѣки и неразрывно? приступитъ ли къ вѣрѣ Римской? будетъ ли послушенъ папѣ? будетъ ли вѣнчаться въ Краковѣ въ Латинской церкви отъ архіепископа Гнѣзненскаго? причастіе опрѣсночное приметъ ли, и церковь Греческую съ Римскою соединитъ ли? пріѣдетъ ли въ Варшаву чрезъ 10 недѣль послѣ избранія? напишетъ ли въ своемъ титулѣ королевство Польское выше царства Московскаго? Бояре отвѣчали: королевство Польское и великое княжество Литовское соединятся съ Московскимъ государствомъ на вѣки такъ, чтобъ имъ противъ всякаго недруга стоять заодно, чтобъ жители ихъ могли свободно ѣздить изъ земли въ землю, жить, свататься и жениться, съ позволенія государя. Государь останется въ православной вѣрѣ; вѣнчаться на королевство будетъ или въ

Москвѣ, или въ Смоленскѣ; будетъ уважать папу, не будетъ препятствовать ему въ управленіи Польскимъ духовенствомъ, но не позволитъ мѣшаться въ дѣла Греческой церкви. Корона Польская будетъ подъ царскою шапкою Мономаховою; титулъ будетъ: царь и великій князь всея Руси, Владимірскій и Московскій, король Польскій и великій князь Литовскій: «Хотя бы» сказали послы: «и Римъ старый, и Римъ новый, царствующій градъ Византія, начали прикладываться къ нашему государю, то какъ ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?» Относительно времени пріѣзда въ Польшу послы объявили: «Въ томъ воленъ Богъ да государь: какъ захочетъ, такъ къ вамъ и пріѣдетъ, намъ того угадать нельзя и наказа намъ государь объ этомъ не далъ».

Паны отвѣчали, что на этихъ условіяхъ Ѳеодоръ не можетъ быть избранъ, и особенно настаивали на вопросѣ о деньгахъ, которыя царь какъ можно скорѣе долженъ выдать для подкрѣпленія стороны своей на сеймѣ и для найму войска, потому что, въ случаѣ царскаго избранія, враги съ разныхъ сторонъ нападутъ на Польшу; приводили въ примѣръ щедрость императора и короля Испанскаго. Послы говорили на это: «Государь нашъ на наемныхъ людей казны своей дастъ, что̀ будетъ пригоже. Вы говорите, что цесарь и король Испанскій для своего избранія даютъ вамъ казну большую, да еще на много лѣтъ: но государь нашъ хочетъ быть королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ не для своего прибытка и чести, а только для покоя христіанскаго, для избавленія и расширенія этимъ государствамъ. Приводитъ государь нашъ то себѣ на память, что давно уже Московское государство и корона Польская и великое княжество Литовское между собою въ непріятельствѣ, и кровь христіанская съ обѣихъ сторонъ лилась: такъ его бы государскимъ смотрѣньемъ кровь литься перестала и были бы христіане въ покоѣ; а вы на такое государя нашего радѣнье о покоѣ христіанскомъ не смо̀трите, указываете на цесареву да на Испанскаго короля казну. Ваша воля, если

намъ деньги христіанскаго покоя лучше. А государю нашему ваши государства зачѣмъ покупать? Съ Божіею помощію государь нашъ сидитъ на своихъ государствахъ. Государь нашъ хочетъ, чтобъ между всѣми христіанами утвержденъ былъ покой, и стоять бы всѣмъ христіанамъ на бусурманъ заодно; но если вы говорите, что государь нашъ долженъ дать свою казну, долженъ велѣть биться съ тѣми людьми, которые не захотятъ его выбрать — то значитъ онъ долженъ воздвигнуть еще больше кровопролитія между христіанами, а не покой христіанамъ сдѣлать». Паны отвѣчали: «По всѣмъ этимъ статьямъ, которыя между нами въ разговорѣ были, государю вашему у насъ на государствѣ быть нельзя». Тогда послы, исполняя наказъ, объявили, что царь, если не можетъ быть избранъ самъ, желаетъ избранія эрцгерцога Максимиліана. На это паны отвѣчали: «Не пригоже государю вашему, да и вамъ государя намъ указывать; знаете сами, что мы ни по чьему указу государя себѣ не выбираемъ; выбираемъ, кого намъ Богъ укажетъ по нашимъ вольностямъ». На второмъ съѣздѣ паны опять начали дѣло о деньгахъ, спросили: «дастъ ли имъ государь на скорую оборону 200,000 рублей? безъ чего объ избраніи Ѳеодора говорить нельзя». Послы отвѣчали, что государь государства не покупаетъ; но если будетъ избранъ, то они, послы, занявши, дадутъ до 60,000 золотыхъ Польскихъ. Паны возразили, что этого мало; послы прибавили до 100,000; паны не согласились и на это; они говорили: «царь обѣщаетъ давать шляхтѣ земли по Дону и Донцу: но въ такихъ пустыхъ мѣстахъ какая имъ прибыль будетъ? да далеко имъ туда и ѣздить. У насъ за Кіевомъ такихъ и своихъ земель много. Какъ вамъ не стыдно о такихъ земляхъ и въ артикулахъ писать! Будетъ ли государь давать нашимъ людямъ земли въ Московскомъ государствѣ, въ Смоленскѣ и Сѣверскихъ городахъ?» Послы отвѣчали: «Чья къ государю нашему служба дойдетъ, того государь воленъ жаловать вотчиною и въ Московскомъ государствѣ». Паны спрашивали: «заплатитъ ли государь войску долги королей Сигизмунда Августа и Стефана?» Послы отвѣчали, что государь заплатитъ

за одного Стефана что пригоже, но за Сигизмунда Августа платить не будетъ. Паны говорили: «что это за вольность, что нашимъ людямъ къ вамъ ѣздить вольно, а вашимъ людямъ къ намъ ѣздить можно только съ доклада государя? но если государь вашъ не позволитъ никому ѣздить, то ѣздить и не станутъ?» Паны говорили долго, чтобъ было вольно ѣздить людямъ съ обѣихъ сторонъ какъ захотятъ; но послы имъ рѣшительно въ этомъ отказали: «У васъ» говорили они: «въ вашихъ государствахъ людямъ вольность ѣздить во всѣ государства; а въ Московскомъ государствѣ того въ обычаѣ не живетъ, что безъ государева повелѣнья ѣздить по своей волѣ, и впередъ тому быть непригоже, о томъ вамъ много говорить не надобно». Между-тѣмъ шли споры между панами духовными и свѣтскими, приверженцами Максимиліана, Сигизмунда и Θеодора. Кардиналъ Радзивилъ говорилъ, что «избраніе Московскаго царя очень выгодно для республики, но препятствіемъ непреодолимымъ служитъ религія. Притомъ это наслѣдственный врагъ нашего народа: недостойно было бы намъ непріятеля взять въ государи. Опричнина его также была бы намъ тяжела. Если при покойномъ королѣ намъ тяжелы были нѣсколько сотъ гайдуковъ, то опричнина будетъ еще тягостнѣе. Но что всего важнѣе, Московскій неспособенъ къ правленію, не имѣетъ достаточнаго къ тому разума». Христофъ Зборовскій также указывалъ на неспособность Θеодора, выставлялъ сомнѣнія — будутъ ли исполнены обѣщанія? «По моему невозможное дѣло» говорилъ онъ: «чтобъ этотъ гордый народъ Москвитяне, который придаетъ важность даже снятію шапки, могъ согласиться, чтобъ государство его было присоединено къ коронѣ; скорѣе захотятъ они приставить Польшу къ Московскому государству, какъ рукавъ къ кафтану». Приверженцы Θеодора возражали, что на счетъ умственныхъ способностей его ходятъ разные слухи, а дѣла его неразумія не показываютъ: онъ укротилъ внутренніе раздоры, что гораздо труднѣе, чѣмъ вести удачно внѣшнія войны, какъ внутреннюю рану труднѣе вылѣчить, чѣмъ наружную. Плѣнныхъ выпустилъ безъ окупа:

все это показываетъ въ немъ человѣка разумнаго и милосерднаго. Особенно приверженцы Θеодора хвалили его за отпускъ плѣнныхъ безъ окупа.

Въ то время, какъ происходили эти споры и переговоры съ Московскими послами, которые не вели ни къ чему рѣшительному, сторона Австрійская, то-есть сторона Гурки и Зборовскихъ, слабѣла ежедневно, и вслѣдствіе народнаго нерасположенія къ Австрійскому дому, къ Нѣмцамъ, и вслѣдствіе явнаго стремленія вождей партіи къ мѣрамъ насильственнымъ, желанія рѣшить дѣло поскорѣе междоусобною битвою. Сильный ударъ нанесъ Австрійской партіи примасъ королевства Карнковскій, открыто перешедшій на сторону Замойскаго. Папскій нунцій и другіе члены Австрійской партіи, видя затруднительность своего положенія, не разъ пытались помирить Зборовскихъ съ Замойскимъ, чтобъ отвлечь послѣдняго отъ Сигизмунда, предлагали сдѣлку, обѣщали, что Максимиліанъ Австрійскій, ставши королемъ Польскимъ, женится на Аннѣ Шведской, сестрѣ Сигизмунда. Замойскій колебался, ибо самъ находился въ затруднительномъ положеніи: не смотря на то, что сильное большинство пановъ и шляхты были на его сторонѣ, денежныя средства его истощились; около Варшавы съѣстные припасы были страшно дороги, вслѣдствіе чего паны и шляхта, не имѣя возможности кормиться, разъѣзжались съ сейма: такимъ образомъ, матеріальныя силы Замойскаго уменьшались, тогда какъ у Зборовскихъ было наемное войско, содержавшееся на Австрійскія деньги. Въ одну ночь, когда Замойскій волновался тяжелыми мыслями о своемъ положеніи, о невозможности достать денегъ для удержанія своихъ приверженцевъ, а съ другой стороны объ униженіи, о безотрадномъ будущемъ въ случаѣ избранія Австрійца и торжества Зборовскихъ, которые во всякомъ случаѣ останутся на первомъ мѣстѣ при Максимиліанѣ — вдругъ вошелъ къ нему примасъ Карнковскій и объявилъ, что медлить болѣе нечего и что онъ готовъ провозгласить королемъ Сигизмунда. Замойскій согласился, и 19-го Августа (новаго стиля) Сигизмундъ былъ избранъ стороною За-

мойскаго; но сторона Зборовскихъ не согласилась уступить противникамъ и 22 Августа провозгласила королемъ эрцгерцога Максимиліана. Литва не участвовала ни въ томъ, ни въ другомъ избраніи; по свидѣтельству современниковъ, не мало было и Поляковъ, которые оба избранія считали неправильными.

Вслѣдствіе этого разъединенія, къ Московскимъ посламъ пріѣхали опять депутаты отъ пановъ и объявили, что Замойскій съ товарищами избрали Сигизмунда, а Литва вся и бо̀льшая половина Поляковъ хотятъ избирать Московскаго царя, но не могутъ провозгласить его, ибо не рѣшено еще дѣло объ условіяхъ избранія, и потому пусть послы объявятъ рѣшительно: приступитъ ли государь къ Римской вѣрѣ? можно ли ему пріѣхать въ 10 недѣль? какимъ обычаемъ государю титулъ свой описывать, ибо корона не можетъ быть подъ шапкою, которая называется царскою? дастъ ли государь сейчасъ же на скорую оборону 100,000 рублей? Послы отвѣчали, что на все это отвѣтъ данъ и другаго не будетъ.

Этимъ отвѣтомъ дѣло было кончено съ Польшею, но не съ Литвою. Литовскіе паны послали сказать посламъ: «Замойскій выбралъ Шведскаго королевича, воевода Познанскій Гурка да Зборовскіе выбрали цесарева брата; а мы всѣ, Литва и Поляковъ бо̀льшая половина, хотимъ государя вашего, да стало дѣло за вѣрою и за пріѣздомъ, что государь вашъ скоро не пріѣдетъ: только бъ намъ государя вашего пріѣздъ былъ вѣдомъ вскорѣ, и мы бы, избравши вашего государя, тотчасъ всѣ своими головами рушились къ Кракову и короны не дали бы ни Шведу, ни цесареву брату. Теперь намъ пріѣздъ государя вашего невѣдомъ, и за этимъ да еще за вѣрою намъ государя вашего выбрать нельзя, а Шведа и цесарева брата мы также не выбрали и впередъ ихъ не хотимъ, елекцію мы разорвали и хотимъ назначить новый съѣздъ для избиранія государя. Вѣчнаго мира теперь намъ съ вами заключить нельзя, потому что время коротко, да и насъ, пановъ-радъ, мало, многіе уже разъѣхались: заключимъ теперь перемиріе». Послы согласились, и заключено было перемиріе на 15 лѣтъ, при чемъ каждое го-

сударство осталось при своемъ. Когда перемиріе было заключено, заѣхали къ посламъ на подворье воевода Виленскій Христофъ Радзивилъ да воевода Троцкій Янъ Глѣбовичь и говорили имъ тайно, выславши всѣхъ людей: «Черезъ пять недѣль будетъ у насъ, у Литвы, съѣздъ всѣмъ людямъ въ Вильнѣ, и у Поляковъ, которые Шведа и цесарева брата не выбирали, также съѣздъ будетъ; всѣ мы хотимъ того, чтобъ у насъ государемъ былъ вашъ царь; если же не будетъ у насъ вашъ государь, то развѣ потому только, что самъ не захочетъ. Вы теперь съ гонцомъ отпишите къ государю наскоро, что если онъ хочетъ быть у насъ государемъ, то прислалъ бы на съѣздъ въ Вильну гонца съ грамотами наскоро, а въ грамотахъ къ панамъ Литовскимъ и ко всей Литовской землѣ хвалилъ бы ихъ и благодарилъ, что они его себѣ государемъ выбрать хотѣли и имя его выславляли, и просилъ бы ихъ, чтобъ и впередъ такъ дѣлали. А о вѣрѣ бы написалъ такъ: вы бы меня на государство выбрали, а за вѣрою не останавливались: отъ Греческой вѣры отступить и къ Римской приступить мнѣ нельзя; а какъ меня на государство выберете, то я сейчасъ же отправлю посла своего къ папѣ съ прошеньемъ, чтобъ меня въ томъ не нудилъ; о пріѣздѣ своемъ написалъ бы государь, что будетъ послѣ того, какъ его провозгласятъ, черезъ три мѣсяца или немного позднѣе; да на скорую оборону далъ бы 100,000 рублей, и мы тотчасъ государя вашего обѣими землями выберемъ. О цесаревѣ же братѣ государь бы вашъ къ намъ не писалъ: если будетъ писать, то всѣхъ людей отъ себя отгонитъ; мы уже лучше приступимъ всѣ къ Шведу. Цесарева брата и помянуть у насъ никто не хочетъ, потому что онъ небогатый государь, да и весь въ долгахъ; а цесарь, братъ его, и самъ долженъ, и дань даетъ Турскому султану; и какъ только цесаревъ братъ у насъ на государствѣ будетъ, то онъ тотчасъ захочетъ богатѣть и долги платить, а все это станетъ съ насъ лупить. Захочетъ съ Турскимъ воевать, все съ насъ же сбирать станетъ; а своего ему на войну дать нечего: мало ли что̀ сулитъ, чтобъ только его выбрали, а на самомъ дѣлѣ

нѣтъ ничего. Да и потому цесарева брата не хотимъ: которыя государства поддались цесарю, и онъ у нихъ всѣ права поломалъ, и дань на нихъ наложилъ такую, что стянуть нельзя. У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государи? Если уже государь вашъ не захочетъ у насъ быть на государствѣ, то написалъ бы въ грамотахъ, чтобъ мы выбрали себѣ государя изъ своего народа, что̀ у насъ слыветъ *пястъ:* это нашимъ людямъ всѣмъ будетъ любо. Да и то у насъ у Литвы есть въ разговорахъ: если Поляки съ нами на избраніе вашего государя не согласятся, то мы: Литва, Кіевъ, Волынь, Подолье, Подляшье и Мазовія, хотимъ отъ Польши отодраться: такъ государь вашъ насъ возьметъ ли, и на одной Литвѣ безъ Польши у насъ государемъ будетъ ли, и за насъ свою силою станетъ ли?»

Съ отвѣтомъ на этотъ важный вопросъ отправленъ былъ въ Литву дворянинъ Ржевскій, который повезъ также богатые подарки для каждаго пана, цѣною на 20,000 нынѣшнихъ рублей. Въ грамотѣ своей къ панамъ царь писалъ: «Мы у васъ государемъ быть хотимъ: только намъ теперь къ вамъ ѣхать нельзя, потому что вы себѣ не одного государя выбрали, и многіе хотятъ того, чему статься нельзя, чтобъ мы, оставя свою истинную православную христіанскую вѣру, пристали къ Римской вѣрѣ; сами подумайте, какъ этому можно статься? А если Богъ дастъ впередъ, какъ намъ будетъ время, то мы къ вамъ ѣхать хотимъ». По тайному наказу Ржевскій долженъ былъ сказать панамъ: «только возьмите себѣ въ государи нашего государя и будьте подъ его царскою рукою, а всѣмъ управляйте сами въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ по своимъ правамъ и вольностямъ. А потомъ государь нашъ, когда разсмотритъ васъ и вашу къ себѣ ласку увидитъ, а вы государскую милость къ себѣ увидите, то государь поѣдетъ къ вамъ короноваться по своей государской волѣ, какъ ему время будетъ; короноваться ему по Греческому закону, а къ Римской вѣрѣ приступить и помыслить ему нельзя.

надобно будетъ вамъ теперь на скорую оборону денегъ, то, какъ скоро выберете нашего государя, онъ дастъ вамъ Русскими деньгами до 70,000 рублей, а Польскими золотыми до 230,000». Паны отвѣчали на это, что царь не можетъ быть королемъ безъ принятія Римской вѣры: «государь вашъ» говорили они Ржевскому: «самъ порвалъ дѣло тѣмъ, что̀ писалъ въ своихъ грамотахъ; у насъ никогда не бывало, чтобъ король короновался по Греческому закону; хотя бы мы всѣ паны радные на это согласились, то архіепископы и епископы никакъ не согласятся, а видите и сами, что у насъ въ радѣ они большіе люди и стоятъ крѣпко за то, чтобъ король у нихъ былъ Римской вѣры, и никому противъ нихъ въ томъ устоять нельзя; государю вашему вовсе ненадобно было писать въ грамотахъ, что ему короноваться по Греческому закону». Ржевскій доносилъ, что государево жалованье паны приняли съ большою благодарностію, много челомъ били и обѣщали заслужить за него государю; не взялъ соболей одинъ Николай Христофъ Радзивилъ, сказавши, что далъ Богу обѣщаніе не брать даровъ ни у котораго государя. Но и отпустивши Ржевскаго съ рѣшительнымъ отказомъ, Литовскіе паны велѣли везти его тихо, все поджидая вѣстей изъ Польши, и велѣли везти не мѣшкая только тогда, какъ узнали, что Сигизмундъ уже короновался [87].

Паны Литовскіе имѣли право медлить и ждать вѣстей изъ Польши, потому что оба соперника — Сигизмундъ и Максимиліанъ не хотѣли уступить другъ другу безъ кровопролитія. Максимиліанъ приблизился къ Кракову, но принужденъ былъ отступить, послѣ неудачной попытки овладѣть городомъ. Сигизмундъ безпрепятственно вступилъ въ Краковъ и короновался; Замойскій двинулся за удалявшимся Максимиліаномъ, и при Бычинѣ, въ Силезіи, взялъ его въ плѣнъ послѣ кровопролитнаго сраженія. Такъ исполнились, повидимому, замыслы Замойскаго, грозившіе бѣдою Москвѣ. Но у Замойскаго была одна судьба съ Батаріемъ. Стремленія Баторія шли наперекоръ всей исторіи того государства, гдѣ онъ призванъ былъ царствовать;

стремленія Замойскаго шли наперекоръ великому движенію, господствовавшему тогда во всей Европѣ, и понятно, что дѣло знаменитаго канцлера и гетмана обратилось немедленно противъ него самого. Замойскій надѣялся, что при соединеніи двухъ могущественныхъ государствъ, Польши и Швеціи, «Сигизмундъ если не всѣмъ Московскимъ государствомъ овладѣетъ, то, по меньшей мѣрѣ, возьметъ Псковъ и Смоленскъ, а военными кораблями Шведскими загородитъ морскую дорогу въ Бѣлое море, отчего Московскому государству великій убытокъ будетъ». Но на первомъ планѣ тогда въ Европѣ было религіозное движеніе; новый король Польскій, наслѣдный принцъ Шведскій, долженствовавшій поэтому соединить оба государства подъ одною державою, былъ, подобно Фердинанду II Австрійскому, вполнѣ человѣкъ своего времени, человѣкъ, которымъ господствующій интересъ времени владѣлъ неограниченно. Сигизмундъ былъ ревностный католикъ и хотѣлъ доставить торжество своему исповѣданію всюду, во что бы то ни стало; всѣ поступки его естественно и необходимо вытекали изъ того положенія, въ какое онъ, по убѣжденіямъ своимъ, поставилъ себя относительно господствующаго интереса времени. Какъ ревностный католикъ, Сигизмундъ сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей католическаго противодѣйствія и потому сильно сочувствовалъ учрежденію, имѣвшему цѣлію торжество католицизма надъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, сильно сочувствовалъ Іезуитамъ, подчинялся ихъ внушеніямъ. Будучи похожъ на Фердинанда II и нисколько не похожъ на Генриха IV Французскаго, Сигизмундъ не былъ способенъ къ сдѣлкамъ въ дѣлѣ вѣры: ставши королемъ Шведскимъ, онъ не хотѣлъ позволить, чтобъ въ Швеціи господствовалъ протестантизмъ: вслѣдствіе этого потерялъ отцовскій престолъ и, вмѣсто соединенія, произвелъ ожесточенную борьбу между Швеціею и Польшею; такъ же точно потомъ онъ не могъ позволить сыну своему Владиславу принять православіе и тѣмъ самымъ заставилъ жителей Московскаго государства встать какъ одинъ человѣкъ противъ Поляковъ; въ областяхъ Польскихъ и Литов-

скихъ онъ не могъ быть равнодушенъ относительно диссидентовъ и, поддерживая унію, приготовилъ отпаденіе Малороссіи; въ отношеніи къ западнымъ сосѣдямъ, онъ не могъ не сочувствовать католическимъ стремленіямъ Австрійскаго дома, и потому изъ соперника немедленно сдѣлался ему другомъ и союзникомъ. Такъ жестоко обмануты были всѣ надежды Замойскаго.

Въ Москвѣ скоро могли увѣриться въ разрушеніи замысловъ Замойскаго и освободиться отъ страха, который внушало сначала избраніе Шведскаго королевича на Польскій престолъ. Подъячій Андрей Ивановъ, отправленный въ Литву для вѣстей, писалъ, что новаго короля Сигизмунда держатъ ни за что̀, потому что промыслу въ немъ нѣтъ никакого: и неразумнымъ его ставятъ, и землею его не любятъ, потому что отъ него землѣ прибыли нѣтъ никакой: владѣютъ всѣмъ паны. Нужно было ласкать этихъ пановъ, особенно Литовскихъ, и Годуновъ писалъ къ самому могущественному изъ нихъ, Виленскому воеводѣ Христофу Радзивилу: «Вѣдомо тебѣ, брату нашему любительному, что я, будучи у великаго государя въ ближней Думѣ, всегда радѣю, и съ братьями своими, со всѣми боярами, мудрыми думами мыслимъ и промышляемъ и государя всегда на то наводимъ, чтобъ между нимъ и вашимъ государемъ была любовь. Послалъ я къ тебѣ отъ своей любви поминокъ, платно — Кизильбашское (Персидское) дѣло, а прислалъ ко мнѣ это платно въ поминкахъ Персидскій Аббасъ шахъ съ своего плеча». Потомъ Годуновъ писалъ къ Радзивилу, что за его Борисовымъ челобитьемъ съ Литовскихъ купцовъ пошлинъ въ Москвѣ не брали и, благодаря ему же, опалы на нихъ не положено за то, что они подрались съ приказными людьми.

Всего важнѣе для Москвы было то, чтобъ Польша и Литва не дѣйствовали заодно съ Швеціею, война съ которою считалась необходимостію: Баторію при Іоаннѣ уступлена была спорная Ливонія; но въ рукахъ у Шведовъ остались извѣстные Русскіе города, возвратить которые требовала честь государственная. Въ началѣ царствованія Ѳеодорова, при жизни

Баторія, о войнѣ съ Швеціею думать было нельзя, ибо съ часа на часъ ждали разрыва съ Литвою. Эстонскій намѣстникъ, извѣстный Делагарди, узнавъ о смерти Грознаго, спрашивалъ у Новгородскаго воеводы, князя Скопина-Шуйскаго, будетъ ли соблюдаться Плюсскій договоръ, заключенный при покойномъ царѣ, и пріѣдутъ ли Московскіе послы въ Стокгольмъ для заключенія вѣчнаго мира? Делагарди прислалъ и опасныя грамоты на пословъ. Требованіе, чтобы Московскіе послы ѣхали въ Стокгольмъ, было большимъ оскорбленіемъ для Московскаго правительства, непривыкшаго соблюдать даже и равенства въ сношеніяхъ съ Шведскимъ; притомъ въ письмѣ Делагарди титулъ царскій былъ написанъ не такъ, а король названъ великимъ княземъ Ижорскимъ и Шелонской пятины въ землѣ Русской. Не получая долго отвѣта, Делагарди прислалъ вторую грамоту, снова приглашая Московскихъ пословъ пріѣхать въ Швецію. На эту грамоту отвѣчалъ ему второй Новгородскій воевода, князь Лобановъ-Ростовскій: «Ты пришлецъ въ Шведской землѣ, старыхъ обычаевъ государскихъ не вѣдаешь, какъ отецъ государя вашего ссылался съ Новгородскими намѣстниками. Государю нашему опасныя королевскія грамоты на пословъ не надобны, то дѣло непригожее, и я эту опасную грамоту отослалъ съ твоимъ же гончикомъ назадъ. А что ты писалъ государя нашего титулъ не по пригожу, такъ это потому, что ты при государяхъ не живалъ, государя нашего титула и не знаешь, какъ его описывать». Делагарди обидѣлся этимъ отвѣтомъ, обидѣлся и тѣмъ, что отвѣчалъ ему не первый Новгородскій воевода, а второй, и потому писалъ къ Скопину-Шуйскому: «Я всегда былъ такой же, какъ ты, если только не лучше тебя»; а къ Лобанову-Ростовскому писалъ: «Вы все стоите въ своемъ великомъ Русскомъ безумномъ невѣжествѣ и гордости; а пригоже было бы вамъ это оставить, потому что прибыли вамъ отъ этого мало. Будь тебѣ вѣдомо, что я издавна въ здѣшнемъ высокохвальномъ государствѣ Шведскомъ не иноземецъ, и не называютъ меня иноземцемъ. Пишешь, что нѣкоторое время я не былъ при дворѣ своего го-

сударя—это правда: думаю, что объ этомъ узналъ твой государь, и ты, и другіе его подданные, потому что я ходилъ съ Шведскою ратью въ вашей землѣ и ее воевалъ. Знай, что мой король никакъ не пошлетъ своихъ пословъ въ землю твоего государя до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла постановятся и совершатся на рубежѣ».

Переговоровъ на рубежѣ требовалъ и самъ король Іоаннъ въ грамотѣ къ царю; но и эта королевская грамота заключала въ себѣ также оскорбленіе для Θеодора, потому что король не удержался, чтобъ не высказать своей ненависти къ отцу Θеодорову; онъ писалъ: «Отецъ твой владѣлъ своею землею и подданными своими немилостиво, съ кровопролитіемъ, и сосѣдъ онъ былъ лихой и непокойный». Θеодоръ отвѣчалъ: «Намъ было непригоже отпустить къ тебѣ твоего гонца: на гонцовъ, которые съ такими укорительными словами пріѣзжають, вездѣ опалы кладутъ. Но мы государи христіанскіе, за челобитьемъ бояръ своихъ, для своего милостиваго христіанскаго обычая, на твоего гонца никакой опалы не положили. Мы твоему гонцу нашихъ царскихъ очей видѣть не велѣли, потому что онъ съ такою грамотою пріѣхалъ: въ грамотѣ написаны укоры нашему отцу, чего нигдѣ не слыхано. А что ты писалъ, чтобъ намъ пословъ своихъ послать на съѣздъ, и намъ мимо прежнихъ обычаевъ и за такія твои слова пословъ своихъ посылать было непригоже: но для своего царскаго милосердаго обычая, по челобитью бояръ, мы пословъ своихъ на съѣздъ отправить велѣли».

Въ Октябрѣ 1585 года бояринъ князь Θедоръ Шестуновъ и думный дворянинъ Игнатій Татищевъ съѣхались на устьѣ Плюсы, близь Нарвы, съ Шведскими сановниками Класомъ Тоттомъ и Делагарди. Не имѣя возможности начать войну, Московское правительство наказало своимъ посламъ не разрывать мира ни подъ какимъ видомъ, требовать сначала возвращенія Русскихъ городовъ даромъ и, если не согласятся, предложить за нихъ деньги, именно за Ивань-городъ, Яму, Копорье и Корелу 15,000 рублей. Если Шведскіе послы непремѣнно будутъ

требовать, чтобъ царь писалъ себѣ короля братомъ, то, по конечной неволѣ, согласиться и на то; если же Ивань-города отдать не захотятъ, то помириться и безъ него, давши за три другіе города 6000 рублей. На требованіе Московскихъ пословъ возвратить города даромъ Шведы отвѣчали: «Гдѣ слыхано, чтобъ города отдавать даромъ? отдаютъ яблоки да груши, а не города. Если отдавать города, то лучше отдать ихъ Литовскому: онъ присылалъ просить у нашего государя съ большимъ челобитьемъ, и денегъ даетъ за нихъ много, хочетъ помириться съ нашимъ государемъ вѣчнымъ миромъ и стоять заодно на вашего государя, да онъ же государю нашему въ свойствѣ». Шведы требовали только за Яму и Копорье 400,000 рублей! Соглашались также мѣнять земли на земли: уступали Яму и Копорье, но требовали за нихъ Орѣшка, или земель за Невою, и Сумерскаго погоста; за вѣчный миръ съ братствомъ предлагали даже деньги, только чтобъ всѣ спорные города остались за ними. На это предложеніе Московскіе послы отвѣчали: «Велѣно намъ говорить о городахъ: Ивань-городѣ, Ямѣ, Копорьѣ, Корелѣ, чтобъ государь вашъ отдалъ государю нашему его вотчину, а государь нашъ христіанскій хочетъ монастыри и церкви христіанскія воздвигнуть по прежнему, чтобъ имя Божіе славилось, потому что теперь всѣ эти мѣста разорены. Государь нашъ въ своей вотчинѣ, въ дальнихъ мѣстахъ на степи, по Дону и за Тихою Сосною, поставилъ 12 городовъ и въ нихъ воздвигъ монастыри и церкви, а были тѣ мѣста пусты лѣтъ по триста и по четыреста. А деньги государю нашему не надобны: много у нашего государя всякой царской казны и безъ вашего государя».

Во время переговоровъ, Делагарди утонулъ при переѣздѣ черезъ Нарову. Шестуновъ и Татищевъ дали знать объ этомъ въ Москву и получили отвѣтъ отъ царскаго имени: «Писали вы намъ, что Пунтусъ Делагарди утонулъ; сдѣлалось это Божіимъ милосердіемъ и великаго чудотворца Николы милостію». Не смотря однако на то, что страшнаго Делагарди не было болѣе, посламъ было предписано: давать за Ивань-городъ, Яму

и Копорье до 15,000 рублей, и уже по конечной неволѣ заключить перемиріе безъ городовъ, только ни подъ какимъ видомъ не разрывать. Послы видѣли конечную неволю, ибо переговоры не вели ни къ чему, и въ Декабрѣ 1585 года утвердили перемиріе на четыре года безо всякихъ уступокъ.

Сношенія возобновились лѣтомъ 1589 года опять бранчивою перепискою: король Іоаннъ писалъ Θеодору, что Русскіе вторгнулись въ Шведскія владѣнія, жгли, грабили, били и мучили молодыхъ и старыхъ, что такимъ образомъ перемиріе нарушено со стороны царя, и онъ, король, съ воинскою силою стоитъ уже въ Ливоніи: если царь хочетъ мира, то пусть высылаетъ великихъ пословъ ко дню св. Лаврентія; если же не хочетъ, то пусть знаетъ, что онъ, король, не будетъ держать своихъ воинскихъ людей безъ дѣла до перемирнаго срока. Царь отвѣчалъ: «Твоя грамота пришла къ намъ за день до св. Лаврентія, 9 Августа. Мы грамоту твою выслушали и такому безмѣрному задору твоему подивились. Намъ было за такія твои гордыя слова и ссылаться съ тобою непригоже; да мы великіе государи христіанскіе для своего царскаго милосердаго обычая тебѣ объявляемъ». Отвергнувши извѣстіе о нападеніи Русскихъ на Шведскія области и укоривши, въ свою очередь, Шведовъ за нападенія на Московскія владѣнія, царь продолжаетъ: «Ты писалъ, что не хочешь ждать до срока мирнаго постановленія: такихъ гордыхъ словъ тебѣ было писать непригоже. А у насъ у великихъ государей благочестивыхъ Русскихъ царей изначала ведется: гдѣ наши послы и посланники не только переговоры закрѣпятъ крестнымъ цѣлованіемъ, хотя гдѣ и слово молвятъ, и то неизмѣнно бывзетъ. Если ты начнешь до срока войну, то кровь будетъ на тебѣ, а наши рати противъ тебя готовы. А что̀ ты писалъ о послахъ: и намъ было за такіе задоры и за такія твои гордыя письма ссылаться съ тобою непригоже; но мы государи христіанскіе, за челобитьемъ бояръ нашихъ и чтобъ разлитія крови христіанской не было, пословъ своихъ великихъ на съѣздъ, на рѣку Нарову, къ устью Плюсы-рѣки, послали».

Эти послы были: окольничій князь Хворостининъ и казначей Черемисиновъ. Они получили наказъ: требовать Нарвы, Ивань-города, Ямы, Копорья, Корелы; за эти города заключить договоръ съ *братствомъ* и заплатить до 20,000 рублей, а безъ Нарвы давать только до 15,000; заключить вѣчный миръ съ братствомъ даже за три города — Яму, Копорье и Корелу; если же Шведы будутъ уступать только два города, то не рѣшать дѣла безъ обсылки съ государемъ. Когда уже послы отправились и переслались съ Шведскими послами на счетъ времени начатія переговоровъ, то получили новый царскій наказъ: «Говорить съ послами по большимъ, высокимъ мѣрамъ, а послѣдняя мѣра: въ государеву сторону Нарву, Ивань-городъ, Яму, Копорье, Корелу безъ накладу, безъ денегъ; если же не согласятся уступить этихъ городовъ безъ денегъ, то ничего не рѣшать безъ обсылки съ государемъ; если же согласятся, то заключить вѣчный миръ безъ братства». Дѣло, разумѣется, не уладилось. Шведскіе послы объявили, что они не уступятъ ни одной пяди земли, не только городовъ; Русскіе отвѣчали имъ: «Государю нашему, не отыскавъ своей отчины, городовъ Ливонской и Новгородской земли, съ вашимъ государемъ для чего мириться? Теперь уже вашему государю пригоже отдавать намъ всѣ города, да и за подъемъ государю нашему заплатить, что̀ онъ укажетъ».

Такая перемѣна происходила оттого, что Баторія уже не было болѣе, и хотя на престолѣ Польскомъ сидѣлъ сынъ Шведскаго короля, однако отношенія его къ подданнымъ нисколько не обѣщали тѣснаго союза между ними и Шведами. Въ Москву давали знать, что Сигизмундъ непроченъ въ своихъ государствахъ, что Литва, по крайней мѣрѣ, легко можетъ поддаться царю. Въ грамотѣ своей къ королю Іоанну Ѳеодоръ грозилъ союзомъ съ императоромъ Рудольфомъ, съ шахомъ Персидскимъ, прямо объявлялъ, что Литовцы хотятъ ему поддаться. Іоаннъ отвѣчалъ: «Пришла къ намъ твоя грамота, писанная неподобно и гордо; мы на нее не хотимъ больше отвѣчать, а полагаемся на волю Божію. Ты пишешь, что ждешь

помощи отъ императора и другихъ государей: и мы рады, что теперь сталъ ты безсиленъ и ждешь отъ другихъ помощи. Увидимъ, какая помощь отъ нихъ тебѣ будетъ! Пишешь, что Литва хочетъ подъ твою руку поддаться: все это ложь! мы знаемъ подлинно, что Литва клятвы своей не нарушитъ. Знай, что мы оба, я и милый мой сынъ, можемъ нашихъ подданныхъ, которые намъ не прямятъ, унять и тебѣ за великую твою гордость отомстить. Отецъ твой въ своей спѣсивости не хотѣлъ покориться, и земля его въ чужія руки пошла. Хочешь у насъ земель и городовъ—такъ попытайся отнять ихъ воинскою силою, а гордостію и спѣсивыми грамотами не возьмешь».

Въ Москвѣ рѣшили не упускать благопріятнаго времени и попытаться возвратить государеву отчину воинскою силою. Въ Генварѣ 1590 года многочисленное Русское войско выступило къ Шведскимъ границамъ; самъ царь находился при немъ; воеводами были — въ большомъ полку князь Ѳедоръ Мстиславскій, занимавшій послѣ ссылки отца первое мѣсто между боярами, въ передовомъ полку князь Дмитрій Хворостининъ, считавшійся лучшимъ полководцемъ [88]; при царѣ, въ званіи дворовыхъ или ближнихъ воеводъ, находились — Борисъ Годуновъ и Ѳедоръ Никитичъ Романовъ. Яма была взята; двадцатитысячный Шведскій отрядъ, подъ начальствомъ Густава Банера, былъ разбитъ княземъ Хворостининымъ близь Нарвы; не смотря на неудачный приступъ къ Нарвѣ, отбитый съ большею для Русскихъ потерею, Шведы видѣли невозможность продолжать съ успѣхомъ войну, и 25 Февраля заключили перемиріе на одинъ годъ, уступивъ царю Яму, Ивань-городъ и Копорье, обѣщая уступить и больше на будущемъ съѣздѣ посольскомъ. Съѣздъ не повелъ ни къ чему, потому что Шведы уступали Корельскую область, но Русскіе не хотѣли мириться безъ Нарвы. Военныя дѣйствія однако кончились на этотъ разъ неудачною осадою Ивань-города Шведами. Московское правительство не рѣшалось предпринимать новаго похода: приступъ къ Нарвѣ показалъ, что осада большихъ крѣпостей не можетъ обѣщать вѣрнаго успѣха; а правитель Годуновъ, по

характеру своему, всего менѣе былъ способенъ прельщаться предпріятіями, необѣщавшими вѣрнаго успѣха; съ другой стороны, не смотря на все нежеланіе Литвы заступаться за Швецію и нарушать перемиріе съ Москвою, нельзя было надѣяться, что Сигизмундъ Польскій останется долго спокойнымъ зрителемъ успѣховъ Москвы въ войнѣ съ отцомъ его; Швеція одна не казалась опасною; отъ нея не трудно было получить желаемое, да и немногаго отъ нея требовалось; чего наиболѣе должны были желать въ Москвѣ — удачнаго похода, этого достигли: и Швеціи, и Польшѣ, а главное — Литвѣ было показано, что Москва теперь не старая и не боится поднять оружія противъ побѣдителей Грознаго, и царь, котораго называли неспособнымъ, водитъ самъ полки свои; до сихъ поръ приверженцы Ѳеодора въ Польшѣ и Литвѣ могли указывать только на успѣхи его внутренняго управленія, теперь могли указывать и на успѣхъ воинскій, а усилить приверженцевъ государя Московскаго въ Литвѣ было важнѣе всего при томъ смутномъ состояніи, въ которомъ находились владѣнія Сигизмунда III. Въ Москву дали знать, что Крымцы повоевали Литву, а Сигизмундъ поѣхалъ къ отцу и не возвратится въ Польшу; тогда рѣшили послать панамъ грамоты, припомянуть о соединеньи, да и вѣстей провѣдать; посланы были грамоты отъ князя Мстиславскаго къ кардиналу Радзивилу, отъ Бориса Годунова къ воеводѣ Виленскому Радзивилу, отъ Ѳеодора Никитича Романова къ воеводѣ Троцкому, Яну Глѣбовичу. Бояре извѣщали пановъ, что ханъ снова хочетъ идти на Литву, приглашалъ и царя воевать ее, но царь не согласился; что необходимо соединиться Литвѣ съ Москвою противъ невѣрныхъ. Но эта задирка не повела ни къ чему: паны благодарили за доброе расположеніе къ нимъ царя, но прибавили, что, по вѣстямъ изъ Крыма, самъ царь поднимаетъ хана на Литву. Въ то же время Московское правительство должно было двинуть войско къ Чернигову и требовать удовлетворенія за обиду, нанесенную ему впрочемъ безъ вѣдома Польско-Литовскаго правительства. И твердый Баторій принужденъ былъ горь-

ко жаловаться на своевольство Запорожцевъ, которыхъ онъ величалъ разбойниками: въ 1585 году они посадили въ воду Глембоцкаго, котораго онъ послалъ уговаривать ихъ, чтобъ не тревожили Крымскаго хана, не нарушали договоровъ, съ нимъ заключенныхъ [59]. Понятно, что своевольство козаковъ не могло укротиться по смерти Баторія: собравшись изъ Канева, Черкасъ, Переяславля, они явились передъ Воронежемъ, объявивъ тамошнему воеводѣ, что пришли стоять заодно противъ Татаръ съ Донскими козаками; воевода повѣрилъ, давалъ имъ кормъ и поставилъ ихъ въ острогѣ у посада; но козаки ночью зажгли городъ и побили много людей. На жалобу Московскаго правительства, Кіевскій воевода князь Острожскій отвѣчалъ: «писали паны радные къ князю Александру Вишневецкому, велѣли ему схватить атамана Запорожскаго, Потребацкаго съ товарищами, которые сожгли Воронежъ; паны грозили Вишневецкому, что если онъ козаковъ не переловитъ, то поплатится головою, потому что они ведутъ къ размирью съ государемъ Московскимъ. Вишневецкій Потребацкаго схватилъ и съ нимъ 70 человѣкъ козаковъ».

Осенью 1590 года въ Москву дали знать, что ѣдутъ послы Сигизмундовы — Станиславъ Радоминскій и Гаврила Война; затѣмъ пришло извѣстіе изъ Смоленска о странномъ поведеніи пословъ: побывъ немного въ этомъ городѣ, они вдругъ вернулись назадъ. Смоленскій воевода Траханіотовъ послалъ сына боярскаго, *Андрея Дѣдьвшина* [90], сказать имъ, что никогда такъ не водилось — не бывши посламъ у государя, возвратиться назадъ, и почему они возвращаются? Послы отвѣчали: «Отъ прежнихъ королей Литовскихъ къ вашимъ государямъ послы хаживали, а такого безчестья имъ не бывало: съ голоду насъ поморили, корму намъ не даютъ, поставили насъ съ стрѣльцами, и мы нынче стали не послы, а плѣнники, приставы насъ безчестятъ. И мы идемъ назадъ; мы хотимъ съ вами биться за такое безчестье; побьемъ мы васъ и пройдемъ назадъ — укору намъ въ томъ не будетъ; а вы насъ побьете, то во всѣхъ земляхъ отзовется, что Московскіе люди побили

пословъ». Воевода назадъ ихъ не пустилъ, но и своимъ дѣтямъ боярскимъ биться съ ними не велѣлъ. Послы пробили булавами головы двоимъ дѣтямъ боярскимъ; но когда наѣхали стрѣльцы и козаки, то Радоминскій и Война, увидѣвъ многихъ людей, возвратились, только въ отведенную имъ Богданову околицу не поѣхали, а стали на лугу въ шатрахъ, корму отъ приставовъ не брали, а послали людей своихъ по деревнямъ брать кормъ силою, и эти люди ихъ начали жечь изгороды и ломать мельницы. Въ Можайскѣ собирали для нихъ кормъ губные старосты и городовой прикащикъ. Годуновъ, не упускавшій случая выставить себя съ выгодной стороны, заискать расположеніе иностранцевъ, послалъ отъ себя кормъ на Вязему, въ свое село Никольское, и приставъ долженъ былъ сказать посламъ: «Надобно было вамъ стоять на Вяземѣ, а тутъ деревни въ сторонѣ отъ дороги, и дворцы худы, по боярскимъ селамъ у великихъ людей не ставятся: но вотъ ко мнѣ указъ пришелъ отъ конюшаго боярина, велитъ намъ съ вами стоять въ своемъ селѣ на Вяземѣ; дѣлаетъ онъ это, желая между великими государями любовь братскую видѣть, а вамъ, великимъ посламъ, почесть оказывая».

Чего особенно не желали въ Москвѣ, то и случилось: послы объявили, что царь нарушилъ перемиріе, взявши Шведскіе города, и долженъ возвратить ихъ. Бояре отвѣчали, что государь такихъ безмѣрныхъ рѣчей и слушать не захотѣлъ. Бояре выставляли на видъ, что царь, вслѣдствіе челобитья пановъ, велѣлъ двинуть войско въ Сѣверскіе города на помощь Польшѣ противъ Турокъ; послы отвѣчали, что король и они объ этомъ ничего не знаютъ. Мѣсяца два толковали объ условіяхъ вѣчнаго мира; послы просили Смоленска, потомъ просили хотя какой-нибудь уступки: «хотя бы одну деревню государь вашъ уступилъ нашему, а то какъ ничѣмъ не потѣшить на докончанье?» Бояре отвѣчали: «Деревня дѣло пустое; нашимъ братьямъ можно уступать другъ другу деревни для любви; но великимъ государямъ не деревня дорога, дороги государское имя да честь; какъ государю нашему отдавать отъ

любви и отъ соединенья города? государю нашему не только города не давать, и деревни». На счетъ вѣчнаго мира согласиться не могли; большое затрудненіе и для заключенія перемирія представляли отношенія Шведскія: Московское правительство хотѣло получить отъ Швеціи Нарву; Польское, поставившее условіемъ избранія Сигизмундова присоединеніе Эстоніи къ Польшѣ, никакъ на это не соглашалось. 1-го Генваря 1591 года государь велѣлъ быть у себя на соборѣ духовенству, всѣмъ боярамъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ и говорилъ, что послы безъ Нарвы никакъ перемирья закрѣпить не хотятъ, а Шведскій передъ государемъ ни въ чемъ не исправится. И только теперь на Шведскаго послать войско, а съ Литовскимъ перемирья не закрѣпить, то Литовскій Шведскому станетъ помогать, и въ томъ государеву дѣлу и земскому, надобно думать, будетъ неприбыльно. И приговорилъ государь съ соборомъ, чтобъ теперь Нарвы не писать въ обѣихъ перемирныхъ грамотахъ, ни въ государеву сторону, ни въ королевскую; да написать о Нарвѣ боярамъ съ послами договорныя записи: съ обѣихъ сторонъ не воевать и города не доступать, пока государевы послы будутъ у короля и объ немъ договорятся. Заключено было перемиріе на 12 лѣтъ; послы требовали, чтобъ царь не воевалъ съ Швеціею, и царь согласился не воевать съ нею годъ; согласился впродолженіе всѣхъ 12 перемирныхъ лѣтъ не трогать, кромѣ Нарвы, тѣхъ городовъ Ливонскихъ, которые теперь за Шведскимъ, но которые Шведскій уступаетъ коронѣ Польской. Въ заключеніе бояре говорили посламъ: «Написано въ перемирныхъ грамотахъ: татя, бѣглеца, холопа, рабу, должника, по исправѣ, выдать; это пишется изстари, а не соблюдается, бѣглецовъ никогда не выдаютъ съ обѣихъ сторонъ: и этого слова въ грамотахъ теперь не писать бы?» Послы отвѣчали: «Это слово старинное, отставить намъ его нельзя; вѣдь это не тѣ бѣглецы, что̀ отъѣзжаютъ отъ государя къ государю: бываютъ бѣглецы по украйнамъ, которые живутъ близь рубежа, отъ шляхты и отъ дѣтей боярскихъ бѣгаютъ мужики своровавши,

да перешедъ за рубежъ, живутъ не вдалекѣ, и такихъ, сыскивая, отдаютъ».

Послы Сигизмундовы выговорили, чтобъ царь цѣлый годъ не воевалъ съ королемъ Шведскимъ; но не успѣли еще они выѣхать изъ Московскаго государства, какъ Іоаннъ, въ надеждѣ на союзъ съ Крымскимъ ханомъ, велѣлъ своимъ воеводамъ возобновить военныя дѣйствія. Зимою Шведы пожгли села близъ Ямы и Копорья; лѣтомъ выслана была противъ нихъ рать — въ большомъ полку воевода Петръ Никитичъ Шереметевъ, въ передовомъ князь Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій; этотъ передовой полкъ былъ разбитъ, Долгорукій попался въ плѣнъ; съ другой стороны Шведы напали на берега Бѣлаго моря, но здѣсь не имѣли успѣха. А между тѣмъ великіе Московскіе послы — Салтыковъ и Татищевъ отправились въ Литву взять съ Сигизмунда клятву въ ненарушеніи перемирія, ибо всего больше боялись имѣть въ одно время дѣло и съ Польшею и съ Швеціею. Посламъ данъ былъ наказъ: о кормѣ съ приставами не браниться, говорить гладко; объявить, что не смотря на дурное поведеніе Польскихъ пословъ въ Смоленскѣ, по ихъ жалобѣ, для Сигизмунда короля, государь велѣлъ приставовъ посадить въ тюрьму, а воеводу съ Смоленска свелъ и опалу на него положилъ. Наказано было: беречь накрѣпко, чтобъ король на обѣихъ грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножье, и не мимо креста, и не носомъ. Въ тайномъ наказѣ говорилось: «Если захотятъ Нарву писать въ королевскую сторону, то, по самой конечной неволѣ, давать за Нарву до 20 и до 30,000, а по самой неволѣ и до 50,000 золотыхъ Венгерскихъ, только бы перемирье закрѣпить и Нарву написать въ государеву сторону; а по самой конечной неволѣ написать, что и Нарву государю не воевать во всѣ перемирныя 12 лѣтъ». Съ послами отправлены были въ запасъ двѣ опасныя грамоты на случай, если какіе-нибудь именитые люди изъ Польши или изъ Литвы захотятъ отъѣхать на государево имя. Въ грамотахъ говорилось: «Какъ у насъ будешь, и мы тебя пожа-

луемъ своимъ великимъ жалованьемъ, устроитъ велимъ помѣстьемъ и вотчиною и денежнымъ жалованьемъ по твоему достоинству». Послана была опасная грамота и на доктора, который захочетъ ѣхать къ государю; въ ней заключалось то же обѣщаніе и кромѣ того обѣщался свободный выѣздъ назадъ. Наконецъ посламъ велѣно было жаловаться на Малороссійскихъ козаковъ (Черкасъ), которые въ степи побиваютъ и въ плѣнъ берутъ Московскихъ станичныхъ и сторожевыхъ головъ, не даютъ наблюдать за Крымцами.

Салтыковъ и Татищевъ встрѣтили дурной пріемъ, ихъ задерживали на дорогѣ. Чтобъ узнать причину задержки, они напоили шляхтича, князя Лукомскаго, и тотъ проговорился, почему ихъ не пускаютъ: король живетъ въ Краковѣ, и Поляки миру не хотятъ, а Литовскіе паны и шляхта миру рады, и хотятъ, чтобъ послы были у короля въ Литвѣ, а не въ Польшѣ. Изъ Варшавы послы доносили царю, что король искалъ причины разорвать перемиріе съ Москвою для отца своего, короля Шведскаго, и они, послы, по самой конечной неволѣ дали договорную запись не посылать войска къ Нарвѣ во все продолженіе перемирія съ Польшею. Салтыковъ и Татищевъ настаивали, чтобъ сначала король подтвердилъ это перемиріе, а потомъ они поведутъ переговоры о тѣхъ дѣлахъ, которыя не были еще рѣшены въ Москвѣ. Но паны радные сказали имъ на это: «мы знаемъ, для чего вы этого хотите, обманываете насъ что глупыхъ пташекъ: одну поймавъ, послѣ и всѣхъ переловите. Мы вамъ говоримъ, что, не постановя о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ не договорено, перемирья государь самъ писать не велитъ и креста цѣловать не будетъ». Паны соглашались писать Өеодора царемъ только тогда, когда онъ уступитъ королю Смоленскъ и Сѣверскую землю. На предложеніе денегъ за Нарву паны отвѣчали: «это не товаръ; государи великихъ городовъ не продаютъ; вотъ у вашего государя Псковъ и Смоленскъ: только бъ ихъ продали, и мы бы собрали съ своего государства деньги большія, да за Псковъ и за Смоленскъ дали».

Московское правительство обязалось не дѣйствовать противъ Нарвы; но это обязательство не препятствовало ему отомстить Шведамъ опустошеніемъ Финляндіи около Выборга и Або, зимою 1592 года. Въ Ноябрѣ того же года умеръ король Іоаннъ; Сигизмундъ сталъ королемъ Шведскимъ, но не надолго: во время кратковременнаго пребыванія своего въ Швеціи для коронаціи онъ возбудилъ противъ себя народъ явною враждебностію къ протестантизму, явнымъ нарушеніемъ условій, вытребованныхъ у него чинами предъ коронаціею. Когда Сигизмундъ возвратился въ Польшу, правителемъ Швеціи остался дядя его Карлъ, который успѣлъ привлечь любовь народную поведеніемъ, противоположнымъ Сигизмундову. Король сильно охладѣлъ къ интересамъ протестантской, явно враждебной ему Швеціи; правитель былъ занятъ внутренними дѣлами, приготовленіями къ разрыву съ племянникомъ: это, разумѣется, заставляло обоихъ желать скорѣйшаго заключенія мира съ Москвою. Еще въ Генварѣ 1593 года заключено было двухлѣтнее перемиріе, съ условіемъ, чтобъ каждый владѣлъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ. Послы Московскіе, отправляемые въ Литву, давали знать государю, что Сигизмунда бояться нечего, не смотря на то, что онъ по имени король Шведскій. Посолъ Рязановъ, бывшій у короля въ 1592 году, доносилъ, что Сигизмунда не любятъ за женитьбу на Австрійской принцессѣ и за то, что несчастливъ: какъ началъ царствовать, все голодъ да моръ, что его ссадятъ съ престола и всѣ рады видѣть королемъ царя; только паны боятся, что царь повыкупитъ у нихъ всѣ города королевскіе, и которая у нихъ шляхта теперь служитъ, та у нихъ служить не будетъ, всѣ будутъ служить государю. Когда королевскій посолъ Хребтовичь потребовалъ, чтобъ царь возвратилъ Сигизмунду города, взятые у Шведовъ, то бояре ему отвѣчали: «Ты своими безмѣрными рѣчами большое кроворазлитіе всчинаешь; мы идемъ къ государю, а слушать твоихъ словъ нечего, говоришь бездѣлье, напрасно было тебѣ съ этимъ и пріѣзжать. Тогда Хребтовичь объявилъ, что ему велѣно заключить перемиріе на томъ, чтô за кѣмъ есть, и на

то время, на какое заключено перемиріе съ Польшею. Но царь отвѣчалъ Сигизмунду, что относительно Швеціи будетъ держать перемиріе только на то время, на какое оно было заключено въ 1593 году, то-есть на два года.

Предъ истеченіемъ этого срока, въ концѣ 1594 года, Шведскіе послы—Стенъ Банеръ, Горнъ, Бое съѣхались съ Московскими — княземъ Туренинымъ и Пушкинымъ на Русской землѣ у Тявзина, близь Ивань-города. Дѣло началось письменною перебранкою: Шведы грозили тѣмъ, что у нихъ теперь съ Польщею одинъ король; Туренинъ отвѣчалъ: «Хотя корона Польская и королевство Шведское и въ соединеньи будутъ, но намъ не страшно, да и писать вамъ про это съ угрозами къ намъ не годится». Шведскіе послы требовали опять тѣхъ городовъ, которые были взяты недавно при Θеодорѣ; Русскіе отвѣчали, чтобъ они оставили эти свои непригожія слова, отъ которыхъ многія крови движутся, и поискали бы въ себѣ дороги къ доброму дѣлу. Русскіе послы требовали сперва Нарвы и Корелы, но потомъ ограничились одною послѣднею. Когда Шведы упомянули, что въ Кораелѣ ихъ правительствомъ сдѣланы большія укрѣпленія, которыя дорого стоили, то Московскіе послы отвѣчали: «А вамъ кто велѣлъ чужое брать неправдою и, взявши, еще укрѣплять? чужое сколько за собою ни держать, и хотя золотымъ сдѣлать, а потомъ отдавать же съ кровію да и своего прибавить». Шведы просили за Корелу денегъ и требовали разоренія Ивань-города: «и многія жестокія разговорныя слова о Корелѣ съ обѣихъ сторонъ были». Наконецъ Шведы отдали Корелу безъ денегъ. Начались переговоры о торговлѣ. Московскіе послы говорили: «Сотворилъ Богъ человѣка самовластна и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать: такъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ поморскихъ и Нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ землею и моремъ задержки и неволи чинить непригоже». Шведскіе послы отвѣчали: «Мимо Ревеля и Выборга торговыхъ людей въ Ивань-городъ и Нарву съ ихъ товарами намъ не пропу-

скать, потому что море наше и въ томъ мы вольны». Наконецъ уговорились: для иностранныхъ купцовъ торговыя пристани будутъ только Выборгъ и Ревель; одни Шведскіе подданные могутъ пріѣзжать въ Нарву, и торгу быть на Нарвской, а не на Ивань-городской сторонѣ. Между подданными обоихъ государствъ торговля вольная; путь чистъ черезъ Шведскія владѣнія Московскимъ посламъ въ другія государства, и посламъ другихъ государствъ въ Москву; Шведы обязаны пропускать безъ задержки тѣхъ купцовъ, которые изъ иностранныхъ земель пойдутъ къ царю съ товарами, годными для его казны; обязаны пропускать также докторовъ, лѣкарей и всякихъ служилыхъ людей и мастеровъ, которые пойдутъ къ царю; плѣнные освобождаются съ обѣихъ сторонъ безъ окупа и безъ обмѣны, кромѣ тѣхъ, которые по своей волѣ останутся; Русскимъ людямъ вольно посылать людей своихъ въ Шведскую землю отыскивать Русскихъ плѣнныхъ; королю брать дань съ Лопарей на восточной сторонѣ (Остерботніи) къ Варангѣ, а царю брать дань съ Лопарей, которые къ Двинской и къ Корельской землѣ и къ Колѣ-городу. На этихъ условіяхъ заключенъ былъ вѣчный миръ 18 Мая 1595 года.

Сдачею Корелы замедлили; говорятъ, что Сигизмундъ нарочно не отдавалъ Корелы, чтобъ имѣть предлогъ къ оставленію войска подъ ружьемъ; ему хотѣлось возбудить новую войну съ Москвою, чтобъ занять умы въ Швеціи. Но правитель Карлъ старался о заключеніи мира. Въ сношеніяхъ съ царемъ онъ писался: «Свѣйскаго королевства властелемъ и настоятелемъ»; царь отвѣчалъ ему не самъ, на томъ основаніи, что властель и настоятель равняется только воеводѣ и намѣстнику Новгородскому или Казанскому: «если онъ Карлъ *королемъ* учинится, тогда царское величество и будетъ съ нимъ дѣла дѣлать». Понятно, какъ хотѣлось Московскому правительству, чтобъ Карлъ учинился королемъ. Карлъ жаловался, писалъ, что всѣ государи ведутъ съ нимъ прямо сношенія, ибо Сигизмунду нельзя быть въ одно время и въ Польшѣ и въ Швеціи.

Сношенія съ Сигизмундомъ, какъ Польскимъ королемъ, были

не важны. Зная о сильномъ неудовольствіи на Сигизмунда въ Польшѣ, Московское правительство считало нужнымъ еще усиливать это неудовольствіе, указывая панамъ на униженіе, которое терпятъ ихъ государства отъ короля. Такъ гонецъ Московскій, въ 1594 году, говорилъ панамъ: «Великій государь нашъ и всѣ бояре очень удивляются, какимъ образомъ Сигизмундъ король такія непригожія дѣла начинаетъ, что такія великія государства, корону Польскую и великое княжество Литовское, подъ Шведское королевство въ титулѣ своемъ подписалъ? Вѣдомо всѣмъ, какъ велики государства Польское и Литовское передъ Шведскимъ королевствомъ; корона Польская и великое княжество Литовское издавна въ равенствѣ съ великими государствами бываютъ, а Шведская земля не великая, изначала бывала въ подданныхъ у Датскаго короля, и были въ ней правители, а не короли; короли въ ней недавно стали, а ссылались прежніе правители съ боярами и намѣстниками Новгородскими. Бояре думаютъ, что Сигизмундъ король такъ пишется безъ совѣту пановъ радъ, по совѣту Шведскихъ думцевъ, а Шведскихъ Нѣмцевъ неправда вамъ самимъ вѣдома, неправда ихъ во всей вселенной явна [91]».

Отношенія Польскія по прежнему поддерживали сношенія Московскаго двора съ Австрійскимъ. Лука Новосильцевъ, отправленный къ императору Рудольфу съ извѣстіемъ о воцареніи Θеодора, доносилъ, что приходили къ нему нарочно вельможи, и говорили наединѣ, чтобъ великихъ государей сердца были вмѣстѣ, и какъ выйдутъ перемирныя лѣта съ королемъ Стефаномъ, то царь съ братомъ своимъ, Рудольфомъ цесаремъ, сослался бы, и стали бы они заодно на короля Стефана, потому что король Стефанъ сидитъ не на своемъ государствѣ, а государь Московскій и цесарь прирожденные государи, и довелось бы имъ Стефаново государство между собою раздѣлить. По смерти Баторія братъ Рудольфа, эрцгерцогъ Максимиліанъ, прислалъ въ Москву посла своего съ просьбою къ царю хлопотать о Польской коронѣ или для себя, или для него, Максимиліана; писалъ о томъ же къ Годунову, называя его дра-

жайшимъ, особенно любительнымъ своимъ, пріятеля своего царя начальнымъ, тайной думы думцемъ и властелемъ; писалъ и къ думнымъ дьякамъ Щелкаловымъ, прося ихъ помощи, называя избранными, любительными. Въ Генварѣ 1588 года царь приговорилъ съ боярами послать къ Рудольфу цесарю и брату его Максимиліану гонца съ грамотами о Литовскомъ дѣлѣ, что на коронѣ Польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ государя нѣтъ, такъ объ этихъ государствахъ промышлять бы сообща, чтобъ они, мимо нихъ, великихъ государей, къ другому государю не прошли. Ѣхать гонцу черезъ Литовскую землю; грамоты о большомъ дѣлѣ везти тайно, а другія везти явно — о Персидскомъ дѣлѣ, о торговыхъ людяхъ, о заповѣдныхъ товарахъ. Персидское дѣло состояло въ томъ, что шахъ просилъ царя, императора Рудольфа, королей Испанскаго и Французскаго быть съ нимъ въ союзѣ на всякаго недруга заодно, и царь пожелалъ быть съ нимъ въ крѣпкомъ доконачаньѣ. Относительно торговыхъ людей и заповѣдныхъ товаровъ царь писалъ: «Изъ давныхъ лѣтъ, при дѣдѣ и отцѣ нашемъ, торговые люди изо всей Нѣмецкой земли во Псковъ, Новгородъ и Нарву со всякими товарами приходили, и что годно къ ратному дѣлу, мѣдь, олово, свинецъ, сѣру, селитру и всякій товаръ привозили и съ нашими гостями торговали на всякій товаръ безъ вывѣта, и прибытка себѣ искали съ обѣихъ сторонъ. Но когда, по смерти отца моего, я напомнилъ тебѣ объ этомъ, то ты отвѣчалъ, что отъ предковъ вашихъ, Карла V и Фердинанда, по прошенью и совѣту курфюрстовъ и князей, заповѣдано годные къ воинскому дѣлу товары изъ Римскаго государства вывозить, и тебѣ, безъ совѣта съ курфюрстами и князьями, перемѣнить этого нельзя. Мы очень подивились, что въ прежніе года торговые люди ходили на обѣ стороны со всякими товарами безъ вывѣта, а теперь, по твоему закону, ваши торговые люди не вывозятъ къ намъ товаровъ, надобныхъ къ ратному дѣлу».

Гонецъ далъ знать изъ Смоленска, что онъ встрѣтилъ государева посланника Ржевскаго, который сказывалъ ему, что

Шведскаго короля сынъ теперь въ Краковѣ, сажаютъ его на королевство немногіе паны, и со всею землею онъ не укрѣпился, а цесаревъ братъ Максимиліанъ стоитъ въ Польшѣ и съ нимъ многіе люди. Гонцу велѣно продолжать путь, а изъ опасенія, что его черезъ Литву не пропустятъ, отправлена была другая грамота къ императору, тайно, на Ригу съ Нѣмцемъ Лукашемъ Павлусовымъ; третья съ Московскимъ торговымъ человѣкомъ Тимохою Выходцемъ также на Ригу, или которыя мѣста пригоже, куда проѣхать можно; четвертая съ гонцомъ Загрязскимъ. Русскіе гонцы возвратились съ Литовскаго рубежа по вѣстямъ, что Сигизмундъ утвердился въ Польшѣ, а Максимиліанъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Замойскимъ; Тимоху Выходца въ Ригѣ схватили и посадили въ тюрьму; дошла грамота, посланная съ Нѣмцемъ Лукащемъ. Императоръ отвѣчалъ черезъ посла Николая Варкоча, похожденія котораго на дорогѣ описаны въ грамотѣ къ царю Лукаша Павлусова, возвращавшагося вмѣстѣ съ Варкочемъ: «Какъ пріѣхали мы въ Поморскую землю, въ городъ Штетинъ, то нашли тутъ Любскаго торговаго человѣка Крона и съ нимъ тайно договорились, что ему насъ провезти черезъ Нѣмецкую землю (Ливонію). И поѣхали мы врознь для того, чтобъ про насъ не провѣдали: поѣхалъ цесарскій посолъ въ торговомъ платьѣ съ однимъ своимъ человѣкомъ да со мною и съ Крономъ черезъ Прусскую землю. Когда мы были уже близко отъ Московскаго рубежа, въ Новгородкѣ Ливонскомъ, то намъ сказали, что про насъ заказъ есть и стерегутъ по всѣмъ дорогамъ; на насъ напалъ страхъ великій: не вѣдаемъ какъ ѣхать?— ни назадъ, ни впередъ не смѣемъ. Положа упованіе на Бога, забывъ свой животъ, пошли на смерть; вооружились пищалями, самопалами, кортами и сквозь заставу подъ Новымъ-городомъ пробились силою. За нами погонь была великая, крикъ, шумъ необычный, въ городѣ звонъ, хотѣли насъ поймать; но Богъ помиловалъ, ушли; гнался за нами державца Новгородскій на пятнадцати коняхъ за три версты до Печоры; но Богъ насъ унесъ». Варкочь пріѣхалъ съ благодарностію отъ

императора и всего Австрійскаго дома за радѣнье въ пользу Максимиліана на избирательномъ сеймѣ и съ вопросомъ, какой помощи отъ царя можетъ ждать императоръ въ войнѣ съ Польшею и Турціею? О заповѣдныхъ товарахъ посолъ объявилъ очень неопредѣленно: цесарь радѣетъ о вольной торговлѣ, чтобъ торговымъ людямъ изъ Римскаго государства вольно было пріѣзжать торговать въ Русскую землю, а Русскіе торговые люди ѣздили бы въ Римское государство. Посолъ привезъ грамоту и къ Годунову, который принялъ его по-царски: сидя, звалъ къ рукѣ, потчивалъ виномъ и медами, потомъ посылалъ ему на подворье вмѣсто стола кормъ съ своими людьми. Посолъ правилъ отъ императора челобитье Годунову за стараніе о союзѣ царя съ Рудольфомъ, просилъ, чтобъ онъ и больше еще промышлялъ объ этомъ, говорилъ, что Борисъ Ѳедоровичъ за свои добрыя дѣла у цесаря и короля Испанскаго въ великой славѣ, чести и похвалѣ и изъ ласки ихъ никогда не выйдетъ. Годуновъ о всѣхъ этихъ дѣлахъ докладывалъ государю, и государь приговорилъ съ боярами, что къ цесарю Римскому и къ брату его Максимиліану отъ конюшаго и боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова грамоты писать пригоже, нынѣ и впередъ: это царскому имени къ чести и прибавленью, что его государевъ конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями; да и къ инымъ ко всѣмъ государямъ, которые станутъ къ Борису Ѳедоровичу грамоты писать, отвѣтныя отъ Бориса Ѳедоровича грамоты писать въ посольскомъ приказѣ вмѣстѣ съ государевыми грамотами. На всѣ рѣчи Варкоча былъ данъ отвѣтъ отъ царскаго имени: «Государь хочетъ, чтобъ братъ его дражайшій Рудольфъ цесарь, сославшись и укрѣпившись съ папою Римскимъ, съ королемъ Испанскимъ и со всѣми поморскими государями христіанскими, былъ съ нимъ въ соединеніи и докончаньи на Турскаго. А Персидскій шахъ съ государемъ ссылается о любви братской и хочетъ съ нимъ стоять на Турскаго заодно; какъ будутъ шаховы послы у государя и обо всемъ договорятся, то государь объявитъ объ

этомъ подлинно цесарскому величеству. Говорилъ ты о Максимиліанѣ, чтобъ ему подать помощь при отысканіи короны Польской: послы государевы затѣмъ вѣчнаго мира и дальняго перемирія съ Польшею не заключили, чтобы и впередъ приводить пановъ на избраніе Максимиліана». Годуновъ писалъ императору: «Я принялъ, государь, твое жалованье — грамоту съ покорностію, любительно выслушалъ, и тебя, великаго государя, выславлялъ передъ государемъ нашимъ, при многихъ государевыхъ царяхъ, царевичахъ и государскихъ дѣтяхъ разныхъ государствъ, которыя подъ государя нашего рукою, при боярахъ, князьяхъ и всякихъ служилыхъ людяхъ, что ты, великій государь, своею великою милостію и лаской меня навѣстилъ, свою грамоту ко мнѣ прислалъ; и впередъ хочу тебя, великаго государя, выславлять. Я и прежде о твоихъ дѣлахъ радѣлъ, а теперь и больше того радѣю и впередъ радѣть и промышлять хочу». Максимиліану, который прислалъ ему грамоту и часы въ подарокъ, Годуновъ отвѣчалъ: «Я вашъ поминокъ принялъ въ покорности, съ великою любовію, и за то вашему величеству челомъ бью и впередъ тебя, великаго государя, буду выславлять, и вашему пресвѣтлѣйшеству много челомъ бью: примите мой легкій поминокъ, сорокъ соболей».

Варкочь былъ отправленъ назадъ чрезъ новый Холмогорскій городъ (Архангельскъ) моремъ-океаномъ. Приставу данъ былъ наказъ отпустить его на корабляхъ извѣстнаго намъ Ивана Бѣлоборода въ Гамбургъ, непремѣнно дня въ три или четыре, чтобъ Англійскіе купцы, которые поѣдутъ съ Вологды, цесаревыхъ людей на Холмогорахъ не застали. А если Англійскіе корабли придутъ раньше кораблей Ивана Бѣлоборода, то держать цесарева посла тайно на дворѣ Ивана же Бѣлоборода, и какъ его корабли придутъ, отпустить Варкоча тайно ночью или съ утра рано.

Лѣтомъ 1590 года Максимиліанъ извѣстилъ царя, что онъ выпущенъ изъ плѣна подъ условіемъ отреченія отъ Польской короны; что это освобожденіе совершилось вслѣдствіе пере-

говоровъ императора съ Сигузмундомъ, противъ воли его, Максимиліана, и потому онъ хочетъ мстить Полякамъ за свою обиду войною; но такъ какъ для войны нужно много денегъ, то проситъ царя прислать ихъ ему. Максимиліанъ просилъ денегъ на войну съ Польшею, и Варкочь въ 1591 году также присылалъ къ царю съ просьбою о жалованьѣ, потому что выдавалъ дочь свою замужъ. Варкочь просилъ также принять въ государеву службу графа Шкота, человѣка славнаго рода изъ Италіанской земли, наученнаго великимъ разнымъ наукамъ свыше иныхъ всякихъ людей. Годуновъ отвѣчалъ ему: «Пишешь ко мнѣ о такомъ невеликомъ дѣлѣ, а о большомъ дѣлѣ, которое началось между нашимъ и вашимъ государемъ, не пишешь. Государь нашъ, желая быть въ соединеніи съ Рудольфомъ цесаремъ, по твоимъ же рѣчамъ, съ Турецкимъ султаномъ и съ Крымскимъ царемъ не ссылался и съ Литовскимъ королемъ вѣчнаго мира заключать не велѣлъ. А теперь къ намъ слухъ дошелъ, что Рудольфъ цесарь съ Турскимъ султаномъ ссылается о перемирьи, а съ Литовскимъ королемъ о вѣчномъ мирѣ и сватовствѣ. И я тому очень подивился, какъ такое великое дѣло, годное всему христіанству, начать и покинуть? Что ты писалъ о Шкотѣ, то такой рыцарскій и великій человѣкъ достоинъ быть при государѣ нашемъ, только теперь ѣхать ему къ государю не время, а какъ время будетъ, то я къ тебѣ отпишу. Посылаю къ тебѣ для любви, на свадьбу дочери твоей, сорокъ соболей; столько же посылаю къ графу Шкоту, отдай ихъ ему».

Великое дѣло, годное всему христіанству, было только на словахъ да на бумагѣ. Къ Московскому двору обращались только тогда, когда его помощь нужна была Австрійскому дому, когда нужно было помочь Максимиліану взойдти на Польскій престолъ, когда Рудольфъ нуждался въ помощи противъ Турокъ. Осенью 1593 года въ Москву дали знать, что идетъ цесаревъ посолъ, опять тотъ же Варкочь. Московское правительство было очень озабочено въ это время внѣшними отношеніями, смертію Шведскаго короля Іоанна, вслѣдствіе которой Польскій король по-

...нилъ и престолъ Шведскій, родственнымъ союзомъ Сигизмунда съ Австрійскимъ домомъ, дѣлами Турецкими. Приставу, который долженъ былъ встрѣчать посла, данъ былъ наказъ: проведать, на какой мѣрѣ положено у цесаря и брата его Максимиліана съ Сигизмундомъ Польскимъ? какимъ обычаемъ цесарь далъ за Сигизмунда племянницу свою? какіе слухи у нихъ о Сигизмундѣ: быть ли ему назадъ на Польскомъ королевствѣ, или быть ему на одномъ Шведскомъ королевствѣ? и если не быть ему впередъ на Польскомъ королевствѣ, то кого будутъ выбирать въ Польскіе короли? и какъ теперь у цесаря дѣла съ Турскимъ? поминки большіе цесарь къ Турскому посылаетъ по прежнему?

Посолъ объявилъ, что императоръ огъ брата своего дражайшаго и любительнаго, государя царя, ожидаетъ крѣпкой любви и соединенья. Теперь они государи сильные, великіе, всему христіанству надежда, и вся вселенная на нихъ смотритъ, а невѣрные Турки и Татары всѣми своими лихими умыслами на нихъ, великихъ государей, стоятъ, христіанство потоптать хотятъ. Теперь время, чтобъ всѣ христіанскіе государи руки свои распростерли для братской любви и стояли бъ заодно противъ гонителя христіанскаго. Цесарь старается, чтобъ былъ миръ между государемъ царемъ и Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ и Шведскимъ; цесарь проситъ у его царскаго величества, чтобъ его пресвѣтлѣйшество братскую помощь оказалъ, руку свою распростеръ къ оборонѣ цесарскаго величества и всего христіанства, и свою царскую мысль объявилъ, какъ промышлять надъ бусурманствомъ? Въ тайномъ разговорѣ съ Годуновымъ Варкочь просилъ, чтобъ царь отводилъ Крымскихъ Татаръ, мѣшалъ имъ проходить вмѣстѣ съ Турками на Венгрію, чтобъ уговаривалъ также Персидскаго шаха не мириться съ Турками; объявилъ, что Сигизмундъ на Польскомъ королевствѣ быть не хочетъ, а хочетъ быть на Шведскомъ королевствѣ, потому что паны рада Польскіе и Литовскіе самовольные люди и дѣлаютъ по своей волѣ какъ хотятъ, и ни въ чемъ его не слушаютъ, за государя не имѣютъ и воли ему нѣтъ никакой: держатъ его какъ неволья

ника, а не как ъгосударя. Канцлеръ Янъ Замойскій умышляетъ взять на королевство брата Стефана Баторія, и привезти его въ Краковъ тотчасъ, какъ вѣсть объ отреченіи Сигизмунда короля будетъ. Посолъ объявилъ также, что Низовскіе (запорожскіе) козаки бьютъ челомъ цесарю, хотятъ быть въ Венгріи и служить противъ Турокъ; цесарь наказалъ Варкочу спросить у Годунова: эти козаки государю царю вѣрою и правдою служатъ ли, и смирно ли живутъ по границамъ. Если они государя царя ничѣмъ не разгнѣвали, служатъ правдою и съ царскими людьми не ссорятся, то цесарь думаетъ принять ихъ и послать противъ Турокъ. Годуновъ обѣщалъ бить челомъ царю, чтобъ съ Рудольфомъ цесаремъ противъ непріятелей вѣры христіанской сталъ заодно и помощь во всемъ оказалъ. Потомъ Варкочь просилъ, чтобъ ему позволено было снестись съ бывшимъ тогда въ Москвѣ Персидскимъ посломъ Ази-Хозревомъ; государь велѣлъ цасареву послу съ Персидскимъ обосլаться дворянами и провѣдать надъ ними, что̀ они станутъ говорить между собою о соединеніи на Турскаго. Дворянинъ, посланный Варкочемъ, объявилъ Ази-Хозреву, что цесарь желаетъ союза съ шахомъ, который можетъ отправить къ нему пословъ чрезъ царскія владѣнія. Ази-Хозревъ отвѣчалъ: «Шахъ Аббасъ прислалъ меня сюда съ великимъ моленіемъ, чтобъ великій государь царь принялъ его къ себѣ въ любовь и стоялъ бы на своихъ и на его недруговъ заодно. А положилъ всю надежду шахъ на шурина царскаго, Бориса Ѳедоровича Годунова, потому что онъ много разуменъ и справедливъ, радѣетъ между государями о всякомъ добромъ дѣлѣ, и имя его и слава во всей восточной и полуденной странѣ сіяетъ. Если я по здорову доѣду до шахова величества, то все государю своему разскажу, и государь нашъ тому очень обрадуется. Если три великіе государя будутъ въ союзѣ и станутъ заодно на Турскаго, то Турскаго житье съ часъ не будетъ».

Послѣ всѣхъ этихъ сношеній Варкочу было объявлено: Государь съ цесаремъ быть въ соединеньи хочетъ, только хочетъ знать, какъ Рудольфъ цесарь противъ Турскаго намѣ-

ренъ стоять, и кто съ нимъ будетъ въ союзѣ: папа Римскій, король Испанскій, король Датскій, князь Венеціанскій и другіе поморскіе государи съ цесаремъ всѣ ли въ соединеньи будутъ, и съ Литовскимъ королемъ ссылка о союзѣ была ли? Государь, для брата своего, Рудольфа цесаря, и по челобитью шурина своего, Бориса Ѳедоровича Годунова, наскоро отправитъ пословъ своихъ къ Крымскому хану, чтобъ онъ съ Турскимъ въ Венгерскую землю войною не ходилъ; Персидскому шаху также накрѣпко накажетъ, чтобъ онъ съ Турскимъ не мирился. А что посолъ говорилъ тайно Борису Ѳедоровичу о Сигизмундѣ королѣ, то Рудольфу цесарю прежде всего надобно промыслить, чтобъ братъ его Максимиліанъ былъ на королевствѣ Польскомъ, а великій государь хочетъ помогать этому дѣлу всячески. — Варкочь отвѣчалъ, что цесарь, папа и король Испанскій о союзѣ противъ Турокъ между собою утвердились и положили все дѣло на Рудольфѣ; а къ другимъ государямъ цесарь еще не посылалъ: Датскій король молодъ, а люди его думные хотятъ жить въ покоѣ; къ Сигизмунду не посылалъ потому, что паны живутъ съ королемъ несогласно и его ни въ чемъ не слушаютъ. Бояре сказали на это: «Ты былъ уже здѣсь прежде и государь отпустилъ тебя съ тѣмъ, чтобъ цесарь, сославшись съ другими государями, присылалъ сюда пословъ своихъ великихъ о вѣчномъ мирѣ, и чтобъ Испанскіе и папины послы шли къ государю съ цесаревыми вмѣстѣ. Донесъ ли ты объ этомъ цесарю?» Посолъ отвѣчалъ, что донесъ; но отправленіе пословъ замѣшкалось, потому что началась война между Испаніею, Англіею и королемъ Наварскимъ (Генрихомъ IV), Англійская королева на морѣ велитъ крѣпко беречь, чтобъ отъ цесаря къ государю никто моремъ не проѣзжалъ. «Хорошо было бъ» продолжалъ Варкочь: «еслибъ государь со мною отправилъ своихъ пословъ къ цесарю для окончательныхъ приговоровъ и закрѣпленія, а Испанскіе и папины послы тутъ же будутъ». Бояре отвѣчали. «То дѣло не статочное, что великому государю посылать къ цесарю пословъ своихъ напередъ». Варкочь сказалъ на это: «Воля государева;

я только объ этомъ припомянулъ, а много не говорю». Наконецъ Варкочь высказалъ главную цѣль своего посольства: «Вы мнѣ объявили» сказалъ онъ боярамъ: «что великій государь хочетъ быть съ Рудольфомъ цесаремъ въ любви и на всякаго недруга помогать; такъ цесарь вотъ чего проситъ теперь у вашего государя: если гонитель христіанскій, Турскій султанъ, наруша перемиріе, наступитъ на государя нашего, то вашъ государь пожаловалъ бы, Рудольфу цесарю помощь оказалъ своею государевою казною, соболями, куницами и другою рухлядью, а государь нашъ найметъ на это людей и будетъ противъ Турскаго стоять, пока всѣ государи христіанскіе соединятся». Бояре отвѣчали, что государь Рудольфу цесарю поможетъ своею казною и Турскому его не выдастъ.

Находясь въ затруднительномъ положеніи, принужденная просить казны у Московскаго государя для войны съ Турками, Австрія никакъ однако не могла освободиться отъ властолюбивыхъ замысловъ и старалась заранѣе обезпечивать пріобрѣтенія, вовсе невѣрныя. Варкочь объявилъ боярамъ: «Рудольфъ цесарь велѣлъ мнѣ сказать государю вашему тайно, что онъ хочетъ доступать Лифляндской земли, привести ее подъ свою цесарскую руку, а отъ Литвы и Шведскаго отвести. Только о томъ государь нашъ хочетъ знать: захочетъ ли вашъ государь, чтобъ цесарь Лифляндскую землю подъ свою руку приводилъ?» Бояре отвѣчали, что государь, для братской любви, Лифляндскую землю Рудольфу цесарю уступаетъ, кромѣ Юрьева съ пригородами да Нарвы съ пригородами.

Мы видѣли, что Австрійскій дворъ, ища отовсюду помощи противъ Турокъ, обратилъ свое вниманіе на козаковъ и спрашивалъ объ нихъ у Московскаго правительства; послѣднему не было никакого дѣла до Черкасъ Запорожскихъ; но, желая искренно успѣха императору противъ страшныхъ Турокъ, оно сочло нужнымъ описать Варкочу характеръ козаковъ: козаки, по этому описанію, были очень полезны для захватыванія добычи, для опустошенія земли непріятельской, для внезапныхъ наѣздовъ; но, съ другой стороны, это народъ неукротимый, жа-

стокій и непостоянный; они лучше другихъ войскъ переносятъ голодъ, но имъ нельзя ввѣрять крѣпостей, пусть они ищутъ себѣ корму въ землѣ непріятельской.

Польскій шляхтичь Станиславъ Хлопицкій взялся набрать осьми или десятитысячный отрядъ козаковъ для императорской службы, и въ 1594 году явился въ Москву съ грамотою отъ Рудольфа, которая была написана вмѣстѣ на имя царя Өеодора, Аарона, воеводы Волошскаго, князя Збаражскаго, воеводы Браславскаго и всѣхъ честнѣйшихъ и удалыхъ рыцарей, которые живутъ въ войскѣ Запорожскомъ. Императоръ просилъ жаловать Хлопицкаго и его войско и всюду пропускать; козаки, по словамъ грамоты, должны были залечь всѣ дороги Крымскимъ людямъ, чтобъ имъ нельзя было пройдти къ Турскому на помощь, также идти въ Турецкую землю и опустошать ее. Изъ этого мы видимъ, что Московскими указаніями на козацкій характеръ уже воспользовались. Въ Москву пріѣхалъ Хлопицкій для того, какъ самъ говорилъ, что Запорожцы издавна слуги царскіе и безъ вѣдома царя идти не хотятъ; онъ просилъ, чтобъ царь, прибавивши къ Запорожцамъ своихъ людей, послалъ все это войско подъ своимъ знаменемъ и помогъ ему своею казною: тогда у непріятеля креста Христова сердце упадетъ, какъ услышитъ такую силу царскаго величества. Кромѣ желанія выпросить у царя денегъ, въ этой просьбѣ могла заключаться и хитрость, желаніе вовлечь Москву въ войну съ Турками и, такимъ образомъ, отвлечь силы послѣднихъ отъ Австріи.

Но государь указалъ, что Хлопицкому у него быть непригоже, потому что цесарь писалъ въ одной грамотѣ къ государю и къ князю Збаражскому, а князь Збаражскій холопъ Литовскаго, и къ государю великому писать въ одной грамотѣ съ холопомъ не годится. За это Хлопицкій достоинъ былъ большой опалы; но государь, для Рудольфа цесаря, опалы на него не положилъ, и отпускаетъ къ цесарю, а что приказывалъ цесарь о Запорожскихъ Черкасахъ, то сказать Хлопицкому, что государь повелѣніе свое къ Запорожскимъ Черка-

самъ, къ гетману Богдану Микошинскому послалъ, велѣлъ имъ идти къ цесарю на помощь.

Въ концѣ 1594 года пріѣхалъ въ третій разъ Варкочь въ Москву напомнить царю обѣщаніе его, помочь цесарю казною: «Если хотите помогать» говорилъ онъ: «то помогите теперь, потому что Турскій пришелъ на насъ со всею своею силою». Годунову Варкочь говорилъ: «Цесарь прислалъ тебѣ свои любительные поминки, какіе посылаетъ къ братьямъ своимъ и къ курфюрстамъ: двѣ цѣпи золотыя, одна съ персоною (портретомъ) цесарскою, да часы золоченые съ планитами. Его царское величество, государь мой, ваше пресвѣтлѣйшество проситъ, чтобъ вы умилосердились, о кровопролитіи христіанскомъ пожалѣли и были бы печальникомъ его царскому величеству, чтобъ государь казны своей послалъ, которой имѣетъ отъ Господа Бога очень много, и пожаловалъ бы послалъ скоро, потому что теперь пора. Господь Богъ на семъ свѣтѣ всякими потѣхами и радостію надаритъ тебя и дѣтей твоихъ, а на томъ свѣтѣ вѣчный платежъ будетъ; а у всѣхъ государей и людей христіанскихъ великую и вѣчную славу имѣть будешь». Бояре дали ему отвѣтъ, что государь, жалѣя о христіанствѣ, по братской любви къ цесарю Рудольфу, по прошенью и челобитью шурина своего, Бориса Ѳедоровича Годунова, Рудольфу цесарю противъ непріятеля всего христіанства, Турскаго султана, своею царскою казною вспоможенье учинилъ, мягкою рухлядью, соболями и другими мѣхами, и съ этою казною отправляетъ къ цесарю посланниковъ своихъ. Услыхавъ это, Варкочь билъ челомъ и говорилъ: «Это будетъ государю нашему и всѣмъ государямъ христіанскимъ и всему христіанству въ великую радость, и будетъ за это цесарь самъ собою и со всѣми своими землями и областями служить и благодарность воздавать. А сдѣлалось это ходатайствомъ, радѣньемъ и промысломъ царскаго шурина, Бориса Ѳедоровича Годунова, и цесарское величество за то его пресвѣтлѣйшеству своею любовію всячески воздавать будетъ и ни за что̀ не постоитъ».

Не знаемъ, въ какой степени на рѣшеніе помочь импера-

тору казною имѣло вліяніе честолюбіе Годунова, обольщеннаго ласкательствами императора и посла его, обольщеннаго мыслію, что пріобрѣтаетъ благодарность перваго государя христіанской Европы; очень можетъ быть, что честолюбіе Годунова играло въ этомъ дѣлѣ большую роль; но должно замѣтить, что въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ Годуновъ могъ легко оправдывать свой поступокъ: по смерти Баторія и послѣ того, какъ увидали, что избраніе Сигизмунда Шведскаго на Польскій престолъ вовсе не имѣетъ такихъ слѣдствій, какихъ опасались прежде, въ Москвѣ больше всего боялись могущества Турокъ, и помочь косвеннымъ образомъ противъ нихъ Австрійскому дому могло считаться дѣломъ благоразумія.

Варкочь увѣрялъ Годунова въ благодарности императора, въ томъ, что Рудольфъ ни за что̀ не постоитъ при изъявленіи этой благодарности, и вотъ приставу, провожавшему посла, было наказано поговорить съ нимъ къ слову: «у царскаго шурина Бориса Ѳедоровича, по его дородству и храбрости, многихъ государствъ лошади есть, а цесарской области дородныхъ лошадей большихъ, которыя бы пригодились подъ его сѣдло, нѣтъ: и если цесарь захочетъ прислать Борису Ѳедоровичу лошадей добрыхъ, то Борису Ѳедоровичу это будетъ очень любительно».

Въ Апрѣлѣ 1595 года отправлены были къ цесарю съ казною на вспоможеніе противъ Турскаго думный дворянинъ Вельяминовъ и дьякъ Власьевъ; они повезли соболей, куницъ, лисицъ, бѣлки, бобровъ, волковъ, кожъ лосинныхъ на 44,720 рублей. Пріѣхавши въ Прагу, гдѣ жилъ Рудольфъ, Вельяминовъ и Власьевъ потребовали, чтобъ имъ указали мѣсто, гдѣ разложить мѣха. Имъ дали у цесаря на дворѣ двадцать палатъ, гдѣ они и разложили соболей, куницъ, лисицъ, бобровъ и волковъ на лицо, а бѣлку въ коробьяхъ. Когда все было изготовлено, самъ императоръ съ ближними людьми пришелъ смотрѣть посылку, государеву вспоможенью обрадовался и удивлялся, какъ такая великая казна собрана? говорилъ, что прежніе цесари

и совѣтники ихъ никогда такой большой казны, такихъ дорогихъ соболей и лисицъ не видывали, и разспрашивалъ пословъ гдѣ такіе звѣри водятся, въ какомъ государствѣ? Послы отвѣчали, что всѣ эти звѣри водятся въ государевомъ государствѣ въ Кондѣ и Печорѣ, въ Угрѣ и въ Сибирскомъ царствѣ близъ Оби рѣки великой, отъ Москвы больше 5000 верстъ. На другой день цесаревы совѣтники присылали къ посламъ съ просьбою, чтобъ государевы собольники положили цѣну присылкѣ, какъ ее продать. Послы отказали: «Мы присланы къ цесарскому величеству съ дружелюбнымъ дѣломъ, съ государевою помощію, а не для того, чтобъ оцѣнивать государеву казну; оцѣнивать мы не привыкли и не знаемъ; а собольники присланы съ нами для переправки, цѣнить они такой дорогой рухляди не умѣютъ, такими товарами не торгуютъ». Послѣ сказывали посламъ, что цесарь велѣлъ оцѣнить присылку Пражскимъ купцамъ, и тѣ оцѣнили ее въ 400,000 рублей, а тремъ сортамъ лучшихъ соболей цѣны положить не умѣли по ихъ дороговизнѣ.

Весною 1597 года пріѣхалъ въ Москву знатный посолъ императорскій, Авраамъ, бургграфъ Донавскій, привезъ царю подарки: мощи чудотворца Николая, окованныя золотомъ и серебромъ, съ каменьемъ; два возка со всѣмъ приборомъ, а у возковъ по шести санниковъ, шесть сѣрыхъ и шесть гнѣдыхъ; часы съ перечасьемъ, съ людьми, трубами, накрами и варганами: какъ перечасье и часы забьютъ, въ то время въ трубы, накры и варганы заиграютъ люди какъ живые; другіе часы съ перечасьемъ: какъ перечасье забьютъ, въ то время часы запоютъ разными голосами; два сосуда для питья хрустальные золотомъ окованные. Поблагодаривши государя за присылку мѣховъ, посолъ объявилъ, что мѣха эти до сихъ поръ въ казнѣ у императора, на деньги промѣнять ихъ не случилось, и потому просилъ, чтобъ впередъ государь присылалъ серебромъ и золотомъ, просилъ объявить, сколько еще государь намѣренъ прислать казны своей императору и въ какое время? Годунову посолъ говорилъ: «Государь нашъ ве-

лѣлъ тебѣ бить челомъ, чтобъ великій государь вашъ оборонилъ его отъ Крымскаго царя, чтобъ Крымскій царь не ходилъ войною на Венгерскую землю». Годуновъ отвѣчалъ на это очень хитро: «У великаго государя рати много, можно ему Рудольфа цесаря оборонять отъ недруговъ: только бы далъ дорогу нашей рати король Польскій черезъ Литовскую и Польскую земли рѣкою Днѣпромъ; тогда государь послалъ бы на Крымскаго рать свою плавную, а изъ Сѣверской земли послалъ бы рать конную, и Крымскому отъ такой рати гдѣ было бы дѣться? не стало бы Крымскаго царя ни на одинъ часъ». Годунову прислалъ Рудольфъ поминки: кубокъ двойчатый серебряный, позолоченый, жемчугомъ да изумрудомъ саженый; часы стоячіе боевые съ знаменами небесными; два жеребца съ бархатными попонами; два попугая. Сыну Борисову, Ѳедору: часы стоячіе боевые, а придѣланъ на нихъ медвѣдь, четыре попугая, двѣ обезьяны.

Печатнику и посольскому дьяку, Василію Яковлевичу Щелкалову, поручено было вести переговоры съ посломъ. Щелкаловъ началъ съ того, что императоръ нѣсколько разъ присылалъ къ царю съ просьбою о союзѣ, съ обѣщаніемъ прислать великихъ пословъ для его заключенія: «Теперь» продолжалъ Щелкаловъ: «цесарь прислалъ тебя, великаго человѣка; такъ объяви, какой далъ тебѣ цесарь наказъ о заключеніи союза?» Посолъ отвѣчалъ, что Испанскій король воюетъ съ Англійскою королевою, съ королемъ Французскимъ и Нидерландами, и потому о союзѣ къ цесарю пословъ не присылывалъ, и цесарь потому же не приказывалъ ему, послу, заключать союза съ царемъ, ибо съ папою и королемъ Испанскимъ еще не укрѣпился. «Какъ же» возразилъ Щелкаловъ: «прежній посолъ Варкочь объявилъ здѣсь, что цесарь уже заключилъ союзъ съ папою и королемъ Испанскимъ?» — «Это Варкочь своровалъ» отвѣчалъ посолъ: «здѣсь говорилъ не по приказу, а пріѣхавши къ цесарю, сказалъ не такъ, какъ здѣсь дѣлалось». Щелкаловъ продолжалъ: «Главное дѣло въ томъ, чтобъ укрѣпить братскую любовь и союзъ между нашимъ государемъ и Ру-

дольфомъ цесаремъ, а всѣ другія дѣла послѣ сдѣлаются: цесарь укрѣпится съ Испанскимъ, нашъ государь съ Персидскимъ. А теперь ты присланъ сюда именитый человѣкъ, и отъ папы Римскаго посолъ здѣсь же; такъ это великое дѣло закрѣпить бы теперь для общаго добра христіанскаго». Посолъ отвѣчалъ: «Я самъ знаю, что это дѣло между великими государями очень годное, да если со мною отъ государя нашего наказа нѣтъ, то какъ мнѣ сдѣлать? только были бы у меня крылья, такъ я бы полетѣлъ, наказъ у цесаря взялъ и здѣсь это дѣло сдѣлалъ». — «Если такое великое дѣло годно всему христіанству» сказалъ на это Щелкаловъ: «и ты его желаешь, то побудь здѣсь, а къ государю своему за наказомъ пошли дворянина». — «Это дѣло не статочное» отвѣчалъ посолъ: «да и не смѣю я такъ сдѣлать мимо наказа государя своего».

Этимъ переговоры кончились. Австрійскій дворъ показалъ ясно, чего онъ добивался отъ Московскаго царя, котораго считалъ очень богатымъ. Одинъ изъ дворянъ посольской свиты потребовалъ также переговорить съ Щелкаловымъ отъ имени эрцгерцога Максимиліана, и объявилъ, что Максимиліанъ хочетъ всякими мѣрами промышлять, чтобъ быть на королевствѣ Польскомъ, и держитъ крѣпкую надежду, что государь поможетъ ему въ томъ. Щелкаловъ отвѣчалъ: «Великій государь радѣлъ и промышлялъ объ этомъ, что вамъ и самимъ вѣдомо: да если на то воли Божіей не было; и то не сталось? И теперь государь нашъ хочетъ, чтобъ Максимиліанъ былъ на королевствѣ Польскомъ: да вѣдь самъ знаешь: на государство силою какъ сѣсть? Надобно, чтобъ большіе люди, да и всею землею захотѣли и выбрали на королевство; а только землею не захотятъ, и того государства трудно доступать. Ты мнѣ объяви, есть ли ссылка Максимиліану съ панами радными, которые бы его хотѣли на государство, и многіе ли паны хотятъ?» Дворянинъ отвѣчалъ: «Есть тайная ссылка пановъ-радъ съ Максимиліаномъ, хотятъ его князь Острожскій, воевода Познаньскій, Зборовскіе и другіе паны и рыцарство многое до 7000 человѣкъ. И только царскаго величества вспо-

ноженье будетъ, то Максимиліану Польское государство можно получить». Щелкаловъ спросилъ: «Какого же вспоможенья хочетъ Максимиліанъ?» Дворянинъ отвѣчалъ: «Теперь государю вашему помогать людьми нельзя, потому что до исхода перемирья вашего съ Литвою еще пять лѣтъ: такъ государь бы пожаловалъ, помогъ своею царскою казною; да пожаловалъ бы, присылалъ эту казну въ Любекъ, а напередъ присылалъ бы въ Любекъ пословъ своихъ, и Максимиліанъ туда же пословъ своихъ пришлетъ для укрѣпленія». Щелкаловъ сказалъ на это: «Дѣло не статочное, чтобъ государю посылать пословъ своихъ въ Любекъ къ такимъ мужикамъ торговымъ». — Этимъ кончились сношенія съ Австрійскимъ домомъ въ царствованіе Θеодора [22].

Имя папы упоминалось постоянно въ сношеніяхъ съ Австрійскимъ дворомъ, въ толкахъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ державъ противъ Турокъ; и папа не упускалъ случая давать знать о себѣ Московскому правительству, давать знать о своемъ вліяніи. И Григорій XIII, и Сикстъ V-й увѣдомляли царя, что они хотятъ отправить въ Москву опять Антонія Поссевина; Сикстъ объявлялъ, что Стефанъ Баторій, въ исполненіе своей клятвы, данной при вступленіи на престолъ Польскій, хочетъ возвратить земли, отшедшія отъ Литвы къ Москвѣ при прежнихъ короляхъ, и потому папа отправляетъ Поссевина, чтобъ воспрепятствовать войнѣ. Но смерть Баторія сдѣлала это посредничество ненужнымъ. Потомъ два раза, въ 1595 и 1597 году, пріѣзжалъ въ Москву посолъ Климента VIII, Иллирійскій священникъ Комулей: Славянинъ былъ избранъ именно потому, что могъ объясняться съ Русскими безъ посредства переводчика. Комулею было наказано склонять царя къ войнѣ съ Турками, склонять внушеніемъ страха предъ могуществомъ Турокъ, указаніемъ выгодъ, которыя могутъ получить Русскіе отъ пріобрѣтенія счастливыхъ южныхъ странъ, въ сообществѣ съ народами, искусными въ дѣлѣ ратномъ, напоминаніемъ, что Византія есть наслѣдственное достояніе государей Московскихъ, что народы, угнетаемые Турками, род-

ственны Русскимъ по языку и вѣрѣ. Комулей долженъ былъ также хлопотать о соединеніи церквей, внушать, что одинъ папа можетъ утверждать государя въ королевскомъ достоинствѣ, что истинная церковь въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ патріархи рабы султана. Ходъ переговоровъ и слѣдствія ихъ намъ неизвѣстны [93].

Мы видѣли, что Грозный передъ смертію велъ переговоры съ Англійскимъ посломъ Боусомъ, который сердилъ его тѣмъ, что никакъ не хотѣлъ войдти въ виды его относительно союза Москвы съ Англіей противъ Польши и Швеціи. Мы видѣли также, что Боусъ главными врагами своими считалъ Никиту Романовича, Богдана Бѣльскаго и дьяка Андрея Щелкалова. Послѣдній, по жалобѣ посла, былъ удаленъ отъ сношеній съ нимъ, и, если вѣрить Боусу, былъ даже прибитъ царемъ. По смерти Іоанна, посолъ (какъ онъ самъ говоритъ) впалъ въ руки враговъ своихъ, Никиты Романовича и Андрея Щелкалова: девять недѣль держали его въ заключеніи въ его домѣ, содержали строго, обходились дурно, и каждый день ждалъ онъ еще худшаго. Послѣ прекращенія возстанія противъ Бѣльскаго, послу велѣно было явиться во дворецъ, при входѣ въ который у него отняли мечъ: «Еслибъ я не вооружился терпѣніемъ, то погибъ бы» писалъ Боусъ: «большія услуги оказалъ мнѣ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, и сдѣлалъ бы еще больше, но онъ не имѣлъ еще власти до коронаціи царя; не смотря на то, онъ часто присылалъ ко мнѣ и дарилъ дорогими подарками». Боуса отпустили съ грамотою, въ которой царь писалъ Елисаветѣ, что Англійскіе купцы будутъ пользоваться и при немъ тѣми же выгодами, которыя были даны имъ послѣднею грамотою отца его; но въ замѣнъ требовалъ, чтобъ королева позволила Московскимъ купцамъ ходить торговать въ Англію и чрезъ Англію въ другія государства, также чтобъ позволила иностраннымъ купцамъ ходить чрезъ Англію въ Россію со всякими товарами, съ доспѣхами, мѣдью, оловомъ, сѣрою, нефтью свинцомъ, селитрою и всякимъ оружіемъ; чтобъ пропускала мастеровъ всякихъ ратныхъ и рукодѣльныхъ, каменнаго дѣла

и городовыхъ мастеровъ, пушечныхъ литцевъ и колокольниковъ. Но озлобленный Боусъ бросилъ въ Холмогорахъ царскую грамоту и дары. Тогда отправили въ Англію въ *легкихъ гончикахъ* толмача Бекмана, родомъ Ливонца.

Вслѣдствіе жалобъ Боуса, королева долго не принимала Бекмана; наконецъ приняла и спросила: «Для чего нынѣшній государь ко мнѣ не такъ любовенъ, какъ былъ отецъ его? Всякимъ людямъ иныхъ земель велитъ на Русь ѣздить торговать, а моимъ людямъ для чего не велитъ?» Бекманъ отвѣчалъ, что такого запрещенія нѣтъ. Тогда призванъ былъ Боусъ, и Елисавета спросила его: зачѣмъ онъ ей сказалъ, что царь не велитъ Англичанамъ ѣздить торговать въ его землю? Боусъ отвѣчалъ, что онъ не то говорилъ, говорилъ онъ, что съ другихъ иноземцевъ пошлинъ не берутъ, а съ Англичанъ берутъ. Бекманъ возражалъ: «Это неправда: съ Англичанъ берутъ половинную пошлину, а съ другихъ полную; и еслибъ Боусъ государевыхъ грамотъ въ Холмогорахъ не покинулъ, то ты бы государыня подлинно провѣдала, какую нынѣшній государь хотѣлъ держать къ тебѣ любовь больше стараго». Бекмана отпустили съ грамотою, въ которой Елисавета соглашалась позволить Русскимъ купцамъ торговать въ Англіи, съ условіемъ, чтобъ царь далъ Англійско-Русской Компаніи право исключительной торговли въ своихъ областяхъ. Но, при отпускѣ, Бекманъ не былъ допущенъ къ Елисаветѣ. Этимъ оскорбились въ Москвѣ, и приговорилъ государь съ боярами отписать къ королевнѣ Елисаветѣ съ вычетомъ о послѣ ея и о гостяхъ, и что толмача Бекмана не по пригожу отпустилъ дьякъ ея, а не сама она, о томъ подлинно выписать, а грамоту послать съ Англичаниномъ. Въ грамотѣ говорилось: «Дѣло не схожее указывать намъ въ нашихъ государствахъ — тому торговать, а иному не торговать; гости твои бьютъ тебѣ челомъ не по дѣлу, хотятъ одни корыстоваться, а другихъ мимо себя пускать не хотятъ; въ нашихъ государствахъ, съ Божіею помощію, всякихъ товаровъ довольно и безъ твоихъ гостей, государства наши великія, и людей въ нихъ, и всякихъ товаровъ много».

Англичанинъ, съ которымъ приговорили послать эту грамоту къ Елисаветѣ, купецъ Горсей, должно-быть объяснилъ въ Лондонѣ состояніе дѣлъ при Московскомъ дворѣ, указалъ, къ кому нужно обратиться, чтобъ получить желаемое. Елисавета прислала съ Горсеемъ грамоту къ царицѣ Иринѣ, гдѣ писала, что часто слышитъ о ея мудрости и чести, что слава объ этой мудрости разнеслась по многимъ государствамъ; прислала къ ней опять лѣкаря Якоби, знатока въ женскихъ болѣзняхъ. Но главное, Елисавета прислала грамоту къ Годунову, въ которой называла его кровнымъ любительнымъ пріятелемъ, какъ переводили въ Москвѣ [94]. Въ грамотѣ къ царю Елисавета оправдывала поведеніе посла своего Боуса тѣмъ, что его очень разсердили, приказывая снимать мечъ при входѣ къ царю: «такое недовѣріе насъ очень опечалило» писала Елисавета: «въ нашихъ земляхъ это великое безчестіе, когда велятъ мечъ снять, и за такое безчестье въ сердцѣ нашего посла великая кручина была, и что̀ ни дѣлалъ, все съ кручиною. А теперь сказалъ намъ Горсей, что мечъ отнимаютъ у пословъ по вашему обычаю, какъ у васъ всегда ведется въ царствѣ, и мы, узнавъ это, перестали кручиниться, и надѣемся, что между нами будетъ вѣчная любовь». Горсей сказалъ Елисаветѣ, что въ Москвѣ недовольны тѣмъ, что она приняла Бекмана въ саду, который онъ назвалъ огородомъ; королева писала объ этомъ къ царю: «Мѣсто, гдѣ Бекманъ былъ передъ нами, есть мѣсто честное, близко нашей палаты, и туда никого не пускаютъ, только великихъ и любительныхъ слугъ для чести, и въ огородѣ этомъ нѣтъ ни луку, ни чесноку; Бекманъ сказалъ неправду. Такъ пригоже тебѣ Бекмана гонца за его лживыя и бездѣльныя ссорныя слова не только понаказать, и побить пригоже».

Годуновъ оправдалъ надежды своей кровной любительной пріятельницы: въ 1587 году позволено было Англійскимъ купцамъ торговать вольною торговлею, пошлины съ ихъ товаровъ—таможенной, замытной, свальной, проѣзжей, судовой, съ головъ, мостовщины, перевозовъ брать не велѣно. Только запрещено

было имъ брать съ собою въ Московское государство чужіе товары; Русскимъ людямъ отъ Англичанъ Англійскими товарами не торговать; закладней Русскихъ людей Англичанамъ за собою не держать, закупней своихъ по городамъ не посылать, товаръ на товаръ мѣнять и продавать должны они мѣстнымъ дѣломъ, а въ розницу, въ развѣсъ и въ аршинъ на своемъ дворѣ не продавать и не мѣнять: сукна продавать кипами и поставами, камки и бархаты поставцами, вина куфами. Если Англійскіе купцы захотятъ ѣхать въ иныя государства или въ свою землю, то брать имъ съ собою товары изъ царской казны [95], продавать и мѣнять ихъ на товары, которые Московскому государству потребны, и въ царскую казну отдавать. Выѣзжая изъ Москвы, Англійскіе купцы должны являться въ посольскомъ приказѣ, къ дьяку Андрею Щелкалову. Разобьетъ Англійскій корабль и принесетъ къ Русскимъ берегамъ, то царь велитъ сыскать товары въ правду и отдать Англичанамъ. Англійскіе купцы живутъ по старинѣ на дворѣ своемъ у св. Максима за торгомъ, держатъ одного дворника Русскаго, или своего Нѣмца, а другихъ Русскихъ людей не держать; да у нихъ же дворы — въ Ярославлѣ, въ Вологдѣ, на Холмогорахъ и у пристанища морскаго. На людей своихъ, посылаемыхъ изъ Московскаго государства, Англичане берутъ проѣзжія грамоты изъ посольскаго приказа; кому будетъ дѣло до Англичанъ, судятъ ихъ царскій казначей и посольскій дьякъ, а чего сыскъ не возьметъ, присуживаютъ имъ вѣру съ жребія: чей жребій вынется, тому и вѣру учинить.

Годуновъ далъ знать Елисаветѣ въ своей грамотѣ, что государь «для тебя, сестры своей, и для нашего печалованія, твоихъ подданныхъ пожаловалъ больше прежняго. А я объ нихъ впередъ буду государю своему печаловаться и держать ихъ подъ своею рукою, буду славить передъ государемъ и государынею твои къ себѣ милость и ласку». Благодаря кровному, любительному пріятельству Елисаветы къ Годунову, Англійскіе купцы освободились отъ платежа пошлинъ, простиравшихся болѣе чѣмъ на 2,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Но до-

ходили жалобы другихъ иностранныхъ купцовъ, что Англичане не пропускаютъ кораблей ихъ къ Московскому государству. Вслѣдствіе этихъ жалобъ царь писалъ Елисаветѣ: «Бьютъ намъ челомъ многіе Нѣмцы разныхъ земель, Англичане (не изъ компаніи), Французы, Нидерландцы и другихъ земель, на твоихъ гостей, что они кораблей ихъ къ нашему государству пропускать не хотятъ. Мы этому и вѣрить не хотимъ; а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ отгоняютъ? Божію дорогу, океанъ-море, какъ можно перенять, унять и затворить? Съ другой стороны, министры Елисаветины прислали на имя Годунова и Щелкалова грамоту, въ которой прописаны были жалобы Англійскихъ купцовъ на Московскихъ приказныхъ лыдей. Щелкаловъ отвѣчалъ одинъ: «Къ такому великому человѣку (Годунову) писали вы многія непригожія слова, повѣря непрямымъ людямъ, ворамъ. Пишете въ своей грамотѣ съ укоризною къ такому честному и великому человѣку, къ шурину государскому, будто вашимъ торговымъ людямъ и жить нельзя, потому что имъ отъ приказныхъ людей жесточь великая, и торговать перестать хотятъ, и если торговать перестанутъ, то будетъ безчестно государю нашему и его приказнымъ людямъ. За такія слова бояринъ Годуновъ самъ въ своей грамотѣ писать къ вамъ не захотѣлъ, словамъ вашимъ очень подивился и приказалъ мнѣ вамъ отписать».

Сношенія возобновились по дѣлу Англичанина Антона Мерша, который набралъ въ долгъ денегъ у Годунова, бояръ, служилыхъ людей, у купцовъ, монаховъ, и объявилъ, что взялъ эти деньги на общій расходъ, въ общіе товары; но товарищи его отказались платить долги, объявили, что Мершъ бралъ деньги безъ ихъ вѣдома, на себя. Годуновъ въ 1588 году велѣлъ извѣстному уже намъ Бекману отвезти этого Мерша въ Англію. Королева не скоро приняла Бекмана: «Я долго не пускала тебя до своихъ очей» сказала она ему: «потому что была нездорова, очень грустила о смерти своего дворецкаго (графа Лейстера); да

великая досада была у меня на тебя за то, что ты въ рѣчахъ своему государю примѣнилъ нашъ потѣшный садъ къ капустному огороду, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ; за такое дѣло ты достоинъ былъ пени, но мы тебѣ не мстили». Бекманъ отвѣчалъ: «Бью челомъ вашему величеству, вели безопально выговорить». Елисавета позволила, и Бекманъ сталъ говорить: «Я этого и не думалъ, не только что не говорилъ, въ чемъ Богъ свидѣтель; если въ царской грамотѣ объ этомъ написано, или кто сможетъ на меня довести, то я у вашего величества милости не прошу, хочу за мою вину терпѣть наказанье; нанесъ на меня это лихой человѣкъ, который хотѣлъ моей доброй славѣ поруху учинить, и я надѣюсь, что тотъ камень упадаетъ на его голову». Елисавета отвѣчала, что она объ этомъ дѣлѣ забудетъ. Мершъ, позванный къ допросу, объявилъ, что онъ заплатилъ деньги, взятыя имъ царской казны; въ частныхъ долгахъ — въ однихъ винился, въ другихъ запирался, и сказалъ, что его собственныхъ денегъ задержано въ Москвѣ 15,000 рублей. Когда лордъ казначей сказалъ объ этомъ показаніи Бекману, тотъ отвѣчалъ, что надобно вѣрить царской грамотѣ, а не бездѣльнымъ рѣчамъ Мерша. — «Это правда» возразилъ казначей: «но зачѣмъ было Мершу давать такія деньги? онъ былъ гость небольшой, скорѣе былъ простой слуга у гостей, а большіе гости кабалъ не подписывали». Бекманъ отвѣчалъ: «Мершъ былъ на гостинномъ дворѣ, покупалъ, продавалъ, деньги занималъ и самъ въ долгъ давалъ, не какъ слуга, а какъ большой гость, на которомъ все положено; сверхъ того онъ умѣетъ по-русски читать и писать, и ваши большіе гости не объявили, что ему не вѣрить».

Еще до возвращенія Бекмана, осенью 1588 года, пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Елисаветы, Флетчеръ. Онъ объявилъ царю, что съ королевною Елисаветою многіе государи въ братствѣ, дружбѣ и любви, но ни съ кѣмъ не имѣетъ она такой дружбы и любви, какъ съ нимъ, царемъ. «Если нѣкоторые Англичане» продолжалъ Флетчеръ: «поступили здѣсь нехорошо, то его величество за немногихъ виновныхъ на другихъ

невинныхъ нелюбья не держалъ бы, не велѣлъ оглашать и поругать всей земли за одного человѣка, потому что нѣтъ такой земли и торговли, гдѣ бы не было лихихъ людей; хотя бы подданные королевины и лихіе люди были, то все въ нихъ столько худаго не было бы, еслибъ государевы люди съ ними въ бездѣлье не мѣшались. Королева надѣется, что государь послѣдуетъ примѣру отца своего, будетъ продолжать сердечное пріятельство къ ней; да чѣмъ ему слѣдовать примѣру отцовскому, лучше смотрѣть на свой собственный образецъ, потому что онъ самъ подданныхъ королевиныхъ жаловалъ своею государскою ласкою». Флетчеръ подалъ длинный списокъ статей, въ которыхъ заключались просьбы Елисаветы къ царю: Елисавета просила, чтобъ государь подтвердилъ ея купцамъ послѣднюю жалованную грамоту съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ статей изъ прежней грамоты Грознаго; купцы Англійскіе прекратили бы торговлю съ Россіею, если бы не надѣялись впередъ на государево жалованье, что государь не отнимаетъ у нихъ грамоты изъ такого небольшаго дѣла, какъ Мершево.—На это Флетчеру отвѣчали: «Англійскимъ гостямъ государево жалованье стало ни во что; а тѣмъ нечѣмъ грозить, что они не поѣдутъ торговать въ наше государство: много гостей и кромѣ Англичанъ пріѣзжаютъ къ намъ торговать». Королева просила, чтобъ приказные люди не отнимали силою товаровъ у Англійскихъ купцовъ, какъ недавно случилось. Отвѣтъ: «Насилія никакого никакимъ гостямъ казначей и дьяки не дѣлаютъ, Англійскихъ же гостей больше другихъ берегутъ; а если кто взялъ товаръ у Англійскаго гостя и денегъ не заплатилъ или какъ-нибудь его обидѣлъ, то ты скажи, кто это сдѣлалъ именно, и государь велитъ расправу учинить». Королева просила, чтобъ Англійскіе купцы не платили долговъ за Мерша, потому что онъ набралъ денегъ въ займы, когда не былъ съ ними въ товарищахъ, а торговалъ самъ по себѣ, и дана была ему отъ царскихъ приказныхъ людей особенная грамота на торговлю за моремъ во всѣхъ мѣстахъ; объ этой грамотѣ купцы Англійскіе и прикащики ихъ не знали; притомъ эти купцы и

прикащики ихъ сказывали Русскимъ людямъ, которые теперь ищутъ на Мершѣ своихъ денегъ, чтобъ они ему не вѣрили и съ нимъ не торговали, а Русскіе люди отвѣчали, что они съ нимъ не торгуютъ; королевѣ извѣстно также, что Мершевы деньги остались на сохраненьи въ государевой землѣ и онѣ не отданы его заимодавцамъ. Чтобъ впередъ въ такихъ дѣлахъ царю докуки не было, королева бьетъ челомъ, чтобъ приказные люди считали членами компаніи только тѣхъ Англичанъ, которыхъ имена принесетъ къ нимъ прикащикъ На это отвѣчали: «сыскано подлинно, что въ то время, какъ Мершъ занималъ деньги, Англійскіе купцы жили на своемъ дворѣ всѣ вмѣстѣ и торговали заодно;» на то, чтобъ считать принадлежащими къ компаніи только тѣхъ Англичанъ, о которыхъ прикащикъ дастъ знать, согласились. Королева просила, чтобъ позволено было Англійскимъ купцамъ покупать всѣ товары безъ вывѣта; на это отвѣчали, что позволеніе уже дано, исключая воскъ, который позволено промѣнивать только на селитру, порохъ и сѣру. Елисавета просила, чтобъ не пытать Англичанъ, которые будутъ обвинены въ какомъ-нибудь преступленіи; на это отвѣчали, что Англичанъ никогда не брали и за недѣльщика не давали, о пыткѣ же никогда и помину не было и впередъ не будетъ. Елисавета просила, чтобъ судъ надъ Англичанами порученъ былъ самому Годунову; на это отвѣчали: дѣло нескодное судить купеческія дѣла Борису Ѳедоровичу; Борису Ѳедоровичу приказаны дѣла государственныя, которыми государство держится; Англійскихъ купцовъ будутъ судить приказные люди, а вершить дѣла будутъ, докладывая Борису Ѳедоровичу. Елисавета просила, чтобъ царь позволилъ Англійскимъ гостямъ проѣзжать чрезъ свою землю въ Бухарію, Шемаху, Казбинъ, Персію, а другимъ гостямъ туда ѣздить запретилъ бы, кромѣ своихъ посланниковъ; на это отвѣчали, что государь велитъ пропускать Англійскихъ купцовъ въ эти страны безпошлинно; но и государевы люди въ тѣ земли будутъ также ходить: какъ тому можно статься, чтобъ государевымъ людямъ туда не ходить? и то велико государево жалованье къ Англійскимъ го-

стямъ, что имъ позволено ходить въ такія дальнія государства, а другимъ иноземцамъ за версту дальше Москвы ходить не велѣно. Елисавета просила, чтобъ позволено было Англичанамъ на Вычегдѣ дворъ поставить, руды желѣзной искать и желѣзо выдѣлывать, и лѣсу дать имъ верстъ на семь или на восемь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ станутъ дворы и мельницы желѣзныя ставить, за что Англичане будутъ платить тамги по московкѣ за каждый фунтъ. Отвѣчали, что царь этимъ Англичанъ пожалуетъ. Королева просила, чтобъ Англійскимъ купцамъ позволено было держать у себя и нанимать барышниковъ и скупщиковъ, которымъ они будутъ платить наемъ по договору. Отвѣтъ: «Тому быть непригоже: въ этихъ барышникахъ и наймитахъ большая смута и воровство бываетъ. Прежде съ такими барышниками Англійскіе гости, Романъ Романовъ съ товарищами, дошли до большой вины: былъ у нихъ на дворѣ въ купчинахъ торговой человѣкъ, Ярославецъ Вахрушъ Семеновъ, и когда Англійскіе гости посылали людей своихъ тайкомъ чрезъ Литовскую землю, безъ проѣзжихъ грамотъ, то Вахрушъ этимъ промышлялъ, извощиковъ нанималъ подъ тѣхъ воровъ, которые отъ гостей ѣздили съ грамотами, а въ грамотахъ Романъ писалъ непригожія дѣла про наше государство». Елисавета просила, чтобъ позволено было денежнымъ мастерамъ во всѣхъ мѣстахъ передѣлывать на Англійскихъ гостей ефимки въ деньги безпошлинно, гости будутъ платить только за уголье и мастерамъ за работу. На это согласились, но пошлина оставлена общая. Елисавета опять просила, чтобъ царь запретилъ торговать въ своей землѣ Англичанамъ, не принадлежащимъ къ компаніи, и другимъ иноземцамъ. Отвѣтъ: «Это дѣло нестаточное и ни въ какихъ государствахъ этого не ведется; если Елисавета королевна къ государю объ этомъ приказываетъ, то этимъ нелюбье свое объявляетъ царскому величеству, къ убытку государевой землѣ хочетъ дорогу въ нее затворить». Елисавета просила, чтобъ вольно было купцамъ Англійскимъ, ихъ прикащикамъ и слугамъ жить по своей вѣрѣ; на это отвѣчали: «Государю нашему до ихъ вѣры дѣла нѣтъ многихъ вѣръ

люди живутъ въ нашемъ государствѣ, и никого государь отъ вѣры отводить не велитъ, всякій живетъ въ своей вѣрѣ». Наконецъ Елисавета просила, что если Англійскіе гости пошлютъ искать Китайской земли, то вольно было бы имъ брать проводниковъ, судовыхъ людей, суда, кормъ на людей и всякіе другіе запасы. Отвѣтъ : « Это дѣло нестаточное: государю нашему чрезъ свое государство пускать на отыскиваніе другихъ государствъ непригоже».

Вмѣстѣ съ этими отвѣтами Флетчеру дали роспись, что̀ взять на Англійскихъ купцахъ по кабаламъ Мерша; всего приходилось болѣе 23,000 рублей; но потомъ объявлено было послу, что государь, любя сестру свою, Елисавету королевну, приказалъ взыскать только половину этихъ денегъ. Между-тѣмъ Антонъ Мершъ объявилъ министрамъ Елисаветинымъ, что всѣ деньги, которыя онъ занялъ на имя компаніи, заняты были по наущенію дьяка Андрея Щелкалова, который велѣлъ ему и печать сдѣлать такую же, какая была у него, когда онъ еще служилъ у гостей, далъ слово во всемъ этомъ его очистить и помочь собрать всѣ долги; что онъ, Мершъ, не смѣлъ ослушаться Щелкалова, который былъ канцлеръ и одинъ изъ самыхъ большихъ людей у государя; притомъ же у него, Мерша, не было никакого другаго пріятеля. Елисавета переслала эти показанія въ Москву, давая имъ полную вѣру, прислала назадъ и самого Мерша. Но Флетчеру, который представилъ объ этомъ дѣлѣ государю, данъ былъ отвѣтъ, что Мершъ воръ вѣдомый, сказалъ ложныя слова на государскаго дьяка Андрея Щелкалова, и то диво великое, что люди честные, королевнины думные люди, не умѣли такого вѣдомаго вора обличить въ своей землѣ, обыскать объ его воровствѣ его же товарищами.

Елисавета продолжала льстить Годунову въ своихъ грамотахъ; Годуновъ повторялъ ей въ своихъ, что государь оказалъ разныя милости Англійскимъ купцамъ, «любя тебя, сестру свою любительную, а за моимъ челобитьемъ и печалованіемъ». Королева присылала ему подарки; однажды онъ ихъ не взялъ

и извинялся въ этомъ такимъ образомъ: «Ты, государыня, прислала ко мнѣ свое жалованье, поминки, и я твоего жалованья не взялъ, потому что посолъ твой привезъ отъ тебя къ государю нашему въ поминкахъ золотые — въ половину золотой, и въ четверть золотой, и въ деньгу золотой. Такіе поминки между вами, великими государями, прежде не бывали. Государь нашъ этихъ поминковъ брать не велѣлъ, и я поэтому твоего жалованья взять не посмѣлъ, а за твое жалованье тебѣ, великой государынѣ, челомъ бью. Я впередъ хочу государя своего умолять и на то наводить, чтобъ между вами любовь братская утвердилась на вѣки и больше прежняго; твое жалованье впередъ хочу на себѣ держать и твоихъ гостей хочу держать подъ своею рукою во всякомъ береженьѣ». Знаменитый министръ Елисаветинъ, Сесиль (который въ Русскихъ грамотахъ величается: Вилимъ Сиселъ, честнѣйшаго чину рычардъ подвязочный, то-есть кавалеръ ордена подвязки), писалъ Годунову: «Вздумали было наши гости не торговать больше въ вашемъ государствѣ для многихъ обидъ; но теперь они хотятъ торговать многими всякими товарами, если ты, Борисъ Θедоровичъ, станешь ихъ беречь, впередъ они другаго помощника себѣ не ищутъ». Сесиль просилъ уничтоженія остающихся кабалъ, данныхъ Мершемъ, и безпошлинной торговли. Борисъ отвѣчалъ: «На Англійскихъ гостяхъ и то взяли только половину долговъ, не велю брать и другой половины, убытковъ имъ никакихъ не будетъ и во всемъ ихъ стану беречь, по всѣмъ приказамъ отъ всякихъ убытковъ, и торговля имъ будетъ повольная по прежнему, государь не велѣлъ брать съ дворовъ ихъ никакихъ пошлинъ». Но Сесиль продолжалъ жаловаться на обиды: «Какъ пріѣдутъ Англійскіе гости въ вашу землю, то имъ не велятъ торговать никакими товарами, а велятъ имъ покупать государевъ товаръ по указной цѣнѣ, а не по той, чего стóитъ; и если наши гости не захотятъ покупать этого товару по такой высокой цѣнѣ, то ихъ задерживаютъ долгое время въ устьѣ Двинскомъ, и они живутъ въ большомъ страхѣ, какъ имъ идти назадъ въ морозы и бури.

Тебѣ извѣстно, что насилье не годится надъ торговыми людьми; если будутъ впередъ дѣлать имъ насиліе, навязывать имъ товары, которые имъ ненадобны, а надобнымъ товарамъ цѣну указывать высокую, то это будетъ не вольная торговля, а насиліе». Борисъ въ отвѣтѣ своемъ говорилъ, что жалобы на насилія несправедливы, и по прежнему обѣщалъ, что торгъ будетъ повольный еще больше прежняго [96].

Съ Даніею были въ царствованіе Ѳеодора неважныя сношенія по поводу опредѣленія границъ съ Норвегіею. Гораздо больше вниманія Московское правительство должно было обращать на югъ, гдѣ изъ Крыма ежечасно ожидали нападенія и гдѣ Турція не переставала грозить отнятіемъ завоеваній Грознаго. Съ 1584 до 1588 года Крымцы нѣсколько разъ нападали на Украйну; но счастьемъ для Москвы было то, что въ это время, когда ждали войны съ Баторіемъ, въ Крыму происходили усобицы: ханъ Магметъ-Гирей былъ убитъ братомъ Исламъ-Гиреемъ; сыновья Магметъ-Гирея, Сайдетъ и Муратъ, прогнали было дядю, при чемъ опустошили весь Крымъ, ханскую казну всю разграбили, женъ и дѣтей Русскихъ и Литовскихъ въ плѣнъ побрали; но были прогнаны опять дядею Исламомъ и отдались въ покровительство Московскаго царя: Сайдету позволено было кочевать съ Ногаями близь Астрахани, а Муратъ сталъ жить въ самой Астрахани. Исламъ, боясь племянниковъ, которыхъ любили въ Крыму, долженъ былъ опираться на Турокъ, позволять имъ всякаго рода насилія, что еще больше ожесточило противъ него Крымцевъ: «Мы всѣмъ Крымскимъ юртомъ желаемъ» говорили они: «чтобъ былъ царемъ Сайдетъ-Гирей царевичь, а Исламъ-Гирея всѣ люди не любятъ, Турецкими людьми Крымскій юртъ опустошилъ, отъ янычаръ насильство и убійство великое». До чего дошелъ Крымъ во время этихъ усобицъ, видно изъ словъ калги Исламова, Алпъ-царевича, Московскому гонцу: «Государь вашъ прислалъ мнѣ поминки легкіе; но мы не думали, чтобъ государь вашъ въ такое время захотѣлъ и сноситься съ нами». Исламъ писалъ Ѳеодору: «Если захочешь съ нами въ самомъ

дѣлѣ быть въ дружбѣ, то ты бы нашихъ недруговъ, Сайдета и Мурата, у себя не держалъ, хотя они тебѣ и въ руки попались; ты бы сослалъ ихъ туда, гдѣ бы ихъ ни слыхать, ни видать, а денегъ и казны не годится имъ давать. Если ты съ нами подружишься, то мы непремѣнно станемъ надъ невѣрною Литвою промышлять». Московскій посолъ долженъ былъ поручиться хану, что Сайдетъ и Муратъ не пойдутъ на Крымъ, если только самъ ханъ не пойдетъ на Московскія украйны, церевичей не отпуститъ, султану походъ на Астрахань отговоритъ, а въ Москву вѣсть пришлетъ о замыслахъ Турецкихъ людей.

Большую услугу также оказывали Москвѣ Запорожскіе козаки, которые не давали покоя Туркамъ и Татарамъ, раздражали султана и хана противъ Литвы, отвлекали вниманіе ихъ отъ Москвы. Козаки то приходили войною на Крымскіе улусы, то присылали къ хану съ предложеніемъ своей службы, и потомъ опять нападали на Крымъ. Такъ, въ 1585 году, козаки съ атаманомъ своимъ, Яномъ Ярышевскимъ, два раза приходили на Крымскіе улусы, отогнали лошадей и всякаго скота больше 40,000 и людей многихъ въ плѣнъ взяли. А потомъ отъ этого же Ярышевскаго и отъ всѣхъ атамановъ пріѣхали къ хану четыре козака и говорили ему: «Прислали насъ атаманы Днѣпровскіе, чтобъ ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился и давалъ имъ свое жалованье; атаманы же и всѣ Черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ Литовскаго короля, и они готовы». Ханъ отвѣчалъ: «Я атамановъ и всѣхъ Черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бъ были готовы». Но вмѣсто службы хану, козаки взяли Очаковъ, а въ 1588 году, въ числѣ 1500, пришли моремъ въ судахъ на Крымскіе улусы въ Туптарахань, между Козлевомъ и Перекопью, взяли 17 селъ. Султанъ присылалъ къ Исламъ-Гирею съ угрозою, что если все такъ будетъ, то онъ выгонитъ его изъ Крыма. Исламъ умеръ въ 1588 году; преемникъ его, Казы-Гирей, въ исполненіе воли

султана, долженъ былъ мстить Литвѣ за козацкія опустошенія, и потому дружелюбно сносился съ Москвою; царь отвѣчалъ ему такимъ же образомъ: «Прежде, какъ былъ на Крымскомъ юртѣ Исламъ-Гирей, то мы послали рать свою большую на Донъ и Волгу со многими воеводами, а идти было имъ съ Муратъ-Гиреемъ царевичемъ на Исламъ-Гирея царя за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику и къ князю Михайлу Ружинскимъ, къ атаманамъ и Черкасамъ послали мы головъ Лихарева и Хрущова, велѣли имъ идти со всѣми Черкасами на Крымъ. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то походъ отложили, и послали къ тебѣ языка — Татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князья Ружинскіе». Въ Москвѣ считали нужнымъ оказывать хану услуги, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, услуги въ Татарскомъ вкусѣ: Казы-Гирей писалъ къ царю, чтобъ тотъ велѣлъ извести одного Татарина, Аталыкъ-Муслы, попавшагося въ плѣнъ къ Русскимъ, потому что онъ негодный человѣкъ; царь отвѣчалъ, что просьба ханская исполнена, Аталыкъ изведенъ.

Впрочемъ изъ тона царскихъ грамотъ и изъ небольшаго количества поминковъ видно было, что въ Москвѣ не очень боялись хана: царь писалъ хану только поклонъ, а не челобитье, а ханъ въ грамотахъ къ Годунову обращался такимъ образомъ: «Брата нашего, многаго крестьянства государя, большому везирю и доброму карачею и въ боярахъ начальнѣйшему и въ крестьянскомъ законѣ въ своей странѣ, между своихъ сверстниковъ честнѣйшему, другу нашему Борису множествомъ многъ поклонъ». Не посылая въ Крымъ богатыхъ подарковъ, правитель не хотѣлъ кормить и дарить многочисленную толпу Татаръ, которые обыкновенно приходили съ гонцами, чтобъ попользоваться государевымъ жалованьемъ; гонцу Мишурину, отправлявшемуся въ Крымъ, было наказано: царю, царевичамъ и царевымъ ближнимъ людямъ говорить накрѣпко, чтобъ посылали къ государю гонцовъ своихъ немногихъ, больше 30 человѣкъ не посылали бы, а что посылаютъ многихъ гонцовъ,

отъ того государеву и цареву дѣлу поруха. Вотъ теперь прислалъ Казы-Герей царь гонца своего, а съ нимъ пришло 80 человѣкъ, чего никогда не бывало. Впередъ бы царь велѣлъ посылать гонцовъ немногихъ, а станутъ гонцы ходить многіе, то имъ государева жалованья и корму не будетъ.

Мы видѣли, что царь, въ грамотѣ къ хану, упоминалъ о оношеніяхъ своихъ съ Запорожцами, которые должны были вмѣстѣ съ Московскими войсками идти на Крымъ при Исламъ-Гиреѣ. Какого рода отношенія были у Московскаго правительства къ Черкасамъ, видно изъ наказа, даннаго гонцу Петру Зиновьеву, отправлявшемуся въ Крымъ:» какъ пойдетъ Петръ съ Ливенъ, и вѣсть будетъ, что пришли на Донецъ съ Днѣпрз, изъ Запорожья Черкасы, Матвей Ѳедоровъ съ товарищами, стоятъ смирно и государевымъ людямъ отъ нихъ зацѣпки нѣтъ никакой — то Петру послать напередъ себя станицу къ Запорожскимъ Черкасамъ и велѣть про себя сказать, что есть съ нимъ отъ государя къ нимъ ко всѣмъ грамота и рѣчь, и Матвей бы Ѳедоровъ и товарищи его съ нимъ видѣлись, и Черкасамъ своимъ всѣмъ по всему Донцу заказали бы, чтобъ они надъ Петромъ и надъ Крымскими гонцами и надъ провожатыми ихъ ничего не сдѣлали, а онъ, Петръ, идетъ въ Крымъ съ Крымскими гонцами легкимъ дѣломъ наскоро, и поминковъ съ нимъ ничего не послано. Да какъ съ нимъ атаманы и молодцы Запорожскіе съѣдутся, и Петру отъ государя поклонъ имъ исправить и грамоту отъ государя подать; а говорить имъ отъ государя, чтобъ они его, Петра, и Крымскихъ гонцовъ пропустили и провожатыхъ ничѣмъ не тронули [79], а государево къ нимъ жалованье будетъ сейчасъ же съ государскимъ сыномъ боярскимъ. А государь, увидя ихъ передъ собою службу, пришлетъ къ нимъ на Донецъ большое свое жалованье». Службу свою Запорожцы показывали по прежнему: гонецъ Мишуринъ въ 1589 году доносилъ, что Черкасы взяли Турецкій корабль на морѣ близъ Козлева; потомъ дали знать Казы-Гирею, что пришли въ Козлевъ, въ посадъ, ночью, Литовскіе люди, атаманъ Черкасскій Кулага, и съ нимъ Черкасъ 800

человѣкъ, пришли они моремъ въ малыхъ стругахъ. Казы-Гирей тотчасъ пошелъ въ Козлевъ со всѣми людьми; но Черкасъ въ городѣ уже не засталъ: они выграбили здѣсь лавки, выбирая изъ нихъ лучшее, Турокъ и Жидовъ однихъ били, другихъ забирали въ плѣнъ; но тутъ напалъ на нихъ калга Фети-Гирей и былъ бой въ самомъ посадѣ; Татары взяли у Черкасъ человѣкъ съ тридцать въ плѣнъ, Кулага былъ убитъ, остальные ушли. Кромѣ того Черкасы вокругъ Бѣлгорода (Акермана) всѣ посады пожгли, воевали въ Азовѣ посадъ, взяли въ плѣнъ 300 человѣкъ, Бухарскихъ купцовъ побили. После этого султанъ прислалъ три каторги (судна), въ каждой по 50 янычаръ, съ огненнымъ боемъ, да по четыре пушечки, за ними будетъ еще пять каторгъ съ янычарами, велѣлъ имъ Турскій султанъ при устьѣ Днѣпра беречь отъ Черкасъ проходу на море, а къ хану Турскій писалъ, чтобъ шелъ на Литву.

Козаки Донскіе и Терскіе также безпокоили Татаръ и Турокъ, хотя и не въ такой степени, какъ Запорожцы. Ханъ писалъ Годунову: «Ваши козаки Донскіе Азову городу досаждають; ваши же козаки съ Дона и съ Самары къ Овечьимъ Водамъ приходятъ украдкою къ нашимъ улусамъ, воруютъ скотъ. Султанъ ко мнѣ писалъ, что казну свою потратилъ, взялъ городъ Дербентъ, а теперь изъ Азова въ Дербентъ людямъ его прохода нѣтъ: Русскіе козаки, которые на Терекѣ живутъ, на перевозахъ и топкихъ мѣстахъ на нихъ нападаютъ; султанъ не можетъ этого терпѣть, съ большою ратью и нарядомъ хочетъ города брать и Москву воевать». Султанъ приказывалъ хану наблюдать за Литвою; Казы-Гирей хотѣлъ, чтобъ царь Московскій платилъ ему за это; онъ писалъ Θеодору: «Хотимъ этою зимою зимовать на Днѣпрѣ и караулить, а у васъ просимъ, чтобъ вы за этотъ караулъ прислали намъ наемъ». Казы-Гирею хотѣлось, съ одной стороны, чтобъ царь отпустилъ къ нему Муратъ-Гирея, который продолжалъ жить въ Астрахани, а съ другой выманить побольше денегъ, и потому онъ писалъ очень ласково: «Русскіе козаки приходили на наши стада и отогнали съ 700 лошадей;

наши люди, вмѣстѣ съ Азовскими козаками, пошли за ними въ погоню; но мы за этими погонщиками послали людей своихъ, велѣли ихъ перехватать и опалу на нихъ положили; да привели было они одного сына боярскаго, мы его у нихъ взяли и послали къ вамъ, брату нашему». Но въ Москвѣ не трогались этими учтивостями, не присылали ни Муратъ-Гирея, ни денегъ. Легко понять, какъ это раздражало хана, особенно послѣднее. Муратъ-Гирей умеръ въ Астрахани: Русскіе утверждали, что онъ былъ отравленъ людьми, подосланными изъ Крыма, а въ Крыму утверждали, что его отравили Русскіе — новое побужденіе ко враждѣ и мести; побуждалъ хана къ этой враждѣ и султанъ, который сердился на Москву за нападеніе Донскихъ и Терскихъ козаковъ; наконецъ, побуждалъ хана къ нападенію на Москву король Шведскій Іоаннъ, обѣщалъ ему богатые поминки, если онъ извоюетъ Московскаго царя, давая знать, что сопротивленія Татарамъ не будетъ, потому что войска царскія находятся на сѣверѣ, у границъ Шведскихъ. Ханъ рѣшился посмотрѣть береговъ Оки и, если можно, пробраться дальше. Въ концѣ 1590 года пріѣхалъ въ Крымъ Русскій посолъ Бибиковъ; когда онъ правилъ поклонъ и посольство отъ государя, а потомъ правилъ челобитье отъ боярина Бориса Ѳедоровича, подалъ грамоту и поминки, то ханъ противъ государева поклона и здоровья не всталъ. 11 Генваря 1591 года пріѣхалъ въ Жидовскій городъ Кыркоръ, гдѣ стоялъ посолъ, Ахметъ-ага, велѣлъ Бибикова позвать къ себѣ и говорилъ ему царевымъ словомъ: «Посылалъ царь къ тебѣ просить пятидесяти шубъ бѣльихъ да пяти шубъ куньихъ, что̀ не прислано мулламъ, да списковъ, наказовъ и росписей, а ты царева слова не послушалъ, и царь у тебя велѣлъ взять все твое имѣніе». Приставы ограбили Бибикова и толмачей, взяли у нихъ все — шубы, шапки, платье, деньги, запасы, вино. Весною орда собралась въ походъ, и 5-го Мая ханъ послалъ сказать Бибикову, что онъ идетъ не на государеву украйну, а на Литовскаго короля.

Но въ Іюнѣ въ Москвѣ узнали, что Татары идутъ не на

Литву, а на государеву украйну; тогда, 26 числа, велѣно было воеводамъ изо всѣхъ полковъ, расположенныхъ по обычаю на берегу Оки, и изъ городовъ украйныхъ идти въ Серпуховъ, въ сходъ къ боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому; но когда узнали подробно, что идетъ самъ ханъ съ большимъ войскомъ прямо къ Москвѣ, то велѣно было боярамъ и воеводамъ со всѣми полками спѣшить къ столицѣ, чтобъ предупредить хана. 1-го Іюля въ вечерни пришли полки къ Москвѣ и стали противъ Коломенскаго; 2 числа имъ велѣно было идти къ обозу, устроенному противъ Данилова монастыря; въ этотъ день пріѣзжалъ къ нимъ самъ царь, бояръ, воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ жаловалъ, о здоровьѣ спрашивалъ, по полкамъ смотрѣлъ. 3 Іюля пріѣхалъ въ Москву съ берегу оставленный тамъ для вѣстей голова Колтовской и объявилъ, что ханъ перешелъ Оку подъ Тѣшиловымъ, ночевалъ въ Лопаснѣ и идетъ прямо къ Москвѣ. По этимъ вѣстямъ отправили на Пахру 250 человѣкъ дѣтей боярскихъ — Смолнянъ, Алексинцевъ, Тулянъ, подъ начальствомъ князя Бахтеярова-Ростовскаго: имъ велѣно было стать на рѣкѣ и промышлять надъ передовыми Крымскими людьми: эти передовые люди сбили ихъ съ Пахры, ранили воеводу и много дѣтей боярскихъ побили и взяли въ плѣнъ. Тогда велѣно было боярамъ и воеводамъ стать со всѣми людьми въ обозѣ: въ большомъ полку былъ воеводою князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, въ правой рукѣ князь Никита Романовичъ Трубецкой, въ передовомъ полку князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой, въ лѣвой рукѣ князь Василій Черкаскій; у каждаго изъ трехъ первыхъ воеводъ были въ товарищахъ по Годунову: у Мстиславскаго самъ Борисъ, у Никиты Трубецкаго Степанъ Васильевичъ Годуновъ, у Тимоѳея Трубецкаго Иванъ Васильевичъ Годуновъ; кромѣ того у Мстиславскаго и Бориса Годунова въ прибылыхъ въ думѣ были: кравчій Александръ Никитичъ Романовъ, окольничій Андрей Клешнинъ, казначей Черемисиновъ, оружничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, думный дворянинъ Пивовъ.

4 Іюля, утромъ въ воскресенье, пришелъ къ Москвѣ ханъ:

самъ сталъ противъ Коломенскаго, а къ обозу, гдѣ сидѣли Русскіе воеводы, выслалъ царевичей; противъ нихъ воеводы выслали изо всѣхъ полковъ головъ съ сотнями, ротмистровъ съ Литовскими и Нѣмецкими людьми, велѣли имъ *травиться* съ Крымцами, по тогдашнему выраженію. Эта травля продолжалась до ночи, безъ рѣшительнаго исхода; Татары не любили такихъ встрѣчь: травиться съ Русскими безо всякой пользы имъ не нравилось, идти на обозъ, гдѣ сосредоточены были Московскія силы съ нарядомъ—еще менѣе, между-тѣмъ плѣнники объявили, что пришло къ Москвѣ новое войско, Новгородское, и изъ другихъ областей, и воеводы хотятъ ударить на Крымцевъ ночью. Казы-Гирей не сталъ дожидаться разсвѣта, и побѣжалъ, бросивъ обозъ. Утромъ, 5 числа, воеводы послали за нимъ скорые полки, но тѣ не могли его нигдѣ нагнать, потому что онъ бѣжалъ не останавливаясь ни у одного города; задніе отряды его были нагнаны и разбиты подъ Тулою, остатки истреблены въ стеняхъ. Главная рать двинулась также изъ обоза и шла до Серпухова: сюда 10 Іюля пріѣхалъ изъ Москвы князь Козловскій и объявилъ Мстиславскому опалу за то, что въ отпискахъ къ государю онъ писалъ одно свое имя, не упоминая о конюшемъ бояринѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ. Но въ тотъ же день пріѣхалъ стольникъ Иванъ Никитичъ Романовъ, правилъ боярамъ и воеводамъ отъ государя поклонъ, спрашивалъ всю рать о здоровьѣ, подалъ князю Мстиславскому и Борису Годунову золотые Португальскіе, другимъ боярамъ и воеводамъ по два золотыхъ корабельныхъ; инымъ по одному, другимъ золотые Венгерскіе. Младшіе воеводы остались на берегу, старшіе возвратились въ Москву. Здѣсь Годуновъ получилъ шубу въ тысячу рублей съ плечь государевыхъ, цѣпь золотую также съ государя, сосудъ золотой, который называли Мамай, потому что былъ взятъ въ Мамаевомъ обозѣ послѣ Куликовской битвы, три города въ Важской землѣ, званіе *слуги*, которое, какъ должны были объяснять наши послы въ Литвѣ, было честнѣе боярскаго. Князь Мстиславскій получилъ также шубу съ царскихъ плечь, ку-

бокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другіе воеводы и ратные люди получили шубы, сосуды, вотчины, помѣстья, деньги, камки, бархаты, атласы, мѣха, сукна. Нѣсколько дней были пиры у государя въ Грановитой палатѣ; въ благодарность Богу построили Донской монастырь.

Въ концѣ Іюля возвратился въ Крымъ съ войны калга; стали спрашивать его — гдѣ ханъ? а онъ ничего не знаетъ, прибѣжалъ калга скорымъ дѣломъ, войска возвратилось только треть, пришли пѣшкомъ, полону привели немного. 2 Августа пріѣхалъ самъ ханъ въ Бакчисарай, ночью, въ телѣгѣ, раненый; послѣ видѣли, что лѣвая рука у него была подвязана. Въ концѣ Августа позвали къ хану Московскаго посла Бибикова; ханъ велѣлъ ему сѣсть и началъ говорить: «Былъ я на Москвѣ, и меня не потчивали, гостямъ не ради». Посолъ отвѣчалъ: «Вольный человѣкъ царь! Ты у государя нашего укралъ, ходилъ въ его землю черезъ свое слово, да и былъ ты въ нашей землѣ и у Москвы постоялъ немножко, а еслибъ ты постоялъ побольше, то государь нашъ умѣлъ бы потчивать». Ханъ не отвѣчалъ на это ничего, позвалъ Бибикова обѣдать и послѣ обѣда велѣлъ положить на него платно золотное. Бибиковъ провѣдывалъ, для чего ханъ ходилъ въ государеву землю? Ему отвѣчали, что хану хотѣлось показать себя, потому что онъ, какъ сѣлъ на царство, на Московской украйнѣ не бывалъ, а у нихъ это безчестно, умыселъ ханскій былъ уже давно. Объясняли ему, почему ханъ побѣжалъ отъ Москвы: плѣнники сказали, что Новгородская и Псковская сила пришла, и хочетъ государь выслать на хана воеводъ своихъ; Казы-Гирей спросилъ: «Кто главный воевода?» Плѣнные отвѣчали, что Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. Тогда князья и мурзы стали говорить: «если Бориса пошлютъ, то съ Борисомъ будетъ много людей». Ханъ и побѣжалъ. Одинъ изъ князей Крымскихъ говорилъ Бибикову: «зачѣмъ государь вашъ много городовъ ставитъ на украйнахъ, на Терекѣ, на Волгѣ, около Крыма?» Бибиковъ отвѣчалъ: «Въ землѣ государевой людей умножилось, взяла тѣснота, государь сильный, для того и го-

рода ставитъ». Князь сказалъ на это: «Вашъ государь такъ же хочетъ сдѣлать, какъ надъ Казанью: сначала городъ близко поставилъ, а потомъ и Казань взялъ; но Крымъ не Казань, у Крыма много рукъ и глазъ, государю вашему надобно будетъ идти мимо городовъ въ середку».

Ханъ первый началъ сношенія съ царемъ, и черезъ два мѣсяца по возвращеніи изъ похода прислалъ гонцовъ своихъ въ Москву. На вопросъ отъ бояръ, зачѣмъ они пріѣхали? гонцы отвѣчали: «царь у государя вашего ни Казани, ни Астрахани не проситъ, только поминки бы вашъ государь прислалъ по царевой грамотѣ». Бояре велѣли сказать имъ: «Если позналъ царь неправду свою, то долженъ принести покореніе большое; поминки посылаютъ за дружбу, а видя цареву неправду и такую недружбу, поминковъ посылать незачто». Гонцы отвѣчали: «Еслибъ царь своей неправды не узналъ, то насъ къ государю вашему не послалъ бы; а государь бы вашъ Казы-Гирею царю приходъ его подъ Москву простилъ: вѣдь царь ходилъ войною, и большой досады ему не учинилъ, которою дорогою пришелъ, тою же дорогою и назадъ вышелъ». Но это наглое смиреніе оказалось хитростію: хану нужно было *оплошить* Московское правительство, какъ тогда выражались; въ Москвѣ дѣйствительно оплошали; думали, что Крымцы послѣ несчастнаго похода своего не въ состояніи скоро напасть на Украйны, и обманулись жестоко: въ Маѣ 1592 года калга Фети-Гирей ворвался въ Украйну безвѣстно, въ Рязанскія, Каширскія и Тульскія земли; Татары побили много людей, пожгли много селъ и деревень, много побрали въ плѣнъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые, не ожидая нападенія, не перебирались съ семействами въ города; полону сведено было такъ много, говоритъ лѣтописецъ, что и старые люди не запомнятъ такой войны отъ поганыхъ.

Ханъ поправился и перемѣнилъ тонъ, сказалъ гонцу царскому, отправленному къ нему еще до нападенія калги: «Дивлюсь я больше всего тому, что около Троицына дня у васъ прибылыхъ большихъ людей ни на берегу, ни на украйнѣ не

было, а которые украинскіе люди и собрались, и они были всѣ въ лѣсу, на поле не вышли и съ нашими людьми не бились, только и побились немного Литовскіе люди. Сказывали мнѣ царевичи и всѣ князья: такой войны нашимъ людямъ не бывало никогда; наши люди ни сабли, ни стрѣлы не вынимали, загоняли плѣнныхъ плетьми». Гонецъ отвѣчалъ: «Ты присылалъ къ государю гонцовъ своихъ съ любовными грамотами, и отъ того людей на украйнѣ въ сборѣ не было; если теперь такъ оплошали, то впередъ уже такъ не будетъ, не оплошится государь нашъ, положась на твое слово». Но ханъ, довольный тѣмъ, что могъ перемѣнить тонъ и снова запрашивать, не думалъ болѣе о войнѣ съ Москвою, ибо долженъ былъ участвовать въ войнахъ султана въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи. На запросы ханскіе и обычныя увѣренія, что калга нападалъ на Московскія украйны своевольно, царь велѣлъ отвѣчать ему: «Посылаемъ къ тебѣ посла съ большими поминками, а на тебѣ хотимъ еще правды посмотрѣть. Одного изъ пословъ твоихъ, Аллабердея мурзу, мы оставили у себя для большаго дѣла, чтобъ безъ добраго человѣка у насъ не было и ссылка между нами не порвалась. Когда нашъ посланникъ Семенъ Безобразовъ и твои гонцы въ Крымъ къ тебѣ придутъ, то ты тотчасъ отпусти къ намъ своего гонца легкаго и отпиши, какого своего добраго человѣка нарядишь къ намъ въ послахъ и какого большаго своего человѣка пошлешь съ нимъ въ провожатыхъ, который съ нашимъ добрымъ человѣкомъ у Ливенъ будетъ говорить о вѣчномъ мирѣ; напиши, къ какому сроку быть имъ къ Ливнамъ и взять нашего посла и твоего посла Аллабердея съ большими поминками и запросными деньгами: мы къ этому сроку пришлемъ при своемъ послѣ, князѣ Меркуріѣ Щербатомъ, и своего добраго человѣка, который съ твоимъ ближнимъ великимъ человѣкомъ о всякихъ дѣлахъ приговоритъ и размѣняется послами по прежнему обычаю: нашъ посолъ князь Щербатый и твой посолъ Аллабердей пойдутъ къ тебѣ, а твой новый посолъ и нашъ старый посланникъ Безобразовъ пойдутъ къ намъ». Посланнику Безобразову былъ данъ

наказъ: «Послано съ нимъ 1000 золотыхъ, и ему тѣ золотые держать у себя тайно; какъ онъ придетъ въ Крымскіе улусы и провѣдаетъ, что царь въ Крыму не постарому и походу на Московскія украйны не чаять, или царь ждетъ себѣ перемѣны отъ Турскаго, или есть на немъ какая-нибудь иная худоба, или будетъ у него походъ на Литву, по приказу Турскаго, то ему, Безобразову, никакъ не давать золотыхъ и держать ихъ у себя тайно, чтобъ никто не зналъ, и толмачи. А если онъ провѣдаетъ, что царь наготовѣ, собрался на государевы украйны и худобы на немъ нѣтъ никакой, то дать золотые: царю 700, калгѣ 200, Нурадину царевичу 100. Посланнику наказано было также выкупать плѣнныхъ: обыкновенно платили за дѣтей боярскихъ отъ 50 до 100 рублей, за сотника стрѣлецкаго 50, за попадью 25 рублей, за дочь княжескую 50; въ послѣдній набѣгъ попалось въ плѣнъ нѣсколько людей значительныхъ: такъ Безобразовъ долженъ былъ непремѣнно выкупить Никифора Ельчанинова, дать за него 200 рублей; непремѣнно же долженъ былъ выкупить жену Тутолмина, дать за нее 200 рублей, да отъ мужа до 200 рублей; за мать Щепотьевыхъ давать до 70 рублей, да отъ дѣтей ея до 40.

Прежде отправленія посла и знатнаго человѣка для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ, ханъ прислалъ гонца съ требованіями отъ своего и султанова имени, чтобъ сведены были Терскіе и Донскіе козаки, чтобъ царь прислалъ ему 30,000 рублей на постройку города на Днѣпрѣ, на Кошкинѣ перевозѣ, что по-русски Добрый перевозъ выше пороговъ, и велѣлъ бы отпустить въ Крымъ жену умершаго Муратъ-Гирея. Дьякъ Андрей Щелкаловъ отвѣчалъ гонцу: «Это дѣло нестаточное, государь нашъ въ этомъ Крымскаго и Турскаго не послушаетъ, мало ль что Турскій пишетъ! прежде писывалъ Турскій о Казани и Астрахани, и тому чему вѣрить? какъ было тому статься? А теперь также несхожее дѣло, Терскаго города государю нашему не снашивать, Терскій городъ поставилъ государь въ своей отчинѣ, въ Кабардинской землѣ для того: изъ давнихъ лѣтъ Кабардинскіе Черкасы холопи государевы; а бѣ-

жали изъ Рязанскихъ предѣловъ въ горы, и служили отцу государя нашего и теперь служатъ; они били челомъ, чтобъ для ихъ обереганья городъ велѣлъ на Терекѣ поставить, а теперь государю нашему отъ своей вотчины какъ отступиться?» Гонецъ сталъ опять говорить: «Царь со мною приказывалъ тайно, чтобъ государь города сносить и козаковъ сводить съ Терки (Терека) не велѣлъ, только бъ велѣлъ поманить и къ царю отписать, что Терку очиститъ, а царь объ этомъ отпишетъ къ Турскому, чтобъ Турскій далъ покой, на государя ходить ему не велѣлъ; а царь въ это время городъ на Кошкинѣ перевозѣ у Днѣпра поставитъ, всѣ Крымскіе улусы къ Днѣпру переведетъ и Перекопъ разоритъ; а на городовой бы харчъ государь послалъ къ Казы-Гирею царю 30,000 рублей». Щелкаловъ отвѣчалъ: «Какъ этому вѣрить? какъ царю отъ Турскаго отстать? и можно ли ему противъ Турскаго стоять? и какимъ обычаемъ городъ поставить и укрѣпить? и нарядъ у царя есть ли и знаетъ ли Турскій про городъ?» Гонецъ отвѣчалъ, что ханъ пришлетъ въ залежники сына и по человѣку изъ каждаго большаго рода. Съ тѣми же рѣчами гонецъ былъ у Годунова; тотъ отвѣчалъ ему о Терекѣ также отказомъ, прибавивъ: «Самъ разсуди: если кто поставитъ деревеньку, хотя и не на своей землѣ, да устроитъ ее, то даромъ не отдастъ безъ крови да безъ бою». На тайный наказъ о строеніи города и присылкѣ 30,000 рублей Борисъ отвѣчалъ: «Такой великій запросъ какъ можно выполнить? Столько денегъ и собрать нельзя, просить бы такъ, какъ чему можно статься; да чему и вѣрить? царево слово, чтб ни приказывалъ къ нашему государю, прямо никогда не бывало». — Послѣ этихъ переговоровъ въ Думѣ рѣшились отправить въ Крымъ князя Щербатаго, послать съ нимъ поминки, примѣрясь къ прежнему, до 40,000 рублей или больше, да хану послать 10,000 рублей, Муратъ-Гирееву жену отпустить.

Въ Ноябрѣ 1593 года вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отправились въ Ливны бояринъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ да оружничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій для пере-

говоровъ о вѣчномъ мирѣ съ ханскимъ уполномоченнымъ, Ахметъ-пашою. Пріѣхавши въ Ливны, Хворостининъ послалъ сказать Ахметъ-пашѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нимъ за рѣку Сосну на переговоры; Ахметъ отвѣчалъ, что ему за рѣку ѣхать невмѣстно: прежде пріѣзжалъ въ Путивль большой его братъ Муратъ князь, а съ Москвы пріѣзжалъ тогда на размѣну пословъ Андрей Нагой, который пріѣзжалъ за рѣку Сеймъ къ Мурату князю въ шатеръ; потому теперь онъ, Ахметъ-паша, государя своего имени потерять и прежняго обычая нарушить не хочетъ. — Хворостининъ возражалъ, что Андрей Нагой былъ дворянинъ обычный и великаго такого дѣла тогда не было, а теперь для великаго дѣла посланы люди великіе. Ахметъ отвѣчалъ, что и онъ у своего государя человѣкъ имянитый же, да и служба его къ царю Өедору Ивановичу вѣдома, и ему отъ хана приказъ — за Сосну не ѣздить. Когда Хворостининъ далъ знать объ этомъ затрудненіи царю, то получилъ грамоту: «Сами знаете, что по ту и по сю сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали къ Ахметъ-пашѣ, что вы для добраго дѣла и мимо нашего указа свой съѣзжій шатеръ на ихъ сторонѣ велите поставить, только бы Ахметъ-паша пріѣзжалъ къ вамъ на съѣздъ въ вашъ шатеръ». Но Хворостининъ урядился съ Ахметъ-пашею иначе: положили съѣзжаться на серединѣ рѣки на мосту. Ахметъ далъ шерть за хана и царевичей — быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ царемъ, а Хворостининъ обѣщалъ: «Если ханъ, калга и всѣ царевичи въ своей правдѣ устоятъ, лѣтомъ 1594 года на Московскія украйны воевать не будутъ, то государь осенью пословъ своихъ и другую половину запроса къ хану пришлетъ (первую половину везъ Щербатовъ), и впередъ поминки станетъ посылать ежегодно, государя нашего слово инако не будетъ, въ томъ вѣрьте намъ». Ахметъ отвѣчалъ: «Я вашимъ словамъ вѣрю». Потомъ Ахметъ сталъ говорить, чтобъ государь велѣлъ козаковъ съ Дона свести, а къ Дербенту и Шемахѣ дорогу велѣлъ очистить. Хворостининъ отвѣчалъ: «На Дону живутъ козаки воры, бѣглые люди, и, живучи на Дону,

[др]ужась съ Запорожскими Черкасами, Азовъ тѣснятъ безъ государева вѣдома и государевыхъ посланниковъ не слушаютъ. [А] теперь, какъ вашъ государь съ нашимъ государемъ укрѣ[пи]лся, то государь нашъ пошлетъ на Донъ рать свою, и ве[лѣ]лъ тѣхъ воровъ, Донскихъ козаковъ, перехватать и перевѣ[ша]ть, остальныхъ съ Дону сослать, и впередъ на Дону не [бу]детъ ни одного человѣка; а на Терку государь пошлетъ [вое]водамъ крѣпкій наказъ, чтобъ Турецкимъ людямъ тѣсноты [и] помѣшки нигдѣ не дѣлали».

Не смотря на эти соглашенія князя Хворостинина съ Ах[ме]тъ-пашею, дѣло не вдругъ уладилось въ Крыму, когда пріѣ[ха]лъ туда князь Щербатовъ съ поминками: князья, мурзы и [ула]ны пріѣхали къ послу въ станъ брать государево жалованье, нѣкоторые взяли поминки, а другіе не взяли и говорили: [«Г]осударь вашъ царь писалъ къ нашему государю, что по[сы]лъ къ намъ свое жалованье большое, а намъ и съ гонцами [пр]исылалось больше этого: кому прежде присылалось платенъ [по] десяти, тому теперь прислано пять — шесть, а шапки [ху]дыя». Посолъ говорилъ, что хану прислано 10,000 рублей, [а] калгѣ и всѣмъ князьямъ, мурзамъ и уланамъ 17,000 день[га]ми и платьемъ; на это мурзы отвѣчали: «Намъ до запрос[ны]хъ ханскихъ денегъ дѣла нѣтъ, эти деньги идутъ на горо[до]вое строеніе, платья и нашихъ денегъ съ ханскими запрос[ны]ми деньгами нельзя мѣшать». Царевичь-калга разсердился, [чт]о ему прислано денегъ мало: если хану, говорилъ онъ, [пр]ислали 10,000, то ему должны были прислать 5000. Калга [б]ранился съ ханомъ: «Ты» говорилъ онъ ему: «денегъ [мн]ого взялъ, завладѣлъ всѣмъ одинъ и идешь теперь на Вен[г]рію; а я останусь въ Крыму и пойду на Московскую украй[н]у». Ханъ также не хотѣлъ давать шерти, требовалъ, чтобъ [ца]рь ежегодно присылалъ ему по 10,000 рублей; но Ахметъ-[па]ша говорилъ хану: «Если ты теперь передъ Московскимъ [п]осломъ клятвы въ вѣчномъ мирѣ не дашь и пойдешь на сул[т]анову службу въ Венгрію, а государь Московскій съ коро[л]емъ Литовскимъ помирится, то впередъ тебѣ отъ него ничего

не видать». Ханъ призадумался, ничего не сказалъ на это, наконецъ далъ шерть, согласился написать въ шертной грамотѣ полный царскій титулъ, согласился приложить печать внизу грамоты, что̀ дѣлалъ онъ для одного Турецкаго султана: «Скажи брату моему» говорилъ онъ Щербатову: «что я ему за великую честь не постоялъ, чего при прежнихъ царяхъ не бывало». Щербатовъ настаивалъ на безденежное освобожденіе плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ; ханъ отвѣчалъ: «Которые плѣнники у князей и у мурзъ, тѣхъ мнѣ взять нельзя; у меня ни одного плѣнника нѣтъ, а еслибъ были, то я бы за нихъ брату моему никакъ не постоялъ; въ Крымскомъ юртѣ не ведется, чтобъ царю отнимать плѣнныхъ у князей и мурзъ: они тѣмъ живутъ; а у которыхъ Татаръ братья и племя въ плѣну у вашего государя, тѣхъ они окупаютъ и мѣняютъ сами, а мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ». Любопытно донесеніе Щербатова о томъ, какъ онъ разузнавалъ о нужныхъ ему вѣстяхъ: «У насъ» писалъ онъ: «полоняники старые прикормлены для твоего государева дѣла»; о распрѣ калги съ ханомъ, напримѣръ, Щербатовъ узналъ отъ стараго Русскаго плѣнника, Сеньки Иванова, который жилъ въ мельникахъ у одного мурзы. Щербатовъ доносилъ также о томъ, какъ ханъ и царевичь калга угощались на его счетъ: однажды калга ѣхалъ отъ хана мимо посольскихъ становъ, и заслалъ къ Щербатову Татарина, велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ выслалъ къ нему на поле вина, меду и чего-нибудь поѣсть; Щербатовъ послалъ вина, меду, коврижекъ, черныхъ хлѣбцовъ и постилъ. Такъ же угощалъ онъ и самого хана.

Въ Москвѣ, при переговорахъ съ Крымскимъ посломъ, встрѣтилось также затрудненіе. Посолъ требовалъ возвращенія Пашая-мурзы, который выѣхалъ съ Муратъ-Гиреемъ въ нуждѣ, *козачествомъ*, какъ онъ выражался, и по смерти Муратъ-Гирея вступилъ въ службу Московскую; государь далъ ему на волю — хочетъ ѣдетъ въ Крымъ, хочетъ остается въ Москвѣ. Посолъ просилъ свиданія съ Пашаемъ и говорилъ ему, чтобъ ѣхалъ въ Крымъ къ хану и къ отцу своему. Пашай отвѣчалъ,

что ему отъ царскаго жалованья въ Крымъ не ѣхать, здѣсь онъ пожалованъ великимъ государевымъ жалованьемъ, вотчинами и помѣстьями большими, селами и деньгами, чего всему родству его въ Крымѣ у хана не видать, и пожаловалъ его государь, велѣлъ за него дать царевну, дочь Кайбулину. Тогда Крымскіе послы и гонцы начали говорить съ сердцемъ, что онъ глупитъ, говоритъ негораздо, а дьяку Андрею Щелкалову говорили: только государь пожалуетъ, велитъ его отдать, и они его возьмутъ силою, и къ хану въ Крымъ отведутъ связавши. Дьякъ отвѣчалъ: «Если онъ ѣхать самъ не хочетъ, то государю въ неволю его не отдавать, а сердиться вамъ и въ брань говорить о томъ непригоже». Одинъ изъ Крымскихъ гонцовъ сказалъ на это: «Только государь не велитъ отдать Пашая-мурзу, то за этимъ все доброе дѣло порушится». Дьякъ отвѣчалъ: «Такія непригожія рѣчи и раздорныя слова къ доброму дѣлу не пригодны: великому государю нашему не только что хана, и никого не страшно; только хану за такія невеликія дѣла раскидывать, то государю его дружба не подъ нужду, надобно хану о томъ стараться, чтобъ государь нашъ захотѣлъ быть съ нимъ въ дружбѣ и любви». Посолъ окончилъ дѣло, сказавши: «Такъ промолвилось съ сердца, а ханъ за такія невеликія дѣла съ государемъ не раскинетъ, будетъ въ дружбѣ и въ любви во вѣки» [98].

Ясно было, что Крыму миръ былъ нуженъ, и въ Москвѣ это понимали. Война съ Австріею отвлекла Татаръ отъ Московскихъ украйнъ; она же мѣшала и султану обращать большое вниманіе на Москву, хотя онъ и не переставалъ враждебно смотрѣть на нее: причиною были: жалобы Ногайскихъ владѣльцевъ на притѣсненія отъ Москвы, и особенно дѣйствія козаковъ. Вотъ что говорилъ Московскимъ толмачамъ въ Крыму Ногайскій посолъ, пріѣхавшій къ Исламъ-Гирею: «Государь вашъ князь великій завоевалъ съ нами, пословъ Уруса князя велѣлъ обезчестить и отпустилъ ихъ съ Москвы не пожаловавъ, а козаки Волжскіе сильно обижаютъ насъ, много улусовъ у насъ повоевали, много городковъ поставили на Яикѣ

и за Яикомъ, тѣсноту намъ сдѣлали большую. Меня отправилъ Урусъ князь къ Турскому царю просить, чтобъ Турскій послалъ людей своихъ подъ Астрахань, а мы пойдемъ съ ними». Толмачи отвѣчали, что Ногаи, забывъ жалованье царя Ивана, Московскихъ пословъ велѣли грабить и безчестить, и людей своихъ посылали на Московскія украйны ежегодно. Но Турскій людей своихъ къ Астрахани не посылалъ, и Ногаи принуждены были подчиниться Москвѣ: они вѣрно и простосердечно объясняли причины, принуждавшія ихъ къ этому подчиненію; посолъ Ногайскаго князя Уруса говорилъ Московскому послу въ Крыму: «Меня Урусъ князь послалъ къ Турскому султану, чтобъ Турскій султанъ на Уруса князя и на всѣхъ мурзъ не пенялъ, что учинились въ волѣ государя Московскаго: чья будетъ Астрахань, Волга и Яикъ, того будетъ и вся Ногайская орда». Потомъ Московскій посолъ доносилъ изъ Крыма царю: «Поѣхали мурзы Ногэйскіе и всѣ лучшіе люди въ Крымъ отъ неволи, заплакавъ, пометали отцовъ и матерей, женъ, дѣтей и все имѣніе; говорятъ: «Просили у насъ Муратъ-Гирей царевичь и воеводы Астраханскіе лучшихъ людей, братью нашу и дѣтей въ закладъ: но наши отцы, дѣды и прадѣды вѣкъ свой жили, а закладовъ не давали, въ волѣ государя Московскаго бывали и присягали, но никогда надъ ними такой неволи не бывало, что̀ надъ ними дѣлаетъ теперь Муратъ-Гирей царевичь». Мурзы и всѣ лучшіе люди вслѣдствіе этого послали къ Турскому царю бить челомъ, чтобъ принялъ въ подданство.

Султанъ, разумѣется, не могъ слушать равнодушно этихъ жалобъ; не могъ равнодушно слушать и донесеній, что Донскіе козаки приходятъ подъ Азовъ безпрестанно, корабли и каторги громятъ и людей Турецкихъ побиваютъ.

Въ Іюлѣ 1584 года отправленъ былъ въ Константинополь къ султану Амурату посланникъ Благовъ извѣстить султана о восшествіи на престолъ Θеодора, объявить, что новый царь не велѣлъ съ Турецкихъ купцовъ брать пошлины и тамги, что покойный царь для султана Селима велѣлъ вывести своихъ

ратныхъ людей изъ Терской крѣпости, гдѣ живутъ теперь Волжскіе козаки, безъ государева вѣдома; что вѣрѣ магометанской нѣтъ нигдѣ тѣсноты въ Россіи: въ Касимовѣ мечети, владѣетъ тамъ магометанинъ Мустафалей; что на Дону и близко Азова живутъ козаки все бѣглые люди, иные козаки тутъ и постарѣли живучи, а ссора идетъ оттого, что Азовскіе люди съ Крымцами и Ногаями ходятъ на государевы украйны войною, много Русскихъ людей берутъ въ плѣнъ и возятъ въ Азовъ, а козаки этого не могутъ терпѣть и на нихъ приходятъ, потому что ихъ родъ и племя на украйнахъ. Благовъ настаивалъ, чтобъ султанъ отправилъ съ нимъ своего посланника въ Москву: это особенно считалось нужнымъ для того, чтобъ заявлять предъ другими государями дружественныя сношенія страшнаго и надменнаго султана съ царемъ. Паши долго не соглашались на это, говорили: « Султанъ государь великій; послы его ѣздятъ къ великимъ государямъ, къ цесарю, королю Французскому, Испанскому, Англійскому, потому что тѣ присылаютъ ему казну; а съ вами у насъ одни дѣла торговыя ». Благовъ отвѣчалъ: « Государи наши никогда къ Турскому казны не посылывали; государь бы вашъ послалъ для братской любви со мною вмѣстѣ посланника своего чауша добраго; а только государь вашъ со мною его не пошлетъ, а пошлетъ послѣ меня, то нашему государю эта присылка учинится не въ любовь и султанова посланника ко своему царскому лицу пустить не велитъ ». Паши говорили: « Вотъ тому будетъ 14 лѣтъ, какъ приходилъ отъ отца государя вашего посланникъ, и съ нимъ поминки присланы были большіе, а съ тобою поминки присланы малые не по прежнему, и государю нашему теперь для чего посылать своего посланника ». Благовъ отвѣчалъ: « Развѣ тотъ посланникъ дѣлалъ чрезъ государевъ наказъ и прибавлялъ свои поминки? и государь нашъ за то и опалу свою на него положилъ; а со мною что̀ послано, то я и довезъ ». Когда пришли къ Благову приставы и сказали, что паши велѣли взять съ него деньги за проѣздъ на кораблѣ Чернымъ моремъ, то посланникъ отвѣчалъ: « это гдѣ

водится, чтобъ посламъ не давали подводъ или корабля?» Приставы говорили: «Паши намъ сказывали, что султанъ на тебѣ деньги велѣлъ взять за то, что съ тобою поминковъ прислано мало». Благовъ отвѣчалъ: «Я привезъ то, что̀ мнѣ дано, и Амуратъ султанъ писалъ бы о томъ къ нашему государю; если на мнѣ султанъ деньги за корабль велитъ взять, то я отъ этого у государя своего въ убыткѣ не буду; но отъ такого малаго дѣла между государями братская любовь и дружба порушится и ссылки между ними впередъ не будетъ». Благовъ настоялъ на своемъ: султанъ отпустилъ съ нимъ въ Москву посланника своего Ибрагима. И этотъ посланникъ, какъ прежній, отказался отъ переговоровъ съ боярами о союзѣ между султаномъ и царемъ; но требовалъ, чтобъ ему выдали Муратъ-Гирея царевича и уняли Донскаго атамана Кишкина, нападавшаго на Азовъ. Ибрагима отпустили съ отвѣтомъ, что на Дону разбойничаютъ больше козаки Литовскіе, чѣмъ Московскіе, что Кишкинъ отозванъ въ Москву, и остальнымъ козакамъ запрещено нападать на Азовъ, а о Муратъ-Гиреѣ будетъ наказано султану съ новымъ царскимъ посломъ.

Благовъ говорилъ въ Константинополѣ всѣмъ одно о Терскихъ и Донскихъ козакахъ: «Сами знаете, что на Терекѣ и на Дону живутъ воры, бѣглые люди, безъ вѣдома государева, не слушаютъ они никого, и мнѣ до козаковъ какое дѣло?» Благовъ уже кромѣ царскаго наказа могъ дѣлать подобные отзывы о козакахъ по собственному опыту. Когда онъ ѣхалъ Дономъ, то козаки приходили на него, безчестили его, суда отнимали, много запасовъ пограбили. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ и узнали, что Благовъ возвращается вмѣстѣ съ посланникомъ султановымъ, то на встрѣчу къ нимъ отправленъ былъ Василій Биркинъ. Этотъ Биркинъ, пріѣхавъ на Донъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ атаманомъ Кишкинымъ и другими атаманами и козаками, которые государю служатъ, сыскать и перехватать грабителей, лучшихъ трехъ-четырехъ изъ нихъ привести къ государю, а другихъ за воровство бить кнутомъ на Дону; если же надъ ними такъ промыслить нельзя, то про-

мыслить надъ ними обманомъ, уговорить ихъ да и перехватать, чтобъ другимъ, на нихъ смотря, было не повадно воровать. Въ Москву дали знать, что перешелъ съ Волги на Донъ атаманъ Юшка Несвитаевъ съ товарищами и хочетъ воровать, приходить на Благова: Биркину и Кишкину велѣно было его схватить и привести въ Москву; если же Юшка исправится и станетъ служить и прямить, то надъ нимъ ничего не дѣлать. Биркинъ доносилъ, что козаки на морѣ захватили Черкесъ рыболововъ; Биркинъ сталъ имъ говорить, чтобъ они отпустили Черкесъ, ибо отъ этого можетъ пострадать царскій посланникъ въ Константинополѣ, Благовъ; козаки отвѣчали ему, что за Благова не только не отпустятъ плѣнниковъ, но и волоса не дадутъ сорвать у себя; козаки, которые служили государю, говорили Биркину, что другіе козаки непремѣнно хотятъ громить Благова и Турецкаго посланника, и не отпустятъ ни одного человѣка живаго, чтобъ къ Москвѣ вѣсти не было. О намѣреніи козаковъ громить Благова и Турецкаго посланника узнали и въ Азовѣ, куда принесъ эти вѣсти бусурманинъ Магметъ, который былъ прежде Донскимъ козакомъ: тогда Турецкій посланникъ не захотѣлъ ѣхать изъ Азова, и Благова долго здѣсь задерживали, требуя, чтобъ Донскіе козаки дали клятву не громить посланниковъ; за плѣненныхъ козаками Черкесъ взяли у Благова толмача да подъячаго.

Не ранѣе Апрѣля 1592 года отправленъ былъ второй посланникъ изъ Москвы въ Константинополь, дворянинъ Нащокинъ. Въ думѣ рѣшили: пригоже къ Турскому послать посланника, чтобъ ссылки не порвались; пригоже прежнія ссылки припомянуть и про то объявить, отъ чего посланникъ позамѣшкался; да о присылкѣ Персидскаго шаха объявить, что присылалъ просить союза и рати, но государь ему рати не далъ и пословъ его отпустилъ ни съ чѣмъ; о цесаревой присылкѣ также приказать устно, что цесарь и союзники его, папа, короли Испанскій и Польскій, уговариваютъ царя воевать съ султаномъ, но царь ихъ не слушаетъ; провѣдать на султанѣ: въ дружбу ли ему это будетъ? да и вѣстей всякихъ провѣдать.

Нащокинъ долженъ былъ сказать султану, что государь такъ долго не отправлялъ къ нему посланника потому, что король Польскій не пропускалъ пословъ чрезъ Литву, а на Дону живутъ Литовскіе козаки, сложась съ нашими измѣнниками, Донскими козаками; наконецъ потому, что зашли многія дѣла, походъ на Шведовъ. Между прочимъ Нащокину дана была такая память: пріѣзжалъ къ государю Терновскій митрополитъ Діонисій и сказывалъ приказнымъ людямъ, что у Турскаго султана ближній человѣкъ Иванъ Грекъ, родственникъ ему, митрополиту; митрополитъ обѣщалъ государю служить и всякими дѣлами промышлять и что̀ провѣдаетъ, государевымъ посланникамъ приказывать, и къ Ивану Греку послано съ нимъ государево жалованье. Такъ, когда посланникъ въ Царьградъ пріѣдетъ, то ему съ митрополитомъ Терновскимъ и съ Іереміею патріархомъ обосляться тайно, чтобъ митрополитъ вмѣстѣ съ патріархомъ государю служилъ, султановыхъ ближнихъ людей на то приводилъ, чтобъ государю служили и султана на всякое добро наводили, чтобъ онъ съ государемъ захотѣлъ быть въ крѣпкой дружбѣ и въ любви, посланника государева отпустилъ бы съ добрымъ дѣломъ и съ нимъ вмѣстѣ отправилъ бы своего посланника, добраго человѣка. Если патріархъ и митрополитъ станутъ государю служить и станутъ просить списка съ государевой грамоты, которая послана къ султану, чтобъ имъ знать государево дѣло, чѣмъ промышлять, то Нащокину списокъ дать и отослать его тайно, и государево жалованье Ивану Греку отослать тайно же.

Къ Донскимъ козакамъ, «которые атаманы и козаки на Дону вверху и которые на низу близко Азова,» послана была царская грамота съ убѣжденіемъ, чтобъ они въ то время, какъ Нащокинъ пойдетъ въ Азовъ, жили съ Азовскими людьми мирно, и которые Азовскіе люди будутъ ходить на Донъ по прежнему для рыбныхъ ловель и дровъ, тѣхъ не задирали бы; чтобъ плѣнныхъ Турокъ и Черкесъ отдали, за что̀ царь пожалуетъ ихъ великимъ жалованьемъ; козакамъ было объявлено также, что въ то время, какъ Нащокинъ будетъ въ Турціи, на Дону бу-

детъ жить сынъ боярскій Хрущовъ, съ которымъ они не должны пропускать воинскихъ людей на государевы украйны.

Когда Нащокинъ объявилъ козакамъ волю государеву, то они отвѣчали: «Тебя, посланника, провожать и государю служить мы готовы; но плѣнниковъ намъ отдать нельзя: взяли мы ихъ своею кровью, а ходили эти Черкесы за нами сами и нашихъ головъ искали, а не мы на нихъ ходили; которыхъ нашу братью атамановъ и козаковъ берутъ Азовскіе люди, тѣхъ на каторги сажаютъ, и не только что не отдаютъ даромъ, и на окупъ не даютъ, во время мира перехватали козаковъ 24 человѣка и на каторги посажали, а эту зиму больше 100 человѣкъ по городкамъ Азовскіе люди съ Черкесами взяли и на каторги распродали; и то къ намъ государево нежалованье, что хочетъ взять у насъ плѣнниковъ, которыхъ мы добыли своею кровью». Сказавши это, козаки отошли отъ Нащокина, стали въ кругъ и начали читать государевы грамоты; прочтя ихъ, всѣ атаманы и козаки говорили между собою шумно, что имъ плѣнниковъ не отдавать; потомъ нѣкоторые подошли опять къ послу и начали говорить: «Прежде государь насъ жаловалъ, писывалъ къ намъ въ грамотахъ: низовымъ атаманамъ, и лучшихъ называлъ по имени, а потомъ приписывалъ: и всѣмъ атаманамъ низовымъ и верховымъ; а теперь писано напередъ атаманамъ и козакамъ верховымъ, и потомъ уже намъ, низовымъ, и то не поимянно; но верховые козаки государевой службы не знаютъ. Если государь теперь съ вами прислалъ окупъ, то мы плѣнниковъ отдадимъ, а безъ окупу намъ ихъ отдать нельзя: только намъ теперь отдать ихъ безъ окупу, и намъ тѣхъ окуповъ не видать и въ 10 лѣтъ, а къ Москвѣ намъ по тѣ окупы не ѣздить; если же вамъ велѣлъ государь тѣхъ плѣнниковъ взять у насъ силою, то вы у насъ возьмите ихъ изъ крови, а мы, пересѣкши ихъ, пойдемъ куда очи несутъ, уже то у насъ готово пропало». Нащокинъ отвѣчалъ: «Отъѣздомъ вамъ государю грозить непригоже, холопы вы государевы и живете на государевой отчинѣ». Козаки на это сказали: «Если къ намъ государево нежалованье, то намъ впередъ на Дону какъ жить, что

ужъ впередъ у насъ плѣнниковъ окупать не станутъ? ... возьмемъ, а Турскій станетъ писать къ государю, и госуд... станетъ у насъ даромъ брать и къ Турскому отсылать: и на... на Дону чѣмъ жить?» Когда Нащокинъ сталъ имъ говори... чтобъ жили въ мирѣ съ Азовомъ, пока онъ сходитъ въ К... стантинополь, то козаки отвѣчали: «Намъ теперь черезъ пр... піе обычаи самимъ о миру задирать непригоже, а вотъ ... товарищи на морѣ, Василій Жегулинъ съ товарищами 800 ... ловѣкъ, и намъ, ихъ не выждавъ, какъ мириться?» — Посла... никъ привезъ козакамъ государево жалованье, сукна, и хот... раздавать ихъ по наказу — лучшимъ хорошія, а рядовымъ ... хуже; но козаки сказали, что у нихъ большихъ нѣтъ — ни... всѣ ровны и раздѣлятъ сами на все войско, по чему достане... Когда наконецъ Нащокинъ сталъ имъ говорить, чтобъ они с... жили государю съ Хрущовымъ, то они отвѣчали: «Прежде ... служили государю и головъ у насъ не бывало, служи... своими головами, и теперь ради государю служить своими ... ловами, а не съ Хрущовымъ». Но одними словами дѣло ... кончилось: по возвращеніи съ моря атамана Жегулина, коза... въ числѣ 600 человѣкъ, пришли къ посольскому шатру ... саблями и ручницами, и кричали, чтобъ Нащокинъ показа... имъ государевъ наказъ. Посланникъ отвѣчалъ, что наказъ да... о многихъ дѣлахъ, и показывать его нельзя, если же они при... шли грабить государеву казну, то онъ, посланникъ съ свои... людьми, готовъ помереть за нее. Козаки шумѣли много, се... литру и запасы государевы взяли силою; потомъ схватили Дон... скаго атамана Васильева, пріѣхавшаго съ Нащокинымъ из... Москвы, били его ослопами и посадили въ воду передъ шатро... посольскимъ. Этотъ Васильевъ уговаривалъ ихъ, чтобъ они из... мѣны свои покрыли, государю не грубили и плѣнниковъ выда...

Нащокинъ послѣ многихъ затрудненій достигъ Константино... поля и справилъ свое посольство; султанъ уже отпустилъ ег... и рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ отправить своего посланника в... Москву, какъ вдругъ пришли вѣсти, что Донскіе козаки взяли у Азовцевъ въ плѣнъ 130 человѣкъ и что царь Московскій

поставилъ на Дону и на Терекѣ четыре новыхъ города. Тогда великій визирь сказалъ Нащокину: «Это ли любовь вашего государя къ нашему? за это вѣдь пригоже за сабли да воеваться, а не дружиться! Если государь вашъ велитъ съ Дону козаковъ свести, и государь нашъ также Крымскаго хана, Азовскихъ и Бѣлгородскихъ людей велитъ унять. Вы говорите: Донскіе козаки вольные люди, воруютъ безъ вѣдома вашего государя; Крымскіе и Азовскіе люди также вольные. Впередъ только государь вашъ не сведетъ съ Дону козаковъ, и я вамъ говорю по Богу: не только Крымскому и Ногаямъ велимъ ходить, но сами пойдемъ своими головами со многою ратью, сухимъ путемъ и водянымъ, съ нарядомъ и городомъ, хотя и себѣ досадимъ, а ужь сдѣлаемъ это, и тогда миру не будетъ». Нащокинъ отвѣчалъ: «Далъ бы Богъ, чтобъ между государями впередъ братская любовь утвердилась; а теперь если Крымскій ханъ и пойдетъ на государевы украйны, то воля Божія: государя нашего рать противъ него готова, и не угадать, кому чтò Богъ дастъ. Лучше бы Крымскаго унять, чтобъ впередъ между государями братская любовь не рушилась». Визирь сказалъ на это: «Правда: когда люди съ людьми сшибутся, то будетъ убытокъ на обѣ стороны, да уже не воротишь. А намъ стало досадно, чтò сдѣлали ваши козаки? За такія дѣла надъ послами опала бываетъ; но государь нашъ надъ вами за это ничего сдѣлать не велѣлъ, потому что у насъ того въ обычаѣ не ведется, и отпуститъ васъ къ вашему государю по прежнему обычаю, а съ вами вмѣстѣ посылаетъ своего посланника».

Когда Нащокинъ далъ знать объ этомъ въ Москву, то на Донъ отправлена была царская грамота: «Если вы начнете съ Азовскими людьми какой-нибудь задоръ и между нами и Турскимъ сдѣлаете этимъ недружбу, то вамъ отъ насъ быть въ опалѣ и въ Москвѣ вамъ никогда уже не бывать; пошлемъ на низъ Дономъ къ Раздорамъ большую свою рать, велимъ поставить городъ на Раздорахъ и васъ сгонимъ съ Дону: тогда вамъ отъ насъ и Турскаго султана гдѣ избыть? Такъ вы бы службу свою показали: перебравъ лучшихъ атамановъ и мо-

лодцовъ конныхъ, послали на Калміусъ на Арослановъ улусъ, улусъ его погромили бы, языковъ добрыхъ добыли и къ намъ съ этими языками товарищей своихъ прислали, чтобъ намъ про ханское умышленье и про его походъ вѣдомо было. Если же до приходу въ Азовъ нашего и Турскаго посланниковъ ханъ или царевичи его пойдутъ на наши украйны и съ ними Азовскіе люди, то вы бы всѣ на коняхъ шли подъ нихъ на перевозъ и на дороги и на Донецъ Сѣверскій, и надъ ними нашимъ дѣломъ промышляли; а гдѣ сойдетесь на Донцѣ съ нашими людьми Путивльскими и съ Запорожскими Черкасами, которые придутъ по нашему указу подъ хана на Донецъ (а велѣно Черкасамъ Запорожскимъ, гетману Христофу Косицкому и всѣмъ атаманамъ и Черкасамъ быть на Донцѣ на дорогахъ и за ханомъ идти къ нашимъ украйнамъ): то вы бы промышляли съ ними, съ нашимъ дворяниномъ, который съ ними будетъ вмѣстѣ заодно».

Но козаки не только не хотѣли показать своей службы, по царскимъ требованіямъ, даже не хотѣли дать провожатыхъ для пословъ. Князь Волконскій, отправленный встрѣчать Турецкаго посланника подъ Азовъ, доносилъ царю: «Донскіе атаманы и козаки о провожаньи намъ отказали, что имъ неволею послать провожатыхъ нельзя, а которые охотники сами захотятъ ѣхать, то они имъ не запрещаютъ; но охотниковъ съ нами идетъ только человѣкъ съ тридцать. Хотѣли съ нами идти въ провожатыхъ атаманы и козаки многіе; но пріѣхалъ съ украйны на низъ въ войско козакъ Нехорошко Картавый, который сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Серпухова, и сказывалъ козакамъ, что на Москвѣ ихъ товарищамъ нужда большая, твоего государева жалованья имъ не даютъ, на Донъ не пускаютъ, служатъ на своихъ коняхъ, корму имъ не даютъ, а иныхъ въ холопи выдаютъ. Услыхавши это, многіе атаманы и козаки съ нами ѣхать раздумали, а которые охотники съ нами ѣдутъ, и тѣмъ мы не вѣримъ, потому что побѣжали отъ Донскихъ козаковъ 40 человѣкъ, думаемъ, что пошли къ Черкасамъ».

Турецкій посланникъ, Резванъ, пріѣхавши въ Москву, объявилъ тѣ же требованія, о которыхъ Нащокинъ слышалъ уже отъ визиря въ Константинополѣ, то-есть, чтобъ Донскіе козаки были сведены и крѣпости на Дону и Терекѣ разрушены. Государь приговорилъ съ боярами: Турскаго посланника отпустить, а съ нимъ вмѣстѣ къ Амурату султану отправить своего посланника для того, чтобъ ссылка впередъ не порвалась; противъ грамоты султановой отписать, что государь чрезъ Кабардинскую землю Турецкимъ людямъ, которые станутъ ходить въ Дербентъ и Шемаху, дорогу отворяетъ; а про козаковъ отписать по прежнему, что на Дону живутъ воры, бѣглые люди, и, соединясь съ Литовскими Черкасами, Турецкимъ городамъ тѣсноту дѣлаютъ безъ государева вѣдома; а городовъ государевыхъ на Дону нѣтъ». Новымъ посломъ былъ назначенъ дворянинъ Ислѣньевъ, который отправился въ Іюлѣ 1594 года. Ислѣньевъ долженъ былъ отдать грамоту и жалованье Терновскому митрополиту и сказать ему: «Какъ былъ посланникъ-Нащокинъ, то ты государю служилъ, и эта твоя служба государю извѣстна, послужи и теперь». Къ патріарху повезъ Ислѣньевъ паробка для наученья Греческому языку [99]. Подробности переговоровъ этого посла намъ неизвѣстны; изъ сношеній съ Австрійскимъ дворомъ узнаемъ, что Ислѣньевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ новымъ султаномъ Магометомъ III..

Изо всѣхъ этихъ переговоровъ мы видимъ, что султанъ, кромѣ сведенія козаковъ съ Дону, требовалъ еще уничтоженія крѣпости Московской на Терекѣ. Мы видѣли, какъ послѣ взятія Астрахани Московское государство должно было войдти въ сношенія съ народцами Кавказскими, которые, враждуя другъ съ другомъ, боясь Турокъ и Крымцевъ, требовали его покровительства, предлагали подданство; Іоаннъ IV вошелъ въ родственный союзъ съ Черкесскими владѣтелями и построилъ крѣпость на Терекѣ, которую потомъ оставилъ, по требованію султана. При Ѳеодорѣ, въ 1586 году, явились въ Москвѣ послы отъ Кахетинскаго князя Александра, который, угрожаемый

съ одной строны Турками, съ другой Персами, билъ челомъ со всѣмъ народомъ, чтобъ единственный православный государь принялъ ихъ въ свое подданство, спасъ ихъ жизнь и душу. Царь принялъ Александра въ подданство: отправлены были въ Кахетію учительные люди, монахи, священники, иконописцы, чтобъ возстановить чистоту христіанскаго ученія и богослуженія среди народа, окруженаго иновѣрцами; дана была и помощь матеріальная: отправленъ снарядъ огнестрѣльный, Терская крѣпость исправлена и занята стрѣльцами; изъ Москвы требовали, чтобъ Александръ доставилъ въ эту крѣпость запасы на 2500 чееловѣкъ, но онъ отказался: «для дальной дороги, для горъ высокихъ, да и запасу собрать столько нельзя». Московскому войску легко было защитить Александра отъ владѣльца Тарковскаго (Шевкала), сдѣлать послѣднему утѣсненіе великое и отнять у него рѣку Койсу, вслѣдствіе чего онъ и билъ челомъ государю; но нельзя было рѣшиться за Кахетію вступить въ явную борьбу съ страшными Турками: Турки требовали отъ Александра запасовъ и пропуска войскамъ ихъ чрезъ его землю въ Дербентъ и Баку; Александръ отвѣчалъ: «съ запасомъ чрезъ свою землю не пущу, и своихъ запасовъ не дамъ: я холопъ царя Русскаго, а Турскаго не боюсь». Но изъ Москвы дали ему знать, чтобъ онъ жилъ съ Турскимъ, переманивая его, пока промыслъ надъ нимъ учинится. Александръ видѣлъ, что чрезъ подданство Москвѣ онъ не достигъ главной цѣли своей, не можетъ надѣяться скорой и сильной обороны, видѣлъ, что ему совѣтуютъ по прежнему, какъ слабому, хитрить съ сильными, переманивать ихъ, и потому не могъ быть усерденъ. Онъ билъ челомъ, чтобъ государь опять послалъ на Шевкала большую рать, взялъ Тарки и посадилъ тутъ изъ своихъ рукъ свата Александрова, Крымъ-Шевкала. Изъ Москвы отвѣчали, что рать будетъ отправлена, но чтобъ и онъ, съ своей стороны, послалъ туда же свою рать съ сыномъ и сватомъ; Московскій воевода князь Хворостининъ дѣйствительно вошелъ въ землю Шевкалову, и взялъ Тарки, но понапрасну дожидался полковъ Кахетинскихъ; вмѣ-

сто нихъ явились непріятели, разные горскіе народцы; Хворостининъ принужденъ былъ разорить Тарки и выступить оттуда; но онъ возвратился на Терекъ съ немногими людьми: 3000 человѣкъ было у него истреблено Горцами. Было ясно, что Московское государство въ концѣ XVI.вѣка еще не могло поддерживать такихъ отдаленныхъ владѣній; но Өеодоръ уже принялъ титулъ государя земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей [100].

Ведя переговоры съ императоромъ Нѣмецкимъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ и приказывая посламъ говорить султану, что царь, изъ дружбы къ нему, не слушаетъ предложеній императора, королей и папы, Годуновъ въ то же время велъ переговоры съ Персіею о томъ же самомъ союзѣ противъ Турокъ, и такъ же Московскіе послы утверждали въ Константинополѣ, что царь не слушаетъ предложеній шаха. Неудачная борьба съ Турками заставила шаха Годабенда въ 1586 году предложить царю союзъ противъ султана; шахъ не щадилъ обѣщаній, говорилъ, что отдастъ Русскимъ Баку и Дербентъ, если даже и самъ возьметъ ихъ у Турокъ. Сынъ его, Аббасъ Великій, продолжалъ сношенія все съ тою же цѣлію; этотъ, кромѣ Дербента и Баку, уступалъ царю Кахетію, владѣніе Русскаго присяжника *Александра;* посолъ его, склоняя Годунова къ союзу, говорилъ, что такіе два великіе государя, какъ царь и шахъ, не только смогутъ стоять противъ Турскаго, но и сгонятъ его съ государства. Отъ этого новаго союзника Московскому правительству нечего было позаимствовать хорошаго въ нравственномъ отношеніи. Аббасъ велѣлъ сказать Годунову, что перемиріе, заключенное имъ съ султаномъ, есть только хитрость, что онъ отдалъ Туркамъ въ заложники шестилѣтняго племянника своего — и это ничего: «вѣдь племянника своего мнѣ убить же было». Посолъ Персидскій также говорилъ Годунову: «одинъ племянникъ шаховъ у Турскаго, а двое у шаха посажены по городамъ и глаза у нихъ повынуты; государи наши у себя братьевъ и племянниковъ не любятъ». И переговоры съ Персіею о союзѣ

противъ Турокъ кончились такъ же, какъ и переговоры съ Австріею — ничѣмъ [101].

Но если Московское государство не могло утвердить свою власть на юговостокѣ, въ странахъ Кавказскихъ, по условіямъ мѣстнымъ и по столкновенію тамъ съ государствами магометанскими, бывшими тогда еще во всей силѣ, то оно могло безпрепятственно распространять свои владѣнія въ обычномъ направленіи, къ сѣверовостоку. Въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ и при Ѳеодорѣ, какъ при отцѣ его, волновались Черемисы, но были укрощаемы; главнымъ средствомъ къ ихъ усмиренію служили постройки городовъ, населенныхъ Русскими людьми: Цывильска, Уржума, Царева-города на Кокшагѣ, Санчурска и другихъ. Русскіе люди успѣли утвердиться и за Ураломъ, въ Сибири, куда при Іоаннѣ IV проложили дорогу козаки съ Ермакомъ. Мы видѣли, что Грозный, узнавъ объ успѣхахъ послѣдняго, послалъ въ Сибирь воеводъ князя Болховскаго и Глухова. Эти воеводы соединились съ Ермакомъ осенью 1583 года, были приняты съ большою честію, козаки надарили имъ дорогихъ мѣховъ, но не озаботились главнымъ — собраніемъ съѣстныхъ припасовъ на зиму для гостей. Сдѣлался голодъ между Русскими и много померло козаковъ и Московскихъ служилыхъ людей, въ томъ числѣ и воевода князь Болховской. Весною 1584 года голодъ прекратился, но постигли несчастія другаго рода: Карача, который покинулъ Кучума послѣ плѣна Маметкулова, стоялъ съ своимъ улусомъ на рѣкѣ Тарѣ; онъ прислалъ къ Ермаку просить помощи противъ Ногайской орды; Ермакъ, повѣривъ одной шерти, не взявши заложниковъ, отправилъ къ нему Ивана Кольцо съ сорока человѣками казаковъ, которые всѣ были измѣннически истреблены Карачею; другой атаманъ, Яковъ Михайловъ, подошедшій къ улусу на развѣдку, былъ также убитъ. Послѣ этого Карача облегъ малочисленныхъ козаковъ въ городѣ и стоялъ съ половины Іюня, желая выморить Русскихъ голодомъ; но въ одну ночь, когда улусники спали, ничего не подозрѣвая, атаманъ Мещерякъ вышелъ изъ города

и ударилъ на непріятельскій станъ; Карача, потерявши двоихъ сыновей, побѣжалъ изъ стана; на разсвѣтѣ улусники собрались и дали битву козакамъ въ надеждѣ подавить ихъ числомъ, но Мещерякъ, засѣвши въ стану Карачи, отбивался до полудня и заставилъ непріятеля отступить; Карача потерялъ надежду одолѣть козаковъ и ушелъ за Ишимъ. Но торжество козаковъ не было продолжительно: Бухарскіе купцы дали знать Ермаку, что Кучумъ не пропускаетъ ихъ въ городъ Сибирь; Ермакъ съ небольшимъ отрядомъ (50 человѣкъ) отправился по Иртышу къ нимъ на встрѣчу, не нашелъ ихъ, и съ 5-го на 6-е Августа расположился ночевать на берегу рѣки; козаки, утомленные путемъ, крѣпко заснули, а на другомъ берегу не спалъ Кучумъ. Въ глубокую ночь, подъ проливнымъ дождемъ, онъ переправился черезъ рѣку, напалъ на сонныхъ козаковъ и истребилъ ихъ; Ермакъ, какъ носился слухъ, желая достигнуть своего струга, утонулъ въ Иртышѣ.

После голода и трехъ пораженій, козаковъ осталось такъ мало въ Сибири, что атаманъ Мещерякъ счелъ невозможнымъ оставаться здѣсь долѣе, и выступилъ по дорогѣ на Русь. Сибирь снова была занята Кучумомъ, который однако скоро былъ выгнанъ изъ нея соперникомъ своимъ Сейдякомъ. Но эти князьки недолго могли на свободѣ выгонять другъ друга. Новое правительство Московское высылало въ Сибирь воеводу за воеводой. Осенью 1585 года пришелъ воевода Мансуровъ, который поставилъ городокъ на Оби, при устьѣ Иртыша; Остяки пришли осаждать его и принесли съ собою славнаго идола, къ которому на поклоненіе ходили изъ дальнихъ мѣстъ; но пушечное ядро, вылетѣвшее изъ Русскаго городка, разбило его, и Остяки, потерявши надежду на свое божество, не безпокоили больше Русскихъ; мало того: Лугуй, князь двухъ городовъ и четырехъ городковъ на Оби, пріѣхалъ въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ Русскіе ратные люди, которые сидятъ въ городѣ на устьѣ Иртыша, не воевали его племени и людей, а онъ будетъ давать дань въ Вымской землѣ приказнымъ людямъ. За то, что онъ пріѣхалъ прежде всѣхъ бить

челомъ, государь его пожаловалъ, велѣлъ привозить дань ему самому или его братьямъ, или племянникамъ, по семи сороковъ соболей лучшихъ [102]. Воеводы Сукинъ и Мясной основали на берегу Туры городъ Тюмень, а воевода Чулковъ въ 1587 году основалъ Тобольскъ; Сейдякъ вздумалъ было приступить къ этому городу, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Соперникъ его Кучумъ держался въ Барабинской степи и нападалъ на Русскія владѣнія; въ 1591 году воевода князь Кольцовъ-Мосальскій разбилъ его близь озера Чили-Кула, взялъ въ плѣнъ двухъ женъ его и сына, Абдулъ-Хаира. Послѣ этого Кучумъ обратился къ царю съ просьбою, чтобъ тотъ отдалъ ему юртъ и отпустилъ племянника Магметъ-Кула, а онъ, Кучумъ, будетъ подъ царскою высокою рукою; три года ему не было отвѣта, но на четвертый, какъ видно, Кучумъ опять показался опасенъ, и въ 1597 году отправлена была къ нему царская грамота, въ которой, перечисливши всѣ грубости Кучума при царѣ Іоаннѣ и послѣ, Ѳеодоръ писалъ: «Теперь въ нашей отчинѣ, въ Сибирской землѣ города поставлены, въ нихъ осадные люди съ огненнымъ боемъ устроены; а большой своей рати въ Сибирскую землю на тебя послать мы не велѣли для того, что ожидаемъ отъ тебя обращенья; а еслибъ наша большая рать послана была въ Сибирь, то тебя бы нашли гдѣ бъ ты ни былъ, и неправды твои тебѣ отомстили бы. Мы, великій государь, хотѣли тебя пожаловать, устроить на Сибирской землѣ царемъ, а племянникъ твой Магметъ-Кулъ устроенъ въ нашемъ государствѣ, пожалованъ городами и волостями по его достоинству и служитъ нашему царскому величеству. А какъ ты козакомъ кочуешь на полѣ съ немногими людьми, то намъ извѣстно. Ногайскіе улусы, которые кочевали вмѣстѣ съ тобою, на которыхъ была тебѣ большая надежда, отъ тебя отстали; Чинъ-Мурза отъѣхалъ къ нашему царскому величеству, остальные твои люди отъ тебя пошли прочь съ двумя царевичами, а иные пошли въ Бухары, Ногаи, въ Козацкую орду, съ тобою теперь людей немного, это намъ подлинно извѣстно; да хотя бъ съ тобою было и

много людей, то тебѣ, по своей неправдѣ, противъ нашей рати какъ стоять? Знаешь и самъ, какія были великія мусульменскія государства Казань и Астрахань: и тѣ отецъ нашъ, пришедши своею царскою *персоною*, взялъ; а тебѣ, будучи на полѣ и живучи козакомъ, отъ нашей рати и огненнаго боя какъ избыть? Теперь за твои прежнія грубости и неправды пригоже было намъ на тебя послать свою рать съ огненнымъ боемъ и тебя совсѣмъ разгромить. Но мы, истинный христіанскій милостивый государь, по своему царскому милосердому обычаю, смертнымъ животъ даемъ и виннымъ милость кажемъ, видя тебя въ такой невзгодѣ, наше жалованное и милостивое слово тебѣ объявляемъ, чтобъ ты ѣхалъ къ нашему царскому величеству безо всякаго сомнѣнія: захочешь быть въ нашемъ государствѣ Московскомъ, при нашихъ царскихъ очахъ, и мы тебя устроить велимъ городами и волостями и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству; а если, бывши у насъ, захочешь быть на прежнемъ своемъ юртѣ въ Сибири, и мы тебя пожалуемъ на Сибирской землѣ царемъ и станемъ тебя держать милостиво». Кучумъ отвѣчалъ требованіемъ Иртышскаго берега, писалъ къ Тарскимъ воеводамъ: «До сихъ поръ я пытался противъ васъ стоять, Сибирь не я отдалъ, сами вы взяли. Теперь попытаемся помириться: на концѣ не будетъ ли лучше? съ Ногаями я въ союзѣ, и только съ обѣихъ сторонъ станемъ, то княжая казна шатнется; я хочу помириться правдою, и для мира на всякое дѣло уступки сдѣлаю». О дальнѣйшихъ сношеніяхъ мы не знаемъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, они прекратились вслѣдствіе несогласія Кучума ѣхать въ Москву. Не скоро успокоились и другіе князьки: такъ въ Іюлѣ 1592 года царь писалъ Строгановымъ, чтобъ они собрали съ своихъ городовъ сотню ратныхъ людей, давали имъ найму помѣсячно и запасовъ дали бы на всю осень и зиму: изъ нихъ 50 человѣкъ пѣшихъ, которые должны были идти въ Сибирь съ воеводою Траханіотовымъ, и 50 конныхъ, назначенныхъ на войну противъ Пелымскаго князя. Но самымъ вѣрнымъ средствомъ укрѣ-

пленія Сибири за Москвою было построеніе городковъ, населеніе ихъ и мѣстъ окрестныхъ Русскими людьми: въ царствованіе Өеодора были построены: Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымъ, Кетскій острогъ [103].

ГЛАВА IV.

Московское государство отдыхаетъ при Θеодорѣ. Поддержанiе царской власти въ интересахъ правителя — Годунова. Дума. Управленiе. Доходы. Углубленiе въ степь; построенiе городовъ. Укрѣпленiе старыхъ. Войско. Козаки. Мѣстничество. Подмога посламъ. Закрѣпленiе крестьянъ. Умноженiе пустынныхъ пространствъ и значенiе этого явленiя въ Русской исторiи. Церковь. Учрежденiе патрiаршества. Поповскiе старосты. Монастырское благочинiе; монастырскiя имущества. Законодательство временъ Θеодоровыхъ. Нравы и обычаи.

Царствованiе Грознаго было тяжело не для одного только сословiя, которое особенно испытывало гнѣвъ царскiй, не для однихъ только тѣхъ мѣстъ, которыя были разгромлены Iоанномъ: кромѣ того, что земщина должна была испытывать отъ опричнины, страшно изнурительны были безпрерывныя войны, и государство, при восшествiи на престолъ Θеодора, находилось въ самомъ незавидномъ положенiи. На соборѣ, созванномъ въ Iюлѣ 1584 года, было положено отставить тарханы для воинскаго чина и оскудѣнiя, «пока земля поустроится и помощь во всемъ учинится царскимъ осмотрѣнiемъ»[103]. Въ тринадцатилѣтнее царствованiе Θеодора земля имѣла возможность поустроиться, потому что продолжительныхъ войнъ не было, а правитель Годуновъ, тамъ гдѣ дѣло не шло о его личныхъ выгодахъ, любилъ показывать свое попеченiе о благѣ общемъ, свою вражду къ злоупотребленiямъ лицъ правитель-

ственныхъ, свое милосердіе, и потому современники имѣли право прославлять царствованіе Θеодора какъ счастливое, безмятежное, въ которое и начальные люди и все православное христіанство начали отъ бывшей скорби утѣшаться.

Годуновъ дѣйствовалъ именемъ царскимъ, былъ силенъ властію, отъ царя истекавшею, властію, которая давала ему средство осиливать людей знатнѣйшихъ: естественно, что въ выгодахъ Годунова было поддерживать царское значеніе на той высотѣ, на которую оно было возведено государями предшествовавшими. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ напримѣръ для временнаго прекращенія тархановъ, по поводу переговоровъ съ Польшею и т. п., созывались соборы или чрезвычайныя собранія думы, гдѣ кромѣ бояръ и думныхъ людей присутствовало духовенство. По свидѣтельству Флетчера, царь приказывалъ призывать на соборъ тѣхъ изъ принадлежавшихъ къ думѣ вельможъ, которыхъ самъ заблагоразсудитъ; патріархъ же приглашалъ, кромѣ митрополитовъ и архіепископовъ, тѣхъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовались особенною извѣстностію и уваженіемъ. Соборы обыкновенно созывались по пятницамъ, въ столовой палатѣ; царь садился на тронѣ, недалеко отъ него, за небольшимъ четыреугольнымъ столомъ, за которымъ могли помѣститься человѣкъ двѣнадцать, садился патріархъ съ духовенствомъ и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ членовъ думы, съ двумя дьяками, которые записывали все, что̀ происходило; прочіе члены садились на скамьяхъ около стѣны. Потомъ одинъ изъ дьяковъ излагалъ содержаніе дѣла, для разсужденія о которомъ созванъ соборъ; спрошенныя о мнѣніи духовныя лица обыкновенно отвѣчали, что государь и дума его премудры, опытны, гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что̀ полезно для государства, потому что они, духовные, занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до религіи, и потому просятъ государя и думныхъ людей сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ помогать имъ молитвами.

Относительно управленія все государство раздѣлялось на

четыре части, называемыя четвертями или четями: первая Посольская, находившаяся въ вѣдѣніи думнаго дьяка Андрея Щелкалова, получавшаго 100 рублей жалованья; вторая Разрядная, въ вѣдѣніи Василья Щелкалова, за котораго управлялъ Сапунъ Абрамовъ; жалованье и здѣсь было тоже — 100 рублей; третья четь Помѣстная, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Елизара Вылузгина, получавшаго 500 рублей жалованья; четвертая Казанскаго дворца, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Дружины Пантелѣева, человѣка замѣчательнаго по уму и расторопности; онъ получалъ 150 рублей въ годъ. Въ царскихъ грамотахъ четверти называются по имени дьяковъ, ими управлявшихъ, напримѣръ: «Четверть дьяка нашего Василья Щелкалова». Въ другихъ же приказахъ сидѣли бояре и окольничіе: такъ въ 1577 году царь приказалъ сидѣть въ Разбойномъ приказѣ боярину князю Куракину и окольничему князю Лобанову [104]. При областныхъ правителяхъ находились по прежнему дьяки, помощники или, лучше сказать, руководители ихъ, потому что эти дьяки завѣдывали всѣми дѣлами. Областные правители обыкновенно смѣнялись черезъ годъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользующихся особеннымъ благоволеніемъ: для нихъ срокъ продолжался еще на годъ или на два; они получали жалованья по 100, по 50, по 30 рублей; народъ, по свидѣтельству Флетчера, ненавидѣлъ ихъ за взятки; и Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Годуновъ, не смотря на доброе желаніе свое, не могъ истребить лихоимства; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были дѣлиться съ начальниками четей или приказовъ. Въ четыре самые важные пограничные города назначались правителями люди знатные, по два въ каждый городъ, одинъ изъ приближенныхъ къ царю лицъ. Эти четыре города: Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, Казань. Обязанностей у правителей этихъ городовъ было больше, чѣмъ у другихъ, и имъ давалась исполнительная власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Ихъ также смѣняли каждый годъ, исключая особенные случаи; жалованья получали они отъ 400 до 700 рублей.

Дворцовый приказъ или приказъ Большаго дворца, управлявшій царскими вотчинами, находился при Ѳеодорѣ въ завѣдываніи Дворецкаго Григорія Васильевича Годунова, отличавшагося бережливостію: при Іоаннѣ IV-мъ продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила приказу не болѣе 60,000 рублей ежегодно, а при Ѳеодорѣ до 230,000; Іоаннъ жилъ роскошнѣе и болѣе по-царски, чѣмъ сынъ его. Четверти собирали тягла и подати съ остальныхъ земель до 400,000 рублей въ годъ: область Псковская доставляла 18,000, Новгородская 35,000, Торжокская и Тверская 8.000, Рязанская 30,000; Муромская 12,000, Холмогорская и Двинская 8,000, Вологодская 12,000, Казанская 18,000, Устюжская 30,000, Ростовская 50,000, Московская 40,000, Костромская 12,000, Сибирь 20,000. Пошлины торговыя, судныя и другія, и остатки суммъ изъ разныхъ приказовъ, шедшіе въ приказъ Большаго прихода, доставляли ежегодно 800,000 рублей; съ Москвы торговыхъ пошлинъ сходило 12,000 рублей, Смоленска 8000, Пскова 12,000,Новгорода 6000, Старой Русы 18,000 (отъ солеваренія), Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1200, Костромы 1800, Нижняго Новгорода 7000, Казани 11,000, Вологды 2000. Такимъ образомъ ежегодно поступало въ казну чистаго дохода до 1,430,000 рублей [105]. Торговыя пошлины собирались цѣловальниками и отдавались на откупъ изъ наддачи; въ грамотахъ, которыя давались откупщикамъ, говорилось: «Отказать ему пошлину до сроку за два мѣсяца; а не откажетъ до сроку за два мѣсяца, и станетъ отказывать на срокъ, то впередъ брать откупъ на откупщикѣ и на его поручникахъ, а наддача вдвое». Срокъ откупа назначался годъ. По грамотѣ, данной Двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ въ 1588 году, велѣно брать съ судна, какое бы оно ни было, судовой подъемной грузовой пошлины съ 1000 пудъ по два рубля и по двѣ гривны; со ста пудъ по семи алтынѣ и по двѣ деньги; съ того же судна посаженнаго брать по десяти алтынъ, и головщины по деньгѣ съ головы, съ людей брать побережное по 22 алтына съ лодьи. Кто пріѣдетъ въ саняхъ

или верхомъ, или пѣшкомъ придетъ, съ того брать явку. Тутъ же упоминается пошлина свальная — съ 1000 пудъ по полтинѣ, съ воза по двѣ деньги и проч.; подъемная пошлина — съ подъему по двѣ деньги, «а поднимать въ вѣсу товаръ подъ оба конца,» кто же станетъ продавать въ развѣсъ, меньше пуда, съ тѣхъ подъема не брать; рукознобная пошлина: съ пудомъ ходить и товаръ всякій вѣсчій у гостей вѣсить, пошлину рукознобную брать съ купца и продавца съ подъема по деньгѣ, да съ припуску по деньгѣ. Цѣловальники доносили, что у нихъ многіе люди пошлинъ не платятъ: такъ не платятъ ихъ Англійскіе гости, не платятъ суда Троицкаго, Кириллова и другихъ монастырей; суда Θедора Кобелева большой иногородной пошлины не платятъ, а платятъ только туземную, Двинскую, на томъ основаніи, что у Кобелева есть на Двинѣ промыслы и угодья; на томъ же основаніи не платятъ пошлинъ суда Данилы Строганова и Данилы Бренкова. Царь отвѣчалъ, чтобъ пошлину брали съ Русскихъ людей со всѣхъ безъ исключенія, съ Двинянъ Двинскую, а съ иногородцевъ иногородную, также и съ иноземцевъ, кромѣ Англичанъ, которые имѣютъ жалованную грамоту. Въ 1592 году торговыя пошлины въ селахъ Чарандѣ и Короткомъ были пожалованы боярину Дмитрію Ивановичу Годунову.

Въ 1588 году староста и всѣ рыболовы Переяславской рыболовской слободы били челомъ, что берутъ съ нихъ въ дворецъ оброки и пошлины, за посошной кормъ, съ рыбныхъ ловель, за закорныхъ щукъ, съ рѣкъ, пошлины дворецкаго и дьячьи, ключничьи, ямскія деньги, сѣнныя деньги, присудныя деньги, всего до 50 рублей, — и отъ того у нихъ рыболовская слободка пустѣетъ. Царь *съ царицею* пожаловали, не велѣли два года брать съ нихъ ямскихъ и присудныхъ денегъ. Въ 1590 году были освобождены отъ торговыхъ пошлинъ и земскихъ повинностей жители Кольской волости, также волостей Керети и Ковды по случаю разоренія ихъ Шведами. Въ 1591 г. крестьяне Глотовой слободки били челомъ, что Вычегжане, Вымичи и Сысоличи, самовольствомъ, велятъ имъ

всякія подати платить съ собою вмѣстѣ, сбавя съ себя; а у нихъ въ Глотовой слободкѣ живутъ все молодшіе люди, кормятся пиктою да звѣремъ, а хлѣба не пашутъ и не торгуютъ ничѣмъ, — а на Вычегдѣ и на Сысолѣ живутъ прожиточные торговые люди, торгуютъ всякими товарами и хлѣбъ пашутъ. Государь пожаловалъ, велѣлъ крестьянамъ Глотовой слободки привозить подати въ Москву самимъ по прежнему, а съ Вымичами, Сысоличами и Вычегжанами ни въ какія подати имъ не тянуть. [106].

Количество торговыхъ пошлинъ должно было уменьшиться въ царствованіе Өеодора, если вѣрить показаніямъ Флетчера, по словамъ котораго вывозъ почти всѣхъ товаровъ уменьшился очень значительно противъ прежняго. Мѣховъ вывозилось на 400 или 500,000 рублей; воску вывозилось до 10,000 пудовъ, тогда какъ прежде отправлялось до 50,000; о медѣ Флетчеръ говоритъ неопредѣленно, что вывозили въ довольно большомъ количествѣ; сала вывозилось не болѣе 3000 пудовъ, тогда какъ прежде до 100,000; кожъ также вывозилось до 30,000, а прежде до 100,000. Льномъ и пенькой прежде нагружалось въ Нарвской пристани до 100 судовъ, а во Флетчерово время не болѣе 5. Причины этого уменьшенія вывоза объяснены у Флетчера неудовлетворительно: первою причиною, говоритъ онъ, полагаютъ отнятіе у Русскихъ Нарвской пристани; второю закрытіе сухопутнаго сообщенія чрезъ Смоленскъ и Полоцкъ, по случаю войны съ Польшею; втретьихъ, наконецъ, упадокъ внѣшней торговли зависитъ отъ того, что купцы и крестьяне съ недавняго времени были обременены невыносимыми налогами и не были обезпечены въ собственности. Вторую причину нельзя принять, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она высказана Флетчеромъ, ибо въ царствованіе Өеодора войны съ Польшею не было; если разумѣть такъ, что война съ Польшею должна была уменьшить сухопутный вывозъ въ царствованіе Іоанна, и въ царствованіе Өеодора дѣло еще не успѣло поправиться: въ такомъ случаѣ подъ словомъ *прежде* мы должны разумѣть первую половину вѣка; и выра-

женіе: купцы и крестьяне съ *недавняго времени* обременены невыносимыми налогами должно также отнести къ царствованію Іоанна, а не Ѳеодора, ибо мы знаемъ, что при послѣднемъ особеннаго обремененія не было. Мы видѣли причину, почему уменьшился вывозъ воску: зная, какъ этотъ товаръ требуется иностранцами, и видя, что послѣдніе не хотятъ къ намъ возить военныхъ запасовъ, Московское правительство постановило: мѣнять воскъ только на селитру, порохъ и сѣру. Въ царствованіе Ѳеодора торговля производилась съ Польшею, Московскіе купцы ѣздили въ Варшаву и Познань; но по прежнему встрѣчаемъ сильныя жалобы купцовъ на притѣсненія, обманы и разбои. Торопецкій купецъ Рубцовъ ѣздилъ торговать въ Витебскъ; исторговавшись, поѣхалъ назадъ на Велижъ, и здѣсь его ротмистръ Дробовскій прибилъ, взялъ два челна ржи, а въ нихъ 35 четвертей, куплена четверть по 20 алтынъ съ гривною, да 10 литръ золота и серебра, цѣною по 5 рублей литра, да 25 литръ шелку разныхъ цвѣтовъ, по 40 алтынъ литра, да поставъ сукна лазореваго въ 14 рублей, да двумъ челнамъ цѣна 5 рублей съ полтиною. Двое Смоленскихъ купцовъ били челомъ на двоихъ Оршанскихъ купцовъ: торговали они съ ними товаръ на товаръ и договорились, чтобъ Оршане дали имъ за ихъ товары 40 пудъ квасцовъ и 2 пуда ладану; Оршане привезли въ Смоленскъ двѣ бочки и сказали, что въ нихъ квасцы; но когда Смоленскіе купцы при цѣловальникахъ разбили эти бочки, то оказалось, что на верху только квасцы, а въ серединѣ всякая всячина. Два другихъ Смоленскихъ купца били челомъ, что ѣздили они съ хмѣлемъ въ Оршу, и договорились съ тремя Литовскими купцами мѣнять хмѣль на сукна, оцѣнивши сукно по 30 алтынъ безъ гривны аршинъ, а хмѣль по 30 алтынъ пудъ, но Литовцы стали имъ давать сукна худыя полуанглійскія. Двое торговыхъ людей, Московскіе жильцы, били челомъ, что ѣздили они въ Польшу, въ Варшаву и Познань, и отдали Познаньскимъ купцамъ соболей на 1500 рублей, взявши съ нихъ кабалу за руками и печатями; въ это время Познань вся сгорѣла, и должники отказали, что имъ

платить долгу нечѣмъ. Купцы Московскіе, Новгородскіе, Псковскіе, Смоленскіе, Бѣльскіе, Торопецкіе, Вяземскіе и всѣхъ городовъ били челомъ: ѣздятъ они торговать въ Литву Смоленскою дорогою, и съ нихъ берутъ державцы и урядники поборы головщины, мостовщины, явки, перевозы по всѣмъ городамъ и большимъ селамъ до Вильны, да съ нихъ же берутъ по городамъ подарки большіе, въ которомъ городѣ торгуютъ они или не торгуютъ, все берутъ съ нихъ тамгу; гдѣ ни остановятся — урядники, мытники и поборцы держатъ ихъ по недѣлѣ и по двѣ для своей корысти, а они имъ подарки по неволѣ даютъ; въ Вильнѣ имъ съ пріѣзжими людьми торговать не велятъ, извощиковъ имъ подъ товаръ самимъ нанимать не позволяютъ, нанимаютъ извощиковъ Литовскіе люди, а провозъ съ Московскихъ купцовъ берутъ вдвое. А въ Смоленскѣ съ Литовскихъ купцовъ берутъ одну пошлину; которые изъ нихъ захотятъ ѣхать въ Москву, то ихъ туда пропускаютъ безпошлинно, и въ Москвѣ пошлину берутъ малую, всего со 100 рублей по 4 рубля, съ рубля по 8 денегъ, и всякіе пріѣзжіе люди, Устюжане и Двиняне, Пермичи и Холмогорцы съ Литовскими купцами въ Москвѣ торгуютъ свободно. Купцы жаловались также на пограничные разбои: бѣглые крестьяне приходили изъ-за рубежа разбоемъ, во Ржевскомъ уѣздѣ славился разбоями какой-то Мухортъ [107].

Любчане хлопотали о возстановленіи своей торговли въ Новгородѣ, Ивангородѣ и Псковѣ, и въ 1593 году выпросили у царя позволеніе завести здѣсь свои дворы и платить только половину пошлины; но Ревельцы настаивали, чтобъ Ганзейскіе корабли не могли проходить мимо ихъ города, жалуясь, что въ противномъ случаѣ они останутся безъ пропитанія [108].

Флетчеръ говоритъ о невыносимыхъ налогахъ, которыми были обременены купцы и крестьяне; но Московскіе послы такъ обязаны были прославлять Годунова въ Литвѣ: «Это человѣкъ начальный въ землѣ, вся земля отъ государя ему приказана, и строенье во всей землѣ такое, какого никогда не бывало,

города каменные на Москвѣ и въ Астрахани подѣлалъ, что ни есть земель въ государствѣ, всѣ сохи въ тарханахъ, во льготѣ, даней никакихъ не берутъ, ни посохъ ни къ какому дѣлу, городовыя дѣла всякія дѣлаютъ изъ казны наймомъ, а плотниковъ устроено больше 1000 человѣкъ [109].

Разумѣется, мы не обязаны вѣрить, что въ царствованіе Өеодора правительство не брало никакихъ податей; что́ же касается до постройки новыхъ городовъ и укрѣпленія старыхъ, то въ это царствованіе, дѣйствительно, было сдѣлано довольно. Углубленіе въ степь было необходимо для безопасности государства: подвижныя разъѣзжія станицы не вполнѣ помогали, необходимы были станицы неподвижныя, города, мимо которыхъ нельзя было бы проходить безнаказанно хищнымъ толпамъ Татарскимъ. Но, съ другой стороны, построеніе города въ степи означало взятіе во владѣніе всей окружной страны; такъ незамѣтно, ибо безпрепятственно, распространялась и безъ того уже обширная государственная область; городъ съ своимъ военнымъ населеніемъ вытягивалъ въ степь и другаго рода насельниковъ, которые могли быть безопасны подъ его защитою: такимъ образомъ все далѣе и далѣе двигалась Русская колонизація. Мы видѣли, какъ хорошо понимали Татары опасность, грозившую имъ отъ этого движенія; мы видѣли также, что построеніемъ города Московское правительство грозило козакамъ. Въ царствованіе Өеодора построены были въ степи Курскъ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки; въ Волжской области, на луговой сторонѣ, въ Черемисѣ поставлены города Шунчуринъ или Санчурскъ, Саратовъ, Переволока, Царицынъ; наконецъ поставленъ городъ и на отдаленномъ Яикѣ. Въ 1584 году основанъ былъ Архангельскъ съ деревянными стѣнами; въ Астрахани въ 1589 году, построена крѣпость каменная, такая же основана въ Смоленскѣ въ 1596 году [110]. Въ началѣ царствованія, въ 1586 году, сочли нужнымъ укрѣпить Москву, заложили Бѣлый или Царевъ-городъ; строителемъ былъ церковный и палатный мастеръ Өедоръ Конь [111]. Какъ производилось это городовое строенье,

видно изъ наказа, даннаго князю Звенигородскому съ товарищами, ѣхавшему строить крѣпость въ Смоленскѣ: «Пріѣхавъ въ Смоленскъ, сыскать на посадѣ и въ уѣздѣ сараи и печи всѣ, владычни и монастырскіе, и всякихъ людей, гдѣ дѣлывали кирпичь, известь и кирпичь жгли, и всѣ эти сараи и печи отписать на государя, потомъ велѣть ихъ починить и покрыть, также подѣлать новые сараи и печи, лѣсъ и дрова приготовить, а, если можно, то и камень на известь, и бутовый камень велѣть ломать. Для этого послана съ ними государева казна, и всѣ тѣ дѣла имъ дѣлать наймомъ, нанимать охочихъ людей, уговариваясь съ ними, а сваи велѣть дѣлать государевыми дворцовыми селами, расписать на выть по сту свай и велѣть вывезти эти сваи въ Смоленскъ зимою по пути дворцовыхъ же селъ крестьянамъ. Ко всему дѣлу взять у Смоленскаго воеводы 10 человѣкъ цѣловальниковъ изъ Смолянъ, посадскихъ лучшихъ людей и велѣть имъ вѣдать денежные расходы и писать ихъ въ книги подлинно, порознь, по статьямъ, и къ этимъ книгамъ, ко всѣмъ статьямъ цѣловальники должны руки прикладывать, чтобъ въ деньгахъ кражи не было. А на разсылку взять у воеводы дѣтей боярскихъ 20 человѣкъ; и надъ этими дѣтьми боярскими, цѣловальниками и подмастерьями беречь, чтобъ они посуловъ не брали и не корыстовались ничѣмъ, и самому князю Звенигородскому съ товарищами посуловъ и поминковъ не брать, не норовить никому и не корыстоваться ничѣмъ. А кто не станетъ запасами промышлять, или кому понороветъ, или посулъ возметъ, или чѣмъ покорыствуется, тотъ будетъ отъ государя казненъ смертію [112]».

Война съ Баторіемъ при Іоаннѣ, значеніе, какое пріобрѣлъ во время этой войны крѣпкій Псковъ, должны были навести на мысль о необходимости укрѣпить Смоленскъ, тѣмъ болѣе, что войско оставалось въ прежнемъ ненадежномъ положеніи: и противъ Крымцевъ оно билось изъ обоза подъ Москвою. По извѣстіямъ Флетчера, войско, кромѣ неопредѣленнаго числа ратниковъ, набираемыхъ въ важныхъ случаяхъ, состояло при Ѳеодорѣ изъ 80,000 конницы дворянской, и изъ 12,000 пѣ-

хоты—стрѣльцовъ, изъ которыхъ 5000 должны были находиться въ Москвѣ, 2000 (стремянные) при особѣ государя; остальные 5000 размѣщались по важнѣйшимъ городамъ; дворяне большіе получали жалованья отъ 70 до 100 рублей въ годъ, середніе отъ 40 до 60, дѣти боярскіе отъ 20 до 30; стрѣльцы получали по 7 рублей въ годъ, кромѣ того 12 мѣръ ржи и столько же овса; упоминаются и конные стрѣльцы [113]. Наемныхъ солдатъ изъ иностранцевъ при Флетчерѣ было 4,300 человѣкъ, изъ нихъ 4000 Черкасъ или Малороссійскихъ козаковъ, 150 Голландцевъ и Шотландцевъ и смѣшанный отрядъ изо 150 человѣкъ: Грековъ, Турокъ, Датчанъ и Шведовъ; кромѣ этихъ иностранцевъ въ походы выступали попрежнему толпы Татаръ, Черемисъ, Мордвы. Полки выступали подъ начальствомъ воеводъ; подъ воеводами находились головы, предводительствовавшіе 1000, 500 и 100 человѣками, пятидесятники, начальники 50, десятскіе — 10 человѣкъ; Литовскіе и Нѣмецкіе люди выступали въ походъ подъ начальствомъ своихъ ротмистровъ. Когда государь выступалъ въ походъ, то при немъ находились: дворовые воеводы, оружейничій, воеводы для посылокъ, окольничіе передъ государемъ, дворяне съ пищалями, со шлемами, съ доспѣхомъ, дворяне у знамени; рынды: съ большимъ саадакомъ, съ другимъ саадакомъ, съ меньшимъ копьемъ да съ сулицею, съ меньшимъ саадакомъ, съ рогатиною; рынды имѣли поддатней.

Главною обязанностію войска была *береговая* служба: каждую весну полки собирались на берега Оки стеречь Крымскихъ Татаръ; въ связи съ береговою службою находилась сторожевая и станичная. Воеводамъ, строившимъ города Ливны и Воронежъ, было приказано: «Какія будетъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на государевы украйны, то съ Ливенъ присылать съ вѣстями на Воронежъ, а съ Воронежа на Ливны; ѣздить дорогами, которыя поближе и бережнѣе. Сторожи воеводамъ ставить, присмотря, въ которыхъ мѣстахъ пригоже, и станицы посылать также присмотря». Съ Ливенъ расписано было ставить 13 сторожъ, съ Воронежа 12. Въ 1591

году писалъ Путивльскій воевода, что Черкасы во многихъ мѣстахъ ходятъ на поле, Путивльскія большія станицы и сторожевыя всѣ погромили, проѣзду изъ Путивля большимъ станицамъ къ устью Айдара, а сторожевымъ къ устью Боровой нѣтъ. Бояре приговорили: учредить въ Ливнахъ двѣ станицы добрыя, выбрать вожей изъ козаковъ или изъ кого пригоже, одну послать къ Донцу Сѣверскому большимъ Муравскимъ шляхомъ, а другую къ Сѣверскому же Донцу до Изюмъ—Кургана, между Донцомъ и Осколомъ. Съ Ельца ставили 9 сторожъ по Быстрой Соснѣ и за Сосною, съ Кромъ семь сторожъ. Въ 1594 году было постановлено: Путивльскимъ, Ливенскимъ и Елецкимъ станичнымъ головамъ, станичникамъ и вожамъ, за службу, изронъ и полонъ давать государево жалованье, за коня по 4 рубля, за мерина по 3 рубля; а которыхъ станичниковъ или вожей на полѣ въ станицѣ убьютъ, то за ихъ службу, убійство и за изронъ давать жалованье женамъ и дѣтямъ ихъ по 4 рубля.

Мы имѣли уже случай говорить о поведеніи степныхъ козаковъ въ описываемое время. Какъ поступало государство издавна съ Татарами, принимая ихъ въ службу и употребляя противъ враждебныхъ себѣ соплеменниковъ ихъ: такъ точно поступало оно и съ козаками, заставляя вѣрныхъ себѣ козаковъ преслѣдовать козаковъ непокорныхъ или воровскихъ. Въ 1591 году билъ челомъ царю Волжскій атаманъ Болдырь вмѣсто товарищей своихъ, 40 человѣкъ, и сказывалъ: въ прошломъ 1589 году громили его на Волгѣ Черкасы, ранили, держали въ плѣну 6 недѣль; но онъ изъ плѣна ушелъ и взялъ три человѣка козаковъ воровъ и привелъ на Переволоку къ воеводѣ; его же, Болдыря, посылали съ Царицына за воровскими атаманами и козаками, за Андрюшею Голощапомъ съ товарищами, и онъ Голощапа поймалъ; посылали его на Медвѣдицу за воровскими козаками, и онъ на Медвѣдицѣ поймалъ четыре человѣка; посылали его изъ новаго города Саратова, и онъ поймалъ воровскаго атамана Щеголева: такъ государь за его службу, пожаловалъ бы, какъ его Богъ извѣститъ. Бол-

дырю дали сукно да рубль денегъ. Въ 1591 же году Астраханскому воеводѣ велѣно было для похода на Шевкала собрать 1000 человѣкъ Волжскихъ козаковъ и 500 Яицкихъ и дать имъ по осминѣ муки человѣку, да десяти человѣкамъ четверть крупъ и толокна, или и больше, смотря по времени, сколько они останутся въ Астрахани; коннымъ дать по четверти овса человѣку; если же они, для нужды, станутъ просить денегъ, то дать имъ по полтинѣ на человѣка. Точно также государство употребляло и Малороссійскихъ козаковъ, Черкасъ, вступавшихъ въ его службу, противъ ихъ прежнихъ товарищей. Въ этомъ отношеніи очень любопытна отписка царю Путивльскаго воеводы Борисова въ 1589 году: «Пріѣхалъ съ поля въ Путивль на твое государево имя Черкашенинъ Василій Андреевъ съ двумя Донецкими козаками и въ разспросѣ сказалъ: былъ онъ на Донцѣ съ Черкасами, съ атаманомъ Евлашовымъ, и громили Донецкихъ козаковъ, Власа Яковлева и Семейку Новгородца, взяли ихъ въ плѣнъ и привели къ себѣ въ станъ; здѣсь Власъ уговорилъ Василья Андреева, чтобъ онъ отсталъ отъ своихъ; тотъ отправился въ станъ ко Власовымъ товарищамъ, подвелъ ихъ на своего атамана Евлашова, погромилъ его, а Власа и Семейку отгромилъ, и вмѣстѣ съ ними явился въ Путивль». Воевода немедленно употребилъ его въ дѣло, послалъ на государеву службу, съ Путивльскими нововыѣзжими Черкасами за Черкасами же, и онъ ходилъ дважды съ другимъ атаманомъ и громилъ Черкасъ, имѣнье и лошадей Путивльскихъ севрюковъ у нихъ отгромилъ. Въ этомъ отношеніи любопытны также царскіе наказы Аѳанасью Зиновьеву: въ Апрѣлѣ 1589 года царь писалъ ему, чтобъ онъ съ Путивльцами, Черниговцами, съ Рыльскими и Стародубскими козаками шелъ на поле, на Донецъ или на Осколъ, укрѣпился тамъ въ крѣпкихъ мѣстахъ и посылалъ станицы провѣдывать про хана. Долженъ послать къ Запоржскимъ Черкасамъ, къ атаману Матвѣю съ товарищами, провѣдать, будутъ ли они государю прямы? какъ хотятъ стоять и промышлять государевымъ дѣломъ? станичниковъ, сторожей, Путивльскихъ козаковъ и

севрюковъ государевыхъ, которые по Донцу стоятъ, берегут ли? Крымскихъ гонцовъ пропускаютъ ли? не пойдутъ ли вмѣст воровать съ ворами Черкасами, Мишукомъ и его товарищами или станутъ надъ ними промышлять? Если провѣдаетъ, чт Черкасы, атаманъ Матвѣй съ товарищами, прямы, то вмѣст съ ними долженъ промышлять надъ Крымскими людьми. Есл о Татарахъ вѣстей не будетъ, то Зиновьеву идти промышлят надъ ворами Черкасами, Мишукомъ съ товарищами (а был Мишукъ Путивлецъ козакъ), воровъ этихъ переловить и перевѣшать. — По царскому указу, къ Зиновьеву собрались изъ Путивля 20 человѣкъ дѣтей боярскихъ, бѣлодворцевъ 57, Черкасъ 45, изъ Рыльска 20 человѣкъ дѣтей боярскихъ, да козаковъ 47, изъ Чернигова пришло дѣтей боярскихъ 70 человѣкъ съ 93 лошадьми; велѣно было также въ Путивлѣ, Рыльскѣ и Стародубѣ прибрать охочихъ козаковъ 277 человѣкъ и дать имъ жалованья по 2 рубля, съ тѣмъ, чтобъ они были о двухъ коняхъ и о двухъ меринахъ; но въ Путивлѣ и Рыльскѣ головы не могли прибрать ни одного человѣка, а изъ Стародуба привели только пять человѣкъ. Велѣно было также изъ Путивльскихъ стрѣльцовъ, изо 100 человѣкъ, выбрать 25 человѣкъ лучшихъ, да изъ пушкарей и затинщиковъ 20 лучшихъ; но стрѣльцы объявили, что у нихъ лошадей нѣтъ, а пушкари и затинщики объявили, что у нихъ пищалей нѣтъ, и царскаго указа не послушались. Когда Зиновьевъ донесъ объ этомъ, то государь приказалъ на стрѣльцахъ, пушкаряхъ и затинщикахъ лошадей и пищали доправить тотчасъ, охочимъ же козакамъ давать по три рубля, и были бы они о двухъ коняхъ или о двухъ меринахъ, а по нуждѣ у двоихъ могутъ быть три лошади. Зиновьевъ нашелъ Запорожскаго атамана Матвѣя на Донцѣ и увидалъ, что Черкасы служатъ государю прямую службу, и такъ какъ они били челомъ, что на Донцѣ они терпятъ голодъ, ѣдятъ траву, то царь послалъ имъ запасы, муку и толокно и 100 рублей денегъ въ раздѣлъ на 620 человѣкъ; атаманамъ послалъ подарки [115].

Мѣстничество вредило Московскому войску все болѣе и

болѣе вслѣдствіе увеличенія и осложненія родовыхъ и служебныхъ счетовъ. Степень интереса, который принимало служилое сословіе въ мѣстничествѣ, и характеръ этого явленія обнаруживаются въ выраженіяхъ челобитныхъ: «Вели, государь, мнѣ свой царскій судъ дать, вели въ нашемъ отечествѣ счесть, чтобъ я, холопъ твой, въ конецъ не загинулъ!» Или: «Милостивый царь государь, покажи холопу своему милость! не вели отнять отца и дѣда у меня, холопа своего; вели судъ вершить». Въ 1589 году, во время представленія Турецкаго посла, четвертымъ рындою былъ назначенъ Гаврила Вельяминовъ; одинъ изъ трехъ другихъ рындъ подалъ челобитную на дѣда Вельяминова и писалъ: «Если я, холопъ твой, не утяжу дѣда Гаврилова, то я всему роду Вельяминовыхъ безчестье плачу».

Въ 1588 году государь велѣлъ быть на Тулѣ противъ Крымцевъ въ большомъ полку воеводами князю Тимоѳею Романовичу Трубецкому, да князю Дмитрію Ивановичу Хворостинину; въ то же время князь Хилковъ былъ воеводою въ Орлѣ, князь Кашинъ въ Новосили и Кривой Салтыковъ въ Бѣлевѣ; эти воеводы украинскихъ городовъ, по обычаю, должны были, при вѣстяхъ о непріятелѣ, идти въ сходъ къ главнымъ воеводамъ, и вотъ Хилковъ, Кашинъ и Салтыковъ бьютъ челомъ: «Если грамоты будутъ приходить къ одному боярину и воеводѣ, князю Т. Р. Трубецкому съ товарищи, то мы на государеву службу готовы, а станутъ грамоты приходить къ князю Трубецкому и къ князю Хворостинину, то намъ меньше князя Хворостинина быть невмѣстно». Въ слѣдующемъ году опять Трубецкой и Хворостининъ были назначены въ Тулу воеводами большаго полка, а въ передовомъ князь Андрей Голицынъ: послѣдній разболѣлся, будто боленъ, не хотя въ меньшихъ быть у князя Трубецкаго. Князья Ногтевъ и Одоевскій сказали: «на государеву службу готовы, а меньше князя Ивана Голицына быть намъ невмѣстно»; Князь Петръ Буйносовъ сказалъ: «меньше мнѣ князя Одоевскаго быть невмѣстно»; князь Туренинъ сказалъ: «меньше мнѣ князя Буй-

носова быть невмѣстно». Князь Михайла Одоевскій, пріѣхавъ на службу, списковъ съ именами служилыхъ людей не взялъ для князя Ивана Голицына; князь Иванъ Туренинъ списковъ не взялъ для князя Буйносова, а князь Буйносовъ на службу не поѣхалъ для Одоевскаго. Въ 1597 году высланы были на берегъ (Оки) для предосторожности отъ Крымцевъ знатнѣйшіе бояре: Мстиславскій, Годуновъ (Борисъ), Шуйскіе, Трубецкой, Голицынъ, и вотъ князь Тим. Ром. Трубецкой, воевода сторожеваго полка, бьетъ челомъ на князя Вас. Ив. Шуйскаго, воеводу правой руки; Иванъ Голицынъ, воевода лѣвой руки, бьетъ челомъ на князя Трубецкаго; князь Черкасскій бьетъ челомъ на князя Ноготкова, Буйносовъ на Голицына, Шереметевъ на Ноготкова и Буйносова, Кашинъ на Буйносова и Шереметева.

Когда дѣло было неясное, правительство назначало судъ; судили обыкновенно бояринъ и дьякъ; въ разрядныхъ книгахъ встрѣчаемъ извѣстія, что иногда бояре рѣшали дѣла по пристрастію: такъ въ 1586 году Ѳедоръ Колычовъ былъ оправленъ предъ Романомъ Алферьевымъ, и разрядная говоритъ: «Тѣмъ судомъ промышлялъ бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій для Крюка Колычова». Въ судьи, по дѣлу князя Тимоѳея Трубецкаго съ княземъ Андреемъ Голицынымъ, назначенъ былъ первенствующій бояринъ князь Ѳедоръ Мстиславскій. Когда Трубецкой подалъ память, то Мстиславскій сказалъ: «Князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой въ памяти написалъ, что дѣдъ мой, князь Ѳедоръ Михайловичъ, былъ съ княземъ Микулинскимъ; но дѣдъ мой меньше князя Микулинскаго не бывалъ, тѣмъ меня князь Т. Р. Трубецкой безчеститъ». Да сталъ о томъ сердитовать, да вставъ съ мѣста, пошелъ вонъ. Князь Трубецкой говорилъ ему: «Не сердитуй, князь Ѳедоръ Ивановичъ! по дѣдѣ твоемъ съ тобою можно было въ отечествѣ считаться, но по отцѣ твоемъ съ тобою мѣстничаться нельзя, потому что государь отца твоего жаловалъ и учинилъ его велика». Бояре также стали уговаривать Мстиславскаго, и онъ сѣлъ въ судѣ опять. Князь Тру-

бецкой ссылался на свадьбу короля Магнуса, на которой князь Вас. Юр. Голицынъ былъ меньше брата его, князя Ѳедора Трубецкаго. Для повѣрки спросили ящикъ съ свадебными чинами, нашли списочекъ о свадьбѣ короля Магнуса, гдѣ имени князя Трубецкаго не было, а написаны были только князь Шейдяковъ, князь Голицынъ да дьякъ Василій Щелкаловъ. Бояре спросили послѣдняго, гдѣ у него книги о свадьбѣ короля Магнуса. Тотъ отвѣчалъ, что свадьбу приказалъ государь ему, но онъ разболѣлся, и государь приказалъ свадьбу брату его Андрею; Андрей же отвѣчалъ, что онъ книгъ о королевой свадьбѣ у себя не упомнитъ. Тогда князь Трубецкой билъ челомъ, что Андрей и Василій Щелкаловы своровали, свадьбу передѣлали, брата его не написали, дружа Голицынымъ, потому что Голицыны Щелкаловымъ друзья и сваты. Щелкаловы оправдывались тѣмъ, что списочекъ былъ написанъ рукою подъячаго Яковлева, который не могъ передѣлать его въ ихъ пользу, потому что онъ и всѣ разрядные подъячіе имъ недруги. На другой день дьякъ Сапунъ Абрамовъ принесъ къ боярамъ черный списокъ королевой свадьбѣ и сказалъ, что онъ этотъ списокъ нашелъ въ ящикѣ Василья Щелкалова; въ этомъ спискѣ дьякъ Василій Щелкаловъ написалъ самъ себя въ сидячихъ съ боярами, а помарки сдѣланы рукою брата его Андрея. Тогда бояре спросили Василія Щелкалова: почему онъ самъ себя написалъ въ сидячихъ на свадьбѣ, а вчера сказывалъ, что былъ боленъ? Щелкаловъ отвѣчалъ: «Да моя ли это рука? боюсь, чтобъ кто-нибудь не поддѣлалъ мою руку». Бояре велѣли ему смотрѣть, и онъ долженъ былъ признаться, что рука его. Дѣло было рѣшено въ пользу Трубецкаго. Иногда судъ не вершался, потому что служба заняла. Когда челобитныя казались явно несправедливыми, то правительство употребляло понужденія и наказанія: въ 1588 году князь Тюфякинъ билъ челомъ на князя Хворостинина; царь суда не далъ, и велѣлъ Тюфякина посадить въ воровскую тюрьму на четыре недѣли. Когда князь Андрей Голицынъ не поѣхалъ на службу изъ мѣстничества

съ княземъ Трубецкимъ, то царь велѣлъ отправить
службу съ приставомъ; но князь Андрей и тогда с
не взялъ; царь велѣлъ посадить его въ тюрьму, ;
давать изъ его же денегъ, по алтыну на день; Г
просидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли и все же списковъ не
царь велѣлъ освободить его изъ тюрьмы и отпустить со с
Подобное же упорство обнаружилъ въ 1596 году Петр
реметевъ, назначенный третьимъ воеводою въ большо
ку; онъ билъ челомъ на Ѳедора Никитича Романова,
воеводу правой руки, у царской руки не былъ и на
не поѣхалъ; царь велѣлъ Шереметева вывезть ско
въ телегѣ за посадъ и послать на службу; и пріѣх
службу, онъ два раза отговаривался взять списки, на
уступилъ и взялъ. Въ 1589 году стольникъ князь Г
билъ челомъ на стольника же князя Одоевскаго: царь
Гвоздева безъ суда бить батогами и потомъ выдать
Одоевскому. Въ томъ же году въ Алексинѣ были по
въ тюрьму воеводы князья Одоевскій и Туренинъ за
списковъ не взяли и дѣтей боярскихъ въ пріѣздѣ не п
сывали. Въ 1591 году воевода князь Борятинскій бы
сланъ въ Сибирь за мѣстничество съ княземъ Долгор
Иногда правительство ограничивалось только угрозою не
занія, ибо это мало помогало съ нѣкоторыми лица
угрозою еще бо́льшаго пониженія родовой чести: т
1592 году, когда извѣстный уже намъ князь Андрей
цынъ, назначенный воеводою передоваго полка, билъ
на князя Ивана Михайловича Глинскаго, воеводу бо
полка, то царь велѣлъ сказать ему: «Что̀ дуришь,
челомъ не по дѣлу! велю на отца дать правую гра
Иногда дѣло оканчивалось тѣмъ, что государь челоби
принималъ и не приказывалъ его записывать.

Мѣстничались не одни воеводы, но и станичные голов
1595 году Захаръ Ляпуновъ, братъ знаменитаго вп
ствіи Прокофья, не захотѣлъ быть въ станичныхъ го
вмѣстѣ съ Кикинымъ и сбѣжалъ со службы изъ Ельца;

занскому воеводѣ велѣно было взять Ляпунова изъ его помѣстья, скованнаго привезти въ Переяславль Рязанскій, бить батогами передъ всѣми людьми, посадить въ тюрьму и потомъ отправить на службу съ приставомъ.

Подъ 1586 годомъ упоминается любопытный случай мѣстничества по отношенію къ городовому управленію: въ Торопецъ былъ назначенъ воевода Елизарій Сабуровъ, но тамъ уже былъ намѣстникъ и воевода князь Василій Пронскій; Сабуровъ билъ челомъ, что ему меньше Пронскаго быть невмѣстно. Дѣло рѣшено было такъ, что государь велѣлъ Сабурову вѣдать дѣло ратное, а князю Пронскому вѣдать свое дѣло намѣстническое. Наконецъ упоминаются мѣстническіе случаи между придворными чинами и при торжествахъ придворныхъ. Государь пожаловалъ, велѣлъ сѣсть за столъ постельничему Истомѣ Безобразову, да стряпчему Елизару Стараго: послѣдній билъ челомъ на Безобразова: «Истома постельничій съ путемъ, а я стряпчій съ ключемъ, и мнѣ ниже Истомы сидѣть невмѣстно, хотя Истома честнѣе меня путемъ». Въ 1589 году князь Григорій Куракинъ не былъ у стола государева, потому что не хотѣлъ сидѣть ниже князя Ѳедора Трубецкаго. Когда въ 1593 году князь Хворостининъ не ѣлъ за государевымъ столомъ и билъ челомъ на князя Туренина, то дѣло, какъ видно, показалось такъ запутаннымъ, что государь имъ суда не далъ и не указалъ ничего.

Въ описываемое время начинаемъ встрѣчать извѣстія о жалованьѣ или подмогѣ посламъ, отправлявшимся къ иностраннымъ дворамъ: такъ думному дворянину Вельяминову, ѣхавшему къ императору, дано было 200 рублей, дьяку Власьеву 100 рублей, дворянамъ — одному 25, другимъ по 24 рубля [116].

Къ царствованію Ѳеодора относится одно изъ самыхъ важныхъ въ исторіи Русскихъ сословій явленіе — законъ объ укрѣпленіи крестьянъ. Мы уже не разъ указывали на причину этого явленія въ обширности Русской государственной области и въ маломъ ея населеніи, въ обиліи земель и въ

недостаткѣ рукъ для ея обработыванія: отсюда для з
дѣльцевъ всего важнѣе было перезывать къ себѣ кан
болѣе работниковъ и удерживать ихъ. При суще
отдѣльныхъ княжествъ, каждое изъ нихъ старалось пе
переманить льготами земледѣльцевъ изъ другаго. Когда
ныя княжества исчезли, земля собралась, то богатые
ные землевладѣльцы имѣли возможность большими
переманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земе
ныхъ отчинниковъ и помѣщиковъ. Стараясь перезывать
янъ, богатые и сильные землевладѣльцы старались в
время удерживать ихъ у себя разными средствами: мы
что при Василіи Темномъ Троицкій монастырь вы
себѣ право удерживать крестьянъ въ извѣстныхъ во
мы видѣли также, какъ тяжко было каждому землев
разставаться съ крестьяниномъ, отпускать его на
землю; потому нѣкоторые позволяли себѣ насилія дл
жанія крестьянъ, и можно думать, что эти насилія
рѣдки. Но если для значительныхъ землевладѣльцев
выгодно льготами перезывать къ себѣ крестьянъ от
значительныхъ, то эти выгоды необходимо должны
столкнуться съ выгодами государства. Одною изъ
главныхъ потребностей послѣдняго было умноженіе
основу войска составляли дворяне и дѣти боярскіе, п
шіе за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должн
содержать себя и, по призыву государеву, являться н
бу *конны*, *людны и оружны*, по тогдашнему выр
Но понятно, что эта возможность содержать себя и я
на службу въ требуемомъ видѣ зависѣла отъ дохода,
рый получалъ помѣщикъ съ своего земельнаго уча
доходъ этотъ зависѣлъ отъ населенія земли; чтобъ
возможность всегда нести требуемую службу, служи
ловѣкъ долженъ былъ имѣть на своей землѣ постоянн
родонаселеніе; а могъ ли онъ имѣть его, когда бога
сѣдъ переманивалъ у него крестьянъ большими ль
Государство, давши служилому человѣку землю, обяза

дать ему и постоянныхъ работниковъ, иначе онъ служить не могъ. Чтобъ понять цѣль закона объ укрѣпленіи крестьянъ, стóитъ только обратить вниманіе на то, съ какою цѣлію и въ чью пользу законъ поддерживался послѣ, въ XVII вѣкѣ: бѣдные помѣщики бьютъ челомъ, что богатые, несмотря на законъ, переманиваютъ у нихъ крестьянъ и засылаютъ ихъ сначала въ свои дальнія вотчины, чтобъ сыскать было нельзя, и такимъ образомъ разоряютъ ихъ, бѣдныхъ помѣщиковъ. Мы видѣли, что въ Литовской Россіи гораздо прежде поднятъ былъ тотъ же самый вопросъ: какъ воспрепятствовать переманкѣ крестьянъ бóльшими льготами отъ одного землевладѣльца къ другому? Здѣсь шляхта рѣшила ввести общее положеніе, на какихъ условіяхъ водворять вольныхъ крестьянъ, и тотъ, кто бъ осмѣлился дать крестьянамъ бóльшія льготы и тѣмъ переманивать ихъ къ себѣ, подвергался денежному взысканію. Въ Россіи восточной употреблено было другое средство — прикрѣпленіе къ землѣ.

Когда именно послѣдовало это прикрѣпленіе, мы не можемъ съ точностію опредѣлить, ибо указа о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ до насъ не дошло; дошелъ до насъ только слѣдующій указъ 1597 года: «которые крестьяне изъ помѣстій и отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за пять лѣтъ, на тѣхъ судъ давать и сыскивать накрѣпко, и по суду этихъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ отвозить назадъ, гдѣ они жили; и которые крестьяне выбѣжали до этого указа лѣтъ за пять, за семь, за десять и больше, а помѣщики или отчинники на нихъ въ побѣгѣ не били челомъ, на такихъ суда не давать». По смыслу этого извѣстія законъ объ укрѣпленіи можно отодвинуть къ началу царствованія Θеодора; отодвигать дальше мы не можемъ, ибо есть прямое извѣстіе объ указѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, гдѣ Годуновъ выставляется виновникомъ закрѣпленія въ царствованіе Θеодора. Въ этомъ извѣстіи говорится, что царь Θеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ.

Кромѣ приведеннаго извѣстія объ указѣ Шуйскаго, ходѣ крестьянъ въ первый годъ царствованія Θеодо| дѣтельствуетъ еще извѣстіе о мѣрѣ, которая служила товленіемъ къ прикрѣпленію и которая прямо указы главное побужденіе къ нему. Въ приговорной грамот наго собора, держаннаго 20 Іюля 1584 года, сказано вѣтовались мы и утвердились, чтобъ впередъ тарха быть; земли митрополичьи, архіепископскія, владычн настырскія въ тарханахъ, никакой царской дани и з разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди эт оплачиваютъ; отъ того большое запустѣніе за воинским въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедші служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, того великая тощета воинскимъ людямъ пришла. И для великихъ нуждъ и тощеты воинскимъ людямъ, жили» и проч. Здѣсь явно приближеніе къ закрѣ служилымъ людямъ тощета отъ того, что крестьяне отъ нихъ, приманиваемые тарханами: положено уни тарханы. Но эта мѣра на соборѣ была объявлена вре и мы знаемъ, какъ она была кратковременна: въ (того же года уже тарханы возстановляются. По всѣ роятностямъ, слѣдовательно, законъ объ укрѣпленіи кр долженствовалъ быть одновременемъ съ возстановленіе хановъ, ибо надобно было дать служилымъ людямъ ченіе, необходимость котораго была такъ торжествен возглашена на соборѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, въ Московскомъ государствѣ при рѣшеніи вопроса приблизились было къ тому же средству, которое бы треблено въ западной Россіи, то-есть къ уравненію на всѣхъ земляхъ, уравненію, необходимо отнимавш крестьянина побужденіе къ переходу съ одной земли н гую. Но въ Московскомъ государствѣ это средство скор покинуто, вслѣдствіе столкновенія съ интересомъ м ственнаго сословія. При объясненіи этого явленія, необ также обращать вниманіе на то, что Московское госуд

въ описываемое время находилось на очень низкой ступени промышленнаго развитія, было чисто земледѣльческимъ; мануфактурная промышленность была въ младенчествѣ, городъ, въ смыслѣ центра мануфактурной промышленности, не существовалъ, городъ продолжалъ быть огороженнымъ селомъ, городскіе жители продолжали заниматься земледѣліемъ точно такъ же, какъ сельчане и деревенщики. Въ чисто земледѣльческомъ государствѣ господствующимъ отношеніемъ бываетъ отношеніе землевладѣльца къ земледѣльцу, при чемъ обыкновенно первый стремится привести втораго въ полную отъ себя зависимость. Въ Московскомъ государствѣ въ описываемое время не было земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ; землевладѣльцами были: во 1) государство, во 2) церковь, въ 3) служилые люди — отчинники. Главный землевладѣлецъ — государство испомѣстило на своихъ земляхъ служилыхъ людей, которымъ должно было дать постоянныхъ насельниковъ, земледѣльцевъ. Но тутъ государство, какъ землевладѣлецъ, сталкивалось съ другимъ богатымъ землевладѣльцемъ — церковію. Сперва было государство потребовало отъ церкви, чтобъ она отказалась отъ тархановъ въ пользу служилыхъ людей; но скоро потомъ, не желая нарушэть интересовъ ни одного изъ этихъ могущественныхъ землевладѣльцевъ, ни государства, ни церкви, дѣло уладили такимъ образомъ, что церковь осталась при тарханахъ, а служилые люди удержали навсегда населеніе земель своихъ. Чтò же касается до другихъ землевладѣльцевъ, знатныхъ и богатыхъ отчинниковъ, то конечно закрѣпленіе крестьянъ не могло быть для нихъ выгодно, ибо лишало ихъ права перезывать на свои земли крестьянъ съ земель мелкихъ помѣщиковъ; но значеніе вельможъ было ослаблено вслѣдствіе извѣстной намъ борьбы государей Московскихъ съ княжескими и дружинными притязаніями, борьбы, которая, съ другой стороны, усиливала значеніе мелкихъ служилыхъ людей, выставляла ихъ интересы на первый планъ для правительства. Шуйскій въ приведенномъ выше указѣ говоритъ, что царь Ѳеодоръ, по наго-

вору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйших
выходъ крестьянамъ заказалъ. Понятно, что Годунову н
было щадить интересы старѣйшихъ бояръ, которыхъ н
уступками онъ не могъ заставить уступить себѣ пер
въ борьбѣ съ старѣйшими боярами ему выгодно было
ся на духовенство и на мелкихъ служилыхъ людей
рыхъ онъ и старался привлечь на свою сторону ус
Поэтому имѣемъ право принять извѣстіе, что Году
дѣйствовалъ этой сдѣлкѣ между выгодами духовенства
кихъ служилыхъ людей. У насъ нѣтъ средствъ зна
шеніе, существовавшее въ описываемое время между
государственными, служилыхъ людей-вотчинниковъ и
ными; мы можемъ указать только на нѣкоторые отры
общаго описанія земель, въ которыхъ видно очень люб
отношеніе. Въ Горетовѣ стану Московскаго уѣзда
году подъ помѣстьями и вотчинами было 5780 четвер
хатной земли; порожней и оброчной земли, находи
въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства, был
четвертей; церковныхъ же земель было 9422 четвер
59 помѣстій и вотчинъ, упоминаемыхъ въ Горетовѣ ст
перемѣнили своихъ владѣльцевъ не посредствомъ прод

Относительно крестьянъ въ описываемое время лю
наказная память Вельскаго стана крестьянамъ Борис
нова: «По наказу государя Бориса Өеодоровича, пр
его приказные люди (такіе-то) Вельскаго стана крес
(слѣдуетъ перечисленіе 12 человѣкъ: Петру Иванову
нову, Никитѣ Иванову и проч.) и старостамъ, и цѣл
камъ, и соцкимъ, и пятидесяцкимъ, и десяцкимъ, н
крестьянамъ Вельскаго стана. Били вы челомъ госуда
рису Өедоровичу, чтобъ отъ васъ кабакъ свести: и г
Борисъ Өедоровичъ кабакъ свести велѣлъ; и вы бы,
Дьяконовъ да Никита Ивановъ съ товарищами, кото
этой памяти имянно писаны, и выборные судьи, и ст
и цѣловальники, и соцкіе, и пятидесяцкіе, и десяцкі
регли крѣпко, чтобъ у васъ продажнаго питья ни у

было, и въ отвозъ съ виномъ и со всякимъ продажнымъ питьемъ не ѣздили, зернью по деревнямъ крестьяне не играли бы и воровства бы не было; а лучшіе *отрадные* крестьяне, кому можно про себя питье держать въ своихъ домахъ, и они бы держали про себя, а не продавали; а которымъ крестьянамъ случится, къ праздникамъ или поминкамъ, пива сварить и вина скурить, и они бы о томъ вамъ докладывали, тебѣ, Петру Дьяконову да Никитѣ Иванову съ товарищами, также выборнымъ судьямъ, старостамъ и цѣловальникамъ», и проч. Мы видимъ, что здѣсь, въ Годуновскихъ имѣніяхъ, были выборные судьи, старосты, цѣловальники, соцкіе, пятидесяцкіе и десяцкіе, и въ то же время видимъ, что выше всѣхъ этихъ лицъ стояло 12 человѣкъ крестьянъ. Въ этомъ же отношеніи замѣчательна царская грамота 1590 года: посадскіе люди Соли Вычегодской и волостные крестьяне били челомъ на Коряжемскаго игумена Герасима за то, что онъ не участвовалъ съ ними въ подмогѣ переселенцамъ въ Сибирь; игуменъ, въ свою очередь, билъ челомъ на Вычегодцевъ, обвиняя ихъ въ неправильныхъ поступкахъ: въ Москвѣ рѣшили дѣло, а привести въ исполненіе это рѣшеніе поручено было Строгановымъ, Максиму и Никитѣ; царская грамота послана была къ нимъ; но изъ этой грамоты вовсе не видно, чтобъ Строгановы занимали какую-нибудь правительственную должность въ Сольвычегодскѣ: они были только самые богатые, самые значительные по своему вліянію люди въ области, и вотъ царь, мимо старостъ и цѣловальниковъ, посылаетъ грамоту къ нимъ, пишетъ: «И вы бы посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ на старцахъ Коряжемскаго монастыря, на слугахъ и на крестьянахъ его больше того брать не велѣли» [118]. Изъ этихъ грамотъ мы видимъ значеніе лучшихъ людей въ волости, видимъ, какъ въ волостяхъ подлѣ правительственныхъ лицъ *по праву* существовали правительственныя лица *на дѣлѣ*. Это явленіе ярко освѣщаетъ тогдашнее общество, къ которому никакъ нельзя прилагать нашихъ опредѣленій.

Вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ царствован
дора послѣдовало и прикрѣпленіе или обращеніе въ
вольныхъ слугъ. Въ 1597 году велѣно было всѣмъ гос
принести въ Холопій приказъ списки именъ холопей с
какъ служащихъ, такъ и бѣглыхъ, и крѣпости на ни
записывать въ книги для бо́льшаго укрѣпленія. Кто далъ
служилую кабалу съ 1-го Іюня 1586 года, тѣмъ быть
лопствѣ, денегъ по этимъ служилымъ кабаламъ у н
брать и челобитья ихъ не слушать, а выдавать ихъ
дамъ въ службу до смерти. Которые люди служатъ
добровольно, тѣхъ вольныхъ людей ставить въ Холопьем
казѣ съ тѣми, у кого служатъ, да разспрашивать, какъ
служатъ? и кабалу на себя даютъ ли? которые люди в
послужили у кого недѣль пять-шесть, а кабалъ на себя
не хотятъ, тѣхъ отпускать на волю; а кто послужилъ с
года и больше, на тѣхъ служилыя кабалы давать и чел
ихъ не слушать, потому что господинъ такого доброво
холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ [119].

Земли было много, рукъ мало; служилымъ людямъ
тощета, что крестьяне уходили отъ нихъ, а между
пространство земель, требовавшихъ населенія, увеличи
все болѣе и болѣе, колоніи вытягивались и на югъ, въ
и на сѣверовостокъ, за Уральскія горы, въ безконечну
бирь. Много говорятъ о томъ, какъ сильно пострадала Ис
вслѣдствіе выселенія ея жителей въ новооткрытыя ст
а Россія въ XVI вѣкѣ, и безъ того бѣдная населеніемъ,
не высылала безпрестанно колоній? и какое слѣдствіе дол
былъ имѣть для государства этотъ выводъ колоній? Флет
говоритъ, что на дорогѣ между Вологдою и Ярославлем
видѣлъ до 50 обширныхъ деревень совершенно пуст
Легко понять, какъ эта рѣдкость населенія должна был
медлять общественное развитіе, затруднять всѣ государс
ныя отправленія; а, съ другой стороны, рѣдкость насел
отсутствіе мѣстъ, гдѣ бы сталпливались большія массы н
донаселенія, разобщенность мѣстъ съ относительно больш

народонаселеніемъ, возможность при первомъ неудобствѣ, физическомъ или нравственномъ, уходить въ пустынныя страны, не разрывая съ отечествомъ, доставляло правительству возможность съ меньшими препятствіями приводить въ исполненіе мѣры, которыя оно считало необходимыми. Для примѣра приведемъ только одно явленіе изъ послѣдующей исторіи: раскольничество въ концѣ XVII вѣка, несомнѣнно, обнаружилось бы иначе, еслибъ многіе изъ фанатиковъ должны были оставаться въ городахъ и селахъ, не имѣя возможности уйдти въ далекія, пустынныя страны и такимъ образомъ избавить отъ себя общество. Воровскіе козаки были вредны государству, въ смутное время явились *грубнѣе* Литвы и Нѣмцевъ, по выраженію современниковъ: но въ спокойное время на ходъ государственнаго развитія развѣ не могло имѣть вліянія то обстоятельство, что люди съ козацкими наклонностями уходили за границу государства? Понятно, какую силу получало правительство отъ этого ухода людей безпокойныхъ.

Къ концу XVI вѣка пустынныхъ пространствъ было уже очень много въ Московскомъ государствѣ, когда къ нимъ присоединились еще обширныя пустыни Сибирскія. Правительство взяло у козаковъ Сибирское царство, ибо прежде всего оно должно было радоваться возможности обогащать казну свою дорогимъ пушнымъ товаромъ; но чтобъ укрѣпиться въ Сибири, нужно было населить ее Русскими людьми; чтобъ имѣть возможность населять Сибирскіе городки служилыми людьми, нужно было имѣть подлѣ нихъ людей пашенныхъ, взять слѣдовательно часть народонаселенія въ старыхъ областяхъ государства, и безъ того имѣвшихъ его мало. Въ 1590 году велѣно было въ Сольвычегодскѣ на посадѣ и во всемъ уѣздѣ выбрать въ Сибирь, на житье, тридцать человѣкъ пашенныхъ людей, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, а у всякаго человѣка было бы по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пяти куръ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха совсѣмъ для пашни, да телѣги, да

сани и всякая рухлядь, а на подмогу Сольвычегодскі
скіе и уѣздные люди должны были имъ дать по 25
человѣку [120].

Съ распространеніемъ границъ государства, съ пер
емъ Русскихъ людей въ новыя страны, распростра
разумѣется, и предѣлы церкви. Но пріобрѣтая новы
новъ между инородцами, церковь должна была пр
мѣры, чтобъ не отпадали отъ нея старые. Въ 159
Казанскій владыка Гермогенъ писалъ царю, что въ К
въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ живутъ новок
вмѣстѣ съ Татарами, Чувашами, Черемисами и Во
ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ Божіимъ не при
крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ образовъ и к
не держатъ, поповъ не призываютъ и отцовъ духовн
имѣютъ; обвѣнчавшись въ церкви, перевѣнчиваются у
Татарскихъ, ѣдятъ скоромное въ посты, живутъ мимо
женъ съ Нѣмецкими плѣнницами. Онъ, владыка, при
ихъ и поучалъ, но они ученья не принимаютъ и отъ
скихъ обычаевъ не отстаютъ, и совершенно отъ христі
вѣры отстали, о томъ сильно скорбятъ, что отъ своей
отстали, и въ православной вѣрѣ не утвердилисѣ, пото
живутъ съ невѣрными вмѣстѣ, отъ церквей далеко;
такое невѣрье въ новокрещенахъ, иные Татары не тол
крестятся въ православную вѣру, но и ругаются е
прежде, въ сорокъ лѣтъ отъ Казанскаго взятья, не
въ Татарской слободѣ мечети, а теперь стали мечети с
близь посада, на лучной выстрѣлъ. Получивши это доне
царь приказалъ воеводамъ, чтобъ они, переписавши
новокрещенъ, устроили имъ слободу въ Казани съ це
и полнымъ причтомъ; кто изъ нихъ не захочетъ пересе
и ставить себѣ дворъ въ слободѣ, тѣхъ давать на по
а иныхъ въ тюрьму сажать; чтобъ воеводы выбрали
боярскаго добраго и приказали ему эту слободу вѣдать, бе
чтобъ новокрещены христіанскую вѣру держали крѣпко,
нились бы у Русскихъ людей и дочерей своихъ выдава

Русскихъ же; которые не станутъ христіанской вѣры крѣпко держать, тѣхъ смирять, въ тюрьму сажать, въ желѣза, въ цѣпи, бить, а другихъ отсылать къ владыкѣ, чтобъ налагалъ епитемью. Всѣ мечети воеводы должны были посметать и въ конецъ ихъ извести. Гермогенъ писалъ также, что многіе Русскіе люди живутъ у Татаръ, Черемисъ, Чувашей, женятся у нихъ, многіе живутъ у Нѣмцевъ по слободамъ и деревнямъ добровольно и въ деньгахъ, и всѣ эти люди отъ христіанской вѣры отпали, обратились у Татаръ въ Татарскую вѣру, а у Нѣмцевъ въ Римскую и Лютеранскую: царь приказалъ воеводамъ распорядиться, чтобъ Русскіе люди не жили у Татаръ и у Нѣмцевъ; должниковъ, которые служатъ въ небольшихъ деньгахъ, выкупить, а которые въ большихъ, тѣхъ отдать новокрещенамъ, у которыхъ въ замѣнъ взять Литву и Латышей и отдать Татарамъ и Нѣмцамъ, которымъ запретить, чтобъ они Русскихъ людей впередъ не принимали и денегъ имъ въ займы не давали. Въ 1597 году князю Василію Ухтомскому, назначенному воеводою въ Пустоозерскій острогъ, велѣно было призывать Самоѣдовъ и другихъ иноземцевъ въ православную христіанскую вѣру. Ухтомскій билъ челомъ, что Пустоозерскій острогъ мѣсто дальнее, деревень у него, воеводы, по той дорогѣ нѣтъ, изъ Москвы запасъ взять далеко: почему государь пожаловалъ бы, велѣлъ ему дать съ Устюжскаго кружечнаго двора 300 ведеръ вина по подрядной цѣнѣ. Царь велѣлъ ему дать 50 ведеръ [121].

Главный пастырь Русской церкви въ царствованіе Θеодора перемѣнилъ званіе митрополита на званіе патріарха. Мы видѣли, вслѣдствіе какихъ причинъ сѣверовосточная Русская церковь получила на дѣлѣ самостоятельность отъ церкви Константинопольской, хотя самое названіе главнаго пастыря ея: митрополитъ, обличало номинальную зависимость ея отъ патріарха. Взятіе Константинополя Турками, зависимость восточныхъ патріарховъ отъ султана должны были возбудить въ Москвѣ желаніе пріобрѣсть самостоятельность совершенную, а въ патріархахъ уничтожить противоборство исполненію этого

желанія; возвышеніе сѣверовосточной Русской церкви самостоятельной и цвѣтущей, требовало, по крайней уравненія ея съ старшими церквами, которыя страда игомъ невѣрныхъ, нуждались въ ея помощи; въ Моск никло даже мнѣніе, что опасно имѣть единеніе съ рабствующими невѣрнымъ, мнѣніе, противъ котораго д былъ вооружиться Максимъ Грекъ. Желаніе полной стоятельности должно было еще болѣе усилиться, когда ружились враждебныя движенія католическія, когда главною укорою Русской церкви ставили зависимость раба султанова. Необходимо было, слѣдовательно, для Р церкви имѣть своего патріарха; выгодно было имѣть е Москвы, ибо этимъ наносился ударъ дѣлу Витовтову: брала неоспоримое преимущество предъ Кіевомъ, и глаз вославныхъ въ Литвѣ не могли не обращаться къ пат Всероссійскому.

Посланникъ Благовъ, отправленный къ султану, повез тріарху Константинопольскому на поминъ души царя милостыни 1000 рублей; у патріарха, по обычаю, у Греческому языку два Русскихъ паробка, Ушаковъ и Вн къ нимъ Благовъ отвезъ шубы и деньги по 10 рублей; п никъ долженъ былъ имъ сказать, чтобъ они учились Г скому языку и грамотѣ радѣтельно, пристально, а не г патріарха во всемъ слушались бы; а патріарху долженъ сказать, чтобъ велѣлъ учить паробковъ радѣтельно, держа ихъ у себя въ наказаньи, а воли бы имъ не давалъ. По были богатыя милостыни и другимъ православнымъ церк Греческимъ и Славянскимъ [122]. Лѣтомъ 1586 года пріѣха Москву за милостынею Антіохійскій патріархъ Іоакимъ. пытны подробности свиданія его съ митрополитомъ Діонис когда онъ вошелъ въ Успенскій соборъ, то митрополитъ ялъ въ святительскомъ санѣ на устроенномъ мѣстѣ, окру ный знатнымъ духовенствомъ; приложившись къ образамъ тріархъ пошелъ къ митрополиту, тотъ сошелъ къ нем встрѣчу съ сажень отъ своего мѣста и благословилъ его

передъ, и потомъ уже принялъ благословеніе отъ патріарха Іоакимъ поговорилъ слегка, что пригоже было митрополиту отъ него принять благословеніе напередъ, да и пересталъ. Здѣсь, при этомъ столкновеніи значенія дѣйствительнаго съ значеніемъ номинальнымъ, всего яснѣе высказалась несообразность отношеній Московскаго митрополита къ патріархамъ, и очень может быть, что именно прибытіе патріарха Іоакима въ Москву и это столкновеніе его съ митрополитомъ Діонисіемъ, показавши на дѣлѣ несообразность отношеній между значеніемъ дѣйствительнымъ и значеніемъ номинальнымъ, и побудили къ рѣшительному шагу. Какъ бы то ни было, предложеніе объ учрежденіи патріаршества было сдѣлано царемъ думѣ во время пребыванія Іоакима въ Москвѣ, и побужденіемъ къ этому дѣлу царь именно выставилъ бѣдственное состояніе церкви Греческой и возвеличеніе церкви Русской: «По волѣ Божіей, въ наказаніе наше, восточные патріархи и прочіе святители только имя святителей носятъ, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатію Божіею, во многоразширеніе приходитъ, и потому я хочу, если Богу угодно и писанія божественныя не запрещаютъ, устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршескій; если вамъ это угодно, объявите: по моему тутъ нѣтъ поврежденія благочестію, но еще больше преуспѣянія вѣрѣ Христовой». Духовенство и вельможи похвалили мысль царскую, но прибавили, что надобно приступить къ дѣлу съ согласія всей церкви восточной, «да не скажутъ пишущіе на святую нашу вѣру Латыны и прочіе еретики, что въ Москвѣ патріаршій престолъ устроился одною царскою властію». Эти слова показываютъ, что въ Москвѣ знали о враждебныхъ движеніяхъ на православіе въ западной Россіи и принимали ихъ въ соображеніе. Іоакиму дали знать о желаніи царя, и онъ обѣщалъ предложить объ этомъ дѣлѣ собору Греческой церкви.

Лѣтомъ 1587 года пріѣхалъ въ Москву Грекъ Николай съ объявленіемъ, что патріархи Цареградскій и Антіохійскій уже созывали соборъ, послали за двумя другими патріархами, Іеру-

салимскимъ и Александрійскимъ, будутъ совѣтоваться с
и пришлютъ въ Москву патріарха Іерусалимскаго съ на
объ учрежденіи патріаршества. Но черезъ годъ, лѣтомъ
государю дали знать, что въ Смоленскъ нечаянно пр
старшій изъ патріарховъ, Византійскій Іеремія. Въ отв
это извѣщеніе Смоленскіе воеводы получили выговоръ, ч
патріархъ пришелъ къ нимъ къ пристани безвѣстно? «В
такъ просто не дѣлайте, чтобъ на рубежъ никакой посла
и никакой человѣкъ подъ посадъ безвѣстно не пріѣзжалъ».
скопу Смоленскому царь писалъ: «Если патріархъ станетъ
ситься у воеводъ въ церковь Пречистой Богородицы помо
ся, то мы ему въ церковь идти позволили: и у тебя въ це
въ то время было бы устроено чинно и людно, архимал
товъ, игуменовъ и поповъ было бы много, встрѣчалъ бы
патріарха и чтилъ его честно, точно такъ же какъ митр
лита нашего чтите». Приставъ, отправленный встрѣчать и
вожать патріарха, получилъ наказъ: «Развѣдать, какимъ
чаемъ патріархъ къ государю поѣхалъ, и теперь онъ пат
шество Цареградское держитъ ли, и нѣтъ ли кого другаг
его мѣстѣ? и кромѣ его нужды, что ѣдетъ за милостынею,
ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ съ соборнаго приговор
государю приказъ? Честь къ патріарху держать великую,
кую же какъ къ здѣшнему митрополиту».

Въ Москвѣ Іеремію помѣстили на дворѣ Рязанскаго влад
самого его велѣно было помѣстить въ большихъ хоромахъ
горницѣ съ комнатою; провожатыхъ его: митрополита Мал
зійскаго и архіепископа Элассонскаго, въ столовой избѣ и
комнатѣ; архимандриту дать подклѣтъ особый, а старцев
слугъ устроить по подклѣтамъ. Грековъ, Турокъ и другихъ и
земцевъ не велѣно было пускать на дворъ, слугъ патріарш
со двора; если отъ митрополита Іова, отъ знатнаго духов
ства и бояръ станутъ приходить съ кормомъ, такихъ лю
пускать было позволено; если же какой иноземецъ станетъ п
ситься къ патріарху, или самъ патріархъ захочетъ видѣт
съ какимъ-нибудь иноземцомъ, то приставы должны были с

отвѣчать, что скажутъ объ этомъ боярамъ и посольскому дьяку Андрею Щелкалову. Купцовъ, пріѣхавшихъ съ Іереміею, поставили на Литовскомъ гостинномъ дворѣ.

Недѣлю спустя по пріѣздѣ, государь велѣлъ патріарху быть у себя и принялъ его какъ принималъ обыкновенно пословъ, съ тѣмъ только различіемъ, что на встрѣчу ему переступилъ съ полсажени отъ трона. Послѣ этого представленія, не выходя изъ дворца, Іеремія имѣлъ разговоръ съ Годуновымъ, разсказалъ ему о своихъ несчастіяхъ, какъ онъ былъ обнесенъ султану, свергнутъ съ патріаршаго престола, потомъ опять возведенъ; разсказалъ о бѣдственномъ состояніи своей церкви, о грабежѣ Турокъ; разсказалъ о дѣлахъ Литовскихъ, что̀ могъ узнать дорогою, наконецъ говорилъ *тайныя рѣчи*. Послѣ этого разговора, государь, подумавъ съ царицею, говорилъ боярамъ: «Велѣлъ намъ Богъ видѣть къ себѣ пришествіе патріарха Цареградскаго, и мы о томъ размыслили, чтобъ въ нашемъ государствѣ учинить патріарха, кого Господь Богъ благословитъ: если захочетъ быть въ нашемъ государствѣ Цареградскій патріархъ Іеремія, то ему быть патріархомъ въ начальномъ мѣстѣ Владимірѣ, а на Москвѣ быть митрополиту попрежнему; если же не захочетъ Цареградскій патріархъ быть во Владимірѣ, то на Москвѣ поставить патріарха изъ Московскаго собора». Годунову поручено было ѣхать къ Іереміи и совѣтовать съ нимъ, возможно ли тому статься, чтобъ ему быть въ Россійскомъ царствѣ въ стольнѣйшемъ городѣ Владимірѣ. Іеремія отвѣчалъ: «Будетъ на то воля великаго государя, чтобъ мнѣ быть въ его государствѣ—я не отрекаюсь: только мнѣ во Владимірѣ быть невозможно, потому что патріархи бываютъ всегда при государѣ: а то что за патріаршество, что жить не при государѣ?» Тогда царь опять созвалъ бояръ и говорилъ имъ: «Патріархъ Іеремія Вселенскій на Владимірскомъ и всея Руси патріаршествѣ быть не хочетъ, а если мы позволимъ ему быть въ своемъ государствѣ на Москвѣ на патріаршествѣ, гдѣ теперь отецъ нашъ и богомолецъ Іовъ митрополитъ, то онъ согласенъ. Но это дѣло не статочное: какъ намъ такого сопре-

стольника великихъ чудотворцевъ и достохвальнаго жиTi
святаго и преподобнаго отца нашего и богомольца Іова
полита отъ Пречистой Богородицы и отъ великихъ чудот
изгнать, а сдѣлать Греческаго закона патріарха, а он
няго обычая и Русскаго языка не знаетъ, и ни о как
лахъ духовныхъ намъ съ нимъ говорить безъ толмача
Годуновъ вмѣстѣ съ Щелкаловымъ отправился опять къ
и говорили ему, чтобъ благословилъ и поставилъ въ па
изъ Россійскаго собора митрополита Іова.. При этомъ
было рѣшено, что Іеремія на патріаршество Владимірск
сковское и всея Руси благословитъ и поставитъ кого г
будетъ угодно, и благословеніе дастъ, что впередъ патр
поставляться въ Россійскомъ царствѣ отъ митрополито
хіепископовъ и епископовъ.

Намъ не нужно предполагать, что въ первомъ разговорѣ
дуновымъ самъ Іеремія изъявилъ желаніе остаться пат
ствовать въ Москвѣ: мысль о выгодныхъ слѣдствіяхъ п
щенія старшаго патріаршаго стола изъ Византіи въ М
ское государство легко могла придти Годунову и другимъ.
въ Константинополѣ, по приказу султана, выбрали бы
патріарха: Іеремія и его Русскіе преемники не потер
чрезъ это права называться вселенскими, права на перв
утвержденіе Іереміи въ Московскомъ государствѣ ос
было бъ важно относительно западной Русской церкви,
рая уже давно признавала свою зависимость отъ него. (
гой стороны, намъ не нужно предполагать, что дѣло не
лось единственно по настоянію Годунова, которому нев
было удалить Іова, совершенно ему преданнаго: при отч
ности отъ иностранцевъ и сильно развившейся вслѣдст
го подозрительности, ясные слѣды которой видны по
имѣть патріархомъ иностранца, Грека, должно было ка
крайне неудобнымъ; указывать на единовѣріе, какъ мо
уничтожить всякое подозрѣніе, нельзя, ибо мы видѣли
обходились съ этимъ самымъ Іереміею: не велѣно было п
къ нему ни одного иностранца; наши предки въ описы

время жили тою жизнію, когда свой обычай составляетъ все; отсюда понятно, какъ страшно было имѣть патріархомъ человѣка, незнающаго Русскаго обычая, человѣка Греческаго закона. Мало того: нужно было рѣшиться на дѣло страшно тяжелое: отвергнуть человѣка, котораго уже привыкли видѣть на такомъ высокомъ мѣстѣ, каково было митрополичье: для вселенскаго патріарха Іереміи не могли придумать чести высшей, какъ та, которая воздавалась митрополиту Іову, и вотъ этого Іова надобно безвинно лишить этой чести, прогнать! Понятно, слѣдовательно, что не по однимъ личнымъ отношеніямъ Годунова къ Іову настаивали, чтобъ Іеремія жилъ во Владимірѣ.

Несмотря на то, что царь прямо объявилъ о невозможности прогнать Іова отъ церкви Богородицы и отъ чудотворцевъ, исполнили обычай избранія: архіереи назначили трехъ кандидатовъ: митрополита Іова, Новгородскаго архіепископа Александра, Ростовскаго Варлаама, и предоставили царю выборъ: Ѳеодоръ избралъ Іова, который и былъ посвященъ 26 Генваря 1589 года: слѣдовательно, дѣло тянулось полгода! Патріархъ долженъ былъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи митрополитовъ; это званіе дали владыкамъ: Новгородскому, Казанскому, Ростовскому и Крутицкому (въ Москвѣ); шесть епископовъ получили званіе архіепископовъ: Вологодскій, Суздальскій, Нижегородскій, Смоленскій, Рязанскій, Тверской.

Богато одаренный отправился Іеремія въ Маѣ 1589 года въ Константинополь, съ грамотою отъ царя къ султану, въ которой Ѳеодоръ писалъ: «Ты бъ, братъ нашъ Муратъ салтанъ, патріарха Іеремію держалъ въ своей области и беречь велѣлъ пашамъ своимъ такъ же, какъ ваши прародители патріарховъ держали въ береженьѣ, по старинѣ во всемъ; ты бъ это сдѣлалъ для насъ». Пріѣхавши въ Смоленскъ, Іеремія получилъ грамоту отъ Годунова, въ которой правитель просилъ его провѣдать въ Литвѣ о тамошнихъ дѣлахъ: «о Максимиліанѣ, гдѣ онъ теперь и какимъ обычаемъ живетъ? въ Польской ли землѣ, или отпущенъ? и какъ отпущенъ, по какому договору?

Укрѣпился ли королевичъ Шведскій на Польской корон какой мѣрѣ утвердился, и какое его впередъ умышлень шемъ государѣ? провѣдавъ объ этомъ, отписалъ бы ты тайно, не объявляя своего святительскаго имени ни вт а когда будешь въ Царѣградѣ, то отпиши о всѣхъ там(дѣлахъ».

Только черезъ два года, въ Іюнѣ 1591 г., пріѣхалъ : скву митрополитъ Терновскій и привезъ утвержденную г на Московское патріаршество. Іеремія писалъ къ Іову слали мы твоему святительству соборную совершенную ту: будешь имѣть пятое мѣсто, подъ Іерусалимскимъ п хомъ. И ты прими грамоту съ благодарностію и тихом и постарайся о митрополитѣ Терновскомъ при царѣ и г рицѣ словомъ и дѣломъ, попечалуйся святому и высоча царю нашему, да сотворитъ пригожую помощь, какъ об ты насъ пожаловать при поставленіи своемъ, въ своей п а мы кромѣ Бога да святаго царя надежды ни отъ к имѣемъ, патріаршества Цареградскаго не можетъ никт двигнуть и устроить попрежнему кромѣ святаго царя письмѣ Годунову патріархъ просилъ о присылкѣ 6000 тыхъ на сооруженіе патріаршества. Митрополитъ Терн поднесъ Годунову дары: два атласа золотныхъ, саблю була да два сосудца ценинныхъ; Годуновъ даровъ не принял завъ: «Намъ у васъ даровъ брать не подобаетъ, мы д вас надѣлять, чѣмъ Богъ послалъ». Митрополитъ пр(чтобъ Годуновъ не обижалъ его, взялъ дары, и тотъ два сосуда ценинныхъ. Правитель хотѣлъ знать, какъ держанъ соборъ объ учрежденіи Московскаго патріарш(съ вѣдома ли султана и пашей? митрополитъ отвѣчалъ, соборъ былъ держанъ, доложа султана. Просьба патріарха исполнена: царь послалъ на построеніе церкви и патріа скаго дома большое количество мѣховъ и рыбьяго зуб Когда Салтыковъ и Татищевъ отправлялись послами въ Л то имъ данъ былъ наказъ: «Станутъ спрашивать про пат шеское поставленье, то вы говорите: приходилъ къ вел

государю изъ Греческаго государства Антіохійскій патріархъ Іоакимъ и говорилъ государеву шурину, Борису Ѳедоровичу Годунову, что изъ давныхъ лѣтъ на семи соборахъ уложено быть въ Римѣ папѣ Греческой вѣры, а въ Греческомъ государствѣ четыремъ патріархамъ; но когда Евгеній папа Римскій составилъ суемысленный осьмой соборъ, то съ этого времени папы Римскіе отъ Греческой вѣры отстали; если бы по сіе время въ Греческомъ государствѣ были благочестивые цари христіанскіе, то патріархи поставили бы папу въ Греческомъ государствѣ, и теперь они всѣ четыре патріарха совѣтовали со всѣмъ вселенскимъ соборомъ Греческихъ государствъ, дабы вмѣсто папы Римскаго поставить вселенскаго патріарха Константинопольскаго, а на его мѣсто поставить четвертаго патріарха, въ Московскомъ государствѣ. Если паны радные будутъ говорить, что изначала этого не бывало, то отвѣчать: вотъ у васъ въ Вильнѣ прежде кардиналовъ не бывало, а были бискупы, а теперь папа сдѣлалъ Юрія Радзивила кардиналомъ: и тому что дивиться? [124].

Изъ другихъ отношеній церковныхъ при Ѳеодорѣ замѣтимъ, что архіереи, какъ говорилось въ ихъ настольныхъ грамотахъ, ставились «по избранію св. Духа (на соборѣ) и по совѣту благовѣнчаннаго царя». Въ началѣ царствованія Ѳеодорова былъ любопытный случай, при которомъ опять послышалась укоризна Осифлянамъ. Рязанскій епископъ Леонидъ подалъ царю слѣдующую челобитную: «Пожаловалъ ты меня, государь, велѣлъ быть у себя за столомъ на Рождество Христово: а архіепископъ Ростовскій Евфимій мнѣ съ собою ѣсть съ блюда не далъ и меня въ конецъ позорилъ; а прежде, при отцѣ твоемъ, я ѣдалъ съ одного блюда съ архіепископомъ Новгородскимъ: а онъ же насъ, Осифовскихъ постриженниковъ, называетъ всѣхъ не Осифлянами, а Жидовлянами». Неизвѣстно, чѣмъ рѣшено было дѣло.

Въ Іюнѣ 1594 года, по государеву приказу, патріархъ Іовъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ приговорилъ учредить въ Москвѣ 8 старостъ поповскихъ, чтобъ у каждаго было по 40 по-

повъ, да по четыре дьякона въ десятскихъ, поставить и у Покрова Богородицы на Рву (у Покровскаго собор Василія Блаженнаго), куда должны сходиться старость сятскіе каждый день. Старосты должны были наблюдат въ извѣстные дни были по всѣмъ церквамъ молебны и разсылать для этого по всѣмъ церквамъ память, чтоб попамъ было вѣдомо; да и всякій день передъ обѣднями должны были по всѣмъ церквамъ пѣть молебны о всел устроеніи, благосостояніи церквей, о многолѣтнемъ здрав и царицы, о ихъ чадородіи, о христолюбивомъ воинс всемъ православномъ христіанствѣ. Старосты должны б блюдать, чтобъ всѣ попы и дьяконы являлись въ крестнь и до окончанія ихъ не расходились, а которые не явятся, доносить патріарху. Служить должны по церквамъ попы а наймитовъ не нанимать, кромѣ великой нужды или нибудь прегрѣшенія; отъ ружныхъ церквей и прих храмовъ попамъ по другимъ церквамъ служить не на ся; безмѣстные попы должны приходить къ Покрову I дицы, къ поповской избѣ, и здѣсь наниматься служ патріаршаго доклада; найму брать въ простые дни по а а въ большіе праздники и на Святой недѣлѣ по два а а больше не брали бы и божественною литургіею не т ли бы, старосты должны за этимъ смотрѣть крѣпко. Че попамъ у мірскихъ церквей не наниматься служить. Вт рый день панихиды служить и на завтрее обѣдни заупо по государяхъ, въ тѣ дни старосты съ десятскими дав памяти по всѣмъ церквамъ, къ которымъ по книгамъ каноны давать, а которые попы за государевы паних столы садятся, тѣ должны знать кого въ какой день пом Если христолюбцы станутъ приносить милостыню на хр здравіи или за упокой и велятъ раздѣлить по храмамъ повской избѣ, то старосты должны эту милостыню разд храмамъ. Пяти протопопамъ поручено было смотрѣть, старосты поповскіе исполняли этотъ наказъ.

Относительно монастырскаго благочинія царь въ 1584 году писалъ въ Соловецкій монастырь: «Слухъ до насъ дошелъ, что у васъ сытятъ квасы медвеные да квасятъ, и уставъ прежній монастырскій перемѣненъ: такъ вы бы квасовъ не квасили и прежняго чина монастырскаго не рушили; и которые старцы станутъ роптать, тѣхъ бы смиряли по монастырскому чину». Въ 1592 году двое старцевъ били челомъ на игумена и келаря Кириллова Новгородскаго монастыря, что они монастырскую казну раздаютъ въ займы, для своей прибыли, безъ братскаго вѣдома, дружатся съ дѣтьми боярскими, берутъ у нихъ себѣ гостинцы всякіе. Когда одинъ изъ челобитчиковъ сталъ имъ объ этомъ говорить, то они посадили его въ двои желѣза да въ цѣпь, а потомъ девять дней били его на правежѣ, правили деньги, которыя онъ проѣздилъ въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Бить на нихъ челомъ нельзя, откупаются монастырскою же казною; кромѣ субботы и воскресенья службы никогда въ монастырѣ нѣтъ и священника нѣтъ.

Въ Іюлѣ 1584 года постановили, чтобъ тарханамъ не быть, съ 1-го Сентября, на время, до государева указа, пока земля поустроится и помощь во всемъ учиниться царскимъ усмотрѣніемъ. Но уже въ Октябрѣ того же года царь далъ тарханную грамоту митрополиту Діонисію на слободку Святославлю, которую великій князь Василій Дмитріевичъ далъ митрополиту Кипріану вмѣсто города Алексина. Тогда же, въ Іюлѣ 1584, было подтверждено, чтобъ вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не давать; но видимъ, что это постановленіе или было скоро отмѣнено, или не исполнялось. Въ 1587 году знаменитый впослѣдствіи князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, по приказу отца своего, далъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь вотчинную деревню безъ доклада государю; не перечисляемъ царскихъ пожалованій землями въ монастыри. По-прежнему давалось монастырямъ право производить торговлю, право сбирать въ своихъ селахъ таможенную пошлину; по-прежнему давались грамоты съ освобожденіемъ монастырскихъ владѣній отъ разныхъ податей и повинностей; этихъ грамотъ

отъ царствованія Ѳеодора дошло до насъ очень много, и
чинаютъ онѣ раздаваться очень рано.

Касательно отношеній монастыря къ тѣмъ, на чей счет
былъ построенъ и поддерживался, любопытна царская г
та 1595 года. Въ Двинскомъ уѣздѣ, при устьѣ Нижняго
жа, былъ монастырь Никольскій, построенный мірскимъ
веніемъ. Староста этого монастыря билъ челомъ государю
десятильникъ митрополита Новгородскаго разорилъ мона
своимъ насильствомъ; царь далъ грамоту Двинскимъ дав
старостамъ и становымъ земскимъ судьямъ Калейскаго с
гдѣ находился монастырь, чтобъ они защищали монастыр
обидъ; а когда Калейскаго стана крестьяне захотятъ вп
перемѣнить Никольскихъ старостъ и въ монастырской
ихъ считать, или сами старосты захотятъ перемѣниться
казнѣ отчетъ отдать, то всѣ бы крестьяне Калейскаго
четырьмя волостками Никольскихъ старостъ выбирали меж
бою, кого сами излюбятъ, новыхъ старостъ приводили къ к
ному цѣлованію, а старыхъ съ лучшими людьми въ казнѣ
тали, и счетные списки отдавали новымъ старостамъ.

По старымъ грамотамъ Грознаго, монастырскіе крес
выбирали у себя прикащиковъ, старостъ, цѣловальниковъ,
кихъ, пятидесяцкихъ, десяцкихъ, для губныхъ дѣлъ прик
ковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьячковъ; монастыри пр
жали опредѣлять свои отношенія къ крестьянамъ устав
грамотами [125].

Кромѣ приведенныхъ указовъ въ дополненіи къ Судеб
при Ѳеодорѣ состоялись слѣдующіе боярскіе приговоры: «
дямъ, которые на себя въ разбоѣ съ пытокъ не говорили,
дѣть въ тюрьмѣ до смерти, а смертью ихъ не казнить».
той приговоръ: «На которыхъ дворянъ, приказныхъ люд
дѣтей боярскихъ, на ихъ людей, дворниковъ и крестьянъ
нутъ въ разбоѣ языки говорить, то обговоренныхъ брать,
ры ихъ и имѣніе печатать, и самихъ съ языками ставит
очей на очи; доведется до пытки, то напередъ пытать лю
ихъ, дворниковъ или крестьянъ, и если они съ пытки

жутъ на господъ, то пытать и тѣхъ, и указъ имъ чинить, какъ другимъ ворамъ. Людей и крестьянъ, обвиненныхъ господами, пытать безъ обыску. Кого приведутъ съ поличнымъ и онъ поличнаго не очиститъ, того пытать по поличному. Если же приведенный станетъ бить челомъ, что его этимъ поличнымъ истцы ополичили насильно, то сыскивать всякими сысками накрѣпко тамъ, гдѣ его поймали, и по сыску указъ чинить; также поступать, если скажутъ, что обвиненный не далъ вынуть у себя поличнаго или отнялъ вынутое. Если обвиненный безъ пытки признался въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, то пытать его въ другихъ разбояхъ и воровствахъ. Гдѣ случится разбой, и сторонніе люди, слыша крикъ, на него не пойдутъ, и когда разбитые люди станутъ звать ихъ за разбойниками въ погоню, и они также не пойдутъ, то, по жалобѣ истцовъ, отыскивать окольными людьми, и если окажется, что они точно не помогали отбиваться отъ разбойниковъ и въ погоню за ними не шли, то брать съ нихъ выти. Крестьянъ, которые не отведутъ отъ своего села или деревни разбойничьяго слѣда, пытать. Если обыскные люди при обыскѣ укроютъ татя или разбойника, то брать на нихъ выти, а лучшихъ людей, человѣка по два или по три, бить кнутомъ. На которыхъ людей языки говорятъ, что они станы держали, подводили и помогали, то брать такихъ людей, имѣніе опечатавши, ставить съ языками съ очей на очи, разспрашивать и указъ чинить какъ разбойникамъ. Если языкъ скажетъ на кого-нибудь, что положилъ у него до[illegible], и тотъ человѣкъ зналъ, что это пограбленное, то доправить на немъ покражу, въ исцевы иски взять выть, дать на чистую поруку съ записью, а не будетъ поруки, посадить въ тюрьму, пока порука будетъ; если же языки скажутъ, что положили за чисто, т.-е. не какъ пограбленное, то съ принявшихъ доправить только поклажу. Точно также поступать и при продажѣ разбойной рухляди. Кто приведетъ въ губу татя или разбойника, и приведенный будетъ оговаривать приведшаго въ какомъ-нибудь воровствѣ, то этому не вѣрить, чтобъ всякимъ людямъ безстрашно было воровъ

въ губу приводить. Приведутъ татя и доведутъ на него
татьбу, то бить его кнутомъ и отдать на чистую поруку,
посадить въ тюрьму, пока порука будетъ; а приведутъ та
доведутъ на него двѣ татьбы, то бить его кнутомъ, от
руку и покинуть; доведутъ татьбы три, четыре или больше
казнить смертію. Церковныхъ татей казнить смертію. Въ
бойныхъ дѣлахъ мировыя не дозволяются. — Относительно
вѣдыванія судомъ любопытно извѣстіе Разрядныхъ книгъ
1588 годомъ: царь велѣлъ отставить князя Меркурья Ще
таго отъ плавной рати и послалъ его въ Тверь судьею. До
до насъ отъ описываемаго времени любопытная челобитная
рю старцевъ Іосифова монастыря, по поводу спора о зе
между ихъ крестьянами и крестьянами боярина Ивана Вас
евича Годунова: «Послана, государь, отъ тебя грамота въ
зельскій и Бѣлевскій уѣздъ къ Кузьмѣ Безобразову: велѣно
выбрать 10 лучшихъ крестьянъ боярина И. В. Годунов
столько же нашихъ лучшихъ крестьянъ и дать имъ жре
чей жребій вынется, тѣмъ отводить землю и лѣсъ съ образ
Кузьма лучшихъ людей выбралъ и говорилъ крестьянамъ
на Васильевича: «Съ образомъ съ жребія идете ли отво
лѣсъ и землю, по своему отводному рубежу?» Слуга И
Васильевича отвѣчалъ: «Крестьянамъ Ивана Васильевича
и земли не отваживать и жребія не брать; пусть монас
скіе крестьяне отводятъ лѣсъ и землю безъ жребія». М
стырскіе крестьяне били челомъ Кузьмѣ: «Ивана Василье
крестьянамъ надобна земля и лѣсъ П[illegible]истой Богородиц
чудотворца Іосифа, перелѣзши изъ Б[illegible]скаго уѣзда въ
зельскій уѣздъ черезъ вѣковую межу городу съ городом
такъ и лѣсъ имъ отводить съ образомъ, землю и лѣсъ
чистой, а мы имъ вѣримъ и безъ жребія». Крестьянцы
ши съ образомъ земли и лѣсу отводить не смѣютъ, мы имъ
велимъ отводить твоего государева жалованья; а люди и кре
яне Ивана Васильевича нашимъ крестьянцамъ грозятъ:
лятъ имъ неволею отводить нашу прямую монастырскую
лю, для того, чтобъ насъ, нищихъ твоихъ, опозорить, оглас

и въ грѣхъ ввесть, а крестьянецъ нашихъ продать и вотчину монастырскую запустошить; а монастырскіе крестьянцы уже и такъ отъ нихъ застращены, четвертый годъ безпрестанныя обиды и насильства терпятъ. Государь милосердый царь! пощади свою богомолью, вели учинить безгрѣшно, чего не ведется, что иноческому чину землю отводить съ образомъ: вели сыскать старыми писцовыми книгами и старыми гранями. Обыскные люди обоихъ городовъ, Козельска и Бѣлева, всѣ знаютъ вѣковой рубежъ городу съ городомъ, да не смѣютъ сказать правды, блюдутся Ивана Васильевича» [126].

Относительно нравовъ и обычаевъ замѣтимъ извѣстіе о потѣхахъ царскихъ: государь пожаловалъ Василья Усова, дано ему 15 рублей денегъ, да сукно доброе въ 2 рубля: тѣшилъ онъ государя, закололъ передъ нимъ мѣдвѣдя; даны были подарки какому-то Молвенинову: государя тѣшилъ, привелъ медвѣдя съ хлѣбомъ да солью въ саадакѣ, и съ дикимъ медвѣдемъ своего медвѣдя спускалъ; дано сукно доброе въ два рубля охотнику Глазову: тѣшился государь на царицыны именины медвѣдями, волками и лисицами, и медвѣдь Глазова ободралъ. — 1-го Августа государь ѣздилъ подъ Симоновъ для водоосвященія на рѣкѣ и тамъ купался (мочался). — Смирное платье (трауръ) по царевнѣ Ѳеодосіи для чиновъ придворныхъ было цвѣту темнозеленаго, вишневаго, багроваго, синяго, безъ саженья.

Относительно нравовъ и обычаевъ народныхъ замѣтимъ, что въ 1590 году староста и крестьяне Тавренской волости *обговорились* между собою, по благословенію отца своего духовнаго, и учинили заповѣдь на три года, чтобъ въ праздникъ, въ Воскресеніе Христово дѣла не дѣлать никакого чернаго, ни угодья не угодовать, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовать, ни рыбы не ловить, ни ягодъ, ни губъ не носить, ни путика паснаго, ни силоваго вновѣ не ставить, а въ пятницу ни толочь, ни молоть, ни камня не жечь, проводить съ чистотою и любовію; женамъ по воскресеньямъ ни шить, ни брать. А кто заповѣдь эту порушитъ и доведутъ

его людьми добрыми: на томъ доправить соцкому, по міре уложенію, 8 алтынъ денегъ на церковное строеніе, а деньги соцкому. Кто станетъ яица бить, на томъ допра ту же заповѣдь 8 алтынъ.

Подъ 1595 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что к Василій Щепинъ да Василій Лебедевъ составили заго зажечь Москву во многихъ мѣстахъ, а самимъ у Вас Блаженнаго грабить казну; рѣшеточный прикащикъ Байк участвовавшій въ заговорѣ, долженъ былъ въ это врем отпирать рѣшетокъ. Но заговоръ былъ открытъ, и глав участники казнены смертію.

Въ лѣтописяхъ же находимъ извѣстіе о чародѣйствахъ полной вѣрѣ въ ихъ силу. О Годуновѣ говорится, что изъ многихъ городовъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ и ихъ помощію привлекъ къ себѣ любовь царя. Волшебн предсказывали Борису, что онъ будетъ царствовать, но долго, только семь лѣтъ. Приведемъ также любопытный сказъ лѣтописца объ отравленіи Крымскаго царевича Мура Гирея въ Астрахани. Бусурманы прислали вѣдуновъ и испортили. Воеводы, видя его болѣзнь великую, привели нему лѣкаря арапа. Арапъ сказалъ, что его вылѣчить нел пока не сыщутъ вѣдуновъ, которые его портили, взялъ собою Русскихъ людей, пошелъ въ юрты, перехваталъ т вѣдуновъ и началъ ихъ мучить. Вѣдуны сказали: «если кр больныхъ не замерзла, то можно пособить». Тогда арапъ лѣлъ вѣдунамъ метать изъ себя кровь въ лахань, и они метали всю кровь, которую выпили изъ соннаго царевич женъ его и другихъ Татаръ, и тѣмъ ихъ испортили. Вѣду разсказывали арапу по порядку: вотъ это кровь царевич вотъ эта его женъ, вотъ эта другихъ Татаръ; кровь царев и одной изъ женъ его вся замерзла, и потому вѣдуны сказа что имъ живымъ не быть; чья же кровь не замерзла, и е помазать ею больнаго, то онъ останется живъ. Когда царев умеръ, то воеводы донесли обо всемъ подробно государ царь отправилъ въ Астрахань Астаѳья Пушкина съ при

заньемъ пытать вѣдуновъ, по чьему умышленію испортили царевича, и послѣ пытки пережечь. Пушкинъ пыталъ вѣдуновъ накрѣпко разными пытками, но ничего не могъ допытаться. Тогда тотъ же арапъ началъ говорить, что у нихъ такъ ничего не допытаться, а велѣлъ положить имъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить ихъ не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ, — и они стали все сказывать. Воеводы, послѣ пытки, велѣли ихъ жечь, и жегъ тотъ же арапъ своимъ мастерствомъ; когда ихъ жгли, то слетѣлось сорокъ и воронъ многое множество [127].

Изъ перечисленія подарковъ, выданныхъ изъ царской казны разнымъ лицамъ, мы узнаемъ имена тогдашнихъ художниковъ: дано было сукно въ два рубля и еще два рубля денегъ Поснику Ростовцу за то, что писалъ образъ Смоленской Богородицы. Этотъ Посникъ Ростовецъ носилъ названіе знаменщика; онъ получилъ Англійское сукно доброе за то, что *знаменовалъ*, садилъ жемчугомъ съ дробницами черный бархатный покровъ на гробъ Іоанна Грознаго. Сохранились имена 14 серебряныхъ мастеровъ, которые дѣлали раку Сергія чудотворца [128]. Литьемъ огромныхъ пушекъ отличался мастеръ Андрей Чоховъ.

ГЛАВА V.

Значеніе Рюриковой династіи. Она сходитъ со сцены. Положеніе цар
Димитрія въ Угличѣ. Убіеніе его. Разборъ слѣдственнаго дѣла объ
убіеніи. Народный взглядъ на событіе. Смерть царевны Ѳеодосіи. Смер
ря Ѳеодора.

XVI-й вѣкъ исходилъ: съ его исходомъ прекращалась рикова династія. Въ двухъ различныхъ положеніяхъ, въ д различныхъ странахъ слѣдили мы за дѣятельностію потом Ририка, и не могли не замѣтить основнаго различія въ дѣятельности. Сначала мы видимъ ихъ дѣйствующими въ мадной и рѣдко населенной странѣ, неимѣвшей до ихъ явленія исторіи. Съ необыкновенною быстротою Рюрико захватываютъ въ свое владѣніе обширныя пространства и чиняютъ себѣ племена, здѣсь живущія: эту быстроту ясняетъ равнинность страны, удобство водныхъ путей, м численность и особность племенъ, которыя не могли выста крѣпкаго и дружнаго сопротивленія, ибо не знали союз дѣйствія, каждое племя покорялось по одиначкѣ: ясный зн что никакого единства между племенами не существовало, это единство принесено князьми и сознаніе о единствѣ родномъ и государственномъ явилось вслѣдствіе ихъ дѣят ности. Они расплодили Русскую землю и сами размножи. въ ней съ необыкновенною силою: обстоятельство важное, оно дало возможность членамъ одного владѣльческаго

устроить себѣ множество столовъ во всѣхъ предѣлахъ громадной страны, взять въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ важнѣйшія мѣста; не было потому необходимости въ намѣстникахъ большихъ городовъ и областей, въ людяхъ, изъ которыхъ могла бы образоваться сильная аристократія. Князья разошлись по обширной странѣ, но не раздѣлились, ибо ихъ связывало другъ съ другомъ единство рода, которое такимъ образомъ приготовило единство земли. Чтобъ не порвалась связь между частями, связь слабая, только что завязавшаяся, необходимо было это безпрерывное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, съ концовъ отдаленныхъ. Князья съ своими дружинами представляли начало движенія, которое давало странѣ жизнь, исторію: не даромъ Мономахъ хвалится своимъ движеніемъ, большимъ количествомъ совершенныхъ имъ путешествій. Движеніе, движеніе неутомимое, было главною обязанностію князей въ это время: они строили города, давали имъ жителей, передвигали народонаселеніе изъ одной области въ другую, были виновниками новыхъ общественныхъ формъ, новыхъ отношеній. Все новое, все чтò должно было дать племенамъ способность къ новой, высшей жизни, къ исторіи, было принесено этимъ движущимся началомъ, князьями и дружинами ихъ: они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство; чтобъ понять значеніе Рюриковичей и дружинъ ихъ, какъ проводниковъ новаго, людей, пролагавшихъ пути исторической жизни, стоитъ только вспомнить разсказъ лѣтописца о появленіи волхва въ Новгородѣ: на вопросъ епископа: «кто идетъ къ кресту и кто къ волхву?» народъ, масса, хранящая старину, потянулась къ волхву, представителю стараго язычества, князь же и дружина его стали на сторонѣ епископа. — Скоро, при описаніи смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе массы народной, охранявшей старину, когда движеніе пошло путемъ незаконнымъ.

Такова была начальная дѣятельность Рюриковичей. Понятно, что въ эпоху этой начальной дѣятельности, при началѣ госу-

дарственной зиждительности въ странѣ, неимѣвшей прежде истории, не могло быть еще ничего прочнаго, опредѣленнаго: все было еще въ зародышѣ, начала, сѣмена вещей сопоставлялись другъ съ другомъ безъ внутренней связи, части, образовавшись, стремились еще жить особною жизнію; при сильномъ движеніи, просторѣ, возможности уходить при первомъ неудобствѣ, не было мѣста никакимъ опредѣленіямъ, ибо на движущейся почвѣ ничего построить нельзя. Главное право, главное ручательство въ выгодѣ положенія для члена общества, для члена извѣстнаго сословія, заключалось въ правѣ уйти, правѣ, которое основывалось на возможности ухода и прекращалось съ этою возможностію. Столкновенія интересовъ разрѣшались не общими опредѣленіями, но порваніемъ отношеній, уходомъ изъ одной области въ другую, которая случайно, вслѣдствіе своей особной жизни съ особымъ правительствомъ, на время представляла бо́льшія удобства; отсюда господство временнаго, мѣстнаго, личнаго, случайнаго надъ общимъ, господство необходимое при слабости, младенчествѣ государства.

Но государство росло, и изъ младенчества оно переступило на высшую степень, которая знаменуется сосредоточеніемъ, осѣдлостію. Эта эпоха сосредоточенія необходима для утвержденія сознанія о государственномъ единствѣ, о единствѣ государственнаго интереса; здѣсь части, области, лица должны отказаться отъ своей особной, своеобразной жизни и подчиниться условіямъ жизни общей; и когда потомъ, при утвержденіи сознанія о государственномъ единствѣ, части получаютъ бо́льшую или меньшую самостоятельность, самоуправленіе, то эта самостоятельность является уже вслѣдствіе государственныхъ требованій, является съ непосредственнымъ отношеніемъ къ сосредоточивающей власти: такъ, напримѣръ, при Іоаннѣ IV даны были откупныя грамоты, установлявшія самоуправленіе въ волостяхъ; но отношеніе этихъ волостей къ царю вовсе не было похоже на отношеніе Новгорода или Пскова къ прежнимъ великимъ князьямъ Московскимъ.

Въ эту эпоху сосредоточенія Рюриковичи, вслѣдствіе новыхъ

условій временныхъ и мѣстныхъ (ибо главная сцена дѣйствія переносится съ юга на сѣверъ), перемѣняютъ свой характеръ и неуклонно ведутъ общество по новому пути. Изъ расплодителей земли они становятся собирателями земли, изъ храбрыхъ вождей дружинъ, любившихъ вездѣ честь свою брать, думавшихъ преимущественно объ этой воинской чести, а не объ упроченіи себѣ движимыхъ и недвижимыхъ стяжаній, считавшихъ неприличнымъ копить имѣніе, но все раздававшихъ дружинѣ — Рюриковичи становятся на сѣверѣ бережливыми хозяевами, преимущественно заботившимися о примыслахъ, прибыткахъ, крайне осторожными, не охотниками до рѣшительныхъ битвъ. И все на сѣверѣ, въ эпоху сосредоточенія, принимаетъ характеръ прочности, осѣдлости, вслѣдствіе чего земельныя отношенія, условливающія прочность, получаютъ важное значеніе; общество сознаетъ различіе *земскаго* человѣка, осѣдлаго собственника отъ вольнаго козака, представителя старины, старой эпохи безнаряднаго движенія; этому представителю старины трудно въ новомъ обществѣ, онъ уходитъ на просторъ въ вольную степь и тамъ ждетъ случая вступить въ борьбу съ враждебнымъ ему новымъ порядкомъ вещей. Но эпоха сосредоточенія, но государи Московскіе сдѣлали свое дѣло: государство крѣпко, и козаку не осилить земскаго человѣка.

Кончивши это второе дѣло свое, дѣло сосредоточенія земли, династія Рюрика сходитъ со сцены. Царь Ѳеодоръ не могъ самъ управлять государствомъ; явился правитель, который, вслѣдствіе произведеннаго прежними государями сосредоточенія власти и ослабленія могущества вельможныхъ родовъ, могъ легко, опираясь на свои близкія отношенія къ царю, осилить всѣхъ своихъ соперниковъ. Достигнувъ первенства, Годуновъ долженъ былъ подумать о будущемъ, и будущее это было для него страшно, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ выше было его положеніе настоящее: у Ѳеодора не было сына, при которомъ бы Годуновъ, какъ дядя, могъ надѣяться сохранить прежнее значеніе, по крайней мѣрѣ, прежнюю честь; преемникомъ бездѣтнаго

Θеодора долженствовалъ быть братъ его Димитрій, удале въ Угличь при воцареніи старшаго брата, удаленный « томъ всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ »[129]. митрій росъ при матери и ея родственникахъ, Нагихъ; п но, какія чувства эти опальные Нагіе питали къ людямъ, вергнувшимъ ихъ опалѣ, съ какими чувствами дожид прекращенія своихъ бѣдствій, своего изгнанія, въ ка чувствахъ къ Годунову и къ людямъ ему близкимъ восп вали ребенка, который не умѣлъ скрывать этихъ чувств будущее долженъ былъ бояться не одинъ Годуновъ, за буд должны были бояться всѣ тѣ люди, которые были обязаны годами положенія своего Годунову и лишались всего ст паденіемъ, а такихъ людей было очень много; наконецъ з дущее должны были бояться тѣ люди, которыхъ судьба хо не была тѣсно соединена съ судьбою Годунова, но по со которыхъ Димитрій подвергся изгнанію, а къ этимъ лю принадлежали всѣ начальнѣйшіе Россійскіе вельможи. И въ Маѣ 1591 года разнеслась по государству вѣсть, что вича Димитрія въ Угличѣ не стало[130], и понесся слухъ, погибъ онъ насильственною смертію, отъ убійцъ, подос ныхъ Годуновымъ. Лѣтописцы такъ разсказываютъ подробн событія.

Сначала хотѣли отравить Димитрія: давали ему ядъ въ п и питьѣ, но понапрасну. Тогда Борисъ призвалъ родстве ковъ своихъ, Годуновыхъ, людей близкихъ, окольничаго К нина и другихъ, и объявилъ имъ, что отравой дѣйство нельзя, надобно употребить другія средства. Одинъ изъ Г новыхъ, Григорій Васильевичъ, не хотѣлъ дать своего сог на злое дѣло, и его больше не призывали на совѣтъ и чу лись. Другіе совѣтники Борисовы выбрали двухъ людей, ихъ мнѣнію, способныхъ на дѣло — Владиміра Загрязска Никифора Чепчюгова — но эти отреклись. Борисъ былъ большомъ горѣ, что дѣло не удается; его утѣшилъ Клешн «Не печалься» говорилъ онъ ему: «у меня много родных друзей; желаніе твое будетъ исполнено». И точно Клешн

отыскалъ человѣка, который взялся исполнить дѣло: то былъ дьякъ Михайла Битяговскій. Съ Битяговскимъ отправили въ Угличь сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитріевой, Осипа Волохова; этимъ людямъ поручено было завѣдывать всѣмъ въ городѣ. Царица Марья замѣтила враждебные замыслы Битяговскаго съ товарищами, и стала беречь царевича, никуда отъ себя изъ хоромъ не отпускала. Но 15 Мая, въ полдень, она почему-то осталась въ хоромахъ, и мамка Волохова, бывшая въ заговорѣ, повела ребенка на дворъ, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльцѣ уже дожидались убійцы; Осипъ Волоховъ, взявши Димитрія за руку, сказалъ: «Это у тебя, государь, новое ожерельеце?» Ребенокъ поднялъ голову и отвѣчалъ: «нѣтъ, старое». Въ эту минуту сверкнулъ ножъ; но убійца кольнулъ только въ шею, не успѣвъ захватить гортани, и убѣжалъ. Димитрій упалъ, кормилица пала на него, чтобъ защитить, и начала кричать: тогда Данила Битяговскій съ Качаловымъ, избивши ее до полусмерти, отняли у нея ребенка и дорѣзали. Тутъ выбѣжала мать и начала кричать. На дворѣ не было никого, всѣ родственники ея разошлись по домамъ; но соборный пономарь, видѣвшій съ колокольни убійство, заперся и началъ бить въ колоколъ; народъ сбѣжался на дворъ и, узнавши о преступленіи, умертвилъ стараго Битяговскаго и троихъ убійцъ; всего погибло 12 человѣкъ. Тѣло Димитрія положили въ гробъ и вынесли въ соборную церковь Преображенія, а къ царю послали гонца съ вѣстію объ убійствѣ брата. Гонца привели къ Борису; тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ другую, что Димитрій самъ зарѣзался, по небреженію Нагихъ, и велѣлъ эту грамоту подать царю. Өеодоръ долго плакалъ. Для сыску про дѣло и для погребенія Димитрія посланы были въ Угличь князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ, дьякъ Елизаръ Вылузгинъ и Крутицкій митрополитъ Геласій. Посланные осмотрѣли тѣло, погребли его и стали разспрашивать Угличанъ, какъ, по небреженію Нагихъ, закололся царевичъ?

Имъ отвѣчали, что царевичь былъ убитъ своими рабами — Битяговскимъ съ товарищами, по приказанію Бориса Годунова и его совѣтниковъ. Но, пріѣхавши въ Москву, Шуйскій съ товарищами сказали царю, что Димитрій закололся самъ. Нагихъ привезли въ Москву и пытали крѣпко; у пытки былъ самъ Годуновъ съ боярами и Клешнинымъ; но съ пытки Нагіе говорили, что царевичь убитъ. Царицу Марью постригли въ монахини и заточили въ Выксинскую пустынь за Бѣлоозеро; Нагихъ всѣхъ разослали по городамъ, по тюрьмамъ; Угличанъ однихъ казнили смертію, инымъ рѣзали языки, разсылали по тюрьмамъ; много людей свели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, и съ того времени Угличь запустѣлъ.

Въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ ни одной черты, которая бы заставляла заподозрить его: подробности самаго убіенія, предшествовавшій разговоръ убійцы съ жертвою, подробности приготовленій въ Москвѣ, имена лицъ, выбранныхъ, но отказавшихся взять на себя совершеніе злодѣйства, указаніе на Клешнина, какъ на главнаго дѣятеля—всѣ эти подробности не позволяютъ историку видѣть въ этомъ разсказѣ выдумку [131]. Сравнимъ теперь съ этимъ разсказомъ другой памятникъ, имѣвшій цѣлію доказать противное, т.-е. что Димитрій самъ закололся, обратимся къ слѣдственному дѣлу о убіеніи царевича.

19 Мая, вечеромъ, пріѣхали въ Угличь князь Василій Шуйскій, Андрей Клешнинъ, Елизаръ Вылузгинъ, и разспрашивали Михайлу Нагова: «Какимъ обычаемъ царевича Димитрія не стало? и чтó у него была за болѣзнь? для чего онъ, Нагой, велѣлъ убить Михайлу Битяговскаго, сына его Данилу, Никиту Качалова, Данилу Третьякова, Осипа Волохова, посадскихъ людей, слугъ Битяговскаго и Волохова, и для чего онъ велѣлъ во вторникъ сбирать ножи, пищали, палицу желѣзную, сабли и класть на убитыхъ людей? посадскихъ и сельскихъ многихъ людей для кого сбиралъ? и почему городоваго прикащика, Русина Ракова, приводилъ къ крестному цѣлованію, что ему стоять съ нимъ заодно, и противъ кого было имъ стоять?»

Слѣдователи пріѣхали 19 Мая, вечеромъ; въ тотъ же вечеръ сдѣлали допросъ Михайлѣ Нагому, и о чемъ же спросили? не о томъ только, какъ приключилась смерть царевичу и что происходило потомъ? но спросили: какая болѣзнь была у царевича, зачѣмъ онъ, Нагой, велѣлъ убить извѣстныхъ людей и положить на нихъ оружіе, зачѣмъ сбиралъ людей, приводилъ городоваго прикащика ко кресту? Тотчасъ же представляется вопросъ: какимъ образомъ слѣдователи могли узнать все это? и послѣ уже изъ розыска открывается, что слѣдователи, пріѣхавъ въ Угличь, прежде всего выслушали городоваго прикащика, Русина Ракова, который обвинилъ Нагихъ и показалъ, что царевичь убился самъ. Итакъ, въ самомъ началѣ акта мы уже замѣчаемъ подозрительную неточность: о Русинѣ Раковѣ ничего не сказано, и прямо дѣлается допросъ Нагому на основаніи показаній Русина Ракова!

Михайла Нагой отвѣчалъ, что царевичь зарѣзанъ Осипомъ Волоховымъ, Никитою Качаловымъ и Данилою Битяговскимъ, что убійцъ побили черные люди, безъ его, Михайлова, приказа, что оружіе на убитыхъ положилъ Русинъ Раковъ самъ, также безъ его вѣдома, и къ присягѣ городоваго прикащика онъ, Михайла Нагой, не приводилъ. Тогда Русинъ сослался на брата Михайлова, Григорія Нагова, и на слугу, Бориса Аѳанасьева, и тѣ показали, что оружіе положено на убитыхъ по приказу Михайлы Нагова. Чтó же отвѣчалъ на это послѣдній—не знаемъ; знаемъ то, что онъ не приложилъ руки къ своимъ рѣчамъ; знаемъ еще любопытное обстоятельство: Русинъ Раковъ и сторожъ дьячьей избы, Евдокимъ Михайловъ, показалъ, что во вторникъ приходилъ въ дьячью избу человѣкъ Михайлы Нагова, Тимоѳей, вмѣстѣ съ Русиномъ Раковымъ; этотъ Тимоѳей принесъ живую курицу, зарѣзалъ ее, кровью вымазали разнаго рода оружіе, которое Русинъ Раковъ и положилъ на трупы Битяговскаго съ товарищами; но другой слуга Нагова, Борисъ Аѳанасьевъ, показалъ, что Тимоѳей еще въ понедѣльникъ вечеромъ сбѣжалъ невѣдомо куда, и дѣйствительно Тимоѳей у допроса не былъ.

Теперь посмотримъ, что показали Нагіе о самой смерти ц ревича. Михайла Нагой, какъ мы видѣли уже, сказалъ, ч Димитрія зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Д нила Битяговскій. Но онъ не объявилъ самаго главнаго, имен кто сказалъ ему объ этомъ? потому что самъ онъ не видал какъ было дѣло, прибѣжавши уже на колокольный звонъ и д мая, что горитъ во дворцѣ. Григорій Нагой показалъ противн что царевичь накололся самъ ножемъ въ припадкѣ падучей б лѣзни, которая на немъ и прежде бывала. Но и Григорій объявилъ главнаго: кто сказалъ ему о родѣ смерти царевич потому что самъ онъ также ничего не видалъ, прибѣжавш вмѣстѣ съ Михайлою. Но Григорій въ своемъ показаніи пр бавляетъ очень важное обстоятельство, именно, что они заста царевича еще въ живыхъ и умеръ онъ при нихъ. При это Григорій не прибавилъ обстоятельствъ важныхъ: въ какомъ п ложеніи засталъ онъ царевича (кормилица показала, что о умеръ на ея рукахъ)? былъ ли у него или подлѣ него нож которымъ онъ игралъ? Слѣдователи объ этомъ не спрашивал Потомъ Григорій Нагой показалъ, что когда явился стар Битяговскій и набѣжало множество народу, то начали говорит *невѣдомо кто*, будто царевича зарѣзалъ Данила Битяговск съ товарищами. Изъ другихъ показаній открывается, что это *невѣдомо кто* была царица Марья, что Григорій Нагой в рилъ своей сестрѣ и по ея приказу билъ мамку Василису В лохову полѣномъ по бокамъ; а теперь что заставило его пер мѣнить убѣжденіе? Одни скажутъ: онъ одумался, увидалъ не правду сестры и собственную; но другіе скажутъ, что он былъ улещенъ и застращенъ, и дѣло попрежнему остаетс темнымъ. Наконецъ третій Нагой, Андрей, показалъ, что царе вичь ходилъ на заднемъ дворѣ, игралъ съ дѣтьми черезъ черт ножемъ, и вдругъ на дворѣ закричали, что царевича не стало царица сбѣжала сверху, а онъ, Андрей, въ то время сидѣл за столомъ; услыхавъ крикъ, онъ прибѣжалъ къ царицѣ, и видитъ, что царевичь лежитъ на рукахъ у кормилицы *мертвъ, а сказываютъ, что его зарѣзали*: и онъ, Андрей, того не

видалъ, кто его зарѣзалъ, а на царевичѣ бывала болѣзнь падучая. Это показаніе правдоподобнѣе прочихъ; но вотъ что̀ замѣчательно: Андрей Нагой сидѣлъ во дворцѣ за обѣдомъ и сбѣжалъ на дворъ тотчасъ за царицею, какъ только услыхалъ крикъ, и нашелъ уже царевича мертвымъ на рукахъ кормилицы; а Григорій Нагой обѣдалъ у себя на подворьѣ, прибѣжалъ уже на звонъ колоколовъ и нашелъ еще царевича живымъ!... Что̀ же мы должны заключить объ этихъ показаніяхъ? то, что всѣ они, по своему явному противорѣчію и утайкѣ главныхъ обстоятельствъ, должны быть заподозрѣны и отстранены. Но обратимся къ показаніямъ очевидцевъ: не объяснятъ ли они намъ дѣла удовлетворительнѣе.

Мамка Василиса Волохова показала, что царевичь игралъ съ дѣтьми ножемъ и, въ припадкѣ падучей болѣзни, поколохся самъ въ горло; тогда царица Марья сбѣжала на дворъ и начала ее, Василису, бить полѣномъ, не слушая никакихъ оправданій, и пробила ей голову во многихъ мѣстахъ, приговаривая, что Димитрія зарѣзали сынъ ея, Василисинъ, Осипъ вмѣстѣ съ Данилою Битяговскимъ и Никитою Качаловымъ; потомъ царица велѣла бить ее, Василису, брату своему, Григорію Нагому, послѣ чего бросили ее замертво. Потомъ начали звонить у Спаса въ колокола, сбѣжались посадскіе люди, и царица Марья велѣла имъ опять взять ее, Василису: мужики взяли ее, ободрали и простоволосу держали предъ царицею; прибѣжалъ на дворъ Михайла Битяговскій и началъ уговаривать посадскихъ людей и Михайлу Нагова; но царица и Михайла Нагой велѣли убить Битяговскаго. Василиса объявила также, что вмѣстѣ съ нею во время смерти царевича были: кормилица Ирина и постельница Марья Самойлова: спросили и этихъ женщинъ: кратко и сжато, почти въ однихъ словахъ, онѣ объявили, что царевичь игралъ съ дѣтьми и, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололся самъ ножикомъ. Спросили и дѣтей, игравшихъ съ Димитріемъ: они показали то же, что̀ и женщины; слѣдователи спросили у нихъ: кто еще съ ними былъ на дворѣ во время смерти царевича? дѣти указали *дважды*

на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, и пропустили — Василису Волохову, и слѣдователи не обратили вниманія на это обстоятельссво! Кромѣ трехъ женщинъ и дѣтей явился еще одинъ очевидецъ, стряпчій Семейка Юдинъ, который сказалъ, что стоялъ въ то время у поставца и самъ видѣлъ, какъ царевичь накололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Вотъ и всѣ очевидцы! Остальныя же лица говорили по чужимъ рѣчамъ (чьимъ — неизвѣстно): и всѣ эти люди, сами ничего не видавши, тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что царевичь игралъ съ дѣтьми и въ припадкѣ падучей болѣзни самъ наткнулся на ножъ.

Но кромѣ приведенныхъ есть еще и другія подозрительныя обстоятельства. Здѣсь первое мѣсто занималъ вопросъ: кто и когда началъ первый звонить у Спаса и этимъ привлекъ толпу народа на дворъ царевичевъ? Михайла и Григорій Нагіе показали, что они прибѣжали съ своего подворья къ царевичу, будучи встревожены колокольнымъ звономъ; Василиса же Волохова объявила, что Григорій Нагой находился у царевича и билъ ее прежде, чѣмъ начали звонить у Спаса; Григорій Нагой прибавилъ, что въ колоколъ началъ звонить пономарь, прозвищемъ Огурецъ. Константиновской церкви пономарь, вдовый попъ Ѳедотъ Аѳанасьевъ, прозвищемъ Огурецъ, былъ потребованъ къ допросу и показалъ, что сидѣлъ дома, когда у Спаса зазвонилъ сторожъ Максимъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ, и когда прибѣжалъ къ церкви къ Спасу, встрѣтился ему кормоваго дворца стряпчій, Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему звонить въ колоколъ у Спаса, да ударилъ его въ шею и заставилъ силою звонить, говоря, что царица Марья приказываетъ, и все это онъ говорилъ передъ Григорьемъ Нагимъ. Григорій Нагой сказалъ: «того онъ не слыхалъ, что тому попу Ѳедоту велѣлъ звонить Суббота Протопоповъ; а сказывалъ ему тотъ же попъ Ѳедотъ, что велѣлъ ему звонить Суббота, и что прибѣгалъ къ нему Михайла Битяговскій, и онъ заперся, на колокольню его не пустилъ». А Суббота Протопоповъ, поставленный на

очную ставку съ попомъ Өедотомъ, сказалъ: «Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайла Нагой, и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, то онъ и приказалъ пономарю Огурцу звонить». Такимъ образомъ звонъ произошелъ по приказу Нагихъ, а Нагіе показывали, что они сами прибѣжали на звонъ; но если показывали ложно, то какъ очутились они на дворѣ у царевича? кто имъ далъ знать о несчастіи? Слѣдователи не обратили на это вниманія. Мало того: Огурецъ объявилъ, что онъ самъ прибѣжалъ на звонъ, что первый сталъ звонить у Спаса сторожъ Максимъ Кузнецовъ; но для чего же Субботѣ нужно было толкать Огурца въ шею и заставлять его звонить, когда звонъ уже былъ произведенъ? Куда дѣвался Кузнецовъ? какъ слѣдователи не обратили вниманія на эту запутанность и не потребовали къ допросу Кузнецова? Далѣе: Константиновской церкви священникъ Богданъ показалъ, что онъ въ тотъ день, въ субботу, обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго: вдругъ зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; Битяговскій послалъ своихъ людей провѣдать, зачѣмъ звонятъ, и думалъ, что гдѣ нибудь пожаръ; посланные возвратились и сказали, что царевича Димитрія не стало; тогда Михайла *тотчасъ* пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, началъ уговаривать посадскихъ людей и былъ ими убитъ; а сынъ Михайлы Битяговскаго, Данила, былъ въ то время у отца своего на подворьѣ, обѣдалъ. Священикъ показалъ, что Битяговскій дома еще узналъ о смерти царевича и тотчасъ отправился во дворецъ; а Углицкіе разсыльщики показали, что Михайла Битяговскій, улыхавъ шумъ, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ въ дьячью избу; здѣсь сытникъ Моховиковъ сказалъ ему, что царевичь боленъ падучею болѣзнію (еще только!), и Битяговскій отправился къ царицѣ, а сынъ его остался въ дьячей избѣ. Какое же изъ этихъ двухъ показаній справедливо? Если справедливо показаніе священника Богдана, то Михайлѣ Битяговскому, извѣщенному, что царевича не стало, не зачѣмъ было сначала идти въ дьячью избу: онъ долженъ былъ прямо спѣшить во дворецъ. Разумѣется, для объясненія этого противо-

рѣчія нужно было спросить сторожа дьячьей избы, Ев
Михайлова: онъ долженъ былъ знать, былъ ли Михай
тяговскій въ избѣ, и какъ попалъ туда сынъ его Данила,
вмѣстѣ съ послѣдними очутился тамъ и Качаловъ? Но сто
Евдокима спросить объ этомъ не заблагоразсудили. Спр
вали Кирилла Моховикова, который, по объявленію разсы
ковъ, первый далъ знать Битяговскому о болѣзни царевич
Моховиковъ не сказалъ ни слова о томъ, давалъ ли онъ
этомъ знать Битяговскому, а объявилъ только, что когда
вичь покололся ножемъ и начали звонить, то Михайл
тяговскій прибѣжалъ къ двору, къ воротамъ, а ворота
заперты, и онъ, Моховиковъ, побѣжалъ къ Михайлѣ къ
тамъ и ворота отперъ; когда Михайла вошелъ на дворъ и
чалъ посадскихъ и всякихъ людей уговаривать, то Мохов
начали бить и забили на смерть, руки и ноги переломал
какимъ образомъ ворота были заперты, когда толпа народ
ходилась уже на дворѣ, когда нарочно велѣно было зво
чтобъ народъ собирался на дворъ, и за чтò били Моховик
На эти обстоятельства слѣдователи не обратили никакого
манія; упустили изъ виду и слова пономаря Огурца, что
хайла Битяговскій прибѣгалъ къ нему на колокольню, но
онъ заперся.

Послѣ всего этого не должны ли мы заключить, что слѣд
было произведено недобросовѣстно? не ясно ли видно,
спѣшили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, что цар
зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, не обра
вниманія на противорѣчія и на укрытіе главныхъ обсто
ствъ. Нагіе пострадали за то, что наустили народъ убить Б
говскихъ, Волохова и Качалова; Угличане пострадали за
что повѣрили Нагимъ; но ни одинъ изъ Нагихъ не былъ сви
лемъ несчастія: кто же первый произнесъ имена убійцъ?
рица Марья, какъ выходитъ изъ показанія Василисы Во
вой? но царица сама не была свидѣтельницею несчастія;
довательно, она или выдумала и то, что царевича убили,
то, кто именно убилъ, или услыхала объ этомъ отъ кого-

будь изъ очевидцевъ. Положимъ, что выдумала; но странно, почему она назвала именно троихъ людей: Данилу Битяговскаго, Никиту Качалова и Осипа Волохова? почему она не назвала Михайлу Битяговскаго, главнаго врага ея братьевъ и ея самой? Митрополитъ Геласій, возвратясь въ Москву, говорилъ на духовномъ соборѣ: «Царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила, что убійство Михайлы Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ дѣло грѣшное, виноватое, просила меня донести ея челобитье до государя, чтобъ государь тѣмъ бѣднымъ червямъ, Михайлу Нагому съ братьями, въ ихъ винѣ милость показалъ». Положимъ, что царица точно говорила Геласію такимъ образомъ: но изъ ея словъ еще вовсе нельзя заключить, что она признавалась въ собственной винѣ; поступокъ Нагихъ она называетъ грѣшнымъ и виноватымъ: онъ и точно былъ таковъ, потому что Битяговскіе и товарищи его были убиты безъ суда, беззаконнымъ образомъ. Любопытно также, что ни постельница, ни кормилица, ни дѣти не подтвердили показанія мамки, что царица первая назвала имена убійцъ. Лѣтописное сказаніе благосклонно отзывается о кормилицѣ Иринѣ Ждановой; эта Жданова, подобно мамкѣ и постельницѣ, показала, что царевичь закололся въ припадкѣ черной болѣзни; однако ее, вмѣстѣ съ мужемъ, вытребовали послѣ въ Москву.

Несмотря на всю неудовлетворительность показаній, содержащихся въ слѣдственномъ дѣлѣ, патріархъ Іовъ удовлетворился ими и объявилъ на соборѣ: «Передъ государемъ Михайлы и Григорья Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная: царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ; а Михайла Нагой государевыхъ приказныхъ людей, дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ дворянъ, жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за правду, велѣлъ побить напрасно, за то, что Михайла Битяговскій съ Михайломъ Нагимъ часто бранился за государя, зачѣмъ онъ, Нагой, держалъ у себя вѣдуна, Андрюшу Мочалова, и много другихъ вѣдуновъ. За такое великое измѣнное дѣло Михайла Нагой съ братьею и мужики Угличане, по сво-

ымъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. Но это дѣло земс градское, то вѣдаетъ Богъ да государь, все въ его цар рукѣ, и казнь, и опала, и милость, о томъ государю Богъ извѣститъ; а наша должность молить Бога о госуд государынѣ, о ихъ многолѣтнемъ здравіи и о тишинѣ меж усобной брани».

Соборъ обвинилъ Нагихъ; но въ народѣ винили Бориса народъ памятливъ и любитъ съ событіемъ, особенно его разившимъ, соединять и всѣ другія важныя событія. Легко нять впечатлѣніе, какое должна была произвести смерть митрія: и прежде гибли удѣльные въ темницахъ, но прот нихъ было обвиненіе въ крамолахъ, они наказывалась госу ремъ; теперь же погибъ ребенокъ невинный, погибъ не усобицѣ, не за вину отца, не по приказу государеву, пог отъ подданнаго. Скоро, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, сдѣлался страш пожаръ въ Москвѣ, выгорѣлъ весь Бѣлый городъ: Годун расточилъ милости и льготы погорѣвшимъ; но понеслись слу что онъ нарочно велѣлъ зажечь Москву, дабы милостями п вязать къ себѣ ея жителей и заставить ихъ забыть о Димит или, какъ говорили другіе, дабы заставить царя, бывшаг Троицы, возвратиться въ Москву, а не ѣхать въ Угличь розыска: народъ думалъ, что царь не оставитъ такого ве каго дѣла безъ личнаго изслѣдованія, народъ ждалъ прав Слухъ былъ такъ силенъ, что Годуновъ почелъ нужнымъ оп вергнуть его въ Литвѣ чрезъ посланникаИслѣньева, котор получилъ наказъ: «Станутъ спрашивать про пожары Моск скіе, то говорить: мнѣ въ то время не случилось быть въ М сквѣ; своровали мужики воры, люди Нагихъ, Аѳанасья братьею: это на Москвѣ сыскано. Если же кто молвитъ, ч есть слухи, будто зажигали люди Годуновыхъ, то отвѣчать: какой-нибудь воръ бездѣльникъ сказывалъ; лихому челов воля затѣвать. Годуновы бояре именитые, великіе».—Прише ханъ Казы-Гирей подъ Москву, и по украйнѣ понесся слух что подвелъ его Борисъ Годуновъ, боясь земли за убійст царевича Димитрія; ходилъ этотъ слухъ между простыми лю

ии; Алексинецій сынъ боярскій донесъ на своего крестьянина; крестьянина взяли и пытали въ Москвѣ; онъ оговорилъ многое множество людей; послали сыскивать по городамъ, много людей перехватали и пытали, кровь неповинную проливали, много людей съ пытокъ померло, иныхъ казнили и языки рѣзали, иныхъ по темницамъ поморили, и много мѣстъ отъ того запустѣло [132].

Черезъ годъ послѣ Углицкаго происшествія, у царя родилась дочь Θеодосія, но въ слѣдующемъ году ребенокъ умеръ; Θеодоръ былъ долго печаленъ и въ Москвѣ былъ плачъ большой; къ Иринѣ патріархъ Іовъ писалъ утѣшительное посланіе, говорилъ, что она можетъ помочь горю не слезами, не безполезнымъ изнуреніемъ, тѣла, но молитвою, упованіемъ, по вѣрѣ дастъ Богъ чадородіе, и приводилъ въ примѣръ св. Анну. Въ Москвѣ плакали — и говорили, что царскую дочь уморилъ Борисъ [133].

Черезъ пять лѣтъ по смерти дочери, въ самомъ концѣ 1597 года, царь Θеодоръ занемогъ смертельною болѣзнію, и 7 Генваря 1598 года, въ часъ утра, скончался. Мужеское племя Калиты пресѣклось; оставалась одна женщина, дочь несчастнаго двоюроднаго брата Іоаннова, Владиміра Андреевича, вдова титулярнаго Ливонскаго короля Магнуса, Марθа (Марья) Владиміровна, возвратившаяся по смерти мужа въ Россію: но и она была мертва для свѣта, была монахинею; постриженіе ея, говорятъ, было невольное; у ней была дочь Евдокія; но и та умерла еще въ дѣтствѣ, говорятъ, также смертію неестественною. Оставался еще человѣкъ, который не только носилъ названіе царя и великаго князя, но и дѣйствительно царствовалъ одно время въ Москвѣ по волѣ Грознаго, крещенный Касимовскій ханъ, Симеонъ Бекбулатовичъ. Въ началѣ царствованія Θеодорова, онъ еще упоминается въ Разрядахъ подъ именемъ царя Тверскаго и первенствуетъ предъ боярами; но потомъ лѣтопись говоритъ, что его свели въ село Кушалино, дворовыхъ людей было у него немного, жилъ онъ въ скудости; наконецъ

онъ ослѣпъ, и въ этомъ несчастіи лѣтопись прямо обвин
Годунова. Не пощадили Годунова и отъ обвиненія въ см
самого царя Θеодора.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Дѣла Шведскія, № 3, стр. 37.
2) Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. 13; Исторія Россіи, V, 138.
3) С. г. г. и д. I, № 168.
4) Никон. VII, 214; лѣтоп. рукопис. Синодал. библ. № 486; Карамз. VIII, примѣч. 587; Допол. къ акт. истор. I, № 55.
5) Александро-Невск. лѣтоп. подъ означ. годомъ.
6) А послѣ стола царь и в. князь пировалъ. Дѣла Крымскія, № 10, стр. 379.
7) Дѣла Польск. № 14, стр. 134.—Времен. Москов. Истор. Общ. № 7.
8) С. г. г. и д. I, № 163: отъ твоихъ князей, или отъ твоихъ бояръ; А. арх. эксп. I, № 187: «отъ в. князя въ Бѣлозерской уѣздъ, княземъ и дѣтемъ боярскимъ.»
9) С. г. г. и. д. II, № 35.
10) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII, 58.
11) Дополн. къ акт. истор. I, № 39.
12) Томъ VI, стр. 36.
13) Дѣла Польск. № 7, стр. 985.
14) Тж. № 9, стр. 99.
15) Тж. № 10, стр. 280 и 281.
16) Тж. № 14, стр. 140.
17) Тж. № 4, годъ 1552; № 6, стр. 21; № 7, стр. 21, 985; Англійскія дѣла, № 1, стр. 219; Акты арх. эксп. I, 207; Акты историч. I, № 180; Дѣла Ногайскія, № 5, стр. 134.
18) П. С. Р. Л. III, 255; Дѣла Польск. № 7, стр. 506.
19) Дѣла Польск. № 4, годъ 1552, 1555; № 7; № 10, стр. 204.

20) Акты историч. I, № 154; С. г. г. и д. I, № 170; Акты арх. эксп. I, № 304; Акты юрид. № 22.

21) Дѣла Крымскія, № 8, стр. 114; Польск. № 7, стр. 985; № 12, стр. 5; № 13, стр. 548.

22) С. г. г. и д. II, № 38.

23) Синбирскій Сборникъ, Введеніе къ Разрядной.

24) Никон. VII, 258.

25) Акты арх. эксп. I, № 218, 225; Временн. Моск. Истор. Общ. кн. 20; Дополн. къ акт. истор. I. № 47, 52, 100, 124, 69, 68, 72, 73, 90, 125, 107, 80, 68, 70, 90; Акт. арх. эксп. I, № 205, 314; П. С. Р. Л. IV, 300, 309, 312, 314, 318. — Чтенія Москов. Истор. Общ. № 4, 1846 г. О сторожев. службѣ, примѣч. 7.

26) Исторія Россіи, V, 216.

27) См. статью Бѣляева: О сторожевой, станичной и полевой службѣ, въ чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. № 4, 1846 г.

28) Акты Западн. Росс. III, № 4, 11, 38, 64.

29) Метрика Литовская, I, стр. 20, 22, 26, 30; Дѣла Крымск. № 12, стр. 188; № 15, вѣстовой списокъ Ржевскаго, 1576 года; L. Gorecii—Descriptio belli Jvoniae ap. Pistorium polon. histor. corpus, t. III; Solicovii Commentarius; Septentrionalische Histiorien Pamiętniki Miller. do pan. St. Bat.) стр. 12.

30) Дополн. къ акт. историч. I, № 89; Акты арх. эксп, I, № 233; Дополн. къ акт. истор. I, № 78; Акты юридич. № 209, 168—172; Дополн. къ акт. истор. I, № 84, 85, 93.

31) Исторія Россіи, V, 201.

32) Акты арх. эксп. I, № 230, 263, 282, 298; Дополн. къ акт. истор. I, № 95, 116; акты арх. эксп. I, № 223; Дополн. къ акт. истор. I, № 45; Акты Запад. Россіи, III, № 19; Акты изд. Кіев. Коммисс. т. II, уставъ о волокахъ.

33) Акты арх. эксп. I, № 234, 243, 250; С. г. г. и д. II, № 46; Исторія Россіи, VI, 425; Дополн. къ акт. истор. I, № 76, 79, 127, 103; П. С. Р. Л. IV; 299, Дополн. къ акт. истор. I, № 76 и слѣд.; № 52 и слѣд.; П. С. Р. Л. III, 153; Дополн. къ акт. истор. 1, № 86, 146; Акты юридич. № 289, 229; Акты арх. эксп. I, № 184, 210; П. С. Р. Л. III, 152, 160, 164, 174, 156, 158, 164, 169.

34) Акты арх. эксп. I, № 243, 250, 240; Акты истор. I,

№ 165; Акты арх. эксп. I, № 256; Акты истор. I, № 175; Акты юридич. № 46; Акты истор. № 153; Акты арх. эксп. I, № 234; Дополн. къ акт. истор. I, № 51, 56; Акты юридич. № 46, 176—182; Акты истор. № 134, 153; Акты арх. эксп. I, № 237; Акты юрид. № 21, 22, 228; Акты арх. эксп. I, № 200; С. г. г. и д. II, № 49; Акты, относ. до юридич. быта, стр. 450.

35) Акты истор. I, № 193; Акты арх. эксп. I, № 261; Акты истор. I, № 301; Акты арх. эксп. I, № 200, 292, 317; Дополн. къ акт. истор. I, № 82, 96, 93; Акты юридич. № 21; Дополн. къ акт. истор. I, № 202; Hakluyt's Collection of the early voyages et c. v. I. П. С. Р. Л. III, 153, 164, 161, 168. 158.

36) Hakluyt's Collection of the early voyages et c. v. I; Начал. торг. и полит, снош. между Англ. и Россіей—Гамеля, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 2 и 3. Дѣла Ногайскія № 4, стр. 350; Дѣла Польскія, № 4, стр. 530; Дѣла Шведскія № 1, стр. 128; Дѣла Датскія, № 1, стр. 251, 333; Александро-Невская лѣтопись подъ 7075 годомъ; Акты арх. эксп. I, № 211; Дѣла Польскія, № 3, стр. 58, 60, 61, 62, 180, 200; № 4, стр. 155, 530; Дополн. къ акт. истор. I, № 61; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 242; Акты арх. эксп. I, № 282; Акты истор. I, № 193; Акты арх. эксп. I, № 188, 269; Акты истор. I, № 138; П. С. Р. Л. III, 155, 169; IV, 308, 317; Александро-Нев. лѣтоп. годъ 1566, 1567; Дѣла Крымскія № 13, стр. 140; Карамз. IX, прим. 326, 327, 328; Опис. архива старыхъ дѣлъ, стр. 280.

37) Собр. древ. грам. гор. Вильны и проч. 1, № 27, 28, 30, 31, 33, 34, 47, 48, 53, 60, 61. 64; Акты Зап. Росс. III. № 28, 92, 121; II, 195, 203; Собр. грам. Вил. и проч. № 44; Акты Зап. Росс. II, № 200, 202; Метрика Литов. I, № 27; Отрывки Михалона Литвина въ Архивѣ истор. юридич. свѣдѣній, кн. второй полов. вторая; Акты изд. Кіев. коммисс. I, отд. II, № 23. Т. II, отд. 2; Русск. Бесѣда 1857 г., № III.

38) Акты арх. эксп. I, № 241; Рукопис. житіе св. Трифона Печенскаго; Дополн. къ акт. истор. I, № 28, 43; Акты арх. эксп. I, № 208, 305; Дополн. къ акт. истор. I, № 52, 62; Акты арх. эксп. I, № 184, 185, 264; Акты истор. I, № 173; Акты арх. эксп. I, № 166; Акты истор. I, № 158; Акты арх. эксп. I, № 229; Акты истор. I, № 298; Дополн. къ акт. истор. I, № 41; Стоглавъ по рукоп. Имп. Публ. Библіот.; Акты арх. эксп. I, №

232; Акты. истор. I, № 154, 155; Акты арх. эксп. I, № 231, Акты истор. I, № 212, 204, 190; Акты арх. эксп. I, № 227, 308; С. г. г. и д. I, № 200; Акты арх. эксп. I, № 214, 195, 202, 197; Акты истор. I, № 189; Акты юридич. № 125, 126; Акты арх. эксп. I, № 191, 246, 221, 258, 268, 307, 189, 198; Акты истор. I, № 157. — Еп. Макарія — Исторія Русскаго раскола, стр. 5 и слѣд.; Акты арх. эксп. I, № 238, 239; Никон. лѣт. VII, 204; Акты истор. I, № 161, 296, 300, 297; П. С. Р. Л. III, 156, 164, 170, 172; Дѣла Греческ. № 1-й и 2-й; Собор. Грам. Духов. Правосл. Восточ. церкви, изд. кн. Оболенскимъ 1850 г.; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г. № 3; Акты Запад. Россіи II, № 193, 197, 198; III, № 32. 137, 140, 20, 24, 71, 80; II, № 67, 68, 212, 219, 231; III, № 2, 43; II, № 174, 205; III, № 14, 15; II, № 230; III, № 29, 43, 53, 89, 118, 110, 129, 144, 126, 10, 3, 31; Исторія Россіи, V, 266; Акты Западн. Россіи, III, 138, 139; Собр. древ. грам. город. Вильны и проч. II, № 17; Акты Западн. Россіи, III, № 109, 131; Supplem. ad histor. Russ. Monum. № L, LIII—LIX, CLXIX—CLXXVI; Акты изд. Кіевск. Коммисс. I, отд. II, № 4—9.

39) Акты истор. I, № 153—155; Акты арх. эксп. I, № 274; Акты юридич. № 289; Акты арх. эксп. I, № 281, 280.

40) См. отступную грамоту отчича, гдѣ онъ обязывается не выкупать проданной вотчины, въ С. г. г. и д. I, № 173. Неволинъ (Ист. Росс. Гражд. Зак., III, 68), разсуждая о правѣ выкупа, говоритъ: «Неопредѣлительность, въ какой выкупъ родственный является по самымъ первымъ объ немъ извѣстіямъ, едва ли способна произвесть въ насъ убѣжденіе о глубокой его древности. Но онъ можетъ быть, тѣмъ не менѣе, весьма древенъ, какъ тѣ отношенія, изъ которыхъ онъ могъ возникнуть.» — Далѣе онъ отвергаетъ объясненія, что выкупъ есть остатокъ того общаго поземельнаго владѣнія, въ которомъ нѣкогда состояли родственники; онъ не признаетъ существованія у насъ общаго владѣнія родственниковъ, ибо, если въ древнія времена родственники владѣли иногда у насъ имуществами совокупно, то это ни въ какомъ случаѣ не была единственная форма обладанія землями; напротивъ, послѣ нея очень легко могла существовать, и дѣйствительно существовала, другая форма отдѣльнаго обладанія.

Указаніе, что въ древнія времена, подлѣ совокупнаго обладанія

существовала еще форма отдѣльнаго обладанія, можетъ доказывать только, что первая форма не была исключительною; но тутъ еще рождается вопросъ, которая форма древнѣе? Неволинъ (II, 9), въ баснословномъ извѣстіи о Кіи, Щекѣ и Хоривѣ, предполагаетъ, что три брата живутъ другъ отъ друга отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, особыми хозяйствами; но это предположеніе ни откуда не слѣдуетъ: три брата могли занять вблизи другъ отъ друга разныя мѣста для хозяйственныхъ удобствъ, но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобъ они раздѣлились: развѣ теперь мы не видимъ, что братья живутъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ домахъ и однако имѣютъ нераздѣльное имущество? О надѣленіи князей участками нечего говорить, ибо мы знаемъ, что князья смотрѣли на эти участки какъ на временное владѣніе и покидали ихъ для другихъ, стремясь къ старшинству по родовой лѣствицѣ, признавая нераздѣльность рода и родовой собственности, отчинность всей Русской земли для всѣхъ. Но съ появленіемъ дружины, по самому характеру ея, необходимо должна была явиться отдѣльная собственность подлѣ родовой, какъ вообще съ появленія князей и дружинъ ихъ родовой бытъ началъ ослабѣвать; но до окончательнаго его ослабленія было еще очень далеко; онъ уступалъ не легко, оставлялъ и оставилъ видные слѣды.

«При существованіи общаго владѣнія, говоритъ далѣе Неволинъ, по самому свойству вещи, участникъ въ искѣ не можетъ отчуждать своей доли безъ согласія прочихъ соучастниковъ; отчужденіе, имъ сдѣланное безъ согласія съ ними, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ не право выкупа для прочихъ соучастниковъ, но недѣйствительность самаго отчужденія. Если же соучастниками дано согласіе на это отчужденіе, то послѣ сего для нихъ не можетъ еще существовать право вукупа.»

Мы уже замѣтили, что, съ появленіемъ князей и дружинъ, ихъ родовому быту нанесенъ былъ ударъ, онъ долженъ былъ ослабѣвать; но, какъ обыкновенно бываетъ при борьбѣ двухъ формъ, если старая форма такъ сильна, что не можетъ быть совершенно уничтожена новою, то между ними происходятъ, такъ-сказать, сдѣлки, взаимныя уступки; къ таковымъ сдѣлкамъ принадлежитъ и право выкупа: владѣлецъ могъ отчудить владѣніе безъ согласія родичей, но послѣдніе удерживали право выкупать отчуждемное. Относительно борьбы между старою и новою формою и сдѣлокъ

между ними чрезвычайно важно приведенное нами въ текстѣ постановленіе, что владѣлецъ можетъ отчуждать только половину отчины мимо отчичей, въ противномъ же случаѣ отчужденіе недѣйствительно. То же самое увидимъ и въ Литовскомъ законодательствѣ.

41) С. г. г. и д. I, № 165; Исторія Россія, IV, 240 и слѣд.; Акты юрид. № 23, 137, 259.

42) Временн. Москов. истор. общ., кн. 23.

43) Дѣла Польск, № 4; годъ 1556, стр. 530 и слѣд., стр. 56; Дѣла Швед. № 1, стр. 18; Дѣла Крымск. № 8, стр. 159; Акты Зап. Росс. II, № 175; Литов. метр. I, № 55; Дѣла Датскія, № 1, стр. 375; Дѣла Польск. № 9, стр. 33, 198, 375; Дѣла Крымскія, № 8, стр. 326; Дѣла Польск. № 6, стран. 21.

44) Акты Зап. Росс. III, № 120; П. С. Р. Л. IV, 293; VI, 300, 301; III, 200, 157; Акты арх. эксп. I, № 319; Дополн. къ акт. истор. I, № 102; Дѣла Польск. № 7, стр. 461; Дѣла Крымск. № 10, стр. 143; № 11, стр. 126; № 12, стр. 296; Дѣла Ногайскія № 6, стр. 18; Архивъ историко-юридич. свѣд. кн. II, полов. II; П. С. Р. Л. VI, 293; Дѣла Крымскія № 15, стр. 161, 250, 459.

45) Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 158. Акты юридич. № 46; Акты арх. эксп. I, № 187; Акты юрид. № 45, 270, 271; Дополн. къ акт. истор. № 239 и слѣд.; Дополн. къ акт. истор. I, № 41; Акты арх. эксп. I, № 244; Акты истор. I, № 154; Акты арх. эксп. I, № 212, 260, 267, 275, 283, 302, 306; Дополн. къ акт. истор. I, № 129, 221, 32; Акты арх. эксп. I, № 219; Акты юридич. № 392—399; П. С. Р. Л. IV, 303; III, 155, 167, 166, 173; Акры юридич. № 21, 46; Дополн. къ акт. истор. I, № 51; Акты юридич. № 85, 86, 87, 90, 91, 114; Акты Западн. Россіи, II, № 188; Акты, относ. до юрид. быта, стр. 192.

46) Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Кіевъ, 1849 г.

47) Акты Западн. Россіи, III, № 8, 37; Акты изд. Кіев. коммисс. III, отдѣл. II.

48) Дѣла Крымскія, № 14, стр. 215.

49) Lasicii—De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione.

50) См. Pisma historyczne Michala Balńiskiego, т. III.

51) Карамзина IX, примѣч. 166.

52) Fletcher—of the Russe Common Wealth, начало VI-й главы.

53) Описаніе Румянцов. музеума, стран. 557, стр. 242; на 243 любопытная выходка противъ Осифлянъ, которые упрекаются въ *небытной* ереси: того бо ради люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло, и властей, и имѣней желатели, иже не надѣются за вся прегрѣшенія отвѣта дати на суде.

54) Сборникъ Синодал. библіот. № 850, стр. 534.

55) Указаніе на время составленія книги.

56) По изданію во Временникѣ Москов. истор. общ. № 1.

57) Сборн. Синодал. библіот. № 850.

58) Акты арх. эксп. I, № 289.

59) Таубе и Крузе, стр. 230; Hacluyt's Collection, 1, 520.

60) Исторія Россіи, VI, стр. 220, 448.

61) Мосвитянин. 1844 года, № 1.

62) Исторія Россіи, VI, стр. 422, 423.

63) О другихъ письменныхъ памятникахъ Іоаннова времени, въ которыхъ мы не нашли ничего особенно замѣчательнаго, не упоминаемъ.

64) Акты истор. т. I, стр. 404; Опись книгъ Волоколам. монаст. въ Чтеніяхъ Москов. истор. общ. 1847, № 7; Опис. Румянц. музея, стр. 127; Possev. de reb. Moscov. въ концѣ 1-го комментарія.

65) Русск. Истор. Сборн. т. IV, стр. 122. Сказаніе извѣстно о вообраҗеніи книгъ печатнаго дѣла въ сборн. Синод. библ. № 850. Флетчеръ, гл. 21.—Hakluyt, I, 263.

66) См. Исторію Россіи, т. IV, стр. 45, 124; т. V, стр. 208, примѣч. 246, стр. 415.

67) Извѣстный намъ Англ. посолъ Боусъ пишетъ, что по смерти Грознаго вся власть перешла въ руки боярина Никиты Романовича, котораго главнымъ совѣтникомъ былъ дьякъ Андрей Щелкаловъ, Борисъ же Годуновъ не имѣлъ еще власти до коронаціи царя.— По малѣжь времени умре Никита Юрьевичь Романовыхъ, и бысть преемникъ и правитель въ его мѣсто Борисъ Өодоровичь Годуновъ (Лѣтоп. о мятеж., стр. 7. Хронографы библ. Архива Мин. Ин. Д. № 2 и 14).

68) Лѣтоп. о мятеж. стр. 5; Хронографы библ. Арх. Мин. Ин. Д. № 2, 14, 580; изъ иностранцевъ Одерборнъ, Гейденштейнъ и Горсей; Histor. Russ. Monum. II, № VIII.

69) Лѣтоп. о мятеж. 6.

70) Одерборнъ, Горсей и Петрей.

71) Лѣтоп. о мятеж. 8.

72) Такъ назыв. Латухинская Степенн. книга.

73) Сокращенн. Временникъ до 1691 года, рукоп. Импер. Публич. Библіот. Составлен. въ Вологдѣ. Histor. Russiae Monumenta, II, № 1.

74) Такъ можно заключать изъ Никонов. лѣтоп. «и молили со слезами чтобъ не мешкалъ»; но въ лѣтоп. о мятеж. просто: «чтобъ былъ».

75) And all the nobility whatsoever. Карамзинъ говоритъ: «вѣроятно люди воинскіе, приказные и купеческіе». Но мы не можемъ согласиться, чтобъ подъ nobility надобно было разумѣть кого-нибудь кромѣ дворянъ, ибо тотъ же Горсей ясно различаетъ *nobilitie* и *cominaltie*.

76) С. г. г. и д. II, № 51.

77) Samml. Russisch. Geschichte V, 36. Шли обычные въ то время слухи, будто правитель былъ отравленъ (Флетчеръ, гл. 9). Что эти слухи, какъ неосновательные, скоро утихли, доказательствомъ служитъ молчаніе нашихъ лѣтописцевъ, которые любили приписывать Годунову преступленія такого рода.

78) Флетчеръ въ концѣ 7-й главы; Горсей у Гаклюйта I, 529.

79) Лѣтоп. о мятеж. 9; Лапухин. Степен. кн. и лѣтопис. Морозова.

80) Лѣтоп. о мятеж. стр. 4; Хронографы; Rer. Rossicar. scriptor. exteri, I, p. 150: Петрей разсказываетъ, что Годуновъ, уговаривая митрополита не начинать дѣла о разводѣ, между прочимъ представлялъ и то, что если у Ѳеодора будутъ дѣти, то междоусобіе между ними и дядею Димитріемъ неминуемо. Карамзинъ (X, прим. 147) говоритъ: «Это невѣроятно: Димитрій не имѣлъ бы права на корону, еслибы Ѳеодоръ оставилъ сыновей». Но мы видѣли ясныя доказательства, что преемство сына послѣ отца вовсе не утвердилось, какъ законъ непреложный; мы видѣли въ малолѣтство Іоанна смуту отъ удѣльныхъ, дядей; во время болѣзни Іоанна многіе хотѣли возвести дядю Владиміра Андреевича вмѣсто сына царскаго Димитрія. — Сборн. Имп. Пуб. Библ. № 17. Повѣсть како похити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ. Здѣсь говорится, что Годуновъ въ началѣ борьбы съ Шуйскими «не возможе имъ вскорѣ зла сотворити ничтоже, по точію самъ на себѣ поношеніе и укоризну принесе, и учинись вѣстно про сіе всенароднаго собранія Московскихъ людей множеству яже

убо то и Борисъ умышляетъ на нихъ, и восхотѣша того окаяннаго Московскіе народи побити каменіемъ». Тогда Борисъ началъ хлопотати, какъ бы помириться съ Шуйскими. Написано сказаніе въ первое время царствованія Шуйскаго; авторъ говоритъ, что онъ былъ самовидцемъ дѣлъ Самозванца.

81) Карамзинъ: Ѳеодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, какую государственную важность могъ бы дать сану первосвятительства, безъ руководства Годунова, при митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? Но Годуновъ не для того хотѣлъ державной власти, чтобъ уступить ее монахамъ: честилъ духовенство, какъ и бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ митрополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностію своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими.

82) Флетчеръ, глава 26; Морозов. лѣтописецъ; хронографъ Карамзинскій № 2-й. въ Археогр. коммисс.; Русск. достопамятн. I, 173.

83) См. подробности въ книгѣ: Pamętniki do życia i sprawy Zborowskich, zebrał Zegota Pauli.

84) Histor. Russiae Monum. II, № III.

85) Тж. № VIII.

86) Zrzodla do dziejow Polskich, pr. Grabowskiego i Przezdzieckiego, t. I, p. 62, List Krola Stefana do Stanisl. Tarnowskiego, 1585. Jam a multo tempore crebris rumoribus ad nos perferebatur, archiduces Austriae laborare, ut in locum.... minus idonei Moschoviae ducis Maximilianus Romanorum imperatoris frater assumatur. Ipsam etiam Moschov. legationem apud imperatorem fuisse recensent. Gedano nobis significatum est, non modo Austriacam familiam in id incumbere, sed et electorum principum conventum Ratisbonae haberi ad consultandum de modo deducendi Maximilianum in Moschoviam.

87) Дѣла Польскія, № 15 — 19; Histor. Russ. Monum. II, № XV и XVI; Памятн. дипломат. снош., стр. 933.

88) По свидѣтельству Флетчера. — По разрядамъ Хворостининъ былъ вторымъ воеводою въ передовомъ полку, а первымъ князь Катыревъ-Ростовскій.

89) Zrzodla do dz. Polsk. Grabowsk. t. I. p. 64.

90) Это тотъ самый Дѣдѣвшинъ, по измѣнѣ котораго Смоленскъ

былъ взятъ Сигизмундомъ въ 1611 году; его еще прежде видали въ свитѣ Моск. посла кн. Троекурова къ Баторію.

91) Дѣла Польскія, № 20—24; Дѣла Шведскія № 4—8; Histor Russiae Monum. II, № XIX; Журн. Мин. Народ. Просв. 1857, № 3

92) Памятн. дипломат. снош. т. I и II; Histor. Russiae Monum. II, № XXV.

93) Histor. Russ. Monum. II, № IV, VI, X, XI, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX; Древн. Росс. Вивліоѳ. XII.

94) Our most deare and loving cousin.

95) Нашу бологодѣть.

96) Дѣла Англійскія, № 1 и 2.

97) Не крянули.

98) Дѣла Крымскія № 16—21; Лѣтоп. о мятеж. стр. 27; Разрядная кн. въ Синбир. Сборн. годъ 1591.

99) Дѣла Турецкія, № 2 и 3-й.

100) Дѣла Грузинскія № 1-й въ столбцахъ, годъ 1596 и 1597; Лѣтоп. о мятеж., стр. 36. Акты истор. I, № 227.

101) Дѣла Персидскія, № 1—4.

102) С. г. г. и д. № 54, 68, 66; Дополн. къ акт. истор. I, № 138; Лѣтоп. Сибирск., изд. 1821 г.; Миллера — Сибирская исторія.

103) С. г. г. и д. I, № 202.

104) Of the russe Common Wealth, гл. 8; Акты арх. эксп. I, 326; Синбирск. Сборн.; Разряд. кн.; стр. 95.

105) Тж. гл. 12.

106) А. арх. эксп. I, № 331, 332, 334, 338, 342, 356, 341, 347; Допол. къ акт. истор. I, № 134.

107) Дѣла Польскія, № 22.

108) Supplement. ad histor. Russ. Monum. № LXXXVIII—XCIV.

109) Дѣла Польскія, № 22, стр. 28.

110) Древн. Вивліоѳ. XVIII, 15; Хронографы; Никон. VIII, 30; Разрядн. кн. въ Синбир. Сбор., стр. 89, 106, 129. Въ Латухинской Степенной книгѣ сказано, что Годуновъ, съѣздивши въ Смоленскъ для основанія тамъ крѣпости, назвалъ этотъ городъ ожерельемъ Московскаго государства: «Въ то же время боляринъ князь Ѳ. М. Трубецкой противу Борисовыхъ рѣчей глагола сице: какъ въ томъ ожерельѣ заведутся вши, и ихъ будетъ и не выжить».

111) Акты истор. I, № 230. Слѣд. права Латухинская Степен. книга, а не Хронографы, которымъ послѣдовалъ Карамзинъ относительно имени строителя (т. X, примѣч. 137).

112) Акты арх. эксп. I, № 365.

113) Акты истор. I, № 230.

114) См. выше, примѣч. 27.

115) Акты истор. I, № 230, 228; Древняя Вивліоѳ. Полеваго, ст. 266.

116) Разрядн. кн. въ Синбир. Сборникѣ; Времен. Моск. Истор. Общ. кн. 14; Памятн. диплом. снош. II, 235.

117) Акты историч. I, № 221; С. г. г. и д. I, № 202; Времен. Моск. Истор. Общ. № 13.

118) Акты арх. эксп. I, № 361, 349.

119) Акты. истор. I, № 221.

120) Акты арх. эксп. I, № 349.

121) Акты арх. эксп. I, № 358; Акты историч. I, № 250.

122) Дѣла Греческ. № 2: Іерусалимскому патріарху и въ монастыри послано 900 рублей, да 82 рубля на вѣчныя лампады за здравіе царя, царицы и чадородіе ихъ; архіепископу Синайской горы 54 рубля; въ Сербскій Вознесенскій Милешевъ монастырь, гдѣ мощи Саввы Сербскаго, 270 рублей; въ Сербскій Благовѣщенскій монастырь, что̀ на рѣкѣ на Понарати, 120 рублей.

123) Послано было: 40 сороковъ соболей, 30 сороковъ куницъ, десятеры цки горностайные, 15 пудовъ рыбьяго зуба; самому патріарху царь послалъ: омофоръ саженъ жемчугомъ, чару золотую на святую воду, да убрусецъ саженъ жемчугомъ дробнымъ. Патріархъ Іовъ послалъ бархатъ черный да 40 соболей. Годуновъ послалъ Іереміи, котораго величалъ великимъ господиномъ и государемъ отцемъ, наставникомъ и спасителемъ души своей, — 40 соболей, отъ жены ширинку, отъ сына Ѳедора кубокъ серебряный позолоченый съ крышкою. На строеніе Пантелеймонова монастыря Аѳонскаго послано рухляди на 500 рублей; этому монастырю возобновлена жалованная грамота Грознаго, по которой старцы его могли пріѣзжать въ Россію для сбора на церковное строеніе; такая же грамота дана Іерусалимскому монастырю Саввы Освященнаго. Въ 1593 году посланы Трифонъ Коробейниковъ да Михайла Огарковъ съ заздравною милостынею въ Царьградъ, Александрію, Антіохію, Іерусалимъ и Синайскую гору; послано было

съ ними 5534 золотыхъ угорскихъ, да три золотыхъ португальскихъ противъ 30 золотыхъ угорскихъ, да 8 сороковъ соболей да цки собольи, цки куньи, сорокъ куницъ, пятеры цки бѣлъ хрептовые, черева лисьи, да велѣно имъ взять въ Царѣградѣ Ивана Кашурина за государевы соболи, которые ему даны Москвѣ за 300 рублевъ 600 золотыхъ угорскихъ.—Дѣла Греч. № 2 и 3; С. г. г. и д. II, № 58, 59; Дополн. къ акт. истор. I, № 76; Arsenii Elassonis — iter in Moscoviam, in — Histor. Ruth. scriptor. exter. v. II; лучшая статья объ учрежденіи патріаршества — Зернина, въ Архивѣ истор. юридич. свѣдѣн., изд. Кала...

124) Дѣла Польскія, № 21, стр. 82.

125) Допол. къ акт. истор. I, № 137; Акты историч. I, № 2... акты арх. эксп. I, № 360, 321; Акты истор. I, № 242, 215, 2... Акты арх. эксп. I, № 322, 365, 329, 336, 339, 343, 344, 35... 355, 386; Акты истор. I, № 217, 222, 246, 247; Дополнен. к... акт. историч. I, № 130, 132, 141, 142, 143; Акты арх. эксп. № 364, 330, 351, 357.

126) Разряд. кн. въ Симбир. сбор. стр. 97; Юридич. акты стр. 82; Акты историч. III, стр. 296; Акты арх. эксп. II, № 2...

127) Дополн. къ акт. истор. I. № 131; Акты юридич. стр. 3... Дѣла Греч. № 3, стр. 195; Памятн. дипл. снош. II, стр. 5... Морозовск. лѣтоп. 75; Лѣтоп. о мятеж. 19.

128) Дополн. къ акт. истор. I, № 131.

129) Палицына—Сказаніе о осадѣ Троицк. мон. стр. 3.

130) Тамъ же: Сему же царевичю Димитрію естествомъ возрастающу, и отъ ближнихъ си смущаему, за еже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіяхъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближайшихъ брата... паче же о семъ Борисѣ. И врази суще, и ласкатели велик... бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лжи составливающе, съ с... подходятъ вельможъ, паче жъ сего Бориса и отъ многіе смут... ко грѣху сего низводятъ, его же краснѣйшаго юношу отсылаю... и нехотяща въ вѣчный покой.

131) Противъ этого лѣтописнаго разсказа существуютъ въ на... исторической литературѣ слѣдующія возраженія: прежде все... предлагаютъ вопросъ: нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было изъ прежнихъ его дѣяній намѣреніе погубить несчастнаго сироту? Говорятъ: «Димитрій родился отъ седьмаго

брака Іоаннова и, по тогдашнимъ, понятіямъ едва ли имѣлъ право на престолъ, по крайней мѣрѣ, неоспоримое». — На это мы должны замѣтить, что Димитрій назывался царевичемъ; все государство признавало его такимъ, начиная отъ царя-брата; имя его поминалось въ церкви на ектеніяхъ; онъ имѣлъ удѣлъ, дворъ; его выставляли не только законнымъ наслѣдникомъ, но даже соперникомъ старшаго брата; наконецъ самое удаленіе его изъ Москвы показываетъ, какъ онъ казался опасенъ.

Говорятъ: «Митрополитъ Діонисій, Шуйскій и другіе сановники, въ заговорѣ противъ Годунова, условились ударить челомъ царю, чтобъ онъ развелся съ неплодною супругою и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ: слѣдовательно, они не почитали Димитрія наслѣдникомъ». — Но здѣсь надобно, прежде всего, обратить вниманіе на цѣль заговора: Шуйскимъ нужно было какимъ бы то ни было средствомъ удалить Годунова отъ царя, и единственнымъ къ тому средствомъ былъ разводъ Ѳеодора съ сестрою Годунова. Великій князь Василій Ивановичъ развелся съ женою и вступилъ въ новый бракъ для того, чтобъ имѣть наслѣдника: неужели отсюда можно заключить, что родные и единоутробные братья великаго князя, Юрій и Андрей, не имѣли права наслѣдовать ему на Московскомъ престолѣ?

Далѣе возражаютъ: «Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріи и поминать его имени на литургіи, мысля тѣмъ объявить царевича незаконнорожденнымъ: зачѣмъ было прибѣгать Борису къ этой лишней мѣрѣ, если онъ задумалъ убійство, — мѣрѣ, которая ясно обнаруживала непріязнь его къ Димитрію, навлекала на него неудовольствіе въ настоящемъ времени и оправдывала будущее сильное подозрѣніе въ предполагаемомъ убійствѣ?» — Отвѣчаемъ: этотъ поступокъ свидѣтельствуетъ только, что Годуновъ съ товарищами шли постепенно въ своихъ мѣрахъ противъ Димитрія, и испытанная недостаточность одной мѣры заставляла прибѣгать къ другой сильнѣйшей.

Говорятъ: «Задумавъ убійство, какъ Борисъ не удалилъ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей, какъ не избавился отъ кормилицы, будто бы преданной царицѣ?» — На это легко отвѣчать, что подобная мѣра была опасна, ибо возбуждала сильное подозрѣніе. Также легко отвѣчать и на слѣдующее возраженіе: «Не слишкомъ ли рано, говорятъ, въ 1591 году, думать было Борису

о престолѣ, когда Ѳеодору было еще только 34 года, когда о[н]
могъ имѣть еще дѣтей — что́ и дѣйствительно случилось — ко[гда]
онъ могъ вступить въ новый бракъ, послѣ естественной см[ерти]
супруги?» — Но зачѣмъ же предполагать, что Годуновъ ду[малъ]
о престолѣ? онъ, съ товарищами, считалъ крайне опаснымъ д[о]-
даться, пока царевичь возрастетъ и захочетъ привести въ ис[пол]-
неніе тѣ угрозы, которыя, по словамъ доносчиковъ, уже пр[ивы]-
калъ произносить дѣтскій языкъ его. Ѳеодоръ *могъ* имѣть дѣт[ей,]
могъ пережить жену и жениться въ другой разъ; но безконе[чно]
возможнѣе было, что онъ не будетъ имѣть дѣтей и что хвор[ый]
мужъ не переживетъ здоровой жены.

Наконецъ говорятъ: «Неужели Борисъ, располагавшій духов[ен]-
ствомъ, съ сильною стороною между боярами, привлекшій къ с[ебѣ]
народъ благодѣяніями, умѣвшій устроить дѣла такъ, что вся Р[ос]-
сія, по смерти Ѳеодоровой, нѣсколько дней на колѣняхъ прос[ила]
его, мимо многихъ потомковъ Рюрика, о принятіи вѣнца и мол[ила]
со слезами Бога о внушеніи ему сей мысли, — неужели Бор[исъ]
могъ бояться совмѣстничества съ семилѣтнимъ или четырнад[ца]-
тилѣтнимъ отрокомъ, безъ подпоры въ церкви, дворянствѣ, гр[аж]-
данахъ, безъ положительнаго права? неужели онъ не могъ пр[е]-
видѣть, что сей несчастный сирота былъ бы непремѣнно отв[ер]-
женъ народомъ, вслѣдъ за приверженцами правителя, еслибы сл[уга]
Борисовъ, патріархъ Іовъ, по рѣшенію собора и патріарх[овъ]
Александрійскаго, Антіохійскаго, Константинопольскаго и Іеру[са]-
лимскаго, торжественно объявилъ народу съ лобнаго мѣста, [что]
сынъ отъ седьмаго брака не имѣетъ права на престолъ?» — П[ред]-
ложимъ, что Борисъ располагалъ духовенствомъ, имѣлъ силь[ную]
сторону между боярами, привлекъ народъ благодѣяніями; но[...]
не можемъ согласиться, чтобы вся Россія стала на колѣняхъ пр[ед]-
лагать престолъ боярину, при жизни царевича. Намъ не ну[жно]
много распространяться объ этомъ предметѣ: сто́итъ только [вспом]-
нить о появленіи Лжедимитрія и объ его успѣхѣ. Противъ это[го]
возражаютъ: «Лжедимитрій явился при другихъ обстоятельствах[ъ:]
за него была мнимая невинность, чудесное спасеніе, смерть Бо-
риса. Тогда уже не думали о седьмомъ бракѣ, а видѣли толь[ко]
сына Іоаннова, единственнаго наслѣдника; и кто былъ ему сопер-
никомъ? юный Ѳеодоръ среди Московскихъ бояръ, которые не
любили Бориса.» — Но если за Лжедимитрія была мнимая невин-

ность, чудесное спасеніе, смерть Бориса, то противъ него было самозванство, въ которомъ увѣрялъ народъ патріархъ Іовъ, проклявшій еретика; если не повѣрили Іову въ этомъ случаѣ, то основательно ли предполагать, чтобы положились на его рѣшеніе, когда бы онъ вздумалъ объявить, что царевичь, какъ незаконнорожденный, не имѣлъ права на престолъ. Борисъ самъ хорошо зналъ, что объявленіе Димитрія незаконнорожденнымъ произведетъ самое ничтожное вліяніе на умы Русскаго народа, питавшаго сильную привязанность къ царскому дому и привыкшаго считать Димитрія царевичемъ: вотъ почему Борисъ въ сношеніяхъ съ Польскимъ дворомъ упоминалъ о незаконности Димитрія, но не смѣлъ упомянуть о ней въ грамотахъ къ своему народу. Но положимъ даже, что какими бы то ни было средствами Годунову удалось бы захватить престолъ Московскій мимо Димитрія, то неужели онъ могъ думать, что послѣдній позволилъ бы ему спокойно владѣть престоломъ? Неужели Борисъ могъ предполагать, что Димитрій въ борьбѣ съ нимъ не найдетъ ревностныхъ помощниковъ, тогда какъ находили ихъ всѣ прежніе удѣльные князья, воевавшіе съ великими князьями и при меньшихъ правахъ, чѣмъ какія имѣлъ Димитрій надъ Борисомъ? Могъ ли Борисъ не бояться совмѣстничества царевича, сына Іоаннова, единственной отрасли царскаго корня, когда онъ боялся совмѣстничества крещеннаго Татарина, Семена Бекбулатовича?

Теперь разсмотримъ возраженія, направленныя противъ подробностей сказанія объ убіеніи царевича. Сказаніе говоритъ, что Борисъ совѣтовался съ родственниками и ближними людьми о средствахъ отдѣлаться отъ царевича, ибо отравленіе не удавалось. «Какъ! возражаютъ: Борисъ почелъ за нужное совѣтоваться! Какой обыкновенный убійца (не говорю уже правитель, будущій царь, мнимый лицемѣръ) осмѣливается объявлять многимъ лицамъ о будущемъ своемъ преступленіи, и такимъ образомъ вручать имъ судьбу свою? Этотъ опытный знатокъ людей открывается опять двумъ человѣкамъ (двадцатымъ?), которые отказываются исполнить его порученіе и предаются гоненію (даже и не смерти?)! могъ ли Борисъ гнать этихъ людей (Загрязскаго и Чепчугова) и питать ихъ нерасположеніе къ себѣ, во всякомъ случаѣ опасное! Онъ вѣрно или убилъ бы ихъ, или наградилъ безъ мѣры. Наконецъ отправляется въ Угличь Битяговскій, представленный Клешнинымъ,

съ сыномъ и Качаловымъ, удостоенные также совершенной довѣренности Годунова... Не слишкомъ ли уже дешева эта довѣренность Борисова?» — Отвѣчаемъ: обыкновенный убійца могъ обойдтись безъ соучастниковъ и совѣтниковъ; но не могъ обойдтис безъ нихъ правитель Годуновъ: не самому же ему было ѣхат въ Угличь для совершенія преступленія! и благоразумно ли был Годунову самому непосредственно сноситься съ убійцами? ясно что онъ долженъ былъ, для отклоненія всякаго подозрѣнія, дѣйствовать чрезъ повѣреннаго, какимъ является Клешнинъ. Палицын говоритъ, что были люди, которые, выставляя безпрестанно опас ность, грозившую со стороны Димитрія, склонили Бориса ко грѣху сказаніе выставляетъ также совѣтниковъ, которымъ Годуновъ н объявляетъ въ первый разъ о своемъ замыслѣ, но извѣщаетъ об его неудачѣ, изъ чего ясно, что совѣтники эти изначала был участниками дѣла. Изъ сказанія хорошо видно, какъ самъ Борис дѣйствовалъ нерѣшительно, вяло, какъ главную роль игралъ Клеш нинъ, и вотъ Палицынъ, которому не для чего было умевьшат преступленіе Бориса, обвиняетъ больше совѣтниковъ его. Хотятъ чтобъ Борисъ убилъ Загрязскаго и Чепчугова; но это легко тепер сказать, а не легко было тогда сдѣлать. Борисъ старался пріоб рѣсть привязанность народа милостями, а не казнями, и вотъ ег заставляютъ убивать двухъ людей — безъ вины! или заставляют награждать ихъ чрезъ мѣру, для возбужденія подозрѣній въ дру гихъ, для обнаруженія своей боязни передъ самими награжденными Говорятъ: «Борисъ не умѣлъ *растолковать* убійцамъ, чтобъ он сдѣлали свое дѣло какъ можно тише, осторожнѣе, по крайней мѣр не днемъ, не при свидѣтеляхъ, всего менѣе при кормилицѣ, пре данной Нагимъ?» — Легко было Годунову растолковать все эт убійцамъ, но трудно было имъ исполнить его наказъ; трудно им было забраться ночью въ спальню царевича (по всѣмъ вѣроятно стямъ, онъ спалъ въ одной комнатѣ съ матерью); днемъ они убил его только при трехъ женщинахъ, а чтобъ забраться къ нем въ спальню ночью, должны были подговаривать сторожей, постельницъ и т. д., слѣд. имѣть гораздо болѣе трехъ свидѣтелей Напротивъ, время, выбранное убійцами, было самое удобное: вс разошлись обѣдать, надобно было колоколомъ поднимать ихъ из домовъ. Но положимъ даже, что убійцамъ удалось бы умертвит царевича ночью; но какъ бы они сами и тѣ, въ пользу которых

они дѣйствовали, объяснили это дѣло? Днемъ Димитрій могъ играть ножемъ въ тычку — и наколоться имъ въ припадкѣ падучей болѣзни, но неужели можно было сказать, что царевичь ночью игралъ въ тычку, что съ нимъ на постель клали ножъ?

Говорятъ, что противъ Годунова разсѣяно въ лѣтописяхъ много нелѣпыхъ обвиненій, изъ которыхъ нельзя ли заключить, хотя по аналогіи, что и первое преступленіе, убіеніе Димитрія, приписывалось ему отъ предубѣжденія? — На это замѣтимъ, что всякому знаменитому историческому лицу приписывается обыкновенно лишнее какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи; но изъ этого лишка мы не заключаемъ, что извѣстное историческое лицо не сдѣлало ничего хорошаго или ничего дурнаго. Вспомнимъ только о Наполеонѣ! Въ нашей исторіи Курбскій обвиняетъ Іоанна III въ смерти его сына, въ заключеніи брата и внука: мы знаемъ, что первое нелѣпость, а второе справедливо. Лишнія злодѣйства накинуты на память Грознаго: изъ этого слѣдуетъ ли заключать, что онъ во всю жизнь не пролилъ капли крови? (Всѣ эти разсмотрѣнныя возраженія предложены г. Погоднымъ, въ статьѣ: Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія.) — О Петрѣ Нагомъ и о ссыльной старицѣ см. Акты истор. I, № 225.

132) Лѣтоп. о мятеж. стр. 30; Латухинск. степен. кн.; Маржеретъ; Дѣла Польскія № 21, стр. 206. Любопытно, что слухъ шелъ между простыми людьми на Украйнѣ, что сынъ боярскій донесъ на крестьянина.

133) Сборн. Импер. Публ. библіот. № 17. Іовъ пишетъ: Адамъ по изверженіи отъ Бога изъ рая еще надѣяся бесмертенъ и въ раю быти, понеже не вѣдаше смертнаго искуса, донележъ мертва сына своего Авеля видѣ.... надъ тѣломъ мертвымъ сына своего плакася сѣдяше, не вѣда, что сотвори, мняше бо и еще востати ему, и по малу день отъ дня видѣвъ лице его и доброта погибающи, надеждѣ отпадши, тѣмъ же и ангелу къ нему послану бывшу и рекшу, что всуе тружаешися, о Адаме! и плачася сѣдиши надъ тѣломъ мертвымъ: сія есть клятва, юже еси слышалъ, яко земля еси и въ ту же землю паки пойдеши. Милостивъ бо и человѣколюбивъ Богъ, не презираетъ молитву молящихся Ему съ вѣрою и дастъ взлише прошенія просящимъ у него и разверзаетъ ложесна неплодная, якоже древле Іоакиму и Аннѣ неплодымъ убо бывшимъ имъ и сего ради отъ всѣхъ сыновъ двоюнадесять колѣнъ

Израилевъ поношаемымъ и изъ церкви изгоняемымъ и въ прин
шеніе Божье не пріемлемымъ; Іоакимъ же иде въ пустыню и
ляшеся тамо 40 дней, Анна же иде въ садъ свой и ста подъ др
вомъ нарицаемомъ даении еже есть яблонь и ту молитвы прино
Богови со слезами о безчадствіи своемъ; молящижеся ей прел
птица малѣйшая сѣде на древѣ томъ, Анна же воззрѣвши къ вер
ху древа хотя посмотрѣти птичицу ту и се видѣ гнѣздо и пт
чища того на гнѣздѣ сѣдяща, возрыда же велми Анна и возо
гласомъ ко Господу, глаголя: О владыко! кому уподобилъ мя ес
яко и малѣйшія птичицы сея хужши есмь, ибо и сія птица д
имать; лютѣ мнѣ, яко не уподобихся ни звѣремъ земнымъ, в
и звѣри земныи дѣти родятъ, азъ же едина безчада есмь пре
тобою, Господи! увы мнѣ убозей: и водамъ азъ не[illegible]одобихс
яко и воды плодисты суть предъ тобою, Господи! во[illegible]ы бо и
по быстринамъ ихъ разливающеся веселятся славяще Тебѣ, Го
поди. И се ангелъ Господенъ ста предъ нею глаголя: Анно! Ан
услышана бысть молитва твоя. Видиши ли, Государыни благов
ная царице, колико можетъ молитва праведныхъ терпящихъ на
дящая имъ скорби, а кручиною, государыни, не взяти ниче
взяти то милостію Божіею.... аще и печалуеши, то ничтоже
лезно себѣ обрѣтаеши, но точію гнѣвиши Бога, души же сво
вредъ не малъ сотворяеши, тѣло же свое безгодно изнуряе
діаволъ же егда видитъ кого скорбяща и печалующа, тогда ус
пляется нань. Сего ради молю твое благочестіе ѿ всемъ пол
упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу, и Пречистая Бо
родица, видя твое таковое благоволеніе, умолитъ сына своего,
подастъ ти всяко прошеніе твое, егоже у него просиши и бла
родная чресла твоя многоплодна сотворитъ и устроитъ тя яко л
плодовиту въ дому твоемъ.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

—

ТОМЪ ОСЬМОЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К°.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 14-го 1858 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ.*

ГЛАВА I.

ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ БОРИСА ГОДУНОВА; ВНѢШНІЯ СНОШЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ВНУТРЕННІЯ ВЪ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ.

Русь древняя Кіевская жила обычаемъ: по старому обычаю великое княженіе принадлежало старшему въ цѣломъ родѣ; Русь новая, сѣверная пошла противъ этого обычая; обычай потерялъ силу, но до закона о престолонаслѣдіи юное государство еще не доросло; вся власть собралась въ рукахъ единовластителей, и вотъ Іоаннъ III объявилъ: «Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество.» Этой воли не оспоривалъ никто и у правнука Іоаннова, Ѳеодора въ знаменитый 1598 годъ.

Никогда еще для Московскаго государства завѣщаніе, послѣдняя воля царя не имѣла такого важнаго значенія, какъ при смерти Ѳеодора Іоанновича, сходившаго въ могилу безпотомственно. На кого указалъ царь и указаніемъ этимъ освободилъ народъ отъ многотруднаго дѣла избранія? Но Ѳеодоръ умеръ какъ жилъ: и въ послѣднія минуты жизни какъ во все продолженіе ея, онъ, избывая мірской суеты и докуки, не рѣшилъ великаго вопроса, предложеннаго ему патріархомъ и боярами: «Кому царство, насъ сиротъ и свою царицу приказываешь?»

Тихимъ голосомъ отвѣчалъ на это Ѳеодоръ: «Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей Богъ воленъ, какъ ей жить, и объ этомъ у насъ уложено[1].» Патріархъ Іовъ въ житіи Ѳеодора говоритъ, что царь вручилъ скипетръ супругѣ своей; но въ другихъ памятникахъ, заслуживающихъ въ этомъ отношеніи большаго довѣрія, въ избирательныхъ грамотахъ Годунова и Михаила Ѳеодоровича сказано: «послѣ себя великій государь оставилъ свою благовѣрную великую государыню Ирину Ѳеодоровну на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ.» Но понятно, какъ велика разница между выраженіями: «вручить скипетръ» и «оставить послѣ себя на престолѣ.» Дѣйствительно, по смерти Ѳеодора оставалась особа, къ нему самая близкая, носившая царскій титулъ, Ирина, и ей поспѣшили присягнуть, чтобъ избѣжать междуцарствія[2]. Но Ирина отказалась отъ престола, объявивъ желаніе постричься; патріархъ, съ боярами и народомъ, били ей челомъ, чтобъ не оставила ихъ сиротъ до конца, была бы на государствѣ, а править велѣла брату своему Борису Ѳеодоровичу, какъ было при покойномъ царѣ. Много разъ били объ этомъ челомъ Иринѣ, но она не согласилась, и въ девятый день по кончинѣ мужа, выѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась подъ именемъ Александры.

Во главѣ правленія долженъ былъ стать патріархъ, какъ первое лицо въ государствѣ послѣ царя. О томъ, какъ рѣшались дѣла въ это время всего лучше можетъ дать намъ понятіе слѣдующее мѣстническое дѣло: «Писалъ государынѣ царицѣ инокѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ изъ Смоленска князь Трубецкой на Князя Голицына, что тотъ никакихъ дѣлъ съ нимъ не дѣлаетъ, думая, что ему меньше его, Трубецкаго, быть невмѣстно. По царицыну указу, бояре князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами сказывали о томъ патріарху Іову, и по царицыну указу писалъ патріархъ Іовъ къ Голицыну, чтобъ онъ всякія дѣла дѣлалъ съ Трубецкимъ, а не станетъ дѣлать, то патріархъ Іовъ со всѣмъ соборомъ и со всѣми боярами приговорили послать его Трубецкому головою.[3]»

Итакъ несмотря на то, что Ирина заключилась въ монастырѣ, дѣла производились по ея указу; по ея указу, бояре сказываютъ патріарху о дѣлѣ, патріархъ съ соборомъ и боярами приговариваетъ и пишетъ объ исполненіи приговоровъ. И въ дѣлѣ царскаго избранія слѣдовательно патріарху принадлежалъ первый голосъ, за нимъ оставалось самое сильное вліяніе, и патріархъ старался закрѣпить за собою право на это вліяніе въ сознаніи современниковъ: «Благодатію св. Духа, писалъ онъ, имѣмъ мы власть, какъ Апостольскіе ученики, сошедшись соборомъ поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого Богъ избралъ.[4]»

Кого же должно было избрать въ цари достойно по мнѣнію патріарха Іова? Послѣ онъ самъ говорилъ: «Когда былъ я на Коломенской епископіи, и на Ростовской архіепископіи, и на степени патріаршеской—не могу и пересказать превеликой къ себѣ смиренному милости отъ Бориса Өедоровича.[5]»

За Годунова былъ патріархъ, всѣмъ ему обязанный, патріархъ, стоявшій во главѣ управленія; за Годунова было долголѣтнее пользованіе царскою властію при Өеодорѣ, доставлявшее ему обширныя средства: вездѣ — въ думѣ, въ приказахъ, въ областномъ управленіи были люди всѣмъ ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сдѣлается царемъ; пользованіе царскою властію при Өеодорѣ доставило Годунову и его родственникамъ огромныя богатства, также могущественное средство пріобрѣтать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся въ монастырѣ, признавалась царицею правительствующею, и все дѣлалось по ея указу: кто же мимо роднаго брата могъ взять скипетръ изъ рукъ ея! Наконецъ для большинства и большинства огромнаго царствованіе Өеодора былъ временемъ счастливымъ, временемъ отдохновенія послѣ бѣдъ царствованія предшествовавшаго, а всѣмъ было извѣстно, что правилъ государствомъ при Өеодорѣ Годуновъ.

Многое было за Годунова; но есть извѣстія, что сильны были и препятствія, сильны были враги. Патріархъ Іовъ говоритъ:

«Въ большую печаль впалъ я о преставленіи сына моего царя Ѳеодора Ивановича; тутъ претерпѣлъ я всякое озлобленіе, клеветы, укоризны; много слезъ пролилъ я тогда.» Кто же были эти люди, которые мѣшали патріарху въ его стремленіи доставить престолъ Годунову, осыпали его клеветами, укоризнами, заставляли проливать много слезъ? Лѣтопись указываетъ на однихъ князей Шуйскихъ;[6] но конечно Шуйскіе по значенію своему, стояли только на первомъ планѣ: отъ однихъ Шуйскихъ Іову не пришлось бы много плакать. Послушаемъ сначала, что̀ говорятъ памятники оффиціальные. Когда Ирина заключилась въ монастырѣ, то дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ кремлѣ народу и требовалъ присяги на имя думы боярской, но получилъ въ отвѣтъ· «не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу.» Когда же дьякъ объявилъ что царица въ монастырѣ, то раздались голоса: «да здравствуетъ Борисъ Ѳедоровичь!» Патріахъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами московскими отправились въ Новодѣвичій монастырь просить царицу благословить брата на престолъ, потому что при покойномъ царѣ «онъ же правилъ и все содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ по вашему царскому приказу.» Просили и самого Годунова принять царство. Борисъ отвѣчалъ: «Мнѣ никогда и на умъ не приходило о царствѣ; какъ мнѣ помыслить на такую высоту, на престолъ такого великаго государя, моего пресвѣтлаго царя? теперь бы намъ промышлять о томъ, какъ устроить праведную и безпорочную душу пресвѣтлаго государя моего, царя Ѳедора Ивановича, о государствѣ же и о земскихъ всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять тебѣ государю моему отцу святѣйшему Іову патріарху, и съ тобою боярамъ. А если моя работа гдѣ пригодится, то я за святыя Божія церкви, за одну пядь Московскаго государства, за все православное христіанство, и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить.» Послѣ этого патріархъ много разъ наединѣ упрашивалъ Годунова, и, какъ видно, въ слѣдствіе этихъ тайныхъ совѣщаній, Іовъ отложилъ дѣло до тѣхъ поръ, пока исполнится сорокъ

дней по Θеодорѣ, и пока съѣдутся въ Москву всѣ духовныя лица, которыя на великихъ соборахъ бываютъ, весь царскій синклитъ всякихъ чиновъ, служивые и всякіе люди[7]. По иностраннымъ извѣстіямъ[8] Борисъ прямо требовалъ созванія государственныхъ чиновъ, т. е. отъ каждаго города по осьми и десяти человѣкъ, дабы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ.

Итакъ съ достовѣрностію можно положить, что Годуновъ не хотѣлъ принять короны до пріѣзда выборныхъ изъ областей и всѣхъ лицъ, которыя на соборахъ бываютъ, совѣтныхъ людей какъ тогда выражались, хотѣлъ быть избранъ земскимъ соборомъ. Понятно, что въ этомъ только выборѣ всею землею онъ могъ видѣть полное ручательство за будущую крѣпость свою и потомства своего на престолѣ. Иностранцы и свои говорятъ о средствахъ, употребленныхъ Борисомъ и сестрою его для привлеченія народа на свою сторону: царица призывала къ себѣ тайно сотниковъ и пятидесятниковъ стрѣлецкихъ, деньгами и льстивыми обѣщаніями склоняла ихъ убѣждать войско и горожанъ, чтобъ не выбирали на царство никого кромѣ Бориса. Правитель пріобрѣталъ приверженцевъ съ помощью монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, съ помощію вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжбъ, съ помощію людей знатныхъ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая дать и больше, когда будетъ избранъ въ государи[9]. На соборѣ должны были участвовать 474 человѣка: изъ нихъ 99 духовныхъ лицъ, которыя не могли противорѣчить патріарху, да и сами по себѣ были за Годунова; 272 человѣка бояръ, окольничихъ, придворныхъ чиновъ, дворянъ, дьяковъ: у Годунова была партія и между боярами, тѣмъ легче было ему пріобрѣсть большинство между второстепенными лицами; выборныхъ изъ городовъ было 33 человѣка только; за тѣмъ было семь головъ стрелецкихъ, 22 гостя, 5 старостъ гостиныхъ сотенъ и 16 сотниковъ черныхъ сотенъ. Все дѣло рѣшалось значитъ духовенствомъ и дворянствомъ второстепеннымъ, которые были давно за Годунова или смо-

трѣли на патріарха, какъ на верховный авторитетъ; люди неслужилаго сословія составляли ничтожное меньшинство, въ выборѣ изъ городовъ видимъ также людей служилыхъ.

17 Февраля, въ пятницу передъ масляницей[10] открылся соборъ; патріархъ началъ рѣчь, объявилъ, что по смерти Θеодора, предложено было царство Иринѣ; когда та не согласилась, просили ее благословить брата, просили и самого Годунова; когда и онъ не согласился, отложили дѣло на 40 дней, до пріѣзда выборныхъ: «Теперь, продолжалъ Іовъ, вы бы о томъ великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали:. кому на великомъ преславномъ государствѣ государемъ быть?» и не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: «А у меня, Іова патріарха, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, у бояръ, дворянъ, приказныхъ и служилыхъ у всякихъ людей, у гостей и всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Θедоровича иного государя никого не искать и не хотѣть.» Тогда совѣтные люди громко и какъ бы одними устами сказали: «Нашъ совѣтъ и желаніе одинаковы съ твоими отца нашего, всего освященнаго собора, бояръ, дворянъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, что неотложно бить челомъ государю Борису Θедоровичу и кромѣ его на государство никого не искать.» Послѣ этого началось на соборѣ исчисленіе правъ Бориса на престолъ:[11] «Царь Иванъ Васильевичь женилъ сына своего, царевича Θеодора на Иринѣ Θедоровнѣ Годуновой, и взялъ ее государыню въ свои царскія палаты семи лѣтъ, и воспитывалась она въ царскихъ палатахъ до брака; Борисъ Θедоровичь также при свѣтлыхъ царскихъ очахъ былъ безотступно еще съ несовершеннолѣтняго возраста, и отъ премудраго царскаго разума царственнымъ чинамъ и достоянію навыкъ. По смерти царевича Ивана Ивановича, великій государь Борису Θедоровичу говорилъ: Божіими судьбами, а по моему грѣху, царевича не стало, и я въ своей кручинѣ не чаю себѣ долгаго живота; такъ полагаю сына своего царевича Θедора и Богомъ данную

мнѣ дочь царицу Ирину на Бога, Пречистую Богородицу, Великихъ чудотворцемъ и на тебя, Бориса: ты бы объ ихъ здоровьи радѣлъ и ими промышлялъ: какова мнѣ дочь царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ, въ нашей милости ты все равно какъ сынъ. На смертномъ одрѣ царь Иванъ Васильевичь, представляя въ свидѣтельство духовника своего, архимандрита Өеодосія, говорилъ Борису Өедоровичу: тебѣ приказываю сына своего Өедора и дочь Ирину, соблюди ихъ отъ всякихъ золъ. Когда царь Өедоръ Ивановичь принялъ державу Россійскаго царства, тогда Борисъ Өедоровичь, помня приказъ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранилъ какъ зеницу ока, о царѣ Өедорѣ и царицѣ Иринѣ попеченіе великое имѣлъ, государство ихъ отвсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и попеченіемъ многимъ, своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержательствомъ учинилъ ихъ царскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ многое пространство и расширеніе, окрестныхъ прегордыхъ царей послушными сотворилъ, побѣдилъ прегордаго царя Крымскаго и непослушника короля Шведскаго подъ государеву высокую десницу привелъ, города, которые были за Шведскимъ королевствомъ, взялъ; къ нему, царскому шурину, цесарь христіанскій, салтанъ Турецкій, шахъ Персидскій и короли изъ многихъ государствъ пословъ своихъ присылали со многою честію; все Россійское царство онъ въ тишинѣ устроилъ, воинскій чинъ въ призрѣніи и во многой милости, въ строеніи учинилъ, все православное христіанство въ покоѣ и тишинѣ, бѣдныхъ вдовъ и сиротъ въ крѣпкомъ заступленіи, всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались, святая наша вѣра сіяетъ во вселенной выше всѣхъ, какъ подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, и славно было государево и государынино имя отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конецъ вселенной.»

Въ субботу 18 числа и въ воскресенье 19-го въ Успенскомъ соборѣ торжественно служили молебны, чтобы Господь Богъ даровалъ православному христіанству по его прошенію государя царя Бориса Өедоровича. Въ понедѣльникъ на масляницѣ 20

Февраля, послѣ молебна патріархъ съ духовенствомъ, боярами и всенароднымъ множествомъ отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ Борисъ жилъ вмѣстѣ съ сестрою; со слезами били челомъ, много молили — и получили отказъ, Годуновъ отвѣчалъ: «Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю: не думайте, чтобъ я помыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великагȯ и праведнаго царя.» Православное христіанство было въ недоумѣніи, въ скорби многой, въ плачѣ неутѣшномъ. Опять святѣйшій патріархъ созываетъ къ себѣ всѣхъ православныхъ христіанъ и совѣтуетъ устроить на другой день во вторникъ празднество пречистой Богородицѣ въ Успенскомъ соборѣ, также по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, послѣ чего съ иконами и крестами идти въ Новодѣвичій монастырь, пусть идутъ всѣ съ женами и грудными младенцами бить челомъ государынѣ Александрѣ Өедоровнѣ и брату ея, Борису Өедоровичу, чтобъ показали милость. Тутъ же патріархъ съ духовенствомъ приговорили тайно: если царица Александра Өедоровна брата своего благословитъ и государь Борисъ Өедоровичъ будетъ царемъ, то простить его и разрѣшить въ томъ, что онъ подъ клятвою и слезами говорилъ о нежеланіи своемъ быть государемъ; если же опять царица и Борисъ Өедоровичъ откажутъ, то отлучить Бориса Өедоровича отъ церкви, а самимъ снять съ себя святительскіе саны, сложить панагіи, одѣться въ простыя монашескія рясы и запретить службу по всѣмъ церквамъ.

21 Февраля во вторникъ двинулся крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь; къ нему на встрѣчу, при звонѣ колоколовъ, вынесли изъ монастыря икону Смоленской Богородицы, за иконою вышелъ Годуновъ. Подошедши къ иконѣ Владимірской Богородицы, онъ громко возопилъ со слезами: «О милосердая царица! за чѣмъ такой подвигъ сотворила, чудотворный свой образъ воздвигла съ честными крестами и со множествомъ иныхъ образовъ? Пречистая Богородица, помолись о мнѣ и помилуй меня!» Долго лежалъ онъ предъ образомъ и омачалъ землю слезами; потомъ приложился къ другимъ иконамъ, подошелъ къ патріарху и сказалъ ему: «Святѣйшій отецъ и госу-

дарь мой Іовъ патріархъ! за чѣмъ ты чудотворныя иконы и честные кресты воздвигнулъ и такой многотрудный подвигъ сотворилъ?» Патріархъ отвѣчалъ ему, обливаясь слезами: «Не я этотъ подвигъ сотворилъ, но Пречистая Богородица съ своимъ предвѣчнымъ Младенцемъ и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прійти и святую волю сына своего на тебѣ исполнить. Устыдись пришествія Ея, повинись волѣ Божіей и ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня.» Годуновъ отвѣчалъ одними слезами. Послѣ этого Іовъ пошелъ въ церковь, Годуновъ къ сестрѣ въ келью, а бояре и весь народъ вошли на монастырь, которые же не помѣстились на монастырѣ, тѣ всѣ стояли около ограды. Послѣ обѣдни, патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, въ священныхъ одеждахъ, съ крестомъ и образами, пошли въ келью къ царицѣ, и били ей челомъ со слезами долго, стоя на колѣняхъ; съ ними пошли бояре и всѣ думные люди, а дворяне, приказные люди, гости и весь народъ, стоя у кельи по всему монастырю и около монастыря, упали на землю и долго съ плачемъ и рыданіемъ вопили: «Благочестивая царица! помилосердуй о насъ, пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего Бориса Ѳедоровича!» Царица долго была въ недоумѣніи, наконецъ заплакала и сказала: «Ради Бога, Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвигнутія чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига, многаго вопля, рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, даю вамъ своего единокровнаго брата, да будетъ вамъ государемъ царемъ.» Годуновъ, съ тяжелымъ вздохомъ и со слезами сказалъ: «Это ли угодно твоему человѣколюбію, Владыко! и тебѣ, моей великой государынѣ, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумѣ у меня не было? Богъ свидѣтель и ты, великая государыня, что въ мысляхъ у меня того никогда не было, я всегда при тебѣ хочу быть и святое, пресвѣтлое, равноангельское лице твое видѣть.» Александра отвѣчала ему: «Противъ воли Божіей кто можетъ стоять? и ты бы безо всякаго прекословія, повинуясь

волѣ Божіей, былъ всему православному христіанству государемъ.» Тогда Годуновъ сказалъ: «Буди святая твоя воля, Господи!» Патріархъ и всѣ присутствовавшіе пали на землю, возсылая благодареніе Богу, послѣ чего отправились въ церковь, гдѣ Іовъ благословилъ Бориса на всѣ великія государства Россійскаго царствія.

Такъ говорится объ избраніи Годунова въ актѣ оффиціальномъ, въ утвержденной грамотѣ объ этомъ избраніи, составленной уже въ Августѣ 1598 года. Но до насъ дошли другія извѣстія, другія преданія, записанныя въ памятникахъ неоффиціяльныхъ. Такъ дошло до насъ извѣстіе о желаніи бояръ, чтобъ Годуновъ цѣловалъ крестъ на ограничивающей его власть грамотѣ; Борисъ не хотѣлъ этого сдѣлать, не хотѣлъ и отказать прямо, и потому выжидалъ, чтобъ простой народъ принудилъ бояръ выбрать его безъ договора: отсюда и происходилъ его отказъ принять престолъ. Шуйскіе, видя его упрямство, начали говорить, что неприлично болѣе его упрашивать, а надобно приступить къ избранію другаго. Тогда-то патріархъ и рѣшился идти съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь [12]. Есть также извѣстіе, что Годуновъ, желая заставить Романовыхъ забыть права свои на престолъ, далъ старшему изъ нихъ, Ѳедору Никитичу страшную клятву, что будетъ держать его какъ брата и помощника въ дѣлѣ государственнаго управленія.[13] Наконецъ о торжественномъ моленіи, плачѣ и воплѣ народномъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сохранилось такое преданіе: «Народъ неволею былъ пригнанъ приставами, нехотящихъ итти велено было и бить; приставы понуждали людей, чтобъ съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ, и чтобы въ туже минуту весь народъ падалъ на колѣна; не хотящихъ били безъ милости [14]».

26 Февраля, въ воскресенье на масляницѣ, Годуновъ имѣлъ

торжественный въѣздъ въ Москву, въ Успенскомъ Соборѣ слушалъ молебенъ, послѣ котораго принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ и всего православнаго христіанства. Отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, Борисъ пошелъ въ Архангельскій, гдѣ, припадая къ гробу великихъ князей и царей, говорилъ со слезами: «Великіе государи! хотя тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ вы и отошли, по духомъ всегда пребываете неотступно, и, предстоя предъ Богомъ, молитву творите: помолитесь и обо мнѣ и помогите мнѣ.» Изъ Архангельскаго собора пошелъ въ Благовѣщенскій, оттуда въ царскія палаты, изъ дворца поѣхалъ къ сестрѣ въ Новодѣвичій монастырь; отсюда пріѣхалъ опять въ кремль къ патріарху, долго разговаривалъ съ нимъ наединѣ, послѣ чего простился съ нимъ и съ знатнымъ духовенствомъ на великій постъ, и возвратился на житье въ Новодѣвичій монастырь.

Неизвѣстно, въ какое время присягали на вѣрность новому царю; но извѣстна любопытная подкрестная запись. Присягавшій по ней между прочимъ клялся: «мнѣ надъ государемъ своимъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми, въ ѣдѣ, питьѣ, и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихаго и коренья не давать и не велѣть никому давать, и мнѣ такого человѣка не слушать, зелья лихаго и коренья у него не брать; людей своихъ съ вѣдовствомъ, со всякимъ лихимъ зельемъ и кореньемъ не посылать, вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и дѣтей ихъ на слѣду никакимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылать, и слѣду не вынимать никакимъ образомъ, никакою хитростію. А какъ государь царь, царица или дѣти ихъ куда поѣдутъ или пойдутъ, то мнѣ слѣду волшебствомъ не вынимать. Кто такое вѣдовское дѣло захочетъ мыслить или дѣлать, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ про того человѣка сказать государю своему царю или его боярамъ или ближнимъ людямъ, не утаить мнѣ про то никакъ, сказать въ правду безъ всякой хитрости; у кого узнаю, или со стороны

услышу, что кто нибудь о таковъ зловъ дѣлѣ думаетъ, то мнѣ этого человѣка поймать и привести къ государю своему царю, или къ его боярамъ и ближнимъ людямъ въ правду, безъ всякой хитрости, не утаить мнѣ этого никакимъ образомъ, никакою хитростію, а не смогу я этого человѣка поймать, то мнѣ про него сказать государю царю или боярамъ и ближнимъ людямъ.» Насъ здѣсь останавливаетъ не вѣра въ волшебство, которая господствовала въ описываемое время; насъ останавливаетъ перечисленіе видовъ зла, которое можно было сдѣлать Борису и его семейству, повтореніе, распространеніе одного и того же, что должно приписать не времени уже только, а лицу, приписать мелкодушію Бориса, его подозрительности, ибо въ подкрестныхъ записяхъ преемниковъ его мы этого не видимъ.

Присягавшій долженъ былъ клясться также: «Мнѣ мимо государя своего царя Бориса Ѳедоровича, его царицы, ихъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ, царя Симеона Бекбулатова и его дѣтей и никого другаго на Московское государство не хотѣть, ни думать, ни мыслить, ни семьиться, ни дружиться, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ, ни грамотами, ни словомъ не приказывать на всякое лихо; а кто мнѣ станетъ объ этомъ говорить, или кто съ кѣмъ станетъ о томъ думать, чтобъ царя Симеона или другаго кого на Московское государство посадить, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ такого человѣка схватить и привести къ государю[15]» и т. д.

9 Марта, въ четвергъ на второй недѣлѣ поста, патріархъ созвалъ знатное духовенство, бояръ, дворянъ и весь царскій синклитъ, и говорилъ имъ: «Уже время молить намъ Бога, чтобъ благочестиваго великаго государя царя нашего Бориса Ѳедоровича сподобилъ облечься въ порфиру царскую; да установить бы намъ свѣтлое празднество преславному чуду Богородицы, въ тотъ день, когда Богъ показалъ на насъ неизрѣченное свое милосердіе, даровалъ намъ благочестиваго государя Бориса Ѳедоровича, учредить крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь каждый годъ непремѣнно.» Всѣ, слыша такой премудрый глаголъ святѣйшаго Іова патріарха, отвѣчали со сле-

зами, обѣщали молиться Богу безпрестанно, день и ночь. Разосланы были по областямъ грамоты съ приказаніемъ пѣть молебны по три дня со звономъ [16].

Проведши великій постъ и пасху въ монастырѣ съ сестрою, Борисъ 30 Апрѣля въ мироносицкое воскресенье торжественно переѣхалъ на житье во дворецъ кремлевскій. Опять былъ онъ встрѣченъ крестнымъ ходомъ, въ Успенскомъ соборѣ патріархъ надѣлъ на него крестъ Петра митрополита; опять Борисъ обошелъ соборы, ведя за руки дѣтей, сына Ѳедора и дочь Ксенію; былъ большой обѣдъ для всѣхъ. Но царское вѣнчаніе не могло скоро послѣдовать: еще 1-го Апрѣля пришла вѣсть, что Крымскій ханъ Казы-Гирей собирается на Москву со всею ордою и съ полками турецкими. Вѣсть пришла рано, и потому черезъ мѣсяцъ на берегахъ Оки могла собраться огромная рать: говорятъ число ея простиралось до 500,000 человѣкъ. 2-го Мая самъ царь выѣхалъ изъ Москвы съ дворомъ своимъ, въ числѣ котораго находилось пять служилыхъ царевичей. Борисъ остановился въ Серпуховѣ и отсюда распоряжался устройствомъ рати. Но среди этихъ распоряженій новый царь занимался и тѣмъ, чтобъ щедростію и угощеніями привязать къ себѣ служилыхъ людей: пишутъ, что почти ежедневно бывали у него обѣды на 70,000 человѣкъ: «и подавалъ, говоритъ лѣтописецъ, ратнымъ людямъ и всякимъ въ Серпуховѣ жалованье и милость великую.» Цѣль, повидимому, была достигнута: «они всѣ, видя отъ него милость, обрадовались, чаяли и впередъ себѣ отъ него такогоже жалованья.» И такъ вотъ на чемъ основался союзъ Годунова съ служилыми людьми: они чаяли впередъ себѣ отъ него большаго жалованья!

Слухъ о походѣ ханскомъ оказался ложнымъ: вмѣсто грозной рати явились мирные послы. Годуновъ воспользовался случаемъ, чтобъ произвесть на Татаръ самое сильное впечатлѣніе: пословъ поставили верстахъ въ семи отъ стана царскаго, расположеннаго на лугахъ на берегу Оки, ночью велѣно было ратнымъ людямъ стрѣлять по всѣмъ станамъ. 29 Іюня послы представлялись Борису; когда они ѣхали къ нему, то на протяже-

ніи семи верстъ отъ ихъ стана до царскаго, по обѣ стороны дороги стояли пѣшіе ратники съ пищалями и разъѣзжали повсюду конные. Послы, видя огромное войско и безпрестанную стрѣльбу, такъ перепугались, что пришедши къ царю, едва могли справить посольство отъ страха. Царь пожаловалъ ихъ великимъ жалованьемъ, отпустилъ съ большою честію и послалъ съ ними богатые дары къ хану [17]. Въ тотъ же день царь угостилъ все войско и отправился въ Москву.

Сюда онъ въѣхалъ съ большимъ торжествомъ, какъ будто одержалъ знаменитую побѣду или завоевалъ цѣлое царство иноплеменное: патріархъ съ духовенствомъ и множествомъ народа вышли къ нему на встрѣчу; Іовъ благодарилъ за совершеніе великаго подвига, за освобожденіе христіанъ отъ кровопролитія и плѣна: «Радуйся и веселися, говорилъ онъ Борису: Богомъ избранный и Богомъ возлюбленный и Богомъ почтенный, благочестивый и христолюбивый, пастырь добрый, приводящій стадо свое именитое къ начальнику Христу Богу нашему!» По окончаніи рѣчи, патріархъ, духовенство и весь народъ, пали на землю, плакали и потомъ, вставъ, привѣтствовали Бориса «на его государевѣ вотчинѣ и на царскомъ престолѣ и на всѣхъ государствахъ Россійской земли.»

Столько слезъ было пролито при челобитьяхъ и встрѣчахъ! Кажется можно было бы увѣриться въ преданности народа къ доброму пастырю; но, видно, царь и патріархъ были еще далеки отъ этой увѣренности. 1-го Августа Іовъ созвалъ всѣхъ бояръ, дворянъ, приказныхъ, служилыхъ людей и гостей и началъ имъ говорить: «Мы били челомъ соборно и молили со слезами много дней государыню царицу Александру Ѳедоровну и государя царя Бориса Ѳедоровича, который насъ пожаловалъ, сѣлъ на государствѣ: такъ я васъ, бояръ и весь царскій синклитъ, дворянъ, приказныхъ людей и гостей, и все христолюбивое воинство благословляю на то, что вамъ великому государю царю Борису Ѳедоровичу, его благовѣрной царицѣ и ихъ благороднымъ чадамъ служить вѣрою и правдою, зла на нихъ не думать и не измѣнять ни въ чемъ, какъ вы имъ го-

сударямъ души свои дали у чудотворнаго образа Богородицы и у цѣлбоносныхъ гробовъ великихъ чудотворцевъ.» Бояре и всѣ православные христіане отвѣчали: «мы цѣловали крестъ и обѣтъ дали Богу и всѣмъ святымъ, тебя, великаго господина, и весь освященный соборъ въ свидѣтельство представляемъ, что за великаго государя, благовѣрную царицу и дѣтей ихъ души и головы положить и служить имъ вѣрою и правдою, и никого, мимо ихъ, на престолъ не искать и не хотѣть; а кто похочетъ мимо ихъ инаго государя искать или какое лихо учинить: и намъ на того измѣнника извѣстить тебѣ, св. патріарху и стоять на него всею землею заодно. Также намъ не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести никакъ не хотѣть, и быть въ государевыхъ дѣлахъ безъ прекословія, а кто станетъ сопротивляться царской власти и повелѣнію, на того положить клятву святительскую; а намъ беречь того: какъ кому государь на своей службѣ и у всякаго дѣла быть велитъ, такъ тому и быть. Также намъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ государю царю въ разрядныхъ и земскихъ дѣлахъ кручины не приносить никакой.» Великій и пресвятѣйшій патріархъ, услыхавъ такія рѣчи, сказалъ: «Если вы такой обѣтъ предъ Богомъ полагаете, то надобно намъ грамоту утвержденную написать и руки свои къ ней приложить, чтобъ было впредь крѣпко, неподвижно, стоятельно на вѣки.» Всѣ единогласно отвѣчали: «Благословенъ глаголъ твой отъ Бога, святитель первопрестольнѣйшій Іовъ патріархъ, отецъ нашъ великій, пастухъ душамъ нашимъ! Св. Духа преисполнены всѣ глаголы устъ твоихъ, владыко! Подобаетъ такъ быть, какъ ты глаголешь.»

Годуновъ былъ избранъ голосомъ всей земли; народъ, стоя на колѣнахъ, съ воплемъ и слезами умолялъ его умилосердиться, принять престолъ: какого права нужно было послѣ того человѣку, хотя бы онъ былъ самаго низкаго происхожденія? какого соперника могъ бояться онъ, хотя бы этотъ соперникъ и былъ самаго знатнаго происхожденія? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія тяготиться своимъ относительно не-

знатнымъ происхожденіемъ, подозрѣвать, что для другихъ его происхожденіе уменьшаетъ права, значеніе всенароднаго избранника? не было ли признакомъ крайняго мелкодушія не умѣть скрыть этого подозрѣнія, обнаружить свою слабость, напомнить народу о томъ, о чемъ вѣроятно большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное опредѣленіе объ избраніи Годунова въ цари. Въ немъ прежде всего прямо объявлено, что царь Иванъ Васильевичъ, умирая, вручилъ сына своего Ѳедора боярину Борису Ѳедоровичу съ такими словами: «тебѣ предаю съ Богомъ этого сына моего, будь благопріятенъ ему до скончанія живота его, а по его смерти тебѣ приказываю и царство это.» И царь Ѳеодоръ, по приказу отца своего и по пріятельству, вручилъ царство Борису Ѳедоровичу. Далѣе патріархъ счелъ нужнымъ примѣрами изъ священной и Римской исторіи показать, что восходили на царскій престолъ люди не отъ царскаго рода и не отъ великихъ синклитъ, и не смотря на то, большой славы достигали, ибо не на благородство зритъ Богъ, но благовѣріе предъизбираетъ и душу благочестивую почитаетъ. Наконецъ въ заключеніи говорится: «да не скажетъ кто-нибудь: отлучимся отъ нихъ, потому, что царя сами себѣ поставили; да не будетъ того, да не отлучаются, а если кто скажетъ такое слово, то не разуменъ есть и проклятъ [18].» Странное предположеніе возможности подобнаго слова послѣ столькихъ всенародныхъ слезъ и воплей!

1-го Сентября, въ праздникъ Новаго Года, Борисъ вѣнчался на царство. Въ рѣчи своей, произнесенной при этомъ случаѣ патріарху, Борисъ сказалъ, что покойный царь Ѳедоръ приказалъ патріарху, духовенству, боярамъ и всему народу избрать кого Богъ благоволитъ на царство, что и царица Ирина приказала тоже самое «и по Божіимъ неизрѣченнымъ судьбамъ и по великой его милости, избралъ ты, св. патріархъ и прочіе, меня Бориса [19].» Эти слова вполнѣ подтверждаютъ извѣстіе лѣтописи, что никакихъ назначеній со стороны Ѳедора не было и что онъ не вручалъ царства женѣ. Но патріархъ и тутъ

вился усерднѣе къ выгодамъ Годунова, чѣмъ самъ Годуновъ: въ отвѣтной рѣчи своей царю онъ сказалъ, что Θеодоръ приказалъ свое царство Иринѣ; здѣсь впрочемъ Іовъ еще сдержался, употребилъ еще не столько опредѣленное слово: приказалъ, тогда какъ въ житіи Θеодора употребилъ слово: вручилъ, а въ соборномъ опредѣленіи сказано, что вручилъ царство прямо Борису!

Современники не оставили намъ извѣстій, что замѣтили разнорѣчіе въ словахъ царя, патріарха и соборнаго опредѣленія; ихъ поразило другое во время царскаго вѣнчанія Борисова: новый царь, принимая благословеніе отъ патріарха, громко сказалъ ему: «Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!» —и тряся воротъ рубашки своей, продолжалъ: «и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!» [20].

Первые шаги Бориса, сдѣланные при новомъ положеніи, первыя слова, имъ сказанныя, уже достаточно обнаруживали характеръ человѣка, сѣвшаго на престолъ государей Московскихъ. Этотъ престолъ для знаменитаго конюшаго боярина былъ самою лучшею мѣркою нравственнаго величія, и тотчасъ же обнаружилось, что онъ не доросъ до этой мѣрки. Что Годуновъ искалъ престола, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для достиженія своей цѣли —это понятно: онъ искалъ престола не по одному только властолюбію, онъ искалъ его и по инстинкту самосохраненія. Но еслибъ Годуновъ по своему нравственному характеру былъ въ уровень тому положенію, котораго добивался, то онъ не обнаружилъ бы такой мелочной подозрительности, какую видимъ въ присяжной записи и въ этомъ стремленіи связать своихъ недоброжелателей нравственными принудительными мѣрами; съ одной стороны видимъ въ актахъ, относящихся къ избранію Годунова, страшное злоупотребленіе въ извѣстіяхъ о всеобщей преданности, всеобщихъ воплях и слезахъ при челобитьи, всеобщемъ восторгѣ при согласіи принять царство: и тутъ же встрѣчаемъ, въ совершенномъ противорѣчіи, сильную подозрительность со сто-

роны человѣка, которому оказывается столько усердія. Одно изъ двухъ: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующихъ, обличала человѣка, недостойнаго такого усердія, или, если подозрительность была основательна, то безпрерывно повторяемыя извѣстія о всеобщемъ усердіи заключали въ себѣ вопіющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неувѣренность въ самомъ себѣ высказалась и въ этомъ страхѣ предъ низостію происхожденія, страхѣ, недостойномъ человѣка, избраннаго всею землею, которая самимъ этимъ избраніемъ подняла его выше всѣхъ. Мелкодушіе Годунова, непониманіе своего положенія высказалось и въ этомъ явномъ стремленіи задаривать, заискивать себѣ расположеніе народное расточеніемъ милостей, небывалымъ при прежнихъ государяхъ, напримѣръ, въ этихъ пиршествахъ и подаркахъ ратнымъ людямъ, которые не видали непріятеля; Годуновъ не понималъ, что только тотъ можетъ пріобрѣсть прочное народное расположеніе, кто не ищетъ его, или, по крайней мѣрѣ, не показываетъ ни малѣйшаго вида, что̀ ищетъ, не понималъ, что расточеніе милостей только уменьшаетъ ихъ цѣну, что милость, дарованная государемъ, по наслѣдству престолъ получившимъ, имѣетъ только значеніе милости, тогда какъ милость отъ царя избраннаго является въ видѣ платы за избраніе. Наконецъ недостатокъ нравственнаго величія, умѣнья владѣть собою, не забыться при достиженіи желанной цѣли, всего разительнѣе оказался въ словахъ Годунова, произнесенныхъ при царскомъ вѣнчаніи: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!» Какъ можно было обрадоваться до такой степени, забыться отъ радости до такой степени, чтобъ торжественно связать себя подобнымъ обѣщаніемъ!

Годуновъ принадлежалъ къ новому, второму поколѣнію бояръ Московскихъ. Представителями стараго поколѣнія были Патрикѣевы и старые Шуйскіе съ товарищами, помнившіе хорошо свое происхожденіе, прежнее положеніе свое относительно великихъ князей и старавшіеся поддержать его. Это поколѣніе было сломлено усиліями Іоанна III, сына его Василья и внука

Іоанна IV. Годуновъ воспитался, достигъ боярства во вторую половину царствованія Грознаго, въ то время, когда бояринъ не могъ безнаказанно обнаружить самостоятельность своего характера, когда онъ долженъ былъ сохранять свою жизнь, свое приближенное къ царю положеніе только при ясномъ сознаніи своей слабости, своей полной зависимости, безпомощности, только заботливо наблюдая за каждымъ движеніемъ на верху и около себя, съ напряженнымъ вниманіемъ озираясь на всѣ стороны. Понятно, какое вліяніе должно было имѣть такое положеніе на человѣка, особенно если природа этого человѣка не представляла сильнаго противодѣйствія подобному вліянію, понятно, какъ подозрительность Грознаго должна была заражать окружавшихъ его, особенно тѣхъ, которые по слабости своей природы были воспріимчивы къ этой болѣзни. Въ числѣ такихъ, какъ видно, былъ и Годуновъ, человѣкъ очень умный безспорно, быть можетъ болѣе всѣхъ другихъ вельможъ способный къ правительственному дѣлу, быть можетъ яснѣе другихъ понимавшій потребности государства, главную изъ нихъ, потребность просвѣщенія, сближенія съ народами западной Европы; человѣкъ благонамѣренный, готовый сдѣлать все возможное добро тамъ, гдѣ дѣло не шло о его личныхъ выгодахъ, но человѣкъ, не имѣвшій столько нравственной твердости, нравственнаго величія, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія школы, въ которой воспитался, чтобъ, приближаясь къ престолу, и на престолѣ, сбросить съ себя боярство временъ Грознаго и явиться съ царственнымъ величіемъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что онъ былъ царь избранный, начинавшій новую династію. Годуновъ, который, будучи бояриномъ, казался достойнымъ царствовать, явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувѣреннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, неумѣвшимъ владѣть собою, ненаходчивымъ въ случаяхъ важныхъ, рѣшительныхъ.

Царское вѣнчаніе, по обычаю, ознаменовано было милостями,

пожалованіями: званіе конюшаго получилъ Димитрій Иванович Годуновъ, дворецкаго—Степанъ Васильевичъ (на мѣсто Григо рія Васильевича, незадолго предъ тѣмъ умершаго); нѣкото рымъ лицамъ пожаловано было боярство, другимъ окольниче ство; служилымъ людямъ выдано двойное жалованье, купцам дано право безпошлинной торговли на два года, земледѣльц освобождены отъ податей на годъ; есть извѣстіе, что опредѣ лено было, сколько крестьяне должны были работать на го сподъ и платить имъ; вдовамъ и сиротамъ, русскимъ и чуж земнымъ розданы деньги и съѣстные припасы; заключенные в темницахъ освобождены и получили вспоможеніе. Новгородц получили особыя льготы: были у нихъ два кабака, отъ кото рыхъ имъ нужда, тѣснота, убытки и оскуденье учинились: по этому царь, царица, и царскіе дѣти пожаловали гостей и всѣх посадскихъ людей, царскіе денежные доходы съ кабаковъ о ставили и кабакамъ на посадѣ быть не велѣли. Кромѣ то пожаловали гостей и всѣхъ посадскихъ людей, съ ихъ дворов лавокъ, прилавковъ, скамей, анбаровъ, лавочные денежные о роки сложили, и мелкіе промыслы, для младшихъ посадских людей, никому на откупъ давать и оброка съ нихъ брать н велѣли, свою отчину великое государство великій Новгород во всемъ отарканили. Инородцы освобождены были также н цѣлый годъ отъ ясака, «чтобъ они дѣтей своихъ и братью, д дей, племянниковъ и друзей отовсюду призывали и сказывал имъ царское жалованье, что мы ихъ пожаловали, ясаку съ них брать не велѣли, а велѣли имъ жить безоброчно, и въ гор дахъ бы юрты и въ уѣздахъ волости они полнили.»

Облегчена была участь нѣкоторыхъ опальныхъ Θедоро царствованія; такъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы Иванъ Гр горьевичъ Нагой, который разсказываетъ о своей бѣдѣ и о св емъ избавленіи въ слѣдующей любопытной грамотѣ: «Я, Иван Григорьевичъ Нагой, пожаловалъ, далъ человѣку своему Бо дану Сидорову старинную свою вотчинку, за его къ се прямую службу и за терпѣніе, что онъ со мною животъ св мучилъ на государевой службѣ въ Сибири, да его же Богда

за мой грѣхъ государь царь Өедоръ Ивановичъ велѣлъ у меня взять изъ Сибири, и привести въ Москву скованнаго, мучилъ онъ животъ свой, сидя у приставовъ въ цѣпи и желѣзахъ годъ. Когда государь надо мной смиловался и велѣлъ его отпустить, то онъ Богданъ билъ челомъ обо мнѣ государю царю Өедору Ивановичу, и по его челобитью государь надо мной смилосердовался, велѣлъ изъ Сибири отпустить въ Казань. Но въ Казани грѣхъ мой надо мною взыскался: пришла на меня царская опала, прислалъ государь князя Якова Борятинскаго въ Казань и велѣлъ ему меня ограбить до нага, отвезти на Вологду и посадить въ тюрьму. Тогда Богданъ въ другой разъ поѣхалъ въ Москву, былъ тамъ схваченъ и сидѣлъ полгода у пристава. Государь царь Борисъ Өедоровичъ пожаловалъ, отъ пристава велѣлъ его освободить, и онъ Богданъ обо мнѣ билъ челомъ, о моей женѣ и о дѣткахъ. По его челобитью государь меня пожаловалъ, изъ тюрьмы велѣлъ выпустить, и велѣлъ мнѣ жить въ Тверской моей вотчинкѣ. И мнѣ его Богдана за такую великую себѣ работу и за терпѣніе пожаловать нечѣмъ: что было моихъ животовъ, то все взято на государя. Такъ жалую ему старую свою вотчинку: владѣть ему этимъ моимъ жалованьемъ и, если захочетъ, можетъ его продать, заложить или по душѣ отдать. А послѣ моей смерти ему Богдану за то мое жалованье, жену мою и дѣтей не покинуть, и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю; и дѣтей моихъ, Никифора и Гаврилу ему Богдану грамотѣ научить, и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ[21].»

Царствованіе Бориса, относительно западныхъ, самыхъ опасныхъ сосѣдей, Польши и Швеціи, началось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: эти державы, такъ недавно грозившія Москвѣ страшнымъ союзомъ своимъ подъ однимъ королемъ, теперь находились въ открытой и ожесточенной враждѣ въ слѣдствіе этого самаго союза: Сигизмундъ Польскій воевалъ съ дядею своимъ, Карломъ Шведскимъ, въ которомъ видѣлъ похитителя своего отчиннаго престола. Годуновъ далъ знать Сигизмунду о своемъ воцареніи чрезъ думнаго дворянина Тати-

щева; въ Польшѣ рѣшили отправить въ Москву для переговоровъ уже бывалаго тамъ и славнаго своею ловкостію въ дѣлахъ канцлера Литовскаго Льва Сапѣгу, къ которому придан были Станиславъ Варшицкій, каштелянъ Варшавскій и Илья Пелгржымовскій, писарь великаго княжества Литовскаго. 1[illegible] Октября 1600 года въѣхалъ Сапѣга въ Москву съ обычны торжествомъ, и на другой же день начались непріятности, жалобы; посольство, по обычаю, держали въ строгомъ заключеніи, но что всего непріятнѣе было для Сапѣги, представлені царю откладывали день за день, объявляя, что у государя болитъ большой палецъ на ногѣ. 16 Ноября подлѣ посольскаг дома былъ пожаръ, сгорѣло нѣсколько домовъ; Сапѣга жаловался приставу, что ихъ держатъ въ тѣснотѣ, во всѣхъ углах накладена солома, Боже сохрани пожаръ: нетолько вещей не спасешь, но и самъ не выбѣжишь: «если насъ еще будут держать въ такой тѣснотѣ, прибавилъ Сапѣга, то намъ надобн иначе распорядиться и промыслить о себѣ.» Послѣднее слов не понравилось приставу, и онъ сказалъ, что это слово высокое и къ доброму дѣлу не пристойно. 26 Ноября наконец пословъ представили государю: подлѣ Бориса сидѣлъ сынъ его царевичъ Ѳеодоръ, имя котораго было неразлучно съ имене отца, такъ напримѣръ посламъ говорили: «Великій государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Руси самодер жецъ и сынъ его царевичъ Ѳедоръ Борисовичъ жалуютъ вас своимъ обѣдомъ.» И тутъ высказалось недовѣріе Бориса к присягѣ русскихъ людей, которые клялись служить ему и дѣтямъ его и мимо ихъ никого не хотѣть на царство. Подобно допущеніе сына въ соправительство для упроченія за ни великокняжескаго стола было очень благоразумно со сторон Василія Темнаго, испытавшаго слѣдствіе борьбы съ притязаніями родичей; но такая же мѣра со стороны Бориса не имѣл никакого смысла.

И послѣ представленія медлили начатіемъ переговоровъ, вы ставляя причинами то нездоровье царя, то что день празднич ный. 3-го Декабря послы явились во дворецъ и на царском

мѣстѣ нашли не Бориса, но сына его, окруженнаго боярами и людьми думными. Ѳеодоръ объявилъ посламъ, что отецъ его приказалъ своимъ боярамъ вести съ ними переговоры: «Мы этому рады, отвѣчалъ Сапѣга; мы для этого и пріѣхали, а не для того, чтобъ лежать и ничего не дѣлать.» Первое засѣданіе прошло въ спорахъ о титулѣ царя и самодержца, котораго бояре требовали для Бориса и, въ случаѣ упорства со стороны Поляковъ, грозили войною; Сапѣга отвѣчалъ: «войну вы начать можете; но конецъ войны въ рукахъ Божіихъ.» На другой день, во второмъ засѣданіи, Сапѣга представилъ условія вѣчнаго мира, состоявшія изъ слѣдующихъ статей: 1) Обоимъ великимъ государямъ быть между собою въ любви и вѣчной пріязни, также панамъ раднымъ и всѣмъ станамъ духовнымъ и свѣтскимъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго съ боярами думными и со всѣми чинами великаго государства Владимирскаго, и Московскаго и иныхъ быть въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, какъ людямъ одной вѣры христіанской, одного языка и народа Славянскаго. 2) Обоимъ великимъ государямъ имѣть однихъ враговъ и друзей. 3) Никакихъ соглашеній, перемирій, и союзовъ великіе государи ко вреду другъ друга заключать не будутъ; во всѣ соглашенія, перемирія и союзы будутъ входить не иначе, какъ напередъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ. 4) Въ случаѣ нападенія на одного изъ государей, другой обязанъ защищать его. 5) Земли, добытыя у врага общими силами, отходятъ къ тому государству, которое имѣло на нихъ давнія права. 6) Землями, никогда прежде не принадлежавшими ни одному изъ союзныхъ государствъ, владѣть или сообща, или раздѣливши пополамъ. 7) Подданнымъ обоихъ государствъ вольно пріѣзжать и отъѣзжать, вступать въ службу придворную, военную и земскую — Полякамъ и Литовцамъ въ Москвѣ, Русскимъ въ Польшѣ и Литвѣ. 8) Вольно имъ вступать другъ съ другомъ въ браки. 9) Поляки и Литовцы въ Московскомъ государствѣ, Русскіе въ Польшѣ и Литвѣ могутъ выслуживать вотчины, помѣстья, покупать земли, брать въ приданое. 10) Жителямъ Польскихъ

владѣній вольно присылать дѣтей своихъ учиться и въ службу въ Московское государство, и жителямъ послѣдняго во владѣнія Польскія. 11) Тѣмъ Русскимъ, которые пріѣдутъ въ Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать вѣру Русскую; а которые изъ нихъ поселятся тамъ, пріобрѣтутъ земли, такимъ вольно на своихъ земляхъ строить церкви Русскія. Тѣмъ же правомъ пользуются Поляки и Литовцы въ Московскомъ государствѣ, держатъ вѣру Римскую, и ставятъ Римскіе церкви на своихъ земляхъ. 12) Государь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ позволитъ въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ строить Римскія церкви для тѣхъ Поляковъ, которые у него будутъ въ службѣ, для купцовъ и пословъ польскихъ и другихъ католическихъ государствъ. 13) Купцамъ путь чистый по землямъ обоихъ государствъ и чрезъ нихъ въ другія государства; мыто остается старое. 14) Бѣглецовъ, воровъ, разбойниковъ, зажигателей и всякихъ преступниковъ выдавать съ обѣихъ сторонъ. 15) За одно оборонять Украйну отъ Татаръ. 16) Оба государства должны имѣть общій флотъ на морѣ Литовскомъ и на морѣ Великомъ. 17) Монета должна быть одинакая въ обоихъ государствахъ. 18) Для крѣпчайшаго соединенія этихъ славныхъ государствъ и для объявленія его предъ цѣлымъ свѣтомъ должны быть сдѣланы двойныя короны: одна посломъ Московскимъ возлагается при коронаціи на короля Польскаго, а другая посломъ Польскимъ возлагается на государя Московскаго. 19) Король въ Польшѣ избирается по совѣту съ государемъ Московскимъ. 20) Еслибъ король Сигизмундъ не оставилъ сына, то Польша и Литва имѣютъ право выбрать въ короли государя Московскаго, который, утвердивши права и вольности ихъ, долженъ жить поочередно два года въ Польшѣ и Литвѣ, и годъ въ Москвѣ. 21) По смерти государя Московскаго, сынъ его, при вступленіи на престолъ, подтверждаетъ присягою этотъ союзъ. 22) Еслибы у государя Московскаго не осталось сына, то король Сигизмундъ долженъ быть государемъ Московскимъ. 23) Княжество Смоленское и

Сѣверское съ тремя крѣпостями, принадлежавшими къ Полоцку, должны быть возвращены Польшѣ.

И такъ вмѣсто условій вѣчнаго мира посолъ Сигизмундовъ предложилъ условія союза, и союза, приближавшагося къ соединенію двухъ государствъ въ одно. Цѣль Сигизмунда и совѣтниковъ его, іезуитовъ, при этомъ была ясна: еслибы царь Московскій принялъ условія, то этимъ отворилъ бы въ свое государство дорогу для католицизма. Бояре отвѣчали посламъ, что статьи о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ, о выдачѣ перебѣжчиковъ, о свободной торговлѣ могутъ быть приняты по заключеніи вѣчнаго мира, для котораго прежде всего надобно рѣшить вопросъ о Ливоніи, искони вѣчной вотчинѣ государей Россійскихъ, начиная отъ великаго князя Ярослава. Чтоже касается до другихъ статей, поданныхъ Сапѣгою, то государь не можетъ согласиться, чтобъ Поляки и Литовцы женились въ Московскомъ государствѣ, пріобрѣтали земли и строили церкви латинскія, но не запрещаетъ имъ пріѣзжать, жить и оставаться при своей вѣрѣ; о томъ, кому послѣ кого наслѣдовать престолъ, говорить нечего, потому что это дѣло въ рукахъ Божіихъ; при царскомъ вѣнчаніи возлагать корону принадлежитъ духовенству, а не свѣтскимъ людямъ. Начались жаркіе споры о главномъ предметѣ, о Ливоніи. До чего доходили бранныя рѣчи, видно изъ слѣдующаго разговора Сапѣги съ думнымъ дворининомъ Татищевымъ: Татищевъ: «Ты, Левъ, еще очень молодъ; ты говоришь все неправду, ты лжешь.» Сапѣга: «Ты самъ лжешь, холопъ, а я все время говорилъ правду; не съ знаменитыми бы послами тебѣ говорить, а съ кучерами въ конюшнѣ, да и тѣ говорятъ приличнѣе, чѣмъ ты.» Татищевъ: «Что ты тутъ раскричался! я всѣмъ вамъ сказалъ, и говорю, и еще разъ скажу и докажу, что ты говоришь неправду.» Тутъ Сапѣга обратился къ боярамъ съ жалобою на Татищева, и тѣ велѣли послѣднему замолчать. Но когда Сапѣга, чтобъ уклониться отъ споровъ о Ливоніи, сказалъ, что не имѣетъ никакого полномочія говорить о ней, то Татищевъ не утерпѣлъ и снова закричалъ: «Не лги, мы зна-

омъ, что у тебя есть полномочіе.» Сапѣга отвѣчалъ: «Ты, лжецъ, привыкъ лгать; я не хочу съ такимъ грубіяномъ ни сидѣть вмѣстѣ, ни разсуждать объ дѣлахъ.» Съ этими словами онъ всталъ и вышелъ. Пословъ Польскихъ задерживали нарочно, ибо ждали Шведскихъ. Наконецъ Шведскіе послы, Генрихсонъ и Клаусонъ пріѣхали и ихъ нарочно провезли мимо дома, который занималъ Сапѣга съ товарищами. Польскимъ посламъ бояре объявляли, что Карлъ Шведскій уступаетъ царю Эстонію и самъ поддается Москвѣ, а Шведскимъ посламъ было объявлено, что Сигизмундъ уступаетъ царю часть Ливоніи, если только Борисъ будетъ воевать съ королемъ; этимъ объявленіемъ думали испугать Шведовъ и принудить ихъ къ уступкѣ Нарвы; но Шведы не поддались и настаивали, чтобъ послѣдній договоръ былъ сохраненъ не нарушимо. Въ слѣдствіе этихъ переговоровъ Сапѣгу держали до Августа 1601 года и наконецъ заключили съ нимъ двадцатилѣтнее перемиріе, причемъ въ грамотѣ не написали Сигизмунда Шведскимъ королемъ. Сапѣга уѣхалъ озлобленный, вмѣняя себѣ впрочемъ въ важную заслугу то, что успѣлъ порвать связь Годунова съ Михаиломъ, воеводою Волошскимъ, который домогался Польскаго престола и заключилъ было тайный союзъ съ царемъ, обѣщавшимъ помогать ему въ его предпріятіи.

Взять съ короля присягу въ соблюденіи перемирія отправились бояре Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ Морозовъ и думный дьякъ Власьевъ. Когда они пріѣхали въ Литву, то имъ объявили, что король при войскѣ въ Ливоніи и чтобъ они ѣхали къ нему въ Ригу; на это Салтыковъ отвѣчалъ приставу: «Ты намъ сказываешь отъ себя, что насъ хотятъ везти къ Жигимонту королю въ Ливонскую землю Двиною рѣкою въ судахъ; но мы того и слушать не хотимъ: великій государь нашъ прислалъ насъ къ государю вашему съ великими дѣлами, а на посольствѣ велѣлъ намъ быть у государя вашего въ корунѣ Польской или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ которомъ городѣ государь вашъ въ то время будетъ; а въ Ливонскую землю намъ не хаживать, того себѣ и въ мысли не дер-

йте, хотя бы король надъ нами и неволю какую велѣлъ учинить, то и тутъ намъ мимо царскаго приказа ничего сдѣлать нельзя.» Паны прислали къ посламъ грамоту съ сожалѣніемъ, что они такъ долго принуждены будутъ ждать, причемъ складывали вину на самихъ пословъ, зачѣмъ они поторопились пріѣхать, желая поскорѣе взять съ короля крестное цѣлованіе, и при этомъ паны употребили выраженіе, что будутъ бить челомъ королю о послахъ. Салтыковъ отвѣчалъ: «Такихъ бы непригожихъ и гордыхъ словъ паны рада впередъ къ намъ не приказывали, тѣмъ доброму дѣлу порухи не чинили: идемъ мы отъ великаго государя къ государю вашему по прежнему обычаю, а не для того, чтобъ намъ перемирье у государя вашего крестнымъ цѣлованіемъ утвердить. Великому государю нашему то перемирье не нужно, и спѣшить намъ было нечего; нынѣшнее перемирье коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому больше нашего надобно, потому что у васъ многіе недруги и войны частыя, да у васъ же Божіе посѣщеніе, хлѣбный недородъ, а у великаго государя нашего Божіею милостію и его государскимъ счастіемъ недруга никакого нѣтъ, отовсюду его царскимъ премудрымъ разумомъ и бодропасным содержательствомъ и храбростію великимъ государствамъ его прибавленіе и расширеніе; а нынѣшнее перемирье великій государь нашъ велѣлъ учинить по своему царскому обычаю, жалѣя о христіанствѣ и за челобитьемъ сына своего царевича Ѳедора Борисовича, по прошенью вашихъ пословъ. Если государю вашему насъ принять теперь не время будетъ для воинскаго дѣла, то государь вашъ велѣлъ бы намъ себя ждать въ Литовской или въ Польской землѣ и кормъ намъ велѣлъ бы давать по прежнему обычаю, и мы государя вашего дожидаемся, гдѣ намъ велитъ хотя долгое время.»

Наконецъ Сигизмундъ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ Московскіе послы представились ему и начали переговоры. Послы требовали по обычаю, царскаго титула для Бориса. Сапѣга отвѣчалъ жалобою: «Какъ пріѣхалъ я въ Москву, и мы государскихъ очей не видали шесть недѣль, а какъ были на посольствѣ, то мы

послѣ того не видали государскихъ очей 18 недѣль, потомъ отъ думныхъ бояръ слыхали мы много словъ гордыхъ, все вытягивали они у насъ царскій титулъ. Я имъ говорилъ также какъ и теперь говорю, что намъ отъ государя нашего наказа о царскомъ титулѣ на перемирье нѣтъ, а на доконьчаньѣ наказъ королевскій былъ о царскомъ титулѣ, еслибъ государь вашъ по тѣмъ по всѣмъ статьямъ, которыя мы дали боярамъ, согласился. Били мы челомъ государскому сыну, просили его доложить отцу, чтобъ насъ задерживать не велѣлъ, велѣлъ бы отпустить и безъ дѣла; но нашего челобитья не приняли и къ тому насъ привели, что мы просили себѣ смерти: ни дѣла не дѣлаютъ, ни отпускаютъ. Да и то намъ вашего государя люди сказывали, что хотятъ насъ разослать по городамъ и засадить, что и дворы уже подѣланы, гдѣ намъ сидѣть, и мы съ сердца приставамъ говорили: если государь вашъ не велитъ насъ отпустить, то мы на коней сядемъ и поѣдемъ сами, а кто насъ станетъ бить, и мы начнемъ бить, потому что пришло намъ не до государской чести, намъ жизнь своя всего дороже, въ неволѣ жить не привыкли. И видя надъ собою такую тѣсноту, мы приговорили на перемирье по неволѣ. А что государя нашего не назвали въ грамотѣ Шведскимъ королемъ, то мы съ боярами много говорили и плакали: Боже святый! увидь неправду государя вашего надъ государемъ нашимъ, что безъ Божіей воли отнимаютъ титулъ дѣдовскій: и на то насъ неволю привели, что и титулъ государя своего мы изъ грамоты вычеркнули.»

Послы отвѣчали, что Сапѣга говоритъ это все на ссору, что задержанья и тѣсноты ему не было, а задержались послы на Москвѣ оттого, что великій государь ножкою долгое время недомогалъ, выходу его государскаго не было. Паны настаивали, чтобъ Сигизмундъ назывался въ грамотахъ по прежнему королемъ Шведскимъ, ибо Карлъ есть похититель; послы отвѣчали: Вы говорите, что государь вашъ короновался Шведскою короною; но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакаго вѣдома не бывало, съ царскимъ величествомъ Сигизмундъ король не обсылывался; только про то

намъ вѣдомо, что государь вашъ Жигимонтъ король ходилъ въ Швецію и надъ нимъ въ Шведской землѣ невзгода приключилась. Еслибъ государь вашъ короновался Шведскою короною, то онъ прислалъ бы объявить объ этомъ царскому величеству и самъ былъ бы на Шведскомъ королевствѣ, и не Арцы-Карло (герцогъ Карлъ); теперь на Шведскомъ королевствѣ Арцы-Карлусъ, и Жигимонту королю до Шведскаго королевства дѣла нѣтъ, и вамъ о Шведскомъ титулѣ праздныхъ словъ говорить и писать нечего, нечего о томъ говорить, чего за собой нѣтъ. А что ты, Левъ говорилъ, будто вы послы въ государствѣ государя нашего были заперты за сторожами и никуда васъ не пускали, и ты говоришь не гораздо: береженье было на дворѣ отъ огня, потому что у васъ на дворѣ конскаго корму, сѣна и соломы было много, люди ваши хаживали ночью съ огнемъ небережно, и за дворомъ сторожа были не для безчестья, для береженья, чтобъ надъ вами какого нибудь лиха не сдѣлалось.»

Если послы не хотѣли давать Сигизмунду титула Шведскаго короля, то паны никакъ не согласились называть Бориса царемъ и самодержцемъ; они говорили: «Государь нашъ король и мы паны рада отъ этого не отказываемся и пригоже государю вашему титулъ царскій писать, только это будетъ въ передъ, какъ между государей искренняя сердечная любовь и вѣчное докончаніе совершится. Прежде надобно сдѣлать вѣчное соединенье, чтобъ одинъ другаго не берегся, а не такъ какъ нынѣшнее перемирье на время: скоро минется и послѣ того кто вѣдаетъ, какой государь на которомъ государствѣ будетъ? и теперь на перемирье какъ царскій титулъ писать?»

Не согласившись на счетъ титуловъ, положили подтвердить двадцатилѣтнее перемиріе какъ оно было заключено Сапѣгою въ Москвѣ. Но, предъ цѣлованіемъ креста, Сигизмундъ сказалъ: «Цѣлую крестъ, что мнѣ тотъ миръ держать во всемъ потому какъ въ перемирной грамотѣ написано; а въ томъ передъ св. крестомъ объщаюсь, что мнѣ своего дѣдовскаго титула Шведскаго короля не отступаться, также и въ Ливонской землѣ городовъ Нарвы и Ревеля и другихъ, которые теперь за Шве-

ціею, въ эти перемирныя лѣта доступать, за кѣмъ бы они ни были, и никому ихъ не уступать. А Велижской волости быть по прежнему къ коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому.» Салтыковъ, услыхавъ это, сказалъ: «Цѣлуй государь Жигимонтъ король крестъ къ великому государю нашему на томъ на всемъ, что въ перемирныхъ грамотахъ написано.» Паны рада сказали на это: «цѣлуетъ нашъ государь крестъ на всемъ на томъ, что въ перемирныхъ грамотахъ написано;» самъ король подтвердилъ то же самое [22].

Какую же пользу извлекъ для себя Годуновъ изъ благопріятныхъ обстоятельствъ на западѣ, изъ борьбы между Польшею и Швеціею — перемиріе, удовольствіе отнять у Сигизмунда титулъ короля Шведскаго? Но не одной этой отрицательной пользы хотѣлъ Годуновъ: ему хотѣлось Ливоніи. Пріобрѣсть эту желанную страну или часть ея было теперь легко, но для этого было средство одно, средство прямое, рѣшительное: заключить тѣсный союзъ съ Карломъ Шведскимъ противъ Польши. Но Годуновъ, по характеру своему, именно не былъ способенъ къ средствамъ рѣшительнымъ, прямымъ, открытымъ. Онъ думалъ, что Швеція уступитъ ему Нарву, а Польша Ливонію или часть ея, если только онъ будетъ грозить Швеціи союзомъ съ Польшею, а Польшѣ союзомъ съ Швеціею, раздражать и ту и другую, обнаруживая политику мелочную, двоедушную! Онъ боялся войны: самъ не имѣлъ ни духа ратнаго, ни способностей воинскихъ, воеводамъ не довѣрялъ, страшился неудачею затмить свое прежнее, счастливое въ глазахъ народа правленіе, и вотъ онъ хочетъ, чтобъ Ливонія сама поддалась ему, старается поддержать неудовольствіе ея жителей противъ Польскаго правительства, возбудить сильнѣйшее, осыпаетъ милостями плѣнныхъ Ливонцевъ, приказываетъ внушать Рижанамъ: «слухъ дошелъ до великаго государя, что имъ, Рижанамъ отъ Польскихъ и Литовскихъ людей во всемъ тѣснота, хотятъ ихъ отвести отъ ихъ вѣры и привести въ папежскую и въ езовитскую вѣру, права, обряды и вольности ихъ порушить, и такъ сдѣлать, чтобъ ихъ Нѣмцевъ всѣхъ не найти и

съ фонаремъ въ Ливонской землѣ. Великаго государя это очень опечалило; онъ жалованье и милосердіе показалъ ко многимъ Ливонскимъ Нѣмцамъ: такого милосердія имъ ни отъ котораго государя не бывало и не будетъ; такого государя благочестиваго, храбраго и разумнаго отъ начала Русской земли не бывало.» Наслѣдовавъ мысль Грознаго о необходимости Ливоніи, Годуновъ подражалъ ему и относительно средства пріобрѣсть расположеніе жителей: какъ Грозный хотѣлъ сдѣлать изъ Ливоніи вассальное королевство и назначалъ изъ своей руки королемъ Датскаго принца Магнуса, такъ Годуновъ для тойже цѣли еще при царѣ Ѳеодорѣ завелъ сношеніе съ Шведскимъ принцемъ Густавомъ, сыномъ Эрика XIV, изгнаннымъ изъ Швеціи и жившимъ въ Италіи; въ царствованіе Бориса Густавъ пріѣхалъ въ Москву, и царь началъ стращать имъ двоюроднаго брата его Сигизмунда Польскаго: Льва Сапѣгу, во время торжественнаго въѣзда посольскаго, нарочно провезли мимо дома, занимаемаго Густавомъ, чтобъ послы могли видѣть этого соперника Сигизмундова. Но понятно, что всѣ эти средства, не подкрѣпляемыя дѣйствіями прямыми и рѣшительными, не вели ни къ чему. Нѣсколько горожанъ Нарвскихъ составили заговоръ сдать городъ Русскимъ; но заговоръ былъ открытъ и заговорщики казнены [23].

Годуновъ вызвалъ Густава не для того только, чтобъ сдѣлать его вассальнымъ королемъ Ливоніи: онъ хотѣлъ выдать за него дочь свою Ксенію, но Густавъ не захотѣлъ отказаться отъ протестантизма и любовницы; за это у него отняли Калугу съ тремя другими городами, незначенными ему сперва въ удѣлъ, и вмѣсто нихъ дали Угличь [24]. Нужно было искать другаго жениха Ксеніи между иностранными принцами, и жениха нашли въ Даніи: принцъ Іоаннъ, братъ короля Христіана, согласился ѣхать въ Москву, чтобъ быть зятемъ царскимъ и княземъ удѣльнымъ. Въ Августѣ 1602 года Іоаннъ пріѣхалъ въ Россію, и въ устьѣ Наровы былъ встрѣченъ бояриномъ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ и дьякомъ Власьевымъ. Въ Иванъ-городѣ Датскіе послы, сопровождавшіе принца, говорили

Салтыкову: Когда королевичъ поѣдетъ изъ Ивань-города, будетъ въ Новѣгородѣ и другихъ городахъ и станутъ королевича встрѣчать въ дорогѣ боярскія дѣти и княжата: то королевичу какую имъ честь оказывать? «Салтыковъ отвѣчалъ: «Въ томъ королевичева воля; онъ великаго государя сынъ, какъ кого захочетъ пожаловать по своему государскому чину.» Салтыковъ писалъ царю: «Когда мы приходимъ къ королевичу челомъ ударить, то онъ государь насъ жалуетъ не по нашей мѣрѣ, противъ насъ встаетъ и здоровается (витается) шляпку снявъ; мы холопи ваши государскіе того недостойны, и потому говорили посламъ Датскимъ, чтобъ королевичь обращался съ нами по вашему царскому чину и достоинству. Послы намъ отвѣчали: королевичь еще молодъ, а они Московскихъ обычаевъ не знаютъ; какъ дастъ Богъ королевичь будетъ на Москвѣ, то, узнавъ Московскіе обычаи, станетъ по нимъ поступать.» Салтыковъ описывалъ царю подробно, въ чемъ былъ одѣтъ принцъ каждый день: «Платьице на немъ было атласъ алъ, дѣлано съ канителью по нѣмецки; шляпка пуховая, на ней кружевца, дѣлано золото да серебро съ канителью; чулочки шелкъ алъ; башмачки сафьянъ синь.» Въ Новгородѣ королевичь ѣздилъ тѣшиться рѣкою Волховомъ вверхъ и иными рѣчками до Юрьева монастыря, а ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопаловъ, билъ утятъ; натѣшившись, пріѣхалъ въ городъ поздо и сталъ очень веселъ. За столомъ у королевича играли по музыкѣ, въ цымбалы и по литаврамъ били, играли въ сурны. Салтыковъ писалъ царю: «Датскіе послы говорятъ королевичу, чтобъ онъ Русскіе обычаи перенималъ не вдругъ. Послы и ближніе люди королевича на то наговаривали, чтобъ онъ вашего царскаго жалованья, платьица что-нибудь къ брату своему послалъ, и королевичь говорилъ, что ваше царское жалованье, платьице къ нему первое, что онъ принялъ его съ покорностью, съ радостнымъ сердцемъ, и послать ему вашего царскаго жалованья перваго не годится.»

Іоаннъ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ, очень ласково отъ будущаго тестя и сына его; царицы и ца-

ревны, разумѣется, онъ не видалъ. Царь поѣхалъ въ половинѣ Октября къ Троицѣ, и на возвратномъ пути узналъ о болѣзни Іоанна: у принца сдѣлалась горячка, отъ которой онъ 28 Октября умеръ на двадцатомъ году жизни. Борисъ сильно горевалъ, Ксенія была въ отчаяніи, — а въ народѣ шелъ слухъ, что принцу приключилась смерть съ умыслу царскаго, что Борисъ, видя, какъ всѣ полюбили Іоанна, боялся, чтобъ послѣ не возвели его на престолъ мимо сына его Ѳедора. Въ 1604 году, начались было переговоры о бракѣ Ксеніи съ однимъ изъ герцоговъ Шлезвигскихъ, но прерваны были несчастіями Борисова семейства[25]. Годуновъ искалъ жениха для дочери и невѣсты для сына между владѣльцами Грузинскими; о томъ же предметѣ велись переговоры съ Австріею и Англіею.

Сношенія съ Австрійскимъ домомъ продолжали носить прежній характеръ. Въ Іюнѣ 1599 года Борисъ отправилъ къ императору Рудольфу посланника, думнаго дьяка Аѳанасія Власьева, который ѣхалъ моремъ изъ Архангельска, Норвежскимъ и Датскимъ берегомъ, а потомъ Эльбою. На дорогѣ Гамбургское правительство встрѣтило Власьева съ честію, и онъ прославлялъ предъ нимъ могущество и добродѣтели своего царя, разсказывалъ, какъ Борисъ, при восшествіи на престолъ велѣлъ дать служилымъ людямъ на одинъ годъ вдругъ три жалованья: одно для памяти покойнаго царя Ѳеодора, другое для своего царскаго поставленья и многолѣтняго здоровья, третье годовое. Со всей земли не велѣлъ брать податей, дани, посохи и на городовыя постройки, дѣлаетъ все своею царскою казною. Да не только Русскихъ людей пожаловалъ, и надъ всѣми иноземцами милосердье его царское излилось: Нѣмцевъ и Литву, которые по грѣхамъ своимъ были въ ссылкѣ по дальнимъ городамъ, велѣлъ взять въ Москву, далъ помѣстья, вотчины, дворы и деньги, а которые захотѣли служить, тѣхъ принялъ въ службу и годовымъ жалованьемъ устроилъ; торговымъ людямъ Нѣмцамъ далъ по тысячѣ рублей, инымъ по двѣ тысячи, и многихъ пожаловалъ званіемъ гостя. Бурмистры отвѣчали: «Слышали мы

подлинно, что государь вашъ дороденъ, счастливъ и милостивъ, и за его къбѣднымъ Нѣмцамъ Лифляндскимъ жалованье по всей землѣ Нѣмецкой во вѣки ему честь и хвала.»

Нашедши Рудольфа въ Пильзенѣ, куда онъ выѣхалъ изъ Праги отъ мороваго повѣтрія, Власьевъ такъ говорилъ большимъ думнымъ людямъ императорскимъ: «Вѣдомо цесарскому величеству и вамъ совѣтникамъ его, что попустилъ Богъ бусурманъ на христіанство, овладѣлъ Турскій султанъ Греческимъ царствомъ и многими землями — Молдованами, Волохами, Болгарами, Сербами, Босняками и другими государствами христіянскими; также гдѣ была изъ давнихъ лѣтъ православная христіянская вѣра—Корсунь городъ, и тутъ вселился магометанскій законъ, и тутъ теперь Крымское царство. Для избавы христіанской царское величество самъ своею персоною хочетъ идти на врага Креста Христова со многими своими ратями, русскими и татарскими, сухимъ путемъ и водянымъ, чтобъ Рудольфу цесарю вспоможенье, а православному христіанству свободу учинить. Но цесарскому величеству и вамъ вѣдомо, что къ Крымскому хану водянаго пути нѣтъ, кромѣ Днѣпра, а по Днѣпру города Литовскаго короля и Литовскіе Черкасы; великій государь посылалъ къ Сигизмунду королю посланника просить судовой дороги Днѣпромъ: но Сигизмундъ и паны рада дороги не дали и посланника къ цесарскому величеству не пропустили. Король не хочетъ видѣть между великимъ государемъ нашимъ и цесаремъ дружбы, а христіанамъ добра, съ Турскимъ ссылается и Крымскаго черезъ свою землю на цесареву землю пропускаетъ. Да и прежде отъ польскихъ людей надъ Максимиліяномъ, арцыкняземъ Австрійскимъ, многое безчестье учинилось. Такъ цесарское величество, подумавъ съ братомъ своимъ Максимиліаномъ и со всѣми курфирстами, государю нашему объявилъ бы: какъ ему надъ Польшею промышлять и такія досады и грубости отомстить? а великій государь нашъ хочетъ стоять съ нимъ на Польшу и Литву заодно.»

Эта хитрая по тогдашнему рѣчь, начавшаяся несбыточнымъ

ищаніемъ, что самъ Борисъ пойдетъ на Крымъ и кончив-
шся призывомъ къ войнѣ съ Польшею, показываетъ, какія
дикія попытки дѣлало Московское правительство въ слѣдствіе
вершеннаго незнанія отношеній между западными государ-
ями. Годуновъ надѣялся голословными обвиненіями побудить
ператора Рудольфа къ разрыву съ Польшею! Цесаревы со-
тники отвѣчали: король Сигизмундъ и паны радные намъ от-
али: на Турскаго заодно стоять съ нами не хотятъ. Да что
ними и говорить! смятенье у нихъ великое, сами не знаютъ,
ъ имъ впередъ жить, короля не любятъ. Цесарское величе-
о большую надежду держитъ на великаго государя Бориса
доровича: думаетъ, что по братской любви и для всего хри-
янства онъ его не забудетъ. Всего досаднѣе на Поляковъ
арскому величеству, что не можетъ ихъ на то привести, чтобъ
али съ нимъ заодно на Турка; но дѣлать нечего, надобно тер-
ть, хотя и досадно: цесарское величество съ Турскимъ вою-
ъ, и если еще съ Поляками войну начать, то съ двухъ сто-
ѣ два недруга будутъ, а казны у цесаря не стаетъ отъ Ту-
цкой войны, но какъ дастъ Богъ время, то цесарь будетъ надъ
ольшею промышлять... Правду сказать, король Сигизмундъ
сарю недавно послушенъ и любителенъ показался; король ни
чемъ не виноватъ, пенять на него нельзя, надобно пенять на
ляковъ, которые великіе недруги Австрійскому дому.» Этими
овами Австрійскіе вельможи давали ясно выразумѣть послу о
сномъ союзѣ императора съ королемъ Сигизмундомъ; поэтому
ошенія Москвы съ Австріею не могли повести къ ни чему:
рисъ не могъ, въ угоду императора, начать войну съ Тур-
ми, а императоръ, въ угоду Борису, не могъ воевать Польшу.
Королева Елисавета по прежнему льстила Борису и посламъ
ю, чтобъ доставить въ Россіи выгоды купцамъ Англійскимъ.
авъ о восшествіи на престолъ Годунова, Елисавета пи-
ла ему: «мы радуемся, что нашъ доброхотъ, по избранію всего
рода, учинился на такомъ преславномъ государствѣ вели-
имъ государемъ.» Борисъ отвѣчалъ ей, что онъ учинился ца-
емъ по приказу царя Ѳеодора, по благословенію царицы Ирины

и по челобитью всего народа. Въ 1600 году отправленъ былъ въ Англію посланникомъ дворянинъ Микулинъ, которому данъ наказъ: если спросятъ, какимъ образомъ учинился на государствѣ Борисъ Ѳедоровичъ? — отвѣчать: «Вѣдомо вамъ самимъ, при великомъ государѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ царскій шуринъ Борисъ Ѳедоровичъ, будучи во властодержавномъ правительствѣ, въ какой мѣрѣ и въ какой чести былъ, и своимъ разумомъ премудрымъ, храбростію, дородствомъ и промысломъ царскаго величества имени какую честь и повышенье, и государству Московскому прибавленье во всемъ сдѣлалъ: всякимъ служилымъ людямъ милосердье свое показалъ и многое воинство устроилъ, чернымъ людямъ тишину, бѣднымъ и виновнымъ пощаду, всю Русскую землю въ покоѣ и тишинѣ и въ благоденственномъ житіи устроилъ. И великій государь Ѳедоръ Ивановичъ, отходя сего свѣта, приказалъ и благословилъ государынѣ царицѣ и своему царскому шурину быть на государствѣ Московскомъ. Государыня пошла въ монастырь, и, по слезному челобитью всего народа, благословила брата своего.

Микулину при всякомъ удобномъ случаѣ давали знать, что ему оказывается особенная честь предъ другими послами. Такъ ему говорили: «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вамъ выйдти изъ судовъ въ Лондонѣ, пристаетъ одна государыня наша Елисавета королевна, а кромѣ нея никто.» Елисавета говорила по прежнему: «Со многими великими христіанскими государями у меня братская любовь, но ни съ однимъ такой любви нѣтъ, какъ съ вашимъ великимъ государемъ.» — За обѣдомъ во дворцѣ Московскій посланникъ съ подъячимъ и переводчикомъ сидѣли за особымъ столомъ по лѣвую руку отъ королевы. Когда столъ отошелъ, королева начала умывать руки, и умывши, велѣла серебряный умывальникъ съ водою подать Микулину; но посланникъ на жалованьѣ билъ челомъ, рукъ не умывалъ и говорилъ: «Великій государь нашъ королевну зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не го-

дится.» Королева засмѣялась и Микулина похвалила за то, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ.

Микулинъ чтилъ королеву, но больше всего боялся уменьшить чѣмъ-нибудь честь своего государя: когда лорды приглашали его вести переговоры на ихъ дворѣ, то онъ не согласился, требовалъ непремѣнно, чтобъ переговоры происходили во дворцѣ, и его требованію уступили, лорды съѣзжались съ нимъ на казенномъ дворѣ, какъ онъ выражается. Лордъ меръ позвалъ его обѣдать; купцы, бывавшіе въ Россіи, сказали Микулину, что лордъ меръ сядетъ за столомъ выше его, ибо таковъ обычай, и всѣ послы садятся ниже лорда мера. Микулинъ отвѣчалъ: «Намъ никакихъ государствъ послы и посланники не образецъ; великій государь нашъ надъ великими славными государями высочайшій великій государь самодержавный царь. Если лордъ меръ захочетъ насъ видѣть у себя, то ему насъ чтить для имени царскаго величества, и мы къ нему поѣдемъ; а если ему чину своего порушить и меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, то мы къ нему не поѣдемъ.» И дѣйствительно посланникъ не обѣдалъ у лорда мера. Микулинъ былъ въ Лондонѣ во время возстанія Эссекса (13 Февраля 1601); Елисавета писала Годунову, что Микулинъ готовъ былъ подвергнуться опасности и биться съ бунтовщиками. Но самъ Микулинъ доноситъ только, что была смута, и 24 Февраля ерль Екcетскій (графъ Эссексъ) казненъ смертію, и по немъ въ Лундѣ (Лондонѣ) было великое сѣтованье и плачь великій во всѣхъ людяхъ [26].

Кромѣ Англіи, по дѣламъ торговымъ были сношенія съ городами Ганзейскими: Борисъ исполнилъ просьбу 59 городовъ и далъ имъ жалованную грамоту для торговли; при этомъ Любчанамъ сбавлена была пошлина до половины. Въ 1601 и 1604 годахъ папа Климентъ VIII и кардиналъ Альдобрандини писали къ Борису о пропускѣ нунціевъ и миссіонеровъ отправлявшихся въ Персію: позволеніе было дано. Съ герцогомъ Тосканскимъ Борисъ пересылался на счетъ вызова въ Москву

Италіянскихъ художниковъ, на что герцогъ объявлялъ радушное согласіе.

Отношенія къ Крыму были благопріятны: ханъ, жившій не въ ладу съ султаномъ, принуждаемый принимать участіе въ войнахъ послѣдняго, и видя, съ другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить въ расплохъ на ея украйны, ибо въ степяхъ являлись одна за другою Русскія крѣпости, долженъ былъ смириться и соглашаться съ Московскими послами, которые провозглашали, что государь ихъ не боится ни хана, ни султана, что рати его безчисленны. Борисъ приказывалъ отпускать Крымскихъ гонцовъ такъ, чтобъ новые города: Осколъ, Валуйки, Борисовъ были въ сторонѣ, чтобъ они шли не близко тѣхъ городовъ, не видали ихъ и не разсматривали; провожатыхъ съ ними изъ Ливенъ не посылать, потому что они провожатыхъ бьютъ и въ полонъ берутъ. Лѣтомъ 1601 года въ новый Борисовъ городъ посланъ былъ окольничій Бутурлинъ для размѣна Русскихъ и Крымскихъ пословъ; въ послахъ долженъ былъ идти князь Григорій Волконскій; со стороны хана пріѣхалъ извѣстный уже намъ Ахметъ паша Сулешовъ; переговоры происходили на мосту, который былъ наведенъ на Донцѣ. Когда Бутурлинъ сказалъ Ахметъ-пашѣ, что князь Волконскій везетъ къ хану деньгами больше 14000 рублей, то Ахметъ отвѣчалъ: «Въ прежніе годы было посылывано больше того; и въ послѣдній разъ, какъ я на Ливнахъ размѣнивалъ пословъ, было послано больше: что это за любовь, часъ отъ часу все убавлять? привезши казну не сполна, хотите меня къ шерти привести; вашъ государь къ царю писалъ, что по цареву запросу все сполна послано, — и мнѣ шерти не давать.» Бутурлинъ отвѣчалъ, что царь Борисъ на преславныхъ государствахъ учинился вновѣ, государь мудрый, храбрый, милосердый, такого милостиваго государя въ Россійскомъ царствѣ не бывало: объявляя свое царское милосердіе всякимъ ратнымъ людямъ для своего царскаго вѣнца и для своего многолѣтняго здоровья и для блаженной памяти царя Ѳедора Ивановича, пожаловалъ на одинъ годъ три жало-

...нья, и что было казны прежнихъ государей и что было его прежней казны, все роздалъ, и никакихъ податей брать не велѣлъ; а что въ казнѣ осталось, то прислалъ къ хану. Пусть, продолжалъ Бутурлинъ, ханъ дастъ шерть и соблюдаетъ ее; если онъ захочетъ это сдѣлать обманомъ, на своемъ словѣ и на правдѣ не устоитъ, то государь нашъ самъ своею царскою персоною, со всѣми своими несчетными ратями, Русскими, Татарскими и Нѣмецкими, противъ царя пойдетъ и станетъ надъ нимъ своего дѣла искать, гдѣ царь ни будетъ. Ахметъ сказалъ на это: «Я знаю, что государь вашъ милостивый и дородный, захочетъ какую недружбу своему недругу истить и ему все можно сдѣлать.» Но и признавши могущество Бориса, Ахметъ никакъ не хотѣлъ давать шерти, потому что денегъ было мало, и Бутурлинъ долженъ былъ размѣняться послами безъ шерти. Послѣ размѣна Бутурлинъ звалъ Ахметъ-пашу къ себѣ въ шатеръ за полученіемъ царскаго жалованья; но Ахметъ не пошелъ. Тогда князь Волконскій, уже бывшій съ нимъ за Донцомъ, далъ знать Бутурлину, что Ахметъ-паша двинулся съ мѣста, говоритъ, что ему царскаго жалованья не дали, такъ онъ хочетъ государеву казну, что съ послами, взять, а самихъ пословъ покинуть. Бутурлинъ испугался, возобновилъ переговоры, и рѣшили поставить шатеръ на мосту, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде сходились, и въ шатрѣ Ахмету взять жалованье.

Но ханъ не отказался дать шерти, и прислалъ клятвенную грамоту въ Москву съ посломъ своимъ Ахметъ-Челибеемъ, при чемъ писалъ Борису: «Вы на правдѣ не стоите: Донскіе козаки дважды уже въ нашу землю приходили и улусы наши выбрали.» Очень любопытна тайная грамота Казы-Гирея Борису, въ которой ханъ старается убѣдить царя, чтобъ тотъ не строилъ крѣпостей въ степи: «Теперь, пишетъ ханъ, ты города поставилъ, и этими городами къ нашему государству близко пошелъ, а тѣ мѣста, которыя по Донцу, нашихъ улусовъ угодья. Будь тебѣ, брату нашему, вѣдомо: Турскій государь на ваше государство какъ ни помыслитъ рать послать, такъ

я ему отговариваю тѣмъ, что мѣсто дальнее и пѣшей его рати до вашего государства ни дойдти, тѣмъ ему и запрещаю; а только онъ свѣдаетъ, что къ вашимъ городамъ близко и дойдти можно, то онъ будетъ вашимъ государствамъ вредить. И тебѣ бы впередъ гораздо помыслить: если дальше тѣхъ городовъ, которые поставлены, станете подвигаться, то это шерть и добро порушитъ. Татарскіе князья и лучшіе люди намъ говорятъ: Русскіе города къ намъ близко поставлены, и если между нами будетъ недалеко, то нашимъ людямъ съ Русскими людьми нельзя не задираться.» На это данъ былъ отвѣтъ: «Турская рать великому государю не страшна; великій государь можетъ стоять противъ всѣхъ своихъ недруговъ, а рати у государя нашего несчетно. Города поставлены на полѣ для воровъ Черкасъ, потому что многіе воры Черкасы и Донскіе козаки пословъ и гонцовъ громили; а какъ тѣ города поставлены, то теперь посламъ, посланникамъ и гонцамъ дорога чиста; государя вашего улусамъ отъ тѣхъ городовъ убытка нѣтъ, а только прибыль, что уже тутъ воры Черкасы больше не живутъ.»

Перемѣна отношеній ясно высказывалась во всемъ: когда Борисъ долженъ былъ клясться въ соблюденіи мирныхъ условій, то велѣлъ быть Ахметъ-Челибею у себя на единѣ, взялъ въ руки книгу, и, подержавши ее, сказалъ: «Это наша большая клятва, больше ея у насъ не бываетъ,» и отдалъ книгу боярину Семену Никитичу Годунову. Ахметъ-Челибей ударилъ челомъ в землю и говорилъ: «Когда государь нашъ Казы-Гирей передъ вашимъ посломъ, князомъ Григоріемъ Волконскимъ прямую шерть учинилъ на коранѣ, то князь Волконскій велѣлъ эту книгу смотрѣть толмачу своему; со мною Казы-Гирей для такогоже дѣла прислалъ дьяка Грека; и въ томъ какъ ты, государь, повелишь» Борисъ отвѣчалъ: «Сказывалъ я тебѣ, что мы такой клятвы не давали никогда, какъ теперь брату своему дали; съ которыми великими государями бываетъ у насъ мирное постановленье, то съ ихъ послами утверждаютъ бояре наши, окольничіе и думные дьяки, а большимъ укрѣпленіемъ царское слово бываетъ: то и правда. А теперь желая крѣпить братство

съ Казы-Гиреемъ свыше всѣхъ государей, велѣли мы тебѣ быть у себя наединѣ, только теперь при насъ сродникъ (и указалъ на боярина Семена Никитича), да ближній дьякъ Аѳанасій Власьевъ, потому что всѣ большія дѣла тайныя.» Посолъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ объясненіемъ.

То, что Борисъ подержалъ книгу въ рукахъ, разумѣется, не мѣшало Донскимъ козакамъ нападать на Крымцевъ; ханъ требовалъ у Московскаго посла, князя Борятинскаго, чтобъ тотъ или самъ поѣхалъ или послалъ кого-нибудь къ козакамъ унять ихъ и взять у нихъ плѣнныхъ Татаръ; Борятинской отвѣчалъ съ сердцемъ, что онъ посланъ не для того, чтобъ унимать козаковъ и полонъ отыскивать. За такой отвѣтъ ханъ выслалъ его изъ Крыма; но и это не имѣло никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Москвы, и сношенія возобновились.

Мирныхъ сношеній съ Турціей не было при Борисѣ. Какъ прежде при царѣ Ѳеодорѣ Борисъ помогъ Австрійскому двору казною противъ Турокъ, такъ теперь помогалъ онъ противъ нихъ единовѣрному воеводѣ Молдавскому Михаилу; кромѣ денегъ на военныя издержки въ Молдавію посылались церковныя украшенія, образа [28].

Если отношенія къ Крыму видимо принимали благопріятный оборотъ, то иначе шли дѣла за Кавказомъ: рано еще, не по силамъ было Московскому государству бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными Турками и Персіянами. Мы видѣли уже, что Александръ Кахетинскій не могъ быть усерденъ къ Москвѣ, изъ которой ему давали знать, чтобъ онъ не надѣялся скораго освобожденія отъ страшныхъ магометанскихъ сосѣдей, и манилъ султана. Александръ горько жаловался, что ошибся въ своихъ надеждахъ. Преждевременное вмѣшательство въ дѣла Закавказья обошлось дорого Москвѣ уже при Ѳеодорѣ; еще дороже обошлось въ царствованіе Бориса: уполномоченный Москвою хитрить, Александръ, признавая себя слугою Бориса, сносился въ тоже время съ сильнымъ Аббасомъ Персидскимъ и позволилъ сыну своему Константину принять магометанство; но и это не помогло:

Аббасъ хотѣлъ совершеннаго подданства Кахетіи, и велѣлъ отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москвѣ. Преступленіе было совершено; съ другой стороны въ Дагестанѣ Русскіе, подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и Плещеева, вторично утвердились было въ Таркахъ; но Турки вытѣснили ихъ отсюда, а Кумыки перерѣзали при отступленіи послѣ отчаяннаго сопротивленія: 7000 Русскихъ пало вмѣстѣ съ воеводами, и владычество Москвы исчезло въ этой странѣ[29]. (1605 г.)

Въ далекомъ Закавказьѣ Москва не могла защитить единовѣрцевъ своихъ отъ могущественныхъ народовъ магометанскихъ; за то безпрепятственно утверждалась ея власть въ степяхъ Приволжскихъ и въ пустыняхъ Сибири, гдѣ государи магометанскіе, по своей отдаленности, не могли защитить отъ нея своихъ слабыхъ единовѣрцевъ. Ногаи раздѣлялись на три орды, изъ которыхъ одна только признавала власть Московскаго царя. Борисъ, желая подчинить себѣ всѣ три орды и опасаясь связи одной изъ нихъ съ Турціею и Крымомъ, приказывалъ подчиненному себѣ хану тѣснить Ногаевъ Турецкихъ, и въ тоже время, чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли, приказывалъ Астраханскимъ намѣстникамъ ссорить хановъ, слѣдствіемъ чего была кровопролитная война и запустѣніе непріязненнаго улуса; но въ подчиненномъ себѣ улусѣ Борисъ строго запрещалъ междоусобія[30].

Въ Сибири Кучумъ былъ живъ и не переставалъ отводить Сибирскія волости отъ Московскаго государя. Въ Августѣ 1598 года за нимъ погнался воевода Воейковъ, сбирая на дорогѣ языки о кочевьяхъ слѣпаго Сибирскаго царя; кинувъ обозъ, Воейковъ шелъ день и ночь, нашелъ Кучума на лугу на Оби, бился съ нимъ отъ восхода солнечнаго до полудня, и наконецъ одолѣлъ; семейство Кучума попалось въ плѣнъ къ Русскимъ, старикъ самъ-третей ушелъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Съ какими же средствами велись эти Сибирскія войны, въ слѣдствіе которыхъ вся сѣверная Азія подчинялась Москвѣ, подчинялась христіанству и гражданственности Европейской? Вое-

вода Воейковъ пишетъ, что у него въ походѣ противъ Кучума было рати: три сына боярскихъ, да голова Татарскій, три атамана, да четыреста безъ трехъ человѣкъ Литвы, Козаковъ, юртовскихъ и волостныхъ татаръ. Съ такою разноплеменною ратью воевода бился полдня и поразилъ Кучума; но при этомъ надобно сказать также, что у Сибирскаго царя было только 500 человѣкъ войска.

Пока упрямый Кучумъ былъ живъ и не отказывался отъ вражды къ Москвѣ, до тѣхъ поръ нельзя было ждать покоя въ Сибири, и вотъ завели съ нимъ опять сношенія. Воейковъ послалъ сказать ему, чтобъ онъ ѣхалъ къ государю, государь его пожалуетъ, женъ и дѣтей велитъ отдать; Кучумъ отвѣчалъ: «Не поѣхалъ я къ государю, по государевой грамотѣ, своею волею, въ ту пору, когда я былъ совсѣмъ цѣлъ; а теперь за саблею мнѣ къ государю ѣхать не почто, теперь я сталъ глухъ и слѣпъ, и нѣтъ у меня ничего. Взяли у меня промышленника, сына моего Асманака царевича; хотя бы у меня всѣхъ дѣтей побрали, а одинъ остался Асманакъ, то я бы съ нимъ еще прожилъ; а теперь самъ иду въ Ногаи, а сына посылаю въ Бухары.» Старикъ пошелъ въ Ногаи за смертію: его убили тамъ. Семейство Кучума отправили въ Москву съ воеводами и козаками: дорога была тяжела для плѣнныхъ, потому что провожавшіе ихъ воеводы не смѣли ничего сдѣлать безъ царской грамоты, обо всякой бездѣлицѣ писали въ Москву и дожидались отвѣта, а между тѣмъ плѣнники нуждались въ необходимомъ. Козаки, по обычаю, буйствовали; воеводы писали царю: «Пришелъ къ царевичамъ ночью пьяный козакъ, царевичей бранилъ непристойными словами, потомъ пришли ночью и къ намъ козаки, и насъ бранили. Мурзамъ отъ козаковъ тѣснота великая, а насъ не слушаютъ, ходятъ пьяные, воруютъ, къ царевичамъ и къ царицамъ ходятъ безчинно, а насъ и атамановъ своихъ не слушаютъ, говорятъ: «мы вамъ не приказаны, такъ мы такіе же, что и вы.» Плѣнниковъ ввезли торжественно въ Москву, на показъ народу, и потомъ разослали по городамъ.

Строеніе городовъ въ Сибири продолжалось: построены были:

Верхотурье, Мангазея, Туринскъ, Томскъ. Томскому воеводѣ велѣно было прибрать въ свой городъ въ служивые люди и на пашню изъ Зырянъ 50 человѣкъ, но ему удалось прибрать въ Сургутѣ только пять человѣкъ. Тогда царь писалъ на Верхотурье, чтобъ тамъ прибрали для Томска 50 человѣкъ изъ гулящихъ охочихъ людей, и дать имъ по два рубля съ полтиною денегъ человѣку, хлѣба по четверти муки, по полъосминѣ крупъ, столько же толокна; прибрать молодцовъ молодыхъ добрыхъ, которые бы стрѣлять умѣли. Кромѣ служилыхъ и пашенныхъ людей, въ новопостроенные Сибирскіе города переводились изъ другихъ городовъ и торговые люди: такъ въ 1599 году велѣно было двоимъ купцамъ изъ Вятки переселиться на Верхотурье. Прибирались туда и ямскіе охотники: имъ дано было отъ заимодавцевъ льготы на три года, съ тѣмъ, чтобъ они въ это время устроили себѣ дворы и завели пашню. Верхотурскіе стрѣльцы, козаки, пашенные крестьяне и ямскіе охотники били челомъ государю: держатъ они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжныхъ козаковъ, даютъ имъ найму по три рубля съ полтиною и по четыре рубля на лѣто, кромѣ того, что они ѣдятъ и пьютъ у нихъ; но этихъ козаковъ берутъ у нихъ воевода и голова на царскія издѣлья; кромѣ того воевода и голова нанимаютъ къ казеннымъ банямъ ярыжныхъ козаковъ, даютъ имъ найму въ годъ по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, также деньги на банную подѣлку велятъ собирать съ ихъ ярыжныхъ козаковъ. Царь запретилъ это. Позволено было Пинежанамъ и Мезенцамъ ѣздить въ Сибирь, торговать съ тамошними народцами, платя десятый лучшій мѣхъ въ казну царскую. Въ 1604 году билъ царю челомъ Верхотурскій ямской охотникъ Глазуновъ: торгуетъ на Верхотурьѣ Верхотурскій жилецъ, торговый человѣкъ Лучанинъ всякими товарами съ Вогуличами; у кого свѣдаетъ какой товаръ, перекупаетъ, а младшимъ людямъ товару никакого купить не дастъ; самъ на товарѣ дастъ рубли два или три, а возьметъ рублей восемь, десять или пятнадцать, царской десятинной пошлины не платитъ, говоритъ, что у него жалованная грамота. Царь писалъ воеводѣ, что если

ямщикъ говоритъ правду, то брать у Лучанина пошлину, какая берется съ пріѣзжихъ торговыхъ людей, и не велѣть ему перекупаться товарами, чтобъ Верхотурскимъ всякимъ людямъ въ томъ нужды и тѣсноты не было. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ заведены были казенныя соляныя варницы; но промышленность эта не могли идти успѣшно по причинѣ недостатка въ людяхъ. Своего хлѣба въ новопостроенныхъ Сибирскихъ городахъ недоставало, надобно было присылать хлѣбные запасы туда изъ Европейской Россіи; самый удобный способъ доставки былъ по рѣкамъ, но для этого нужны были суда, и вотъ для постройки судовъ велѣно было выслать въ Сибирь плотниковъ съ Перьми, Вятки, Выми, Сольвычегодска, Устюга, человѣкъ 80 и больше; эти плотники устроивались пашнею въ удобныхъ для судостроенія мѣстахъ; судовыя снасти отправлялись изъ Ярославля и изъ Вологды. Надобно было озаботиться и о дорогахъ сухопутныхъ: проведена была дорога между Соликамскомъ и Верхотурьемъ; прокладывали ее посошные люди подъ надзоромъ вожа и цѣловальниковъ; вожъ воровалъ, приказывалъ дороги чистить узко, мосты мостить худые, цѣловальники на него жаловались; жаловались воеводы и служилые люди, ѣздившіе въ Сибирь, что по этой новой дорогѣ хлѣбныхъ запасовъ и Сибирской казны провозить будетъ нельзя, и служилымъ людямъ ѣздить по ней будетъ съ большою нуждою; царь велѣлъ послать цѣловальниковъ и посошныхъ людей чистить дорогу съизнова, чтобъ на ней заломовъ и пней не было. Годуновъ заботился и о туземцахъ: въ 1598 году онъ писалъ, чтобъ не брать у тюменскихъ Татаръ подводъ для гонцовъ, не взыскивать ясака съ Татаръ и Остяковъ бѣдныхъ, старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; заботился о примиреніи выгодъ туземцевъ и Русскихъ переселенцевъ, писалъ Верхотурскому воеводѣ, чтобъ онъ Вогуличамъ съ Верхотурскими торговыми людьми сѣнные покосы, рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угодья подѣлилъ, какъ доведется, чтобъ Вогуличамъ тѣсноты не было, и Верхотурскимъ торговымъ людямъ чтобъ также нужды не было. Крещеныхъ дикарей велѣно было за-

писывать въ стрѣльцы; церкви въ новопостроенныхъ городахъ были снабжаемы книгами [31].

Такъ распоряжался Борисъ въ странахъ новопріобрѣтенныхъ и новонаселенныхъ. Теперь взглянемъ на его распоряженія въ старыхъ областяхъ Московскаго государства. Въ 1599 году патріархъ объявилъ, что грамота, данная Грознымъ митрополиту Аѳанасію, ветха, и потому Борисъ возобновилъ ее на свое имя: въ этой грамотѣ подтверждено, что духовенство патріаршихъ монастырей и всѣ люди, служащіе ему и живущіе на его земляхъ и земляхъ его монастырей, подлежатъ только его патріаршему суду, исключая душегубство; кромѣ того крестьяне патріаршіе и его монастырей освобождены отъ разныхъ повинностей.

Мы видѣли, что въ 1580 году жители города Хлынова просили царя, чтобъ у нихъ былъ основанъ монастырь; теперь, въ 1599 году жители Вятскаго же города Слободскаго били челомъ, что у нихъ много людей желаютъ постричься, но нѣтъ монастыря, а которые уже постриглись, то волочатся безъ пристроя между дворовъ, отца духовнаго у нихъ близко нѣтъ, и они помираютъ безъ покаянія и причащенія; есть монастырь Успенскій въ Хлыновѣ, но далеко, да посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ постригаться въ немъ трудно: архимандритъ и старцы просятъ много вкладу, по десяти, пятнадцати и двадцати рублей, съ убогаго человѣка меньше десяти рублей не берутъ; а кому случится по стричься у себя на подворьѣ, то они безъ пяти рублей не постригутъ. Поэтому Слобожане просили, чтобъ патріархъ позволилъ имъ построить монастырь у себя въ городѣ, а строителя уже они выбрали; патріархъ согласился. Въ Верхотурьи монахъ Іона построилъ монастырь по своему обѣщанью. Мы видѣли, какой данъ былъ наказъ поповскимъ старостамъ въ 1594 году; но въ 1604 году патріаршій тіунъ Чортовъ доносилъ Іову, что старосты и десятскіе поповскіе въ поповскую избу не приходятъ, поповъ и дьяконовъ отъ безчинія не унимаютъ: безмѣстные попы и дьяконы въ поповскую избу не ходятъ и передъ литургіею

правила не правятъ, садятся у Фроловскаго моста и безчинства дѣлаютъ большія, бранятся скаредно, а иные играютъ, борются, и на кулачки бьются; а которые нанимаются обѣдни служить, тѣ идутъ въ церковь, не простившись съ тѣми изъ своихъ братій, съ которыми бранились; служатъ обѣдни не во время рано, безъ часовъ; пріѣзжіе попы ему тіуну ставленныхъ грамотъ своихъ не кажутъ, его не слушаютъ, бранятъ и позорятъ. Патріархъ подтвердилъ прежній наказъ поповскимъ старостамъ [32].

При вступленіи своемъ на престолъ, собирая войско противъ хана, Борисъ объявилъ, чтобъ воеводы были безъ мѣстъ. Но мѣстничество при немъ не ослабѣвало. Въ этомъ отношеніи любопытна переписка съ царемъ извѣстнаго Михайлы Глѣбовича Салтыкова, посыланнаго въ Ивань-городъ на встрѣчу принцу Іоанну Датскому. Въ Ивань-городѣ было трое воеводъ: князь Василій Ростовскій, Третьякъ Вельяминовъ и князь Петръ Кропоткинъ. Салтыковъ, пріѣхавши въ Ивань-городъ, обратился съ вопросомъ къ двумъ младшимъ воеводамъ—Вельяминову и Кропоткину: нѣтъ ли нѣмецкихъ выходцевъ на государево имя, и если есть, то посланы ли они къ государю? Воеводы отвѣчали, что выходцы есть, выѣхали тому дня съ четыре, о вѣстяхъ, ими принесенныхъ, написали они воеводы къ государю грамоту, но эта грамота еще не отпущена, потому что старшій воевода, князь Василій Ростовскій въ съѣзжую избу не пріѣзжалъ, выходцевъ не распрашиваетъ и государю о томъ не пишетъ; они же мимо его писать не смѣютъ и писать у нихъ некому: подъячіе живутъ у князя Василья на дворѣ, и прогоновъ имъ дать нечего, денегъ у нихъ нѣтъ. Они, воеводы, ежедневно къ князю Василью приказываютъ, чтобъ онъ Нѣмцевъ спросилъ или бы велѣлъ имъ воеводамъ быть къ себѣ на дворъ и съ ними тѣхъ Нѣмцевъ распросилъ и о всякихъ дѣлахъ городовыхъ съ ними поговорилъ; но князь Василій ихъ къ себѣ не пускаетъ и дѣла не дѣлаетъ: ключи городовые и списки дворянамъ прислалъ съ подъячимъ въ избу, велѣлъ положить на столѣ и отказалъ, что ему государевыхъ

дѣлъ не дѣлать. Салтыковъ сказалъ на это Вельяминову и Кропоткину: «вы дѣлаете не гораздо, что такія великія многія дѣла за вашею рознею теперь стали.» Потомъ Салтыковъ пошелъ къ князю Ростовскому и говорилъ съ нимъ наединѣ; воевода отвѣчалъ, что дѣла ему никакого дѣлать нельзя за Вельяминовымъ, у котораго написано въ наказѣ, что по государеву указу велѣно ему быть въ Ивань-городѣ въ воеводахъ, а воеводы — князь Ростовскій и князь Кропоткинъ уже тутъ въ Ивань-городѣ были, и этимъ ему, князю Василью голова ссѣчена, и за тѣмъ ему и никакого дѣла дѣлать нельзя. Салтыковъ отвѣчалъ ему: «какое тебѣ будетъ до Третьяка дѣло, то пиши и бей челомъ государю, а униженья тебѣ тутъ никакого нѣтъ, Третьякъ тебѣ не мѣстникъ, велѣно ему быть съ тобою, да и самъ Третьякъ передъ тобою говоритъ, что ему съ тобою не сошлось.» Князь Ростовскій сказалъ на это, что онъ дѣла не дѣлаетъ явно за Третьякомъ, а тайно всякія дѣла дѣлаетъ иза нимъ не станетъ, и прибавилъ: «Кто такихъ дураковъ воеводъ посылаетъ?» Потомъ, спохватившись, сказалъ: «Государь этого не вѣдаетъ.» Но Салтыковъ отвѣчалъ ему, что онъ говоритъ не гораздо: жалуетъ воеводъ государь, отпускаетъ отъ своего царскаго лица и отъ своей царской руки и посылаютъ ихъ по государеву указу; да и про свою братью воеводъ такъ ему говорить непригоже. Князь Ростовскій, съ своей стороны, жаловался царю, что двое другихъ вооводъ не велѣли ходить къ нему подъячимъ, отъ чего ему писать къ царю нельзя, ибо своею рукою писать не можетъ, боленъ; жаловался, что Салтыковъ ни о какихъ государевыхъ дѣлахъ ему не говоритъ [33].

Къ царствованію Бориса принадлежитъ любопытный мѣстническій случай, въ которомъ видимъ столкновеніе интересовъ родственныхъ съ интересами родовыми: въ Іюлѣ 1598 года билъ челомъ князь Ноготковъ вмѣсто всѣхъ князей Оболенскихъ: въ нынѣшнемъ году былъ на берегу въ правой рукѣ въ третьихъ бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкій, а въ передовомъ полку въ третьихъ князь Александръ Репнинъ —

Оболенскій. И князь Репнинъ былъ меньше князя Сицкаго, не билъ челомъ въ отечествѣ, дружась съ княземъ Сицкимъ и угождая Ѳедору Никитину Романову, потому что Ѳедоръ Романовъ, князь Сицкій и князь Репнинъ между собою братья и великіе друзья. А умышлялъ это Ѳедоръ Романовъ для того, чтобъ воровскимъ нечелобитьемъ князя Репнина поруха и укоръ учинились въ отечествѣ отъ его рода Романовыхъ и отъ другихъ чужихъ родовъ всему ихъ роду князей Оболенскихъ. Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ это ихъ челобитье записать, чтобъ всему ихъ роду въ отечествѣ порухи и укору не было отъ чужихъ родовъ. И государь князя Ноготкова пожаловалъ, велѣлъ челобитье въ разрядъ записать, что князь Репнинъ былъ съ княземъ Сицкимъ по дружбѣ, и князь Репнинъ князю Сицкому виноватъ одинъ, а роду его всѣмъ князьямъ Оболенскимъ отъ этого порухи въ отечествѣ нѣтъ никому.

Борисъ, если вѣрить показаніямъ иностранцевъ, увеличилъ число стрѣльцевъ въ Москвѣ: по Флетчеру, при Ѳеодорѣ было въ Москвѣ 7000 стрѣльцовъ; при Борисѣ, по Маржерету, уже было 10,000; они раздѣлялись на приказы, каждый въ 500 человѣкъ; приказомъ начальствовалъ голова. Голова, смотря по службѣ, получалъ жалованья отъ 30 до 60 рублей, и кромѣ того помѣстье; сотники получали отъ 12 до 20 рублей, десятники до 10, рядовые отъ 4 до 5,[34] кромѣ того получали ежегодно по 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда Борисъ выѣзжалъ изъ Москвы, хотя бы не далѣе шести верстъ, то его окружало множество стрѣльцовъ, которымъ выдавались лошади изъ царскихъ конюшенъ, и число всей конницы, какъ стрѣлецкой, такъ и дворянской, окружавшей царя при выѣздахъ, простиралось отъ 18 до 20,000. Каждый воевода имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ извѣстнаго святаго, знамя это благословлялось патріархомъ, для ношенія его опредѣлялось двое или трое человѣкъ; кромѣ того каждый воевода имѣлъ свой собственный набатъ, или большіе мѣдные барабаны, которые возились на лошадяхъ; у каждаго воеводы такихъ барабановъ 10 или 12, столькоже трубъ и нѣсколько бубновъ; при

звукѣ всѣхъ этихъ инструментовъ начинается битва, но одинъ барабанъ назначенъ бить отступленіе. Жалованья боярамъ, по Маржерету, простиралось отъ 500 до 1200 рублей: послѣднюю сумму получалъ первый бояринъ князь Мстиславскій; окольничіе получали отъ 200 до 400 рублей и отъ 1000 до 2000 четвертей земли, окольничихъ было 15; думные дворяне, числомъ шесть, получали отъ 100 до 200 рублей и до 1200 четвертей земли; московскій дворянинъ отъ 20 до 100 рублей и отъ 500 до 1000 четвертей; выборный дворянинъ отъ 8 до 15 рублей, и городовой отъ 5 до 12 и до 500 четвертей земли; боярскіе дѣти получаютъ по 4, 5, 6 рублей и отъ 100 до 500 четвертей земли. Изъ этихъ служилыхъ людей, говоритъ Маржеретъ, составляются огромныя толпы, не знающія порядка и дисциплины, и потому приносящія гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Вспомогательные отряды Черемисъ, Мордвы и Татаръ простираются до 30,000; Черкасъ отъ 3 до 4000; иностранцевъ, то-есть Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ 1500; послѣдніе получаютъ отъ 12 до 60 рублей жалованья, а начальные люди до 120 рублей, и кромѣ того отъ 600 до 1000 четвертей. Даточные люди выставляются съ земель духовенства, съ каждой четверти по два ратника, одинъ конный, другой пѣшій. Лошади большею частію получаются изъ Ногайской орды (кони), онѣ средней величины и могутъ бѣжать отъ семи до осьми часовъ не останавливаясь, очень дики и пугаются ружейнаго выстрѣла, цвѣтомъ онѣ бѣлыя съ черными пятнами, ѣдятъ мало овса или вовсе не ѣдятъ его; Русскіе употребляютъ еще Грузинскихъ лошадей: эти красивы, но относительно выдержливости и скорости ихъ нельзя и сравнивать съ Ногайскими. Употребляются также Турецкія и Польскія лошади, которыя называются аргамаками; собственно русскія лошади малы ростомъ, но добры, особенно тѣ, которыхъ пригоняютъ изъ Вологды и сосѣднихъ странъ. Можно купить хорошую Русскую или Татарскую лошадь за 20 рублей, и она служитъ лучше, чѣмъ Турецкій аргамакъ, стóящій отъ 50 до 100 рублей.

Давно уже Московскіе государи начали принимать въ службу

иностранцевъ, Нѣмцевъ; но никогда еще эти иностранцы не пользовались такимъ почетомъ и такими выгодами, какъ при Борисѣ. Главною причиною тому опять было желаніе приласкать Ливонцевъ, потомъ явное преимущество иностранныхъ ратниковъ предъ Русскими, наконецъ можно присоединить сюда и подозрительность Бориса, который, не довѣряя своимъ Русскимъ, хотѣлъ окружить себя иностранцами, вполнѣ ему преданными. Въ 1601 году пріѣхали въ Москву Ливонцы, лишившіеся имѣній своихъ въ слѣдствіе войны Польши съ Швеціею; пріѣхали также нѣсколько Нѣмцевъ изъ Германіи, изъ Швеціи; Борисъ принялъ ихъ чрезвычайно милостиво, и при торжественномъ представленіи сказалъ: «Радуемся, что вы по здорову въ нашъ царствующій городъ Москву доѣхали. Очень скорбимъ, что вы своими выгнаны и всѣхъ животовъ лишились; но не печальтесь: мы въ три раза возвратимъ вамъ то, что̀ вы тамъ потеряли: дворянъ мы сдѣлаемъ князьями, другихъ, меньшихъ людей, боярами; слуги ваши будутъ у насъ людьми свободными; мы дадимъ вамъ землю, людей и слугъ, будемъ водить васъ въ шелку и золотѣ, кошельки ваши наполнимъ деньгами; мы не будемъ вамъ царемъ и господиномъ, но отцомъ, вы будете нашими дѣтьми, и никто, кромѣ насъ самихъ, не будетъ надъ вами начальствовать; я самъ буду васъ судить; вы останетесь при своей вѣрѣ. Но за это вы должны поклясться по своей вѣрѣ, что будете служить намъ и сыну нашему вѣрою и правдою, не измѣните и ни въ какія другія государства не отъѣдите, ни къ Турскому, ни въ Крымъ, ни въ Нагаи, ни къ Польскому, ни къ Шведскому королю. Свѣдаете противъ насъ какой злой умыселъ, то намъ объ этомъ объявите, никакимъ вѣдовствомъ и злымъ кореніемъ насъ не испортите. Если будете все это исполнять, то я васъ пожалую такимъ велимъ жалованьемъ, что и въ иныхъ государствахъ славно будетъ. Тизенгаузенъ, ловкій и краснорѣчивый Ливонскій дворянинъ, благодарилъ царя отъ имени своихъ собратій и клялся за нихъ въ вѣрности до смерти.» Дѣти мои! отвѣчалъ на это Борисъ: молите Бога о насъ и о нашемъ здоровьѣ, а пока мы живы, вамъ ни въ чемъ нужды не бу-

детъ», и, взявшись за свое жемчужное ожерелье, прибавилъ: «и это раздѣлю съ вами.» Нѣмцевъ раздѣлили на 3 статьи: находившіеся въ первой получили по 50 рублей жалованья и помѣстье со 100 крестьянами; находившіеся во второй 30 рублей жалованья и помѣстье съ 50 крестьянами; въ третьей 20 рублей жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами; наконецъ слуги дворянскіе получили по 15 рублей и помѣстье съ 20 крестьянами[35].

Не одни служилые Нѣмцы пользовались благосклонностію Бориса: купцы Ливонскіе, выведенные въ Москву еще при Грозномъ, получили по 300 и по 400 рублей въ займы изъ царской казны, безъ роста, на безсрочное время, подъ условіемъ не выѣзжать изъ Россіи безъ позволенія и не распускать за границею дурныхъ слуховъ о государѣ. Должно быть къ числу этихъ Нѣмцемъ принадлежали Поперзакъ и Виттъ, которымъ Борисъ далъ жалованныя грамоты на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей съ правомъ безпошлинной торговли съ иностранными государствами; вѣдалъ и судилъ ихъ во всемъ печатникъ Василій Щелкаловъ; московскіе дворы ихъ были свободны отъ всякихъ податей и повинностей; на дворахъ своихъ они имѣли право держать питье всякое про себя, а не на продажу; причислены они были къ московской гостинной сотнѣ, а съ посадскими людьми московскими ничего не тянули[36]).

Такимъ образомъ въ сословіи служилыхъ людей увеличилось число иноземцевъ, иноземцы появились и среди купцовъ московскихъ. Касательно внѣшней торговли при Борисѣ мы имѣемъ извѣстіе, что въ 1604 году къ Архангельску приходило 29 кораблей Англійскихъ, Голландскихъ и Французскихъ; товары, привозимые на этихъ корабляхъ, были: жемчугъ, яхонты, сердолики, ожерелья мужскія канительныя, стоячія и отложныя, сукна, шелковыя матеріи, миткаль, киндяки, сафьянъ, камкасеи, полотенца Астрадамскія (Амстердамскія), вина, сахаръ, изюмъ, миндаль, лимоны въ патокѣ, лимоны свѣжіе, винныя ягоды, черносливъ, сарачинское пшено, перецъ, гвоздика, корица, анисъ, кардамонъ, инбирь въ патокѣ, цвѣтъ мускатный,

мѣдь красная, мѣдь волоченая, мѣдь въ тазахъ, мѣдь зеленая въ котлахъ, мѣдь *паздера*, мѣдь зеленая тонкая, олово прутовое и блюдное, желѣзо бѣлое, свинецъ, ладанъ, порохъ, хлопчатая бумага, писчая бумага, сельди, соль, сѣра горячая, зеркала, золото и серебро пряденое, мыло греческое, сандалъ, киноварь, квасцы, цылибуха, колокола, паникадила, подсвѣчники мѣдные, рукомойники, замки круглые, погребцы порожніе со скляницами, ртуть, ярь, камфара, москательный товаръ, проволока желѣзная, камешки льячные въ кисткахъ, камешки бѣлые льячные, масло спиконардовое, масло деревянное, масло бобковое. Корабли приходили изъ Лондона, Амстердама, Діенна [37]).

Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Θеодорова произошла важная перемѣна въ судьбѣ земледѣльческаго сословія — выходъ крестьянскій былъ запрещенъ; Борисъ, какъ говоритъ одно иностранное извѣстіе, при восшествіи своемъ на престолъ, опредѣлилъ, сколько крестьянинъ долженъ платить землевладѣльцу и сколько работать на него. Не смотря на то, сильныя притѣсненія, которыя претерпѣвали крестьяне въ слѣдствіе новаго порядка вещей, заставили Годунова въ 1601 году измѣнить законъ такъ, чтобъ цѣль, для которой онъ былъ изданъ, достигалась, т. е. чтобъ богатые землевладѣльцы не могли переманивать крестьянъ съ земель мелкихъ служилыхъ и приказныхъ людей, а между тѣмъ крестьянинъ, притѣсняемый мелкимъ помѣщикомъ, могъ освободиться отъ него выходомъ, только не къ богатому землевладѣльцу, у котораго могъ получить больше льготы, а къ другому мелкому же. «Великій государь царь, говоритъ указъ, и сынъ его великій государь царевичь пожаловали, во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьянамъ давать выходъ.» Но отказывать и возить крестьянъ могли только: дворяне, которые служатъ изъ выбору, жильцы, дѣти боярскіе городовые, городовые приказчики, иноземцы всякіе, большаго дворца дворовые люди всѣхъ чиновъ (ключники, стряпчіе, ситники, подключники), конюшеннаго приказа приказчики, конюхи стре-

мянные и стряпчіе, ловчаго пути охотники и конные псари, сокольничья пути кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурначеи, царицыны дѣти боярскіе, всѣхъ приказовъ подъячіе, сотники стрѣлецкіе, головы казачьи, посольскаго приказа переводчики и толмачи, патріаршіе и архіерейскіе приказные люди и дѣти боярскіе. Срокъ крестьянскаго отказа и возки прежній — Юрьевъ день осенній да послѣ него двѣ недѣли; пожилаго крестьяне платятъ по Судебнику рубль и два алтына. Крестьяне не могли переходить: въ дворцовыя села и черныя волости, за патріарха, архіереевъ, за монастыри, за бояръ, окольничихъ, дворянъ большихъ, за приказныхъ людей и дьяковъ, за стольниковъ, стряпчихъ, головъ стрѣлецкихъ; а въ Московскомъ уѣздѣ и въ Московскій уѣздъ изъ другихъ областей запрещено было отказывать и возить крестьянъ всѣмъ людямъ безъ исключенія. Кромѣ того было постановлено, чтобъ одинъ человѣкъ отъ другаго могъ вывести не больше двухъ крестьянъ. Въ 1602 году новое постановленіе было подтверждено; велѣно было въ городахъ и по сельскимъ торжкамъ биричу кликать нѣсколько разъ: кто изъ крестьянъ хочетъ за кого идти въ крестьяне же, можетъ какъ и въ прошломъ году выходить на Юрьевъ день осенній; чтобъ такихъ крестьянъ помѣщики и вотчиники выпускали изъ-за себя со всѣмъ ихъ имѣніемъ, безъ всякой зацѣпки, и въ крестьянской возкѣ между людьми боевъ и грабежей не было бы, силою дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали бы и продажъ имъ никакихъ не дѣлали; а кто станетъ крестьянъ грабить и изъ-за себя не выпускать, тѣмъ быть въ большой опалѣ. Очень вѣроятно, что голодъ, свирѣпствовавшій въ это время, былъ причиною налоговъ и продажъ, которые и заставили прибѣгнуть къ означенной мѣрѣ; отъ описываемаго времени, именно отъ 1599 года дошли до насъ любопытныя извѣстія, показывающія намъ точку зрѣнія, съ какой въ Московскомъ государствѣ смотрѣли на отношеніе прикрѣпленныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ вскорѣ послѣ прикрѣпленія. Крестьянинъ съ сыномъ и пасынкомъ, прикрѣпленный къ землѣ Вяжицкаго монастыря, бѣжалъ и

скрылся въ имѣніи одного сына боярскаго. Игуменъ Важицкаго монастыря его отыскивалъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ отыскалъ; тогда вдова того сына боярскаго, у котораго онъ укрывался, не желая тягаться съ монастыремъ, выдала бѣглаго игумену. Какъ же послѣдній поступилъ съ нимъ? Онъ его порядилъ къ себѣ въ крестьяне на пашню; крестьянинъ обязался поставить избу съ разными службами, распахать пашни и проч., а игуменъ далъ ему разныя льготы и подмогу. — Потомъ тотъ же Важицкій монастырь счелъ для себя выгоднымъ переселить нѣсколько крестьянъ съ одной своей земли на другую; какъ же онъ распорядился? онъ заключилъ съ этими крестьянами порядную запись: крестьяне порядились жить за монастыремъ на новой землѣ, обязались, по старому обычаю, произвести извѣстныя работы, а монастырь обязался дать имъ извѣстныя льготы; въ случаѣ же неисполненія условій со стороны крестьянъ, они обязались заплатить монастырю извѣстную сумму денегъ. Уже въ описываемое время правительство должно было вооружиться противъ людей, которые, отбывая отъ платежа податей, закладывались, по тогдашнему выраженію, за другихъ: въ 1599 году Борисъ велѣлъ выслать на житье въ городъ Корелу тѣхъ Корелянъ, которые жили въ Спасскомъ Кижскомъ погостѣ за митрополитомъ, монастырями, за дѣтьми боярскими и за всякими людьми (въ захребетникахъ и подсусѣдникахъ). Царскіе послы прославляли Годунова предъ иностранцами за облегченіе народа отъ податей; дѣйствительно въ распоряженіяхъ его встрѣчаемъ извѣстіе о такомъ облегченіи; напримѣръ въ грамотѣ въ Серпуховъ 1601 года говорится, что въ Серпуховѣ и Коломнѣ отмѣнены цѣловальники и дьячки для денежныхъ сборовъ, и жители освобождались отъ платежа или подмоги, которая собиралась съ сохъ; остались губные цѣловальники, дьячки, сторожа, палачи и биричи, и денежные доходы съ сохъ велѣно собирать губнымъ цѣловальникамъ; брать въ цѣловальники крестьянъ съ сохъ, и подмогу имъ давать съ сохъ же; а съ посадовъ и съ дворцовыхъ селъ губнымъ цѣловальникамъ, дьячкамъ, сторожамъ, палачамъ и биричамъ не

быть, потому что во всѣхъ городахъ на посадахъ и по слободамъ всякія таможенныя пошлины указалъ царь собирать посадскимъ людямъ. Въ той же грамотѣ говорится, чтобъ въ Серпуховѣ и Коломнѣ впередъ тюрмъ сохами не строить, строить ихъ на деньги изъ царской казны [38]).

Мы видѣли, какъ Борисъ былъ вѣренъ мысли Грознаго о необходимости пріобрѣсть прибалтійскіе берега Ливоніи для безпрепятственнаго сообщенія съ западною Европою, для безпрепятственнаго принятія отъ нея плодовъ гражданственности, для принятія науки, этого могущества, котораго именно недоставало Московскому государству, повидимому такъ могущественному. Неудивительно потому встрѣчать извѣстіе, что Борисъ хотѣлъ повторить попытку Грознаго, вызвать изъ за границы ученыхъ людей и основать школы, гдѣ бы иностранцы учили Русскихъ людей разнымъ языкамъ. Но духовенство воспротивилось этому; оно говорило, что обширная страна ихъ едина по религіи, нравамъ и языку; будетъ много языковъ, встанетъ смута въ землѣ. Тогда Борисъ придумалъ другое средство: уже давно былъ обычай посылать русскихъ молодыхъ людей въ Константинополь учиться тамъ по-гречески; теперь царь хотѣлъ сдѣлать тоже относительно другихъ странъ и языковъ; выбрали нѣсколько молодыхъ людей и отправили однихъ въ Любекъ, другихъ въ Англію, нѣкоторыхъ во Францію и Австрію учиться. Ганзейскіе послы, бывшіе въ Москвѣ въ 1603 году, взяли съ собой въ Любекъ пять мальчиковъ, которыхъ они обязались выучить по-латыни, по-нѣмецки и другимъ языкамъ, при чемъ беречь накрѣпко, чтобъ они не оставили своей вѣры и своихъ обычаевъ. Съ Англійскимъ купцомъ Джономъ Мерикомъ отправлены были въ Лондонъ четверо молодыхъ людей «для науки разныхъ языковъ и грамотамъ [39]).» Но пока эти молодые люди учились за границею иностраннымъ языкамъ и грамотамъ, государство нуждалось въ знаніяхъ, искусствахъ необходимыхъ, и вотъ Борисъ отправилъ извѣстнаго уже намъ Бекмана въ Любекъ для приглашенія въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ. Въ

наказной памяти Бекману говорилось: «пріѣхавши въ Псковъ, сказать воеводѣ, чтобъ отпустилъ его тотчасъ не шумно, чтобъ о томъ иноземцы не узнали. Изъ Пскова ѣхать въ Любекъ Инфляндскою землю на Юрьевъ или на Кесь, или другіе какіе города, куда ѣхать лучше и безстрашнѣе.» Изъ этихъ словъ ясно видно, что заставляло Московскихъ государей добиваться хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ: иначе надобно было дѣйствовать тайкомъ, не шумно, надобно было выкрадывать знанія съ Запада. Далѣе въ наказѣ говорится: «пріѣхавши въ Любекъ, говорить бурмистрамъ, ратманамъ и палатникамъ, чтобъ они прислали къ царскому величеству доктора навычнаго, который былъ бы навыченъ всякому докторству и умѣлъ лѣчить всякія немощи. Если откажутъ, то промышлять въ Любекѣ докторомъ самому, чтобъ непремѣнно докторомъ въ Любекѣ промыслить. Посланы съ нимъ опасныя грамоты суконнымъ мастерамъ, рудознатцамъ, которые умѣютъ находить руду золотую и серебряную, часовникамъ: такъ ему промышлять накрѣпко, чтобъ мастеровые люди ѣхали къ царскому величеству своимъ ремесломъ послужить, сказывать имъ государево жалованье и отпускъ повольный, что имъ пріѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ повольно безо всякаго задержанья [40].»

Борисъ, по характеру своему, особенно дорожилъ медиками, потому что трепеталъ за свое здоровье и здоровье своего семейства, думалъ, что враги постоянно умышляютъ противъ его жизни и здоровья, слѣдовательно хотѣлъ окружить себя искусными людьми, которые могли бы противодѣйствовать вражьимъ замысламъ. У него было шесть иностранныхъ медиковъ, которымъ онъ давалъ богатое содержаніе и подарки, почиталъ ихъ какъ большихъ князей или бояръ, позволилъ имъ построить себѣ большую протестантскую церковь. Относительно медицинскихъ понятій вѣка сохранился любопытный разговоръ печатника Василья Щелкалова съ пріѣхавшимъ изъ Англіи докторомъ Вильсомъ. Щелкаловъ спрашивалъ доктора: «сказываешься ты докторъ; а грамота у тебя Елисаветъ королевнина докторская и книги докторскія и лечебныя и зелье съ тобою

есть ли? и какъ немочи знаешь? и почему у человѣка какую немочь познаешь?» Докторъ отвѣчалъ: «которыя книги были со мною повезены изъ Англійской земли для докторства, и я тѣ книги всѣ оставилъ въ Любекѣ для проѣзда, и сказывался въ дорогѣ торговымъ человѣкомъ для того, чтобъ меня пропустили, а зелья не взялъ для проѣзду же, потому что насъ докторовъ въ Москву нигдѣ не пропускаютъ.» Щелкаловъ спросилъ: «почему же тебѣ у человѣка безъ книгъ какую немочь можно познать — по водамъ ли или по жиламъ?» Докторъ отвѣчалъ: «Немочь въ человѣкѣ всякую можно и безъ книгъ разумомъ знать по водамъ; а если будетъ въ человѣкѣ тяжкая болѣзнь, то ее и по жиламъ можно познать; лечебная книга со мною есть, а старая книга у меня въ головѣ [41]).»

Печатаніе книгъ продолжалъ при Годуновѣ старый типографщикъ временъ Грознаго, Андроникъ Тимоѳеевъ Невѣжа, а потомъ сынъ его, Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ. Послѣдній, въ послѣсловіи къ Цвѣтной Тріоди, распространяется въ похвалахъ Борису, и между прочимъ говоритъ: «И о семъ богодухновенныхъ писаній трудолюбственнѣмъ дѣлѣ тщаніе веліе имѣлъ и съ прилежнымъ усердіемъ слова истины исправляя, дѣлателей же преславнаго сего печатнаго дѣла преизъобилнѣ своими царскими уроки повсегда удоволяя, и домъ превеликъ устроити повелѣ: въ немъ же трудолюбному сему книжнаго писанія печатному дѣлу совершатися.»

Ясно высказанная правительствомъ необходимость сближенія съ иностранцами для заимствованія у нихъ знаній, ясно высказанное слѣдовательно убѣжденіе въ превосходствѣ иностранцевъ, у которыхъ должно учиться, умноженіе числа этихъ иностранцевъ въ войскѣ, появленіе ихъ въ сословіи торговомъ, почесть, которую оказывалъ имъ царь, державшій медиковъ своихъ какъ князей или бояръ, — все это не могло не породить въ нѣкоторыхъ Русскихъ людяхъ желанія подражать иностранцамъ, и начать это подражаніе, по извѣстному закону, со внѣшняго вида. Современники Борисова царствованія, и свои и чужіе, согласно говорятъ о пристрастіи Русскихъ къ ино-

земнымъ обычаямъ и одеждамъ, о введеніи обычая брить бороды, при чемъ выставляется и причина: царь очень любилъ иностранцевъ, былъ ихъ потаковникомъ. Приверженцы старины обратились къ патріарху: «Отецъ святый! говорили они ему: зачѣмъ ты молчишь, видя все это?» Совѣсть Іова уязвлялась этими рѣчами, какъ стрѣлами; но говорить царю противъ нововведеній у него недоставало духа: «видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ винограде Христовомъ, дѣлатель изнемогъ, и только къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами [42]).»

ГЛАВА II.

НАЧАЛО СМУТЪ; ПОЯВЛЕНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ И СУДЬБА ЕГО ДО ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ МОСКВУ.

Для большинства народонаселенія въ Московскомъ государствѣ Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Ѳеодорѣ. Мужъ чудный и сладкорѣчивый [43]) продолжалъ устроивать въ Русскомъ государствѣ много достохвальныхъ вещей, по прежнему ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ. Ради такихъ строеній всенародныхъ, Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всѣмъ любезенъ, Россія цвѣла всѣми благами [44]). И, не смотря на то, онъ палъ, потому что, говорятъ Русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли.

Годуновъ, любимый большинствомъ, палъ въ слѣдствіе негодованія меньшинства, чиноначальниковъ Русской земли. Такъ говорятъ современники, иностранцы и Русскіе, и послѣ повѣрки ихъ объясненія, мы не можемъ не согласиться съ ними. Но паденіемъ Годуновыхъ дѣло не кончилось, за нимъ послѣдовало страшное смутное время, и потому надобно объяснить еще, почему смута, произведенная меньшинствомъ, не встрѣтила

противленія въ большинствѣ, не была имъ затушена? почему могло такъ приняться на Русской почвѣ въ началѣ XVII и принести такіе страшные плоды?

У Годунова были враги, были соперники между боярами; вступленіе его на престолъ со всѣми обстоятельствами, сопровождавшими это событіе, показывало ясно могущественныя средства Годунова и безсиліе враговъ его. Явнаго противодѣйствія быть не могло ни тутъ, ни послѣ; у враговъ Годунова не было средствъ вещественныхъ: это не были правители сильныхъ областей, въ которыхъ, пользуясь народнымъ расположеніемъ, могли поднять знамя возстанія; соперники Годунова не имѣли на своей сторонѣ и средствъ нравственныхъ: онъ былъ лучшій между ними по общему признанію. Средства Годунова были велики; но, по характеру своему, онъ не былъ въ уровень своему положенію, не умѣлъ признать своихъ средствъ и воспользоваться ими. «Если бы тернъ завистной злобы не помрачилъ цвѣтъ его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться.» Эти слова современника объясняютъ какъ нельзя лучше дѣло. Годуновъ не могъ уподобиться древнимъ царямъ, не могъ явиться царемъ на престолѣ и упрочить себя и потомство свое на немъ по неумѣнью нравственно возвыситься въ уровень своему высокому положенію. Восходя на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ боярскихъ отношеній, отъ боярскихъ чувствъ, продолжалъ питать завистную злобу къ своимъ старымъ соперникамъ, былъ способенъ унижаться до зависти, т. е, до признанія въ другихъ равныхъ или большихъ правъ на престолъ, чѣмъ какія онъ имѣлъ самъ; неувѣренность въ собственномъ достоинствѣ, въ собственныхъ силахъ, собственныхъ средствахъ не могла дать ему необходимаго въ его положеніи спокойнаго величія, и развила въ немъ эту мелкую, болѣзненную подозрительность, заставившую его осквернить царство доносами неслыханными; не имѣя достоинства, уваженія къ самому себѣ, онъ не могъ довѣрять никому. Подозрительностію, завистною злобою онъ раздражилъ родовитыхъ людей, въ которыхъ видѣлъ враговъ своихъ, то отдалялъ

ихъ отъ себя по какому-нибудь доносу, то опять приближалъ, преслѣдуя однако людей, сносившихся съ ними; но раздражая враговъ, онъ въ тоже время своимъ малодушіемъ, подозрительностію, боязливостію уничтожалъ въ нихъ уваженіе къ себѣ, обнаруживалъ предъ ними свою слабую сторону, указывалъ средство дѣйствовать противъ себя, дѣйствовать испугомъ, отнимавшимъ у него духъ, рѣшительность.

Такимъ образомъ въ характерѣ человѣка, возсѣвшаго на престолѣ Рюриковичей, заключалась возможность начала смуты; но продолженіе ея и сильное развитіе условливались другими обстоятельствами: болѣзнь прикинулась и сильно развилась въ общественномъ тѣлѣ потому, что тѣло это заключало въ себѣ много дурныхъ соковъ. Давно уже мы имѣли случаи замѣчать неудовлетворительное состояніе народной нравственности въ Московскомъ государствѣ. Мы видѣли причины тому въ борьбѣ, сопровождавшей появленіе и утвержденіе новаго порядка вещей, собраніе земли. Борьба между князьями за волости смѣнилась борьбою государей московскихъ съ основанными на старинѣ притязаніями князей служебныхъ и дружины вообще. Борьба эта достигла до ужасныхъ размѣровъ въ царствованіе Грознаго. Водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближняго; сокрушеніе правъ слабаго предъ сильнымъ, при отсутствіи просвѣщенія, боязни общественнаго суда, боязни суда другихъ народовъ, въ общество которыхъ еще не входили, ставило человѣка въ безотрадное положеніе, дѣлало его жертвою случайностей, заставляло сообразоваться съ этими случайностями; но эта привычка сообразоваться съ случайностями разумѣется не могла способствовать развитію твердости гражданской, уваженія къ собственному достоинству, умѣнья выбирать средства для цѣлей. Преклоненіе предъ случайностію не могло вести къ сознанію постояннаго, основнаго, къ сознанію отношеній человѣка къ обществу, обязанности служенія обществу, требующаго подчиненія частныхъ стремленій и выгодъ общественнымъ. Внутреннее, духовное отношеніе человѣка къ обществу было слабо; все держалось только

формами, внѣшнею силою, и гдѣ эта внѣшняя сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все на счетъ слабаго. Во внѣшнемъ отношеніи земля была собрана, государство сплочено; но сознаніе о внутренней, нравственной связи человѣка съ обществомъ было крайне слабо; въ нравственномъ отношеніи и въ началѣ XVII вѣка Русскій человѣкъ продолжалъ жить особѣ, какъ физически жили отдѣльные роды въ IX вѣкѣ. Слѣдствіемъ преобладанія внѣшней связи и внутренней, нравственной особности были тѣ грустныя явленія народной жизни, о которыхъ одинаково свидѣтельствуютъ и свои, и чужіе, прежде всего эта страшная недовѣрчивость другъ къ другу: понятно, что когда всякій преслѣдовалъ только свои интересы, нисколько не принимая въ соображеніе интересовъ ближняго, котораго, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался сдѣлать слугою, жертвою своихъ интересовъ, то довѣренность существовать не могла. Страшно было состояніе того общества, члены котораго, при видѣ корысти, порывали всѣ, самыя нѣжныя, самыя священныя связи! Страшно было состояніе того общества, въ которомъ лучшіе люди совѣтовали щадить интересы ближняго, вести себя по-христіански съ цѣлію пріобрѣсти выгоды матеріальныя, какъ совѣтовалъ знаменитый Сильвестръ своему сыну. И любопытно видѣть, какъ подобные совѣты обнаруживали свое дѣйствіе въ поведеніи Годунова, который стремился къ вещамъ достохвальнымъ, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ, нищелюбивъ — для достиженія своихъ честолюбивыхъ видовъ, для того, чтобъ прослыть вездѣ благотворителемъ. Любопытно видѣть, какъ въ характерѣ Бориса и въ отношеніяхъ къ нему общества отразился господствующій недугъ времени: Борисъ былъ боленъ страшною недовѣрчивостію, подозрѣвалъ всѣхъ, боязливо прислушивался къ каждому слову, каждому движенію; но и общество не осталось у него въ долгу: каждый шагъ его былъ заподозрѣнъ, ни въ чемъ ему не вѣрили; если онъ осквернилъ общество доносами, то и общество явилось въ отношеніи къ нему страшнымъ доносчикомъ, страшнымъ клеветникомъ: онъ, по

увѣренію современнаго ему общества, отравилъ царскую доч самого царя, сестру свою, царицу Александру, жениха своей дочери, сжегъ Москву, навелъ на нее хана! Царь и царст играли другъ съ другомъ въ страшную игру.

Но послушаемъ современниковъ о нравственномъ состоя общества при Борисѣ: иностранцы, какъ и Русскіе, говорят о стараніи Бориса уничтожить взяточничество. Если судья был уличенъ во взяткахъ, то долженъ былъ возвратить взятое, платить штрафъ отъ 500 до 1000 и 2000 рублей, имѣніе отбиралось въ казну. Если это былъ дьякъ, не пользовавшій случайно особеннымъ расположеніемъ власти, то его возили городу и сѣкли, при чемъ висѣлъ у него на шеѣ мѣшокъ взяткою, будьто деньги, или мѣхъ, или соленая рыба; пото преступника заточали. Но взяточничество не уменьшалось только взяточники поступали осторожнѣе: для избѣжанія дозрѣнія просители вѣшали подарокъ къ образу въ домѣ пр вительственнаго лица, или при христосываніи всовывали ден въ руку вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ.» Во всѣхъ сословіях говоритъ другой современникъ-иностранецъ, воцарились доры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣ товаровъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты бол жидовкихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Друг ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превыш шій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по четыре процен еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣ ленный срокъ, то пропадалъ невозвратно. Не буду говорить пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о несте пимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовст и развратѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высших и низшихъ сословіяхъ.» Это говорятъ иностранцы; а во слова Русскаго современника: «впали мы въ объяденіе и пьянство великое, въ блудъ, и въ лихвы, и въ неправды, и всякія злыя дѣла» [45]. Послѣ услышимъ еще не менѣе рѣз слова.

Кромѣ дурнаго состоянія нравственности, развитію смутъ въ Московскомъ государствѣ въ описываемое время благопріятствовало еще одно обстоятельство. Мы упоминали о сильномъ развитіи козачества во второй половинѣ XVI вѣка, видѣли и характеръ козаковъ. Бѣглецъ изъ общества потому ли, что общественныя условія ему не нравились, или потому, что общество преслѣдовало его за нарушеніе наряда, козакъ, разумѣется, не могъ согласить своихъ интересовъ съ интересами государства, безпрестанно дѣйствовалъ вопреки послѣднимъ. Государство терпѣло это по слабости, но для козаковъ было ясно, что терпѣніе не будетъ продолжительно. Открыто дѣйствовать противъ государства они не смѣли: при обычномъ ходѣ дѣлъ, при внутреннемъ спокойствіи государства они не могли имѣть нималѣйшей надежды дѣйствовать съ успѣхомъ противъ него. Но когда открылась смута, нарядъ исчезъ, то козакамъ явилась полная возможность войдти въ предѣлы государства и жить на его счетъ. Къ этимъ степнымъ козакамъ, разумѣется, должны были пристать всѣ люди съ козацкимъ характеромъ, люди, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, тяготились своимъ положеніемъ, искали выхода изъ него, люди хотѣвшіе пожить на чужой счетъ. Толпы степныхъ козаковъ должны были слѣдовательно увеличиться толпами козаковъ внутреннихъ; и тѣмъ, и другимъ было необходимо поддерживать смуту какъ можно долѣе, ибо съ возстановленіемъ спокойствія, наряда, прекращалось ихъ царство, ихъ выгодное положеніе относительно государства, которое по прежнему стало бы грозить ихъ противуобщественному быту. Такимъ образомъ смутное время мы имѣемъ право разсматривать какъ борьбу между общественнымъ и противуобщественнымъ элементомъ, борьбу земскихъ людей, собственниковъ, которымъ было выгодно поддержать спокойствіе, нарядъ государственный для своихъ мирныхъ занятій, — съ такъ называемыми козаками, людьми беземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы съ интересами общества, которые хотѣли жить насчетъ общества, жить чужими трудами. Нѣкоторые полага-

ютъ причиною смуты запрещеніе крестьянскаго выхода, сдѣланное Годуновымъ. Но мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, вопервыхъ потому, что ни одинъ изъ современныхъ писателей не намекаетъ на это, хотя они объясняютъ, почему Сѣверская Украйна стала гнѣздомъ смуты, указываютъ на столпленіе въ ней холопей опальныхъ бояръ, преступниковъ, бѣжавшихъ отъ казни; во вторыхъ, законъ объ укрѣпленіи крестьянъ былъ вполовину отмѣненъ Годуновымъ въ его царствованіе, участь крестьянъ была облегчена именно тамъ, гдѣ она могла быть тяжела. При этомъ должно замѣтить, что козаки подъ знаменемъ самозванцевъ дѣйствительно стараются повсюду возбудить низшіе классы противъ высшихъ, дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ крестьяне возстаютъ противъ помѣщиковъ; но это явленіе мѣстное, общее же явленіе таково, что тѣ крестьяне, которые были недовольны своимъ положеніемъ, но характеру своему были склонны къ козачеству, переставали быть крестьянами, шли въ козаки и начинали бить и грабить прежде всего свою же братью крестьянъ, которые, въ свою очередь, толпами вооружаются противъ козаковъ въ защиту своихъ семействъ, собственности и мирнаго труда; нигдѣ мы не видимъ, чтобъ крестьяне подъ знаменами самозванцевъ возставали какъ крестьяне въ защиту своихъ сословныхъ правъ и интересовъ.

Только два первые года царствованія Борисова, два послѣдніе XVI столѣтія, современники называютъ спокойными, счастливыми; въ первомъ году новаго вѣка мы должны слѣдовательно положить начало смутъ; но какая же была первая смута? этого мы не знаемъ по недостатку хронологическихъ указаній въ источникахъ. Мы незнаемъ, къ какому именно времени относится дѣло Богдана Бѣльскаго, извѣстнаго намъ по смутѣ въ началѣ царствованія Θеодорова. Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ: послалъ царь Борисъ на поле ставить городъ Борисовъ Окольничаго Богдана Яковлевича Бѣльскаго да Семена Алферьева, и съ ними послалъ многихъ всякихъ людей. Богданъ, человѣкъ богатый, пошелъ на городское строеніе съ

шпинъ богатствомъ и всякаго запасу взялъ съ собою много. иходами на городище, сталъ онъ дѣлать городъ прежде сво- ь дворомъ и сдѣлалъ своими людьми башню и городни, ук- илъ великою крѣпостью; потомъ съ того образца велѣлъ й рати дѣлать, и сдѣлали весь городъ вскорѣ и укрѣпили ими крѣпостями; ратныхъ людей Богданъ поилъ и кормилъ ый день множество, и бѣднымъ давалъ деньги, платье и за- ы. Прошла на Москвѣ про него отъ ратныхъ людей хвала шкая. Царь Борисъ исполнился ярости, велѣлъ его схватить, зорить и сослать въ одинъ изъ низовыхъ городовъ въ тюрьму; диинъ старыхъ, которые были съ нимъ и на него не дово- ли, также велѣлъ раззорить. По иностраннымъ свидѣтель- ствамъ, Борису донесли, будто Бѣльскій величалъ себя царемъ рисовскимъ. Изъ этихъ же свидѣтельствъ узнаемъ и опозор- омъ наказаніи, которому подвергся Бѣльскій: одинъ изъ ино- странныхъ медиковъ царскихъ вырвалъ у него длинную гу- ю бороду [46]. Зная мелкодушіе Бориса, мы можемъ принять ичину опалы какъ она показана въ приведенныхъ извѣсті- яхъ; естественно, что Борисъ, одержимый завистною злобою, исполнился яростію на человѣка, который осмѣлился пріобрѣсти народное расположеніе щедростію, то-есть употребить тѣже самыя средства, какія употреблялъ Годуновъ; подозрительность ю Бориса должна была особенно возбудиться тѣмъ, что народ- ное расположеніе пріобрѣталъ человѣкъ, выдававшійся изъ толпы братій своихъ умомъ, энергіею и дознаннымъ крамольнымъ духомъ. Сохранилось впрочемъ еще одно извѣстіе, въ кото- ромъ отразился извѣстный народный взглядъ на дѣятельность Бориса: Бѣльскій, по этому извѣстію, былъ сосланъ за то, что казался на духу въ смерти царя Іоанна и царя Ѳеодора, ко- торыхъ онъ умертвилъ по наученію Годунова; духовникъ сказалъ ъ этомъ патріарху, а патріархъ царю [47]. Нельзя не обратить вниманія также и на способъ наказанія, которому подвергся Бѣль- скій: мы встрѣчали извѣстія своихъ и чужихъ современниковъ о страсти къ подражанію иноземнымъ обычаямъ, которая откры- лась между Русскими людьми въ царствованіе Бориса; царь

былъ покровителемъ иностранцевъ, а Бѣльскій ненавидѣлъ ихъ, и вотъ Борисъ велитъ иностранцу вырвать у Бѣльскаго бороду, которая такъ дорога была людямъ, отличавшимся привязанностію къ старинѣ, и ненавистію къ новымъ, чужимъ обычаямъ, а изъ этихъ обычаевъ бритье бороды было самымъ виднымъ [48].

Дьяволъ, говоритъ лѣтописецъ [49], вложилъ Борису мысль все знать, что ни дѣлается въ Московскомъ государствѣ; думалъ онъ объ этомъ много, какъ бы и отъ кого все узнавать, и остановился на томъ, что кромѣ холопей боярскихъ узнавать не отъ кого. Начали тайно допытываться у людей князя Шестунова о замыслахъ господина ихъ. Одинъ изъ нихъ, какой то Воинко, явился съ доносомъ. Что онъ объявилъ о Шестуновѣ—неизвѣстно, вѣроятно, что нибудь нестоющее вниманія, потому что князя оставили на это время въ покоѣ; но доносчику сказали царское жалованное слово предъ челобитнымъ приказомъ на площади, выставили передо всѣмъ народомъ его службу и радѣнье, объявили, что царь даетъ ему помѣстье и велитъ ему служить въ дѣтяхъ боярскихъ. Это поощреніе произвело дѣйствіе страшное: боярскіе люди начали умышлять всякій надъ своимъ бояриномъ; сговорившись между собою человѣкъ по пяти и по шести—одинъ шелъ доводить, а другихъ поставлялъ въ свидѣтели. Тѣхъ же людей боярскихъ, которые не хотѣли душъ своихъ погубить и господъ своихъ не хотѣли видѣть въ крови, пагубѣ и раззореніи,—тѣхъ бѣдныхъ мучили пытками и огнемъ жгли, языки имъ рѣзали и по тюрьмамъ сажали. А доносчиковъ царь Борисъ жаловалъ много, помѣстьями и деньгами. И отъ такихъ доносовъ была въ царствѣ большая смута: доносили другъ на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцевъ, отъ такаго ужаса мужья отъ женъ таились, и въ этихъ окаянныхъ доносахъ много крови пролилось неповинной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и совсѣми домами раззорили: ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ. Люди происхожденія знаменитаго,

князья, потомки Рюрика доносили другъ на друга, мужчины доносили царю, женщины царицѣ; такъ князь Борисъ Михайловичь Лыковъ, въ челобитной на князя Пожарскаго, поданной царю Василію Шуйскому, говоритъ: «Прежде, при царѣ Борисѣ, онъ князь Дмитрій Пожарскій доводилъ на меня ему царю Борису многіе затѣйные доводы, будто бы я, сходясь съ Голициными, да съ княземъ Татевымъ, про него царя Бориса разсуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрія, княгиня Марья, въ тоже время доводила царицѣ Марьѣ на мою мать, будто моя мать, съѣзжаясь съ женою князя Василья Өедоровича Скопина-Шуйскаго, разсуждаетъ про нее царицу Марью и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску [50].»

Поданъ былъ доносъ на Романовыхъ. Лѣтопись разсказываетъ дѣло такъ: дворовый человѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартеневъ пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ, что готовъ исполнить волю царскую надъ господиномъ своимъ. Семенъ, по приказу царя, наклалъ съ Бартеневымъ въ мѣшки разныхъ кореньевъ, и велѣлъ Бартеневу положить ихъ въ кладовую Александра Никитича. Исполнивши это, Бартеневъ явился съ доносомъ, что у господина его припасено отравное зелье. Царь послалъ окольничаго Салтыкова обыскать; тотъ нашелъ мѣшки и привезъ ихъ прямо на дворъ къ патріарху; собрано было туда множество народа, предъ которымъ высыпали коренья изъ мѣшковъ. Привели Романовыхъ, Өедора Никитича съ братьями. Многіе бояре пышали на нихъ какъ звѣри и кричали; обвиненные не могли ничего отвѣчать отъ многонароднаго шуму. Романовыхъ отдали подъ стражу вмѣстѣ совсѣми родственниками ихъ и пріятелями—князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Өедора Никитича съ братьями и племянника ихъ, князя Ивана Борисовича Черкасскаго приводили не разъ къ пыткѣ; людей ихъ, мужчинъ и женщинъ, пытали и научали, чтобъ они что-нибудь сказали на го-

сподъ своихъ, но они не сказали ничего. Долго держали обвиненныхъ за приставами въ Москвѣ; наконецъ въ Іюнѣ 1601 года состоялся приговоръ боярскій: Θедора Никитича Романова постригли и, подъ именемъ Филарета, сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его, Аксинью Ивановну, также постригли, и подъ именемъ Мареы, сослали въ одинъ изъ Заонѣжскихъ погостовъ; ея мать, Шестову, въ Чебоксары въ монастырь; Александра Никитича въ Уоолье-Луду, къ Бѣлому морю; Михайлу Никитича въ Пермь, въ Ныробскую волость; Ивана Никитича въ Пелымъ; Василья Никитича въ Яренскъ; мужа сестры ихъ, князя Бориса Черкасскаго съ женою и съ племянниками ея, дѣтьми Θедора Никитича, пятилѣтнимъ Михаиломъ и маленькою сестрою его, съ теткою ихъ Настасьею Никитичною, и съ женою Александра Никитича на Бѣлоозеро; князя Ивана Борисовича Черкасскаго въ Малмыжъ на Вятку; князя Ивана Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь; другихъ Сицкихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ и Карповыхъ разослали по разнымъ дальнимъ городамъ.

Только двое изъ братьевъ Романовыхъ пережили свое несчастіе—Филаретъ и Иванъ Никитичи. Въ смерти остальныхъ упрекаютъ Годунова, но несправедливо, какъ свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ дѣло о ссылкѣ ихъ. Изъ этого дѣла узнаемъ, что съ Васильемъ Никитичемъ былъ отправленъ человѣкъ его для прислуги; приставу данъ былъ такой наказъ: «везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не ушелъ и лиха никакого надъ собою не сдѣлалъ; беречь, чтобъ къ нему на дорогѣ и на станахъ никто не приходилъ и не разговаривалъ ни о чемъ и грамотами не ссылался; а кто придетъ къ Василью и станетъ съ нимъ разговаривать, или принесетъ письмо, то этого человѣка съ письмомъ схватить и прислать въ Москву, или, распрося, отписать къ государю; а кто доведется до пытки, тѣхъ пытать и распрашивать подлинно. Пріѣхавши въ Яренскъ, занять для себя и для Василья дворъ въ городѣ, отъ церкви, отъ съѣзжей избы и отъ жилыхъ дворовъ подальше; если такого двора нѣтъ, то, присмотря мѣсто, ве-

ему дворъ поставить, подальше отъ жилыхъ дворовъ, да чтобъ проѣзжей дороги мимо двора не было. На дворѣ велѣть поставить хоромы: двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ; чтобъ около двора была городьба. Съ двора Василья и дѣтины его никуда не спускать, и беречь накрѣпко, чтобъ къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ. Корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу да по два хлѣба денежныхъ; въ мясные дни по двѣ части говядины да по части баранины; въ рыбные дни по два блюда рыбы, какая гдѣ случится, да квасъ житный: на кормъ послано сто рублей денегъ. Что Василiй станетъ говорить, о томъ приставъ долженъ отписать государю.»

Исполняя послѣднiя слова наказа приставъ Некрасовъ писалъ царю: «Будучи дорогою, твой государевъ злодѣй и измѣнникъ со мною ничего не разговаривалъ; только укралъ у меня на Волгѣ цѣпной ключь и кинулъ его въ воду, чтобъ я его не сковалъ, и хотѣлъ у меня убѣжать; но я другой ключь прибралъ, и цѣпь и желѣза на Василья положилъ за его воровство; прiѣхавши въ Яренскъ, онъ со мною воровствомъ говорилъ: «погибли мы напрасно безъ вины, къ государю въ наносѣ, отъ своей же братьи; они на насъ наносили сами не зная что дѣлаютъ, и сами они помрутъ скоро, прежде насъ.»

Скоро обоихъ братьевъ, Василiя и Ивана соединили вмѣстѣ въ одномъ городѣ Пелымѣ, когда Василiй былъ уже при послѣднемъ издыханiи отъ звѣрства пристава; что приставы поступали своевольно, безъ царскаго приказа, видно изъ грамоты Борисовой къ нимъ: «По нашему указу Ивана и Василья Романовыхъ ковать вамъ не велѣно: вы это сдѣлали мимо нашего указа.» Приставъ, оправдывая себя, доносилъ, что онъ ковалъ Василья, слыша многiя разговорныя рѣчи, напримѣръ: приставъ сталъ говорить Василью: «Кому Божiимъ милосердiемъ, постомъ, молитвою и милостынею Богъ далъ царство, а вы, злодѣи измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ.» Василiй отвѣчалъ на это съ насмѣшкою: «Не то милостыня, что мечутъ по улицамъ; добра та милостыня, дать дес-

мою рукою, а шуйца не вѣдалабы.» О смерти Василія приставъ доноситъ такъ: «Взялъ я твоего государева измѣнника Василья Романова больнаго, чуть живаго, на цѣпи, ноги у него опухли; я, для болѣзни его, цѣпь съ него снялъ, и сидѣлъ у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я ходилъ къ нему и попа пускалъ; умеръ онъ 15 Февраля и я похоронилъ его, далъ по немъ тремъ попамъ, да дьячку, да пономарю двадцать рублей. А измѣнникъ твой Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ.» Послѣ этого Иванъ Никитичъ былъ переведенъ въ Уфу, а потомъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ отправленъ на службу въ Нижній Новгородъ, при чемъ царь наказывалъ приставу: «Ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ Новгородѣ, ко князю Ивану и къ Ивану Романову береженье держать большое, чтобъ имъ нужды ни въ чемъ никакой отнюдь не было и жили бъ они и ходили свободны.» И о княгинѣ Черкасской, жившей съ дѣтьми Θедора Никитича на Бѣлѣозерѣ, царь повторялъ нѣсколько разъ: «чтобъ имъ всѣмъ въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ никакой нужды не было.» Скоро Иванъ Никитичъ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ возвращены были въ Москву, и княгиня Черкасская съ дѣтьми Θедора Никитича и женою Александра Никитича переведены въ уѣздъ Юрьева Польскаго въ отчину Θедора Никитича, при чемъ царь опять наказывалъ приставу: «Чтобъ дворовой никакой нужды не было; корму имъ давать вдоволь, покоить всѣмъ, чего ни спросятъ, а не такъ бы ты дѣлалъ, какъ писалъ прежде, что яицъ съ молокомъ даешь не по многу; это ты дѣлалъ своимъ воровствомъ и хитростью: по нашему указу велѣно тебѣ давать имъ ѣды и питья во всемъ вдоволь, чего ни захотятъ.»

О Филаретѣ Никитичѣ приставъ Воейковъ доносилъ: «Твой государевъ измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ мнѣ говорилъ: «Государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ вольность дать, и мнѣ бъ стоять на крылосѣ.» Да онъ же мнѣ говорилъ: «Не годится со мною въ кельѣ жить малому; чтобъ государь меня, богомольца своего пожаловалъ, велѣлъ у меня въ кельѣ старуц

жить, а бѣльцу съ чернецомъ въ одной кельѣ жить непригоже.» Это онъ говорилъ для того, чтобъ отъ него изъ кельи малаго прибрали, а онъ малаго очень любитъ, хочетъ душу свою за него выронить. Я малаго расспрашивалъ: что съ тобою старецъ о какихъ-нибудь дѣлахъ разговариваль ли, или про кого-нибудь разсуждаетъ ли? и друзей своихъ кого поминаючи поминаетъ ли? Малый отвѣчалъ: «отнюдь со мной старецъ ничего не говоритъ.»—Если малому впередъ жить въ кельѣ у твоего государева измѣнника, то намъ отъ него ничего не слыхать; а малый съ твоимъ государевымъ измѣнникомъ душа въ душу. Да твой же государевъ измѣнникъ мнѣ про твоихъ государевыхъ бояръ въ разговорѣ говорилъ: «Бояре мнѣ великіе недруги; они искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорить людей нашихъ, я самъ видалъ это не однажды.» Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: «Не станетъ ихъ нисъ какое дѣло, нѣтъ у нихъ разумнаго; одинъ у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ очень досужъ.»—Велѣлъ я сыну боярскому Болтину расспрашивать малаго, который живетъ въ кельѣ у твоего государева измѣнника, и малый сказывалъ: «Со мною ничего не разговариваетъ; только когда жену вспомянетъ и дѣтей, то говоритъ: «Малыя мои дѣтки! маленьки бѣдныя остались; кому ихъ кормить и поить? такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная! жива ли уже? чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ! мнѣ ужъ что надобно? бѣда на меня жена да дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкаетъ; много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи слышать, чтобъ ихъ ранѣе Богъ прибралъ, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душою; а братья уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ.»

На это донесеніе царь отвѣчалъ приставу: «Ты бъ старцу Филарету платье давалъ изъ монастырской казны и покой всякій къ нему держалъ, чтобъ ему нужды ни въ чемъ не было;

если онъ захочетъ стоять на крылосѣ, то позволь, только бъ съ нимъ никто изъ тутошнихъ и прихожихъ людей на очевъ не разговаривалъ; малому у него въ кельѣ быть не вели, вели съ нимъ жить въ кельѣ старцу, въ которомъ бы воровства никакого не чаять. А которые люди станутъ въ монастырь приходить молиться, прохожіе или тутошніе крестьяне и вкладчики: то вели ихъ пускать, только смотри накрѣпко, чтобъ къ старцу Филарету къ кельѣ никто не подходилъ, съ нимъ не говорилъ и письма не подносилъ и съ нимъ не ссылался.» Эти распоряженія относились къ 1602 году; въ 1605 приставъ Воейковъ жаловался царю на послабленіе Сійскаго игумена Іоны Филарету; вотъ что писалъ Борисъ къ игумену Іонѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ: «Писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что разсказывали ему старецъ Иринархъ и старецъ Леонидъ: 3-го Февраля ночью старецъ Филаретъ старца Иринарха бранилъ, съ посохомъ къ нему прискакивалъ, изъ кельи его выслалъ вонъ, и въ келью ему къ себѣ и за собою ходить никуда не велѣлъ; а живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицъ ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, старцы приходятъ къ Воейкову на старца Филарета всегда съ жалобою, бранитъ онъ ихъ и бить хочетъ, и говоритъ имъ: «увидите, каковъ я впередъ буду.» Нынѣшнимъ великимъ постомъ у отца духовнаго старецъ Филаретъ не былъ, въ церковь и къ тебѣ на прощанье не приходилъ и на крылосѣ не стоитъ. И ты бы старцу Филарету велѣлъ жить съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жить старцу Леониду, и къ церкви старцу Филарету велѣлъ ходить вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, отъ дурна его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бы ему никакого не дѣлалъ. А на котораго онъ старца бьетъ челомъ, и ты бы тому старцу жить у него не велѣлъ. Если ограда около монастыря худа, то ты велѣлъ бы ограду подѣлать, безъ ограды монастырю быть не пригоже, и между кельями двери задѣлать. А которые люди станутъ къ тебѣ приходить, и ты бы имъ велѣлъ приходить въ переднюю

нелью, а старецъ бы въ то время былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ; а незнакомыхъ людей ты бы къ себѣ не пускалъ, и нигдѣ бы старецъ Филаретъ съ прихожими людьми не сходился.» Для объясненія этого извѣстія надобно вспомнить, что въ 1605 году шатость, броженіе умовъ были во всей силѣ отъ появленія и успѣховъ самозванца, слѣдовательно мысль о скорой гибели Годуновыхъ не могла не придти въ голову игумену Іонѣ, который, сообщивъ Филарету о событіяхъ, началъ обращаться съ нимъ снисходительнѣе; невольный постриженникъ, съ своей стороны, не могъ удержаться отъ мысли о скоромъ концѣ своихъ бѣдствій, о скорой перемѣнѣ къ лучшему въ слѣдствіе гибели своего гонителя: вотъ откуда этотъ смѣхъ невѣдомо чему и нетерпѣніе при грубомъ обращеніи старцевъ, которые по прежнему видѣли въ немъ опальнаго человѣка. Любопытно также это извѣстіе, что Филаретъ любилъ разговаривать о птицахъ ловчихъ и собакахъ: здѣсь мы видимъ родовую страсть къ охотѣ, которая была такъ сильна во внукѣ Ѳедора Никитича, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и въ правнукѣ послѣдняго, Петрѣ II-мъ [51].

Кромѣ Романовыхъ оставались еще знаменитыя фамиліи, которыхъ боялся Годуновъ. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій по прежнему стоялъ въ челѣ знатныхъ родовъ, по прежнему занималъ первое мѣсто въ думѣ; но, подобно отцу, по характеру своему долженъ былъ уступать на дѣлѣ первое мѣсто старшему другой знаменитой фамиліи, князю Василью Ивановичу Шуйскому, превосходившему его живостію, способностію къ начинанію дѣла, многочисленностію сторонниковъ. Но, страдая завистною злобою, Борисъ одинаково подозрѣвалъ и дѣятельнаго Шуйскаго и болѣе спокойнаго Мстиславскаго, потому что оба равно превосходили его знатностію рода; не имѣя уликъ явныхъ, обоихъ одинаково преслѣдовалъ, мучилъ своею подозрительностію, у обоихъ отнялъ семейное счастіе, не позволивъ имъ жениться, чтобъ отсутствіемъ потомства отнять побужденіе къ честолюбивымъ замысламъ; надъ обоими, въ слѣдствіе этого мелкодушія, недовѣрчивости Бориса, висѣлъ постоянно

ножъ, что, разумѣется, дѣлало существованіе ихъ невыносимымъ и должно было наполнять сердце ихъ страшною ненавистію. Нѣсколько разъ Борисъ удалялъ Шуйскихъ отъ двора и потомъ опять приближалъ, пыталъ людей невинныхъ, только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости [52]. Мы видѣли также, что Борисъ считалъ своими врагами князей Голицыныхъ, Татева, Лыкова. Изъ князей Гедиминовичей по способностямъ и энергіи рядомъ съ Рюриковичемъ Шуйскимъ могъ стать князь Василій Васильевичъ Голицынъ, представитель знаменитаго Патрикѣевскаго рода; мы увидимъ, что онъ питалъ сильную ненависть къ Годуновымъ и не разбиралъ средствъ для удовлетворенія этой ненависти.

Борисъ былъ неспособенъ величіемъ духа обезоружить ненависть людей родовитыхъ, былъ неспособенъ и поддержать расположеніе къ себѣ большинства народа въ слѣдствіе тойже подозрительности и мелочности взгляда. Онъ подозрѣвалъ народъ въ нерасположеніи къ себѣ, и, чтобъ уничтожить это нерасположеніе, къ какому средству прибѣгъ онъ? онъ приказалъ всѣмъ читать особенную молитву при заздравной чашѣ [53]. Здѣсь высказалась также одна изъ болѣзней тогдашняго общества, вѣра въ господство внѣшняго, формы, буквы, надъ внутреннимъ, духовнымъ; Годуновъ вѣрилъ, что молитва, произнесенная языкомъ безъ вѣдома духа, будетъ дѣйствительна. И тутъ Годуновъ, по мелкодушію своему, стремился показать народу, что онъ не похожъ на древнихъ прирожденныхъ государей, которые не нуждались въ особенныхъ молитвахъ, кромѣ установленныхъ церковію, и тутъ достигалъ совершенно противнаго своему желанію, возбуждая въ народѣ мысль, что что-нибудь не такъ, что царь чего-нибудь боится, ибо этого при прежнихъ государяхъ не бывало.

При заздравной чашѣ должно было молиться, «чтобъ онъ, Борисъ, единый подсолнечный христіанскій царь, и его царица и ихъ царскія дѣти, на многія лѣта здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны; чтобъ всѣ великіе государи при-

носили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы отъ моря до моря и отъ рѣкъ до концевъ вселенной, къ его чести и повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію; чтобъ великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали; чтобъ его прекрасноцвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіѐ превысочайшаго Россійскаго царствія были на вѣки и нескончаемые вѣки, безъ урыву; а на насъ бы, рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго.»

Въ 1601 году страшное общественное бѣдствіе дало Борису случай излить рѣки милосердія выше прежняго и этимъ милосердіемъ усилить зло, ибо въ добрыхъ дѣлахъ Борисовыхъ, какъ замѣчали современники [54], клятва смѣшивалась съ благословеніемъ, добрыя дѣла служили только средствомъ къ достиженію корыстныхъ цѣлей, какъ училъ впрочемъ всѣхъ Русскихъ людей Домострой Сильвестровъ. Все лѣто были дожди великіе по всей землѣ и не давали хлѣбу созрѣвать, стоялъ онъ, налившись, зеленый, какъ трава. На праздникъ Успенія Богородицы былъ морозъ великій и побилъ весь хлѣбъ, рожь и овесъ. Въ этомъ году люди еще кормились съ нуждою старымъ хлѣбомъ и что̀ собрали новаго. Новымъ же хлѣбомъ посѣяли; но онъ весь погибъ въ землѣ, и тогда-то сдѣлался голодъ, купить стало негдѣ, отцы покидали дѣтей, мужья женъ, мерли люди какъ никогда отъ мороваго повѣтрія не мерли. Видали людей, которые валяясь по улицамъ, щипали траву, подобно скоту, зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ; отцы и матери ѣли дѣтей, дѣти родителей, хозяева гостей, мясо человѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ, путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Если мы примемъ, что каждый изъ описанныхъ ужасовъ случился только разъ гдѣ нибудь, то и этого уже будетъ довольно [55]. Зло увеличилось тѣмъ, что Борисъ велѣлъ раздавать въ Москвѣ

ежедневно деньги бѣднымъ; услыхавъ объ этомъ, окрестные жители устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли средства кормиться на мѣстѣ; когда же они приходили въ Москву съ пустыми руками, то не имѣли средства содержать себя одною царскою милостынею и умирали съ голоду — одни въ Москвѣ же на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути. Наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ Москву на явную смерть, приказалъ прекратить раздачу денегъ, и тогда, разумѣется, число жертвъ еще увеличилось. Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло около 500,000 человѣкъ: царь хоронилъ ихъ на свой счетъ. Къ голоду присоединилось моровое повѣтріе, холера [56]. Наконецъ для прекращенія голода употребили дѣйствительныя мѣры: послали въ отдаленныя области, отыскали тамъ запасы хлѣба отъ прежнихъ годовъ, привезли въ Москву и въ другіе города, и продавали за половинную цѣну; бѣднымъ, вдовамъ, сиротамъ и особенно Нѣмцамъ отпущено было большое количество хлѣба даромъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ въ Курской, былъ большой урожай, въ слѣдствіи чего туда стеклось много народа, и Курскъ наполнился жителями. Чтобъ дать работу людямъ, стекшимся въ Москву, построены были большія каменныя палаты въ Кремлѣ, гдѣ были прежде хоромы Грознаго; наконецъ урожай 1604 года прекратилъ бѣдствіе. Какія явленія были слѣдствіемъ голода въ областяхъ, можно видѣть изъ отписки царю Ивангородскаго воеводы, князя Буйносова-Ростовскаго по случаю встрѣчи Датскаго принца Іоанна: ямскіе охотники отъ хлѣбной дороговизны охудали, лошади у нихъ попадали; Московской дороги всѣхъ ямовъ охотники отъ дороговизны, падежа и большой гоньбы хотѣли бѣжать, но Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ ихъ уговорилъ перетерпѣть; Новгородскіе ямскіе охотники также хотѣли бѣжать, и воеводы, видя ихъ великую нужду, дали имъ по рублю на человѣка, чтобъ не разбѣжались [57].

За голодомъ и моромъ слѣдовали разбои: люди, спасавшіеся отъ голодной смерти, составляли шайки, чтобъ вооруженною

рукою кормиться на счетъ другихъ. Преимущественно эти шайки составлялись изъ холопей, которыми наполнены были домы знатныхъ и богатыхъ людей, особенно послѣ извѣстнаго намъ закона о холопяхъ, изданнаго въ царствованіе Ѳеодора. Во время голода, найдя обременительнымъ для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли ихъ отъ себя, нѣкоторые съ отпускными, а другіе такъ, въ надеждѣ, что когда голодъ прекратится, то можно будетъ взять ихъ опять къ себѣ, а тѣхъ, которые дадутъ имъ пристанище и пропитаніе, обвинить въ укрывательствѣ бѣглыхъ и взять съ нихъ деньги. Въ слѣдствіе этого никто не хотѣлъ принять несчастнаго холопа безъ отпускной. Въ Августѣ 1603 года только Борисъ издалъ указъ, по которому господа непремѣнно обязывались, отсылая холопей для прокормленія, выдавать имъ отпускныя; тѣмъ же холопямъ, которые не получатъ отпускныхъ отъ господъ, будетъ выдавать ихъ Холопій приказъ. Но зло было трудно поправить, тѣмъ болѣе, вели что съ ученіемъ бѣдствія холопи и съ отпускными едва ли могли найти себѣ у кого нибудь пристанище. Число этихъ холопей, лишенныхъ пріюта и средствъ къ прокормленію, увеличивалось еще холопями опальныхъ бояръ, Романовыхъ и другихъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ ними; такъ какъ эти холопи не доводили на господъ своихъ, то Борисъ заподозрилъ ихъ и запретилъ всѣмъ принимать ихъ къ себѣ. Эти люди, изъ которыхъ многіе были привычны къ военному дѣлу, шли къ границамъ, въ сѣверскую украйну, которая уже и безъ того была наполнена людьми, ждавшими только случая начать непріязненныя дѣйствія противъ общества: еще царь Іоаннъ, желая умножить народонаселеніе этой страны людьми воинственными, способными защищать ее отъ Татаръ и Поляковъ, позволялъ преступникамъ, осужденнымъ на смертъ, спасать жизнь свою бѣгствомъ въ украинскіе города. Такимъ обрасомъ давно уже народонаселеніе Сѣверской украйны, какъ обыкновенно бываетъ въ пограничныхъ областяхъ, отличалось характеромъ вовсе неблагонадежнымъ; мы видѣли, какъ дурно отзывались о Севрюкахъ во времена Грознаго [58]). Въ этой-то

прежепогибшей украйнѣ, по выраженію современниковъ, теперь послѣ голода образовались многочисленныя разбойничьи шайки, и не только не было отъ нихъ проѣзда по пустымъ мѣстамъ, но и подъ самою Москвою; атаманомъ ихъ былъ Хлопко Косолапъ. Царь долго думалъ съ боярами, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ рѣшился послать противъ разбойниковъ воеводу съ большою ратью. Воеводою отправленъ былъ окольничій Иванъ Басмановъ, который сошелся съ Хлопкою подъ Москвою. Разбойники бились, не щадя головъ своихъ, и убили Басманова; не смотря на то, царское войско одолѣло ихъ; Хлопка, чуть живаго, взяли въ плѣнъ; товарищей его, бѣжавшихъ въ украйну, ловили и вѣшали; но тамъ было много имъ подобныхъ, черная роль прежепогибшей украйны только что начиналась: начинали ходить слухи о самозванцѣ [59]).

Слухи, мнѣнія о самозванцѣ ходили и ходятъ разные.

Первое мнѣніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, объявившій себя царевичемъ Димитріемъ, былъ истинный царевичь, сынъ Іоанна Грознаго, спасшійся отъ гибели, приготовленной ему Годуновымъ, въ Угличѣ, гдѣ вмѣсто его былъ убитъ другой ребенокъ, подставной. Здѣсь прежде всего надобно замѣтить, что въ извѣстіяхъ о спасеніи Димитрія находятся историческія несообразности, напримѣръ, говорятъ, будто онъ спасся бѣгствомъ въ украйну къ отцу своему крестному, князу Ивану Мстиславскому, жившему тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Грознаго. А послѣ смерти Мстиславскаго, въ скорости случившейся, царевичь отправился въ Польшу; но извѣстно, что никакого Мстиславскаго на украйнѣ никогда не бывало; притомъ, если царевичь былъ спасенъ и отправленъ въ Польшу, то что мѣшало ему немедленно же открыться Польскому правительству? Гонимые удѣльные князья обыкновенно убѣгали изъ Москвы въ Литву. Тогда дѣло не подлежало бы никакому сомнѣнію. Далѣе въ извѣстіяхъ о спасеніи встрѣчаются противорѣчія относительно обстоятельствъ спасенія: одни говорятъ, что спасъ царевича докторъ, подмѣномъ, другіе, что сама мать. Но важнѣе слѣдующее обстоятельство: всѣ извѣстія согласны, какъ и

должно быть, въ одномъ, что убійство подмѣненнаго ребенка произошло ночью, тогда какъ намъ достовѣрно извѣстно, что происшествіе случилось днемъ: и тѣ показанія, которыя говорятъ, что царевичь былъ убитъ, и тѣ, которыя утверждаютъ, что онъ накололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни, вполнѣ согласны въ этомъ обстоятельствѣ, слѣдовательно не было возможности убійцамъ, потомъ роднымъ царевича, близкимъ къ нему людямъ и гражданамъ углицкимъ обмануться; еслибы даже обманулись сначала, то мертвое тѣло лежало долго предъ глазами всѣхъ, всѣ имѣли возможность увидать свою ошибку. Свидѣтельства очевидцевъ о несходствѣ малолѣтнаго Димитрія съ тѣмъ, кто потомъ назвался его именемъ,—не важны, взятыя отдѣльно: ибо часто люди, знавшіе младенца и увидавшіе потомъ того же человѣка взрослымъ, не могутъ найти между ними ничего общаго; не важно и свидѣтельство о томъ, что настоящій Димитрій былъ бы гораздо моложе, чѣмъ казался Лжедимитрій: часто человѣкъ можетъ казаться многими годами старѣе или моложе своего настоящаго возраста, а жизнь Димитрія была именно такова, что могла его состарить. Но чрезвычайной важности для насъ свидѣтельства современниковъ, вполнѣ безпристрастныхъ, какъ напримѣръ Буссова, который былъ очень привязанъ къ Лжедимитрію, превозноситъ его достоинства, имѣетъ всѣ побужденія засвидѣтельствовать его правду, его царское происхожденіе, и между тѣмъ свидѣтельствуетъ о противномъ; его свидѣтельство основывается на свидѣтельствѣ Басманова, который больше всѣхъ другихъ имѣлъ причины утверждать законность Лжедимитрія, и, не смотря на то, свидѣтельствуетъ о его самозванствѣ, свидѣтельствуетъ наединѣ, въ разговорѣ съ человѣкомъ довѣреннымъ и привязаннымъ къ царю.

Но если тотъ, кто царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія, сына царя Іоанна, носилъ это имя незаконно; то раждается вопросъ: въ собственной ли головѣ родилась мысль о самозванствѣ, или она внушена была ему другими? и во второмъ случаѣ, сознательно ли онъ принялъ на себя роль са-

лозванца, или былъ убѣжденъ, что онъ истинный царевичъ? Чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата; что и доказываютъ намъ характеры самозванцевъ, начиная со втораго. Что же касается до перваго, то въ немъ нельзя не видѣть человѣка съ блестящими способностями, пылкаго, впечатлительнаго, легко увлекающагося: но чудовищемъ разврата его назвать нельзя. Въ поведеніи его нельзя не замѣтить убѣжденія въ законности правъ своихъ: ибо чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до неосторожности, эту открытость и свободу въ поведеніи? чѣмъ объяснить мысль отдать свое дѣло на судъ всей земли, когда онъ созвалъ соборъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго? чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты жизни это обращеніе къ матери? на вопросъ разъяренной толпы — точно ли онъ самозванецъ? Димитрій отвѣчалъ: «спросите у матери!» — «Почему, говорятъ, разстрига, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ?» Возможность такихъ вопросовъ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что Лжедимитрій не былъ сознательный обманщикъ. Если бы онъ былъ обманщикъ, а не обманутый, то чего же бы ему стоило сочинить подробности своего спасенія и похожденій? Но онъ этого не сдѣлалъ. Что онъ могъ объявить? могущественные люди, его подставлявшіе, разумѣется, были такъ осторожны, что не дѣйствовали непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствуютъ, но именъ ихъ не зналъ; по имени онъ упоминалъ только о дьякахъ Щелкаловыхъ,

Но теперь раждается другой вопросъ: кѣмъ же былъ подставленъ самозванецъ? кто увѣрилъ его въ томъ, что онъ царевичь Димитрій? Кому было выгодно, нужно появленіе самозванца? Оно было выгодно для Польши, Лжедимитрій пришелъ отсюда, слѣдовательно онъ могъ быть подставленъ Польскимъ

правительствомъ. Кого же мы должны разумѣть подъ Польскимъ правительствомъ? Короля Сигизмунда III-го? но характеръ послѣдняго даетъ ли намъ право приписать ему подобный планъ для заведенія смутъ въ Московскомъ государствѣ? и осторожное, робкое поведеніе Сигизмунда въ началѣ дѣятельности самозванца даетъ ли основаніе предполагать въ королѣ главнаго виновника дѣла? Планъ придуманъ кѣмъ нибудь изъ вельможъ Польскихъ? указываютъ на Льва Сапѣгу, канцлера Литовскаго. Сапѣга два раза былъ въ Москвѣ посломъ, одинъ разъ при царѣ Өеодорѣ, другой при Борисѣ, и въ послѣдній разъ пріѣхалъ изъ Москвы съ сильнымъ ожесточеніемъ противъ царя; когда самозванецъ объявился у князя Вишневецкаго, то Петровскій, бѣглый Москвичь, слуга Сапѣги, первый явился къ Вишневецкому, призналъ Отрепьева царевичемъ и указалъ примѣты: бородавки на лицѣ и одну руку короче другой. Потомъ Сапѣга является сильнымъ поборникомъ плановъ Сигизмунда противъ Москвы, ожесточеннымъ врагомъ новаго царя Михаила, восшествіе котораго разстроивало его планы; въ царствованіе Михаила, до самой смерти своей, держитъ подъ рукою, наготовѣ, самозванца, несчастнаго Лубу, какъ орудіе смутъ для Москвы. Любопытно, что и нашъ лѣтописецъ злобу Поляковъ и раззореніе, претерпѣнное отъ нихъ Московскимъ государствомъ, приписываетъ раздраженію Льва Сапѣги и товарищей его зато, что они видѣли въ Москвѣ много иностраннаго войска. Наконецъ нѣкоторые разсказываютъ, что послѣ сраженія при Добрыничахъ самозванецъ издалъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что былъ въ Москвѣ при посольствѣ Льва Сапѣги; такого манифеста впрочемъ не сохранилось, и въ дошедшемъ до насъ ни слова не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ [60]. Какъ бы то ни было, если заподозривать кого-нибудь изъ вельможъ Польскихъ въ подстановкѣ самозванца, то конечно подозрѣніе прежде всего должно пасть на Льва Сапѣгу; но можно ли заподозривать одного частнаго человѣка въ начинаніи такого дѣла? Гораздо болѣе основанія заподозрить могущественныхъ тогда въ Польшѣ іезуитовъ,

которымъ появленіе самозванца, какъ орудія для введенія католицизма въ Московское государство, было очень нужно [61]; на Сапѣгу же можно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Но, принимая это мнѣніе, надобно непремѣнно принять, что самозванецъ былъ человѣкъ, воспитанный, подставленный въ Польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ всѣ Русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедимитріи Великороссіянина и грамотѣя, который бѣгло и краснорѣчиво изъяснялся на Московскомъ нарѣчіи, какъ на родномъ, четко и красиво писалъ, латинскую же грамоту зналъ плохо или почти вовсе незналъ: побочный сынъ Стефана Баторія, воспитанникъ іезуитскихъ школъ, за котораго выдавали его нѣкоторые, не могъ бы писать In perator; когда посолъ папскій произносилъ предъ нимъ латинскую рѣчь, то ее должно было переводить ему [62]. Московское правительство при Годуновѣ, Шуйскомъ и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ постоянно упрекало Польское правительство за то, что оно было виновникомъ раззоренія Московскаго государства, помогая Лжедимитрію, и въ тоже время постоянно утверждало, что самозванецъ этотъ былъ Москвичь, именно Григорій Отрепьевъ: еслибъ была малѣйшая возможность усумниться въ этомъ, то что препятствовало Московскому правительству укорить польское за то, что оно прибрало своего Поляка, назвало его царевичемъ Димитріемъ и выслало въ Московское государство для смуты? Нѣкоторые современники говорили, что монахъ Григорій Отрепьевъ игралъ въ дѣлѣ важную роль, былъ руководителемъ самозванца; это мнѣніе основывалось на томъ, что подлѣ самозванца при его появленіи дѣйствительно находился монахъ, называвшійся Григоріемъ Отрепьевымъ; но дѣло объясняется тѣмъ, что Отрепьевъ, объявивши себя царевичемъ, сдалъ свое прежнее имя монаху Леониду. Что самозванецъ былъ Москвичь, съ которымъ іезуиты познакомились уже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя царевичемъ, неоспоримо доказываетъ посланіе папы Павла V къ воеводѣ Сендомирскому, гдѣ говорится, что Лже-

Димитрій обращенъ въ католицизмъ францисканцами, а не іезуитами [63].

Но если самозванецъ былъ человѣкъ изъ Москвы, или даже если согласимся, что руководителемъ его былъ монахъ Московскій, то какъ объяснимъ себѣ возможность для Сапѣги или для іезуитовъ издалека ковать эту крамолу въ Москвѣ? Предполагаютъ, что Сапѣга во время своего пребыванія въ Москвѣ, сговорился съ боярами, о подстановкѣ посредствомъ дьяка Власьева. Слѣдовательно это мнѣніе о подстановкѣ самозванца іезуитами и Сапѣгою требуетъ, для вѣроятности своей, соединенія съ другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ современниками событія, и именно, что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Это послѣднее мнѣніе твердо само по себѣ, не требуетъ никакихъ предположеній, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ извѣстіями о похожденіяхъ Отрепьева. Принимая это мнѣніе какъ вѣроятнѣйшее, мы, разумѣется, не имѣемъ никакой нужды отвергать участіе Сапѣги или іезуитовъ въ замыслѣ; но должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая оттого произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслію, что Годуновъ на престолѣ, грозимымъ ежечасно тяжелою опалою, это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно; оно вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли, ибо имъ надобно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло свергнуть Годунова, и въ тоже время такъ ничтожно, что послѣ легко было отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ Самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ не разъ приведенномъ мѣстѣ изъ хронографовъ о Годуновѣ: «навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили.» Но не въ однихъ хронографахъ Русскіе современники выразили такое мнѣніе. Изъ иностранныхъ писателей, его высказываетъ Буссовъ, оставившій намъ лучшее описаніе событій, которыхъ былъ очевидцемъ,

находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ главными дѣятелями. Буссовъ говоритъ также, что самъ царь Борисъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ.

Это мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса, кромѣ того, что правдоподобнѣе всѣхъ другихъ само по себѣ, кромѣ того, что высказано современниками, близкими къ дѣлу, имѣетъ за себя еще и то, что вполнѣ согласно съ русскими свидѣтельствами о похожденіяхъ Григорія Отрепьева, свидѣтельствами, которыя, какъ мы видѣли, отвергнуть нѣтъ возможности. И по извѣстіямъ Польскимъ, Отрепьевъ, открывая о своемъ происхожденіи князю Вишневецкому, объявилъ, что онъ, спасенный отъ убійцъ, отданъ былъ на воспитаніе къ одному сыну боярскому, а потомъ былъ въ монахахъ [64].

По согласному показанію всѣхъ свидѣтельствъ, правительственныхъ и частныхъ, Юрій Отрепьевъ, перемѣнившій въ монастырѣ это имя на созвучное имя Григорія, былъ сынъ Галицкаго сына боярскаго Богдана Отрепьева, убитаго Литвиномъ въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ. Въ дѣтствѣ является онъ въ Москвѣ, отличается грамотностію, живетъ въ холопяхъ у Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго, и тѣмъ самымъ становится извѣстенъ царю какъ человѣкъ подозрительный. Бѣда грозитъ молодому человѣку; онъ спасается отъ нея постриженіемъ, скитается изъ монастыря въ монастырь, попадаетъ наконецъ въ Чудовъ, и берется даже къ Іову патріарху для книжнаго письма. Но здѣсь рѣчи о возможности быть ему царемъ на Москвѣ навлекли на него новую бѣду: Ростовскій митрополитъ Іона донесъ объ нихъ сперва патріарху, и когда тотъ мало обратилъ на нихъ вниманія, самому царю. Борисъ велѣлъ дьяку Смирному-Васильеву сослать Отрепьева подъ крѣпкимъ присмотромъ въ Кирилловъ монастырь. Лѣтописцу XVII вѣка казалось, что самъ дьяволъ замѣшался въ это дѣло и заставилъ Смирнаго сперва тронуться просьбами другаго дьяка, Семена Ефимьева, а потомъ и совершенно забыть указъ царскій: мы, разумѣется, можемъ объяснить себѣ это дѣло не иначе, какъ тѣмъ, что промыслъ людей сильныхъ бодрствовалъ

надъ Григорьемъ и предохранялъ его отъ бѣды. Узнавъ объ опасности, Отрепьевъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря въ Галичъ, оттуда въ Муромъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ настоятель далъ ему лошадь для возвращенія въ Москву.

Въ Февралѣ 1602 года, въ понедѣльникъ второй недѣли великаго поста, въ Москвѣ, Варварскимъ крестцомъ шелъ монахъ Пафнутьева Боровскаго монастыря Варлаамъ; его нагналъ другой монахъ, молодой, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и вопросовъ: кто и откуда? Варлаамъ спросилъ у своего новаго знакомца, назвавшагося Григоріемъ Отрепьевымъ, какое ему до него дѣло? Григорій отвѣчалъ, что, живя въ Чудовомъ монастырѣ, сложилъ онъ похвалу Московскимъ чудотворцамъ, и патріархъ, видя такое досужество, взялъ его къ себѣ, а потомъ началъ брать съ собою и въ царскую думу, и оттого вошелъ онъ Григорій въ великую славу. Но ему не хочется не только видѣть, даже и слышать про земную славу и богатство, и потому онъ рѣшился съѣхать съ Москвы въ дальній монастырь: слышалъ онъ, что есть монастырь въ Черниговѣ, и туда-то онъ хочетъ звать съ собою Варлаама. Тотъ отвѣчалъ Отрепьеву, что если онъ жилъ въ Чудовѣ у патріарха, то въ Черниговѣ ему не привыкнуть: Черниговскій монастырь, по слухамъ, мѣсто не важное. На это Григорій отвѣчалъ: «хочу въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, тамъ старцы многіе души свои спасли; а потомъ, поживя въ Кіевѣ, пойдемъ во святой городъ Іерусалимъ, ко Гробу Господню.» Варлаамъ возразилъ, что Печерскій монастырь за рубежомъ, въ Литвѣ, а зарубежъ теперь идти трудно. — «Вовсе нетрудно, отвѣчалъ Григорій: государь нашъ взялъ миръ съ королемъ на двадцать два года, и теперь вездѣ просто, заставъ нѣтъ.» Тогда Варлаамъ согласился идти вмѣстѣ съ Отрепьевымъ: оба монаха поклялись другъ другу, что не обманутъ, и отложили путь до завтра, уговорившись сойтись въ Иконномъ ряду. На другой день, въ условленномъ мѣстѣ, Варлаамъ нашелъ Отрепьева и съ нимъ третьяго спутника: то былъ чернецъ Мисаилъ, а въ міру звали его Михайла Пова-

динъ, Варлаамъ знавалъ его у князя Ивана Ивановича Шуйскаго.

Богомольцы счастливо добрались до Новгорода Сѣверскаго, прожили здѣсь не долго въ Преображенскомъ монастырѣ и, сыскавъ провожатаго, какого то отставнаго монаха, перебрались заграницу. Въ Кіевѣ они были приняты въ Печерскомъ монастырѣ, прожили здѣсь три недѣли и отправились въ Острогъ, къ тамошнему владѣльцу князю Василію. Проведши лѣто въ Острогѣ, Варлаамъ и Мисаилъ посланы были княземъ Василіемъ въ Троицкій Дерманскій монастырь; но Григорій не пошелъ туда съ ними: онъ отправился въ городъ Гащу, и скоро товарищи его узнали, что онъ скинулъ съ себя монашеское платье и въ Гащинской школѣ учится по-латыни и по-польски. Варлаамъ ѣздилъ изъ Дерманскаго монастыря въ Острогъ бить челомъ князю Василію, чтобъ тотъ велѣлъ взять Григорія изъ Гащи и сдѣлать по старому чернецомъ; но дворовые люди князя отвѣчали ему: «здѣсь земля вольная: кто въ какой вѣрѣ хочетъ, въ той и живетъ»; а самъ князь сказалъ: «вотъ у меня и сынъ родной родился въ православной вѣрѣ, а теперь держитъ Латинскую, мнѣ и его не унять.» Отрепьевъ зимовалъ въ Гащѣ; но весною, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пропалъ безъ вѣсти: по всѣмъ вѣроятностямъ къ этому времени должно отнести пребываніе его у Запорожцевъ, потомъ встрѣтили его снова въ польскихъ предѣлахъ, въ службѣ у князя Адама Вишневецкаго, которому онъ и нашелъ случай открыть свое царственное происхожденіе, при чемъ показалъ дорогой крестъ, возложенный на него при крещеніи крестнымъ отцемъ, княземъ Мстиславскимъ.

Вишневецкій повѣрилъ и вѣсть о московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась между сосѣдними панами. Отрепьевъ долженъ былъ переѣзжать отъ одного изъ нихъ къ другому, и вездѣ принимали его съ царскимъ почетомъ. Особенно понравилось ему въ Самборѣ, гдѣ жилъ богатый Сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ, младшая дочь котораго была за мужемъ за Константиномъ, бра-

...ъ князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь Отрепьевъ пораженъ ...ъ явленіемъ, до сихъ поръ ему неизвѣстнымъ; онъ увидалъ ...ую дочь воеводы Маріанну или Марину, и легко понять, ...ое впечатлѣніе на пылкаго молодаго человѣка произвело это ...гическое существо, въ высшей степени обладавшее тѣми ка...вами, которыя давали Польской женщинѣ такое видное мѣсто ...обществѣ. Панна Марина Мнишекъ поняла, что ей пред...итъ случай отличнымъ образомъ устроить свою судьбу, при...ась за дѣло и скоро овладѣла сердцемъ мнимаго царевича. ...шки были ревностные католики; принятіе латынства всего ...е помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону ду...енство и особенно могущественныхъ іезуитовъ, и Лжеди...рій позволилъ Францисканскимъ монахамъ обратить себя въ ...олицизмъ, а между тѣмъ слалъ письмо за письмомъ къ пап...ому нунцію при польскомъ дворѣ, Рангони. Тотъ не отвѣ...ъ ни на одно изъ нихъ и, говоря съ королемъ о появленіи ...евича, обнаруживалъ полное равнодушіе къ дѣлу; но въ ...е время, съ помощію іезуитовъ и другихъ людей, забот...во сторожилъ за всякимъ движеніемъ Лжедимитрія, справился ...ъ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ? Удостовѣрившись въ ...диемъ, Рангони приказалъ іезуитамъ склонить Сендимир...го воеводу къ поѣздкѣ въ Краковъ, вмѣстѣ съ царевичемъ, — ...вотъ Лжедимитрій въ Краковѣ, въ началѣ 1604 года. На...жность искателя московской державы не говорила въ его ...льзу: онъ былъ средняго или почти низкаго роста, довольно ...орошо сложенъ, лице имѣлъ круглое, непріятное, волосы ры...ватые, глаза темноголубые; былъ мраченъ, задумчивъ, нело...къ. Это описаніе наружности Лжедимитріевой, сдѣланное оче...идцемъ, сходно съ лучшимъ дошедшимъ до насъ портретомъ ...жедимитрія: и здѣсь видимъ лице очень некрасивое съ задум...во-грустнымъ выраженіемъ. Рангони очень обрадовался прі...зду Мнишка и Лжедимитрія; на другой день утромъ они по...стили его и были приняты чрезвычайно ласково. Въ продол...жительномъ разговорѣ съ Отрепьевымъ, нунцій далъ ему ясно выразумѣть, что если онъ хочетъ получить помощь отъ

Сигизмунда, то долженъ отказаться отъ Греческой вѣры и вступить, по своему обѣщанію, на лоно церкви Римской. Лже-димитрій согласился, и въ слѣдующее воскресенье, въ присутствіи многихъ особъ, далъ торжественную клятву, скрѣпленную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ апостольскаго престола; послѣ этого Рангони причастилъ его и мйропомазалъ, на исповѣди же Отрепьевъ былъ у одного изъ іезуитовъ. Когда Рангони достигъ такимъ образомъ главной цѣли своей, то повезъ новообращеннаго къ королю, и тотъ призналъ его царевичемъ. Король былъ однако въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны ему очень хотѣлось завести смуту въ Московскомъ государствѣ, ослабить его опасное могущество, отомстить Борису за его недоброжелательство къ нему относительно дѣлъ Шведскихъ, получить большія выгоды отъ Димитрія, посаженнаго на престолъ съ его помощію, наконецъ способствовать введенію католицизма въ Москву; Отрепьевъ говорилъ, что успѣхъ вѣренъ, что бояре за него, Іезуиты утверждали тоже самое; съ другой стороны, страшно было нарушить перемиріе, оскорбить могущественнаго сосѣда, который, въ случаѣ неудачи дѣла Димитріева, могъ жестоко отомстить за свою обиду наступательнымъ союзомъ съ Швеціею; четверо знаменитѣйшихъ вельможъ: Замойскій, Жолкѣвскій, князь Василій Острожскій, Збаражскій были противъ вмѣшательства въ дѣло. Сигизмундъ рѣшился употребить такую хитрость: онъ призналъ Димитрія Московскимъ царевичемъ, хотя и не публично, назначилъ ему ежегодное содержаніе (40,000 злотыхъ), но не хотѣлъ помогать ему явно войскомъ отъ своего лица, а позволилъ панамъ частнымъ образомъ помогать царевичу. Королю хотѣлось, чтобъ въ челѣ предпріятія былъ князь Збаражскій, воевода брацлавскій, но тотъ никакъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что Димитрій истинный царевичь, и никакъ не соглашался руководить дѣломъ, въ правдѣ котораго не былъ убѣжденъ. Надобно было обратиться къ человѣку, менѣе совѣстливому, а такимъ именно былъ старый воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, извѣстный участіемъ своимъ въ грязномъ

дѣлѣ расхищенія казны королевской въ послѣднее время Сигизмунда Августа. Природная склонность и привычка къ интригѣ, неразборчивость средствъ, гордость, тщеславіе, — были господствующими чертами въ характерѣ Сендомирскаго воеводы, и отсюда понятна та грустная роль, которую онъ игралъ въ смутахъ Московскихъ, особенно при второмъ Лжедимитріи. Принявши отъ короля порученіе вести дѣло, Мнишекъ съ торжествомъ привезъ царевича въ Самборъ, гдѣ тотъ предложилъ руку свою Маринѣ. Что онъ былъ дѣйствительно очарованъ ею, и предложилъ ей руку не изъ однихъ корыстныхъ цѣлей, не для того только, чтобъ побудить Мнишка и родню его къ оказанію болѣе дѣятельной помощи, — это мы увидимъ изо всего послѣдующаго поведенія его относительно Марины. Предложеніе было принято, но бракъ отложенъ до утвержденія жениха на престолѣ Московскомъ. 25 мая 1604 года Лжедимитрій далъ Мнишку запись, въ которой обязывался жениться на Маринѣ съ такими условіями: 1) тотчасъ по вступленіи на престолъ выдать Мнишку 1,000,000 Польскихъ золотыхъ для подъеза въ Москву и уплаты долговъ, а Маринѣ прислать бриліанты и столовое серебро изъ казны царской; 2) отдать Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми жителями, мѣстами, доходами въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари; города эти остаются за Мариною, хоть бы она не имѣла потомства отъ Димитрія, и вольна она въ нихъ судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать ихъ, также строить католическія церкви и монастыри, въ которыхъ основывать школы латинскія; при дворѣ своемъ Марина также вольна держать Латинскихъ духовныхъ и безпрепятственно отправлять свое богослуженіе, потому что онъ, Димитрій, соединился уже съ Римскою церковію, и будетъ всѣми силами стараться привести и народъ свой къ этому соединенію. Въ случаѣ, если дѣло пойдетъ несчастно, и онъ, Димитрій, не достигнетъ престола въ теченіи года, то Марина имѣетъ право взять назадъ свое обѣщаніе или, если захочетъ, то ждетъ еще годъ. Не прошло мѣсяца, какъ 12 іюня Лжедимитрій долженъ былъ

дать другую запись, по которой обязывался уступить Мнишку княжества Смоленское и Сѣверское въ потомственное владѣніе, и такъ какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ изъ Сѣверскаго отойдетъ къ королю, въ чемъ также обязался Димитрій, то Мнишекъ получалъ еще изъ близь лежащихъ областей столько городовъ и земель, чтобъ доходы съ нихъ равнялись доходамъ съ городовъ и земель, уступленныхъ королю [65].

Мнишекъ собралъ для будущаго зятя 1600 человѣкъ всякаго сброда въ Польскихъ владѣніяхъ; но подобныхъ людей было много въ степяхъ и украйнахъ Московскаго государства, слѣдовательно сильная помощь ждала Самозванца впереди. Московскіе бѣглецы, жаждавшіе случая возвратиться безопасно и съ выгодою въ отечество, первые пріѣхали къ нему и провозгласили истиннымъ царевичемъ; Донскіе козаки, стѣсненные при Борисѣ болѣе чѣмъ когда либо прежде, ибо царь не велѣлъ ихъ пускать ни въ одинъ городъ, куда ни пріѣдутъ, вездѣ ихъ ловили и сажали по тюрьмамъ, — Донскіе козаки откликнулись также немедленно на призывъ Лжедимитрія: они отправили къ нему еще въ Польшу двоихъ атамановъ, которые застали его въ Краковѣ, признали законнымъ царевичемъ, обѣщали помощь и исполнили обѣщаніе: 2000 козаковъ присоединились къ ополченію Лжедимитрія, которое состояло такимъ образомъ изъ 4000 человѣкъ.

Какъ скоро Лжедимитрій объявился въ Польшѣ, то слухи объ немъ начали съ разныхъ сторонъ приходить въ Москву, и ужаснули Бориса, такъ склоннаго къ испугу; слухи приходили изъ Ливоніи, изъ Польши, отъ Донскихъ козаковъ, которые подняли теперь головы, ограбили одного изъ царскихъ родственниковъ, и послали сказать Годунову, что скоро явятся въ Москвѣ съ законнымъ царемъ. Борисъ началъ провѣдывать, кто былъ этотъ новый врагъ, и къ удивленію своему узналъ, что то былъ извѣстный уже ему прежде Григорій Отрепьевъ, сосланный въ Кирилловъ монастырь; онъ велѣлъ призвать къ себѣ дьяка Смирнаго, и спросилъ, гдѣ монахъ Отрепьевъ?

Смирной стоялъ предъ нимъ какъ мертвый и ничего не могъ отвѣчать. Борисъ велѣлъ считать Смирнова, и начли на него множество дворцовой казны: дьяка вывели на правежъ и засѣкли до смерти.

Борисъ объявилъ прямо боярамъ, что подстановка самозванца ихъ дѣло, велѣлъ привезти въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь мать царевича, Мароу, и ѣздилъ къ ней вмѣстѣ съ патріархомъ; что она имъ говорила, неизвѣстно. Между тѣмъ, по приказу и образцу, присланному изъ Москвы, пограничные воеводы разослали къ пограничнымъ державцамъ Польскимъ грамоты съ извѣстіями объ Отрепьевѣ; но грамоты эти давали самозванцу и бывшимъ при немъ русскимъ людямъ возможность уличать показанія Московскаго правительства во лживости и противорѣчіи другъ другу. Такъ въ 1604 году прислана была грамота къ старостѣ Остерскому отъ Черниговскаго воеводы князя Кашина-Оболенскаго, гдѣ говорилось, что царевичь Димитрій самъ зарѣзался въ Угличѣ, тому лѣтъ 16, ибо случилось это въ 1588 году, и погребли его въ Угличѣ же, въ соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ 1593 году, называется царевичемъ. Москвичи, бывшіе при самозванцѣ, доказывали Полякамъ, что вмѣсто царевича убили другаго ребенка въ Угличѣ въ 1591 году, и похоронили его въ соборной церкви Св. Спаса, а не Богородицы, которой церкви нѣтъ вовсе въ Угличѣ, доказывали многими свидѣтельствами, что царевичъ ихъ вышелъ въ Польшу въ 1601 (?) году, а не въ 1593. Потомъ уже въ 1605 году пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13, а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось тому 14 лѣтъ назадъ. Въ тоже время Поляки все больше и больше убѣждались въ справедливости показаній Лжедимитрія, ибо изъ Москвы приходили къ нему вѣсти о всѣхъ замыслахъ Борисовыхъ, приходили призывы, просьбы, чтобъ шелъ скорѣе къ границамъ Московскимъ. Въ грамотахъ воеводъ Борисовыхъ говорилось, что еслибъ Димитрій и дѣйствительно былъ живъ, то онъ

не отъ законной жены царя Іоанна родился: но въ Польшѣ хорошо было извѣстно, что Димитрій родился отъ царицы, которая была обвѣнчана съ Іоанномъ, всѣ привыкли къ повтореніямъ, что послѣ Грознаго осталось двое сыновей — Ѳедоръ и Димитрій. Между многими свидѣтелями въ пользу Лжедимитрія явились два свидѣтеля противъ него: спутникъ его Варлаамъ, слѣдя за нимъ повсюду, пробрался въ Краковъ и (если вѣрить его собственному показанію), объявилъ королю, что человѣкъ, котораго привозилъ Сендомирскій воевода, не царевичъ, а монахъ, Гришкою зовутъ, прозвищемъ Отрепьевъ, и шелъ съ нимъ, Варлаамомъ, вмѣстѣ изъ Москвы. Король и паны радные ему не повѣрили и отослали его въ Самборъ къ Мнишку; туда же явился другой обличитель, сынъ боярскій Яковъ Пыхачевъ; Лжедимитрій (какъ показываетъ тотъ же Варлаамъ) сталъ говорить, что оба они подосланы Годуновымъ, чтобъ его убить, въ слѣдствіе чего Пыхачева казнили смертію, а Варлаама бросили въ тюрьму, изъ которой, послѣ ухода Самозванца и Мнишка, онъ былъ освобожденъ женою послѣдняго и дочерью Мариною. Почему сдѣлано было такое различіе, что Пыхачева казнили, а Варлаама посадили только въ тюрьму, и по какому побужденію невѣста Димитріева и ея мать освободили Варлаама — неизвѣстно. Борисъ придумалъ послать въ Польшу болѣе сильнаго обличителя. Отъ имени бояръ Московскихъ онъ отправилъ къ Польскимъ панамъ раднымъ дядю самозванцева, Смирнаго Отрепьева; что же случилось? Въ грамотѣ, привезенной Смирнымъ, не оказалось ни одного слова о самозванцѣ! даже вопреки обычаю, не было означено имени гонца, написаны были только жалобы, что судьи королевскіе не выѣзжаютъ на границы, жалобы на грабежи пограничные, на новыя мыта! Сохранилось также любопытное извѣстіе, что бояре отправили къ королю тайно Ляпунова, племянника знаменитаго въ послѣдствіи Прокофья, который обнадеживалъ крѣпко Поляковъ, и отъ имени бояръ просилъ короля, чтобъ сотъ помогъ Самозванцу. Къ королю былъ отправленъ Посникъ Огаревъ съ слѣдующею грамотою: «Въ вашемъ государствѣ объ-

явился воръ разстрига, а прежде онъ былъ дьякономъ въ Чудовѣ монастырѣ и у тамошняго архимандрита въ келейникахъ, изъ Чудова былъ взятъ къ патріарху для письма, а когда онъ былъ въ міру, то отца своего не слушался, впалъ въ ересь, разбивалъ, кралъ, игралъ въ кости, пилъ, нѣсколько разъ убѣгалъ отъ отца своего и наконецъ постригся въ монахи, не отставши отъ своего прежняго воровства, отъ чернокнижества и вызыванія духовъ нечистыхъ. Когда это воровство въ немъ было найдено, то патріархъ съ освященнымъ соборомъ осудили его на вѣчное заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но онъ съ товаращами своими, попомъ Варлаамомъ и клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ ушелъ въ Литву. И мы дивимся, какимъ обычаемъ такого вора въ вашихъ государствахъ приняли и повѣрили ему, не пославши къ намъ за вѣрными вѣстями. Хотя бы тотъ воръ и подлинно былъ князь Димитрій Углицкій, изъ мертвыхъ воскресшій, то онъ не отъ законной, отъ седьмой жены.» Годуновъ требовалъ, чтобъ король велѣлъ казнить Отрепьева и совѣтниковъ его. Отъ имени короля объявили Огареву, что Димитрій не получаетъ никакой помощи отъ польскаго правительства и помощники его будутъ наказаны. Патріархъ Іовъ отправилъ отъ себя Аѳанасья Пальчикова къ князю Острожскому убѣждать его во имя православія не помогать разстригѣ: князь отпустилъ Пальчикова безъ отвѣта. Наконецъ патріархъ и все духовенство отправили Андрея Бунакова къ духовенству польскому съ убѣжденіемъ неблагопріятствовать смутѣ: Бунаковъ былъ задержанъ на границѣ въ Оршѣ. Лжедимитрій не остался въ долгу у Годунова, и послалъ къ нему грамоту, въ которой прописывалъ его преступленія и увѣщевалъ къ покаянію: «Жаль намъ, что ты душу свою, по образу Божію сотворенную, такъ осквернилъ, и въ упорствѣ своемъ гибель ей готовишь: развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ? Надобно было тебѣ, Борисъ, удовольствоваться тѣмъ, что Господь Богъ далъ: но ты, въ противность воли Божіей, будучи нашимъ подданнымъ, укралъ у насъ государство съ дьявольскою помощію. Сестра твоя, жена брата на-

шего, доставила тебѣ управленіе всѣмъ государствомъ, и ты, пользуясь тѣмъ, что братъ нашъ по большей части занимался службою Божіею, лишилъ жизни нѣкоторыхъ могущественнѣйшихъ князей подъ разными предлогами, какъ то князей Шуйскихъ — Ивана и Андрея, потомъ лучшихъ горожанъ столицы нашей и людей, приверженныхъ къ Шуйскимъ; царя Симеона лишилъ зрѣнія, сына его Ивана отравилъ; ты не пощадилъ и духовенства: митрополита Діонисія сослалъ въ монастырь, сказавши брату нашему Ѳедору, что онъ внезапно умеръ, а намъ извѣстно, что онъ и до сихъ поръ живъ, и что ты облегчилъ его участь по смерти брата нашего; погубилъ ты и другихъ, которыхъ имени не упомнимъ, потому что мы были тогда не въ совершенныхъ лѣтахъ. Но хотя мы были и малы, помнишь однако, сколько разъ въ грамотахъ своихъ мы тебѣ напоминали, чтобъ ты подданныхъ нашихъ не губилъ; помнишь, какъ мы отправили приверженца твоего Андрея Клешнина, котораго прислалъ къ намъ въ Угличь братъ нашъ Ѳедоръ, и который, справивъ посольство, оказалъ къ намъ неуваженіе, въ надеждѣ на тебя. Это было тебѣ очень не по нраву, мы были тебѣ препятствіемъ къ достиженію престола, и вотъ, изгубивши вельможъ, началъ ты острить ножъ и на насъ, подговорилъ дьяка нашего Михайлу Битяговскаго и 12 спальниковъ съ Никитою Качаловымъ и Осипомъ Волоховымъ, чтобъ насъ убили; ты думалъ, что за одно съ ними былъ и докторъ нашъ Симеонъ, но по его старанію мы спасены были отъ смерти, тобою намъ приготовленной. Брату нашему ты сказалъ, что мы сами зарѣзались въ припадкѣ падучей болѣзни; ты знаешь, какъ братъ нашъ горевалъ объ этомъ; онъ приказалъ тѣло наше въ Москву принести, но ты подговорилъ патріарха, и тотъ сталъ утверждать, что не слѣдуетъ тѣла самоубійцы хоронить вмѣстѣ съ помазанниками Божіими; тогда братъ нашъ самъ хотѣлъ ѣхать на похороны въ Угличь, но ты сказалъ ему, что въ Угличѣ повѣтріе большое, а съ другой стороны подвелъ Крымскаго хана: у тебя было вдвое больше войска, чѣмъ у непріятеля, но ты расположилъ его въ обозѣ подъ Москвою и запретилъ своимъ

подъ смертною казнію нападать на непріятеля; смотрѣвши три дня въ глаза Татарамъ, ты отпустилъ ихъ на свободѣ, и ханъ вышелъ за границы нашего государства, не сдѣлавши ему никакого вреда; ты возвратился послѣ этого домой, и только на третій день пустился за нимъ въ погоню. А когда Андрей Клобуковъ перехваталъ зажигальщиковъ, и они объявили, что ты велѣлъ имъ жечь Москву, то ты научилъ ихъ оговорить въ этомъ Клобукова, котораго велѣлъ схватить и на пыткѣ замучить. По смерти брата нашего (которую ты ускорилъ), началъ ты подкупать большими деньгами убогихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, которые повсюду начали кричать, чтобъ ты былъ царемъ; но когда ты воцарился, то доброту твою узнали Романовы, Черкаскіе, Шуйскіе. Опомнись и злостью своей не побуждай насъ къ большему гнѣву; отдай намъ наше, и мы тебѣ, для Бога, отпустимъ всѣ твои вины и мѣсто тебѣ спокойное назначимъ: лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ что-нибудь претерпѣть, чѣмъ въ аду вѣчно горѣть за столько душъ, тобою погубленныхъ.»

Что же дѣлалъ Борисъ, какъ приготовлялся къ борьбѣ, въ которой однихъ матеріальныхъ силъ было недостаточно? Новый врагъ былъ не ханъ Крымскій, не король Польскій или Шведскій: развертывая свитокъ, исписанный преступленіями, вскрывая душу царя, страшный врагъ звалъ его на судъ Божій. Въ Москвѣ патріархъ Іовъ и князь Василій Шуйскій уговаривали народъ не вѣрить слухамъ о царевичѣ, который дѣйствительно погибъ въ Угличѣ, и онъ, князь Шуйскій, самъ погребалъ его, а идетъ воръ Гришка Отрепьевъ подъ царевичевымъ именемъ. Но народъ не вѣрилъ ни патріарху, ни Шуйскому; въ толпѣ слышались слова: «Говорятъ они это поневолѣ, боясь царя Бориса а Борису нечего другаго говорить: если этого ему не говорить, такъ надобно царство оставить и о животѣ своемъ промышлять.» По областямъ только въ Генварѣ 1605 года патріархъ разослалъ духовенству приказъ пѣть молебны, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведный гнѣвъ, не далъ бы Россійскаго государства и Сѣверской области въ расхищенье и плѣнъ пога-

тымъ Литовскимъ людямъ, не далъ бы ихъ въ Латинскую ересь превратить. Велѣно было читать въ церквахъ народу, что Литовскій король Жигимонтъ преступилъ крестное цѣлованіе и, умысля съ панами радными, назвалъ страдника, вора, бѣглаго чернеца разстригу, Гришку Отрепьева, княземъ Димитріемъ Углицкимъ, для того, чтобъ имъ, бѣсовскимъ умышленіемъ своимъ, въ Россійскомъ государствѣ церкви Божіи раззорить, костелы Латынскіе и Люторскіе поставить, вѣру христіанскую попрать и православныхъ христіанъ въ Латынскую и Люторскую ересь привести и погубить. А намъ и вамъ и всему міру подлинно вѣдомо, что князя Дмитрія Ивановича не стало на Угличѣ тому теперь 14 лѣтъ, и теперь лежитъ на Угличѣ, въ соборной церкви; на погребеніи его была мать его и ея братья, отпѣвалъ Геласій митрополитъ съ освященнымъ соборомъ, а великій государь посылалъ на погребеніе бояръ своихъ, князя Василья Ивановича Шуйскаго съ товарищами. И то не явное ли ихъ злодѣйское умышленье, воровство и бѣсовскія мечты? Статочное ли то дѣло, что князю Дмитрію изъ мертвыхъ воскреснуть прежде общаго воскресенія? А дѣлаютъ это Сигизмундъ король и паны радные своимъ умышленіемъ, для того, чтобъ сѣверской земли городовъ доступить къ Литвѣ, для того страдника назвали княземъ Димитріемъ; а страдникъ этотъ разстрига, вѣдомый воръ, въ мірѣ звали его Юшкомъ Богдановъ сынъ Отрепьевъ, жилъ у Романовыхъ во дворѣ, и заворовавшись, отъ смертной казни постригся въ чернецы, былъ по многимъ монастырямъ, въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконахъ, да и у меня, Іова патріарха, во дворѣ для книжнаго письма побылъ въ дьяконахъ же; а послѣ того сбѣжалъ съ Москвы въ Литву съ товарищами, чудовскими чернецами, съ попомъ Варлаамомъ Яцкимъ да съ клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ; былъ тотъ Гришка Отрепьевъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ въ дьяконахъ, потомъ отвергся христіанской вѣры, иноческій образъ попралъ, платье съ себя черноческое скинулъ и уклонился въ Латынскую ересь, впалъ въ чернокнижіе и вѣдовство, и, по призыванію бѣсовскому и по умышленію короля Сигизмунда и Литовскихъ людей,

сталъ Дмитріемъ царевичемъ ложно называться. Товарищи его воры, которые за рубежъ его проводили и въ Литвѣ съ нимъ знались, чернецъ Пименъ, да чернецъ Венедиктъ да Ярославецъ Степанко иконникъ предо мною патріархомъ на соборѣ сказывали: чернецъ Пименъ сказывалъ, что познакомился съ Гришкою Отрепьевымъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ и проводилъ его за Литовскій рубежъ; чернецъ Венедиктъ сказалъ, что видѣлъ вора Гришку въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ въ чернецахъ, и у князя Острожскаго былъ въ дьяконахъ, и послѣ того присталъ къ Лютарямъ, уклонился въ ересь и чернокнижье, сталъ воровать у Запорожскихъ Черкасъ, въ чернецахъ мясо ѣсть: и онъ Венедиктъ извѣщалъ на него Печерскому игумену; и Печерскій игуменъ посылалъ къ козакамъ этого вора схватить, и онъ, узнавъ про то своими бѣсовскими мечтами, скрылся и ушелъ къ князю Адаму Вишневецкому и, по сатанинскому ученью, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленью и по королевскому велѣнью, сталъ называться княземъ Дмитріемъ.» Патріаршая грамота оканчивалась такъ: «Вы бы эту грамоту велѣли прочесть всѣмъ и того разстригу Гришку и его воровскихъ совѣтниковъ и государевыхъ измѣнниковъ, которые тому вору послѣдуютъ, и впередъ кто станетъ на то прельщаться и ему вѣрить, соборно и всенародно прокляли и впередъ проклинать велѣли, да будутъ они всѣ прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. А мы здѣсь въ царствующемъ градѣ Москвѣ соборно и со всѣми православными христіанами, также ихъ вѣчному проклятію предали и впередъ проклинать повелѣваемъ [66].»

Только въ Генварѣ 1605 года сѣверныя Русскія области были увѣдомлены правительствомъ о Лжедимитріи, тогда какъ южныя давно уже волновались его подметными грамотами.» Люди, которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія злодѣйскія дѣла приговорены были на сожженіе, а другіе къ ссылкѣ, бѣжали въ Литовскую землю за рубежъ, и злые плевелы еретическіе сѣяли, между царствъ вражду и ссору дѣлали; и въ сѣверской странѣ мужики Севрюки, люди простые, забывъ Бога и душу

свою, повѣря Сендомирскому воеводѣ съ товарищи, что паны радные, начали приставать къ вору.» Подметныя грамоты провозились въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, котораго доставлялось тогда много изъ Литвы по случаю дороговизны. Такимъ образомъ заставы, поставленныя подъ предлогомъ мора, а въ самомъ дѣлѣ для перехватыванія подозрительныхъ людей съ вѣстями о Димитріи, не помогали. Борисъ велѣлъ двинуться и войскамъ въ Ливны подъ предлогомъ нашествія Крымцевъ, но воеводы этого ополченія, Петръ Шереметевъ и Михайла Салтыковъ, сказали Хрущову (посланному на Донъ уговаривать козаковъ), «что трудно противъ природнаго государя воевать.» Въ Москвѣ были схвачены Василій Смирновъ и Меньшой Булгаковъ за то, что на пиру пили здоровье Димитрія; а между тѣмъ въ народѣ шли разговоры о странныхъ явленіяхъ, предвѣщавшихъ что-то удивительное: на небѣ по ночамъ сражались другъ съ другомъ огненныя полчища, являлись по два мѣсяца, по три солнца; неслыханныя бури сносили верхи башенъ и кресты съ церквей; у людей и животныхъ раждались уроды; птица и рыба, приготовленныя для стола, теряли свой настоящій вкусъ; собака пожрала другую собаку, волкъ волка; волки ходили огромными стаями и выли страшнымъ образомъ; лисицы среди бѣлаго дня бѣгали по Москвѣ; лѣтомъ 1604 года показалась яркая комета: Борисъ призвалъ старика астролога, котораго выписалъ изъ Лифляндіи, и велѣлъ дьяку Аѳанасію Власьеву спросить у него, что это значитъ? Астрологъ отвѣчалъ, что Господь Богъ этими новыми звѣздами и кометами остерегаетъ государей: пусть и царь теперь остережется и внимательно смотритъ за тѣми, кому довѣряетъ, пусть велитъ крѣпко беречь границы отъ чужеземныхъ гостей.

Опасные гости въ самомъ дѣлѣ шли къ границамъ Московскаго государства: 15 Августа 1604 года Лжедимитрій выступилъ въ походъ. Подъ Глинянами Поляки, сопровождавшіе его собрались въ коло и выбрали гетманомъ Юрія Мнишка, выбрали и полковниковъ. Войско князя Острожскаго слѣдило за

ими до самаго Днѣпра и заставляло ихъ не спать по цѣлымъ ночамъ.

Въ Октябрѣ 1604 года Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства. Жители перваго пограничнаго города, Моравска, узнавъ, что идетъ царь съ Польскимъ войскомъ, стали волноваться, и, больше изъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили къ Димитрію пословъ съ покорностію, и присягнули ему. Козаки, которые всегда шли впередъ главнаго войска, приблизились къ Чернигову и были встрѣчены выстрѣлами; но потомъ, узнавши, что Моравскъ сдался, Черниговцы вступили въ переговоры и связали воеводу, не хотѣвшаго сдаваться царевичу. Не смотря на то, козаки, до прихода главнаго войска, бросились на посадъ и выграбили его. Димитрій посылалъ сказать имъ, чтобъ отдали добычу: иначе онъ поведетъ противъ нихъ рыцарство; козаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя и не всю. Черниговъ поддался; но не поддался Новгородъ Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвысилъ его наперекоръ мѣстничеству. На требованіе сдачи, изъ Новгорода Сѣверскаго отвѣчали Полякамъ: «А...... дѣти! пріѣхали на наши деньги съ воромъ!» Басмановъ отбилъ приступъ, не далъ зажечь города, и нетерпѣливый Лжедмитрій, раздраженный помѣхою, началъ укорять Поляковъ: «Я думалъ больше о Полякахъ, говорилъ онъ; а теперь вижу, что они такіеже люди, какъ и другіе.» Рыцарство отвѣчало ему: «Мы не имѣемъ обязанности брать городовъ приступомъ, однако не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ.» Поляки хотѣли было уже покинуть его, какъ пришла вѣсть, что воевода князь Василій Рубецъ Мосальскій сдалъ Путивль, самый важный городъ въ Сѣверской землѣ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе Украинскіе города, и на протяженія 600 верстъ отъ запада къ востоку Лжедимитрій уже признавался истиннымъ царевичемъ. Народъ видѣлъ этого царевича, окруженнаго Поляками, но видѣлъ и усердіе его къ вѣрѣ православной: такъ онъ велѣлъ

принести въ Путивль изъ Курска чудотворную икону Богородицы, встрѣтилъ ее съ честію и поставилъ въ своихъ палатахъ и каждый день горячо молился передъ нею; эта икона сопровождала его и въ Москву, гдѣ онъ держалъ ее также во дворцѣ. Царскій воевода, бояринъ князь Димитрій Шуйскій, стоялъ неподвижно у Брянска, не помогалъ Басманову и писалъ царю, что надобно выслать больше войска. Борисъ велѣлъ набирать полки, но въ приговорѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что «войска очень оскудѣли: одни прельщенные воромъ, передались ему; многіе козаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись; многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопи, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и святой церкви. Мы судили и повелѣли, продолжаетъ царь, чтобъ всѣ патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе, епископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись, съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные.»

Новая рать была поручена первому боярину, князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, который сошелся съ войсками самозванца подъ Новгородомъ Сѣверскимъ 18 Декабря: царскаго войска было отъ 40 до 50,000, у Самозванца же не болѣе 15,000. И прежде, при недостаткѣ ратнаго искусства, многочисленность Московскихъ войскъ мало оказывала пользы въ чистомъ полѣ, а теперь шаткость, недоумѣніе отнимали нравственныя силы у воеводъ и воиновъ; мы видѣли, какъ Шереметевъ и Салтыковъ еще прежде говорили, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ; послѣ этого легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ, у Русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ стану Самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще мало! Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: 21 Декабря, одушевивъ свое войско рѣчью, которая дышала полною увѣренностью въ правотѣ дѣла, онъ ударилъ на царское

войско, которое тотчасъ дрогнуло, Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ лошади, получилъ нѣсколько ранъ въ голову; царское войско потеряло 4000 человѣкъ убитыми, и только неопытность Лжедимитрія въ ратномъ дѣлѣ помѣшала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Обозрѣвая послѣ битвы поле сраженія и видя столько труповъ съ Русской стороны, Лжедимитрій заплакалъ [67].

Не смотря однако на эту побѣду, которая по настоящему должна была бы сильно возвысить духъ въ подвижникахъ Лжедимитрія, дѣла его грозили принять очень дурной оборотъ. Левъ Сапѣга писалъ Мнишку, что въ Польшѣ на его предпріятіе смотрятъ очень дурно, и совѣтовалъ возвратиться; и Мнишекъ, подъ предлогомъ сейма, сталъ сбираться въ Польшу; рыцарство начало требовать у Лжедимитрія денегъ: «Если не дашь, то ѣдемъ всѣ въ Польшу,» — кричало оно. Рота Фредрова сказала ему: «Дай только намъ, а другимъ не давай: другіе смотрятъ на насъ, и останутся, если мы останемся.» Лжедимитрій повѣрилъ, далъ деньги одной ротѣ; но другіе, узнавъ объ этомъ, еще больше взволновались, и когда Мнишекъ выѣхалъ изъ обоза, то за нимъ поѣхала большая часть Поляковъ. Лжедимитрій ѣздилъ отъ одной роты къ другой, уговаривая рыцарство остаться, но встрѣчалъ только оскорбленія: одинъ Полякъ сказалъ ему: «Дай Богъ, чтобъ посадили тебя на колъ.» Лжедимитрій далъ ему за это въ зубы, но этимъ не унялъ рыцарство, которое стащило съ него соболью шубу; Русскіе приверженцы царевича должны были потомъ выкупать ее. Съ Лжедимитріемъ осталось только 1500 Поляковъ, которые вмѣсто Мнишка выбрали гетманомъ Дворжицкаго. Но эта убыль въ войскѣ скоро была вознаграждена: пришло 12,000 козаковъ Малороссійскихъ, съ которыми самозванецъ засѣлъ въ Сѣвскѣ.

Такъ какъ главный воевода, князь Мстиславскій, былъ раненъ, то другіе воеводы, князь Димитрій Шуйскій съ товарищами, не позаботились извѣстить царя о битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Борисъ узналъ объ ней стороною, и тотчасъ по-

слалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова съ рѣчью и милостивымъ словомъ. Посланный говорилъ Мстиславскому: «Государь и сынъ его жалуютъ тебя, велѣли тебѣ челомъ ударить; да жалуютъ тебя, велѣли о здоровьѣ спросить.» Потомъ, упомянувъ о сраженіи и ранахъ Мстиславскаго, посланный продолжалъ отъ имени царя: «и ты то сдѣлалъ, бояринъ нашъ князь Ѳедоръ Ивановичъ! помня Бога и крестное цѣлованье, что пролилъ кровь свою за Бога, Пречистую Богородицу, за великихъ чудотворцевъ, за святыя Божіи церкви, за насъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ: и если дастъ Богъ, службу свою довершишь и увидишь образъ Спасовъ, Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наши царскія очи: то мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ.» Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ Мстиславскому для леченія ранъ медика и двоихъ аптекарей. Князю Димитрію Шуйскому съ товарищами царь велѣлъ поклониться, но прибавить: «Слухъ до насъ дошелъ, что у васъ, бояръ нашихъ и воеводъ, съ крестопреступниками Литовскими людьми и съ разстригою было дѣло; а вы къ намъ не писали, какимъ обычаемъ дѣло дѣлалось: и вы то дѣлаете не гораздо, вамъ бы о томъ къ намъ отписать вскорѣ.» У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли также спросить о здоровьѣ. Такое благоволеніе могло быть оказано войску только за самую блистательную побѣду; слѣдовательно здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ опасностью, робость, заставившая его унизиться до ласкательства предъ войскомъ. Если и разбитое войско получило знаки царскаго благоволенія, то понятно, что Борисъ спѣшилъ осыпать милостями воеводу, который одинъ исполнилъ свою обязанность какъ должно, Басманова, защитника Новгорода Сѣверскаго: онъ былъ вызванъ въ Москву, куда имѣлъ торжественный въѣздъ, получилъ боярство, богатое помѣстье, множество денегъ и подарковъ, не въ примѣръ больше, чѣмъ первый воевода, сидѣвшій въ Новгородѣ, князь Никита Трубецкой.

На помощь къ больному отъ ранъ Мстиславскому былъ посланъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который при появленіи Самозванца, торжественно, съ Лобнаго мѣста, свидѣтельствовалъ предъ Московскимъ народомъ, что истинный царевичъ умеръ и погребенъ имъ, Шуйскимъ. Самозванецъ вышелъ изъ Сѣвска, и 21 Генваря 1605 года ударилъ на царское войско при Добрыничахъ, но, не смотря на храбрость необыкновенную, потерпѣлъ пораженіе въ слѣдствіе многочисленности наряда въ царскомъ войскѣ. Знаменитый въ послѣдствіи Михайла Борисовичъ Шеинъ, бывшій тогда въ званіи чашника, привезъ царю въ Троицкій монастырь вѣсть о побѣдѣ, и былъ пожалованъ за такую радость въ окольничіе; воеводы получили золотые, войску роздано 80,000 рублей; въ письмѣ къ воеводамъ Борисъ употреблялъ обычную фразу, что готовъ раздѣлить съ вѣрными слугами послѣднюю рубашку. Но радость Бориса не была продолжительна: скоро пришли вѣсти о шаткости жителей Смоленска, этой неприступной ограды Московскаго государства; царь послалъ выговоръ Смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они поступаютъ милостиво и совѣстятся пытать людей духовныхъ? «Вы это дѣлаете не гораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у дьякона некому снять скуфьи и за тѣмъ его не пытали; вамъ бы велѣть пытать накрѣпко и огнемъ жечь.»

Пришли вѣсти, что и самозванецъ не истребленъ окончательно, а усиливается. Послѣ пораженія при Добрыничахъ самозванецъ заперся въ Путивлѣ, и видя малочисленность своего войска, хотѣлъ было уѣхать въ Польшу; но теперь между Русскими было уже много людей, которые тѣсно соединили свою судьбу съ его судьбою и которые не хотѣли ни бѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису; они удержали Лжедимитрія, грозя, что могутъ спасти себя, выдавъ его живымъ Годунову, утверждали, что не смотря на пораженіе, средствъ у него еще много, что у Бориса много враговъ. Враги Бориса, которымъ нужно было поддержать самозванца, не замедлили предложить послѣднему свою помощь: 4000 Донскихъ козаковъ явилось въ Путивль. Чтоже дѣлали въ это время царскіе воеводы? Они

пошли осаждать Рыльскъ; но тутъ Поляки распустили слухъ, что къ нимъ на помощь идетъ Жолкѣвскій, гетманъ польскій; языкъ сообщилъ эту вѣсть царскимъ воеводамъ, которые испугались, отступили поспѣшно отъ Рыльска, стали въ Комарицкой волости, и начали страшно мстить ея жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію: не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ, что, разумѣется, еще болѣе усилило ненависть Севрюковъ къ Борису и привязанность ихъ къ Лжедимитрію. Недѣятельность воеводъ разсердила царя: онъ прислалъ сказать воеводамъ, что они ведутъ дѣло нерадиво: столько рати побили, а Гришку не поймали. Бояре и все войско оскорбились; въ войскѣ, по словамъ лѣтописца, стало мнѣніе и ужасъ отъ царя Бориса, и съ той поры многіе начали думать, какъ бы царя Бориса избыть и служить окаянному Гришкѣ. Такъ при шаткости, при усобицѣ, первая немилость со стороны одного соперника уже производила сильное неудовольствіе, заставляла многихъ думать, какъ бы избыть немилостиваго государя; уже многіе начали смотрѣть на свою службу не какъ на необходимую обязанность въ отношеніи къ царю и царству, но какъ на милость, которую они оказывали Борису, и при первомъ неудовольствіи начинали думать объ отступленіи отъ него; при появленіи соперника царю тождество царя и царства рушилось и возвращалось безнарядное время многовластія, когда вольно было переходить отъ одного знамени къ другому.

Побуждаемые царемъ воеводы пошли осаждать Кромы, гдѣ засѣлъ приверженецъ Лжедимитрія Акинѳіевъ да Донскіе козаки съ атаманомъ Корелою. Воеводы, по словамъ иностранца очевидца, Маржерета, при осадѣ Кромъ занимались дѣлами, достойными одного смѣха; но Русскій лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: когда деревянная стѣна Кромъ уже сгорѣла и нужно было порѣшить дѣло, извѣстный намъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, велѣлъ отвезти нарядъ отъ крѣпости «норовя окаянному Гришкѣ». Къ шаткости, ослабленію нравственному присоединилось еще

[дѣ]йствіе физическое, открылась сильная смертность въ станѣ [Ка]ромовъ: Борисъ прислалъ лѣкарства ратнымъ людямъ, а между [тѣ]мъ попытался отдѣлаться отъ самозванца отравою, подослалъ [къ] нему въ Путивль монаховъ съ зельемъ; но умыселъ былъ [от]крытъ, и скоро разнеслась вѣсть о смерти самого Бориса: [13] Апрѣля, когда онъ всталъ изъ-за стола, кровь хлынула у [не]го изо рта, ушей и носа, и послѣ двухчасовыхъ страданій [он]ъ умеръ, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа. [Ра]знеcся слухъ, что онъ погибъ отъ яда, собственною рукою [при]готовленнаго.

После Бориса остался сынъ Өедоръ, который, по отзыву [совр]еменниковъ, хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ [пр]евосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ [на]ученъ премудрости и всякому философскому естественнослов[і]ю. Дѣйствительно, какъ видно, Борисъ первый изъ царей [М]осковскихъ расширилъ для своего сына кругъ знаній, кото[ры]мъ ограничивались при воспитаніи Русскихъ людей: такъ [из]вѣстна карта Московскаго государства, начерченная рукою [Ө]едора. Говорятъ, Борисъ сильно любилъ сына; мы видѣли, что онъ пріобщилъ его къ правленію, имя его постоянно со[еди]нялось въ грамотахъ съ отцовскимъ; какъ въ царствованіе Өеодора Іоанновича обыкновенно писалось, что просьбы ис[по]лняются царемъ по ходатайству конюшаго боярина Годунова, такъ въ царствованіе Бориса писалось, что просьбы исполняются по ходатайству царевича Өедора [68].

Жители Москвы спокойно присягнули Өедору; цѣловали [к]рестъ: «Государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ [Г]ригорьевнѣ всея Руси, и ея дѣтямъ, государю царю Өедору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ.» Форма [п]рисяги та же самая, что и Борису: повторено обязательство не хотѣть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено: «И къ вору, который называется княземъ Дмит[р]іемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтни[к]ами не ссылаться ни на какое лихо, не измѣнять, не отъѣз[ж]ать, лиха никакого не сдѣлать, государства не подъиски-

вать, не по своей мѣрѣ ничего не искать, и того вора, что называется царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть.» Здѣсь самозванецъ не названъ Отрепьевымъ не потому, что само правительство перемѣнило мнѣніе о его происхожденіи, но чтобъ отнять у измѣнниковъ всякую оговорку въ нарушеніи присяги, чтобъ они не могли сказать: мы не нарушили клятвы и не присягаемъ Отрепьеву, потому что царевичъ не есть Отрепьевъ; такъ по крайней мѣрѣ объясняли это самозванцу сами измѣнники: «Форма присяги, говорили они, иначе была намъ выдана, не такъ какъ мы разумѣли, имя Гришки въ ней не упомянуто, чтобъ мы противъ тебя, природнаго государя нашего дѣйствовали и тебя въ государи себѣ не избрали.» Прибавлена была особая присяга для дьяковъ: «Мнѣ, будучи у ея государынина и государева дѣла, всякія дѣла дѣлать въ правду, тайныхъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ никому не сказывать, государыниной и государевой казны всякой и денегъ не красть, дѣлъ не волочать, посуловъ и поминковъ ни у него не брать, ни кому ни въ чемъ по дружбѣ не норовить и не покрывать, по недружбѣ ни на кого ничего не затѣвать, изъ книгъ писцовыхъ, отдѣльныхъ и изъ дачь выписывать подлинно прямо.» Въ присягѣ Ѳедору Борисовичу можетъ остановить то обстоятельство, что имя царицы Марьи Григорьевны поставлено впереди: изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ Ѳедоръ вступилъ на престолъ подъ опекою матери; въ противномъ случаѣ надобно бы предположить, что и царевна Ксенія была соправительницею брату. И присяга при вступленіи на престолъ отца Ѳедорова также дана была цѣлой семьѣ: царю Борису, женѣ его, царевичу Ѳедору, царевнѣ Ксеніи и тѣмъ дѣтямъ, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ. Любопытно, что въ грамотахъ владыкамъ о молебствіи за новаго царя вступленіе на престолъ Ѳедора разсказывается точно также, какъ разсказывалось о вступленіи на престолъ отца его: «по преставленіи великаго государя нашего, святѣйшій Іовъ и весь освященный соборъ и весь царскій синклитъ, гости и торговые люди и всенародное множество Россійскаго государ-

ства, великую государыню царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала, положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть, была на царствѣ по прежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ; также и государю царевичу били челомъ, чтобъ пожаловалъ, по благословенію и приказу отца своего, былъ на Россійскомъ государствѣ царемъ и Самодержцемъ. И великая государыня слезъ и моленій не презрѣла, сына своего благословила, да и государь царевичъ, по благословенію и по приказу отца своего, по повелѣнію матери своей, насъ пожаловалъ, на Московскомъ государствѣ сѣлъ.» Вѣроятно хотѣли показать, что кромѣ благословенія отцовскаго, Ѳедоръ принялъ престолъ въ слѣдствіе единодушнаго желанія и слезнаго моленія народнаго. Въ Москвѣ всѣ присягнули безъ сопротивленія; но состояніе умовъ въ жителяхъ областей было подозрительно, и потому въ грамотахъ, разосланныхъ къ воеводамъ съ приказаніемъ приводить жителей къ присягѣ, было прибавлено: «Берегли бы накрѣпко, чтобъ у васъ всякіе люди намъ крестъ цѣловали, и не было бы ни одного человѣка, который бы намъ креста не цѣловалъ.» Доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщается быть въ Москвѣ «какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться.»

Недѣятельность бояръ — Мстиславскаго и Шуйскаго, воеводъ огромной рати, неумѣнье или нежеланіе ихъ истребить самозванца, вождя дружины малочисленной, сбродной заставили новое правительство отозвать обоихъ князей въ Москву и на ихъ мѣсто послать уже показавшаго свою вѣрность и мужество Басманова; но Басманова нельзя было назначить главнымъ воеводою, ибо въ слѣдствіе мѣстничества, надобно было бы смѣнить другихъ воеводъ, которымъ съ Басмановыхъ быть не приводилось, и потому первымъ воеводою послали князя Котырева Ростовскаго, а Басманова назначили вторымъ воеводою большаго полка. Вмѣстѣ съ боярами, княземъ Ростовскимъ и Басмановымъ, отправленъ былъ Новгородскій митрополитъ Иси-

доръ для приведенія войска къ присягѣ царю Ѳедору. Ратные люди дали присягу, но недолго соблюдали ее. Басмановъ увидалъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствовала шаткость умовъ и нравственная слабость, ничего сдѣлать нельзя, что дѣло Годуновыхъ проиграно окончательно смертію Бориса, въ которой многіе видѣли указаніе свыше на рѣшеніе борьбы, притомъ же за Ѳедора, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ его, извѣстныхъ впрочемъ не всѣмъ, не было старины какъ за отца его, а это въ то время очень много значило; Басмановъ видѣлъ, что воеводы, сколько-нибудь дѣятельные, способные сообщать дѣятельность, одушевленіе войску, не хотятъ Годуновыхъ, видѣлъ, что противиться общему расположенію умовъ значитъ идти на явную и безполезную въ его глазахъ гибель, и не желая пасть жертвою присяги, рѣшился покончить дѣло. Онъ соединился съ князьями Голицыными — Василіемъ и Иваномъ Васильевичами, съ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и 7 Мая объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій. Полки безъ сопротивленія провозгласили послѣдняго государемъ; только немногіе не захотѣли нарушить присяги Ѳедору, и съ двумя воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ, побѣжали въ Москву.

Князь Иванъ Васильевичь Голицынъ былъ посланъ въ Путивль объявить самозванцу о переходѣ войска на его сторону. Говорятъ, что нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ съ Голицынымъ узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но уже было поздно объявлять о подобныхъ открытіяхъ. Лжедимитрій приказалъ войску идти подъ Орелъ и тамъ его дожидаться, и самъ двинулся туда изъ Путивля 19 Мая. Къ нему навстрѣчу поѣхали сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ князь Василій Голицынъ и Шереметевъ, который прежде другихъ сказалъ, что трудно воевать съ прирожденнымъ государемъ. Прибывши въ Орелъ, Лжедимитрій отпустилъ войско къ Москвѣ съ княземъ Василіемъ Голицынымъ, а самъ пошелъ за нимъ съ своею Польскою и Русскою дружиною. Поляки говорятъ, что онъ не хотѣлъ идти вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ изъ недовѣрчивости, и

всегда распоряжался такъ, чтобъ между обоими войсками было не менѣе мили или полмили разстоянія.

Послѣ измѣны войска гонцы съ грамотами отъ Лжедимитрія безпрестанно являлись въ Москвѣ, но ихъ хватали и замучивали до смерти. 1-го іюня пріѣхали съ грамотами, Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ, и отправились сперва въ Красное село, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, а мы знаемъ, что при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Московскіе купцы были не за Годунова. Плещеевъ и Пушкинъ прочли красносельцамъ Лжедимитріеву грамоту, написанную на имя бояръ — Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ и другихъ, окольничихъ и гражданъ Московскихъ. Лжедимитрій напоминалъ въ ней о присягѣ, данной отцу его, Іоанну, о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи, въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ; извинялъ бояръ, войско и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову, «не вѣдая злокозненнаго нрава его и боясь того, что онъ при братѣ нашемъ царѣ Ѳеодорѣ владѣлъ всѣмъ Московскимъ государствомъ, жаловалъ и казнилъ, кого хотѣлъ, а про насъ, прирожденнаго государя своего не знали, думали, что мы отъ измѣнниковъ нашихъ убиты». Напоминалъ о притѣсненіяхъ, какія были при Борисѣ «боярамъ нашимъ и воеводамъ и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и всѣмъ вамъ, чего и отъ прирожденнаго государя терпѣть было невозможно». Въ заключеніе самозванецъ обѣщалъ награды всѣмъ въ случаѣ признанія, гнѣвъ Божій и свой царскій въ случаѣ сопротивленія. Красносельцы съ радостію приняли посланныхъ и собрались шумною толпою провожать ихъ въ городъ. Правительство выслало было противъ нихъ стрѣльцовъ, но тѣ, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы Лжедимитрія съ Красносельцами достигли безпрепятственно Лобнаго мѣста, гдѣ прочли народу грамоту Лжедимитріеву. Народъ взволновался; бояре объявили патріарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ ихъ выйти къ народу и образумить его; бояре, повидимому, послушались, вышли на Лобное мѣсто и ничего не сдѣлали. Говорятъ, что

народъ просилъ князя Василія Ивановича Шуйскаго объявить правду, точно ли онъ похоронилъ Димитрія царевича въ Угличѣ? Шуйскій отвѣчалъ, что царевичь спасся отъ убійцъ, а вмѣсто его убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Ворота въ Кремль не были заперты; толпы народа ворвались туда, схватили царя Θедора съ матерью и съ сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ; родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, имѣніе ихъ разграбили, домы разломали. Въ это смутное время является опять на сцену Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки по смерти Бориса: врага его уже не было въ живыхъ, семейству этого врага уже мстили другіе; но у Бѣльскаго оставались еще враги, Нѣмцы Борисовы; онъ шепнулъ народу, что лекаря иноземные были совѣтниками Бориса, получили отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами; толпы черни бросились немедленно къ Нѣмцамъ и осушили не только всѣ бочки въ погребахъ, но и разграбили все имѣніе.

3 Іюня отправлены были изъ Москвы къ самозванцу въ Тулу съ повинною бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и князь Андрей Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Въ тоже время съ другой стороны пріѣхали къ Лжедимитрію послы отъ Донскихъ козаковъ, первыхъ и самыхъ вѣрныхъ его помощниковъ. Лжедимитрій позвалъ Донцовъ къ рукѣ прежде бояръ Московскихъ, которыхъ встрѣтилъ грозною рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю; козаки, хвалясь своею вѣрностію, также позорили бояръ, а князя Телятевскаго чуть не убили до смерти за прежнюю вѣрность его Годунову. Еще прежде пріѣзда Воротынскаго и Телятевскаго, какъ скоро узнано было о присягѣ Лжедимитрію, отправились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій, да дьякъ Сутуповъ покончить съ Годуновыми. Посланные начали съ патріарха Іова, самаго ревностнаго приверженца послѣднихъ: его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время самой службы, и какъ простаго монаха сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ подъ

стражею родныхъ бывшаго царя, Годуновыхъ, и однородцевъ ихъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, также разослали въ заточеніе; одинъ только Семенъ Годуновъ былъ задушонъ въ Переяславлѣ: онъ больше другихъ навлекъ на себя ненависть, потому что ревностнѣе другихъ заботился о выгодахъ своего рода. Покончивъ съ патріархомъ и Годуновымъ, князья Голицынъ и Мосальскій съ Молчановымъ, Шелефединовымъ и тремя стрѣльцами пошли въ старый домъ Борисовъ: царицу Марью удавили скоро; но молодой Ѳедоръ боролся отчаянно; наконецъ одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ; народу объявили, что царица Марья и сынъ ея со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ. Тѣло царя Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ [69].

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Узнавъ объ успѣхѣ своего дѣла въ Москвѣ, Лжедимитрій тотчасъ же разослалъ грамоты по городамъ съ извѣстіемъ о томъ, что Москва признала его истиннымъ Димитріемъ, и съ требованіемъ послѣдовать ея примѣру. Новый царь писалъ, что Богъ поручилъ ему Московское государство, и патріархъ Іовъ, духовенство и всякихъ чиновъ люди, «узнавъ прирожденнаго государя своего, въ своихъ винахъ добили челомъ. И вы бы о нашей матери и о нашемъ многолѣтнемъ здоровьи по всѣмъ церквамъ велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегли накрѣпко, чтобъ въ людяхъ шатости, грабежа и убійства не было, и о всякихъ дѣлахъ писали бы къ намъ.» Въ слѣдъ за первою грамотою отправлена была и другая, съ предписаніемъ не выпускать денегъ изъ казны, беречь ее накрѣпко и такъ же не позволять никакого замедленія въ сборахъ. Потомъ былъ разосланъ приказъ приводить жителей къ присягѣ. Въ присяжной записи соблюдена была таже форма, какую мы видѣли въ Годуновской: присяга бралась на имя царицы Мареы Ѳедоровны и сына ея Димитрія; но было и важное различіе: въ записи Димитріевой не было того исчисленія всѣхъ возможныхъ посягновеній на особу

царскую, какое видѣли мы въ записяхъ Годуновыхъ; о Годуновыхъ сказано: «съ измѣнниками ихъ, съ Ѳедькою Борисовымъ сыномъ Годуновымъ, съ его матерью, съ ихъ родствомъ, съ ихъ совѣтниками, не ссылаться ни письмомъ, ни какимъ другимъ образомъ.»

Лжедимитрій узналъ въ Серпуховѣ о гибели Годуновыхъ; на дорогѣ изъ этого города къ Москвѣ остановился на нѣсколько дней въ селѣ Коломенскомъ и 20 Іюня въѣхалъ торжественно въ столицу, при звонѣ колоколовъ у всѣхъ церквей, при безчисленномъ множествѣ народа на улицахъ, на крышахъ домовъ, на колокольняхъ; народъ падалъ на колѣна предъ новымъ царемъ и кричалъ: «Дай, Господи, тебѣ, государь, здоровья! ты наше солнышко праведное!» Димитрій отвѣчалъ на эти крики: «Дай Богъ и вамъ здоровья! встаньте и молитесь за меня Богу!» День былъ ясный и тихій; но когда новый царь, переѣхавши живой мостъ черезъ москворѣцкія ворота, вступилъ на площадь, поднялась сильная буря; народъ смутился, началъ креститься, приговаривая: «Помилуй насъ Богъ! помилуй насъ Богъ!» духовенство встрѣтило его на Лобномъ мѣстѣ съ крестами; по старому обычаю, царь пошелъ по соборамъ, слушалъ молебны; но замѣтили и новое, которое не понравилось: во время этихъ молебновъ Латыне-Литва сидѣли на лошадяхъ, трубили въ трубы и били въ бубны. Была и другая новость: Благовѣщенскій протопопъ Терентій говорилъ витіеватую рѣчь, въ которой умолялъ царя о помилованіи народа, по невѣдѣнію преступившаго клятву: «Когда слышимъ похвалу нашему преславному царю, говорилъ ораторъ, то разгараемся любовію къ произносящему эти похвалы; мы были воспитаны во тьмѣ и привлекли къ себѣ свѣтъ. Уподобляяся Богу, подвигнись принимать, благочестивый царь, наши мольбы, и не слушай людей, влагающихъ въ уши твои слухи неподобные, подвигающихъ тебя на гнѣвъ; ибо если кто и явится тебѣ врагомъ, то Богъ будетъ тебѣ другомъ, Богъ, который освятилъ тебя въ утробѣ матерней, сохранилъ невидимою силою отъ всѣхъ враговъ и устроилъ на престолѣ

царскомъ; Богъ укрѣпилъ тебя и утвердилъ, и поставилъ ноги твои на камнѣ своего основанія: кто можетъ тебя поколебать? Воздвигни молостивыя очи свои на насъ, пощади насъ, отврати отъ насъ праведный гнѣвъ свой.» Замѣчательно, что въ этой рѣчи ораторъ не одинъ разъ упоминаетъ о людяхъ, которые хотятъ поссорить царя съ его народомъ: вѣроятно онъ разумѣлъ подъ этими людьми Поляковъ. Когда новый царь былъ уже въ дворцѣ, изъ Кремля на Красную площадь выѣхалъ Богданъ Бѣльскій, окруженный боярами и дьяками: онъ вошелъ на Лобное мѣсто и громко свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ народомъ, что новый царь есть истинный Димитрій, и въ доказательство правды словъ своихъ поцѣловалъ крестъ. Но другое втихомолку свидѣтельствовалъ человѣкъ, который при жизни царя Бориса торжественно объявлялъ Московскому народу, что царевичь убитъ, и тотъ, кто называется его именемъ, есть воръ Гришка Отрепьевъ. Князь Василій Шуйскій не повторилъ торжественно этого свидѣтельства предъ народомъ по смерти Годунова, не повторилъ когда оно было всего нужнѣе, когда Пушкинъ и Плещеевъ читали на Лобномъ мѣстѣ грамоту Лжедимитріеву и толпы стремились въ Кремль низводить съ престола Ѳедора Годунова; говорятъ даже, что онъ въ это время объявилъ совершенно противное. Но когда съ Годуновыми было покончено, и когда самозванецъ съ горстію поляковъ былъ въ Москвѣ, Шуйскій началъ повторять прежнее свидѣтельство свое; онъ объявилъ торговому человѣку Ѳедору Коневу и какому-то Костѣ лѣкарю, что новый царь самозванецъ, и поручилъ имъ разглашать объ этомъ тайно въ народѣ. Но Коневъ и Костя не умѣли сдѣлать этого тайно: Басмановъ узналъ о слухахъ, узналъ отъ кого они идутъ, и донесъ царю. По Польскимъ извѣстіямъ, Шуйскій хотѣлъ поджечь посольскій дворъ, занимаемый Поляками. 23 Іюня Шуйскій былъ схваченъ, и Лжедимитрій отдалъ дѣло на судъ собору, на которомъ, кромѣ духовенства и членовъ думы, были и простые люди, ибо лѣтописецъ говоритъ, что изъ простыхъ людей никто не былъ за Шуйскаго, всѣ на него кричали. По нѣкоторымъ иностран-

нымъ извѣстіямъ, самозванецъ самъ оспоривалъ Шуйскаго и уличалъ его въ клеветѣ, при чемъ говорилъ съ такимъ искусствомъ и́ умомъ, что весь соборъ былъ приведенъ въ изумленіе и рѣшилъ, что Шуйскій достоинъ смерти. 25-е число назначено было для исполненія приговора. Шуйскій былъ уже выведенъ къ плахѣ, уже прочитана была ему сказка или объявленіе вины, уже простился онъ съ народомъ, объявивъ, что умираетъ за правду, за вѣру и народъ христіанскій, — какъ прискакалъ гонецъ съ объявленіемъ помилованія. Источники разногласятъ въ названіи лицъ, которыя убѣдили Лжедимитрія помиловать Шуйскаго: одни называютъ бояръ, другіе Поляковъ, и именно секретаря царскаго, Бучинскаго, нѣкоторые Аѳанасья Власьева; извѣстія, что убѣдила къ тому царица Марѳа, мы принять не можемъ, ибо ея не было еще тогда въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, Шуйскаго вмѣстѣ съ двумя братьями, сослали въ Галицкіе пригороды, имѣніе отобрали въ казну; но прежде нежели они достигли мѣста ссылки, ихъ возвратили въ Москву, отдали имѣніе и боярство.

Извѣстить народъ о восшествіи на престолъ новаго царя долженъ былъ патріархъ. Первымъ изъ Русскихъ архіереевъ, признавшимъ торжественно Лжедимитрія, былъ Рязанскій архіепископъ Игнатій, родомъ Грекъ, прежде бывшій архіепископомъ въ Кипрѣ и пришедшій въ Россію въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; когда Лжедимитрій былъ въ Тулѣ, Игнатій, къ епархіи котораго принадлежала Тула, встрѣтилъ его здѣсь какъ царя. Этого-то Игнатія 24 Іюня возвели въ патріархи. Новый патріархъ разослалъ повсѣмъ областямъ грамоты съ извѣстіемъ о восшествіи Димитрія на престолъ и возведеніи его, Игнатія, въ патріаршеское достоинство, по царскому изволенію, при чемъ предписывалъ молиться за царя и царицу-мать, и между прочимъ, чтобъ возвысилъ Господь Богъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ.

Но признаніе Игнатія не могло окончательно утвердить новаго царя на престолѣ: это могло сдѣлать только признаніе матери, царицы Марѳы. Великій мечникъ (новое достоинство придворное,

учрежденное Лжедимитріемъ по образцу Польскому), знаменитый въ послѣдствіи князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, былъ посланъ за Мареою и привезъ ее въ Москву 18 Іюля; царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ и имѣлъ съ нею свиданіе наединѣ въ шатрѣ, раскинутомъ близь большой дороги; говорятъ, Мареа очень искусно представляла нѣжную мать; народъ плакалъ, видя, какъ почтительный сынъ шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты материнской; Мареу помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ, куда царь ѣздилъ къ ней каждый день. Вскорѣ по пріѣздѣ матери, 30 Іюля, Лжедимитрій вѣнчался на царство по обыкновенному обряду. Объявлены были милости: мнимый дядя царя, Михайла Θедоровичъ Нагой получилъ званіе конюшаго боярина; Филаретъ Никитичъ Романовъ возведенъ въ санъ Ростовскаго митрополита, брату его, Ивану Никитичу, дано боярство. Бывшій царь и великій князь Тверской Симеонъ Бекбулатовичь былъ также вызванъ изъ ссылки и явился при дворѣ съ прежнею честію: мнимый сынъ Грознаго не боялся его совмѣстничества. Между пожалованіями видимъ и небывалыя: двое думныхъ дьяковъ — Василій Щелкаловъ и Аѳанасій Власьевъ были произведены въ окольничіе. Замѣчательно, что Лжедимитрій, еще будучи въ Польшѣ, говорилъ о покровительствѣ, оказанномъ ему Щелкаловыми; и замѣчательно, что Борисъ удалилъ Василія Щелкалова отъ дѣлъ. Изъ родственниковъ и приверженцевъ бывшаго царя подверглись ссылкѣ 74 семейства.

Не проходило дня, въ который бы царь не присутствовалъ въ думѣ. Иногда, слушая долговременные безплодные споры думныхъ людей о дѣлахъ, онъ смѣялся и говорилъ: «Столько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку! такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ!» — и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми бояре долго думали. Онъ любилъ и умѣлъ поговорить; какъ всѣ тогдашніе грамотѣи, любилъ приводить примѣры изъ исторіи разныхъ народовъ; разсказывалъ и случаи собственной жизни. Нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ думныхъ людей въ невѣжествѣ, го-

воря, что они ничего не видали, ничему не учились, обѣщалъ позволить имъ ѣздить въ чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образоваться; велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по середамъ и субботамъ, будетъ самъ принимать челобитныя, предписалъ приказамъ рѣшать дѣла безъ посуловъ. Когда Поляки совѣтовали ему принять строгія мѣры противъ подозрительныхъ людей, то онъ отвѣчалъ имъ, что далъ обѣтъ Богу не проливать христіянской крови, что есть два средства удерживать подданныхъ въ повиновеніи: одно — быть мучителемъ, другое — расточать награды, не жалѣя ничего, и что онъ избралъ послѣднее. Онъ велѣлъ заплатить всѣмъ тѣ деньги, которыя были взяты взаймы еще Грознымъ и не отданы. Жалованье служилымъ людямъ удвоено; духовенству подтверждены старыя льготныя грамоты и даны новыя; послано соболей на 300 рублей во Львовъ для сооруженія тамъ православной церкви, при чемъ въ царской грамотѣ къ тамошнему духовенству говорится: «Видя васъ несомнѣнными и непоколебимыми въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ Греческаго закона, послали мы къ вамъ отъ нашей царской казны.» Въ духовники себѣ Лжедимитрій выбралъ архимандрита Владимірскаго Рождественскаго монастыря. Печатаніе священныхъ книгъ продолжалось въ Москвѣ: Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ напечаталъ Апостолъ, въ послѣсловіи къ которому читаемъ: «Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго и христолюбиваго, исконнаго государя всея великія Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Димитрія Ивановича.»

Относительно крестьянъ и холопей въ правленіе Лжедимитрія сдѣланы два распоряженія: 1) приговорили бояре: «если дѣти боярскія, приказные люди, гости и торговые всякіе люди станутъ брать на людей кабалы, а въ кабалахъ напишутъ, что занялъ у него, да у сына его деньги, и кабалу имъ на себя даетъ, то этихъ кабалъ, отцу съ сыномъ, писать и въ книги записывать не велѣть, а велѣть писать кабалы порознь, отцу особая кабала и сыну особая, сыну же съ отцомъ, брату съ братомъ, дядѣ съ племянникомъ кабалъ писать и въ

книги записывать не велѣть. Если же отецъ съ сыномъ или братъ съ братомъ станутъ по служилымъ кабаламъ на кого-нибудь холопства искать, то этимъ истцамъ отказывать, а тѣхъ людей, на кого они кабалы положатъ, освободить на волю.» Этотъ приговоръ состоялся вѣроятно для избѣжанія слѣдующаго случая: вольный человѣкъ бралъ деньги и давалъ на себя служилую кабалу; взявшій кабалу, чтобъ упрочить, въ случаѣ своей смерти, холопа и наслѣдникамъ своимъ, сыну, брату или племяннику, писалъ, что холопъ взялъ деньги у обоихъ и такимъ образомъ дѣлалъ его холопомъ для обоихъ, что могло случиться безъ вѣдома неграмотнаго холопа; особыя же кабалы никакъ не могли быть даны безъ его вѣдома. Законъ имѣлъ вѣроятно цѣлію ограничить распространеніе холопства, чтобы сынъ или вообще наслѣдникъ не могъ наслѣдовать холопей умершаго отца или родственника. Другой боярскій приговоръ касается бѣглыхъ крестьянъ: «Если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за годъ до бывшаго голода, то бѣглецовъ сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голодные годы, но съ имѣніемъ, которымъ прокормиться имъ было можно, то ихъ также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Если крестьяне бѣжали далеко, изъ подмосковныхъ городовъ на украйны или обратно, и пошли отъ старыхъ помѣщиковъ съ имѣніемъ, но растеряли его дорогою и пришли къ другимъ помѣщикамъ въ бѣдности, про такихъ велѣно было спросить окольныхъ людей стараго помѣстья, и если они скажутъ, что крестьянинъ былъ прежде не бѣденъ и сбѣжалъ съ имѣніемъ достаточнымъ для прокормленія, то бѣглеца отдать прежнему помѣщику; если же окольные люди скажутъ, что крестьянинъ бѣжалъ въ голодные годы отъ бѣдности, нечѣмъ было ему прокормиться, такому крестьянину жить за тѣмъ, кто кормилъ его въ голодные года, а истцу отказать: не умѣлъ онъ крестьянина своего кормить въ тѣ голодные года, и теперь его не ищи. Если крестьяне въ голодные года пришли въ холопи къ своимъ или чужимъ

помѣщикамъ и вотчинникамъ и дали на себя служилыя кабалы, а потомъ старые помѣщики или вотчинники станутъ ихъ опять вытягивать къ себѣ въ крестьяне, въ такомъ случаѣ сыскивать накрѣпко: если шелъ отъ бѣдности, имѣнья у него не было ничего, то истцамъ отказывать: въ голодные лѣта помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а самъ онъ прокормиться не могъ, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертію умереть, билъ челомъ въ холопи, и тотъ, кто его принялъ, въ голодные года кормилъ и себя истощалъ, проча его себѣ: и теперь такого крестьянина изъ холопства въ крестьяне не отдавать, и быть ему у того, кто его въ голодныя лѣта прокормилъ, потому что не отъ самой большой нужды онъ въ холопи не пошелъ бы. Если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нечѣмъ, въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ: если крѣпости будутъ записаны въ книгѣ въ Москвѣ или другихъ городахъ, то холопъ укрѣпляется за господиномъ, потому что еслибы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ бить челомъ у записки; если же кабалы въ книги не записаны, то имъ и вѣрить нечего. Если же крестьяне бѣжали за годъ до голода или годъ спустя послѣ него, то ихъ сыскивать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ случаѣ же спора давать судъ; равно если крестьяне пошли въ холопи до голода, то обращаются снова въ крестьянство; приговоръ оканчивается повтореніемъ стараго постановленія, что на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать. Этотъ приговоръ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ ясно высказано различіе, существовавшее въ то время между состояніемъ крестьянина и состояніемъ холопа. Милости новаго царя достигли и отдаленныхъ Остяковъ: притѣсненные Верхотурскими сборщиками ясака, Остяки просили царя, чтобъ велѣлъ сбирать съ нихъ ясакъ по прежнему изъ Перми Великой; Лжедимитрій сдѣлалъ болѣе: онъ освободилъ ихъ совершенно отъ сборщиковъ, приказалъ имъ самимъ отвозить ясакъ въ Верхотурье [70].

Послѣ царскаго вѣнчанія своего Лжедимитрій отпустилъ иностранное войско, состоявшее преимущественно изъ Поляковъ, выдавъ ему должное за походъ жалованье; но этотъ сбродъ, привыкшій жить на чужой счетъ, хотѣлъ подолѣе повеселиться на счетъ царя Московскаго; взявши деньги, Поляки остались въ Москвѣ, начали роскошничать, держать по 10 слугъ, пошили имъ дорогое платье, стали буйствовать по улицамъ, бить встрѣчныхъ. Шляхтичь Липскій былъ захваченъ въ буйствѣ и приговоренъ къ кнуту; когда передъ наказаніемъ, по обычаю, стали водить его по улицамъ, то Поляки отбили его, переранивши сторожей. Царь послалъ сказать имъ, чтобъ выдали Липскаго для наказанія: иначе онъ велитъ пушками разгромить ихъ дворъ и истребить ихъ всѣхъ. Поляки отвѣчали, что помрутъ, а не выдадутъ товарища; но прежде чѣмъ помрутъ, надѣлаютъ много зла Москвѣ. Тогдо царь послалъ сказать имъ, чтобъ выдали Липскаго для успокоенія народа, а ему не будетъ ничего дурнаго, и Поляки согласились. Пропировавши и проигравши всѣ деньги, Поляки снова обратились къ царю съ просьбами, когда же тотъ отказалъ имъ, то они отправились въ Польшу съ громкими жалобами на неблагодарность Лжедимитрія. Осталось при царѣ нѣсколько Поляковъ, его старыхъ пріятелей, нѣсколько способныхъ людей, необходимыхъ ему для сношеній съ Польшею, какъ напримѣръ братья Бучинскіе; остались въ прежнемъ значеніи тѣлохранителей царскихъ иностранцы, набранные Борисомъ, преимущественно изъ Ливонцевъ. Лжедимитрій ласкалъ ихъ не менѣе Бориса, испытавъ ихъ храбрость и искусство воинское въ битвахъ, которыя они выдержали противъ него подъ знаменемъ Годунова. И на Бориса дошли до насъ сильныя жалобы за то, что онъ очень любилъ иностранцевъ, отъ чего распространилось пристрастіе къ иностраннымъ обычаямъ. Легко понять, что гораздо болѣе поводовъ къ подобнымъ жалобамъ долженъ былъ подать Лжедимитрій, человѣкъ молодой, съ природою необыкновенно живою, страстною, дѣятельною, человѣкъ, самъ побывавшій на чужбинѣ. Онъ ввелъ за обѣдомъ у себя музыку, пѣніе, не молился пе-

редъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ въ концѣ стола, ѣлъ телятину, что было не въ обычаѣ у Русскихъ людей того времени, не ходилъ въ баню, не спалъ послѣ обѣда, а употреблялъ это время для осмотра своей казны, на посѣщеніе мастерскихъ, при чемъ уходилъ изъ дворца самъ-другъ, безо всякой пышности; при обычной потѣхѣ тогдашней, бою со звѣрями, онъ не могъ по своей природѣ оставаться праздным зрителемъ, самъ вмѣшивался въ дѣло, билъ медвѣдей; самъ испытывалъ новыя пушки, стрѣлялъ изъ нихъ чрезвычайно мѣтко; самъ училъ ратныхъ людей, въ примѣрныхъ приступахъ къ земляным крѣпостямъ лѣзъ въ толпѣ на валы, не смотря на то, что его иногда палками сшибали съ ногъ, давили. Все это могло казаться страннымъ; отступленіе отъ старыхъ обычаевъ могло оскорблять нѣкоторыхъ; трудно сказать, что оно могло оскорблять многихъ, потому что пристрастіе къ иноземнымъ обычаямъ начало распространяться еще при Годуновѣ. Могли оскорбляться нѣкоторые, приближенные люди, большинство не было свидѣтелемъ уклоненія самозванца отъ старыхъ обычаевъ; молодечество его, видное для всѣхъ, конечно не могло оскорблять большинства.

Сильнѣе всего могли оскорбиться пристрастіемъ самозванца къ чуждой вѣрѣ. Онъ принялъ католицизмъ; но изъ всего видно, что это принятіе было слѣдствіемъ расчета: въ Польшѣ оно было необходимо ему для полученія помощи отъ короля, то есть отъ іезуитовъ. Теперь, когда онъ уже сидѣлъ на престолѣ Московскомъ, ему нужно было сохранить дружескія отношенія къ папѣ, королю Сигизмунду и ко всѣмъ католическимъ державамъ. Въ это время, не смотря на появленіе другихъ могущественныхъ интересовъ въ Европѣ, еще не утратила своей силы и привлекательности мысль о необходимости всеобщаго христіанскаго ополченія противъ страшныхъ Турокъ; неудивительно, что походъ противъ Турокъ сталъ любимою мечтою пылкаго, храбраго Лжедимитрія; но онъ зналъ, что для осуществленія этой мечты нужно было находиться въ тѣсномъ союзѣ, въ единеніи съ католическими державами, съ папою. Пріязнь папы, іезуитовъ и руководимаго ими короля Сигизмунда

нужны были Лжедимитрію еще по другой причинѣ: онъ былъ влюбленъ въ Марину Мнишекъ, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ: король, духовенство католическое могли препятствовать ея пріѣзду, и сами Мнишки были ревностные католики. Нѣтъ сомнѣнія, что для выхода изъ затруднительнаго положенія относительно Римскаго двора и для своихъ политическихъ замысловъ Лжедимитрій желалъ соединенія церквей, которое должно было рѣшиться на соборѣ, желалъ внушить Русскимъ людямъ, что дѣло это не такъ трудно, какъ они думали, что нѣтъ большой разницы между обоими исповѣданіями; такъ напримѣръ у него вырывались слова, что можно быть осьмому и девятому собору, что въ Латинахъ нѣтъ порока, что вѣра Латинская и Греческая — одно; говорятъ, что на вопросъ одного изъ Русскихъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить для Поляковъ въ Москвѣ церковь? Димитрій отвѣчалъ: «Почему мнѣ этого не сдѣлать? они христіяне и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили же имѣть свою церковь и школу еретикамъ.» Но мысль о рѣшительныхъ, насильственныхъ мѣрахъ въ пользу католицизма была ему совершенно чужда, какъ видно изо всѣхъ извѣстныхъ намъ его поступковъ и сношеній съ Римскимъ дворомъ. Слова самозванца о безразличіи исповѣданій, о возможности новаго собора, должны были оскорблять Русскихъ людей, заставлять ихъ смотрѣть на него какъ на еретика, прелестника; но многіе ли люди слышали подобныя слова? Одинъ изъ современниковъ, смотрѣвшій на Лжедимитрія какъ на еретика, приписывавшій ему много дурныхъ дѣлъ, долженъ однако признаться, что большинство было за него, что онъ пользовался сильною народною привязанностію [71]. Это особенно обнаружилось, когда явились новые обличители: дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Өедоръ Калачникъ: послѣдній, когда вели его на казнь, вопилъ всему народу: «приняли вы вмѣсто Христа антихриста, и покланяетесь посланному отъ сатаны, тогда опомнитесь, когда всѣ погибнете.» Но народъ ругался надъ нимъ, кричалъ: «По дѣломъ тебѣ смерть.» Говорятъ, что въ Галичѣ Отрепьевы, мать и дядя

Лжедимитрія, объявляли гласно о настоящемъ происхожденіи царя: дядю сослали въ Сибирь, мать не тронули [72].

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Москвѣ, дѣятельно велись сношенія внѣшнія, преимущественно съ Польшею и Римомъ. Когда Лжедимитрій еще боролся съ Годуновымъ, въ Польшѣ сеймъ высказался противъ него. Въ инструкціяхъ посламъ воеводства Бельзскаго, написанныхъ Замойскимъ, говорилось: «О подлинности Димитрія господарчика нѣтъ достовѣрности; да если бы даже и была, то удивительно намъ, какъ рѣшились помогать ему частнымъ образомъ, мимо сейма: прежде не бывало ничего подобнаго, дурной это примѣръ въ республикѣ; знаемъ, что король съ господаремъ Московскимъ заключилъ перемиріе и подтвердилъ его клятвою: но если присяга всякаго человѣка священна, то тѣмъ болѣе должна быть священна присяга королевская, потому что король присягнулъ не только за себя, но и за насъ.» На сеймѣ панъ Остророгъ, каштелянъ Познанскій, объявилъ, что, по его мнѣнію, въ такихъ дѣлахъ, какъ Димитріево, не льзя принимать скорыхъ рѣшеній; боюсь, говорилъ онъ, чтобъ этотъ Димитрій не принесъ намъ чего-нибудь дурнаго. Замойскій говорилъ: «По моему мнѣнію, дѣло это должно было отложить до сейма; не думаю (развѣ Богъ сдѣлаетъ особенное чудо), чтобъ оно пошло хорошо; боюсь, чтобъ слава наша, которую мы пріобрѣли въ чужихъ краяхъ военными подвигами, не затмилась, если войска наши, столь страшныя Москвѣ при королѣ Стефанѣ, будутъ поражены Борисомъ, такимъ негоднымъ человѣкомъ, ибо въ чужихъ краяхъ не знаютъ, пошло ли въ Москву только козачество или войско Польское. Что касается до самого Димитрія, то никакъ не могу себя убѣдить, чтобъ его разсказъ былъ справедливъ. Это похоже на Плавтову или Теренціеву комедію: приказать кого нибудь убить, и особенно такого важнаго человѣка, и потомъ не посмотрѣть, того ли убили, кого было надобно! Величайшая была бы глупость, если бы велѣно было убить козла или барана, подставили другаго, а тотъ, кто билъ, не видалъ. Притомъ и кромѣ этого Димитрія есть въ княже-

ствѣ Московскомъ настоящіе наслѣдники престола, именно князья Шуйскіе: легко увидать ихъ права изъ лѣтописей Русскихъ. По моему, надобно послать къ Московскому князю съ объявленіемъ, что дѣло сдѣлалось безъ согласія короля и республики.» Въ артикулахъ, поданныхъ на сеймѣ, прямо было сказано: «Будемъ стараться всѣми силами, чтобъ смута, начатая Московскимъ господарчикомъ, была утушена, чтобъ отъ Московскаго государя ни корона, ни Литва никакого вреда не потерпѣли. Съ тѣми, которые бы осмѣлились нарушить миръ съ чужими государствами, должно поступать какъ съ измѣнниками.» Король не одобрилъ этихъ артикуловъ. Успѣхъ Лжедимитрія на время заставилъ недовольныхъ молчать; Мнишекъ торжествовалъ; онъ прислалъ къ боярамъ и всему Московскому рыцарству письмо, въ которомъ называлъ себя началомъ и причиною возвращенія Димитріева на престолъ предковъ, и обѣщался, какъ скоро пріѣдетъ въ Москву, способствовать увеличенію правъ боярскихъ и дворянскихъ. Бояре — Мстиславскій и Воротынскій съ товарищами отвѣчали ему: «Въ грамотѣ своей писалъ ты и рѣчью приказывалъ къ намъ съ посланцемъ своимъ, что ты великому государю нашему въ дохожденіи прирожденныхъ панствъ его служилъ и промышлялъ съ великимъ радѣньемъ, и впередъ служить и во времъ добра хотѣть хочешь: и мы тебя за это хвалимъ и благодаримъ.» Царь немедленно отправилъ Аѳанасія Власьева въ Краковъ уговаривать Сигизмунда къ войнѣ съ Турками и испросить согласіе его на отъѣздъ Марины въ Москву; секретаря своего Яна Бучинскаго отправилъ для переговоровъ съ Мнишкомъ; изъ наказовъ, данныхъ Бучинскому, можно ясно видѣть желаніе царя, чтобъ поведеніе жены иновѣрки не произвело непріятнаго впечатлѣнія на народъ: такъ, онъ домогался у Мнишка, чтобъ тотъ выпросилъ у легата позволеніе Маринѣ причаститься у обѣдни изъ рукъ патріарха, потому что безъ этого она не будетъ коронована; чтобъ ей позволено было ходить въ Греческую церковь, хотя втайнѣ можетъ оставаться католичкою; чтобъ въ субботу ѣла мясо, а въ середу пости-

лась по обычаю Русскому, чтобъ голову убирала также по-русски. Говорятъ, будто Сигизмундъ сказалъ Власьеву, что государь его можетъ вступить въ бракъ, болѣе сообразный съ его величіемъ, и что онъ, король, не преминетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ; но Власьевъ отвѣчалъ, что царь никакъ не измѣнитъ своему обѣщанію; прибавляютъ, что Сигизмундъ имѣлъ въ виду женить Лжедимитрія на сестрѣ своей или на княжнѣ Трансильванской. Сигизмундъ скоро долженъ былъ оставить намѣреніе породниться съ царемъ и безъ настояній Власьева; къ нему пріѣхалъ какъ-то Шведъ изъ Москвы съ тайными рѣчами отъ царицы Мареы, въ которыхъ она извѣщала короля, что царь Московскій не ея сынъ. Сигизмундъ немедленно объявилъ объ этомъ извѣстіи Мнишку, который хотя повидимому не обратилъ на него вниманія, однако изъ медленности, съ какою онъ сбирался въ путь и ѣхалъ въ Москву, можно заключить, что онъ чего-то опасался, ждалъ подтвержденія своихъ опасеній.

10 Ноября въ Краковѣ совершено было обрученіе, съ большою пышностію, въ присутствіи короля. Власьевъ, представлявшій жениха, не могъ понять своего положенія и потому смѣшилъ своими выходками. На вопросъ кардинала, совершавшаго обрядъ обрученія, не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ, Власьевъ отвѣчалъ: «а мнѣ какъ знать! о томъ мнѣ ничего не наказано;» и потомъ, когда настоятельно потребовали рѣшительнаго отвѣта, сказалъ: «если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не послалъ бы меня сюда.» Изъ уваженія къ особѣ будущей царицы, онъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, но непремѣнно прежде хотѣлъ обернуть свою руку въ чистый платокъ, и всячески старался, чтобъ платье его никакъ не прикасалось къ платью сидѣвшей подлѣ него Марины. Когда за столомъ король уговаривалъ его ѣсть, то онъ отвѣчалъ, что холопу неприлично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, что съ него довольно чести смотрѣть, какъ они кушаютъ. Ясно послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ смотрѣть Власьевъ, когда Марина стала на ко-

лѣна предъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости: посолъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы Московской.

Исполняя желаніе царя, Власьевъ требовалъ, чтобъ Мнишекъ съ дочерью ѣхалъ немедленно въ Москву; но воевода медлилъ, отзываясь недостаткомъ въ деньгахъ для уплаты долговъ, хотя изъ Москвы пересланы были ему большія суммы, и Лжедимитрій просилъ его поспѣшить пріѣздомъ, не смотря ни на какіе расходы. Мы видѣли уже, что не одинъ недостатокъ въ деньгахъ могъ быть причиною его медленности; такъ въ письмѣ своемъ къ Лжедимитрію онъ говоритъ, что въ Польшѣ много царскихъ доброхотовъ, но также много и злодѣевъ, которые распускаютъ разные нелѣпые слухи; потомъ намекаетъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ своего замедленія — связь Лжедимитрія съ дочерью Годунова — Ксеніею, и проситъ удалить ее. Самозванецъ поспѣшилъ исполнить требованіе: Ксенія была пострижена подъ именемъ Ольги и сослана въ одинъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей. Но Мнишекъ все медлилъ; Лжедимитрій сердился, особенно досадовалъ онъ на невѣсту, которая не отвѣчала ему на его письма, сердясь за Ксенію. Власьевъ, который послѣ обрученія уѣхалъ въ Слонимъ и тамъ дожидался Мнишка, писалъ къ нему: «Сердцемъ и душею скорблю и плачу о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ договорились со мною и какъ, по этому договору, къ Цесарскому величеству писано; великому государю нашему въ томъ великая кручина, и думаю, что на меня за это опалу свою положить и казнить велитъ. А по цесарскаго величества указу, на рубежѣ для великой государыни нашей цесаревы и для васъ присланы ближніе бояре и дворяне и многій дворъ цесарскій, и, живя со многими людьми и лошадьми на границѣ, проѣдаются.» Самъ царь писалъ къ нареченному тестю съ упрекомъ, что не только самъ не даетъ о себѣ никакого извѣстія, но даже задерживаетъ гонцовъ Московскихъ; наконецъ Власьевъ, ждавши понапрасну цѣлый мѣсяцъ Мнишковъ въ Слонимѣ, рѣшился самъ ѣхать къ нимъ въ Самборъ; его увѣщаніе подѣйствовало, и

Марина выбралась въ дорогу, съ огромною свитою родныхъ и знакомыхъ [73].

Сигизмундъ надѣялся, что зять Сендомирскаго воеводы, отдастъ всѣ силы Московскаго царства въ распоряженіе Польскому правительству, которому тогда легко будетъ управиться съ Турками, Крымцами и Шведами, легко будетъ завести торговлю съ Персіею и Индіею. Лжедимитрій дѣйствительно хотѣлъ тѣснаго союза съ Польшею, но не хотѣлъ быть только орудіемъ въ рукахъ Польскаго правительства, хотѣлъ, чтобъ союзъ этотъ былъ столько же выгоденъ и для него, сколько для Польши, и главное, онъ хотѣлъ, чтобъ народъ Московскій не смотрѣлъ на него, какъ на слугу Сигизмундова, обязаннаго заплатить королю за помощь на счетъ чести и владѣній Московскаго государства. По утвержденіи своемъ въ Москвѣ Лжедимитрій спѣшилъ показать свои дружественныя отношенія къ Польшѣ, спѣшилъ сдѣлать то, что можно было для нея сдѣлать. 17 Іюля Смоленскій воевода писалъ Оршинскому старостѣ, что государь Литовскихъ торговыхъ людей пожаловалъ, позволилъ имъ пріѣзжать въ Смоленскъ со всякими товарами и торговать съ государевыми людьми во всемъ повольною торговлею, а кто изъ нихъ захочетъ въ Москву, можетъ ѣхать безпрепятственно. Но этимъ все и ограничилось. Сигизмундъ замѣчалъ холодность со стороны Лжедимитрія и считалъ себя въ правѣ обнаружить досаду. Въ Августѣ пріѣхалъ въ Москву посланникъ Сигизмундовъ Александръ Гонсѣвскій поздравить Лжедимитрія съ восшествіемъ на престолъ; какъ бы желая показать Лжедимитрію, что онъ еще не крѣпокъ на престолѣ и потому рано обнаруживаетъ свою холодность къ Польшѣ, Сигизмундъ велѣлъ объявить ему о слухѣ, будто Борисъ Годуновъ живъ и скрывается въ Англіи; король велѣлъ прибавить при этомъ, что онъ, какъ вѣрный другъ Московскаго государя, велѣлъ пограничнымъ воеводамъ быть наготовѣ и при первомъ движеніи непріятелей Димитрія спѣшить на помощь къ послѣднему. Далѣе Сигизмундъ требовалъ, чтобъ царь не держалъ Густава Шведскаго какъ сына королевскаго, но

посадилъ бы въ заключеніе, потому что Густавъ можетъ быть соперникомъ его, Сигизмунда, въ притязаніяхъ своихъ на Шведскій престолъ; требовалъ также, чтобъ царь отослалъ къ нему Шведскихъ пословъ, которые пріѣдутъ въ Москву отъ Карла IX-го; требовалъ отпуска и уплаты жалованья Польскимъ ратнымъ людямъ, служившимъ Димитрію; для Польскихъ купцовъ требовалъ свободной торговли въ Московскомъ государствѣ; просилъ позволенія Хрипуновымъ, отъѣхавшимъ въ Польшу при Годуновѣ, возвратиться въ отечество, наконецъ просилъ разыскать о сношеніяхъ Виленскаго посадника Голшаницы съ Годуновымъ. Въ грамотѣ королевской Димитрій не былъ названъ царемъ. Лжедимитрій отвѣчалъ: «Хотя мы ни мало не сомнѣваемся въ смерти Бориса Годунова, и потому не боимся съ этой стороны никакой опасности, однако съ благодарностію принимаемъ предостереженіе королевское, потому что всякій знакъ его расположенія для насъ пріятенъ; усердно благодаримъ также короля за приказъ, данный старостамъ Украинскимъ. Карлу Шведскому пошлемъ суровую грамоту, но подождемъ еще, въ какихъ отношеніяхъ будемъ сами находиться съ королемъ, потому что сокращеніе нашихъ титуловъ, сдѣланное его величествомъ, возбуждаетъ въ душѣ нашей подозрѣніе на счетъ его искренней пріязни. Густава хотимъ держать у себя не какъ князя или королевича Шведскаго, но какъ человѣка ученаго. Если Карлъ Шведскій пришлетъ гонцовъ въ Москву, то я дамъ знать королю, съ какими предложеніями они пріѣхали, а потомъ уже будемъ сноситься съ королемъ, что̀ предпринять далѣе. Ратныхъ людей, которые намъ служили, какъ прежде не задерживали, такъ и теперь всѣхъ отпускаемъ свободно. Свободную торговлю купцамъ Польскимъ повсюду въ государствѣ нашемъ позволимъ и отъ обидъ ихъ будемъ оборонять. Хрипуновымъ, по желанію королевскому, позволяемъ возвратиться на родину и обѣщаемъ нашу благосклонность. О Голшаницѣ прикажемъ развѣдать и дадимъ знать королю съ гонцомъ нашимъ.

Лжедимитрій не только не хотѣлъ, въ угоду королю, отказаться

отъ царскаго титула своихъ предшественниковъ, но еще вздумалъ перевесть Русское слово царь на понятное всей Европѣ Цесарь или императоръ, прибавивъ къ нему слово непобѣдимый. Ясно, что это новое требованіе могло повести только къ новымъ неудовольствіямъ. Однако Лжедимитрій зналъ, что Сигизмунда нельзя раздражать, пока Марина еще въ Польшѣ, и потому просилъ папскаго посланника, графа Рангони, сказать отъ него королю, что онъ очень удивляется сомнѣнію, которое обнаружилъ король касательно его расположенія лично къ нему и ко всему королевству Польскому, что сильно оскорбляетъ его также и умаленіе его титуловъ, сдѣланное королевскою канцеляріею. Если онъ, царь, обнаружилъ холодность къ королю и къ Польшѣ, то единственно изъ опасенія возбудить нерасположеніе и измѣну подданныхъ, ибо между ними уже идутъ слухи, что царь хочетъ отдать королю часть Московскаго государства и даже объявить себя подручникомъ Польши. Лжедимитрій просилъ Рангони увѣрить короля, что онъ не забылъ его благодѣяній, почитаетъ его не столько братомъ, сколько отцемъ, и согласенъ исполнить всѣ его желанія, но что касается до титуловъ, то никогда не откажется отъ своего требованія, хотя изъ-за этого и не начнетъ войны съ Польшею. Касательно Густава Рангони долженъ былъ сказать королю, что царь держитъ его и ждетъ, что велитъ сдѣлать съ нимъ Сигизмундъ. Любопытны послѣднія слова наказа даннаго Рангони; изъ нихъ ясно видно, что царь льстилъ королю только для того, чтобъ какъ можно скорѣе выманить изъ Польши Марину: «Мы хотимъ, велѣлъ сказать Лжедимитрій Сигизмунду, отправить нашихъ великихъ пословъ на большой сеймъ; но теперь отсрочили это посольство, потому что прежде хотимъ поговорить о вѣчномъ мирѣ съ вельможнымъ паномъ Юріемъ Мнишкомъ.» Бучинскій послѣ объяснялъ королю, что нѣкоторые Поляки задержаны Димитріемъ именно изъ опасенія, что не выпустятъ Марину изъ Польши; Бучинскому былъ данъ наказъ: соглашаться на все, лишь бы выпустили панну.

Бучинскій пересылалъ Лжедимитрію дурныя вѣсти: онъ писалъ,

что требованія его относительно титула произвели всеобщее негодованіе между панами; что тѣ изъ нихъ, которые и прежде ему не благопріятствовали, подняли теперь снова головы и голоса: такъ воевода Познаньскій упрекалъ короля въ неблагоразумномъ поведеніи относительно дѣлъ Московскихъ, говорилъ, что отказавши Димитрію въ помощи, можно было бы много выторговать у Годунова, а теперь отъ Димитрія вмѣсто благодарности однѣ только досады: требуетъ такого титула, какого не имѣетъ ни одинъ государь христіанскій; за это самое, продолжалъ воевода, Богъ лишитъ Димитрія престола, да и въ самомъ дѣлѣ пора уже показать всему свѣту, что̀ это за человѣкъ, а подданные его должны и сами о томъ догадаться. Сюда присоединялись еще жалобы Поляковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы ни съ чѣмъ, потому что пропировали тамъ все жалованье. Въ заключеніе Бучинскій доносилъ о слухахъ изъ Москвы, что Димитрій не есть истинный царевичь и не долго будетъ признаваться такимъ. Слухи эти, по Польскимъ извѣстіямъ, дошли такимъ образомъ: когда Димитрій, узнавши объ обрученіи Марины, выбиралъ человѣка, котораго бы могъ послать съ благодарственными письмами къ Мнишку и королю, то Шуйскіе обратили его вниманіе на Ивана Безобразова, который и былъ отправленъ въ Краковъ съ письмами отъ Димитрія и съ тайнымъ порученіемъ отъ бояръ. Онъ требовалъ свиданія съ Литовскимъ канцлеромъ Сапѣгой; но король нашелъ, что важность сана Сапѣги обращала на него всеобщее вниманіе, и потому трудно было бы скрыть переговоры его съ Безобразовымъ отъ Бучинскаго и Русскихъ, находившихся въ Краковѣ. Уговорились, чтобы вмѣсто Сапѣги Безобразовъ открылся возвратившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Послѣдній узналъ отъ Безобразова, что Шуйскій и Голицыны жалуются на короля, зачѣмъ онъ навязалъ имъ человѣка низкаго, легкомысленнаго, распутнаго тирана, ни въ какомъ отношеніи недостойнаго престола. Безобразовъ объявилъ о намѣреніи бояръ свергнуть Лжедимитрія и возвести на престолъ сына Сигизмундова, королевича Владислава. Бояре, если извѣстіе справедливо,

достигали своей цѣли какъ нельзя лучше: Сигизмундъ, который теперь въ низложеніи Димитрія видѣлъ не ущербъ, но выгоду для себя и для Польши, велѣлъ отвѣчать боярамъ, что онъ очень жалѣетъ, обманувшись на счетъ Димитрія и не хочетъ препятствовать имъ промышлять о самихъ себѣ. Что же касается до королевича Владислава, то онъ, король, самъ не увлекается честолюбіемъ, хочетъ и сыну внушить такую же умѣренность, предоставляя все дѣло волѣ Божіей [74].

Римскій дворъ внимательно слѣдилъ за отношеніями Лжедимитрія къ Польшѣ, потому что отъ нихъ всего болѣе зависѣло дѣло католицизма, введеніе котораго въ свое государство обѣщалъ самозванецъ папѣ: еслибъ царь разорвалъ связь съ Польшею, съ Мнишкомъ, то уже тѣмъ меньше сталъ бы обращать вниманія на прежнія обязательства свои относительно двора Римскаго. Вотъ почему кардиналъ Боргезе писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ, Рангони, что его святѣйшество очень безпокоится на счетъ неудовольствія Московскаго посла Власьева на Поляковъ, хотя должно надѣяться, прибавляетъ кардиналъ, что великій князь не раздѣлитъ мнѣніе своего посла, и не забудетъ услугъ, оказанныхъ ему королемъ. Нунцій Рангони писалъ къ Лжедимитрію, что онъ всего болѣе старается объ усиленіи любви и укрѣпленіи союза между нимъ и Сигизмундомъ. Извѣщая царя о восшествіи на престолъ папы Павла V-го, Рангони просилъ его, чтобъ онъ послалъ поздравить новоизбраннаго папу, къ которому уже отправленъ портретъ его. Посылая къ Лжедимитрію, между прочими подарками, Латинскую библію послѣдняго изданія, Рангони изъявляетъ желаніе, чтобъ царь особенно обратилъ вниманіе свое на глаголъ Божій къ Израильтянамъ: «Нынѣ аще послушаніемъ послушаете гласа моего и снабдите завѣтъ мой, будете мои людіе суще отъ всѣхъ языкъ.» Текстъ этотъ нунцій примѣняетъ къ Димитрію, намекая, что ему остается, въ благодарность за благодѣяніе Божіе, исполнить обѣщаніе свое, ввести католицизмъ въ Московское государство; но при этомъ Рангони совѣтуетъ, чтобъ царь началъ это дѣло мудро и бережно, дабы, въ про-

тивномъ случаѣ не претерпѣть какого-нибудь вреда. Также осторожно поступалъ и іезуитъ Лавицкій, бывшій при Димитріи въ Москвѣ: извѣщая старшину своего ордена въ Польшѣ о дѣлѣ Шуйскаго, о томъ, что однимъ изъ обвиненій Шуйскаго царю было намѣреніе послѣдняго разрушить всѣ церкви Московскія по совѣту враговъ народа Русскаго, іезуитовъ, Лавицкій пишетъ: «мы наложили на себя молчаніе, не говоримъ съ царемъ ни объ одномъ нашемъ дѣлѣ, опасаясь Москвитянъ, чтобъ царь имѣлъ полную свободу въ дѣйствіяхъ и могъ склонить вельможъ къ своимъ намѣреніямъ.

Лжедимитрій исполнилъ просьбу нунція, отправилъ къ новому папѣ поздравительное письмо, въ которомъ съ признательностію упоминаетъ о расположеніи къ себѣ покойнаго папы Климента VIII. Извѣщая о счастливомъ окончаніи борьбы своей съ Годуновымъ, Димитрій говоритъ, что въ надеждѣ на помощь и покровительство Божіе, столь явно ему оказанное, онъ нехочетъ проводить время въ праздности, но будетъ всѣми силами заботиться о благѣ христіанства: для этого онъ намѣренъ соединить свои войска съ императорскими противъ Турокъ и проситъ папу убѣдить императора не заключать мира съ послѣдними. О введеніи католицизма между своими подданными ни слова, и хотя пишетъ, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ сообщитъ папѣ отправившійся въ Римъ іезуитъ Лавицкій, однако въ наказѣ, данномъ послѣднему, также ничего не говорится о введеніи католицизма: изъ этого наказа узнаемъ только о желаніи царя, чтобъ папа склонилъ императора и короля Польскаго къ войнѣ съ Турками, чтобъ папа склонилъ также Сигизмунда дать Димитрію императорскій титулъ, наконецъ чтобъ папа возвелъ въ кардиналы пріятеля Димитріева, Рангони. Новый папа отвѣчалъ Димитрію также поздравленіемъ съ побѣдою надъ тираномъ Годуновымъ, при чемъ особенно благодарилъ Бога за то, что Димитрій взошелъ на престолъ предковъ, уже принявши католицизмъ: это обстоятельство, по словамъ папы, и было главною причиною его торжества; письмо заключается увѣщаніемъ сохранить принятое ученіе. Между тѣмъ карди-

налъ Валенти писалъ къ нунцію въ Польшу, что должно разыскивать всѣми средствами и вести переписку со многими особами, чтобъ имѣть вѣрныя извѣстія о Московскихъ событіяхъ; особенно нужно знать мнѣніе, какое имѣютъ о нихъ люди умные и опытные. Въ письмѣ къ Сигизмунду папа благодаритъ его за помощь, оказанную Димитрію особенно потому, что эта помощь полезна церкви Божіей, ибо если Димитрій, принявши во время изгнанія своего католицизмъ, сохранить это ученіе и по возвращеніи къ своему народу, то нѣтъ сомнѣнія, что оно распространится со временемъ и между Москвитянами. Папа писалъ также къ кардиналу Мацѣевскому, чтобъ тотъ уговорилъ Мнишка воспользоваться своимъ вліяніемъ на Димитрія и поддерживать въ немъ расположеніе къ католицизму; въ такомъ случаѣ, прибавляетъ папа, Москвитяне со временемъ приведены будутъ въ лоно Римской церкви, потому что народъ этотъ, какъ слышно, отличается необыкновенною привязанностію къ своимъ государямъ. Въ томъ же духѣ писалъ Павелъ V-й къ самому Мнишку, убѣждая его содѣйствовать всѣми силами трудному дѣлу обращенія Москвитянъ. Кардиналъ Валенти наказывалъ, именемъ папы, нунцію Рангони, чтобъ тотъ обращался какъ можно ласковѣе съ Московскимъ посломъ Власьевымъ, чтобъ послѣдній остался имъ вполнѣ доволенъ и расположенъ къ продолженію дружелюбныхъ сношеній. Вскорѣ послѣ тотъ же кардиналъ писалъ къ тому же нунцію, что папа въ восхищеніи отъ успѣшныхъ дѣлъ Димитрія, и воздаетъ благодарность Богу, Который, среди трудовъ, предпринятыхъ для блага общаго, соблаговолилъ утѣшить его надеждою видѣть во время своего первосвященства обращеніе Московскихъ отщепенцовъ къ религіи католической. Увѣдомляетъ также, что папа очень доволенъ обращеніемъ нунція съ Московскимъ посломъ, который уласканъ учтивостями Рангони, что папа проситъ послѣдняго продолжить подобное обращеніе, могущее служить очень полезнымъ средствомъ для уловленія умовъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ ласковость очень дорого цѣнится. Узнавъ о короновании Димитрія, папа писалъ къ

нему: «Мы увѣрены, что католическая религія будетъ предметомъ твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могутъ поклоняться Господу и снискивать его помощь; убѣждаемъ и умоляемъ тебя стараться всѣми силами о томъ, чтобъ желанныя наши чада, народы твои, приняли Римское ученіе; въ этомъ дѣлѣ обѣщаемъ тебѣ нашу дѣятельную помощь, посылаемъ монаховъ, знаменитыхъ чистотою жизни, а если тебѣ будетъ угодно, то пошлемъ и епископовъ.

Между тѣмъ король Сигизмундъ, недовольный поведеніемъ Димитрія относительно Польши, не очень охотно видѣлъ сильное доброжелательство къ нему Римскаго двора, и потому противился отправленію графа Рангони, племянника нунціева, посломъ въ Москву. Рангони поѣхалъ къ Димитрію противъ воли королевской, за что Римскій дворъ очень сердился на дядю его, нунція, какъ видно изъ двухъ писемъ кардинала Боргезе къ послѣднему; папа боялся, чтобъ это посольство не увеличило смуты, подозрѣнія Москвитянъ, и такимъ образомъ не повредило дѣлу католицизма, пользы которому папа болѣе всего надѣялся отъ брака Димитріева на Маринѣ: кардиналъ Боргезе писалъ нунцію, что его святѣйшество ожидаетъ и духовныхъ плодовъ отъ этого брака для блага всего христіанства. Самъ папа писалъ къ Димитрію, что бракъ его на Маринѣ есть дѣло въ высокой степени достойное его великодушія и благочестія, что этимъ поступкомъ Димитрій удовлетворилъ всеобщему ожиданію: «мы не сомнѣваемся, продолжаетъ папа, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно Римской церкви и народъ Московскій, потому что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благороднѣйшій бракъ.» Тоже самое писалъ папа къ Маринѣ и отцу ея. Павелъ V-й счелъ нужнымъ напомнить Димитрію о

письмѣ, которое тотъ писалъ къ предшественнику его, Клименту VIII 30 Іюля 1604 года; напомнивъ о письмѣ, папа повторяетъ увѣщанія свои просвѣтить свѣтомъ католическаго ученія народъ, до сихъ поръ сидѣвшій во мракѣ и сѣни смертной, при чемъ снова обѣщался прислать благочестивыхъ людей и даже епископовъ на помощь великому дѣлу, если царь признаетъ это нужнымъ. Папа такъ спѣшилъ бракомъ самозванца съ Мариною, что уполномочилъ патера Савицкаго обвѣнчать ихъ тайно въ великій постъ. Зная, что Лжедимитрій добивается императорскаго титула, папа черезъ кардинала Боргезе наказывалъ нунцію удовлетворить въ этомъ отношеніи желанію царя, и потому Рангони даетъ Димитрію требуемый титулъ: «Serenissimo et invictissimo Monarchae Demetrio Ioannis, Caesari ac Magno Duci totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Domino et Regi.

Не считая приличнымъ прямо требовать отъ Сигизмунда, чтобъ тотъ уступилъ желаніемъ Димитрія относительно титула, папа косвеннымъ образомъ намекалъ королю, какъ бы важенъ былъ союзъ Москвы съ Польшею для дружнаго нападенія на общихъ враговъ — Татаръ. Кардиналъ Боргезе, въ письмѣ своемъ къ нунцію говоритъ, что такъ какъ великій князь Московскій показываетъ сильное расположеніе къ союзу съ Польшею противъ Татаръ, то на будущемъ сеймѣ не должно быть никакого затрудненія на счетъ предложеннаго союза, при чемъ требуетъ отъ нунція, чтобъ тотъ устремилъ всѣ свои мысли для приведенія этого дѣла къ желанному концу. Въ тоже самое время кардиналъ писалъ другое письмо къ Рангони, въ которомъ отъ имени папы уполномочивалъ его убѣждать короля къ уступкѣ требованіямъ Димитрія, если только онъ, Рангони думаетъ, что посредничество папы можетъ подѣйствовать на короля, и если уступка послѣдняго склонитъ царя къ союзу противъ Татаръ; и самъ папа писалъ къ Сигизмунду, умоляя его поддержать и усилить союзъ съ Димитріемъ.

Но въ то самое время, какъ Римскій дворъ употреблялъ всѣ

усилія для скрѣпленія союза между Москвою и Польшею, возникли затрудненія въ собственныхъ сношеніяхъ его съ Димитріемъ: папа надѣялся, что бракъ царя на католичкѣ будетъ могущественно содѣйствовать распространенію Латинства въ Московскихъ областяхъ; но Димитрій требовалъ, чтобъ Марина содержала католицизмъ втайнѣ, наружно же исполняла обряды закона Греческаго, ходила въ Русскую церковь, постилась въ дни предписанные православіемъ. Нунцій Рангони, къ которому Дмитрій обратился съ этими требованіями, отвѣчалъ, что, не смотря на пламенное желаніе услужить ему, онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить его желанію, ибо такое важное и трудное дѣло требуетъ для своего рѣшенія власти высшей и разсужденія болѣе зрѣлаго. Не желая, чтобъ это дѣло пошло далѣе, Рангони пишетъ къ Димитрію: «Я не сомнѣваюсь, что когда ваше величество разсмотрите это дѣло съ своею обычною мудростію и извѣстнымъ благочестіемъ, то, посредствомъ самодержавной власти, которой никто противиться не долженъ, отстраните всѣ затрудненія, не потерпите, чтобъ закону дано было неприличное истолкованіе, и не сдѣлаете никакого принужденія вашей невѣстѣ въ столь важномъ дѣлѣ: въ противномъ случаѣ могутъ произойти большія непріятности. Притомъ же это дѣло не новое: повсюду видимъ, что женщины Греческаго закона выходятъ замужъ за Латыновъ, и на оборотъ, при чемъ каждый изъ супруговъ сохраняетъ прежнее исповѣданіе, прежніе обряды; этотъ обычай имѣетъ силу не только для частныхъ людей, но и для государей; говорятъ, что одинъ изъ вашихъ предковъ, задумавъ жениться на королевнѣ Польской, именно предлагалъ, чтобъ она удержала всѣ обряды церкви Латинской.» Однако Димитрій не тронулся увѣщаніями нунція, и дѣло было отослано на рѣшеніе папы. 4 Марта 1606 года Боргезеса увѣдомлялъ Рангони, что пункты, предложенные царемъ, рѣшены не согласно съ его желаніемъ, ибо конгрегація изъ кардиналовъ и теологовъ, послѣ тщательнаго обсужденія предмета, произнесла приговоръ, что престолъ апостольскій не разрѣшаетъ въ подобныхъ слу-

чаяхъ, и не бывало примѣра, чтобъ когда-нибудь разрѣшилъ. Въ такихъ же точно обстоятельствахъ находился и нынѣ царствующій король Польскій, когда отправился въ Швецію для принятія престола: но ему не было позволено сообразоваться съ Лютеранскими обычаями.

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Римъ Лавицкій; папа извѣстилъ объ этомъ Димитрія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждали отъ тебя писемъ, что даже упрекали въ медленности Андрея Лавицкаго, человѣка самаго старательнаго: когда сильно чего-нибудь желаешь, то всякое замедленіе нестерпимо. Наконецъ онъ пріѣхалъ, отдалъ намъ твои письма, разсказалъ о тебѣ вещи достойныя; мы жалѣли только объ одномъ, отчего онъ не могъ сказать намъ всего вдругъ, какъ бы намъ хотѣлось. Такое наслажденіе доставилъ онъ намъ своими рѣчами, что мы не могли удержать радостныхъ слезъ; мы твердо увѣрены теперь, что апостольскій престолъ сдѣлаетъ самыя великія пріобрѣтенія, когда ты будешь твердо и мудро управлять тѣми странами. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, соблаговолившій утѣшить насъ въ безпокойствахъ! У тебя поле обширное: сади, сѣй, пожинай на немъ, повсюду проводи источники благочестія, строй зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; воспользуйся удобностію мѣста, и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ Римскую церковь. Такъ какъ ты можешь дѣлать въ землѣ своей все, что захочешь, то повелѣвай. Пусть народы твои услышатъ гласъ истиннаго пастыря, Христова на землѣ намѣстника!» Не смотря однако на восторженный тонъ папскаго письма, въ немъ проглядываетъ безпокойство: видно, что Лавицкій принесъ папѣ не однѣ только утѣшительныя вѣсти; Павла V безпокоило то, что тѣлохранителями Димитрія были иностранцы, исповѣдывавшіе протестантизмъ, что въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей были два Поляка, братья Бучинскіе, которые также не были католиками; вотъ почему папа пишетъ въ заключеніе письма: «Посылаемъ къ тебѣ обратно Лавицкаго, который много кой чего объявитъ тебѣ отъ

нашего имени; особенно внемли увѣщаніямъ не ввѣрять себя и своихъ еретикамъ и не удаляться отъ совѣта мудрыхъ и благочестивыхъ людей.» Подъ послѣдними папа разумѣетъ Мнишка съ товарищами, и особенно католическихъ духовныхъ; изъ этихъ же словъ видно, что царь не слишкомъ приклонялся къ совѣтамъ мудрыхъ и благочестивыхъ, и нуждался въ увѣщаніяхъ по этому случаю. Гораздо болѣе могъ надѣяться папа отъ Марины; онъ писалъ къ ней: «Мы оросили тебя своими благословеніями, какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ господнемъ; да будешь дщерь, Богомъ благословенная, да родятся отъ тебя сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ желаетъ святая матерь наша церковь, каковыхъ обѣщаетъ благочестіе родительское, то есть, самыхъ ревностныхъ распространителей вѣры Христовой.» Потомъ папа увѣщеваетъ Марину воспитывать будущихъ дѣтей своихъ въ строгости и благочестіи, съ младенчества напитать ихъ мыслію, что на нихъ лежитъ обязанность распространять истинную религію. Въ заключеніи Павелъ V-й поручаетъ расположенію Московской царицы Андрея Лавицкаго и весь орденъ Іезуитовъ, полезный цѣлому свѣту. Къ воеводѣ Сендомирскому папа писалъ, что онъ всего болѣе полагается на его благочестіе и нуждается въ его совѣтѣ и помощи. Павелъ V-й изъявляетъ надежду, что народъ Московскій легко обратится въ католицизмъ, потому что отъ природы кротокъ и до сихъ поръ еще не былъ зараженъ ересями.

Доѣхавши до Вязьмы, старый Мнишекъ оставилъ здѣсь дочь, а самъ поспѣшилъ въ Москву, куда пріѣхалъ 24 Апрѣля 1606 года; 2 Мая съ большимъ великолѣпіемъ въѣхала въ Москву Марина и остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ; считали, что самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ издержалъ до четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. 8 Мая Марина была коронована и обвѣнчана съ Лжедимитріемъ по старому Русскому обряду; новостію было то, что у Марины въ другихъ дружкахъ былъ панъ Тарло, во свахахъ его жена[75]; другою новостію было то, что на

свадьбѣ присутствовали послы короля Польскаго, Николай Олѣсницкій и Александръ Гонсѣвскій; но присутствіе этихъ небывалыхъ гостей на придало большаго веселья свадьбѣ. При первомъ пріемѣ ихъ уже начались неудовольствія, не смотря на усердное посредничество стараго Мнишка. Димитрій требовалъ императорскаго титула, Сигизмундъ отказывалъ ему даже и въ томъ титулѣ, который Польское правительство давало его предшественникамъ, не называлъ даже его и великимъ княземъ, а просто княземъ. Послѣднее трудно объяснить одною только досадою на неумѣренныя требованія Лжедимитрія: вѣроятно эта охота дразнитъ послѣдняго пришла королю тогда, когда получилъ онъ вѣрныя вѣсти о непрочности его на престолѣ. Когда Димитрій не хотѣлъ взять королевской грамоты, потому что въ ней не давалось ему цесарскаго титула, то Олѣсницкій сказалъ ему: «Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престолѣ, который достался вамъ дивнымъ промысломъ Божіимъ, милостію королевскою, помощію Польскаго народа; вы скоро забыли это благодѣяніе.» Лжедимитрій отвѣчалъ: «Мы не можемъ удовольствоваться ни титуломъ княжескимъ, ни господарскимъ, ни царскимъ, потому что мы императоръ въ своихъ обширныхъ государствахъ и пользуемся этимъ титуломъ не на словахъ только, какъ то дѣлаютъ другіе, но на самомъ дѣлѣ, ибо никакіе монархи, ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ни цезари Римскіе не имѣли на него большаго, чѣмъ мы, права. Намъ нѣтъ ровнаго въ полночныхъ краяхъ касательно власти: кромѣ Бога и насъ здѣсь никто не повелѣваетъ.» Олѣсницкій отговорился тѣмъ, что царь не присылалъ къ королю особыхъ пословъ съ требованіемъ императорскаго титула, и что Сигизмундъ не можетъ дать ему этотъ титулъ безъ согласія сейма. Димитрій возражалъ, что уже сеймъ конченъ и послы отправились съ сейма, но что нѣкоторые Поляки не совѣтуютъ королю давать ему, Димитрію, должнаго титула. Олѣсницкій требовалъ отпуска и хотѣлъ выйти; Димитрій, бывши хорошо знакомъ съ нимъ въ Польшѣ, звалъ его къ рукѣ, какъ частнаго человѣка и стараго пріятеля, но посолъ

отвѣчалъ, что не можетъ принять этой чести: «Какъ вы, сказалъ онъ царю, знали меня въ Польшѣ усерднымъ своимъ пріятелемъ и слугою, такъ теперь пусть король узнаетъ во мнѣ вѣрнаго подданнаго и добраго слугу.» Тогда Димитрій сказалъ Олѣсницкому: «Подойди, вельможный панъ, какъ посолъ;» Олѣсницкій отвѣчалъ: «Подойду тогда, когда вы согласитесь взять грамоту королевскую,» — и Димитрій согласился взять ее. Послѣ этого оба посла подошли къ рукѣ царской; дьякъ взялъ грамоту и, прочитавъ, отвѣчалъ, что цесарь беретъ ее только для своей свадьбы, но что послѣ никогда ни отъ кого не приметъ грамоты, въ которой не будетъ прописано его полнаго титула. Но этимъ споры и неудовольствія не кончились: послы отказались участвовать въ брачныхъ пирахъ Димитрія, потому что онъ не хотѣлъ посадить ихъ за одинъ столъ съ собою; въ этомъ случаѣ уступили Поляки, благодаря посредничеству Мнишка.

Обнаружилось, что главная цѣль, для которой, послѣ пріѣзда Марины, царь хотѣлъ поддержать союзъ съ Польшею, не могла быть достигнута. Нунцій Рангони писалъ къ Димитрію, что хотя онъ, по приказу папы, и говорилъ съ королемъ Сигизмундомъ о тройномъ союзѣ между Москвою, Польшею и Имперіею, однако къ заключенію этого союза встрѣчаются неодолимыя препятствія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ народная вражда между Нѣмцами и Поляками; король можетъ согласиться на союзъ съ Имперіею только на томъ условіи, чтобъ всѣ имперскіе князья на это согласились и дали клятву не оставлять Поляковъ во все продолженіе войны съ невѣрными; но при извѣстномъ состояніи дѣлъ въ Германіи отъ князей нельзя ожидать подобнаго обязательства. Поэтому папа хотѣлъ ограничиться союзомъ Москвы съ Польшею противъ однихъ Крымскихъ Татаръ, истребленіемъ которыхъ оба государства отняли бы у Порты важное пособіе и дали бы императору возможность съ бо́льшимъ успѣхомъ дѣйствовать противъ нея въ Венгріи. Но война съ Крымцами была вмѣстѣ и войною съ Турціею, которая не могла оставить безъ помощи сво-

ихъ подданныхъ, и если Сигизмундъ отговаривался отъ войны съ Турками, то не могъ начать и похода на Крымъ. Послы — Олѣсницкій и Гонсѣвскій, начавши переговоры съ боярами, предложили имъ вопросъ: «когда и съ какими силами государь ихъ намѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ?» Бояре отвѣчали: «Нашъ цесарь намѣренъ воевать съ погаными единственно по ревности къ славѣ Божіей и святой вѣрѣ, безо всякихъ другихъ видовъ. Если же король поручилъ вамъ только вывѣдать наши мысли, чтобъ послѣ самому ничего не дѣлать, то это будетъ коварствомъ и обманомъ.» На это послы сказали: «Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ переговоровъ: кто предлагаетъ какое-нибудь важное дѣло и требуетъ чего нибудь отъ другаго, тотъ самъ прежде всего объявляетъ свои средства.» Тогда бояре пошли переговорить съ цесаремъ, и, возвратившись, объявили, что самъ Димитрій скоро будетъ говорить съ послами въ присутствіи ближнихъ бояръ; но эти переговоры не могли состояться. Димитрій, по свидѣтельству лѣтописи, объявилъ своимъ подданнымъ, что ни одной пяди Московской земли не отдастъ Литвѣ: что это объявленіе не было сдѣлано только для успокоенія своихъ, доказательствомъ служатъ условія, предложенныя ему Польскимъ правительствомъ, и отвѣты его на нихъ. Поляки требовали 1) чтобъ Димитрій отдалъ Польшѣ землю Сѣверскую; 2) заключилъ вѣчный союзъ съ Польшею; 3) чтобъ позволилъ іезуитамъ и прочему католическому духовенству войти въ Московское государство и строить тамъ церкви; 4) чтобъ помогъ Сигизмунду возвратить Шведскій престолъ. На первое требованіе Лжедимитрій отвѣчалъ: земли Сѣверской не отдамъ, но дамъ за нее деньги; на второе: союза съ Польшею и самъ чрезвычайно желаю; на третье: церквей Латинскихъ и іезуитовъ не хочу; на четвертое: для возвращенія Швеціи буду помогать деньгами. Чтобъ показать на дѣлѣ расположеніе свое къ союзу съ Польшею, готовность сдѣлать для короля все, что только не влекло за собою ущерба цѣлости или чести Московскаго государства, Лжедимитрій, еще въ 1605 году послалъ къ Карлу IX Шведскому письмо съ объявленіемъ о своемъ во-

царенія, съ увѣщаніемъ возвратить похищенный престолъ Сигизмунду и съ угрозою начать войну въ случаѣ отказа [76].

Но въ то время какъ въ Москвѣ происходили брачныя торжества и велись переговоры о великихъ предпріятіяхъ, на юго-восточныхъ границахъ государства обнаружилось явленіе, которое показывало опасное состояніе государственнаго организма, показывало, что рана раскрылась и дурные соки начали приливать къ ней: при жизни перваго самозванца уже явился второй. Самые дальнѣйшіе козаки, Терскіе хотѣли, подобно другимъ собратіямъ своимъ, жить на счетъ сосѣдей: сперва думали они идти на рѣку Куру и грабить Турецкія области, а въ случаѣ неудачи предложить услуги свои Персидскому шаху Аббасу. Но скоро ихъ кто-то надоумилъ, что гораздо выгоднѣе, подъ знаменами самозванца, пустошить Московское государство и получить такуюже честь, какую Донцы и Черкасы получили отъ Лжедимитрія. Триста самыхъ удалыхъ изъ Терскихъ козаковъ, подъ начальствомъ атамана Ѳедора Бодырина, условились выставить искателя престола, и стали разглашать, что въ 1592 году царица Ирина родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Ѳеодосіею, скоро послѣ того умершею: выдумка, по всѣмъ вѣроятностямъ, Московская, а не Терская, ибо странно, чтобъ какому нибудь козаку пришли на умъ такія хитрости. Какъ бы то ни было, двое молодыхъ козаковъ, Астраханецъ Дмитрій и Муромецъ Илья признаны были способными играть роль царевича; но первый отказался, что въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ, не знаетъ и тамошнихъ дѣлъ и царскихъ обычаевъ; тогда положили Ильѣ быть царевичемъ. Илья былъ побочный сынъ Муромскаго жителя Ивана Коровина. По смерти отца и матери его взялъ Нижегородскій купецъ Грозильниковъ въ сидѣльцы, и сидѣлъ онъ въ лавкѣ съ яблоками да съ горшками. Оставаясь три года въ этой должности, Илья имѣлъ случай съѣздить въ Москву, гдѣ прожилъ пять мѣсяцевъ. Отойдя отъ Грозильникова, нанимался онъ у разныхъ торговыхъ людей въ кормовые козакаки и ходилъ съ судами по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ; въ 1603 году онъ яв-

лнется уже козакомъ при войскѣ, ходившемъ въ Тарки, здѣсь перешелъ изъ козаковъ въ стрѣльцы, а по возвращеніи изъ похода въ Терскій городъ, вступилъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ 1604 года, поѣхалъ въ Астрахань, гдѣ опять вступилъ въ козаки и отправился на Терекъ въ отрядѣ головы Аѳанасія Андреева. Всѣ эти похожденія показываютъ, что Ильѣ не могло быть меньше двадцати лѣтъ отъ роду, тогда какъ царевичу Петру не могло быть больше четырнадцати; но такая несообразность не остановила козаковъ, они говорили: «Государь насъ хотѣлъ пожаловать, да лихи бояре, переводятъ жалованье бояре, да не дадутъ жалованья.» Они твердо положили исполнить свое намѣреніе и отвезли Илью къ козачьему атаману Гаврилѣ Пану. Терскій воевода, Петръ Головинъ, узнавъ о появленіи самозванца, послалъ къ козакамъ съ предложеніемъ отаслять его къ нему въ городъ; но козаки не послушались и спустились на стругахъ до моря, гдѣ остановились на островѣ, противъ устья Терека. Напрасно Головинъ уговаривалъ ихъ не покидать границы беззащитною и оставить, по крайней мѣрѣ, половину козаковъ на Терекѣ: козаки не хотѣли ничего слушать, и всѣ, въ числѣ 4000, отправились къ Астрахани. Не будучи впущены въ городъ, они миновали его и поплыли вверхъ по Волгѣ, занимаясь разбойничествомъ. Лжедимитрій, неизвѣстно по какому побужденію, послалъ звать царевича Петра въ Москву, объявивъ, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Посланный засталъ его въ Самарѣ; козаки приняли предложеніе и двинулись съ Ильею въ Москву; но дядя не могъ уже свидѣться съ племянникомъ. [77].

Шуйскій былъ возвращенъ изъ ссылки, снова приблизился къ царю, который позволилъ ему жениться, вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ, и старикъ спѣшилъ помолвить на княжнѣ Буйносовой-Ростовской; но вмѣстѣ онъ спѣшилъ составить заговоръ противъ довѣрчиваго царя. Неудовольствія противъ послѣдняго должны были увеличиться съ исполненіемъ его пламеннаго желанія, съ пріѣздомъ Марины. Мы видѣли, что Лже-

димитрій, не будучи въ состояніи отказаться отъ брака съ Мариною, въ то же время не хотѣлъ оскорблять Русскихъ людей въ ихъ коренныхъ убѣжденіяхъ, требовалъ и настоялъ, чтобъ Марина, оставаясь втайнѣ католичкою, сообразовалась съ постановленіями православной церкви и съ обычаями народными. Но этою сдѣлкою нельзя было всѣхъ удовлетворить: люди приближенные хорошо знали, что царица остается латынкою некрещенною, и между духовенствомъ не могли не явиться ревнители, которые явно возстали противъ этого: такъ Гермогенъ, митрополитъ Казанскій, и Іоасафъ, архіепископъ Коломенскій, говорили, что если Марина не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ; Гермогена удалили въ его епархію и тамъ заключили въ монастырь; Іоасафа оставили въ покоѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Неизвѣстно также по какимъ причинамъ Лжедимитрій, столько осторожный въ этомъ отношеніи, не хотѣлъ сообразоваться съ уставомъ церковнымъ, и вѣнчался 8 Мая, на пятницу и на Николинъ день. Были неудовольствія и другаго рода: для помѣщенія родныхъ невѣсты и другихъ свадебныхъ гостей вывели изъ кремлевскихъ домовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ; арбатскіе и чертольскіе священники выведены были также изъ домовъ, въ которыхъ помѣщены иностранные тѣлохранители царскіе. Поляки, спутники Марины, вели себя нагло; козаки подражали имъ; но торговые люди утѣшали себя тѣмъ, что получали большіе барыши съ расточительныхъ гостей. Говорятъ еще объ одномъ распоряженіи Лжедимитрія, которое если бы въ самомъ дѣлѣ было исполнено, то могло бы возбудить сильное неудовольствіе въ духовенствѣ: говорятъ, будто царь велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ вотчины, и, оставивъ только необходимое для содержанія монаховъ, остальное отобралъ въ казну на жалованье войску, сбиравшемуся въ походъ противъ Турокъ. Но трудно принять это извѣстіе во первыхъ потому, что, какъ мы видимъ, Димитрій подтверждалъ монастырямъ жалованныя грамоты и давалъ новыя; во вторыхъ потому, что объ

этомъ распоряженіи не говорится въ Русскихъ источникахъ. Вѣроятно, что, подобно Грозному, Лжедимитрій потребовалъ у духовенства щедраго вспоможенія для наступающей войны съ невѣрными, а это ревностнымъ протестантамъ показалось отобраніемъ имущества у монаховъ.

Но если и были причины къ неудовольствію, то неудовольствіе это по прежнему не было сильно и всеобще; по прежнему, любовь большинства къ царю продолжала обнаруживаться: однажды Басмановъ донесъ самозванцу, что нѣкоторые стрѣльцы распускаютъ о немъ дурные слухи; Лжедимитрій, какъ прежде отдалъ дѣло Шуйскаго на рѣшеніе собора, такъ теперь отдалъ дѣло семерыхъ обличенныхъ стрѣльцовъ на рѣшеніе ихъ товарищей; тогда голова Стрѣлецкій, Григорій Микулинъ грубо выразилъ свое усердіе: «освободи меня, государь, сказалъ онъ: Я у тѣхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю;» и тутъ же, по знаку Микулина, стрѣльцы бросились на обвиненныхъ товарищей и изрубили ихъ въ куски. Явился еще обличитель, дьякъ Тимоѳей Осиповъ: постившись и причастясь св. Таинъ, Осиповъ пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить Лжедимитрію: «Ты воистинну Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ». Осипова казнили, и народъ остался покоенъ. Свободный въ обращеніи съ приближенными людьми, Лжедимитрій позволялъ имъ дѣлать замѣчанія на счетъ его образа жизни, если только эти замѣчанія не переходили границъ вѣжливости: такъ однажды, когда въ четвергъ нашестой недѣлѣ великаго поста за столомъ царскимъ подали телятину, то князь Василій Шуйскій замѣтилъ, что въ постъ Русскіе не могутъ ѣсть мяса; Лжедимитрій началъ споръ съ княземъ; думный дворянинъ, извѣстный уже намъ неразборчивостію выраженій, Татищевъ, взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ было сослать въ Вятку, но простилъ по просьбѣ Басманова.

Видя расположеніе большинства Московскихъ жителей къ

Лжедимитрію, расположеніе, ненарушаемое противными старинѣ поступками послѣдняго; наученный страшнымъ опытомъ, что нельзя подвинуть народа противъ царя однимъ распущеніемъ слуховъ о самозванствѣ, Шуйскій прибѣгъ къ другому средству, къ составленію заговора, въ челѣ котораго вмѣстѣ съ нимъ стали князья — Василій Васильевичь Голицынъ и Иванъ Семеновичь Куракинъ. Еще прежде свадьбы царя между ними было все улажено, для сохраненія единства между собою, необходимаго въ такомъ дѣлѣ, бояре, положили прежде всего убить разстригу «а кто послѣ него будетъ изъ нихъ царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но по общему совѣту управлять Россійскимъ царствомъ.» Условившись съ знатными заговорщиками, Шуйскій сталъ подбирать другихъ изъ народа, успѣлъ привлечь на свою сторону осьмнадцатитысячный отрядъ Новгородскаго и Псковскаго войска, стоявшій подлѣ Москвы и назначенный къ походу на Крымъ: быть можетъ тутъ помогла давняя связь Новгородцевъ съ Шуйскими. Ночью собрались къ князю Василію бояре, купцы, сотники и пятидесятники изъ полковъ. Шуйскій объявилъ имъ о страшной опасности, которая грозитъ Москвѣ отъ царя, преданнаго Полякамъ, прямо открылся, что самозванца признали истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобъ освободиться отъ Годунова, думали что такой умный и храбрый молодой человѣкъ будетъ защитникомъ вѣры православной и старыхъ обычаевъ; но вмѣсто того царь любитъ только иноземцевъ, презираетъ святую вѣру, оскверняетъ храмы Божіи, выгоняетъ священниковъ изъ домовъ, которые отдаетъ иновѣрцамъ, наконецъ женится на Полькѣ поганой. «Если мы, продолжалъ Шуйскій, заранѣе о себѣ не промыслимъ, то еще хуже будетъ. Я, для спасенія православной вѣры, опять готовъ на все лишь бы вы помогли мнѣ усердно: каждый сотникъ долженъ объявить своей сотнѣ, что царь самозванецъ и умышляетъ зло съ Поляками; пусть ратные люди совѣтуются съ гражданами, какъ промышлять дѣломъ въ такой бѣдѣ; если будутъ всѣ за одно, то бояться нечего: за насъ будетъ нѣсколько сотъ тысячъ, а

за него пять тысячъ Поляковъ, которые живутъ не въ сборѣ, а въ разныхъ мѣстахъ.» Но заговорщики никакъ не надѣялись, что большинство будетъ за нихъ, и потому условились по первому набату броситься во дворецъ съ крикомъ: «Поляки бьютъ государя!» окружить Лжедимитрія какъ будто для защиты и убить его; положено было ворваться въ тоже время въ домы Поляковъ, отмѣченные наканунѣ Русскими буквами, и перебить ненавистныхъ гостей; Нѣмцевъ положено не трогать, потому что знали равнодушіе этихъ честныхъ наемниковъ, которые храбро сражались за Годунова, вѣрны Димитрію до его смерти, а потомъ будутъ также вѣрны новому царю изъ бояръ.

Если заговорщики условились разглашать о самозванствѣ царя и злыхъ его умыслахъ, то понятно, что эти разглашенія должны были немедленно обнаружиться: если трезвые были осторожны, то пьяные ругали царя еретика и поганую царицу. Нѣмецкіе алебардщики схватили одного изъ такихъ крикуновъ и привели во дворецъ; но бояре сказали Лжедимитрію, что не слѣдуетъ обращать вниманія на слова пьянаго человѣка и слушать доносы нѣмецкихъ наушниковъ, особенно когда у него столько силы, что легко задавитъ всякій мятежъ, еслибъ даже кто-нибудь и вздумалъ его затѣять. Такіе совѣты какъ нельзя лучше приходились по душѣ Димитрію. Вотъ почему, когда начальники иноземной стражи на бумагѣ три дня сряду доносили ему, что въ народѣ замышляется не доброе, то сначала Димитрій спряталъ ихъ донесеніе, сказавши: «все это вздоры!» а потомъ, когда это ему наскучило, велѣлъ наказывать доносчиковъ. Въ это время готовилась воинская потѣха: Димитрій хотѣлъ сдѣлать примѣрный приступъ къ деревянному городку, выстроенному за Срѣтенскими воротами. Заговорщики воспользовались этими приготовленіями и распустили слухъ, что царь, во время потѣхи, хочетъ истребить всѣхъ бояръ, а потомъ уже безъ труда подѣлится съ Польшею Московскими областями и введетъ Латынство. Если заговорщики не щадили царя, то тѣмъ менѣе должны были щадить его гостей, съ ко-

торыми, по ихъ словамъ, онъ замышлялъ сгубить Русскую землю: по ночамъ толпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ: разумѣется въ этомъ случаѣ къ нимъ приставали и многіе изъ тѣхъ, которые не хотѣли предпринимать ничего противъ самого Димитрія; дѣло доходило и до драки: домъ, гдѣ жилъ князь Вишневецкій, былъ разъ осажденъ толпою тысячь изъ четырехъ человѣкъ. Лжедимитрій смотрѣлъ на это какъ на необходимое столкновеніе между двумя враждебными народами; ему донесли однажды, что одинъ Полякъ обезчестилъ боярыню, ѣхавшую въ повозкѣ: царь нарядилъ слѣдствіе въ дворцѣ, изъ котораго однако, по увѣренію Поляковъ, ничего не оказалось.

Сами Поляки впрочемъ не раздѣляли безпечности Лжедимитрія, который долженъ былъ два раза посылать къ Олѣсницкому и Гонсѣвскому съ увѣреніемъ, что нечего бояться, ибо онъ такъ хорошо принялъ въ руки государство, что безъ воли его ничего произойти не можетъ. Не смотря на то, послы поставили у себя на дворѣ стражу, а Мнишки помѣстили у себя всю Польскую пѣхоту, которую привели съ собою. Эти ратные люди донесли воеводѣ, что Москвитяне не продаютъ имъ больше пороху и оружія; испуганный Мнишекъ тотчасъ пошелъ сказать объ этомъ Лжедимитрію, но тотъ отвѣчалъ ему смѣхомъ, удивляясь малодушію Поляковъ; однако, для успокоенія тестя, велѣлъ разставить по улицамъ стрѣлецкую стражу.

Въ ночь, съ шестнадцатаго на семнадцатое Мая, вошелъ въ Москву осьмнадцатитысячный отрядъ войска, привлеченный на сторону заговорщиковъ, которые заняли всѣ двѣнадцать воротъ и не пускали уже никого ни въ Кремль, ни изъ Кремля. Нѣмцы, которыхъ обыкновенно находилось во дворцѣ по сту человѣкъ, получили именемъ царскимъ приказъ отъ бояръ разойтись по домамъ, такъ что при дворцѣ осталось только тридцать алебардщиковъ. Поляки ничего не знали объ этихъ распоряженіяхъ и спали спокойно, тѣмъ болѣе, что пятница, шестнадцатое число, прошла безъ всякаго шума и приключенія; но не спали заговорщики, дожидаясь условленнаго знака. Около че-

тырехъ часовъ утра ударили въ колоколъ на Ильинкѣ, у Ильи Пророка на Новгородскомъ дворѣ, и разомъ заговорили всѣ колокола Московскіе. Толпы народа, между прочимъ и преступники, освобожденные изъ темницъ, вооруженные чѣмъ ни попало, хлынули на Красную площадь: тамъ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ, въ полномъ вооруженіи[1]; на тревогу выбѣжали изъ домовъ и тѣ, которые не знали о заговорѣ; на вопросы о причинѣ смятенія имъ отвѣчали, какъ было условлено, что Литва бьетъ бояръ, хочетъ убить и царя; тогда всѣ спѣшили на защиту своихъ. Для бояръ было важно поскорѣе, безъ объясненій, кончить дѣло съ Димитріемъ внутри кремля и дворца, среди участниковъ заговора, безъ многочисленныхъ свидѣтелей; и вотъ Шуйскій, не дожидаясь, пока много народу соберется на площадь, въ сопровожденіи однихъ приближенныхъ заговорщиковъ, въѣхалъ въ кремль чрезъ Фроловскія (Спасскія) ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечь. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ сошелъ съ лошади, приложился къ образу Владимірской Богородицы и сказалъ окружавшимъ: «во имя Божіе идите на злаго еретика.» Толпы двинулись ко дворцу.

Набатъ и тревога разбудили Лжедимитрія; онъ послалъ Басманова (неизвѣстно, почему ночевавшаго во дворцѣ), узнать о причинахъ смятенія: встрѣченные имъ бояре отвѣчали, что они сами не знаютъ, но вѣроятно гдѣ-нибудь случился пожаръ. Димитрій сначала было успокоился этимъ отвѣтомъ; но потомъ, когда шумъ становился все сильнѣе и сильнѣе, выслалъ вторично Басманова освѣдомиться обстоятельнѣе. На этотъ разъ его встрѣтили неприличными ругательствами и крикомъ: «выдай самозванца!» Басмановъ бросился назадъ, приказалъ стражѣ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, крича: «Ахти мнѣ! ты самъ виноватъ, государь! все не вѣрилъ; вся Москва собралась на тебя.» Стража оробѣла и позволила одному изъ заговорщиковъ ворваться въ царскую спальню и закричать Димитрію: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не

даешь ему отчета?» Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, отрубилъ голову крикуну; самъ Лжедимитрій, выхвативъ мечь у одного изъ тѣлохранителей, вышелъ къ толпѣ и, махая мечемъ, кричалъ: «я вамъ не Годуновъ!» однако выстрѣлы принудили его удалиться. Въ это время явились бояре: Басмановъ подошелъ къ нимъ и началъ уговаривать ихъ не выдавать народу Димитрія: но тутъ Татищевъ, тотъ самый, который былъ спасенъ Басмановымъ отъ ссылки, обругалъ его какъ нельзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что тотъ палъ мертвый; трупъ его сбросили съ крыльца. Смерть Басманова охмѣлила толпу, ждавшую первой крови; заговорщики стали смѣлѣе напирать на тѣлохранителей; Димитрій снова вышелъ, хотѣлъ разогнать народъ палашомъ, но увидалъ, что сопротивленіе безполезно: въ отчаяніи бросилъ онъ палашъ, схватилъ себя за волосы, и, не говоря ни слова Нѣмецкой стражѣ, кинулся въ покои жены; сказавши ей, чтобъ спасалась отъ мятежниковъ, самъ поспѣшилъ пробраться въ каменный дворецъ; здѣсь онъ выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для брачнаго празднества, съ однихъ подмостокъ хотѣлъ перепрыгнуть на другія, но оступился, упалъ съ вышины въ 15 саженъ на житный дворъ, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь.

Между тѣмъ заговорщики, обезоруживъ стражу, бѣгали изъ одной комнаты въ другую, ища Димитрія, и ворвались въ покои царицы. Узнавъ отъ мужа объ опасности, Марина спустилась сперва внизъ въ подвалъ; но потомъ, когда ей отсовѣтовали тутъ оставаться, опять взошла на верхъ, при чемъ была столкнута съ лѣстницы не узнавшею ее толпою, и едва успѣла пробраться въ свою комнату, какъ заговорщики показались у дверей. Тутъ встрѣтилъ ихъ слуга Марины, Янъ Осмульскій, и долго одинъ сдерживалъ натискъ толпы, наконецъ палъ подъ ударами. Марина, небольшаго роста и худенькая, легко спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. Ворвавшись въ комнату, заговорщики съ ругательствомъ спрашивали у женщинъ, гдѣ царь и царица? Имъ отвѣчали, что о

царѣ не знаютъ, а царицу отправили въ домъ къ отцу ея. Прибытіе бояръ, главъ заговора, положило конецъ отвратительнымъ сценамъ грабежа и безстыдства: они выгнали толпу и приставили стражу, чтобъ не пускать никого къ женщинамъ; Марину, которая вышла изъ своего убѣжища, проводили въ другую комнату.

Распорядившись на счетъ Марины, бояре спѣшили отвратить страшную опасность, которая начинала было грозить имъ: стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ близъ того мѣста, гдѣ упалъ Димитрій, услыхали стоны раненаго, узнали царя, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго годуновскаго дома. Придя въ себя, Димитрій сталъ упрашивать стрѣльцовъ, чтобъ они приняли его сторону, обѣщая имъ въ награду женъ и имѣніе измѣнниковъ бояръ. Стрѣльцамъ понравилось обѣщаніе, они внесли его снова во дворецъ уже опустошенный и разграбленный; въ передней Димитрій заплакалъ, увидавъ вѣрныхъ своихъ алебардщиковъ, стоявшихъ безъ оружія, съ поникшими головами; когда заговорщики хотѣли приблизиться къ нему, то стрѣльцы начали стрѣлять изъ ружей. Для главъ заговора теперь шло дѣло о жизни и смерти, и Шуйскій сталъ горячо убѣждать своихъ докончить начатое дѣло убійствомъ самозванца. Заговорщики придумали средство испугать стрѣльцовъ и заставить ихъ покинуть Димитрія, они закричали: «Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика.» Стрѣльцы испугались и сказали боярамъ: «Спросимъ царицу: если она скажетъ, что это прямой ея сынъ, то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ.» Бояре согласились. Въ ожиданіи отвѣта отъ Мареы, заговорщики не хотѣли остаться въ покоѣ, и съ ругательствомъ и побоями спрашивали Лжедимитрія: «кто ты? кто твой отецъ? откуда ты родомъ?» Онъ отвѣчалъ: «Вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою, или выведите меня на лобное мѣсто и дайте объясниться.» Тутъ явился князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ

и сказалъ, что онъ былъ у царицы Мареы, спрашивалъ: она говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а этотъ самозванецъ. Эти слова повѣстили народу съ прибавкою, что самъ Димитрій винится въ своемъ самозванствѣ и что Нагіе подтверждаютъ показаніе Мареы. Тогда отовсюду раздались крики: «бей его! руби его!» Выскочилъ изъ толпы сынъ боярскій Григорій Валуевъ и выстрѣлилъ въ Димитрія, сказавши: «Что толковать съ еретикомъ: вотъ я благословлю Польскаго свистуна!» Другіе добили несчастнаго и бросили трупъ его съ крыльца на тѣло Басманова, говоря: «Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ.» Тогда чернь овладѣла трупами, и, обнаживъ ихъ, потащила черезъ Спасскія ворота на Красную площадь; поровнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, толпа остановилась и спрашивала у Мареы: твой ли это сынъ?» Та отвѣчала: «Вы бы спрашивали меня объ этомъ, когда онъ былъ еще живъ; теперь онъ уже разумѣется не мой.» На Красной площади выставлены были оба трупа въ продолженіи трехъ дней: Лжедимитрій лежалъ на столѣ въ маскѣ, съ дудкою и волынкою, Басмановъ на скамьѣ у его ногъ. Потомъ Басманова погребли у церкви Николы Мокраго, а самозванца въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами; но пошли разные слухи, говорили, что сильные морозы стоятъ благодаря волшебству разстриги, что надъ его могилою дѣются чудеса: тогда трупъ его вырыли, сожгли на Котлахъ и, смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ онъ.

Въ то время какъ однѣ толпы народа ругались надъ обезображеннымъ трупомъ того, кто незадолго величался краснымъ солнцемъ Россіи, другія раздѣлывались съ ненавистными гостями. Прежде всего были побиты польскіе музыканты, найденные во дворцѣ; потомъ бросились къ домамъ, занятымъ ихъ единоземцами; мужчинъ били, женщинъ уводили къ себѣ; но воевода Сендомирскій, сынъ его и князь Вишневецкій отражали силу силою до тѣхъ поръ, пока имъ на помощь не подоспѣли бояре, которые, имѣя только въ виду раздѣлаться съ самозванцемъ, вовсе не хотѣли заводить войну съ Польшею безполезнымъ убійствомъ ея пановъ.

Пословъ Польскихъ не тронули: бояре послали сказать Олѣсницкому и Гонсѣвскому, что имъ, какъ посламъ, опасаться нечего, и, съ своей стороны, послы и люди ихъ не должны мѣшаться съ другими Поляками, которые пріѣхали съ воеводою Сендомирскимъ въ надеждѣ завладѣть Москвою и надѣлали много зла Русскимъ. Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Вы сами признали Димитрія царевичемъ, сами посадили его на престолъ; теперь же узнавъ, какъ говорите, о самозванствѣ его, убили. Намъ нѣтъ до этого никакого дѣла, и мы совершенно покойны на счетъ нашей безопасности, потому что не только въ христіанскихъ государствахъ, но и въ бусурманскихъ послы неприкосновенны. Что же касается до остальныхъ Поляковъ, то они пріѣхали не на войну, не для того, чтобъ овладѣть Москвою, но на свадьбу, по приглашенію вашего государя, и если кто-нибудь изъ ихъ людей обидѣлъ кого-нибудь изъ вашихъ, то на это есть судъ; просимъ бояръ не допускать до пролитія крови подданныхъ королевскихъ, потому что если станутъ бить ихъ предъ нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будемъ равнодушно смотрѣть на это, и согласимся лучше всѣ вмѣстѣ погибнуть, о слѣдствіяхъ же предоставимъ судить самимъ боярамъ.» Для охраненія пословъ было поставлено около дома ихъ пятьсотъ стрѣльцовъ. За часъ до полудня прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ; по однимъ извѣстіямъ Поляковъ было убито 1200 или 1300 человѣкъ, а Русскихъ 400; по другимъ однихъ Поляковъ 2135 человѣкъ; иные же полагаютъ 1500 Поляковъ и 2000 Русскихъ[78].

Не смотря на то, что возстаніе было возбуждено во имя вѣры православной, во имя земли Русской, гибнувшихъ отъ друга еретиковъ и Ляховъ, въ народѣ не могло не быть сознанія, что совершено дѣло нечистое, или, по крайней мѣрѣ, нечистымъ образомъ. При гибели Годуновыхъ народъ былъ спокоенъ: онъ былъ увѣренъ, что новый царь есть истинный сынъ Іоанна IV-го, и въ истребленіи Борисова семейства видѣлъ казнь, совершенную законнымъ царемъ надъ своими измѣнниками; но теперь не было этой всеобщей увѣренности.

Многіе были за Лжедимитрія; многіе взяли оружіе при извѣстіи, что Поляки бьютъ царя, прибѣжали въ кремль спасать любимаго государя отъ рукъ враговъ ненавистныхъ, и видятъ трупъ его, обезображенный и поруганный не Поляками, а Русскими, слышатъ, что убитый царь былъ обманщикъ, но слышатъ это отъ такихъ людей, которые за минуту предъ тѣмъ обманули ихъ, призвавши вовсе не на то дѣло, какое хотѣли совершить: обманомъ не бываютъ довольны, его не забываютъ, какъ самую жестокую обиду. И кто же былъ обманутъ, кто былъ недоволенъ? Масса людей умѣренныхъ, спокойныхъ, самая могущественная часть народонаселенія, которая даетъ прочный успѣхъ всякому дѣлу. Согласіе немногихъ людей отважныхъ, скопъ, заговоръ можетъ дать игновенный успѣхъ дѣлу; но прочность его зависитъ отъ да или нѣтъ умѣренной, спокойной массы народонаселенія. Вотъ почему 17 Мая 1606 года въ Москвѣ не было ознаменовано тѣмъ одушевленнымъ ликованіемъ, какое обыкновенно бываетъ по совершеніи общаго дѣла. Нѣкоторые радовались гибели друга еретиковъ, но не смѣли, для принесенія благодарности Богу, созвать въ храмы толпы людей, хмѣльныхъ отъ вина и крови. Не долго раздавались по улицамъ имена заговорщиковъ, не долго слышалось хвастовство ихъ легкою побѣдою: этимъ кликамъ не было отзыва, разсказамъ о кровавыхъ подвигахъ не было сочувствія, и Москва скоро успокоилась, ночью царствовала глубокая тишина: смущенное, оробѣвшее общество притаилось, гнетомое тяжелою думой о прошедшемъ и будущемъ.

Были однако люди, которые осмѣлились забыть прошедшее для честолюбивыхъ замысловъ о будущемъ, которые осмѣлились думать, что и другіе также забудутъ прошедшее. Мы видѣли, что бояре, составляя заговоръ противъ Лжедимитрія, уже думали о томъ, какъ поступать, когда одинъ изъ нихъ сдѣлается царемъ. Виднѣе всѣхъ бояръ московскихъ по уму, энергіи, знатности рода, по умѣнью сохранять родовыя преданія, быть имъ вѣрными, были два князя — Василій Шуйскій и Василій Голицынъ: они то и были головами заговора, они то

и должны были думать о томъ, какъ бы прежде другихъ воспользоваться его успѣхомъ. Оба князя имѣли сильныя стороны: но могъ ли Голицынъ успѣшно бороться съ Шуйскимъ? Родъ Шуйскихъ давно уже гораздо больше выдавался впередъ, чѣмъ родъ Голицыныхъ, ибо о Патрикѣевыхъ уже забыли; самъ Шуйскій гораздо больше выдавался впередъ, чѣмъ Голицынъ, особенно въ послѣднее время. Онъ первый поднялся противъ самозванца и былъ страдальцемъ за правду для тѣхъ, которые были убѣждены въ самозванствѣ бывшаго царя; онъ былъ на первомъ мѣстѣ въ заговорѣ, въ его домѣ собирались заговорщики, его рѣчамъ, его увѣщаніямъ внимали, за нимъ шли въ Кремль губить злаго еретика: для людей, совершившихъ дѣло убійства Лжедимитріева, кто могъ быть лучшимъ царемъ какъ не вождь ихъ въ этомъ дѣлѣ? Но это дѣло было чисто Московское, и далеко не всѣ Москвичи его одобряли, а что скажутъ совѣтные люди, выборные изъ городовъ по всей Россіи? Годуновъ, при избраніи своемъ, имѣлъ всѣ причины требовать созванія выборныхъ изо всѣхъ городовъ Россійскаго царства: онъ долгое время былъ хорошимъ правителемъ, и это знала вся земля, дурное о Годуновѣ было преимущественно извѣстно въ Москвѣ, хорошее въ областяхъ; притомъ за Годунова былъ патріархъ, долженствовавшій имѣть самое сильное вліяніе на выборныхъ. Въ другомъ положеніи находился Шуйскій: его хорошо знали только въ Москвѣ, но мало знали въ областяхъ, такъ что для совѣтныхъ людей, присланныхъ изъ Галича или Вологды, Шуйскій былъ извѣстенъ не болѣе чѣмъ Голицынъ или Воротынскій; патріарха не было, ибо Игнатія, какъ потаковника Лжедимитріева, тотчасъ же свергнули, и потому совѣтные люди могли легко подчиниться вліянію людей, нехотѣвшихъ Шуйскаго, людей, не одобрявшихъ его послѣдняго, самаго виднаго поступка. Вотъ почему Шуйскому опасно было дожидаться выборныхъ изъ городовъ. По убіеніи разстриги, говоритъ лѣтописецъ, бояре начали думать, какъ бы согласиться со всею землею, чтобъ пріѣхали изъ городовъ въ Москву всякіе люди, чтобъ выбрать, по совѣту, Государя такого,

который бы всѣмъ былъ любъ. Но Богу не угодно было насъ помиловать во грѣхахъ нашихъ: чтобъ не уилась кровь христіанская, немногіе люди, по совѣту князя Василія Шуйскаго, умыслили выбрать его въ цари.

19 Мая, въ 6 часовъ утра, купцы, разнощики, ремесленники, толпились на Красной площади точно также, какъ и 17 числа; бояре, чины придворные, духовенство, вышли также на площадь и предложили избрать патріарха, который долженъ былъ стоять во главѣ временнаго правленія, и разослать грамоты для созванія совѣтныхъ людей изъ городовъ: но понятно, какъ страшно было Шуйскому избраніе патріарха, если бы избрали человѣка къ нему равнодушнаго и можетъ быть даже и не расположеннаго. На предложеніе бояръ въ толпѣ закричали, что царь нужнѣе патріарха, а царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичь Шуйскій. Этому провозглашенію толпы, только что ознаменовавшей свою силу истребленіемъ Лжедимирія, никто не осмѣлился противодѣйствовать, и Шуйскій былъ — не скажемъ избранъ, но выкрикнутъ царемъ. Онъ сдѣлался царемъ точно также слѣдовательно, какъ былъ свергнутъ, погубленъ Лжедимитрій, скопомъ, заговоромъ, не только безъ согласія всей земли, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная, охранительная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, не сказала своего: да: гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому что когда усердіе клевретовъ его охладѣетъ, то кто поддержитъ его? Такимъ образомъ на Московскомъ престолѣ явился царь партіи; но партія противная существовала: озлобленная неудачею, она не теряла надеждъ; къ ней присоединились, т. е. объявили себя противъ Шуйскаго всѣ тѣ, которымъ были выгодны перемѣны, и всякая перемѣна могла казаться теперь законною, ибо настоящаго, установленнаго, освященнаго ничего не было. Масса людей умѣренныхъ, охранительныхъ, молчала, потому что не питала сочувствія ни къ одному явленію, ни къ новому порядку вещей, ни къ движеніямъ, противъ него направленнымъ; произволу людей безпокойныхъ

открывалось свободное поприще, и представители общества, люди, не разрознившіе своихъ интересовъ съ его интересами, должны были сносить все буйство этого произвола, не имѣя на что опереться, во имя чего ратовать, не имѣя сочувствія къ человѣку, который провозгласилъ себя главою государства [78].

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКАГО ДО УТВЕРЖДЕНІЯ ВТОРАГО ЛЖЕ-ДИМИТРІЯ ВЪ ТУШИНѢ.

Исполняя обѣщаніе, данное товарищамъ своимъ по заговору, Шуйскій такъ повѣстилъ о своемъ воцареніи: «Божіею милостію мы великій государь царь и великій князь Василій Ивановичь всея Руси, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго собора, по челобитью и прошенію всего православнаго храстіанства, учинились на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ. Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ Римскаго кесаря, и потомъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самого прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ Россійскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ удалились на Суздальскій удѣлъ, не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ мѣстахъ садиться. И нынѣ мы, великій государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ, и въ покоѣ, и въ благоденствѣ, и повелѣлъ я

царь и великій князь всея Руси цѣловать крестъ на томъ: что мнѣ великому государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьи его, у женъ и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были; также у гостей и торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и дѣтей дворовъ, лавокъ и животовъ не отнимать, если они съ ними въ этой винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло; а кто на кого солжетъ, то, сыскавъ, казнить его, смотря по винѣ, которую взведъ напрасно. На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, я, царь и великій князь Василій Ивановичь всея Руси, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судить истиннымъ, праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, и недругамъ никого въ неправдѣ не подавать, и отъ всякаго насильства оберегать.» Лѣтописецъ разсказываетъ, что какъ скоро Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, то пошелъ въ Успенскій соборъ и началъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось: «цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурнаго безъ собору, и если отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать, а если сынъ виновенъ, то отцу ничего дурнаго не дѣлать, а которая была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, то никому за нее мстить не буду.» Бояре и всякіе люди, продолжаетъ лѣтописецъ, ему говорили, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось, но онъ никого не послушалъ и цѣловалъ крестъ. Любопытно, если лѣтописецъ не ошибся, и Шуйскій сначала обязывался не произносить смертныхъ приговоровъ безъ соборнаго рѣшенія, какъ сдѣлалъ Лжедимитрій въ дѣлѣ самого Шуйскаго, а потомъ уже въ грамотѣ, вмѣсто собора поставлено: «не осудя съ боярами своими», что сообразнѣе было съ

прежнимъ обѣщаніемъ при составленіи заговора: «общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять»; впрочемъ и здѣсь общій совѣтъ — выраженіе довольно неопредѣленное: такъ какъ бояре уговаривались, то общимъ совѣтомъ прежде всего можетъ относиться къ нимъ, что и вѣроятнѣе; но можетъ также означать и соборъ. Что же касается до обѣщанія не наказывать вмѣстѣ съ виновными и невинныхъ родственниковъ, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, представленіе о правдѣ этого устава принесено Лжедимитріемъ и спутниками его изъ Польши, гдѣ, какъ мы видѣли, давно уже, въ слѣдствіе болѣе ранняго ослабленія родовыхъ отношеній, родственники преступника не подвергались вмѣстѣ съ нимъ наказанію; мы видѣли, что Мнишекъ обѣщалъ боярамъ расширеніе правъ ихъ при Лжедимитріи.

Разослана была по областямъ и другая грамота отъ имени бояръ, окольничихъ, дворянъ и всякихъ людей московскихъ, съ извѣщеніемъ о гибели Лжедимитрія и возведеніи на престолъ Шуйскаго: «мы узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Димитрія, царица инока Марѳа, и братъ ея Михайла Нагой съ братьею всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичь Димитрій умеръ подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Димитріемъ ложно; а какъ его поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ и на государствѣ учинился бѣсовскою помощію, и людей всѣхъ прельстилъ чернокнижествомъ; и тотъ Гришка, за свое злодѣйственное дѣло, принялъ отъ Бога возмездіе, скончалъ свой животъ злою смертію. И послѣ того, прося у Бога милости, митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, также и мы бояре, окольничіе, дворяне, дѣти боярскіе и всякіе люди московскаго государства избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ, кому Богъ изволитъ быть на Московскомъ государствѣ государемъ; и всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ государя на Московское государство, великаго государя царя и великаго князя Василія

Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестиваго, по Божіей церкви и по православной христіанской вѣрѣ побора-теля, отъ корени великихъ государей Россійскихъ, отъ великаго государя князя Александра Ярославича Невскаго: многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братіею своею во многія лѣта онъ претерпѣлъ, и больше всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика смертью пострадалъ [79].»

Въ слѣдъ за этою грамотою новый царь разослалъ другую, уже отъ своего имени, въ которой также объявлялъ о гибели Лжедимитрія, съ точнѣйшимъ объясненіемъ причинъ, а именно объявлялъ о бумагахъ, найденныхъ въ комнатахъ самозванца: «взяты въ хоромахъ его грамоты многія ссыльныя воровскія съ Польшею и Литвою о раззореніи Московскаго государства». Но Шуйскій не объясняетъ ничего о содержаніи этихъ воровскихъ грамотъ, хотя въ слѣдъ за этимъ упоминаетъ о содержаніи писемъ отъ Римскаго папы, намъ уже извѣстныхъ. Далѣе Шуйскій пишетъ о показаніи Бучинскихъ, будто царь былъ намѣренъ перебить всѣхъ бояръ во время воинской потѣхи, и потомъ, отдавши всѣ главныя мѣста въ управленіе Полякамъ, ввести католицизмъ. Въ самомъ дѣлѣ сохранилось это показаніе; но достовѣрность его прежде насъ уже отвергнута [80]. Шуйскій приводитъ также свидѣтельство о записяхъ, дѣйствительно данныхъ въ Польшѣ Мнишку и королю объ уступкѣ Русскихъ областей, и заключаетъ: «Слыша и видя то, мы всесильному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избыли.» Наконецъ разослана была окружная грамота отъ имени царицы Мароы, гдѣ она отрекалась отъ Лжедимитрія; Мароа говоритъ: «Онъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича, омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Литвѣ многихъ людей, и насъ самихъ и родственниковъ нашихъ устрашилъ смертію; я боярамъ, дворянамъ и всѣмъ людямъ объявила объ этомъ прежде тайно, а теперь всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ царевичь Димитрій, воръ, богоотступникъ, еретикъ. А какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, то, въ-

дая свое воровство, по насъ не посылалъ долгое время, а присылалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ и велѣлъ имъ беречь накрѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ, и съ нами объ немъ никто не разговаривалъ. А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привезти, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и другихъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ запретомъ, чтобъ мнѣ его не обличить, претяналъ и всему нашему роду смертнымъ убійствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злой смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ также своихъ совѣтниковъ, и остерегать того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я, для его угрозы, объявить въ народѣ его воровство явно не смѣла.» Мароа говоритъ, или за нее говорятъ, что Лжедимитрій прислалъ за нею своихъ совѣтниковъ, но кого именно, объ этомъ ни слова, тогда какъ это всего важнѣе: кто были именно совѣтники Лжедимитрія, которые знали о его самозванствѣ и между тѣмъ дѣйствовали въ его пользу? или этихъ совѣтниковъ не существовало вовсе, а если существовали, то теперь были такъ могущественны, что именъ ихъ нельзя было открыть народу; но намъ извѣстно, что Димитрій посылалъ за Мароою князя Михайлу Васильевича Скопина-Шуйскаго! Слѣдовательно, Скопинъ былъ главнымъ изъ этихъ совѣтниковъ Лжедимитрія, которымъ приказано было беречь накрѣпко, чтобъ никто къ ней не приходилъ и не разговаривалъ съ нею о царѣ...

Легко можно представить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти объявленія Шуйскаго, царицы Мароы и бояръ на многихъ жителей самой Москвы и преимущественно на жителей областныхъ? Неизбѣжно должны были найтись многіе, которымъ могло показаться страннымъ, какъ воръ Гришка Отрепьевъ могъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ прельстить всѣхъ Московскихъ правителей? Недавно извѣщали народъ, что новый царь есть истинный Димитрій; теперь увѣряютъ въ противномъ, увѣряютъ, что Димитрій грозилъ гибелью

православной вѣрѣ, хотѣлъ дѣлиться съ Польшею Русскими землями, объявляютъ, что онъ за это погибъ, но какъ погибъ? — это остается въ тайнѣ; объявляютъ, что избранъ новый царь — но какъ и кѣмъ? неизвѣстно; никто изъ областныхъ жителей не былъ на этомъ избраніи, оно совершено безъ вѣдома земли; совѣтные люди не были отправлены въ Москву, которые, пріѣхавъ оттуда, могли бы удовлетворить любопытству своихъ согражданъ, разсказать имъ дѣло обстоятельно, разрѣшить всѣ недоумѣнія. Странность, темнота событія извѣщаемаго необходимо порождали недоумѣнія, сомнѣнія, недовѣрчивость, тѣмъ болѣе, что новый царь сѣлъ на престолъ тайкомъ отъ земли, съ нарушеніемъ формы уже освященной, уже сдѣлавшейся стариною. До сихъ поръ области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, приходившее къ нимъ изъ Москвы, непреложнымъ: но теперь Москва явно признается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ; необходимо раждался вопросъ: не омрачены ли Москвитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тянули всѣ области; связью между Москвою и областями было довѣріе ко власти, въ ней пребывающей: теперь это довѣріе было нарушено, и связь ослабѣла, государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію: потерявъ политическую вѣру въ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему, особенно, когда стали пріѣзжать въ области люди, недовольные переворотомъ и человѣкомъ, его произведшимъ, когда они стали разсказывать, что дѣло было иначе, нежели какъ повѣщено въ грамотахъ Шуйскаго. Тутъ то въ самомъ дѣлѣ наступило для всего государства омраченіе бѣсовское, омраченіе, произведенное духомъ лжи, произведенное дѣломъ темнымъ и нечистымъ, тайкомъ отъ земли совершеннымъ.

1 Іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство: новый царь былъ маленькій старикъ лѣтъ за 50 слишкомъ, очень некрасивый съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ только тѣхъ, которые шептали ему въ уши доносы и сильно вѣрилъ чародѣйству. Подлѣ новаго царя

немедленно явилось и второе лице по немъ въ государствѣ — патріархъ: то былъ Гермогенъ, бывшій митрополитъ Казанскій, извѣстный своимъ сопротивленіемъ неправославнымъ поступкамъ Лжедимитрія. Это сопротивленіе показывало уже въ Гермогенѣ человѣка съ твердымъ характеромъ, готоваго страдать за свои убѣжденія, за правду и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла; такимъ образомъ новый патріархъ, по природѣ своей, былъ совершенно въ уровень своиму высокому положенію въ бурное смутное время; но современники жалуются, что съ этою твердостію Гермогенъ соединялъ жесткость нрава, непривлекательность въ обращеніи, неумѣренную строгость; жалуются также, что онъ охотно слушалъ навѣты, худо отличалъ истинное отъ ложнаго, вѣрилъ всему. Этою слабостію воспользовались враги Шуйскаго: они наговорили патріарху на царя и успѣли поссорить ихъ; по жесткости нрава, патріархъ не скрывалъ своего неудовольствія и обращался съ царемъ вовсе не дружественно, хотя въ тоже время по основнымъ убѣжденіямъ своимъ, готовъ былъ всегда защищать Шуйскаго, какъ царя вѣнчаннаго, противъ возмутителей.[81]

Легко себѣ представить, какъ вредны были для Шуйскаго такія отношенія его къ патріарху, когда ужъ онъ и безъ того не пользовался большимъ уваженіемъ и довѣренностію подданныхъ. Клятва, даннаа имъ при восшествіи на престолъ, повела къ тому, что на него стали смотрѣть не такъ какъ смотрѣли на прежнихъ государей; ограниченіе власти царской относительно наказанія, ограниченіе ея боярами, къ царю нерасположенными, обѣщало безнаказанность смутамъ, крамоламъ: клевретъ Голицына или другаго какого-нибудь сильнаго боярина могъ отважиться на все по внушенію своего милостивца, зная, что послѣдній можетъ защитить его. Современники прямо говорятъ, что съ воцареніемъ Шуйскаго, бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь. Нѣкоторые изъ бояръ крамолили противъ царя съ цѣлію занять его мѣсто, другіе не хотѣли видѣть его царемъ по прежнимъ отношеніямъ; не всѣ бояре были въ заговорѣ съ Шуйскимъ противъ Лжедимитрія,

ѣкоторые, и изъ нихъ самые способные, какъ напримѣръ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Рубецъ-Масальскій и друіе, оставались вѣрны Лжедимитрію, и слѣдовательно были раждебны новому правительству, которое и не замедлило подергнуть ихъ опалѣ: князь Рубецъ-Масальскій былъ сосланъ воеодою въ Корелу, Аѳанасій Власьевъ въ Уфу, Салтыковъ въ вань-городъ, Богданъ Бѣльскій въ Казань; другихъ стольиковъ и дворянъ разослали также по разнымъ городамъ, у ѣкоторыхъ отняли помѣстья и вотчины. Такимъ образомъ въ удаленныя области, и даже въ качествѣ правителей, были отравлены люди озлобленные, то есть вѣрные возмутители или, о крайней мѣрѣ, готовые принять самое дѣятельное участіе въ опущеніи для сверженія правительства, имъ враждебнаго; коро замѣтили также, что и вообще новый царь измѣнилъ оему обѣщанію, преслѣдуетъ людей, которые прежде были му враждебны. Глава заговора, виновникъ возстанія, Шуйкій былъ выкрикнутъ царемъ участниками въ заговорѣ, возтаніи, людьми самыми безпокойными, площадными крикунами смутниками, испытавшими уже три раза свою силу при сверженіи и возведеніи царей; они выкрикнули Шуйскаго, своего вождя, въ надеждѣ богатыхъ наградъ отъ него: но отъ скуаго старика нельзя было ничего дождаться; тогда эти люди стали готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Шуйскаго.

Но всѣ эти люди, и бояре могущественные, имѣвшіе виды на престолъ, и сановники второстепенные, враждебные Шуйскому или по личнымъ и родовымъ отношеніямъ или по приверженности къ его предшественнику, наконецъ смутники изъ людей всякаго происхожденія, которымъ выгодны были перемѣны, — никто не могъ отважиться прямо на сверженіе Шуйскаго: Голицынъ не имѣлъ никакого права, никакой возможности прямо выставить себя соперникомъ новому царю и открыто противъ него дѣйствовать: какое изъ своихъ правъ могъ выставить Голицынъ, которое бы превышало права Шуйскаго? Онъ могъ надѣяться получить престолъ только тогда, когда Шуйскій будетъ свергнутъ чужимъ, а на его именемъ, слѣдо-

вательно могъ только крамолить противъ него, а не дѣйствовать открыто; тоже самое должно сказать и о всѣхъ другихъ людяхъ, почему бы то ни было недовольныхъ Шуйскимъ и желавшихъ перемѣны: во чье имя возмутились бы они, кого предложили бы въ замѣнъ Шуйскаго? Для всѣхъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію, нужно было лице, во имя котораго можно было дѣйствовать, лице, столько могущественное, чтобъ могло свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ столько ничтожное, чтобъ не могло быть препятствіемъ для исполненія извѣстныхъ замысловъ, однимъ словомъ нуженъ былъ самозванецъ, Шуйскаго можно было свергнуть только такъ, какъ свергнутъ былъ Годуновъ. Вотъ причина появленія втораго самозванца и успѣха его внутри государства; что же касается до козаковъ, то мы уже видѣли, какъ имъ былъ необходимъ самозванецъ: еще при жизни перваго они уже подставили другаго. Какъ для государства спокойнаго, благоустроеннаго, государь, правительство не можетъ умирать (le roi est mort — vive le roi!), такъ для тогдашняго Русскаго общества, потрясеннаго въ своихъ основахъ, не могъ умереть самозванецъ: и точно, еще кровавый трупъ перваго Лжедимитрія лежалъ на Красной площади, какъ уже пронеслась вѣсть о второмъ.

17 Мая, когда заговорщики были заняты истребленіемъ самозванца и Поляковъ, Михайла Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Θедора Годунова, успѣлъ скрыться изъ дворца и изъ Москвы. Въ сопровожденіи двоихъ Поляковъ, Молчановъ направилъ путь къ Литовскимъ границамъ, распуская вездѣ по дорогѣ слухъ, что онъ царь Димитрій, который спасается изъ Москвы и вмѣсто котораго Москвитяне, ошибкою, убили другаго человѣка. Этотъ слухъ скоро достигъ Москвы и распространился между ея жителями. Мы не удивимся такому, съ перваго взгляда странному, явленію, если вспомнимъ, что не всѣ Москвичи принимали участіе въ убійствѣ Лжедимитрія, что многіе изъ нихъ шли въ кремль съ цѣлію спасать царя изъ рукъ Поляковъ, и вдругъ имъ выкинули обезображенный трупъ Лже-

димитрія, въ которомъ трудно было различить прежнія черты. Чему хотимъ вѣрить, тому вѣримъ охотно; какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ; всякій старался представить свое мнѣніе о чудномъ таинственномъ событіи, свою догадку, свое: мнѣ показалось; такъ одному французскому купцу показалось, что на трупѣ Лжедимитрія остались ясные знаки густой бороды, уже обритой, тогда какъ у живаго царя не было бороды; томуже Французу показалось, что и волосы у трупа были длиннѣе, чѣмъ у живаго царя наканунѣ; комнатный слуга убитаго Лжедимитрія, Полякъ Хвалибогъ клялся, что трупъ, выставленный на Красной площади, нисколько не походилъ на его прежняго господина: лежалъ тамъ, говорилъ онъ, какой то малый толстый, съ бритымъ лбомъ, съ косматою грудью, тогда какъ Димитрій былъ худощавъ, стригся съ малыми по сторонамъ кудрями, по обычаю студенческому, волосъ на груди у него не было по молодости лѣтъ.—Маска, надѣтая на лице Лжедимитрія, также была поводомъ къ толкамъ, что тутъ скрывалась подстановка,—и вотъ молва росла болѣе и болѣе. Но если нѣкоторые жители Москвы вѣрили въ спасеніе Лжедимитрія, тѣмъ болѣе должны были вѣрить ему жители областей. Самъ Шуйскій видѣлъ, что ему нельзя разувѣрить народъ касательно слуховъ о второмъ Лжедимитріи, и что гораздо благоразумнѣе вооружиться противъ правъ перваго, дабы самозванецъ, и спасшійся по мнѣнію нѣкоторыхъ отъ убійцъ, оставался все же самозванцемъ. Для этого Шуйскій немедленно велѣлъ съ большимъ торжествомъ перенести изъ Углича въ Москву тѣло царевича Димитрія, послѣ чего разосланы были грамоты съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи и съ повтореніемъ о злодѣйствахъ Лжедимитрія, съ пріобщеньемъ показанія Бучинскихъ, грамотъ, данныхъ самозванцемъ воеводѣ Сендомирскому, и переписки его съ папою, равно какъ извѣстія о покаяніи царицы Мароы. Но въ то время, какъ въ Угличѣ и въ Москвѣ прославляли святость невиннаго младенца, павшаго подъ ножами убійцъ, на престолѣ сидѣлъ человѣкъ, который при царѣ Θеодорѣ торжественно объявилъ, что царевичъ самъ себя закололь въ припадкѣ

падучей болѣзни! Шуйскій рѣшился даже самъ нести всею Москвою до Архангельскаго собора тѣло царевича!

Грамоты Шуйскаго не помогли. Въ то время какъ Молчановъ въ самую минуту убійства Лжедимитрія уже помышлялъ о его воскрешеніи, въ тоже время князь Григорій Петровичъ Шаховской думалъ о томъ же и, во время смуты во дворцѣ, унесъ государственную печать, какъ вещь нужную для исполненія своихъ замысловъ. Новый царь помогъ ему въ этомъ какъ нельзя лучше, сославши его воеводою въ Путивль за преданность Лжедимитрію. Шаховской, пріѣхавъ въ Путивль, собралъ жителей и объявилъ имъ, что царь Димитрій живъ и скрывается отъ враговъ; Путивльцы немедленно возстали противъ Шуйскаго и примѣру ихъ послѣдовали другіе Сѣверскіе города. Въ Черниговѣ начальствовалъ тотъ самый бояринъ князь Андрей Телятевскій, который прежде не хотѣлъ участвовать въ переходѣ цѣлаго войска на сторону перваго Лжедимитрія, а теперь объявилъ себя на сторонѣ втораго, о которомъ еще никто ничего не зналъ обстоятельно: нѣтъ сомнѣнія, что личныя отношенія къ Шуйскому были причиною такого поступка. Начались волненія и въ Москвѣ: здѣсь еще не смѣли произнести громко имя Димитрія, и потому старались привести толпу въ движеніе по другому поводу: на домахъ иностранцевъ и бояръ написали, что царь предаетъ домы этихъ измѣнниковъ народу на разграбленіе. Толпы начали сбираться, но на этотъ разъ ихъ разогнали. Чрезъ нѣсколько времени, въ одинъ воскресный день, когда царь шелъ ко обѣднѣ, увидѣлъ онъ множество народа у дворца: толпы были созваны извѣстіемъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Шуйскій остановился и плача отъ досады, началъ говорить окружавшимъ его боярамъ, что имъ не нужно выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться, что, избравъ его царемъ, могутъ и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ престолъ безъ сопротивленія. Потомъ отдавъ имъ царскій посохъ и шапку, продолжалъ: «если такъ, выбирайте кого хотите». Видя однако, что всѣ

неподвижны, ни откуда нѣтъ возраженія, Шуйскій подумалъ, что пристращалъ крамольниковъ, что большинство за него, и потому, взявши снова посохъ, сказалъ: «Мнѣ уже наскучили эти козни: то меня хотите умертвить, то бояръ и иностранцевъ, или, по крайней мѣрѣ ограбить ихъ; если вы меня признаете царемъ, то я требую казни виновныхъ.» На этотъ разъ всѣ спѣшили увѣрить его въ преданности своей и просили наказать возмутителей; схватили пятерыхъ изъ толпы, высѣкли кнутомъ и сослали. Шуйскій хотѣлъ воспользоваться этимъ усердіемъ, чтобы вскрыть заговоръ, составленный во имя князя Мстиславскаго; но по изслѣдованіи дѣла нашли, что этотъ бояринъ вовсе не виноватъ въ немъ, что во имя его дѣйствовали родные, изъ которыхъ больше всѣхъ былъ уличенъ бояринъ Петръ Никитичь Шереметевъ: его послали въ Псковъ воеводою.

Между тѣмъ Шаховскому для успѣха поднятаго имъ возстанія необходимъ былъ самозванецъ, откуда бы то ни было. Зная, что Молчановъ прежде всѣхъ выдалъ себя за Димитрія, онъ звалъ его въ Путивль изъ Самбора, гдѣ тотъ, съ согласія Марининой матери, распространялъ слухи о спасеніи царя. Но Молчановъ самъ не хотѣлъ играть роль самозванца и не нашелъ еще никого, кто бы согласился и былъ способенъ принять ее; однако медлить было нельзя: надобно было подкрѣпить возстаніе, давши ему вождя смѣлаго; такимъ явился Болотниковъ

Болотниковъ былъ холопомъ князя Телятевскаго; разсказываютъ, что въ молодости, взятый въ плѣнъ Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ галерпымъ невольникомъ. Получивъ какъ-то свободу, онъ былъ заброшенъ судьбою въ Венецію, оттуда, въ описываемое время, пробирался черезъ Польшу на родину. Въ Польшѣ услыхалъ онъ о событіяхъ, волновавшихъ Русь; какъ Русскаго, Болотникова схватили и представили Молчанову, который увидалъ въ немъ полезнаго для своего дѣла человѣка, обдарилъ его и послалъ съ письмомъ въ Путивль къ князю Шаховскому, который при-

нялъ его какъ царскаго повѣреннаго и далъ начальство надъ отрядомъ войска. Холопъ Болотниковъ тотчасъ же нашелъ средство увеличить свою дружину и упрочить дѣло Самозванца въ прежденогибшей украйнѣ: онъ обратился къ своимъ, обѣщая волю, богатства и почести подъ знаменами Димитрія, и подъ эти знамена начали стекаться разбойники, воры, нашедшіе пристанище въ украйнѣ, бѣглые холопы и крестьяне, козаки, къ нимъ пристали посадскіе люди и стрѣльцы, начали въ городахъ хватать воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы; крестьяне и холопи стали нападать на домы господъ своихъ, раззоряли ихъ, грабили, мужчинъ убивали, женъ и дочерей заставляли выходить за себя за мужъ. На московскихъ улицахъ показались подметныя грамоты, въ которыхъ упрекали Москвитянъ въ неблагодарности къ Димитрію, спасшемуся отъ ихъ ударовъ, и грозили возвращеніемъ его, для наказанія столицы, не позже 1-го Сентября, тогдашняго новаго года; царь велѣлъ созвать всѣхъ дьяковъ и сличить почерки ихъ съ почеркомъ грамотъ, но сходнаго не нашли; грамоты, какъ видно, явились изъ украйны, туда надобно было обратить оружіе; но прежде начала военныхъ дѣйствій царь хотѣлъ попытаться утишить возстаніе средствами религіозными: для этого онъ послалъ въ Сѣверскую землю духовенство съ увѣщаніями; въ Елецъ былъ посланъ бояринъ Михайла Нагой съ грамотою сестры своей царицы Мареы, съ образомъ Димитрія царевича; но эти средства не помогли. Тогда бояринъ князь Иванъ Михайловичь Воротынскій осадилъ Елецъ, стольникъ князь Юрій Трубецкой Кромы; но на выручку Кромъ явился Болотниковъ: съ 1300 человѣкъ напалъ онъ на 5000 царскаго войска и наголову поразилъ Трубецкаго; побѣдители — казаки насмѣхались надъ побѣжденными, называли царя ихъ Шуйскаго ш у б н и к о м ъ. Московское войско и безъ того не усердствовало Василію, слѣдовательно уже было ослаблено нравственно; побѣда Болотникова отняла у него и послѣдній духъ; служилые люди, видя всеобщую смуту, всеобщее колебаніе, не хотѣли больше сражаться за Шуйскаго и начали разъѣзжаться по домамъ;

воеводы, Воротынскій и Трубецкой, обезсиленные этимъ отъѣздомъ, не могли ничего предпринять рѣшительнаго и пошли назадъ. При состояніи умовъ, какое господствовало тогда въ Московскомъ государствѣ, при всеобщей шаткости, неувѣренности, недостаткѣ точки опоры, при такомъ состояніи первый успѣхъ, на чьей бы сторонѣ ни былъ, имѣлъ важныя слѣдствія, ибо увлекалъ толпу нерѣшительную, жаждущую увлечься, пристать къ чему бы то ни было, опереться на что бы то ни было, лишь бы только выйти изъ нерѣшительнаго состоянія, которое для каждаго человѣка и для общества есть состояніе тяжкое, нестерпимое. Какъ скоро узнали, что царское войско отступило, то возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ. Боярскій сынъ, сотникъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; въ тоже время встало противъ Шуйскаго и древнее княжество Рязанское; здѣсь въ челѣ возстанія были воевода Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ.

Писатели иностранные хвалятъ храбрость стараго народонаселенія Рязанскаго; лѣтописцы Московскіе удивляются его дерзости и рѣчамъ высокимъ: Рязанцы Ляпуновы оправдываютъ тотъ и другой отзывъ. Во время народнаго волненія по смерти Грознаго Рязанцы — Ляпуновы и Кикины являются на первомъ планѣ; Захаръ Ляпуновъ, братъ Прокофья, дерзкій, какъ увидимъ, на слово и на руку, первый въ такомъ дѣлѣ, на которое рѣдкіе могли рѣшиться, заявляетъ въ первый разъ себя тѣмъ, что не хочетъ быть въ станичныхъ головахъ вмѣстѣ съ Кикинымъ и бѣжитъ со службы изъ Ельца. Въ 1603 году о немъ опять встрѣчаемъ извѣстіе: царь Борисъ велѣлъ спросить дѣтей боярскихъ Рязанцевъ: кто на Донъ къ атаманамъ и козакамъ посылалъ вино, зелье, сѣру, селитру и свинецъ, пищали, панцыри и шлемы и всякіе запасы, заповѣдные товары? отвѣчали: былъ слухъ, что Захаръ Ляпуновъ вино на Донъ козакамъ посылалъ, панцырь и шапку желѣзную продавалъ. Захара за это высѣкли кнутомъ. Братъ его Прокофій, красивый, умный, храбрый и въ военномъ дѣлѣ искусный че-

ловѣкъ, какъ отзывались объ немъ современники, обладалъ также страшною энергіею, которая не давала ему покоя, заставляла всегда рваться въ первые ряды, отнимала у него умѣнье дожидаться. Такіе люди обыкновенно становятся народными вождями въ смутныя времена: истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ, народъ ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія, и кто первый произнесетъ роковое слово, кто первый двинется, тотъ и становится вождемъ народнаго стремленія. Ляпуновъ сталъ за Димитрія противъ Шуйскаго: мы не имѣемъ права полагать, что Ляпуновъ былъ увѣренъ въ самозванствѣ того, кто называлъ себя Димитріемъ, въ ложности слуховъ о его спасеніи: по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ, какъ и большая часть, если не всѣ Рязанцы, какъ большая часть, если не всѣ жители другихъ Московскихъ областей, не имѣлъ никакихъ крѣпкихъ убѣжденій въ этомъ отношеніи, и возсталъ при вѣсти о возстаніи, повинуясь своей энергической природѣ, не умѣя сносить, подобно другимъ, нерѣшительнаго положенія, не умѣя ждать. Съ другой стороны возстаніе подъ знаменами Димитрія противъ Шуйскаго, т. е. противъ правленія бояръ, охранявшихъ старину, не допускавшихъ въ свои ряды людей новыхъ, такое возстаніе было привлекательно для людей, подобныхъ Ляпунову, Сумбулову и Пашкову, людей, чувствовавшихъ въ себѣ стремленіе быть впереди, но по происхожденію не имѣвшихъ на это права.

Кромѣ Рязани двадцать городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской, Калужской и Смоленской, стали за Лжедимитрія. На восточной украйнѣ, въ странахъ Приволжскихъ, точно также какъ и въ украйнѣ Сѣверской, встали холопи и крестьяне; къ нимъ присоединились инородцы, недавно, послѣ долгаго сопротивленія принужденные подчиниться государству и теперь обрадовавшіеся случаю сбросить съ себя это подчиненіе. Мордва, холопи и крестьяне осадили Нижній Новгородъ подъ начальствомъ двухъ Мордвиновъ Москова и Вокорлина, волненіе коснулось областей Вятской и Пермской; рознь встала между Пермичами, набранными въ войско для царя: они начали биться

другъ съ другомъ, едва не убили царскаго приставника, хотѣвшаго разнять ихъ, и кончили тѣмъ, что разбѣжались отъ него съ дороги. Въ землѣ Вятской, Московскаго чиновника, присланнаго для набора войскъ, встрѣтили громкою хулою на Шуйскаго, говорили, что Димитрій уже взялъ Москву, пили за него заздравныя чаши. Но въ Астрахани не чернь встала за Лжедимитрія: здѣсь измѣнилъ Шуйскому воевода, князь Хворостининъ; здѣсь, наоборотъ, дьякъ Аѳанасій Карповъ и мелкіе люди были побиты съ раскату.

Болотниковъ, соединившись съ Пашковымъ и Рязанцами, переправился за Оку, взялъ и разграбилъ Коломну; отрядъ царскаго войска, подъ начальствомъ князя Михайлы Васильевича Скопина-Шуйскаго, одержалъ верхъ въ сшибкѣ на берегахъ Пахры; но главная рать подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и другихъ бояръ старыхъ была поражена въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, при селѣ Троицкомъ. Болотниковъ, гоня побѣжденныхъ, дошелъ до Москвы и сталъ въ селѣ Коломенскомъ. Царствованіе Шуйскаго, казалось, должно было кончиться; при нерасположеніи къ себѣ многихъ, онъ имѣлъ мало средствъ къ защитѣ; на остатки разбитыхъ Болотниковымъ полковъ была плохая надежда; области кругомъ, съ юга-востока и запада признавали Лжедимитрія; цѣны на хлѣбъ возвысились въ Москвѣ, а кто хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго? Но въ полкахъ, пришедшихъ осаждать Шуйскаго, господствовало раздвоеніе, которое и спасло его на этотъ разъ. Пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ обнаружилъ характеръ своего возстанія: въ столицѣ явились отъ него грамоты съ воззваніями къ нисшему слою народонаселенія: «велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчины и помѣстья имъ сулятъ, шпынямъ и безъименникамъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать, имѣнье ихъ грабить, призываютъ ихъ воровъ къ себѣ, хотятъ имъ давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество.» Рязанскіе и Тульскіе дворяне и дѣти боярскіе, дружины Ляпунова и Сунбулова, соединившись съ Болотниковымъ, увидали, съ кѣмъ у

нихъ общее дѣло, и изъ двухъ, по ихъ мнѣнію, золъ, рѣшились выбрать меньшее, т. е. снова служить Шуйскому; они явились съ повинною въ Москву, къ царю Василію, безъ сомнѣнія увѣренные прежде въ прощеніи и милости, ибо наказать первыхъ раскаявшихся измѣнниковъ значило заставить всѣхъ другихъ биться отчаянно и такимъ образомъ продлить и усилить страшное междоусобіе; Ляпуновъ и Сунбуловъ явились первые, и Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина. Въ тоже время счастливый для Шуйскаго оборотъ дѣла произошелъ на сѣверо-западѣ: если на югѣ, увлеченные примѣромъ энергическихъ людей — Ляпунова, Сунбулова, Пашкова, жители бросились на сторону самозванца, то въ Твери произошло иначе: архіепископомъ здѣсь былъ въ это время Ѳеоктистъ, человѣкъ, какъ видно, сильный духомъ, способный стать въ челѣ народонаселенія: когда толпа приверженцевъ самозванца показалась въ Тверскомъ уѣздѣ, Ѳеоктистъ собралъ духовенство, приказныхъ людей, своихъ дѣтей боярскихъ, торговыхъ и посадскихъ людей, и укрѣпилъ ихъ въ вѣрности къ Шуйскому, такъ что Лжедимитріевцы были встрѣчены съ оружіемъ въ рукахъ и побиты. Другіе города Тверской области, присягнувшіе самозванцу вслѣдствіе упадка духа и нерѣшительности, послѣдовали тотчасъ примѣру Твери, и служилые люди ихъ отправились подъ Москву помогать Шуйскому. Также сильное усердіе къ нему показали жители Смоленска; Смольнянамъ, говорятъ современники, Поляки и Литва были враждебны, искони вѣчные непріятели, жили Смольняне съ ними близко и бои съ ними бывали частые; поэтому Смольняне не могли ждать хорошаго отъ царя, который былъ другомъ Поляковъ и за помощь ему оказанную могъ уступить Смоленскъ Польшѣ. Какъ скоро узнали въ Смоленскѣ, что изъ Польши готовъ явиться царь, ложный или истинный, новый или старый, — все равно, ибо никто ничего не зналъ подлинно, то немедленно служилые люди собрались и пошли подъ Москву, выбравши себѣ въ старшіе Григорія Полтева, на дорогѣ очистили отъ Лжедимитріевцевъ Дорогобужъ и Вязьму. Дорогобуж-

скіе, Вяземскіе и Серпейскіе служилые люди соединились съ Смольнянами и вмѣстѣ приняли въ Можайскъ 15 Ноября, куда пришелъ также воевода Колычевъ, успѣвшій очистить отъ воровъ Волоколамскъ.

Шуйскій ободрился; онъ посылалъ уговаривать Болотникова отстать отъ самозванца; но люди, изъ которыхъ состояло войско Болотникова, бились не за самозванца, а за возможность жить на счетъ государства, отъ примиренія съ которымъ они не могли ожидать для себя никакой выгоды; Болотниковъ не прельстился обѣщаніемъ царя дать ему знатный чинъ, и отвѣчалъ: «Я далъ душу свою Димитрію и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ». Надобно было рѣшить дѣло оружіемъ: молодой воевода, князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій свелъ полки у Данилова монастыря, и 2 Декабря, дождавшись прихода Смольнянъ, пошелъ къ Коломенскому; Болотниковъ вышелъ къ нему на встрѣчу и сразился у деревни Котловъ; холопи и козаки бились отчаянно, но Истома Пашковъ, съ дворянами и дѣтьми боярскими, передался на сторону царя: причиною отступленія Пашкова полагаютъ то, что Болотниковъ не хотѣлъ уступить ему первенства, а Пашковъ не хотѣлъ быть ниже холопа. Болотниковъ, потерпѣвши пораженіе, засѣлъ въ своемъ укрѣпленномъ Коломенскомъ станѣ; три дня воеводы били изъ пушекъ по острогу и не могли разбить, наконецъ сдѣлали ядра огненныя и зажгли острогъ. Тогда Болотниковъ побѣжалъ къ Серпухову; собралъ міръ и спрашивалъ: есть ли у нихъ столько съѣстныхъ припасовъ, чтобъ могли цѣлый годъ прокормить и себя и войско? если есть, то онъ останется у нихъ и будетъ дожидаться царя Димитрія; если же нѣтъ, то уйдетъ. Серпуховичи отвѣчали, что имъ нечѣмъ будетъ цѣлый годъ и себя прокормить, не только что войско. Тогда Болотниковъ пошелъ дальше и засѣлъ въ Калугѣ, жители которой объявили, что могутъ содержать его войско въ продолженіе года; нѣкоторые изъ его козаковъ засѣли въ деревнѣ Заборьѣ, но принуждены были сдаться царскимъ воеводамъ; Шуйскій велѣлъ ихъ взять въ Москву, по-

ставить по дворамъ, кормить и ничѣмъ не трогать; но тѣхъ, которые были пойманы на бою, велѣлъ посажать въ воду; если въ это число были включены тѣ, которыхъ взяли при Котлахъ, то ихъ было не мало, ибо лѣтописецъ говоритъ, что имъ не находили мѣста въ тюрьмахъ Московскихъ.

Шуйскій не терялъ времени для наступательнаго движенія: пять воеводъ двинулись на югъ для осады городовъ, вѣрныхъ самозванцу; братъ царскій, князь Иванъ Ивановичь Шуйскій осадилъ Калугу, нѣсколько разъ приступалъ къ ней, но ничего не сдѣлалъ; царь послалъ къ Калугѣ послѣднее войско подъ начальствомъ перваго бояріна, князя Мстиславскаго, Скопина-Шуйскаго и князя Татева, но Болотниковъ отбилъ приступы и этихъ воеводъ. Также неудачны были приступы къ Веневу и Тулѣ; но бояринъ Иванъ Никитичь Романовъ и князь Мезецкій разбили князя Василія Рубца-Мосальскаго, приближавшагося къ Калугѣ на помощь Болотникову; самъ воевода, князь Мосальскій, былъ убитъ, и ратные люди его сѣли на пороховыя бочки и взорвали сами себя на воздухъ: они предпочли погибнуть отъ огня, ибо знали, что въ Москвѣ взятые на бою гибнутъ отъ воды. Порадовали Шуйскаго и вѣсти съ востока: тамъ Арзамазъ былъ взятъ; Нижній освобожденъ отъ осады; на жителей Свіяжска, присягнувшихъ Лжедимитрію, Казанскій митрополитъ Ефремъ наложилъ церковное запрещеніе, и они принесли повинную Шуйскому.

Такъ начался 1607 годъ. Не смотря на успѣхи въ разныхъ мѣстахъ, дѣло Шуйскаго было далеко не въ благопріятномъ положеніи, ибо югъ упорно стоялъ за самозванца. Матеріальныя средства не помогли, захотѣли употребить нравственныя. Еще въ 1606 году, принужденный бороться съ тѣнью Лжедимитрія, Шуйскій счелъ нужнымъ оправить царя Бориса и семейство его, погибшее жертвою самозванца: съ этою цѣлію онъ велѣлъ вынуть гробы Годуновыхъ изъ Варсонофіевскаго монастыря и съ царскимъ великолѣпіемъ перенести въ Троицкій монастырь; Ксенія (Ольга) Борисовна провожала гробы родныхъ своихъ и, по обычаю, громко вопила о своихъ несчасті-

яхъ. Въ началѣ 1607 года придумали другую церемонію, которая должна была произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. 3 Февраля великій государь велѣлъ быть у себя патріарху Гермогену съ лучшимъ духовенствомъ для своего государева и земскаго дѣла, и приговорилъ послать въ Старицу за прежнимъ патріархомъ Іовомъ, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Москву, простилъ и разрѣшилъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ ихъ клятвопреступленіи. Въ Старицу съ приглашеніемъ отправился Крутицкій митрополитъ Пафнутій и повезъ Іову грамоту отъ Гермогена: «Государю отцу нашему, святѣйшему Іову патріарху сынъ твой и богомолецъ, Гермогенъ, патріархъ Московскій и всея Руси, Бога молю и челомъ бью. Благородный и благовѣрный, благочестивый и христолюбивый великій государь царь и великій князь Василій Ивановичь, всея Руси самодержецъ, совѣтовавшись со мною и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими, дворянами, съ приказными людьми и со всѣмъ своимъ царскимъ синклитомъ, съ гостями, торговыми людьми и со всѣми православными христіанами паствы твоей, послалъ молить твое святительство, чтобъ ты учинилъ подвигъ, и ѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла; да и мы молимъ съ усердіемъ твое святительство и колѣна преклоняемъ, сподоби насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать пресладкій голосъ твой.»

14 Февраля Іовъ пріѣхалъ въ Москву въ царской каптанѣ (каретѣ), подбитой соболями, и остановился на Троицкомъ подворьѣ. 16 числа два патріарха съ архіереями сочинили слѣдующую грамоту: «Царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ царствовать на Россійскомъ государствѣ сыну своему Ѳедору Ивановичу; а второму сыну своему, царевичу Димитрію Ивановичу далъ въ удѣлъ городъ Угличь, и царевича Дмитрія въ Угличѣ не стало, принялъ закланіе неповинное отъ рукъ измѣнниковъ своихъ. По отшествіи къ Богу царя Ѳедора Ивановича мы и всякіе люди всего Московскаго государства цѣловали крестъ царю Борису Ѳедоровичу. Во времена царства его огнедыхательный дьяволъ, лукавый змѣй, поядатель душъ

человѣческихъ, воздвигъ на насъ чернеца Гришку Отрепьева. Когда царя Бориса Ѳедоровича не стало, всѣ православные христіане цѣловали крестъ сыну его, Ѳедору Борисовичу; но грѣхъ ради нашихъ, разстрига прельстилъ всѣхъ людей Божіихъ именемъ царевича Димитрія Ивановича, православные христіане, не зная о немъ, поддинно, приняли этого вора на Россійское государство, царицу Марью и царевича Ѳедора злою смертью уморили, множество народа вошло въ соборную церковь, съ оружіемъ и дрекольями, во время божественнаго пѣнія, и не давъ совершиться литургіи, вошли въ алтарь, меня Іова патріарха взяли и, таская по церкви и по площади, позорили многими позорами, а въ царскихъ палатахъ подобіе Христова тѣла, Богородицы и Архангеловъ, что приготовлено было для плащаницы, раздробили, воткнули на копья и на рогатины и носили по городу, забывъ страхъ Божій. Потомъ этотъ врагъ разстрига, пріѣхавши въ Москву съ Люторами, Жидами, Ляхами и Римлянами, и съ прочими оскверненными языками, и назвавши себя царемъ, владѣлъ мало не годъ, и какихъ злыхъ дьявольскихъ бѣдъ не сдѣлалъ и какого насилія не учинилъ — и писать неудобно: Люторами и Жидами христіанскія церкви осквернилъ, и, не будучи сытъ такимъ бѣсовскимъ ядомъ, привезъ себѣ изъ Литовской земли невѣсту, Люторской вѣры дѣвку, ввелъ ее въ соборную церковь, вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, въ царскихъ дверяхъ св. міромъ помазалъ. Видя достояніе свое въ такой погибели, воздвигъ на него Богъ обличителя, великаго государя нашего, воистинну святаго и праведнаго царя, Василія Ивановича: его промысломъ тотъ врагъ до конца сокрушенъ былъ, а на Россійское государство избранъ былъ великій государь Василій Ивановичъ, потому что онъ отъ корени прежде бывшихъ государей, отъ благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Святая наша вѣра въ прежній добрый покой возвратилась и начала сіять какъ солнце на тверди небесной, святыя церкви отъ оскверненія очистились и всѣ мы православные христіане, какъ отъ сна воспрянувъ, отъ буйства уцѣломудрились. Но прегордый

сатана возставилъ плевелы золъ, хочетъ поглотить пшеницечистые класы; собрались тойже прежепогибшей северской Украйны северски и другихъ Рязанскихъ и Украинскихъ городовъ стрѣльцы и козаки, разбойники, воры, бѣглые холопы, прельстили преждеомраченную безуміемъ Сѣверскую Украйну и отъ той Украины многіе и другіе города прельстились и кровь православныхъ христіанъ какъ вода проливается, называютъ мертваго злодѣя разстригу живымъ, а намъ и вамъ всѣмъ православнымъ христіанамъ смерть его подлинно извѣстна. — И теперь я, смиренный Гермогенъ патріархъ, и я смиренный Іовъ, бывшій патріархъ и весь освященный соборъ молимъ скорбными сердцами премилостиваго Бога, да умилосердится о всѣхъ насъ. Да и васъ молитъ наше смиреніе, благородные князья, бояре, окольничіе, дворяне, приказные люди, дьяки, служилые люди, гости, торговые люди и всѣ православные христіане! подвигнитесь трудолюбезно, постомъ и молитвою и чистотою душевною и тѣлесною и прочими духовными добродѣтелями, начнемъ вмѣстѣ со всякимъ усердіемъ молить Бога и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцевъ Московскихъ Петра, Алексія, Іону и новоявленнаго страстотерпца Христова, царевича Димитрія, и всѣхъ святыхъ, да тѣхъ молитвами подастъ намъ Богъ всѣмъ миръ, любовь и радость и Россійское государство отъ непотребнаго сего раздѣленія въ прежнее благое соединеніе и мирный союзъ устроитъ. А что вы цѣловали крестъ царю Борису и потомъ царевичу Ѳедору и крестное цѣлованіе преступили: въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ я Гермогенъ и я смиренный Іовъ, по данной намъ благодати, васъ прощаемъ и разрѣшаемъ; а вы насъ, Бога ради также простите въ нашемъ заклинаніи къ вамъ, и если кому какую-нибудь грубость показали.»

19 Февраля по государеву указу, патріархъ Гермогенъ приказалъ на оба земскіе двора разослать памяти: послать по всѣмъ сотнямъ къ старостамъ и соцкимъ, чтобъ изъ сотенъ и изъ слободъ посадскіе, мастеровые и всякіе люди мужескаго пола были въ Успенскій соборъ на другой день, 20 Февраля. Когда

въ назначенный день всенародное множество собралось въ соборъ, а нѣкоторые, не помѣстившись, стояли внѣ церкви, патріархъ Гермогенъ началъ служить молебенъ, послѣ котораго гости, торговые и черные люди начали у патріарха Іова просить прощенія съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ: «О пастырь предобрый! прости насъ, словесныхъ овецъ бывшаго твоего стада: ты всегда хотѣлъ, чтобъ мы паслись на злакоиосныхъ поляхъ словеснаго твоего любомудрія и напаялись отъ сладкаго источника книгородныхъ божественныхъ догматовъ, ты крѣпко берегъ насъ отъ похищенія лукавымъ змѣемъ и пагубнымъ волкомъ; но мы окаянные отбѣжали отъ тебя, предивнаго пастуха, и заблудились въ дебрѣ грѣховной и сами себя дали въ снѣдь злолютому звѣрю, всегда готовому губить наши души. Восхити насъ, богоданный рѣшитель! отъ нерѣшимыхъ узъ, по данной тебѣ благодати!» Послѣ этой рѣчи гости и торговые люди подали Іову челобитную, написанную такимъ же витіеватымъ слогомъ: «Народъ христіанскій отъ твоего здраваго ученія отторгнулся и на льстивую злохитрость лукаваго вепря уклонился; но Богъ, твоею молитвою, преславно освободилъ насъ отъ руки зломысленнаго волка, подалъ намъ вмѣсто нечестія благочестіе, вмѣсто лукавой злохитрости благую истину, и вмѣсто хищника щедраго подателя, государя царя Василья Ивановича, а родъ, благоцвѣтущей его отрасли корень самъ ты, государь и отецъ, знаешь, какъ написано въ Степенной книгѣ; но и то тебѣ знать надобно, что отъ того дня до сего всѣ мы во тьмѣ суетной пребываемъ и ничего намъ къ пользѣ не спѣется; поняли мы, что во всемъ предъ Богомъ согрѣшили, тебя, отца нашего, не послушали и крестное цѣлованіе преступили. И теперь я, государь царь и великій князь Василій Ивановичь, молю тебя о прегрѣшеніи всего міра, преступленіи крестнаго цѣлованія, прошу прощенія и разрѣшенія.» Когда подали эту челобитную, Гермогенъ велѣлъ успенскому архидіакону взойти на амвонъ и громко читать ее; а послѣ этого патріархи велѣли тому же архидіакону, читать разрѣшительную грамоту. Народъ обрадовался, припадали къ ногамъ патріарха

Іова и говорили: «Во всемъ виноваты, честный отецъ! прости, прости насъ, и дай благословеніе, да пріимемъ въ душахъ своихъ радость великую.»

Такъ разсказываетъ дѣло оффиціальное извѣстіе, въ которомъ замѣчаемъ тотъ же духъ, подъ вліяніемъ котораго составлялись грамоты объ избраніи царя Бориса. Конечно многимъ изъ присутствовавшихъ въ соборѣ могло показаться страннымъ, какъ тотъ же самый Василій Ивановичъ Шуйскій торжественно свидѣтельствовалъ, что царевичь Димитрій самъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни, и тотъ же патріархъ Іовъ объявлялъ, что это свидѣтельство истинное, а теперь оба говорятъ, что царевича Димитрія убили его измѣнники! Любопытно, что во всемъ этомъ дѣлѣ торжественнаго разрѣшенія дѣйствуютъ одни гости и торговые люди, они просятъ устно о прощеніи, они подаютъ челобитную.

Но если, какъ говоритъ извѣстіе, народъ обрадовался, что получилъ разрѣшеніе отъ патріарха, то радость эта была непродолжительна. Чрезъ нѣсколько дней понесся по городу слухъ, что сторожа, караулившіе ночью на паперти Архангельскаго собора слышали, какъ въ соборѣ были голоса, говоръ, смѣхъ, а потомъ плачь, соборъ освѣтился, и одинъ толстый голосъ заглушалъ другіе, говорилъ за упокой безпрестанно. Желая дѣйствовать на успокоеніе народа, оживленіе его нравственныхъ силъ средствами нравственными, религіозными, Шуйскій въ тоже время хотѣлъ прекратить сопротивленіе другими средствами. Онъ принялъ предложеніе Нѣмца Фидлера отравить Болотникова въ Калугѣ. Фидлеръ обязался такою клятвою: «во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сію клятву въ томъ, что хочу изгубить ядомъ Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отрѣшитъ меня навѣки Іисусъ Христосъ, да не будетъ подкрѣплять душу мою благодать Св. Духа, да покинутъ меня всѣ Ангелы, да овладѣетъ тѣломъ и душою моею дьяволъ. Я сдержу свое слово и этимъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и Св. Еван-

гедіе». Царь далъ Фидлеру лошадь и 100 рублей, обѣщая въ случаѣ успѣха дѣла 100 душъ крестьянъ и 300 рублей ежегоднаго жалованья. Но Фидлеръ, пріѣхавъ въ Калугу, открылъ все Болотникову и отдалъ ему самый ядъ.

Положеніе Болотникова съ товарищами было однако очень затруднительно: долгое неявленіе провозглашеннаго Димитрія отнимало духъ у добросовѣстныхъ его приверженцевъ; тщетно Шаховской уговаривалъ Молчанова явиться въ Путивль подъ именемъ Димитрія: тотъ не соглашался. Въ такой крайности Шаховской послалъ звать къ себѣ козацкаго самозванца Петра, который, узнавъ о гибели Лжедимитрія, поворотилъ было назадъ на Донъ. Царевичъ Петръ явился на зовъ: замучивъ нѣсколько вѣрныхъ Шуйскому воеводъ, обезчестивъ дочь убитаго имъ князя Бахтеярова, получивъ подкрѣпленіе изъ Запорожья, онъ двинулся вмѣстѣ съ Шаховскимъ къ Тулѣ. Узнавши объ этомъ движеніи и подкрѣпленный однимъ изъ отрядовъ самозванца, Телятевскій выступилъ изъ Тулы къ Калугѣ, на помощь къ Болотникову и поразилъ при Пчельнѣ царское войско, высланное противъ него Мстиславскимъ изъ-подъ Калуги. Вѣсть объ этомъ пораженіи навела ужасъ на рать Мстиславскаго, и она поспѣшно отступила отъ Калуги, при чемъ 15,000 человѣкъ перешли на сторону Болотникова; послѣдній, пользуясь этимъ, оставилъ Калугу и соединился въ Тулѣ съ Лжепетромъ, чтобъ дѣйствовать отсюда соединенными силами. Тогда Шуйскій принялъ мѣры рѣшительныя: разосланы были строгіе приказы собираться отовсюду служилымъ людямъ, монастырскія и церковныя отчины должны были также выставить ратниковъ, и такимъ образомъ собралось до 100,000 человѣкъ, которыми царь рѣшился самъ предводительствовать. 21 Мая Шуйскій выступилъ на свое государево и земское великое дѣло, какъ сказано въ грамотахъ патріарха, призывавшаго молиться объ успѣхѣ похода; скоро получены были другія грамоты отъ патріарха, въ которыхъ онъ уже призывалъ пѣть благодарственные молебны за побѣду царскихъ войскъ надъ мятежниками при рѣкѣ Восмѣ: цѣлый день бились съ ожесточеніемъ и

царскіе полки уже начали колебаться; но тутъ воеводы, князь Андрей Голицынъ и князь Борисъ Лыковъ, ѣздя по полкамъ, начали говорить ратнымъ людямъ со слезами: «Куда намъ бѣжать? лучше намъ здѣсь помереть другъ за друга единодушно всѣмъ!» ратные люди отвѣчали: «надобно вамъ начинать, а намъ помирать за вами». Царскія войска одержали побѣду: князь Телятевскій, предводитель Лжедимитріевскихъ войскъ, ушелъ съ немногими людьми; но по другимъ извѣстіямъ, князь Телятевскій во время самаго сраженія, съ 4000 войска перешелъ на сторону Шуйскаго и тѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго.

Шуйскій хотѣлъ воспользоваться побѣдою и докончить дѣло; онъ самъ лично осадилъ Тулу, куда скрылись Шаховской, (Телятевскій), Болотниковъ и Лжепетръ. Осажденные два раза отправляли гонца въ Польшу, къ друзьямъ Мнишка, чтобъ тѣ постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедимитрія, въ отчаяніи писали къ нимъ: «отъ границы до Москвы все ваше, придите и возьмите, только избавьте насъ отъ Шуйскаго.» Наконецъ, самозванецъ отыскался: что это былъ за человѣкъ, никто не могъ ничего сказать навѣрное; ходили разные слухи; одни говорили, что это былъ поповъ-сынъ, Матвѣй Веревкинъ, родомъ изъ Сѣверской страны; другіе, что поповичъ Димитрій изъ Москвы, отъ церкви Знаменья на Арбатѣ, которую построилъ князь Василій Масальскій; иные разглашали, что это былъ сынъ князя Курбскаго; иные — царскій дьякъ, иные — школьный учитель, по имени Иванъ, изъ города Сокола, иные жидъ, иные — сынъ Стародубскаго служилаго человѣка. Вѣрно только то, что этотъ второй Лжедимитрій вовсе не былъ похожъ на перваго, и что былъ человѣкъ грамотный, начетчикъ въ священномъ писаніи: послѣднее обстоятельство и повело къ предположенію, что онъ былъ изъ духовнаго званія; такъ лѣтописецъ говоритъ: «Всѣ воры, которые назывались царскимъ именемъ, извѣстны были многимъ людямъ, откуда который взялся; но этого вора, который назвался разстригинымъ именемъ, отнюдь никто не зналъ, не вѣдомо, откуда взялся; многіе догадывались, что онъ былъ не изъ служилыхъ людей, думали, что онъ

или поповъ сынъ или церковный дьячекъ, потому что зналъ весь кругъ церковный.» Что же касается до его нравственнаго характера, то уже можно догадаться, каковъ могъ быть человѣкъ, сознательно принявшій на себя роль самозванца, и потому мы не имѣемъ права предполагать сильное преувеличеніе въ тѣхъ извѣстіяхъ чужеземныхъ, слѣдовательно безпристрастныхъ, которыя называютъ его безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, составленнымъ изъ преступленій всякаго рода, недостойнымъ носить имя даже и ложнаго государя. Мы должны прибавить только, что, какъ видно изъ его поступковъ, это былъ человѣкъ, умѣвшій освоиться съ своимъ положеніемъ и пользоваться обстоятельствами.

Человѣкъ, знаменитый въ нашей исторіи подъ именемъ Тушинскаго вора, или просто вора, вора по преимуществу, появился впервые въ Бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, гдѣ былъ схваченъ какъ лазутчикъ и посаженъ въ тюрьму. Здѣсь онъ объявилъ о себѣ, что онъ Андрей Андреевичъ Нагой, родственникъ убитаго на Москвѣ царя Димитрія, скрывается отъ Шуйскаго, просилъ, чтобъ его отослали въ Стародубъ. Двое горожанъ Пропойскихъ — Грицко (бывшій потомъ казначеемъ въ Тушинѣ) и Рогозинскій отвезли его въ Стародубъ и тамъ оставили. Проживъ не долго въ Стародубѣ, мнимый Нагой послалъ товарища своего, который назывался Московскимъ подъячимъ Александромъ Рукинымъ, по Сѣверскимъ городамъ разглашать, что царь Димитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Въ Путивлѣ жители обратили вниманіе на рѣчи Рукина и послали съ нимъ нѣсколько дѣтей боярскихъ въ Стародубъ, чтобъ показалъ имъ царя Димитрія, при чемъ пригрозили ему пыткою, если солжетъ. Рукинъ указалъ на Нагаго; тотъ сначала сталъ запираться, что не знаетъ ничего о царѣ Димитріи, но когда Стародубцы пригрозили и ему пыткою и хотѣли уже его брать, то онъ схватилъ палку и закричалъ: «Ахъ вы б..... дѣти, еще вы меня не знаете: я государь!» Стародубцы упали ему въ ноги и закричали: «Виноваты, государь, передъ тобою».

Стародубцы начали давать государю своему деньги и разсылать по другимъ городамъ грамоты, чтобъ высылали къ нимъ своихъ ратныхъ людей на помощь царю; какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Стародубѣ теперь, жители слушались одного человѣка, какого то Гаврилу Веревкина, успѣвшаго взять въ свои руки народную волю. Нашелся между Стародубцами сынъ боярскій, который рѣшился ѣхать подъ Тулу въ царскій станъ и спросить самого царя Василія, за чѣмъ онъ подъискался царства подъ прирожденнымъ государемъ? Мученикъ обмана умеръ геройски, поджариваемый на медленномъ огнѣ и повторяя тѣ же рѣчи, что Шуйскій подыскался подъ прирожденнымъ государемъ. Этотъ прирожденный государь между тѣмъ разсылалъ грамоты по Литовскимъ пограничнымъ городамъ съ прозьбою о помощи: «въ первый разъ, писалъ онъ, я съ Литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же». О томъ же писалъ къ Мстиславскому державцу Пацу Рославскій намѣстникъ и воевода, князь Дмитрій Мосальскій: «чтобъ вы прислужились государямъ нашимъ прирожденнымъ Димитрію и Петру, прислали бы служивыхъ всякихъ людей на государевыхъ измѣнниковъ, а тамъ будетъ добра много; если государь царь и государь царевичь будутъ на прародительскомъ престолѣ на Москвѣ, то васъ всѣхъ служилыхъ людей пожалуютъ своимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумѣ нѣтъ [82].

Около самозванца начала собираться дружина, надъ которою онъ поставилъ начальникомъ Поляка Мѣховецкаго; въ концѣ Августа пришелъ къ нимъ изъ Литвы панъ Будзило, хорунжій Мозырскій; но съ этою малочисленною еще дружиною Лжедимитрій не могъ идти на освобожденіе Тулы и участь ее была рѣшена: Муромскій сынъ боярскій Кровковъ или Кравковъ предложилъ царю затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу; сначала царь и бояре смѣялись надъ этимъ предложеніемъ, но потомъ дали волю Кровкову: тогда онъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привезти по мѣшку съ землею и началъ прудить рѣку: вода обступила городъ, влилась внутрь его, пре-

сѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями; настаалъ голодъ, и Болотниковъ съ Лжепетромъ, какъ говорятъ, вошли въ переговоры съ царемъ, обѣщая сдать городъ, если Василій обѣщаетъ имъ помилованіе; въ противномъ случаѣ грозили, что скорѣе съѣдятъ другъ друга, чѣмъ подвергнутся добровольной казни. Шуйскій, имѣя уже на плечахъ втораго Лжедимитрія, естественно долженъ былъ хотѣть какъ можно скорѣе избавиться отъ Лжепетра и Болотникова, и потому обѣщалъ помилованіе. 10 Октября Тула сдалась. Болотниковъ пріѣхалъ въ царскій станъ, подошелъ къ Василію, палъ предъ нимъ на колѣна и, положивъ саблю на шею, сказалъ: «Я исполнилъ свое обѣщаніе, служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ — справедливо или нѣтъ — не знаю, потому что самъ я прежде никогда не видывалъ царя. Я не измѣнилъ своей клятвѣ, но онъ выдалъ меня, теперь я въ твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсѣчь ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь, то буду служить тебѣ такъ же вѣрно какъ и тому, кто не поддержалъ меня». Въ страшное время смуты, всеобщаго колебанія, человѣкъ, подобный Болотникову, не имѣвшій средствъ узнать истину касательно событій, могъ въ самомъ дѣлѣ думать, что исполнилъ свой долгъ, если до послѣдней крайности вѣрно служилъ тому, кому началъ служить съ перваго раза. Но не всѣ такъ думали какъ Болотниковъ; другіе, не зная, кто царь законный — Шуйскій или такъ называемый Димитрій, считали себя въ правѣ оставлять одного изъ нихъ тотчасъ, какъ скоро военное счастіе объявитъ себя противъ него; иные, считая и Шуйскаго и Лжедимитрія одинаково незаконными, уравнивали обоихъ соперниковъ въ слѣдствіе одинакой неправоты обоихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уравнивали свои отношенія къ нимъ, считая себя въ правѣ переходить отъ одного къ другому: и тѣхъ и другихъ было очень много. Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили; Шаховскаго, всей крови заводчика по выраженію лѣтописцевъ, сослали на Кубенское озеро, въ пу-

стынь; Лжепетра повѣсили; объ участи Телятевскаго мало извѣстно [83].

Шуйскій съ торжествомъ возвратился въ Москву, какъ будто послѣ завоеванія царства; собственно говоря, походъ Шуйскаго былъ важнѣе завоеванія многихъ царствъ, потому что пораженіе шаекъ Болотникова было пораженіемъ противуобщественнаго начала; но подвигъ былъ не конченъ, и потому былъ безполезенъ. Шуйскому не слѣдовало бы возвращаться въ Москву; ему надобно было воспользоваться своимъ успѣхомъ, двинуться на самозванца, и его истребленіемъ упрочить себя на престолѣ. Но мы должны взять во вниманіе тогдашнее состояніе войска, не позволявшее удерживать его долго подъ оружіемъ, и въ какое время года? въ глубокую осень; помѣщиковъ должно было распустить по домамъ до зимняго пути. Спѣшить, казалось, было не для чего: самозванецъ находился сначала въ очень незавидномъ положеніи.

Набравши тысячъ до трехъ войска, Лжедимитрій пошелъ подъ Козельскъ и тамъ, напавши въ расплохъ, разбилъ отрядъ царскихъ войскъ. Но когда оттуда возвращался въ Корачевъ, то Литовцы захотѣли уйти у него съ добычею, взятою подъ Козельскимъ, и начали волноваться. Самозванецъ испугался и ушелъ отъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ людей, на которыхъ совершенно полагался, и засѣлъ въ Орлѣ. Но и здѣсь сильно трусилъ, особенно послѣ покушенія убить его ночью. Мѣховецкій не зналъ сначала, куда дѣвался царь, потомъ узнавши, что онъ въ Орлѣ, послалъ къ нему съ просьбою возвратиться, потому что одно его присутствіе можетъ удержать войско. Лжедимитрій возвратился, но видя, что войско не перестаетъ волноваться, снова украдкою выѣхалъ по дорогѣ въ Путивль. Тутъ онъ встрѣтилъ Валевскаго, который изъ Кіевской украйны шелъ къ нему отъ князя Романа Рожинскаго съ тысячью человѣкъ; потомъ встрѣтилъ Тышкевича съ 1000 человѣкъ Поляковъ, князя Адама Вишневецкаго, знаменитаго Лисовскаго, и другихъ. По совѣту Лисовскаго, Лжедимитрій пошелъ осаждать Брянскъ, на подмогу къ

которому спѣшили воеводы, князья Куракинъ и Литвинъ Мосальскій. Послѣдній пришелъ 15 Декабря къ Деснѣ, которая отдѣляла его отъ города; не смотря на позднее время, рѣка еще не стала, ледъ шелъ по ней большими глыбами. Жители Брянска, видя, что ратные люди остановились за льдомъ, кричали имъ: «помогите! погибаемъ!» Ратные люди, слыша это, сказали: «лучше намъ всѣмъ померетъ, нежели видѣть свою братію въ конечной погибели; если помремъ за провославную вѣру, то получимъ у Христа вѣнцы мученическіе.» Взявши прощеніе другъ у друга, они начали метаться въ рѣку и поплыли. Ни ледъ, ни стрѣльба съ другаго берега, гдѣ стояли осаждающіе, не остановили ихъ, и они благополучно добрались до города: ни одинъ человѣкъ и ни одна лошадь не погибли. Въ слѣдъ за Мосальскимъ пришелъ и князь Куракинъ. Не надѣясь отбиться отъ Лжедимитрія, онъ отступилъ, снабдивъ Брянскъ продовольствіемъ и засѣлъ въ Карачевѣ; Лжедимитрій, не надѣясь взять этого города, пошелъ на зимовку въ Орелъ.

Когда вѣсть о появленіи самозванца разнеслась по Польшѣ, то люди хотѣвшіе пожить на счетъ Москвы, начали собираться со всѣхъ сторонъ подъ знамя Димитрія, выставленное княземъ Рожинскимъ. Когда собралось до 4000 войска, Рожинскій выступилъ въ походъ и остановился въ Кромахъ, откуда отправилъ пословъ въ Орелъ къ Лжедимитрію объявить ему о своемъ приходѣ, предложить условія службы и требовать денегъ. Самозванецъ встрѣтилъ пословъ не ласково; на ихъ рѣчи онъ отвѣчалъ имъ самъ на Московскомъ нарѣчіи: «я радъ былъ, когда услышалъ, что Рожинскій идетъ ко мнѣ, но дали мнѣ знать, что онъ хочетъ измѣнить мнѣ: такъ пусть лучше воротится. Посадилъ меня прежде Богъ на столицѣ моей безъ Рожинскаго, и теперь посадитъ; вы уже требуете денегъ; но у меня здѣсь много Поляковъ не хуже васъ, а я еще ничего имъ не далъ. Сбѣжалъ я изъ Москвы отъ милой жены моей, отъ милыхъ пріятелей моихъ, ничего не захвативши. Когда у васъ было коло подъ Новгородомъ, то вы допытывались, настоящій ли я царь Димитрій, или нѣтъ». Послы отвѣчали ему

на это съ сердцемъ: «Видимъ теперь, что ты не настоящій царь Димитрій, потому что тотъ умѣлъ людей рыцарскихъ уважать и принимать, а ты не умѣешь. Разскажемъ братьи нашей, которые насъ послали, о твоей неблагодарности, будутъ знать, что дѣлать.» Съ этими словами послы вышли; Лжедимитрій прислалъ потомъ звать ихъ обѣдать и просить, чтобъ не сердились за его слова. Оказалось, что самозванецъ встрѣтилъ ихъ такъ грубо по наущенію Мѣховецкаго, который предчувствовалъ, что долженъ будетъ уступить Рожинскому всю власть. Когда послы возвратились въ Кромы и разсказали своимъ о пріемѣ, какой имъ сдѣлалъ царь, то Поляки рѣшились идти назадъ: но тѣ Поляки, которые были въ Орлѣ съ Лжедимитріемъ, удержали ихъ, давши знать, что все пойдетъ иначе, когда пріѣдетъ самъ князь Рожинскій.

Рожинскій поѣхалъ въ Орелъ съ отрядомъ своего войска, и переночевалъ въ городѣ; на другое утро получилъ приглашеніе ѣхать до руки царской; но когда онъ собрался и выѣхалъ, то прискакалъ гонецъ, чтобъ воротился: царь еще въ банѣ; самозванецъ каждый день ходилъ въ баню и говорилъ, что онъ тамъ отдыхаетъ отъ трудовъ. Но Рожинскій не воротился и вошелъ въ домъ, гдѣ жилъ Лжедимитрій; тутъ начался споръ между его провожатыми и придворными: послѣдніе требовали, чтобъ Поляки вышли изъ избы и дали время царю придти и усѣсться на своемъ мѣстѣ, и тогда уже, по его зову, должны войти. Но Рожинскій и на это не согласился, и самозванецъ долженъ былъ проходить между Поляками: идучи, онъ отворачивалъ лице отъ той стороны, гдѣ стоялъ Рожинскій, и когда усѣлся на престолѣ, то князь подошелъ къ нему, сказалъ рѣчь и поцѣловалъ руку. Послѣ этого былъ обѣдъ: Рожинскій сидѣлъ съ царемъ за однимъ столомъ, остальные Поляки за другимъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда было много разныхъ разговоровъ: самозванецъ распрашивалъ о сильномъ возстаніи, рокошѣ, бывшемъ тогда противъ короля въ Польшѣ, и между прочимъ сказалъ, что не согласился бы быть королемъ въ Польшѣ: «Не на то уродился монархъ Московскій,

чтобъ имъ заправлялъ какой-нибудь арцыбискупъ.» На другой день Рожинскій потребовалъ, чтобъ ему было позволено говорить наединѣ съ царемъ. Начали оттягивать день, другой. Рожинскій разсердился и собрался уже выѣхать, какъ вдругъ прибѣгаютъ къ нему ротмистры и простые Поляки, бывшіе прежде у Лжедимитрія, просятъ его и всѣхъ его товарищей, чтобъ подождали до другаго дня. «Мы, говорили они, соберемъ коло, и если царь не перемѣнитъ своего поведенія, то мы соединимся съ вами, свергнемъ Мѣховецкаго и провозгласимъ гетманомъ тебя, князя Рожинскаго.» Рожинскій выѣхалъ изъ города въ посадъ и тамъ рѣшился ждать до утра.

На другой день дѣйствительно Поляки собрались въ коло, сидя на лошадяхъ, пригласили и Рожинскаго съ товарищами. Тутъ провозгласили, что Мѣховецкій лишенъ гетманства, изгоняется изъ войска вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, и если осмѣлятся остаться при войскѣ, то вольно каждому убить ихъ. Гетманомъ выкрикнули Рожинскаго и отправили посольство къ царю, чтобы назвалъ тѣхъ, которые донесли ему объ измѣнѣ Рожинскаго. Тотъ отказался объявить объ этомъ черезъ послов, но обѣщалъ самъ пріѣхать въ коло, и дѣйствительно пріѣхалъ на богато-убранномъ конѣ, въ золотомъ платьѣ; пріѣхало съ нимъ нѣсколько бояръ, пришло нѣсколько пѣхоты. Въѣхавъ въ коло и услыхавъ шумъ, Лжедимитрій закричалъ съ неприличною бранью; когда все успокоилось, одинъ изъ войска отъ имени кола повторилъ ему просьбу указать тѣхъ, кто называлъ Рожинскаго измѣнникомъ. Сперва самозванецъ велѣлъ отвѣчать одному изъ своихъ Русскихъ, но тотъ отвѣчалъ не такъ, и самозванецъ сказалъ: «Молчи: ты не умѣешь по ихъ говорить, я самъ буду», и началъ: «Вы посылали ко мнѣ, чтобъ я выдалъ вамъ вѣрныхъ слугъ моихъ, которые меня предостерегаютъ отъ бѣды; никогда этого не бывало, чтобъ государи Московскіе вѣрныхъ слугъ своихъ выдавали, и я этого не сдѣлаю не только для васъ, но если бъ даже самъ Богъ сошелъ съ неба и велѣлъ мнѣ это сдѣлать.» Ему отвѣчали: «чего же ты хочешь? оставаться только съ тѣми, ко

торые тебѣ по угламъ языкомъ прислуживаютъ, или съ войскомъ, которое пришло здоровьемъ и саблей служить?» — «Какъ себѣ хотите, хоть ступайте прочь», отвѣчалъ самозванецъ. Тутъ начался страшный шумъ; одни кричали: «убить негодяя, разсѣчь!» другіе: «схватить его негодяя: привелъ насъ, а теперь вотъ чѣмъ кормишь?» самозванецъ не смутился, и поѣхалъ спокойно въ городъ къ своему двору; но Поляки Рожинскаго приставили къ нему стражу, чтобъ не убѣжалъ. Тогда онъ пришелъ въ отчаяніе, и, будучи всегда трезвымъ, выпилъ множество горѣлки, думая этимъ себя уморить, однако остался живъ. Между тѣмъ весь остальной день и всю ночь придворные его — Валавскій канцлеръ, Харлинскій маршалокъ, князь Адамъ Вишневецкій конюшій бѣгали между нимъ и войскомъ, хлопоча о примиреніи. Наконецъ помирились, самозванецъ опять пріѣхалъ въ коло, извинился, и Рожинскій отправился покойно въ свой станъ къ Кромамъ. Въ это время пріѣхали къ Лжедимитрію другіе союзники: пріѣхало 3000 запорожцевъ; также пріѣхало 5000 Донцовъ подъ начальствомъ Заруцкаго. Этотъ Заруцкій былъ родомъ изъ Тарнополя; еще ребенкомъ былъ взятъ въ плѣнъ Татарами, выросши, ушелъ къ Донскимъ козакамъ, отличился между ними и теперь пріѣхалъ на службу къ Лжедимитрію уже старшиною, выдавался онъ дѣйствительно предъ товарищами красотою, стройностію, отвагою. Донцы привели къ Лжедимитрію вмѣсто казненнаго въ Москвѣ Лжепетра другаго племянника, также сына царя Ѳедора; дядя велѣлъ убить его; козакамъ понравились самозванцы: въ Астрахани объявился царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же явился третій царевичъ Лаврентій, сказался внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка, все сыновья царя Ѳедора Іоанновича.

Когда на югѣ обнаруживались явные признаки, показывавшіе что тяжелая болѣзнь государственнаго тѣла будетъ продолжи-

тельна, Москва продолжала волноваться страшными слухами. Тотчасъ по взятіи Тулы, когда еще царь не пріѣзжалъ въ столицу, Москва была напугана видѣніемъ; какой то мужъ духовный видѣлъ во снѣ, что самъ Христосъ явился въ Успенскомъ соборѣ и грозилъ страшною казнью Московскому народу, этому новому Израилю, который ругается Ему лукавыми своими дѣлами, праздными обычаями и сквернословіемъ: приняли мерзкіе обычаи, стригутъ бороды, содомскія дѣла творятъ и судъ неправедный, правымъ насилуютъ, грабятъ чуждыя имѣнія, нѣтъ истины ни въ царѣ, ни въ патріархѣ, ни въ церковномъ чинѣ, ни въ цѣломъ народѣ. Видѣвшій этотъ сонъ сказалъ объ немъ Благовѣщенскому протопопу Терентію, тотъ все списалъ съ его словъ и подалъ записку патріарху, дали знать и царю, скрыли однако имя человѣка, видѣвшаго сонъ, потому что онъ заклялъ Терентія именемъ Божіимъ не говорить объ немъ. Видѣніе это читали въ Успенскомъ соборѣ въ слухъ всему народу, и установили постъ съ 14 Октября по 19-е. Не смотря однако на недобрыя предвѣщанія, Шуйскій спѣшилъ воспользоваться спокойнымъ зимнимъ временемъ, и 17 Генваря 1608 года отпраздновалъ свадьбу свою на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ которою помолвилъ еще при Лжедимитріи.

Весною самозванецъ съ гетманомъ своимъ Рожинскимъ двинулся къ Болхову и здѣсь въ двухдневной битвѣ, 10 и 11 Мая, поразилъ царское войско, бывшее подъ начальствомъ князей Димитрія Шуйскаго и Василія Голицына, который первый замѣшался и обратилъ тылъ. Болховъ сдался побѣдителямъ, которые, будучи увѣрены, что скоро посадятъ своего царя на престолъ Московскій, собрали коло и требовали отъ самозванца, чтобъ онъ далъ имъ обѣщаніе, какъ скоро будетъ въ Москвѣ, заплатитъ все жалованье сполна и отпустить безъ задержки домой. Лжедимитрій далъ обѣщаніе, что заплатитъ жалованье; но просилъ со слезами, чтобъ не отъѣзжали отъ него, онъ говорилъ: «Я безъ васъ не могу быть паномъ на Москвѣ; я бы хотѣлъ, чтобъ всегда Поляки при мнѣ были, чтобъ

одинъ городъ держалъ Полякъ, а другой Москвитянинъ. Хочу, чтобъ все золото и серебро было ваше, а я буду доволенъ одною славою. Если же вы уже непремѣнно захотите отъѣхать домой, то меня такъ не оставляйте, подождите, пока я другихъ людей на ваше мѣсто призову изъ Польши.»

Бѣглецы съ Болховской битвы, или дѣйствительно пораженные страхомъ, или для своего извиненія, распустили въ Москвѣ слухъ, что у самозванца войско безчисленное, что они бились съ передними полками, а задніе стояли еще у Путивля. Желая воспользоваться побѣдою и страхомъ, нагнаннымъ на приверженцевъ Шуйскаго, самозванецъ спѣшилъ къ Москвѣ, дѣлая по семи и по осьми миль на день. Но пять тысячь ратныхъ людей, сдавшихся въ Болховѣ и присягнувшихъ Димитрію, измѣнили ему: они первые переправились черезъ Угру, ночью ушли отъ Поляковъ и, прибѣжавши въ Москву, объявили царю и народу, что бояться нечего, потому что у самозванца очень мало войска. Но самозванецъ спѣшилъ увеличить это войско, увеличить число своихъ приверженцевъ: онъ велѣлъ объявить во всѣхъ городахъ, чтобъ крестьяне, которыхъ господа служатъ Шуйскому, брали себѣ помѣстья и вотчины ихъ и женились на ихъ дочеряхъ. Такимъ образомъ, говоритъ одинъ современникъ, многіе слуги сдѣлались господами, а господа должны были въ Москвѣ у Шуйскаго терпѣть голодъ. Черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ шелъ самозванецъ къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; только въ Звенигородѣ встрѣтили они Петра Борзковскаго, отправленнаго изъ Москвы королевскими послами. Послы приказали сказать Полякамъ, провожавшимъ Лжедимитрія, чтобъ они вышли изъ Московскаго государства и не нарушали мира, который они, послы, заключаютъ между этимъ государствомъ и короною Польскою [84].

Мы оставили Марину, отца ея Мнишка съ товарищами и пословъ королевскихъ въ страшную минуту истребленія Лжедимитрія. Мы видѣли, что Шуйскій немедленно же принялъ мѣры для охраненія жизни знатныхъ Поляковъ. Марину

отпустили въ домъ къ отцу ея, которому былъ сдѣланъ допросъ о появленіи самозванца въ Польшѣ и о связяхъ его съ нимъ, воеводою. О появленіи самозванца въ Польшѣ Мнишекъ отвѣчалъ уже всѣмъ извѣстное; касательно же связи своей съ нимъ объявилъ, что онъ призналъ его за настоящаго царевича Димитрія, провожалъ и помогалъ, потому что все Московское государство признало его такимъ, всѣ Русскіе люди встрѣтили его и помогли сѣсть на престолѣ. Послѣ этого допроса простыхъ ратниковъ Польскихъ, оставшихся въ живыхъ, отправили за границу, отобравъ у нихъ только оружіе и лошадей; но знатныхъ Поляковъ, равно и пословъ королевскихъ оставили въ Москвѣ, какъ важныхъ заложниковъ, на которыхъ можно было вымѣнять у Польши миръ, а въ мирѣ сильно нуждались. Послы, Олесницкій и Гонсѣвскій, были призваны во дворецъ, гдѣ бояре въ длинной рѣчи хотѣли оправдаться въ убійствѣ Поляковъ, сложивъ всю вину на нихъ самихъ. Гонсѣвскому, какъ прежде Мнишку, легко было отвѣчать на это обвиненіе: онъ показалъ, что король никогда не думалъ вооружаться за Димитрія, но предоставилъ все дѣло суду Божію; что еслибъ пограничные города не признали Димитрія сыномъ Іоанна IV-го, то Поляки никогда не стали бы провожать его далѣе; такъ, когда Димитрій встрѣтилъ первое сопротивленіе подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и въ тоже время царь Борисъ написалъ къ королю о самозванствѣ Отрепьева и напомнилъ о мирномъ договорѣ, заключенномъ недавно между Москвою и Польшею, то король немедленно отозвалъ всѣхъ Поляковъ отъ Димитрія. По смерти царя Бориса король ожидалъ, что Москвитяне, пользуясь свободою, доставятъ ему своимъ рѣшеніемъ достовѣрное свѣдѣніе объ истинѣ: и вотъ все войско, всѣ лучшіе воеводы передались Димитрію, бояре, остававшіеся въ Москвѣ, Мстиславскій и Шуйскій, выѣхали къ нему на встрѣчу за 30 миль отъ столицы. Потомъ послы Московскіе и бояре не переставали говорить, что не Поляки посадили Димитрія на престолъ, но сами Русскіе приняли его добровольно, и никогда никто послѣ того не говорилъ Полякамъ, чтобъ Димитрій не

былъ истиннымъ царевичемъ. Гонсѣвскій заключилъ свою рѣчь такъ: «Теперь, убивъ Димитрія, вдругъ, вопреки вашимъ рѣчамъ и клятвамъ, сами себѣ противорѣчите и несправедливо обвиняете короля. Все остается на вашей отвѣтственности. Мы не станемъ возражать противъ убійства Димитрія, потому что намъ нечего жалѣть объ немъ: вы сами видѣли, какъ онъ принялъ меня, какія объявилъ нелѣпыя требованія, какъ оскорбилъ короля. Мы только тому не можемъ надивиться, какъ вы, думные бояре, люди, какъ полагаемъ, разумные, позволяете себѣ противорѣчія и понапрасну упрекаете короля, не соображая того, что человѣкъ, называвшійся Димитріемъ, былъ природный Москвитянинъ, и что не наши о немъ свидѣтельствовали, а ваши Москали, встрѣчая его на границѣ съ хлѣбомъ и солью; Москва сдавала города, Москва ввела его въ столицу, присягнула ему на подданство и короновала. Однимъ словомъ, Москва начала, Москва и кончила, и вы не въ правѣ упрекать за то кого нибудь другаго; мы жалѣемъ только о томъ, что побито такъ много знатныхъ людей королевскихъ, которые съ вами не ссорились за того человѣка, жизнь его не охраняли, объ убійствѣ не вѣдали, и спокойно оставались на квартирахъ своихъ, подъ покровительствомъ договоровъ.» Гонсѣвскій совѣтовалъ боярамъ, для собственной ихъ пользы и спокойствія, отпустить Мнишка и другихъ Поляковъ съ ними, послами, въ отечество, обѣщая въ такомъ случаѣ стараться о продолженіи мира. Слова Гонсѣвскаго смутили бояръ: они молчали, поглядывая другъ на друга; но между ними находился извѣстный намъ окольничій Татищевъ, который вызвался отвѣчать Гонѣвскому. Повторивъ прежніе упреки, Татищевъ прибавилъ, что Польша находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, угрожаемая Татарами, Шведами и мятежнымъ сеймомъ. Татищевъ сказалъ правду, ибо дѣйствительно въ это время, въ слѣдствіе страшнаго возстанія (рокоша), возникало сомнѣніе, останется ли Сигизмундъ на престолѣ Польскомъ. Гонсѣвскій однако возразилъ, что все сказанное Татищевымъ есть чистая выдумка, что непріятель никогда такъ далеко не заходилъ въ

глубь Польши, какъ заходилъ въ глубь Московскаго государства, и что Русскимъ не слѣдуетъ стращать Поляковъ. Наконецъ бояре согласились, что въ дѣлѣ Лжедимитрія никто не виноватъ: «Все дѣлалось по грѣхамъ нашимъ, сказали они: этотъ воръ обманулъ и васъ и насъ.»

Послѣ того послы думали, что ихъ скоро отпустятъ въ Польшу, но обманулись въ своей надеждѣ. Тщетно Гонсѣвскій писалъ къ боярамъ, чтобъ они выпросили у государя немедленный имъ отпускъ, угрожая, что въ противномъ случаѣ король и республика могутъ заключить объ убійствѣ пословъ и потому начать войну; тщетно грозилъ, что если царь безъ нихъ отправитъ въ Польшу своихъ пословъ, то они не ручаются за ихъ безопасность, ибо братья убитыхъ въ Москвѣ Поляковъ отомстятъ за своихъ. Съ отвѣтомъ на эти представленія пріѣхалъ къ посламъ тотъ же Татищевъ; онъ говорилъ прежнія рѣчи и показывалъ, какъ новое обвиненіе, запись самозванца Маринѣ, письмо короля, въ которомъ тотъ хвалился, что посредствомъ Поляковъ своихъ посадилъ Димитрія на престолѣ, также письмо легата и кардинала Малагриды о введеніи латинства въ Московское государство. При этомъ Татищевъ объявилъ, что послѣ такихъ замысловъ нельзя отпустить пословъ и другихъ Поляковъ до тѣхъ поръ, пока Московскіе послы не возвратятся изъ Польши съ удовлетворительными объясненіями. Гонсѣвскій отвѣчалъ на первое обвиненіе касательно записи Маринѣ прямо, что воевода, убѣжденный свидѣтельствомъ всего Московскаго государства, рѣшился выдать дочь свою за Димитрія; согласившись же на бракъ, онъ долженъ былъ устроить какъ можно выгоднѣе судьбу дочери: почему вовсе неудивительно, если онъ вытребовалъ у царевича эти условія, исполненіе которыхъ однако зависѣло отъ Москвитянъ. Когда воевода пріѣхалъ въ Москву, то покойный царь совѣтовался со всѣми боярами, какое содержаніе назначить Маринѣ на случай ея вдовства, и сами бояре дали ей больше, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, потому что согласились признать ее наслѣдственною

государынею и еще до коронаціи присягнули ей въ вѣрности. Но трудно было Гонсѣвскому отвѣчать на обвиненіе касательно стараній Римскаго духовенства распространить латинство въ Московскомъ государствѣ: неловко и сбивчиво опирался посолъ на правѣ Поляковъ и Литовцевъ, служившихъ въ Россіи, покупать въ ней имущества, имѣть свои церкви и совершать въ нихъ богослуженіе по своему обряду: не объ этомъ правѣ говорилось въ письмахъ Римскаго духовенства. Всего легче было отвѣчать на обвиненія относительно письма королевскаго. «Вы сами, сказалъ Гонсѣвскій, черезъ пословъ своихъ приписали эту честь королю и благодарили его.» Наконецъ посламъ, призваннымъ во дворецъ, рѣшительно объявили, что царь не отпуститъ ихъ до возвращенія своихъ пословъ изъ Польши. Послы были въ отчаяніи; люди ихъ говорили неприличныя слова о новомъ правительствѣ: за это царь велѣлъ уменьшить посламъ кормъ на половину. Еще болѣе раздосадованные послы вздумали было уѣхать насильно, но, разумѣется, это имъ неудалось; когда пришелъ подъячій выговаривать имъ за это отъ имени посольскаго дьяка, то они отвѣчали: «мы здѣсь живемъ долгое время, отъ дурнаго запаха у насъ многіе люди померли, а иные лежатъ больны, и намъ лучше умереть, чѣмъ жить такъ; мы поѣдемъ, а кто станетъ насъ бить, и мы того станемъ бить. Намъ очень досадно, что государь вашъ нами управляетъ, положилъ на насъ опалу — не велѣлъ корму давать; мы подданные не вашего государя, а королевскіе, вашему государю непригоже на насъ опалу свою класть и смирять, за такое безчестье мы всѣ помремъ и чѣмъ намъ здѣсь съ голоду помереть, лучше убейте насъ.« Подъячій отвѣчалъ:« и такъ отъ васъ много крови христіанской пролилось, а вы теперь опять кровь затѣваете; сами видите, сколько народу стоитъ! троньтесь только, и васъ тотчасъ Московскимъ народомъ побьютъ за ваши многія грубости. А корму не велѣли вамъ бояре давать за то, что люди ваши говорятъ такія непригожія слова, что и одно слово молвить теперь страшно, да и за то, что дѣтей боярскихъ бьютъ.»

Пословъ содержали въ Москвѣ; но Мнишка съ дочерью и родственниками отослали въ Ярославль.

13-го іюня 1606 года отправлены были къ королю посланники — князь Григорій Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ. Волконскому дали 300 рублей подмоги, но царь велѣлъ записать въ посольскомъ приказѣ, чтобъ впередъ этой подмоги въ примѣръ не выписывать, потому что князю Григорію дано для бѣдности. Посланникамъ данъ былъ наказъ объяснить въ Польшѣ недавнія событія; успѣхъ самозванца они должны были объяснить такъ: «одни изъ русскихъ людей отъ страха ослабѣли, а другіе отъ прелести, а нѣкоторые и знали прелесть, но злобою на царя Бориса дышали, потому что онъ правилъ сурово, а не царски.» Если паны радные спросятъ, какимъ обычаемъ воръ разстрига убитъ, то отвѣчать: «какъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и всякіе служилые люди съѣхались въ Москву, то царица Мароа, великій государь нашъ Василій Ивановичь, бояре, дворяне, всякіе служилые люди и гости богоотступника вора разстригу Гришку Отрепьева обличили всѣми его злыми богомерзскими дѣлами, и онъ самъ сказалъ передъ великимъ государемъ нашимъ и передъ всѣмъ многонароднымъ множествомъ, что онъ прямой Гришка Отрепьевъ, а дѣлалъ все то, отступя отъ Бога, бѣсовскими мечтами, и за тѣ его злыя богомерзкія дѣла осудя истиннымъ судомъ, весь народъ Московскаго государства его убилъ.» — Если паны будутъ указывать на свидѣтельство Аоанасія Власьева, бывшаго посломъ въ Польшѣ, то Волконскій долженъ былъ отвѣчать: «Аоанасію Власьеву какъ было вѣрить? Аоанасій воръ разоритель вѣрѣ христіанской, тому вору совѣтникъ, поѣхалъ къ государю вашему Сигизмунду королю по его волѣ, безъ вѣдома Сенаторей (бояръ).

Когда посланники переѣхали границу, то приставъ сказалъ имъ, что царь Димитрій живъ и находится у Сендомирской воеводши. Послы отвѣчали, что это говорить непригоже: сбѣжалъ въ то время, какъ убили вора, Михалко Молчановъ, а

жилъ онъ у вора для чернокнижія. И если Молчановъ называется Димитріемъ, то пусть намъ его покажутъ, у него примѣты на спинѣ. Какъ онъ за воровство и за чернокнижество былъ на пыткѣ, то его кнутомъ били, и эти кнутные бои можно на немъ видѣть. А если другой воръ такой же называется Димитріемъ, то вамъ такихъ принимать и слушать не надобно, а если онъ вамъ годенъ, то вы посадите его у себя на королевство, а государю вашему въ великое Россійское государство посылать и сажать непригоже, хотябъ былъ и прямой прирожденный государь царевичь Димитрій, но если его на государство не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ; а то воръ убѣжалъ отъ смерти, называется царевичемъ и такому вѣрить?» Приставъ говорилъ: «Польскіе и Литовскіе люди, которые пріѣхали изъ Москвы, сказываютъ, а слышали они отъ вашихъ же, что убитъ и лежалъ на пожарѣ, а подлинно не знаютъ, его ли убили или кого-нибудь другаго въ его мѣсто.» Посланники спрашивали у пристава: «Видѣлъ ли кто того вора, каковъ онъ рожеемъ (лицемъ) и волосомъ?» Приставъ отвѣчалъ, что онъ ростомъ не малъ, лицемъ смуглъ, носъ немного покляпъ, брови черныя большія нависли, глаза небольшіе, волосы на головѣ черные курчеватые, отъ лба вверхъ взглаживаетъ, усы черные, бороду стрижетъ, на щекѣ бородавка съ волосами, по польски говоритъ, грамотѣ польской гораздъ и по латыни говорить умѣетъ. Посланники сказали на это, что Молчановъ такой именно лицемъ, а прежній воръ разстрига былъ лицемъ не смуглъ и волосомъ русъ. Другой приставъ говорилъ, что при Димитріи въ Самборѣ князь Масальскій самъ другъ да Заболоцкій, и Заболоцкаго Димитрій послалъ въ Сѣверскую страну уговаривать Сѣвруковъ, чтобъ Шуйскому не поддавались и что онъ, Димитрій, собравши людей, къ нимъ будетъ.

Народъ въ Литвѣ встрѣчалъ Московскихъ посланниковъ дурно: по городамъ и въ посадахъ и въ панскихъ имѣніяхъ ихъ безчестили, бранили непристойными словами, называли измѣнниками, въ Минскѣ въ ихъ людей бросали камнями и грязью

и хотѣли драться, къ посланникамъ на дворъ приходили, бранили и грозили убить. Посланники говорили приставу, что такого безчестья и тѣсноты надъ посланниками прежде никогда не бывало; приставъ отвѣчалъ, что у нихъ теперь люди стали самовольны, короля не слушаютъ, и ему ихъ унять нельзя. Въ Краковѣ король посланниковъ обѣдать не позвалъ и вмѣсто стола корму не прислалъ. Посланники подали королю письменное объясненіе, въ которомъ раскрыто было происхожденіе самозванца, его похожденія, какъ онъ съ Польскими и Литовскими людьми пришелъ на Московское государство, какъ онъ потомъ призвалъ въ Москву Сендомирскаго воеводу съ его пріятелями, и какъ они церкви Божіи и святыя иконы обругали, Московскимъ людямъ Польскіе и Литовскіе люди много насильства и кровопролитія учинили, великихъ людей женъ безчестили, изъ возковъ вырывали, и такое насильство чинили, какого никогда въ Москвѣ не бывало. Потомъ въ объясненіи упомянуто о появленіи въ Польшѣ новаго самозванца, который есть не иной кто, какъ Михайло Молчановъ, вовсе не похожій на перваго Лжедимитрія. Посланники требовали удовлетворенія за кровопролитіе и расхищеніе царской казны, бывшія слѣдствіемъ подсылки отъ Польши Лжедимитрія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что царь Василій не хочетъ нарушать мира съ Польшею. Паны радные отвѣчали: «Государь нашъ ни въ чемъ не виноватъ; вы говорите, что Димитрій, который былъ у васъ государемъ, убитъ, а изъ Сѣверской страны пріѣхали многіе люди, ищутъ этого Димитрія по нашему государству, сказываютъ, что онъ живъ, ушелъ: такъ нашему государю вашихъ людей унять ли? А въ Сѣверской странѣ теперь государемъ какой-то Петръ: но этого вѣдь не нашъ государь подставилъ? Сами люди Московскаго государства между собою розруху сдѣлаютъ, а на насъ пеняютъ. Если государь вашъ отпуститъ Сендомирскаго воеводу съ товарищами и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые теперь на Москвѣ, то ни Дмитряшки, ни Петрушки не будетъ; а если государь вашъ ихъ не отпуститъ, то и Дими-

трій и Петръ настоящіе будутъ и наши за своихъ съ ними за одно станутъ.» Посланники грозили панамъ также, что если король не исправится, то царь Василій пошлетъ на Ливонію королевича Густава. Но для Сигизмунда грознѣе былъ польскій рокошъ, чѣмъ какой-нибудь Густавъ, и потому онъ во все не хотѣлъ войны съ новымъ Московскимъ царемъ, радуясь, что послѣдній также не можетъ желать этой войны, угрожаемый Димитряшкою и Петрушкою. О судьбѣ перваго Лжедимитрія король не могъ жалѣть не потому только, что непобѣдимый цесарь не хотѣлъ ничѣмъ поступиться Польшѣ: ходили слухи, что нѣкоторые изъ рокошанъ имѣли тайныя сношенія съ Лжедимитріемъ, что дѣло шло у нихъ о провозглашеніи его королемъ Польскимъ, что Димитрій обѣщалъ выслать деньги нѣкоторымъ панамъ, и между прочимъ Стадницкому, самому яростному противнику короля. Вотъ почему король обѣщалъ Волконскому въ скоромъ времени отправить своихъ посланниковъ въ Москву, и дѣйствительно въ Октябрѣ 1607 года, пріѣхали въ Москву посланники Сигизмундовы — панъ Витовскій и князь Друцкой-Соколинской поздравить царя Василія съ восшествіемъ на престолъ и требовать отпуска прежнихъ пословъ и всѣхъ другихъ Поляковъ. Переговоры длились до 25 іюля 1608 года, когда посланники заключили перемиріе съ боярами на три года и одиннадцать мѣсяцевъ, на слѣдующихъ условіяхъ: оба государства остаются въ прежнихъ границахъ; Москва и Польша не должны помогать врагамъ другъ друга; царь обязывается отпустить въ Польшу воеводу Сендомирскаго съ дочерью и сыномъ и всѣхъ задержанныхъ Поляковъ; король обязывается тѣмъ же самымъ относительно Русскихъ, задержанныхъ въ Польшѣ; король и республика должны отозвать всѣхъ Поляковъ, поддерживающихъ самозванца, и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться, Юрію Мнишку не признавать зятемъ втораго Лжедимитрія, дочь свою за него не выдавать, и Маринѣ не называться Московскою государынею. Посланники обязались писать къ Лжедимитріевымъ Полякамъ съ увѣщаніемъ оставить самозванца;

на возвратномъ пути отсылать обратно въ свои земли польскихъ ратныхъ людей, которые имъ встрѣтятся и разослать во всѣ пограничные города объявленія, чтобъ никто не смѣлъ идти на войну въ Московское государство; обязались, что поѣдутъ прямо въ Польшу, избѣгая всякихъ сношеній и свиданій съ Поляками Лжедимитріевыми; но не хотѣли обязаться, что король выведетъ Лисовскаго изъ Московскаго государства, потому что Лисовскій изгнанникъ изъ земли и чести своей отсужденъ [85].

Мы видѣли, что еще до заключенія договора, когда Лжедимитрій былъ въ Звенигородѣ, посланники отправили въ его станъ Борзковскаго съ приказомъ Полякамъ выйдти изъ Московскаго государства. Но Рожинскій съ товарищами отвѣчали, что такъ какъ они уже взялись за дѣло, то ничьего приказу больше не слушаютъ и того, съ кѣмъ пришли, хотятъ посадить въ его столицѣ. Послѣ этого Лжедимитрій немедленно двинулся къ Москвѣ, не встрѣчая по прежнему никакого сопротивленія: царь выслалъ было противъ него войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, и воеводы эти расположились на рѣкѣ Незнани между Москвою и Калугою, но въ войскѣ открылся заговоръ — князья: Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Трекуровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, рѣшились передаться самозванцу; заговорщиковъ схватили, пытали, знатныхъ разослали въ города по тюрьмамъ, незнатныхъ казнили, но царь не велѣлъ уже этому войску встрѣчать самозванца, но велѣлъ ему идти въ Москву. Здѣсь, въ народныхъ толпахъ слышались слова: «Еслибъ онъ не былъ настоящимъ Димитріемъ, то князья и бояре, которые къ нему отъѣхали, воротились бы; значитъ онъ тотъ же самый. Да чтожъ; намъ то? вѣдь князья и бояре перебили его Поляковъ и его самого выгнали; мы объ этомъ ничего не знали».— «Онъ вѣдунъ, говорилъ одинъ: по глазамъ узнаетъ, кто виноватъ, кто нѣтъ.» — «Ахти мнѣ! отвѣчалъ другой: мнѣ никогда нельзя будетъ ему на глаза показаться: этимъ самымъ ножемъ я зарѣзалъ пятерыхъ Поляковъ».

1-го Іюня войско Лжедимитрія приблизилось къ столицѣ и остановилось надъ рѣкою Москвою; сначала не знали, гдѣ лучше расположиться: нѣкоторые говорили, что надобно перейдти на другую сторону и занять большую дорогу на сѣверъ, по которой приходятъ въ Москву и ратные люди и припасы. Это мнѣніе взяло верхъ и войско перешело къ селу Тайнинскому. Но выбранное мѣсто оказалось очень невыгоднымъ, и чрезъ нѣсколько дней обнаружилась большая опасность: нѣкоторые изъ Русскихъ, находившихся при Лжедимитріи, завели сношенія съ Москвою, ночью бѣжали въ Москву, но были схвачены сторожами и объявили товарищей: однихъ изъ нихъ посадили на колъ, другимъ отрубили головы. Счастливо избавившись отъ этой опасности, самозванецъ не хотѣлъ болѣе оставаться въ Тайнинскомъ: онъ думалъ отрѣзать Москву отъ сообщенія съ сѣверомъ, а между тѣмъ царскія войска отрѣзывали его отъ юга, перехватывая шедшихъ къ нему изъ Польши купцовъ и ратныхъ людей. Вотъ почему рѣшили возвратиться на старое мѣсто; но Московское войско стояло на Тверской дорогѣ: Лжедимитрій, разбивъ его, перешелъ на Волоколамскую дорогу и выбралъ наконецъ удобное мѣсто для стана: въ Тушинѣ, между двумя рѣками — Москвою и Всходнею. Сюда къ Рожинскому и товарищамъ его пріѣхалъ опять изъ Москвы отъ пословъ королевскихъ панъ Доморацкій съ приказомъ выходить изъ областей Московскихъ, но поѣхалъ съ прежнимъ отвѣтомъ: Рожинскій хотѣлъ вступить въ Москву послѣ рѣшительной битвы. Царское войско, въ числѣ семидесяти тысячъ, стояло на рѣкѣ Ходынкѣ, самъ царь съ дворомъ и отборными полками стоялъ на Прѣснѣ, готовый его поддерживать. Ночью врасплохъ Рожинскій напалъ на царское войско, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до самой Прѣсни; но здѣсь, подкрѣпленные полками, высланными царемъ, бѣгущіе остановились и въ свою очередь погнали Поляковъ, которые остановились за рѣкою Химкою, отсюда опять ударили на Русскихъ, и отогнавши ихъ за Ходынку, возвратились въ свой Тушинской станъ, очень довольные, что такъ кончилось дѣло, ибо нѣко-

торые изъ нихъ, испуганные пораженіемъ у Прѣсни, прибѣжавши въ станъ, велѣли уже запрягать возы, чтобъ бѣжать дальше къ границѣ. Поляки хвалились, что они послѣдніе прогнали Русскихъ, которые не преслѣдовали ихъ болѣе изъ-за Ходынки, но признавались, что битва дорого имъ стоила. Опасаясь нападенія, они окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Въ половинѣ Августа Рожинскій прислалъ къ боярамъ грамоту, требуя переговоровъ; бояре отвѣчали: «Пишете къ намъ, боярамъ и ко всѣмъ людямъ Московскаго государства о ссылкахъ, чтобъ мы бояръ, дворянъ и изо всѣхъ чиновъ людей прислали къ вамъ говорить о добромъ дѣлѣ, а вы пришлете къ намъ пановъ и рыцарскихъ людей. Пишете, чего знающимъ людямъ писать негодится. Въ Россійскомъ государствѣ надъ нами государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ, и мы всѣ единодушнымъ изволеніемъ имѣемъ его какъ и прежнихъ великихъ государей, и во всякихъ дѣлахъ безъ его повелѣнія и начинанія ссылаться и дѣлать не привыкли. Удивляемся тому, что ты называешь себя человѣкомъ добраго рода, а не стыдно тебѣ, что вы, оставя государя своего Сигизмунда короля и свою землю, назвавши невѣдомо какого вора царемъ Димитріемъ, у него въ подданствѣ быть и кровь христіянскую неповинно проливать хотите. Мы тебѣ отвѣтъ даемъ: то дѣло будетъ доброе, какъ ты князь Романъ Рожинскій со всѣми Литовскими людьми, поймавъ того вора, пришлете къ государю нашему, а сами немедленно изъ нашего государства въ свою землю выйдете; вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ королемъ Литовскимъ помирился и, закрѣпивъ мирное постановленіе, пословъ и Сендомирскаго со всѣми людьми въ Литву отпустилъ». Между тѣмъ Лисовскій съ козаками дѣйствовалъ особо, взялъ Зарайскъ; для отнятія у него этого города пришелъ изъ Рязани воевода Захаръ Ляпуновъ, но былъ разбитъ Лисовскимъ на голову. Послѣ этого Лисовскій пошелъ къ Коломнѣ, взялъ ее приступомъ, раззорилъ, но на до-

рогѣ къ Москвѣ былъ разбитъ князьями Куракинымъ и Лыковымъ, и Коломна опять была занята на имя Шуйскаго.

Такъ война велась съ перемѣнным счастіемъ; но для Шуйскаго впереди не было ничего утѣшительнаго. Самозванецъ укрѣпился подъ Москвою; вопреки договору, заключенному съ послами королевскими, ни одинъ Полякъ не оставлялъ Тушинскій станъ, напротивъ приходили одинъ за другимъ новые отряды: пришелъ прежде всего Бобровскій съ гусарской хоругвью, за нимъ Андрей Млоцкій съ двумя хоругвями гусарскою и казацкою; потомъ Александръ Зборовскій; Выламовскій привелъ 1000 добрыхъ ратниковъ; наконецъ около осени пришелъ Янъ Сапѣга, староста Усвятскій, котораго имя, вмѣстѣ съ именемъ Лисовскаго, получило такую черную знаменитость въ нашей исторіи. Сапѣга пришелъ вопреки королевскимъ листамъ, разосланнымъ во всѣ пограничные города и къ нему особенно. Мстиславскій воевода Андрей Сапѣга прямо признался Смоленскому воеводѣ Шеину, что Польскому правительству нѣтъ никакой возможности удерживать своихъ подданныхъ отъ перехода за границу: «Я тебѣ настоящую и правдивую рѣчь пишу, что все это дѣлается противъ воли и заказу его королевской милости; во всемъ свѣтѣ, за грѣхи людскіе, такое своевольство встало, что и усмирить трудно; не таю отъ васъ и того, что многіе люди, подданные его королевской милости, и противъ самого государя встали и упорно сопротивляться осмѣлились; но Богъ милостивъ, государю нашему на нихъ помогъ, и они, убѣгая отъ королевскаго войска, идутъ, своею волею, въ чужія государства, противъ заказа его королевской милости.» Такимъ образомъ побѣда Сигизмунда надъ рокошанами доставила Лжедимитрію новыхъ союзниковъ. Узнавъ о походѣ Сапѣги, самозванецъ послалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ его не грабить по дорогѣ жителей, присягнувшихъ ему, Димитрію; письмо заключается словами: «А какъ придешь къ нашему царскому величеству и наши царскія пресвѣтлыя очи увидишь, то мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, тѣмъ, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ».

Но нужнѣе всѣхъ этихъ подкрѣпленій для самозванца было присутствіе Марины въ его станѣ. Узнавъ, что, въ исполненіе договора, Мнишекъ съ дочерью отпущенъ изъ Ярославля въ Польшу и ѣдетъ къ границѣ подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда, самозванецъ разослалъ въ присягнувшіе ему пограничные города приказъ: «Литовскихъ пословъ и Литовскихъ людей перенять и въ Литву не пропускать; а гдѣ ихъ поймаютъ, тутъ для нихъ тюрьмы поставить, да посажать ихъ въ тюрьмы». Но онъ не удовольствовался этимъ распоряженіемъ, и отправилъ перехватить ихъ Валавскаго съ полкомъ его; но Полякамъ, которые уже давно служили Лжедимитрію, почему то не хотѣлось, чтобъ Марина была у нихъ въ станѣ: очень вѣроятно, что, увѣренные въ самозванствѣ своего царя, они не хотѣли силою заставить Мнишка и особенно его дочь признавать вора за настоящаго, прежняго Димитрія, и боялись дурныхъ для себя послѣдствій отъ подобнаго насилія, не могли они знать, что Мнишки пожертвуютъ всѣмъ для честолюбія. Какъ бы то ни было, Валавскій, по увѣренію одного изъ товарищей своихъ, съ умысломъ не нагналъ Мнишка. Тогда самозванецъ отправилъ Зборовскаго; этотъ, пріѣхавши недавно, хотѣлъ прислужиться Лжедимитрію, пошелъ очень скоро, нагналъ Мнишка подъ Бѣлою, разбилъ провожавшій его Московскій отрядъ, и воротилъ Мнишка съ семействомъ и посломъ Олесницкимъ; Гонсѣвскій, отдѣлившись отъ нихъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, уѣхалъ за границу другой дорогою. Но теперь затрудненіе состояло въ томъ, что Марина и отецъ ея не хотѣли прямо ѣхать къ самозванцу въ Тушино, не хотѣли безусловно отдаваться ему въ руки: они пріѣхали прежде въ станъ къ Сапѣгѣ и оттуда уже вели переговоры съ Лжедимитріемъ. Говорятъ, что Мнишекъ и послы заранѣе условились, чтобъ ихъ захватили изъ Тушина, и для этого нарочно, противъ воли приставовъ, стояли два дня на одной станціи, все поджидая погони. По другому извѣстію, Марина, увидавши Тушинскаго вора, увидавши, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и ея прежнимъ мужемъ, никакъ не хотѣла признать его; для убѣж-

денія ея къ тому нужно было время и долгіе переговоры. Оба эти извѣстія легко согласить: Марина могла заранѣе знать, что ее перейму̀тъ посланные изъ Тушина, могла быть согласна на это, ибо у нея менѣе чѣмъ у кого нибудь было причинъ сомнѣваться въ спасеніи ея мужа, по крайней мѣрѣ она должна была желать убѣдиться въ этомъ лично и, убѣдившись въ противномъ, сначала отказалась признать обманщика своимъ мужемъ. Разсказываютъ, что подъѣзжая къ Тушину, Марина была чрезвычайно весела, смѣялась и пѣла. Но вотъ на осьмнадцатой милѣ отъ стана подъѣзжаетъ къ ея каретѣ молодой Польскій шляхтичь и говоритъ ей: Марина Юрьевна! вы веселы и пѣсенки распѣваете; оно бы и слѣдовало вамъ радоваться еслибъ вы нашли въ Тушинѣ настоящаго своего мужа; но вы найдете совсѣмъ другаго». Веселость Марины пропала отъ этихъ страшныхъ словъ, и плачь смѣнилъ пѣсни. Это нежеланіе Марины ѣхать немедленно въ Тушино, долгіе переговоры съ нею и отцемъ ея были очень вредны для Лжедимитрія, какъ признается одинъ изъ Поляковъ ему служившихъ, и послѣдовавшее потомъ согласіе Марины и отца ея признать его однимъ лицемъ съ первымъ Димитріемъ уже не могло изгладить перваго вреднаго впечатлѣнія, произведеннаго ихъ колебаніемъ, хотя самозванецъ и хлопоталъ объ этомъ изглаженіи; такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ Маринѣ, чтобъ она, находясь въ Звенигородѣ, присутствовала въ тамошнемъ монастырѣ при торжествѣ положенія мощей: «отъ этого, пишетъ Лжедимитрій, въ Москвѣ можетъ возбудиться къ намъ большое уваженіе, ибо вамъ извѣстно, что прежде противное поведеніе возбудило къ намъ ненависть въ народѣ и было причиною того, что мы лишились престола.»

Мнишекъ только тогда рѣшился назваться тестемъ втораго самозванца, когда тотъ далъ ему запись, что тотчасъ по овладѣніи Москвою выдастъ ему 300,000 рублей и отдаетъ во владѣніе Сѣверское княжество съ четырнадцатью городами. Олесницкой также получилъ жалованную грамоту на городъ Бѣлую. 5 Сентября въ станѣ Сапѣги происходило тайное вѣнча-

ніе Марины со вторымъ Лжедимитріемъ, совершенное духовникомъ ея, іезуитомъ, который, разумѣется, убѣдилъ ее въ томъ, что все позволено для блага римской церкви. Послѣдняя не теряла еще совершенно надежды на воскресеніе Димитрія, какъ видно изъ писемъ кардинала Боргезе къ папскому нунцію въ Польшѣ. Сначала онъ пишетъ: «Мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобъ Димитрій былъ живъ и спасся бѣгствомъ изъ своего государства, ибо, въ такомъ случаѣ, онъ не явился бы такъ поздно въ Самборѣ, гдѣ какъ говорятъ, онъ теперь». Потомъ пишетъ: «Если только онъ живъ, то еще можно уладить всѣ дѣла; мы отправимъ письма и сдѣлаемъ все возможное, чтобъ примирить его съ Польскимъ королемъ». Далѣе пишетъ: «Начинаемъ вѣрить, что Димитрій живъ; но такъ какъ онъ окруженъ еретиками, то нѣтъ надежды, чтобъ онъ продолжалъ оставаться при прежнемъ намѣреніи; король Польскій благоразумно замѣчаетъ, что нельзя полагаться на него во второй разъ. Бѣдствія должны были бы побудить его къ оказанію знаковъ истиннаго благочестія; но дружба съ еретиками обнаруживаетъ, что у него нѣтъ этого чувства». Въ инструкціи, написанной кардиналомъ Боргезе новому нунцію Симонетта, находятся слѣдующія слова: «О дѣлахъ московскихъ теперь нечего много говорить, потому что надежда обратить это государство къ престолу апостольскому исчезла со смертію Димитрія, хотя и говорятъ теперь, что онъ живъ. И такъ мнѣ остается сказать вамъ только то, что когда введется реформа въ орденъ монашескій Св. Василія между Греками, тогда можно будетъ современемъ воспитать много добрыхъ растеній, которыя, посредствомъ сношеній своихъ съ Московіею, могутъ сообщить свѣтъ истинный ея народу». Несмотря на то, въ Римѣ все еще не переставали колебаться между отчаяніемъ и надеждою и принимать участіе въ дѣлахъ самозванца. Такъ въ началѣ 1607 года Боргезе писалъ, что если Петръ Ѳедоровичъ будетъ признанъ законнымъ наслѣдникомъ, то Димитрію не останется надежды поправить свои дѣла. Въ Ноябрѣ 1607 года надежда воскресла; Боргезе пишетъ: «Сыновья Сендомирскаго палатина,

торые находятся здѣсь въ Римѣ, сообщили его святѣйшеству довѣрное извѣстіе, что Димитрій живъ, и что объ этомъ шетъ къ нимъ ихъ мать. Горимъ желаніемъ узнать истину». омъ въ Августѣ 1608 года пишетъ: «Димитрій живъ и ъ во мнѣніи многихъ; даже самые невѣрующіе теперь не тиворѣчатъ рѣшительно, какъ дѣлали прежде. Жаждемъ остовѣриться въ его жизни и въ его побѣдахъ». Въ этомъ мѣсяцѣ кардиналъ пишетъ: «Если справедливо извѣстіе о бѣдѣ Димитрія, то необходимо должно быть справедливо и то, о онъ настоящій Димитрій».

Въ Польшѣ уже составили для воскресшаго Димитрія наъ, какъ ему дѣйствовать для собственной безопасно и для введенія уніи въ Московское государство. Составии наказа сочли нужнымъ изложить причины, почему Лжедиирій не долженъ требовать императорскаго титула: a) Этотъ итулъ не достался ему въ наслѣдство отъ предковъ, слѣдоательно надобно доказать какое-нибудь новое, имъ самимъ ріобрѣтенное право; b) сами Русскія противъ этого титула: о же сказать объ иностранцахъ? c) Его не признаетъ ниоиъ государь христіанскій, а въ посольствахъ и другихъ дѣхъ не надобно подавать повода къ новымъ затрудненіямъ. d) И о титулѣ королевскомъ бывали и бываютъ споры съ сосѣдними государями: что же объ императорскомъ? e) Для приятія этого титула необходимо новое вѣнчаніе, котораго патріархъ совершить не можетъ; нѣтъ и курфирстовъ, для этого необходимыхъ. Но царь можетъ достигнуть желаннаго чрезъ унію. За этимъ слѣдуютъ собственно наставленія:

1) Хорошо, еслибъ государственныя должности и сопряженныя съ ними преимущества раздавались не по древности рода, надобно, чтобъ доблесть, а не происхожденіе получало награду. Это было бы для вельможъ побужденіемъ къ вѣрной службѣ, а также и къ уніи. Однако при этомъ должно смотрѣть, чтобъ не возникли раздоры между старыми и новыми сенаторами. Не худо бы это распоряженіе отложить до уніи, а тутъ раздавать высшія должности въ видѣ вознагражденія болѣе приверженнымъ

къ ней, чтобъ самъ государь въ слѣдствіе уніи получилъ титулъ царскій, а думные его сановники титулъ сенаторскій, то-есть, чтобъ все это проистекало отъ папы; должно обѣщать и другія преимущества, чтобъ скорѣе склонить къ дѣлу Божію.

2) Постоянное присутствіе при особѣ царской духовенства и бояръ влечетъ за собою измѣны, происки и опасность для государя: пусть остаются въ домахъ своихъ, и ждутъ приказа, когда явиться. А вмѣсто нихъ его величеству имѣть совѣтниками мужей зрѣлыхъ и доблестныхъ, какъ для суда, такъ и для дѣлъ государственныхъ; пусть онъ бесѣдуетъ преимущественно съ тѣми изъ нихъ, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе государства и любовь народная къ государю, не оставляя совершенно и прочихъ, но попеременно имѣя при себѣ то тѣхъ, то другихъ. Притомъ безпрестанныя угощенія бояръ и думныхъ людей, долгое пребываніе съ ними влекутъ за собою трату времени, опасность и ненужныя издержки, пораждаютъ неудовольствія и вѣроятно были причиною нынѣшней трагедіи. Однако надобно имѣть въ виду и то, чтобъ эти бояре, вдали отъ глаза государева, не замышляли чего-нибудь опаснаго. Надобно запретить всякія собранія. Государь долженъ кушать иногда публично, а иногда въ своихъ покояхъ, по обычаю другихъ государей.

3) Недавній примѣръ научаетъ, что его величеству нужны тѣлохранители, которые бы, безъ его вѣдома, прямо, какъ до сихъ поръ бывало, никого не пропускали во дворецъ, или гдѣ будетъ государь. Нужно имѣть между тѣлохранителями иностранцевъ, хотя на половину съ своими, какъ для блеска, такъ и для безопасности. Въ комнатные служители надобно выбирать съ большимъ вниманіемъ. Въ тѣлохранители и комнатные служители надобно выбирать такихъ людей, которыхъ счастіе и жизнь зависятъ отъ безопасности государя, или, говоря ясно, истинныхъ католиковъ, если совершится унія. Изъ Москвитянъ брать въ тѣлохранители приверженныхъ къ уніи, ко-

торые, обращаясь и разговаривая съ нашими, желали бы видѣть наше богослуженіе, слушать проповѣди и проч.

Такимъ образомъ отъ самихъ подданныхъ, а не отъ государя возникнутъ разговоры объ уніи, государь будетъ скорѣе посредникомъ и судьею, чѣмъ дѣйствователемъ и поощрителемъ: это нужно для отвращенія ненависти, особенно теперь въ началѣ. При томъ надобно выбрать расположенныхъ къ дому ея царскаго величества. Надобно обращать вниманіе и на то, что вѣрность людей, которымъ не за чѣмъ возвращаться въ отечество, бываетъ подозрительна. Между здѣшними нашими кажется много такихъ, которые по безнравственности и буйству въ великой ненависти у Москвитянъ. Надобно смотрѣть, чтобъ поведеніе католиковъ, находящихся при ихъ величествахъ, не навлекало порицанія святой вѣрѣ и уніи.

4) И Москвитянъ не очень должно отдалять отъ двора государева, ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцевъ. Эти приближенные къ царю Москвитяне могутъ примѣромъ своимъ поощрять другихъ къ уніи. Государь только посредствомъ нихъ можетъ сноситься съ подданными въ дѣлахъ необходимыхъ для государства. Наконецъ они доказали свою вѣрность тѣмъ, что при открытіи недавняго заговора подвергали опасности жизнь свою за государя. Надобно остерегаться, чтобъ не подать повода къ новымъ заговорамъ: въ противномъ случаѣ должно было бы держать всегда иноземное войско, но все насильственное недолговѣчно. Какъ трудно безъ Русскихъ получить предостереженіе на случай бунта, крамолы и прочаго, долженствующаго быть извѣстнымъ государю, это изведано на опытѣ. При томъ не должно забывать о положеніи государства по смерти государя: если все будетъ дѣлаться силою и страхомъ, то надобно опасаться, что благія намѣренія государя относительно преобразованія вѣры, народа и государства, обратятся въ ничто. Потомъ надобно позаботиться о ея величествѣ и о дворѣ ихъ величествъ. Важнѣе всего было бы сближеніе нашихъ съ Москвитянами и дружественныя бесѣды ихъ, особенно при дворѣ государевомъ. Пусть наши держатъ слугъ

и мальчиковъ изъ Московскаго народа; но они должны смотрѣть внимательно, сколько и въ чемъ довѣрять каждому. Не худо, если бы царица изъ вельможныхъ семействъ Московскихъ имѣла при дворѣ своемъ нѣсколько лицъ обоего пола. Полезно, чтобъ Поляки, если возможно, взяли съ собою въ Польшу сыновей знатныхъ бояръ: это послужило бы къ перемѣнѣ нравовъ и вѣры и было бы ручательствомъ за безопасность нашихъ здѣсь. При раздачѣ должностей дворскихъ весьма полезно давать Полякамъ болѣе приближенныя, а Москвитянамъ почетнѣйшія, чтобъ оградить жизнь и безопасность государя.

5) Производить тщательно тайный розыскъ о скрытныхъ заговорщикахъ и участникахъ заговора; вызнавать расположеніе близкихъ особъ, чтобъ знать, кому что̀ повѣрить.

6) Для принятія просьбъ назначить извѣстныхъ вѣрностію секретарей, которые должны отправлять дѣла какъ можно скорѣе. Этимъ, съ одной стороны, пріобрѣтается расположеніе подданныхъ, съ другой, охраняется безопасность государя, ибо въ просьбахъ могутъ заключаться предостереженія.

7) Канцелярія должна употреблять скорѣе народный языкъ, чѣмъ Латинскій, особенно потому, что Латинскій языкъ считается у туземцевъ поганымъ. Однако государю нужно имѣть при себѣ людей, знающихъ языкъ Латинскій, политику и богословію, истинныхъ католиковъ, которые бы не затрудняли благаго намѣренія, не сближали государя съ еретиками, не подсовывали книгъ аріанскихъ и кальвинскихъ на пагубу государству и душамъ, не возбуждали омерзѣнія къ намѣстнику Христову, не отторгали отъ соединенія съ государями католическими. Такіе ученые по крайней мѣрѣ необходимы для сношеній съ государями христіанскими.

8) Вѣновая запись, данная царицѣ, должна быть за подписью думныхъ людей. Одной копіи быть здѣсь, а другой въ Польшѣ съ печатями и подписями. При случаѣ включить въ договоръ съ Польскимъ королевствомъ, чтобъ ея царское величество была подъ покровительствомъ королевства при перемѣнѣ обстоятельствъ. Надобно, чтобъ сенаторы и подданные по горо-

дамъ дали присягу ея царскому величеству, какъ своей государынѣ, на подданство и послушаніе; одинъ экземпляръ присяжнаго листа хранить здѣсь, а другой въ Польшѣ съ подписью правителей и старостъ городовыхъ. На всякій случай дозволить царицѣ покупку какого-нибудь имѣнія въ Польшѣ, по преимуществу сосѣдняго съ волостями ей уступленными въ Московскомъ государствѣ.

9) Перенесеніе столицы, по крайней мѣрѣ на время, кажется необходимымъ по слѣдующимъ причинамъ: a) Это будетъ безопаснѣе для государя. b) Удобнѣе будетъ достать иностранное войско и получить помощь отъ союзнаго короля и другихъ государей христіянскихъ. c) При перемѣнѣ царя для царицы удобнѣе получить помощь отъ своихъ, безопаснѣе и легче выѣхать съ драгоцѣнностями и свободою въ отечество; однако разглашать о перенесеніи столицы не нужно, ибо это ни къ чему не послужитъ, надобно жить гдѣ-нибудь, только не въ Москвѣ. d) Міръ Московскій будетъ смирнѣе: онъ чтитъ государя въ далекѣ находящагося, но буйствуетъ въ присутствіи государя и мало его уважаетъ. e) Обычныя пированія съ думными людьми могли бы удобнѣе исподоволь прекратиться. f) Удобнѣе было бы вести переговоры объ уніи: g) Удобнѣе пріискивать людей способныхъ. h) Легче учреждать коллегіи и семинаріи подлѣ границы Польской. i) Легче Московскихъ молодыхъ людей отправлять учиться въ Вильну и другія мѣста.

10) Перечисляются полезныя слѣдствія уніи для образованности въ Россіи.

11) Императорское достоинство врядъ ли долго удержится въ домѣ Австрійскомъ и государствѣ Нѣмецкомъ, въ слѣдствіе распространенія протестантизма въ Германіи. Если еретики курфирсты выберутъ еретика или произойдетъ раздоръ по поводу избранія, то папа передастъ императорское достоинство тому изъ государей, кто ревностнѣе другихъ будетъ защищать церковь. Кто знаетъ, не наступило ли время когда император-

ское достоинство, перенесенное при Карлѣ Великомъ съ востока на западъ, будетъ перенесено съ запада на сѣверъ.

12) Если живъ сынъ старшаго брата царскаго, то престолъ по праву принадлежитъ ему. Въ такомъ случаѣ обезпеченіемъ для Димитрія можетъ служить унія, ибо церковь имѣетъ власть царей невѣрныхъ удалять отъ владычества надъ вѣрными и вручать скипетръ вѣрнымъ сынамъ своимъ.

13) Сохраненіе царскаго величества отъ внезапной смерти справедливо приписать молитвамъ церкви; тѣмъ же молитвамъ надобно приписать и то, что люди, возставшіе на государя съ цѣлію воспрепятствовать уніи, претерпѣли много неудачъ и множество погибло ихъ отъ меньшей силы.

За этимъ слѣдуетъ особое изложеніе средствъ, какъ ускорить дѣло уніи.

1) Еретикамъ, непріятелямъ уніи запретить въѣздъ въ государство.

2) Выгнать пріѣзжающихъ сюда изъ Константинополя монаховъ.

3) Руси Польской заградить путь къ проискамъ, ибо и теперь по ея наущенію произошло кровопролитіе, его царское величество едва спасся и возникла большая, чѣмъ прежде, ненависть къ уніи.

4) Съ осторожностію должно выбирать людей, съ которыми объ этомъ говорить, ибо преждевременное разглашеніе и теперь повредило.

5) Государь долженъ держать при себѣ очень малое число духовенства католическаго. Письма, относящіяся къ этому дѣлу, какъ можно осторожнѣе принимать, писать, посылать, особенно изъ Рима.

6) Государю говорить объ этомъ должно рѣдко и осторожно. Напротивъ надобно заботиться о томъ, чтобъ не отъ него началась рѣчь.

7) Пусть сами Русскіе первые предложатъ о нѣкоторыхъ неважныхъ предметахъ вѣры, требующихъ преобразованія, которые могутъ проложить путь уніи. Поводомъ къ этому могутъ

служить объѣзды и изслѣдованія по послѣднему заговору, въ которомъ участвовало и духовенство; преобразованіе нравственности и способа ученія духовенства, отдаленіе неучей священниковъ, которые сами не знаютъ о вѣрѣ и другихъ не учатъ. Вслѣдствіе этого прихожане не знаютъ символа вѣры, десяти заповѣдей, молитвы Господней: отсюда между ними клятвопреступленія, прелюбодѣянія, пьянство, чародѣйство, обманъ, воровство, грабежи, убійства, рѣдкій почитаетъ за грѣхъ воровство и грабежъ. Нѣтъ поучительныхъ проповѣдей для народа. Священники отличаются невѣжествомъ при исповѣди. Священство раздается за деньги. Предложить вопросъ объ отношеніи патріарха Московскаго къ Византійскому, откуда его власть? Обратить вниманіе на то, что молодые люди не получаютъ образованія, что большіе доходы духовенства не обращаются на дѣла полезныя. Почему не ввести наукъ, какія были при Св. Златоустѣ, Василіи, Николаѣ и другихъ святыхъ, которые были учеными, учили и учиться велѣли? а для этого нужно соединеніе съ церковію Латинскою, которая производитъ столько людей ученыхъ. Почему бы, по примѣру прежнихъ святыхъ патріарховъ, не произвести преобразованія въ вѣрѣ и нравахъ, чтобъ все было по прежнему, какъ жили до раздѣленія церквей и до владычества Турокъ, ибо съ того времени все въ духовныхъ дѣлахъ начало портиться? Почему бы не имѣть семинарій и коллегіумовъ? При случаѣ намекнуть на устройство католической церкви для соревнованія. Издать законъ, чтобъ все подведено было подъ постановленія соборовъ и отцовъ Греческихъ и поручить исполненіе закона людямъ благонадежнымъ, приверженцамъ уніи. Возникнутъ споры, дойдетъ дѣло до государя, который конечно можетъ назначить соборъ, а тамъ съ Божіею помощію, можетъ быть приступлено и къ уніи.

8) Раздавать должности людямъ, приверженнымъ къ уніи, внушать имъ, какія отъ нея произойдутъ выгоды; особенно высшее духовенство должно быть за унію, оно должно руководить народъ къ предположенной цѣли, а это въ рукахъ его царскаго величества.

9) Намекнуть черному духовенству о льготахъ, бѣлому о достоинствахъ, народу о свободѣ, всѣмъ о рабствѣ Грековъ, которыхъ можно освободить только посредствомъ уніи съ государями христіанскими.

10) Имѣть при государѣ священниковъ придворныхъ и способныхъ, которые бы указывали истинный путь словесно и письменно.

11) Учредить семинаріи, для чего призвать людей ученыхъ, хотя свѣтскихъ.

12) Отправить молодыхъ людей для обученія въ Вильну или лучше туда, гдѣ нѣтъ отщепенцевъ, въ Италію, въ Римъ.

13) Позволить Москвитянамъ присутствовать при нашемъ Богослуженіи.

14) Хорошо, еслибъ Поляки набрали здѣсь молодыхъ людей, и отдали бы ихъ въ Польшѣ учиться отцамъ Іезуитамъ.

15) Хорошо, еслибъ у царицы между священниками былъ одинъ или два уніата, которые бы отправляли службу по обряду Русскому и бесѣдовали съ Русскими.

16) Для царицы и живущихъ здѣсь Поляковъ построить костелъ или монастырь католическій.

Этотъ наказъ былъ написанъ напрасно: Лжедимитрію не удалось взять Москвы, и товарищи его должны были думать о томъ, какъ зимовать въ Тушинѣ, ибо снѣгъ уже началъ набиватъся въ ихъ палатки. У самозванца было въ это время Польскаго коннаго войска 18,000, пѣхоты 2000, козаковъ Запорожскихъ 13,000, Донскихъ 15,000, кромѣ Русскихъ людей, послѣднихъ Поляки не много держали въ станѣ, потому что имъ не довѣряли; купцовъ Польскихъ бывало иногда при Тушинѣ тысячъ до трехъ: они стояли особымъ станомъ. Нѣкоторые думали, что надобно раздѣлиться на отряды и зимовать въ разныхъ волостяхъ Московскихъ; но большинство сочло опаснымъ раздѣлить силы, и рѣшились зимовать въ Тушинѣ. Начали рыть землянки, для лошадей подѣлали стойла изъ хворосту и соломы. Для продовольствія подѣлили завоеванныя волости между отрядами, и огромные обозы по первому пути

потянулись къ Тушину, на каждую роту приходилось по тысячѣ и больше возовъ; везли намъ чего только душа хотѣла, говоритъ одинъ изъ Тушинскихъ Поляковъ; наскучило жить въ землянкахъ: начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обозѣ, у инаго было двѣ и три избы, а въ землянкахъ устроили погреба. Среди стана построили хоромы царю, царицѣ и Мнишку, было имъ гдѣ помѣститься просторно, и станъ Тушинскій превратился въ городъ [86].

ГЛАВА V.

ОТЪ УТВЕРЖДЕНІЯ ВТОРАГО САМОЗВАНЦА ВЪ ТУШИНѢ ДО ПОЯВЛЕНІЯ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА III ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ.

Самозванецъ выстроилъ себѣ столицу подъ самою Москвою, и къ нему на помощь приходили Польскіе отряды; договоръ, заключенный въ Москвѣ королевскими послами, былъ явно нарушенъ, Мнишекъ и дочь его признали Тушинскаго вора истиннымъ Димитріемъ. Но если со стороны Поляковъ было такое явное нарушеніе договора, если воръ утверждался съ Польскою помощію, то Шуйскому естественно было обратиться съ просьбою о помощи ко врагу Польши и короля ея, Карлу Шведскому, тамъ болѣе, что послѣдній уже давно предлагалъ эту помощь. Въ Февралѣ 1607 года Выборгскій державецъ писалъ къ Корельскому воеводѣ князю Масальскому, что король его готовъ помогать царю и послы Шведскіе давно уже стоятъ на рубежѣ, дожидаясь пословъ Московскихъ для переговоровъ. Но въ это время Шуйскій, успѣвши отогнать Болотникова отъ Москвы, думалъ, что сладитъ съ прежепогибшею украйною однѣми силами сѣверной Россіи, и потому далъ наказъ Масальскому такъ отвѣчать на письмо изъ Выборга: «Ты писалъ ко мнѣ, что государя вашего Арцыкарлуса послы стоятъ долго на рубежѣ понапрасну, дожидаются пословъ его царскаго

величества: я твоему письму подивился, что пишешь все о тѣхъ же дѣлахъ, о которыхъ прежде не одинъ разъ мы вамъ отвѣтъ давали, и теперь даю знать, что о послахъ великаго государя у насъ указа нѣтъ и къ вамъ мы о томъ никогда не писывали, что будутъ государя нашего послы на съѣздъ. И вы бы впередъ къ намъ о посольскихъ съѣздахъ не писали, потому что посольскіе съѣзды и о послахъ ссылки въ Корелѣ никогда не бывали, государь бы вашъ велѣлъ о посольскомъ съѣздѣ ссылаться съ Новгородскими воеводами. Ты пишешь, что государя вашего воевода со многими людьми стоитъ въ Выборгѣ и еще воинскихъ людей собираетъ каждый день: но онъ этимъ только убытокъ государю своему дѣлаетъ, а намъ его сборы не страшны: знаете и сами, что у великаго государя нашего многія рати собственныя его государевы, а не сборныя и не наемныя, всегда готовы. Постановленнаго прежняго мира великій государь нашъ нарушать ни чѣмъ не велѣлъ, съ его стороны никакой неправды и задоровъ нѣтъ. Да вы же пишете, хотите знать отъ меня, кто у насъ царь и великій князь! Но государь вашъ знаетъ по нашей сказкѣ, что у насъ государь Василій Ивановичь всея Руси. Пишете, будто его подданные стоятъ противъ него, и потому гонцамъ вашего государя къ нашему государю дороги нѣтъ, и что у васъ указъ есть съ своими воинскими людьми помогать нашему государю противъ его недруговъ, а русской землѣ государь вашъ не хочетъ никакой порухи, хочетъ помогать Новгородской землѣ: и вамъ давно извѣстно, что по Божіей милости, по прародительской степени, за прошеніемъ освященнаго собора и за челобитьемъ всего народнаго множества Московскаго государства учинился на великихъ государствахъ Василій Ивановичь, и всѣ ему служатъ, и розни между ними никакой нѣтъ, по милости Божіей, и впередъ не будетъ, а вы теперь, не вѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйственныя слова. А что пишете о помощи, и я даю вамъ знать, что великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого не надобно, противъ всѣхъ своихъ

недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и просить помощи ни у кого не станетъ, кромѣ Бога. А гонцамъ ѣздить было нельзя отъ того, что во всемъ Новгородскомъ уѣздѣ было моровое повѣтріе».

Въ другой разъ Карлъ прислалъ гонца своего въ Москву, когда царь былъ подъ Тулою. Отъ гонца сначала хотѣли скрыть цѣль царскаго похода, приставъ сказалъ ему, что Василій стоитъ на украйнѣ противъ Крымскаго хана. Царь писалъ къ боярамъ, чтобъ они велѣли отписать Карлу противъ всѣхъ статей, а писали бы къ нему не жестоко, а ласково. Не смотря на то, бояре сочли нужнымъ выразить свое негодованіе на короля, который и въ грамотѣ, присланной съ гонцомъ, писалъ, что причиною задержки гонцовъ было не моровое повѣтріе, а государевы недруги. Бояре отвѣчали ему, отъ имени царскаго: «У насъ у всѣхъ великихъ государей ведется: съ которыми великими государями ссылка о любви и о дружбѣ, то между ними такихъ непригожихъ рѣчей въ нашихъ государскихъ ссылкахъ не бываетъ: и тебѣ въ томъ пригоже остерегаться, и впередъ бы ты къ намъ такихъ невѣжливыхъ словъ не писалъ. Когда злаго врага, еретика и богоотступника разстригу Гришку Отрепьева Московскимъ государствомъ убили, то воры козаки и бѣглые холопы, разстригины совѣтники, боясь за свое воровство опалы и смертной казни, сбѣжали изъ Москвы въ украинскіе и въ Польскіе города и стали воровать; но теперь этихъ воровъ побили и въ нашихъ великихъ государствахъ смуты нѣтъ никакой; бываетъ во всѣхъ великихъ государствахъ, что воры, разбойники и душегубцы бѣгаютъ и воруютъ, избывая смертной казни. Ты писалъ, что хочешь намъ на нашихъ недруговъ помогать: наше царское величество въ томъ тебя похваляемъ, что ты намъ доброхотаешь и нашей любви къ себѣ ищешь, и противъ того любовью тебѣ воздавать будемъ же. Но и прежде мы къ тебѣ писали, и теперь объявляемъ, что недруга у насъ никакого нѣтъ, а хотя который пограничный государь и помыслитъ какую недружбу начать, то это намъ не страшно, помощи мы

просимъ отъ единаго всемогущаго Бога, да и самому тебѣ извѣстно, что у нашего царскаго величества многія несчетныя Русскія и Татарскія рати».

Скоро однако Шуйскій долженъ былъ перемѣнить этотъ тонъ, когда его несчетныя рати были побиты и самозванецъ выстроилъ себѣ столицу подъ Москвою: отвергнувъ сперва два раза предложенную ему Карломъ помощь, теперь онъ счелъ необходимымъ отправить племянника своего, князя Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ, чтобъ оттуда завести сношенія съ Шведскимъ королемъ о помощи. Въ Новгородѣ приняли Скопина съ честію: издавна Новогородцы отличались привязанностію къ Шуйскимъ, во времена Грознаго они стояли за нихъ всѣмъ городомъ. Но въ Псковѣ дѣла шли иначе. Не смотря на погромъ, бывшій надъ Псковомъ при великомъ князѣ Василіи, этотъ городъ сохранялъ еще остатки прежняго быта. Какъ остатокъ старины, сохранялась въ Псковѣ вражда двухъ сторонъ, такъ называемыхъ лучшихъ и меньшихъ людей; но послѣ окончательнаго присоединенія къ Москвѣ эта вражда должна была еще усилиться по той причинѣ, что Псковскіе лучшіе люди были выведены и на ихъ мѣсто были присланы другіе изъ Московскихъ областей — разумѣется, въ спокойное время эта вражда не могла рѣзко высказываться, но теперь, со смутою, настало для этого удобное время. «Гости, славные мужи, велики мнящіеся предъ Богомъ и людьми, богатствомъ кипящіе», по выраженію лѣтописца, нашли случай изгубить предводителей противной стороны, «которые люди въ правдѣ противъ нихъ говорили о градскомъ житіи и строеніи, и за бѣдныхъ сиротъ.» Шуйскій прислалъ въ Псковъ просить у его жителей денежнаго вспоможенія. Гости и вообще богатые люди собрали 900 рублей со всего Пскова, съ большихъ и съ меньшихъ и со вдовицъ по раскладу, и послали съ этими деньгами въ Москву, не по выбору, главныхъ людей противной стороны — Самсона Тифинца, Өедора Умойся-Грязью, Ерему сыромятника, Овсейка Ржову, Илюшку мясника, и написали Шуйскому: «мы тебѣ гости Псковскіе радѣемъ, а эти пять

человѣкъ тебѣ, государю, добра не хотятъ, и мелкіе люди казны тебѣ не дали.» Тогда же знаменитый гость Григорій Щукинъ хвалился: «которые де поѣхали съ казною, и тѣмъ Живоначальной Троицы верха не видать и въ Псковѣ не бывать.» Въ самомъ дѣлѣ, уже въ Новгородѣ, въ слѣдствіе упомянутой грамоты лучшихъ Псковичей къ царю, посадили въ тюрьму четверыхъ изъ Псковичей, посланныхъ съ деньгами, и держали ихъ до самаго того времени, какъ узнали, что дорога очистилась отъ воровскихъ людей и ихъ можно стало отправить въ Москву. Оставили на волѣ одного только Ерему сыромятника, потому что его имя въ грамотѣ пропустили: похотѣлъ ему добра Псковской воевода Петръ Шереметевъ за то, что Ерема на него много всякаго рукодѣлья дѣлалъ даромъ.

Когда посланные пріѣхали въ Москву, то ихъ, по оговорной грамотѣ, вывели казнить смертію. Къ счастію ихъ въ это время находился въ Москвѣ отрядъ Псковскихъ стрѣльцовъ, взятый царемъ на помощь противъ Лжедимитрія: стрѣльцы эти бросились къ Шуйскому, били челомъ за своихъ земляковъ и выручили ихъ въ томъ, «что тебѣ царю они не измѣнники, а наши головы въ ихъ головы». Между тѣмъ Ерема возвратился изъ Новгорода въ Псковъ и сказалъ своимъ, что остальныхъ четверыхъ его товарищей прямо изъ тюрьмы отослали въ Москву, съ казною, и на нихъ писана измѣна. Тогда народъ всталъ всѣмъ Псковомъ на гостей, на семь человѣкъ и билъ на нихъ челомъ воеводѣ. Шереметевъ посадилъ гостей въ тюрьму и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ потребовать съ нихъ большія деньги, а между тѣмъ послалъ сказать въ Москву, чтобъ присланнымъ туда четверымъ Псковичамъ не дѣлали никакого зла и тотчасъ отпустили бы ихъ домой, ибо за нихъ поднялось въ Псковѣ страшное смятеніе и гостямъ грозитъ гибель. Шуйскій испугался и отпустилъ Псковичей. Съ этихъ поръ встала страшная ненависть между лучшими и меньшими людьми: «большіе на меньшихъ, меньшіе на большихъ, и такъ было къ погибели всѣмъ». Понятно, какія слѣдствія должно было имѣть такое раздвоеніе въ городѣ, когда,

по выраженію лѣтописца, «раздѣлилось царство русское на двое, и было два царя и двои люди несогласіемъ.» Когда Шуйскій разослалъ по городамъ, въ томъ числѣ въ Новгородъ и Псковъ, плѣнниковъ, взятыхъ у самозванца, то Новгородцы топили этихъ несчастныхъ въ Волховѣ, а Псковичи кормили ихъ, поили, одѣвали и плакали, на нихъ смотря: это былъ дурной знакъ для Шуйскаго!

Въ Маѣ 1607 года пришли изъ Тушинскихъ таборъ стрѣльцы Псковскіе и пригородные, также дѣти боярскіе, которые были взяты въ плѣнъ самозванцемъ, цѣловали ему крестъ и съ ласкою отпущены домой. Стрѣльцы, разойдясь по своимъ пригородамъ, а дѣти боярскія по помѣстьямъ, смутили всѣ пригороды и волости, привели ихъ къ крестному цѣлованью таборскому царю Димитрію. Псковской воевода Шереметевъ собралъ ратныхъ людей и послалъ воеводою съ ними сына своего Бориса противъ возмутителей; но Борисъ едва успѣлъ убѣжать отъ нихъ въ Псковъ по здорову. Въ это время пришли въ Псковъ Новгородцы и стали говорить Псковичамъ чтобъ соединиться и стоять вмѣстѣ на воровъ «а къ намъ Нѣмцы (Шведы) будутъ изъ-за моря тотчасъ въ помощь Новугороду и Пскову.» Но это обѣщаніе, что Нѣмцы придутъ на помощь могло только заставить Псковичей передаться на сторону Лжедимитрія. Мы видѣли, что въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ Псковъ постоянно боролся съ Нѣмцами, безпрестано грозившими его самостоятельности и вѣрѣ; едва младенецъ въ Псковѣ начиналъ понимать, какъ уже существомъ самымъ враждебнымъ представлялся ему Нѣмецъ. Къ этой исторической враждѣ присоединялось теперь новое опасеніе; меньшіе люди видѣли, что Нѣмцы, союзники Шуйскаго, вмѣстѣ съ Новгородцами придутъ для того, чтобъ усилить воеводу и сторону лучшихъ людей, которые воспользуются своею силой для низложенія стороны противной. Псковичи объявили Новгородцамъ, что именно для Нѣмцевъ они соединяться съ Новгородомъ не хотятъ.

Въ это время, когда въ слѣдствіе появленія двухъ царей

Псковъ раздѣлился, что же дѣлало начальство Псковское, воевода Шереметевъ и дьякъ, знаменитый въ послѣдствіи Иванъ Грамотинъ? Они воспользовались смутою, ослабленіемъ власти царской для собственныхъ выгодъ: взяли себѣ въ помѣстья и въ кормленіе лучшія дворцовыя села. Когда Тушинскій воевода Ѳедоръ Плещеевъ пришелъ съ войскомъ, набраннымъ въ пригородахъ и сталъ приводить къ крестному цѣлованію волости Псковскія, то крестьяне изъ волости явились въ Псковъ къ воеводѣ, прося оборонить ихъ отъ Плещеева; но Шереметевъ отвѣчалъ имъ, чтобъ цѣловали крестъ таборскому царю; тѣ, дѣлать нечего, цѣловали крестъ и начали давать Плещееву кормъ и подымщину. Но потомъ Шереметевъ и Грамотинъ выслали вооруженный отрядъ грабить и брать въ плѣнъ крестьянъ по волости; плѣнныхъ мучили на пыткахъ, и вымучивши деньги, отпускали, приговаривая: «зачѣмъ мужикъ крестъ цѣловалъ!» но мужикъ зналъ, что самъ воевода велѣлъ ему крестъ цѣловать. Псковичи волновались все сильнѣе и сильнѣе, видя гибель пригородамъ и крестьянамъ, воеводскія неправды, обиды и грабежъ, опасаясь, что, когда придутъ Новгородцы съ Нѣмцами, то Шереметевъ еще болѣе возьметъ силы и тогда уже не будетъ отъ него никому пощады. Одинъ сынъ боярскій распустилъ слухъ, что отправлена грамота въ Москву съ доносомъ на 70 человѣкъ посадскихъ; со страхомъ указывали другъ другу на крѣпкія тюрьмы, поставленныя воеводою, тогда какъ прежде тюрьмы были простыя безъ ограды. Шереметевъ много разъ спрашивалъ у Псковичей: «что у васъ дума? скажите мнѣ!» Псковичи молчали, думы у нихъ не было никакой; но когда воевода говорилъ: «Нѣмцы будутъ во Псковъ», то былъ отвѣтъ: «Нѣмцевъ не хотимъ, и за то помремъ.» Большіе люди также вмѣсто того чтобъ утишать народъ, какъ нарочно больше и больше раздражали его: перестали ходить во всегородную избу, гнушались мелкими людьми, смѣялись надъ ними; когда звали ихъ на совѣтъ, то не ходили, и давали во всемъ волю мелкимъ людямъ да стрѣльцамъ, козакамъ, поселянамъ; а стрѣльцы превозносили таборскаго царя Дими-

трія за добродѣтель и милость, за хитрость воинскую, за силу великую. Эти слова наполняли всѣхъ радостію, чаяли истины и отъ всѣхъ золъ избавленія и отъ властельскихъ всякихъ насильствъ, потому что воеводы, несытые издоиманіемъ и грабежомъ, восколебали міръ всякими неправдами, всякую правду вывели изо Пскова, всякій порядокъ добрый потоптали, умножили воровъ кормильцевъ своихъ, обманщиковъ, подметчиковъ, поклепщиковъ, людямъ праведнымъ не оставили мѣста гдѣ прожить. И вотъ, когда нисшее народонаселеніе было раздражено такимъ образомъ противъ воеводы и лучшихъ людей, 1-го Сентября 1608 года пришла вѣсть, что Нѣмцы уже близко. Тогда народъ всталъ какъ пьяный, по выраженію лѣтописца, отворилъ ворота, цѣловалъ крестъ самозванцу и впустилъ въ городъ ратныхъ людей Плещеева, который сталъ воеводою въ Псковѣ. Ивань-городъ также присягнулъ Лжедимитрію; въ Орѣшекъ Скопинъ не былъ впущенъ тамошнимъ воеводою, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, который также объявилъ себя за Тушино. Въ самомъ Новгородѣ Великомъ началось было волненіе между чернью, но митрополитъ Исидоръ утишилъ его. Скопинъ, узнавъ объ этомъ волненіи, вышелъ изъ Новгорода, но потомъ, когда ему дали знать, что все успокоилось, возвратился и вступилъ въ переговоры съ Шведами касательно вспомогательнаго войска. Пріѣхавшій въ Новгородъ королевскій секретарь Монсъ Мартензонъ (у тогдашнихъ Русскихъ Монша Мартынычь) договорился съ Скопинымъ, что Шведы вышлютъ на помощь царю 5000 человѣкъ, на содержаніе которыхъ Московское правительство обязалось выдавать ежемѣсячно по 100,000 ефимковъ. Заключеніе окончательнаго договора отложили до съѣзда въ Выборгѣ [87].

Но въ то время, какъ Шведы еще только обѣщали пособить Шуйскому, Поляки самозванцевы дѣйствовали въ пользу своего союзника подъ Москвою и на сѣверѣ. Сапѣга, хотѣвшій дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, пошелъ къ Троицкому монастырю, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями. Узнавъ о движеніи Сапѣ-

ги, Шуйскій послалъ брата своего Ивана перехватить ему дорогу; но Московское войско было на голову разбито подъ Рахмановымъ, и Шуйскій явился въ Москву съ очень не многими людьми: остальные разсѣялись по домамъ ждать развязки борьбы, не желая проливать крови ни за царя Московскаго, ни за царя Тушинскаго. Въ такомъ расположеніи духа находились многіе изъ жителей Москвы; Шуйскій долженъ былъ знать это, долженъ былъ знать, какъ опасны равнодушные граждане при первой неудачѣ, и потому повѣстилъ, что намѣренъ выдержать осаду въ городѣ, но что если кто не хочетъ сидѣть вмѣстѣ съ нимъ, тому вольно выѣхать. Согласиться на такое предложеніе, явно объявить себя нерасположеннымъ къ царю или трусомъ, казалось совѣстно и опасно: не испытывалъ ли только Шуйскій вѣрность къ себѣ и усердіе, чтобъ послѣ жестоко наказать невѣрныхъ или неусердныхъ? Всѣ цѣловали крестъ умереть за домъ пречистой Богородицы, но на другой, на третій и на слѣдующіе дни поѣхали въ Тушино боярскіе дѣти, стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, дьяки и подъячіе, поѣхали туда стольники — князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій, князь Алексѣй Юрьевичь Сицкій, Михайла Матвѣевичь Бутурлинъ и двое князей Засѣкиныхъ. Мы видѣли, что сначала подъ знамена самозванца собирались люди изъ самыхъ низкихъ слоевъ народонаселенія; но мы видѣли также, зачѣмъ собирались они? крестьяне, напримѣръ, собирались вовсе не побуждаемые сословнымъ интересомъ, не для того, чтобъ, оставаясь крестьянами, получить большія права: крестьянинъ шелъ къ самозванцу для того, чтобъ не быть больше крестьяниномъ, чтобъ получить выгоднѣйшее положеніе, стать помѣщикомъ вмѣсто прежняго своего помѣщика; но подобное движеніе произошло во всѣхъ сословіяхъ: торговый человѣкъ шелъ въ Тушино, чтобъ сдѣлаться приказнымъ человѣкомъ, дьякомъ, подьячій, чтобъ сдѣлаться думнымъ двованиномъ, наконецъ люди родовитые, князья, но молодые, не надѣявшіеся, по разнымъ отношеніямъ, когда-либо или скоро подвинуться къ бояр-

ству въ Москвѣ, шли въ Тушино, гдѣ образовался особый дворъ, въ противоположность двору Московскому.

Поразивъ Шуйскаго, Сапѣга вмѣстѣ съ Лисовскимъ, приступили къ Троицкому монастырю 23 Сентября. Войско осаждавшихъ, по самой большой мѣрѣ, простиралось до 30,000 человѣкъ; но такъ какъ, послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ овладѣть монастыремъ, Сапѣга увидалъ необходимость остаться подъ нимъ долгое время, почему долженъ былъ заботиться собраніемъ запасовъ на зиму и разсылать отряды для занятія другихъ городовъ, то число войска его нерѣдко измѣнялось, уменьшаясь иногда до 10,000 человѣкъ. Силы осажденныхъ трудно опредѣлить съ точностію, по недостатку свидѣтельствъ. По сохранившейся современной записи о сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ было тамъ 609 человѣкъ; если мы должны приложить сюда еще 700 разныхъ людей, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, да если приложимъ сюда еще монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды, то выйдетъ около 1500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ; при опредѣленіи числа послѣднихъ должно сообразоваться съ возможностію помѣщенія внутри монастыря, гдѣ было еще много женщинъ и дѣтей: толпы окольныхъ жителей съ семействами собрались въ монастырь, и тѣснота была страшная. Воеводами монастырской заставы или гарнизона были: окольничій князь Григорій Борисовичь Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Архимандритомъ монастыря былъ въ это время Іоасафъ, о характерѣ котораго трудно сказать что-нибудь рѣшительное; гораздо рѣзче выдавался келарь монастыря Аврамій Палицынъ, на котораго мы должны обратить особенное вниманіе, какъ на человѣка, принимавшаго важное участіе въ событіяхъ и какъ историка этихъ событій. Аврамій Палицынъ назывался въ міру Аверкіемъ Ивановичемъ; въ 1588 году, въ царствованіе Ѳеодора, Аверкій Палицынъ подвергся опалѣ; имѣніе его было отобрано въ казну, самъ онъ сосланъ и постригся или постри-

женъ въ монахи. Причина опалы неизвѣстна; но нельзя не обратить вниманія на годъ ея — 1588-й, ибо не задолго до этого времени, именно въ концѣ 1587 года, подверглись опалѣ Шуйскіе, друзья ихъ и клевреты въ слѣдствіе замысловъ противъ Годунова. Въ 1600 году царь Борисъ снялъ опалу съ монаха Авраамія; но послѣдній при Годуновѣ и самозванцѣ оставался въ удаленіи, только съ восшествіемъ Шуйскаго на престолъ Авраамій получаетъ важное значеніе: онъ становится келаремъ Троицкаго монастыря, перваго монастыря въ государствѣ, посредникомъ между монастыремъ и государемъ: это обстоятельство опять можетъ навести на мысль о прежнихъ связяхъ Палицына съ новымъ царемъ. Въ 1609 году дѣло по закладной кабалѣ было рѣшено въ его пользу, и онъ получилъ свою долю въ селѣ, тогда какъ монахамъ было запрещено брать въ залогъ земли. Мало того, при выдачѣ правой грамоты слѣдовало взять съ Палицына два рубли въ казну; Авраамій не хотѣлъ платить и подалъ просьбу, чтобъ государь не велѣлъ на немъ своихъ пошлинъ искать. Государь пожаловалъ, для осаднаго времени пошлинъ брать не велѣлъ. Разсмотрѣвши внимательно поведеніе Палицына въ описываемое время, можно вывести о немъ такое заключеніе: это былъ человѣкъ очень ловкій, дѣловой, уклончивый, начитанный, по тогдашнимъ понятіямъ краснорѣчивый, однимъ словомъ, настоящій келарь, ибо келарь былъ представителемъ монастыря предъ мірскими властями, охранителемъ его выгодъ, ходатаемъ по дѣламъ его въ судахъ; если каждый монастырь имѣлъ нужду въ опытномъ и ловкомъ келарѣ, то тѣмъ болѣе монастырь Троицкій, владѣвшій такою огромною недвижимою собственностію, имѣвшій столько льготъ; и въ обыкновенное время келарь его долженъ былъ часто отлучаться изъ монастыря, жить въ столицѣ, хлопоча по дѣламъ обители; во время осады Палицынъ находился въ Москвѣ, по волѣ царя, какъ самъ пишетъ.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи рев-

постію помогали ратнымъ людямъ: тогда какъ одни отправляли богослуженіе, другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для воиновъ; иные же день и ночь находились на стѣнѣ вмѣстѣ съ людьми ратными, выходили на вылазки, принимали даже начальство надъ отрядами; вѣроятно многіе изъ нихъ до постриженія были людьми служилыми. Сапѣга и Лисовскій въ грамотѣ своей сами засвидѣтельствовали о поведеніи Троицкихъ монаховъ; «Вы беззаконники, писали они къ нимъ, презрѣли жалованье, милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете, и учите въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Дмитрія Ивановича и его позорить и псовать неподобно, и царицу Марину Юрьевну, также и насъ. И мы тебѣ, Архимандритъ Іоасафъ, свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ, запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобъ они не учили воинства не покоряться царю Дмитрію.» Сапѣга съ Лисовскимъ писали и къ воеводамъ Троицкимъ и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая къ сдачѣ обѣщаніями богатыхъ наградъ; въ противномъ случаѣ грозили злою смертію. Убѣжденія и угрозы остались тщетными: монахи и ратные люди видѣли предъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича; они видѣли предъ стѣнами обители св. Сергія толпы иновѣрцевъ, Поляковъ и Литву, пришедшихъ поругать и расхитить церковь и сокровища священныя. Здѣсь дѣло шло не о томъ, передаться ли царю Тушинскому отъ царя Московскаго, но о томъ, предать ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ православной вѣры; Троицкіе сидѣльцы защищали не престолъ Шуйскаго только, но гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрности. Характеръ одушевленія осажденныхъ видимъ въ отвѣтѣ ихъ на грамоты Сапѣги. «Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православныхъ Христіанъ. Какая польза человѣку возлюбить тьму больше свѣта, и преложить ложь на истину: какъ же намъ оставить вѣчную святую истинную свою православную

христіанскую вѣру Греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя вселенскими патріархами? Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ Латынѣ иновѣрной, уподобиться Жидамъ, или быть еще хуже ихъ?»

При господствѣ религіознаго одушевленія измѣна не могла пересилить вѣрности въ Троицкомъ монастырѣ, хотя измѣна вкралась и сюда. Если въ станѣ осаждающихъ нашлись козаки, которые, мучась совѣстію за то, что подняли руки на обитель св. Сергія, перебѣгали къ осажденнымъ и сообщали имъ о замыслахъ непріятеля; за то нашлись перебѣжчики и между монастырскими слугами, даже между дѣтьми боярскими, которые не стерпѣли сидѣть въ осадѣ, ставшей очень трудною въ зимнее время. Осенью, когда было еще тепло, толпы народа могли жить на открытомъ воздухѣ; но когда начались морозы, то всѣ столпились въ кельяхъ; отсюда страшная тѣснота и ея слѣдствіе — повальная болѣзнь, къ которой присоединился еще недостатокъ топлива. Среди этихъ физическихъ бѣдствій открылось и зло нравственное — вражда между монахами, несогласіе между воеводами, послышались обвиненія въ измѣнѣ. 29 Марта 1609 года, дочь Бориса Годунова, Ксенія или Ольга, писала изъ Троицкаго монастыря, гдѣ находилась во время осады, къ одной своей теткѣ, что она «въ своихъ бѣдахъ чуть жива, совсѣмъ больна, вмѣстѣ съ другими старицами, и впередъ ни одна изъ нихъ себѣ жизни не чаетъ, съ часу на часъ ожидаютъ смерти, потому что у нихъ въ осадѣ шатость и измѣна великая.» Стрѣльцы и монастырскіе служки жаловались на архимандрита и братію, что плохо ихъ кормятъ; архимандритъ писалъ царю въ оправданіе: «Какъ сѣли, въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ Троицкій хлѣбъ, а своего у нихъ было мало запасено, и деньги, что кому пригоже, даемъ. А какъ въ казнѣ денегъ не стало, то мы собирали съ братьи по рублю съ человѣка, а съ иныхъ по полтинѣ; другимъ, кому надобно, занимаемъ да даемъ. Мы говорили ратнымъ людямъ: ѣшьте въ трапезѣ, что братія ѣдятъ, возьми мое архимандричье себѣ, а

своe передо мною поставь; но они братскія кушанья просятъ по кельямъ, потому что въ трапезѣ ставятъ передъ четверыми столькоже сколько по кельямъ пойдетъ одному: въ кельяхъ то у нихъ жены да дѣти, а у иныхъ жонки. А намъ смирить себя больше уже не знаемъ какъ? ѣдимъ мы съ братіею, съ Филиппова заговѣнья, сухари съ хлѣбомъ. Въ осадѣ намъ тѣснота и нужда великая: по дрова не выпустятъ, отъ келій кровли, задніи сѣни и чуланы уже пошли на дрова, теперь жжемъ житницы.»

Но не одни ратные люди писали жалобы на архимандрита и соборныхъ старцевъ: нашлись жалобщики и между братьею, въ которой произошло раздѣленіе по случаю доноса на казначея монастырскаго Іосифа Дѣвочкина. Палицынъ пишетъ, что дьяконъ и лѣваго клироса головщикъ Гурій Шишкинъ вывѣдалъ у Дѣвочкина измѣну и донесъ главному воеводѣ. Долгорукій тотчасъ схватилъ казначея и велѣлъ пытать. Такой поступокъ воеводы съ однимъ изъ главныхъ лицъ въ монастырѣ возбудилъ негодованіе архимандрита и соборныхъ старцевъ, вооруживъ ихъ и противъ доносчика Шишкина съ товарищами (если только были они у Шишкина), которые въ грамотѣ своей къ царю отъ 3-го Іюля 1609 года, жалуются, что на нихъ за доносъ на Дѣвочкина, архимандритъ и соборные старцы положили ненависть и морятъ ихъ всякими нуждами, голодомъ и жаждою, а сами соборные старцы ѣдятъ съ своими заговорщиками и пьютъ по кельямъ, по старому, по вся дни. А ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и слугъ монастырскихъ соборные старцы очень оскорбили.» Долгорукій писалъ въ Москву къ Палицыну: «въ старцахъ, знаю въ какихъ, большая ссора: послѣ Осифова дѣла всякую смуту начали и міръ возмутили.» Но большая ссора была и между двумя воеводами; Долгорукій пишетъ Аврамію: «За четыре дня до приступа пришелъ ко мнѣ монастырскій слуга Михайла Павловъ и говоритъ: Ты готовишься на воровъ, а Алексѣй Голохвастовъ на тебя наущаетъ, говоритъ старцу Малахею Ржевитину: поди къ слугамъ, которымъ вѣришь и къ мужикамъ

Клементьевскимъ, говоря имъ, что намъ отъ князя Григорія, въ осадѣ сидя, всѣмъ погибнуть, и намъ надъ княземъ Григоріемъ надобно какъ нибудь промыслить, ключи бы у него городовые отнять. И я, князь Григорій, услыша такое слово, началъ говорить дворянамъ, головамъ, сотникамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ратнымъ людямъ: мы готовимся на враговъ, а только Алексѣй такое слово говорилъ, то у насъ въ святомъ мѣстѣ будетъ дурно. Услыхавъ это, Алексѣй началъ запираться; и старецъ Малахея передъ дворянами заперся, что такого слова у Алексѣя не слыхалъ, но потомъ прислалъ ко мнѣ сказать: виноватъ я, князь Григорій Борисовичь, въ томъ, что сперва заперся, потому что еслибъ я сталъ говорить, то была бы у васъ большая смута, а если Богъ дастъ благополучное время, то я ни въ чемъ передъ государемъ не запрусь; и въ другой разъ присылалъ онъ ко мнѣ съ тѣмъ же словомъ. А прежде, какъ я схватилъ вора Іосифа Дѣвочкина, то Алексѣй говорилъ монастырскимъ слугамъ, призвавши ихъ къ себѣ въ седьмомъ часу ночи: пожалуйста не выдавайте казначея князю Григорію. А какъ я пошелъ пытать казначея, то Алексѣй велѣлъ сбить съ города всѣхъ мужиковъ. Я послалъ провѣдать слугу, и тотъ, возвратившись, сказалъ: площадь полна мужиковъ съ оружіемъ изъ съѣзжей избы. И я мужиковъ отговорилъ отъ мятежа и пошелъ пытать казначея; но Алексѣй у пытки ни за какое дѣло не принялся, и то его нерадѣнье видѣли многіе дворяне и дѣти боярскіе и всякіе ратные люди и мнѣ о томъ послѣ говорили: за чѣмъ это Алексѣй съ тобою къ такому великому дѣлу не принялся?» — Тоже самое доносили и старцы въ упомянутой выше грамотѣ.

Заступленіе Голохвастова за Дѣвочкина, обвиненнаго въ измѣнѣ, умыселъ отнять у Долгорукаго городовые ключи, дали поводъ смотрѣть и на Голохвастова какъ на участника въ измѣнѣ казначея, дали поводъ думать, что второй воевода хочетъ прибрать къ своимъ рукамъ ключи для того, чтобъ отперетъ непріятелю входъ въ монастырь. Палицынъ прямо обвиняетъ Голохвастова въ согласіи съ Дѣвочкинымъ, говоритъ,

что этотъ воевода снесся съ врагами и назначилъ день, въ который хотѣлъ предать имъ монастырь такимъ образомъ: когда осажденные сдѣлаютъ вылазку, Голохвастовъ хотѣлъ затворить ворота и предать вышедшихъ на жертву Полякамъ, впустивъ въ то же время напріятеля другимъ входомъ въ монастырь. Изъ связи разсказа Палицына выходитъ, что Дѣвочкинъ, признавшись на пыткѣ въ собственной измѣнѣ, оговорилъ соучастниковъ, и въ томъ числѣ Голохвастова: «Нетерпѣливъ въ крѣпкихъ явился Іосифъ, все потонку умышленное объявилъ, и страшно было слышать треснутіе думы Іудиной. Не напрасно Оська Селевинъ отскочилъ; не одного его, но и четверыхъ невѣждъ поселянъ также послалъ за нимъ, Полякамъ весь предался и другихъ не мало прельстилъ. Его лукавству и второй воевода Алексѣй Голохвастовъ потаковникъ былъ, и уже сослался и проч. Но здѣсь должно замѣтить, во первыхъ, что самъ Палицынъ ослабляетъ довѣріе къ своимъ показаніямъ, умалчивая о подробностяхъ, закрывая истину слогомъ витіеватымъ, выраженіями темными; такъ до открытія упомянутыхъ грамотъ Долгорукаго и старцевъ никто не могъ догадаться о пыткѣ, которой былъ подвергнутъ Дѣвочкинъ, и которую Палицыну благоугодно было обозначить словомъ: крѣпкія: «нетерпѣливъ въ крѣпкихъ явился Іосифъ» Потомъ, еслибъ Дѣвочкинъ точно на пыткѣ оговорилъ Голохвастова, или еслибы осажденные довѣдались объ измѣнѣ послѣдняго какимъ-нибудь другимъ образомъ, то и Долгорукій, и старцы, въ своихъ донесеніяхъ въ Москву, не преминули бы довести объ этомъ до свѣдѣнія царя и Палицына; но въ упомянутыхъ донесеніяхъ ни слова не говорится объ измѣнѣ Голохвастова и о подробностяхъ замысла, какъ ихъ приводитъ Палицынъ. Долгорукій заключаетъ свое донесеніе Палицыну о поведеніи Голохвастова слѣдующими словами: «А къ государю о томъ я до сихъ поръ не пишу, потому что, по грѣхамъ, осада продлилась, и я здѣсь безсеменъ: и если, Аврамій Ивановичь, осада еще вдаль продлится, то тебѣ бы пожаловать, о томъ государю извѣстить, чтобъ въ монастырѣ святому мѣсту какой нибудь вредъ не учинился. А

про Алексѣя, въ осадѣ, вѣдаютъ многіе люди, что Алексѣй дѣла не дѣлаетъ, только ссору чинитъ, и если все объ немъ писать, то и въ письмѣ не помѣстится. Такъ тебѣ бы, господинъ, порадѣть о святомъ мѣстѣ.» Въ другой грамотѣ къ тому же Палицыну Долгорукій пишетъ: «Пожалуй государь Аврамій Ивановичь, извѣсти государю тайно, что здѣсь въ осадѣ ссору дѣлаетъ большую Алексѣй Голохвастовъ, чтобъ государь пожаловалъ, на просухѣ прислалъ сюда вѣрныхъ человѣкъ сто, и про него велѣлъ бы сыскать и велѣлъ бы его къ Москвѣ взять. И если государь пожалуетъ, будетъ ко мнѣ, холопу своему, о томъ писать, то онъ бы государь пожаловалъ, ко мнѣ отписалъ тайно.» Изъ этихъ словъ оказывается, что Долгорукій боялся явно дѣйствовать противъ Голохвастова, у котораго было много приверженцевъ, съ которымъ, какъ видно, одинаково думали архимандритъ и соборные старцы. Въ то время, когда Шуйскаго мало уважали, ибо отъ гнѣва его всегда можно было найти убѣжище у царя Тушинскаго, въ то время одного приказа изъ Москвы было недостаточно для смѣны воеводы, нужно было прислать сто человѣкъ вѣрныхъ людей и поступить съ большою осторожностію и тайною.

Но упомянутыя грамоты Долгорукаго и старцевъ не дошли въ Москву; Голохвастовъ остался воеводою до конца осады и не обнаружилъ попытки къ измѣнѣ; сто человѣкъ вѣрныхъ не были присланы изъ Москвы, и дѣло осталось неразвѣданнымъ, въ слѣдствіе чего и намъ теперь трудно обвинить Голохвастова, ибо прямое обвиненіе Палицына ослабляется молчаніемъ враговъ Голохвастова и самымъ характеромъ Палицынскаго повѣствованія, мало внушающимъ довѣрія. Трудно также обвинить рѣшительно и Дѣвочкина, потому что собственному признанію, вынужденному пыткою, вѣрить нельзя; двое соучастниковъ казначея, Гриша Брюшина и Худякъ умерли, не объяснивъ ничего. Разсказываютъ, что Дѣвочкинъ самъ открылъ свои замыслы Гурію Шишкину, но опять характеръ этого Гурія накидываетъ подозрѣніе на справедливость его доноса. Видно, что Шишкинъ былъ клевретъ Палицына; такъ онъ пишетъ

..дневу въ Москву: «Государю келарю старцу Авраамію, ..аго твоего жалованья вскормленникъ и богомолецъ чер..ъ Гурій Шишкинъ.» Изъ этой же грамоты видно, что Гу.. обвиняя казначея Кочергина и старцевъ въ расхищеніи ..стырской казны, добивался самъ казначейскаго мѣста, ко..е хотѣлъ получить чрезъ Палицына и Шуйскаго, мимо ..цевъ, враговъ своихъ; просилъ, чтобъ грамота о его на..еніи въ должность была прислана на имя Долгорукаго, ..о отъ старцевъ. Мы не разъ упоминали о грамотѣ къ ..скому, написанной отъ имени нѣкоторыхъ Троицкихъ ..цевъ съ доносомъ на Голохвастова, архимандрита и со..ыхъ старцевъ. Но эта грамота также подозрительна: она ..сана отъ имени нѣсколькихъ старцевъ или, лучше ска.., всѣхъ: «Царю государю и великому князю Василью Ива..чу всея Руси, твоего государева богомолья Живоначаль.. Троицы Сергіева монастыря священницы и братія Бога ..тъ и челомъ бьютъ.» Но въ концѣ грамоты читаемъ слѣ..щее: «Да въ монастырѣ смута большая отъ королевы (Ли..ской) старицы Мароы: тебя, государь, поноситъ праздными ..ами, а вора называетъ прямымъ царемъ и себѣ братомъ; ..аетъ давно то смутное дѣло въ черныхъ людей. А какъ ..ы сперва пришли въ монастырь, то на первой вылазкѣ ка..чей отпустилъ къ вору монастырскаго дѣтину Оську Селе.. съ своими воровскими грамотами, что онъ монастыремъ ..мышляетъ, хочетъ сдать, а та королева, съ тѣмъ же дѣти..о послала свои воровскія грамоты, что промышляетъ съ ка..чеемъ за одно, писала къ вору, называя его братомъ, и ..овскимъ панамъ, Сапѣгѣ съ товарищами, писала челобитье: ..сибо вамъ, что вы вступились за брата моего, Московскаго ..ударя царя Димитрія Ивановича; также писала въ большіе ..боры къ пану Рожинскому съ товарищи. А къ Іосифу Дѣ..чкину посылаетъ по вся дни съ пирогами, блинами и съ ..угими разными приспѣхами и съ оловяниками, а меды бе..тъ съ твоихъ же царскихъ обиходовъ, съ Троицкаго погре..; и люди королевины живутъ у него безвыходно и топятъ на

него бани еженедѣльно, по ночамъ. И я, богомолецъ твой, королевѣ о томъ говорилъ, что она къ твоему государеву измѣннику по вся дни съ питьемъ и ѣдою посылаетъ: и королева за это положила на меня ненависть, и пишетъ къ тебѣ государю на меня ложно, будто бы я ее безчестилъ: и тебѣ бы государю пожаловать, о томъ свой царскій указъ учинить, чтобъ отъ ея безумія святому мѣсту какая опасность не учинилась.» Странно, какъ вдругъ братія Троицкаго монастыря превратилась въ одного богомольца! Кто же этотъ богомолецъ? отгадать не трудно: прежде въ той же грамотѣ говорится, что на нихъ старцевъ или на него, богомольца, архимандритъ и соборные старцы положили ненависть за доносъ на Дѣвочкина; но мы знаемъ, что доносчикомъ былъ Гурій Шишкинъ. Такимъ образомъ обвинители Дѣвочкина и Голохвастова, сами дѣйствуя не чисто, лишаютъ себя довѣренности [86].

Но какъ бы то ни было, какія бы ни были поползновенія къ измѣнѣ, Троицкій монастырь держался, тогда какъ другіе города сѣверной части Московскаго государства легко доставались въ руки Тушинцамъ. Но и здѣсь успѣхъ послѣднихъ не былъ продолжителенъ. Мы видѣли, что борьба, которою знаменуется смутное время, происходила собственно между противуобщественнымъ и общественнымъ, элементами, между козаками, бездомовниками, людьми недовольнымъ своими состояніемъ и стремящимися жить на счетъ другихъ, на счетъ общества, — и людьми земскими, охранителями порядка государственнаго. Въ этомъ отношеніи область Московскаго государства дѣлилась на двѣ части — южную и сѣверную. Въ южной части, украйнѣ, прилегавшей къ степи и границѣ Литовской, преобладалъ элементъ козацкій, здѣсь города по преимуществу носили характеръ военныхъ укрѣпленій, сюда стекались изо всего государства люди безпокойные, не могшіе оставаться по разнымъ причинамъ на прежнихъ мѣстахъ жительства. Сѣверныя же области, давно уже спокойныя, были, относительно южныхъ, въ цвѣтущемъ состояніи: здѣсь мирные промыслы не были прерываемы Татарскими нашествіями, здѣсь сосредоточи-

валась дѣятельность торговая, особенно съ тѣхъ поръ, какъ открылся Бѣломорскій торговый путь, однимъ словомъ, сѣверныя области были самыя богатыя, и въ ихъ народонаселеніи преобладали земскіе люди, люди преданные мирнымъ выгоднымъ занятіямъ, желающіе охранить свой трудъ и его слѣдствія, желающіе порядка и спокойствія. Элементъ противуобщественный дѣйствовалъ во имя царя Тушинскаго; но къ несчастію, у людей земскихъ не было представителя, ибо и въ самой Москвѣ, тѣмъ болѣе въ областяхъ, послѣ недавнихъ страшныхъ и странныхъ событій, господствовала смута, шатость, сомнѣніе; этимъ состояніемъ, отнимавшимъ руки у земскихъ людей, воспользовались Тушинцы и овладѣли многими сѣверными городами. Прежде другихъ захваченъ былъ Суздаль: здѣсь жители хотѣли было обороняться, но вокругъ какого-то Меншика Шилова собрались люди, которые начали цѣловать крестъ царю Димитрію. Мы видѣли уже, какъ въ смутное время могущественно дѣйствовалъ на нерѣшительную толпу первый примѣръ, первый сильный голосъ: весь городъ послѣдовалъ примѣру Шилова, волею и неволею, не сопротивлялся и архіепископъ. Въ Суздалѣ засѣлъ Лисовскій, опустошая окрестную страну. Владиміръ былъ увлеченъ Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ: крѣпко стоя подъ Кромами за родственника своего противъ перваго Лжедимитрія, Годуновъ не хотѣлъ теперь стоять за Шуйскаго; онъ не послушался царскаго указа, не поѣхалъ въ Нижній, остался во Владимірѣ и привелъ его жителей къ присягѣ самозванцу, хотя сначала, подобно Суздальцамъ, и они хотѣли было сѣсть въ осадѣ. Но Переяславцы, едва только отряды Сапѣгина войска показались предъ ихъ городомъ, присягнули самозванцу и, вмѣстѣ съ Тушинцами, двинулись на Ростовъ. Ростовцы, по словамъ современнаго извѣстія, жили просто, совѣту и обереганья не было; они хотѣли бѣжать далѣе на сѣверъ всѣмъ городомъ, но были остановлены митрополитомъ своимъ, Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, и воеводою Третьякомъ Сеитовымъ, который собралъ нѣсколько тысячъ войска, напалъ съ нимъ

на Сапѣгиныхъ козаковъ и Переяславцевъ, но былъ разбитъ, бѣжалъ въ Ростовъ и тамъ упорно защищался еще три часа. Одолѣвъ наконецъ воеводу, козаки и Переяславцы ворвались въ соборную церковь, гдѣ заперся Филаретъ съ толпами народа и, несмотря на увѣщанія митрополита, вышедшаго съ хлѣбомъ и солью, выбили двери, перебили множество людей, поругали святыню; самъ лѣтописецъ говоритъ, что все это было сдѣлано не Литовскими людьми, а своими, Переяславцами: такой поступокъ послѣднихъ трудно объяснить иначе, какъ историческою враждою Переяславля къ Ростову. Филарета съ безчестіемъ повезли въ Тушино, гдѣ ждали его почести еще болѣе унизительныя, чѣмъ прежнее поруганіе: самозванецъ, изъ уваженія къ его родству съ мнимымъ братомъ своимъ, царемъ Ѳеодоромъ, объявилъ его Московскимъ патріархомъ, и Филаретъ долженъ былъ изъ Тушина разсылать грамоты по своему патріаршеству, т. е. по областямъ, признававшимъ самозванца. Такъ дошла до насъ его грамота къ Сапѣгѣ объ освященіи церкви; она начинается: «Благословеніе великаго господина, преосвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, нареченнаго патріарха Московскаго и всея Руси.»

Ростовскіе бѣглецы смутили и напугали жителей Ярославля, лучшіе изъ которыхъ, покинувъ домы, разбѣжались; остальные съ воеводою своимъ, княземъ Ѳедоромъ Борятинскимъ, отправили повинную въ Тушино: «Милость, государь, надъ нами, надъ холопами своими, покажи, вину нашу намъ отдай, что мы противъ тебя государя стояли, по грѣху своему невѣдаючи; а прельщали насъ, холопей твоихъ, твои государевы измѣнники, которые надъ тобою умышляли, сказывали намъ, что тебя на Москвѣ убили; и въ томъ мы передъ тобою виноваты, что тѣмъ твоимъ государевымъ измѣнникамъ повѣрили; смилуйся надъ нами, вину нашу намъ отдай: а мы тебѣ государю ради служить и въ всемъ прямить и за тебя, прирожденнаго государя умереть; смилуйся пожалуй, чтобъ мы на твою царскую милость были надежны.» Послѣ этого Борятинскій послалъ

въ Вологду къ тамошнему воеводѣ Пушкину наказъ и цѣловальную запись: Пушкинъ присягнулъ, по примѣру Борятинскаго; послѣдній отправилъ наказъ въ Тотьму, и Тотьмичи «отъ нужды со слезами крестъ цѣловали.» Въ Тотьмѣ присягнулъ вору и Козьма Даниловичь Строгановъ, но въ тоже время, собирая ночью дѣтей боярскихъ и лучшихъ людей, читалъ имъ увѣщательныя грамоты царя Московскаго. Кого было слушать, на что рѣшиться? двадцать два города присягнули царю Тушинскому, по большей части неволею, застигнутые въ расплохъ, увлекаемые примѣромъ, въ тяжкомъ недоумѣніи, на чьей сторонѣ правда? (Октябрь 1608).

Но скоро изъ этого недоумѣнія земскіе люди, жители сѣверныхъ городовъ и селъ были выведены поведеніемъ Тушинцевъ. Одинъ изъ послѣднихъ, описывая приходъ Польскихъ отрядовъ на помощь Лжедимитрію, говоритъ: «удивительное дѣло, что чѣмъ больше насъ собиралось, тѣмъ меньше мы дѣла дѣлали, потому что съ людьми умножились между нами и партіи.» Сапѣга и Лисовскій дѣйствовали отдѣльно; нашлись люди, которые на зло гетману Рожинскому, и вопреки рѣшенію кола, хотѣли ввести опять Мѣховецкаго въ войско, и тотъ пріѣхалъ въ Тушино. Рожинскій, узнавъ объ этомъ, послалъ сказать ему, чтобъ выѣхалъ немедленно, иначе онъ прикажетъ его убить; Мѣховецкій скрылся у царя въ домѣ, но Рожинскій пришелъ туда самъ пятъ, собственноручно схватилъ Мѣховецкаго, и велѣлъ своимъ провожатымъ убить его, что они и сдѣлали. Самозванецъ сердился, но молчалъ, ибо Рожинскій велѣлъ сказать, что и ему свернетъ голову. Но не такъ могли повредить Лжедимитрію партіи въ Тушинѣ, какъ поведеніе его сподвижниковъ, которые прежде всего думали о деньгахъ, и требовали ихъ у своего царя. Тотъ просилъ, чтобъ подождали, но напрасно: взяли у него разряды и велѣли писать по городамъ грамоты, которыми налагались новыя подати; съ этими грамотами отправили въ каждый городъ по Поляку и по Русскому; главнымъ зачинщикомъ этого дѣла былъ Андрей Млоцкій. Сперва самозванецъ разсылалъ къ покорившимся городамъ

похвальныя грамоты, обѣщалъ дворянамъ и всѣмъ служилымъ людямъ царское жалованье, деньги, сукна, помѣстья, духовенству же и остальнымъ жителямъ тарханныя грамоты, по которымъ никакія царскія подати не будутъ съ нихъ собираться. И вдругъ, въ слѣдствіе распоряженій Млоцкаго съ товарищами, пришли грамоты, требующія сильныхъ поборовъ. Когда въ Вологдѣ прочли эти грамоты предъ всѣмъ народомъ, то Вологжане противъ грамотъ ничего не сказали, только многіе заплакали и тихонько говорили другъ другу: «хотя мы ему и крестъ цѣловали, но только бы Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ, далъ бы побѣду государю Василію Ивановичу, то мы всею душею рады головами служить, пусть только другіе города — Устюгъ, Усолье и Поморскіе намъ помогутъ.» Устюжане, по своему отдаленному положенію, имѣли время собрать свѣдѣнія, подумать, посовѣтоваться. Пріѣзжіе изъ Ярославля и Вологды разсказывали имъ о неохотной присягѣ народа Тушинскому царю, о хищности Тушинцевъ, объ угнетеніяхъ, которымъ подвергаются присягнувшіе; говорили, что города ждутъ только помощи, чтобъ возстать противъ притѣснителей, что цѣлость Московскаго государства, которою держался нарядъ въ землѣ, нарушена, что возобновляется прежнее страшное время удѣловъ: «которые города возьмутъ за щитомъ, или хотя и волею крестъ поцѣлуютъ, тѣ всѣ города отдаютъ панамъ на жалованье, въ вотчины, какъ прежде удѣлы бывали.» Ярославцы послали въ Тушино 30,000 рублей, обязались содержать 1,000 человѣкъ конницы; но этими пожертвованіями не избавились отъ притѣсненій: Поляки врывались въ домы знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Наслушавшись такихъ разсказовъ, Устюжане рѣшились не цѣловать креста тому, кто называется царемъ Димитріемъ (самозванцемъ они его назвать не могли, потому что не знали ничего вѣрнаго), а стоять накрѣпко и людей собирать со всего Устюжскаго уѣзда. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи своемъ они тотчасъ послали къ Вычегодцамъ, убѣждая тамошнихъ начальныхъ людей снестись съ Строгановыми, Максимомъ

Яковлевичемъ и Никитою Григорьевичемъ — «что ихъ мысль? хотятъ ли они съ нами Устюжанами стоять крѣпко о томъ дѣлѣ и совѣтъ съ нами крѣпкій о томъ дѣлѣ держать ли»? — и, въ случаѣ согласія, требовали присылки человѣкъ пяти, шести или десяти для совѣта. Грамоту свою Устюжане оканчиваютъ слѣдующими словами, изъ которыхъ видно, что особенно побуждало ихъ стоять крѣпко противъ Тушинскаго царя: «А въ Ярославлѣ правятъ по осьмнадцати рублей съ сохи; а у торговыхъ людей у всѣхъ товары всякіе переписали и въ полки отсылаютъ.» Не получая отвѣта отъ Вычегодцевъ, Устюжане послали къ нимъ вторую грамоту, въ которой извѣщаютъ объ успѣхѣ Шуйскаго, жалуются на долгое молчаніе и заключаютъ грамоту опять любопытными словами, изъ которыхъ всего лучше видно тогдашнее состояніе умовъ: «Да и тобы вы помыслили, на чемъ мы государю царю Василію Ивановичу душу дали: если послышимъ, что Богъ послалъ гнѣвъ свой праведный на всю Русскую землю, то еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать.» Устюжане убѣждаютъ Вычегодцевъ не цѣловать креста Димитрію, потому что если они теперь поцѣлуютъ, по грамотѣ Вологодскаго воеводы Пушкина, то вся честь будетъ приписана ему, а не имъ; грамота заключается такъ: «Пожалуйста помыслите съ міромъ крѣпко, а не спѣшите крестъ цѣловать: не угадать, на чемъ совершится.»

Въ томъ же духѣ писалъ Нижегородскій игуменъ Іоиль къ игумену Тихоновой пустыни Іонѣ, чтобъ тотъ убѣждалъ жителей Балахны не отставать отъ Нижегородцевъ, рѣшившихся держаться того царя, который будетъ на Москвѣ: «чтобъ христіанская неповинная кровь не лилась, а были бы Балахонцы и всякіе люди, по прежнему, въ одной мысли съ Нижегородцами, и прислали бы на договоръ лучшихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, а изъ Нижняго мы къ вамъ пришлемъ также лучшихъ людей; говорить бы вамъ съ ними о томъ: кто будетъ на Московскомъ государствѣ государь, тотъ всѣмъ намъ и вамъ государь; а до тѣхъ бы поръ мы на васъ не посылали, а вы къ Нижнему ратью не приходили, ѣздили бы

Балахонцы въ Нижній со всѣмъ, что у кого есть, по прежнему, а Нижегородцы бы ѣздили къ вамъ, на Балахну; да сослались бы съ нами о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ цѣлованіи.» Дѣйствительно, людямъ спокойнымъ тяжелый вопросъ о томъ, кому цѣловать крестъ, представлялся недобрымъ дѣломъ, нарушившимъ спокойствіе и всѣ добрыя сношенія между жителями одного государства. Въ то время, какъ нѣкоторые города переписывались, уговаривая другъ друга подождать, не спѣшить присягою царю Тушинскому, жители Желѣзопольской Устюжны показали примѣръ геройскаго сопротивленія. 6 Декабря 1607 года пришла къ нимъ грамота отъ Бѣлозерцевъ о совѣтѣ, чтобъ вѣры христіанской не попрать, за домъ Богородицы, за царя Василія и другъ за друга головы сложить, а Польскимъ и Литовскимъ людямъ не сдаться. Жители Устюжны обрадовались такому совѣту и послали на Бѣлоозеро подобную же грамоту. Въ это время пріѣхали посланцы изъ Тушина кормовъ править: Устюженцы имъ отказали и отослали ихъ на Бѣлоозеро, а сами рѣшили сѣсть въ осадѣ, хотя острога и никакой крѣпости у нихъ не было. Они послали въ уѣзды по бояръ и дѣтей боярскихъ, поцѣловали крестъ въ соборной церкви не сдаваться Литвѣ, и выбрали себѣ въ головы Солменя Отрепьева, да Богдана Перскаго, да прикащика Алексѣя Суворова, потому что на Устюжнѣ воеводы тогда не было; но потомъ пріѣхалъ изъ Москвы Андрей Петровичь Ртищевъ, и Устюженцы выбрали его себѣ воеводою; тогда же пришелъ съ Бѣлозера къ нимъ на помощь Ѳома Подщипаевъ съ 400 человѣкъ.»

Заслышавши о приближеніи Поляковъ, Черкасъ и Русскихъ воровъ, Ртищевъ выступилъ съ войскомъ къ нимъ на встрѣчу, но не хотѣлъ идти далеко, говоря, что Литва и Нѣмцы въ ратномъ дѣлѣ искусны и идутъ съ большимъ войскомъ. Ратные люди съ нимъ не согласились: «Пойдемъ, кричали они, противъ злыхъ супостатъ, умремъ за св. Божіи церкви и за вѣру христіанскую. Воевода долженъ былъ двинуться впередъ и 5 Января 1608 года встрѣтился съ Литвою при деревнѣ Батневкѣ: Устюженцы и Бѣлозерцы, не имѣя никакого понятія

о ратномъ дѣлѣ, по словамъ современника, были окружены врагами и посѣчены какъ трава. Ртищевъ спасся бѣгствомъ въ Устюжну и не зналъ, что̀ дѣлать? ратные люди побиты, подъ Москвою Литва, подъ Новгородомъ Литва, на Устюжнѣ нѣтъ никакихъ укрѣпленій. Не смотря на такое отчаянное положеніе дѣла, Устюженцы и Бѣлозерцы, оставшіеся отъ пораженія, собрались и рѣшили: «Лучше намъ помереть за домъ Божія Матери и за вѣру христіянскую на Устюжнѣ.» На ихъ счастіе Поляки возвратились отъ Батневки назадъ: этимъ воспользовались Устыженцы и стали дѣлать острогъ день и ночь, рвы копали, надолбы ставили, пушки и пищали ковали, ядра, дробь, подметныя каракули и копья готовили; Скопинъ прислалъ пороху и 100 человѣкъ ратныхъ людей. Но въ слѣдъ за ними прискакали подъѣздные люди съ вѣстію, что Поляки подъ начальствомъ Козаковскаго, идутъ подъ Устюжну, и дѣйствительно 3-го Февраля караульные увидали съ башень непріятеля, и Литву и Черкасъ и Нѣмцевъ и Татаръ и Русскихъ людей. Какъ дождь напустили они на острогъ; осажденные съ кликомъ: «Господи помилуй!» начали отстрѣливаться и дѣлать вылазки. Непріятель отступилъ, но въ полдень опять двинулся на приступъ, и опять долженъ былъ отступить. Въ послѣдній часъ ночи Поляки повели новый приступъ; но горожане отбили и его, сдѣлали вылазки, отняли у осаждающихъ пушку и прогнали ихъ за четыре версты отъ города. 8 Февраля, получивъ подкрѣпленіе, Поляки снова приступили къ Устюжнѣ съ двухъ сторонъ и снова были прогнаны съ большимъ урономъ, послѣ чего уже не возвращались. Какъ ясно видно изъ разсказа объ осадѣ Устюжны, горожанъ ея подкрѣпляло религіозное одушевленіе. До сихъ поръ 10 Февраля празднуютъ они спасеніе своего города отъ Поляковъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ носятъ чудотворную икону Богородицы.

Повсюду поведеніе Тушинцевъ все менѣе и менѣе давало возможности выбора между двумя царями — Московскимъ и Тушинскимъ. Поборамъ не было конца: изъ Тушина

пріѣзжалъ одинъ съ требованіемъ всякихъ товаровъ, за нимъ изъ Сапѣгина стана другой съ тѣми же требованіями; воеводы не знали, кому удовлетворять, а удовлетворить всѣмъ было слишкомъ тяжко, если не совершенно невозможно; воеводы требовали грамотъ за подписью царскою, въ отвѣтъ получали ругательства. Сапѣга игралъ важную роль: къ нему воеводы обращались съ челобитными; такъ Ярославскій воевода, князь Борятинскій писалъ ему: тебѣ бъ, господинъ, надо мною смиловаться, и у государя быть обо мнѣ печальникомъ. Я послалъ къ тебѣ челобитенку о помѣстьѣ: такъ ты бы пожаловалъ, у государя мнѣ помѣстьице выпросилъ, а я на твоемъ жалованьѣ много челомъ бью и радъ за это работать, сколько могу.» Но не одни денежные поборы выводили народъ изъ терпѣнія: страшнымъ неистовствомъ ознаменовывали свои походы Тушинцы, и не Поляки, потому что эти иноземцы пришли въ Московское государство только за добычею; они были равнодушны къ явленіямъ, въ немъ происходившимъ, а равнодушіе, холодность, не увлекая къ добру, не увлекаетъ также и къ крайностямъ въ злѣ; поэтому у Поляковъ не было побужденія свирѣпствовать въ областяхъ Московскихъ: они пришли за добычею, за веселою жизнію, для которой имъ нужны были деньги и женщины; и буйство ихъ не заходило далѣе грабежа и похищенія женщинъ, крови имъ было не нужно; поживши весело на чужой сторонѣ, попировавши на чужой счетъ, въ случаѣ неудачи, они возвращались домой и тѣмъ все оканчивалось: дѣло не шло о судьбѣ ихъ родной страны, объ интересахъ, близкихъ ихъ сердцу. Но не таково было положеніе Русскихъ Тушинцевъ, Русскихъ козаковъ бездомовниковъ. Русскій человѣкъ, передавшійся Лжедимитрію, пріобрѣтшій чрезъ это извѣстное значеніе, извѣстныя выгоды, терялъ все это, терялъ все будущее, въ случаѣ еслибы восторжествовалъ Шуйскій, и понятно, съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ смотрѣть на людей, которые могли дать Шуйскому побѣду, на приверженцевъ Шуйскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ, не какъ на соотечественниковъ, но какъ на заклятыхъ враговъ, могущихъ ли-

шить его будущности, онъ могъ упрочить выгоды своего положенія, освободиться отъ страха за будущее, только истребляя этихъ заклятыхъ враговъ. Что же касается до козаковъ старыхъ и новыхъ, то, долго сдерживаясь государствомъ, они теперь спѣшили отомстить ему, пожить на его счетъ; они видѣли заклятаго врага себѣ не въ одномъ воинѣ вооруженномъ, шедшемъ на нихъ подъ знаменемъ Московскаго царя: злаго врага себѣ они видѣли въ каждомъ мирномъ гражданинѣ, живущемъ плодами честнаго труда, и надъ нимъ то истощали всю свою свирѣпость; имъ нужно было опустошить государство вконецъ, истребить всѣхъ некозаковъ, всѣхъ земскихъ людей, чтобъ быть безопасными на будущее время. Поэтому не удивительно читать въ современныхъ извѣстіяхъ, что свои свирѣпствовали въ описываемое время гораздо больше, чѣмъ иноземцы, Поляки, что когда послѣдніе брали въ плѣнъ приверженца Московскаго царя, то обходились съ нимъ милостиво, сохраняли отъ смерти; когда же подобный плѣнникъ попадался Русскимъ Тушинцамъ, то былъ немедленно умерщвляемъ самымъ звѣрскимъ образомъ, такъ что иноземцы съ ужасомъ смотрѣли на такое ожесточеніе, и, приписывая его природной жестокости народа, говорили: если Русскіе другъ съ другомъ такъ поступаютъ, то что же будетъ намъ отъ нихъ? Но они напрасно безпокоились. Съ своей стороны Русскіе не понимали хладнокровія Поляковъ, и видя, что они милостиво обходятся съ плѣнными, называли ихъ малодушными, бабами. Писатель современный съ изумленіемъ разсказываетъ, что Русскіе Тушинцы служили постоянно твердымъ щитомъ для малочисленныхъ Поляковъ, которые почти не участвовали въ сраженіяхъ; но когда дѣло доходило до дѣлежа добычи, то здѣсь Поляки были первые, и Русскіе безъ спора уступали имъ лучшую часть. Русскіе Тушинцы и козаки не только смотрѣли хладнокровно на оскверненіе церквей, на поруганіе сана священническаго и иноческаго, но и сами помогали иновѣрцамъ въ этомъ оскверненіи и поруганіи. Жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей; медвѣди, волки, лисицы и зайцы

свободно гуляли по городскимъ площадямъ, и птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ, непроходимыхъ кустарникахъ, искали темноты, желали скорѣйшаго наступленія ночи, но ночи были ясны: вмѣсто луны пожарное зарѣво освѣщало поля и лѣса, охота за звѣрями смѣнилась теперь охотою за людьми, которыхъ слѣды отыскивали гончія собаки; козаки если гдѣ не могли истребить сельскихъ запасовъ, то сыпали въ воду и грязь и топтали лошадьми; жгли дома, съ неистовствомъ истребляли всякую домашнюю рухлядь; гдѣ не успѣвали жечь домовъ, тамъ портили ихъ, разсѣкали двери и ворота, чтобъ сдѣлать жилища неспособными къ обитанію. Звѣри поступали лучше людей, говоритъ тотъ же современникъ, потому что звѣри наносили одну тѣлесную смерть, Тушинцы же и Поляки вносили развратъ въ общество, похищая женъ отъ мужей и дѣвицъ отъ родителей; безнаказанность, удобство для порока, легкая отговорка, легкое оправданіе неволею, насиліемъ, наконецъ привычка къ сценамъ буйства и разврата, все это должно было усиливать безнравственность. Многія женщины, избѣгая безчестія, убивали себя, бросались въ рѣки съ крутыхъ береговъ; но за то многія, попавшись въ плѣнъ и будучи выкуплены изъ него родственниками, снова бѣжали въ станъ обольстителей, не могши разлучиться съ ними, не могши отвыкнуть отъ порока. Была безнравственность и другаго рода: нашлись люди, и даже въ санѣ духовномъ, которые воспользовались бѣдствіями общества для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, покупая у враговъ общества духовныя должности цѣною денегъ и клеветы на людей вѣрныхъ своимъ обязанностямъ. Но такіе покупщики не долго могли пользоваться купленнымъ, потому что примѣръ ихъ возбуждалъ другихъ, которые наддавали цѣну на этомъ безнравственномъ аукціонѣ, въ слѣдствіе чего власти мѣнялись, рушилось уваженіе и довѣріе къ нимъ, и къ анархіи политической присоединилась анархія церковная.

Вотъ какія челобитныя получалъ Тушинскій царь отъ сво-

ихъ подданныхъ: «Царю государю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Руси бьютъ челомъ и кланяются сироты твои государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянишки. Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воинскихъ людей, лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣбца ржанаго, и тотъ хлѣбъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолотили и развезли; мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью, да на насъ же просятъ твои сотныя деньги и панской кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правежѣ, а денегъ намъ взять негдѣ.» Изъ другаго мѣста писали: «пріѣзжаютъ къ намъ ратные люди Литовскіе, и Татары, и Русскіе люди, бьютъ насъ и мучатъ и животы грабятъ. Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, вели намъ дать приставовъ»! Изъ третьяго мѣста писалъ крестьянинъ: «Стоитъ у меня въ деревнѣ приставъ твой государевъ, панъ Мошницкій: насильствомъ взялъ онъ у меня сынишка моего къ себѣ въ таборы, а самъ каждую ночь прізжаетъ ко мнѣ, меня изъ дворишка выбиваетъ, хлѣба не даетъ, а невѣстку у себя на постели насильствомъ держитъ.» Но не отъ однихъ притѣсненныхъ дошли до насъ жалобы на притѣсненія. Суздальскій воевода Плещеевъ доносилъ Сапѣгѣ, что «во многихъ городахъ отъ великихъ денежныхъ поборовъ произошла смута большая, мужики заворовались и крестъ цѣловали Василію Шуйскому, оттого денегъ мнѣ сбирать скоро нельзя, не та пора стала, въ людяхъ смута великая.» Въ каждомъ письмѣ своемъ къ Сапѣгѣ Плещеевъ жалуется на козаковъ. Владимирскій воевода Вельяминовъ принужденъ былъ вооружиться противъ козаковъ или загонныхъ людей, опустошавшихъ Владимирскій уѣздъ. Посланный противъ нихъ отрядъ взялъ въ плѣнъ начальника грабителей — пана Наливайку, который, по словамъ Вельяминова, многихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, побилъ до смерти, на колъ сажалъ, а женъ и дѣтей позорилъ и въ плѣнъ бралъ. Вѣсть о злодѣйствахъ Наливайки дошла и до

Тушина и привела въ сильный гнѣвъ самозванца, который хорошо видѣлъ, какъ вредятъ козаки успѣху его дѣла; онъ послалъ во Владимiръ приказъ немедленно казнить Наливайку, а Сапѣгѣ, просившему освободить его, писалъ выговоръ въ слѣдующихъ словахъ: «Ты дѣлаешь не гораздо, что о такихъ ворахъ упрашиваешь: тотъ воръ Наливайко нашихъ людей, которые намъ, великому государю, служили, побилъ до смерти своими руками, дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей, мужиковъ и жонокъ 93 человѣка. И ты бъ къ намъ впередъ за такихъ воровъ не писалъ и нашей царской милости имъ не выпрашивалъ; мы того вора Наливайку, за его воровство, велѣли казнить. А ты бъ такихъ воровъ впередъ сыскивалъ, а сыскавъ, велѣлъ также казнить, чтобъ такіе воры нашей отчины не пустошили и христіянской истинной православной крови не проливали». Но распоряженія самозванца не помогали, и возстанія вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ. Встали черные люди и начали собираться по городамъ и волостямъ: въ Юрьевцѣ Польскомъ собрались съ сотникомъ Ѳедоромъ Краснымъ, на Решмѣ подъ начальствомъ крестьянина Григорья Лапши, въ Балахнинскомъ уѣздѣ Ивана Кушинникова, въ Гороховцѣ Ѳедора Наговицына, на Холую Ильи Деньгина, — собрались и пошли въ Лухъ, тамъ Литовскихъ людей побили и пошли въ Шую; Лисовскій выслалъ противъ нихъ извѣстнаго намъ Суздальскаго воеводу Ѳедора Плещеева, но тотъ былъ разбитъ у села Данилова и бѣжалъ въ Суздаль. Возставшіе укрѣпились въ селѣ Даниловѣ острогомъ, но не могли имъ защититься отъ множества враговъ, пришедшихъ осаждать ихъ: послѣ многихъ боевъ острогъ былъ взятъ и много черныхъ людей погибло. Но это не прекратило возстанія: Галичь, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ отложились отъ Тушина. Города не довольствовались однимъ сверженіемъ Тушинскаго ига, но, чтобъ не подвергнуться ему снова, спѣшили вооружить какъ можно болѣе ратныхъ людей на защиту Москвы, и разсылали грамоты въ другіе города, убѣждая ихъ также вооружиться и ра-

зослать призывныя грамоты далѣе; грамоты оканчивались такъ: «А не станете о такомъ великомъ государевѣ дѣлѣ радѣть, то вамъ отъ Бога и отъ государя не пробудетъ.» Вологжане писали, что они посадили въ тюрьму посланцевъ Лжедимитріевыхъ, у которыхъ вынули грамоты, а въ грамотахъ будто бы заключался наказъ: жителей побивать, имѣнье ихъ грабить, женъ и дѣтей отвозить плѣнниками въ Литву. Изъ Тотьмы писали, что и тамъ захватили Тушинцевъ, которые везли приказъ освобождать преступниковъ изъ тюремъ; задержанные сказывали въ допросѣ, какіе люди окружаютъ Тушинскаго царя, называли князя Звенигородскаго, князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, дьяка Сафонова; объявляли различныя мнѣнія на счетъ происхожденія Тушинскаго вора: такъ одни называли его сыномъ князя Андрея Курбскаго, нѣкоторые поповымъ сыномъ изъ Москвы съ Арбата, другіе же просто говорили: «Димитрій воръ, а не царевичь прямой, а родиною не вѣдаю откуда.» Съ другой стороны явилась въ сѣверныхъ городахъ грамота Московскаго царя съ увѣщаніемъ сохранять единство, собираться всѣмъ вмѣстѣ: «А если вскорѣ не соберутся, говорила грамота, а станутъ всѣ врознь жить, и сами за себя не станутъ, то увидятъ надъ собою отъ воровъ конечное раззоренье, домамъ запустѣніе, женамъ и дѣтямъ наруганіе; и сами они себѣ будутъ, и нашей христіанской вѣрѣ и своему отечеству предатели.» Увѣщевая сѣверное народонаселеніе собираться вмѣстѣ, Шуйскій однако, запертый въ Москвѣ, не имѣлъ возможности самъ распоряжаться движеніями возставшихъ, и отдавалъ на ихъ волю направленіе этого движенія: «можно вамъ будетъ пройти къ намъ къ Москвѣ, то идите не мѣшкая, на какое мѣсто лучше; а если для большаго сбора, захотите посождаться въ Ярославлѣ, то объ этомъ къ намъ отпишите. Если вамъ извѣстно про боярина нашего и воеводу Ѳедора Ивановича Шереметева съ товарищами, то вы бы къ нему на встрѣчу кого-нибудь послали, чтобъ ему съ вами же вмѣстѣ сходиться.» Въ заключеніе царь увѣдомляетъ, что въ Москвѣ все благополучно, что войско желаетъ биться

съ ворами, и что въ воровскихъ полкахъ многіе прямятъ ему, Шуйскому, но надъ Литовскими людьми хотятъ промышлять, изождавъ время. Скопинъ-Шуйскій, съ своей стороны, присылалъ грамоты, въ которыхъ извѣщалъ о немедленномъ выступленіи своемъ съ сильною помощію Шведскою.

Вычегодцы и четверо Строгановыхъ отправили къ Москвѣ отрядъ исправно вооруженныхъ людей. Возставшіе города, озлобленные на Тушинцевъ, мучили и били ихъ; Тушинцы не оставались у нихъ въ долгу; такъ когда Лисовскій овладѣлъ Костромою вторично, то страшно опустошилъ ее; Галичь былъ также снова взятъ Тушинцами. Въ Вологдѣ готовились къ упорной оборонѣ, не смотря на то, что между нею и другими сѣверными городами возникла распря. Въ Вологдѣ оставались по старому воевода Пушкинъ и дьякъ Вороновъ, который прежде присягнулъ Димитрію; поэтому другіе города не хотѣли сноситься съ ними, а писали прямо къ міру. Вологжане обидѣлись такимъ недовѣріемъ и писали къ Устюжанамъ: «Пишете къ намъ о совѣтѣ, о государевомъ ратномъ и земскомъ дѣлѣ, а къ воеводѣ и къ дьяку не пишете; но воевода и дьякъ у государевыхъ и у земскихъ дѣлъ живутъ по прежнему и о всякихъ дѣлахъ съ ними радѣютъ вмѣстѣ единомышленно; и насъ беретъ сомнѣнье, что вы къ нимъ о совѣтѣ не пишете». Тотмичи не удовольствовались тѣмъ, что называли измѣнниками воеводу и дьяка, но обратили это названіе и на всѣхъ Вологжанъ. Ратные люди, собравшіеся въ Вологдѣ изъ разныхъ городовъ, писали къ Вычегодцамъ, что Вологжане всѣмъ имъ иногородцамъ, и на оборотъ, иногородцы Вологжанамъ крестъ цѣловали стоять крѣпко и другъ друга не выдавать, изъ города безъ совѣта мірскаго не выйти; но что происходитъ смута большая отъ Тотмичей, которые воеводу, дьяка и всѣхъ Вологжанъ, называютъ измѣнниками, и пишутъ въ Вологду къ воеводѣ и къ міру съ бранью, на раздоръ, а не на единомысліе, утверждая, что Устюжане и Усольцы научаютъ ихъ такъ писать. «И вы бы, господа, продолжаютъ иногородцы, посовѣтовавшись съ Устюжанами, отписали къ Тотмичамъ, чтобъ

ми на смуту и на раздоръ въ Вологду не писали бездѣльно. А мы на Вологдѣ до сихъ поръ измѣны никакой не знаемъ, где въ комъ свѣдаемъ измѣну, тѣхъ людей захватываемъ и крѣпкими пытками пытаемъ, и по сыску и по винѣ, кто доведется, измѣнниковъ и казни предаемъ, съ Вологжанами вмѣстѣ». Но Тотмичи и жители другихъ городовъ считали себя въ правѣ называть Пушкина измѣнникомъ: они перехватили одного Тушинца, который съ пытки объявилъ имъ: «Съ Вологды Никита Пушкинъ пишетъ въ полки къ вору: я де вамъ Вологду сдамъ: треть жителей стоитъ, а два жеребья сдаются, и какъ придете, то мы Вологду сдадимъ». Пермичи не помогали общему дѣлу: на нихъ видно подѣйствовали слова Устюжанъ, писавшихъ въ началѣ, чтобъ погодили цѣловать крестъ тому, кто называется Димитріемъ, успѣютъ сдѣлать это, когда онъ будетъ поближе: Пермичи точно не цѣловали креста Тушинскому царю, но за то и не помогали противъ него, дожидаясь, которая сторона возьметъ верхъ. Вычегодцы пишутъ къ нимъ: «Вы пишете къ намъ словомъ, что стоять съ нами единомысленно ради во всемъ, а дѣломъ съ нами ничего не дѣлаете; а богоотступники Литовскіе люди и съ ними Русскіе воры села и волости и деревни воюютъ, церкви Божія раззоряютъ, образа колупаютъ, окладъ и кузнь снимаютъ, православную вѣру попираютъ, крестьянъ сѣкутъ, женъ и дѣтей ихъ въ плѣнъ въ Литву ведутъ, имѣнье ихъ грабятъ, и хвалятся, хотятъ идти къ Вологдѣ и на Сухону и въ наши мѣста воевать. Такъ если какое раззореніе надъ здѣшними мѣстами и надъ нами сдѣлается отъ Литовскихъ людей и отъ воровъ, то вамъ отъ Бога и отъ государя это не пройдетъ, а съ Литовскими людьми и съ ворами вамъ не прожить, и вамъ отъ нихъ то же будетъ». Смутное время, надежда на безнаказанность развязывали руки людямъ, которые любятъ извлекать выгоды изъ общей бѣды: Пермскіе старосты и цѣловальники, обязанные отправить хлѣбные запасы въ Сибирскіе непашенные города служилымъ людямъ на жалованье, купили въ Верхотурьѣ дешевою цѣною хлѣбъ съ подмѣсью, «и этими запасами, гово-

ритъ царская грамота, въ Сибирскихъ городахъ ратныхъ людей безъ хлѣба поморили, потому что Верхотурскіе жилецкіе люди продаютъ хлѣбные запасы, мѣшая съ каменьемъ и пескомъ». На Двинѣ жители, свободные теперь отъ всякаго правительственнаго вліянія, посадили въ воду дьяка Илью Уварова; сначала хотѣли они предать смерти и воеводу своего, Ивана Милюкова-Гуся, обвиняя его въ разныхъ несправедливостяхъ, но потомъ передумали, пришли въ тюрьму, гдѣ онъ былъ посаженъ, и съ честію просили его идти въ приказную избу и по прежнему управлять ими.

Не смотря однако на измѣну, на распри между городами, на равнодушіе и бездѣйствіе нѣкоторыхъ областей, дѣла земскихъ людей противъ воровъ шли успѣшно. Толпы поволжскихъ инородцевъ, Мордвы и Черемисъ, осадили Нижній Новгородъ, къ нимъ присоединился отрядъ Тушинцевъ подъ начальствомъ князя Семена Вяземскаго; Нижегородцы сдѣлали вылазку, поразили осаждавшихъ и прогнали ихъ отъ своего города, при чемъ князь Вяземскій былъ взятъ въ плѣнъ: Нижегородцы повѣсили его, не давая знать въ Москву. Мы видѣли, что Нижегородцы чрезъ игумена Іоиля уговаривали Балахнинцевъ не затѣвать усобицы изъ-за вопроса о правахъ Димитрія или Шуйскаго, а признавать государемъ того, кого признаетъ Москва. Но жители Балахны не послушались увѣщаній Іоиля, и Нижегородцы, подъ начальствомъ воеводы Алябьева овладѣли Балахною. Полки, собранные сѣверными городами, заняли опять Галичь и Кострому. Сохранилось извѣстіе, какъ въ это время города содержали своихъ ратныхъ людей: всякій служилый человѣкъ, отправляясь въ походъ въ чужой городъ, чужую область, получалъ отъ своего города деньги впередъ за мѣсяцъ, а по истеченіи мѣсяца, городъ, отправившій его, высылалъ ему деньги въ то мѣсто, гдѣ онъ находился. Предводительствовать ополченіемъ сѣверныхъ городовъ Скопинъ прислалъ воеводу Вышеславцева, который разбилъ Тушинцевъ, взялъ у нихъ Романовъ, Пошехонье; Молога и Рыбинскъ присягнули также царю Василію; собравъ тысячъ сорокъ ратниковъ, Вышеслав-

цевъ двинулся изъ Романова и поразилъ Тушинскаго воеводу Тишкевича, слѣдствіемъ чего было занятіе Ярославля и Углича. Вятчане писали Пермичамъ, что въ Арзамасѣ, Муромѣ, Владимирѣ, Суздалѣ и въ другихъ городахъ, всякіе люди хотятъ государю добить челомъ и крестъ цѣловать, ждутъ только прихода боярина и воеводы, Өедора Ивановича Шереметева, которому царь Василій велѣлъ оставить осаду Астрахани и идти на сѣверъ по Волгѣ, приводя въ повиновеніе тамошніе города, что Шереметевъ и исполнялъ съ успѣхомъ. Дѣйствительно Муромцы, снесясь съ Нижегородскимъ воеводою Алябьевымъ, впустили его къ себѣ въ городъ, и Владимирцы, какъ скоро узнали о приближеніи Нижегородскаго войска, тотчасъ встали противъ Тушинцевъ. Воевода ихъ Вельяминовъ упорствовалъ въ вѣрности Лжедимитрію; Владимирцы схватили его и повели въ соборную церковь, чтобъ тамъ исповѣдовавшись и причастившись, онъ приготовился къ смерти. Протопопъ собора, совершивъ таинства, вывелъ его къ народу и сказалъ: «вотъ врагъ Московскаго государства!» Тогда всѣмъ міромъ побили Вельяминова камнями, поцѣловали крестъ царю Василію и начали биться съ воровскими людьми, не щадя головъ своихъ. Въ извѣстіи объ этомъ событіи насъ останавливаетъ торжественность, какою оно сопровождалось: здѣсь мы не видимъ буйнаго возстанія черни, котораго слѣдствіемъ обыкновенно бываютъ немедленныя насилія, убійства; народъ, который удержалъ свой порывъ, который далъ обвиненному время христіански приготовиться къ смерти, этотъ народъ дѣйствовалъ въ полномъ сознаніи, умерщвлялъ не человѣка ему ненавистнаго; нѣтъ: онъ оказалъ уваженіе къ этому человѣку, а казнилъ воеводу-измѣнника государству. Здѣсь останавливаютъ насъ также слова протопопа о Вельяминовѣ: «вотъ врагъ Московскаго государства!» Эти слова показываютъ, что Владимирцы уже поняли значеніе Тушина и его приверженцевъ, воровъ, которые грозятъ гибелью наряду, поддерживаемому государствомъ; протопопъ не говоритъ: вотъ врагъ Московскаго государя! ибо въ это время для городовъ вопросъ о правахъ Димитрія и Шуй-

скаго не былъ рѣшенъ, они вообще стараются его обходить, для нихъ борьба между царями-соперниками Димитріемъ и Шуйскимъ исчезаетъ, остается борьба между началами общественнымъ и противуобщественнымъ. Впрочемъ не вездѣ жители сѣверныхъ городовъ поступали подобно Владимирцамъ: въ Костромѣ самозванцева воеводу, князя Димитрія Мосальскаго долго мучили, и потомъ, обрубивъ руки и ноги, утопили въ рѣкѣ.

Лѣтописецъ правъ, сказавши, что Владимирцы начали биться съ воровскими людьми, не щадя головъ своихъ; тоже свидѣтельствуютъ и враги ихъ: Суздальскіе воеводы самозванцевы, Плещеевъ и Просовецкій пишутъ Сапѣгѣ, что они ходили подъ Владимиръ вмѣстѣ съ Лисовскимъ, и хотя побили подъ городомъ измѣнниковъ государевыхъ и городъ осадили, однако взять его не могли, потому что тамъ измѣнники шли на смерть; мало того, разсылаютъ во всѣ понизовые города воровскія грамоты прельщать и приводить къ присягѣ Шуйскому.» Въ томъже письмѣ Суздальскіе воеводы объясняютъ и причины, побудившія Владимирцевъ сѣсть на смерть въ осадѣ: «Пахолики Литовскіе и козаки, стоя въ Суздалѣ, воруютъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, монастырямъ и посадскимъ людямъ раззореніе и насильство великое, женокъ и дѣвокъ берутъ, села государевы, дворянскія и дѣтей боярскихъ и монастырскія вотчины выграбили и пожгли, и намъ отъ пахоликовъ и козаковъ Литовскихъ позоръ великій: что станемъ о правдѣ говорить, о государевомъ дѣлѣ, чтобъ они государевы земли не пустошили, селъ не жгли, насильства и смуты въ землѣ нечинили: — и они насъ, холопей государевыхъ, позорятъ, ругаютъ и бить хотятъ.» Воеводы увѣдомляютъ также о насиліяхъ Лисовскаго, который, подъ пустыми предлогами, отнимаетъ свободу у людей и грабитъ ихъ, тогда какъ они ни въ чемъ предъ государемъ не виноваты. Но изъ этихъ Суздальскихъ воеводъ, которые такъ жалуются на Лисовскаго, одинъ, именно Просовецкій, имѣлъ также дурную славу между жителями сѣверныхъ городовъ. Произведенный изъ козацкихъ атамановъ въ стольники при Тушинскомъ дворѣ, Просовецкій

сначала былъ воеводою города Луха, и когда узнали, что самозванецъ назначаетъ его въ Суздаль воеводою на мѣсто Өедора Плещеева, то жители Суздаля писали Сапѣгѣ: «Государя царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Руси гетману, пану Яну Петру Павловичу Сапѣгѣ, каштеляновичу Кіевскому, старостѣ Усвятскому и Керепецкому, бьютъ челомъ холопи государевы Суздальцы, дворяне и дѣти боярскіе, всѣмъ городомъ. Слухъ до насъ дошелъ, что государь велѣлъ быть окольничему и воеводѣ Өедору Кирилловичу (Плещееву) къ себѣ въ полки, а у насъ въ Суздалѣ быть въ воеводахъ Андрею Просовецкому да Суздальцу Нехорошему Бабкину: и ты, государь, самъ жалуй, а государю будь печальникъ, чтобъ у насъ государь велѣлъ быть по старому Өедору Кирилловичу Плещееву, чтобъ намъ службишки свои не потерять. А если ты милости не покажешь, а государь не пожалуетъ, Өедора Кирилловича къ себѣ въ полки возьметъ, то мы всѣмъ городомъ, покинувъ матерей, женъ и дѣтей, къ тебѣ и къ государю идемъ бить челомъ, а съ Андреемъ Просовецкимъ и Нехорошимъ Бабкинымъ быть не хотимъ, чтобъ государевой службѣ порухи не было и намъ до конца не погинуть.» Суздальцы, какъ видно, были успокоены тѣмъ, что Плещеевъ остался у нихъ первымъ воеводою, а Просовецкій сдѣланъв торымъ. Понятно послѣ этого, почему и Ярославцы, подобно Владимирцамъ, рѣшились сѣсть въ осадѣ на смерть. Весною 1609 года Тушинцы, подъ начальствомъ Наумова и Будзила, двинулись подъ Ярославль; четыре дня Ярославцы не пускали ихъ переправиться черезъ рѣку Пахну въ милѣ отъ города; потерявши надежду одолѣть Ярославцевъ здѣсь, Тушинцы ушли, переправились черезъ рѣку выше, зашли въ тылъ Ярославцамъ и поразили ихъ; но когда приблизились къ Ярославскому посаду, то опять встрѣтили упорное сопротивленіе; тутъ были стрѣльцы Архангельскіе въ числѣ 600, и Сибирскіе въ числѣ 1200; Тушинцамъ удалось наконецъ ворваться въ посадъ, но города взять они не могли и ушли, боясь Скопина, хотя Ярославль былъ имъ «больнѣе всѣхъ горо-

довъ» по выраженію Ярославцевъ. Здѣсь надобно замѣтить, что Тушинцы, не имѣя успѣха при осадѣ городовъ, успѣшнѣе дѣйствуютъ въ чистомъ полѣ противъ нестройныхъ массъ возставшаго народонаселенія, не имѣвшаго вождей искусныхъ. Такъ Поляки, потерпѣвшіе неудачи подъ Владиміромъ и Ярославлемъ, разбивали на голову земскіе полки въ разныхъ мѣстахъ [89].

Но въ то время, какъ на сѣверѣ завязалась борьба между общественнымъ и противуобщественнымъ элементами народонаселенія, когда земскіе люди возстали за Московское государство, въ какомъ положеніи находилась Москва и ея царь, которому снова начали присягать сѣверные города? Здѣсь царемъ играли какъ дѣтищемъ, говоритъ современникъ-очевидецъ. Требованіе службы и вѣрности съ двухъ сторонъ, отъ двухъ покупщиковъ, необходимо возвысило ея цѣну, и вотъ нашлось много людей, которымъ показалось выгодно удовлетворять требованіямъ обѣихъ сторонъ и получать двойную плату. Нѣкоторые, поцѣловавши крестъ въ Москвѣ Шуйскому, уходили въ Тушино, цѣловали тамъ крестъ самозванцу и, взявши у него жалованье, возвращались назадъ въ Москву; Шуйскій принималъ ихъ ласково, ибо раскаявшійся измѣнникъ былъ для него дорогъ: своимъ возвращеніемъ онъ свидѣтельствовалъ предъ другими о ложности Тушинскаго царя или невыгодѣ службы у него; возвратившійся получалъ награду, но скоро узнавали, что онъ отправился опять въ Тушино требовать жалованья отъ Лжедимитрія. Собирались родные и знакомые, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись во дворецъ къ царю Василію, а другіе ѣхали въ Тушино. Остававшіеся въ Москвѣ были покойны на счетъ будущаго: если одолѣетъ Тушинскій царикъ, думали они, то у него наши братья, родные и друзья, они насъ защитятъ; если же одолѣетъ царь Василій, то мы за нихъ заступимся. Въ домахъ и на площадяхъ громко разсуждали о событіяхъ, громко превозносили Тушинскаго царя, громко радовались его успѣхамъ; многіе знали о сборахъ другихъ въ Тушино, знали, что такіе-то и такіе люди, оставаясь въ Москвѣ, радѣютъ самозванцу, но не говорили о нихъ Шуй-

скому; тѣхъ же, которые говорили, называли клеветниками и шепотниками. На сильнаго никто не смѣлъ сказать, ибо за него нашлось бы много заступниковъ, безъ воли которыхъ Шуйскій не смѣлъ казнить его, но на слабаго, не роднаго сильнымъ, доносъ шелъ безпрепятственно къ царю, и виновный подвергался наказанію, но вмѣстѣ съ виноватымъ казнили иногда и невинныхъ; Шуйскій, говорятъ, вѣрилъ не тѣмъ, кто носилъ службу на лицѣ и на тѣлѣ, но тѣмъ, кто носилъ ее на языкѣ.

Но хотя Шуйскаго не любили въ Москвѣ, однако люди земскіе не хотѣли мѣнять его на какого-нибудь другаго боярина, тѣмъ менѣе на царя Тушинскаго, ибо хорошо знали, чѣмъ грозитъ его торжество. Вотъ почему попытки свергнуть Шуйскаго не удавались. Первая попытка сдѣлана была 17 Февраля 1609 года, въ субботу на масляницѣ, извѣстнымъ уже намъ Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимоѳеемъ Грязнымъ; число сообщниковъ ихъ простиралось до 300 человѣкъ. Они прежде всего обратились къ боярамъ съ требованіемъ свергнуть Шуйскаго; но бояре не взялись за это дѣло и разбѣжались по домамъ ждать конца дѣлу; одинъ только бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, явился на площадь. Заговорщики кинулись за патріархомъ въ Успенскій соборъ и требовали, чтобъ шелъ на лобное мѣсто; Гермогенъ не хотѣлъ идти, его потащили, подталкивая сзади, обсыпали его пескомъ, соромъ, нѣкоторые схватывали его за грудь и крѣпко трясли. Когда поставили его на лобное мѣсто, то заговорщики начали кричать народу, что Шуйскій избранъ незаконно одними своими потаковниками, безъ согласія земли, что кровь христіанская льется за человѣка недостойнаго и ни на что непотребнаго, глупаго, нечестиваго, пьяницу, блудника. Но вмѣсто одобрительныхъ кликовъ заговорщики услыхали изъ толпы слова: «Сѣлъ онъ государь на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы, дворяне и служивые люди, пьянства и никакого непостовства мы въ немъ не знаемъ; да если бы онъ царь вамъ и не-

угоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести.» Тогда заговорщики стали кричать: «Шуйскій тайно побиваетъ и въ воду сажаетъ братью нашу, дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ ихъ и дѣтей, и таковыхъ побитыхъ съ двѣ тысячи.» Патріархъ спросилъ ихъ: «Какъ же это могло статься, что мы ничего не знали? въ какое время и кто именно погибъ?» Заговорщики продолжали кричать: «И теперь повели многихъ нашу братью сажать въ воду: за это мы и стали.» Патріархъ опять спросилъ: «Да кого же именно повели въ воду сажать?» Въ отвѣтъ закричали: «Мы посылали уже ворочать ихъ, ужо сами увидите!» Потомъ начали читать грамоту, написанную во всему міру изъ Московскихъ полковъ отъ Русскихъ людей: «Князя де Василья Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Василій Шуйскій намъ на царствѣ не любъ и для него кровь льется и земля не умирится: что бъ намъ выбрать на его мѣсто другаго царя?» Патріархъ началъ говорить: «До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ; государь царь и великій князь Василій Ивановичь возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми Русскими властьми и Московскими боярами и вами дворянами, всякими людьми всѣхъ чиновъ и всѣми православными христіанами, изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ то время люди многіе, и крестъ ему государю цѣловала вся земля, присягала добра ему хотѣть, а лиха не мыслить: а вы забыли крестное цѣлованье, немногими людьми востали на царя, хотите его безъ вины съ царства свесть, а міръ того не хочетъ да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ же.» Сказавъ это, Гермогенъ отправился домой. Заговорщики, ни кѣмъ не подкрѣпленные, не могли его удерживать; они съ криками и ругательствами бросились во дворецъ; но Шуйскій не испугался, онъ вышелъ къ нимъ и съ твердостію сказалъ: «за чѣмъ вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ съ такою наглостію? если

хотите убить меня, то я готовъ; но свести меня съ престола безъ бояръ и всея земли вы не можете.» Заговорщики, видя вездѣ неудачу, убѣжали въ Тушино, а князь Голицынъ остался въ Москвѣ съ прежнимъ значеніемъ. Любопытно однако, что народъ, не согласившись на сведеніе Шуйскаго съ престола, не бросился защищать его отъ заговорщиковъ. Послѣ этого событія патріархъ отослалъ въ Тушино двѣ грамоты, одну къ ушедшимъ туда послѣ 17 Февраля, другую къ ушедшимъ прежде. Первая грамота начинается такъ: «Бывшимъ православнымъ христіянамъ всякаго чина, возраста и сана; теперь же не вѣдаемъ, какъ васъ и назвать. Не достаетъ мнѣ словъ, болитъ душа, и болитъ сердце, всѣ внутренности мои расторгаются и всѣ составы мои содрогаются, плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, возстаньте, вразумитесь и возвратитесь.» Патріархъ заключаетъ первую грамоту обѣщаніемъ выпросить у царя прощеніе раскаявшимся: «царь милостивъ, непамятозлобенъ, знаетъ, что не всѣ своею волею такъ дѣлаютъ: которые ваша братья въ субботу сыропустную и возставали на него, ложныя и грубыя слова говорили, какъ и вы же, тѣмъ онъ вины отдалъ, и теперь они у насъ невредимы пребываютъ; ваши собственныя жены и дѣти также на свободѣ въ своихъ домахъ живутъ.» Вторая грамота начинается подобно первой: «Бывшимъ братіямъ нашимъ, а теперь не знаемъ какъ и назвать васъ, потому что дѣла ваши въ нашъ умъ не вмѣщаются, уши наши никогда прежде о такихъ дѣлахъ не слыхали и въ лѣтописяхъ мы ничего такого не читывали: кто этому не удивится? кто не восплачетъ? Слово это мы пишемъ не ко всѣмъ, но къ тѣмъ только, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ и преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали, измѣнивъ государю царю и всей землѣ, своимъ родителямъ, женамъ и дѣтямъ и всѣмъ своимъ ближнимъ, особенно же Богу; а которые взяты въ плѣнъ, какъ Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но силою, и на христіанскій законъ не стоятъ, крови православныхъ братій сво-

ихъ не прославютъ, таких ин не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога». Описавъ событіе 17 Февраля, патріархъ заключаетъ грамоту такъ: «Тѣ рѣчи были у насъ на лобномъ мѣстѣ, въ субботу сырную, послѣ чего всѣ разъѣхались, мы въ городъ, иные по домамъ, потому что враждующимъ поборниковъ не было и въ совѣтъ къ нимъ не приставалъ никто; а которые и были немногіе молодые люди, и тѣ имъ не потакали же, и такъ совѣтъ ихъ вскорѣ разрушился. Солгалось простарыхъ то слово, что красота граду старые мужи: а эти старые и молодому бѣду доспѣли, и за молодыхъ имъ въ день страшнаго суда Христова отвѣтъ дать. Это чудо въ лѣтописцы записали мы, чтобъ и прочіе не дерзали дѣлать подобнаго; а къ вамъ мы пишемъ, потому что Господь поставилъ насъ стражами надъ вами, стеречь намъ васъ велѣлъ, чтобъ кого-нибудь изъ васъ сатана не укралъ. Отцы ваши не только къ Московскому царству враговъ своихъ не припускали, но и сами ходили въ морскіе отоки, въ дальнія разстоянія и въ незнаемыя страны, какъ орлы острозрящіе и быстролетящіе, какъ на крыльяхъ парящіе, и все подъ руку покоряли Московскому государю царю.»

Другой заговоръ былъ составленъ бояриномъ Крюкомъ-Колычовымъ; положено было убить Шуйскаго въ Вербное Воскресенье. Но заговоръ былъ открытъ; за Колычова никто не заступился, онъ былъ пытанъ и казненъ; сообщниковъ его посажали въ тюрьмы, но не всѣхъ. Обо всѣхъ этихъ событіяхъ знали въ Тушинѣ чрезъ безпрестанныхъ перебѣжчиковъ или перелетовъ; до насъ дошелъ разсказъ одного изъ такихъ перелетовъ, подъячаго Чубарова, о томъ, какъ онъ перелеталъ изъ Москвы въ Тушино: «Вышелъ онъ изъ Москвы на государево царево Дмитрія Ивановича имя Мая 6-го, вышелъ въ Тверскія ворота, съ подъячимъ Скурыгинымъ, и шли съ нимъ вмѣстѣ до деревни Пироговой, а отъ Пироговой въ другую деревню, и въ той деревнѣ ночевалъ, а на другой день утромъ крестьянинъ допроводилъ его до села Черкизова, а изъ Черкизова отослали его до села Братошина, а изъ

Братошина привели его сюда въ Тушино. Товарищъ его Скурыгинъ отсталъ отъ него отъ первой деревни Пироговой и пошелъ лѣсомъ, хотѣлъ пытаться прямо въ таборы къ государю.» Чубаровъ разсказывалъ въ Тушинѣ, что «которые бояре, дворяне и дѣти боярскіе, и торговые люди были въ заговорѣ съ Иваномъ Өедоровичемъ Колычевымъ, и хотѣли Шуйскаго убить на Вербное воскресенье, и тогда не случилось; изъ ихъ думы одинъ Иванъ Өедоровичъ былъ на пыткѣ и ни на кого изъ нихъ не говорилъ, потому одного и казнили, а ихъ никого казнить Шуйскій не велѣлъ: и они тѣмъ же своимъ старымъ заговоромъ промышляютъ, хотятъ его убить на Вознесеньевъ день изъ самопала, а на Николинъ день какая замятня будетъ ли, онъ того не знаетъ. А дѣти боярскіе и черные всякіе люди приходятъ къ Шуйскому, съ крикомъ и воплемъ, говорятъ: до чего имъ досидѣть! хлѣбъ дорогой, а промысловъ никакихъ нѣтъ, и ничего взять негдѣ и купить не на что. 'Шуйскій проситъ у нихъ сроку до Николина дня, и надѣется на Скопина, будто идетъ Скопинъ съ Нѣмецкими людьми, а Нѣмцевъ съ нимъ семь тысячъ; и какъ онъ къ Москвѣ съ силою подойдетъ, и ему Шуйскому съ своею силою его встрѣтить и приходить на большіе таборы. А вѣсть про Скопина на Москвѣ есть, что пошелъ изъ Новгорода; а въ которомъ городкѣ нынѣ, и того не вѣдали подлинно. Изъ бояръ прямятъ государю Дмитрію Ивановичу князь Борисъ Лыковъ, князь Иванъ Куракинъ, князь Василій да князь Андрей Голицынъ, да князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ, а съ ними дворяне, дѣти боярскіе и торговые люди, а сколько ихъ человѣкъ и кто именно, того не упомнитъ.» Перелеты увѣдомляли единогласно, что въ Москвѣ большая дороговизна на съѣстные припасы, дровъ также нѣтъ, жгутъ опальные дворы, что недовольные приходятъ къ Шуйскому всѣмъ міромъ и говорятъ: до чего намъ дойдти! голодною смертью помирать? и будто Шуйскій хочетъ жить въ Троицкой деревнѣ Ивантеевѣ. Дѣйствительно, когда, не смотря на побѣду князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго при селѣ Вы-

соцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, городъ этотъ былъ осажденъ Тушинскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Млоцкаго, въ Москвѣ сдѣлалась сильная дороговизна: четверть ржи покупали по семи рублей (23⅓ нынѣшнихъ серебряныхъ), и толпы народа приходили къ Шуйскому съ вопросомъ: до какихъ поръ сидѣть и терпѣть голодъ? Шуйскій убѣдилъ Троицкаго келаря, Авраміа Палицына пустить въ продажу по 2 рубли (6⅔ нынѣшнихъ серебряныхъ) хлѣбъ изъ богатыхъ житницъ его монастыря, находившихся въ Москвѣ. Пониженіе цѣны на хлѣбъ поуспокоило народъ; къ тому же 28 Мая выѣхалъ изъ Тушина князь Романъ Гагаринъ, глава недавняго возстанія противъ Шуйскаго, и началъ говорить во весь міръ, чтобъ не прельщались: Тушинскій царь настоящій воръ, и все это заводъ Литовскаго короля, который хочетъ истребить православную христіанскую вѣру; а въ Тушинѣ подлинно извѣстно, что въ Новгородъ пришли Нѣмецкіе люди и Литву отъ Новгорода отбили прочь. Слыша такія рѣчи, люди въ Москвѣ укрѣпились, и никто не поѣхалъ въ Тушино.

Но если Москва не могла быть спокойна послѣ того, какъ подлѣ нея образовалась столица другаго царя, то не болѣе спокойно было и Тушино, гдѣ вся зима 1608—1609 года прошла въ смутахъ, бунтахъ, что и мѣшало вору дѣйствоватъ рѣшительно противъ Москвы; на весну взбунтовалась войсковая челядь, разосланная для сбора припасовъ, поставила сама себѣ ротмистровъ и полковниковъ, ходила по волостямъ и грабила, а къ господамъ своимъ въ Тушино не хотѣла возвратиться; для укрощенія бунтовщиковъ Тушинцы должны были выслать цѣлыя роты. Притомъ силы самозванца были раздѣлены: отрядъ Запорожцевъ посланъ былъ къ Новгороду Великому для попытки нельзя ли склонить его на сторону Тушинскаго царя, Сапѣга съ Лисовскимъ осаждали Троицкій монастырь, Млоцкій съ Бобовскимъ Коломну, у которой должны были биться съ Ляпуновымъ, воеводою Рязанскимъ, Мархоцкій сторожилъ большія дороги къ Москвѣ, а при вѣстяхъ о движеніяхъ Скопина, должны были отправить противъ него Збо-

ревскаго. Подъ Москвою повтому происходили битвы частыя, но целія; въ одной изъ нихъ въ концѣ Февраля гетманъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой послѣ никогда не могъ оправиться. Лѣтомъ, въ самый Троицынъ день, произошла битва большая неожиданно для Тушинцевъ: часть ихъ подошла къ Москвѣ, опрокинула Московскій отрядъ, противъ нихъ высланный, прогнала его до самаго города, возвратилась и стала за Ходынкою на берегу. Но царю Василію дали знать, что Литовскіе люди поднялись на Москву всѣми таборами, и онъ выслалъ противъ нихъ все свое войско, съ пушками и гуляй-городами (подвижными дубовыми городками на возахъ, въ которыхъ сидѣли стрѣльцы и стрѣляли въ отверстія). Поляки, увидѣвши это войско, бросились на него и одержали было совершенную побѣду, овладѣли гуляй-городами, какъ вдругъ, по словамъ Поляковъ, въ ихъ войскѣ произошло по ошибкѣ замѣшательство, Москвичи поправились и вогнали непріятеля въ Ходынку, гуляй-города свои отгромили и ворвались бы въ самое Тушино, еслибъ Заруцкій съ своими Донскими козаками не остановилъ ихъ на рѣчкѣ Химкѣ. По Русскимъ же извѣстіямъ проигранное дѣло поправлено было прибытіемъ свѣжихъ силъ подъ начальствомъ князей Ивана Семеновича Куракина, Андрея Васильевича Голицына и Бориса Михайловича Лыкова. Тушинцы, по свидѣтельству ихъ самихъ, потеряли всю свою пѣхоту, много у нихъ было побито, много взято въ плѣнъ Москвичами. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ у Московскихъ людей была такая храбрость, какой не бывало и тогда, когда Московское государство было въ собраньѣ.

Имѣя въ своихъ рукахъ много плѣнныхъ Поляковъ, царь Василій велѣлъ имъ выбрать каго-нибудь изъ своей среды и послать въ Тушино съ предложеніемъ, что онъ освободитъ всѣхъ плѣнныхъ, если Поляки покинутъ самозванца и выйдутъ изъ Московскаго государства; посланнаго позволялось отправить на томъ условіи, что если предложеніе не будетъ принято, то онъ возвратится въ Москву. Выборъ палъ на Станислава

Пачановскаго, который и поѣхалъ въ Тушино, гдѣ получилъ отъ своихъ такой отвѣтъ: «Скорѣе помремъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава.» Пачановскій долго колебался — остаться ли въ Тушинѣ или возвратиться въ Москву, наконецъ рѣшился возвратиться, за что въ Москвѣ оказывали ему уваженіе и содержали гораздо лучше чѣмъ другихъ плѣнниковъ. Особенною ласковостію къ плѣннымъ Полякамъ отличался братъ царскій, князь Иванъ Васильевичь Шуйскій: онъ вылѣчилъ отъ ранъ и даромъ освободилъ доставшагося ему шляхтича Борзеницкаго, кромѣ того давалъ по сукну всѣмъ плѣннымъ, которые выходили на обмѣнъ. Предчувствовалъ ли князь Иванъ, что скоро самъ будетъ нуждаться въ подобной снисходительности [90]?

Описанная битва была послѣднимъ важнымъ дѣломъ между Москвою и Тушинымъ, ибо Скопинъ былъ уже не далеко. Мы оставили его въ Новгородѣ, гдѣ онъ завязалъ переговоры со Шведами. Въ концѣ Февраля 1609 года стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавный Зиновьевъ заключили съ повѣренными Карла IX договоръ такого содержанія: король обязался отпустить на помощь Шуйскому двѣ тысячи конницы и три тысячи пѣхоты наемнаго войска, да сверхъ этихъ наемниковъ обязался отправить еще неопредѣленное число войска въ знакъ дружбы къ царю. За эту помощь Шуйскій отказался, за себя и за дѣтей своихъ и наслѣдниковъ, отъ правъ на Ливонію. Шуйскій обязался также, за себя и за наслѣдниковъ, быть въ постоянномъ союзѣ съ королемъ и его наслѣдниками противъ Сигизмунда Польскаго и его наслѣдниковъ, при чемъ оба государя обязались не заключать съ Сигизмундомъ отдѣльнаго мира, но если одинъ изъ нихъ помирится съ Польшею, то немедленно долженъ помирить съ нею и союзника своего, «а другъ друга въ мирномъ постановленьи не выгораживать». Шуйскій обязался въ случаѣ нужды, отправить къ королю на помощь столько же ратныхъ людей, наемныхъ и безденежно, сколько въ настоящемъ случаѣ король посылаетъ къ нему, при чемъ плата наемнымъ должна быть совершенно одинакая. Шуйскій

обязался не задерживать никого изъ присланныхъ на помощь Шведовъ (здѣсь любопытно, что въ числѣ Шведовъ упоминаются и Русскіе, которые королю служатъ) и гонцовъ, ѣздящихъ отъ нихъ въ Швецію и обратно. Если Шведы возьмутъ въ плѣнъ Русскихъ измѣнниковъ, то не должны убивать ихъ, а давать на окупъ, Литовскихъ же людей вольны бить и вести въ свою землю. Королевскимъ ратнымъ людямъ людской и конскій кормъ будетъ продаваться по цѣнѣ настоящей, а лишнихъ денегъ съ нихъ брать не будутъ; подъ пѣшихъ людей и подъ нарядъ будутъ даваться подводы и лошади безденежно; ратнымъ людямъ, если у кого падетъ лошадь или убьютъ въ дѣлѣ, будетъ даваться другая лошадь немедленно, но въ зачетъ жалованья. Шведскіе полномочные, съ своей стороны, обязались запретить своимъ ратнымъ людямъ, чтобъ они, будучи въ Московскомъ государствѣ, не жгли и не раззоряли, надъ иконами не ругались, крестьянъ не били и въ плѣнъ не брали. Обязались — городовъ и областей, вѣрныхъ Шуйскому или принесшихъ повинную, не воевать и не занимать ихъ, равно не занимать и тѣхъ городовъ, которые будутъ взяты приступомъ или сдадутся сами; къ ворамъ не приставать и царю Василію не измѣнять; надъ княземъ Скопинымъ и надъ государевыми людьми хитрости и измѣны никакой не сдѣлать, у князя Михаила Васильевича быть въ послушаньи и совѣтѣ, и самовольствомъ ничего не дѣлать. Шведскіе повѣренные выговорили также, чтобъ Шведская монета имѣла обращеніе въ Московскомъ государствѣ, и чтобъ Русскіе не ругались надъ королевскими деньгами подъ страхомъ царской опалы; выговорили, чтобъ Шведскимъ войскамъ, идущимъ въ Ливонію, былъ свободный пропускъ чрезъ Московскія владѣнія. Къ этому договору была еще дополнительная запись, въ который Шуйскій обязался, спустя три недѣли по выступленіи Шведскаго войска изъ-за границы, доставить королевскимъ воеводамъ крѣпость за государевою Новгородскою печатью и за князя Скопина рукою, на городъ Корелу съ уѣздомъ, а послѣ этихъ трехъ недѣль спустя два мѣсяца доставить крѣпость на городъ Ко-

релу съ уѣздомъ за государевою печатью и уступить королю этотъ городъ за его любовь и дружбу; потомъ, спустя одиннадцать недѣль, начиная съ того времени, какъ Шведы учнутъ служить царю, очистить городъ Корелу и отдать его королю, вывезши изъ церкви образа и всякое церковное строенье, а изъ города пушки, пищали, зелье, ядра, выведши всѣхъ Русскихъ людей и Корелянъ, которые захотятъ идти на Русь.

Еще въ началѣ Января 1609 года Карлъ IX увѣдомлялъ Новгородцевъ, что онъ, по просьбѣ ихъ, послалъ имъ на помощь ратную силу «пособлять за старую греческую вѣру. Поэтому берегитесь, заключаетъ грамота, и примите душу, пока вамъ подмогу даютъ, или сами увидите: если Поляки и Литва надъ вами силу возьмутъ, то не пощадятъ ни патріарха, ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, ни игуменовъ, ни воеводъ, ни дьяковъ, ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ, ни гостей, ни торговыхъ людей, ни дѣтенковъ въ пеленкахъ, не только что иныхъ, доколѣ не изведутъ славный Россійскій родъ.» До насъ дошла также грамота Каянборскаго Шведскаго воеводы Исаака Бема къ игумену Соловецкаго монастыря съ убѣжденіемъ не отступать отъ Шуйскаго; эта грамота, писанная ломаннымъ Русскимъ языкомъ, отличается наивностію выраженій, напримѣръ: «Вы такъ часто мѣняете великихъ князей, что Литовскіе люди вамъ всѣмъ головы разобьютъ: они хотятъ искоренить греческую вѣру, перебить всѣхъ Русаковъ и покорить себѣ всю Русскую землю. Какъ вамъ не стыдно, что вы слушаете всякій бредъ, и берете себѣ въ государи всякаго негодяя, какого вамъ приведутъ Литовцы»! Шведы выполнили свои обязательства: кромѣ пяти тысячь наемниковъ, они выставили еще около десяти тысячь человѣкъ всякаго разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди, получившаго военное воспитаніе въ хорошей школѣ.

Первое столкновеніе Скопина должно было произойти съ тѣмъ отрядомъ Запорожцевъ, которые, подъ начальствомъ Кернозицкаго, были высланы изъ Тушина къ Новгороду и на до-

рогѣ заняли Торжокъ и Тверь. Чтобъ не допустить ихъ къ переправѣ черезъ Мсту, Скопинъ хотѣлъ выслать сильный отрядъ въ Бронницы; начальствовать этимъ отрядомъ вызвался извѣстный намъ окольничій Михайла Игнатьевичь Татищевъ. Нѣсколько разъ встрѣчали мы этого человѣка, замѣтили его характеръ: онъ крупно разговаривалъ со Львомъ Сапѣгою, бранился съ самозванцемъ за телятину, нанесъ первый ударъ Басманову, потомъ опять перебранивался съ Польскими послами. Трудно представить себѣ, чтобъ этотъ человѣкъ, такъ сильно стоявшій за старину, убійца Басманова, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ заговорщиковъ противъ перваго Лжедимитрія, хотѣлъ передаться второму. Гораздо вѣроятнѣе, что Татищева не любили за его характеръ, не хотѣли быть подъ его начальствомъ. Какъ бы то ни было, нѣсколько Новгородцевъ явились къ Скопину и донесли ему, что Татищевъ сбирается измѣнить и нарочно выпросился идти въ Бронницы, чтобъ помочь Кернозицкому овладѣть Новгородомъ. Обвиненіе въ измѣнѣ было тогда легкимъ средствомъ для заподозрѣнія человѣка, отдаленія его; быть можетъ доносчики сами не хотѣли своимъ доносомъ сдѣлать большаго вреда Татищеву; но вышло иначе. Скопинъ, выслушавъ обвиненіе, собралъ всѣхъ ратныхъ людей, призвалъ Татищева и объявилъ о доносѣ на него: толпы взволновались и, безъ всякаго изслѣдованія, бросились на Татищева и умертвили его. Передовой отрядъ поэтому не могъ быть отправленъ; Кернозицкій подошелъ къ Новгороду и сталъ у Хутынскаго монастыря; многіе дворяне уже отбѣжали въ Литовскіе полки, Скопинъ былъ въ большомъ горѣ, какъ явились Тихвинцы съ воеводою Горихвостовымъ въ числѣ 1000 человѣкъ; за ними шли съ Евсевіемъ Рязановымъ люди, собравшіеся въ заонѣжскихъ погостахъ. Горихвостовъ сталъ въ селѣ Грузинѣ; нѣсколько крестьянъ попались въ плѣнъ къ Кернозицкому и на пыткѣ объявили, что пришло въ Грузино ратныхъ людей множество, а за ними идетъ еще большая сила. Кернозицкій испугался и отступилъ.

Съ прибытіемъ шведскаго войска, весною 1609 года, Скопинъ

началъ наступательныя дѣйствія на Тушинцевъ. Шведы подъ начальствомъ Горна и Русскіе подъ начальствомъ Чулкова и Чоглокова выгнали Кернозицкаго изъ Старой Русы, разбили при селѣ Каменкахъ въ Торопецкомъ уѣздѣ (25 Апрѣля), очистили Торопецъ, Торжокъ, Порховъ, Орѣшекъ, воевода котораго, знаменитый Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ убѣжалъ въ Тушино. Скопинъ отправилъ и ко Пскову отрядъ подъ начальствомъ князя Мещерскаго. Здѣсь лучшіе люди и духовенство сносились съ войсками Шуйскаго, желая сдать городъ Московскому царю и тѣмъ усилить свою сторону, низложить противниковъ. Стрѣльцы, козаки, мелкіе люди, крестьяне провѣдали это, отняли лошадей у лучшихъ людей и отдали ихъ стрѣльцамъ для битвъ съ отрядомъ Мещерскаго, заключили женъ отъѣхавшихъ лучшихъ людей, переписали ихъ имѣнія. Казацкій атаманъ Корсяковъ далъ знать въ Псковъ о приближеніи Мещерскаго; но лучшіе люди утаили это извѣстіе и посадили въ тюрьму гонца. Меньшіе, ничего не зная, спокойно вышли всѣ за городъ на встрѣчу иконѣ Богородицы, приносимой 28 Мая изъ Печерскаго монастыря, какъ вдругъ пушечная пальба извѣстила ихъ, что непріятель у города. Несмотря на то однако, что страшный пожаръ опустошилъ городъ, что двѣ стѣны были взорваны, стрѣльцы отбились въ своей слободѣ отъ Московскаго войска и дали время меньшимъ людямъ войти въ городъ. При этомъ дѣлѣ былъ освобожденъ изъ тюрьмы гонецъ, присланный Корсяковымъ; а въ скорости потомъ двое духовныхъ лицъ, священникъ и дьяконъ побѣжали за стѣну въ непріятельскій станъ; священникъ былъ схваченъ, преданъ пыткѣ и оговорилъ много другихъ; оговоренныхъ также пытали, тѣ оговорили еще другихъ, и тогда пролилось много крови большихъ людей. У пытокъ стояли самозванцевы воеводы; не меньшіе люди вспомнили Псковскую старину и мало слушались воеводъ; набатный колоколъ, какъ прежде вѣчевой, сзывалъ народъ на площадь, и здѣсь главнымъ былъ простой мужикъ Тимоѳей, прозвищемъ Кудекуша Трепецъ. Ему далось пуще всѣхъ, говоритъ лѣтописецъ, и воеводамъ указывалъ, и стоялъ

крѣпко у пытокъ; пристали къ нему и другіе подобные же и овладѣли городомъ. Злоба меньшихъ къ лучшимъ поджигалась все болѣе и болѣе: языки, пойманные на вылазкахъ, говорили, что большіе люди пишутъ изо Пскова, зовутъ къ себѣ на помощь воеводъ царя Василія: «и бояръ многихъ мучили, жгли и ребра ломали, и часто приходили Новгородцы съ Нѣмцами и козаками, дѣти боярскіе Новгородскіе и Псковскіе, Татары и стрѣльцы, и много было битвъ и кровопролитія, крестьянамъ и пригородамъ грабежа, и много всякой бѣды Псковичамъ.»

Увѣдомляя Скопина (отъ 2-го Іюня 1609 года) о высылкѣ противъ него Зборовскаго и Шаховскаго и о нетерпѣніи, съ какимъ Москва и всѣ города ждутъ его, царь Василій писалъ племяннику: «И тебѣ бы боярину нашему, никакъ своимъ походомъ не мѣшкать, намъ и всему нашему государству помощь на воровъ подать вскорѣ. И только Божіею милостію, и твоимъ промысломъ и радѣньемъ, государство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей освободится, Литовскіе люди твоего прихода ужаснутся и изъ нашей земли выйдутъ или, по Божіей милости, побѣду надъ собою увидятъ: то ты великой милости отъ Бога, чести и похвалы отъ насъ и отъ всѣхъ людей нашего государства сподобишься, всѣхъ людей великою радостію исполнишь, и слава дородства твоего въ нашемъ и окрестныхъ государствахъ будетъ памятна, а мы на тебя надежны какъ на свою душу.» Скопинъ еще 10 Мая выступилъ изъ Новгорода; потерявъ надежду взять Псковъ, онъ отозвалъ Мещерскаго, чтобъ, не тратя времени, съ соединенными силами спѣшить къ Москвѣ. Мы видѣли, что изъ Тушина высланъ былъ противъ него Зборовскій, у котораго было тысячъ до четырехъ войска Поляковъ и Русскихъ; послѣднихъ велъ князь Григорій Шаховской: онъ успѣлъ освободиться отъ своего заключенія во время занятія сѣверныхъ городовъ войсками самозванца и пробраться въ Тушино. У Торжка встрѣтился Зборовскій съ передовымъ отрядомъ Скопина, бывшимъ подъ начальствомъ Головина и Горна, и разбилъ его; но узнавъ отъ языковъ, что слѣдомъ идетъ самъ Скопинъ съ большимъ войскомъ, от-

ступилъ къ Твери, гдѣ соединился съ козаками Керновицкаго. Скопинъ, съ своей стороны, соединился въ Торжкѣ съ Смоленскимъ ополченіемъ, и далъ битву Зборовскому подъ Тверью: два крыла Поляковъ смяли Русскихъ и союзниковъ ихъ, но средина обратилась въ бѣгство, опомнилась только пробѣжавши нѣсколько миль, и возвратилась къ своимъ, торжествующимъ побѣду; но эта побѣда была сомнительна, потому что Шведская пѣхота не уступила поле битвы, и только ночью, когда битва прекратилась, отступила къ оставленному назади обозу. Поляки, именно тѣ, которые дѣйствовали съ успѣхомъ во время дня, совѣтовали также немедленно отступить, указывая на превосходство силъ Скопина; но тѣ, которые бѣжали, желая смыть съ себя пятно, настояли, чтобъ не уходить отъ Твери. Зборовскій требовалъ, чтобъ все войско стало въ одномъ мѣстѣ и наблюдало большую осторожность, но его не послушали: одни стали въ полѣ, а другіе въ самомъ посадѣ безо всякой осторожности; этимъ воспользовались Русскіе и Шведы, на разсвѣтѣ ударили и нанесли Полякамъ сильное пораженіе. Зборовскій былъ принужденъ отступить отъ Твери, и Скопинъ двинулся впередъ, какъ вдругъ, во 130 верстахъ отъ Москвы, получилъ вѣсть, что шедшіе за нимъ иноземцы отказываются служить подъ предлогомъ, что вмѣсто платы за четыре мѣсяца имъ дали только за два, что Русскіе не очищаютъ Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условныхъ недѣль послѣ вступленія Шведовъ въ Россію. Скопинъ, пославши уговаривать Делагарди возвратиться, самъ перешелъ Волгу подъ Городнею, чтобъ соединиться съ ополченіями сѣверныхъ городовъ, и по лѣвому берегу достигъ Колязина, гдѣ и остановился. Въ то время, какъ Зборовскій, соединившись съ Сапѣгою, безъ всякаго успѣха приступалъ къ Троицкому монастырю, Скопинъ соединился съ сѣверными отрядами и успѣлъ выпросить у Делагарди около тысячи человѣкъ иностранцевъ, которые пришли подъ начальствомъ Христіерна Сомме; тогда Сапѣга и Зборовскій, опасаясь усиленія Скопина, выступили

противъ него къ Колязину, но потерпѣли пораженіе на рѣкѣ Жабнѣ и удалились опять къ Троицкому монастырю.

Теперь главнымъ дѣломъ царя Василія и Скопина было достать какъ можно больше денегъ для уплаты иностранному войску: они слали грамоты за грамотами въ сѣверные города и монастыри съ требованіемъ денегъ на жалованье Нѣмецкимъ людямъ. Царь Василій писалъ въ Соловецкій монастырь, что «Литва и измѣнники стоятъ подъ Московскимъ государствомъ долгое время и чинятъ утѣсненье великое; и въ томъ многомъ стояньи изъ нашей казны служивымъ людямъ на жалованье много денегъ вышло, а которые монастыри въ нашей державѣ, и у нихъ всякая монастырская казна взята и роздана служилымъ людямъ. Что у васъ въ Соловецкомъ монастырѣ денежной всякой монастырской казны, или чьи поклажи есть, то вы бы тотчасъ эту казну прислали къ намъ въ Москву, и когда всесильный Богъ намъ надъ врагами побѣду подастъ и съ измѣнниками и съ ворами управимся, то мы ту монастырскую казну исполнимъ вдвое.» Скопинъ билъ челомъ Пермскимъ приказнымъ людямъ въ такихъ выраженіяхъ: «иноземцамъ, наемнымъ людямъ найму дать нечего, въ государевой казнѣ денегъ мало, извѣстно вамъ самимъ, что государь въ Москвѣ отъ враговъ сидитъ въ осадѣ больше году; что было казны и та раздана ратнымъ людямъ, которые сидѣли съ государемъ въ Москвѣ. И вамъ бы говорить гостямъ и торговымъ лучшимъ и середнимъ и всякимъ людямъ, чтобъ они для покоя и христіянской избавы, чтобъ Московское государство за наемными деньгами до конца не раззорилось, дали на наемъ ратнымъ людямъ денегъ, суконъ, камокъ, тафты, сколько кому можно; а какъ, дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, то государь велитъ тѣ деньги заплатить. Да собрать бы вамъ съ посаду и съ уѣзду, кромѣ того кто изъ воли своей дастъ, съ сохи по пятидесяти рублей денегъ, для избавы христіянскія, Нѣмецкимъ и Крымскимъ людямъ на наемъ. А у меня въ полкахъ дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ Нѣмецкимъ людямъ деньги, лошадей и платье давали

не однажды; а въ Новгородѣ митрополитъ, архимандриты, игумены, гости, посадскіе и уѣздные всякіе люди деньги, сукна и камки давали имъ сколько кому можно.» Писали къ Пермичамъ и другіе города, укоряя ихъ въ холодности къ общему дѣлу; Устюжане писали къ нимъ: «Только отъ васъ къ государю и службы, что всего 80 человѣкъ въ Ярославлѣ; а если вы теперь къ государю его казны не отпустите, и въ прибавку денегъ сбирать не станете, и ратныхъ людей не прибавите, то вамъ отъ государя какой милости ждать? А при государѣ царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ походахъ и на берегу было съ васъ по тысячѣ человѣкъ. Вся Русская земля съ государемъ страдаетъ, да и окольныя государства по нашей христіянской вѣрѣ побораютъ и государю помогаютъ: и вамъ бы, господа, помня Бога, свои души и крестное цѣлованье, одноконечно о государевѣ и о земскомъ ратномъ дѣлѣ порадѣть.» Пермичи отвѣчали Скопину, что обрадовались Божіей помощи, ему оказанной, но что требованіямъ его удовлетворить вполнѣ не могутъ, потому что сукнами, камками и тафтами у нихъ никто не торгуетъ, а собрали они девять сороковъ соболей, да черную лисицу доброхотнаго приношенія, что и высылаютъ ему тотчасъ же, послали собирать съ сохъ по пятидесяти рублей, а сборныхъ денегъ прислать не могутъ потому, что путь зимній еще не установился.» Но соболей и лисицу они прислали и не по зимнему пути: отъ чего же не могли прислать сборныхъ денегъ?

Не такъ поступили Соловецкіе монахи: въ два раза переслали они въ Москву болѣе 17,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, и даже ложку серебряную. Не такъ поступилъ и Петръ Семеновичъ Строгоновъ, какъ свидѣтельствуетъ жалованная грамота, данная ему Шуйскимъ: въ ней царь говоритъ, что Строгоновъ противъ воровъ стоялъ крѣпко безъ всякаго позыбанья, ратныхъ многихъ людей на царскую службу противъ воровъ посылалъ, города отъ шатости укрѣплялъ, да у него же брались на царя въ Москвѣ и по другимъ городамъ въ ссуду большія деньги для раздачи служилымъ лю-

дамъ на жалованье. За такія его службы и радѣнье царь его пожаловалъ, велѣлъ писать во всѣхъ грамотахъ съ: вичемъ; онъ самъ, дѣти его, племянники, люди и крестьяне вездѣ освобождались отъ суда бояръ, воеводъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей, судитъ ихъ самъ царь или кому прикажетъ; за безчестье платится ему противъ Московскаго лучшаго человѣка вдвое сто рублей; питье ему всякое про себя держать безъявочно, стояльщиковъ у него во дворахъ на Москвѣ и по инымъ городамъ Русскихъ всякихъ людей и иноземцевъ не ставить, лѣтомъ у него во дворѣ избы и мыльни топить вольно; сверхъ того, съ него самого, съ его сыновей и племянниковъ, съ его людей и крестьянъ проѣзжаго мыта, головщины и мостовщины нигдѣ не брать».

Плохо помогая деньгами царю Московскому, Пермичи обнаружили холодность и тогда, когда надобно было помочь отъ воровъ ближайшимъ къ нимъ Вятчанамъ. Напрасно Вятчане, Устюжане, Вычегодцы и Строгоновы писали къ нимъ не разъ, чтобъ они выставили своихъ ратныхъ людей противъ воровъ, козаковъ, стрѣльцовъ и Черемисъ, засѣвшихъ въ Котельничѣ: Пермичи обѣщались и не прислали ратныхъ людей. На неотступныя просьбы Вятчанъ они отвѣчали, что ратные люди у нихъ собраны и готовы выступить въ походъ, но что ихъ смущаютъ разнорѣчивыя вѣсти изъ Вятки: пишутъ имъ, что измѣнники очистили Котельничь, убѣжали въ Яренскъ, и воевода Вятскій, князь Михайла Ухтомскій, распустилъ всѣхъ сборныхъ людей, поэтому и они, Пермичи, своихъ ратныхъ людей удержали у себя; а пріѣзжій сынъ боярскій Василій Тырковъ сказывалъ, что въ Котельничѣ государевыхъ измѣнниковъ было всего 1400 человѣкъ, а у князя Ухтомскаго было ратныхъ людей въ сборѣ 12000. «Съ такимъ собраньемъ, писали Пермичи въ Вятку, можно было бы надъ государевыми измѣнниками промыслить всякими мѣрами; а то намъ кажется, что князь Михайла Ухтомскій нарочно государевыхъ измѣнниковъ изъ Котельнича упустилъ, да и не послалъ за ними, а въ Яренскъ изъ Вятки ѣздятъ объ одну ночь. Татары Ка-

ринскіе и Василій Тырковъ съ государевыми ратными людьми у князя Ухтомскаго на измѣнниковъ просились, но князь Михайла ихъ не пустилъ. И вы бы, господа, на такую князя Михайла дурость не смотрѣли, и ратнымъ людямъ со всей Вятской земли велѣли быть въ сборѣ, тотчасъ, больше прежняго, потому чтобъ государевы измѣники на васъ украдкою не пришли». Раздосадованные Вятчане отвѣчали на эту грамоту въ такихъ выраженіяхъ: «Вы къ намъ теперь писали самою глупостью, да не только что глупостью, пьянствомъ: видите надъ нами отъ враговъ раззоренье великое, у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а вы ихъ къ Вяткѣ не присылаете, съ дороги ихъ воротили. Мы на вашу глупость не смотримъ, помнимъ Бога, свои души и крестное цѣлованье: съ измѣнниками не ссылаемся, надъ ворами промышляемъ и противъ враговъ стоимъ какъ насъ милосердый Богъ вразумитъ и сколько помощи подастъ. А вы надъ собою милость Божію и пречистой Богородицы, свое крестное цѣлованье и государево жалованье забыли, рады христіанскому кровопролитію и раззоренью: Вятскую землю ворамъ на раззоренье напрасно подаете, ратныхъ людей къ намъ не присылаете и съ нами на воровъ не стоите: такъ вы сами себѣ предатели и отъ своей вамъ глупости погибнуть. Прежде этого къ вамъ были посланы два государева измѣнника, велѣно вамъ казнить ихъ смертью: а вы надъ ними ничего не сдѣлали. Смотрите, какъ служатъ и прямятъ государю Устюжане и Соль Вычегодская: прислали къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей и велѣли имъ быть на Вяткѣ до тѣхъ поръ, пока Яренскъ очистится. Такъ вы бы глупость свою покинули, непремѣнно прислали бы къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей тотчасъ, чтобъ Вятской землѣ помочь и ворамъ не подать, да и самимъ бы вамъ отъ враговъ въ раззореньи не быть. Вы розсказнямъ Тыркова вѣрите, а нашему письму не вѣрите: такъ вамъ бы самимъ такимъ пьянымъ всегда быть, какъ былъ пьянъ на Вяткѣ Василій Тырковъ». Намъ теперь трудно оправдать Пермичей: прямо видно желаніе ихъ медлить, дожидаться времени.

не обременять себя пожертвованіями; предлогъ, подъ которымъ они отказали Вятчанамъ въ помощи, былъ ничтожный. Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣли они, мимо отписокъ воеводы и міра, повѣрить рѣчамъ какого то Тыркова, который могъ лгать на Ухтомскаго по личнымъ отношеніямъ, особенно когда другіе города писали то же, что и Вятчане и посылали ратныхъ людей къ нимъ на помощь. Еслибъ даже извѣстія Тыркова были и справедливы, то во всякомъ случаѣ Пермичи должны были тотчасъ двинуться къ Вяткѣ, ибо если Ухтомскій дѣйствовалъ плохо по трусости, то они должны были ободрить его своимъ приходомъ; если же онъ благопріятствовалъ ворамъ, то Пермичи должны были спѣшить въ Вятку, чтобъ уничтожить всѣ крамолы; но измѣну Ухтомскаго предположить трудно, ибо онъ не сталъ бы тогда созывать къ себѣ отовсюду на помощь ратныхъ людей, вѣрныхъ царю Московскому. Наконецъ противъ Пермичей свидѣтельствуютъ и прежнія и послѣдующія ихъ нерѣшительность и недѣятельность. Когда Ухтомскаго смѣнилъ въ Вяткѣ воевода Мансуровъ, то и онъ писалъ также къ Пермичамъ о немедлѐнной присылкѣ ратныхъ людей и наряда, но и ему Пермичи отвѣчали, что у нихъ много ратныхъ людей было въ сборѣ, но что прежній воевода, князь Ухтомскій, писалъ къ нимъ объ уходѣ измѣнниковъ изъ Котельнича въ Яренскъ, и чтобъ они ратныхъ людей не присылали, по этому они и распустили войско; наряду у нихъ въ Перми лишняго нѣтъ, а какой есть, тотъ надобенъ самимъ. Не смотря на такую холодность къ общему дѣлу, Шуйскій далъ Пермичамъ грамоту, въ которой, за службу и радѣнье, освобождалъ ихъ отъ сбора по 50 рублей съ сохи.

Когда дѣла шли такимъ образомъ на сѣверовостокѣ, князь Скопинъ, стоя въ Колязинѣ, занимался обученіемъ своихъ сѣверныхъ новобранцевъ, при чемъ ревностно помогалъ ему Шведъ Сомме, а съ другой стороны шли дѣятельные переговоры съ Делагарди касательно возвращенія его отряда снова на службу царскую. Царь Василій принужденъ былъ поспѣшить исполненіемъ Выборгскаго договора и послалъ въ Корелу

приказъ очистить этотъ городъ для Шведовъ. Между тѣмъ одинъ отрядъ, высланный Скопинымъ, занялъ Переяславль Залѣсскій, съ другой стороны приближался бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, который безпрепятственно вошелъ въ Муромъ и взялъ приступомъ Касимовъ. Въ Касимовѣ явился къ нему изъ Москвы отъ царя князь Прозоровскій съ жалованнымъ словомъ за службу, что царю Василью служилъ и прямилъ; но Прозоровскій долженъ былъ также сказать Шереметеву, что идетъ медленно, государевымъ дѣломъ не радѣетъ. Такимъ образомъ Шереметевъ получилъ и похвалу, и выговоръ въ одно время, за одно и тоже дѣло, товарищъ его Иванъ Салтыковъ былъ взятъ въ Москву: его, какъ видно, считали главнымъ виновникомъ медленности и нерадѣнья. Шереметевъ послѣ того перешелъ во Владиміръ.

Такимъ образомъ сѣверъ очищался и главныя рати царя Василія съ востока и запада сходились къ Москвѣ, чтобъ подъ ея стѣнами дать рѣшительный бой царю Тушинскому, царю южной части государства, прежепогибшей украйны и степей козацкихъ. Побѣда Скопина надъ Зборовскимъ сильно встревожила Тушино: Самозванецъ писалъ Сапѣгѣ, чтобъ тотъ, бросивъ осаду Троицкаго монастыря, спѣшилъ на защиту Тушина: «Непріятель, пишетъ Лжедимитрій, вошелъ въ Тверь почти на плечахъ нашего войска. Мы не разъ уже писали вамъ, что не должно терять времени за курятниками, которые безъ труда будутъ въ нашихъ рукахъ, когда Богъ увѣнчаетъ успѣхомъ наше предпріятіе. Теперь же, при перемѣнѣ счастья, мы тѣмъ болѣе просимъ оставить тамъ все и спѣшить какъ можно скорѣе со всѣмъ войскомъ вашимъ къ главному стану, давая знать и другимъ, чтобъ спѣшили сюда же. Просимъ, желаемъ непремѣнно и подтверждаемъ, чтобъ вы иначе не дѣйствовали». Не довольствуясь этимъ, самозванецъ приписалъ собственноручно: «Чтобъ спѣшилъ какъ можно скорѣе» [90]. Но гроза поднималась надъ Тушиномъ съ другой стороны.

ГЛАВА VI.

ОТЪ ВСТУПЛЕНІЯ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА ПОЛЬСКАГО ВЪ ПРЕДѢЛЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ДО СВЕРЖЕНІЯ СЪ ПРЕСТОЛА ШУЙСКАГО.

Мы видѣли, что при вступленіи Шуйскаго на престолъ королю Сигизмунду, угрожаемому страшнымъ рокошемъ, было не до Москвы. Но рокошъ кончился торжествомъ короля, который имѣлъ теперь возможность заняться дѣлами внѣшними, а между тѣмъ въ дѣла Московскаго государства вмѣшалась чуждая и враждебная Польшѣ держава. Сигизмундъ еще могъ ждать спокойно развязки дѣлъ, пока Шуйскій боролся съ самозванцемъ; но когда Шуйскій завелъ переговоры съ Шведами, съ Карломъ IX, заклятымъ врагомъ Сигизмунда и Польши, когда между царемъ Московскимъ и королемъ Шведскимъ заключенъ былъ вѣчный союзъ противъ Польши, тогда Сигизмундъ оставаться въ покоѣ не могъ; съ другой стороны послы Польскіе, возвратившіеся изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только ему показаться съ войскомъ въ предѣлахъ Московскихъ, какъ бояре заставятъ Шуйскаго отказаться отъ престола и провозгласятъ царемъ королевича Владислава. Послѣ Сигизмундъ объявлялъ Испанскому королю, что онъ предпринялъ Московскую войну во первыхъ

для отмщенія за недавнія обиды, за нарушеніе народнаго права, потомъ, чтобъ дать силу своимъ наслѣдственнымъ правамъ на престолъ Московскій, ибо предокъ его Ягайло былъ сыномъ княжны Русской и женатъ былъ также на княжнѣ Русской, наконецъ, чтобъ возвратить области, отняться у его предковъ князьями Московскими. Походъ былъ впрочемъ предпринятъ не изъ однихъ частныхъ выгодъ короля, но и для блага всего христіянства: король видѣлъ, что колеблющемуся государству Московскому съ одной стороны угрожаютъ Турки и Татары, съ другой еретическіе государи: въ войскахъ Шуйскаго были Татары, были еретики Французы, Голландцы, Англичане, набранные тѣми (Шведами), которые хотѣли, заключивъ союзъ противъ Польши съ варварами, истребить католическую религію, и основать еретическое государство съ титуломъ Имперіи, который Москвитяне себѣ присвоиваютъ. Король отправился къ Московскимъ границамъ, повѣстивъ сенаторамъ, что ѣдетъ въ Литву для наблюденія за войною со Шведами въ Ливоніи и за ходомъ дѣлъ въ Россіи, обѣщаясь имѣть въ виду только однѣ выгоды республики; въ Люблинѣ объявилъ сеймовымъ депутатамъ, что все добытое на войнѣ Московской отдастъ республикѣ, ничего не удержитъ для себя. Эти обязательства очень важны для насъ: они устанавливаютъ точку зрѣнія, съ какой мы должны смотрѣть на поведеніе Сигизмунда относительно Московскаго государства. Мы не можемъ упрекать Сигизмунда въ близорукости, въ безразсудномъ упрямствѣ, упрекать его за то, что онъ непремѣнно хотѣлъ взять Смоленскъ, не послалъ тотчасъ сына своего Владислава въ Москву, раздражилъ тѣмъ Русскихъ и произвелъ возстаніе, окончившееся изгнаніемъ Поляковъ. Мы прежде всего должны обратить вниманіе на положеніе Сигизмунда, который не могъ заботиться о своихъ династическихъ выгодахъ, обязавшись думать только о выгодахъ республики: какъ бы онъ могъ возвратиться въ Польшу и явиться на сеймъ, потративши Польскую кровь и деньги для того только, чтобъ посадить сына своего на Московскій престолъ, если это посаженіе не

доставляло Польшѣ никакой непосредственной выгоды? Польскій престолъ былъ избирательный: по смерти Сигизмунда сынъ его Владиславъ, царь Московскій, могъ быть избранъ королемъ Польскимъ и нѣтъ: и прежніе цари Московскіе бывали искателями Польскаго престола, но не достигали его по невозможности согласить интересы Польскіе съ Московскими, а эта невозможность должна была существовать и при Владиславѣ, потому что если бы онъ, сидя на Московскомъ престолѣ, вздумалъ быть полезенъ Польшѣ, то ему могли приготовить участь Лжедимитрія. Другое дѣло, если бы Москва покорилась самому королю Сигизмунду, то есть присоединилась къ Польшѣ: это было выгодно для послѣдней, и Сигизмундъ могъ добиваться этого; но прежде онъ долженъ былъ овладѣть какою-нибудь областію для Польши, чтобы достигнуть цѣли своего похода, доставить рѣчи посполитой что-нибудь вѣрное, тогда какъ овладѣніе Москвою было такимъ предпріятіемъ, котораго успѣхъ былъ очень сомнителенъ. Гетманъ Жолкѣвскій писалъ къ королю, что всѣ думаютъ, будто король выступилъ въ походъ для собственныхъ выгодъ, а не для выгодъ республики, и потому не только простой народъ, но и сенаторы неохотно объ этомъ говорятъ, необходимо слѣдовательно увѣрить сенаторовъ въ противномъ. Понятно послѣ этого, что Сигизмундъ долженъ былъ спѣшить этимъ увѣреніемъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, спѣшить пріобрѣтеніемъ для республики, а не для себя какого-нибудь важнаго мѣста въ Московскихъ владѣніяхъ. Издавна Смоленскъ былъ предметомъ спора между Москвою и Литвою; наконецъ первой удалось овладѣть имъ. Но Литва не могла позабыть такой важной потери, ибо этотъ городъ, ключь Днѣпровской области, считался твердынею неприступною. Сигизмунда увѣдомляли, что воевода Смоленскій Шеинъ и жители охотно сдадутся ему; король не хотѣлъ упускать такого удобнаго случая и двинулся къ Смоленску, вопреки совѣтамъ гетмана Жолкѣвскаго, который хотѣлъ вести войско въ Сѣверскую землю, гдѣ худо укрѣпленные городки не могли оказать упорнаго сопротивленія.

Какъ смотрѣли въ это время въ Польшѣ на дѣла Моск-скія, на цѣль похода Сигизмундова, можно видѣть изъ пис какого-то Отоевскаго изъ Польши къ какому-то Вашійско въ Ливонію отъ 12 Декабря 1608 года. Отоевскій пишетъ наймѣ Шведами полковъ на помощь Шуйскому, при чемъ пр бавляетъ: «Намъ теперь слѣдуетъ положиться во всемъ на все могущаго Бога и держать надежду на тѣхъ, которые тепер въ Русской землѣ пасутся, потому что имъ до сихъ поръ все сходило съ рукъ счастливо; Русскіе своимъ государямъ, которымъ они крестъ цѣловали, толпами измѣняютъ и землю свою нашимъ отдаютъ, и теперь здѣсь широкая молва, что наши мало не всею Русскою землею овладѣли, кромѣ Москвы, Новгорода и другихъ небольшихъ городовъ. Я вамъ объявляю, что на будущемъ сеймѣ постановятъ такое рѣшеніе: видя легкоуміе и непостоянство Московскихъ людей, которымъ ни въ чемъ вѣрить нельзя, надобно разорить шляхту и купцовъ и развести въ Подолію или въ другія дальнія мѣста, а на ихъ мѣсто посадить изъ нашихъ земель добрыхъ людей, на которыхъ бы можно было въ нужное время положиться. Теперь намъ этимъ дѣломъ надобно промыслить раньше: прежде чѣмъ придутъ Шведы надобно Шуйскаго со всѣми его пріятелями разорить и искоренить до основанія.» Изъ этого письма мы видимъ, какъ союзъ Шуйскаго со Шведами вывелъ Поляковъ изъ бездѣйствія, понудилъ ихъ ускорить рѣшительными мѣрами относительно Москвы. Съ другой стороны видимъ, что цѣлію королевскаго похода для Поляковъ было покореніе Московскаго государства Польшѣ, а не возведеніе на Московскій престолъ сына королевскаго. Но если Поляки хотѣли воспользоваться смутнымъ состояніемъ Московскаго государства для его завоеванія, то это завоеваніе не могло быть легко, когда бы Поляки вступили въ Московскія области съ явно враждебнымъ видомъ, съ явно высказанною цѣлію завоеванія. Москва была раздѣлена между двумя искателями престола; чтобъ облегчить себѣ завоеваніе Русскихъ областей, Польша должна была выставить также искателя, именно королевича Владислава, на

котораго еще при жизни перваго Лжедимитрія указывали бояре, о которомъ нѣкоторые изъ нихъ думали и теперь, какъ доносили Сигизмунду; и такъ посаженіе Владислава на престолъ Московскій было только предлогомъ для достиженія цѣли, но не могло быть цѣлію Сигизмундова похода.

Обо всѣхъ замыслахъ и движеніяхъ въ Польшѣ зналъ Смоленскій воевода Шеинъ, который посылалъ въ Литву за рубежъ своихъ лазутчиковъ; они приносили ему вѣсти, слышанныя ими отъ своихъ сходниковъ, т. е. людей подкупленныхъ, которые, сходясь въ условленныхъ мѣстахъ съ Русскими лазутчиками, увѣдомляли ихъ обо всемъ, что у нихъ дѣлалось. Но не отъ однихъ лазутчиковъ - крестьянъ узнавалъ Шеинъ Польскія новости: у него былъ подкупленъ въ Польшѣ какой-то Янъ Войтеховъ, который непосредственно на письмѣ доносилъ ему обо всемъ. Въ Мартѣ 1609 года Войтеховъ писалъ ему, что по окончаніи сейма королевичь хотѣлъ было идти на Москву, но пріѣхалъ воевода Сендомирскій и посолъ отъ Лжедимитрія вмѣстѣ съ послами отъ Тушинскихъ Поляковъ съ просьбою къ королю и панамъ, чтобъ королевича на Московское царство не слали, ибо они присягнули Тушинскому царю головы свои положить, хотя бъ и противъ своей братьи. Войтеховъ сообщилъ также вѣсти и изъ Тушинскаго стана, писалъ, что крутиголова Димитрій хочетъ оставить Тушино и утвердиться на новомъ мѣстѣ, потому что весною смрадъ задушитъ войско, весною же хочетъ непремѣнно добыть и Москву. Войтеховъ писалъ, что Сендомирскій воевода на сеймѣ именемъ Димитрія обязался отдать Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, и еслибъ Мнишекъ въ этомъ не присягнулъ, то Поляки непремѣнно хотѣли посадить королевича на царство Московское. Войтеховъ писалъ также, что много купцовъ Польскихъ пріѣхало домой изъ Тушина и сказываютъ, будто Лжедимитрій хочетъ бѣжать, боясь Рожинскаго и козаковъ, что у него нѣтъ денегъ на жалованье Польскому войску, которое будто бы говоритъ: «Если бы царь Московскій заплатилъ намъ, то мы воровъ выдали бы, а изъ земли Москов-

ской вышли»; что Шуйскому стоитъ только привлечь къ себѣ Заруцкаго съ его Донскими козаками, и тогда можно сжечь Тушинскіе таборы. О самомъ себѣ Войтеховъ писалъ: «Пришлите мнѣ пожалуйста бобра добраго черпаго самороднаго, потому что меня слово обошло за прежнее письмо къ вамъ: такъ надобно что-нибудь въ очи закинуть.» Шеину сообщали также слухи, ходившіе въ Литвѣ о самозванцахъ, писали, что воръ Тушинскій пришелъ съ Бѣлой на Велижъ, звали его Богданомъ, и жилъ онъ на Велижѣ шесть недѣль, а пришелъ онъ съ Бѣлой въ скорости, какъ убили Разстригу, сказывалъ, что былъ у разстриги писаремъ ближнимъ; съ Велижа съѣхалъ съ однимъ Литвиномъ въ Витепскъ, изъ Витепска въ Польшу, а изъ Польши объявился воровскимъ имененъ. Петрушка, что сидѣлъ въ Тулѣ, и теперь живетъ въ Литвѣ, и прямой онъ сынъ царя Ѳедора, а вмѣсто его въ Москвѣ повѣсили мужика. Борисовъ сынъ, Ѳедоръ Годуновъ, также живъ и теперь у цесаря христіанскаго.

Между тѣмъ у пограничныхъ жителей Московскихъ и Литовскихъ по обычаю происходили ссоры, наѣзды. По этому поводу начальники пограничныхъ областей — староста Велижскій, Александръ Гонсѣвскій, бывшій недавно посломъ въ Москвѣ, и Смоленскій воевода Шеинъ, должны были войдти въ сношенія другъ съ другомъ. Гонсѣвскій звалъ Шеина на порубежный съѣздъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ; Шеинъ, въ такое смутное время, боялся принять на себя за это отвѣтственность, особенно когда ему доносили, что Гонсѣвскій нарочно для того и пріѣхалъ въ Велижъ, чтобъ подговорить Смольнянъ къ сдачѣ королю. Шеинъ упрекалъ Гонсѣвскаго за то, что онъ не выполнилъ условій довогора, заключеннаго имъ съ товарищами въ Москвѣ, что Поляки не выведены изъ Московскаго государства, и отъ того происходитъ страшное кровопролитіе. Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Ты хочешь, чтобъ Польскіе и Литовскіе люди были выведены изъ Московскаго государства: но какимъ образомъ это сдѣлать? Грамотами королевскими? Грамоты были посланы къ намъ; король хотѣлъ послать еще гон-

ца, и велѣлъ мнѣ обо всемъ этомъ переговорить съ тобою: но вы сами отъ добраго дѣла бѣгаете, держась своего обычая Московскаго: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣрите; этотъ обычай теперь ввелъ царство Московское въ погибель. Я, зная, что у васъ, у государей и въ народѣ такой довѣренности, какъ у насъ, нѣтъ, и тебѣ, по обычаю Московскому, нельзя было со мною съѣздъ устроить, зная это, я писалъ тебѣ, чтобъ ты объявилъ о дѣлѣ архіепископу и другимъ Смольнянамъ, и съ ихъ вѣдома съѣздъ устроилъ: но и это не помогло. Припоминая себѣ дѣла Московскія, къ которымъ, будучи въ Москвѣ, приглядѣлся и прислушался, также и нынѣшнее ваше поведеніе видя, я дивлюсь тому: что ни дѣлаете, все только на бо́льшее кровопролитіе и на пагубу государству своему.» Гонсѣвскій былъ правъ на словахъ, но вовсе неправъ на дѣлѣ, потому что онъ-то и извѣстилъ короля о желаніи бояръ имѣть царемъ Владислава, онъ-то и теперь всѣхъ больше хлопоталъ о сдачѣ Смоленска, какъ прямо самъ король сказалъ Жолкѣвскому; слѣдовательно извѣстія, полученныя Шеинымъ о замыслахъ Гонсѣвскаго, были вполнѣ справедливы, и Шеинъ имѣлъ полное право не довѣрять Велижскому старостѣ.

Надобно было готовиться къ оборонѣ, принимать мѣры предосторожности; но въ такое смутное время трудно было разсчитывать на всеобщее усердіе, на всеобщее повиновеніе: стрѣлецкіе сотники и дѣти боярскіе отказывались стоять на сторожѣ противъ Поляковъ. А между тѣмъ изъ-за границы приходили вѣсти одна другой страшнѣе о движеніяхъ Сигизмунда. Донесеніе Войтехова, что обѣщанія Мнишка, данныя на сеймѣ, удержали Поляковъ отъ войны, оказалось ложнымъ; въ Маѣ 1609 года лазутчики донесли Шеину, что король строго запретилъ Сендомирскому воеводѣ и всѣмъ вообще Полякамъ ходить къ Москвѣ. Въ Іюлѣ доносили, что Гонсѣвскій идетъ съ нарядомъ подъ Смоленскъ, что туда же, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, ждутъ самого Сигизмунда, что Гонсѣвскій приводилъ жителей пограничныхъ Московскихъ волостей къ присягѣ на имя королевское. Вѣсти были справедливы. Въ Минскѣ съѣхался

съ королемъ гетманъ Жолкѣвскій и разспрашивалъ о подробностяхъ касательно предпринимаемаго похода, хотѣлъ знать, что ручается королю за успѣхъ его? Тѣ, которые обнадеживали Сигизмунда, говорили, что пока онъ находится далеко, то боярамъ Московскимъ трудно отозваться въ его пользу, и потому, чтобъ заставить ихъ высказать свое расположеніе, королю необходимо спѣшить къ границамъ. Въ Минскъ пришло письмо отъ Гонсѣвскаго, который настаивалъ, чтобъ король какъ можно скорѣе выступалъ подъ Смоленскъ беззащитный, ибо ратные люди Смоленскіе ушли на помощь къ Скопину. Сигизмундъ выѣхалъ изъ Минска, и въ Оршѣ свидѣлся съ Литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, который также убѣждалъ короля спѣшить походомъ. Сапѣга пошелъ впередъ къ Смоленску, безпрестанными записками побуждая къ скорости и Жолкѣвскаго, которому очень не нравилась вся эта поспѣшность и, какъ ему казалось, необдуманность: опытному полководцу странно было предположить, что такая сильная крѣпость, какъ Смоленскъ, захочетъ сдаться войску, въ которомъ было только 5000 пѣхоты. Не смотря на то, 19 Сентября нетерпѣливый Сапѣга уже стоялъ подъ Смоленскомъ, 21-го прибылъ туда и самъ король; всего войска собралось, кромѣ 5000 пѣхоты, 12,000 конницы, 10,000 козаковъ Запорожскихъ и неопредѣленное число Татаръ Литовскихъ; Запорожцевъ было также не всегда одинакое число, потому что часть ихъ отъѣзжала за кормами; въ числѣ 12,000 конницы было много волонтеровъ, которые, набравши добычи, разбѣгались. Число осажденныхъ, способныхъ къ оборонѣ, полагаютъ до 70,000:

Перейдя границу, Сигизмундъ отправилъ въ Москву складную грамоту, а въ Смоленскъ универсалъ, въ которомъ говорится, что по смерти послѣдняго Рюриковича, царя Θеодора, стали Московскими государями люди не царскаго рода, и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростію и обманомъ, въ слѣдствіе чего возстали братъ на брата, пріятель на пріятеля, что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей Московскаго государства и даже изъ самой

Москвы, видя такую гибель, били челомъ ему, Сигизмунду, чтобъ онъ, какъ царь христіанскій и наиближайшій родичь Московскаго государства, вспомнилъ свойство и братство съ прирожными, старинными государями Московскими, сжалился надъ гибнущимъ государствомъ ихъ. И вотъ онъ Сигизмундъ самъ идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь русскую, но чтобъ оборонять Русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи православной Русской вѣры. Потому Смольняне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало, въ противномъ же случаѣ войско королевское не пощадитъ никого. Смольняне отвѣчали королю, что у нихъ обѣтъ положенъ въ дому у Пречистой Богородицы: за православную вѣру, за святыя церкви, за царя и за царское крестное цѣлованіе всѣмъ помереть, а Литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться. Посады были пожжены, жены и дѣти служилыхъ людей, бывшихъ въ войскѣ Скопина, перебрались изъ уѣзда въ крѣпость; но крестьяне въ осаду не пошли и даточныхъ людей не дали, потому что король обольстилъ ихъ вольностію. Смольняне посылали челобитныя въ Москву съ просьбою о помощи; но вмѣсто помощи царь Василій могъ присылать имъ только милостивыя грамоты. Не смотря на то, осажденные рѣшились защищаться отчаянно, и если вступали въ переговоры съ королемъ, то единственно для того, чтобъ выиграть время. При этихъ переговорахъ Смольняне прямо говорили посланнымъ королевскимъ, что они хвалятъ Сигизмунда за его доброе расположеніе, но опасаются его подданныхъ, на которыхъ положиться нельзя. Еслибы король и обѣщалъ что-нибудь подъ клятвою, то Поляки не сдержатъ его слова, по примѣру стоявшихъ подъ Москвою, которые, увѣряя, что сражаются за Русскихъ, сами забираютъ семейства ихъ и раззоряютъ волости. Такимъ образомъ кромѣ враждебныхъ пограничныхъ отношеній, издавна господствовавшихъ между Литвою и Смольнянами, послѣдніе не могли сдаться Сигизмунду въ слѣдствіе слабости королевской власти въ Польшѣ, въ слѣдствіе недостатка ручательства въ томъ, что обяза-

тельства королемъ данныя будутъ исполнены его подданными. Нѣкоторые изъ Смольнянъ объявили еще, что они не хотятъ терпѣть отъ Поляковъ тогоже, что терпѣли отъ нихъ жители Москвы во время перваго Лжедимитрія, и потому рѣшились умереть вѣрными царю Василію, и скорѣе собственными руками умертвятъ своихъ женъ, чѣмъ согласятся видѣть ихъ въ рукахъ Поляковъ. Трудно было полагаться и на обѣщанія самого Сигизмунда, который, увѣряя Смольнянъ, что будетъ охранять, ихъ вѣру, въ Польшѣ объявлялъ, что началъ войну преимущественно для славы Божіей, для распространенія католической религіи. Между причинами, побуждавшими Смольнянъ къ сопротивленію, можно положить еще и ту, что служилые люди Смоленскіе были въ войскѣ Скопина, а семейства ихъ сидѣли въ осадѣ въ Смоленскѣ: эти семейства, разумѣется, всѣми силами должны были противиться сдачѣ города Сигизмунду, ибо тогда они были бы разлучены съ своими; съ другой стороны, присутствіе Смоленскихъ служилыхъ людей въ станѣ Скопина одушевляло осажденныхъ надеждою, что земляки ихъ непремѣнно явятся на помощь къ нимъ, на выручку семействъ своихъ. Наконецъ указываютъ еще причину сопротивленія, именно со стороны богатѣйшихъ купцовъ Смоленскихъ: они дали въ долгъ Шуйскому много денегъ: еслибы они сдались Сигизмунду, то эти деньги пропали бы.

Съ самаго начала осада пошла неудачно; осажденные позволяли себѣ очень смѣлыя вещи: однажды шестеро смѣльчаковъ переѣхали изъ крѣпости въ лодкѣ черезъ Днѣпръ къ шанцамъ непріятельскимъ, среди бѣлаго дня схватили знамя и благополучно ушли съ нимъ обратно за рѣку. 12 Октября король велѣлъ своему войску идти на приступъ: разбивши ворота петардою, часть войска ворвалась было въ городъ, но не получила подкрѣпленія отъ своихъ и была вытѣснена осажденными. Подкопы также неудавались, потому что осажденные имѣли при стѣнахъ въ землѣ тайные подслухи. Не Смоленскъ, но Тушино испытало на себѣ весь вредъ отъ королевскаго похода: когда здѣсь узнали объ этомъ походѣ, то началось

сильное волненіе; Поляки кричали, что Сигизмундъ пришелъ за тѣмъ, чтобъ отнять у нихъ заслуженныя награды и воспользоваться выгодами, которыя они пріобрѣли своею кровію и трудами. Гетманъ Рожинскій былъ первый противъ короля, потому что въ Тушинѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а въ войскѣ королевскомъ не могъ имѣть такого значенія. Онъ собралъ коло и, разумѣется, легко уговорилъ товарищей своихъ не отказываться отъ цѣли уже столь близкой и дать другъ другу присягу ни съ кѣмъ не входить въ переговоры и не оставлять Димитрія, но, посадивъ его на престолъ, требовать всѣмъ вмѣстѣ награжденія; если же царь станетъ медлить, то захватить области Сѣверскую и Рязанскую и кормиться доходами съ нихъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ полнаго вознагражденія. Всѣ Поляки охотно подписали конфедераціонный актъ и отправили къ королю подъ Смоленскъ пословъ, Мархоцкаго съ товарищи, съ просьбою, чтобъ онъ вышелъ изъ Московскаго государства и не мѣшалъ ихъ предпріятію. Рожинскій хотѣлъ уговорить и Сапѣгу къ конфедераціи, для чего поѣхалъ самъ къ нему въ станъ подъ Троицкій монастырь; но Сапѣга не рѣшился на мѣру, которая вела къ открытой борьбѣ съ королемъ.

Между тѣмъ Скопинъ, соединившись опять съ Делагарди, двинулся изъ Колязина на Александровскую слободу, откуда передовой отрядъ его, подъ начальствомъ Волуева и Сомме, вытѣснилъ Поляковъ. Скопинъ остановился въ слободѣ, дожидаясь Шереметева и новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи; онъ медлилъ, а Москва опять терпѣла голодъ, покупали четверть по семи рублей и народъ волновался, кричали, что лгутъ, будто придетъ скоро князь Михайла Васильевичъ, приходили въ кремль міромъ къ царю Василью, шумѣли и начинали мыслить опять къ Тушинскому вору. Въ это мятежное время вдругъ пришла станица отъ Скопина съ письмомъ къ царю, царь послалъ письмо къ патріарху и настала въ Москвѣ радость, зазвонили въ колокола, начали пѣть молебны. Но радовались не долго,

потому что голодъ все усиливался: крестьянинъ Сальковъ съ толпою Русскихъ воровъ перехватилъ Коломенскую дорогу, по которой шли въ Москву запасы изъ земли Рязанской, свободной отъ Тушинцевъ; царь выслалъ противъ него одного воеводу, но Сальковъ разбилъ его; выслалъ другаго — тотъ ничего не сдѣлалъ разбойникамъ, наконецъ вышелъ третій воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и разбилъ Салькова на голову на Владимирской дорогѣ, на рѣчкѣ Пехоркѣ; на четвертый день послѣ битвы Сальковъ явился въ Москву съ повинною: у него изо всей шайки осталось только 30 человѣкъ. Въ самой Москвѣ козаки завели измѣну: атаманъ Гороховой, которому пришла очередь стоять въ Красномъ селѣ, снесся съ Тушинцами и сдалъ имъ Красное село: Тушинцы выжгли его; мало этого, подведенные также измѣнниками, они подкрались ночью къ деревянному городу и зажгли его; Москвичи отбили ихъ и затушили пожаръ: выгорѣло саженъ сорокъ. Скопинъ все стоялъ въ Александровской слободѣ. Сапѣга пошелъ туда изъ подъ Троицкаго монастыря, разбилъ высланный противъ него Скопинымъ отрядъ, но не могъ осилить самого Скопина и, послѣ жаркаго боя съ нимъ, возвратился опять подъ Троицу. Послѣ этого онъ уговаривалъ Рожинскаго дѣйствовать вмѣстѣ противъ Скопина; но тотъ, раздосадованный отказомъ Сапѣги приступить къ конфедераціи, отказался помогать ему и уѣхалъ въ Тушино, которому король скоро нанесъ послѣдній ударъ.

Въ то время, какъ Тушинскіе Поляки отправили пословъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, король отправилъ своихъ пословъ въ Тушино, пана Станислава Стадницкаго съ товарищами. Они должны были внушать Полякамъ, что имъ гораздо приличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній, и что они прежде всего должны заботиться о выгодахъ Польши и Литвы. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе изъ казны Московской въ томъ случаѣ, когда соединенными силами Москва будетъ покорена, притомъ обѣщалъ, что

они будутъ получать жалованье съ того времени, какъ соединятся съ полками его; начальнымъ людямъ сулилъ богатыя награды не только въ Московскомъ государствѣ, но и въ Польшѣ. Что же касается до Русскихъ Тушинцевъ, то Сигизмундъ уполномочилъ пословъ обѣщать имъ сохраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества, и богатыя награды, если они предадутся ему. Съ другой стороны послы должны были войти въ сношеніе съ самимъ Шуйскимъ и начальными людьми въ Москвѣ, передать имъ грамоты королевскія. Грамота къ Шуйскому (отъ 12 Ноября 1609 г. н. с.) начинается упрекомъ за дурной поступокъ съ послами Польскими при возстаніи на самозванца, потомъ король продолжаетъ: «Ты заключилъ перемиріе съ этими послами нашими, вымогая на нихъ силою, по своей волѣ, дѣла трудныя, чтобъ мы свели своихъ людей, которые противъ воли нашей въ землю Московскую вошли съ человѣкомъ Москвичемъ, называющимся Дмитріемъ Ивановичемъ; ты велѣлъ нашимъ посламъ цѣловать на этомъ крестъ; но мы этого условія не приняли, и ты къ намъ пословъ своихъ за подтвержденіемъ перемирья не присылалъ, и самъ разными способами его нарушилъ: людей нашихъ, въ Москвѣ задержанныхъ и въ заточенье разосланныхъ, ты до 28 Сентября 1608 года на рубежѣ не поставилъ, какъ было договорено, иныхъ до сихъ поръ задержалъ, а нѣкоторыхъ послѣ перемирья велѣлъ побить, за невинно побитыхъ людей нашихъ и за разграбленіе имущества ихъ удовлетворенія не сдѣлалъ; сверхъ того съ непріятелемъ нашемъ Карломъ Зюдерманландскимъ ссылался, казною ему противъ насъ помогалъ. Мы однако хотимъ Московское государство успокоить, и для того отправляемъ къ людямъ нашимъ, которые стоятъ подъ Москвою таборами, пословъ нашихъ великихъ, пана Станислава Стадницкаго съ товарищами, и тебѣ объ этомъ объявляемъ, чтобъ ты боярамъ своимъ думнымъ велѣлъ съ нашими послами съѣхаться на безопасномъ мѣстѣ подъ Москвою и о добрыхъ дѣлахъ договоръ постановить для унятія этой войны въ Московскомъ государствѣ.» Грамоты къ патріарху и всему духовенству заключали въ себѣ слѣдую-

щее: «Такъ какъ въ государствѣ Московскомъ съ давняго времени идетъ большая смута и разлитіе крови христіанской, то мы, сжалившись, пришли сами своею головою, не для того, чтобъ желали большей смуты и пролитія крови христіанской въ вашемъ государствѣ, но для того, чтобъ это великое государство успокоить. Если захотите нашу королевскую ласку съ благодарностію принять и быть подъ нашею рукою, то увѣряемъ васъ нашимъ господарскимъ истиннымъ словомъ, что вѣру вашу православную правдивую Греческую, всѣ уставы церковные и всѣ обычаи старинные, цѣло и не нарушимо будемъ держать, не только оставимъ при васъ старыя отчины и пожалованія, но и сверхъ того всякою честью, вольностію и многимъ жалованьемъ васъ, церкви Божіи и монастыри одаривать будемъ.» Грамота къ боярамъ и всѣмъ людямъ Московскимъ была точно такого же содержанія.

Послы, отправленные изъ Тушина къ королю, и королевскіе, отправленные въ Тушино, встрѣтились въ Дорогобужѣ; послы королевскіе допытывались у Тушинскихъ, зачѣмъ они ѣдутъ къ Смоленску, но тѣ не сказали имъ ничего. Пріѣхавъ подъ Смоленскъ, Тушинскіе послы правили посольство сперва предъ королемъ, потомъ предъ рыцарствомъ. Рѣчь, произнесенная предъ королемъ при почтительныхъ формахъ, была самаго непочтительнаго содержанія: Тушинцы объявляли, что король не имѣетъ никакого права вступаться въ Московское государство и лишать ихъ награды, которую они пріобрѣли у царя Димитрія своими трудами и кровію. Получивъ отъ короля суровый отвѣтъ, Тушинскіе послы отправились немедленно изъ-подъ Смоленска и пріѣхали въ Тушино прежде коммиссаровъ королевскихъ. Выслушавши ихъ донесеніе, Рожинскій съ товарищами начали совѣтоваться, принимать ли королевскихъ коммиссаровъ, или нѣтъ? потому что прежде они уговорились стоять при Димитріи и не входить ни съ кѣмъ въ переговоры, если бы кто захотѣлъ вести ихъ съ ними, а не съ царемъ. Рожинскій, Зборовскій и многіе другіе начальные люди утверж-

ли, что должно оставаться при первомъ рѣшеніи. Но войско не соглашалось: въ таборахъ пронесся слухъ, что у короля много денегъ и можетъ онъ заплатить жалованье войску, если оно, отступивши отъ Димитрія, перейдетъ на его сторону. Въ это время явился посланный отъ Сапѣги и отъ всего войска, стоявшаго подъ Троицкимъ монастыремъ, и потребовалъ, чтобъ Тушинцы непремѣнно вступили въ переговоры съ королевскими коммиссарами, въ противномъ случаѣ Сапѣга сейчасъ же перейдетъ на службу королевскую. Тогда Рожинскій долженъ былъ допустить коммиссаровъ; начались переговоры, сопровождавшіеся сильными волненіями. Что же дѣлалъ во все это время самозванецъ? Его время прошло, на него не обращали никакого вниманія; мало того, вожди Тушинскихъ Поляковъ срывали на немъ свое сердце съ тѣхъ поръ, какъ вступленіе короля въ Московскіе предѣлы поставило ихъ въ затруднительное положеніе: такъ панъ Тишкевичь ругалъ его въ глаза, называя обманщикомъ, мошенникомъ. Лжедимитрій хотѣлъ уѣхать изъ стана съ своими Русскими приверженцами, которымъ непріятно было такое обращеніе Поляковъ съ ихъ царемъ прирожденнымъ: несмотря на то, что всѣ лошади его были заперты Поляками, царику удалось было выйдти изъ стана съ 400 Донскихъ козаковъ; но Рожинскій догналъ его и привелъ назадъ въ Тушино, гдѣ онъ былъ съ того времени подъ строгимъ надзоромъ. Когда 27 Декабря Лжедимитрій спросилъ у Рожинскаго, о чемъ идутъ у нихъ переговоры съ королевскими коммиссарами, то гетманъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ему: «А тебѣ что за дѣло, зачѣмъ коммиссары пріѣхали ко мнѣ? Ч.... знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ.» Пьяный Рожинскій грозилъ ему даже побоями. Тогда Лжедимитрій рѣшился, во что бы то ни стало, бѣжать изъ Тушина, и въ тотъ же день вечеромъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ навозныя сани и уѣхалъ въ Калугу самъ другъ съ шутомъ своимъ Кошелевымъ.

Послѣ отъѣзда самозванцева Рожинскому съ товарищами

ничего больше не оставалось, какъ вступить въ соглашеніе съ королемъ, умѣривъ свои, сначала безразсудныя, требованія. Но въ Тушинѣ было много Русскихъ: что имъ было теперь дѣлать? Двинуться за самозванцемъ они не могли: Поляки бы ихъ не пустили; да и трудно имъ было надѣяться, что самозванецъ успѣетъ поправить свои обстоятельства. Они не могли рѣшиться просить помилованія у Шуйскаго, промѣнять положеніе важное на участь еще неизвѣстную даже и въ случаѣ помилованія: Шуйскій не могъ смотрѣть на нихъ такъ снисходительно, какъ смотрѣлъ онъ на тѣхъ отъѣзжиковъ изъ Тушина, которые оставляли самозванца во всемъ его могуществѣ; теперь они не по доброй волѣ оставляли самозванца, а были имъ самимъ оставлены. Русскимъ Тушинцамъ, какъ и Польскимъ, оставался одинъ выходъ — вступить въ соглашеніе съ коммиссарами королевскими. Послѣдніе просили ихъ собраться въ коло; собрались — нареченный патріархъ Филаретъ съ духовенствомъ, Заруцкій съ людьми ратными, Салтыковъ съ людьми думными и придворными; пришелъ и ханъ Касимовскій съ своими Татарами. Стадницкій говорилъ рѣчь, доказывалъ добрыя намѣренія короля относительно Московскаго государства, говорилъ о готовности Сигизмунда принять его въ свою защиту для освобожденія отъ тирановъ безправныхъ. Рѣчь была неопредѣленная, и совѣсть многихъ могла быть покойна; охотно слушали и рѣчь посла и грамоту королевскую, цѣловали Сигизмундову подпись, хвалили рѣчь посполитую за скорую помощь. Но, принимая покровительство короля, Русскіе требовали прежде всего неприкосновенности православной вѣры Греческаго закона, и коммиссары поручились имъ въ этомъ; написали и отвѣтную грамоту королю, въ которой ясно высказывается нерѣшительность и желаніе продлить время, дождаться, что̀ произойдетъ въ Москвѣ и областяхъ ей вѣрныхъ: «Мы, Филаретъ патріархъ Московскій и всея Руси, и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ, слыша его королевскаго величества о святой нашей православной вѣрѣ радѣнье и о христіанскомъ освобожденіи подвигъ, Бога молимъ и че-

ломъ бьемъ. А мы бояре, окольничіе и т. д., его королевской милости челомъ бьемъ и на преславномъ Московскомъ государствѣ его королевское величество и его потомство милостивыми господарями видѣть хотимъ; только этого вскорѣ намъ, духовнаго и свѣтскаго чина людямъ, которые здѣсь въ таборахъ, постановить и утвердить нельзя безъ совѣту его милости пана гетмана, всего рыцарства, и безъ совѣту Московскаго государства изъ городовъ всякихъ людей; а какъ такое великое дѣло постановимъ и утвердимъ, то мы его королевской милости дадимъ знать.» Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ Польскими, обязавшись взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ; но, какъ говорятъ, многіе изъ нихъ спѣшили выйдти изъ нерѣшительнаго положенія и цѣловали крестъ Сигизмунду. Рѣшено было также, чтобъ Русскіе и Польскіе Тушинцы отправили отъ себя пословъ къ королю для окончательныхъ переговоровъ.

31-го Января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинцевъ были торжественно представлены королю; явились люди разныхъ чиновъ и приняли на себя представительство Московскаго государства; здѣсь были: Михайла Глѣбовичь Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князь Василій Михайловичь Рубецъ-Мосальскій, князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Никита Вельяминовъ; дьяки: Грамотинъ, Чичеринъ, Соловецкій, Витовтовъ, Апраксинъ и Юрьевъ; здѣсь были и Михайла Молчановъ, и Тимоѳей Грязный, и Ѳедоръ Андроновъ, бывшій Московскій кожевникъ. Михайла Салтыковъ началъ рѣчь, говорилъ о расположеніи Московскаго народа къ королю, и отъ имени этого народа благодарилъ короля за милость. Сынъ его, Иванъ Салтыковъ, билъ челомъ королю отъ имени Филарета, нареченнаго патріарха, и отъ имени всего духовенства, и также благодарилъ Сигизмунда за стараніе водворить миръ въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ дьякъ Грамотинъ, отъ имени думы, двора и всѣхъ людей объявилъ, что въ Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Влади-

слава, если только король сохранитъ ненарушимо Греческую вѣру, и не только не коснется древнихъ правъ и вольностей Московскаго народа, но еще прибавитъ такія права и вольности, какихъ прежде не бывало въ Московскомъ государствѣ. Изъ этого видно, что долгое пребываніе Русскихъ и Поляковъ въ одномъ станѣ произвело свои дѣйствія; но тутъ же обнаружилось и главное препятствіе къ соединенію Московскаго государства съ Польшею: говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда началъ просить короля о сохраненіи Греческой вѣры: онъ не могъ остаться равнодушнымъ при мысли о той опасности, какая ждетъ православіе со стороны Сигизмунда. И когда начались переговоры между сенаторами и послами объ условіяхъ, на которыхъ Владиславу быть царемъ Московскимъ, то Русскіе опять прежде всего требовали ненарушимости православія. Наконецъ 4 Февраля согласились написать слѣдующія условія: 1) Владиславъ долженъ былъ вѣнчаться на царство въ Москвѣ отъ русскаго патріарха, по старому обычаю; король прибавилъ сюда, что это условіе будетъ исполнено, когда водворится совершенное спокойствіе въ государствѣ. Изъ этой прибавки явно было намѣреніе Сигизмунда не посылать сына въ Москву, но подъ предлогомъ неустановившагося спокойствія, домогаться государства для себя. 2) Чтобъ святая вѣра Греческаго закона оставалась неприкосновенною, чтобъ учители Римскіе, Лютерскіе и другихъ вѣръ раскола церковнаго не чинили. Если люди Римской вѣры захотятъ приходить въ церкви Греческія, то должны приходить со страхомъ, какъ прилично православнымъ христіянамъ, а не съ гордостію, не въ шапкахъ, псовъ съ собою въ церковь не водили бы и не сидѣли бы въ церкви не въ положенное время. — Сюда король прибавилъ, чтобъ для Поляковъ въ Москвѣ былъ выстроенъ костелъ, въ который Русскіе должны входить съ благоговѣніемъ. Король и сынъ его обѣщались не отводить никого отъ Греческой вѣры, потому что вѣра есть даръ Божій, и силою отводить отъ нея и притѣснять за нее не годится. Жидамъ запрещается въѣздъ въ Московское государство. 3) Король и сынъ

его обязались чтить гробы и тѣла святыхъ, чтить Русское духовенство наравнѣ съ католическимъ и не вмѣшиваться въ дѣла и суды церковные. 4) Обязались не только не трогать имѣній и правъ духовенства, но и распространять ихъ. 5) Въ томъ же самомъ обязались относительно бояръ, окольничихъ, всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей. 6) Служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ жалованье будетъ выдаваемо какъ при прежнихъ законныхъ государяхъ. 7) Также точно будетъ поступаемо съ ружниками и оброчниками. 8) Судамъ быть по старинѣ, перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли. 9) Между Московскимъ государствомъ, короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ быть оборонительному и наступательному союзу противъ всѣхъ непріятелей. 10) На Татарскихъ украйнахъ держать обоимъ государствамъ людей сообща, о чемъ должно переговорить думнымъ боярамъ съ панами радными. 11) Никого не казнить, не осудя прежде съ боярами и думными людьми; имѣніе казненныхъ отдается наслѣдникамъ; король не долженъ никого вызывать насильно въ Литву и Польшу. Великихъ чиновъ людей невинно не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи нельзя не видѣть вліянія дьяковъ и людей, подобныхъ Андронову, которыхъ было много въ Тушинскомъ станѣ: люди неродовитые, выхваченные бурями смутнаго времени снизу на верхъ, хотятъ удержать свое положеніе, и требуютъ, чтобы новое правительство возвышало людей нисшихъ сословій по заслугамъ, которыя ему окажутъ. Выговорено было и другое любопытное условіе: «Для науки вольно каждому изъ народа Московскаго ѣздить въ другія государства христіянскія, кромѣ бусурманскихъ поганскихъ, и господарь отчинъ, имѣній и дворовъ у нихъ за то отнимать не будетъ.» Здѣсь надобно вспомнить, что люди, писавшіе этотъ договоръ, были Салтыковъ, Мосальскій, ревностные приверженцы перваго Лжедимитрія, а слѣдовательно и приверженцы его плановъ, а мы знаемъ, что Лжедимитрій, упрекая бояръ въ невѣжествѣ, обѣщалъ позволить

имъ выѣздъ за-границу. 12-мъ условіемъ было положено: Русскихъ плѣнниковъ, отведенныхъ въ Польшу, возвратить. 13) Польскимъ и Литовскимъ панамъ не давать правительственныхъ мѣстъ въ Московскомъ государствѣ; тѣхъ пановъ, которые должны будутъ остаться при Владиславѣ, награждать денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и отчинами, но съ общаго совѣта обоихъ государствъ; также король долженъ переговорить съ боярами о томъ, чтобы въ пограничныхъ крѣпостяхъ Польскіе люди могли остаться до совершеннаго успокоенія государства. Понятно, съ какою цѣлію было внесено Поляками послѣднее условіе: въ случаѣ сопротивленія восточныхъ областей, король могъ удержать въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ пограничныя мѣста. 14) Подати будутъ сбираться по старинѣ; король не можетъ прибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей; податямъ должны подлежать только мѣста заселенныя. 15) Между обоими государствами вольная торговля; Русскіе купцы могутъ ѣздить и въ чужія страны черезъ Польшу и Литву; тамги остаются старыя. 16) Крестьянскій переходъ запрещается въ Московскихъ областяхъ, также между Московскими областями и Литвою. 17) Холопей невольниковъ господскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобы служили господамъ своимъ по прежнему, а вольности имъ король давать не будетъ. 18) О козакахъ Волжскихъ, Донскихъ, Яицкихъ и Терскихъ, король долженъ будетъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли эти козаки надобны или нѣтъ.

Въ приведенномъ договорѣ насъ останавливаетъ особенно то, что на первомъ планѣ король, а не королевичь; къ договору было приписано: «Чего въ этихъ артикулахъ не доложено, и дастъ Богъ его королевская милость будетъ подъ Москвою и на Москвѣ, и будутъ ему бить челомъ патріархъ и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне и всѣхъ становъ люди: тогда объ этихъ артикулахъ его господарская милость станетъ говорить и уряжать, по обычаю Московскаго государства, съ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ собо-

ромъ, съ боярами и со всею землею. Ясно было, что имя Владислава служило здѣсь только прикрытіемъ для замысловъ Сигизмундовыхъ, ибо прямо дѣйствовать во имя стараго короля было нельзя: купцы изъ югозападной Россіи, находившіеся въ Москвѣ, дали знать ея жителямъ, чтобъ они не вѣрили обѣщаніямъ человѣка, введшаго унію. Сигизмундъ спѣшилъ сдѣлать и второй шагъ впередъ для исполненія своихъ замысловъ; онъ потребовалъ отъ пословъ, и послы согласились повиноваться ему до прибытія Владислава, въ чемъ и дали такую присягу: «пока Богъ намъ дастъ государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотѣть его государеву отцу, нынѣшнему наияснѣйшему королю Польскому и великому князю Литовскому, Жигимонту Ивановичу.» Достигши этого, король отправилъ къ Польскимъ сенаторамъ письмо, въ которомъ, увѣдомивъ о пріѣздѣ Тушинскихъ пословъ и объ ихъ просьбѣ на счетъ Владислава, продолжаетъ: «хотя при такомъ усильномъ желаніи этихъ людей мы, по совѣту находящихся здѣсь пановъ, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и Москвитянъ, держащихъ сторону Шуйскаго, и дать дѣламъ нашимъ выгоднѣйшій оборотъ: однако, имѣя въ виду, что походъ предпринятъ не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы безъ согласія всѣхъ чиновъ ея не хотимъ постановить съ ними ничего положительнаго.» Отстранивъ такимъ образомъ отъ себя нареканіе, что имѣетъ въ виду только свои династическія выгоды, король обращается къ сенаторамъ съ просьбою о помощи войскомъ и деньгами, потому что, пишетъ онъ, только недостатокъ въ деньгахъ можетъ помѣшать такому цвѣтущему положенію дѣлъ нашихъ, когда открывается путь къ умноженію славы рыцарства, къ расширенію границъ республики и даже къ совершенному овладѣнію цѣлою Московскою монархіею.

Между тѣмъ въ Тушинѣ, не смотря на то, что Рожинскій и другіе начальные люди, послѣ бѣгства Лжедимитріева, долж-

ны были вступить въ соглашеніе съ королемъ, большая часть войска хотѣла искать бѣжавшаго царика и помогать ему овладѣть Москвою. Марина оставалась въ Тушинѣ; блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами ходила она изъ палатки въ палатку и умоляла ратныхъ людей снова принять сторону ея мужа, хотя положеніе ея при самозванцѣ было самое тяжелое, какъ видно изъ переписки ея съ отцемъ. Изъ одного письма узнаемъ, что старый Мнишекъ уѣхалъ изъ Тушина въ сердцахъ на дочь, не далъ ей благословенія. Изъ этого же письма узнаемъ объ ея отношеніяхъ ко второму мужу: она проситъ отца, чтобъ тотъ напомнилъ объ ней Лжедимитрію, напомнилъ о любви и уваженіи, какое онъ долженъ былъ оказывать женѣ своей. Въ другомъ письмѣ Марина говоритъ: «о дѣлахъ моихъ не знаю, что писать, кромѣ того, что въ нихъ одно отлагательство со дня на день: нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ, а не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ. Я хотѣла послать къ вамъ своихъ людей, но имъ надобно дать денегъ на пищу, а денегъ у меня нѣтъ». Но духъ ея не ослабѣвалъ, она не хотѣла отказываться отъ цѣли, для которой пожертвовала всѣмъ, переѣзжая изъ стана Сапѣги въ Тушино; самая великость жертвъ, ею принесенныхъ, дѣлала цѣль эту для нея еще драгоцѣннѣе, и отнимала возможность возвратиться назадъ. Въ отвѣтъ родственнику своему Стадницкому, который увѣдомлялъ ее о вступленіи короля въ Московскіе предѣлы, Марина писала: «крѣпко надѣюсь на Бога, защитника притѣсненныхъ, что Онъ скоро объявитъ судъ свой праведный надъ измѣнникомъ и непріятелемъ нашемъ (Шуйскимъ)». Въ этомъ письмѣ собственною рукою приписала: «Кого Богъ освѣтитъ разъ, тотъ будетъ всегда свѣтелъ. Солнце не теряетъ своего блеска потому только, что иногда черныя облака его заслоняютъ.» Эти слова Марина прибавила потому, что Стадницкій въ письмѣ своемъ не далъ ей царскаго титула. Замѣчательно письмо ея къ королю, въ которомъ она прибѣгаетъ подъ его защиту и желаетъ счастливаго окончанія его пред-

пріятіямъ; Марина пишетъ: «разумѣется ни съ кѣмъ счастіе такъ не играло, какъ со мною: изъ шляхетскаго рода возвысило оно меня на престолъ Московскій и съ престола ввергнуло въ жестокое заключеніе. Послѣ этого, какъ будто желая потѣшить меня нѣкоторою свободою, привело меня въ такое состояніе, которое хуже самого рабства, и теперь нахожусь въ такомъ положеніи, въ какомъ, по моему достоинству, не могу жить спокойно. Если счастіе лишило меня всего, то осталось при мнѣ однако право мое на престолъ Московскій, утвержденное моею коронаціею, признаніемъ меня истинною и законною наслѣдницею, признаніемъ, скрѣпленнымъ двойною присягою всѣхъ сословій и провинцій Московскаго государства.» Изъ этого письма видно, вопервыхъ, ужасное положеніе Марины въ Тушинѣ, при второмъ самозванцѣ; во вторыхъ, Марина основываетъ свои права на Московскій престолъ не на правахъ мужей своихъ, но на своей коронаціи и присягѣ жителей Московскаго государства признавать ее своею царицею въ случаѣ безпотомственной смерти перваго Лжедимитрія: слѣдовательно Марина отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла втораго самозванца; онъ могъ быть обманщикъ, какимъ признаетъ его Польское правительство, но она чрезъ это не лишается правъ своихъ.

Марина впрочемъ напрасно такъ рано отчаялась въ дѣлѣ своего втораго мужа. Отдѣленіе отъ Поляковъ имѣло для него сначала свою выгодную сторону, ибо до сихъ поръ главный упрекъ ему состоялъ въ томъ, что онъ Ляхами опустошаетъ Русскую землю; теперь ссора съ Поляками освобождала его отъ этого нареканія. Пріѣхавъ подъ Калугу, самозванецъ остановился въ подгородномъ монастырѣ и послалъ монаховъ въ городъ съ извѣщеніемъ, что онъ выѣхалъ изъ Тушина, спасаясь отъ гибели, которую готовилъ ему король Польскій, злобившійся на него за отказъ уступить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, что онъ готовъ, въ случаѣ нужды, положить голову за православіе и отечество. Воззваніе оканчивалось словами: «Не дадимъ торжествовать ереси, не уступимъ

королю ни кола, ни двора». Калужане спѣшили въ монастырь съ хлѣбомъ и солью, проводили Лжедимитрія съ торжествомъ въ городъ и дали ему средства окружить себя царскою пышностію». Но скоро обнаружилось, что и по отдѣленіи отъ Поляковъ самозванецъ долженъ былъ оставаться воровскимъ царемъ, потому что сила его основывалась на козакахъ. Князь Шаховской, всей крови заводчикъ, остался вѣренъ самозванцу и привелъ къ нему козаковъ, съ которыми стоялъ въ Царевѣ Займищѣ; вѣроятно въ Калугу манила Шаховскаго надежда первой роли при Лжедимитріи, ибо тамъ не было болѣе Рожинскаго.

Чтобъ отнять силу у послѣдняго, Лжедимитрій хотѣлъ поселить раздоръ въ Тушинѣ, и, злобясь особенно на Русскихъ Тушинцевъ, показавшихъ мало къ нему усердія, хотѣлъ вооружить противъ нихъ Поляковъ. Съ этою цѣлію Лжедимитрій отправивъ въ Тушино Поляка Казимирскаго съ письмомъ къ Маринѣ и другимъ лицамъ, гдѣ увѣрялъ, что готовъ возвратиться въ станъ, если Поляки обяжутся новою присягою служить ему и если будутъ казнены отложившіеся отъ него Русскіе, но письма были отняты у Казимирскаго и самъ онъ получилъ запрещеніе, подъ смертною казнію, возмущать войско. Рожинскій хотѣлъ отплатить самозванцу тою же монетою: онъ далъ Казимирскому письмо къ прежнему воеводѣ Калужскому, Поляку Скотницкому, гдѣ убѣждалъ послѣдняго съ помощію бывшихъ въ Калугѣ Поляковъ схватить Лжедимитрія и переслать назать въ Тушино. Но Казимирскій, пріѣхавъ въ Калугу, отдалъ письмо самозванцу, который тотчасъ велѣлъ бросить въ Оку Скотницкаго, хотя вовсе не могъ быть убѣжденъ въ томъ, что этотъ несчастный исполнитъ порученіе Рожинскаго; такой же участи подвергся и окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ. Подозрѣвая двойную измѣну, не вѣря болѣе ни Полякамъ, ни знатнымъ Русскимъ, самозванецъ хотѣлъ жестокостію предупреждать вредные для него замыслы. Но если самозванецъ не вѣрилъ знатнымъ Русскимъ людямъ, то холопамъ и козакамъ онъ вѣрилъ: выгоды ихъ были тѣсно связа-

ны съ его собственными. Такъ Донскіе козаки не послушались Млоцкаго, убѣждавшаго ихъ вступить въ королевскую службу, и отправились въ Калугу. Тѣ изъ Тушинскихъ Поляковъ, которые не хотѣли соединяться съ королемъ и думали опять сблизиться съ Лжедимитріемъ, болѣе всего надѣялись на Донскихъ козаковъ и уговаривали ихъ начать дѣло, явно двинуться изъ Тушина въ Калугу, увѣряя, что если Рожинскій пойдетъ ихъ преслѣдовать, то они Поляки ударятъ ему тылъ. Не смотря на несогласіе главнаго воеводы своего Заруцкаго, козаки, подъ начальствомъ князей Трубецкаго и Засѣцкаго, ушли изъ Тушина. Рожинскій погнался за ними: они остановились и дали битву, въ надеждѣ получить помощь отъ самихъ Поляковъ, но тѣ обманули ихъ, и Рожинскій положилъ съ двѣ тысячи козаковъ на мѣстѣ, остальные разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, нѣкоторые пришли назадъ въ Тушино къ Заруцкому.

Отъѣздъ Марины подалъ поводъ къ новымъ волненіямъ въ Тушинѣ: ночью 11 Февраля она убѣжала верхомъ въ гусарскомъ платьѣ, въ сопровожденіи одной служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ козаковъ. На другой день поутру нашли письмо отъ нея къ войску: «Я принуждена удалиться, писала Марина, избывая послѣдней бѣды и поруганія. Не пощажена была и добрая моя слава и достоинство, отъ Бога мнѣ данное! въ бесѣдахъ равняли меня съ безчестными женщинами, глумились надо мною за покалами. Не дай Богъ, чтобъ кто нибудь вздумалъ мною торговать и выдать тому, кто на меня и Московское государство не имѣетъ никакого права. Оставшись безъ родныхъ, безъ пріятелей, безъ подданныхъ и безъ защиты, въ скорби моей поручивши себя Богу, должна я ѣхать по неволѣ къ моему мужу. Свидѣтельствую Богомъ, что не отступлю отъ правъ моихъ — какъ для защиты собственной славы и достоинства, потому, что будучи государынею народовъ, царицею Московскою, не могу сдѣлаться снова Польскою шляхтянкою, снова быть подданною, — такъ и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнитъ присягу.» Въ письмѣ Марина объявляла, что ѣдетъ къ мужу по неволѣ;

но скоро узнали, что она живетъ въ Дмитровѣ у Сапѣги. Рожинскій писалъ къ королю, что Марина сбилась съ дороги и потому попала въ Дмитровъ; но одинъ изъ его товарищей по Тушину, Мархоцкій, пишетъ иначе: по его словамъ, Сапѣга переманилъ къ себѣ Марину обѣщаніемъ взять ея сторону. Мы не можемъ отвергнуть этого объясненія, если вспомнимъ, какое житье было Маринѣ при ворѣ, къ которому она могла отправиться только по самой крайней необходимости. Какъ бы то ни было, Тушино волновалось. Собралось коло подлѣ ставки Рожинскаго; люди, державшіе его сторону, т. е. хотѣвшіе соединиться съ королемъ, пришли пѣшкомъ, только съ саблями, ничего не опасаясь отъ своихъ; но противники Рожинскаго, человѣкъ сто, пріѣхали верхами съ ружьями, а нѣкоторые и въ полномъ вооруженіи. Начали разсуждать, къ кому лучше обратиться, къ королю или къ Димитрію? Приверженцы соединенія съ королемъ говорили, что стоять за Димитрія нѣтъ возможности: Москва его ненавидитъ, Москва склоннѣе къ королю, чѣмъ къ нему. Нѣкоторые изъ противниковъ Рожинскаго объявили, что лучше вступить въ переговоры съ Шуйскимъ; имъ возражали: «Шуйскій не будетъ такимъ простякомъ, что станетъ покупать у васъ миръ, ведя ужъ войну съ королемъ.» Другіе говорили: «уйдемъ за Волгу, откроемъ бокъ королевскому войску, пусть его сдавитъ непріятель!» Имъ возражали, что и это будетъ понапрасну, королю отъ того не будетъ никакого вреда, потому что Москва, имѣя ихъ въ землѣ своей, все же должна будетъ раздѣлить свои силы. Наконецъ нѣкоторые кричали, что надобно возвратиться въ Польшу; и на этотъ крикъ легко было возражать: «Разъѣдемся, король не прекратитъ войны, а мы безъ службы не обойдемся; потерявши награду за столько трудовъ, принуждены будемъ этою же весною вступить въ службу за новое жалованье.» Не могши противопоставить доказательствъ доказательствамъ, противники Рожинскаго подняли крикъ; зачинщикомъ былъ панъ Тишкевичь, личный врагъ Рожинскаго; раздались ружейные выстрѣлы въ ту сторону, гдѣ стоялъ гетманъ, привер-

женцы его отвѣчали также залпомъ; коло разбѣжалось. Противники Рожинскаго, закричавъ: «Кто добръ, тотъ за нами!» выѣхали изъ стана въ поле и рѣшили ѣхать въ Калугу къ Лжедимитрію. Но болѣе благоразумные начали ихъ уговаривать, чтобы до времени остались покойно въ Тушинѣ, а если королевскія условія не понравятся, то надобно отойти за нѣсколько миль отъ столицы въ согласіи и порядкѣ и оттуда уже расходиться куда кто хочетъ. На это всѣ согласились. Въ такихъ обстоятельствахъ Рожинскій написалъ письмо къ Сигизмунду, гдѣ увѣдомлялъ его о бѣгствѣ Марины и мятежѣ войска, говорилъ, что если въ положенный срокъ не получится извѣстіе, могущее удовлетворить рыцарство, то трудно будетъ удержать его отъ дальнѣйшаго безпорядка. Чтобъ избавиться отъ опасностей, грозившихъ ему со всѣхъ сторонъ, и отъ своего войска, и отъ Лжедимитрія изъ Калуги, и отъ Скопина, Рожинскому необходимо было немедленное прибытіе короля на помощь: по этому онъ старался уговорить Сигизмунда къ скорому походу въ Тушино, писалъ, что Москвичи очень желаютъ этого, что царь Василій въ ссорѣ съ Скопинымъ; совѣтовалъ написать письмо къ Скопину, котораго, по словамъ лазутчиковъ, не трудно будетъ преклонить на Польскую сторону; что Русскіе Тушинцы, вмѣстѣ съ патріархомъ Филаретомъ, оскорблены невниманіемъ короля, который не прислалъ къ нимъ еще ни одной грамоты, также разбойничествомъ Запорожцевъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ. — Но король не трогался изъ-подъ Смоленска и не высылалъ никого въ Тушино для окончательныхъ переговоровъ съ рыцарствомъ; въ слѣдствіе этого Рожинскій принужденъ былъ покинуть Тушино: онъ въ первыхъ числахъ Марта 1610 года зажегъ станъ и двинулся по дорогѣ къ Іосифову Волоколамскому монастырю; не многіе изъ Русскихъ Тушинцевъ послѣдовали за нимъ; большая часть поѣхали съ повинною или въ Москву или въ Калугу; Салтыковъ съ товарищами оставались у короля подъ Смоленскомъ.

Такъ Москва освободилась отъ Тушина. Скопину оставалось только раздѣлываться съ отрядомъ Сапѣги. Мы оставили

Скопина въ Александровской слободѣ, гдѣ онъ продолжалъ торговаться съ Шведами, требовавшими новыхъ договоровъ, новыхъ уступокъ. Не смотря на сопротивленіе жителей, Корела была сдана Шведамъ; мало того, царь Василій долженъ былъ обязаться: «Наше царское величество вамъ любительному государю Каролусу королю, за вашу любовь, дружбу, вспоможеніе и протори, которыя вами учинились и впередъ учинятся, полное воздаяніе воздадимъ, чего вы у нашего царскаго величества по достоинству ни попросите: города, или земли, или уѣзда.» Этимъ обязательствомъ еще была куплена помощь четырехъ-тысячнаго отряда Шведовъ. Сапѣга не могъ долѣе оставаться подъ Троицкимъ монастыремъ, 12 Января снялъ знаменитую осаду и расположился въ Дмитровѣ съ малымъ отрядомъ, потому что большая часть его людей отправилась за Волгу для сбора припасовъ. Въ половинѣ Февраля Русскіе и Шведы подошли подъ Дмитровъ, Сапѣга вышелъ къ нимъ на встрѣчу и былъ разбитъ; Дмитровъ былъ бы взятъ, еслибъ не отстояли его Донскіе козаки, которые сидѣли въ особомъ укрѣпленіи подъ городомъ. Здѣсь также Марина показала большое присутствіе духа: когда Поляки, испуганные пораженіемъ, вяло принимались за оборону укрѣпленій, то она выбѣжала изъ своего дома къ валамъ и закричала: «что вы дѣлаете, негодяи! Я женщина, а не потеряла духа.» Видя, что дѣла Сапѣги идутъ очень дурно, она рѣшилась отправиться въ Калугу. Сапѣга не хотѣлъ отпускать ее; въ ней родилось подозрѣніе, что и Сапѣга хочѣтъ выдать ее королю, и потому она сказала ему: «Не будетъ того, чтобы ты мною торговалъ, у меня здѣсь свои Донцы: если будешь меня останавливать, то я дамъ тебѣ битву.» Сапѣга послѣ этого не мѣшалъ ей, и она отправилась въ Калугу опять въ мужскомъ платьѣ, то ѣхала верхомъ, то въ саняхъ. Сапѣга не долго послѣ нея оставался въ Дмитровѣ: какъ только пришли къ нему отряды изъ-за Волги съ припасами, то онъ двинулся къ Волоколамску, и Скопинъ могъ безпрепятственно вступить въ Москву.

Знаменитому воеводѣ было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Въ

одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы снискивали подвигами жизни многолѣтней, и, что еще важнѣе, пріобрѣлъ сильную любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, всѣхъ земскихъ людей, желавшихъ землѣ успокоенія отъ смутъ, отъ буйства бездомовниковъ, козаковъ, и все это Скопинъ пріобрѣлъ, не ознаменовавъ себя ни однимъ блистательнымъ подвигомъ, ни одною изъ тѣхъ побѣдъ, которыя такъ поражаютъ воображеніе народа, такъ долго остаются въ его памяти. Что же были за причины славы и любви народной, пріобрѣтенныхъ Скопинымъ? Мы видѣли, какъ замутившееся, расшатавшееся въ своихъ основахъ общество Русское страдало отъ отсутствія точки опоры, отъ отсутствія человѣка, къ которому можно было бы привязаться, около котораго можно было бы сосредоточиться. Такимъ человѣкомъ явился наконецъ князь Скопинъ. Москва въ осадѣ отъ вора, терпитъ голодъ, видитъ въ стѣнахъ своихъ небывалыя прежде смуты, кругомъ въ областяхъ свирѣпствуютъ Тушинцы: посреди этихъ бѣдъ произносится постоянно одно имя, которое оживляетъ всѣхъ надеждою: это имя — имя Скопина. Князь Михайла Васильевичь въ Новгородѣ, онъ договорился со Шведами, идетъ съ ними на избавленіе Москвы, идетъ медленно, но все идетъ, Тушинцы отступаютъ передъ нимъ; Скопинъ ужъ въ Торжкѣ, вотъ онъ въ Твери, вотъ онъ въ Александровской слободѣ; въ Москвѣ сильный голодъ, волненіе, но вдругъ все утихаетъ, звонятъ колокола, народъ спѣшитъ въ церкви, тамъ поютъ благодарные молебны, ибо пришла вѣсть, что князь Михайла Васильевичь близко! Во дворцѣ кремлевскомъ невзрачный старикъ, не любимый, ни дѣятельный уже потому, что нечего ему дѣлать, сидя въ осадѣ, и вся государственная дѣятельность перешла къ Скопину, который одинъ дѣйствуетъ, одинъ движется, отъ него одного зависитъ великое дѣло избавленія. Не разсуждали, не догадывались, что сила князя Скопина опиралась на искусныхъ ратникахъ иноземныхъ, что безъ нихъ онъ ничего не могъ сдѣлать, останавливался, когда они уходили; не разсуждали, не догадыва

лись, не знали подробно, какое дѣйствіе имѣло вступленіе короля Сигизмунда въ Московскіе предѣлы, какъ онъ прогналъ Лжедимитрія и Рожинскаго изъ Тушина, заставилъ Сапѣгу снять осаду Троицкаго монастыря: Сигизмундъ былъ далеко подъ Смоленскомъ, ближе видѣли, что Тушино опустѣло и Сапѣга ушелъ отъ Троицкаго монастыря, когда князь Скопинъ приблизился къ Москвѣ, и ему приписали весь успѣхъ дѣла, страхъ и бѣгство враговъ. Справедливо сказано, что слава ростетъ по мѣрѣ удаленія, уменьшаетъ славу близость присутствія лица славнаго. Отдаленная дѣятельность Скопина, направленная къ цѣли, желанной всѣми людьми добрыми, доходившая до ихъ свѣдѣнія не въ подробностяхъ, но въ главномъ, какъ нельзя больше содѣйствовала его прославленію, усиленію народной любви къ нему; но должно прибавить, что и близость, присутствіе знаменитаго воеводы не могли нарушить того впечатлѣнія, какое онъ производилъ своею отдаленною дѣятельностію: по свидѣтельству современниковъ, это былъ красивый молодой человѣкъ, обнаруживавшій свѣтлый умъ, зрѣлость сужденія не по лѣтамъ, въ дѣлѣ ратномъ искусный, храбрый и осторожный вмѣстѣ, ловкій въ обхожденіи съ иностранцами; кто зналъ его, всѣ отзывались объ немъ какъ нельзя лучше.

Таковъ былъ человѣкъ, которому, повидимому, суждено было очистить Московское государство отъ воровъ и Поляковъ, поддержать колебавшійся престолъ стараго дяди, примирить Русскихъ людей съ фамиліею Шуйскихъ, упрочить ее на престолѣ царскомъ, ибо по смерти бездѣтнаго Василія голосъ всей земли не могъ не указать на любимца народнаго. Но если граждане спокойные, найдя себѣ точку опоры въ племянникѣ царскомъ, для блага земли и самого Скопина, должны были терпѣливо дожидаться кончины царя Василія, чтобы законно возвести на престолъ своего избранника, чистаго отъ нареканій въ искательствахъ властолюбивыхъ, то не хотѣлъ спокойно дожидаться этого Ляпуновъ, человѣкъ плоти и крови, не умѣвшій сдерживаться, не умѣвшій подчинять своихъ личныхъ стремленій благу общему, не сознававшій необходимо-

сти средствъ чистыхъ для достиженія цѣли высокой, для прочности дѣла. Когда Скопинъ былъ еще въ Александровской слободѣ, къ нему явились посланные отъ Ляпунова, которые поздравили его царемъ отъ имени послѣдняго и подали грамоту, наполненную укорительными рѣчами противъ царя Василія. Въ первую минуту Скопинъ разорвалъ грамоту и велѣлъ схватить присланныхъ, но потомъ позволилъ имъ упросить себя и отослалъ ихъ назадъ въ Рязань, не донеся въ Москву. Этимъ воспользовались, чтобъ заподозрить Скопина въ глазахъ дяди; царю внушили, что если бы князю Михаилу не было пріятно предложеніе Ляпунова, то онъ прислалъ бы въ Москву Рязанцевъ, привозившихъ грамоту; съ этихъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, царь и его братья начали держать мнѣніе на князя Скопина.

12 Марта Скопинъ съ Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. По приказу царя, вельможи встрѣтили Михаила у городскихъ воротъ, съ хлѣбомъ и солью, но простые граждане предупредили ихъ, падали ницъ и со слезами били челомъ, что очистилъ Московское государство. Современные писатели сравниваютъ пріемъ Скопина съ торжествомъ Давида, котораго Израильтяне чтили больше, чѣмъ Саула. Царь Василій однако не показалъ знаковъ неудовольствія, напротивъ встрѣтилъ племянника съ радостными слезами. Иначе велъ себя братъ царскій, князь Димитрій Шуйскій. Царь Василій отъ поздняго брака своего имѣлъ только одну или двухъ дочерей, которыя умерли вскорѣ послѣ рожденія; слѣдовательно братъ его Димитрій считалъ себя наслѣдникомъ престола; но онъ увидалъ страшнаго соперника въ Скопинѣ, которому сулила вѣнецъ любовь народная при неутвержденномъ еще порядкѣ престолонаслѣдія. Князь Димитрій явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника передъ царемъ: послѣдній, или будучи увѣренъ въ скромности Скопина, не считая его соперникомъ себѣ и не имѣя причины желать отстраненія его отъ наслѣдства, или, по крайней мѣрѣ, побуждаемый благоразуміемъ не начинать вражды съ любимцемъ народа, сердился

на брата за его докучные навѣты и даже, говорятъ, прогналъ его однажды отъ себя палкою! Говорятъ также, что царь имѣлъ искреннее объясненіе съ племянникомъ, при чемъ Скопинъ успѣлъ доказать свою невинность и опасность вражды въ такое смутное время. Не смотря на то однако, что царь не показывалъ ни малѣйшей непріязни къ Скопину, народъ, нелюбившій старшихъ Шуйскихъ, толковалъ уже о враждѣ дяди съ племянникомъ. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегалъ Михаила, уговаривалъ его какъ можно скорѣе оставить Москву и выступить къ Смоленску, противъ Сигизмунда.

Положеніе послѣдняго было вовсе не блестящее. Если въ началѣ Полякамъ удалось овладѣть Ржевомъ Володимировымъ и Зубцовымъ, которые были сданы имъ воеводами самозванца, то нѣкоторые города прежепогибшей Сѣверской украйны выставили отчаянное сопротивленіе Запорожцамъ. Стародубцы ожесточенно рѣзались съ ними, и когда городъ ихъ былъ охваченъ пламенемъ, побросали въ огонь сперва имѣніе свое, а потомъ кинулись и сами. Такое же мужество оказали жители Почепа, изъ которыхъ 4000 погибло при упорной защитѣ. Въ Черниговѣ непріятель встрѣтилъ меньше сопротивленія; Новгородъ Сѣверскій также присягнулъ Владиславу; Мосальскъ нужно было брать приступомъ, Бѣлую голодомъ. А Смоленскъ все держался и жители его имѣли причины къ такому упорному сопротивленію: Поляки, и особенно Запорожцы, не смотря на королевскія увѣщанія, страшно свирѣпствовали противъ жителей городовъ, сдававшихся на имя Владислава. Смоленскіе перебѣжчики увѣряли въ Польскомъ станѣ, что въ городѣ у нихъ голодъ и моровое повѣтріе, , что самъ воевода Шеинъ хотѣлъ было сдать Смоленскъ королю, но архіепископъ Сергій не допустилъ до этого. Однажды міръ съ воеводою ходилъ уговаривать архіепископа къ сдачѣ, но тотъ, снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ, и охотнѣе допуститъ умертвить себя, чѣмъ согласится на сдачу города. Народъ,

увлеченный этими словами, отложилъ свое намѣреніе, и, надѣвъ на Сергія опять облаченіе, поклялся стоять противъ Поляковъ до послѣдней капли крови. Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку, но и на это архіепископъ не согласился, подозрѣвая Шеина въ намѣреніи вывести людей изъ города и ударить челомъ королю. Тушинскій Полякъ Вильчекъ, начальствовавшій въ Можайскѣ, продалъ этотъ городъ царю Василію за 100 рублей (333½ нынѣшнихъ серебряныхъ). Въ Іосифовѣ монастырѣ, гдѣ остановился Рожинскій, вспыхнуло опять возстаніе противъ него: уходя отъ возмутившихся, гетманъ оступился на каменныхъ ступеняхъ и упалъ на тотъ бокъ, который былъ простѣленъ у него подъ Москвою; отъ этого случая и съ горя, что дѣла совершенно разстроились, Рожинскій умеръ (4 Апрѣля н. с.), имѣя не болѣе 35 лѣтъ отъ роду. Послѣ его смерти Зборовскій съ большею частію войска пошелъ дальше къ Смоленску, другіе съ Руцкимъ и Мархоцкимъ остались въ Іосифѣ монастырѣ, но 21 Мая н. с., были вытѣснены оттуда Русскими и иноземными войсками, бывшими подъ начальствомъ Волуева, Горна и Делавилля. Уходя изъ монастыря съ величайшею опасностію, Поляки должны были покинуть Русскихъ выведенныхъ ими изъ Тушина, и въ томъ числѣ митрополита Филарета, который такимъ образомъ получилъ возможность уѣхать въ Москву. Изъ полуторы тысячи Поляковъ и Донскихъ козаковъ, бывшихъ въ Іосифовѣ монастырѣ, спаслось только 300 человѣкъ, потерявши все и знамена; при этомъ бѣгствѣ, по признанію самихъ Поляковъ, большую помощь оказали имъ Донскіе козаки. Всѣ Тушинскіе Поляки соединились теперь на рѣкѣ Угрѣ и здѣсь завели сношенія съ Лжедимитріемъ, который два раза самъ пріѣзжалъ къ нимъ изъ Калуги, потому что безъ выдачи денегъ впередъ они не трогались, и успѣлъ многихъ привлечь къ себѣ; чрезъ это войско самозванца увеличилось до 6200 человѣкъ. Но Зборовскій, отъ имени остальныхъ Поляковъ, отправился подъ Смоленскъ изъявить свою преданность королю; туда же пріѣхалъ и Янъ Сапѣга и даже ханъ Касимовскій; не смѣлъ пріѣхать Лисовскій, какъ опаль-

ный; онъ не могъ оставаться одинъ на востокѣ при разрушеніи Тушинскаго стана и успѣхахъ Скопина, и потому двинулся изъ Суздаля на западъ, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ. И Лжедимитрій и король находились въ затруднительномъ положеніи: первый съ своими 6000 войска не могъ ничего предпринять противъ Москвы, наоборотъ Московскіе отряды подходили подъ самую Калугу; движеніе Скопина и Шведовъ къ Смоленску противъ короля должно было рѣшить борьбу и рѣшить, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ пользу царя Василія: тогда что останется царю Калужскому? Съ другой стороны, король видѣлъ, что его вступленіе въ Московскіе предѣлы принесло пользу только Шуйскому, выгнавши вора изъ Тушина, раздробивши его силы; Шуйскій торжествовалъ, у него было большое войско подъ начальствомъ знаменитаго полководца, у него была Шведская помощь; а король, который поспѣшилъ подъ Смоленскъ съ малыми силами, въ надеждѣ, что одного его присутствія будетъ достаточно для покоренія Московскаго государства, истерзаннаго смутою, — король видѣлъ передъ собою неравную борьбу съ могущественнымъ и раздраженнымъ врагомъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно было произойти сближенію между королемъ и Калужскимъ царикомъ. Братъ Марины, староста Саноцкій, находившійся подъ Смоленскомъ, получилъ изъ Калуги достовѣрное извѣстіе, что Лжедимитрій хочетъ отдаться подъ покровительство короля, но ждетъ, чтобъ Сигизмундъ первый началъ дѣло. Вслѣдствіе этого король созвалъ тайный совѣтъ, на которомъ рѣшили отправить старосту Саноцкаго въ Калугу, чтобъ онъ уговорилъ царика искать королевской милости. Съ другой стороны хотѣли попытаться войти въ переговоры и съ Московскимъ царемъ; но Василій, видя, что счастіе обратилось на его сторону, запретилъ своимъ воеводамъ пропускать Польскихъ пословъ до тѣхъ поръ, пока король не выйдетъ изъ Московскихъ предѣловъ. Но счастіе улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 Апрѣля князь Скопинъ, на крестинахъ у князя Ивана

Михайловича Воротынскаго, занемогъ кровотеченіемъ изъ носа, и послѣ двухнедѣльной болѣзни умеръ. Пошелъ общій слухъ объ отравѣ; знали ненависть къ покойному дяди его, князя Дмитрія, и стали указывать на него какъ на отравителя; толпы народа двинулись было къ дому царскаго брата, но были отогнаны войскомъ. Что же касается до вѣрности слуха объ отравѣ, то Русскіе современники далеки отъ рѣшительнаго обвиненія; лѣтописецъ говоритъ: «многіе на Москвѣ говорили, что испортила его тетка княгиня Екатерина, жена князя Дмитрія Шуйскаго (дочь Малюты-Скуратова, сестра царицы Марьи Григорьевны Годуновой), а подлинно то единому Богу извѣстно.» Палицынъ говоритъ почти тѣми же словами: «Не знаемъ какъ сказать, Божій ли судъ его постигъ, или злыхъ людей умыселъ совершился? Одинъ создавшій насъ знаетъ.» Жолкѣвскій, который, живя въ Москвѣ, имѣлъ всѣ средства узнать истину, отвергаетъ обвиненіе, приписывая смерть Скопина болѣзни. Этимъ важнымъ свидѣтельствомъ опровергается свидѣтельство другаго иноземца, Буссова, нерасположеннаго къ царю Василію. Псковской лѣтописецъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ также не любившій Шуйскаго, говоритъ утвердительно объ отравѣ, обстоятельно разсказываетъ, какъ жена Дмитрія Шуйскаго на пиру сама поднесла Скопину чашу, заключавшую отраву. Но въ этомъ разсказѣ встрѣчаемъ смѣшное искаженіе: отравительница вмѣсто Екатерины названа Христиною; по всѣмъ вѣроятностямъ это имя образовалось изъ слова: крестины или крестинный пиръ, на которомъ занемогъ Скопинъ.

Какъ бы то ни было, смерть Скопина была самымъ тяжелымъ, рѣшительнымъ ударомъ для Шуйскаго. И прежде не любили, не уважали Василія, видѣли въ немъ царя несчастнаго, Богомъ не благословеннаго; но Скопинъ примирилъ царя съ народомъ, давши послѣднему твердую надежду на лучшее будущее. И вотъ этого примирителя теперь не было болѣе, и, что всего хуже, шла молва, что самъ царь, изъ зависти и злобы, лишилъ себя и царство крѣпкой опоры. Для народа

ударъ былъ тѣмъ тяжеле, что онъ послѣдовалъ въ то время, когда возродилась надежда на лучшее будущее, на умилостивленіе небесное; подобные удары обыкновенно отнимаютъ послѣдній духъ, послѣднія силы. Будущее для народа нисколько уже не связывалось теперь съ фамиліею Шуйскихъ: царь старъ и бездѣтенъ, наслѣдникъ — князь Дмитрій, котораго и прежде не могли любить и уважать, а теперь обвиняли въ отравленіи племянника: извѣстно, какъ по смерти любимаго человѣка начинаютъ любить все имъ любимое, и преслѣдовать все бывшее ему непріятнымъ и враждебнымъ: понятно, слѣдовательно, какое чувство должны были питать къ Дмитрію Шуйскому по смерти Скопина. Говорятъ, что народъ плакалъ по князѣ Михаилѣ точно также, какъ плакалъ по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ: дѣйствительно можно сказать, что Скопинъ былъ послѣдній изъ Рюриковичей, вѣнчанный въ сердцахъ народа; въ другой разъ домъ Рюрика пресѣкался на престолѣ Московскомъ.

Когда такимъ образомъ порвана была связь Русскихъ людей съ Шуйскимъ, когда взоры многихъ невольно и тревожно обращались въ разныя стороны, ища опоры для будущаго, — раздался голосъ, призывавшій къ выходу изъ тяжелаго, безотраднаго положенія: то былъ голосъ знакомый, голосъ Ляпунова. Не задолго передъ тѣмъ, когда большинство своею привязанностію указывало на Скопина, какъ на желаннаго наслѣдника престола, Ляпуновъ не хотѣлъ дожидаться, и предложилъ Скопину престолъ при жизни царя Василія, тогда какъ это дѣло, если бы Скопинъ согласился на него, могло только усилить смуту, а не прекратить ее: здѣсь Ляпуновъ всего лучше показалъ, что его цѣлію, дѣйствовалъ ли онъ сознательно или безсознательно, не было прекращеніе смутнаго времени. Теперь, когда Скопина не было болѣе, и неудовольствіе противъ Шуйскаго усилилось, Ляпуновъ первый поднимается противъ царя Василія; но онъ только начинаетъ движеніе, а цѣли его не указываетъ, требуетъ сверженія Шуйскаго, какъ царя недостойнаго, погубившаго знаменитаго племянника своего, но преем-

ника Шуйскому достойнѣйшаго не называетъ; онъ заводитъ переговоры со царикомъ Калужскимъ, въ Москвѣ входитъ въ думу съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, чтобъ ссадить Шуйскаго, по выраженію лѣтописца, а между тѣмъ явно отлагается отъ Москвы, перестаетъ слушаться ея царя, посылаетъ возмущать города, вѣрные послѣднему.

Въ то время, какъ уже Ляпуновъ поднялъ возстаніе въ Рязани, войско Московское въ числѣ 40,000 вмѣстѣ съ Шведскимъ, котораго было 8,000, выступило противъ Поляковъ по направленію къ Смоленску. Кто же былъ главнымъ воеводою вмѣсто Скопина? князь Дмитрій Шуйскій, обвиняемый въ отравленіи племянника, и безъ того ненавидимый ратными людьми за гордость! Король, узнавъ, что въ Можайскѣ собирается большое царское войско, отправилъ на встрѣчу къ нему гетмана Жолкѣвскаго, который 14 Іюня осадилъ Царево Займище, гдѣ засѣли Московскіе воеводы, Елецкій и Волуевъ. Здѣсь соединился съ гетманомъ Зборовскій, приведшій тѣхъ Тушинскихъ Поляковъ, которые предпочли службу королевскую службѣ царю Калужскому; не смотря однако на это подкрѣпленіе, Жолкѣвскій не хотѣлъ брать приступомъ Царево Займище, зная, что Русскіе, слабые въ чистомъ полѣ, неодолимы при защитѣ укрѣпленій. Елецкій и Волуевъ, видя, что Жолкѣвскій намѣренъ голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, послали въ Можайскъ къ князю Дмитрію Шуйскому съ просьбою объ свобожденіи. Шуйскій двинулся и сталъ у Клушина, истомивши войско походомъ въ сильный жаръ. Два Нѣмца изъ Делагардіева войска перебѣжали къ Полякамъ и объявили гетману о движеніи Шуйскаго; Жолкѣвскій созвалъ военный совѣтъ: разсуждали, что дожидаться непріятеля опасно, потому что мѣсто подъ Царевымъ Займищемъ неудобное; идти на встрѣчу также опасно, потому что тогда Елецкій и Волуевъ будутъ съ тыла; рѣшились раздѣлить войско: часть оставить у царева Займища для сдержанія Елецкаго и Волуева, и съ остальными гетману идти къ Клушину противъ Шуйскаго. Въ ночь съ 23 на 24 Іюня, вышло Польское войско изъ обоза, и на другой день утромъ

напало на Шуйскаго, раздѣлившись, по причинѣ тѣсноты мѣста, на два отряда; одинъ схватился съ Шведами и заставилъ Делагарди отступить. Другой отрядъ Поляковъ напалъ на Московское войско и прогналъ часть его, именно конницу, но Шуйскій съ пѣхотою засѣлъ въ деревнѣ Клушинѣ и упорно отбивался, пушки его наносили сильный уронъ Полякамъ, и исходъ битвы былъ очень сомнителенъ, какъ вдругъ наемные Нѣмцы начали передаваться Полякамъ, сперва два, потомъ шесть и такъ все больше и больше: Поляки подъѣзжали къ ихъ полкамъ, кричали: Kum! Kum! и Нѣмцы прилетали какъ птицы на кличь, а наконецъ объявили, что всѣ хотятъ вступить въ переговоры съ гетманомъ. Когда уже съ обѣихъ сторонъ дали заложниковъ и начали договариваться, возвратился Делагарди и хотѣлъ прервать переговоры, но никакъ не могъ: иноземные наемники обязались соединиться съ гетманомъ, Делагарди же и Горнъ съ небольшимъ отрядомъ Шведовъ получили позволеніе отступить на сѣверъ, къ границамъ своего государства. Между тѣмъ Русскіе, видя, что Нѣмцы измѣняютъ, начали собираться въ дорогу, срывать намёты; Нѣмцы дали знать Полякамъ, что Русскіе бѣгутъ, тѣ бросились за ними въ погоню и овладѣли всѣмъ обозомъ. Димитрій Шуйскій, по словамъ лѣтописца, возвратился въ Москву со срамомъ: «былъ онъ воевода сердца не храбраго, обложенный женствующими вещами, любящій красоту и пищу, а не луковъ натягиваніе.» Измѣну наемниковъ лѣтописецъ приписываетъ также главному воеводѣ; Нѣмецкіе люди просили денегъ, а онъ сталъ откладывать, подъ предлогомъ, что денегъ нѣтъ, тогда какъ деньги были. Нѣмецкіе люди начали сердиться и послали подъ Царево Займище сказать Жолкѣвскому, чтобъ шелъ не мѣшкая, а они съ нимъ биться не станутъ.

Изъ подъ Клушина Жолкѣвскій возвратился подъ Царево Займище и увѣдомилъ Елецкаго и Волуева о своей побѣдѣ. Воеводы долго не вѣрили, гетманъ показывалъ имъ знатныхъ плѣнниковъ, взятыхъ подъ Клушинымъ. И убѣдившись въ страшной истинѣ, они все еще не хотѣли сдаваться на имя

королевича, а говорили Жолкѣвскому: «Ступай подъ Москву: будетъ Москва ваша, и мы будемъ готовы присягнуть королевичу.» Гетманъ отвѣчалъ: «Когда возьму я васъ, то и Москва будетъ за нами.» Воеводы неволею поцѣловали крестъ Владиславу; но гетманъ, съ своей стороны, долженъ былъ присягнуть: христіянской вѣры у Московскихъ людей не отнимать, престоловъ Божіихъ не раззорять, костеловъ Римскихъ въ Московскомъ государствѣ не ставить; быть Владиславу государемъ также, какъ были и прежніе природные государи; боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ быть по прежнему; въ Московскіе города не посылать на воеводство Польскихъ и Литовскихъ людей, и въ староство городовъ не отдавать; у дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей жалованья, помѣстій и вотчинъ не отнимать; всѣмъ Московскимъ людямъ никакого зла не дѣлать; противъ Тушинскаго царика промышлять за одно; важна послѣдняя статья: «Какъ дастъ Богъ, добьетъ челомъ государю наияснѣйшему королевичу Владиславу Жигимонтовичу городъ Смоленскъ, то Жигимонту королю идти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Польскими и Литовскими людьми, порухи и насильства на посадѣ и въ уѣздѣ не дѣлать, помѣстья и вотчины въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ, которые государю королевичу добили челомъ, очистить, и городамъ всѣмъ порубежнымъ быть къ Московскому государству по прежнему.»

Жолкѣвскій понималъ, что овладѣть Москвою можно только именемъ Владислава и притомъ только съ условіемъ, что послѣдній будетъ царствовать, какъ прежніе природные государи; понималъ, что малѣйшій намекъ на униженіе Московскаго государства предъ Польшею, на нарушеніе его цѣлости, можетъ испортить все дѣло. Гетманъ согласился на условія, обезпечивавшія самостоятельность и цѣлость Московскаго государства, ибо его цѣль была — какъ можно скорѣе свергнуть Шуйскаго и возвести на его мѣсто Владислава. Жолкѣвскій долженъ былъ выбирать изъ двухъ одно: или, уступая требованіямъ Русскихъ, отнять Москву у Шуйскаго и отдать

ее Владиславу; или, не уступая ихъ требованіямъ, дѣйствуя согласно королевскимъ намѣреніямъ, усилить Шуйскаго, вооружить противъ себя всю землю, стать между двумя огнями, между Москвою и Калугою. Разумѣется, гетманъ выбралъ первое.

Когда Елецкій и Волуевъ присягнули Владиславу, и когда, по ихъ примѣру, присягнули ему Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое Городище и Ржевъ, то войско гетмана увеличилось десятью тысячами Русскихъ. Самъ Жолкѣвскій говоритъ, что эти новые подданные королевича были довольно вѣрны и доброжелательны, часто приносили ему изъ столицы извѣстія, входя въ сношенія съ своими, и переносили письма, которыя гетманъ писалъ въ Москву къ нѣкоторымъ лицамъ, также универсалы, побуждающіе къ низложенію Шуйскаго. Къ этимъ универсаламъ гетманъ присоединялъ и запись, данную имъ воеводамъ при Царевѣ Займищѣ, думая, что она послужитъ для Московскихъ жителей полнымъ ручательствомъ за ихъ будущее при Владиславѣ. Но вотъ что̀ отвѣчали гетману изъ Москвы Смоленскіе и Брянскіе служилые люди, которымъ онъ чрезъ ихъ земляковъ подослалъ грамоты и запись: «Мы эти грамоты и отвѣтныя рѣчи и запись, сами прочитавши, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и многихъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ; и они, прочитавъ, говорятъ: въ записи не написано, чтобъ государю нашему королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ нашу христіанскую вѣру, и окрестившись, сѣсть на Московскомъ государствѣ.» Гетманъ отвѣчалъ, что крещеніе королевича есть дѣло духовное, принадлежитъ патріарху и всему духовенству; но въ Москвѣ думали, что дѣло касается не патріарха только, а всей земли, и потому нѣкоторые, видя, что Шуйскому не усидѣть на престолѣ, склоннѣе были къ царику Калужскому, чѣмъ къ Владиславу. Самозванецъ расчитывалъ на это расположеніе: узнавъ, что при Клушинѣ дѣло Шуйскаго проиграно, онъ приманилъ къ себѣ деньгами войско Сапѣги и двинулся къ Москвѣ. На дорогѣ ему нужно было

взять Пафнутіевъ Боровскій монастырь, гдѣ засѣлъ Московскій воевода, князь Михайла Волконскій съ двоими товарищами. Послѣдніе, видя непреклонность старшаго воеводы, рѣшили сдать монастырь тайно, и отворили острожныя ворота, куда устремилось войско Лжедимитрія. Тогда Волконскій, увидавъ измѣну, бросился въ церковь; тщетно измѣнившіе товарищи звали его выйдти съ челобитьемъ къ побѣдителямъ: «умру у гроба Пафнутія Чудотворца,» отвѣчалъ Волконскій, сталъ въ церковныхъ дверяхъ и до тѣхъ поръ бился съ врагами, пока изнемогъ отъ ранъ, и палъ у лѣваго клироса, гдѣ и былъ добитъ. Раззоривъ монастырь, самозванецъ пошелъ на Серпуховъ: этотъ городъ сдался; Крымскіе Татары, пришедшіе на помощь къ царю Василію и взявшіе отъ него большіе дары, не устояли передъ войскомъ Сапѣги и, вмѣсто помощи, разсѣялись для грабежа, гнали плѣнныхъ какъ скотъ въ свои улусы. Сдались Лжедимитрію Коломна и Кашира; но не сдался Зарайскъ, гдѣ воеводствовалъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Еще прежде Ляпуновъ, поднявшись противъ царя Василія по смерти Скопина, присылалъ къ Пожарскому племянника своего Ѳедора Ляпунова, уговаривать его соединиться съ землею Рязанскою противъ Шуйскаго; но Пожарскій отправилъ грамоту въ Москву, потребовалъ подкрѣпленія у царя Василія и получилъ его. Теперь жители Зарайска пришли къ воеводѣ всѣмъ городомъ просить его, чтобъ цѣловалъ крестъ самозванцу; Пожарскій отказался и съ немногими людьми заперся въ крѣпости; Никольскій протопопъ Димитрій укрѣплялъ его и благословлялъ умереть за православную вѣру, и Пожарскій еще больше укрѣплялся; наконецъ онъ заключилъ такой уговоръ съ жителями Зарайска: «Будетъ на Московскомъ государствѣ по старому царь Василій, то ему и служить, а будетъ кто другой, и тому также служить.» Утвердивши этотъ уговоръ крестнымъ цѣлованіемъ, начали быть въ Зарайскомъ городѣ безъ колебанія, на воровскихъ людей начали ходить и побивать ихъ и городъ Коломну опять обратили къ царю Василію.

Лжедимитрій однако шелъ впередъ и сталъ у села Коломенскаго. У Шуйскаго было еще тысячь тридцать войска; но кто хотѣлъ сражаться за него? Мы видѣли, что служилые люди переписывались съ Жолкѣвскимъ объ условіяхъ, на которыхъ долженъ царствовать Владиславъ, Голицынъ ссылался съ Ляпуновымъ, который прислалъ въ Москву Алексѣя Пѣшкова къ брату своему Захару и ко всѣмъ своимъ совѣтникамъ, чтобъ царя Василія съ государства ссадить. Начали сноситься съ полками Лжедимитрія, однако не для того, чтобъ принять вора на мѣсто Шуйскаго: не хотѣли ни того, ни другаго, и потому условились, что Тушинцы отстанутъ отъ своего царя, а Москвичи сведутъ своего. Тушинцы уже указывали на Сапѣгу, какъ на человѣка достойнаго быть Московскимъ государемъ. Шуйскій видѣлъ, что трудно будетъ ему удержаться на престолѣ, и потому хотѣлъ вступить въ переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ; но когда предстоитъ тяжелое дѣло, то любятъ откладывать его подъ разными предлогами, и Шуйскій отложилъ посольство къ гетману, думая, что выгоднѣе будетъ дождаться, пока самъ гетманъ пришлетъ къ нему.

Но Захаръ Ляпуновъ съ товарищами не хотѣли дожидаться. 17 Іюля пришли они во дворецъ большою толпою: первый подступилъ къ царю Захаръ Ляпуновъ и сталъ говорить: «Долго ль за тебя будетъ литься кровь христіянская? земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе, сжалься надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ.» Шуйскій уже привыкъ къ подобнымъ сценамъ; видя предъ собою толпу людей незначительныхъ, онъ думалъ пристращать ихъ окрикомъ, и потому съ непристойно-бранными словами отвѣчалъ Ляпунову: «Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ,» и вынулъ было ножъ, чтобъ еще больше пристращать мятежниковъ. Но Захара Ляпунова трудно было испугать, брань и угрозы только могли возбудить его къ подобному же. Ляпуновъ былъ высокій, сильный мужчина; услыхавъ брань, увидавъ грозное движеніе Шуйскаго, онъ закричалъ ему: «Не

тронь меня: вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего!» Но товарищи Ляпунова не раздѣляли его горячки: видя, что Шуйскій не испугался и не уступаетъ добровольно ихъ требованію, Хомутовъ и Иванъ Никитичъ Салтыковъ закричали: «пойдемъ прочь отсюда!» и пошли прямо на Лобное мѣсто. Въ Москвѣ уже свѣдали, что въ Кремлѣ что-то дѣлается, и толпы за толпами валили къ Лобному, такъ что когда пріѣхалъ туда патріархъ, и надобно было объяснить въ чемъ дѣло, то народъ уже не помѣщался на площади. Тогда Ляпуновъ, Хомутовъ и Салтыковъ закричали, чтобъ всѣ шли на просторное мѣсто, за Москву рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ, туда же долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ ними и патріархъ. Здѣсь бояре, дворяне, гости и торговые лучшіе люди совѣтовали, какъ бы Московскому государству не быть въ раззореньи и расхищеньи: пришли подъ Московское государство Поляки и Литва, а съ другой стороны Калужскій воръ съ Русскими людьми, и Московскому государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. Бояре и всякіе люди приговорили: бить челомъ государю царю Василью Ивановичу, чтобъ онъ государь царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ, и города украинскіе, которые отступили къ вору, его государя на царство не хотятъ же. Въ народѣ сопротивленія не было, сопротивлялись не многіе бояре, но не долго; сопротивлялся патріархъ, но его не послушали. Во дворецъ отправился своякъ царскій, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій просить Василія, чтобъ оставилъ государство и взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. На эту просьбу, объявленную бояриномъ отъ имени всего Московскаго народа, Василій долженъ былъ согласиться, и выѣхалъ съ женою въ прежній свой боярскій домъ.

Но надежда перейдти изъ этого дома опять во дворецъ не оставила старика: онъ сносился съ своими приверженцами, увеличивалъ число ихъ, подкупалъ стрѣльцовъ. Обстоятельства были благопріятны: Тушинцы обманули Москвичей, ибо когда послѣдніе послали сказать имъ, что они сдѣлали свое дѣло,

свергнули Шуйскаго, и ждутъ, что Тушинцы также исполнять свое обѣщаніе и отстанутъ отъ вора, то получили насмѣшливый отвѣтъ: «Вы не помните государева крестнаго цѣлованія, потому что царя своего съ царства ссадили, а мы за своего помереть ради.» Патріархъ воспользовался этимъ и началъ требовать, чтобъ возвести опять Шуйскаго на престолъ, и много нашлось людей, которые были согласны на это. Разумѣется, не могли согласиться зачинщики дѣла 17-го Іюля: боясь, чтобъ это дѣло не испортилось, они спѣшили покончить съ Шуйскимъ: 19-го Іюля опять тотъ же Захаръ Ляпуновъ съ тремя князьями — Засѣкинымъ, Тюфякинымъ и Мериномъ-Волконскимъ, да еще съ какимъ-то Михайлою Аксеновымъ и другими, взявши съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, пошли къ отставленному царю и объявили, что для успокоенія народа онъ долженъ постричься. Мысль отказаться навсегда отъ надежды на престолъ, и особенно когда эта надежда начала усиливаться, была невыносима для старика: отчаянно боролся онъ противъ Ляпунова съ товарищами, его должно было держать во время обряда; другой, князь Тюфякинъ, произносилъ за него монашескіе обѣты, самъ же Шуйскій не переставалъ повторять, что не хочетъ постриженія. Постриженіе это, какъ насильственное, не могло имѣть никакого значенія, и патріархъ не признаваль его: онъ называлъ монахомъ князя Тюфякина, а не Шуйскаго. Не смотря на то, невольнаго постриженника свезли въ Чудовъ монастырь; постригли также и жену его; братьевъ посадили подъ стражу [92].

Отъ кратковременнаго, исполненнаго смутами царствованія Шуйскаго, мы не въ правѣ ожидать обилія внутреннихъ правительственныхъ распоряженій: большую часть царствованія Шуйскій провелъ въ осадѣ, во время которой правительственная дѣятельность его должна была ограничиваться одною Москвою. Онъ далъ нѣсколько тарханныхъ грамотъ церквамъ и монастырямъ, распорядился, чтобъ монастыри давали содержаніе священно- и церковно-служителямъ дворцовыхъ селъ, бѣжавшимъ отъ воровъ. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ

крестьянскій и холопскій. Мы видѣли временную мѣру Годунова — позволеніе переходить крестьянамъ между мелкими землевладѣльцами; болѣе ли двухъ лѣтъ эта мѣра имѣла дѣйствіе, рѣшить нельзя, ибо въ извѣстномъ намъ распоряженіи Лжедимитрія о крестьянахъ ничего о ней не говорится, хотя, съ другой стороны, на основаніи этого распоряженія, нельзя рѣшительно утверждать, что Годуновская мѣра не имѣла болѣе силы, ибо распоряженіе Лжедимитрія на счетъ иска крестьянъ могло относиться къ тѣмъ лицамъ, между которыми крестьянскій переходъ былъ запрещенъ и при Годуновѣ. Шуйскій въ Мартѣ 1607 года подтвердилъ прикрѣпленіе крестьянъ и постановилъ, что принимающій чужихъ крестьянъ обязанъ платить 10 рублей пени съ человѣка, а старымъ господамъ ихъ по три рубля за каждое лѣто; кромѣ того подговорщикъ подвергался наказанію кнутомъ. Побѣжитъ замужняя женщина, или вдова, или дѣвица въ чужую отчину и выйдетъ замужъ, то мужика, который женится на бѣглянкѣ, отдать къ прежнему господину со всѣмъ имѣніемъ и съ дѣтьми, которыя отъ нея родились. Если кто держитъ рабу до 17 лѣтъ въ дѣвицахъ, вдову послѣ мужа больше двухъ лѣтъ, парня холостаго за 20 лѣтъ, не женитъ и воли имъ не даетъ, такимъ давать отпускныя въ Москвѣ казначею, а въ другихъ городахъ намѣстникамъ и судьямъ: не держи не женатыхъ вопреки закону Божію, не умножай разврата. Подтвержденіе прикрѣпленія при Шуйскомъ объясняется тѣмъ же, чѣмъ объясняются всѣ послѣдующія подтвержденія: прикрѣпленіе было въ пользу служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, и чѣмъ болѣе государство чувствовало нужду въ послѣднихъ, тѣмъ нужнѣе казалось прикрѣпленіе; бояре, богатые землевладѣльцы, которые имѣли такую силу при Шуйскомъ, не хотѣли возстановленіемъ перехода раздражать служилыхъ людей, отнимать у нихъ средства, когда эти служилые люди защищали ихъ отъ козаковъ, холопей, ратовавшихъ подъ знаменами Болотникова и Тушинскаго вора. Мы видѣли также, что Русскіе Тушинцы, предлагая условія, на

которыхъ выбирали въ цари королевича Владислава, вытребовали, чтобъ крестьянскому переходу не быть.

Но если могущественные при Шуйскомъ бояре, по обстоятельствамъ времени, не могли помѣшать повторенію указа о крестьянскомъ прикрѣпленіи, то могли останавливать царскія распоряженія о холопяхъ, находя ихъ для себя невыгодными. 7-го Марта 1607 года царь Василій указалъ: которые холопи послужатъ въ холопствѣ добровольно, полгода, годъ или больше, а не въ холопствѣ родились и не старинные господскіе люди, и кабалъ на себя давать не захотятъ, такихъ добровольныхъ холопей въ неволю не отдавать: не держи холопа безъ кабалы ни одного дня, а держалъ безкабально и кормилъ, то у себя самъ потерялъ. Но 12 Сентября 1609 года, когда объ этой статьѣ доложено было на Верху боярамъ, то всѣ бояре прежній приговоръ 1607 года указали отставить, а приговорили: о добровольномъ холопствѣ быть той статьѣ, какъ уложено при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ, т. е. холопъ, послужившій съ полгода и больше, прикрѣпляется окончательно. Въ 1608 году бояре приговорили: которые холопи были въ воровствѣ, государю добили челомъ, получили отпускныя, и потомъ опять сбѣжали въ воровство: такихъ если возьмутъ на дѣлѣ, въ языкахъ, казнить или отдавать старымъ господамъ; которые же съ нынѣшняго воровства прибѣгутъ къ государю сами, такихъ старымъ господамъ не отдавать. Отказано было въ просьбѣ тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые, подвергшись опалѣ при Лжедимитріи, хотѣли повернуть къ себѣ назадъ холопей, отпущенныхъ на волю въ слѣдствіе опалы. Положено, чтобъ отвѣтчики въ холопьихъ искахъ, объявившіе, что искомые старымъ господиномъ холопи отъ нихъ убѣжали, должны цѣловать крестъ, что убѣжали безъ хитрости со стороны ихъ, отвѣтчиковъ. Запрещено было давать простыя записки на холопство до смерти: можно было давать такія записки только на урочныя лѣта.

Посадскимъ людямъ Шуйскій подтверждалъ грамоты Грознаго, которыми устанавливалось самоуправленіе; у крестьянъ

Зюздинской волости въ Перми установлено было самоуправленіе въ слѣдствіе просьбы ихъ, заключавшейся въ слѣдующемъ; «Живутъ они отъ Пермскихъ городовъ, отъ Кайгородка верстъ за двѣсти и больше, и въ писцовыхъ книгахъ написаны особо, дворишки ставили они на дикомъ черномъ лѣсу и люди они все пришлые; и вотъ пріѣзжаютъ къ нимъ въ волость Кайгородцы, посадскіе и волостные люди, и правятъ на нихъ тягло себѣ въ подмогу, имѣнье ихъ грабятъ, самихъ бьютъ, женъ и дѣтей безчестятъ, и волочатъ ихъ въ напрасныхъ поклепныхъ дѣлахъ лѣтомъ въ пашенную пору.» Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ за всякіе денежные доходы платить одинъ разъ въ годъ по 60 рублей, особо отъ Кайгородцевъ, которымъ запрещено было къ нимъ пріѣзжать; при этомъ Зюздинскіе крестьяне получили право выбирать у себя въ погостѣ судью, кого между собою излюбятъ. Зюздинскіе крестьяне жаловались на Кайгородцевъ, Вятчане на Пермичей: «Отпустили они, по царскому указу, съ Вятки въ Пермь, къ Соли Камской, въ ямскіе охотники 46 человѣкъ, а Пермскій воевода, князь Вяземскій, стакнувшись съ Пермичами, Вятскихъ охотниковъ билъ, мучилъ безъ вины, для того, чтобъ они съ яму разбрелись, а гоньбу бы гоняли Пермичи, получая съ Вятки прогонныя деньги, приклепывая прогоны и корыстуясь этими деньгами сами, какъ прежде бывало; Вятскихъ торговыхъ людей Пермскій воевода мучилъ на правежѣ на смерть. Царь писалъ Вяземскому, что если Вятчане въ другой разъ на него пожалуются, то онъ велитъ на немъ доправить ихъ убытки вдвое безъ суда; однако въ томъ же году царь велѣлъ Пермичамъ гонять ямскую гоньбу однимъ по прежнему. Не на однихъ воеводъ приходили жалобы; холопъ боярина Шереметева подалъ челобитную, въ которой писалъ: «Былъ всполохъ въ Нижнемъ Новгородѣ отъ воровскихъ людей, стали въ вѣстовой колоколъ бить, побѣжали посадскіе люди въ городъ съ рухлядью, побѣжалъ и крестьянинъ государя моего, боярина Шереметева, съ двумя новыми зипунами; но какъ бѣжалъ онъ въ Ивановскія ворота, стрѣльцы сотни Колзакова прибили его

и зипуны отняли. Я на другой день билъ челомъ воеводамъ о сыску; сотникъ Колзаковъ зипуны сыскалъ, но пропилъ ихъ въ кабакѣ съ тѣми же стрѣльцами, а у крестьянина сталъ просить на выкупъ десяти алтынъ. Я пошелъ къ вечернѣ въ Спасскій соборъ и сталъ опять бить челомъ воеводамъ, а сотникъ Колзаковъ сталъ бить челомъ на меня, будто я его бранилъ. Тутъ дьякъ Василій Семеновъ сталъ Колзакову говорить: «Не умѣлъ ты этого холопа на двое перерѣзать, у тебя свои холопи лучше его», да сталъ въ соборѣ же бранить....... государя моего Ѳедора Ивановича Шереметева; я вступился за государя своего, но онъ сталъ меня бранить и хотѣлъ зарѣзать, а сотнику Колзакову кричалъ: «гдѣ ни встрѣтишь съ своими стрѣльцами этого холопа или другихъ холопей Ѳедора Шереметева или крестьянъ его, грабь до нага и бей до смерти: вины не бойся, я за васъ отвѣчаю.»

И Шуйскій заботился о населеніи Сибири разными средствами: отправлено было въ Пелымъ изъ Московскихъ тюремъ восемь человѣкъ въ пашенные крестьяне; но они оттуда бѣжали, подговоривши съ собою въ проводники двоихъ старыхъ крестьянъ; въ слѣдствіе этого царь писалъ въ Пермь: впередъ въ Перми на посадѣ и во всемъ уѣздѣ велѣть заказъ учинить крѣпкій: кто поѣдетъ или пѣшкомъ пойдетъ изъ Сибирскихъ городовъ безъ проѣзжихъ грамотъ и подорожныхъ, такихъ хватать, распрашивать и сажать въ тюрьму до нашего указа.» Въ тоже время въ Перми велѣно было набирать для Сибири пашенныхъ крестьянъ изъ охочихъ людей, отъ отца сына, отъ братьи братью, отъ дядей племянниковъ, отъ сосѣдей сосѣдей, а не съ тягла.

Постоянныя неудачи Русскаго войска, превосходство иностранныхъ ратныхъ людей надъ Русскими, сдѣлавшееся очевиднымъ при соединеніи полковъ Скопина со Шведами, необходимость, какую увидалъ этотъ воевода учить своихъ при помощи Шведовъ, — все это заставило подумать о переводѣ съ иностранныхъ языковъ устава ратныхъ дѣлъ, чтобъ и Русскіе узнали всѣ новыя военныя хитрости, которыми хвалятся чужіе

народы. Переводчиками были Михайла Юрьевъ и Иванъ Ѳоминъ. Печатаніе книгъ продолжалось въ Москвѣ: имъ занимались Анисимъ Родишевскій (Волынецъ), Иванъ Андрониковъ Тимоѳеевъ, и Никита Ѳедоровъ Фофановъ Псковитянинъ; въ предисловіи къ Общей Минеи, напечатанной послѣднимъ, говорится, что Шуйскій велѣлъ сдѣлать новую штанбу, еже есть печатныхъ книгъ дѣло, и домъ новый превеликій устроить.

Относительно нравственнаго состоянія Русскаго общества мы видѣли, въ какомъ ходу было чародѣйство; о Шуйскомъ прямо говорится, что онъ сильно вѣрилъ ему; царь объявлялъ въ своихъ грамотахъ народу, что Лжедимитрій прельстилъ всѣхъ чародѣйствомъ: но легко понять, какъ распространеніе подобныхъ мнѣній должно было вредно дѣйствовать на нравственныя силы народа. При такихъ убѣжденіяхъ народъ долженъ былъ походить на напуганнаго ребенка и лишиться нравственнаго мужества: гдѣ же спасеніе, когда какой-нибудь чернокнижникъ, съ помощію адской силы, такъ легко можетъ всѣхъ прельстить? Надобно представить себѣ это жалкое положеніе Русскаго человѣка въ описываемое время, когда онъ при каждомъ шагѣ съ испуганнымъ видомъ долженъ былъ озираться на всѣ стороны: вотъ злой человѣкъ слѣдъ выйметъ, вотъ по вѣтру болѣзнь напуститъ. Гибельно дѣйствуетъ на нравы отсутствіе общественной безопасности, когда нѣтъ защиты отъ насилій сильнаго или злонамѣреннаго, когда человѣкъ, выходя изъ дому, не имѣетъ увѣренности, дадутъ ли ему благополучно возвратиться домой; но еще гибельнѣе должна дѣйствовать на нравы эта напуганность, это убѣжденіе, что повсюду противъ человѣка направлены враждебныя невещественныя силы. Если правительство увѣряло народъ, что разстрига прельстилъ всѣхъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Перми въ 1606 году крестьянина Тадева огнемъ жгли и на пыткѣ три встряски ему было по наговору, что онъ напускаетъ на людей икоту[93].

ГЛАВА VII.

ОТЪ СВЕРЖЕНІЯ СЪ ПРЕСТОЛА ШУЙСКАГО ДО СМЕРТИ ТУШИНСКАГО ВОРА.

По смерти царя Θеодора до избранія Годунова правительствующею царицею считалась Ирина, но теперь, по сверженіи Шуйскаго, некому было стать или, по крайней мѣрѣ, считаться въ главѣ правительства кромѣ думы боярской, и вотъ всѣ должны были присягать — до избранія новаго царя повиноваться боярамъ: «Всѣ люди, сказано въ крестоприводной записи, били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали, приняли Московское государство пока намъ Богъ дастъ государя.» Присягавшій клялся: слушать бояръ и судъ ихъ любить, что они кому за службу и за вину приговорятъ; за Московское государство и за нихъ, бояръ, стоять и съ измѣнниками биться до смерти; вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть; другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею землею. Боярамъ всѣхъ праведнымъ судомъ судить, а государя выбирать съ нами со всякими людьми, всею землею, сославшись съ городами; бывшему государю Василью Ивановичу отказать, на государевѣ дворѣ ему не быть и впередъ на государствѣ не сидѣть; намъ

надъ государемъ Васильемъ Ивановичемъ и надъ государынею и надъ его братьями, убійства не учинить и никакого дурна, а князю Дмитрію и князю Ивану Шуйскимъ съ боярами въ приговорѣ не сидѣть.» Въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ отъ 20 Іюля, Москва объявляла: Видя междоусобіе между православными христіянами, Польскіе и Литовскіе люди пришли въ землю Московскаго государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри раззорили, святынѣ поругались и хотятъ православную вѣру въ Латинство превратить; Польскій король стоитъ подъ Смоленскомъ, гетманъ Жолкѣвскій въ Можайскѣ, а воръ въ Коломенскомъ; Литовскіе люди, по ссылкѣ съ Жолкѣвскимъ, хотятъ государствомъ Московскимъ завладѣть, православную вѣру раззорить, а свою Латинскую ввести. И мы, продолжаютъ Москвичи, поговоря между собою и услыша отъ всякихъ людей украинскихъ городовъ, что государя царя Василья Ивановича на Московскомъ государствѣ не любятъ, къ нему не обращаются и служить ему не хотятъ, кровь христіянская междоусобная льется многое время, всталъ отецъ на сына и сынъ на отца, другъ на друга,—видя всякіе люди Московскому государству такое конечное раззоренье, били челомъ ему государю всею землею, всякіе люди, чтобъ онъ государство оставилъ для междоусобныя брани, и для того: которые люди, боясь отъ него опалы, или его не любя, къ нему и ко всему Московскому государству не обращаются, тѣ бы всѣ были въ соединеньѣ и стояли бы за православную христіянскую вѣру всѣ заодно. И государь государство оставилъ, съѣхалъ на свой старый дворъ и теперь въ чернецахъ; а мы цѣловали крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ воровъ стоять всѣмъ государствомъ заодно и вора на государство не хотѣть. И вамъ бы всѣмъ, всякимъ людямъ, стоять съ нами вмѣстѣ за одно и быть въ соединеньѣ, чтобъ наша православная христіянская вѣра не раззорилась, и матери бы наши, жены и дѣти въ Латинской вѣрѣ не были.

Изъ этихъ грамотъ мы видимъ, что тотчасъ по сверженіи Шуйскаго самою сильною стороною въ Москвѣ была та, кото-

рая не хотѣла имѣть государемъ ни Польскаго королевича, ни Лжедимитрія, слѣдовательно хотѣла избрать кого-нибудь изъ своихъ знатныхъ людей. Этой стороны держался патріархъ, и нѣтъ сомнѣнія, что подъ его-то вліяніемъ преимущественно написаны были присяжная запись и грамоты, разосланныя по городамъ. Эта сторона имѣла въ виду двоихъ кандидатовъ на престолъ — князя Василья Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но эта сторона, по обстоятельствамъ, скоро должна была уступить другой. Въ Можайскѣ стоялъ гетманъ Жолкѣвскій, требуя, чтобъ Москва признала царемъ Владислава, имѣя у себя значительный отрядъ Русскихъ служилыхъ людей, уже присягнувшихъ королевичу, а въ Коломенскомъ стоялъ Лжедимитрій. Временному правительству Московскому не было возможности отбиваться отъ Жолкѣвскаго и Лжедимитрія вмѣстѣ, особенно когда у послѣдняго были приверженцы между низшимъ народонаселеніемъ города. Некогда было созывать соборъ для выбора царя всею землею, надобно было выбирать изъ двоихъ готовыхъ искателей престола, Лжедимитрія и Владислава. Если у самозванца могли быть приверженцы въ низшихъ слояхъ Московскаго народонаселенія, то бояре и всѣ лучшіе люди никакъ не могли согласиться принять вора, который приведетъ въ думу своихъ Тушинскихъ и Калужскихъ бояръ, окольничихъ и дворянъ думныхъ, который имѣніе богатыхъ людей отдастъ на разграбленіе своимъ козакамъ и шпынямъ городскимъ, своимъ давнимъ союзникамъ. Поэтому для бояръ и лучшихъ людей, для людей охранительныхъ, имѣвшихъ что охранять, единственнымъ спасеніямъ отъ вора и его козаковъ былъ Владиславъ, то-есть гетманъ Жолкѣвскій съ своимъ войскомъ. Главою стороны Лжедимитріевой былъ Захаръ Ляпуновъ, прельщенный громадными обѣщаніями вора; главою стороны Владиславовой былъ первый бояринъ князь Мстиславскій, который объявилъ, что самъ онъ не хочетъ быть царемъ, но не хочетъ также видѣть царемъ и кого-нибудь изъ своихъ братьевъ бояръ, а что должно избрать государя изъ царскаго рода.

Узнавши, что Захаръ Ляпуновъ хочетъ тайно впустить самозванцево войско въ Москву, Мстиславскій послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобъ тотъ шелъ немедленно подъ столицу. Гетманъ 20 Іюля двинулся изъ Можайска, въ Москву послалъ грамоты, въ которыхъ объявлялъ, что идетъ защищать столицу отъ вора; къ князю Мстиславскому съ товарищи прислалъ онъ грамоту, изъ которой бояре могли видѣть, какія выгоды пріобрѣтутъ они отъ тѣснаго соединенія съ Польшею; представитель Польскаго вельможества счелъ нужнымъ изложить предъ Московскими боярами аристократическое ученіе: «Дошли до насъ слухи, пишетъ гетманъ, что князь Василій Шуйскій сложилъ съ себя правленіе, постригся, и братья его находятся подъ крѣпкою стражею: мы отъ этого въ досадѣ и кручинѣ великой, и опасаемся, чтобъ съ ними не случилось чего дурнаго. Сами вы знаете, и намъ всѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ извѣстно, что князья Шуйскіе въ Московскомъ государствѣ издавна бояре большіе, и природнымъ своимъ господарямъ вѣрою и правдою служили и головъ своихъ за нихъ не щадили. Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій славно защищалъ Псковъ, а князь Михайла Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ сильно стоялъ за государство. А всѣ великія государства стоятъ своими великими боярами. Находящихся въ рукахъ вашихъ князей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье и не допуская причинять имъ никакого насильства, раззоренія и притѣсненія; потому что наияснѣйшій господарь король его милость съ сыномъ своимъ королевичемъ его милостію и князей Шуйскихъ, равно какъ и всѣхъ васъ великихъ бояръ, когда вы будете служить господарямъ вѣрою и правдою, готовъ содержать во всякой чести и довѣріи и жаловать господарскимъ жалованьемъ.»

Не смотря однако на то, что Мстиславскій звалъ гетмана на помощь и что помощь его была необходима противъ самозванца, для большинства Москвичей была страшно тяжела мысль взять въ государи иновѣрнаго королевича изъ Литвы. Патрі-

архъ сильно противился признанію Владислава, и хотя гетманъ былъ уже въ восьми миляхъ отъ Москвы, однако бояре отписали ему, что не нуждаются въ его помощи, и требовали, чтобъ Польское войско не приближалось къ столицѣ. Но у Жолкѣвскаго былъ могущественный союзникъ — самозванецъ, пугаю всѣхъ лучшихъ людей: «Лучше служить королевичу, говорили они, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться.» Патріархъ все настаивалъ на избраніи Русскаго православнаго царя; однажды онъ захотѣлъ убѣдить народъ примѣромъ изъ исторіи: «Помните, православные христіяне! что Карлъ въ великомъ Римѣ сдѣлалъ!» Но народу было не до Карла и не до великаго Рима: «Всѣ люди посмѣялись, говоритъ современникъ, заткнули уши чувственныя и разумныя и разошлись.» Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ также выѣзжалъ на Лобное мѣсто и говорилъ народу: «Не прельщайтесь, мнѣ самому подлинно извѣстно королевское злое умышленье надъ Московскимъ государствомъ: хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть, и нашу истинную христіянскую вѣру раззорить, а свою Латинскую утвердить.» Но и это увѣщаніе осталось безъ дѣйствія.

24 Іюля Жолкѣвскій уже стоялъ въ 7 верстахъ отъ Москвы на лугахъ Хорошовскихъ, а съ другой стороны самозванецъ уже началъ добывать Москву. Во время сраженія съ нимъ, Мстиславскій, чтобъ завязать сношенія съ гетманомъ, послалъ спросить его: «врагомъ или другомъ пришелъ онъ подъ Москву?» Жолкѣвскій отвѣчалъ, что готовъ помогать Москвѣ, если она признаетъ царемъ Владислава. Въ тоже время въ станъ къ гетману явились послы отъ Лжедимитрія. Послѣдній, желая отстранить соперника, далъ Сапѣгѣ запись, въ которой обѣщалъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, заплатить королю Польскому 300,000 злотыхъ, а въ казну республики, въ продолженіи 10 лѣтъ, выплачивать ежегодно по 300,000 злотыхъ, сверхъ того королевичу платить по 100,000 злотыхъ ежегодно также въ продолженіи 10 лѣтъ, обѣщался завоевать для Польши у Шведовъ всю Ливонію и для войны Шведской выставлять по 15,000

войска. Касательно земли Сѣверской далъ уклончивое обѣщаніе, что онъ не прочь вести объ этомъ переговоры, и если дѣйствительно будетъ что-либо кому слѣдовать, то почему же и не отдать должнаго? однако лучше каждому остаться при своемъ. Съ этою записью изъ стана Сапѣги отправились послы подъ Смоленскъ уговаривать короля принять предложеніе самозванца. Пріѣхавъ сперва въ станъ къ гетману, они объявили Жолкѣвскому о цѣли своего посольства къ королю и сказали, что Лжедимитрій хочетъ послать и къ нему, гетману, съ подарками; но Жолкѣвскій, давши посламъ свободный путь къ королю, самъ уклонился отъ всѣхъ сношеній съ воромъ.

Между тѣмъ сношенія съ Москвою продолжались. Когда Мстиславскій прислалъ письмо къ гетману, то письменнаго отвѣта не получилъ, Жолкѣвскій велѣлъ сказать ему, что письменныя сношенія только затянутъ дѣло, которому не будетъ конца. Начались съѣзды; но дѣло и тутъ затянулось, потому что прежде всего надобно было отстранить самое могущественное препятствіе, иновѣріе Владислава; патріархъ объявилъ боярамъ относительно избранія королевича: если крестится и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я васъ благословляю; если же не крестится, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной христіанской вѣрѣ, и да не будетъ на васъ нашего благословенія.» Бояре настаивали, чтобъ первымъ условіемъ Владиславова избранія было поставлено принятіе православія; но гетманъ безъ наказа королевскаго никакъ не могъ на это согласиться. Личные переговоры Мстиславскаго съ Жолкѣвскимъ, происходившіе 2-го Августа противъ Дѣвичьяго монастыря, были прерваны извѣстіемъ, что самозванецъ приступаетъ къ Москвѣ: воръ былъ отбитъ съ помощію Русскаго войска, пришедшаго съ Жолкѣвскимъ и находившагося подъ начальствомъ Ивана Михайловича Салтыкова, сына Михайлы Глѣбовича. Покушенія самозванца съ одной стороны, а съ другой ропотъ Польскаго войска, не получавшаго жалованья и грозившаго возвратиться, заставляли гетмана ускорить переговорами: онъ объявилъ, что

принимаетъ только тѣ условія, которыя были утверждены королемъ, и на которыхъ цѣловалъ крестъ Салтыковъ съ товарищами подъ Смоленскомъ, прибавки же, сдѣланныя боярами теперь въ Москвѣ, между которыми главная состояла въ томъ, что Владиславъ приметъ православіе въ Можайскѣ, — должны быть переданы на рѣшеніе короля. Бояре согласились; съ своей стороны гетманъ согласился тутъ же внести въ договоръ нѣкоторыя измѣненія и прибавки, которыхъ не было въ Салтыковскомъ договорѣ. Эти измѣненія очень любопытны, показывая разность взгляда Тушинцевъ, заключавшихъ договоръ подъ Смоленскомъ, и бояръ, заключавшихъ его теперь въ Москвѣ. Такъ въ Салтыковскомъ договорѣ внесено условіе свободнаго выѣзда за границу для науки: въ Московскомъ договорѣ этого условія нѣтъ. Салтыковскій договоръ, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ людей, могшихъ получить важное значеніе только въ Тушинѣ, требовалъ возвышенія людей незнатныхъ смотря по ихъ заслугамъ; въ Московскій договоръ бояре внесли условіе: «Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать.» Салтыковскій договоръ былъ составленъ извѣстными приверженцами перваго Лжедимитрія, которые не могли опасаться мести за 17-е Мая 1606 года; но составители Московскаго договора сочли необходимымъ прибавить, чтобъ не было мести за убійство Поляковъ 17-го Мая. Прибавлены были также слѣдующія условія: Сапѣгу отвести отъ вора; помогать Москвѣ противъ послѣдняго и, по освобожденіи столицы отъ него, Жолкѣвскій долженъ отступить съ Польскими войсками въ Можайскъ и тамъ ждать конца переговоровъ съ Сигизмундомъ; Марину отослать въ Польшу и запретить ей предъявлять права свои на Московскій престолъ; города Московскаго государства, занятые Поляками и воромъ, очистить, какъ было до смутнаго времени; о вознагражденіи короля и Польскихъ ратныхъ людей за военныя издержки должны говорить съ Сигизмундомъ великіе послы Московскіе; наконецъ гетманъ обя-

зался писать королю, бить ему челомъ, чтобъ снялъ осаду Смоленска.

27 Августа, на половинѣ дороги отъ Польскаго стана къ Москвѣ, происходила торжественная присяга Московскихъ жителей королевичу Владиславу; здѣсь, въ двухъ шатрахъ, гдѣ стояли богатоукрашенные налои, присягнули въ первый день 10,000 человѣкъ; гетманъ, съ своей стороны, именемъ Владислава, присягнулъ въ соблюденіи договора. На другой день присяга происходила въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи патріарха; сюда пришли Русскіе Тушинцы, прибывшіе подъ Москву съ Жолкѣвскимъ — Михайла Салтыковъ, князь Мосальскій и другіе. Они подошли подъ благословеніе къ патріарху; тотъ встрѣтилъ ихъ грозными словами: «Если вы пришли правдою, а не лестію, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ меня грѣшнаго; если же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты.» Салтыковъ со слезами на глазахъ сталъ увѣрять Гермогена, что будетъ у нихъ прямой, истинный государь, и патріархъ благословилъ его. Но когда подошелъ Михайла Молчановъ, то Гермогенъ закричалъ на него: «Окаянный еретикъ! тебѣ не слѣдъ быть въ церкви», и велѣлъ выгнать его вонъ. Гетманъ и бояре угощали, дарили другъ друга; думали, что смутное время кончилось избраніемъ царя изъ чужаго народа, изъ царскаго племени. Но смутное время было еще далеко до окончанія: при избраніи Владислава не удовлетворялось главному требованію народа: для успокоенія послѣдняго надобно было обмануть его, и временное правительство, не наказавшись прошедшимъ, рѣшилось прибѣгнуть къ обману. По городамъ разосланы были грамоты съ приказомъ присягать Владиславу, и въ этихъ грамотахъ правительствующіе бояре писали, что такъ какъ совѣтные люди изъ городовъ для царскаго выбора не пріѣзжали, то Москва цѣловала крестъ королевичу Владиславу на томъ, что ему государю быть въ нашей православной христіанской вѣрѣ Грече-

скаго закона. Но понятно, что истины скрыть было нельзя; многіе очень хорошо знали, что дѣло о принятіи православія королевичемъ отложено, и нѣкоторые изъ нихъ имѣли сильныя побужденія разглашать объ этомъ въ Москвѣ, давать знать въ станъ къ самозванцу и по городамъ: и вотъ когда другіе города повиновались Москвѣ и присягнули Владиславу, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Галичь и Ростовъ начали тайно пересылаться съ самозванцемъ, изъявляя готовность передаться ему. Прежде эти самые города встали противъ Лжедимитрія и отчаянно оборонялись отъ его сподвижниковъ, увидавши въ нихъ воровъ, враговъ государства. Но теперь высшій интересъ, интересъ религіозный становится на первомъ планѣ и отстраняетъ всѣ другіе: для многихъ лучше было покориться тому, кто называлъ себя православнымъ царемъ Димитріемъ, сыномъ царя Ивана Васильевича, чѣмъ Литовскому иновѣрному королевичу. Съ этихъ поръ, съ провозглашенія Владислава царемъ, народныя движенія въ Московскомъ государствѣ принимаютъ религіозный характеръ, и король Сигизмундъ спѣшитъ дать имъ силу.

Черезъ два дня послѣ торжественной присяги съ обѣихъ сторонъ, къ гетману пріѣхалъ изъ-подъ Смоленска Ѳедоръ Андроновъ съ письмомъ отъ короля, гдѣ тотъ требовалъ, чтобъ Московское государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его. Въ слѣдъ за Андроновымъ пріѣхалъ Гонсѣвскій съ подробнѣйшимъ наказомъ для гетмана; но не только самъ гетманъ, даже и Гонсѣвскій, узнавъ положеніе дѣлъ, счелъ невозможнымъ нарушить договоръ и исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по собственному сознанію Поляковъ, было ненавистно Московскому народу. Рѣшившись не обнаруживать ни въ чемъ намѣреній короля, Жолкѣвскій началъ приводить въ исполненіе ту статью договора, которою онъ обязался отвести Сапѣгу отъ вора и прогнать послѣдняго отъ Москвы. Онъ послалъ къ первому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣлу короля и республики и уговорить самозванца къ изъявленію покорности Сигизмунду, въ какомъ случаѣ Жолкѣвскій

обѣщалъ выпросить ему у Польскаго правительства Самборъ или Гродно въ кормленіе; въ случаѣ же несогласія самозванца, Сапѣга долженъ былъ выдать его гетману или, по крайней мѣрѣ, отступить отъ него. Самъ Сапѣга готовъ былъ выполнить требованія гетмана; но товарищи его никакъ не согласились. Жолкѣвскій увидалъ необходимость употребить мѣры подѣйствительнѣе простыхъ увѣщаній; онъ двинулся ночью изъ своего стана и на разсвѣтѣ стоялъ уже передъ станомъ Сапѣги въ боевомъ порядкѣ; князь Мстиславскій вывелъ къ нему также на помощь пятнадцатитысячный отрядъ Московскаго войска, оставивъ, по распоряженію гетмана, другой сильный отрядъ въ городѣ для сдержанія приверженцевъ Лжедимитрія. Соединившись съ Жолкѣвскимъ, первый бояринъ Московскаго государства, князь Мстиславскій, поступилъ подъ начальство короннаго гетмана Польскаго! Войско Сапѣги испугалось, увидя передъ собою соединенные полки Жолкѣвскаго и Мстиславскаго; Русскіе, замѣтивъ эту робость, хотѣли тотчасъ же ударить на него; но гетманъ не хотѣлъ проливать крови своихъ, дожидался мирной покорности, которая и не замедлила: Сапѣга явился на личное свиданіе къ гетману и обѣщалъ или уговорить самозванца къ покорности или отступить отъ него. Но Лжедимитрій, или, лучше сказать, жена его, находившіеся тогда въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣли слышать ни объ какихъ условіяхъ: несогласіе нѣкоторыхъ городовъ на избраніе Владислава обѣщало имъ новую смуту, новую возможность поправить свои дѣла. Тогда гетманъ объявилъ боярамъ свое намѣреніе — пройдя ночью черезъ Москву, подступить къ монастырю и захватить тамъ врасплохъ самозванца. Бояре согласились, позволили Польскому войску, въ ночное время, пройти черезъ городъ почти пустой, потому что бояре еще прежде вывели тридцать тысячъ войска въ поле. Впрочемъ довѣренность не была обманута: Поляки прошли поспѣшно черезъ городъ, не сходя съ коней, безо всякаго вреда для жителей. Польское и Литовское войско соединились у Коломенской заставы и пошли къ Угрѣшскому монастырю; но изъ

Москвы успѣли увѣдомить Лжедимитрія объ опасности, и тотъ бѣжалъ въ Калугу съ женою и Заруцкимъ, который перешелъ на его сторону, разсорившись съ Жолкѣвскимъ за то, что гетманъ не хотѣлъ дать ему главнаго начальства надъ Русскимъ войскомъ, передавшимся на имя королевича. Не надѣясь догнать самозванца, гетманъ возвратился въ станъ свой, а бояре въ Москву. На другой день Русскіе приверженцы Лжедимитрія, не послѣдовавшіе за нимъ въ Калугу, пріѣхали къ гетману и объявили желаніе присягнуть Владиславу, если только при нихъ останутся тѣ званія, которыя они получили отъ самозванца. Жолкѣвскій былъ не прочь удовлетворить этому требованію; но бояре Московскіе никакъ не хотѣли на это согласиться. Извѣщая города о послѣднихъ событіяхъ, они писали: «Литовскіе люди — Янъ Сапѣга съ товарищами, и Русскіе люди, бояре — князь Михаилъ Туренинъ да князь Ѳедоръ Долгорукій, и воровскіе совѣтники, князь Ал. Сицкій, Александръ Нагой, Григорій Сунбуловъ, Ѳед. Плещеевъ, князь Ѳед. Засѣкинъ, да дьякъ Петръ Третьяковъ, и всякіе служилые и неслужилые люди вину свою государю королевичу принесли.» Здѣсь любопытно отдѣленіе двухъ бояръ — князя Туренина и Долгорукаго отъ остальныхъ приверженцевъ Лжедимитрія, которые называются воровскими совѣтниками, какъ будто бы двое означенныхъ бояръ не были также воровскими совѣтниками. Нѣкоторые изъ этихъ воровскихъ совѣтниковъ, недовольные Московскимъ пріемомъ, опять отъѣхали къ самозванцу.

Отогнавъ Лжедимитрія, гетманъ началъ настаивать на скорѣйшее отправленіе пословъ къ Сигизмунду, что̀ давало ему случай удалить изъ Московскаго государства подозрительныхъ людей, на которыхъ указано было народу какъ на достойныхъ занять престолъ. Жолкѣвскій началъ уговаривать Голицына принять на себя посольство, льстилъ ему, представляя, что такое великое дѣло должно быть совершено именно такимъ знаменитымъ мужемъ, какимъ былъ онъ, Голицынъ; притомъ увѣрялъ его, что это посольство дастъ ему удобный случай

къ пріобрѣтенію особенной милости короля и королевича. Голицынъ принялъ предложеніе. Жолкѣвскій отъ его удаленія получалъ двойную выгоду: во первыхъ удалялъ изъ Москвы, отдавалъ въ руки королевскія искателя престола; во вторыхъ удалялъ изъ Москвы самаго виднаго по способностямъ и дѣятельности боярина, съ остальными легко было управиться. Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, носившій въ это время званіе стольника, былъ еще очень молодъ, и потому его нельзя было включить въ посольство: тогда гетманъ постарался, чтобъ посломъ отъ духовенства назначили отца Михаилова, митрополита Филарета; Жолкѣвскій представлялъ, что на такое важное дѣло нужно послать человѣка, не только по званію, но и по происхожденію знаменитаго, а послѣднему условію вполнѣ удовлетворялъ только одинъ Филаретъ. Увѣдомляя короля о присягѣ Москвы Владиславу, гетманъ писалъ ему: «Одинъ Богъ знаетъ, что въ сердцахъ людскихъ кроется, по, сколько можно усмотрѣть, Москвитяне искренно желаютъ, чтобы королевичь у нихъ царствовалъ. Для переговоровъ о крещеніи и другихъ условіяхъ отправляютъ къ вашей королевской милости князя Василія Голицына съ товарищами; переговоры эти не будутъ трудны, потому что Голицынъ, пришедши къ патріарху съ другими боярами, объявилъ ему, что «о крещеніи они будутъ бить челомъ, но если бы даже король и не исполнилъ ихъ просьбы, то волепъ Богъ да господарь, мы ему уже крестъ цѣловали и будемъ ему прямить.» Удаливши чрезъ посольство Голицына и отца Михаилова, Жолкѣвскій распорядился и на счетъ бывшаго царя Василія, который могъ быть также опасенъ, ибо патріархъ не считалъ его монахомъ: по настоянію гетмана, бояре отправили Василія въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, а братьевъ его въ Бѣлую, чтобъ отсюда удобнѣе было переслать ихъ въ Польшу; патріархъ кажется догадывался объ этомъ намѣреніи, и настаивалъ, чтобъ Шуйскаго отвезли въ Соловецкій монастырь, но тщетно. Царицу Марью заключили въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Филаретъ и Голицынъ отправились въ челѣ посольства;

между остальными членами его были: окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, думный дьякъ Томила-Луговской, дьякъ Сыдавный-Васильевъ; изъ духовныхъ Спасскій архимандритъ Евфимій, Троицкій келарь Аврамій Палицынъ и другіе; къ нимъ присоединены были выборные изъ разныхъ чиновъ люди; число лицъ посольства простиралось до 1,246 человѣкъ. Посламъ данъ былъ такой наказъ: 1) Требовать, чтобъ Владиславъ принялъ греческую вѣру въ Смоленскѣ отъ митрополита Филарета и Смоленскаго архіепископа Сергія, чтобъ пришелъ въ Москву православнымъ; 2) чтобъ Владиславъ, будучи на престолѣ, не сносился съ папою о дѣлахъ вѣры, а только о дѣлахъ государственныхъ; 3) если кто-нибудь изъ людей Московскаго государста захочетъ, по своему малоумію, отступить отъ греческой вѣры, такихъ казнить смертію, а имѣніе ихъ отказать въ казну; слѣдовательно здѣсь сдѣлано исключеніе изъ того условія договора, по которому имѣніе у преступниковъ не отбиралось, но шло къ наслѣдникамъ; 4) чтобъ королевичь взялъ съ собою изъ Польши немногихъ необходимыхъ людей; 5) прежняго титула Московскихъ государей не умалять; 6) жениться Владиславу въ Московскомъ государствѣ, на дѣвицѣ греческаго закона; 7) города и мѣста, занятые Поляками и воромъ, очистить къ Московскому государству, какъ было до смуты и какъ условлено съ гетманомъ; 8) Полякамъ и Литовцамъ, которые пріѣдутъ съ Владиславомъ, давать помѣстья внутри государства, а не въ порубежныхъ городахъ. Цѣль условія ясна: Поляки, владѣя порубежными мѣстами, легко могли завести ихъ за Польшу; 9) всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Московскомъ государствѣ во время смутъ, возвратить безъ выкупа; 10) король долженъ отступить отъ Смоленска, на посадѣ и въ уѣздѣ никакого насилія не дѣлать; 11) на будущій сеймъ должны пріѣхать Московскіе послы, въ присутствіи которыхъ вся Рѣчь Посполитая должна подкрѣпить великое утвержденіе между двумя государствами.

На случай неодолимаго сопротивленія съ Польской стороны,

посламъ дозволено было умѣрить свои требованія, именно, касательно первой статьи: если королевичь на принятіе православной вѣры въ Смоленскѣ не согласится и отложитъ это дѣло до прибытія своего въ Москву, гдѣ приметъ рѣшеніе, постановленное духовенствомъ православнымъ и латинскимъ — то послы должны отвѣчать, что у нихъ на такой случай нѣтъ наказа, просить позволенія переписаться съ патріархомъ, боярами и всею землею, а королевича просить идти немедленно въ Москву; прибавлено, чтобы послы не спорили о вѣрѣ съ панами или учителями латинскими. Касательно четвертой статьи послы должны были настоять, чтобъ Владиславъ не привозилъ съ собою больше пяти сотъ человѣкъ Поляковъ. Касательно титула послы могли согласиться, что Владиславъ постановитъ о немъ окончательное рѣшеніе въ Москвѣ по приговору патріарха, бояръ и всѣхъ думныхъ людей. Статью о женитьбѣ послы могли измѣнить такъ: Владиславъ не можетъ жениться безъ совѣта патріарха, всего духовенства, бояръ и думныхъ людей. Послы не должны были соглашаться на вознагражденіе короля за подъемъ и на уплату жалованья Польскому войску, бывшему при ворѣ съ Сапѣгою; не должны были соглашаться на построеніе костела въ Москвѣ, на оставленіе Польскихъ чиновниковъ въ порубежныхъ Русскихъ городахъ до совершеннаго успокоенія государства; должны были уклониться отъ переговоровъ о порубежныхъ спорныхъ дѣлахъ, «чтобъ за тѣмъ большому дѣлу мѣшкоты не было.» Въ случаѣ же упорнаго настаиванія съ Польской стороны на счетъ означенныхъ послѣднихъ пунктовъ, послы должны были отвѣчать, что они не имѣютъ о нихъ наказа, и потому рѣшеніе этихъ дѣлъ должно оставить до будущихъ переговоровъ между Сигизмундомъ и его сыномъ, когда уже Владиславъ будетъ государемъ Московскимъ. Въ Москвѣ, какъ видно, надѣялись, что какъ скоро Владиславъ станетъ царемъ, то будетъ по необходимости блюсти выгоды своего государства: вотъ почему послы должны были прежде всего настаивать на скорѣйшій пріѣздъ Владислава въ Москву.

Патріархъ отправилъ съ послами отъ себя письмо къ Сигизмунду, гдѣ умолялъ короля отпустить сына въ греческую вѣру: «любви ради Божіей смилуйся, великій государь, не презри нашего прошенія, да и вы сами Богу не погрубите, и насъ богомольцевъ своихъ и такихъ неисчетныхъ народовъ не оскорбите.» Но Сигизмундъ прежде всего долженъ былъ думать о томъ, чтобъ не оскорбить своего народа и, поставленный въ необходимость возвратиться въ Польшу или съ цѣлымъ Московскимъ государствомъ, или по крайней мѣрѣ съ частію его, продолжалъ осаду Смоленска. Съ другой стороны, Янъ Потоцкій, главный начальникъ надъ осаждающими войсками, завидуя успѣху Жолкѣвскаго въ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно взять Смоленскъ; его желаніе соотвѣтствовало и желанію войска, раздраженнаго долгою осадою. Не смотря однако на ревность и мужество осаждающихъ, ихъ приступы были постоянно отбиваемы осажденными, хотя между послѣдними свирѣпствовала заразительная болѣзнь. Когда получено было извѣстіе о договорѣ Жолкѣвскаго съ временнымъ Московскимъ правительствомъ, то и Смольняне вступили въ переговоры съ королемъ; но какъ скоро Сигизмундъ объявилъ Шеину, что Смоленскъ, древняя собственность Литвы, долженъ сдаться не королевичу, а самому королю, то воевода никакъ не согласился отдѣлиться отъ Москвы безъ согласія всей земли. Окончаніе переговоровъ было отложено до пріѣзда великихъ Московскихъ пословъ. И въ этомъ случаѣ городъ раздѣлился, если вѣрить рѣчамъ перебѣжчиковъ: дворяне, которыхъ было около двухъ сотъ человѣкъ, стрѣльцы, числомъ около двѣнадцати тысячъ, даже духовенство и воевода соглашались сдать городъ на имя короля, полагая, что имъ все равно жить, подъ властію Сигизмунда или его сына, какъ скоро вѣра и права будутъ сохранены; но торговые и посадскіе люди никакъ не хотѣли отложиться отъ Москвы и настаивали, чтобъ дожидаться пословъ.

Между тѣмъ чрез избраніе Вадислава Шведцы необходимо превращались изъ союзниковъ въ враговъ Московскому госу-

дарству: они взяли Ладогу, но не имѣли успѣха подъ Ивань-городомъ, жители котораго, не смотря на крайность, оставались вѣрны самозванцу; Горнъ разбилъ Лисовскаго подъ Ямою, послѣ чего Лисовскій и Просовецкій съ Донскими козаками отступили ко Пскову, но разсорились, потому что Лисовскій хотѣлъ служить Владиславу, а Просовецкій самозванцу: въ слѣдствіе этого Лисовскій пошелъ въ островъ, а Просовецкій остановился въ двадцати верстахъ отъ Пскова. Самозванецъ по прежнему укрѣпился въ Калугѣ и долженъ былъ, повидимому, готовиться къ войнѣ съ прежнимъ своимъ союзникомъ Сапѣгою, который выступилъ въ Сѣверскую землю подъ предлогомъ отнять ее у самозванца, но на дѣлѣ было иное: по соглашенію съ двоюроднымъ братомъ своимъ канцлеромъ Львомъ, Сапѣга долженъ былъ поддерживать Лжедимитрія, отвлекавшаго вниманіе Москвитянъ отъ замысловъ королевскихъ. Владѣнія Калужскаго царя были довольно обширны: такъ напримѣръ Серпуховъ принадлежалъ ему; здѣсь сидѣлъ воеводою отъ него извѣстный намъ Ѳедоръ Плещеевъ. Оставшись одинъ подъ Москвою съ небольшимъ своимъ войскомъ, Жолкѣвскій видѣлъ ясно всю опасность положенія, видѣлъ, что Русскіе только въ слѣдствіе крайней необходимости согласились принять на престолъ иноземца и никогда не согласятся принять иновѣрца, а Сигизмундъ никогда не согласится позволить сыну принять православіе. Но и теперь какъ прежде, самозванецъ продолжалъ помогать гетману: изъ страха предъ простымъ народомъ, который не замедлитъ встать за Лжедимитрія при первомъ удобномъ случаѣ, бояре сами предложили Жолкѣвскому ввести Польское войско въ Москву. Гетманъ согласился съ радостію и послалъ росписать квартиры въ городѣ; но въ Москвѣ сторожили каждое движеніе: монахъ ударилъ въ набатъ и объявилъ собравшемуся пароду, что Поляки входятъ въ Москву; бояре испугались волненія и упросили гетмана обождать еще дня три. Но гетманъ самъ испугался, созвалъ коло въ своемъ войскѣ и сказалъ: «Правда, что я самъ хотѣлъ поставить войско въ столицѣ; но теперь, внимательно

осмотрѣвшись, впалъ въ раздумье. Въ такомъ большомъ и публичномъ собраніи я не могу открыть причинъ, которыя препятствуютъ мнѣ поставить тамъ войско, вышлите ко мнѣ въ палатку по два человѣка изъ полка, я имъ все открою.» Когда депутаты пришли, гетманъ началъ объяснять дѣло: «Москва городъ большой, людный, почти всѣ жители Московскаго государства сходятся въ Кремль по дѣламъ суднымъ, здѣсь всѣ разряды. Я долженъ стать въ самомъ Кремлѣ, вы другіе въ Китай-городѣ, остальные въ Бѣломъ. Но въ Кремлѣ собирается всегда множество народа, бываетъ тамъ иногда по пятнадцати и по двадцати тысячъ; имъ ничего не будетъ стоить, выбравши удобное время, истребить меня тамъ; пѣхоты у меня нѣтъ, вы люди до пѣшаго бою неспособные, по у нихъ въ рукахъ ворота.» Приведши въ примѣръ перваго Лжедимитрія, который погибъ вмѣстѣ съ Поляками, гетманъ заключилъ: «Мнѣ кажется гораздо лучше размѣстить войско по слободамъ около столицы, которая будетъ такимъ образомъ какъ будто въ осадѣ.»

Но этому плану всего больше воспротивился полкъ Зборовскаго, состоявшій изъ Тушинскихъ Поляковъ; послѣдніе не переставали жалѣть, что у нихъ вырвана была изъ рукъ добыча; теперь, по крайней мѣрѣ, надѣялись, что если Москва будетъ въ ихъ рукахъ, то и казна царская будетъ у нихъ же, а тутъ гетманъ какъ нарочно медлитъ, обнаруживаетъ опасенія и хочетъ становиться только въ слободахъ. Депутатъ Зборовскаго полка, Мархоцкій, отвѣчалъ гетману: «Напрасно ваша милость считаетъ Москву такъ могущественною, какъ была она во время Димитрія, а насъ такъ слабыми, какъ были тѣ, которые пріѣхали къ нему на свадьбу. Спросите у самихъ Москвичей, и они вамъ скажутъ, что отъ прихода Рожинскаго до настоящаго времени погибло 300,000 дѣтей боярскихъ. Въ то время, когда Димитрія и нашихъ побили, вся земля была въ собраніи около Москвы, потому что царь готовился къ войнѣ съ Крымомъ; но хотя Русскихъ было и много, а нашихъ только три хоругви, однако и тутъ нашихъ одолѣли только измѣною. А вы

теперь пріѣхали на войну, а не на свадьбу, будемъ биться и пѣши, когда понадобится. Ваша милость жалуетесь, что у васъ мало пѣхоты: мы каждый день отъ каждой хоругви будемъ посылать къ вамъ въ Кремль пѣхоты съ ружьями, сколько прикажете. Если боитесь поставить все войско въ столицѣ, то поставьте нашъ полкъ: мы рѣшились дожидаться въ Москвѣ или смерти, или награды за прежніе труды. Что же касается до расположенія войска въ слободахъ, то мнѣ кажется, что это будетъ гораздо опаснѣе, чѣмъ помѣщеніе его въ самомъ городѣ. Недавно мы вступили въ мирныя сношенія съ Москвою, и уже такъ стали безпечны, что большая часть нашихъ всегда въ Москвѣ, а не въ обозѣ, и такъ ѣздятъ туда неосторожно, какъ будто бы въ Краковъ. Тоже самое будетъ, когда расположимся въ слободахъ: большая часть нашихъ всегда будетъ въ городѣ, а не при хоругвяхъ.» Жолкѣвскій отвѣчалъ съ сердцемъ: «Я не вижу того, что ваша милость видите: такъ будьте гетманомъ, сдаю вамъ начальство!» Мархоцкій отвѣчалъ: «Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска въ столицѣ не поставите, то не пройдетъ трехъ недѣль, какъ Москва измѣнитъ. А отъ полка своего я объявляю, что мы другихъ еще трехъ лѣтъ подъ Москвою стоять не намѣрены.»

Съ тѣмъ депутаты и разошлись отъ гетмана. Жолкѣвскій не тронулся убѣжденіями Мархоцкаго и послалъ Гонсѣвскаго въ Москву къ боярамъ предложить имъ, чтобъ они отвели ему Новодѣвичій монастырь и слободы. Бояре согласились; но патріархъ возражалъ, что неприлично оставить монахинь въ монастырѣ вмѣстѣ съ Поляками, неприлично и выслать ихъ для Поляковъ. Мнѣніе патріарха нашло отголосокъ сильный: около Гермогена начали собираться дворяне, торговые и посадскіе люди, стрѣльцы. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, зовя ихъ къ себѣ: они отговаривались, что заняты государственнымъ дѣломъ. Тогда Гермогенъ послалъ сказать имъ, что если они не хотятъ идти къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ, и не одинъ, а со всѣмъ народомъ. Бояре испугались, пошли къ патріарху

и толковали съ нимъ часа два, опровергая слова его о неблагонамѣренныхъ замыслахъ гетмана. Гермогенъ говорилъ, что Жолкѣвскій нарушаетъ условія, не отправляетъ никого противъ Калужскаго вора, хочетъ ввести войска свои въ Москву, а Русскіе полки высылаетъ на службу противъ Шведовъ. Бояре, съ своей стороны, утверждали, что введеніе Польскихъ войскъ въ Москву необходимо: иначе чернь предастъ ее Лжедимитрію; Иванъ Никитичъ Романовъ даже сказалъ патріарху, что если гетманъ отойдетъ отъ Москвы, то имъ всѣмъ боярамъ придется идти за нимъ для спасенія головъ своихъ, что тогда Москва достанется вору и патріархъ будетъ отвѣчать за эту бѣду. Патріарху прочли строгій уставъ, написанный гетманомъ для предотвращенія и наказанія буйствъ, которыя могутъ позволить себѣ Поляки; въ тоже время Гонсѣвскій, узнавъ, о чемъ идетъ дѣло у патріарха съ боярами, прислалъ сказать послѣднимъ, что гетманъ завтра же высылаетъ войска противъ самозванца, если только Московскіе полки будутъ готовы. Это извѣстіе дало боярамъ рѣшительный перевѣсъ въ спорѣ; Мстиславскій воспользовался случаемъ, чтобъ превознести гетмана; говорятъ даже, будто бояре, въ торжествѣ, рѣшились сказать Гермогену, чтобъ онъ смотрѣлъ за церковью, а въ мірскія дѣла не вмѣшивался, ибо прежде духовенство никогда не управляло государственными дѣлами. Какъ будто бъ преданіе государства иновѣрцамъ не касалось церкви!

Какъ бы то ни было, патріархъ уступилъ боярамъ, уступилъ и народъ. Салтыковъ, Шереметевъ, Андрей Голицынъ, дьякъ Грамотинъ попеременно разъѣзжали среди толпы, выговаривали за мятежъ, приказывали не замышлять новаго; народъ утихъ; Гонсѣвскій поскакалъ въ станъ къ гетману съ извѣстіемъ, что нѣтъ никакой опасности расположить войско въ столицѣ, что сами бояре просятъ объ этомъ; гетманъ согласился. Ночью, съ 20 на 21 Сентября, Поляки тихо вступили въ Москву, помѣстились въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; заняли и монастырь Новодѣвичій, заняли Можайскъ, Борисовъ, Верею для безопасности сообщеній своихъ съ королемъ. Жол-

ѣвскій, для собственной выгоды, хотѣлъ свято исполнять обѣщанное: рѣшеніе распрей между Поляками и Москвичами предоставлено было равному числу судей изъ обоихъ народовъ; судъ былъ безпристрастный и строгій: такъ когда одинъ пьяный Полякъ выстрѣлилъ въ икону Богородицы, то судъ приговорилъ его къ отсѣченію рукъ и къ сожженію; другой Полякъ насильно увелъ дочь у одного изъ Московскихъ жителей: преступника высѣкли кнутомъ. Обязанность продовольствовать Поляковъ была возложена на замосковные города и волости, которые были расписаны по разнымъ ротамъ; но когда посланные для сбора припасовъ Поляки, по ихъ собственному признанію, самовольно брали все, что кому нравилось, силою отнимали женъ и дочерей у жителей, то послѣдніе согласились платить Полякамъ деньгами, сборъ которыхъ приняли на себя. Гетману всего важнѣе было прибрать къ рукамъ стрѣльцовъ, потому что на нихъ должно было опереться народное возстаніе, и онъ довелъ дѣло до того, что, по согласію бояръ, начальство надъ стрѣльцами поручено было Гонсѣвскому; сами стрѣльцы легко согласились на это, ибо Жолкѣвскій обходительностію, подарками и угощеніями, такъ привлекъ ихъ къ себѣ, что они готовы были исполнять все, чего бы онъ ни захотѣлъ, сами приходили къ нему и спрашивали, не подозрѣваетъ ли онъ кого въ измѣнѣ, вызываясь тотчасъ схватить подозрительнаго человѣка. Гетману удалось даже поладить и съ патріархомъ: сперва сносился онъ съ нимъ посредствомъ другихъ, а потомъ сталъ ходить къ нему самъ и пріобрѣлъ его расположеніе.

Не смотря однако на всѣ эти пріязненныя отношенія и ловкія мѣры, Жолкѣвскій зналъ, что возстаніе вспыхнетъ при первой вѣсти о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву, зналъ, что эта вѣсть можетъ придти очень скоро,—и потому спѣшилъ оставить столицу. Съ одной стороны, личнымъ присутствіемъ хотѣлъ онъ подкрѣпить своихъ единомышленниковъ, уговорить короля исполнить договоръ; съ другой стороны, онъ долженъ былъ спѣшить изъ Москвы для сохраненія своей славы, для выхода изъ положенія, которое скоро грозило стать крайне

затруднительнымъ: съ необыкновеннымъ успѣхомъ окончилъ онъ походъ свой, а теперь онъ безславно могъ погибнуть съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ среди всеобщаго возстанія. Бояре испугались, когда гетманъ объявилъ, что долженъ ѣхать, упрашивали его остаться, но Жолкѣвскій былъ непреклоненъ. Бояре провожали его далеко за городъ; даже простой народъ обнаружилъ къ нему расположеніе, платя ласкою за ласку: когда онъ ѣхалъ по улицамъ, то Москвичи забѣгали впередъ и желали счастливаго пути. Намѣсто гетмана остался Гонсѣвскій.

Уѣзжая изъ Москвы, Жолкѣвскій взялъ съ собою сверженнаго царя Василія, взялъ и двоихъ братьевъ его. 20 Октября король писалъ боярамъ: по договору вашему съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, велѣли мы князей Василія, Димитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобъ тутъ въ господарствѣ Московскомъ смутъ они не дѣлали; поэтому приказываемъ вамъ, чтобъ вы отчины и помѣстья ихъ отобрали на насъ господаря.» Двое другихъ подозрительныхъ лицъ, Филаретъ и Голицынъ, были уже подъ Смоленскомъ во власти короля. Они выѣхали изъ Москвы 11 Сентября; съ дороги, отъ 18 Сентября они писали въ Москву, что королевскія войска осадили Осташковъ, раззоряютъ его окрестности; отъ 21 Сентября писали, что, не имѣя возможности взять Осташковъ, Поляки разсѣялись по уѣздамъ Ржевскому и Зубцовскому и пустошатъ ихъ; отъ 30-го Сентября писали, что многіе Русскіе дворяне пріѣзжаютъ къ королю подъ Смоленскъ и, по волѣ королевской, присягаютъ уже не одному королевичу, но и самому королю, и король за это ихъ жалуетъ, даетъ грамоты на помѣстья и вотчины, а тѣмъ, кто уже присягнулъ королевичу, велитъ опять присягать себѣ, кто же не хочетъ, тѣхъ сажаютъ подъ стражу; что король нѣсколько разъ посылалъ къ Смольнянамъ, чтобъ они присягнули ему вмѣстѣ съ сыномъ, Смольпяне не согласились, и король промышляетъ надъ ихъ городомъ всякими мѣрами. 7 Октября послы пріѣхали подъ Смоленскъ; ихъ приняли съ честію, отвели 14 шатровъ за версту отъ королевскаго стана, но кормы давали скудные: на

жалобы пословъ отвѣчали, что король не въ своей землѣ, а на войнѣ, и взять ему самому негдѣ. 10 числа великіе послы представились королю и били челомъ, чтобъ отпустилъ сына своего на царство Московское. Левъ Сапѣга, именемъ королевскимъ, отвѣчалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что Сигизмундъ желаетъ спокойствія въ Московскомъ государствѣ и назначитъ время для переговоровъ. Между тѣмъ въ совѣтѣ королевскомъ шли споры, соглашаться ли на просьбу пословъ, отпускать ли королевича въ Москву, или нѣтъ. Сначала Левъ Сапѣга, отчаявшись въ возможности взять Смоленскъ, былъ въ числѣ тѣхъ, которые соглашались на отпускъ королевича въ Москву; но скоро перемѣнилъ мнѣніе, особенно когда получилъ письмо отъ королевы Констанціи, которая писала ему: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленскъ, и совѣтуешь королю на время отложить осаду: заклинаемъ тебя, чтобъ ты такого совѣта не подавалъ, а вмѣстѣ съ другими сенаторами настаивалъ на продолженіе осады: здѣсь дѣло идетъ о чести не только королевской, но и цѣлаго войска.» Сапѣга сталъ внушать королю, что присяга, данная Московскимъ народомъ Владиславу, подозрительна: не хотятъ ли Москвичи только выиграть время? Отъ этой присяги для Польши больше вреда, чѣмъ пользы, потому что для невѣрнаго надобно оставить осаду Смоленска, покинуть надежду на пріобрѣтеніе областей Смоленской и Сѣверской, и все это будетъ соединено съ страшнымъ вредомъ и позоромъ, если Москвичи обманутъ Владислава. Гораздо лучше продолжать начатое, не выпускать изъ рукъ того, что уже въ рукахъ, и, взявши свое, вести съ торжествомъ Владислава въ Москву. Требовавшіе выполненія гетманскаго договора съ Москвою представляли: король обѣщалъ, гетманъ съ войскомъ присягнули: нельзя сдѣлать клятвопреступниками короля, гетмана и цѣлое войско. Народъ Московскій безъ государя быть не привыкъ: если имъ не дать королевича, ниш избраннаго, то, разрѣшенные этимъ отъ присяги, они обратятся къ другому, и упорно будутъ стоять противъ насъ, видя наше клятвопреступленіе. Силою этой войны намъ не кон-

чить, потому что у насъ нѣтъ достаточныхъ для того средствъ; если же войны не окончимъ, то бѣда съ двухъ сторонъ, отъ Москвы и отъ своихъ: отъ Москвы, ибо изберетъ себѣ чужаго государя; отъ своихъ, потому что начнутся воинскія конфедераціи въ слѣдствіе неуплаты жалованья; заплатить имъ изъ Польши трудно, потому что казны нѣтъ, а королю надобно прежде всего заботиться о своей славѣ, ибо если славу потеряетъ, то все потеряетъ и у своихъ и у чужихъ. Война не можетъ идти хорошо, потому что не только нѣтъ средствъ продолжать ее, но нѣтъ средствъ и долгу заплатить; ратные люди въ отчаяніи двинутся въ Польшу за жалованьемъ: отсюда ненависть къ королю войска, ненависть шляхты, наконецъ возмущеніе, и тогда уже дѣло пойдетъ о жизни и царствѣ. Если же королевичь будетъ отправленъ въ Москву, то будетъ у насъ спокойное сосѣдство, легко могутъ быть возвращены Лифляндія и Швеція, да и отъ Татаръ будетъ меньше вреда; большая часть шляхты могла бы испомѣститься въ Москвѣ, въ слѣдствіе чего рѣчь посполитая могла бы быть безопаснѣе отъ бунтовъ, ибо причина возстанія — бѣдность гражданъ. Король, давши Москвѣ сына, пріобрѣтетъ себѣ вѣчную славу у своихъ и у чужихъ. Если, чего не дай Богъ, приключится смерть королю, и выборъ другаго сына его въ короли встрѣтитъ препятствія, то старшій братъ, царь Московскій, поможетъ ему.

Противники возражали: государь молодой, еще ребенокъ, не можетъ управлять безъ руководителей, которыми должны быть или Поляки, или Москвитяне, или смѣшанно изъ того и другаго народа. Если назначить Поляковъ, Москвитяне оскорбятся, ибо народъ Московскій иностранцевъ не терпитъ: это показалъ онъ на Димитріи, погубивъ его за то, что допускалъ иностранцевъ къ дѣламъ тайнымъ. Ввѣрить королевича Московскимъ воспитателямъ — трудно, во первыхъ уже потому, что тамъ нѣтъ такихъ людей, которые бы умѣли воспитывать государя какъ слѣдуетъ: если станутъ воспитывать его въ своихъ обычаяхъ, то погрузятъ въ грубость государя, подаю-

шаго такія надежды. Воспитателями, разумѣется, должны быть люди самые знатные, но они на такомъ мѣстѣ не бывали, гдѣ бы могли пользоваться короткимъ обхожденіемъ съ государемъ (государей своихъ они чтутъ какъ божество); короткое обращеніе и молодость государя, участіе, которое они будутъ имѣть въ правленіи, породятъ въ нихъ презрѣніе ко власти царской, станутъ другъ съ другомъ ссориться, и тотъ, кто осилитъ всѣхъ другихъ, начнетъ замышлять и противъ государя; примѣровъ тому много, не у варваровъ, а въ образованныхъ государствахъ, ибо честолюбіе сдержать трудно, зло это вкрадывается мало по малу, особенно когда судьба благопріятствуетъ, а народъ Московскій еще къ этому очень склоненъ, потому что очень гордъ и завистливъ. Прежніе государи сдерживали это въ немъ страхомъ, но молодой государь сдержать не сможетъ. Потомъ кого выбрать въ воспитатели? надобно вѣдь узнать добрыя свойства и обычаи человѣка, прежде, чѣмъ допустить его до такого мѣста, и кто его узнаетъ? сами другъ другу будутъ мѣшать, другъ друга чернить, потому что если при встрѣчѣ и поклонахъ обнаруживаютъ такое смѣшное соперничество, то что же будетъ въ такомъ важномъ случаѣ? Соединить Поляковъ съ Москвитянами? но чтобъ они ужились, потребно содѣйствіе Духа Святаго, потребны люди съ умѣреннѣйшими характерами. При молодомъ государѣ сейчасъ между ними возникнетъ соперничество: одни, приверженные къ отцу и къ нему самому, будутъ совѣтовать ему только одно доброе; но другіе будутъ только угождать, льстить молодому человѣку для своихъ выгодъ, одна особенная милость Божія можетъ сдѣлать, что онъ имъ не поддастся. Согласія между Польскими и Московскими воспитателями быть не можетъ по причинѣ различія нравовъ. Настоящее состояніе Московскаго государства требуетъ человѣка, который бы оборонилъ его отъ враговъ внѣшнихъ, усмирилъ волненія внутреннія, каждаго возвратилъ въ прежнее состояніе, потому что если въ больномъ государственномъ тѣлѣ смѣшавшіеся соки не возвратятся каждый въ свое мѣсто, то болѣзнь возвратится снова, молодой

человѣкъ этого сдѣлать не можетъ, а безъ этого жизнь и власть его будутъ въ опасности. Простой народъ тамъ поднялся, всталъ на пановъ, чуть не всю власть въ рукахъ держитъ. Бояре, вожди народа, употребляютъ, его какъ орудіе для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Ихъ надобно укротить, потому что безъ этого надобно каждую минуту опасаться волненія, этотъ многоглавый звѣрь можетъ быть укрощенъ только мечемъ. Дитя этого сдѣлать не можетъ, а если сдѣлаетъ по чьему-нибудь внушенію, то возбудитъ сильное волненіе; при томъ же государя молодаго опасно пріучать къ крови. Попы имѣютъ огромное значеніе; они главы народныхъ движеній; съ ними и у старика голова закружится, съ ними надобно покончить, въ противномъ случаѣ ядъ останется безъ лѣкарства; государь не можетъ быть въ такомъ случаѣ безопасенъ, а охранять его могутъ только Поляки, которыхъ если будетъ не много, то не защитятъ, а скорѣе погубятъ. Большаго войска держать при себѣ они не допустятъ, да и что будетъ за жизнь государю безпрестанно въ станѣ, въ безпокойствахъ. Избранію ихъ и крестному цѣлованію вѣрить нельзя. Если бы его по желанію и по долгомъ размышленіи выбрали, то можно было бы надѣяться, что добровольно выбрали, добровольно будутъ служить, ибо любовь подданныхъ основа правительства. Но этого ничего нѣтъ, только маска да слова добровольнаго избранія; нужда служитъ причиною привязанности; какое тутъ вольное избраніе, когда стоятъ съ саблею надъ головою? пристойнымъ именемъ только необходимость прикрыли, ибо если королевичь имъ такъ сильно полюбился, то зачѣмъ не выбирали его прежде, пока были въ силахъ? Зачѣмъ противъ гетмана шли, за Шуйскаго умирали? На отца вездѣ искали помощи, клятвопреступникомъ его называли, говорили, что нарушилъ клятву имъ и государю ихъ. Хорошее доказательство добраго расположенія! Не любовь была причиною избранія королевича, а необходимость, ибо когда тонешь, то радъ, если и самый злой врагъ протянетъ руку. Изъ условій избранія легко видѣть, что о насъ не думали; въ двухъ изъ нихъ обнаружили свое

нерасположеніе: чтобъ королевичь крестился въ греческую вѣру, и чтобъ Полякамъ не давать пограничныхъ мѣстъ. Если креститься христіянину велятъ, то значитъ за христіянина его не считаютъ, а какое расположеніе можно имѣть къ нехристіянину? Говорятъ, что королевичь окрестится: хорошо же думаютъ они о своемъ кандидатѣ, что за кусокъ хлѣба согласится быть отступникомъ и быть въ поруганіи у всѣхъ народовъ и у нихъ. Говорятъ, что это условіе патріархъ внесъ: тѣмъ хуже. Полякамъ ничего не давать на границахъ: но для чего ихъ боятся? и можно ли того любить, кого опасаемся? для чего испомѣщать ихъ внутри государства? не вѣрятъ имъ, а царемъ кого берутъ? королевича Польскаго? Крестному цѣлованію ихъ вѣрить: но надобно прежде посмотрѣть, что съ другими государями дѣлалось: развѣ Иванъ не отъ яду умеръ? говорятъ, что онъ былъ тиранъ: но Θедоръ и маленькій братъ его Дмитрій были ни въ чемъ невинны — и погибли же. Говорятъ, что это Годуновъ сдѣлалъ; но Годунова царемъ выбрали, и если бы Богъ его не покаралъ, то сынъ бы его царствовалъ; взяли того въ государи, крестъ цѣловали и сейчасъ же убили, измѣнникомъ назвавши; Шуйскому присягнули и до тѣхъ поръ при немъ стояли, пока бѣда не пришла. А нашему измѣнить — первая причина то, что католикъ, патріархъ разрѣшитъ. Трудно вѣрить народу, который уже привыкъ нарушать клятву; возьмемъ въ примѣръ римскую республику, гдѣ перемѣна государей вошла въ обычай; это по наслѣдству досталось и нынѣшнимъ Итальянцамъ.

Говорятъ: присягнулъ гетманъ, все войско, король обѣщалъ: надобно исполнить обѣщаніе. Надобно выполнить обѣщаніе, но съ толкомъ, не опуская изъ виду обстоятельствъ, которыя такъ же важны, какъ и главное дѣло. Дадимъ королевича, устранивши препятствія, потому что мы его обѣщали на спокойную землю. Говорятъ: если королевича не дадимъ, то обратятся къ другому государю. Но къ кому обратятся? ни одинъ своего государства не покинетъ, а сына, кромѣ Англійскаго короля, ни у кого нѣтъ, да и тотъ еретикъ, и плохая надежда,

чтобъ окрестился. Мы ближе всѣхъ, намъ удобнѣе всѣхъ дѣйствовать. Столица въ нашихъ рукахъ, и нашихъ недостатковъ знать они не могутъ, потому что, судя по успѣху, ставятъ насъ выше, чѣмъ мы сами себя считаемъ. Правда, что войску будетъ тяжело, но изъ этого еще не слѣдуетъ непремѣнно, чтобъ оно взбунтовалось. Съ Польскихъ поборовъ деньги будутъ, хотя и не всѣ; получивши часть, подождутъ остальнаго. Вѣдь они не иностранцы, а сыны отечества, себѣ пріобрѣтаютъ, не чужому государю. Говорятъ, что когда королевича дадимъ, то Москва все заплатитъ и рѣчи посполитой дастъ вознагражденіе. Но въ казнѣ Московской нѣтъ ничего, или очень мало: гдѣ же взять денегъ? а захотятъ брать у частныхъ людей, то всего скорѣе вспыхнетъ возстаніе. Обѣщаютъ возвращеніе Ливоніи, оборону отъ Татаръ, и не говорятъ о землѣ Сѣверской, которую должны будемъ потерять. Ливонію возвратить трудно, Московскаго войска скоро употребить въ дѣло не можемъ, потому что оно истощено, надобно дать ему отдохнуть. Будетъ возстаніе на короля, если отдастъ сына безъ воли Поляковъ: если безъ согласія республики не можетъ онъ заключать союзовъ, то тѣмъ болѣе не можетъ давать государя сосѣднему народу. Король имѣетъ право заботиться о своемъ потомствѣ, но безъ вреда для республики: а это вредъ, когда онъ отдастъ своего сына чужому народу безъ вѣдома республики. Взвѣсивши всѣ доводы за и противъ, трудно рѣшить, что̀ должно избрать. Если бы королевичъ былъ совершеннолѣтній, и республика дала свое согласіе, то скорѣе бы можно было согласиться отпустить королевича въ Москву; но теперь надобно избрать что нибудь среднее: всего бы лучше, если бы взяли въ государи короля, мужа лѣтъ зрѣлыхъ и опытнаго въ управленіи. Но предложить имъ это опасно: возбудится ихъ подозрительность, взволнуется духовенство ихъ, которое хорошо знаетъ, что король ревностный католикъ. На счетъ королевича, какъ въ нѣжномъ возрастѣ находящагося, они имѣютъ надежду, что могутъ пріучить его ко всему, и къ своимъ обычаямъ; но на счетъ короля такой надежды

питать они не могутъ. И такъ предложить имъ прямо короля нельзя; но въ добромъ дѣлѣ открытый путь не всегда приноситъ пользу, особенно когда имѣемъ дѣло съ людьми неоткровенными: если неудобно дать королю сейчасъ же царскаго титула, то по крайней мѣрѣ управленіе государствомъ при насъ останется, а со временемъ откроется дорога и къ тому, что намъ нужно. Мы не будемъ имъ отказывать въ королевичѣ, будемъ стоять при прежнемъ обѣщаніи, а думѣ боярской покажемъ причины, почему мы не можемъ отпустить къ нимъ сейчасъ же королевича, укажемъ, что препятствія къ тому не съ нашей, но съ ихъ стороны, и медленность эта клонится не къ нашей, но къ ихъ выгодѣ, при чемъ нужно различать знатныхъ людей отъ простаго народа: однимъ нужно говорить одно, другому — другое. И знатнымъ людямъ, и простому народу можно выставить на видъ, что государство еще не успокоено, наполнено врагами внутренними и внѣшними, трудно отъ всего этого избавиться, имѣя такого бѣднаго государя; надобно выдавать большія суммы денегъ изъ казны войску, а если пріѣдетъ сейчасъ же Владиславъ, то эти деньги, нужныя для войска, надобно будетъ обратить на царя, для поддержанія великолѣпія двора. Доходы царскіе идутъ теперь въ разныя стороны, должности заняты людьми недостойными; все это надобно привести въ порядокъ до пріѣзда царя, чтобъ пріѣхать ему на государство богатое, а не истощенное. Людей знатныхъ надобно привлекать частными обѣщаніями и выставлять имъ на видъ, между прочимъ, и то, что королевичь молодъ, что для установленія спокойствія въ такомъ разстроенномъ государствѣ надобны разумъ и время, и если не успокоить, то начнется волненіе еще больше прежняго; что надобно обратить вниманіе на безопасность государя, потому что въ землѣ размножились злые люди, которыхъ зовутъ ворами; государь былъ бы безопасенъ только при многочисленномъ отрядѣ тѣлохранителей, а содержаніе этого отряда соединено съ истощеніемъ земли и казны; когда же королевичь достигнетъ совершеннаго разума и возраста, то ему уже не надобно будетъ тѣлохранителей.

Надобно ждать сейма, просить республику объ отпускѣ королевича, на все это потребуется время, а между тѣмъ какъ быть безъ главы государству разстроенному? непріятель воспользуется этимъ и усилится. Государь молодой не можетъ управлять и не можетъ войти въ ихъ порядки, потому что не знаетъ ихъ. Пусть вышлютъ сыновей своихъ и людей знатныхъ ко двору королевскому, чтобы и королевичь присмотрѣлся къ имъ обычаямъ, и они узнали бы его обычаи; тогда онъ пріѣдетъ въ Москву уже какъ человѣкъ знакомый и будетъ управлять по обычаямъ земли. А между тѣмъ каждаго привлекать на свою сторону обѣщаніями, тоже самое дѣлать и съ духовными лицами, потому что и между ними не безъ честолюбія. Если бы они согласились отсрочить пріѣздъ королевича, то говорить, что въ это время государство не можетъ быть безъ головы, а кого же ближе признать этимъ главою, какъ не короля, единственнаго опекуна сына своего. Конечно для благоразумнѣйшихъ важнѣе всего будетъ жить спокойно въ домахъ и имѣть хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока королевичь придетъ въ совершенныя лѣта. Говорить объ этомъ съ послами, которые теперь у насъ (съ Филаретомъ и Голицынымъ), не слѣдуетъ: ихъ выслали изъ Москвы какъ людей подозрительныхъ; лучше отправить пословъ въ Москву, и тамъ толковать съ добрыми людьми; но если кто изъ этихъ пословъ склонится къ намъ, то хорошо будетъ также послать его въ Москву.»

Эти доводы превозмогли: положено было не отпускать королевича. 15 Октября былъ первый съѣздъ пословъ съ панами радными, которые объявили, что королю нельзя отступить отъ Смоленска и вывести войско изъ Московскаго государства, ибо онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы успокоить это государство, истребить вора, очистить города, а потомъ дать сына своего на престолъ Московскій. Послы отвѣчали, что государство гораздо скорѣе успокоится, если король выведетъ изъ него свои войска, что для истребленія вора довольно одного отряда Жолкѣвскаго, потому что воръ теперь силенъ только Польскими войсками, что походъ королевскій на вора раззоритъ

въ конецъ Московское государство, и безъ того уже опустошенное; послы сказали, что имъ странно даже и толковать объ этомъ, ибо условіе объ отступленіи короля отъ Смоленска подтверждено клятвенно гетманомъ (въ договорѣ съ Волуевымъ и Елецкимъ при Царевѣ-Займищѣ; въ договорѣ же Московскомъ сказано вообще объ очисткѣ всѣхъ городовъ къ Московскому государству, и гетманъ обязался просить короля о снятіи осады Смоленска), и слѣдовательно объ этомъ и рѣчи быть не должно. Паны возражали, что король не можетъ дать своего пятнадцатилѣтняго сына на престолъ Московскій, но хочетъ прежде самъ идти на вора, послѣ чего поѣдетъ на сеймъ, безъ согласія котораго не можетъ отпустить королевича въ Москву. 17 Октября былъ другой съѣздъ: паны повторили прежнее, только болѣе рѣзкимъ тономъ, и наконецъ высказались прямо на счетъ Смоленска: «Для чего, сказали они, вы не оказали королю до сихъ поръ никакой почести и раздѣляете сына съ отцемъ, за чѣмъ до сихъ поръ не отдадите королю Смоленска? Вы бы велѣли Смольнянамъ присягнуть королю и королевичу вмѣстѣ, и тѣмъ бы оказали почесть королю.» Послы, выслушавъ это, спросили у пановъ: «Когда вы избрали короля своего, а у него былъ отецъ въ Швеціи, Яганъ король, то для чего вы раздѣлили отца съ сыномъ, сыну цѣловали крестъ, а отцу не цѣловали?» Паны возражали, что Яганъ король не приходилъ успокоивать ихъ государства, и заключили такъ: «Не взявъ государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать». Тогда желая уклониться отъ переговоровъ о Смоленскѣ, и выполнить скорѣе главную статью наказа, послы начали говорить, чтобъ теперь король исполнилъ договоръ, а сынъ его, царь Московскій, снесется уже съ нимъ относительно Смоленска, если не получить этого города король считаетъ для себя такимъ безчестьемъ.» Впрочемъ, прибавили послы, честь государская состоитъ въ ненарушеніи даннаго слова, а король неразъ объявлялъ, что предпринялъ походъ не для овладѣнія городами.»

20 Октября былъ третій съѣздъ. Здѣсь паны прямо объ-

явили, что еслибъ король согласился отступить отъ Смоленска, то они, паны и все рыцарство, на то не согласятся и скорѣе помрутъ, а вѣковѣчную свою отчину достанутъ». Послы въ отвѣтъ на это велѣли читать гетманскій договоръ; паны съ сердцемъ закричали: «Не разъ вамъ говорено, что намъ до гетманской записи дѣла нѣтъ!» Не смотря однако на это, они тотчасъ же начали толковать о вознагражденіи королю и войску, упомянутомъ въ гетманскомъ договорѣ; послы отвѣчали, что странно будетъ платить изъ Московской казны за опустошеніе Московскаго государства, и что объ этомъ вознагражденіи царь Владиславъ снесется послѣ самъ съ отцемъ своимъ. Въ заключеніи послы просили пановъ донести королю, что до сихъ поръ все говорили не о главномъ дѣлѣ, тогда какъ они желаютъ больше всего знать: дастъ ли король на царство сына своего, и приметъ ли королевичь православную вѣру греческаго закона? Паны обѣщались донести объ этомъ Сигизмунду. 23 Октября былъ четвертый съѣздъ: паны объявили, что король жалуетъ своего сына, но отпуститъ его не раньше сейма. Тутъ же они прочли статьи, на которыя соглашался король: 1) Въ вѣрѣ и женитьбѣ королевича воленъ Богъ да онъ самъ; 2) съ папою королевичь о вѣрѣ ссылаться не будетъ; 3) плѣнныхъ выдать король велитъ; 4) о числѣ людей при королевичѣ и о ихъ наградѣ послы должны договориться съ самимъ Владиславомъ; 5) на счетъ казни отступникамъ отъ вѣры король согласенъ съ статьею наказа; касательно же другихъ статей будетъ рѣшеніе на сеймѣ. Объ отступленіи отъ Смоленска послѣдовалъ рѣшительный отказъ; паны заключили отвѣтъ свой такъ: «Какъ скоро Смоленскъ поддастся и присягнетъ королю, то его величество пойдетъ самъ на вора, истребитъ его и, успокоивъ государство, отправится со всѣмъ войскомъ и съ вами, послами на сеймъ: здѣсь дастъ вамъ въ цари сына своего, съ которымъ вы и поѣдете въ Москву.» Послы отвѣчали, что взять Смоленскъ, итти на вора, успокоить государство, итти на сеймъ—все это требуетъ долгаго времени, тогда какъ для Московскаго государства дорога теперь каждая минута, и

медленность королевская, породивъ сомнѣніе, произведетъ смуту, почему они послы просятъ пановъ отвратить короля отъ этого намѣренія и настоять на выполненіи гетманскаго договора; просили также позволенія обосляться съ Смольнянами, съ которыми до сихъ поръ запрещено было имъ сноситься. Тогда же митрополитъ Филаретъ имѣлъ разговоръ со Львомъ Сапѣгою о томъ, надобно ли королевичу креститься? Сапѣга окончилъ этотъ разговоръ такъ: «Объ этомъ, преосвященный отецъ! поговоримъ въ другой разъ, какъ время будетъ, я къ тебѣ нарочно пріѣду поговорить; а теперь одно скажу, что королевичь крещенъ и другаго крещенья нигдѣ не написано.» На это послы сказали: «бьемъ челомъ королю и королевичу со слезами, чтобъ королевичь крестился въ нашу православную вѣру Греческаго закона. Вамъ панамъ самимъ извѣстно, что Греческая вѣра мать всѣмъ христіянскимъ вѣрамъ, всѣ другія вѣры отъ нея отпали и составились. Вѣра есть даръ Божій, и мы надѣемся, что Богъ благодатію своею коснется сердца королевичева, и пожелаетъ онъ окреститься въ нашу православную вѣру, и потому вамъ, панамъ раднымъ, не должно отводить отъ этого королевича и противиться благодати Божіей. Никакъ не можетъ статься, что государю быть одной вѣры, а подданнымъ другой, и сами вы не терпите, чтобъ короли ваши были другой вѣры. А тебѣ, Льву Ивановичу, и больше всѣхъ надобно о томъ радѣть, чтобъ государь нашъ, королевичь Владиславъ Жигимонтовичь, былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, потому что дѣдъ твой и отецъ и ты самъ и иные вашего рода многіе были въ нашей православной христіянской вѣрѣ Греческаго закона, и невѣдомо какимъ обычаемъ ты съ нами теперь поразрознился: такъ тебѣ по нашей вѣрѣ пригоже поборать.»

21 Октября былъ пятый съѣздъ. Паны, желая испугать пословъ и показать имъ необходимость подчиниться волѣ Сигизмунда, увѣдомили ихъ объ успѣхахъ Шведовъ на сѣверозападѣ и объ усиленія самозванца, къ которому ушло изъ Москвы 300 дворянъ. Послы отвѣчали, что они сомнѣваются

въ справедливости этихъ извѣстій, ибо изъ Москвы къ нимъ объ этомъ не пишутъ; если же въ Московскихъ людяхъ есть измѣна, и гетману отъ этого идти съ войскомъ на вора нельзя, то король можетъ послать войска, которыя стоятъ въ Можайскѣ, Боровскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Бѣлой, ибо эти войска теперь ничего не дѣлаютъ, только раззоряютъ и пустошатъ государство. Если король укажетъ эти войска послать на вора, и мы отпишемъ во всѣ города объ этой милости королевской, и особенно о томъ, что онъ и сына своего скоро отпуститъ на царство, то весь народъ обрадуется и отъ вора отстанетъ; если же самъ король пойдетъ съ войскомъ на Московское государство, то народъ придетъ въ сомнѣніе, все договоренное рушится и будетъ хуже прежняго. Паны отвѣчали съ сердцемъ: «Мы вамъ говоримъ прямыя вѣсти про Шведовъ и про вора, а вы сами не знаете, чего просите: еслибъ король и захотѣлъ отойти отъ Смоленска въ свое государство, то войска его, люди вольные, не послушаются, и тѣ изъ нихъ, которые стоятъ въ разныхъ мѣстахъ Московскихъ, а ихъ всѣхъ 80,000, если не получатъ денегъ, передадутся къ вору, и тогда вашему государству конецъ.» Послы отвѣчали: «просимъ королевское величество, чтобъ умилосердился надъ государствомъ Московскимъ, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ идти на вора, а Черкасъ и Татаръ велѣлъ изъ государства вывести, которые стоя по городамъ, королевичу присягнувшимъ, жгутъ, раззоряютъ и людей въ полонъ берутъ.» Паны закричали на это: «Пришли вы не съ указомъ, а къ указу, и не отъ государя пришли, пришли отъ Москвы съ челобитьемъ къ государю нашему, и что вамъ государь нашъ укажетъ, то и дѣлайте. Сказываемъ мы вамъ прямыя вѣсти, что Шведы Ивань-городъ и Ладогу взяли, ко Пскову и къ инымъ городамъ хотятъ идти, а съ другой стороны воръ сбирается со многими людьми, и многіе люди измѣня, къ нему изъ Москвы пріѣзжаютъ, да къ нему же хотятъ придти на помощь Турскіе и Крымскіе люди. А многаго мы еще вамъ не сказали; Датскій король хочетъ доступить Архангельска да Колы. Видите сами, сколько на

ваше государство недруговъ смотрятъ, всякій хочетъ себѣ что-нибудь сорвать: и вамъ надобно о своемъ государствѣ радѣть, пока злой часъ не пришелъ, а государскаго похода не отговаривать; хотя бы и самъ государь нашъ захотѣлъ въ свое государство идти, то вы должны были ему челомъ бить, чтобъ онъ прежде ваше государство успокоилъ; государь нашъ, жалѣя о государствѣ вашемъ, самъ хочетъ идти на вора, а вы этой государской милости не разумѣете и походъ отговариваете.» Послы отвѣчали: «Указывать мы его величеству не можемъ: что хочетъ, то и дѣлаетъ; но какъ намъ приказано бить челомъ отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства, такъ мы и дѣлаемъ; отговариваемъ мы походъ королевскій, потому что государство наше и безъ того пусто и раззорено, и тѣмъ приходъ королевича отложится, отъ чего вся земля придетъ въ уныніе и сомнѣніе. Просимъ позволенія отписать въ Москву къ патріарху, боярамъ и ко всякимъ людямъ, чтобъ впередъ дѣлать намъ по ихъ приказу, а безъ того ни на что согласиться не можемъ.» Паны отвѣчали: «Вамъ и безъ указу Московскаго, какъ великимъ посламъ, все дѣлать можно; такъ сперва потѣшьте короля, сдѣлайте, чтобъ Смольняне королю и королевичу крестъ цѣловали. Вы королевича называете своимъ государемъ, а короля отца его безчестите: чего вамъ стбитъ поклониться его величеству Смоленскомъ, которымъ онъ хочетъ овладѣть не для себя, а для сына же своего. Король оставитъ ему послѣ себя не только Смоленскъ, но и Польшу и Литву, тогда и Польша, и Литва, и Москва будутъ все одно.— «Свидѣтельствуемся Богомъ, сказали на это послы, что у насъ объ этомъ ничего въ наказѣ не написано, и теперь, и впередъ на сеймѣ мы не согласимся, чтобъ намъ какимъ-нибудь городомъ Польшѣ и Литвѣ поступиться. Московское государство все Божье, да государя нашего королевича Владислава Жигимонтовича: и какъ онъ будетъ на своемъ царскомъ престолѣ, то во всемъ будетъ воленъ Богъ да онъ, государь нашъ, а безъ него намъ не только что говорить, и помыслить объ этомъ нельзя.» «Мы хотимъ, говорилъ Сапѣга, чтобъ Смоленскъ цѣло-

валъ крестъ королю для одной только чести.» — Честь королю, отвѣчали послы, будетъ большая отъ всего свѣта и отъ Бога милость, если онъ Московское государство успокоитъ, кровь христіянскую уйметъ, сына своего посадитъ на Россійскій престолъ, и тогда не только Смоленскъ, но и все Россійское государство будетъ за сыномъ его.» Паны кричали: «Много уже пустаго мы отъ васъ слышимъ; скажите одно: хотите ли послать къ Смольнянамъ, чтобъ они государю нашему честь сдѣлали, крестъ поцѣловали?» «Сами вы знаете, отвѣчали послы, что наказъ нашъ писанъ съ гетманскаго согласія, на чемъ гетманъ крестъ цѣловалъ за короля и за васъ, пановъ; но чтобъ королю крестъ цѣловать, того не только въ наказѣ нѣтъ, но и въ мысляхъ у всего народа не бывало: какъ же намъ безъ совѣту всей земли это сдѣлать?» — «Когда такъ, то Смоленску пришелъ конецъ», закричали паны. Послы опять начали просить, чтобъ имъ позволено было пересляться съ патріархомъ и боярами; жаловались, что дворянамъ, которые съ ними пріѣхали, содержать себя нечѣмъ, съ голоду помираютъ, потому что помѣстьями и вотчинами ихъ владѣютъ Литовскіе ратные люди, что сами они, послы во всемъ терпятъ нужду большую, а лошади ихъ всѣ отъ безъ кормицы пали. Паны отвѣчали: «Всему этому вы сами причиною: еслибъ вы исполнили королевскую волю, то и вамъ, и дворянамъ вашимъ было бы всего довольно.»

Въ это время пришелъ подъ Смоленскъ гетманъ Жолкѣвскій, и 30 Октября имѣлъ торжественный въѣздъ въ станъ; привезъ сверженнаго царя Василія и братьевъ его, и представилъ ихъ Сигизмунду; говорятъ, что когда отъ Василія требовали, чтобъ онъ поклонился королю, то онъ отвѣчалъ: «Нельзя московскому и всея руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божіими приведенъ я въ плѣнъ не вашими руками, но выданъ московскими измѣнниками, своими рабами.» 2-го Ноября былъ шестой съѣздъ въ присутствіи Жолкѣвскаго. Послы начали говорить: «Обрадовались мы, что гетманъ Станиславъ Станиславовичъ пріѣхалъ: при немъ дастъ Богъ госу-

дарское дѣло станетъ дѣлаться успѣшнѣе, потому что гетманъ о государскомъ жалованьѣ писалъ въ Москву не разъ, и всѣмъ людямъ московскаго государства королевичево жалованье сказывалъ, за великаго государя короля, за все польское и литовское государство московскому государству крестъ цѣловалъ, и всѣ люди его гетманскому слову повѣрили. О чемъ мы прежде били челомъ и съ вами, панами радными, говорили, въ иномъ вы намъ не вѣрили, а теперь гетманъ Станиславъ Станиславовичъ, по своему крестному цѣлованью, станетъ за насъ же говорить.» Левъ Сапѣга отвѣчалъ: «Много разъ мы съ вами съѣзжались, но ничего добраго не сдѣлали; мы твердимъ безпрестанно, чтобъ вы королю честь сдѣлали, велѣли Смольнянамъ крестъ цѣловать его величеству и сыну его королевичу. Но вы отговариваетесь не дѣльно, что безъ согласія московскихъ бояръ того сдѣлать не можете, тогда какъ вамъ дана полная мочь говорить и становить обо всемъ.» Послы сказали на это: «мы надѣялись въ тотъ самый день какъ сюда пріѣхали все по гетманскому договору получить; но и по сіе время ниодной статьи этого договора не исполнено. Ты самъ знаешь, Станиславъ Станиславовичъ! можемъ ли мы отъ себя что-нибудь новое затѣять. Самъ ты видалъ въ Москвѣ, какъ патріархъ и бояре о всѣхъ статьяхъ договорныхъ со всѣми людьми совѣтовались и не разъ всѣ имъ статьи читали и что имъ казалось противно, объясняли, а объ иныхъ статьяхъ посылали ихъ къ тебѣ; не одинъ патріархъ съ боярами совѣтовались и приговаривали, но съ людьми всѣхъ чиновъ. Какъ же можно намъ изъ этихъ статей что пибудь безъ совѣта со всею землею перемѣнить? Чтобъ Смоленскъ отдать королю, этого нетолько въ статьяхъ, но и въ поминѣ ни у тебя, ни у другаго кого не было. Ты не разъ говорилъ всѣмъ намъ, что какъ скоро мы пріѣдемъ къ королю, то его величество тотчасъ же отъ Смоленска со всѣмъ войскомъ отойдетъ въ Польшу.» Гетманъ долго говорилъ съ панами по латынѣ, потомъ отвѣчалъ посламъ: «Какой я съ Московскимъ государствомъ договоръ заключилъ, то все я дѣлалъ по указу и волѣ королевской, и

весь этотъ договоръ король соблюдаетъ. Но чтобъ его величеству отойти отъ Смоленска, о томъ я вамъ не говорилъ, а совѣтовалъ послать о томъ съ челобитьемъ; да и какъ мнѣ было своему государю приказывать? А гдѣ въ записи утверждено, чтобъ идти мнѣ на вора и я не пошелъ, въ томъ виноватъ не я: приговорено было при мнѣ послать съ московскимъ войскомъ бояръ, князя Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова и окольничаго Головина. Я уже отрядилъ для этого войско и поставилъ его въ Борисовѣ, Можайскѣ, Боровскѣ, но ваши люди къ нему въ сходъ не пришли. Въ то время воръ сослался тайно съ нѣкоторыми московскими людьми: эти люди сысканы и грамоты воровскія въ Москвѣ во многихъ мѣстахъ найдены. Тогда бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи пріѣзжали ко мнѣ въ станъ и просили, чтобъ я со всѣмъ войскомъ моимъ вошелъ въ Москву, а если я въ Москву не войду, пойду на вора, то многіе бояре, видя въ московскихъ людяхъ шатость, въ Москвѣ не останутся, съ женами и дѣтьми пойдутъ за мною, и я потому въ Москву и вошелъ, а на вора отпустилъ Петра Сапѣгу: чай онъ надъ нимъ и теперь промышляетъ. Потомъ у меня съ боярами многіе статьи перемѣнены, противъ договора, спросите объ этомъ дворянъ, Ивана Измайлова съ товарищами, которые пріѣхали со мною къ королю бить челомъ о помѣстьяхъ: они вамъ скажутъ, какъ со мною бояре въ Москвѣ дѣлали и совѣтовались. По ихъ примѣру и вы здѣсь съ панами также дѣлайте, чтобъ было къ королевской чести и къ вашей пользѣ. Грамота что послана изъ Москвы въ Смоленскъ, была у меня: но въ ней писано то, что вы хотѣли; а я писать ни приказывалъ, ни заказывалъ. Знаю я мой договоръ, чтобъ изъ пушекъ по Смоленску не бить и никакой тѣсноты не дѣлать, и король этотъ договоръ выполняетъ. А чтобъ Смольняне отца съ сыномъ не раздѣляли и крестъ цѣловали обоимъ, то вамъ надобно сдѣлать для чести королевской. Если же вы этого Смольнянамъ не прикажете, то наши сенаторы говорятъ, что король за честь свою станетъ мстить, а

мы за честь государя своего помереть готовы, и потому Смоленску будетъ худо. Не упрямьтесь, исполните волю королевскую, а какъ Смоленскъ сдастся, тогда объ уходѣ королевскомъ договорѣ напишемъ.»

«Помяни Бога и душу свою, Станиславъ Станиславовичь! отвѣчали послы: въ записи, данной Елецкому и Волуеву, прямо написано, что когда Смолняне королевичу крестъ поцѣлуютъ, то король отойдетъ отъ Смоленска, порухи и насильства городу не будетъ, всѣ порубежные города будутъ къ Московскому государству по прежнему. Мы надѣялись отъ тебя помощи, что ты за свое крестное цѣлованіе станешь, за Московское государство королю будешь бить челомъ, а своей братьи панамъ сенаторамъ говорить, чтобъ и они короля приводили на унятіе крови. Ты говоришь, что послѣ нашего отъѣзда у тебя съ боярами во многомъ договоръ перемѣненъ, и ссылаешься на дворянъ, Ивана Измайлова съ товарищами: но мы ихъ и спрашивать не хотимъ: надобна намъ отъ бояръ грамота, а словамъ такихъ людей, которые за помѣстьями къ королю пріѣзжаютъ, вѣрить нельзя. Въ договорѣ статья была написана, что при государѣ королевичѣ Польскимъ и Литовскимъ людямъ у земскихъ дѣлъ въ приказахъ не быть и не владѣть, а теперь и до государева приходу уже помѣстья и вотчины раздаютъ. Мы объ этомъ упомянули для того, чтобъ не вышло въ людяхъ сомнѣнія и печали.» Сапѣга отвѣчалъ: «Государь король Московскихъ людей, которые его милости ищутъ, отъ себя не отгоняетъ; да и кому же ихъ до приходу королевичева жаловать, какъ не его величеству? И теперь государь пожаловалъ боярина князя Мстиславскаго конюшимъ, а князя Юрія Трубецкаго боярствомъ, и за то всѣ бояре его величеству благодарны.» Чтобъ возвратиться къ главному дѣлу, послы велѣли думному дьяку Томилѣ Луговскому читать договоръ гетмана съ Елецкимъ и Волуевымъ при Царевѣ Займищѣ. Но Сапѣга не далъ ему читать и закричалъ: «Вамъ давно заказано упоминать объ этой записи, вы этимъ хотите только позорить пана гетмана! если впередъ объ этой записи

станете говорить, то вамъ будетъ худо.» Луговской отвѣчалъ: «Хотя и помереть, а правду говорить: вы эту запись ни во что ставите, а мы и теперь, и впередъ будемъ ею защищаться.» Тутъ вмѣшался въ споръ Жолкѣвскій: «Я, сказалъ онъ, готовъ присягнуть, что ничего не помню, что̀ въ этой записи писано; писали ее русскіе люди, которые были со мною и ее мнѣ поднесли, я, не читавши руку свою и печать приложилъ, и потому лучше эту запись оставить, а говорить объ одной Московской, которую и его величество утверждаетъ.» Другіе паны кричали: «мы о Смоленскѣ въ послѣдній разъ вамъ говоримъ: если вы не заставите Смольнянъ королю и королевичу крестъ цѣловать, то крестное цѣлованіе съ гетмана сошло, его величество и мы Смоленску больше терпѣть не будемъ, не останется камень на камнѣ, будетъ надъ нимъ тоже, что надъ Іерусалимомъ.» Послы отвѣчали по прежнему, что они своевольно договора не нарушатъ, а пусть позволятъ имъ послать гонца къ патріарху и боярамъ и ко всѣмъ чинамъ, и что имъ вся земля прикажетъ, то они и сдѣлаютъ: «Ты, Левъ Ивановичь! говорили они, самъ бывалъ въ послахъ, такъ знаешь, можно ли послу сверхъ наказа что-нибудь сдѣлать? и ты былъ посломъ отъ государя къ государю, а мы посланы отъ всей земли: какъ же мы смѣемъ безъ совѣта всей земли сдѣлать то, чего нѣтъ въ наказѣ?» Потомъ послы обратились къ Жолкѣвскому, чтобъ заставить его употребить всѣ усилія для спасенія Смоленска: «Не скажетъ ли весь народъ, говорили они, что до твоего пріѣзда подъ Смоленскъ король сохранялъ договоръ, къ городу не приступалъ, а какъ ты пріѣхалъ, то Смоленскъ взяли?» Гетманъ далъ слово всѣми силами стараться о томъ, чтобъ къ Смоленску не дѣлали приступа до возвращенія гонца, отправляемаго послами къ патріарху и боярамъ за новымъ наказомъ. Гетману дали знать также, что Филаретъ сердится на него за приведеніе подъ Смоленскъ сверженнаго царя Василія и за представленіе его королю въ свѣтскомъ платьѣ. Вотъ почему Жолкѣвскій при окончаніи съѣзда подошелъ къ митрополиту съ оправданіями:

«Я, говорилъ онъ, взялъ бывшаго царя не по своей волѣ, но по просьбѣ бояръ, чтобъ предупредить на будущее время народное смятеніе; къ тому же онъ въ Іосифовѣ монастырѣ почти умиралъ съ голода. А что привезъ я его въ свѣтскомъ платьѣ, то онъ самъ не хочетъ быть монахомъ, постригли его неволею, а невольное постриженіе противно и вашимъ и нашимъ церковнымъ уставамъ, это говоритъ и патріархъ.» Филаретъ отвѣчалъ: «правда, бояре желали отослать князя Василія за Польскою и Московскою стражею, въ дальніе крѣпкіе монастыри, чтобъ не было смуты въ народѣ; но ты настоялъ, чтобъ его отослать въ Іосифовъ монастырь. Его и братьевъ его отвозить въ Польшу не слѣдовало, потому что ты далъ слово изъ Іосифова монастыря его не брать, да и въ записи утверждено, чтобъ въ Польшу и Литву ни одного русскаго человѣка ни вывозить, ни ссылать. Ты натомъ крестъ цѣловалъ и крестное цѣлованіе нарушилъ; надобно бояться Бога, а расторгать мужа съ женою не пригоже; а что въ Іосифовѣ монастырѣ его не кормили, въ томъ виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки.»

Боясь за Смоленскъ, послы поѣхали на другой день къ Жолкѣвскому, чтобъ напомнить ему его обѣщаніе. Гетманъ объявилъ имъ какъ будто отъ себя, что для спасенія Смоленска одно средство: впустить въ него Польское войско, какъ сдѣлано было въ Москвѣ, и тогда, можетъ-быть, король не будетъ принуждать Смоленскъ цѣловать ему крестъ и самъ не пойдетъ на вора подъ Калугу. Послы въ отвѣтъ прочли ему статью договора, чтобъ ни въ одинъ городъ не вводить Польскаго войска, и снова настаивали, чтобъ имъ позволено было отправить гонца въ Москву. Гетманъ обѣщалъ хлопотать объ этомъ. Чтобъ узнать, къ чему повели его хлопоты, послы на другой день опять поѣхали къ нему. Жолкѣвскій объявилъ, что король соглашается на отправленіе гонца, но прежде требуетъ, чтобъ въ Смоленскъ были впущены его ратные люди. Послы отвѣчали прежнее, что сами собою согласиться на это не могутъ. На другой день гетманъ прислалъ къ нимъ пле-

мянника своего сказать, что король согласился на отправленіе гонца въ Москву, но съ тѣмъ, чтобъ черезъ двѣ недѣли онъ возвратился съ полнымъ наказомъ. Но потомъ посламъ объявлено было, чтобъ они пріѣхали къ гетману 18 Ноября; тутъ нашли они всѣхъ пановъ радныхъ, и Сапѣга объявилъ, что непремѣнно должно впустить въ Смоленскъ ратныхъ людей королевскихъ, потому что Шеину и всѣмъ Смольнянамъ вѣрить нельзя: подъѣзжалъ подъ Смоленскъ гость Шоринъ и дѣти боярскіе, и Шеинъ спрашивалъ у нихъ про вора, гдѣ онъ теперь и какъ силенъ? Ясно, что они хотятъ съ воромъ ссылаться и впустить его въ городъ. — Послы повторили, что ничего не могутъ сдѣлать безъ новаго наказа изъ Москвы; что же касается до Смольнянъ, то Шорину и другимъ такимъ же ворамъ вѣрить нельзя: подъѣзжаютъ они подъ Смоленскъ не по нашему совѣту, Смольнянъ обманываютъ и прельщаютъ, а вамъ сенаторамъ говорятъ на нихъ ложно. Паны отвѣчали, что обсылки съ Москвою король и они ждать не хотятъ: «Увидите, что завтра будетъ подъ Смоленскомъ?» Послы просили, чтобъ дали имъ по крайней мѣрѣ посовѣтоваться съ митрополитомъ, котораго не было на этомъ съѣздѣ по болѣзни. Паны согласились.

Пріѣхавши въ свой станъ, послы держали совѣтъ. Филаретъ говорилъ: «Того никакими мѣрами учинить нельзя, чтобъ въ Смоленскъ королевскихъ людей впустить; если разъ и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать; а если король и возьметъ Смоленскъ приступомъ мимо крестнаго цѣлованья, то положиться на судьбы Божіи, толькобъ намъ своею слабостью не отдать города.» Потомъ призваны были за совѣтомъ дворяне и всѣ посольскіе люди, спрошено: «Если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они послы отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства не будутъ ли въ проклятіи и ненависти?» Всѣ отвѣчали: «Хотябъ въ Смоленскѣ были наши матери, жены и дѣти, то пусть бы погибали. Да и сами Смольняне думаютъ тоже, и скорѣй всѣ помрутъ, а не сдадутся.» На другой день

послы объявили панамъ это рѣшеніе; просили со слезами, чтобъ король не приступалъ къ Смоленску, но и слезы не помогли. 21 Ноября все войско приступило къ городу, зажгли подкопъ, взорвали башню и часть стѣны саженъ на десять, три раза Поляки вламывались въ городъ и три раза были отбиты.

29 Ноября посламъ велѣно было пріѣхать къ Жолкѣвскому, у котораго они нашли всѣхъ другихъ пановъ. Тѣже предложенія со стороны Поляковъ, тотъ же отвѣтъ со стороны пословъ. 2 Декабря новый съѣздъ: Сапѣга встрѣтилъ пословъ словами: «надумались ли вы? впустите ли въ Смоленскъ королевскихъ ратныхъ людей? знайте, что Смоленскъ не взятъ только по просьбѣ гетманской и нашей; король показалъ милость, чтобъ не пролить крови невинной вмѣстѣ съ виновною.» Тотъ же отвѣтъ отъ пословъ. Паны продолжали: «Государь васъ жалуетъ, позволилъ вамъ писать въ Москву, только пишите правду, лишняго не прибавляйте. И такъ вы въ Москву писали и не одинъ разъ, а это вы дѣлаете непригоже, что пишете тайно, и отъ государя людей отводите, чтобъ къ королю бить челомъ о помѣстьяхъ и объ всякихъ дѣлахъ не ѣздили. Комужъ ихъ, кромѣ нашего государя, жаловать?» Послы отвѣчали: «Только бы не эти воры, которые изъ Москвы пріѣзжаютъ, вамъ говорятъ неправду и насъ корятъ, то кровь христіанская перестала бъ литься, и христіанство на обѣ стороны было бы въ покоѣ и тишинѣ. О помѣстьяхъ мы писали и вамъ говорили для того, что это можетъ весь народъ привести въ сомнѣніе.»

4 Декабря посламъ дали знать, чтобъ они отправили отъ себя въ Москву гонца, съ которымъ вмѣстѣ поѣдетъ и королевскій коморникъ Исаковскій; 6 числа Исаковскій и гонецъ дѣйствительно выѣхали. Но между тѣмъ приводилась въ исполненіе статья извѣстнаго намъ разсужденія о томъ, что нельзя немедленно отправить королевича въ Москву: видя непреклонность главныхъ пословъ, обратились къ второстепеннымъ, обѣщаніями склонили ихъ измѣнить своему дѣлу, бросить главныхъ пословъ и отправиться въ Москву, чтобъ тамъ дѣйство-

вать въ пользу короля. Филаретъ и Голицынъ узнали, что думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный Васильевъ, Спасскій архимандритъ, Троицкій келарь Аврамій и многіе другіе дворяне и разныхъ чиновъ люди, взявши отъ короля грамоты на помѣстья и другія пожалованія, отпущены по домамъ. Хотѣли поколебать и думнаго дьяка Томилу Луговскаго. Сапѣга прислалъ звать его къ себѣ; Луговской поѣхалъ, и встрѣтилъ канцлера вмѣстѣ съ Сукинымъ и Сыдавнымъ, наряженными въ богатое платье; Сапѣга сказалъ Луговскому: «Подожди немного: я только представлю этихъ господъ и другихъ дворянъ королю для отпуска, потому что Сукинъ старъ, а другіе, живя здѣсь, проѣлись.» Томила остановилъ Сапѣгу и сказалъ: «Левъ Ивановичь! Не слыхано нигдѣ, чтобъ послы дѣлывали такъ, какъ Сукинъ и Сыдавный дѣлаютъ: покинувъ государское и земское дѣло и товарищей своихъ, ѣдутъ въ Москву! Какъ имъ будетъ посмотрѣть на чудотворный образъ Богородицы, отъ которой отпущены? За нашъ грѣхъ теперь у насъ такое великое дѣло началось, какого въ Московскомъ государствѣ не бывало, кровь христіанская безпрестанно льется, и впередъ не знаемъ какъ ей уняться. Хотя бы Василій Сукинъ и въ самомъ дѣлѣ занемогъ, то ему лучшебъ умереть тутъ, гдѣ посланъ, а отъ дѣла не отъѣзжать; и старше его живутъ, а дѣлъ не бросаютъ. Если Сыдавный для того отпущенъ, что проѣлся, то и всѣхъ насъ давно пора отпустить, всѣ мы также проѣлись, подмога намъ всѣмъ дана одинакая. Судитъ имъ Богъ, что такъ дѣлаютъ. Объявляю тебѣ, Левъ Ивановичь! какъ только они въ Москву пріѣдутъ, то во всѣхъ людяхъ начнется сомнѣнье и печаль, и во всѣхъ городахъ отъ того надобно ожидать большой шатости. Да и митрополиту съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ впередъ нельзя будетъ ничего дѣлать. Послано съ митрополитомъ духовнаго чина пять человѣкъ, а насъ послано съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ также пять человѣкъ: половину отпускаютъ, а другую оставляютъ! Воленъ Богъ да государь Сигизмундъ король, а намъ впередъ ничего нельзя дѣлать!» Сапѣга отвѣчалъ: «Печалиться

вамъ объ этомъ не для чего: вы всѣ въ волѣ государевой, его величество пожаловалъ ихъ, отпустилъ по ихъ челобитью, а посольское дѣло вы можете и безъ нихъ отправить. Въ Москвѣ отъ ихъ пріѣзда никакого худа быть не можетъ, а только добро: они государю нашему служатъ вѣрно, быть можетъ глядя на нихъ, и изъ васъ кто нибудь захочетъ также послужить вѣрою и правдою, и государь ихъ также пожалуетъ великимъ своимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и вотчинами, а кто захочетъ, то и въ Москву прикажетъ отпустить.» Луговской сказалъ на это: «Надобно у Бога и у Сигизмунда короля просить, чтобъ кровь христіанская литься перестала и государство успокоилось, а присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ промышлять и челомъ бить, но о всемъ Московскомъ государствѣ.»

Сапѣга прервалъ разговоръ, пошелъ къ королю, а Луговскому велѣлъ дожидаться. Пришедши отъ короля, онъ взялъ Томилу въ особую комнату и говорилъ ему наединѣ: «Я хочу тебѣ всякаго добра, только ты меня послушай и сослужи государю прямую службу, а его величество наградитъ тебя всѣмъ чего только захочешь; я, надѣясь на тебя, уже увѣрилъ государя, что ты его послушаешь. Смольняне требуютъ, чтобъ къ нимъ прислали кого-нибудь изъ васъ, пословъ, сказать имъ, что̀ надобно дѣлать? они васъ послушаютъ и государеву волю исполнятъ. Такъ Василій Сукинъ готовъ, ждетъ тебя, ступайте съ нимъ вмѣстѣ подъ Смоленскъ и скажите жителямъ, чтобъ цѣловали крестъ королю и королевичу или впустили бы королевскихъ людей въ Смоленскъ.» Луговской отвѣчалъ: «Сдѣлать мнѣ этого никакъ нельзя. Присланы отъ патріарха, бояръ и отъ всѣхъ людей Московскаго государства митрополитъ Филаретъ, да бояринъ князь Василій Васильевичь Голицынъ съ товарищами, а мнѣ безъ ихъ совѣта не только что дѣлать, и помыслить ничего нельзя. Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести? Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ за это не потерпятъ, и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства

въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ ввести? по Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуться въ море. Да и государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ. Знаю я подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, да они и тѣхъ не послушали, а если мы теперь поѣдемъ и объявится въ насъ ложь, то они впередъ еще крѣпче будутъ и никого уже слушать не станутъ. Надобно, чтобъ мы съ ними повольно всѣ съѣзжались, а не подъ стѣною за приставомъ говорили: это они уже всѣ знаютъ.» Сапѣга продолжалъ прежнее: «Ты только поѣзжай и себя имъ объяви, а говорить съ ними станетъ Сукинъ; ѣхать бы тебѣ, не упрямиться и королевскаго жалованья себѣ похотѣть.» Луговской отвѣчалъ: «Государскому жалованью я радъ и служить государю готовъ въ томъ, что мнѣ можно сдѣлать; а чего мнѣ сдѣлать нельзя, въ томъ бы королевское величество опалы своей на меня не положилъ; а этого мнѣ никакъ сдѣлать нельзя, чтобъ подъ городъ ѣхать своевольно, да и Сукину ѣхать непригоже, отъ Бога ему это такъ не пройдетъ.» Этимъ разговоръ кончился; Сапѣга поѣхалъ къ королю, а Луговской возвратился къ себѣ въ станъ и разсказалъ все старшимъ посламъ.

Филаретъ и Голицынъ на другой день призвали къ себѣ Сукина, Сыдавнаго, Спасскаго архимандрита, и говорили имъ, чтобъ они попомнили Бога и свои души, вспомнили бы, какъ они отпущены изъ соборнаго храма Пречистой Богородицы, какъ благословлялъ ихъ патріархъ. Сукинъ съ товарищами отвѣчали: «Послалъ насъ король съ своими листами въ Москву для своего государскаго дѣла: и намъ какъ не ѣхать?» Эти люди говорили прямо; но келарь Палицынъ схитрилъ и тутъ: онъ не хотѣлъ имѣть неловкихъ для себя объясненій съ митрополитомъ, не поѣхалъ къ нему подъ предлогомъ болѣзни, которая однако не помѣшала ему отправиться въ Москву. 43 человѣка покинули такимъ образомъ станъ посольскій. Захаръ Ляпуновъ также покинулъ пословъ, но въ Москву не поѣхалъ, а перешелъ въ Польскій станъ: онъ ежедневно пировалъ у

пановъ, забавлялъ ихъ насмѣшками надъ послами и утверждалъ, что старшіе послы все дѣлаютъ сами собою, не спрашиваются съ дворянами, все таятъ отъ нихъ. Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ причину, почему Ляпуновъ покинулъ пословъ. Филаретъ и Голицынъ объявили панамъ, что пріѣздъ Сукина съ товарищами въ Москву произведетъ смуту и всему дѣлу поруху. Но дѣло рушилось уже и безъ этого.

Мы видѣли, что бояре и вообще лучшіе люди, боясь вора и его приверженцевъ, крѣпко держались за Владислава, что по ихъ желанію Поляки были введены въ Москву. Больше всѣхъ приверженностію къ Владиславу отличался первый бояринъ, князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій; еще въ началѣ Августа 1610 года Сигизмундъ прислалъ Мстиславскому и товарищамъ его похвальную грамоту, въ которой прямо сказано о давней приверженности Мстиславскаго къ королю и королевичу: «И о прежнемъ твоемъ къ намъ радѣньи и пріязни бояре и думные люди сказывали: это у насъ и у сына нашего въ доброй памяти, дружбу твою и радѣнье мы и сынъ нашъ сдѣлаемъ памятными передъ всѣми людьми, въ государской милости и чести учинитъ тебя сынъ нашъ, по твоему отечеству и достоинству, выше всѣхъ братьи твоей, бояръ.» Мстиславскій не усумнился принять званіе конюшаго изъ Смоленскаго стана. Другой бояринъ, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ писалъ униженное письмо ко Льву Сапѣгѣ, чтобъ тотъ смиловался, билъ челомъ королю и королевичу объ его вотчинныхъ деревнишкахъ; 21 Сентября (н. с.) 1610 года Сигизмундъ прислалъ боярамъ грамоту, въ которой приказывалъ вознаградить Михайлу Салтыкова съ товарищами за то, что они первые пріѣхали изъ Тушина къ королю и присягнули ему; вознагражденіе должно было состоять въ возвращеніи движимаго и недвижимаго имѣнія, отобраннаго Шуйскимъ въ казну за измѣну. Въ этой грамотѣ о королевичѣ ни слова. Сигизмундъ прямо говоритъ, что Салтыковъ съ товарищами пріѣхали «къ нашему королевскому величеству, стали служить прежде всѣхъ, и били намъ челомъ, чтобъ мы ихъ пожаловали,

вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, за ихъ къ намъ вѣрную службу.» Михайлѣ Глѣбовичу была пожалована волость Чаранда, которая была прежде за Дмитріемъ Годуновымъ, а потомъ за княземъ Скопинымъ, волость Тотьма, на Костромѣ, Красное село и Рѣшма; сыну Салтыкова Ивану Михайловичу дана волость Вага, которая была прежде за Борисомъ Годуновымъ, а потомъ за Димитріемъ Шуйскимъ. Многіе челобитчики отправились сами къ королю въ станъ Смоленскій: до насъ дошло множество листовъ или грамотъ Сигизмундовыхъ, жалованныхъ разнымъ людямъ на помѣстья, званія, должности; всѣ эти грамоты написаны отъ имени Сигизмунда; вездѣ употребляются выраженія: боярамъ нашимъ, мы пожаловали, велѣли. Въ числѣ челобитчиковъ была и царица Мароа, о которой король писалъ боярамъ: «Присылала къ намъ богомолица наша инока Мароа, блаженной памяти великаго господаря Ивана Васильевича господарыня, бьючи челомъ, что князь Василій Шуйскій, будучи на великомъ господарствѣ Московскомъ, ограбилъ ее, отнялъ то, чѣмъ пожаловалъ ее великій князь Иванъ Васильевичь, а велѣлъ кормить съ дворца скудною пищею; которые люди живутъ у нея, тѣмъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго не даютъ, она нынѣ во всемъ обнищала и одолжала. Вы бъ велѣли ей и людямъ ея давать жалованье, какъ обыкновено на Москвѣ держатъ господарскихъ женъ, которыя въ черницы постригаются.» Поднялись и всѣ опальные предшествовавшаго царствованія: Василій Яковлевичь Щелкаловъ выхлопоталъ привилей на помѣстье и вотчину; Аоанасій Власьевъ билъ челомъ, чтобъ отдали ему назадъ дворъ и имѣніе, отобранные Шуйскимъ; извѣстный намъ Благовѣщенскій протопопъ Терентій выпросилъ, чтобъ опредѣлили его опять къ Благовѣщенью. Но грамоты отъ имени короля писались только къ боярамъ въ Москву; грамоты же по городамъ писались отъ одного Владислава. Такимъ образомъ временное правительство Московское, дума боярская, молча согласилась признать короля правителемъ до пріѣзда Владиславова; по всѣмъ вѣроятностямъ, бояре или по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ, этимъ и ограничивались;

не ограничивался этимъ Михайла Глѣбовичь Салтыковъ, который прямо велъ дѣло къ тому, чтобъ царемъ былъ провозглашенъ не Владиславъ, а Сигизмундъ. Но одного Салтыкова было мало, и потому въ Смоленскомъ станѣ признали полезнымъ принять услуги и другаго рода людей, именно тѣхъ Тушинцевъ, которые готовы были на все, чтобъ только выйти изъ толпы, которые, заключая договоръ подъ Смоленскомъ, выговорили, чтобъ будущее правительство возвышало людей низкаго происхожденія по ихъ заслугамъ. Въ челѣ этихъ людей по способностямъ и енергіи былъ Ѳедоръ Андроновъ, о которомъ извѣстно только то, что онъ былъ купецъ кожевникъ, обратилъ на себя вниманіе Годунова (чернокнижествомъ, какъ увѣряли враги Андронова), переведенъ былъ изъ Погорѣлаго Городища въ Москву; потомъ во время смутъ, видимъ его въ Тушинѣ и подъ Смоленскомъ. Здѣсь онъ умѣлъ приблизиться къ королю или его совѣтникамъ до такой степени, что Сигизмундъ послалъ его въ Москву въ званіи думнаго дворянина, хотя можно думать, что онъ это званіе получилъ еще въ Тушинѣ. Въ концѣ Октября 1610 года король писалъ боярамъ: «Ѳедоръ Андроновъ намъ и сыну нашему вѣрою и правдою служилъ и до сихъ поръ служитъ, и мы за такую службу хотимъ его жаловать, приказываемъ вамъ, чтобъ вы ему велѣли быть въ товарищахъ съ казначеемъ нашимъ Васильемъ Петровичемъ Головинымъ.» Андроновъ продолжалъ служить вѣрою и правдою королю. Всѣ требованія Гонсѣвскаго онъ исполнялъ безпрекословно, если только не предупреждалъ ихъ: лучшія вещи изъ казны царской были отобраны и отосланы къ королю, нѣкоторыя взялъ себѣ Гонсѣвскій. Для прилики Гонсѣвскій велѣлъ переписать казну боярамъ и печати свои приложить; но когда потомъ бояре пришли въ казну, то уже печатей своихъ не нашли, нашли только печать Андронова; они спросили его — что это значитъ? Андроновъ отвѣчалъ, что Гонсѣвскій велѣлъ распечатать. По словамъ Поляковъ были въ казнѣ царской литыя золотыя изображенія Спасителя и двѣнадцати Апостоловъ; послѣднія еще Шуйскій

перелилъ въ деньги для уплаты Шведскимъ наемникамъ; Полякамъ Гонсѣвскаго досталось только изображеніе Спасителя, оцѣненное въ 30,000 червонныхъ; нѣкоторые хотѣли было отослать его въ Краковскій косцёлъ, но жадность большинства превозмогла и священное изображеніе было разбито на куски.

Андроновъ не довольствовался казначейскими распоряженіями, хотѣлъ служить и другія службы королю; по пріѣздѣ своемъ въ Москву онъ писалъ Льву Сапѣгѣ, оправдывая Жолкѣвскаго въ уступкѣ требованіямъ Москвитянъ: «Еслибъ не учинить тѣхъ договоровъ по ихъ волѣ, писалъ Андроновъ, то конечно пришлось бы доставать саблею и огнемъ. Панъ гетманъ разсудилъ, что лучше теперь обойтись съ ними по ихъ штукамъ; а когда приберемъ ихъ къ рукамъ, тогда и штуки ихъ эти мало помогутъ: надѣемся на Бога, что со временемъ всѣ ихъ штуки уничтожимъ и умыселъ ихъ на иную сторону обратимъ, на правдивую.» Андроновъ пишетъ о необходимости держать подъ Москвою отрядъ Польскаго войска, въ которомъ ни одинъ человѣкъ не долженъ выѣзжать изъ стану, но всѣ каждую минуту должны быть готовы на случай возстанія; а они, слуги королевской милости, Андроновъ съ товарищами, будутъ держать при себѣ нѣсколько тысячь стрѣльцовъ и козаковъ. Андроновъ предлагаетъ также выгнать изъ приказовъ людей, оставшихся здѣсь отъ прежняго царствованія, похлѣбцовъ Шуйскаго, какъ онъ выражается, и мѣста ихъ занять людьми, преданными королю: «Надобно, пишетъ онъ, немедленно указъ прислать, что̀ дѣлать съ тѣми, которые тутъ были при Шуйскомъ и больше дурили чѣмъ самъ Шуйскій.» Списокъ этихъ людей, вѣроятно составленный Андроновымъ, дошелъ до насъ въ отрывкахъ; нѣкоторыя указанія любопытны, наприм.: дьякъ Григорій Елизаровъ сидѣлъ въ Новгородской четверти, самъ еретикъ и еретики ему приказаны (не забудемъ, что Андронова также обвиняли въ чернокнижіи); дьякъ Смолянинъ, сынъ боярскій бывалъ; Михайла Бѣгичевъ, а дьячество ему дано за шептанье; дьяки дворцовые: Филиппъ да Анфиногенъ Өедоровы дѣти Голенищева — злые шептуны.»

Предложеніе Андронова было приведено въ исполненіе: товарищи его по Тушину и Смоленскому стану были посажены по приказамъ: Степанъ Соловецкій сѣлъ думнымъ дьякомъ въ Новгородской четверти; Василій Юрьевъ у денежныхъ сборовъ; Евдокимъ Витовтовъ въ разрядѣ первымъ думнымъ дьякомъ; Иванъ Грамотинъ печатникомъ, посольскимъ и помѣстнымъ дьякомъ; въ большомъ приходѣ князь Ѳедоръ Мещерскій; въ Пушкарскомъ приказѣ князь Юрій Хворостининъ; въ Панскомъ приказѣ Михайла Молчановъ; въ Казанскомъ дворцѣ Иванъ Салтыковъ.

Бояре сильно оскорбились, когда увидали рядомъ съ собою въ думѣ торговаго мужика Андронова, съ важнымъ званіемъ казначея; особеннымъ безчестіемъ для себя считали они то, что этотъ торговый мужикъ осмѣливался говорить противъ Мстиславскаго и Воротынскаго, распоряжался всѣмъ, пользовался полною довѣренностію короля и Гонсѣвскаго, потому что дѣйствовалъ прямо, хлопоталъ, чтобъ царемъ былъ Сигизмундъ, тогда какъ бояре колебались, держались за Владислава. Гонсѣвскій съ людьми, присягнувшими королю, управлялъ всѣмъ: когда онъ ѣхалъ въ думу, то ему подавали множество челобитныхъ; онъ приносилъ ихъ къ боярамъ, но бояре ихъ не видали, потому что подлѣ Гонсѣвскаго садились Михайла Салтыковъ, князь Василій Мосальскій, Ѳедоръ Андроновъ, Иванъ Грамотинъ; бояре и не слыхали, что̀ онъ говорилъ съ этими своими совѣтниками, что̀ приговаривалъ, а подписывали челобитныя Грамотинъ, Витовтовъ, Чичеринъ, Соловецкій, потому что всѣ старые дьяки отогнаны были прочь. Но если сердились старые бояре, ревнивые къ своему сану, Голицынъ, Воротынскій, сердились за то, что король ихъ обезчестилъ, посадилъ вмѣстѣ съ ними въ думу торговаго мужика Андронова, то еще больше сердился на Андронова бояринъ Салтыковъ, который за свою службу хотѣлъ играть главную роль и долженъ былъ подѣлиться выгодами этой службы съ торговымъ мужикомъ. Между этими людьми немедленно же началось столкновеніе, соперничество. Андроновъ писалъ Сапѣгѣ: «Надобно

воспрепятствовать, милостивый панъ! чтобъ не раздавали безъ толку помѣстій: а то и его милость панъ гетманъ даетъ, и Иванъ Салтыковъ также даетъ листы на помѣстья; а прежде бывало въ одномъ мѣстѣ давали, кому государь прикажетъ; и я боюсь, чтобъ при такой раздачѣ кто-нибудь не получилъ себѣ богатой награды за малыя услуги. Я же, какъ привыкъ до вашей милости утекать (потому что никогда въ своихъ просьбахъ не получалъ отказа), такъ и теперь прошу: смилуйтесь, ваша милость, попросите королевскую милость, чтобъ меня пожаловалъ сельцомъ Раменьемъ, да сельцомъ Шубинымъ съ деревнями въ Зубцовскомъ уѣздѣ, что было дано Заруцкому.» Салтыковъ писалъ къ тому же Сапѣгѣ: «Я радъ служить и прямить и всякихъ людей къ королевскому величеству приводить: да гонятъ ихъ отъ короля измѣнники; а староста Велижскій, Александръ Ивановичъ Гонсѣвскій, ихъ слушаетъ и потакаетъ, а меня безчеститъ и дѣла дѣлать не даетъ; беретъ всякія дѣла, по ихъ приговору, на себя, не разсудя Московскаго обычая. Московскіе люди крайне скорбятъ, что королевская милость и жалованье измѣнились, и многіе люди разными притѣсненіями и раззореньемъ оскорблены, по приговору торговаго человѣка Ѳедора Андронова; а съ Мстиславскаго съ товарищи и съ насъ дѣла посняты, и на такомъ человѣкѣ правительство и вѣра положены! При Шуйскомъ были такіе же временщики, Измайловы, и такой же мужикъ Михалка Смываловъ, и изъ-за нихъ до сихъ поръ льется кровь. И теперь, по такимъ думцамъ и правителямъ, не быть къ Москвѣ ни одному городу, если не будетъ уйму такимъ правителямъ. Какъ такому человѣку знать правительство? Отецъ его въ Погорѣломъ городищѣ торговалъ лаптями, а онъ взятъ въ Москву изъ Погорѣлова, по приказу Бориса Годунова, для вѣдовства и еретичества, и на Москвѣ былъ торговый мужикъ. Покажи милость, государь Левъ Ивановичъ! не дай потерять у короля государства Московскаго; пришли человѣка, которому вѣрить можно, и вели дѣла ихъ разсмотрѣть. Много казны въ недоборѣ, потому что за многихъ Ѳедоръ Андроновъ всту-

щается и спускаетъ, для посуловъ, съ правежу; другихъ не своего приказа насильно беретъ къ себѣ подъ судъ, а самъ государевыхъ денегъ въ казну не платитъ.» Салтыковъ обвиняетъ Андронова въ самоуправствѣ, нашлись люди (вѣроятно самъ Андроновъ), которые обвинили въ томъ же Салтыкова; обвиненія состояли въ томъ, будто Салтыковъ называетъ себя въ Москвѣ владѣльцемъ или правителемъ, вершитъ дѣла безъ приговору бояръ, гонитъ однихъ, награждаетъ другихъ, говоритъ боярамъ безчестное слово, что положилъ государь всякія дѣла на немъ, а имъ велѣлъ его слушаться. Салтыковъ, въ отвѣтной грамотѣ Сапѣгѣ, отвергаетъ всѣ эти обвиненія, при чемъ шлется на князя Мстиславскаго, на всѣхъ бояръ, на всю Москву, на всякихъ людей. Королю доносили также, что богатыя волости, данныя Салтыковымъ: Вага, Черанда, Тотьма, Рѣшма, съ которыхъ однихъ денежныхъ доходовъ сходило 60,000, произвели зависть, ропотъ въ боярахъ и во всякихъ людяхъ. Салтыковъ отвѣчаетъ, что эти волости искони за ихъ братьею бывали, а доходу съ нихъ будетъ не больше 3000: «А я, государь Левъ Ивановичъ! поѣхалъ къ государю къ королю, покинувъ жену и дѣтей, да имѣнія больше чѣмъ на 60,000, надѣясь на государскую милость и на ваше сенаторское жалованье; служилъ я и прямилъ, съ сыномъ своимъ Иваномъ, государю королю и королевичу и вамъ великимъ сенаторамъ, и великимъ государствамъ, коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому, и горло свое вездѣ тратилъ, чая себѣ милости. Московское и Новгородское государства Богъ поручилъ государямъ, королю и королевичу, ихъ государскимъ счастьемъ, вашимъ сенаторскимъ промысломъ и нашими службишками; иные пріѣхали къ государю со мною, а имъ даны съ уѣздами города, а не волости; а нашъ родъ сенаторскій.»

О своихъ дѣйствіяхъ въ пользу Сигизмунда въ Москвѣ Салтыковъ пишетъ Сапѣгѣ: «Я бояръ и всякихъ Московскихъ людей на то приводилъ, и къ тебѣ писалъ, чтобъ государю королю идти къ Москвѣ не мѣшкая, а славу бы пустить во всякихъ лю-

дахъ, что идетъ на вора къ Калугѣ; теперь бояръ и всякихъ Московскихъ людей я на то привелъ, что послали бить челомъ королю князя Мосальскаго, чтобъ пожаловалъ король, сына своего государство очистилъ, вора въ Калугѣ доступилъ: такъ королю непремѣнно бы идти къ Москвѣ, не мѣшкая, а славу пустить, что идетъ на вора къ Калугѣ. Какъ будетъ король въ Можайскѣ, то пожалуй, отпиши ко мнѣ сейчасъ же, а я бояръ и всѣхъ людей приведу къ тому, что пришлютъ бить челомъ королю, чтобъ пожаловалъ въ Москву, государство сына своего очищалъ и вора доступалъ. Непремѣнно бы идти королю въ Москву не мѣшкая, потому что въ Москвѣ большая смута отъ вора становится и люди къ нему прельщаются. А подъ Смоленскомъ королю чтò стоять? Если будетъ король въ Москвѣ, тогда и Смоленскъ будетъ его.» Въ другой грамотѣ къ тому же Льву Сапѣгѣ Салтыковъ писалъ: «Здѣсь въ Москвѣ меня многіе люди ненавидятъ, потому что я королю и королевичу во многихъ дѣлахъ радѣю.» Салтыковъ писалъ правду: по отъѣздѣ Жолкѣвскаго скоро начала становиться смута между Москвичами: «Нѣсколько недѣль, говоритъ одинъ Полякъ–очевидецъ, мы провели съ Москвичами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой; угощали другъ друга пирами, а думали иное. Мы наблюдали величайшую осторожность: стража день и ночь стояла у воротъ и на перекресткахъ. Для предупрежденія зла, по совѣту доброжелательныхъ къ намъ бояръ, Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18,000 стрѣльцовъ, подъ предлогомъ охраненія этихъ мѣстъ отъ Шведовъ, но собственно для нашей безопасности: этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвичи уже скучали нами, не знали только какъ сбыть насъ и, умышляя ковы, часто производили тревогу, такъ что по два, по три и по четыре раза въ день мы садились на коней и почти не разсѣдлывали ихъ.»

21 Ноября Сигизмундъ далъ знать боярамъ, что ему надобно прежде истребить Калужскаго вора и его приверженцевъ, вывести Польскихъ и Литовскихъ людей, очистить города и,

успокоивши такимъ образомъ Московское государство, пойдти на сеймъ и тамъ покончить дѣло относительно Владислава; король въ своей грамотѣ причисляетъ Смоленскъ къ тѣмъ городамъ, которые вору прямятъ, и потому пишетъ: «до тѣхъ поръ пока Смольняне не добьютъ намъ челомъ, отступить намъ негодится, и для всего государства Московскаго не безпечно.» 30 Ноября Салтыковъ и Андроновъ, пришедши вечеромъ къ патріарху, просили его благословить народъ на присягу королю. Такъ говоритъ Казанская грамота, посланная въ Хлыновъ; она прибавляетъ, что на другой день приходилъ къ патріарху просить о томъ же дѣлѣ и Мстиславскій, что патріархъ не согласился на его просьбу, и у нихъ съ патріархомъ была ссора, патріарха хотѣли зарѣзать; тогда патріархъ послалъ по сотнямъ къ гостямъ и торговымъ людямъ, чтобъ приходили къ нему въ соборную церковь; гости, торговые и всякіе люди, пришедши въ Успенскій соборъ, отказались цѣловать королю крестъ, не смотря на то, что толпы вооруженныхъ Поляковъ стояли у собора. На приведенное извѣстіе нельзя во всемъ положиться, ибо это пишутъ Казанцы, желающіе оправдать свою присягу Лжедимитрію; ни откуда не видно, чтобъ Салтыковъ счелъ возможнымъ и полезнымъ такъ круто повернуть дѣло и прямо требовать присяги королю; сображаясь съ намѣреніями Салтыкова, высказанными въ его письмахъ къ Сапѣгѣ, можно положить, что онъ, вмѣстѣ съ Мстиславскимъ, ходилъ къ Гермогену требовать его согласія на призваніе короля въ Москву, что патріархъ не согласился. Какъ бы то ни было, народъ видѣлъ ясно, что дѣло идетъ дурно относительно Владислава, и волненія въ пользу вора усиливались. Схваченъ былъ попъ Харитонъ, который ѣздилъ въ Калугу отъ имени всѣхъ Москвичей звать самозванца къ столицѣ; на первой пыткѣ онъ оговорилъ въ сношеніяхъ съ воромъ князей — Василія и Андрея Васильевичей Голицыныхъ, Ивана Михайловича Воротынскаго и Засѣкина; на второй пыткѣ онъ съ князя Андрея Голицына сговорилъ, что тотъ съ воромъ не ссылался: не смотря на то и Голицына отдали подъ

стражу вмѣстѣ съ Воротынскимъ и Засѣкинымъ, потому что онъ еще прежде возбудилъ противъ себя ненависть Поляковъ: однажды, когда Гонсѣвскій сидѣлъ въ думѣ съ боярами и явился туда дворянинъ Ржевскій съ объявленіемъ, что король пожаловалъ ему окольничество, то Голицынъ обратился къ Гонсѣвскому съ такими словами: «Паны Поляки! кривда большая намъ отъ васъ дѣлается. Мы приняли королевича въ государи, а вы его намъ не даете; именемъ королевскимъ, а не его листы къ намъ пишутъ; подъ титуломъ королевскимъ пожалованія раздаютъ какъ сейчасъ видите; люди худые съ нами, великими людьми, равняются. Или впередъ съ нами такъ не дѣлайте, или освободите насъ отъ крестнаго цѣлованія и мы будемъ промышлять о себѣ.» Дѣло Харитона и вѣсть, что Иванъ Плещеевъ хочетъ напасть на Поляковъ въ Москвѣ дали Гонсѣвскому поводъ ввести Нѣмцевъ въ Кремль и прибрать все къ своимъ рукамъ.

Дѣла на сѣверозападѣ шли дурно для Поляковъ и ихъ приверженцевъ. Въ Новгородъ отправленъ былъ съ войскомъ сынъ Михайлы Салтыкова, Иванъ, для охраненія его отъ Шведовъ и воровъ. Салтыковъ, называя себя подданнымъ королевскимъ, доносилъ своему государю Сигизмунду, что на дорогѣ въ Новгородъ онъ послалъ его жителямъ грамоту съ увѣщаніемъ цѣловать крестъ королевичу Владиславу, отъ Московскаго государства не отступать и во всемъ великимъ государямъ служить и прямить. Новгородцы отвѣчали, что они послали въ Москву узнать о подлинномъ крестномъ цѣлованьи и привезть списокъ съ утвержденной записи, и когда посланные возвратятся, тогда они, Новгородцы поцѣлуютъ крестъ Владиславу, но прежде этого Салтыкова въ городъ не впустятъ, потому что другіе города, присягнувши Владиславу, впустили къ себѣ Польскихъ и Литовскихъ людей и Черкасъ, и тѣ лучшихъ людей били, грабили и жгли. Въ тоже время Салтыковъ узналъ, что въ Новгородъ присылаютъ изъ Пскова грамоты съ увѣщаніемъ покориться лучше царику Калужскому, чѣмъ иновѣрному Поляку, и на многихъ Новгородцевъ это увѣщаніе подѣйство-

вало. Въ такихъ обстоятельствахъ Салтыковъ посылалъ грамоту за грамотою въ Москву, чтобъ бояре тотчасъ же отпустили Новгородскихъ пословъ для предупрежденія смуты въ пользу вора. Наконецъ эти посланцы возвратились; но и тутъ Новгородцы впустили къ себѣ Салтыкова не прежде, какъ взявши съ него присягу, что войдетъ въ городъ только съ Русскими людьми, а Литовскихъ никакихъ людей въ городъ не пуститъ. Салтыковъ привелъ Новгородцевъ къ присягѣ Владиславу и разослалъ по окрестнымъ городамъ увѣщательныя грамоты послѣдовать примѣру Новгородцевъ и отъ Московскаго государства не отставать. Торопчане послушались; но скоро дали знать Салтыкову, что, не смотря на ихъ крестное цѣлованіе Владиславу, Литовскіе люди опустошаютъ ихъ уѣздъ, мучатъ, жгутъ, бьютъ и ведутъ въ полонъ людей; видя это, другіе города рѣшили не цѣловать креста Поляку и сѣсть въ осадѣ. Салтыковъ, отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ, билъ челомъ Сигизмунду, чтобъ унялъ своихъ подданныхъ, какъ будто король имѣлъ для того какія-нибудь средства!

Еще хуже для Владислава шли дѣла на востокѣ: здѣсь Казань явно присягнула самозванцу, Вятка послѣдовала ея примѣру. Лѣтопись говоритъ, что когда Казанцы согласились цѣловать крестъ Лжедимитрію, то этому воспротивился второй воевода, знаменитый Богданъ Бѣльскій, за что и былъ убитъ; но грамоты, разосланныя изъ Казани въ другіе города, написаны отъ имени воеводъ Морозова и Бѣльскаго: впрочемъ Бѣльскій могъ сопротивляться и послѣ разсылки грамотъ, за что и былъ убитъ. Вмѣстѣ съ грамотами разосланы были и присяжныя записи, какъ цѣловали крестъ Казанцы: присягавшій долженъ былъ клясться: «отъ литовскихъ людей намъ никакихъ указовъ не слушать и съ ними не ссылаться, противъ ихъ стоять и биться до смерти. Козаковъ намъ Волжскихъ и Донскихъ, Терскихъ и Яицкихъ, и Астраханскихъ стрѣльцовъ въ городъ помногу не пускать и указовъ ихъ не слушать же; а пускать козаковъ въ городъ для торговли понемногу, десятка по два или по три, и долго имъ въ городѣ

не жить.» Эти слова очень замѣчательны: Казанцы присягають Лжедимитрію, ибо видятъ, что Москва занята Поляками, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ козаковъ: дурной знакъ для самозванцевъ, царей козацкихъ, невольная вѣрность къ нимъ не будетъ продолжительна. Замѣчателенъ также отвѣтъ Пермичей Вятчанамъ на ихъ увѣщанія признать Димитрія: Пермичи говорятъ въ своей отпискѣ, что они получили Вятскія грамоты и разослали ихъ по своимъ городамъ, но о желаніи своемъ присягать Димитрію ни слова, пишутъ только: «Въ соединеньи быть и за православную Христіанскую вѣру на разорителей стоять мы ради. И вамъ бы, господа, съ нами быть въ совѣтѣ по прежнему, и съ торгами, съ хлѣбомъ и мясомъ и со всякими товарами, торговыхъ и всякихъ людей изъ Вятки къ намъ отпускать, и намъ бы со своими торгами къ вамъ ѣздить по прежнему; и впередъ какія у насъ вѣсти будутъ, то мы къ вамъ эти вѣсти станемъ писать; а что, господа, у васъ впередъ какихъ вѣстей откуда-нибудь объявится, и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ писать почасту.» Такимъ образомъ Пермичи остаются вѣрны своему прежнему выжидательному поведенію, желая сноситься съ своими сосѣдями о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ цѣлованіи.

Но города переписывались о присягѣ Лжедимитрію, когда уже его не было въ живыхъ. Въ то время какъ онъ принужденъ былъ бѣжать изъ-подъ Москвы въ Калугу отъ Жолкѣвскаго, вмѣстѣ съ другими отступилъ отъ него къ Владиславу и царь Касимовскій. Но потомъ старый татаринъ выпросился у гетмана въ Калугу повидаться съ сыномъ, который оставался при ворѣ, и обѣщалъ привести этого сына съ собою. Но какъ скоро старый царь явился въ Калугу, то былъ утопленъ по приказанію Лжедимитрія. Тогда крещенный татаринъ Петръ Урусовъ, начальникъ татарской стражи Лжедимитрія, поклялся съ товарищами отомстить за смерть царя: 11 Декабря они вызвали самозванца за городъ охотиться за зайцами, убили его и бѣжали въ степи, опустошая все на дорогѣ. Неразлучный спутникъ самозванца, шутъ Кошелевъ, бывшій свидѣтелемъ смерти

своего господина, прискакалъ съ извѣстіемъ о ней въ Калугу; Марина, ходившая послѣдніе дни беременности, въ отчаяніи бросилась бѣгать по городу, крича о мщеніи, но мстить было некому, убійцы были далеко; въ Калугѣ оставались сотни двѣ татаръ, козаки бросились на нихъ, гоняли какъ зайцевъ, лучшихъ мурзъ побили, дворы ихъ разграбили. Заруцкій хотѣлъ бѣжать, но его схватили міромъ и не пустили; князь Григорій Шаховской просилъ у міра, чтобъ его отпустили въ Москву съ повинною, но ему не повѣрили, не отпустили, и когда Марина родила сына Ивана, то его провозгласили царевичемъ. Но при всеобщей смутѣ новорожденный ребенокъ былъ плохой вождь, и Калужане должны были исполнить требованія Московскаго правительства и цѣловать крестъ Владиславу: сначала, впрочемъ, они отвѣчали, что присягнутъ тогда только, когда королевичъ будетъ въ Москвѣ и приметъ православную вѣру; но потомъ безусловно приняли къ себѣ князя Юрія Трубецкаго и цѣловали крестъ всѣмъ городомъ [94].

ГЛАВА VIII.

ОТЪ СМЕРТИ ТУШИНСКАГО ВОРА ДО ОКОНЧАНІЯ МЕЖДОЦАРСТВІЯ.

Смерть вора была вторымъ поворотнымъ событіемъ въ исторіи смутнаго времени, считая первымъ вступленіе Сигизмунда въ предѣлы Московскаго государства. Теперь, по смерти самозванца, у короля и Московскихъ приверженцевъ его не было болѣе предлога требовать дальнѣйшаго движенія Сигизмундова въ Русскія области, не было болѣе предлога стоять подъ Смоленскомъ; лучшіе люди, которые согласились признать царемъ Владислава изъ страха покориться козацкому царю, теперь освобождались отъ этого страха и могли дѣйствовать свободнѣе противъ Поляковъ. Какъ только на Москвѣ узнали, что воръ убитъ, то, по словамъ современнаго извѣстія, Русскіе люди обрадовались и стали другъ съ другомъ говорить, какъ бы всей землѣ, всѣмъ людямъ соединиться и стать противъ Литовскихъ людей, чтобъ они изъ земли Московской вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали. Салтыковъ и Андроновъ писали къ Сигизмунду, что патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ: если королевичь не крестится въ христіанскую вѣру и всѣ Литовскіе люди не выйдутъ изъ Московской земли, то королевичь намъ

не государь; такія же слова патріархъ и въ грамотахъ писалъ во многіе города, а Москвичи посадскіе всякіе люди, лучшіе и мелкіе, всѣ принялись и хотятъ стоять. Но и тутъ при всеобщей готовности стоять противъ Поляковъ, первый двинулся Ляпуновъ. До смерти вора Прокофій былъ вѣренъ Владиславу: такъ въ Октябрѣ онъ взялъ Пронскъ у самозванца на имя королевича; но въ Генварѣ 1611 года Московскіе бояре писали къ Сигизмунду о возстаніи Ляпунова въ Рязани, о томъ, что Заруцкій дѣйствуетъ вмѣстѣ съ нимъ и отправился съ казаками своими въ Тулу; бояре требовали отъ короля, чтобъ онъ схватилъ находившагося у него подъ Смоленскомъ Захара Ляпунова, который сносится съ братомъ.

Опять города стали переписываться другъ съ другомъ; но теперь грамоты ихъ уже другаго рода: прежде уговаривали они другъ друга подождать, не спѣшить присягою тому, кто называется Димитріемъ, ибо приверженцы его грабительствуютъ въ городахъ присягнувшихъ; но теперь затронуто было начало высшее: города увѣщеваютъ другъ друга стать за вѣру православную, вооружиться на Поляковъ, грозящихъ ей гибелью. Первые подали голосъ жители волостей Смоленскихъ, занятыхъ, опустошенныхъ Поляками; они написали грамоту къ братьямъ своимъ, къ остальнымъ жителямъ Московскаго государства, но это братство въ ихъ глазахъ не народное, не государственное, а религіозное: «мы братья и сродники, потому что отъ св. купели св. Крещеніемъ породились.» Смольняне пишутъ, что они покорились Полякамъ, дабы не отбыть православнаго христіанства и не подвергнуться конечной гибели, и, не смотря на то, подвергаются ей: вѣра поругана и церкви Божія разорены. «Гдѣ наши головы? пишутъ Смольняне: гдѣ жены и дѣти, братья, родственники и друзья? Кто изъ насъ ходилъ въ Литву и Польшу выкупать своихъ матерей, женъ и дѣтей, и тѣ свои головы потеряли; собранъ былъ Христовымъ именемъ окупъ, и то все разграблено! Если кто хочетъ изъ васъ померетъ христіянами, да начнутъ великое дѣло душами своими и головами, чтобъ быть всѣмъ хри-

стіянамъ въ соединеніи. Неужели вы думаете жить въ мирѣ и покоѣ? Мы не противились, животы свои всѣ принесли — и всѣ погибли; въ вѣчную работу и латинство пошли. Если не будете теперь въ соединеніи, обще со всею землею, то горько будете плакать и рыдать неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ: перемѣнена будетъ христіанская вѣра въ латинство, и раззорятся божественныя церкви со всею лѣпотою, и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ христіанскій, поработятъ и осквернятъ и разведутъ въ полонъ матерей, женъ и дѣтей вашихъ.» Смольняне пишутъ также, что нечего надѣяться имѣть когда-либо царемъ Владислава, ибо на сеймѣ положено: «вывесть лучшихъ людей, опустошить всѣ земли, владѣть всею землею Московскою.»

Москвичи, получивъ эту грамоту, разослали ее въ разные города съ приложеніемъ собственной увѣщательной грамоты, въ которой писали: «Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ христіанамъ, всѣмъ народомъ Московскаго государства, господамъ братьямъ своимъ, православнымъ христіанамъ. Пишутъ къ намъ братья наши, какъ намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ остальнымъ не погибнуть отъ враговъ православнаго христіанства, Литовскихъ людей. Для Бога, судьи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія, будьте съ нами за одно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; вспомните одно: только въ корню основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; если же корня не будетъ, то къ чему прилѣпиться»? этими словами Москвичи хотятъ показать значеніе Москвы, корня государственнаго; но и они, вѣрные господствующему интересу времени, спѣшатъ выставить значеніе Москвы съ религіозной точки зрѣнія: «Здѣсь образъ Божіей матери, вѣчной заступницы христіанской, который евангелистъ Лука написалъ; здѣсь великіе свѣтильники и хранители — Петръ, Алексій, Іона чудотворцы: или вамъ, православнымъ христіянамъ, все это ни по чемъ? Писали намъ истину братья наши, и теперь мы сами видимъ вѣрѣ христіанской перемѣну въ Латинство и церквамъ Божіимъ раззореніе; о своихъ же головахъ что и писать вамъ много? А у насъ святѣйшій Гермогенъ

патріархъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ неизмѣнно, и ему всѣ христіане православные послѣдуютъ, только неявственно стоятъ.»

Явственнѣе стояли жители другихъ областей: въ началѣ Генваря 1611 года Нижегородцы послали въ Москву провѣдать, что̀ тамъ дѣлается? Посланные видѣлись съ патріархомъ, получили отъ него благословеніе на возстаніе, но грамоты отъ него не привезли, потому что у патріарха писать было некому, дьяки и подъячіе и всякіе дворовые люди взяты, и дворъ его весь разграбленъ. Мы видѣли, что прежде Нижегородцы увѣщевали Балахонцевъ оставаться вѣрными тому царю, который будетъ на Москвѣ, не затѣвая изъ-за искателей престола междоусобной брани, но теперь царя на Москвѣ не было, его мѣсто заступалъ патріархъ, блюститель вѣры, и патріархъ призывалъ къ возстанію; Нижегородцы ему повинуются: вмѣстѣ съ Балахонцами цѣлуютъ крестъ стоять за Московское государство и приглашаютъ другіе города памятовать Бога, пречистую Богородицу, Московскихъ чудотворцевъ, и стоять всѣмъ вмѣстѣ за одно. Нижегородцы послали грамоту и въ Рязань; Ляпуновъ отвѣчалъ имъ: «Мы, господа, про то вѣдаемъ подлинно, что на Москвѣ святѣйшему Гермогену патріарху и всему освященному собору и христоименитому народу отъ богоотступниковъ своихъ и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей гоненье и тѣснота большая; мы боярамъ Московскимъ давно отказали и къ нимъ писали, что они, прельстясь на славу вѣка сего, Бога отступили, приложились къ западнымъ жестокосердымъ, на своихъ овецъ обратились; а по своему договорному слову и по крестному цѣлованью, на чемъ имъ гетманъ крестъ цѣловалъ, ничего не совершили.» Возставшіе Русскіе люди еще не отказывались отъ присяги Владиславу, но клялись: «Стоять за православную вѣру и за Московское государство, королю Польскому креста не цѣловать, не служить ему и не прямить, Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищать, съ королемъ и королевичемъ, съ Польскими и Литовскими людьми и кто съ ними противъ Московскаго государства станетъ, про-

тивъ всѣхъ биться неослабно; съ королемъ, Поляками и Русскими людьми, которые королю прямятъ, никакъ не ссылаться; другъ съ другомъ междоусобія никакого не начинать. А кого намъ на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія государемъ Богъ дастъ, тому намъ служить и прямить и добра хотѣть во всемъ въ правду, по сему крестному цѣлованью. А будетъ по кого съ Москвы пошлютъ бояре, велятъ схватить и привести въ Москву или отослать въ какіе нибудь города, или пеню и казнь велятъ учинить: то намъ за этихъ людей стоять другъ за друга всѣмъ единомышленно и ихъ не выдавать, пока Богъ намъ дастъ на Московское государство государя. А если король не дастъ намъ сына своего на Московское государство, и Польскихъ и Литовскихъ людей изъ Москвы и изъ всѣхъ Московскихъ и украинскихъ городовъ не выведетъ, и изъ подъ Смоленска самъ не отступитъ и воинскихъ людей не отведетъ, то намъ биться до смерти. Ярославцы, въ грамотѣ своей въ Казань, указываютъ на мужество патріарха Гермогена какъ на чудо, въ которомъ Богъ обнаруживаетъ Русскому народу свою волю, и всѣ должны слѣдовать этому божественному указанію: «Совершилось нечаемое: святѣйшій патріархъ Гермогенъ сталъ за православную вѣру неизмѣнно и, не убоясь смерти, призвавши всѣхъ православныхъ христіанъ, говорилъ и укрѣпилъ, за православную вѣру всѣмъ велѣлъ стоять и помереть, а еретиковъ при всѣхъ людяхъ обличалъ; и еслибъ онъ не отъ Бога былъ посланъ, то такого дѣла не совершилъ бы, и тогда кто бы началъ стоять? Еслибъ не только вѣру попрали, но еслибъ даже на всѣхъ хохлы подѣлали, то и тогда никто слова не смѣлъ бы молвить, боясь множества Литовскихъ людей и Русскихъ злодѣевъ, которые, отступя отъ Бога, съ ними сложились. И въ города патріархъ приказалъ, чтобъ за православную вѣру стали, а кто умретъ, будутъ новые страстотерпцы: и слыша это отъ патріарха и видя своими глазами, города всѣ обослались и пошли къ Москвѣ.» Во время этого страшнаго бѣдствія, постигшаго Русскую землю, три человѣка, по словамъ Ярославцевъ, были

утѣшеніемъ скорбныхъ людей: патріархъ Гермогенъ, Смоленскій архіепископъ Сергій и воевода Шеинъ. Ярославцы даютъ знать, что они уже послали три отряда отъ себя къ Москвѣ, что жители городовъ встрѣчаютъ ратныхъ людей съ образами и кормъ даютъ. Въ городахъ было сильное движеніе: собранные для очищенія государства ратные люди ходили по соборамъ и монастырямъ, съ плачемъ служили молебны объ избавленіи отъ находящей скорби и, получа благословеніе отъ духовенства, выступали изъ городовъ при пушечной и ружейной пальбѣ, для пріѣзжихъ людей, чтобъ и въ другихъ городахъ былъ вѣдомъ походъ. Когда воевода Иванъ Ивановичъ Волынскій двинулся изъ Ярославля съ войскомъ, родственникъ его, другой Волынскій, остался въ городѣ съ старыми дворянами «для всякаго промысла, всѣхъ служилыхъ людей выбивать въ походъ, и по городамъ писать, а приговоръ учинили крѣпкій за руками: кто не пойдетъ или воротится, тѣмъ милости не дать, и по всѣмъ городамъ тоже укрѣпленье писали.»

Если города еще не совершенно отказывались отъ присяги Владиславу, то духовенство говорило рѣшительнѣе. Соловецкій игуменъ Антоній писалъ къ Шведскому королю Карлу IX: Божіею милостію въ Московскомъ государствѣ святѣйшій патріархъ, бояре и изо всѣхъ городовъ люди ссылаются, на совѣтъ къ Москвѣ сходятся, совѣтуютъ и стоятъ единомышленно на Литовскихъ людей; и хотятъ выбирать на Московское государство царя изъ своихъ прирожденныхъ бояръ, кого Богъ изволитъ, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ. И у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и въ Сумскомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышленный: не хотимъ никого иновѣрцевъ на Московское государство царемъ, кромѣ своихъ прирожденныхъ бояръ Московскаго государства.» — Встали и Пермичи, недѣятельные до тѣхъ поръ, пока дѣло шло между разными искателями престола — Димитріемъ, Шуйскимъ, Владиславомъ; но теперь они двинули свои отряды, когда патріархъ благословилъ возстаніе на богохульныхъ Ля-

ховъ; Пермичи знаютъ только одного патріарха: отъ него получили они грамоту о возстаніи, къ нему посылаютъ отписку съ именами своихъ ратныхъ людей. Встали и Новгородцы Великаго Новгорода и, по благословенію митрополита своего Исидора, крестъ цѣловали помогать Московскому государству на раззорителей православной вѣры и стоять за нее единомышленно; поклявшись въ этомъ, Новгородцы посадили въ тюрьму Владиславовыхъ, т. е. королевскихъ воеводъ — Ивана Салтыкова и Корнила Чоглокова «за ихъ многія неправды и злохитрство.»

Не смотря однако на всеобщее одушевленіе и ревность къ очищенію государства отъ враговъ иновѣрныхъ, предпріятіе не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ, и вопервыхъ потому, что въ челѣ предпріятія становился Ляпуновъ, человѣкъ страстный, не могшій довольно освободиться отъ самого себя, принесть свои личныя отношенія и стремленія въ жертву общему дѣлу. Будучи, по тогдашнимъ понятіямъ, человѣкомъ худороднымъ, выдвинутый смутами бурнаго времени изъ толпы, стремясь страстно къ первенству, Ляпуновъ ненавидѣлъ людей, которые загораживали ему дорогу, которые опирались на старину, хотѣли удержать свое прежнее значеніе. Въ то время, когда города призывали другъ друга къ возстанію на враговъ вѣры, одинъ Ляпуновъ не удержался и сдѣлалъ въ своей грамотѣ выходку противъ бояръ. И послѣ, ставши главнымъ вождемъ ополченія, онъ не только не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки людямъ родовитымъ и сановнымъ, но находилъ особенное удовольствіе унижать ихъ, величаясь предъ ними своимъ новымъ положеніемъ, и тѣмъ самымъ возбуждалъ негодованіе, вражду, смуту. Другою, еще болѣе важною причиною неуспѣха было то, что Ляпуновъ, издавна неразборчивый въ средствахъ, и теперь, при возстаніи земли для очищенія государства, для установленія наряда, подалъ руку — комуже? врагамъ всякаго наряда, людямъ, жившимъ смутою, козакамъ! Съ нимъ соединились козаки, бывшіе подъ начальствомъ Заруцкаго, Просовецкаго, князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго —

се Тушинскихъ бояръ и воеводъ. Говорятъ, будто Ляпуновъ риманилъ Заруцкаго обѣщаніемъ, что по изгнаніи Поляковъ, ровозгласитъ царемъ сына Марины, съ которою Заруцкій былъ же тогда въ связи. Мало того, Сапѣга, пролившій столько Русской крови, такъ долго сражавшійся противъ Троицкаго монастыря, Сапѣга объявилъ желаніе сражаться противъ своихъ Поляковъ за православную вѣру, и Ляпуновъ принялъ предложеніе! Вотъ что писалъ Сапѣга къ Калужскому воеводѣ, князю Трубецкому: «Писали мы къ вамъ, господинъ! много разъ въ Калугу о совѣтѣ, но вы отъ насъ бѣгаете за посмѣхъ: мы вамъ никакого зла не дѣлали и впередъ дѣлать не хотимъ; мы хотѣли съ вами за вашу вѣру христіанскую и за свою славу и при своихъ заслугахъ горло свое дать, и вамъ слѣдовало бы съ нами совѣтоваться, что̀ ваша дума? Про насъ знаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служимъ, стоимъ при своихъ заслугахъ, а на васъ никакого лиха не мыслимъ и заслугъ своихъ на васъ не просимъ, а кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ, тотъ намъ и заплатитъ за наши заслуги. Такъ вамъ бы съ нами быть въ совѣтѣ и ссылаться съ нами почаще, что̀ будетъ ваша дума, а мы отъ васъ не прочь, и стоять бы вамъ за православную христіанскую вѣру и за святыя церкви, а мы при васъ и при своихъ заслугахъ горла свои дадимъ. Намъ сказывали, что у васъ въ Калугѣ нѣкоторые бездѣльники разсѣваютъ слухи, будто мы святыя церкви раззоряемъ и пѣть въ нихъ не велимъ и лошадей въ нихъ ставимъ: но у насъ этого во всемъ рыцарствѣ не сыщешь, это вамъ бездѣльники лгутъ, смущаютъ васъ съ нами; у насъ въ рыцарствѣ большая половина Русскихъ людей, и мы заказываемъ и бережемъ накрѣпко, чтобъ надъ святыми божіими церквами раззоренія никакого не было, а отъ вора какъ уберечься, да развѣ кто что сдѣлалъ въ отъѣздѣ»? Бывшій Тушинскій воевода Ѳедоръ Плещеевъ писалъ къ Сапѣгѣ: «отъ Прокофья Ляпунова идутъ къ тебѣ послы о томъ же добромъ дѣлѣ и о совѣтѣ; а совѣту съ тобою Прокофій и всѣ города очень рады, про заслуженное же

они такъ говорятъ: не только что тогда заплатимъ, какъ будетъ царь на Москвѣ, и нынче рады заслуженное платить.» Въ самомъ дѣлѣ Ляпуновъ писалъ къ пану Чернацкому, уговаривая его прислать пословъ отъ имени Сапѣги, для заключенія условій, при чемъ обнаруживалъ страшное злоупотребленіе начитанностію св. писанія: «Какъ въ старину великій Моисей согласился лучше съ людьми Божіими страдать, нежели имѣть временную грѣха сладость: такъ и вы, по апостольскому гласу, не плотскаго господина, а вѣчнаго владыки волю ищете творити, желая по правдѣ поборниками быти, видя Польскаго короля неправое возстаніе на Московское государство и всемірное губительство въ настоящее время.» Но, по крайней мѣрѣ, этотъ незаконный союзъ не состоялся почему-то: черезъ мѣсяцъ Сапѣга писалъ въ Кострому, уговаривая жителей ея признать опять Владислава: «Теперь вы государю измѣнили, пишетъ Сапѣга, и невѣдомо для чего, и хотите на Московское государство невѣдомо кого. Знаете вы сами Польскихъ и Литовскихъ людей мочь и силу: кому съ ними биться»?

Но бойцевъ нашлось много: они шли изъ земли Разанской и Сѣверской съ Ляпуновымъ, изъ Муромской съ княземъ Литвиномъ-Мосальскимъ, изъ Низовой съ княземъ Репнинымъ, изъ Суздальской съ Артеміемъ Измайловымъ; изъ Вологодской земли и Поморскихъ городовъ съ Нащокинымъ, князьями Пронскимъ и Козловскимъ; изъ Галицкой земли съ Мансуровымъ; изъ Ярославской и Костромской съ Волынскимъ и княземъ Волконскимъ. Все это были полки гражданскіе, полки земскихъ людей, преимущественно людей чистаго сѣвера; но вотъ туда же, къ Москвѣ, для той же цѣли, для очищенія земли шла козацкая рать Просовецкаго съ сѣвера, шли съ юга козацкія рати Тушинскихъ бояръ, князя Дмитрія Трубецкаго и Заруцкаго. Трубецкой и Заруцкій приглашали отовсюду запольныхъ, то-есть застепныхъ козаковъ, обѣщая имъ жалованье; въ ихъ призывной грамотѣ говорится также: «А которые боярскіе люди крѣпостные и старинные, и тѣ бы шли безо всякаго сомнѣнія и боязни, всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ,

къ и другимъ козакамъ, и грамоты имъ отъ бояръ и воеводъ и отъ всей земли дадутъ.» Такъ предводители козаковъ старались увеличивать число ихъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ это время всеобщаго возстанія, въ это время когда къ стѣнамъ Москвы подходили отовсюду отряды подъ предводительствомъ людей не знаменитыхъ, которыхъ выдвигало на первый планъ только отсутствіе сановниковъ первостепенныхъ, — что же дѣлали члены думы царской, правители Московскіе? Въ началѣ возстанія еще въ 1610 году, Салтыковъ съ товарищами предложилъ боярамъ просить короля, чтобъ отпустилъ Владислава въ Москву, къ посламъ, Филарету и Голицыну, написать, чтобъ отдались во всемъ на волю королевскую, а къ Ляпунову, чтобъ не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войска. Бояре написали грамоты и понесли ихъ къ патріарху для скрѣпленія; но Гермогенъ отвѣчалъ имъ: «Стану писать къ королю грамоты и духовнымъ всѣмъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, крестится королевичь въ православную христіанскую вѣру и Литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать, и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а къ Прокофью Ляпунову напишу, что если королевичь на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и померъть всѣмъ за провославную вѣру.» Лѣтописецъ говоритъ, что Салтыковъ началъ Гермогена позорить и бранить, и, вынувши ножъ, хотѣлъ его зарѣзать; но патріархъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ ему громко: «Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ»; а Мстиславскому сказалъ тихо: «Твое дѣло начинать и пострадать за православную христіан-

скую вѣру; если же прельстишься на такую дьявольскую прелесть, то преселитъ Богъ корень твой отъ земли живыхъ.» Такимъ образомъ грамоты были отправлены безъ подписи патріаршей; князей Ивана Михайловича Воротынскаго и Андрея Васильевича Голицына, сидѣвшихъ подъ стражею, силою заставили приложить къ нимъ руки.

Грамоты эти привезены были подъ Смоленскъ 23 Декабря; на другой день они были доставлены посламъ съ требованіемъ, чтобъ тѣ немедленно же исполнили приказъ боярскій, иначе имъ будетъ худо. Когда грамоты были прочтены, то Филаретъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ нельзя: «отправлены мы отъ патріарха, всего освященнаго собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всей земли, а эти грамоты писаны безъ согласія патріарха и освященнаго собора, и безъ вѣдома всей земли: какъ же намъ ихъ слушать? и пишется въ нихъ о дѣлѣ духовномъ, о крестномъ цѣлованіи Смольнянъ королю и королевичу, тѣмъ больше безъ патріарха намъ ничего сдѣлать нельзя.» Голицынъ и всѣ оставшіеся члены посольства также объявили, что грамоты незаконныя. 27 Декабря позваны были послы къ панамъ, у которыхъ нашли дьяка Чичерина, присланнаго изъ Москвы съ извѣстіемъ о смерти самозванца. Паны объявили посламъ, что королевскимъ счастіемъ воръ въ Калугѣ убитъ. Послы встали и съ поклономъ благодарили за эту вѣсть. — «Теперь, съ насмѣшливымъ видомъ спросили паны, что вы скажете о боярской грамотѣ.» Голицынъ отвѣчалъ, что они отпущены не отъ однихъ бояръ, и отчетъ должны отдавать не однимъ боярамъ, а сначала патріарху и властямъ духовнымъ, потомъ боярамъ и всей землѣ; а грамота писана отъ однихъ бояръ, и то не отъ всѣхъ. Паны говорили: «Вы все отговаривались, что нѣтъ у васъ изъ Москвы о Смоленскѣ указа, теперь и получили указъ повиноваться во всемъ волѣ королевской, а все еще упрямитесь?» Сапѣга прочелъ грамоту боярскую и сказалъ: «видите, что мы говорили съ вами на съѣздахъ, то самое Духъ Святый внушилъ вашимъ боярамъ: они въ тѣхъ же самыхъ словахъ велятъ вамъ исполнить, чего

мы отъ васъ требовали: значитъ самъ Богъ открылъ имъ это».

Голицынъ отвѣчалъ: «Пожалуйте, мое челобитье безкручинно выслушайте и до королевскаго величества донесите. Вы говорите, чтобъ намъ слушаться боярскаго указа: въ правдѣ ихъ указа слушаться я буду и радъ дѣлать сколько Богъ помощи подастъ; но бояре должны надъ нами дѣлать праведне, а не такъ какъ они дѣлаютъ. Отпускали насъ къ великимъ государямъ бить челомъ патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго государства, а не одни бояре: отъ однихъ бояръ я, князь Василій, и не поѣхалъ бы; а теперь они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха, освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства: это ихъ къ намъ первое не добро, да и всѣмъ людямъ Московскаго государства, думаемъ, будетъ въ томъ великое сомнѣнье и скорбь: чтобъ отъ того кровь христіянская вновь не пролилась! Другая къ намъ боярская немилость: намъ въ наказѣ написали и бить челомъ королю велѣли, чтобъ королевское величество отъ Смоленска отступилъ и всѣхъ бы своихъ людей изъ Московскаго государства вывелъ, и бить челомъ о томъ намъ велѣно накрѣпко. А теперь къ намъ бояре пишутъ, что они къ королю съ княземъ Андреемъ Мосальскимъ писали, били челомъ, чтобъ король шелъ на вора подъ Калугу. Мы бьемъ челомъ королю по нашему наказу, чтобъ шелъ въ свое государство, князь Мосальскій бьетъ челомъ, чтобъ шелъ подъ Калугу; мы ничего этого не знаемъ, наводимъ на себя гнѣвъ королевскій, отъ васъ слышимъ многія жестокія слова. А князю Мосальскому съ такимъ дѣломъ можно бы и къ намъ пріѣхать, и съ нами вмѣстѣ королю бить челомъ. Во всемъ этомъ господъ нашихъ бояръ судитъ съ нами Богъ. Они же къ намъ пишутъ, что намъ про вора провѣдывать непригоже — гдѣ онъ и какъ силенъ? какъ будто мы ему добра хотимъ. И за это мы будемъ на бояръ Богу жаловаться. Сами они знаютъ, что мы вору никогда добра не искивали, а писали мы къ боярамъ о ворѣ для того, что вы на всѣхъ съѣздахъ намъ

говорили, что съ воромъ въ сборѣ много людей; мы не знаемъ, что вамъ отвѣчать, потому и писали къ боярамъ, спрашивали ихъ о ворѣ, и тѣмъ было имъ меня, князя Василья, позорить не пригоже. Сами они знаютъ, что, по Божіей милости, отца моего и дѣда изъ думы не высылывали и думу они всякую вѣдали, не купленное у нихъ было боярство, не за Москвою въ бояре ставлены, вору добра не искивали, креста ему не цѣловали, у вора не бывали и отъ него ничего не хотѣли; только нашего и дѣла было, что за Пречистой Богородицы образъ и за крестное цѣлованье противъ вора стояли и нещадно головы свои на смерть предавали. Да они же теперь брата моего, князя Андрея, отдали подъ стражу, невѣдомо за что, а ко мнѣ писали по пустой сказкѣ, будто я, идучи подъ Смоленскъ, съ воромъ ссылался, и тѣмъ меня позорятъ: какъ дастъ Богъ увижу на Московскомъ государствѣ государя нашего Владислава Жигимонтовича, то я ему во своемъ безчестьи стану на нихъ бить челомъ, и теперь вамъ сенаторамъ бью челомъ, чтобъ вы мое челобитье до королевскаго величества донесли.»

Паны обѣщали, но требовали по прежнему, чтобъ исполненъ былъ указъ боярскій относительно Смоленска; послы по прежнему отговаривались тѣмъ, что нѣтъ у нихъ приказа отъ патріарха; паны возражали, что патріархъ особа духовная, въ земскія дѣла не вмѣшивается; послы отвѣчали: «Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ при прежнихъ великихъ государяхъ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ государи наши патріарховъ великою честію, встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ; такъ у насъ честны патріархи, а до нихъ были митрополиты; теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный, безъ патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже. Когда мы на

Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ нимъ совѣтовались, и отпускалъ насъ патріархъ вмѣстѣ съ боярами, о томъ гетману Станиславу Станиславовичу извѣстно, да и въ вѣрющихъ грамотахъ, и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ въ началѣ писанъ у насъ патріархъ, и потому намъ теперь безъ патріарховыхъ грамотъ по однимъ боярскимъ нельзя дѣлать. Какъ патріарховы грамоты безъ боярскихъ, такъ боярскія безъ патріарховыхъ не годятся; надобно теперь дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей: не однимъ боярамъ, всѣмъ государь надобенъ, и дѣло нынѣшнее общее всѣхъ людей, такого у насъ дѣла на Москвѣ не бывало. Да пожалуйте, скажите, паны радные, что̀ отвѣчали Смольняне не боярскую грамоту?»

«Смольняне закоснѣли въ своемъ упорствѣ, отвѣчали паны: они боярскихъ грамотъ не слушаютъ, просятъ, чтобъ имъ позволено было видѣться съ вами, и говорятъ, что сдѣлаютъ такъ, какъ вы имъ велите, слѣдовательно отъ васъ однихъ зависитъ все.» Послы отвѣчали: «Сами вы, паны, можете разсудить, какъ насъ Смольнянамъ послушать, если они боярскихъ грамотъ не послушали. Ясно теперь видно, что въ Москвѣ сдѣлано не какъ слѣдуетъ: еслибъ писали патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго государства по общему совѣту, а не одни бояре, то Смольнянамъ и отговориться было бы нельзя. А мы теперь сами не знаемъ, какъ дѣлать? осталась насъ здѣсь половина, а другая отпущена въ Москву, начальный съ нами человѣкъ митрополитъ, тотъ безъ патріарховой грамоты не только что дѣлать, и говорить не хочетъ, а намъ безъ него ничего нельзя сдѣлать.» Паны отпустили пословъ и сказали, чтобъ завтра, 28 числа, они пріѣзжали вмѣстѣ съ Филаретомъ на послѣдній съѣздъ. Но на этомъ съѣздѣ Филаретъ сказалъ панамъ: «Вчерашнія ваши рѣчи я отъ князя Василья Васильевича слышалъ: онъ говорилъ вамъ то самое, что и я бы сказалъ; я, митрополитъ, безъ патріарховой грамоты на такое дѣло дерзнуть не смѣю, чтобъ приказать Смольнянамъ цѣловать крестъ королю.» Голицынъ прибавилъ: «А намъ безъ митро-

полита такого великаго дѣла дѣлать нельзя.» Паны отпустили пословъ съ сердцемъ; когда они выходили изъ комнаты, то паны кричали: «Это не послы, это воры!» Въ слѣдъ за этимъ пріѣхалъ къ панамъ Иванъ Бестужевъ съ какими-то рѣчами отъ Смольнянъ; но паны не стали его слушать и выгнали вонъ. Когда онъ былъ на дворѣ, то Сапѣга закричалъ ему въ окно: «Вы государевой воли не исполняете, грамотъ боярскихъ не слушаете: смотрите, что съ вами будетъ.» Бестужевъ оборотился и сказалъ: «Всѣ мы въ Божіей волѣ, что Ему угодно, то и будетъ; бьемъ мы челомъ королю о томъ, что всѣ люди Московскаго государства приговорили и излюбили: насъ бы королевское величество тѣмъ пожаловалъ, а съ Москвою мы розниться не хотимъ.»

Между тѣмъ Захаръ Ляпуновъ и Кирилла Созоновъ продолжали наговаривать панамъ, что во всемъ виноваты главные послы, которые дворянамъ ничего не объявляютъ. Паны призвали къ себѣ дворянъ и сказали имъ: «Намъ извѣстно, что послы съ вами ни о чемъ не совѣтуются и даже скрываютъ отъ васъ боярскія грамоты.» Дворяне отвѣчали: «Это какой-нибудь бездѣльникъ, воръ вамъ сказывалъ, который хочетъ ссору видѣть между вами и послами, поставьте его съ нами съ очей на очи. Боярскую грамоту послы намъ читали, и мы имъ сказали, что исполнить ее нельзя, писана она безъ патріарха и безъ совѣта всей земли.»

Около мѣсяца послѣ того пословъ не звали на съѣздъ. Голицынъ придумалъ средство къ сдѣлкѣ съ королемъ: уговорить Смольнянъ впустить къ себѣ въ городъ небольшой отрядъ Польскаго войска съ тѣмъ, чтобъ король не требовалъ отъ нихъ присяги на свое имя и немедленно снялъ бы осаду. Дано было знать объ этомъ панамъ, и 27 Генваря 1611 года назначенъ былъ съѣздъ. Голицынъ предложилъ панамъ впустить въ Смоленскъ человѣкъ 50 или 60 Поляковъ; паны отвѣчали: «Этимъ вы только безчестите короля: стоитъ онъ подъ Смоленскомъ полтора года, а тутъ какъ на смѣхъ впустятъ 50 человѣкъ!» Послы отвѣчали, что больше 100 человѣкъ впу-

стить они не согласятся и тѣмъ съѣздъ кончился. Между тѣмъ еще 23 Генваря пріѣхалъ подъ Смоленскъ Иванъ Никитичъ Салтыковъ съ новыми боярскими грамотами къ Смольнянамъ и посламъ, подтверждавшими прежнія. Смольняне отвѣчали, что если впередъ пришлютъ къ нимъ съ такими воровскими грамотами, то они велятъ застрѣлить посланнаго: есть при королѣ послы отъ всего Московскаго государства, черезъ нихъ и должно съ ними говорить. 29 Генваря сообщена была новая грамота посламъ, а 30 они позваны были на съѣздъ къ панамъ, у которыхъ нашли и Салтыкова. Послы объявили, что и на новой грамотѣ нѣтъ подписи патріарховой, и потому имъ остается одно, продолжать дѣло о впускѣ въ Смоленскъ королевскихъ людей, при чемъ они надѣются, что король, по обѣщанію своему, не велитъ Смольнянамъ присягать на свое имя. Поляки закричали, что это клевета, что никогда не было и рѣчи о томъ, чтобъ оставить присягу на королевское имя. «Вы сами на послѣднемъ съѣздѣ намъ объявили, отвѣчали послы, что король свое крестное цѣлованіе оставилъ, а велѣлъ только говорить о людяхъ, сколько ихъ впустить въ городъ, и мы за то тогда же благодарили короля.» «Клевета! клевета!» продолжали кричать паны. — «Если вы увидали въ насъ неправду, сказалъ Филаретъ: то королю бы пожаловать, отпустить насъ въ Москву, а на наше мѣсто велѣть выбрать другихъ, мы никогда и ни въ чемъ не лыгали, что говоримъ и что отъ васъ слышимъ, все помнимъ. Посольское дѣло — что скажется, того не переговаривать, и бываетъ слово посольское крѣпко; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чему впередъ вѣрить? И намъ впередъ ничего нельзя уже дѣлать, если въ насъ неправда объявилась.» Филарету отвѣчали не паны, а Салтыковъ: «Вы послы, закричалъ онъ, должны вѣрить панамъ ихъ милости, они не солгутъ; огорчать вамъ пановъ радныхъ и приводить на гнѣвъ великаго государя короля непригоже; вы должны безпрекословно исполнять волю королевскую по боярскому указу, а на патріарха смотрѣть нечего: онъ вѣдаетъ не государственныя, а свои поповскія дѣла; его величеству, стоявъ подъ такимъ лукошкомъ

два года и не взявъ его, прочь отойти, стыдно; вы, послы, сами должны бы вступиться за честь королевскую и велѣть Смольнянамъ цѣловать крестъ королю.» Послы отвѣчали ему, чтобъ онъ вспомнилъ, съ кѣмъ говоритъ, что ему не слѣдъ вмѣшиваться въ разсужденія пословъ, выбранныхъ всѣмъ государствомъ и оскорблять ихъ непригожими словами. Обратясь къ панамъ, Филаретъ сказалъ: «Если вамъ, паны, есть до насъ какое дѣло, то говорите съ нами вы, а не позволяйте вмѣшиваться въ разговоръ постороннимъ людямъ, съ которыми мы словъ терять не хотимъ.» Паны велѣли Салтыкову замолчать, и спросили пословъ: «Хотите ли вы наконецъ дѣлать по боярской грамотѣ?» Филаретъ отвѣчалъ: «Сами вы знаете, что намъ духовному чину отецъ и начальникъ святѣйшій патріархъ, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не только царь, самъ Богъ не разрѣшитъ: и мнѣ безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами не дѣлывать, а вы бы на меня въ томъ не досадовали: обѣщаюсь вамъ Богомъ, что хотя мнѣ и смерть принять, а безъ патріаршей грамоты такого великаго дѣла не дѣлывать.» — «Ну такъ ѣхать вамъ къ королевичу въ Вильну тотчасъ же», закричали паны и отпустили пословъ.

1-го Февраля послы опять были позваны къ панамъ: прежній вопросъ, прежній отвѣтъ, прежняя угроза: «собирайтесь ѣхать въ Вильну.» Намъ не наказано ѣхать въ Вильну, говорили послы. — «Бояре велятъ вамъ туда ѣхать, кричали паны.» Филаретъ сказалъ на это: «Если королевское величество велитъ насъ вести въ Литву и въ Польшу неволею, въ томъ его государская воля, а намъ никакъ нельзя ѣхать, не на чѣмъ и не съ чѣмъ: что было, то все проѣли, да и товарищи наши отпущены въ Москву, и намъ дѣлать нечего.» 7 Февраля опять позвали пословъ и объявили имъ, что король, милосердуя о Смольнянахъ, жалуетъ ихъ, позволяетъ присягнуть одному королевичу; но чтобъ не оскорбить и королевской чести, надобно впустить въ Смоленскъ по крайней мѣрѣ 700 человѣкъ; если же послать 100 человѣкъ, то Шеинъ ве-

лить ихъ или въ тюрьмы посажать, или побить. Послы отвѣчали, что больше двухъ сотъ человѣкъ впустить они не согласны. На другой день посламъ было объявлено, чтобъ они вошли въ переговоры съ Смольнянами о введеніи въ ихъ городъ королевскихъ людей безъ опредѣленія числа. Послы едва могли уговорить ихъ на введеніе 200 человѣкъ, ибо Смольняне понимали хорошо, что это первый шагъ въ овладѣніи ихъ городомъ, и потому поставили непремѣннымъ условіемъ, что прежде чѣмъ будутъ введены Поляки въ Смоленскъ, король отступитъ со всѣмъ своимъ войскомъ за-границу, и отрядъ, который войдетъ въ городъ, не будетъ имѣть здѣсь никакой власти и будетъ вести себя чинно. Но въ совѣтѣ королевскомъ написаны были другаго рода условія: 1) стражѣ у городскихъ воротъ быть пополамъ королевской и городской, однимъ ключамъ быть у воеводы, а другимъ у начальника Польскаго отряда; 2) король обѣщаетъ не мстить гражданамъ за ихъ сопротивленіе и грубости и безъ вины никого не ссылать; 3) когда Смольняне принесутъ повинную и исполнятъ все требуемое, тогда король сниметъ осаду и городъ останется за Московскимъ государствомъ впредь до дальнѣйшаго разсужденія; 4) Смольняне, передавшіеся прежде королю, не подчинены суду городскому, но вѣдаются Польскимъ начальствомъ; 5) Смольняне обязаны заплатить королю всѣ военные убытки, причиненные ихъ долгимъ сопротивленіемъ. Но понятно, что Смольняне не могли принять этихъ условій, которыя обнаруживали слишкомъ ясно королевскіе замыслы; они требовали, чтобъ воротные ключи были у одного Смоленскаго воеводы; чтобъ Смоленскъ и весь Смоленскій уѣздъ были по прежнему къ Московскому государству, чтобъ какъ скоро они поцѣлуютъ крестъ Владиславу, король отступилъ отъ ихъ города, очистилъ весь уѣздъ, и потомъ, когда онъ пойдетъ въ Литву со всѣмъ войскомъ, они впустятъ къ себѣ его отрядъ сполна; Смольняне отказались также платить за убытки, отговариваясь своею бѣдностію и обѣщая только поднести дары королю.

Услыхавъ эти требованія, Поляки рѣшились употребить

средство, которое бы заставило пословъ быть уступчивѣе. 26 Марта Филаретъ и Голицынъ съ товарищами были позваны на переговоры; такъ какъ наступила оттепель и ледъ на Днѣпрѣ былъ худъ, то они должны были идти пѣшкомъ. Паны объявили имъ, чтобъ они безъ отговорокъ ѣхали въ Вильну, объявили, что ихъ уже не отпустятъ въ прежній станъ, но что они должны остаться на этой сторонѣ рѣки. Послы просили позволить имъ, по крайней мѣрѣ, зайти въ прежній станъ, взять тамъ необходимыя вещи; но и въ томъ имъ было отказано. Какъ скоро они вышли изъ собранія, то ихъ окружили ратные люди съ заряженными ружьями и отвели въ назначенное помѣщеніе: митрополиту досталась одна изба, князю Голицыну, Мезецкому и Томилѣ Луговскому другая; на дворѣ и кругомъ двора разставили стражу, и входъ къ посламъ запрещенъ былъ для дворянъ посольскихъ. Такъ провели послы Свѣтлое Воскресенье; къ этому дню король прислалъ имъ: станъ говядины, тушу баранью старую, двухъ барашковъ, одного козленка, четырехъ зайцевъ, одного тетерева, четырехъ поросятъ, четырехъ гусей и семь курицъ: все это послы раздѣлили съ своими дворянами. Переговоры о Смоленскѣ возобновились. Паны предложили прежнее условіе, исключивши только статью о вознагражденіи за военные убытки; послы также уступили, обѣщались уговорить Смольнянъ впустить Польскій отрядъ весь въ городъ прежде Сигизмундова отступленія дня за два или за три, если король назначитъ день отступленія и напишетъ его въ договорной записи. Но тутъ пришла вѣсть о раззореніи Московскомъ.

Въ то время какъ Сигизмундъ считалъ необходимымъ взять Смоленскъ для Польши какими быто ни было средствами и тратилъ время въ безплодныхъ и унизительныхъ для своего достоинства переговорахъ, возстаніе противъ сына его не ослабѣвало въ Московскомъ государствѣ, и Поляки поведеніемъ своимъ подливали все болѣе и болѣе масла въ огонь. Украинскіе города, бывшіе за воромъ—Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе, по смерти вора цѣловали крестъ королевичу; не смотря на это

королевскіе люди, подъ начальствомъ какого-то пана Запройскаго, выжгли ихъ, людей побили и въ плѣнъ повели. Гонсѣвскій велѣлъ отряду Запорожскихъ козаковъ идти въ Рязанскія мѣста, чтобъ мѣшать Ляпунову собираться къ Москвѣ; Черкасы соединились съ Исакомъ Сумбуловымъ, воеводою, преданнымъ Владиславу, и осадили Ляпунова въ Пронскѣ; но къ нему навыручку пошелъ съ Коломенцами и Рязанцами Зарайскій воевода князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій; Черкасы, услыхавъ объ его выступленіи, отошли отъ Пронска, и освобожденный Ляпуновъ отправился въ Рязань; скоро самъ Пожарскій былъ осажденъ у себя въ Зарайскѣ Черкасами и тѣмъ же Сумбуловымъ, но сдѣлалъ вылазку, выбилъ непріятеля изъ острога и нанесъ ему сильное пораженіе: Черкасы бросились бѣжать въ Украйну, Сумбуловъ къ Москвѣ: для возстанія на югѣ не было болѣе препятствія.

Главный двигатель этого возстанія, начальный человѣкъ въ государствѣ въ безгосударное время находился въ Москвѣ: то былъ патріархъ, по мановенію котораго, во имя вѣры, вставала и собиралась земля. Салтыковъ пришелъ къ нему съ боярами и сказалъ: «Ты писалъ, чтобъ ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши имъ, чтобъ возвратились назадъ.» — «Напишу, отвѣчалъ Гермогенъ, если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ Литовскими людьми, выйдешь вонъ изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру; вижу ей поруганіе, вижу раззореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть.» Патріарха отдали подъ стражу, никого не велѣли пускать къ нему. Патріархъ сказалъ не все: съ самаго отъѣзда Жолкѣвскаго начались для жителей Москвы оскорбленія, которыя увеличивались все болѣе и болѣе уже въ слѣдствіе опаснаго положенія Поляковъ, видѣвшихъ себя осажденными среди волнующагося народа. Только что гетманъ уѣхалъ, Гонсѣвскій сталъ жить на старомъ дворѣ царя Бориса, Салтыковъ бросивши свой домъ, поселился на дворѣ Ивана Васильевича Годунова; Андроновъ на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа; вездѣ у во-

ротъ стояла Польская стража, уличныя рѣшетки были сломаны; Русскимъ людямъ запрещено было ходить съ саблями; топоры отбирались у купцовъ, которые выносили ихъ на продажу, у плотниковъ, которые шли съ ними на работу, запрещено было носить и ножи; боялись, что за недостаткомъ оружія народъ вооружится кольями — и запретили крестьянамъ возить мелкія дрова на продажу; гетманскія строгости относительно буйства Поляковъ были оставлены: жены и дѣвицы подвергались насиліямъ; по вечерамъ побивали людей, которые шли по улицамъ изъ двора во дворъ; къ заутренѣ; не только мірскимъ людямъ, но и священникамъ ходить не давали.

17 Марта, въ Вербное Воскресенье патріарха освободили для обычнаго торжественнаго шествія на ослѣ; но никто изъ народа не пошелъ за вербою; разнесся слухъ, что Салтыковъ и Поляки хотятъ въ это время изрубить патріарха и безоружный народъ; по всѣмъ площадямъ стояли Литовскія роты, конныя и пѣшія на готовѣ. И вотъ дѣйствительно сами Поляки — очевидцы пишутъ, что Салтыковъ говорилъ имъ: «Нынче былъ случай, и вы Москву не били, ну такъ они васъ во вторникъ будутъ бить; я этого ждать не буду; возьму жену и поѣду къ королю.» Онъ хотѣлъ предупредить жителей Москвы, напасть на нихъ прежде, чѣмъ придетъ къ нимъ помощь отъ Ляпунова, чего именно ждалъ во вторникъ. Поляки стали готовиться ко вторнику, встаскивать пушки на башни Кремлевскія и Китая-города; дѣйствительно въ Московскія слободы пробрались тайкомъ ратные люди изъ Ляпуновскихъ полковъ, чтобъ поддержать жителей въ случаѣ схватки съ Поляками, пробрались и начальные люди: князь Пожарскій, Бутурлинъ, Колтовской. Но вторникъ начался тихо, Москвичи ничего не предпринимали, купцы спокойно отперли лавки въ Китаѣ-городѣ и торговали. Въ это время Николай Козяковскій на рынкѣ началъ принуждать извощиковъ, чтобъ шли помогать Полякамъ тащить пушки на башню. Извощики не согласились, начался споръ, крикъ: тогда осьмитысячный отрядъ Нѣмецкій, перешедшій при Клушинѣ къ Полякамъ и на-

ходившійся теперь въ Кремлѣ, думая, что началось народное возстаніе, ринулся на толпу и сталъ бить Русскихъ; Поляки послѣдовали примѣру Нѣмцевъ, и началась страшная рѣзня безоружнаго народа: въ Китаѣ-городѣ погибло до 7000 человѣкъ, князь Андрей Васильевичь Голицынъ, сидѣвшій подъ стражею въ собственномъ домѣ, былъ умерщвленъ озлобленными Поляками. Но въ Бѣломъ городѣ Русскіе имѣли время собраться и вооружиться; они ударили въ набатъ, подняли страшный крикъ, загородили улицы столами, скамьями, бревнами, и стрѣляли изъ за этихъ укрѣпленій въ Поляковъ и Нѣмцевъ; изъ оконъ домовъ палили, бросали каменья, бревна, доски. Ратные люди, пробравшіеся прежде въ слободы, оказали дѣятельную помощь: на Срѣтенкѣ Поляки были остановлены княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, который соединился съ пушкарями, отбилъ непріятеля, втопталъ его въ Китай-городъ и поставилъ себѣ острожекъ у Введенья на Лубянкѣ; Иванъ Матвѣевичь Бутурлинъ стоялъ въ Яузскихъ воротахъ, Иванъ Колтовской на Замоскворѣчьи. Поляки, загнатые въ Кремль и Китай-городъ, обхваченные со всѣхъ сторонъ возставшимъ народонаселеніемъ, придумали средство — огнемъ выкурить непріятеля. Попытались запалить Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ, Москвичи не давали, надобно было съ ними стрѣляться, дѣлать вылазки, наконецъ удалось поджечь въ разныхъ мѣстахъ: говорятъ, что Михайла Салтыковъ первый зажегъ собственный домъ свой. Поднялся страшный вѣтеръ и къ вечеру пламя разлилось по всему Бѣлому городу, начало было горѣть и въ Китаѣ у Поляковъ, но здѣсь пожаръ не распространился: вѣтеръ былъ не съ той стороны. Ночь была свѣтлая: булавку можно было увидать; набатъ не переставалъ гудѣть на всѣхъ колокольняхъ. На другое утро въ середу Поляки держали совѣтъ — что дѣлать? бояре говорили: »хотя вы цѣлый городъ выпалите, все же будете заперты въ стѣнахъ: надобно постараться всѣми мѣрами запалить Замоскворѣчье, около котораго нѣтъ стѣнъ: тѣмъ легко вамъ будетъ выйти, легко и помощь получить.»

Слѣдуя этому совѣту, Поляки пошли на Замоскворѣчье и встрѣтили сильное сопротивленіе: тамъ были стрѣлецкія слободы, было кому оборонять; однако, хотя съ большимъ трудомъ, съ большою потерею въ людяхъ, Полякамъ удалось наконецъ поджечь Замоскворѣчье. По другую сторону они возобновили нападеніе на Пожарскаго, который цѣлый день отбивался изъ своего острожка, наконецъ палъ отъ ранъ и былъ отвезенъ въ Троицкій монастырь. Народъ вышелъ въ поле, въ жестокій морозъ: въ Москвѣ негдѣ было больше жить. Въ Великій четвергъ, нѣкоторые изъ Москвичей пришли къ Гонсѣвскому бить челомъ о милости: тотъ велѣлъ имъ снова цѣловать крестъ Владиславу и отдалъ приказъ своимъ прекратить убійство; покорившимся Москвичамъ велѣно было имѣть особый знакъ-подпоясываться полотенцами.

Великій четвергъ прошелъ спокойно для Поляковъ, но въ пятницу пришла вѣсть, что Просовецкій приближается къ Москвѣ съ тридцатью тысячами войска. Гонсѣвскій выслалъ противъ него Зборовскаго и Струся; Просовецкій, потерявши въ стычкѣ съ ними человѣкъ двѣсти своихъ козаковъ, засѣлъ въ гуляй-городахъ, на которые Поляки не посмѣли напасть, и ушли въ Москву. Просовецкій также отступилъ на нѣсколько миль, гдѣ дождался Ляпунова, Заруцкаго и другихъ воеводъ: въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ все ополченіе, въ числѣ 100,000 человѣкъ, подошло къ Москвѣ и расположилось близъ Симонова монастыря, обставивши себя гуляй-городами. Черезъ нѣсколько дней Гонсѣвскій вывелъ все свое войско къ Русскому обозу, но Русскіе не вышли съ нимъ биться; онъ послалъ Нѣмцевъ выбить Русскихъ стрѣльцовъ изъ деревушки, находившейся подлѣ обоза, но Нѣмцы были отражены съ урономъ. Отбивши Нѣмцевъ, стрѣльцы начали наступать и на Поляковъ, конница которыхъ должна была спѣшиться и стрѣляться съ ними. Конница Русская во все это время не выходила изъ обоза; но когда Поляки начали отступать къ Москвѣ, Русскіе вышли за ними изъ обоза; Поляки остановились, чтобъ дать имъ отпоръ — Русскіе опять въ обозъ; Поляки опять начали

отступленіе, Русскіе опять за ними. Полякамъ пришлось очень трудно, едва успѣли они войти въ Москву и больше уже изъ нея никогда не выходили.

1 Апрѣля ополченіе подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города: Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ, князь Трубецкой съ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, воеводы Костромскіе и Ярославскіе у Покровскихъ воротъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, князь Масальскій у Тверскихъ. 6 Апрѣля, раннимъ утромъ Поляки услыхали шумъ, выглянули — а уже Русскіе заняли бо́льшую часть стѣнъ Бѣлаго города; у Поляковъ осталось здѣсь только пять воротъ или башенъ. Начались ежедневныя сшибки; Ляпуновъ храбростію, распорядительностію выдавался изо всѣхъ воеводъ: «всего Московскаго воинства властель, скачетъ по полкамъ всюду, какъ левъ рыкая», выражается о немъ лѣтописецъ. Поляки находились въ самомъ затруднительномъ положеніи; «Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая, писали Потоцкому подъ Смоленскъ, сидятъ въ Китаѣ и въ Кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ поотняты, пить, ѣсть нечего.» Съѣстные припасы для себя, конскій кормъ должны были доставать съ бою. Въ началѣ Мая, на Поклонной горѣ раскинулся станъ знаменитаго рыцаря Яна Сапѣги; онъ завелъ переговоры съ Русскими и началъ обнаруживать непріязненныя намѣренія осносительно осажденныхъ; потомъ, не поладивши съ ополченіемъ, вооружился противъ него, былъ отбитъ и передался на сторону Гонсѣвскаго. Но послѣднему было мало отъ него пользы: скоро Сапѣжинскимъ рыцарямъ соскучилось стоять подъ Москвою, гдѣ было нечего грабить, и они отправились къ Переяславлю Залѣсскому; Гонсѣвскій отпустилъ съ ними также часть своего войска; за чѣмъ онъ себя ослабилъ такимъ образомъ, — Поляки, бывшіе съ нимъ, не объясняютъ: по всѣмъ вѣроятностямъ онъ принужденъ былъ къ этому недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Осажденныхъ послѣ этого осталось очень мало, тысячи съ три съ чемъ-нибудь, кромѣ Нѣмцевъ и пѣхоты Польской, быв-

шей, какъ мы знаемъ, въ очень небольшомъ числѣ. Чтобъ прикрыть въ глазахъ осаждающихъ эту малочисленность свою, Поляки начали распускать слухъ, будто гетманъ Литовскій идетъ къ нимъ на помощь съ большими силами, тогда какъ Русскіе знали лучше ихъ, идетъ ли къ нимъ кто или нѣтъ. Въ знакъ радости Поляки начали стрѣлять изъ пушекъ и изъ ружей: «Намъ казалось, говоритъ одинъ изъ нихъ, что стрѣльба у насъ была очень густая, но Москва изъ этой самой стрѣльбы замѣтила, что насъ только горсть осталась въ стѣнахъ Кремля и Китая.» Настрѣлявшись и думая, что задали большой страхъ Москвѣ, Поляки разошлись по домамъ и заснули спокойно, въ ночь съ 21 на 22 Мая. Но осаждающіе не спали: за три часа до разсвѣта приставили они лѣстницы и полѣзли на стѣны Китая-города; сторожъ на башнѣ, ввѣренной Марходкому, услыхалъ шумъ, сначала не зналъ, отъ кого онъ происходитъ— отъ людей, или отъ собакъ, которыхъ тогда въ погорѣлой Москвѣ было множество, но потомъ разсмотрѣлъ, что это люди и закричалъ: «Москва! къ звонку!» Мархоцкій вскочилъ и велѣлъ ударить въ колоколъ, потому что у Русскихъ обычай, говоритъ онъ, на каждой башнѣ держать по колоколу. Когда осаждающіе услыхали колоколъ, увидали, что они открыты, то съ крикомъ бросились на стѣны; Поляки выбѣжали на тревогу изъ домовъ и отбили Русскихъ отъ Китай-города; тогда осаждающіе обратились въ другую сторону, къ башнямъ Бѣлаго города, находившимся во власти Поляковъ, и въ продолженіи дня успѣли овладѣть ими всѣми. На другое утро Русскіе осадили Нѣмцевъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и принудили ихъ къ сдачѣ. Послѣ этого Русскіе смѣялись надъ Поляками: «Идетъ къ вамъ на помощь гетманъ Литовскій съ большею силою, кричали они имъ: идетъ съ нимъ пятьсотъ человѣкъ войска! больше не надѣйтесь, уже это вся литва вышла; идетъ и Конецпольскій, живности вамъ везетъ, везетъ одну кишку:» потому что ротмистрами были Кишка и Конецпольскій. Но не шелъ гетманъ Литовскій Ходкѣвичъ даже и съ пятью стами человѣкъ, не шелъ Конецпольскій съ Кишкою: Сигизмунду было не до

Москвы, ему нужно было прежде всего покончить съ Смоленскомъ.

8 Апрѣля Филаретъ и Голицынъ были призваны къ Сапѣгѣ, и канцлеръ объявилъ имъ, что во вторникъ на Страстной недѣлѣ Русскіе люди начали сбираться на бой, королевскіе вышли къ нимъ на встрѣчу, сожгли городъ и много христіанской крови пролилось съ обѣихъ сторонъ. Тутъ же Сапѣга объявилъ, что патріархъ за возбужденіе возстанія взятъ подъ стражу и посаженъ на Кирилловскомъ подворьѣ. Послы горько заплакали, и Филаретъ сказалъ: «Это случилось за грѣхи всего православнаго христіанства, а отъ чего сталось, и кто на такое раззоренье помыслилъ, тому Богъ не потерпитъ, и во всѣхъ государствахъ такое немилосердіе отзовется. Припомните наши слова, мы на всѣхъ съѣздахъ говорили, чтобъ королевское величество велѣлъ всѣ статьи утвердить по своему обѣщанію и по договору, иначе людямъ будетъ сомнѣнье и скорбь. Такъ и случилось. Такъ хотя бы теперь королевское величество смиловался, и вы бы паны радные о томъ порадѣли, чтобъ кровь христіанскую унять, и всѣ бы люди получили покой и тишину.» Сапѣга отвѣчалъ, что король именно за тѣмъ и пришелъ въ Московское государство, чтобъ его успокоить, но Русскіе люди сами и во всемъ виноваты; Полякамъ же нельзя было Москвы не жечь, иначе сами были бы побиты. «Но скажите, прибавилъ онъ: какъ этому злу помочь и кровь унять?» Послы отвѣчали: «Теперь мы и сами не знаемъ, что̀ дѣлать. Посланы мы отъ всей земли, и во первыхъ отъ патріарха; но слышимъ отъ васъ, что этотъ начальный нашъ человѣкъ теперь у васъ подъ стражею. Московскаго государства бояре и всякіе люди пришли подъ Москву и съ королевскими людьми бьются. Кто мы теперь такіе, отъ кого послы — не знаемъ; кто насъ отпускалъ, тѣ, какъ вы говорите, умышляютъ противное нашему посольству. И съ Смоленскомъ теперь не знаемъ что дѣлать: потому что если Смольняне узнаютъ, что королевскіе люди, которыхъ Москвичи впустили къ себѣ, Москву выжгли, то побоятся, чтобъ и съ ними того же не слу-

чилось, когда они впустятъ къ себѣ королевскихъ людей.» Сапѣга отвѣчалъ: «Что сдѣлалось въ Москвѣ, объ этомъ говорить нечего: говорите, что дѣлать впередъ?» Послы отвѣчали: «Другаго средства поправить дѣло нѣтъ, какъ то, чтобъ король наши статьи о Смоленскѣ подтвердилъ и время своего отступленія въ Польшу именно назначилъ на письмѣ, за вашими сенаторскими руками. А мы объ этой королевской милости дадимъ знать въ Москву патріарху, боярамъ и всѣмъ людямъ Московскаго государства, напишемъ и тѣмъ, которые теперь пришли подъ Москву, чтобъ они унялись и съ королевскими людьми не бились, и чтобъ изъ Москвы къ намъ какъ можно скорѣе отписали и прислали людей изо всѣхъ чиновъ.» Сапѣга соглашался, но требовалъ, чтобъ договоръ о Смоленскѣ былъ заключенъ немедленно и немедленно были впущены въ городъ королевскіе люди. Послы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя до обсылки съ Москвою, Смольняне не послушаются. Сапѣга велѣлъ посламъ написать двѣ грамоты: одну къ патріарху и боярамъ, другую къ воеводамъ ополченія, стоящаго подъ Москвою. Но когда на другой день Луговской принесъ эти грамоты къ Сапѣгѣ, тотъ спросилъ его: «Хотите ли теперь же впустить въ Смоленскъ людей королевскихъ»? Луговской отвѣчалъ, что рѣшено ждать отвѣта изъ Москвы. — «Когда такъ, сказалъ Сапѣга, то васъ всѣхъ пошлютъ въ Вильну.» Луговской отвѣчалъ: «Надобно кровь христіанскую унять, а Польшею насъ стращать нечего: Польшу мы знаемъ.»

12 Апрѣля посламъ дали знать, что на другой день ихъ повезутъ въ Польшу. Напрасно Филаретъ и Голицынъ представляли, что имъ изъ Москвы нѣтъ приказа ѣхать въ Польшу и что не съ чѣмъ имъ подняться въ путь: ихъ не слушали, подвезли къ ихъ двору судно и велѣли перебираться. Когда посольскіе люди стали переносить въ судно вещи и запасы господъ своихъ, то Польскіе приставы перебили слугъ, запасы велѣли выбросить изъ судна, лучшее взяли себѣ. Ограбленныхъ пословъ и дворянъ повезли всѣхъ вмѣстѣ въ одномъ

судне, где находились солдаты съ заряженными ружьями; за судномъ шли еще две лодки съ людьми посольскими. На дороге послы терпели во всемъ крайнюю нужду; когда проезжали они чрезъ земли гетмана Жолкевскаго, то последній, находившійся въ это время тамъ, прислалъ спросить ихъ о здоровье: послы отвечали ему, чтобъ онъ попомнилъ свою душу и крестное целованіе.

Вследъ за послами окончили свое дело и Смольняне. Цынга опустошала ихъ городъ, лишенный соли; изъ 80,000 жителей, сколько считалось при начале осады, едва осталось 8,000, но оставшіеся въ живыхъ не думали о сдаче. Известный намъ Андрей Дедешинъ, перебежавшій къ королю, указалъ ему на часть стены, построенную на спехъ, сырою осеннею порою, и потому не прочную; король велелъ обратить пушки въ ту сторону, и стена была выбита. Ночью 3 Іюня Поляки повели приступъ и вошли черезъ проломъ въ городъ; Шеинъ съ 15 товарищами стоялъ на роскате; онъ объявилъ, что скорее умретъ, чемъ сдастся кому-нибудь изъ простыхъ ратниковъ; тогда прибежалъ къ нему Яковъ Потоцкій и Шеинъ сдался ему; жители заперлись въ соборной церкви Богородицы, зажгли порохъ, находившійся въ низу въ погребахъ, и взлетели на воздухъ, по примеру Сагунтинцевъ, какъ говорятъ Польскіе историки. Шеина привели въ королевскій станъ и пытали, по 27 допроснымъ пунктамъ:

1) Для чего, въ какой надежде, после сдачи столицы, не хотелъ сдать Москвы на имя королевское? О. Одну надежду имелъ, что король отступитъ отъ Смоленска, давши сына на царство Московское, о чемъ прислана была грамота изъ Москвы.

2) Откуда получалъ известія? если изъ обоза королевскаго, то отъ кого, сколько разъ и какими способами? Шеинъ назвалъ всехъ перебежчиковъ.

3) Черезъ кого сносился съ Голицынымъ и о чемъ? О. Ни очемъ.

4) Какія сношенія имелъ съ Ляпуновымъ и другими изменниками? О. Никакихъ.

5) Для чего не слушалъ совѣтовъ архіепископа и втораго воеводы Горчакова, чтобъ сдать Смоленскъ? О. Отъ Горчакова ничего не слыхалъ; архіепископъ же только одинъ разъ сказалъ, когда начались сношенія съ послами Московскими и привезены были условія отъ сенаторовъ; говорилъ онъ, что «гнѣвъ Божій надъ всею землею и надъ нами распростерся, чего мечь не истребитъ, то повѣтріе истребляетъ, лучше намъ поддаться за присягою ихъ, хотя бы насъ потомъ и перебили.» Такія слова онъ только разъ сказалъ въ большой толпѣ людей, никто на нихъ не обратилъ вниманія, а потомъ самъ онъ никогда объ этомъ не вспоминалъ; а прежде, сначала осады, архіепископъ часто его, Шеина, упрекалъ, за чѣмъ промысла надъ непріятелемъ не чинитъ, языковъ не достаетъ и на вылазки людей не пускаетъ.

6) Что замышлялъ дѣлать послѣ, если бы отсидѣлся въ Смоленскѣ? О. Всѣмъ сердцемъ былъ я преданъ королевичу; но если бы король сына на царство не далъ, то, такъ какъ земля безъ государя быть не можетъ, поддался бы тому, кто бы былъ царемъ на Москвѣ.

7) Кто ему совѣтовалъ и помогалъ такъ долго держаться въ Смоленскѣ? О. Никто особенно, потому что никто не хотѣлъ сдаваться.

8) Прежде чѣмъ король пришелъ подъ Смоленскъ, отъ кого онъ, Шеинъ, получалъ вѣсти изъ Польши и Литвы? О. Отъ хлоповъ пограничныхъ.

9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, и 16, вопросы всѣ въ томъ же родѣ, то-есть о сношеніяхъ съ разными лицами и мѣстами. Отвѣты отрицательные.

17) Сколько было доходовъ съ волостей Смоленскихъ до осады, и куда они дѣлись? На этотъ вопросъ Шеинъ отвѣчалъ обстоятельно; по его словамъ въ казнѣ было 900 рублей.

18) Куда дѣвалъ имѣнія, остававшіяся послѣ умершихъ. О. Я не бралъ этихъ имѣній.

19) Не закопаны ли гдѣ-нибудь въ Смоленскѣ деньги? О. Не знаю.

20) Васька Полочанинъ съ чѣмъ приходилъ въ Смоленскъ? О. Сказалъ, что король послалъ въ Ригу за пушками.

21) Не сносился ли съ кѣмъ-нибудь изъ купцовъ въ королевскомъ обозѣ? О. Ни съ кѣмъ.

22) Кто привозилъ соль и другіе запасы изъ королевскаго обоза въ Смоленскъ? О. Родственники Смольнянъ, въ обозѣ бывшіе.

23) Изъ Смоленскихъ дѣтей боярскихъ съ кѣмъ имѣлъ сношенія и что они ему совѣтовали? О. Ни съ кѣмъ.

24) Сколько было наряду въ Смоленскѣ? Орудій 170, пороху 8,500 пудовъ при началѣ осады.

25) Съ Иваномъ Никитинымъ Салтыковымъ черезъ кого сносился? О. Не сносился ни черезъ кого; а когда Салтыковъ королю измѣнилъ, то присылалъ грамоту, на которую данъ былъ отвѣтъ съ вѣдома архіепископа.

26) У перваго самозванца Гришки Отрепьева чѣмъ былъ и въ какой милости? О. Былъ я въ Новгородѣ Сѣверскомъ по приказу царя Бориса; когда другіе поклонились Гришкѣ, то и я поклонился; сначала онъ на меня сердитъ былъ, потомъ сталъ ласковъ, звалъ на службу; при смерти его я не былъ.

27) Когда началъ сноситься съ царикомъ Калужскимъ, и что это были за сношенія? О. Я съ самзванцемъ никакой ссылки не имѣлъ; разъ присылалъ онъ Ивана Зубова въ Смоленскъ съ длинною грамотою, въ которой всю библію и псалтырь выписалъ, уговаривая, чтобъ Смольняне ему поддались, воеводу своего свергнули, посадили на его мѣсто Зубова, прислали къ нему въ Тушино всю казну, а купцы прислали бы къ нему всѣ свои товары: когда сядетъ въ Москвѣ, то за все заплатитъ. Смольняне вмѣсто воеводства посадили Зубова въ тюрьму.

Послѣ пытки Шеина отправили въ Литву, гдѣ держали сначала въ тѣсномъ заключеніи, въ оковахъ; семейство воеводы было подѣлено между кролемъ и Сапѣгою: сына взялъ себѣ Сигизмундъ, жену и дочь Сапѣга; радость о взятіи Смоленска была неописанная въ Литвѣ и Польшѣ; король говорилъ бла-

годарственную рѣчь рыцарству, главная мысль которой заключалась въ слѣдующемъ: «Одолѣли вы упорнаго непріятеля, одолѣли не тѣмъ, что поморили его голодомъ, но одолѣли своими подвигами; упорныя сердца мужествомъ побѣдили упорныхъ.» Скарга говорилъ проповѣдь: «Прежде всего радуемся тому, что Господь Богъ указуетъ путь къ расширенію своей церкви и правды католической, къ спасенію душъ людскихъ. Народъ этотъ, въ старый расколъ съ церковію Божіею погруженный, утратилъ правду Божію, впалъ въ суевѣріе и въ грѣхи, на небо вопіющіе; на него напала такая глупая гордость, что на Латиновъ смотрѣлъ какъ на поганыхъ, какъ на Жидовъ и невѣрныхъ; а Господь Богъ бѣдствіями и униженіями приводитъ его къ сознанію заблужденій своихъ.» Знаменитый проповѣдникъ не счелъ за нужное позаботиться о томъ, чтобъ факты, имъ приводимые, были хотя сколько нибудь вѣрны; такъ напримѣръ по его словамъ патріархъ Гермогенъ, не желая присягать Владиславу, призываетъ на помощь Скопина, но Скопина свои отравляютъ; патріархъ призываетъ Лжедимитрія: но послѣдній, когда уже сбирался подъ Москву, убитъ своими и т. д.

Вмѣсто того, чтобъ тотчасъ по взятіи Смоленска идти къ Москвѣ, король принужденъ былъ распустить войско и отправиться на сеймъ въ Варшаву. Здѣсь въ упоеніи торжества думали, что взятіемъ Смоленска все кончено, забыли, что въ Москвѣ горсть Поляковъ осаждена многочисленнымъ непріятелемъ; спѣшили насладиться зрѣлищемъ торжественнаго въѣзда въ Варшаву плѣннаго царя Московскаго. 29 Октября 1611 года Жолкѣвскій съ нѣкоторыми панами, послами земскими, съ дворомъ и служилымъ рыцарствомъ своимъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ въ замокъ королевскій; за нимъ ѣхала открытая карета, запряженная въ 6 лошадей, въ каретѣ сидѣлъ сверженный царь Московскій, Василій, въ бѣлой парчевой ферязи, въ мѣховой шапкѣ: это былъ сѣдой старикъ, не очень высокаго роста, круглолицый, съ длиннымъ и немного горбатымъ носомъ, большимъ ртомъ, большею бородою; смотрѣлъ онъ изъ

подлобья и сурово; передъ нимъ сидѣли два брата его, а въ середкѣ у нихъ приставъ. Когда всѣхъ троихъ Шуйскихъ поставили передъ королемъ, то они низко поклонились, держа въ рукахъ шапки. Жолкѣвскій началъ длинную рѣчь о измѣнчивости счастья, прославлялъ мужество короля, указывалъ на плоды его подвиговъ — взятіе Смоленска и Москвы, распространился о могуществѣ царей Московскихъ, изъ которыхъ послѣдній стоялъ теперь передъ королемъ и билъ челомъ. Тутъ Василій Шуйскій, низко наклонивши голову, дотронулся правою рукою до земли и потомъ поцѣловалъ эту руку, второй братъ, Димитрій, ударилъ челомъ до самой земли, третій братъ Иванъ трижды билъ челомъ и плакалъ. Гетманъ продолжалъ, что вручаетъ Шуйскихъ королю не какъ плѣнниковъ, но для примѣра счастья человѣческаго, просилъ оказать имъ ласку, при чемъ всѣ Шуйскіе опять молча били челомъ. Когда гетманъ окончилъ рѣчь, Шуйскихъ допустили къ рукѣ королевской. Было это зрѣлище великое, удивленіе и жалость производящее, говорятъ современники; но въ толпѣ пановъ радныхъ послышались голоса, которые требовали не жалости, но мести Шуйскому, какъ виновнику смерти многихъ Поляковъ; раздался голосъ Юрія Мнишка, который требовалъ мести за дочь свою. Шуйскихъ заключили въ замкѣ Гостынскомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Варшавы.

Какой-то Юрій Потемкинъ привезъ въ станъ подъ Москву извѣстіе о взятіи Смоленска; но бояре, Мстиславскій съ товарищами, получили эту вѣсть прямо отъ короля. Король писалъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его взять Смоленскъ, была измѣна дворянъ Смоленскаго уѣзда, отставшихъ отъ королевскаго дѣла вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ Салтыковымъ. Король послалъ Салтыкова съ Смоленскими дворянами въ Дорогобужъ; эти дворяне начали совѣтоваться, какъ бы отъѣхать въ Московскіе полки, но одинъ изъ нихъ донесъ объ ихъ умыслѣ Сигизмунду; должно быть тутъ же былъ обнесенъ и Салтыковъ, но послѣ онъ успѣлъ оправдаться предъ королемъ и вошелъ къ нему въ прежнюю милость.

Бояре, называя себя вѣрными подданными короля, отвѣчали, что они, слыша о погибели многихъ невинныхъ христіанскихъ душъ, простыхъ людей, женъ и младенцевъ, бѣдно со свѣта сего сошедшихъ за непокорство Шеина и другихъ лихихъ людей, поскорбѣли о нихъ христіанскимъ обычаемъ и братскою любовію, какъ о братьи своей единокровной; «о томъ же, что вамъ великимъ государямъ надъ непослушниками вашими подалъ Богъ побѣду и одолѣнье, Богу хвалу воздаемъ, и васъ, великихъ государей, на вашихъ преславныхъ и прибылыхъ государствахъ, поздравляемъ.» Бояре извѣщаютъ короля, что Новгородцы Новгорода Великаго за его государское имя мучили на пыткахъ боярина Ивана Михайловича Салтыкова, и мучивъ, посадили на колъ. Мы видѣли, что Новгородцы сами извѣщали воеводъ возставшаго ополченія о посаженіи Салтыкова въ тюрьму; лѣтописецъ сообщаетъ подробности: Салтыковъ, отнявши у Шведовъ Ладогу, оттуда прямо хотѣлъ идти къ Москвѣ, потому что опасался враждебнаго расположенія жителей Новгородскихъ. Послѣдніе послали просить его, чтобъ возвратился къ нимъ въ Новгородъ, и цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ ему ничего дурнаго. Салтыковъ повѣрилъ и возвратился; но спустя немного времени, Новгородцы забыли клятву, схватили его и, не удовольствовавшись тюремнымъ заключеніемъ, подвергнули пыткѣ: тщетно Салтыковъ клялся, что у него не было никакой мысли противъ Московскаго государства, тщетно обѣщалъ, что если отецъ его придетъ съ Литовскими людьми, то онъ и противъ него станетъ биться: сыну Салтыкова не повѣрили, и онъ страшною смертію поплатился за поведеніе отца. Говорятъ, что заводчикомъ дѣла былъ дьякъ Семенъ Самсоновъ. Бояре увѣдомляли также Сигизмунда, что они много разъ писали къ возставшему ополченію съ увѣщаніемъ обратиться: «но тѣ воры отъ воровства своего не перестаютъ и къ вашей государской милости не обращаются, нашихъ грамотъ и приказу ни въ чемъ не слушаютъ, насъ укоряютъ и безчестятъ всякими непригожими рѣчами, похваляются на насъ лютыми позорными смертями, и людей нашихъ, которые у насъ

по городамъ, мучатъ злыми смертями и пытками, помѣстья и вотчины наши роздали и раззоряютъ.» Наконецъ увѣдомляютъ, о сношеніяхъ возставшаго ополченія съ Шведскимъ королемъ на счетъ избранія одного изъ его сыновей въ государи Московскіе. По словамъ лѣтописца, начальники ополченія начали думать, что безъ государя быть нельзя, и придумали послать къ Шведамъ просить у ихъ короля сына на Московское государство.

Но, заводя переговоры о будущемъ царѣ, ополченіе должно было подумать о томъ, какъ устроить временное правительство, ввести какой-нибудь порядокъ въ управленіе войскомъ и землею. Мы видѣли, сколько воеводъ съ разныхъ сторонъ пришло подъ Москву съ своими отрядами. Кому изъ нихъ надобно было дать первенство? Высшее званіе, званіе бояръ, носили князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой и Заруцкій, хотя оба получили боярство въ Тушинѣ; но этимъ боярамъ не могъ уступить думный дворянинъ Ляпуновъ, первый по способностямъ и энергіи. 30 Іюня 1611 года, Московскаго государства разныхъ земель царевичи, бояре, окольничіе и всякіе служилые люди и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресвятой Богородицы и за православную христіанскую вѣру противъ раззорителей вѣры христіанской, Польскихъ и Литовскихъ людей, подъ Москвою, приговорили и выбрали всею землею бояръ и воеводъ, князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго да думнаго дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляпунова на томъ, что имъ, будучи въ правительствѣ, земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣломъ промышлять, расправу всякую между всякими людьми чинить вправду, а ратнымъ и всякимъ земскимъ людямъ ихъ бояръ во всемъ слушать.» Приговоръ утверждаетъ, чтобъ относительно раздачи помѣстій примѣривались, какъ было при прежнихъ Россійскихъ прирожденныхъ государяхъ. Помѣстья и отчины, разнятыя боярами по себѣ и розданныя другимъ безъ земскаго приговора, отобрать назадъ и изъ нихъ дворцовыя и черныя волости отписать въ дворецъ, а помѣстныя и вотчинныя земли раздать без-

помѣстнымъ и раззоренным дѣтямъ боярскимъ. Отобрать дворцовыя села и черныя волости, равно и денежное жалованье у всѣхъ людей, которые, служа въ Москвѣ, Тушинѣ или Калугѣ, получили ихъ не по мѣрѣ своей. Помѣстья, данныя кому бы то ни было на имя короля или королевича, отобрать, но не отбирать ихъ у тѣхъ дворянъ, у которыхъ, кромѣ ихъ, другихъ помѣстій и дачь нѣтъ. Которые дворяне и дѣти боярскіе были отправлены изъ Москвы съ послами подъ Смоленскъ и теперь заложены въ Литву, у тѣхъ, равно, какъ у женъ и дѣтей Смоленскихъ сидѣльцевъ, помѣстій не отнимать. Церковныхъ земель не брать въ раздачу, и которыя были прежде отобраны, возвратить. Не отнимать помѣстій у женъ и дѣтей умершихъ или побитыхъ дворянъ; не отнимать вотчинъ у сподвижниковъ Скопина. Бояре, поговоря со всею землею, вольны раздавать вотчины, при чемъ не должно нарушать прежняго приговора патріарха Гермогена. (Какой это былъ приговоръ и когда состоялся, неизвѣстно). Дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людямъ, съѣзжавшимъ съ Москвы, бывшимъ въ Тушинѣ и Калугѣ и сидѣвшимъ по городамъ, давать вотчины противъ Московскихъ сидѣльцевъ, а не противъ Тушинскихъ окладовъ ихъ. Ратнымъ людямъ, которыхъ помѣстья находились въ порубежныхъ мѣстахъ и раззорены отъ Литвы или отъ Крымцевъ, дать помѣстья въ другихъ замосковныхъ городахъ «какъ имъ можно сытымъ быть.» Если дворяне и дѣти боярскіе, не пріѣхавшіе на земскую службу подъ Москву до 29 Мая, и лишенные за то своихъ помѣстій по прежнему боярскому приговору, пріѣдутъ и будутъ бить челомъ боярамъ и всей землѣ, что они до сихъ поръ не пріѣзжали по бѣдности: о такихъ сдѣлать обыскъ, и если окажется, что они сказали правду то помѣстья имъ возвратить, равно какъ тѣмъ, у которыхъ помѣстья отобраны по ложному челобитью, или которые были на Москвѣ по неволѣ. Дворянъ и дѣтей боярскихъ, посланныхъ въ города на воеводства и на другія посылки, и способныхъ къ службѣ, возвратить и велѣть имъ быть въ полки тотчасъ, а на ихъ мѣсто посылать дворянъ, которымъ

на службѣ быть нельзя. Въ помѣстномъ приказѣ посадить дворянина изъ большихъ дворянъ и съ нимъ дьяковъ, выбравъ всею землею, и велѣть испомѣстить напередъ дворянъ и дѣтей боярскихъ бѣдныхъ, раззоренныхъ, безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ. Если атаманы и козаки служатъ давно и захотятъ верстаться помѣстными и денежными окладами и служить съ городовъ, то ихъ желаніе исполнить; а которые верстаться не захотятъ, тѣмъ давать хлѣбное и денежное жалованье. Съ городовъ и изъ волостей атамановъ и казаковъ свести и запретить имъ грабежи и убійства; посылать по городамъ и въ волости за кормами дворянъ добрыхъ и съ ними дѣтей боярскихъ, козаковъ и стрѣльцовъ, и велѣть кормъ сбирать по указу. Если же кто изъ ратныхъ людей по городамъ, въ волостяхъ и по дорогамъ будетъ разбойничать, такихъ сыскивать, унимать и наказывать, даже казнить смертію, для чего устроить разбойный и земскій приказъ по прежнему. Младшіе воеводы не должны самовольно распоряжаться денежными доходами и брать ихъ себѣ, но должны присылать въ казну. Печать къ грамотамъ о всякихъ дѣлахъ устроить земскую, а при большихъ земскихъ дѣлахъ у грамотъ быть рукѣ боярской. Всякія ратныя дѣла большія вѣдать боярамъ и разряднымъ дьякамъ въ большомъ приказѣ. Которые ратные люди теперь подъ Москвою за православную христіянскую вѣру отъ Литовскихъ людей будутъ побиты или отъ ранъ изувѣчены, тѣхъ убитыхъ и раненыхъ записывать въ разрядѣ, а заслуги ихъ писать воеводамъ и головамъ по полкамъ и присылать въ большой разрядъ за руками, чтобъ впередъ всякихъ ратныхъ людей служба въ забвеньи не была. Крестьянъ и людей бѣглыхъ или вывезенныхъ другими помѣщиками въ смутное время, сыскивать и отдавать прежнимъ помѣщикамъ. Строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять боярамъ, которыхъ избрали по этому всей земли приговору; смертною казнью безъ приговору всей земли боярамъ не по винѣ не казнить и по городамъ не ссылать: семьями (скопомъ) и заговоромъ никому никого не побивать, недружбы никакой никому не мстить; а кому

до кого дѣло, бей челомъ объ управѣ боярамъ и всей землѣ. А кто станетъ ходить скопомъ и заговоромъ, кто кого убьетъ до смерти по недружбѣ, или на кого кто скажетъ какое измѣнное земское дѣло, про то сыскивать вправду, а по сыску наказанье и смертную казнь надъ ними приговаривать боярамъ, поговоря со всею землею, смотря по винѣ; а не объявя всей землѣ, смертною казнью никого не казнить и по городамъ не ссылать. А кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, того самого казнить смертію. Если же бояре, которыхъ выбрали теперь всею землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣть и расправы чинить не станутъ во всемъ въ правду, и по этому земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлать не станутъ, и за ними всякія земскія дѣла поостановятся, или которые воеводы бояръ во всякихъ дѣлахъ слушать не станутъ: то намъ всею землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнить, и на ихъ мѣсто выбрать другихъ, поговоря со всею землею, кто къ ратному и земскому дѣлу пригодится.»

Въ приговорѣ этомъ видимъ съ одной стороны умное забвеніе прошедшаго: служившіе Шуйскому въ Москвѣ и царику въ Тушинѣ и Калугѣ уравнены; но съ этою уступкою, съ желаніемъ примиренія и забвенія прошедшаго, соединена твердость въ стремленіи возстановить строгую справедливость: требуется, чтобъ всѣ отдали полученное ими сверхъ мѣры на какой бы то ни было службѣ. Ясно высказалось также охранительное направленіе, чтобъ все было по старому, стремленіе примѣриваться какъ было при прежнихъ государяхъ. Но это стремленіе къ возстановленію наряда, такъ ясно выразившееся въ ополченіи, на этотъ разъ оказалось безплоднымъ по приведеннымъ уже причинамъ: по характеру человѣка, который стоялъ въ челѣ именно лучшихъ земскихъ людей въ противоположность козака, по характеру Ляпунова, и потому что чистое было смѣшано съ нечистымъ, подлѣ земскихъ людей стояли козаки. Лѣтописи сохранили намъ любопытное извѣстіе, что ратные люди били челомъ троеначальникамъ, чтобъ они не

попрекали другъ друга Тушиномъ: разумѣется, этотъ упрекъ
могъ быть дѣлаемъ только Ляпуновымъ Трубецкому и Заруц-
кому, которые были Тушинскіе бояре, хотя онъ былъ равный
имъ по власти троеначальникъ, однако, по своему боярству
Трубецкой и Заруцкій занимали предъ нимъ высшія мѣста,
онъ писался третьимъ, и ему пріятно было напоминать стар-
шимъ товарищамъ, что они не имѣютъ права величаться сво-
имъ боярствомъ, добытымъ въ Тушинѣ. Въ начальникахъ была
великая ненависть и гордость, говоритъ лѣтопись: другъ передъ
другомъ честь и начальство получить желали, и ни одинъ
меньше другаго быть не хотѣлъ, всякій хотѣлъ одинъ владѣть.
Прокофій Ляпуновъ не по своей мѣрѣ вознесся, и отъ гордо-
сти его отецкимъ дѣтямъ много позору и безчестія было, не
только дѣтямъ боярскимъ, но и самимъ боярамъ. Приходили къ
нему на поклонъ, и стояли у его избы долгое время, ника-
кого человѣка къ себѣ прямо ни пускалъ, а къ козакамъ былъ
очень жестокъ, и за то была на него ненависть большая. Ра-
зумѣется, больше всѣхъ долженъ былъ ненавидѣть Ляпунова
Заруцкій, который также хотѣлъ исключительнаго первенства;
Трубецкой не могъ играть видной роли, былъ въ тѣни, лѣто-
писсь прямо говоритъ, что ему отъ Ляпунова и Заруцкаго
чести никакой не было. Значитъ собственно въ подмосковномъ
станѣ было двоевластіе, а не троевластіе, начальствовали, т. е.
соперничали другъ съ другомъ Ляпуновъ и Заруцкій. Ляпу-
новъ, не смотря на то, что возбудилъ противъ себя негодо-
ваніе отецкихъ дѣтей, опирался на дворянъ и дѣтей боярскихъ,
на чистое ополченіе сѣверныхъ или сѣверовосточныхъ обла-
стей, однимъ словомъ на некозаковъ; Заруцкій опирался на ко-
заковъ, былъ ихъ главнымъ воеводою и представителемъ. Зем-
скій приговоръ былъ написанъ дворянами и дѣтьми боярскими;
лѣтопись говоритъ, что Ляпуновъ къ ихъ совѣту присталъ и
велѣлъ написать приговоръ, тогда какъ Трубецкому и Заруц-
кому, козацкимъ воеводамъ, это дѣло было нелюбо, и понятно
почему: приговоръ былъ направленъ прямо противъ козаковъ,
грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ за своевольство и грабе-

жи, былъ направленъ прямо противъ Заруцкаго, который захватилъ себѣ много городовъ и волостей: теперь, по смыслу приговора, онъ долженъ былъ ихъ возвратить. И съ этихъ поръ, говоритъ лѣтопись, какъ Ляпуновъ велѣлъ написать приговоръ, начали думать, какъ бы его убить. Дѣло началось тѣмъ, что у Николы на Угрѣшѣ Матвѣй Плещеевъ, схвативши 28 человѣкъ козаковъ, посадилъ ихъ въ воду; козаки вынули всѣхъ своихъ товарищей изъ воды, привели въ таборы подъ Москву, собрали кругъ и начали шумъ на Ляпунова; хотѣли его убить. Лѣтопись умалчиваетъ о подробностяхъ, но видно, что въ этомъ случаѣ козаки имѣли правду на своей сторонѣ; если Плещеевъ поймалъ козаковъ на грабежѣ, то обязанъ былъ привести ихъ въ станъ и отдать на судъ, а онъ самовольно посадилъ ихъ въ воду, тогда какъ въ приговорѣ было утверждено, что смертная казнь назначается съ вѣдома всей земли. Ляпуновъ выѣхалъ изъ стана, чтобъ бѣжать въ Рязанскую землю, но козаки нагнали его подъ Симоновымъ и уговорили остановиться: козаки должны были понять, какъ опасно выпустить Ляпунова изъ стана и дать ему возможность собрать свое новое ополченіе, къ которому, разумѣется, присоединились бы всѣ дворяне и дѣти боярскіе. Ляпуновъ переночевалъ въ Никитскомъ острожкѣ: на другое утро пришли къ нему всею ратью и уговорили возвратиться въ станъ.

Но если козаки такъ сильно желали смерти Ляпунова, то не меньше желалъ этого Гонсѣвскій въ Москвѣ: козаки съ Трубецкимъ и Заруцкимъ не были ему страшны; страшно ему было ополченіе земскихъ людей, когда оно имѣло такого дѣятельнаго и талантливаго предводителя какъ Ляпуновъ. На одной изъ стычекъ Поляки взяли въ плѣнъ Донскаго козака, который былъ побратимомъ атамана Исидора Заварзина; этотъ Заварзинъ началъ стараться, какъ бы освободить товарища, и выпросилъ у Гонсѣвскаго позволеніе повидаться съ нимъ и поговорить, давши закладъ. Гонсѣвскій воспользовался этимъ случаемъ, велѣлъ написать грамоты отъ имени Ляпунова, въ которыхъ тотъ писалъ во всѣ города; «гдѣ поймаютъ козака —

бить и топить; а когда, дастъ Богъ, государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ.» Подъ руку Ляпунова искусно было подписано на грамотѣ. Плѣнный козакъ отдалъ эту грамоту Заварзину: «Вотъ, братъ, смотри, какую измѣну надъ нашею братьею козаками Ляпуновъ дѣлаетъ! вотъ грамоты, которыя Литва перехватила.» Взявши грамоту, Заварзинъ отвѣчалъ: «Теперь мы его, б...... сына убьемъ.» Когда Заварзинъ пришелъ въ станъ и показалъ грамоту, то козаки собрали кругъ; Трубецкой и Заруцкій въ кругъ не поѣхали; посылали за Ляпуновымъ два раза, онъ не поѣхалъ; въ третій разъ пришли къ нему некозаки, Сильвестръ Толстой, Юрій Потемкинъ, и поручились, что ему ничего не будетъ; Ляпуновъ вошелъ въ кругъ; атаманъ Карамышевъ сталъ кричать, что онъ измѣнникъ, и показалъ грамоту, подписанную его рукою; Ляпуновъ посмотрѣлъ на грамоту и сказалъ: «Рука похожа на мою, только я не писывалъ.» Начался споръ и кончился тѣмъ, что Ляпуновъ лежалъ мертвый подъ козацкими саблями; съ нимъ вмѣстѣ убили Ивана Никитича Ржевскаго: Ржевскій былъ Ляпунову большой недругъ, но тутъ, видя его правду, за него сталъ и умеръ съ нимъ вмѣстѣ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Ржевскій говорилъ козакамъ: «За посмѣхъ вы Прокофья убили, Прокофьевой вины нѣтъ.»

Со смертію Ляпунова дворяне и дѣти боярскіе остались безъ вождя, во власти козацкихъ предводителей. Лѣтописецъ разсказываетъ, что вскорѣ по смерти Ляпунова принесенъ былъ въ станъ изъ Казани списокъ съ иконы Казанской Богородицы; духовенство и всѣ служилые люди пошли пѣшкомъ на встрѣчу иконѣ, а Заруцкій съ козаками выѣхали верхомъ. Козакамъ не понравилось, за чѣмъ служилые люди захотѣли отличиться передъ ними благочестіемъ и начали ругать ихъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что дворяне и стольники искали себѣ смерти отъ насилія и позору, многіе изъ нихъ были побиты, многіе изувѣчены; другіе разъѣхались по городамъ своимъ и по домамъ, боясь убійства отъ Заруцкаго и козаковъ. Нашлись изъ нихъ и такіе, которые купили у Заруцкаго воеводства и разныя

должности и отправились по городамъ наверстывать заплаченныя деньги; остались подъ Москвою большею частію тѣ, которые привыкли жить вмѣстѣ съ козаками въ Тушинѣ и Калугѣ. Станъ наполнялся также Москвичами, торговыми, промышленными и всякими черными людьми, которые кормились тѣмъ, что держали всякіе съѣстные харчи; въ станѣ же были приказы, сидѣли въ нихъ дьяки и подъячіе, съ городовъ и волостей на козаковъ кормы сбирали и подъ Москву привозили, но козаки отъ воровства своего не отстали, ѣздили по дорогамъ станицами, грабили и побивали.

Въ то время когда козаки убійствомъ Ляпунова и разогнаніемъ лучшихъ служилыхъ людей остановили ходъ земскаго дѣла подъ Москвою, на сѣверо-западѣ Новгородъ Великій достался въ руки Шведамъ. Мы видѣли, что послѣдніе имѣли мало успѣха: имъ удалось овладѣть только Корелою; Ладогу они потеряли, и вторичный приступъ къ ней былъ неудаченъ, равно какъ и приступъ къ Орѣшку. Въ Мартѣ мѣсяцѣ Делагарди приблизился къ Новгороду, сталъ въ семи верстахъ отъ него у Хутынскаго монастыря и послалъ спросить у Новгородцевъ, друзья они или враги Шведамъ, и хотятъ ли соблюдать Выборгскій договоръ? Разумѣется, Новгородцы отвѣчали, что это не ихъ дѣло, что все зависитъ отъ будущаго государя Московскаго. Узнавши, что земля встала противъ Владислава, Москва выжжена Поляками, которые осаждены земскимъ ополченіемъ, Карлъ IX писалъ къ его начальникамъ, чтобъ впередъ не выбирали чужихъ государей, а выбрали бы когонибудь изъ своихъ. Въ отвѣтъ на это, пріѣхавшій въ Новгородъ отъ Ляпунова воевода Василій Ивановичь Бутурлинъ предложилъ Делагарди съѣздъ, на которомъ объявилъ, что вся земля проситъ короля дать на Московское государство одного изъ сыновей. Начались переговоры и затянулись, ибо и Шведы, подобно Полякамъ, требовали прежде всего денегъ и городовъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ происходили явленія, которыя подавали Делагарди надежду легко овладѣть имъ. По Шведскимъ извѣстіямъ самъ Бутурлинъ, ненавидѣвшій Поляковъ и

подружившійся съ Делагарди еще въ Москвѣ, далъ ему теперь совѣтъ овладѣть Новгородомъ. По Русскимъ извѣстіямъ между Бутурлинымъ и старымъ воеводою, княземъ Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ-Большимъ, было несогласіе, мѣшавшее послѣднему принять дѣятельныя мѣры для безопасности города; Бутурлинъ ссылался со Шведами, торговые люди возили къ нимъ всякіе товары, и когда Делагарди перешелъ Волховъ и сталъ у Колмовскаго монастыря, то Бутурлинъ продолжалъ съѣзжаться съ нимъ и здѣсь; къ довершенію бѣды, между ратными и посадскими людьми не было совѣта. Посадскіе люди взволновались и перебрались съ имѣніемъ въ городъ, и дѣйствительно 8 Іюля Делагарди повелъ приступъ, но послѣ жестокой сѣчи ему не удалось вломиться въ городъ; посады были сожжены по приказанію Бутурлина. Семь дней послѣ того Шведы стояли въ бездѣйствіи. Это ободрило Новгородцевъ: въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ молились день и ночь, другіе стали пить, ободряя другъ друга: «не бойтесь Нѣмецкаго нашествія, нашего города имъ не взять, людей въ немъ множество.» Пьяные лазили на стѣны, безстыдно ругались надъ Шведами. У послѣднихъ въ плѣну былъ Иванъ Шваль, холопъ Лутохина. Шваль, зная, какъ плохо стерегутъ городъ, обѣщалъ Шведамъ ввести ихъ въ него. 15 Іюля (какъ разсказывалъ потомъ самъ Делагарди) пріѣхалъ въ Шведскій станъ дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ отъ Бутурлина, который велѣлъ сказать Делагарди, чтобъ шелъ прочь отъ Новгорода, а не пойдетъ, такъ его проводятъ; Делагарди велѣлъ отвѣчать: «Бутурлинъ меня все обманываетъ, присылаетъ съ угрозами, хочетъ меня отъ Новгорода проводить: такъ пусть же знаетъ, что я за такія рѣчи буду у него въ Новгородѣ.» И дѣйствительно ночью на 16 Іюля Шваль ввелъ Шведовъ въ Чудинцевскія ворота такъ, что никто не видалъ; жители только тогда узнали, что непріятель въ городѣ, когда Шведы начали бить сторожей по стѣнамъ и по дворамъ. Первое сопротивленіе встрѣтили Шведы на площади, гдѣ расположился Бутурлинъ съ своимъ отрядомъ; но это сопротивленіе было непродолжи-

тельно: Бутурлинъ вышелъ изъ города, и при отступленіи козаки и стрѣльцы ограбили лавки и дворы подъ тѣмъ предлогомъ, что Шведы отнимутъ же все. Было еще сильное, но безполезное сопротивленіе въ двухъ мѣстахъ: стрѣлецкій голова Василій Гаютинъ, дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ, Василій Орловъ да козачій атаманъ Тимоѳей Шаровъ съ сорока козаками рѣшились защищаться до послѣдней крайности; много уговаривали ихъ Шведы къ сдачѣ: они не сдались и умерли всѣ вмѣстѣ за православную вѣру. Софійскій протопопъ Аммосъ заперся на своемъ дворѣ съ нѣсколькими Новгородцами, долго бился противъ Шведовъ и много перебилъ ихъ; Аммосъ былъ въ это время подъ запрещеньемъ у митрополита Исидора; митрополитъ служилъ молебенъ на городской стѣнѣ, видѣлъ подвигъ Аммоса, заочно простилъ и благословилъ его. Шведы, озлобленнные сопротивленіемъ, зажгли наконецъ дворъ протопопа, и онъ погибъ въ пламени со всѣми товарищами: ни одинъ не отдался живой въ руки Шведамъ.

Это были послѣдніе защитники Великаго Новгорода. Исидоръ и Одоевскій, видя, что нѣтъ никого ратныхъ людей въ городѣ, послалъ договариваться съ Делагарди. Первымъ условіемъ была присяга Новгородцевъ королевичу Шведскому; Делагарди, съ своей стороны, обязался не раззорять Новгорода, и былъ впущенъ въ Кремль; подробности договора были слѣдующія: 1) между Новгородомъ и Швеціей будетъ искренняя дружба и вѣчный миръ на основаніи договоровъ Теузинскаго и заключенныхъ при царѣ Василіи; Новгородцы обязываются прервать всякія сношенія съ Польшею, въ покровители и защитники принять короля Шведскаго, его преемниковъ мужескаго пола и королевство Шведское, безъ вѣдома котораго не будутъ заключать ни съ кѣмъ ни мира, ни союза. 2) Новгородцы избираютъ и просятъ въ цари котораго нибудь изъ сыновей короля Карла и утверждаютъ это избраніе присягою, въ слѣдствіе чего и государство Московское должно признать короля Карла покровителемъ, а одного изъ сыновей его царемъ своимъ. 3) До прибытія королевича Новгородцы будутъ повино-

ваться Делагарди, обязываются вмѣстѣ съ нимъ приводить къ присягѣ королю ближайшіе города, не щадя при этомъ жизни своей; обязываются не скрывать ничего отъ Делагарди, заблаговременно увѣдомлять его обо всѣхъ вѣстяхъ изъ Москвы или откуда бы то ни было, не предпринимать никакихъ важныхъ дѣлъ безъ его вѣдома и согласія, тѣмъ болѣе не умышлять противъ него ничего враждебнаго; обѣщаются объявить безъ утайки о всѣхъ доходахъ Новгорода съ областями и о всѣхъ деньгахъ, находящихся на лице въ казнѣ. 4) Делагарди обязуется: если Новгородское и Московское государства примутъ короля Карла и наслѣдниковъ его своими покровителями, то король отпуститъ на царство котораго нибудь изъ сыновей своихъ, какъ скоро оба государства чрезъ своихъ полномочныхъ пословъ будутъ просить о томъ его величество; Делагарди обязывается, какъ послѣ воцаренія королевича, такъ и теперь, до его прихода не дѣлать никакого притѣсненія православной вѣрѣ, не трогать церквей и монастырей, уважать духовенство и не касаться его доходовъ. 5) Изъ городовъ и уѣздовъ Новгородскихъ не присоединять ничего къ Швеціи, исключая Корелы съ уѣздомъ; что же касается до вознагражденія за издержки на вспомогательныя войска для Шуйскаго, то объ этомъ король постановитъ съ боярами и народомъ Русскимъ по отпускѣ сына своего на царство. 6) Запрещается вывозить изъ Россіи въ Швецію деньги, колокола, воинскіе снаряды безъ вѣдома и согласія Русскихъ; Русскихъ людей не выводить въ Швецію, а Шведовъ не задерживать въ Россіи. Всякихъ чиновъ люди сохраняютъ старыя права; имѣнія ихъ остаются неприкосновенными; судъ совершается по прежнему; для суда безпристрастнаго въ судебныхъ мѣстахъ должны засѣдать по ровному числу Русскіе и Шведскіе чиновники. За обиды, нанесенныя Русскимъ Шведами и на оборотъ, должно наказывать безъ всякаго потворства. 7) Бѣглецовъ выдавать. 8) Шведскіе ратные люди, оказавшіе услуги Россіи, съ согласія вельможъ Русскихъ получаютъ награды въ видѣ имѣній (отчинъ?), жалованья, помѣстій. Между обоими госу-

дарствами будетъ свободная торговля съ узаконенными пошлинами. 9) Козаки могутъ переходить, по ихъ желанію, за границы; но слуги боярскіе останутся по прежнему въ крѣпости у своихъ владѣльцевъ; плѣнники будутъ возвращены безъ окупа. 10) Всѣ эти условія будутъ всегда сохраняемы ненарушимо не только въ отношеніи къ Новгородскому, но и Владимирскому и Московскому государствамъ, если жители ихъ, вмѣстѣ съ Новгородцами, признаютъ короля покровителемъ, а королевича государемъ. 11) Войско Шведское не будетъ помѣщено въ отдаленной части города, гдѣ бы оно могло быть въ тягость жителямъ; но послѣдніе должны помогать деньгами для его продовольствія. Никто изъ жителей не можетъ выѣзжать изъ города для жительства въ деревняхъ или вывозить свое имѣніе безъ вѣдома и согласія Делагарди. Послѣдній присягнулъ въ соблюденіи договора; Новгородцы также поклялись исполнять условія, еслибъ даже Владимирское и Московское государства на то не согласились. Этою статьею, слѣдовательно, Новгородъ отдѣлялъ свое дѣло отъ дѣла Московскаго государства. Изъ договора ясно видно также, что онъ былъ написанъ побѣдителемъ; Московское государство не могло принять его въ этомъ видѣ, ибо съ избраніемъ королевича въ цари соединялась обязанность признать короля отца и всѣхъ его наслѣдниковъ покровителями Русскаго царства; притомъ самое главное условіе для Русскихъ, именно принятіе православной вѣры королевичемъ, было опущено въ договорѣ.

Новгородъ отдѣлился отъ Московскаго государства. Псковъ давно уже отдѣлился отъ него, но не съ тѣмъ, чтобъ признать государемъ иноземца; здѣсь оставался послѣдній уголъ, гдѣ еще могъ явиться новый самозванецъ. Мы оставили Псковъ въ то время, когда онъ находился во власти младшихъ гражданъ, которые преслѣдовали духовенство и лучшихъ людей, какъ измѣнниковъ. Сперва основывались на доказательствахъ явнаго отступничества; но потомъ нашлись люди, которымъ выгодно показалось пользоваться смутою и изъ частной корысти обвинять праваго и виноватаго: много было смуты и кро-

вопролитія по правдѣ и по неправдѣ, говоритъ лѣтописецъ. Иные доносили воровствомъ, продажами и посулами, а другіе по простотѣ, смотря на другихъ прикликали, и многихъ перемучили. А кто за кого вступится и станетъ говорить, что безъ вины мучатъ, и того прихватятъ, крича: «и ты такой же, за измѣнника стоишь.» Тюрьма была всегда полна. Но, какъ обыкновенно бываетъ, господство черни, превратившееся въ безумное тиранство немногихъ, возбудило сильное противодѣйствіе и въ большинствѣ самихъ младшихъ гражданъ: выведенные изъ терпѣнія насиліями стрѣльцовъ и Кудекуши, они соединились съ духовенствомъ и лучшими людьми. Въ Августѣ 1609 года стрѣльцы повели казнить какого то Алексѣя Хозина, и это самовольство послужило поводомъ къ возстанію: поднялись всякіе люди, большіе и меньшіе; даже и тѣ, которые прежде прикликали, корыстовались отъ своихъ же и посулы брали, теперь, видя, дочего дошло дѣло, видя, что нѣтъ ни правому безопасности, ни виноватому суда, встали на стрѣльцовъ — за чѣмъ хотятъ владѣть безъ городскаго вѣдома, и водутъ казнить не общею всѣхъ думою, сами вздумали своимъ самовольствомъ, а Псковомъ того не вѣдаютъ. Всѣ напустили на стрѣльцовъ, хотѣли отнятъ у нихъ Алексѣя Хозина; стрѣльцы не хотѣли уступить, вооружились и зазвонили въ колоколъ на Романихѣ; и вотъ пронеслась вѣсть, что стрѣльцы бьютъ Псковичей, и всякіе посадскіе люди двинулись на стрѣльцовъ. Тѣ, видя, что имъ не устоять противъ всѣхъ Псковичей, ухватили Алексѣя Хозина, отрубили ему голову и побѣжали въ свою слободу; а Псковичи заперли отъ нихъ городъ. Тогда лучшіе люди, видя, что большинство за нихъ, хотѣли воспользоваться выгодою своего положенія, схватили Тимофея Кудекушу и другихъ кликуновъ семь человѣкъ и побили ихъ каменіемъ; но при этомъ лучшіе не умѣли умѣрить себя: стали всѣхъ меньшихъ безъ разбора называть кликунами, виноватыхъ вмѣстѣ съ не виноватыми, священники взялись не за свое дѣло, стали пытать мелкихъ людей крѣпкими муками во всегородной избѣ, иныхъ по торгамъ бить кнутомъ, десяти человѣкамъ

головы отсѣкли и пометали въ ровъ, тюрьмы опять наполнились, теперь уже мелкими людьми: другіе изъ меньшихъ разбѣжались по пригородамъ и селамъ. Когда пришло въ Псковъ извѣстіе, что царь Василій торжествуетъ, что Тушинскій станъ раззоренъ и меньшимъ людямъ такимъ образомъ не будетъ помощи отъ своего царя Димитрія, то лучшіе люди захотѣли порѣшить съ своими противниками: они заперли городъ; бояре, гости, дѣти боярскіе, монастырскіе слуги вооружились, сѣли на коней; около нихъ собрались всѣ ихъ приверженцы, помощники и хлѣбосольцы; вся площадь и кремль наполнились вооруженнымъ народомъ; зазвонили вовсѣ Троицкіе колокола; начали пѣть молебенъ за царя Василія, поздравляли другъ друга, цѣловались, толковали, какъ бы мелкихъ людей смирить до конца, всѣхъ привести къ присягѣ, а непокорныхъ и стрѣльцовъ въ слободѣ побить. Тогда мелкіе люди, видя, что насталъ для нихъ рѣшительный часъ, пошли на Запсковье, ударили въ колоколъ у Кузьмы и Дамьяна, и собрались огромною толпою; Полонищане, услыхавъ звонъ, пришли на помощь Запсковью. Лучшіе люди велѣли стрѣлять съ Покровской башни по Стрѣлецкой слободѣ, но Полонищане не дали имъ стрѣлять и сбили съ башни. Тогда лучшіе люди рѣшились идти биться на Запсковье; но Запсковляне обратили на площадь полковую пушку, сбили замокъ у Возвоскихъ воротъ и послали вѣсть къ стрѣльцамъ въ слободу, чтобъ шли на помощь къ мелкимъ людямъ на Запсковье. Лучшіе люди, услыхавъ, что Запсковляне сносятся съ стрѣльцами, испугались и завели сношенія съ меньшими, стали просить, чтобъ тѣ не принимали въ городъ стрѣльцовъ, обѣщались жить всѣ вмѣстѣ по старому, Новгороду креста не цѣловать и зла никакого ни кому не дѣлать. Запсковляне отвѣчали имъ: «Намъ стрѣльцы не измѣнники: за чѣмъ вы ихъ не пускаете въ городъ»? Лучшіе люди, видя, что мелкихъ трудно уговорить, бросились на Полонище, чтобъ силою воспрепятствовать стрѣльцамъ войти въ городъ; но Полонищане отбили лучшихъ отъ воротъ. Тогда двое воеводъ, дѣти боярскіе и лучшіе люди, числомъ 300 человѣкъ, выѣхали въ Новгородъ,

ные въ Печеры, другіе скрылись до времени по домамъ, а народъ впустилъ стрѣльцовъ въ городъ. На этотъ разъ мелкіе люди съ умѣренностію воспользовались своею побѣдою: переписали имѣніе тѣхъ, которые отъѣхали въ Новгородъ, но кто укрывался въ Печерахъ или во Псковѣ, тѣхъ имѣнія не тронули. Послѣ этого началась усобица между Новгородомъ и Псковомъ, напомнившая давнюю старину: Новгородцы со Шведами и Псковскими отъѣзжиками приходили въ расплохъ на Псковскую волость, отгоняли скотъ, брали въ плѣнъ крестьянъ, портили хлѣбъ и луга. Но это было еще только началомъ бѣдъ: въ Москвѣ, Новгородѣ и Торопцѣ цѣловали крестъ Литовскому королевичу; во Псковъ пришла грамота изъ Москвы отъ патріарха и бояръ, чтобъ цѣловали крестъ Владиславу: «какъ вамъ стоять противъ Московскаго, Литовскаго и Польскаго царства»? Но Псковичи не испугались и не цѣловали креста. Пришелъ Лисовскій и безъ малаго четыре года воевалъ Псковскую волость, подо всѣ пригороды подходилъ, какъ волкъ искрадомъ хваталъ и поѣдалъ. Въ Мартѣ 1611 года пришелъ подъ Печоры Литовскій гетманъ Ходкѣвичъ изъ Ливоніи, шесть недѣль стоялъ подъ Печорами, семь приступовъ было. 23 Марта въ Иванъ-городѣ проявился послѣдній воръ Сидорка, назвавшись царевичемъ Димитріемъ; козаки встрепенулись, послышавъ своего: 15 Апрѣля они вышли изо Пскова, сказали, что идутъ на Лисовскаго, и вмѣсто того, пошли къ вору въ Иванъ-городъ. Въ эти смутные годы, говоритъ лѣтописецъ, воеводъ не было во Псковѣ, одинъ былъ дьякъ Иванъ Леонтьичъ Луговской да посадскіе люди даны ему въ помощь, и съ этими людьми дьякъ всякія дѣла, и ратныя и земскія дѣлалъ: и Божіею милостію иноземцы не овладѣли ни однимъ городомъ Псковскимъ, но овладѣли, когда воеводъ во Псковѣ умножилось. Еще въ началѣ весны Псковичи послали челобитчиковъ по всей землѣ къ подмосковнымъ воеводамъ, что Лисовскій волость воюетъ, Ходкѣвичь подъ Печорами стоитъ, Новгородцы съ Нѣмцами мало отходятъ, а отъ Иванъ-города воръ наряжается подо Псковъ, многія напасти отовсюду сходятся, а помощи ни

откуда нѣтъ. Но подмосковный станъ не могъ оказать этой помощи: ему было не до Пскова.

Мы оставили этотъ станъ въ то время, когда, по смерти Ляпунова, козаки восторжествовали, и лучшіе люди въ ополченіи или должны были покинуть общее дѣло, или выносить буйство козаковъ. 14 Августа 1611 года (по новому стилю) пришелъ опять подъ Москву Сапѣга съ съѣстными припасами, началъ биться съ ополченцами, осажденные Поляки сдѣлали вылазку въ Бѣлый городъ, но неудачно. На другой день они были счастливѣе: Полякамъ Сапѣгинымъ удалось переправиться черезъ Москву рѣку и снабдить осажденныхъ съѣстными припасами; осажденные, съ своей стороны, опять сдѣлали вылазку и отобрали у Русскихъ четверо воротъ въ Бѣломъ городѣ; самый сильный бой былъ за Никитскіе ворота; но Полякамъ удалось удержать и ихъ за собою, Тверскіе остались за Русскими. Поляки говоратъ, что па Русскихъ напалъ такой страхъ, что на другой день они не только не сдѣлали попытки овладѣть снова потерянными воротами, но очень плохо стерегли и тѣ, которыя оставались въ ихъ рукахъ. Но если ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго дѣйствительно оробѣло, то при этомъ страхѣ оно было спасено отсутствіемъ всякой дисциплины у Поляковъ. Когда тѣ изъ нихъ, которые бились цѣлый день при овладѣніи воротами, утомились къ вечеру и послали просить у Гонсѣвскаго свѣжихъ хоругвей себѣ на смѣну, то ни одна хоругвь не двипулась, не смотря на приказаніе Гонсѣвскаго. На другой день Гонсѣвскій собралъ войско и объявилъ, что надобно пользоваться обстоятельствами, ударить всѣми силами и забрать остальныя укрѣпленія Бѣлаго города; Сапѣга, съ своей стороны, далъ знать, что какъ скоро осажденные пойдутъ на стѣны Бѣлаго Города, то онъ ударитъ на ополченіе съ поля; большая часть войска была согласна съ Гонсѣвскимъ, но нѣкоторые, завидуя ему, начали говорить, что идетъ гетманъ Литовскій Ходкѣвичь, и не для чего отнимать у него славу и давать ее Гонсѣвскому, и большинство согласилось ничего не дѣлать. Сапѣга заболѣлъ, и 14 Сентября умеръ въ

Кремлѣ въ домѣ Шуйскаго;. 6 октября (н. с.) пришелъ наконецъ подъ Москву гетманъ Ходкѣвичъ, сталъ у Андроньева монастыря и имѣлъ нѣсколько стычекъ съ ополченцами, но не очень счастливыхъ, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, которые объясняютъ и причину несчастія: между Потоцкимъ, губернаторомъ Смоленскимъ, и Ходкѣвичемъ, была вражда: Потоцкому не хотѣлось, чтобъ слава завоеванія Москвы досталась Ходкѣвичу; отсюда въ войскѣ, двинувшемся подъ Москву, образовались двѣ стороны — Потоцкаго и Ходкѣвича; при томъ же Поляки не хотѣли повиноваться Ходкѣвичу, какъ гетману Литовскому. Наконецъ Русскіе ратные люди имѣли полное право смѣяться надъ ничтожностію силъ гетмана: съ нимъ пришло не болѣе 2000 войска, ослабленнаго нравственно раздорами и физически предшествовавшими трудами въ Ливоніи; пѣхоты вовсе не было. Такъ прошла осень 1611 года; когда наступила зима, у Поляковъ недостало съѣстныхъ припасовъ, за сѣномъ нужно было ѣздить за нѣсколько миль въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ для безопасности, и Ходкѣвичъ отступилъ отъ Москвы къ монастырю Рогачеву (между рѣкою Пугою и Волгою, въ 20 верстахъ отъ Ржевы); отошло съ нимъ не мало и тѣхъ Поляковъ, которые сидѣли въ Кремлѣ и Китаѣ; тѣмъ же изъ нихъ, которые остались въ Москвѣ, равно какъ охотникамъ изъ Сапѣжинскихъ полковъ, пожелавшимъ остаться съ ними, положено было особое жалованье, а въ закладъ отданы сокровища изъ казны царской: первымъ дано двѣ короны — Годуновская и Лжедимитріева, посохъ царскій единороговый съ дорогими камнями, богатое сѣдло гусарское Лжедимитріево, нѣсколько роговъ единороговыхъ, которые цѣнились тогда очень дорого; Сапѣжинцамъ дали двѣ шапки царскихъ, золотой посохъ и яблоко, усыпанные дорогими каменьями. Бояре, осажденные въ Кремлѣ, видѣли, что только немедленное прибытіе короля или королевича съ войскомъ можетъ спасти ихъ, и потому въ началѣ Октября отправили къ Сигизмунду новое посольство, составленное изъ князя Юрія Никитича Салтыкова, Михайлы Глѣбовича Салтыкова и думнаго дьяка Янова. Новое

посольство, говорилось въ вѣрющей грамотѣ, отправлено потому, что старые послы, какъ писалъ самъ король, дѣлали не по тому наказу, какой былъ имъ данъ, ссылались съ Калужскимъ воромъ, съ Смоленскими сидѣльцами, съ Ляпуновымъ и другими измѣнниками. Грамота къ Сигизмунду начинается такъ: «Наияснѣйшему великому государю Жигимонту III-му и проч. великаго Московскаго государства ваши государскіе богомольцы: Арсеній архіепископъ Архангельскій и весь освященный соборъ, и ваши государскіе вѣрные подданные, бояре, окольничіе и проч. Гермогенъ былъ заключенъ, да и ни въ какомъ случаѣ не согласился бы подписать грамоту, гдѣ бояре называли себя вѣрными подданными Сигизмунда; бывшій Лжедимитріевъ патріархъ Игнатій воспользовался вступленіемъ Жолкѣвскаго въ Москву, чтобъ освободиться изъ заключенія и уѣхать въ Польскія владѣнія; и потому въ челѣ Кремлевскаго духовенства оставался Арсеній — Грекъ, которому поручено было служить въ Архангельскомъ соборѣ, и который потому назывался архіепископомъ Архангельскимъ. Благодаря Польскому безнарядью, безнарядное ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго могло держаться подъ Москвою, придавая себѣ по прежнему видъ людей, пришедшихъ сражаться за православную вѣру противъ богоборныхъ Польскихъ и Литовскихъ людей. Но Русскіе люди вовсе не такъ смотрѣли на это ополченіе по смерти Ляпунова; вотъ что писали Казанцы къ Пермичамъ: «Подъ Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіянскую вѣру, за домъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, Прокофья Петровича Ляпунова козаки убили, преступя крестное цѣлованье. Митрополитъ, мы и всякіе люди Казанскаго государства согласились съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городами Поволжскими, съ горными и луговыми, съ горными и луговыми Татарами и Луговою Черемисою на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, за Московское и Казанское государство стоять, другъ

друга не побивать, не грабить и дурнаго ничего ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинить по приговору, смотря по винѣ; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ людей въ города не пускать и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ по прежнему; козаковъ въ городъ не пускать же, стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на Московское государство государя а выбрать бы намъ на Московское государство государя всею землею Россійской державы; если же козаки станутъ выбирать государя по своему изволенью, одни, не сославшись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть.»

Изъ этой грамоты мы видимъ, что земскіе люди, жители чистой половины Московскаго государства, жители Поволжья, противоположнаго казацкой прежепогибшей украйнѣ, вовсе не пришли въ отчаяніе отъ гибели Ляпунова и торжества козаковъ подъ Москвою, вовсе не соединяли дѣла очищенія земли съ личностію одного человѣка, одного воеводы; скорбно отзываясь о гибели представителя своего, они въ тоже время даютъ знать, что общее дѣло отъ этого не проиграно, что между ними господствуютъ совѣтъ и соединенье, даютъ знать, что они недопускаютъ никакой перемѣны, никакой новизны до возстановленія законнаго порядка, до избранія царя всею землею, и повторяютъ свой первый приговоръ надъ козаками: казаковъ въ города не пускать, и государя ими одними избраннаго не хотѣть.

Нравственныя силы чистаго, общественнаго народонаселенія были напряжены по прежнему, и по прежнему раздавались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру отцовскую противъ враговъ богоборныхъ. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру начальный человѣкъ въ безгосударное время, патріархъ; теперь не было его слышно изъ темницы кремлевской; но вмѣсто грамотъ патріаршихъ шли призывныя грамоты отъ властей прославленнаго недавно новою славою Троицкаго Сергіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Послѣдній намъ уже хорошо извѣстенъ: мы видѣли,

какъ хитрый келарь не хотѣлъ терпѣть нужды подъ Смоленскомъ, не хотѣлъ дожидаться заточенія въ глубь Польши, и уѣхалъ, не повидавшись съ послами. По пріѣздѣ въ свой монастырь онъ нашелъ, что дѣло Владислава проиграно и сталъ ревностно за дѣло освобожденія: когда ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ, Аврамій явился къ нему со святою водою. Другимъ характеромъ отличался человѣкъ, котораго имя стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Палицына въ знаменитыхъ посланіяхъ Троицкихъ, архимандритъ Діонисій; съ нимъ-то мы и должны теперь познакомиться.

Однажды, при началѣ смутнаго времени, въ Москвѣ, на рынокъ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того, чтобъ осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: «Да, братъ! я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей келіи, прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи!» Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ невѣждою. «Нѣтъ, братья! говорилъ имъ монахъ, дерзкій невѣжда-то я, а не онъ, всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобъ мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ келліи.» Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ Старицкаго Богородскаго монастыря, именемъ Діонисій.

Скоро опять увидали Діонисія на площадяхъ Московскихъ, въ санѣ архимандрита своего монастыря, и тутъ уже онъ не говорилъ, что неприлично было ему, какъ монаху, показываться среди народа, тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Увѣ-

щевая духовенство, патріархъ Гермогенъ ставилъ въ примѣръ Діонисія: «Смотрите, говорилъ онъ, на Старицкаго архимандрита: никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ.» Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, несмотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы.

Изъ Старицкаго монастыря Діонисій былъ переведенъ на архимандрію въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Когда Москва была раззорена и козаки, Сапѣжинцы, свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому Монастырю, и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены, у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обсѣчены; многіе приходили въ монастырь для того только, чтобъ исповѣдаться, пріобщиться и умереть; многіе не успѣвали достигнуть и монастыря, умирали на дорогѣ; монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Діонисій призвалъ келаря, казначея, всю братію, слугъ и крестьянъ монастырскихъ, и началъ имъ говорить, что во время такой бѣды надобно изъ всѣхъ силъ помогать людямъ, которые ищутъ пріюта у св. Сергія. Ему отвѣчали единодушно: «Кто, государь архимандритъ! въ такой бѣдѣ съ разумомъ сберется? Никому невозможно стало промышлять кромѣ единаго Бога.» Діонисій заплакалъ и началъ опять говорить имъ: «Вѣдь это искушеніе намъ отъ Господа Бога: отъ большой осады насъ Господь Богъ избавилъ; а теперь за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирить и оскорбить.»—«Что же намъ дѣлать?» спросили келерь, братія и слуги. Діонисій отвѣчалъ: «Домъ св. Троицы не запустѣетъ, если станемъ молиться Богу, чтобъ далъ намъ разумъ: только положимъ на томъ, чтобъ всякій промышлялъ, чѣмъ можетъ.» Слуги и крестьяне посовѣтова-

лись между собою, и сказали архимандриту съ братіею: «Если вы, государи, будете изъ монастырской казны давать бѣднымъ на кормъ, одежду, лѣченіе и работникамъ, кто возьмется стряпать, служить, лѣчить, собирать и погребать: то мы за головы свои и за животы не стоимъ.» И вотъ пошелъ промыслъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ, въ монастырѣ и кругомъ монастыря. Прежде всего начали строить домы, больницы для раненыхъ, избы на страннопріимство всякаго чина людямъ, прибѣгавшимъ изъ Москвы и другихъ городовъ, особыя избы мужчинамъ, особыя женщинамъ, въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ; монастырскіе люди ѣздили по лѣсамъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки живымъ, саваны мертвымъ. А внутри монастыря, въ келліи архимандричьей, сидѣли писцы борзые, изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ, собирали они учительныя слова изъ божественныхъ писаній, составляли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію земли.

Лѣтомъ 1611 года, когда еще Ляпуновъ былъ живъ, разосланы были Діонисіемъ грамоты въ Казань, во всѣ понизовые города, въ Новгородъ Великій, на Поморье, въ Вологду и Пермь: «Православные христіяне! говорилось въ грамотѣ: вспомните истинную православную христіянскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіянскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіянамъ, въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіянскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова и противъ вѣчныхъ враговъ христіянства, Польскихъ и Литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіянамъ, видите, какое раззоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ; гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образы? гдѣ иноки сѣдинами цвѣтущіе, ино-

ными добродѣтелями украшенныя, не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ таже лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіянамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобъ всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіянской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобъ собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось.»

6 Октября Троицкія власти опять разослали грамоты по областямъ съ извѣстіемъ, что «пришелъ къ Москвѣ, къ Литовскимъ людямъ на помощь Ходкѣвичь, а съ нимъ пришло всякихъ людей съ 2,000 человѣкъ, и стали по дорогамъ въ Красномъ селѣ и по Коломенской дорогѣ, чтобъ имъ къ боярамъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, которые стоятъ за православную христіянскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропустить и голодомъ отъ Москвы отогнать, и насъ, православныхъ христіянъ привести въ конечную погибель; а бояре, воеводы и всякіе ратные люди стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно, хотятъ за православную христіянскую вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертію животъ вѣчный получить. А Коширяне, Колужане, Туляне и другихъ замосковныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли, а изъ Сѣверскихъ городовъ Юрій Беззубцевъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ же на спѣхъ, а на другой сторонѣ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые и ратные люди сбираются теперь въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и хотятъ идти къ Москвѣ же.» Грамота оканчивается тѣмъ же увѣща-

ніемъ, какое мы видѣли и въ прежнихъ грамотахъ. Конечно у Троицы очень хорошо знали о поведеніи козаковъ въ подмосковномъ станѣ: но все же это войско стало подъ хоругвію православной вѣры и Московскаго государства, держало въ осадѣ вѣчныхъ враговъ креста Христова и успѣшно билось съ ними: и потому неудивительно, что Троицкія власти считаютъ своею обязанностію въ минуту опасности призывать Русскихъ людей на помощь ополченію Трубецкаго и Заруцкаго. Но любопытно для насъ то, что двѣ тысячи Ходкѣвичева войска могли нагнать такой страхъ, могли возбудить опасеніе, что такая горсть Поляковъ можетъ занять всѣ дороги и заморить голодомъ ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго!

Троицкія грамоты не могли остаться безъ дѣйствія: народъ былъ готовъ встать какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры. Явились признаки сознанія о необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ, признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писали, что въ Нижнемъ Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человѣку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдывать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полуночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдію о покаяніи, очищеніи всего государства; во Владимірѣ было также видѣніе. Въ слѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ

пищи и питья воздерживаться три дня даже и съ грудными младенцами: и по приговору, по своей волѣ православные христіяне постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего ни ѣли, ни пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ, при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Мы видѣли, что еще Шуйскій думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха хотѣли очистить народъ отъ грѣха недавнихъ клятвопреступленій; но это дѣйствіе было произвольно съ ихъ стороны и потому преждевременно; теперь же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія: православные христіяне постились, говоритъ грамота, по своему изволенію.

И такъ все было готово; ждали только начала движенія; движеніе обнаружилось въ Нижнемъ Новгородѣ. Правительственными лицами здѣсь въ описываемое время были: воеводы — князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ, дьякъ Василій Семеновъ; въ числѣ земскихъ старостъ былъ Кузьма Мининъ Сухорукій, мясной торговецъ. Биркинъ сперва служилъ Шуйскому, потомъ Тушинскому вору, потомъ опять Шуйскому, опять измѣнилъ ему вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, который и прислалъ его въ Нижній. Здѣсь считали его человѣкомъ ненадежнымъ, земскій староста Кузьма Мининъ прямо называлъ его сосудомъ сатаны. Когда въ Октябрѣ 1611 года Нижегородцы получили Троицкую грамоту, что старшіе люди въ городѣ съ духовенствомъ собрались для совѣта, и Мининъ сказалъ: «Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу.» Стряпчій Биркинъ сталъ противорѣчить, но Мининъ остановилъ его, замѣтивъ, что догадывается о его замыслѣ. На другой день Нижегородцы сошлись въ соборной церкви; тамъ протопопъ Савва увѣщевалъ ихъ стать за вѣру и потомъ прочелъ Троицкую грамоту; послѣ

протопопа началъ говорить Мининъ: «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ — кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ.» Послѣ этого начались частыя сходки, Мининъ продолжалъ свои увѣщанія: «Что же намъ дѣлать?» спрашивали его: — «Ополчаться», отвѣчалъ Мининъ: «сами мы неискусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличь кликать по вольныхъ служилыхъ людей.» — «А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?» послышался опять вопросъ; Мининъ отвѣчалъ: «я убогій съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2,500 человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей въ сборныя деньги принесъ: тоже и вы всѣ сдѣлайте.» — «Будь такъ, будь такъ!» закричали всѣ. Начался сборъ; пришла одна вдова и сказала: осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ.» Кто не хотѣлъ давать волею, у тѣхъ брали силою. Но прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надобно было найдти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода извѣстный, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, который пріѣха ъ сюда отъ Троицы и долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ при раззореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло, и сказалъ народу, что не закѣмъ больше посылать кромѣ князя Пожарскаго. Посланы были къ нему Печерскій архимандритъ Ѳеодосій, дворянинъ добрый Жданъ Петровичъ Болтинъ да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: «Радъ я вашему совѣту, готовъ хотя сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать.» Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого человѣка нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: «Есть у васъ Кузьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служилый, ему это дѣло за обычай.»

Когда посланные возвратились и объявили Нижегородцамъ

слова Пожарскаго, тѣ стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобъ принялся за дѣло; Мининъ отказывался для укрѣпленія, чтобъ Нижегородцы сдались на всю его волю: «Соглашусь, говорилъ онъ, если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги.» Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имѣнія, но женъ и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Кузьма взялъ его и отправилъ тотчасъ къ Пожарскому, чтобъ Нижегородцы, охладѣвъ въ усердіи, не взяли его назадъ.

Вѣсть, что Нижегородцы встали и готовы на всякія пожертвованія для ратныхъ людей, скоро распространилась по городамъ ближайшимъ; Смоленскіе дворяне, лишившіеся помѣстій въ своей области въ слѣдствіе завоеванія ея Поляками, и получившіе земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, прислали бить челомъ Нижегородцамъ, чтобъ тѣ приняли ихъ къ себѣ, потому что Заруцкій выгналъ ихъ изъ новыхъ помѣстій, не велѣвши крестьянамъ слушаться ихъ. Нижегородцы послали этихъ челобитчиковъ къ Пожарскому упрашивать его, чтобъ шелъ къ Нижнему немедленно; онъ поѣхалъ, на дорогѣ присоединилъ къ себѣ служилыхъ людей Дорогобужскихъ и Вяземскихъ, испомѣщенныхъ въ Ярополчѣ и также выгнанныхъ Заруцкимъ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Нижній, гдѣ былъ принятъ съ великою честію. Прежде всего новый начальникъ ополченія занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ; но скоро Нижегородской казны стало недостаточно; нужно было писать по всѣмъ городамъ, просить ихъ содѣйствія. Эти грамоты написаны отъ имени Дмитрія Пожарскаго, Ивана Биркина, Василья (Семенова?) Юдина и всякихъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго Новгорода; въ нихъ говорится, что «по Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ и длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасенія, Польскіе и Литовскіе люди, умыслили Московское государство разорить,

и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ — быть намъ всѣмъ православнымъ христіянамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать, и своимъ произволомъ, безъ совѣта всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобъ далъ намъ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ природнымъ христіянскимъ государямъ. Изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и дѣти боярскіе подъ Москвою были, Польскихъ и Литовскихъ людей осадили крѣпкою осадою, но потомъ дворяне и дѣти боярскіе изъ-подъ Москвы разъѣхались для временной сладости, для грабежей и похищенья; многіе покушаются, чтобъ быть на Московскомъ государствѣ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея. Но теперь мы Нижняго Новгорода всякіе люди, сославшись съ Казанью и со всѣми городами Понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное раззоренье, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими на помощь Московскому государству; да къ намъ же пріѣхали въ Нижній изъ Арзамаса Смольняне, Дорогобужане и Вятчане, и другихъ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе: и мы всякіе люди Нижняго Новгорода, посовѣтовавшись между собою, приговорили животы свои и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ и подмогу дать и послать ихъ на помощь Московскому государству. И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованіе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять: идти бы теперь на Литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ. Если вы, господа, дворяне и дѣти боярскіе, опасаетесь отъ козаковъ какого-нибудь налогу или какихъ-нибудь воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться: какъ будемъ всѣ верховые и понизовые города въ сходу, то мы всею землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому

до сихъ поръ мы не приставали, да и въ передъ никакого дурна не захотимъ: непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на Польскихъ и Литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобъ козаки по прежнему не разогнали Низовой рати воровствомъ грабежемъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ. А какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ, то станемъ надъ Польскими и Литовскими людьми промышлять вмѣстѣ за одно, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, и которые люди подъ Москвою или въ какихъ-нибудь городахъ захотятъ дурно учинить или Маринкою и сыномъ ея новую кровь захотятъ начать: то мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ. Мы всякіе люди Нижняго Новгорода утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, точно также и Литовскаго короля.»

Эта грамота, возвѣщавшая второе возстаніе земли, отличается отъ грамотъ, писанныхъ во время перваго возстанія, тѣмъ, что въ ней объявляется движеніе чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, противъ козаковъ, сколько противъ Польскихъ и Литовскихъ людей; основная мысль грамоты: надобно намъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ, чтобъ не дать козакамъ сдѣлать ничего дурнаго. Грамота имѣла сильное дѣйствіе, ибо въ областяхъ всѣ были готовы къ возстанію и ждали только начала. Отовсюду слали въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали и казну, шли ратные люди. Первые пришли Коломничи: сначала въ Коломнѣ сидѣлъ, по королевскому приказу, извѣстный намъ Василій Сукинъ, покинувшій посольское дѣло подъ Смоленскомъ; но уже 26 Августа 1611 года король писалъ боярамъ въ Москву, что Сукинъ вмѣстѣ съ сыномъ ему измѣнилъ и отъѣхалъ къ ворамъ измѣнникамъ. Оказывается, что Сукинъ переѣхалъ въ Троицкій монастырь, ибо его имя встрѣчаемъ въ грамотахъ Троицкихъ подлѣ именъ Діонисія и Палицына. За Коломничами

пришли Рязанцы, за ними служилые люди Украинскихъ городовъ; пришли добрые козаки и стрѣльцы, которые сидѣли въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василіемъ: — всѣ получили жалованье. Между всѣми этими гостями и Нижегородцами былъ великій совѣтъ и любовь, говоритъ лѣтописецъ. Но дурныя вѣсти пришли оттуда, откуда менѣе всего ихъ ожидали: Казань, которая до сихъ поръ такъ сильно увѣщевала другіе города къ общему дѣлу, теперь отказалась въ немъ участвовать, по заводу дьяка Никанора Шульгина. Какъ видно, Шульгинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не царственная Казань, главный городъ Понизовья, не онъ, захватившій въ ней всю власть, стали въ челѣ возстанія, а второстепенный Нижній съ своимъ земскимъ старостою; Шульгина поддерживалъ сватъ его, строитель Амфилохій Рыбушкинъ, который не слушался Троицкихъ грамотъ: тогда Троицкія власти вызвали отца его Пимена, архимандрита Старицкаго Богородскаго монастыря, и за измѣну сына томили его тяжкими трудами, заставляли печь хлѣбы. Къ Шульгину же въ Казань перешелъ Иванъ Биркинъ, также недовольный первенствомъ Пожарскаго и Минина въ Нижнемъ.

Получивъ вѣсть о недобромъ совѣтѣ Шульгина и Биркина, князь Дмитрій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ Латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно это были послѣдніе люди Московскаго государства, коренные, основные люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться.

Такъ окончился 1611 и начался 1612 годъ. Въ концѣ Генваря въ Костромѣ и Ярославлѣ явились грамоты отъ бояръ Московскихъ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными царю Владиславу: «Сами видите, пишутъ бояре, Бо-

жію милость надъ великимъ государемъ нашимъ, его государскую правду и счастье: самаго большаго заводчика смуты, отъ котораго христіанская кровь начала литься, Прокофья Ляпунова, убили воры, которые съ нимъ были въ этомъ заводѣ, Ивашка Заруцкій съ товарищами, и тѣло его держали собакамъ на съѣденіе на площади три дня. Теперь князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій стоятъ подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разоренье: ѣздятъ отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно козаки, грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, насилуютъ православныхъ христіанъ, боярынь и простыхъ женъ берутъ на блудъ, дѣвицъ растлѣваютъ насильствомъ мучительскимъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать. А Польскіе и Литовскіе люди, видя ваше непокорство, также города всѣ пустошатъ и воюютъ. И то многимъ изъ васъ извѣстно: какъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сидѣли ратные люди отъ насъ изъ Москвы, то они церковь Божію соблюдали какъ свое око; а когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили, и черницъ—королеву, дочь князя Владиміра Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде и взглянуть не смѣли, ограбили до нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на блудъ брали; а какъ пошли изъ монастыря, то церковь и монастырь выжгли: это ли христіанство? хуже они жидовъ: сами своихъ казнятъ и ругаютъ, васъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и лучшихъ торговыхъ людей эти воры козаки, наши и ваши холопи, грабятъ, побиваютъ и позорятъ, и впередъ всѣми вами и вашими домами владѣть хотятъ, что сами вы лучше насъ знаете. А теперь вновь тѣже воры Ивашка Заруцкій съ товарищами государей выбираетъ себѣ такихъ же воровъ козаковъ, называя государскими дѣтьми: сына калужскаго вора, о которомъ и поминать непригоже; а за другимъ воромъ подъ Псковъ послали такихъ же воровъ и бездушниковъ, Казарина Бѣги-

чева да Нехорошка Лопухина съ товарищами, а другой воръ, также Димитрій объявился въ Астрахани у князя Петра Урусова, который Калужскаго убилъ. И такими воровскими государями крѣпко ли Московское государство будетъ, и кровь христіанская литься и Московское государство пустошиться впередъ перестанетъ ли? А такими правителями, княземъ Димитріемъ Трубецкимъ, да Ивашкою Заруцкимъ Московскому государству можно ли состояться? они никогда въ своемъ домѣ не умѣли ничего расправить, а теперь такимъ великимъ и преславнымъ государствомъ и вами всѣми владѣютъ и указываютъ, не для чего другаго, какъ только для своихъ бездѣльныхъ корыстей, воровства и содомскаго грѣха, а Московскому государству на конечное разоренье. А великій государь Жигимонтъ король съ большаго сейма, по совѣту всей Польской и Литовской земли, сына своего великаго государя королевича Владислава на Владимирское и Московское государство отпустилъ, и самъ до Смоленска его провожаетъ со многою конною и пѣшею ратью, для большаго успокоенья Московскаго государства, и мы его прихода къ Москвѣ ожидаемъ съ радостью. Сами можете разсудить, что Московское государство усмирить и кровь христіанскую унять можемъ только Сигизмундомъ королемъ и сыномъ его. Видя нашу бѣду и конечное разоренье, между нами нестроенье и несовѣтъ, кто не подивится, не восплачетъ и не возрыдаетъ? Со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ, и всѣмъ пограничнымъ государямъ въ посмѣхъ мы и въ позоръ и въ укоризну стали. А все это отъ васъ, отъ вашего непокорства и крестнаго преступленья.»

Бояре писали правду: козаки подмосковнаго стана дѣйствительно вошли въ сношенія съ Иваньгородскимъ самозванцемъ, которому въ это время удалось утвердиться въ Псковѣ, почему онъ обыкновенно и называется Псковскимъ. Козаринъ Бѣгичевъ, пріѣхавши изъ-подъ Москвы въ Псковъ, не пожалѣлъ своей души и старости: какъ взглянулъ на вора, такъ и закричалъ: вотъ истинный государь нашъ Калужскій! а 2 Марта,

подмосковный станъ присягнулъ самозванцу, по заводу Ивана Плещеева. Между тѣмъ изъ Ярославля дали знать въ Нижній, что Заруцкій прислалъ много козаковъ въ Ярославль, а Просовецкій уже идетъ съ войскомъ, хотятъ захватить Ярославль и всѣ поморскіе города, чтобъ не дать соединиться Нижегородской рати съ Ярославцами. Получивъ эту вѣсть, Пожарскій немедленно послалъ двоюроднаго брата своего, князя Димитрія Петровича Лопату-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова занять Ярославль до прихода Просовецкаго, въ чемъ они и успѣли. Въ слѣдъ за Лопатою, по тому же направленію двинулась и главная рать; казны Нижегородской недостало ей на жалованье, и потому взяли деньги у купцовъ иногородныхъ, торговавшихъ въ Нижнемъ, всего 5206 рублей, изъ которыхъ 4116 рублей было взято у Строгановскихъ прикащиковъ. Въ Балахнѣ, Юрьевѣ Поволжскомъ жители встрѣтили войско съ радостію, дали денегъ, проводили съ честію. На Решмѣ явился къ Пожарскому Кирилла Чоглоковъ и подалъ грамоту отъ Трубецкаго, Заруцкаго и всего подмосковнаго войска; козаки писали, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе — не выбирать государя безъ совѣта всей земли, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ; но теперь они сыскали, что во Псковѣ прямой воръ, а не тотъ, что былъ въ Тушинѣ и въ Калугѣ, отстали отъ него и цѣловали крестъ, что впередъ имъ никакого вора не затѣвать, а быть съ Нижегородскимъ ополченіемъ въ совѣтѣ и соединеніи, противъ враговъ стоять и Московское государство очищать. Пожарскій и Мининъ не повѣрили козацкому раскаянію, у нихъ было твердо положено не соединяться съ козаками: однако, не желая преждевременно раздражать ихъ, они отпустили Чоглокова съ честію и велѣли сказать козакамъ, что нисколько ихъ не опасаются и спѣшатъ къ нимъ на помощь подъ Москву.

Давши отдохнуть войску нѣсколько времени въ Кинешмѣ, Пожарскій пошелъ къ Костромѣ; но на Плесѣ получилъ извѣстіе, что Костромской воевода Иванъ Шереметевъ прямитъ Владиславу и не хочетъ пускать Нижегородское ополченіе въ

городъ; Пожарскій подумалъ съ Мининымъ, и рѣшили, не останавливаясь, идти къ Костромѣ. Здѣсь между жителями были двѣ стороны: одна держалась воеводы, другая не хотѣла Владислава; послѣдняя была многочисленнѣе, и какъ скоро Пожарскій вошелъ въ посадъ Костромы, народъ всталъ на Шереметева, отнялъ у него воеводство и убилъ бы его, еслибъ не защитилъ Пожарскій, у котораго Костромичи выпросили себѣ другаго воеводу, извѣстнаго намъ князя Романа Гагарина. Въ тоже время Суздальцы прислали просить защиты отъ Просовѣцкаго: къ нимъ былъ посланъ братъ Лопаты, князь Романъ Петровичъ Пожарскій

Наконецъ въ первыхъ числахъ Апрѣля ополченіе достигло Ярославля, гдѣ получило грамоту отъ Троицкихъ властей: Діонисій, Авраамій Палицынъ, Сукинъ и Андрей Палицынъ увѣдомляли, что «2 Марта злодѣи и богоотступникъ Иванъ Плещеевъ съ товарищами, по злому воровскому козачью заводу, затѣяли подъ Москвою въ полкахъ крестное цѣлованье, цѣловали крестъ вору, который въ Псковѣ называется царемъ Димитріемъ; боярина князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и Московскихъ жилецкихъ людей привели къ кресту неволею: тѣ цѣловали крестъ, боясь отъ козаковъ смертнаго убійства, теперь князь Дмитрій у этихъ воровскихъ заводцевъ живетъ въ великомъ утѣсненіи и радѣетъ соединиться съ вами. 28 Марта пріѣхали въ Сергіевъ монастырь два брата Пушкины, прислалъ ихъ къ намъ для совѣта бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, чтобъ мы послали къ вамъ, и всѣ бы православные христіане, соединясь, промышляли надъ Польскими и Литовскими людьми, и надъ тѣми врагами, которые теперь завели смуту. И вамъ бы положить на своемъ разумѣ о томъ: можетъ ли и небольшая хижина безъ настоятеля утвердиться, и можетъ ли одинъ городъ безъ властодержателя стоять: не только что такому великому государству безъ государя быть? Соберитесь, государи, въ одно мѣсто, гдѣ Богъ благоволитъ, и положите совѣтъ благъ, станемъ просить у Вседержителя, да отвратитъ

свой праведный гнѣвъ и дастъ стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальнымъ намъ православнымъ христіанамъ порухи не сдѣлали. Намъ извѣстно, что замосковные города—Калуга, Серпуховъ, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не цѣловали, а радѣютъ и ждутъ вашего совѣта. Да Марта же 28 пріѣхалъ къ намъ изъ Твери жилецъ и сказывалъ, что въ Твери, Торжкѣ, Старицѣ, Ржевѣ, Погорѣломъ Городищѣ также крестъ не цѣловали, ждутъ отъ васъ промысла и совѣта; Ивана Плещеева въ Тверь не пустили, товарищамъ его и козакамъ хлѣба купить не дали. Молимъ васъ усердно, поспѣшите придти къ намъ въ Троицкій монастырь, чтобъ тѣ люди, которые теперь подъ Москвою, рознью своею не потеряли Большаго Каменнаго города, остроговъ наряду.» Въ этой же грамотѣ впервые говорится о страдальческой кончинѣ патріарха Гермогена (въ изгнаніи нужне уморша). Лѣтописецъ разсказываетъ, что Поляки прислали къ Гермогену Русскихъ людей, которые стали уговаривать его отписать къ Нижегородскому ополченію, чтобъ не ходило подъ Москву; Гермогенъ отвѣчалъ: «да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы измѣнники будьте прокляты.» Поляки велѣли за это уморить его голодомъ: онъ умеръ 17 Февраля и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ.

7 Апрѣля изъ Ярославля пошли грамоты по городамъ: «Бояре и окольничіе и Дмитрій Пожарскій, и стольники и дворяне большіе, и стряпчіе, и жильцы, и головы, и дворяне, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и Казанскаго государства князья, мурзы и татары, и разныхъ городовъ стрѣльцы, пушкари и всякіе служилые и жилецкіе люди челомъ бьютъ. По умноженію грѣховъ всего православнаго христіанства, Богъ навелъ неутолимый гнѣвъ на землю нашу: въ первыхъ прекратилъ благородный корень царскаго поколѣнія (и т. д. слѣдуетъ перечисленіе бѣдствій смутнаго времени до убійства Ляпунова и буйства козаковъ, за нимъ послѣдовавшаго). Изъ подъ Москвы князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій, и атаманы и

козаки къ намъ и по всѣмъ городамъ писали, что они цѣловали крестъ безъ совѣта всей земли государя не выбирать, Псковскому вору, Маринѣ и сыну ея не служить; а теперь цѣловали крестъ вору Сидоркѣ, желая бояръ, дворянъ и всѣхъ лучшихъ людей побить, имѣнье ихъ разграбить и владѣть по своему воровскому козацкому обычаю. Какъ сатана омрачилъ очи ихъ! при нихъ Калужскій ихъ царь убитъ и безглавенъ лежалъ всѣмъ на показъ шесть недѣль, объ этомъ они изъ Калуги въ Москву и по всѣмъ городамъ писали! Теперь мы всѣ православные христіане общимъ совѣтомъ, согласились со всею землею, обѣтъ Богу и души свои дали на томъ, что намъ ихъ воровскому царю Сидоркѣ и Маринѣ съ сыномъ не служить и противъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоять въ крѣпости неподвижно. И вамъ, господа, пожаловать, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть небезгосударнымъ, выбрать бы намъ общимъ совѣтомъ государя, чтобъ отъ такихъ находящихъ бѣдъ безъ государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, какъ намъ теперь безъ государя противъ общихъ враговъ, Польскихъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и Русскихъ воровъ, которые новую кровь начинаютъ, стоять? и какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться? и какъ государству нашему впередъ стоять крѣпко и неподвижно? Такъ по всемірному своему совѣту пожаловать бы вамъ, прислать къ намъ въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписать, за своими руками. Да отписать бы вамъ отъ себя подъ Москву въ полки, чтобъ они отъ вора Сидорки отстали, съ нами и со всею землею розни не чинили. Въ Нижнемъ Новгородѣ гости и всѣ земскіе посадскіе люди, не пощадя своего имѣнья, дворянъ и дѣтей боярскихъ снабдили денежнымъ жалованьемъ; а теперь изо всѣхъ городовъ пріѣзжаютъ къ намъ служилые люди и бьютъ челомъ всей землѣ о жалованьѣ, а дать имъ нечего. Такъ вамъ бы, господа, при-

слать къ намъ въ Ярославль денежную казну ратнымъ людямъ на жалованье.» У грамоты находятся подписи, изъ которыхъ мы узнаемъ начальныхъ людей рати; не смотря на то, что главнымъ вождемъ ополченія былъ избранъ Пожарскій, первыя мѣста уступлены людямъ, превышавшимъ главнаго вождя самомъ: первая подпись принадлежитъ боярину Морозову, вторая боярину князю Владиміру Тимоѳеевичу Долгорукову, третья окольничему Головину, четвертая князю Ивану Никитичу Одоевскому, пятая князю Пронскому, шестая князю Волконскому, седьмая Матвею Плещееву, осьмая князю Львову, девятая Мирону Вельяминову, десятая уже князю Пожарскому; на 15-мъ мѣстѣ читаемъ: «въ выборнаго человѣка всею землею, въ Козмино мѣсто Минина князь Пожарскій руку приложилъ;» за Мининымъ слѣдуетъ еще 34 подписи, и въ томъ числѣ князей Долгорукова и Туренина, Шереметевыхъ, Салтыкова, Бутурлина.

Толпы служилыхъ людей пріѣзжали въ Ярославль для соединенія съ ополченіемъ, посадскіе люди привозили денежную казну; но подъ Москву нельзя было предпринять немедленнаго похода: козаки заняли Угличь, Пошехонье, свирѣпствовали по уѣздамъ, Шведы стояли въ Тихвинѣ. Нельзя было двинуться на югъ, оставивши въ тылу этихъ враговъ. Князь Дмитрій Михайловичъ и Кузьма начали думать со всею ратью, духовенствомъ и посадскими людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе и положили: отправить пословъ въ Новгородъ, занять Шведовъ мирными переговорами, а на козаковъ послать войско. Въ Новгородъ отправился Степанъ Татищевъ съ выборными изъ каждаго города по человѣку, повезъ грамоты къ митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди: у митрополита и Одоевскаго ополченіе спрашивало, какъ у нихъ положено со Шведами? къ Делагарди писало, что если король Шведскій дастъ брата своего на государство и окреститъ его въ православную христіанскую вѣру, то они ради быть съ Новгородцами въ одномъ совѣтѣ. Это было написано для того, говоритъ лѣтопись, чтобъ, какъ пойдутъ подъ Москву на очи-

щеніе Московскаго государства, Шведы не пошли воевать въ Поморскіе города. Грамоты въ Новгородъ были написаны 13 Мая; 19 Исидоръ, Одоевскій и Делагарди отпустили Татищева съ отвѣтомъ, что пришлютъ въ Ярославль своихъ пословъ; но Татищевъ объявилъ, что въ Новгородѣ добра ждать нечего. Не смотря на то, въ Іюнѣ начальники ополченія разослали грамоты по украинскимъ городамъ, которые держались Псковскаго вора, Марины и сына ея, чтобъ они отъ вѣдомаго вора отстали: «Только вы отъ того вора отстанете и съ нами будете въ соединеньи, то враги наши, Польскіе и Литовскіе люди изъ Московскаго государства выйдутъ; если же отъ вора не отстанете, то Польскіе и Литовскіе люди Москву и всѣ города до конца разорятъ, всѣхъ насъ и васъ погубятъ, землю нашу пусту и безпамятну учинятъ, и того всего взыщетъ Богъ на васъ, да и окрестныя всѣ государства назовутъ васъ предателями своей вѣрѣ и отечеству, а больше всего, какой вамъ дать отвѣтъ на второмъ пришествіи предъ праведнымъ Судіею? Да писали къ намъ изъ Великаго Новгорода митрополитъ Исидоръ и бояринъ князь Одоевскій, что у нихъ отъ Нѣмецкихъ людей православной вѣрѣ порухи и православнымъ христіанамъ разоренья нѣтъ, Шведскаго короля Карла не стало, а послѣ него сѣлъ на государствѣ сынъ его Густавъ Адольфъ, а другой сынъ его Карлусъ Филиппъ будетъ въ Новгородъ на государство вскорѣ, и дается на всю волю людей Новгородскаго государства, хочетъ креститься въ нашу православную христіанскую вѣру греческаго закона. И вамъ бы господа, про то было вѣдомо, и присылали бы вы къ намъ, для общаго земскаго совѣта, изъ всякихъ чиновъ человѣка по два и по три, и совѣтъ свой отписали къ намъ, какъ намъ противъ общихъ враговъ, Польскихъ и Литовскихъ людей стоять и какъ намъ въ нынѣшнее злое время безгосударнымъ быть и выбрать бы намъ государя всею землею. А если вы, господа, къ намъ на совѣтъ вскорѣ не пришлете, отъ вора не отстанете и со всею землею не соединитесь и общимъ совѣтомъ съ нами государя не станете выбирать: то мы, съ сердечными слезами разстав-

щись съ вами, всемірнымъ совѣтомъ съ Поморскими, Понизовыми и Замосковными городами, будемъ выбирать государя. Да объявляемъ вамъ, что 6 Іюня прислали къ намъ изъ подъ Москвы князь Дмитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкій и всякіе люди повинную грамоту, пишутъ, что они своровали, цѣловали крестъ Псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой воръ, отстали отъ него и цѣловали крестъ впередъ другаго вора не затѣвать и быть съ нами во всемірномъ совѣтѣ; о томъ же они писали и къ вамъ во всѣ Украинскіе города».

На этотъ разъ изъ подмосковнаго стана писали правду: 11 Апрѣля пріѣхалъ оттуда во Псковъ Иванъ Плещеевъ обознавать вора; Плещеевъ, по словамъ лѣтописи, обратился на истинный путь, не захотѣлъ вражды въ землѣ, и началъ говорить всѣмъ, что это истинный воръ. Очень можетъ быть, что несогласіе многихъ въ самомъ подмосковномъ станѣ, несогласіе сѣверозападныхъ городовъ, при чемъ Тверичи не впустили его къ себѣ въ городъ, содѣйствовало обращенію Плещеева на истинный путь. Какъ бы то ни было, отказъ его признать вора произвелъ свое дѣйствіе въ Псковѣ: 18 Мая воръ долженъ былъ бѣжать изъ города съ воеводою княземъ Хованскимъ; но Плещеевъ вошелъ въ переговоры съ Хованскимъ и убѣдилъ его выдать вора, въ слѣдствіе чего 20 числа самозванца привели назадъ въ городъ и посадили въ палату, а 1-го Іюля повезли къ Москвѣ.

Пожарскій послалъ и въ далекую Сибирь грамоты съ увѣдомленіемъ о Новгородскихъ дѣлахъ и съ требованіемъ присылки выборныхъ для совѣта на счетъ избранія королевича. Онъ увѣдомлялъ города, что посланные имъ противъ козаковъ и Черкасъ отряды вездѣ имѣли успѣхъ: князь Дмитрій Лопата Пожарскій выгналъ козаковъ изъ Пошехонья, князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій выгналъ Малороссійскихъ козаковъ или Черкасъ изъ Антоніева монастыря въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, потомъ выгналъ великороссійскихъ козаковъ изъ Углича; воевода Наумовъ отогналъ отряды Заруцкаго отъ Переяславля. Но среди этихъ успѣховъ въ самомъ Ярославлѣ происходили смуты:

туда явился съ Казанскимъ ополченіемъ извѣстный намъ Иванъ Биркинъ вмѣстѣ съ Татарскимъ головою Лукьяномъ Мяснымъ; еще дорогою они ссорились другъ съ другомъ, Биркинъ велъ себя какъ непріятель въ городахъ и уѣздахъ, когда же пришелъ въ Ярославль, то возобновилъ ссору съ Мяснымъ изъ за того, кому быть главнымъ начальникомъ, едва дѣло не дошло между ними до бою; но что всего хуже, эта ссора отразилась и въ ополченіи Пожарскаго: большинство было противъ Биркина и откинуло его, но Смольняне приняли его сторону. Биркинъ ушелъ съ большею частію своихъ назадъ, но Лукьянъ Мясной остался съ двадцатью человѣками князей и мурзъ, тридцатью дворянами и сотнею стрѣльцовъ. Смута не прекратилась и по уходѣ Биркина: начались споры между начальниками о старшинствѣ, каждый изъ ратныхъ людей принималъ сторону своего воеводы, а разсудить ихъ было не кому: тогда придумали по старинѣ взять въ посредники, въ третьи лице духовное, послали къ бывшему Ростовскому митрополиту Кириллу, жившему въ Троицкомъ монастырѣ, чтобъ онъ былъ на прежнемъ столѣ своемъ въ Ростовѣ. Кириллъ согласился, пріѣхалъ въ Ростовъ, потомъ въ Ярославль, и сталъ укрѣплять людей: какая ссора начнется у начальниковъ, и тѣ обо всемъ докладывали ему.

Озабоченные великимъ и труднымъ дѣломъ, обращая безпокойные взоры во всѣ стороны — нельзя ли гдѣ найти помощь, начальники ополченія вспомнили о державѣ, съ которою прежніе цари Московскіе были постоянно въ дружественныхъ сношеніяхъ, которой помогали деньгами во время опасной войны съ Турціею: эта держава была Австрія. Вожди ополченія, по неопытности своей, думали, что Австрія теперь захочетъ быть благодарною, поможетъ Московскому государству въ его нуждѣ, и 20 Іюня написали грамоту къ императору Рудольфу, въ которой, изложивши всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Русскими людьми отъ Поляковъ, писали: «Какъ вы, великій государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете разсудить, пригожее ль то дѣло Жигимонтъ король дѣлаетъ, что,

преступивъ крестное цѣлованье, такое великое христіанское государство разорилъ и до конца разоряетъ, и годится ль такъ дѣлать христіанскому государю! И между вами, великими государями, какому впередъ быть укрѣпленью кромѣ крестнаго цѣлованья? Бьемъ челомъ вашему цесарскому величеству всею землею, чтобъ вы, памятуя къ себѣ дружбу и любовь великихъ государей нашихъ, въ нынѣшней нашей скорби на насъ призрѣли, своею казною намъ помогли, а къ Польскому королю отписали, чтобъ онъ отъ неправды своей отсталъ и воинскихъ людей изъ Московскаго государства велѣлъ вывести.»

Въ Іюлѣ пріѣхали въ Ярославль обѣщанные послы Новгородскіе, изъ духовныхъ игуменъ Вяжицкаго монастыря Геннадій, изъ дворянъ городовыхъ князь Ѳедоръ Оболенскій, да изо всѣхъ пятинъ изъ дворянъ и изъ посадскихъ людей по человѣку. 26 числа они правили посольство предъ Пожарскимъ и, по обычаю, начали рѣчь изложеніемъ причинъ смуты: «Послѣ пресѣченія царскаго корня всѣ единомысленно избрали на государство Бориса Ѳедоровича Годунова по его въ Россійскомъ государствѣ правительству, и всѣ ему въ послушаніи были; потомъ отъ государя на бояръ ближнихъ и на дальныхъ людей, по наносу злыхъ людей, гнѣвъ воздвигнулся, какъ вамъ самимъ вѣдомо. И нѣкоторый воръ, чернецъ, сбѣжалъ изъ Московскаго государства въ Литву, назвался» и проч. Здѣсь нельзя не замѣтить, что послы именно хотѣли связать гнѣвъ Бориса на ближнихъ и дальнихъ людей съ появленіемъ самозванца, какъ причину съ слѣдствіемъ. Упомянувши о послѣдующихъ событіяхъ, о переговорахъ начальниковъ перваго ополченія съ Делагарди, у котораго съ Бутурлинымъ «за нѣкоторыми мѣрами договоръ не стался, а Якобъ Пунтусовъ Новгородскій деревянный городъ взятьемъ взялъ, и Новгородцы утвердились съ нимъ просить къ себѣ въ государи Шведскаго королевича,» — послы увѣдомили, что этотъ королевичь Карлъ Филиппъ отъ матери и брата отпущенъ совсѣмъ, теперь въ дорогѣ и, надобно думать, скоро будетъ въ Новгородѣ. Послы

кончили рѣчь словами: «Вѣдомо вамъ самимъ, что Великій Новгородъ отъ Московскаго государства никогда отлученъ не былъ, и теперь бы вамъ также, учиня между собою общій совѣтъ, быть съ нами въ любви и соединеніи подъ рукою одного государя.» Слова эти не могли не оскорбить начальниковъ ополченія, представителей Московскаго государства: Новгородъ, давно уже часть послѣдняго, требуетъ, чтобъ цѣлое было съ нимъ въ любви и соединеніи и приняло государя, котораго онъ избралъ. Пожарскій отвѣчалъ горькими словами: «При прежнихъ великихъ государяхъ послы и посланники прихаживали изъ иныхъ государствъ, а теперь изъ Великаго Новгорода вы послы! искони, какъ начали быть государи на Россійскомъ государствѣ, Великій Новгородъ отъ Россійскаго государства отлученъ не бывалъ; такъ и теперь бы Новгородъ съ Россійскимъ государствомъ былъ по прежнему.» Послѣ этихъ словъ Пожарскій немедленно перешелъ къ тому, какъ обманчиво и непрочно избраніе иностранныхъ принцевъ: «Уже мы въ этомъ искусились, сказалъ онъ: чтобъ и Шведскій король не сдѣлалъ съ нами также, какъ Польскій. Польскій Жигимонтъ король хотѣлъ дать на Россійское государство сына своего королевича, да черезъ крестное цѣлованье гетмана Жолкѣвскаго и черезъ свой листъ манилъ съ годъ и не далъ; а надъ Московскимъ государствомъ что Польскіе и Литовскіе люди сдѣлали, то вамъ самимъ вѣдомо. И Шведскій Карлусъ король также на Новгородское государство хотѣлъ сына своего отпустить вскорѣ, да до сихъ поръ, уже близко году, королевичъ въ Новгородъ не бывалъ.» Князь Оболенскій старался оправдать медленность королевича Филиппа смертію отца, вѣсть о которой застала его уже на пути въ Новгородъ, потомъ Датскою войною; онъ кончилъ такъ: «Такой статьи, какъ учинилъ надъ Московскимъ государствомъ Литовскій король, отъ Шведскаго королевства мы не чаемъ.» Пожарскій отвѣчалъ рѣшительно, что, наученные опытомъ, они не дадутся въ другой разъ въ обманъ и признаютъ Филиппа царемъ тогда только, какъ онъ пріѣдетъ въ Новгородъ и приметъ Греческую

вѣру. «А въ Швецію намъ пословъ послать никакъ нельзя, заключилъ Пожарскій: вѣдомо вамъ самимъ, какіе люди посламы къ Польскому Жигимонту королю, бояринъ князь Василій Голицынъ съ товарищами! а теперь держать ихъ въ заключеніи какъ полоняниковъ, и они отъ нужды и безчестья, будучи въ чужой землѣ, погибаютъ.» Посланники возразили, что Шведскій король не можетъ повторить поступка Сигизмундова, ибо также наученъ опытомъ въ его безполезности: «Учинилъ Жигимонтъ король неправду, да тѣмъ себѣ какую прибыль сдѣлалъ, что пословъ задержалъ? Теперь и безъ нихъ вы бояре и воеводы не въ собраньи ли и противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей, не стоите ли?» Отвѣтъ Пожарскаго на это важенъ для насъ во первыхъ потому, что показываетъ мнѣніе его объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей смутнаго времени, во вторыхъ потому, что обнаруживаетъ характеръ самого Пожарскаго, противоположность этого характера характеру Ляпунова, что, разумѣется, не могло не имѣть важнаго вліянія на успѣхъ втораго ополченія; Пожарскій отвѣчалъ: «Надобны были такіе люди въ нынѣшнее время: еслибъ теперь такой столпъ, князь Василій Васильевичь, былъ здѣсь, то за него бы всѣ держались, и я за такое великое дѣло мимо его не принялся бы; а то теперь меня къ такому дѣлу бояре и вся земля силою приневолили. И видя то, что сдѣлалось съ Литовской стороны, въ Швецію намъ пословъ не посылывать и государя не нашей православной вѣры Греческаго закона не хотѣть.» Послѣднія слова Пожарскаго сильно тронули Новгородскихъ пословъ; настаиваніе именно на то, чтобъ не выбирать государя неправославнаго пробудило въ нихъ чувство, которое служило самою крѣпкою связью между всѣми Русскими людьми, которое подняло всю землю противъ Польскихъ и Литовскихъ людей; Оболенскій сказалъ: «Мы отъ истинной православной вѣры не отпали, королевичу Филиппу Карлу будемъ бить челомъ, чтобъ онъ былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и за то хотимъ всѣ помереть: только Карлъ королевичь не захо-

четъ быть въ православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона, то не только съ вами боярами и воеводами и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, хотя бы вы насъ и покинули, мы одни за истинную нашу православную вѣру хотимъ помереть, а не нашей, не-Греческой вѣры государя не хотимъ.» Переговоры кончились тѣмъ, что Пожарскій не согласился вступить ни въ какія обязательства со Шведами; но, чтобъ явнымъ разрывомъ не возбудить послѣднихъ противъ ополченія, положили отправить въ Новгородъ посла, Перфилья Секерина, для продленія времени: для того послали, говоритъ лѣтописецъ, чтобъ не помѣшали Нѣмецкіе люди идти на очищеніе Московскаго государства, а того у нихъ и въ думѣ не было, что взять на Московское государство иноземца. «Если, господа, писали начальники ополченія Новгородцамъ, если королевичь, по вашему прошенью, васъ не пожалуетъ, и въ Великій Новгородъ нынѣшняго года по лѣтнему пути не будетъ, то во всѣхъ городахъ всякіе люди о томъ будутъ въ сомнѣніи; а намъ безъ государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству безъ государя долгое время стоять нельзя. А до тѣхъ поръ, пока королевичь не придетъ въ Новгородъ, людямъ Новгородскаго государства быть съ нами въ любви и совѣтѣ, войны не начинать, городовъ и уѣздовъ Московскаго государства къ Новгородскому государству не подводить, людей къ кресту не приводить и задоровъ никакихъ не дѣлать.»

По отправленіи втораго посла въ Новгородъ ополченіе стало уже собираться въ походъ изъ Ярославля, какъ открылся козацкій заговоръ на жизнь Пожарскаго. Изъ подмосковнаго стана, отъ Заруцкаго, пріѣхали въ Ярославль двое козаковъ— Обреска и Степанъ; у нихъ уже были здѣсь соумышленники— Иванъ Доводчиковъ Смолянинъ, Смоленскіе стрѣльцы—Шанда съ пятью товарищами, да Рязанецъ Семенъ Хваловъ; послѣдній жилъ на дворѣ у князя Пожарскаго, который кормилъ его и одѣвалъ. Придумывали разные способы, хотѣли зарѣзать Пожарскаго соннаго, наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ-ни-

будь на дорогѣ, въ тѣснотѣ. Однажды князь былъ въ съѣзжей избѣ, оттуда пошелъ смотрѣть пушки, назначаемыя подъ Москву, и принужденъ былъ отъ тѣсноты остановиться у дверей разрядныхъ; козакъ, именемъ Романъ, взялъ его за руку, вѣроятно для того, чтобъ помочь выдраться изъ толпы: въ это время заговорщикъ, козакъ Степанъ кинулся между ними, хотѣлъ ударить ножемъ въ животъ князя, но промахнулся и ударилъ Романа по ногѣ; тотъ упалъ и началъ стонать. Пожарскій никакъ не воображалъ, что ударъ былъ направленъ противъ него, думалъ, что несчастіе случилось по неосторожности въ тѣснотѣ и хотѣлъ уже идти дальше, какъ народъ бросился къ нему съ крикомъ, что его самого хотѣли зарѣзать; начали искать и нашли ножъ, схватили убійцу, который на пыткѣ повинился во всемъ, и назвалъ товарищей, которые также признались. По приговору всей земли, преступниковъ разослали въ города по тюрьмамъ, нѣкоторыхъ же взяли подъ Москву на обличенье: тамъ повинились они вторично предъ всею ратью и были прощены, потому что Пожарскій просилъ за нихъ.

Понятно, съ какимъ чувствомъ послѣ этого Пожарскій и все ополченіе должны были выступать въ походъ подъ Москву, гдѣ подъ видомъ союзниковъ должны были встрѣтить убійцъ. Но медлить долѣе нельзя было, потому что приходили вѣсти о приближеніи Ходкѣвича къ Москвѣ. Пожарскій отправилъ передовые отряды, первый подъ начальствомъ воеводъ Михайлы Самсоновича Дмитріева и Ѳедора Левашова; имъ наказано было, пришедши подъ Москву, не входить въ станъ къ Трубецкому и Заруцкому, но поставить себѣ особый острожекъ у Петровскихъ воротъ; второй отрядъ былъ отправленъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова, которымъ велѣно было стать у Тверскихъ воротъ. Кромѣ извѣстій о движеніяхъ Ходкѣвича была и другая причина спѣшить походомъ къ Москвѣ: надобно было спасти дворянъ и дѣтей боярскихъ, находившихся подъ Москвою, отъ буйства козаковъ. Украинскіе города, подвиг-

нутые грамотами ополченія, выслали своихъ ратныхъ людей, которые пришли въ станъ къ Трубецкому и расположились въ Никитскомъ острогѣ; но Заруцкій съ своими козаками не давалъ имъ покоя. Несчастные Украинцы послали въ Ярославль Кондырева и Бѣгичева съ товарищами бить челомъ, чтобъ ополченіе шло подъ Москву немедленно спасти ихъ отъ козаковъ; когда последніе увидали здѣсь, въ какомъ довольствѣ и устройствѣ живутъ ратники новаго ополченія и вспомнили свое утѣсненіе отъ козаковъ, то не могли промолвить ни слова отъ слезъ. Князь Пожарскій и другіе знали лично Кондырева и Бѣгичева, но теперь едва могли узнать ихъ: въ такомъ жалкомъ видѣ они явились въ Ярославль! Ихъ обдарили деньгами, сукнами и отпустили къ своимъ съ радостною вѣстію, что ополченіе выступаетъ къ Москвѣ. Но какъ скоро Заруцкій и козаки его узнали, съ какими вѣстями возвратились Кондыревъ и Бѣгичевъ, то хотѣли побить ихъ, и они едва спаслись въ полкъ къ Дмитріеву, а товарищи ихъ, остальные Украинцы, принуждены были разбѣжаться по своимъ городамъ. Разогнавъ Украинскихъ людей, Заруцкій хотѣлъ и прямо помѣшать движенію ополченія: онъ отправилъ многочисленный отрядъ козаковъ перенять дорогу у князя Лопаты-Пожарскаго, разбить полкъ, умертвить воеводу: но и этотъ замыселъ не удался: отрядъ Лопаты храбро встрѣтилъ козаковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Наконецъ и главное ополченіе выступило изъ Ярославля. Отслуживъ молебенъ въ Спасскомъ монастырѣ у гроба Ярославскихъ Чудотворцевъ (знаменитаго князя Ѳедора Ростиславича Чернаго и сыновей его Давида и Константина), взявъ благословеніе у митрополита Кирилла и у всѣхъ властей духовныхъ, Пожарскій вывелъ ополченіе изъ Ярославля. Отошедши 7 верстъ отъ города, войско остановилось на ночлегъ. Здѣсь Пожарскій сдалъ рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьмѣ Минину, приказавъ идти въ Ростовъ и ждать его тамъ, а самъ съ немногими людьми поѣхалъ въ Суздаль, въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь проститься у гробовъ родитель-

скихъ, послѣ чего, какъ было условлено, нагналъ рать въ Ростовѣ. Въ этомъ городѣ къ ополченію присоединилось еще много ратныхъ людей изъ разныхъ областей, такъ что Пожарскій могъ послать отрядъ подъ начальствомъ Образцова въ Бѣлозерскъ на случай враждебнаго движенія Шведовъ. Нужно было сдѣлать еще важное распоряженіе: митрополитъ Кириллъ, который въ Ярославлѣ былъ посредникомъ, примирителемъ ссоръ между воеводами, остался въ своей епархіи; нужно было подъ Москвою имѣть такое же лице, тѣмъ болѣе, что предвидѣлись распри еще большія, вслѣдствіе сосѣдства Трубецкаго и Заруцкаго. И вотъ 29 Іюля Пожарскій, отъ имени всѣхъ чиновъ людей, написалъ къ Казанскому митрополиту Ефрему: «За преумноженіе грѣховъ всѣхъ насъ православныхъ христіянъ, вседержитель Богъ совершилъ ярость гнѣва своего въ народѣ нашемъ, угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ: отнялъ у насъ главу Московскаго государства и вождя людямъ, государя царя и великаго князя всея Руси, отнялъ и пастыря и учителя словесныхъ овецъ стада его, святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Руси; да и по городамъ многіе пастыри и учители, митрополиты, архіепископы и епископы, какъ пресвѣтлыя звѣзды, угасли, и теперь оставилъ насъ сиротствующихъ, и были мы въ поношеніе и посмѣхъ, на поруганіе языковъ; но еще не до конца оставилъ насъ сирыми, даровалъ намъ единое утѣшеніе, тебя великаго господина, какъ нѣкое великое свѣтило подобно на свѣщницѣ въ Россійскомъ государствѣ сіяющее. И теперь, великій господинъ! не малая у насъ скорбь, что подъ Москвою вся земля въ собраньѣ, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ; одна соборная церковь пречистой Богородицы осталась на Крутицахъ, и та вдовствуетъ. И мы, по совѣту всей земли, приговорили: въ дому Пречистой Богородицы на Крутицахъ быть митрополитомъ игумену Сторожевскаго монастыря Исаіи: этотъ Исаія отъ многихъ свидѣтельствованъ, что имѣетъ житіе по Богѣ. И мы игумена Исаію послали къ тебѣ, великому господину, въ Казань, и молимъ твое преподобіе всею землею, чтобъ тебѣ великому господину не оставить насъ въ послѣдней

скорби и безспастырныхъ, совершить игумена Исаію на Крутицы митрополитомъ и отпустить его подъ Москву къ намъ въ полки поскорѣе, да и ризницу бы дать ему полную, потому что церковь Крутицкая въ крайнемъ оскудѣніи и раззореніи.»

По извѣстіямъ Русскихъ лѣтописцевъ, Заруцкій, услыхавъ, что ополченіе двинулось изъ Ярославля, собрался съ преданными ему козаками, т.-е. почти съ половиною всего войска, стоявшаго подъ Москвою, и двинулся въ Коломну, гдѣ жила Марина съ сыномъ; взявши ихъ и выгромивъ городъ, пошелъ на Рязанскія мѣста, и опустошивши ихъ, сталъ въ Михайловѣ. Поляки разсказываютъ иначе причину, побудившую Заруцкаго оставить подмосковный станъ: по ихъ словамъ, Ходкѣвичъ, стоя въ Рогачевѣ, завелъ сношенія съ Заруцкимъ, склоняя его разными обѣщаніями перейдти на сторону королевскую. Посредникомъ былъ одинъ изъ войска Сапѣги, именемъ Бориславскій, который явился въ подмосковный станъ, объявивши, что недоволенъ гетманомъ и службою королевскою и хочетъ служить у Русскихъ. Послѣдніе повѣрили; но одинъ Полякъ, Хмелевскій, также убѣжавшій изъ Польскаго стана, открылъ Трубецкому о переговорахъ Бориславскаго съ Заруцкимъ. Бориславскаго взяли на пытку, жгли огнемъ и онъ погибъ въ мукахъ, а Заруцкій счелъ за лучшее уйдти изъ стана подъ Коломну. Козаки, оставшіеся съ Трубецкимъ подъ Москвою, отправили атамана Внукова въ Ростовъ просить Пожарскаго идти поскорѣе подъ Москву; но это посольство имѣло еще другую цѣль: козаки хотѣли развѣдать, не затѣваетъ ли ополченіе чего-нибудь противъ нихъ? Но Пожарскій и Мининъ обошлись со Внуковымъ и товарищами его очень ласково, одарили деньгами и сукнами и отпустили подъ Москву съ извѣстіемъ, что идутъ немедленно, и дѣйствительно въ слѣдъ за ними двинулись черезъ Переяславль къ Троицкому монастырю.

Прибывши къ Троицѣ, 14-го Августа ополченіе расположилось между монастыремъ и Клементьевскою слободою: то былъ послѣдній станъ до Москвы, предстояло сдѣлать послѣдній

мовъ,—и ополченіемъ овладѣло раздумье; боялись не Поляковъ осажденныхъ, не гетмана Ходкѣвича, боялись козаковъ. Пожарскій и Мининъ хотѣли непремѣнно обезпечить себя относительно козаковъ какимъ-нибудь договоромъ, укрѣпиться съ ними, по тогдашнему выраженію, чтобъ другъ на друга никакого зла не умышлять. Въ ополченіи встала рознь: одни хотѣли идти подъ Москву; другіе не соглашались, говорили, что козаки манятъ князя Дмитрія подъ Москву для того, чтобъ убить его также какъ Ляпунова. Въ это время пришло предложеніе отъ другихъ союзниковъ ненадежныхъ, отъ наемниковъ иноземныхъ, Маржерета съ тремя товарищами, которые писали, что набравши ратныхъ людей, готовы идти на помощь къ ополченію. Бояре, воеводы и по избранію Московскаго государства всякихъ чиновъ людей у ратныхъ и земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода, князь Дмитрій Пожарскій, написали отвѣтъ на имя однихъ товарищей Маржеретовыхъ: «Мы государямъ вашимъ королямъ, за ихъ жалованье, что они о Московскомъ государствѣ радѣютъ и людямъ велятъ сбираться намъ на помощь, челомъ бьемъ и ихъ жалованье рады выславлять; васъ, начальныхъ людей за ваше доброхотство похваляемъ, и нашею любовью, гдѣ будетъ возможно, воздавать вамъ хотимъ; но тому удивляемся, что вы въ свѣтѣ съ Французениномъ Яковомъ Маржеретомъ, о которомъ мы всѣ знаемъ подлинно: выѣхалъ онъ при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ изъ цесарской области, и государь его пожаловалъ помѣстьемъ, вотчинами и денежнымъ жалованьемъ; а послѣ при царѣ Василіи Ивановичѣ Маржеретъ присталъ къ вору и Московскому государству многое зло чинилъ; а когда Польскій король прислалъ гетмана Жолкѣвскаго, то Маржеретъ пришелъ опять съ гетманомъ, и когда Польскіе и Литовскіе люди, оплоша Московскихъ бояръ, Москву разорили, выжгли и людей сѣкли, то Маржеретъ кровь христіянскую проливалъ пуще Польскихъ людей, и, награбившись государевой казны, пошелъ изъ Москвы въ Польшу съ измѣнникомъ Михайлою Салтыковымъ. Намъ подлинно извѣстно, что Польскій король тому Маржерету велѣлъ у себя быть въ

радѣ: и мы удивляемся, какимъ это образомъ теперь Маржеретъ хочетъ намъ помогать противъ Польскихъ людей? Мнится намъ, что Маржеретъ хочетъ быть въ Московское государство по умышленью Польскаго короля, чтобъ зло какое-нибудь учинить. Мы этого опасаемся, и потому къ Архангельскому городу на береженье ратныхъ людей отпускаемъ. Да и наемные люди изъ иныхъ государствъ намъ теперь не надобны: до сихъ поръ мы съ Польскими людьми не могли сладить, потому что государство Московское было въ розни, а теперь все Россійское государство избрало за разумъ, правду, дородство и храбрость къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ стольника и воеводу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго; да и тѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Литовскими людьми, стали теперь съ нами единомышленно, и мы Польскихъ и Литовскихъ людей побиваемъ и города очищаемъ: что гдѣ собсрется доходовъ, отдаемъ нашимъ ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ и козакамъ, а сами мы бояре и воеводы, дворяне и дѣти боярскіе служимъ и бьемся за св. Божіи церкви, за православную вѣру и свое отечество безъ жалованья. А до Польскихъ и Литовскихъ людей самихъ за ихъ неправду, гнѣвъ Божій доходитъ: Турскіе и Крымскіе люди Волынь и Подолію до конца запустошили и впередъ, по нашей ссылкѣ, Польскую и Литовскую землю Крымскіе люди пустошить хотятъ. Такъ, уповая на милость Божію, оборонимся и сами, безъ наемныхъ людей. А если по какому-нибудь случаю, враговъ нашихъ не одолѣемъ, то пошлемъ къ вамъ своихъ людей, наказавши имъ подлинно, сколько имъ людей нанимать и почемъ имъ давать. А вы бы любовь свою намъ показали, о Яковѣ Маржеретѣ отписали, какимъ образомъ онъ изъ Польской земли у васъ объявился, и какъ онъ теперь у васъ, въ какой чести? А мы думали, что ему, за его неправду, кромѣ Польши ни въ какой землѣ мѣста не будетъ».

Отъ наемныхъ иностранцевъ можно было отдѣлаться, но отъ козаковъ подмосковнаго стана нельзя: пришла вѣсть, что Ходкѣвича ожидаютъ подъ Москву съ часу на часъ. Пожарскому

было уже не до уговору съ козаками: онъ наскоро послалъ передъ собою князя Туренина съ отрядомъ, приказавши ему стать у Чертольскихъ воротъ, и назначилъ 18 Августа днемъ выступленія цѣлаго ополченія къ Москвѣ. Отпѣвши молебенъ у Чудотворца, благословившись у архимандрита, войска выступили, монахи провожали ихъ крестнымъ ходомъ, и вотъ когда послѣдніе люди двигались на великое дѣло, сильный вѣтеръ подулъ отъ Москвы на встрѣчу ополченію! дурной знакъ! сердца упали; со страхомъ и томленіемъ подходили ратники къ образамъ св. Троицы, Сергія и Никона Чудотворцевъ, прикладывались ко кресту изъ рукъ архимандрита, который кропилъ ихъ святою водою. Но когда этотъ священный обрядъ былъ конченъ, вѣтеръ вдругъ перемѣнился и съ такою силою подулъ въ тылъ войску, что всадники едва держались на лошадяхъ: тотчасъ же всѣ лица просіяли, вездѣ послышались обѣщанія: померет за домъ Пречистой Богородицы, за православную христіанскую вѣру.

Время было уже къ вечеру, когда, не доходя 5 верстъ до Москвы, ополченіе остановилось на рѣкѣ Яузѣ; къ Арбатскимъ воротамъ посланы были отряды развѣдать удобныя мѣста для стана; когда они возвратились, исполнивъ порученіе, то уже наступала ночь и Пожарскій рѣшился провести ее на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился. Трубецкой безпрестанно присылалъ звать Пожарскаго къ себѣ въ станъ, но воевода и вся рать отвѣчали: «отнюдь не бывать тому, чтобъ намъ стать вмѣстѣ съ козаками.» На другой день утромъ, когда ополченіе пододвинулось ближе къ Москвѣ, Трубецкой встрѣтилъ его съ своими ратными людьми и предлагалъ стать вмѣстѣ въ одномъ острогѣ, расположенномъ у Яузскихъ воротъ; но получилъ опять прежній отвѣтъ: «отнюдь намъ вмѣстѣ съ козаками не стаивать», и Пожарскій расположился въ особомъ острогѣ у Арбатскихъ воротъ; Трубецкой и козаки разсердились. Такимъ образомъ подъ Москвою открылось любопытное зрѣлище. Подъ ея стѣнами стояли два ополченія, имѣвшія, повидимому одну цѣль — вытѣснить враговъ изъ столицы, а между тѣмъ

рѣзко раздѣленныя и враждебныя другъ другу; старое ополченіе, состоявшее преимущественно изъ козаковъ, имѣвшее вождемъ Тушинскаго боярина, было представителемъ Россіи больной, представителемъ народонаселенія преждепогибшей южной украйны, народонаселенія съ противуобщественными стремленіями; второе ополченіе, находившееся подъ начальствомъ воеводы, знаменитаго своею вѣрностію установленному порядку, было представителемъ здоровой, свѣжей половины Россіи, того народонаселенія съ земскимъ характеромъ, которое въ самомъ началѣ смутъ выставило сопротивленіе ихъ исчадіямъ, воровскимъ слугамъ, и теперь, не смотря на всю видимую безнадежность положенія, на торжество козаковъ по смерти Ляпунова, собрало, съ большими пожертвованіями, послѣднія силы и выставило ихъ на очищеніе государства. Залогъ успѣха теперь заключался въ томъ, что эта здоровая часть Русскаго народонаселенія, сознавши, съ одной стороны, необходимость пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры и отечества, съ другой сознало ясно, гдѣ источникъ зла, гдѣ главный врагъ Московскаго государства, и порвала связь съ больною, зараженною частію. Слова Минина въ Нижнемъ: «Похотѣть намъ помочь Московскому государству, то не пожалѣть намъ ничего», и слова ополченія подъ Москвою: «отпюдь намъ съ козаками вмѣстѣ не стаивать» — вотъ слова, въ которыхъ высказалось внутреннее очищеніе, выздоровленіе Московскаго государства; чистое отдѣлилось отъ нечистаго, здоровое отъ зараженнаго, и очищеніе государства отъ враговъ внѣшнихъ было уже легко.

Это очищеніе было тѣмъ болѣе легко, что государство, съ которымъ должно было бороться, само страдало тяжкою, неизлѣчимою болѣзнію внутренняго безнарядья. Еще осенью 1611 года Поляки, находившіеся въ Москвѣ, послали сказать королю, что они долѣе 6 Января 1612 года здѣсь не останутся; когда назначенный срокъ прошелъ, они сдержали свое слово: собрали коло, выбрали маршалкомъ конфедераціи Іосифа Цеклинскаго и, въ числѣ 7000 коннаго войска, отправились въ Польшу требовать заслуженнаго жалованья. Въ Москвѣ осталась часть

Сапѣжинскаго войска и отрядъ, присланный изъ Смоленска съ двумя Конецпольскими; главнымъ начальникомъ вмѣсто Гонсѣвскаго Яковъ Потоцкій прислалъ племянника своего отъ сестры, Николая Струся, съ цѣлію мѣшать Ходкѣвичу. Четыре тысячи Сапѣжинцевъ, примкнувшіе было къ Ходкѣвичу, также, какъ говорятъ, по интригамъ партіи Потоцкаго, бросили гетманскій станъ, составили конфедерацію, выбрали себѣ въ маршалки Яна Залинскаго и ушли въ Литву. При такомъ состояніи дѣлъ мы не будемъ удивляться бездѣйствію Ходкѣвича въ продолженіи слишкомъ полугода; все что онъ могъ дѣлать — это снабжать осажденныхъ съѣстными прапасами.

21 Августа узналъ Пожарскій о движеніи Ходкѣвича изъ Вязьмы къ Москвѣ, и вечеромъ того же дня непріятель уже стоялъ на поклонной горѣ. Чтобъ загородить ему дорогу въ Кремль, Русское войско стало по обоимъ берегамъ Москвы рѣки: ополченіе Пожарскаго на лѣвомъ подлѣ Новодѣвичьяго монастыря, ополченіе Трубецкаго на правомъ у Крымскаго двора; Трубецкой прислалъ сказать Пожарскому, что для успѣшнаго нападенія на гетмана со стороны ему необходимо нѣсколько конныхъ сотенъ; Пожарскій выбралъ пять лучшихъ сотенъ и отправилъ ихъ на тотъ берегъ. На разсвѣтѣ 22 числа гетманъ перешелъ Москву рѣку у Новодѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго; бой продолжался съ перваго часа по восходѣ солнечномъ до осьмаго, и грозилъ окончиться дурно для Пожарскаго; онъ былъ уже придвинутъ къ Чертольскимъ воротамъ, и видя, что Русская конница не въ состояніи бороться съ Польскою, велѣлъ всей своей рати сойти съ коней, но при этой перемѣнѣ строя русскіе люди едва могли сдерживать натискъ непріятеля. А на другомъ берегу ополченіе Трубецкаго стояло въ совершенномъ бездѣйствіи: козаки спокойно смотрѣли на битву и ругались надъ дворянами: «богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана,» кричали они. Но не могли спокойно смотрѣть на битву головы тѣхъ сотенъ, которыя были отдѣлены къ Трубецкому изъ ополченія Пожарскаго: они двинулись на выручку своихъ, Трубецкой

не хотѣлъ было отпускать ихъ, но они его не послушали и быстро рванулись черезъ рѣку; примѣръ ихъ увлекъ и нѣкоторыхъ козаковъ: атаманы: Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломпа, Дружина Романовъ и Марко Козловъ пошли за ними, крича Трубецкому: «отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится»! Приходъ на помощь свѣжаго отряда рѣшилъ дѣло въ пользу Пожарскаго; гетманъ, потерявши надежду пробиться съ этой стороны къ Кремлю, отступилъ назадъ къ Поклонной горѣ; съ другой стороны Кремлевскіе Поляки, сдѣлавшіе вылазку для очистки Водяныхъ возотъ, были побиты и потеряли знамена. Но въ ночь четыреста воровъ съ запасами подъ прикрытіемъ отряда изъ 600 человѣкъ пробрались къ городу: дорогу указывалъ Русскій, Григорій Орловъ; стража, опередившая возы, успѣла уже войти въ городъ, какъ явились Русскіе, начали сильную перестрѣлку и овладѣли возами.

23 числа осажденные снова сдѣлали вылазку изъ Китая города и на этотъ разъ удачно; они переправились черезъ Москву рѣку, взяли Русскій острогъ, бывшій у церкви св. Георгія (въ Яндовѣ) и засѣли тутъ, распустивши на колокольнѣ Польское знамя. Другаго дѣла 23 числа не было: гетманъ употребилъ этотъ день на передвижку своего войска отъ Поклонной горы къ Донскому монастырю, чтобъ пробиться къ городу по Замоскворѣчью черезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы; очень быть можетъ, что онъ не надѣялся встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны стоявшихъ здѣсь козаковъ Трубецкаго, ибо видѣлъ равнодушіе ихъ наканунѣ; онъ могъ надѣяться, что ополченіе Пожарскаго захочетъ отомстить козакамъ и не двинется къ нимъ на помощь. На этотъ разъ Трубецкой расположился по берегу Москвы рѣки отъ Лужниковъ (старыхъ), его же козацкій отрядъ сидѣлъ въ острогѣ у церкви св. Климента (на Пятницкой). Обозъ Пожарскаго былъ расположенъ по прежнему на лѣвомъ берегу, подлѣ церкви Иліи Обыденнаго; но самъ Пожарскій съ большею частію вой-

ока переправился на Замоскворѣчье, чтобъ вмѣстѣ съ Трубецкимъ не пропускать гетмана въ городъ.

24 числа, въ понедѣльникъ, опять на разсвѣтѣ, начался бой и продолжался до шестаго часа по восхожденіи солнца; Поляки смяли Русскихъ и втоптали ихъ въ рѣку, такъ что самъ Пожарскій съ своимъ полкомъ едва устоялъ, и принужденъ былъ переправиться на лѣвый берегъ; Трубецкой съ своими козаками ушелъ въ таборы за рѣку; козаки покинули и Клементьевскій острожекъ, который тотчасъ же былъ занятъ Поляками вышедшими изъ Китая города. Поляки по обычаю, распустили свои знамена на церкви св. Климента; этотъ видъ Литовскихъ знаменъ на православной церкви раздражилъ козаковъ: они съ яростію бросились опять къ острожку и выбили оттуда Поляковъ; но одно чувство у этихъ дикарей быстро смѣнялось другимъ: увидавъ, что они одни бьются съ непріятелемъ, а дворяне Пожарскаго имъ не помогаютъ, козаки въ сердцахъ опять вышли изъ острога, ругая дворянъ; «они богаты и ничего не хотятъ дѣлать, мы наги и голодны и одни бьемся; такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда.» Клементьевскій острогъ опять былъ занятъ Поляками и гетманъ расположилъ свой обозъ у церкви великомученицы Екатерины (на Ордынкѣ). Видя успѣхъ непріятеля; видя съ другой стороны, что съ однимъ своимъ ополченіемъ нельзя поправить дѣло, Пожарскій и Мининъ послали князя Дмитрія Петровича Лопату-Пожарскаго за Келаремъ Авраміемъ Палицынымъ, который въ это время въ обозѣ, у церкви Иліи Обыденнаго служилъ молебенъ. Пожарскій упросилъ Авраміа въ сопровожденіи многихъ дворянъ отправиться въ станъ къ козакамъ и уговорить ихъ, чтобъ шли противъ Поляковъ и постарались не пропустить запасовъ въ Китай и Кремль. Келарь отправился сначала къ самому важному мѣсту, къ Клементьевскому острогу, у котораго еще стояла толпа козаковъ; и началъ говорить имъ: «Отъ васъ началось дѣло доброе, вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростію: а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ

погубить?» Эти слова тронули козаковъ: они отвѣчали, что готовы идти на враговъ и помрутъ, а безъ побѣды не возвратятся, только пусть келарь ѣдетъ въ таборы къ другимъ козакамъ и уговоритъ ихъ также вступить въ дѣло. Келарь поѣхалъ и на берегу рѣки увидалъ множество козаковъ, которые сбирались переходить на тотъ берегъ въ свои таборы; Палицынъ уговорилъ и ихъ возвратиться назадъ; другіе козаки, которые стояли уже на другомъ берегу, видя что братья ихъ возвращаются назадъ, не зная еще въ чемъ дѣло, бросились также назадъ черезъ рѣку, одни въ бродъ, другіе по лавамъ; видя, что дѣло пошло на ладъ, Палицынъ переѣхалъ черезъ рѣку въ самые таборы козацкіе: здѣсь одни козаки преспокойно пили, другіе играли въ зернь, но Палицынъ успѣлъ и ихъ уговорить, и вотъ вся эта толпа оборванцевъ, босыхъ, нагихъ (ибо все награбленное тотчасъ пропивалось и проигрывалось) бросилась черезъ рѣку по слѣдамъ товарищей, съ крикомъ: «Сергіевъ! Сергіевъ»! Видя общее движеніе козаковъ, ополченіе Пожарскаго также двинулись впередъ, острогъ Климентьевскій былъ снова взятъ у Поляковъ, и Русская пѣхота залегла по ямамъ и крапивамъ по всѣмъ дорогамъ, чтобъ не пропускать гетмана къ городу.

Уже начинало темнѣть, а рѣшительнаго еще ничего не было; по всѣмъ полкамъ пѣли молебны со слезами, чтобъ Богъ избавилъ отъ погибели Московское государство, дали обѣтъ всею ратью поставить три храма: во имя Срѣтенія Богородицы, Іоанна Богослова и Петра митрополита. Сдѣлать рѣшительный шагъ суждено было человѣку, который началъ великое дѣло: Мининъ подошелъ къ Пожарскому и началъ просить у него людей, чтобъ промыслить надъ гетманомъ: «Бери кого хочешь», отвѣчалъ ему князь Дмитрій. Мининъ взялъ уже извѣстнаго намъ перебѣжчика Поляка, ротмистра Хмѣлевскаго, да три дворянскихъ сотни, перешелъ рѣку и устремился на двѣ Польскія роты, конную и пѣшую, стоявшія у Крымскаго двора; тѣ испугались и, не дожидаясь удара отъ Русскихъ, бросились бѣжать къ гетманскому стану, причемъ одна рота

сняла другую; видя это, Русская пѣхота выскочила изъ ямъ, и пошла также къ Польскимъ таборамъ, а за нею двинулось и все конное ополченіе; Поляки не могли выдержать этого дружнаго натиска: потерявши 500 человѣкъ — потеря страшная при малочисленности его войска! — гетманъ вышелъ изъ Екатерининскаго стана и отступилъ на Воробьевы горы; разгоряченные Русскіе ратники хотѣли преслѣдовать непріятеля, но осторожные воеводы остановили ихъ, говоря, что не бываетъ на одинъ день по двѣ радости; только сильная стрѣльба продолжалась два часа: въ полкахъ нельзя было разслышать голоса человѣческаго, и небо было въ заревѣ, точно отъ пожара. На другой день восходящее солнце застало гетмана уже на дорогѣ къ Можайску.

Соединенными усиліями обоихъ ополченій гетманъ былъ отраженъ и къ сидѣвшимъ въ Кремлѣ и Китаѣ Полякамъ не пропущено припасовъ; надобно было теперь думать о томъ, какъ бы стѣснить ихъ окончательно; но пошла опять рознь между ополченіями Трубецкаго и Пожарскаго, то есть между козаками и дворянами: князь Трубецкой, какъ бояринъ, требовалъ, чтобъ стольникъ князь Пожарскій и торговый человѣкъ Мининъ ѣздили къ нему въ таборы для совѣта; но тѣ никакъ не согласились, не потому, говоритъ лѣтопись, чтобъ считали это для себя унизительнымъ, но боясь убійства отъ козаковъ. Скоро явились новые поджигатели вражды, о дѣйствіяхъ которыхъ такъ разсказываетъ грамота, разосланная по городамъ отъ Пожарскаго: «По благословенію великаго господина преосвященнаго Кирилла, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собора, по совѣту и приговору всей земли, пришли мы подъ Москву, и въ гетманскій приходъ съ Польскими и Литовскими людьми, съ Черкасами и Венграми бились мы четыре дня и четыре ночи. Божіею милостію и Пречистой Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іоны и Русской земли заступника великаго чудотворца Сергія и всѣхъ святыхъ молитвами, всемірныхъ враговъ нашихъ, гетмана Хоткѣева съ Польскими и Литов-

скими людьми, съ Венграми, Нѣмцами и Черкасами отъ острожковъ отбили, въ городъ ихъ съ запасами не пропустили, и гетманъ со всѣми людьми пошелъ къ Можайску. Иванъ и Василій Шереметевы до 5-го Сентября къ намъ не бывали; 5-го Сентября пріѣхали, стали въ полкахъ князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, и началъ Иванъ Шереметевъ съ старыми заводчиками всякаго зла, съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ да съ Иваномъ Плещеевымъ да съ княземъ Иваномъ Засѣкинымъ атамановъ и козаковъ научать на всякое зло, чтобъ раздѣленіе и ссору въ землѣ учинить, начали наговаривать атамановъ и козаковъ на то, чтобъ шли по городамъ, въ Ярославль, Вологду и другіе города православныхъ христіанъ раззорять. Да Иванъ же Шереметевъ съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ научаютъ атамановъ и козаковъ, чтобъ у насъ начальника, князя Дмитрія Михайловича, убить, какъ Прокофья Ляпунова убили, а Прокофій убитъ отъ завода Ивана же Шереметева, и насъ бы всѣхъ ратныхъ людей перебрабить и отъ Москвы отогнать. У Ивана Шереметева съ товарищами, у атамановъ и козаковъ такое умышленье, чтобъ Литва въ Москвѣ сидѣла, а имъ бы по своему таборскому воровскому начинанью все дѣлать, государство раззорять и православныхъ христіанъ побивать. Такъ вамъ бы, господа, про такое злое начинанье было вѣдомо, а жить бы вамъ съ великимъ опасеньемъ и къ намъ обо всемъ отписать, какъ намъ противъ такихъ воровскихъ заводовъ стоять.»

Важнѣе всего, разумѣется, было не допустить козаковъ уйти изъ-подъ Москвы и овладѣть сѣверными городами. Козаки кричали, что они голодны и холодны, не могутъ долѣе стоять подъ Москвою, пусть стоятъ подъ нею богатые дворяне. Услыхавши о томъ, какъ рушится доброе дѣло подъ Москвою, Троицкій архимандритъ Діонисій созываетъ братію на соборъ для совѣта: что дѣлать? денегъ въ монастырѣ нѣтъ, нечего послать козакамъ; какую имъ почесть оказать и упросить, чтобъ отъ Москвы не расходились, не отомстивши врагамъ крови христіанской? Приговорили послать козакамъ сокровища

церковныя, ризы, стихари, епитрахили саженыя въ закладъ въ тысячѣ рубляхъ на короткое время, написали имъ и грамоту. Но посылка тронула козаковъ: совѣстно, страшно показалось имъ брать въ закладъ церковныя вещи изъ монастыря св. Сергія, и они возвратили ихъ въ монастырь съ двумя атаманами, и въ грамотѣ обѣщались все претерпѣть, а отъ Москвы не уйти. Надобно было послѣ этого уладить дѣло между воеводами: приговорили всею ратью, что Пожарскій и Мининъ въ казацкіе таборы ѣздить не будутъ, а будутъ всѣ воеводы съѣзжаться на среднемъ мѣстѣ на Неглинной и промышлять земскимъ дѣломъ. Воеводы разослали по городамъ грамоты: «Были у насъ до сихъ поръ разряды разные, а теперь по милости Божіей, мы Дмитрій Трубецкой и Дмитрій Пожарскій, по челобитью и приговору всѣхъ чиновъ людей, стали за одно и укрѣпились, что намъ да выборному человѣку Кузьмѣ Минину Москвы доступать и Россійскому государству во всемъ добра хотѣть безъ всякой хитрости, а разрядъ и всякіе приказы поставили мы на Неглинной, на Трубѣ, снесли въ одно мѣсто и всякія дѣла дѣлаемъ за одно, и надъ Московскими сидѣльцами промышляемъ: у Пушечнаго двора и въ Егорьевскомъ монастырѣ, да у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ поставили туры, и изъ за нихъ по городу бьемъ изъ пушекъ безпрестанно и всякими промыслами промышляемъ. Выходятъ изъ города къ намъ выходцы, Русскіе, Литовскіе, Нѣмецкіе люди и сказываютъ, что въ городѣ изъ нашихъ пушекъ побивается много людей, да много помираетъ отъ тѣсноты и голоду, ѣдятъ Литовскіе люди человѣчину, а хлѣба и никакихъ другихъ запасовъ ничего у нихъ не осталось, и мы надѣемся овладѣть Москвою скоро. И вамъ бы, господа, во всякихъ дѣлахъ слушать нашихъ грамотъ — Дмитрія Трубецкаго и Дмитрія Пожарскаго и писать объ всякихъ дѣлахъ къ намъ обоимъ; а которыя грамоты станутъ приходить къ вамъ отъ кого-нибудь одного изъ насъ, то вы бы этимъ грамотамъ не вѣрили.»

Когда такимъ образомъ дѣло уладилось подъ Москвою, при-

шли дурныя вѣсти съ сѣвера: Малороссійскіе козаки или Черкасы, отдѣлившись отъ Ходкѣвича, подошли нечаянно къ Вологдѣ и взяли ее, Вологодскій архіепископъ Сильвестръ такъ описывалъ это происшествіе въ грамотѣ къ Пожарскому: «22 Сентября, за часъ до восхожденія солнца разорители православной вѣры пришли на Вологду безвѣстно изгономъ, городъ взяли, людей всякихъ посѣкли, церкви Божіи поругали, городъ и посады выжгли до основанія; воевода князь Иванъ Одоевскій-Меньшой ушелъ, а другаго воеводу князя Григорья Долгорукаго и дьяка Корташова убили; меня грѣшнаго взяли въ полонъ и держали у себя четыре ночи, много разъ приводили къ казни, но Господь смилосердовался, чуть живаго отпустили. А когда они пришли къ Вологдѣ, то воеводскимъ нерадѣньемъ и оплошествомъ, отъ города отъѣзжихъ карауловъ, сторожей на башняхъ, на острогѣ и на городской стѣнѣ, головы и сотниковъ съ стрѣльцами, у наряда пушкарей и затинщиковъ не было; были у воротъ на караулѣ немногіе люди, и тѣ не слыхали, какъ Литовскіе люди въ городъ вошли, а большія ворота были не замкнуты. Польскіе и Литовскіе люди пошли съ Вологды 25 Сентября; и теперь, господа, городъ Вологда жженое мѣсто, окрѣпить для осады и нарядъ прибрать некому; Вологжане, которые убѣжали, въ городъ сходиться не смѣютъ; пришелъ съ Бѣлаозера воевода Образцовъ съ своимъ полкомъ и сѣлъ на Вологдѣ, но его никто не слушаетъ, другъ друга грабятъ: такъ вамъ бы, господа, прислать на Вологду воеводу крѣпкаго и дьяка; а все, господа, дѣлалось хмѣлемъ, пропили городъ Вологду воеводы.»

Съ другой стороны приходили въ Москву вѣсти, что Ходкѣвичь хочетъ прислать въ расплохъ отряды и провезти запасы осажденнымъ въ Китай и Кремль. Воеводы стали думать, какъ бы не пропустить Поляковъ и велѣли всей рати плести плетеницы и копать большой ровъ на Замоскворѣцкомъ полуостровѣ, отъ одного берега рѣки до другаго; сами воеводы стояли попеременно день и ночь, наблюдая за работами. Еще въ половинѣ Сентября Пожарскій послалъ въ кремль грамоту: «Полкови-

камъ и всему рыцарству, Нѣмцамъ, Черкасамъ и гайдукамъ, которые сидятъ въ кремлѣ, князь Дмитрій Пожарскій челомъ бьетъ. Вѣдомо намъ, что вы, будучи въ городѣ въ осадѣ, голодъ безмѣрный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крѣпитъ васъ и упрашиваетъ Николай Струсь, да Московскаго государства измѣнники, Ѳедька Андроновъ съ товарищами, которые сидятъ съ вами вмѣстѣ для своего живота. Вамъ самимъ вѣдомо, въ прошломъ году (по Сентябрьскому счету) Карлъ Ходкѣвичь былъ здѣсь со всѣмъ своимъ войскомъ, панъ Сапѣга съ великимъ собраніемъ, а въ Москвѣ Польскіе люди сидѣли съ Зборовскимъ и другими многими полковниками, войска Польскаго и Литовскаго было тогда много: но мы, надѣясь на милость Божію, Польскихъ и Литовскихъ людей не побоялись. Теперь же вы сами гетмановъ приходъ видѣли, и какъ гетманъ отъ насъ отошелъ, а мы еще и не со всѣми людьми были. Гетмана въ другой разъ не ждите: Черкасы, которые были съ нимъ, покинули его и пошли въ Литву; самъ гетманъ ушелъ въ Смоленскъ, гдѣ нѣтъ никого прибылыхъ людей, Сапѣжинское войско все въ Польшѣ. Вѣдаете сами, какая въ Москвѣ неправда сталась отъ Жигимонта короля да отъ Польскихъ и Литовскихъ людей: и вамъ бы въ той неправдѣ душъ своихъ не погубить, такой нужды и голоду за неправду терпѣть нечего; присылайте къ намъ не мѣшкая, сберегите головы ваши и животы ваши въ цѣлости, а я возьму на свою душу и у всѣхъ ратныхъ людей упрошу: которые изъ васъ захотятъ въ свою землю, тѣхъ отпустимъ безо всякой зацѣпки, а которые захотятъ Московскому государю служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству.» Отвѣтомъ былъ гордый и грубый отказъ, не смотря на то, что голодъ былъ ужасный; отцы ѣли дѣтей своихъ, одинъ гайдукъ съѣлъ сына, другой мать, одинъ товарищъ съѣлъ слугу своего; ротмистръ, посаженный судить виновныхъ, убѣжалъ съ судилища, боясь, чтобъ обвиненные не съѣли судью.

Наконецъ 22 Октября козаки пошли на приступъ и взяли Китай городъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ;

чтобъ избавиться отъ лишнихъ ртовъ, они велѣли боярамъ и всѣмъ Русскимъ людямъ выслать своихъ женъ вонъ изъ кремля. Бояре сильно вступили и послали къ Пожарскому, Минину и всѣмъ ратнымъ людямъ съ просьбою, чтобъ пожаловали, приняли ихъ женъ безъ позору. Пожарскій велѣлъ сказать имъ, чтобъ выпускали женщинъ безъ страха, и самъ пошелъ принимать ихъ, принялъ всѣхъ честно и каждую проводилъ къ своему пріятелю, приказавши всѣмъ ихъ довольствовать. Козаки взволновались и опять послышались среди нихъ обычныя угрозы — убить князя Дмитрія, зачѣмъ не далъ имъ грабить боярынь. Доведенные голодомъ до крайности, Поляки вступили въ переговоры съ ополченіемъ, требуя только одного, чтобъ имъ сохранена была жизнь, что̀ и было обѣщано. Сперва выпустили бояръ — князя Θедора Ивановича Мстиславскаго, Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова съ племянникомъ Михаиломъ Θедоровичемъ и матерью послѣдняго Марθою Ивановною и всѣхъ другихъ Русскихъ людей. Когда козаки увидали, что бояре собрались на каменномъ мосту, ведшемъ изъ кремля черезъ Неглинную, то хотѣли броситься на нихъ, но были удержаны ополченіемъ Пожарскаго и принуждены возвратиться въ таборы, послѣ чего бояре были приняты съ большою честію. На другой день сдались и Поляки: Струсь съ своимъ полкомъ достался козакамъ Трубецкаго, которые многихъ плѣнныхъ ограбили и побили; Будзило съ своимъ полкомъ отведенъ былъ къ ратникамъ Пожарскаго, которые не тронули ни одного Поляка. Струсь былъ допрошенъ, Андронова пытали, сколько сокровищъ царскихъ утрачено, сколько осталось? Отыскали и старинныя шапки царскія, которыя отданы были въ закладъ Сапѣжинцамъ, оставшиися въ кремлѣ. 27 Ноября ополченіе Трубецкаго сошлось къ церкви Казанской Богородицы за Покровскими воротами, ополченіе Пожарскаго къ церкви Іоанна Милостиваго на Арбатѣ, и взявши кресты и образа, двинулись въ Китай городъ съ двухъ разныхъ сторонъ, въ сопровожденіи всѣхъ Московскихъ жителей; ополченія сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ Троицкій ар-

химандритъ Діонисій началъ служить молебенъ, и вотъ изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ, изъ кремля показался другой крестный ходъ: шелъ Галасунскій (Архангельскій) архіепископъ Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ и несли Владимирскую: вопль и рыданія раздались въ народѣ, который уже потерялъ было надежду когда либо увидать этотъ дорогой для Москвичей и всѣхъ Русскихъ образъ. Послѣ молебна войско и народъ двинулись въ кремль, и здѣсь печаль смѣнила радость, когда увидали, въ какомъ положеніи озлобленные иновѣрцы оставили церкви: вездѣ нечистота, образа разсѣчены, глаза вывернуты, престолы ободраны; въ чанахъ приготовлена страшная пища — человѣческіе трупы! Обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ окончилось великое народное торжество, подобное которому видѣли отцы наши ровно черезъ два вѣка.

Трубецкой поселился въ кремлѣ, на дворѣ Годунова, куда для совѣщаній пріѣзжалъ къ нему Пожарскій, помѣстившійся на Арбатѣ, въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Козаки по прежнему не давали имъ покоя, все требуя жалованья; они позабыли, говоритъ лѣтописецъ, что всю казну во многихъ городахъ выграбили; однажды ворвались они въ кремль, крича, что побьютъ начальныхъ людей, дворяне остановили ихъ, и едва между ними и дворянами не дошло до боя. А между тѣмъ схватили какихъ то подозрительныхъ людей; оказалось, что то были Вяземскіе дѣти боярскіе, отобрали у нихъ грамоты, изъ грамотъ узнали, что въ Вязьмѣ самъ король Сигизмундъ...

Когда въ Варшавѣ узнали, что дѣла идутъ плохо въ Москвѣ для Поляковъ, то нашлось много людей, которые сложили всю вину на короля, упрекали его въ медленности, въ неумѣньи пользоваться обстоятельствами, требовали, чтобъ онъ какъ можно скорѣе шелъ къ Москвѣ и поправилъ дѣло, но никто не указывалъ, съ какими средствами, съ какимъ войскомъ королю идти къ Москвѣ. Король однако пошелъ; въ Августѣ онъ пріѣхалъ въ Вильну и ждалъ войска, но войско не являлось ни откуда; потому что у короля денегъ не

билъ; кое как набравъ Сигизмундъ три тысячи Нѣмцевъ, изъ которыхъ составилъ два пѣхотныхъ полка и отправился съ ними къ Смоленску, куда прибылъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Онъ надѣялся, что конница или рыцарство, находившееся въ Смоленскѣ, примкнетъ къ нему, но получилъ отказъ; онъ созвалъ коло, и въ горячей рѣчи умолялъ войско слѣдовать за нимъ — но все понапрасну. Грустный король двинулся изъ Смоленска съ одною своею Нѣмецкою пѣхотою, а тутъ еще печальное предзнаменованіе: только что онъ хотѣлъ проѣхать въ ворота называвшіеся Царскими, какъ затворы сорвались съ петель упали и загородили дорогу: король долженъ былъ выѣхать въ другіе ворота. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ рыцарства стало стыдно, что отпустили короля своего съ горстью наемниковъ въ землю непріятельскую, и 1200 человѣкъ конницы пагнали короля на дорогѣ въ Вязьму; въ этомъ городѣ онъ соединился съ Ходкѣвичемъ и пошелъ осаждать Погорѣлое Городище; здѣсь сидѣлъ воеводою князь Юрій Шаховской, который на требованіе сдачи отвѣчалъ королю: «Ступай къ Москвѣ; будетъ Москва за тобою, и мы твои.» Король послушался и пошелъ дальше. Подступивъ подъ Волокъ-Ламскій, онъ отправилъ къ Москвѣ отрядъ войска подъ начальствомъ молодаго Адама Жолкѣвскаго: съ нимъ отпущены были князь Данила Мезецкій, товарищъ Филарета и Голицына по посольству, и дьякъ Грамотинъ, которые должны были уговаривать Москвитянъ къ покорности Владиславу. Въ Москвѣ, когда узнали о приближеніи короля, то на воеводъ напалъ сильный страхъ; ибо ратные люди почти всѣ разъѣхались, выйти на встрѣчу къ непріятелю было не съ кѣмъ, сѣсть въ осадѣ также нельзя, потому что не было достаточно съѣстныхъ припасовъ. Не смотря на это, рѣшили—помереть всѣмъ вмѣстѣ, и когда отрядъ Жолкѣвскаго приблизился къ Москвѣ, то его встрѣтили мужественно и прогнали. При этой схваткѣ былъ взятъ въ плѣнъ Поляками Смолянинъ Иванъ Философовъ; Жолкѣвскій велѣлъ распрашивать плѣнника, хотятъ ли Москвичи взять королевича на царство, людна ли Москва и есть ли въ ней запасы? Философовъ отвѣ-

вилъ рѣшительно, что Москва и людна и хлѣбна, и всѣ обѣщались померетъ за православную вѣру, а королевича на царство не брать; тоже самое Философовъ повторилъ и передъ самимъ королемъ. Дѣйствительно ни одинъ городъ не сдавался, ни одинъ Русскій человѣкъ не пріѣзжалъ въ станъ бить челомъ королевичу. Потерявши всякую надежду овладѣть Москвою, Сигизмундъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Волоколамскъ и велѣлъ приступать къ нему жестокими приступами; воеводами были здѣсь Корамышевъ и Чемесовъ, но отъ нихъ, говоритъ лѣтописецъ, мало было промыслу въ городѣ, весь промыслъ былъ отъ атамановъ — Нелюба Маркова и Ивана Епанчина; подъ ихъ начальствомъ осажденные бились на приступахъ съ ожесточеніемъ, едва не схватываясь за руки съ непріятелемъ, и на трехъ приступахъ побили много Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей. Король, видя и тутъ неудачу, снялъ осаду Волока, и пошелъ назадъ; тутъ были новыя потери въ его маленькомъ войскѣ отъ голода и холода. Князь Данила Мезецкій убѣжалъ отъ короля съ дороги, и, пріѣхавши въ Москву, объявилъ, что Сигизмундъ пошелъ прямо въ Польшу со всѣми людьми.

Какъ силенъ былъ прежде страхъ, нагнанный приближеніемъ Сигизмунда къ Москвѣ, такъ сильна была теперь радость, когда узнали объ его отступленіи отъ Волока. Дѣло очищенія государства казалось конченнымъ. Пришла вѣсть, что и врагъ внутренній потерпѣлъ неудачу; Заруцкій съ воровскими козаками вышелъ изъ Михайлова и взялъ приступомъ Переяславль Рязанскій; но Михайла Матвѣевичъ Бутурлинъ разбилъ его на голову и принудилъ бѣжать.

Отступленіе Сигизмунда дало досугъ заняться избраніемъ царя всею землею. Разосланы были грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что Москва отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись и Божіе имя славится въ нихъ по прежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься

объ немъ и людьми Божіими промышлять некому, безъ государя въ досталь Московское государство раззорятъ всё; безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется и воровство многое множится: и потому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія всѣ города прислали бы въ Москву жь, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраньи полные договоры. Когда съѣхалось довольно многоластей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ, или своего природнаго Русскаго? и порѣшили: «Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ Нѣмецкихъ вѣръ и никоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры Греческаго закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что Польскаго и Нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: Литовскій король Московское государство раззорилъ, а Шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ.» Стали выбирать своихъ: тутъ начались казни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верхъ. Однажды, говоритъ хронографъ, какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Өедоровичь Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ это время

выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе: «что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій: «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинакое мнѣніе, поданное дворяниномъ и Донскимъ атаманомъ рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳедоровичь былъ провозглашенъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разъѣхались изъ Москвы: имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ вывѣдать мысль народа насчетъ новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли — отъ 8 до 21 Февраля 1613 года. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила царемъ. 21 Февраля, въ недѣлю Православія, т. е. въ первое Воскресенье Великаго поста былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Ѳедоровича Романова. Тогда Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Аврамій Палицынъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичь Морозовъ пошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари? — «Михаила Ѳедоровича Романова» — былъ отвѣтъ [95].

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Лѣтоп. о мятеж. стр. 46

2) Понятно, что о случившемся при смерти Өеодора ходили разные слухи, записанные иностранцами; наприм. Буссовъ разсказываетъ, что царица Ирина убѣждала мужа вручить скипетръ брату ея, Годунову; но царь предложилъ скипетръ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Өедору Никитичу Романову, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Өедоръ Никитичъ уступалъ скипетръ брату своему Александру, Александръ третьему брату, Ивану, Иванъ Михаилу, Михаилъ какому-то знаменитому князю, такъ что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его. Царь, долго передавая жезлъ изъ рукъ въ руки, потерялъ терпѣніе и сказалъ: «такъ возьми же его, кто хочетъ!» Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ протянулъ руку Годуновъ и схватилъ скипетръ. — Въ нашихъ хронографахъ, (какъ на прим. въ хронографѣ Румянц. Муз. № 457 и др.) сказано: благословилъ и приказалъ быть по себѣ на престолѣ Москов. г-ства братаничу своему, Өедору Никитичу Романову. Но слова избирательной грамоты Мих. Өедор. рѣшаютъ дѣло.

3) Синбирскій Сборн. Введеніе къ разрядной.

4) Акты арх. эксп. II, № 6.

5) С. г. г. и д. II, № 82.

6) Лѣтоп. о мятеж. 48.

7) Акты арх. эксп. II, № 7. Шиль въ Sammel. von Wichmann, 451, 452; Де Ту-Hist. univers. CXX, 180.

8) Маржеретъ.

9) Буссовъ въ Rerum Rossic. scriptores exteri; Хронографы, какъ напр. хроногр. Румянцев. Музея. № 457 и др.

10) Вспомнимъ приведенное выше извѣстіе, что чрезвычайные, великіе соборы созывались по пятницамъ.

11) Кто исчислялъ? по всему видно, что патріархъ съ своими единомышленниками. Въ актѣ сказано очень неопредѣленно: «И сіе въ свидѣтельство приводяще.»

12) Это извѣстіе находится у Татищева въ неизданныхъ его бумагахъ (Библ. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Татищевск. бумаги въ портф. Мюллера, тетр. № 7): Извѣстіе это читается такъ у Татищ.: Онъ же яко волкъ одѣвся въ одежду овчію, такъ долго искавъ, нынѣ сталъ отрицаться и по неколикократномъ прошеніи онъ уѣхалъ къ царицѣ въ Новодѣвичь монастырь, причина жъ тому была сія, что боляре хотѣли, чтобъ онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ, чего онъ учинить и явно отказать не хотѣлъ, надѣяся, что простой народъ выбрать его безъ договора боляръ принудитъ. Сіе его отрицаніе и упрямство видя, Шуйскіе начали говорить, что непристойно болѣе его просить, и представляли, чтобъ обирать иного. Тогда патріархъ пошелъ съ крестнымъ ходомъ, и Годуновъ безо всякаго отрицанія принялъ.

13) Дополн. къ акт. истор. II, № 76; яко братію и царствію помогателя имѣти.

14) Хроногр. Карамзинскій, № 3 (въ Археогр. коммисс.); также рукоп. Импер. Публ. Библ. № 1406, 1411.

15) Акты арх. эксп. II, № 10.

16) ТЖ. № 1.

17) Маржеретъ. Лѣтоп. о мятеж. стр. 50.

18) Акты арх. эксп. II, № 6.

19) ТЖ. № 8; Дополн. къ акт. истор. I, № 145.

20) Палицынъ; хроногр. Имп. Публ. Библ. № 198.

21) Шиля—Relation, стр. 462; Буссовъ; С. г. г. и д. II, стр. 156, 157; Дополн. къ акт. истор. I. № 146; Москвитянинъ 1844 г., № 5.

22) Дѣла Польск. № 24; Adelung—übersicht. der Reisend. II, 13, Trebickiego Posolstwo Lva Sapiehy; Histor. Russ. Monum. I, № XXXI; Zycie Lwa Sapiehy, у Бобровича—Zycia slawnych polaków, t. IV.

23) Архивъ мин. Ин. Д. наказъ Клаусу какъ склонять жителей Риги къ подданству; царскія грамоты Псковскимъ и Иванъ-городскимъ воеводамъ; грамота Густава къ Карлу Шведскому; Петрей; Adelung-übersicht, II, 4.

24) Архивъ мин. Ин. Д. Выписка о пріѣздѣ королевича Густава; наказъ Клаусу. — По смерти Годунова Густавъ былъ переведенъ въ Ярославль, потомъ въ Кашинъ, гдѣ и умеръ, см. Буссова.

25) Дѣла Датскія, архивъ древній 1516 — 1603, связка 1; Бюшингов Магазинъ, VII, VIII; лѣтоп. о мятеж. стр. 66.

26) Памятн. дипломат. снош. т. II; Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла Англійскія въ царств. Годунова.

27) Арх. Мин. Ин. Д. о пріѣздѣ Любскихъ и иныхъ поморскихъ вольныхъ городовъ пословъ; Мюллера — Samml. russ. Gesch. V. 164; Histor. Russ. Monim. II, № XXXII, XXXIII, XXXIV; лѣтоп. о мятеж. 65.

28) Дѣла Крымскія въ столбцахъ, № 2; Памят. диплом. снош. II, стр. 720.

29) Арх. Мин. Ин. Д. бумаги о пріѣздѣ Грузинскихъ пословъ и донесеніе Москов. посланника Татищева; Лѣтоп. о мятеж. стр. 68.

30) Дѣла Нагайскія (1601 — 1604 г.); Лѣтоп. о мятеж. 53.

31) Акты истор. II, № 1, 7 — 23, 26, 28, 29, 30, 35, 36, 39, 40 — 43, 45, 50 — 52, 345, 346.

32) С. г. г. и д. II, № 73; Акты арх. эксп. II, № 11; Акты истор. II, № 48, 223.

33) Дѣла Датскія, связка 1-я.

34) Мы видѣли, что по Флетчеру, стрѣльцы получали по семи рублей въ годъ; не можетъ быть, чтобъ при Борисѣ жалованье было уменьшено, слѣд. тотъ или другой ошибся; впрочемъ Флетчеръ могъ смѣшать жалованье десятника съ жалованьемъ простаго стрѣльца.

35) Буссовъ.

36) С. г. г. и д. II, № 71 и 72.

37) Цѣны этимъ товарамъ: сукна страфили середней земли по 14 рублей поставъ; сукна стамбреды по 3 рубля съ четвертью половинка; сукна Жеганской земли по 2 рубля половинка; сукна калитки по 3 рубля половинка. Бочка вина краснаго по 4 рубля бочка, вино бѣлое по тойже цѣнѣ; сахаръ по 6 рубл. пудъ; перецъ черный по 3 рубля пудъ; мѣдь красная по 2 рубля по 4 гривны пудъ, мѣдь волоченая по 2 рубля 20 алтынъ пудъ; мѣдь въ тазахъ по 2 съ полтиною пудъ; мѣдь зеленая въ котлахъ по 2 съ полтиною пудъ; мѣдь паздера по 4 рубля; мѣдь зеленая тонкая по 3 рубля; желѣзо бѣлое по 5 рублей четвертинка; пудъ ладану по 3 рубля; пудъ зелья пищальнаго по 3 рубля; пудъ бумаги хлопчатой по 2; стопа бумаги писчей 4 гривны; бочка сельдей 2 рубля; пудъ соли алтынъ; сукна лундыши по 20 алтынъ аршинъ, по 20 рублей половинка; сѣра горячая по 20 алтынъ пудъ; зеркала по гривнѣ штука; изюмъ по 30 алтынъ пудъ; атласъ полузолотный по 30 алтынъ аршинъ и по 20; литра золота и сребра пряденаго по 5 рублей; бочка лимоновъ по 3 рубля, бочка романеи 13 рублей; пудъ мыла греческаго 60 алтынъ; яхонтъ 50 рублей; ожерелья по 20 рублей; Кипа суконъ Рославскихъ по 40 рублей; пудъ винныхъ ягодъ 20 алтынъ; пудъ черносливу четыре грив-

ям; берковецъ сандалу по 5 рублей; пудъ цылибухя 5 рублей; Колокола вѣсомъ въ 30 пудъ по 2 съ полтиною пудъ; свинецъ по 2 рубля съ полтиною берковецъ; миткали по 2 рубля миткаль; Киндяки — по 40 алтынъ киндякъ, сорочинское пшено по 4 гривны пудъ; подсвѣчникъ мѣдный по 8 алтынъ, рукомойникъ мѣдный по полтинѣ; саѳьянъ черный по 10 алтынъ; замки круглые по рублю дюжина; погребцы по рублю погребецъ; косякъ камкасея по 4 рубли; полотенцо Астраданское по рублю; камка кармазину по 30 алтынъ аршинъ; пудъ гвоздики и корицы 20 рублей; пудъ анису по полтора рубли; паникадило мѣдное по рублю; ртуть по 3 рубля пудъ; ярь по 5 рублей пудъ; аршинъ бархату полузолотнаго полтора рубля; аршинъ бархата съ серебромъ по рублю и 20 алтынъ; канѳара по рублю съ полтиною пудъ; бочка москательнаго товара 50 рублей; пудъ проволоки желѣзной по рублю съ полтиною; пудъ камешковъ льячныхъ по рублю; камешковъ бѣлыхъ льячныхъ по гривнѣ кистка; таѳта по 3 алтына аршинъ; пудъ кардамону по 11 рублей; инбирь въ патокѣ по гривнѣ ѳунтъ; цвѣтъ мускатный по 25 рублей пудъ; гвоздика по 10 рублей пудъ; полотенце полушелковое по 2 рубля; пудъ масла спиконардова по 8 рублей; пудъ масла деревяннаго полтора рубля; сердолики по 5 рублей; пудъ масла бобковаго по три рубля; пудъ ядеръ миндальныхъ по 2 рубля; бархатъ рытый цвѣтной по рублю аршинъ, таусинный гладкій таже цѣна; вино алканъ 15 рублей бочка, ренское — 14, бастръ — 13; бѣлое Французское 4 рубля; пудъ сахаровъ чиненыхъ по 4 рубля; лимоны въ патокѣ по рублю пудъ; пудъ олова прутоваго по 2 рубля съ полтиною; пудъ олова блюднаго таже цѣна; пудъ киновари 12 рублей; пудъ квасцовъ 25 алтынъ. — Выписка изъ Англійскихъ дѣлъ въ царств. Бориса.

38) Акты арх. эксп. II, № 14, 19, 20, 23, 24; Акты юридич. стр. 201, 202.

39) Дѣла Англійскія; вотъ имена отправленныхъ въ Англію: Никиѳоръ Григорьевъ, Соѳонъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ, Ѳедоръ Костомаровъ. Буссовъ говоритъ, что выбрано было 18 молодыхъ людей, и по 6 отправлено было въ Любекъ, Англію и Францію; но изъ Англійскихъ дѣлъ видно, что въ Англію отправлено было 4; а въ Любекъ, по свидѣтельству Брамбаха, отправлено 5. См. Willebrandt — Hansische Chronik, III, 121. — Объ отправленіи въ цесарскую землю см. Дѣла Шведскія, № 17.

40) Въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ хранится письмо какого-то Тобіи Лонціуса къ царю Борису отъ 24 Генваря 1601 года; Лонціусъ пишетъ, будто какой-то Крамеръ приглашалъ его въ царскую службу и говорилъ ему, что царь хочетъ завести у себя школы и университеты. — Кто былъ этотъ Крамеръ? — неизвѣстно. Крамеръ говорилъ

правду, разсказывая о намѣреніи Бориса завести школы (хотя и не Университеты); но долженъ былъ договорить; ибо Буссовъ говоритъ о возраженіяхъ духовенства, въ слѣдствіе которыхъ посланы были Русскіе молодые люди учиться за границу; свидѣтельство Буссова мы должны принять, ибо посылка молодыхъ людей фактъ несомнѣнный; слѣд. Крамеръ не могъ приглашать Лонціуса въ профессора; Борисъ могъ вызывать ученыхъ людей, которые могли быть ему полезны своими знаніями, но не могъ вызывать ихъ на профессорскія каѳедры. Письмо Лонціуса можетъ быть объяснено тѣмъ, что Крамеръ, которому было наказано промышлять одноличио, промышлялъ всякими мѣры, всякою хитростію.— Образецъ опасныхъ грамотъ иностранцамъ см. С. г. г. и д. т. II № 75. См. также грамоту, данную Борисомъ Якобу Людовику Корнелію Венеціанцу, у Чьямпи Bibliogr. crit.

41) Дѣла Англійскія; Буссовъ.

42) Буссовъ; Палицынъ (стр. 20); Исторія объ Іовѣ патріархѣ, рукоп. Рум. муз. № 156.

43) См. Исторіи Россіи, VII, 259.

44) Палицынъ. стр. 8.

45) Маржеретъ; Буссовъ; Палицынъ, 20.

46) Лѣтоп. о мятеж. 62; Буссовъ.

47) Портфель Татищева, тетр. № 7. Въ текстѣ помѣщено извѣстіе лѣтописца о Борисовѣ, а на сторонѣ прибавлено: Другіе сказываютъ, якобы Бѣльскій отцу духовному въ смерти царя Іоанна и царя Ѳедора каялся, что сдѣлалъ по наученію Годунова, которое попъ тотъ сказалъ патріарху, а патріархъ царю Борису, по которомъ немедленно велѣлъ Бѣльскаго взявъ сослать.—Ср. Также Russia at the close of the sixteenth century, ed. by Edward A. Bond. Изъ Горсея описаніе смерти Іоанна IV: He setts him downe upon his bead; calls Rodovona Boerken, a gentilman whome he favored, to bringe the chess board. He setts his men, all savinge the Kinge, which by no means he could not make stand in his place withe the rest upon the plain board; his chieff favorett and Boris Fedorowich Gudonove and others about him. The Emperor in his lose gown, shirtt and lynnen hose, faints and falls backward. Great owt — crie and sturr; one sent for aqua vita, another to the oppoteka for marigold and rose water, and to call his gostlie father and the phizicions. Jo the mean he was strangled and stark dead.

48) Буссовъ.

49) Лѣтоп. о мятеж. 54.

50) Русск. истор. Сборн. т. II, стр. 209.

51) Акты истор. II. № 38, 54.

52) Маржеретъ,

53) Хронографы.

54) Палицынъ.

55) Палицынъ 10, 11; Лѣтоп. о мятеж. 63; Буссовъ; Маржеретъ; рукоп. Румянц. Муз. № 391.

56) Mémoires d'Aszentini у Карамз. XI, прим. 170.

57) Дѣла Датскія 1516—1603, связка 1-я.

58) Исторія Россіи, VII, 25.

59) Палицынъ, стр. 14 и сл.; Лѣтоп. о мятеж. 71; Акты истор. II, № 44.

60) Извѣстія Товянскаго въ: Zycie J. P. Sapiehy, 1791. Буссовъ; Паерле; Лѣтоп. о мятеж. 62: «держаху рѣчь велію на Москов. государство»; надобно поправить: «держаху рень велику», какъ въ Хронографѣ гр. Толстаго, № 198; въ этомъ хронографѣ и другихъ говорится, что самозванецъ писалъ, будто его уберегли Щелкаловы отъ убійства и отпустили въ Литовскую землю.

61) См. Consilium datum amico de recuperanda et in posterum stabilienda pace regni Poloniae, p. 27. Legende de la vie de Demetrius, изд. кн. Оболенскаго, см. предисловіе.

62) Adelung — Uebersicht der Reis. II, 181.

63) Histor. Russiae monimenta, II, № LV. Въ слѣдствіе этого распространился слухъ, что Лжедимитрій былъ воспитанъ Францисканцами; Neri Gèraldi въ письмѣ къ в. г. Тосканскому.

64) Извѣстный Иванъ Насѣдка Ключарь пишетъ къ составителю житія Діонисіева: «Мнится мнѣ, государь мой, и для того надобно вамъ держати тѣ грамоты осадныя для преди на гордость вельможъ лукавыхъ, какъ надъ царствующимъ градомъ учинилась отъ нихъ погибель; какъ царю Борису Θеодоровичу, какъ царю Василью Іоанновичу; и что о сихъ глаголати? но паче возопить; охъ, охъ! увы, увы»! — Печатн. житіе Діонисія, стр. 84. Кромѣ Буссова, и другіе современники иностранцы указывали на тѣхъ же виновниковъ появленія самозванца; Notizie estratte dalla storia della sollevazioni segvite in Polonia et. c. di Alessandro Cilli (Ciampi — Bibliogr. crit.); «Altri volsero, che il detto Feodorovic (Борисъ) legittimamente in imperatore fusse elleto, ma che il detto Demetrio (per is tigazione di quell che malvolontieri obbedivano a questo principe, sotto apparenti colorie metafore), non fosse quel vero e legittimo Demetrio figlio del grau Giovanni di Basilio, ma finto, falso, ambitioso di regnare. — О разсказѣ Лжедимитрія Вишневецкому въ Historia de Pseudodemetrio, рукоп. И. П. Библ. Польск. отд. № 33. См. также Historica narratio de mirab. via ac ratione, qua paternum imperium consecutus est Demetrius, anno 1605.

65) Дѣла Польскія, № 26; лѣтоп. о мятеж. 73; Акты арх. эксп. II, № 28,

64. По извѣту Варлаама самозванецъ вышелъ изъ Москвы въ Литву въ 1602 году, а по свидѣтельству Польскихъ пословъ (Suplement. ad histor. Russ. Monum. p. 410) 1601, что вѣроятнѣе. С. г. г. и д. II, № 152, 76, 79; Cilli notizie estratte et. c.; Annuae litterae Societatis Iesu, 1604. — Lubienskiego — Pisma pósmiertne въ Dziejopisowie krajowi, стр. 51.

66) Supplement. ad histor. Russiae Monum., p. 410; рукоп. И. Публ. Библ. Отд. Польск. № 119; Буссовъ; Иное сказ. о самозванцахъ, Врем. Ист. общ. кн. 16. С. г. г. и д. II, стр. 178; Портфель Татищ. № 7 въ библ. Архива Мин. Ин. Д.; Дополн. къ акт. истор. I, № 151; Акты арх. эксп. II, № 28; Historia de Pseudodemetr.

67) Дополн. къ акт. истор. I, № 151; Петрицій стр. 19; С. г. г. и д. II, стр. 175, № 78. Маржеретъ, Паерле; Борши — Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. Библ. Главнаго Штаба. Рукоп. Румянц. Муз. № 301; historica narratio de mirabili via, et. c.

68) Акты арх. эксп. II, № 27; Буссовъ; Петрей; Акты истор. II, № 53. Паерле. Лѣтоп. о мятеж. стр. 84 и слѣд.; Маржеретъ; Хронографы; Milton — history of Moscov. 53; С. г. г. и д. II, стр. 177.

69) С. г. г. и д. II, № 85, 87; Акты арх. эксп. II, № 32; С. г. г. и д. II, № 83; Акты историч. II, № 55; Лѣтоп. о мятеж. стр. 87 и слѣд.; Акты арх. эксп. II, № 34; Буссовъ; Петрей Rerum rossicar. script. exteri, p. 173); о смерти Өедора лѣтописецъ говоритъ: взять его за таенные уды и раздавы.

70) Акты арх. эксп. II, № 35; С. г. г. и д. II, № 89; Акты арх. эксп. II, № 36, 38, 224, Буссовъ; лѣтоп. о мятеж. стр. 95. С. г. г. и д. II, № 92, 93, 121; Акты истор. II, № 58 — 60, 64, 347; Акты арх. эксп. II, № 42; Сборн. Мухан. № 135 — 137; С. г. г. и д. II, № 130; Акты историч. II, № 63, 62; Андрей Лавицкій въ письмѣ къ padre provinciale di Polonia у Ciampi въ Bibliogr. critica; лѣтопись изъ библіот. Волынскаго, въ Библіот. Архива Мин. Ин. Д.; Иное сказаніе о самозванцахъ, во Времен. Москов. Истор. общ., кн. 16.; Борши — Wyprawa czara Moskiovsk. — День вѣнчанія на царство самозванца я полагаю по Русскимъ источникамъ (см. Иное сказаніе во Времен.). — О духовникѣ самозванца см. Акты, относ. до юридич. быта, стр. 236.

71) С. г. г. и д. II, № 121; Legende de la vie et de la mort de Demetrius; Хронографъ Карамзинскій, стр. 719. Палицынъ; Adelung: Uebers. der Reisend. II, 168. Petricii — Historiæ Moschoviticæ, I, p, 84, 86; Борши: Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. Библ. Глав. Штаба.

72) Сказаніе еже содѣяся (въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. 1847, № 9); Палицынъ; Лѣтоп. о мятеж.

73) С. г. г. и д. II, № 94, 100, 105; Girald: Neri — Lettere al G. Duca di Toscana, у Ciampi — Bibliogr. crit.; Histor. Chodkiewicza, Нарушевича;

Нѣмцевича Dz. pan. Żygm. III, t. II; Zabczyca—Poseł Moskiewski, 1605; С. г. г. и д. II, № 110, 112, 117; рукоп. И. Публ. Библ. Отд. Польск. № 111, 119,

74) Нѣмцевича — Dz. Panow. Zygm. III, VI; Нарушевича — Histor. Chodkiew. I. 237; Акты Историч. II, № 56; С. г. г. и д. II № 96, 97, 103, 120; рукопись Жолкѣвскаго, стр. 15, 16, 17; С. г. г. и д. III, № 13; Дѣла Польскія, № 30, годъ 1615.

75) Ciampi—bibliogr. crit.; Adelung—Uebersicht der Reisenden, II, 172, 181, 183; Histor. Russ. Monim. II, № XXXVI, XXXVII, XXXIX, XLI, XLII, XLIII, XLV, XLVI, XLIX, LIV, LVI, LVII, LVIII, LXII, LXIII, LXVII, LXXIII, LXXV, LXXIV, LXXVI; С. г. г. и д. II, № 98, 107, 124; Древн. Вивліоѳ. ч. XIII, стр. 116.

76) Histor. Russ. Monim. II, № LXXVII; С. г. г. и д. II, № 126; Дневникъ пословъ въ Сказан. Современ. 167, 168. Лѣтоп. о мятеж. стр. 99; Чтенія Москов. истор. общ. № 1, 1846 г., Histor. Russ. Monim. II, № LXVI.

77) Акты арх. эксп. II, № 81.

78) Палицынъ, 28, 29, 32; Petricii — Histor. Moscou. II, 108, 111, 112, 116, 127, 129; Степен. книга Латухина; Histor. Russ. Monum. II, p. 173; Сказаніе еже содѣяся, въ чтен. Моск. истор. общ. т. IX; Буссовъ; Де-Ту; Лѣтоп. о мятеж. стр. 100; Пясецкій, подъ г. 1606: Lubienskiego pisma posmiertne, p. 94, 95. Histor. de Pseudodemetrio.

79) Лѣтоп. о мятеж. стр. 102; С. г. г. и д. II, № 140, 141, 142.

80) Карамзинъ: «Свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобъ Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное; ибо легко было предвидѣть, что бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелью Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою.»

81) С. г. г. и д. II, № 146; Русск. достопамятн. I, 175: по свидѣтельству надгробной надписи въ Архангел. соборѣ Шуйскій умеръ въ 1612 году 60-ти лѣтъ; Хронографы о Гермогенѣ: «Былъ же словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ но (но не) сладкоучителенъ, отъ блаженныхъ же словесъ присно народъ упояшесь и всякія книги ветхаго закона и новыя благодати и уставы церковные и правила законныя до конца извыче, а нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, ко злымъ же и благимъ не быстро распрозорителенъ, но ко льстивымъ паче и къ лукавымъ прилежа. О Василіи царѣ злорѣчствомъ наваднша мятежницы словесы лестными. Онъ же имъ о всемъ вѣруя, и сего ради ко царю Василію строптиво и неблаголѣпно бесѣдоваше всегда, понеже внутрь

юду нмый навѣтованный огнь ненависти и супостатнаго коварства; якоже лѣпо бѣникакоже отчелюбно совѣщевающеся со царемъ.»

82) Симбирск. Сборн. разрядная книга, стр. 152; Histor Russ. Monim. II, № CI, p. 183; лѣтоп. о мятеж. стр. 104 и слѣд. дѣла Польскія, № 26; Буссовъ; Маржеретъ; Акты арх. эксп. II, № 48; Histor. Russ. Monim. II, № CI, p. 183; Хронографы; Кобѣржицкій — Histor. Vladisl. 434; Собр. гос. гр. и д. II, № 151; разрядныя книги; акты арх. эксп. II, № 57, 58; 61, рукопись Филар. стр. II; Хронографъ Лобковскій (см. Москвитянинъ, 1850, Ноябрь, кн. 1); Латухинская Степенная книга; Никонов. лѣтоп. VIII, 82 и слѣд; Акты арх. эксп. II, № 67, 73; Сборникъ Импер. Публ. Библ., № 17, стр. 292; Кобѣржицкій Historia Vladislai; Marchockiego — Histor. Wojny Moskiewskiej, стр. 6 и слѣд., Акты истор. II, № 75; Времен. Москов. Истор. Общ. кн. 23.

83) Извѣстія объ этихъ событіяхъ не вполнѣ ясны. Лѣтописецъ Русскій не говоритъ объ обѣщаніи помилованія, данномъ Болотникову, Илейкѣ, Шаховскому и Телятевскому. Буссовъ говоритъ объ обѣщаніи, данномъ Болотникову и Илейкѣ, Шаховской же, по его словамъ, не участвовалъ въ переговорахъ, потому что былъ посаженъ подъ стражу осажденными, которые сердились на него за обманъ. Шуйскій овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и Шаховскаго, который увѣрилъ царя, что народъ озлобился на него за намѣреніе покориться ему, Шуйскому. Тайная казнь Болотникова какъ будто указываетъ на обѣщаніе и подтверждаетъ показаніе Буссова. Но если принять вѣрность показанія Буссова относительно Болотникова, то надобно принять вѣрность его и относительно Илейки, а именно, что и послѣднему дано обѣщаніе помилованія. Что же касается до Телятевскаго, то о немъ всеобщее молчаніе. Карамзинъ говоритъ: «Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни боярства, къ посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному.» При этомъ Карамзинъ ссылается на списокъ бояръ въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XX, 86, гдѣ говорится, что Телятевскій умеръ въ боярскомъ санѣ въ 1612 году. Но смерть Телятевскаго въ 1612 году, въ боярскомъ санѣ, вовсе не исключаетъ еще того, что онъ могъ подвергнуться опалѣ при Шуйскомъ и получить прежнее значеніе по сверженіи послѣдняго. Съ другой стороны нельзя не принять къ свѣдѣнію и показанія Буссова, что Телятевскій еще при Восмѣ перешелъ на сторону Шуйскаго.

84) Лѣтоп. о мятеж. 123 и слѣд., Мархоцкій, стр. 6 и слѣд.; Исторія смутнаго врем. Бутурлина, примѣч. № VII; лѣтоп. Малиновск. въ

архивѣ Мин. Ин. Д. II, 24; Сборникъ Импер. Публ. Библ. № 17, стр. 285; Буссовъ.

85) Собр. гос. гр. и дог. II, № 139, 152; Histor. Russ. Monum. II, № LXXVII, № CI; Акты историч. II, № 55; Дѣла Польскія. № 26, 27; Lubenskiego — pisma posmertne, стр. 96 (Dziejopisowie Krajowi).

86) Мархоцкій, стр. 28 и слѣд.; Лѣтоп. о мятеж. стр. 132 и слѣд.; Акты историч. II, № 92, 95, 89, 90; Собр. гос. гр. и д. II, № 163; Histor. Russ. Monum. II, № LXXVIII и слѣд. до LXXXII; рукоп. Румянц. Муз. № 390. — За сообщеніе любопытнаго наказа второму Лжедимитрію я обязанъ князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

87) Дѣла Шведскія, № 8; Пол. собр. русск. лѣтоп. т. IV, 323

88) Лѣтоп. о мятеж. стр. 135 и слѣд.; Москвитянинъ годы 1841, 42, 44; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1846, № 4; Палицынъ; — Акты историч. II, № 182, 240, 242; Дополн. къ акт. истор. I, № 157.

89) Лѣтоп. о мятеж. стр. 138 и слѣд.; Акты историч. II, № 98, 99. 100, 101, 106, 107, 108, 110, 128, 115, 116, 130; Акты арх. эксп. II, № 88, 89; 91, 93, 95, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 110; Палицынъ, стр. 38 и слѣд. Histor. de Pseudodemetrio; Времени. Москов. истор. общ. кн. 23; Русск. Вѣстн. 1842 г., № 3; Древн. Вивліоѳ. XVIII.

90) Палицынъ, стр. 41; Житіе преп. Діонисія (печатн. стр. 17); Хронографы; Латухинск. Степен. книга; Лѣтоп. о мятеж. стр. 146 и слѣд.; Мархоцкій, стр. 46 и слѣд.; Времен. Москов. Истор. общ. кн. 16.

91) Акты истор. II, № 158 — 160, 271; акты арх. эксп. II, № 96, 108, 135, 136, 137, 140, 143, 144, 145 147, 148, 149, 150, 153, 156; Пол. собр. русск. лѣтоп. IV, 325; Собр. гос. гр. и дог. II, 149; Никон. лѣтоп. VIII, 116; рукоп. Румянцев. Муз. № 390. Сборникъ Мухан. № 100 и слѣд.

92) Kobierżicki — Historia Vladislai, p. 82 et squ. Naruszewicz — Histor. Chodkiewicza (у Бобровича — Życia sławn. Polak.) Pametniki Maskiewicza, стр. 11 и слѣд.; рукопись Жолкѣвскаго, стр. 24 и слѣд. Rzódla do dziejow Polsk. Grabowskiego, I, стр. 83; Акты арх. эксп. II, № 92; Акты историч. II, № 96, 174, 199, 186, 188, 192, 194, 209, 199, 219, 267, 270; Niemcewicz — Dziejo Panovan. Zygmunta III, t. II. — весь; Histor. Russiae Monum. II. № XC, LXXXIX, XCII; Wyprawa K. J. M. de Moskwy; — рукоп. библіот. Глав. Штаба; Буссовъ; Собр. гос. грам. и дог. II, № 171, 178, Муханова — Подлин. свидѣт. о взаимн. отнош. Россіи и Польши, стр. 241; Сборникъ Муханова, № 104, 105, 106, 107; Акты западн. Россіи IV, № 180; Бу-

украина — Истор. смутн. времени, III, приложен. № 5; Видекиндъ; Histor. belli Sveco — Moscou; Лѣтоп. о мятеж. стр. 165 и слѣд.; Хронографы; Мархоцкій, стр. 58 и слѣд.; Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Архивъ царства Польск. связка 1-я; Historia de Pseudodemetrio; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, № 4.

93) Акты юридич. стр. 362; Судебникъ изд. 1786 г.; Акты историч. II, № 85, 250, 251; Акты арх. эксп. № 69, 78, 82, 142, 133; Акты истор. № 66.

94) Kobierzicki — Historia Vladislai, p. 292 et. squ.; Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 120 и слѣд.; Materialy do histor. Polsk. рукоп. Библ. Глав. Штаба, № 11,498; Życie Lwa Sapiegi — у Бобровича Życia sławn. Polak.; Мархоцкій, стр. 100 и слѣд. Pamętniki Samuela Maskiewicza стр. 31 и слѣд. Wyprava K. J. M. do Moskwy, — рукоп. Библ. Глав. Штаба; Собр. гос. грам. и дог. I. № 203. Акты историч. II, № 287; Акты арх. эксп. II, № 164, 165; Дополненія къ Дѣяніямъ Петра В. — Голикова, т. II, стр. 52 и слѣд.; Акты историч. II, № 228, 298, 299, 310, 306, Собр. гос. гр. и дог. II, № 208, 209, 209, 211, 218; Акты арх. эксп. II, № 166; Собр. гос. грам. и дог. II, № 214, 224; Никон. лѣтоп. VIII, 150, 151; Акты историч. II, № 306; Акты арх. эксп. II, № 170, 171; Акты историч. II, № 313, 317; Акты западн. Россіи, IV, № 183.

95) Wyprava K. J. M. do Moskwy, рукоп. Библ. Глав. Штаба; pamętniki Maskiewicza, p. 49 и слѣд.; Мархоцкій, стр. 113 и слѣд. Пясецкій подъ годомъ 1611; Historia de Pseudodemetrio; Рукоп. Публичн. Библіот. отд. XVII, № 13; Skargi — Na Moskiewskie zwycięstwo Kazanie, 1611; Zycie Jana Stanisława Sapiehy, рукоп. Публич. Библіот. отд. Польское, № 16; Хронографы (въ особенности: Карамзинскій № 1 въ Археографич. Коммиссіи); Дѣла Польскія, № 30; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 189 и слѣд.; Видекиндъ — Historia belli Sueco-Mosc. p. 237 et squ.; Шаума — Tragaedia Demetrio Moscovitica (въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1847, № 2.); Дѣла Шведскія, № 12; Полн. собр. русск. лѣтоп. III, 264 и слѣд.; IV, 325 и слѣд.; Relacia o Zamordowaniu okrutnym Jozaphata Kuncewicza, archiepiscopa Polockiego, 1624; Акты западн. Россіи, IV, № 190; Materialy de Histor. Polsk. рукоп. Библіот. Главн. Штаба, № 11, 498; Histor. J. K. Chodkiewicza; Житіе преподобн. Діонисія по рукописи Синод. Библіот.; Хронографы (см. Москвитян. 1850 г., Ноябрь, кн. 1); Хронографъ принадл. князю Мих. Андр. Оболенскому; Временникъ Моск. Истор. Общ. кн. 17, Krajewski — Chronologia woyny Moskiewsk.; Палицынъ, стр. 244 и слѣд.; Новый лѣтописецъ (Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 17); Никон. лѣтоп. т. VIII; Памятники дипломатич.

сношь. т. II, стр. 1403 и слѣд.; Акты арх. эксп. т. II, № 176, Собр. гос. гр. и дог. II, № 223, 226; Акты арх. эксп. II, № 179; Собр. гос. гр. и дог. II, № 241; Акты арх. эксп. II, № 180, 181, 182, 183; Акты историч. II, № 318, 319, 327, 333; Акты арх. эксп. II, № 185, 188, 190, 194; Собр. гос. грам. и дог. II, № 251; Акты истор. II, № 321, 324, 325; Собр. гос. гр. и дог. II, № 249, 267; Акты историч. II, № 332; Собр. гос. гр. и дог. II, № 263, 286, 264; Акты арх. эксп. II, № 197, 199, 201, 202; Собр. гос. грам. и дог. II, № 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278. 279, 280; Акты арх. эксп. II, № 210, 203; Собр. гос. грам. и дог. II, № 281, 282; Акты арх. эксп. II, № 202; Собр. гос. грам. и дог. II, № 285; Ученыя Записки Импер. Академ. Наукъ по I и III отдѣл. т. III, вып. 1; Собр. гос. гр. и дог. III, № 3, 4, т. I, № 203; Дворцовые Разряды, т. I, стр. 1 и слѣд.; Pamiętniki de panowania Zygmunta III, Wladisl. IV i Jana Kazimierza, p. 34; хроногр. кн. М. А. Оболенскаго.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ *).

КЪ I-му ТОМУ.

Стр. 64: съ начала строки должно читать: «Религія Восточныхъ Славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіею Арійскихъ племенъ.»

Стр. 124: на послѣдн. строкѣ д. ч.: «перевѣсища; село ея Ольжичи существовало.»

Стр. 151: должно быть прибавлено въ концѣ: Касательно внѣшнихъ отношеній при Ярополкѣ есть извѣстіе о побѣдѣ этого князя надъ Печенѣгами, о вступленіи Печенѣжскаго князя Илдея въ службу къ Ярополку, который далъ ему города и волости, о заключеніи мира съ Греками на условіяхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ, о приходѣ пословъ папскихъ.

Стр. 180, строка 12: Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также Нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: «Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ

*) Здѣсь помѣщены и тѣ дополненія и поправки, которыя уже вошли во второе и третье изданіе.

провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: «Я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое то видѣніе). — Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человѣкъ и склонить старшинъ Печенѣжскихъ къ миру съ Русью. Когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына въ заложники, и вмѣстѣ съ этимъ княземъ отправился епископъ, посвященный Бруномъ. Участь его неизвѣстна (276).

Стр. 182, строка 31: Есть извѣстіе, что въ господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: одну духовенству, другую нищимъ, третью себѣ и боярамъ.

Стр. 187. Съ 4-й строки послѣ словъ: «и съ плачемъ похоронили», до 27-й строки д. ч. такъ: по всѣмъ вѣроятностямъ хотѣли утаить смерть Владиміра для того, чтобъ Святополкъ узналъ объ ней не прежде гражданъ Кіевскихъ, ибо тогда ему труднѣе было дѣйствовать.

Стр. 236, на строкѣ 12-й послѣ словъ: «за обиду» д. ч. въ нѣкоторыхъ же спискахъ говорится: «Если кто чего взыщетъ на другомъ, а послѣдній начнетъ запираться, то идти ему на изводъ предъ 12 мужей.»

Примѣч. 43: Литовское: Kirba, топь, трясина. Отсюда вѣроятно произошло названіе Кривичей. Лѣтописецъ говоритъ: «разидошася по землѣ, и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которемъ мѣстѣ.» Стало-быть Дреговичи и Кривичи получили названіе свое отъ мѣстности, ими занятой. Мѣстность эта и теперь обильна топями, трясинами, а топь, трясина называется въ западной Россіи дрегва, дрягва, по Литовски Kirba. Записка Микуцкаго въ извѣстіяхъ II-го отдѣл. Акад. Наукъ, листъ 7.

Примѣч. 59. Въ древнемъ родовомъ обществѣ сирота былъ самое несчастное существо, сирота былъ первый нищій, первый рабъ. Отсюда сирота значитъ рабъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, а въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ и теперь сирота означаетъ нищаго.

Примѣч. 61: См. томъ III, примѣч. 29.

Примѣч. 70: Отъ Литовскаго слова: triesti — ристать происходитъ

древнелитовское triesina — тризна, т. е. скачка, ристаніе. Статья Микуцкаго въ изв. II отд. А. Н. листъ 7.

Примѣч. 74: Послѣ словъ: «скрыться въ какое-нибудь отверстіе» д. прибавить. Такъ точно воителемъ представляется Индѣйскій Индра громовержецъ, ниспосылающій дождь на землю; воюетъ онъ противъ злыхъ духовъ, которые небесную воду скрываютъ въ густыхъ облакахъ; Индра разсѣкаетъ эти черныя облака и такимъ образомъ спускаетъ дождь. См. подробн. въ Dunker's Geschichte des Alterthums, t. II, p. 17. Касательно происхожденія слова: Перунъ замѣчаютъ, что Литовскій глаголъ Perieti означаетъ: производить посредствомъ теплоты, рождать. Отъ Санскритскаго корня par произошли у Славянъ двѣ формы: дѣйствительная Перунъ, и страдательная парень, рожденный, сынъ. Записка Микуцкаго.

Примѣч. 77: По Литовски didis или didelis, по Латышски lels значитъ великій. Кромѣ божества эпитетомъ великій вѣроятно означался и родоначальникъ; съ Литовск. didis и Латышскимъ lels совпадаютъ Славянскія слова: дѣдъ, дядя; лёля у Полабцевъ отецъ; лёля по церковнослов. тетка. — Записка Микуцкаго. — У Арійцевъ Солнце (Surja) представляется также какъ производитель и питатель людей. См. Дункера, стр. 20.

Примѣч. 94: У Арійцевъ роды имѣли священную обязанность предлагать трапезы своимъ мертвецамъ по крайней мѣрѣ въ каждое новомѣсячіе. Дункеръ II, стр. 25 и 26.

Примѣч. 95. Ср. Литовская rauda погребальная пѣсня. — Праздникъ поминовенія усопшихъ по Литовски Chautury; слово халтура осталась у насъ до сихъ поръ съ тѣмъ же значеніемъ. См. Kraszewskiego — Litwa.

Примѣч. 99: Въ сказкѣ о трехъ побратимахъ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь или чрезъ широкое море, или чрезъ нору сквозь землю (Русская Бесѣда, III, смѣсь стр. 100). — Днемъ, посвященнымъ памяти усопшихъ, какъ видно, была пятница. См. Этногр. Сборн. 1, 215; отсюда новыя повѣрья относительно пятницы, стр. 326.

Примѣч. 181: Думаемъ, что можно согласиться со мнѣніемъ проф. Срезневскаго, который во второмъ извѣстіи объ условіяхъ видитъ цѣлую грамоту, занесенную въ лѣтопись (Извѣстія II отд. Академіи, л. 20). Только не думаемъ, чтобъ грамота была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ во 1) по противорѣчію двухъ извѣстій; во 2) вставка договоровъ въ лѣтопись съ уничтоженіемъ разсказа начальнаго лѣтописца ясна изъ словъ, помѣщенныхъ подъ 6420 годомъ: Посла Олегъ мужи своя построити мира и положити ряды межи Греки

и Русью; и посла глаголя равно другаго свѣщанія» и проч. Для насъ очевидно, что здѣсь послѣ «глаголя» слѣдовалъ разсказъ начальнаго лѣтописца о томъ, что говорилъ Олегъ своимъ посламъ, но этотъ разсказъ прерванъ насильственно вставкою договора. Г. Срезневскій думаетъ также, что слова: Равьно въ выраженіи: равно другаго свѣщанія есть переводъ Греческаго τὸ ἴσον, paricula charta, copia, противень. Это мнѣніе развито особенно Г. Лавровскимъ въ сочиненіи: О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. Это объясненіе «равно» можетъ-быть принято вполнѣ; но жаль, что филологи не обратили вниманія на слова: «при тѣхъ же царяхъ,» которыя оставляютъ въ полной силѣ прежнее мнѣніе, что наши договоры предполагаютъ другіе договоры, старые.

Примѣч. 233: Противъ этого вывода возражаютъ, приводя извѣстія лѣтописи, что Святославъ привелъ Ярополку жену, плѣнную греческую монахиню, слѣд. въ 970 году Ярополку не могло быть только 9 лѣтъ.— Но если мы встрѣчаемъ въ источникахъ два противорѣчивыя свидѣтельства, то должно или выбрать одно изъ двухъ, или, если можно, согласить ихъ; еслибъ не было возможности согласить двухъ вышеприведенныхъ извѣстій лѣтописи, то все мы предпочли бы преданіе о малолѣтствѣ Святослава по смерти отца, и о томъ, что онъ родился въ 942 году, ибо на этомъ преданіи основываются извѣстія о правленіи Ольги; возражатели не подумали, что, отвергая основаніе нашего вывода, они тѣмъ самымъ отвергаютъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ извѣстій! Но выборъ не нуженъ, ибо извѣстія легко согласить: изъ послѣдующихъ извѣстій мы знаемъ, что князья женили малолѣтныхъ сыновей своихъ, и Святославъ очень могъ назначить для Ярополка греческую плѣнницу необыкновенной красоты; ибо если даже предположимъ ее совершеннолѣтнею въ 970 году, то разница лѣтъ при многоженствѣ ничего не значила. Мы взяли обыкновенный, общій возрастъ — 19 лѣтъ; но возьмемъ теперь исключеніе, самый меньшой возрастъ, въ который Святославъ могъ имѣть сына, возьмемъ 15 лѣтъ; тогда въ годъ распредѣленія волостей Ярополку будетъ 13, въ годъ отцовой смерти 15 лѣтъ, другимъ братьямъ еще меньше — все еще необходимы кормильцы.

Примѣч. 241: О томъ, откуда заимствованы мѣста, ненаходящіяся въ Библіи, см. О Древней Русской лѣтописи, соч. Сухомлинова, стр. 54 и слѣд.

Примѣч. 247: Въ такъ называемой Тверской лѣтописи, находящ. въ Импер. Публ. Библ., читаемъ слѣдующее преданіе о Рогнѣдѣ. «Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: Азъ убо нынѣ крещенъ есмь, и пріяхъ вѣру и законъ Христі-

янскій, подобааше ми едину жену имѣти, юже пояхъ въ христіянствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ его же хощеши, да съчетаю тя ему. Она же отвѣщавши рече ему: или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въспріяти, а мнѣ мало временныхъ сихъ и будущаго дати не хощеши. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же быхъ царицею, не хощу раба быти земному царю, ни князю, но уневѣститися хощю Христови, и въспріиму ангельскій образъ. Сынъ же ея Ярославъ сѣдяше у нея, бѣ бо естествомъ таковъ отъ роженія. И слыша глаголы и отвѣты матере своея къ Володимеру, и въздохнувъ съ плачемъ глагола матери своей; о мати моя! воистину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ!... И отъ сего словесе Ярославъ вста на ногу своею, а преже бо бѣ не ходилъ.» Рогнѣда постриглась и названа Анастасіею.

Примѣч. 276: О Брунѣ и его извѣстіи см. Русскую Бесѣду 1856 года № 1.

Примѣч. 217: Христіянское Чтеніе 1849, II, 323.

Примѣч. 290: Извѣстіе о томъ, что Борисъ и Глѣбъ были сыновья царевны Анны, находится не въ одной Іоакимовой лѣтописи. Оно находится въ такъ, называемой Тверской лѣтописи, хранящейся въ Импер. Публ. Библіот.: «Быша у него (Владиміра) водимыя рекше большіа: Рогнѣдь иже посади на Либеды въ селце идеже есть нынѣ словетъ селце Предславино.... а отъ другіе Чехини Светослава и Станислава, Судислава, Болеслава. А отъ царевны отъ Анны Бориса и Глѣба.»

Примѣч. 380: Тѣло Владиміра спустили на землю на канатахъ, проломавши полъ; такой обычай видимъ въ древней Скандинавіи. См. Weinhold's Altnordisches Leben, 476.

КЪ III-му ТОМУ.

Стр. 72, строка 24: Кромѣ грамоты, данной церкви Іоанна Предтечи, Всеволодъ далъ Новгороду еще другую, сходную съ уставомъ св. Владиміра, съ нѣкоторыми впрочемъ дополненіями и перемѣнами. Въ ней читаемъ: «Созвалъ есми 10 сотскихъ и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту Иванскаго Васяту, и погадалъ есмь со владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и со десятью сотскими и съ старостами. Далъ есми судъ и мѣрила въ Новгородѣ св. Софіи и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы вощаныя, пуды медовыя и гривенку рублевую, и локоть Иванскій и свой оброкъ купецъ черн(и)цамъ; а попу Иванскому Руская пievь съ Борисоглѣбскимъ на полы; а сторожу Иванскому Рус-

кой порочицы пятно, да десять конюховъ соли. Домъ св. Софѣи владыкамъ строити съ сотскими; а старостамъ и торгощамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св. Ивана. Торговая вся вѣсы, мѣрила.... епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати, и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти; а животъ его на трое: треть живота св. Софѣи, а другая треть св. Ивану, а третія треть сотскимъ и Новуграду. А се церковныя люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а и кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, поломникъ, (пришлецъ), свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгойской (изгои трои): поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а и четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ... А се изыскахомъ: у третьей женѣ и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занѣжѣ тѣ и отъ закона отлучени. Изъ велика живота дать урочная часть по оскуду: а изъ мала живота како рабочичищу часть, конь да доспѣхъ и покрутъ.»

Стр. 90, стр. 15: Изъ первыхъ упомянемъ объ отвѣтѣ св. Θеодосія Печерскаго на вопросъ в. к. Изяслава, слѣдуетъ ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ въ пищу? Θеодосій отвѣчаетъ, что послѣ того какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло. Нѣтъ грѣха закалать животныхъ въ воскресенье; если же будемъ закалать въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это явное жидовство. Потомъ Θеодосій говоритъ, въ какіе дни слѣдуетъ поститься. — На вопросъ в. к. Изяслава о вѣрѣ Латинской или Варяжской Θеодосій отвѣчалъ: «Вѣра ихъ зла и законъ ихъ не чистъ: они иконъ не цѣлуютъ, въ постъ мясо ѣдятъ, на опреснокахъ служатъ; христіянамъ не слѣдуетъ отдавать за нихъ дочерей, и брать ихъ дочерей за себя замужъ, не должно ни брататься съ ними, ни кумиться, ни ѣсть, ни пить изъ одного сосуда. Но если они попросятъ у васъ ѣсть, то дайте имъ пищу въ ихъ сосудахъ, если же у нихъ сосудовъ не будетъ, то дайте въ своихъ, только потомъ вымойте эти сосуды и молитву надъ ними прочтите. Латины Евангеліе и Апостолъ имѣютъ, иконы святыя и въ церковь ходятъ, но вѣра ихъ и законъ нечисты, множествомъ ересей своихъ они всю землю обезчестили, потому что по всей землѣ живутъ Варяги. Нѣтъ жизни вѣчной живущимъ въ вѣрѣ Латинской, Армянской, Сарацинской. Не слѣдуетъ ихъ вѣры хвалить, свою вѣру безпрестанно хвали и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ домо-

чидцамъ, но и къ чужимъ: еретика и Латынина помилуй и отъ бѣды избавь и мзды отъ Бога не лишишься. Если встрѣтишь иновѣрниковъ спорящихъ съ вѣрными, то помогай правовѣрнымъ на зловѣрныхъ. А если кто скажетъ: и ту и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двовѣрный? Развѣ ты не слыхалъ, что написано: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе?»

Стр. 95, 17. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ поученіе св. Өеодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ: «Наводитъ Богъ, по гнѣву своему казнь какую либо или поганыхъ, потому что не обращаемся къ Богу; междоусобная рать бываетъ отъ соблазна дьявольскаго и отъ злыхъ людей. Страну согрѣшившую казнитъ Богъ смертью, голодомъ, наведеніемъ поганыхъ, бездождіемъ и другими разными казнями»... Слѣдующія слова важны относительно нравовъ и обычаевъ времени: «Не погански ли мы поступаемъ? если кто встрѣтитъ монаха или монахиню, свинью или коня лысаго, то возвращается. Такому суевѣрію по дьявольскому наущенію предаются! Другіе чиханью вѣруютъ, будто бываетъ на здравіе главѣ. Дьяволъ прельщаетъ и отвлекаетъ отъ Бога волхвованіемъ, чародѣйствомъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзоиманіемъ, прикладами, воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, трубами, скоморохами, гуслями, сопѣлями, всякими играми и дѣлами неподобными. Видимъ и другія злыя дѣла: всѣ падки къ пьянству, блуду и злымъ играмъ. А когда стоимъ въ церкви, то какъ смѣемъ смѣяться или шептаться?... На праздники большихъ пировъ не должно затѣвать, пьянства надобно бѣгать. Горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ Ангела хранителя отклоняемъ отъ себя, злаго бѣса привлекаемъ къ себѣ; Духъ св. отъ пьянства далекъ, адъ близокъ...» Какъ языческіе обычаи примѣшивались къ христіянскимъ, видно изъ поученія, приписываемаго также св. Өеодосію: «Для обѣда двѣ молитвы: одна въ началѣ, другая въ концѣ. Установлена за упокой кутья, обѣдовъ же и ужиновъ за упокой не установлено, воды не велѣно приставлять къ кутьѣ, также яицъ класть на кутью. Тропарей не должно говорить чашамъ въ пиру, кромѣ трехъ: при поставленіи обѣда славится Христосъ, по окончаніи прославляется Дѣва Марія, потомъ чествуется хозяинъ.» Дошло до насъ также нѣсколько поученій св. Өеодосія, обращенныхъ къ братіи его монастыря, въ одномъ изъ нихъ святый говоритъ: «Если бы только можно было, то каждый день говорилъ бы я, со слезами молилъ и къ ногамъ вашимъ припадалъ, чтобъ никто изъ насъ не пропустилъ молитвеннаго времени. Кто воздѣлывалъ ниву или виноградникъ, и видитъ плоды, то не помнитъ труда отъ радости, и молитъ Бога, чтобъ сподобилъ собрать плодъ; если же видитъ, что нива терніемъ поросла, то что

сдѣлаетъ? Сколько лѣтъ минуло, и никого не вижу, ктобъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: какъ мнѣ спастись?»

Стр. 100, стр. 31. Поученіе митрополита Русскаго Никифора замѣчательно по своему началу, изъ котораго видно, что митрополитъ — Грекъ, по незнанію Русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ: «Не данъ мнѣ даръ языковъ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. Великаго Поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе.» Проповѣдникъ вооружается противъ большихъ ростовъ и противъ пьянства.

Стр. 101, стр. 28. О средствахъ, какія употребляли проповѣдники, средствахъ, напоминающихъ намъ извѣстіе объ обращеніи Владиміра, и о судьбѣ, какой подвергались иногда ревностные проповѣдники, находимъ любопытныя извѣстія въ житіи св. Авраамія Смоленскаго: «Тако бо бѣ (Авраамій) благодатію Христовою утѣшая приходящія и плѣняя ихъ душа и смыслъ, якоже и самому игумену не стерпѣти, многія къ нему видя притекающая. И хотя того сего отлучити и глаголаше: азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престани уча, и много озлобленіе нань возложи. И оттолѣ вниде въ градъ и пребысть въ единомъ монастырѣ у честнаго креста; и ту начаша болѣ приходити и ученіе его множайше быти. Написа же двѣ иконѣ, едину страшный судъ втораго пришествія, а другую — испытанія воздушныхъ мытарствъ, ихже всѣмъ нѣсть избѣжати. И ко всѣмъ приходящимъ оного страшнаго дне не престая о томъ глаголя, и почитая великого оного и свѣтлаго учителя вселенныя Іоанна Златоустаго, и преподобнаго Ефрема и всѣхъ богогласныхъ святыхъ. И вшедъ сатана въ сердце бесчинныхъ, воздвиже нань; и начаша овіи клеветати къ епископу, иніи же хулити и досажати, овіи еретика нарецати и, а иніи глаголаху нань глубинныя книгы почитаетъ, иніи же къ женамъ прекладающе, попове же зіающе и глаголюще: уже наша дѣти всѣ обратилъ есть; реку тако: никто же аще бы не глаголя на блаженнаго Авраамія въ градѣ. Собрашася же вси отъ мала и до велика весь градъ нань: иніи глаголютъ заточити, а иніи на стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзіи потопити и проведъше сквозѣ градъ, всѣмъ же собравшимся на дворъ епископъ, игуменомъ же и попомъ и черноризцемъ, княземъ и боляромъ; діакони и всѣ церковници...

Стр. 125, стр. 2. Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разсказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разсказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ

въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: «Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ—въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374—иде Аскольдъ и Диръ на Греки» и проч. Къ этому первоначальному сказанію вмѣстѣ съ предисловіемъ о дорюриковскомъ времени и можетъ только относиться заглавіе: «Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть.»

Стр. 190, стр. 34: Еще въ 1242 году Невскій ѣздилъ въ орду, потому что Батый прислалъ сказать ему: «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы, неужели ты одинъ не хочешь покориться моей державѣ? если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего. Лѣтописецъ говоритъ, что ханъ, увидѣвши Александра, сказалъ своимъ вельможамъ: «Все что мнѣ ни говорили объ немъ, все правда: нѣтъ подобнаго этому князю.» По смерти отца, Александръ отправился къ Батыю вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ; съ береговъ Волги поѣхали они, по обычаю, въ Татарію; а между тѣмъ, въ отсутствіе старшихъ Ярославичей и т. д.»

Стр. 335, стр. 12. Вм. племянникомъ д. читать: «младшимъ братомъ.»

Примѣч. 96. Въ 1854 году вышло сочиненіе г. Андреевскаго: О правахъ иностранцевъ въ Россіи, гдѣ подробно разсматриваются права Ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ; въ 1855 году, тотъ же авторъ выдалъ изслѣдованіе О договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами въ 1270 году; оба сочиненія разобраны г. Энгельманомъ въ Отеч. Записк. т. XCX. И г. Андреевскій, и г. Энгельманъ принимаютъ упомянутый нами актъ только за проэктъ договора; но ихъ доказательства, по нашему мнѣнію, не рѣшаютъ дѣла окончательно. По словамъ г. Энгельмана мнѣніе о проэктѣ какъ нельзя лучше подтверждается словами договора Ярослава Ярославича: «Я утвердилъ миръ и написалъ нашу правду въ отвѣтъ на ваши грамоты.» Но какое же имѣемъ мы право предполагать, что въ этихъ грамотахъ именно заключался проэктъ договора! Почему въ этихъ грамотахъ не могло заключаться простое предложеніе о мирѣ и договорѣ! Въ 1857 году Археогр. Коммиссія издала грамоты, касающ. до сношеній Сѣверозападной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами; здѣсь напечатанъ мирный договоръ князя Ярослава Владиміровича и Новгородцевъ съ Нѣмецкими послами (около 1195 года): «Се язъ князь Ярославъ Владиміровичь, сгадавъ съ посадникомъ съ Мирошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и съ всѣми Новгородьцы, подтвердихомъ мира старого съ посломъ Арбудомь и съ всѣми Нѣмьцкими сыны и съ Гты и съ всемь Латиньскымъ языкомь. Послалъ есмь посла своего Григу на сеи правдѣ: Первое ходити Новгородцю послу и всякому

Новгородцю въ миръ въ Нѣмечьску землю и на Гъцкъ берегъ, такоже ходити Нѣмьчьмъ и Гтяномъ въ Новъгородъ безъ пакости, не обидимъ никымже. Аче будетъ судъ, князю Новгороцкъму Новѣгородѣ или Нѣмецкъму въ Нѣмчьхъ, а въ томъ миру ити гостю домовъ безъ пакости. А кого Богъ поставить князя, и съ тъмъ миръ подтвердить, любо ли земля безъ миру станетъ. А оже убьють Новгородца посла за моремъ или Нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривенъ серебра. А оже убьютъ купчину Новгородца или Нѣмчина купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра. А оже мужа свяжуть безъ вины, то 12 гривенъ за соромъ старыхъ кунъ. Оже ударять мужа оружіемъ любо коломъ, то 6 гривенъ за рану старые. Оже пошибаеть мужеску жену, любо дчьрь, то князю 40 гривенъ ветхыми кунами; а женѣ или мужьскои дчери 40 гривенъ ветхыми кунами. Оже съгренеть чужеѣ женѣ побои (повои?) съ головы или дщьри, явиться простоволоса, 6 гривенъ старые за соромъ. Оже тяжа родится безъ крови, снидутся послуси, и Русь и Нѣмци, то вергуть жереби, кому ся выимьть, ротѣ шедъ, свою правду възмуть. Оже емати скоть Варягу на Русинѣ или Русину на Варязѣ, а ся его заприть, то 12 мужь послухы идеть ротѣ, възметъ свое. Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, либо Нѣмчину Новѣгородѣ, то рубежа не творити, на другое лѣто жаловати; оже не правять, то князю явя и людемъ взяти свое у гости, оже тяжа родится въ Новѣгородѣ. Оже тяжа родить выное земли въ Рускыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяжа праштати, искати Новугороду не надобе, а тяжа на городы, а Нѣмчинъ свободь, и Новгороци. Оже придетъ въ свое лодьѣ въ Нѣмецкои домовь, аче самь не поидьть въ нею опять, мужь дасть кърмьнику. Нѣмчина не сажати въ погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмцьхъ, но емати свое у виновата. Оже кто робу повержьть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна, пакы ли соромить, собѣ свободна. Оже убьють таль или попъ Новгороцкое или Нѣмецкье Новѣгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову.»

Примѣч. 212: Митрополиту Никифору приписывается еще другое посланіе противъ Латынянъ къ неизвѣстному князю, которое начинается такъ: «Такъ какъ въ судахъ у тебя есть земля Лядская, и живущіе на ней служатъ на оплаткахъ и приняли Латинское ученіе; то я извѣщаю тебя, по какой причинѣ отступили они отъ св. собор. апостольской церкви.» Здѣсь вмѣсто: «въ судахъ» не должно ли читать: «въ оусѣдѣхъ.» Между прочимъ сочинитель упрекаетъ Латинянъ за то, что они запрещаютъ хвалить Бога на другомъ языкѣ кромѣ Еврейскаго, Еллинскаго и Римскаго.

Примѣч. 220: Послѣ словъ: «не токмо невѣжи, но и вѣжи, и новы

и книжницы». Къ описываемому времени принадлежитъ Описаніе жизни и чудесъ св. Николая. Здѣсь описывается одно чудо св. Николая, бывшее въ Царѣградѣ при патріархѣ Михаилѣ Керулларіи (1043—1059), когда самъ авторъ находился въ Царѣградѣ; говорится о событіи Кіевскомъ — о спасеніи св. Николаемъ младенца, упавшаго въ Днѣпръ, которое случилось къ концу XI вѣка. См. Истор. Русск. церкви преосв. Макарія, т. II, стр. 139.

Примѣч. 261. Слова, слѣдующія за «послѣ несчастнаго 1208 года» должно исключить.

Примѣч. 275. Вмѣсто всего здѣсь сказаннаго должно читать: Село Ширинское, прежде бывшій монастырь, отъ Кашина въ 25 верстахъ, отъ Колязина въ 38—40, при рѣкѣ Ширинкѣ, впадающей въ Медвѣдицу, и теперь въ лѣсной сторонѣ.

Примѣч. 334. О Литовскихъ Полоцкихъ князьяхъ см. грамоты, касающ. до сношеній Сѣверозападн. Россіи съ Ригою, № II.

КЪ IV-му ТОМУ.

Стр. 19, стр. 24: вмѣсто «Иванъ Васильевичь» д. ч: «Иванъ Всеволодовичь.

Стр. 71, стр. 30: вм. Иванъ Филимоновъ« д. ч. Семенъ Филимоновъ.

Стр. 185, стр. 12: въ области Галицкой такъ называемая Соль; въ Нерехтѣ; — строка 131 Великая Соль; въ Ростовѣ Ростовская Соль;

Стр. 195, стр. 3: Похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца мало разнится отъ прежней, но въ ней не встрѣчаемъ извѣстныхъ словъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ.

Стр. 197, стр. 31: «Юрій Патрикѣевичь заѣхалъ также нѣкоторыхъ бояръ» — вмѣсто напечатаннаго послѣ этихъ словъ должно читать: — именно Константина Шею, Ивана Дмитріевича, Владиміра Даниловича, Дмитрія Васильевича, Ѳедора Кошкина Голтяя. Относительно этого заѣзда дошло до насъ любопытное извѣстіе: князю Юрію Патрикѣевичу князь великій мѣсто упросилъ, когда за него далъ сестру свою великую княжну Анну (по лѣтописямъ дочь Марью). А братъ былъ большой у князя Юрія Патрикѣевича Хованскій; и Ѳедоръ Сабуръ на свадьбѣ князя Юрія Патрикѣевича брата большаго посѣлъ Хованскаго (занялъ высшее мѣсто). И Хованскій молвилъ Сабуру: «посядь брата моего меньшаго, князя Юрія Патрикѣевича.» И Ѳедоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: «У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ,» да сѣлъ

Хованскаго выше. (332) «У того Богъ въ кикѣ» — значитъ: у того счастье, судьба въ кичкѣ; кичка вмѣсто: женщина, жена: князь Юрій получилъ высшее мѣсто по женѣ.

Стр. 201, стр. 18: Послѣ словъ: «встрѣчаемъ названіе дьяковъ введенныхъ» — д. ч: Что же касается до различія между боярами введенными или большими и путными, то его можно усмотрѣть въ приведенномъ мѣстѣ изъ договора Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. «Если великій князь возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ.» Значитъ большой бояринъ или введенный былъ именно горододержавецъ, получавшій города, волости въ кормленіе; путный же бояринъ получалъ содержаніе съ извѣстныхъ доходныхъ статей княжескихъ или такъ называемыхъ путей. Бояринъ путный долженъ былъ имѣть по этому какую-нибудь придворную должность: конюшій бояринъ наприм. пользовался доходами съ волостей, опредѣленныхъ на конюшій путь. Старинное слово: путь и настоящее наше доходъ (отъ доходить) выражаютъ одно и тоже представленіе (345).

Стр. 201, стр. 34. Встрѣчаемъ въ описываемое время и названіе Окольничаго. Такъ оно находится въ грамотѣ Смоленскаго князя Ѳедора Ростиславича 1284 года; въ договорной грамотѣ Симеона Гордаго съ братьями.

Стр. 204, стр. 19. Вм. Мстиславу д. ч. Владиміру,

Стр. 206, стр; 17, Послѣ словъ: приставы, доводчики, д. ч.: селами управляли посельскіе, о которыхъ намъ прямо извѣстно, что могли быть изъ несвободныхъ слугъ княжескихъ.

Стр. 238, стр. 5. Послѣ словъ: «третниками» д. ч.: Крестьянинъ, занявшій при поселеніи деньги у землевладѣльца, назывался серебряникомъ.

Стр. 240, стр. 4. Замѣчательно, что вмѣсто: человѣкъ вольный говорилось: «человѣкъ великаго князя». (434).

Стр. 255, стр. 8: вм: 1269 д. ч.: 1270.

Стр. 266, стр. 3: Шведы неблагопріятно смотрѣли на торговлю Новгородцевъ съ Нѣмцами: король Биргеръ писалъ въ 1295 году Любчанамъ, что Шведы не будутъ тревожить Нѣмецкихъ купцовъ, ѣдущихъ въ Новгородъ съ товарами только въ угожденіе императору, ибо для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливаетъ враговъ его (Новгородцевъ). Онъ даетъ купцамъ свободу отправляться въ Новгородъ, но подъ условіемъ, чтобъ они не возили туда оружія, желѣза, стали и проч.

Стр. 267, стр. 35. Они же расписали церковь Троицкую надъ гробомъ св. Сергія, церковь въ Московскомъ Андрониковомъ монастырѣ.

Стр. 324, стр. 11: Московскій князь Петръ Константиновичь далъ митрополиту Іонѣ монастырь св. Саввы въ Москвѣ.

Стр. 331, стр. 14: срокъ этотъ былъ — Филиппово заговѣнье, т. е. 14 Ноября; при поселеніи посельникъ получалъ отъ хозяина покруту, т. е. подмогу или ссуду на обзаведеніе хозяйствомъ; она могла состоять изъ денегъ, изъ разныхъ орудій домашнихъ, земледѣльческихъ, рыболовныхъ, изъ хлѣба озимаго и яроваго.

Стр. 338, стр. 20. Иностранцы не могутъ получать должностей и земель въ Литвѣ.

Стр. 342, стр. 11: Встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ Татарскихъ пословъ въ Нижнемъ; въ 1414 году Нѣмцы убили Псковскаго посла въ Нейгаузенѣ, Псковичи убили Дерптскаго. Мы видѣли, что въ войнахъ Псковичей съ Литовцами былъ обычай отдавать плѣнныхъ на поруки.

Стр. 349, стр. 24: Послѣ словъ: «ни грамотенъ» д. ч.: учились по прежнему у лицъ духовнаго званія: такъ въ житіи св. Іоны Новгородскаго говорится, что онъ учился у дьякона со множествомъ другихъ дѣтей.

Стр. 355, стр. 16: Литовско-Русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, изученый, по словамъ лѣтописей, всякой книжной мудрости, много оставилъ проповѣдей. (651)

Стр. 359, стр. 26. Въ житіи св. Димитрія Прилуцкаго говорится, что братія жаловались ему на недостатокъ книгъ (659).

Примѣч. 94. Въ житіи св. Пафнутія Боровскаго (соч. Вассіаномъ Рыло, въ Макарьев. минеи) находится слѣдующее мѣсто: «Нѣкій человѣкъ именемъ Иванъ, сь бяше по наученію нѣкоихъ въ великомъ Новгородѣ, служа у нѣкоего князя благочестива, и господина своего отравою умори, послѣди же зазрѣвъ себѣ облечеся въ иноческій образъ и пріиде въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикамъ; зрите ли человѣка сего, яко ни иноческаго ради образа очистися отъ крови?.. Послѣди же повѣда блаженный единому ученику: сь человѣкъ князя Димитрія Шемяку отравою уби.»

Примѣч. 108: вм. «защищать Василія» д. ч.: защищаться отъ Василія.

Примѣч. 257: Въ жалованныхъ грамотахъ говорится: «Тѣмъ ихъ людемъ не надобѣ ямъ, опричь Татарьсково яму.» Акты относ. до юридич. быта I, стр. 107.

Примѣч. 263. Акты, относящ. до юридич. быта I, стр. 107.

Примѣч. 279. Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 88.

Примѣч. 280. Акты, относящ. до юридич. быта, I, стр. 445.

Примѣч. 332. Извѣстія Академ. Наукъ по II-му отдѣл. т. V, стр. 351.

Примѣч. 441. Андреевскаго О договорѣ Новагор. съ Нѣмецк. городами.

Примѣч. 650. Перечисленіе трудовъ Пахомія см. въ Обзорѣ Русской духовной литтературы, пр. Филарета, въ уч. записк II отд. Акад. Наукъ, кн. III.

Примѣч. 657. О Цамблакѣ см. статью пр. Макарія въ извѣстіяхъ Академіи Наукъ по II отд., т. VI, выпускъ 2.

Примѣч. 659. Макарьевскія минеи, Февраль.

КЪ V-му ТОМУ.

Стр. 230, стр. 12: Высокій, Бѣльскъ въ землѣ Дрогичинской; войтовство въ послѣднемъ городѣ отдано было въ потомственное владѣніе Данцигскому мѣщанину Гоппену.

Стр. 295, стр. 20: Когда извѣстный Геннадій, архіепископъ Новгородскій занялся составленіемъ полнаго списка Библіи, то Доминиканецъ Веніаминъ, родомъ Славянинъ, перевелъ для него съ Латинскаго языка книги Маккавейскія.

Стр. 207, стр. 12: Средства къ просвѣщенію были довольно скудны, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго выше письма Геннадія Новгородскаго къ Ростовскому архіепископу Іоасафу. Есть также извѣстіе, сколько книгъ принесъ съ собою въ монастырь Іосифъ Волоцкій: 4 Евангелія, апостолъ, два псалтыря, сочиненія Ефрема, Дороѳея, Петра Дамаскина, Василія Великаго, Патерикъ азбучный, два Ирмолога.

Стр. 442, стр. 21: Мы видимъ, что при вел. князѣ Александрѣ Бѣльское войтовство дано было въ потомственное владѣніе Гоппену; но Гоппенъ, какъ видно, продалъ его какому-то Русину, а этотъ продалъ его Виленскому воеводѣ Николаю Радзивилову; у сына и наслѣдника Радзивилова, Яна Николаевича, купилъ его Бѣльскій мѣщанинъ Иванъ Сегеневичь въ пожизненное владѣніе за 300 копъ грошей; но въ 1526 году бурмистры, радцы и всѣ мѣщане Бѣльскіе били челомъ королю Сигизмунду, чтобъ позволилъ это войтовство выкупить у Радзивилова цѣлому городу Бѣльску на общія деньги, и впередъ войта выбирать мѣщанамъ. Король согласился.

Примѣч. 84: О коронованіи Василія по смерти отца я нашелъ въ одномъ хронографѣ (Библ. Архива Мин. Ин. Д. № 14): Совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и бояръ своихъ входилъ во св. и соборную церковь и со всѣмъ своимъ сигклитомъ. И священному собранію сошедшуся и пѣснословища, якоже обычай имать св. и соборная церковь еже царя поставляти. Преосвященному же Симону митрополиту возложьшу на в. к. Василія Ивановича животворящій крестъ и порфиру и виссонъ и златую гривну и

вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утварьми укра си и царемъ его нарече и съ поклоненіемъ возвеличилъ его. и рече: благовѣрному и христолюбивому царю и в. к. Василію Ивановичу Московскому и всея Руси исполаэти дэспота.

Примѣч. 283: Вишневскаго: Pomniki historii i literat. polsk. IV, 97.

,, ,, ,, 301: Сборн. Синодал. Библіот. № 791, л. 66.

,, ,, ,, 415: Вишневскаго: Pomniki IV, 107.

,, ,, ,, 430: Уже послѣ смерти Іосифа написано Вассіаномъ оправданіе въ обвиненіяхъ, которыя Іосифъ возвелъ на него и на учителя его Нила Сорскаго. Между прочимъ Вассіанъ пишетъ: «Вѣси самъ, Іосифе, во св. правилахъ, что вдовцамъ чистымъ повелѣваютъ служити, а ты презрѣвъ св. правила по страсти, человѣкоугодія ради, отговорилъ всѣмъ вдовцамъ не служити. А о селехъ не подобаетъ монастыремъ селъ держати, у соборныхъ церквей у мірскихъ повелѣваютъ св. правила земли держати, но не епископу ими владѣти, ни попомъ, но вся церковное богатство вѣдати иконому, и давать отъ него со епископля доклада причетникомъ церковнымъ всѣмъ, а инокомъ не подобаетъ богатствовати и земель держати, понеже отреклися сего всего.... Сіе Іосифа лжеши на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ, а чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, наипаче исправилъ, со иныхъ справилъ списковъ»... Вассіанъ утверждаетъ, что не подобаетъ церквей и иконъ украшать златомъ и сребромъ. Наконецъ Вассіанъ упрекаетъ Іосифа: «Ниже у насъ еси потребовалъ прощенія, ниже самъ еси насъ простилъ отходя на путь вѣчный.» — Рукоп. Синодал. библіот. № 738.

КЪ VI-му ТОМУ.

Стр. 325, стр. 30: Потомъ изъ Новгорода присланы были главизны, о которыхъ статьяхъ писарю Гарабурдѣ не изъявлено: 1) Короноваться и ставиться на корону Польскую и в. к. Литовское государю нашему по христіянскому обычаю, отъ архіепископовъ и епископовъ, а римскаго закона бискупамъ по Римскому закону въ то время не дѣйствовать, а быть бискупамъ въ своемъ чину съ панами радными. 2) Божьимъ судомъ царское величество и его сынъ царевичь Иванъ Ивановичь не имѣютъ у себя супругъ, а царевичь князь Ѳедоръ Ивановичь приближается къ тому возрасту, когда жениться надобно: такъ паны радные волю бы дали царскому величеству въ Русскомъ царствѣ, въ коронѣ Польской и в. к. Литовскомъ выбирать и высматривать изъ подданныхъ, кого пригоже по ихъ государскому чину. А у государей же-

ниться царскому величеству нейдетъ, къ пожитью не схоже, потому что такъ высмотрѣть напередъ нельзя. А если выйдетъ такой случай, что можно будетъ жениться и на государской дочери, то царское величество будетъ говорить о томъ съ панами радными. А у государей нашихъ издавна ведется, что выбираютъ и высматриваютъ себѣ въ супруги изъ подданныхъ своихъ. 3) Когда государь пріѣдетъ съ своими дѣтьми на корону Польскую, и учинится мятежъ между государемъ и землею, и помириться нельзя будетъ, то паны должны отпустить царя и дѣтей его безо всякой зацѣпки.

Стр. 435, стр. 4: вм. 1554 д. ч. 1584 года.

Примѣч. 106: Архивъ Мин. Ин. Д. Архивъ царства Польск. Связка 1.

КЪ VII-му ТОМУ.

Стр. 79, стр. 29: Сохранились извѣстія о мірскихъ сельскихъ сходкахъ въ Западной Россіи, которыя въ половинѣ XVI вѣка еще носятъ старинное названіе вѣча, потомъ это названіе смѣняется названіями: купа, копа и громада. Право участвовать въ сходкѣ предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись на сходку только по особому требованію копы и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній. Копа иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣденія сходкѣ. Домохозяева, составлявшіе сходку, назывались: сходатаи, сходатаи сугразничные, сосѣди околичные, сосѣди-сугранчники, судьи копные, мужеве, обчіе. Между ними отличались старцы, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній. Сверхъ сходатаевъ, на сходку приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдняго околотка, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія; они назывались людьми сторонними. Обиженный помѣщикъ имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ она изслѣдовала дѣло и присудила ему удовлетвореніе. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики, вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились на сходку и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала за ними, и потомъ опредѣляла взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и крестьянъ ихъ всѣ убытки, причиненные истцу. Впрочемъ помѣщикъ замѣтивъ, что дѣло на сходкѣ грозитъ принять для него неблагопріятный оборотъ, имѣлъ право порвать слѣдствіе и перенести дѣло

на судъ уряда городскаго. О силѣ копы или сельскаго вѣча въ описываемое время можно получить понятіе изъ слѣдующаго акта, относящагося къ 1564 году: Васька Степановичь Велицкій жаловался на двухъ крестьянъ—Турецковича и Федцевича: «выдраны были изъ бортей въ дубравѣ пчелы, принадлежавшія этимъ крестьянамъ; по этому случаю они собрали копу, чтобъ доискаться виноватаго, и, сердясь на отца моего Степана, схватили его на вѣчѣ, не слушая копнаго приговора, и стали его бить прутьями, говоря: «если мы отъ него ничего не домучимся, то за муку дадимъ хорошую плату.» Копа запрещала имъ это и пошла прочь (!!). А они, безвинно, били его прутьями, мучили, жгли огнемъ и тамъ же его на смерть замучили. Вижъ, отправленный на мѣсто преступленія, осмотрѣлъ трупъ и потомъ спросилъ людей, бывшихъ на вѣчѣ, какъ было дѣло? Тѣ единогласно показали, что копа не присуждала Степана ни на какую муку, но Турецковичь и Федцевичь своевольно, безъ поличнаго и въ противность праву, поймали Степана, начали его бить и мучить, не смотря на то, что копа имъ запрещала и ихъ къ тому не допускала.—Должно быть эти Турецковичь и Федцевичь имѣли силу Ильи Муромца, что цѣлая копа немогла съ ними сладить! Пріятно было послѣ этого отдавать свое дѣло на судъ подобнымъ копамъ. Приписываютъ ослабленіе копъ усиленію власти помѣщиковъ: но въ 1) власть помѣщиковъ не усилилась бы, еслибъ копы были сильны изначала; во 2) Турецковичь и Федцевичь не были помѣщики. (Статья Проф. Иванишева—О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи, въ Русск. Бесѣдѣ, 1857 г. № III).

Стр. 52, стр. 24. Какъ видно бывали примѣры, что задавались въ холопи и съ деревнями: такъ какой-то Неклюдъ Семеновъ, благословляя деревенькою племянника своего Глѣбова, выговаривалъ, чтобъ онъ эту деревеньку мимо митрополита не продавалъ, не промѣнивалъ и въ холопи съ нею не давался. (Акты относ. до юридич. быта, стр. 450).

Стр. 18[illegible] стр. 25. Касательно нравовъ описываемаго времени замѣчателенъ слѣдующій случай: Тягался Иванъ Васильевичь Шереметевъ съ князьями Токмаковыми да съ княземъ Ноздроватымъ, и сказалъ передъ государемъ: заложилъ у меня князь Ноздроватый свою отчину; и теперь вѣдомость учинилась, что князья Токмаковы на подворьи у себя наряжаютъ съ подписчиками кабалы выкупныя и записи нарядныя, будто у меня ту отчину выкупили; дай мнѣ, государь, пристава, и я у князей Токмаковыхъ на подворьѣ подписчика и письмо подписное выну. Царь далъ пристава, который съ недѣльщиками, понятыми и съ истцемъ, человѣкомъ Шереметева Алексѣемъ, дѣлалъ обыскъ и донесъ слѣдующее: пріѣхали мы на дворъ князей Токмаковыхъ и спросили князя Юрія: гдѣ твой братъ, князь Василій, и нѣтъ ли у васъ посторонняго чело-

вѣка, подписчика и нѣтъ ли подписной кабалы? князь Юрій отвѣчалъ: братъ мой князь Василій въ селѣ, постороннихъ людей подписчиковъ и кабалъ подписныхъ у меня нѣтъ. И мы велѣли истцу, раздѣвшись до нага, искать подписчиковъ и кабалъ; князь Юрій истца самъ обыскивалъ и во рту щупалъ; истецъ пришелъ къ комнатѣ, комната заперта, мы велѣли ее отпереть; истецъ, отворивъ комнату, закричалъ: вотъ подписчикъ и письмо подписное! Мы вошли съ понятыми въ комнату, и вотъ на постелѣ князя Юрія лежитъ человѣкъ, говоритъ, что зовутъ его Власкомъ Ивановымъ, и въ головахъ у него лежитъ письмо, не знаемъ какое, въ ногахъ стоятъ чернила да фляга вина. Тогда царь спросилъ князя Токмакова: «Что у тебя за человѣкъ и что за письмо?» Токмаковъ отвѣчалъ: этого мужика и письмо приставъ и недѣльщики мнѣ подкинули, стакавшись съ истцемъ, и сталъ просить съ ними поля; приставъ, недѣльщики, истецъ и понятые согласились на поле. Царь спросилъ Власка Иванова: «Ты что за человѣкъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Я человѣкъ убогій, кормлюсь перомъ; двора у меня въ Москвѣ нѣтъ, хожу по людямъ добрымъ, гдѣ день, гдѣ ночь; на дворъ князя Токмакова пришелъ я обѣдать къ человѣку Андрея Дятлова, да обѣдая, по грѣхамъ, въ комнатѣ уснулъ, тутъ меня и схватили; а князя Юрія Токмакова я и незнаю.» — Но оказалось, что Власка воръ, подписчикъ извѣстный, и что онъ дѣйствительно написалъ лживую кабалу для Ноздроватаго. (Акты относящ. до юридич. быта, стр. 192).

Стр. 314, стр. 9. Сдачею Корелы замедлили; говорятъ, что Сигизмундъ нарочно не отдавалъ Корелы, чтобъ имѣть предлогъ къ оставленію войска подъ ружьемъ; ему хотѣлось возбудить новую войну съ Москвою, чтобъ занять умы въ Швеціи. Но правитель Карлъ старался о заключеніи мира. Въ сношеніяхъ съ царемъ онъ писался «Свѣйскаго королевства властелемъ и настоятелемъ»; царь отвѣчалъ ему не самъ на томъ основаніи, что властель и настоятель равняется только воеводѣ и намѣстнику Новгородскому или Казанскому:» если онъ Карлъ королемъ учинится, тогда царское величество и будетъ съ нимъ дѣло дѣлать.» Понятно, какъ хотѣлось Московскому правительству, чтобъ Карлъ королемъ учинился. Карлъ жаловался, писалъ, что всѣ государи ведутъ съ нимъ прямо сношенія, ибо Сигизмунду нельзя быть въ одно время и въ Польшѣ и въ Швеціи. (Журналъ Мин. Народ. Просв. 1857 года, Мартъ).

Стр. 414. При царѣ Ѳеодорѣ въ разбойный приказъ данъ боярскій приговоръ: на которыхъ дворянъ, приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ, на ихъ людей, дворниковъ и крестьянъ станутъ въ разбою языки говорить, то обговоренныхъ брать, дворы ихъ и имѣніе печатать, и самихъ съ языками ставить съ очей на очи; доведется до пытки, то на-

передъ пытать людей ихъ, дворниковъ или крестьянъ, и если они съ пытки скажутъ на господъ, то пытать и тѣхъ, и указъ имъ чинить, какъ другимъ ворамъ. Людей и крестьянъ, обвиненныхъ господами, пытать безъ обыску. Кого приведутъ съ поличнымъ и онъ поличнаго не очиститъ, того пытать по поличному. Если же приведенный станетъ бить челомъ, что его этимъ поличнымъ истцы ополичили насильно, то сыскивать всякими сысками накрѣпко тамъ, гдѣ его поймали, и по сыску указъ чинить; также поступать, если скажутъ, что обвиненный не далъ вынуть у себя поличнаго или отнялъ вынутое. Если обвиненный безъ пытки признался въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, то пытать его въ другихъ разбояхъ и воровствахъ. Гдѣ случился разбой, а сторонніе люди, слыша крикъ, на него не пойдутъ, и когда разбитые люди станутъ звать ихъ за разбойниками въ погоню, и они также не пойдутъ, то, по жалобѣ истцевъ, отыскивать окольными людьми, и если окажется, что они точно не помогали отбиваться отъ разбойниковъ и въ погоню за ними не шли, то брать съ нихъ выти. Крестьянъ, которые не отведутъ отъ своего села или деревни разбойничьяго слѣда, пытать. Если объискные люди при обыскѣ укроютъ татя или разбойника, то брать на нихъ выти, а лучшихъ людей, человѣка по два или по три бить кнутомъ. На которыхъ людей языки говорятъ, что они станы держали, подводили и помогали, то брать такихъ людей, имѣніе опечатавши, ставить съ языками съ очей на очи, распрашивать и указъ чинить, какъ разбойникамъ. Если языкъ скажетъ на кого-нибудь, что положилъ у него добычу, и тотъ человѣкъ зналъ, что это пограбленное, то доправить на немъ покражу, въ исцевы иски взять выть, дать на чистую поруку съ записью, а не будетъ поруки, посадить въ тюрьму, пока порука будетъ; если же языки скажутъ, что положили за чисто, т. е. не какъ пограбленное, то съ принявшихъ доправить только поклажу. Точно также поступать и при продажѣ разбойной рухляди. Кто приведетъ въ губу татя или разбойника, а приведенный будетъ оговаривить приведшаго въ какомъ-нибудь воровствѣ, то этому не вѣрить, чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ въ губу приводить. Приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, то бить его кнутомъ и отдать на чистую поруку, или посадить въ тюрьму, пока порука будетъ; а приведутъ татя и доведутъ на него двѣ татьбы, то бить его кнутомъ, отсѣчь руку и покинуть; доведутъ татьбы три, четыре или больше, то казнить смертію. Церковныхъ татей казнить смертью. Въ разбойныхъ дѣлахъ мировыя не дозволяются. (Акты арх. эксп. II, № 225).

КЪ ТОМУ VIII.

Стр. 56, стр. 5. При Годуновѣ данъ въ разбойный приказъ боярскій приговоръ: которые разбойники говорили на себя въ распросѣ и съ пытокъ, и сказали: были на одномъ разбою, а на томъ разбою убійство или пожогъ дворовый или хлѣбный былъ, и тѣхъ казнить смертью. А которые разбойники были на трехъ разбояхъ, а убійства и пожогу хотя и не было, и тѣхъ казнить смертію же; а которые разбойники были на одномъ разбоѣ, а убійства и пожогу на тѣхъ разбояхъ не было, и тѣмъ разбойникамъ сидѣть въ тюрьмѣ до указу. Которые разбойники или тати сидять въ тюрьмѣ года два или три, и на которыхъ людей съ пытокъ въ первомъ году не говорили, а въ другомъ или третьемъ году станутъ говорить: то ихъ рѣчамъ не вѣрить. (Акты арх. эксп. II, № 225).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ:

стр.	строка.	Напечатано:	Должно читать:
88	13	утится	учится
126	23	во времъ	во всемъ
127	10	какъ–то	какой–то
137	5	обѣщался	обѣщается
138	31	Боргезеса	Боргезе
145	15	отаслять	отослать
156	21	имена	клики
162	13	нравъ	правъ
177	16	къ Коломенскомъ	къ Коломенскому
195	26	они	онъ
205	6	перешело	перешло
209	32	отдаетъ	отдастъ
227	24	Мопсъ	Монсъ
„	25	Мопша	Монша
238	23	недовольнымъ своими	недовольными своимъ
245	10	Устыженцы	Устюженцы
252	21	съ ними	съ нами
256	14	шли	сѣли
270	30	не меньшіе	но меньшіе
293	5	въ то время	въ это время
302	26	назать	назадъ

303	8	тылъ	въ тылъ
306	7	вами	вамъ
307	28	н: дѣятельный	не дѣятельный
335	14	не местію	не лестію
340	15	отказать	отписать
343	7	въ островъ	въ Островъ
365	2	Ге упрямьтесь	Не упрямьтесь
,,	4	договорѣ	договоръ
368	18	подъ Смоленскомъ	надъ Смоленскомъ
406	10	къ заутренѣ;	къ заутренѣ
413	26	Москвы	Смоленска
415	33	Кролемъ	Королемъ

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 руб. сер.

